

2011
2.04B.

PDF Compressor Free Version

ИСТОРИЯ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

PDF Compressor Free Version

ИСТОРИЯ
ТАДЖИКСКОГО
НАРОДА

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. А.ДОНИША

ИСТОРИЯ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

ТОМ I

ДРЕВНЕЙШАЯ И ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

Под редакцией академика АН Республики Таджикистан
Б.А.ЛИТВИНСКОГО

и члена-корреспондента АН Республики Таджикистан
В.А.РАНОВА

Душанбе – 1998

PDF Compressor Free Version

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Р. А. Абулхаев, Е. А. Давидович, Л. Н. Додхудоева,
Б. А. Литвинский, Р. М. Масов, А. М. Мухтаров, Н. Н. Негматов,
И. В. Пьянков (ответ. секретарь), В. А. Ранов*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

академик АН Республики Таджикистан Р. М. Масов

По просьбе Министерства культуры Республики Таджикистан настоящая книга издана в Исламской Республике Иран под руководством доктора наук Алиасгара Шердуст.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новое, значительно переработанное и расширенное издание первого тома "Истории таджикского народа" было завершено через три десятилетия после публикации первого издания. Политическая ситуация за это время коренным образом переменялась. Советский Союз распался. Таджикистан стал суверенным государством. Столь же коренные изменения произошли и в исторической науке. В новом издании изложение строится на чисто фактологической основе без оглядки на какую-либо идеологию. За прошедшие годы изменились не только отдельные исторические концепции, как, например, представление о существовании на территории Средней Азии рабовладельческого строя, но дискутируется сама справедливость существования однозначных исторических формаций в разных странах, как и их обязательное место в истории всех стран. Огромный новый фактический материал, особенно археологический, наполнил новым содержанием уже устоявшиеся научные положения, подтвердив, или, наоборот, поставив под сомнение, казалось бы, окончательные заключения. От первых могильников эпохи бронзы, открытых в Таджикистане в 50-х годах, к развернутой исторической концепции заселения Южного Таджикистана пришельцами с запада – такова ретроспектива исследования этой эпохи. И таких примеров можно привести очень много.

Раскованное творчество авторов, свободное от каких-либо догм, и определяет новизну представленного на суд читателя переиздания "Истории таджикского народа".

Этот новый подход потребовал коренного обновления концепции древней истории таджикского народа, что и было сделано в последней, заключительной главе. Встал и важный вопрос о верхней хронологической границе древней истории таджикского народа. Из чисто практических соображений мы вынуждены были повторить структуру первого издания, где изложение событий доведено до V в. н.э. Однако, на наш взгляд, было бы значительно правильнее довести изложение до VII-VIII вв. н.э., т.е. до арабского завоевания и распространения в Средней Азии ислама. Дело в том, что V век принят в качестве исторической вехи совершенно условно, исходя из неподкрепленных фактами представлений, что до этого якобы существовал рабовладельческий строй, а после этого – феодальный. При этом абсолютно игнорировался цивилизационный принцип: арабское завоевание и распространение ислама в VII-VIII вв. обозначили переход к совершенно новой, несмотря на множество связей с предшествующей, цивилизации, где новыми стали религия, мировоззрение и культура народа, который вошел в состав Арабского халифата, что повлекло за собой глубокие изменения в экономическом состоянии страны. Однако было решено пока сохранить традиционные хронологические рамки, отступления от которых имеются лишь в одиннадцатой главе, которая доведена до арабского завоевания.

PDF Compressor Free Version

В настоящем томе показаны исторические судьбы тех среднеазиатских племен и народов, которые, трансформируясь, в конечном счете вошли в состав таджикского народа. Поэтому территориальное изложение охватывает области всего Среднеазиатского междуречья, частично Южный Туркменистан и Северный Узбекистан, а иногда Северный Кыргызстан и Южный Казахстан. Это был регион преимущественного расселения древних иранцев, заселявших также Афганистан и Иран, история которых теснейшим образом связана с историей среднеазиатских иранцев. При этом авторы исходили из фундаментального положения, что древнейшая и древняя история и культура Средней Азии являются общим историко-культурным достоянием всех современных народов Средней Азии. (В настоящее время чаще употребляется термин "Центральная Азия". Но он имеет более политический, чем географический смысл, поскольку охватывает значительно большую территорию, чем территория среднеазиатских республик бывшего Советского Союза. Поэтому мы считаем целесообразным употреблять в настоящем томе старое, хорошо очерченное географическое понятие "Средняя Азия".) Можно привести такой пример: Маргиана (совр. Марыйская область Туркмении) на протяжении многих столетий входила в состав Бактрии, южные области которой распространялись, в частности, в Южном Узбекистане и Таджикистане, и поэтому прошлое Маргианы должно излагаться не только в истории Туркмении, но и в историях Таджикистана и Узбекистана. Что же касается древнейшей и древней истории Таджикистана и Узбекистана, то они в значительной степени вообще совпадают. История Согды, Бактрии и древней Ферганы является неотъемлемой частью истории народов этих братских стран.

Вместе с тем исторические события, происходившие именно на территории современного Таджикистана и прилегающих областей, авторский коллектив освещает более подробно, чем, скажем, историю Хорезма или Южного Туркменистана.

Древнейшая и древняя история Средней Азии неразрывно связана с историей соседних стран, и прежде всего Афганистана и Ирана, а также Восточного Туркестана (Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР). Тесные связи прослеживаются с Индостаном, особенно Северным, а на севере — с Казахстаном, Сибирью, Приуральем и Поволжьем. Политические, торговые и культурные связи Средней Азии не только со странами Востока, но и со странами Средиземноморья также были немаловажным фактором в ее истории.

Со времени появления первого издания "Истории таджикского народа" фонд письменных источников остался в основной своей части прежним. Были открыты и изданы лишь документы, обнаруженные при археологических раскопках, причем некоторые из них (бактрийские, хорезмские и др.) имеют исключительную ценность. На принципиально новый уровень поднялась источниковедческая разработка письменных источников, что позволяет использовать их сообщения более уверенно и более глубоко. То же самое следует сказать о таких важных науках, как иранистика, нумизматика, палеоантропология.

Исключительно большой прогресс был достигнут в области археологии. На территории Таджикистана в последние десятилетия работали крупные постоянно действующие экспедиции: Южно-Таджикистанская (начальник Б.А.Литвинской), Северо-Таджикистанская (начальник Н.Н.Негматов), Пенджикентская (начальник А.М.Беленицкий, затем — Б.И.Маршак). Большие работы осуществлял Отдел археологии Института истории, археологии и

этнографии им. А. Довнипа (им заведовали Б.А. Литвинский, затем В.А. Раиов, сейчас Ю.Я. Якубов), в работах участвовал также Таджикский государственный университет, Министерство культуры, музей республики, а также научные сотрудники Института востоковедения и Института истории материальной культуры АН СССР, а затем Российской Академии наук, Государственного Эрмитажа, ученые из Франции и США. Экспедиции добыли огромный новый материал, освещающий все стороны жизни на территории Таджикистана в древнейшие времена и в древности. Часть этого материала была обработана и введена в научный оборот. Аналогичная работа проводилась на территории соседних среднеазиатских государств и Афганистана. Были изданы многочисленные публикации раскопок и исследований, они и составляют в значительной степени основные материалы, на которых строится современное осмысление древнейшей и древней истории Таджикистана.

Большую известность получила регулярно издаваемая серия ежегодных отчетов о раскопках, проводимых на территории республики под общим названием "Археологические работы в Таджикистане". В настоящее время издано уже 25 томов, содержащих богатый и разносторонний археологический материал.

В целом письменные источники, даже в своей совокупности, дают чрезвычайно неполную, мозаичную картину. Привлечение всех других данных позволяет осветить прошлое значительно полнее и глубже. Однако даже при максимальном привлечении всех вышеперечисленных материалов, история ряда периодов во многом остается недостаточно разработанной. Другая особенность периода истории, рассмотренного в настоящей книге, – отсутствие единого решения по тем или иным вопросам. По весьма важным проблемам возможны разнообразные и даже полярно противоположные мнения и выводы. Многие существенные моменты исторического процесса до сих пор еще не получили детального освещения и монографической разработки.

В тексте и примечаниях приводятся существующие в науке гипотезы, дискуссионные точки зрения, ссылки на источники и на соответствующую литературу. В этой работе использованы все достижения мировой исторической науки в области древней истории Средней Азии. Конкретное освещение тех или иных проблем отражает точку зрения авторов, причем несогласие с ней ответственных редакторов, за отдельными исключениями, особо не оговаривается.

Первый том "Истории таджикского народа" создан коллективом. Отдельные части книги написаны следующими авторами: "Предисловие" написано Б.А. Литвинским; глава I – "Источники и литература" – И.В. Пьянковым; глава II – "Каменный век" – В.А. Раиовым; глава III – "Энеолит и бронзовый век" – Л.Т. Пьянковой (основная часть) при участии М.А. Бубиной ("Открытие плавки меди", "Открытие бронзовых сплавов", "Памятники эпохи бронзы на Памире"), А.И. Исакова ("Пенджикентский оазис"), Е.В. Антоновой ("Общественная организация и мировосприятие"); глава IV – "Ранний железный век. Авеста. Древнейшие государственные образования" – Л.Т. Пьянковой ("Памятники материальной культуры"), В.А. Лившицем ("Общество Авесты"), С.Н. Соколовым ("Духовная культура", "Религия", "Религиозная система зороастризма", с добавлениями И.В. Пьянкова, помещенными инициалами "И.П."), И.В. Пьянковым ("Древнейшие государственные образования"); глава V – "Средняя Азия в Ахеменидскую эпоху" – Б.Я. Ставским, ("Городище Байтудант-IV" – А.Л. Абдуллаевым); глава VI –

"Борьба народов Средней Азии против греко-македонского завоевания" – Б.А.Литвинским; глава VII – "Средняя Азия в селевкидское время" – Б.А.Литвинским; глава VIII – "Греко-Бактрия. Парфия" – Е.В.Зеймалем ("Политическая история". "Социальные отношения") и И.Р.Пичкиным ("Экономика и культура Бактрии эллинистического периода"), ("Душанбинский восток", И.Абдуллаевым); глава IX – "Средняя Азия в кушанский период" – Б.Я.Ставицким (основная часть) при участии Н.Г.Горбуновой ("Культура оседлого населения Ферганы и Уструшаны" и "Культура скотоводов в Среднеазиатском междуречье"); глава X – "Средняя Азия в IV-V вв. н.э." – В.С.Соловьевым; глава XI – "Письменные памятники на иранских языках народов Средней Азии (до VIII в. н.э.)" – А.Л.Хромовым с добавлениями И.В.Пьяникова; глава XII – "Палеоантропология древнейшей и древней Средней Азии" – Т.П.Кияткиной; глава XIII – "Социально-экономические отношения и структуры" – Б.А.Литвинским.

При составлении данного тома авторы использовали источники и литературу, опубликованную в разное время, в основном не позднее 1991 г. Подготовку тома к печати под общим руководством В.А.Ранова, осуществила группа сотрудников отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша в составе А.П.Дружининой, Н.Д.Ходжаевой, Г.К.Каримовой. Перепечатку тома осуществили Л.Г.Вишневская и В.А.Ранов. Редактирование текста Л.С.Ефимовой, В.Д.Привозновой и В.А.Ранова. Компьютерный набор и верстка Р.Шерали.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Обзор источников по древней истории Средней Азии мы осуществили в тех территориальных и хронологических рамках, которые подсказаны составом и содержанием самих источников. В центре внимания будут Бактрия-Тохаристан и Согд. Но будут учтены и данные, касающиеся других областей, тесно связанных между собой в древности: Хорезма, Парфии, Давана (Фергана), Гиркании, Ареи, Дрангиана-Сакастана, Арахосии, Паропамиса, а также кочевых народов, исторические судьбы которых связаны с судьбами населения перечисленных областей, а именно – скифских народов (массагеты, саки, тохары и другие), "гунских" (хиониты, юндариты, эфталиты и другие) и, наконец, древних тюрков. Хронологические рамки – от древнейших времен до V в. н.э., иногда – до арабского завоевания и распространения мусульманства.

Источники по истории Средней Азии можно разделить на две основные группы: словесные и вещественные. Что касается древней истории Средней Азии, то относящиеся к ней словесные источники могут быть, конечно, только письменными. А письменные источники по своему характеру, как известно, разделяются на повествовательные и документальные. Для древней истории Средней Азии имеют ценность и те, и другие. Существует уже немало работ, посвященных собиранию и изучению источников по древней истории Средней Азии: это и общие источниковедческие обзоры¹; и хрестоматии с подборкой текстов из источников²; и специальные источниковедческие сборники и публикации отдельных источников, образующие тематические серии³.

Памятники, написанные на древних местных языках

Наибольшую ценность как источник для древней истории Средней Азии имеют, конечно, памятники, написанные на древних местных языках. Но их пока еще сравнительно немного, да и содержание, относящееся к самой Средней Азии, имеет по преимуществу документальный характер. Поэтому эта группа источников, при всей их ценности, дает лишь очень фрагментарную картину. Большинство памятников на местных языках – согдийском, хорезмийском, парфянском – выполнено арамейской письменностью. Арамейский язык и письмо были введены в Средней Азии еще канцелярскими ахеменидских сатрапов. С течением времени составленные по-арамейски тексты все чаще и чаще стали читать, а затем и писать (арамейскими же буквами и идеограммами), подставляя вместо арамейских слова из местных языков; хотя некоторое количество слов всегда продолжали писать по-арамейски. К тому же, тексты, написанные на упомянутых древних языках, нередко сохранились во фрагментированном состоянии. Аналогичные процессы, видимо, имели место в Дрангиане и Арахосии, а также в Бактрии. Но в Бактрии-Тохаристане, где обитало много греков и греческое культурное влияние было особенно сильным, развитие вскоре пошло по другому пути.

Еще при первых Кушанах местный язык (тохарский²⁴, хотя его чаще называют бактрийским) был переведен на греческую графику, которая употреблялась в Тохаристане вплоть до арабского завоевания; а может быть, и некоторое время после него. Соответствующие тексты тоже дошли до нас. Кроме всего этого PDF Compressor Free Version Ирану уже довольно много надписей, выполненных неизвестным письмом, употреблявшимся в Средней Азии, по крайней мере, с V до VII в. н.э. Относительно происхождения и языка письменности были высказаны разные мнения. Наиболее вероятным нам кажется бактрийское ее происхождение, а употреблялась она, скорее всего, для языков местного древнеземледельческого населения Средней Азии и Восточного Ирана²⁵.

Авеста

К числу местных среднеазиатских памятников можно отнести, с известными ограничениями, и священную книгу зороастрийцев Авесту вместе с основанной на ней более поздней зороастрийской литературой. Но подходить к этому памятнику нужно с большой осторожностью: Авеста – произведение многослойное, и только древнейший, первоначальный его слой был создан на территории Средней Азии и Восточного Ирана. А выделить этот слой можно лишь после сложной критической работы. Нужно также учитывать, что текст самой Авесты в том виде, в каком он известен сейчас, это небольшая часть текста Большой Авесты, существовавшей в сасанидские времена²⁶.

Авеста чрезвычайно важна, между прочим, еще и потому, что сохранила древнейший мифологический и исторический эпос земледельческих народов Средней Азии и Восточного Ирана. Полностью он был изложен в книгах Большой Авесты, но и сохранившаяся Авеста содержит много фрагментов из него. Освященный авторитетом зороастризма, он распространился вместе с этой религией и со временем приобрел общеиранское значение. В сасанидские времена этот эпос составил древнейшую часть “Худайнаме”, позднее, уже в мусульманские времена, не раз излагавшуюся историками и поэтами. Наиболее полную обработку “Худайнаме”, дошедшую до нашего времени, представляет собой “Шахнаме” великого Фирдоуси. Упомянутый эпос составляет в ней (конечно, с позднейшими изменениями и добавлениями) циклы сказаний о древнейших временах вплоть до первых Кеяндов (до Гуптасга включительно²⁷).

Греческие и латинские источники

При таком положении с местными письменными памятниками важное значение приобретают греческие и латинские источники. Особое их место среди других источников обусловлено тем обстоятельством, что только они дают общую картину исторической жизни народов Средней Азии в период, по меньшей мере, с VI в. до н.э. и до арабского завоевания. Разумеется, весь этот длительный отрезок времени освещен греческими и латинскими источниками неравномерно, сведения их часто неточны. Тем не менее до сих пор именно они составляют основную схему, каркас наших знаний о далеком прошлом Средней Азии. Другие источники могут давать значительно более богатый и более точный материал, но он лишь дополняет отдельные хронологические части указанной схемы.

Для общего знакомства с греческими и латинскими источниками полезны труды по истории античной литературы в целом²⁸, по истории древнегреческой²⁹ и римской³⁰ литературы, а также по истории византийской³¹ и поздней латинской³² литературы, даже выходящей за намеченные нами хронологические рам-

ки, – так как позднее авторы часто использовали более ранние сочинения, не все из которых дошли до нас. Тексты греческих и латинских источников издаются и отдельно, и в сериях, которые иногда насчитывают сотни томов, объединены в многотомные издания¹³. Очень полезны многотомные специальные энциклопедии¹⁴, образующие в своей совокупности как бы огромный комментарий ко всем греческим и латинским источникам. Наконец, нельзя обойтись без библиографических пособий, которые содержат сведения о литературе, имеющей отношение к греческим и латинским источникам¹⁵.

Специально следует отметить тематические обзоры и своды греческих и латинских источников. Они могут быть посвящены отдельным странам и народам¹⁶ или отдельным группам источников о Средней Азии в целом¹⁷. Нельзя не учитывать также обзоры и своды, посвященные соседним со Средней Азией регионам: Индии¹⁸ – с одной стороны, северо-востоку Евразии¹⁹ – с другой, странам скифов²⁰, древних тюрков²¹ и т.д.

Рассмотрение отдельных авторов и их сочинений²² удобно вести, сгруппировав их по жанрам: историки, географы и т.п. При этом сложного вопроса о жанрах античной литературы самого по себе мы не касаемся, и отнесение автора к тому или иному жанру может быть условным, продиктованным целесообразностью построения этого источниковедческого обзора.

Сведения греческих и латинских историков о древней Средней Азии образуют почти непрерывную цепочку от эпохи классической Греции до византийских времен. Сочинения всех этих историков служат в то же время звеньями в эволюции исторической науки того времени; и данные их необходимо рассматривать в контексте развития всей античной и более поздней историографии²³. Далеко не все сочинения греческих и латинских историков, рассказывавших о Средней Азии, дошли до нас, и потому большое значение имеют собрания фрагментов утерянных сочинений, в какой-то мере позволяющие восстановить их содержание²⁴. Истории Азии, или Востока античная историография всегда уделяла особое внимание; была выработана схема истории Азии, в которой три царства – Ассирийское, Мидийское и Персидское, последовательно сменяли друг друга, и последнее из них, Персидское, противостояло эллинскому миру. Затем эта схема была дополнена: в ней появились мировая держава Александра Македонского и государства его преемников; Римская и Парфянская державы, поделившие между собой мир; завершилось все это противостоянием Византийской империи и Персидского царства Сасанидов²⁵. Такая схема и составляет сюжетную основу дошедших до нас сведений греческих и латинских источников о древней Средней Азии.

Самыми ранними из греческих историков, донесшими до нас сведения о Средней Азии, были историки классической Греции. Сведения эти они дают, главным образом, в связи с описанием взаимоотношений греков с персидским царством Ахеменидов.

Одним из таких историков был знаменитый Геродот (V в. до н.э.), заслуженно прославившийся как отец истории²⁶. Родом из города Галикарнасса (в Малой Азии), он много путешествовал. Совершил путешествие и в глубь Персидского царства, посетил Вавилон (примерно в 448-447 гг. до н.э.), но вряд ли прошел далеко к востоку от него; однако до Геродота доходили слухи о современной ему Бактрии. Сочинение его "История" в основном, видимо, было закончено в 445-444 г. до н.э. Работа над ним продолжалась еще и после 430 г. до н.э. Главная его тема – греко-персидские войны²⁷. В нем упомянуты все современные Геродоту среднеазиатские народы из круга, очерченного в начале на-

шего обзора; но нигде они не служат специальным предметом описания, а называются лишь попутно, в связи с основной для Геродота темой. Например, в перечне сатрапий, учрежденных Дарием (в книге III), в перечне военных отрядов Ксеркса (в книге VII). Исключения составляют лишь известный рассказ о реке Аксарт (книга III) и рассказ о массагетах (в книге I). Источником для Геродота служили главным образом устные сведения, но пользовался он также документами и сочинениями своих предшественников.

Другим историком этой эпохи, которого нужно упомянуть в нашем обзоре, был Ксенофонт (V-IV вв. до н.э.)²⁸. Афинянин по происхождению, он большую часть жизни провел во владениях Спарты и вместе со спартамцами принял участие в походе персидского царевича Кира, дойдя до Вавилонии (401 г. до н.э.). Написал много сочинений, из которых следует отметить два: "Анабасис Кира" (написано между 387-371 гг. до н.э.) и "Киропедия" (написано между 371-355 гг. до н.э.)²⁹. В первом из них он описывает события похода, в котором принимал участие. Из числа среднеазиатских народов автор упоминает лишь гирканцев. Все повествование построено как строго документальный рассказ очевидцев. Совсем другой характер имеет второе сочинение. В нем рассказывается о Кире Старшем, основателе Персидской державы, но по сути оно является историко-политическим романом, в котором выведен идеал вождя, каким представлял его себе Ксенофонт. Здесь довольно много говорится о гирканах и саках, несколько раз упоминаются бактрийцы. Предполагать существование какой-то самостоятельной исторической традиции, использованной здесь Ксенофонтом, конечно, нет никаких оснований, — это, в общем,вольная импровизация автора; но реальной базой для нее могли послужить наблюдения не только за спартанским общественным строем, но и за восточными обычаями, с которыми он также был хорошо знаком. Вполне вероятно и использование им исторических преданий и, безусловно, — сочинений его предшественников, данные которых он преподносит, однако, в весьма произвольной комбинации.

К этой эпохе принадлежит группа историков, сочинения которых назывались "Персика". Они обычно специально посвящались истории "трех царств" Азии. Авторы таких сочинений известно много, но в связи с нашими задачами можно упомянуть лишь двух: Гелланика и Ктесия. Ни одно их сочинение не дошло до нас в первоначальном виде.

Гелланик (V в. до н.э.; видимо, младший современник Геродота) родом из города Митилены (на Лесбосе). Он был известен больше как "многопешущий", чем "многопутешествующий" автор. В сохранившихся фрагментах его сочинения "Персика" (написано, вероятно, в конце V в. до н.э.) есть интересные сведения, но прямых упоминаний о среднеазиатских народах не имеется. В ряде случаев Гелланик, очевидно, развивал в этом сочинении темы, намеченные Геродотом. Из многих других его произведений можно отметить еще труд "Скифика"³⁰. В нем приводились оригинальные сведения о саках из неизвестных нам источников.

Ктесий (V-IV вв. до н.э.) происходил из города Книд (в Малой Азии). Несколько лет он провел в Персии в качестве придворного врача, был близок к царской семье. Вместе с двором жил в царских столицах — Сузах и, может быть, Экбатанах, но восточнее едва ли бывал, хотя знал о дороге, ведущей в Бактрию³¹. В его сочинении "Персика" (написано в начале IV в. до н.э., после возвращения на родину) содержится довольно много сообщений о бактрийцах и соседних с ними народах. Это частично объясняется тем, что Ктесий,

стремясь показать свое превосходство в знании Востока над Геродотом и Геллаником, вставлял в описание известных еще этим его предшественникам эпизодов упоминания о далеких и экзотических восточных народах; такие упоминания иногда представляют большой интерес. Заявления Ктесия о том, что он пользовался царскими летописями, конечно, не имеют под собой никакой почвы. Он был знаком со слухами и преданиями, распространенными в царском окружении, использовал рассказы приезжих людей, в том числе и бактрийцев. Но в целом, содержание исторического сочинения Ктесия, которое скорее представляет собой исторический роман, – его собственная фантазия. В другом его сочинении "Индика", основанном на слухах о чудесах Индии, тоже содержится упоминание о Бактрии³².

К этим авторам примыкает Берос (IV-III вв. до н.э.) – вавилонянин, писавший по-гречески при Антиохе I. Сочинение его, посвященное истории Вавилонии, называлось "Вавилоника" (известно также лишь во фрагментах) и основывалось на местной исторической традиции и преданиях. В нем содержится ряд важных для истории Средней Азии сообщений, в том числе и прямое упоминание о Бактрах в связи с религиозными деяниями одного из персидских царей³³.

Следующая эпоха в истории античного мира дала другую группу историков, сообщавших о Средней Азии. Это историки Александра Македонского. Сведения их представляют особую ценность, так как это свидетельства очевидцев, непосредственных участников похода Александра, побывавших и в Средней Азии.

Однако сохранившиеся сочинения, специально посвященные Александру Македонскому, написаны не современниками его, а писателями, жившими много позже. Таковы Флавий Арриан (II в. н.э.), уроженец города Никомедии (в Малой Азии), автор "Анабасиса Александра" (написано около 165-168 гг. н.э.)³⁴; и Квинт Курций Руф (I в. н.э.), автор "Деяний Александра Великого" (написано между 36-65 гг. н.э. на латинском языке)³⁵. Оба сочинения содержат чрезвычайно интересный и важный для истории Средней Азии материал: описание похода Александра по Парфии и Гиркании, Арею, Дрангиане и Арахосии, через Паропамис (Гиндукуш) и особенно подробно действия Александра в Бактриане и Согдиане (в книгах III-IV у Арриана и в книгах VII-VIII у Курция). Кроме того, ряд важных замечаний о бактрийцах и других среднеазиатских народах рассеян и в других местах их повествований. Но в деталях описания у этих двух авторов часто наблюдаются расхождения. Обычно, – исходя из того, что Арриан вообще более достоверный историк, чем Курций, и не вникая в суть проблемы, – предпочитают сообщения Арриана и просто отбрасывают противоречащую ему версию Курция. Однако такое механическое решение нельзя признать полезным. Необходимо в каждом отдельном случае установить, почему сообщения этих авторов противоречат одно другому (или кажутся противоречащими), и к каким источникам они восходят. Дело в том, что Арриан и Курций опираются на разные исторические традиции. Здесь мы подходим к вопросу об историках Александра первого поколения.

Ни одно из сочинений историков Александра, бывших его современниками, не сохранилось³⁶. Самым первым историком Александра был Каллисфен (IV в. до н.э.) родом из Олинфа, племянник Аристотеля³⁷. Он был официальным историографом македонского царя, сопровождал его в походах, а сочинение Каллисфена, видимо, частями, по мере написания, отсылалось в Грецию. В Бактрии, в 327 г. до н.э., он был заключен под стражу по приказу

Александра и вскоре погиб. До каких событий было доведено изложение в сочинении Каллисфена, – спорный вопрос; не исключено, как нам кажется, что в нем говорилось о начале военных действий в Бактриане и Согдиане. Сочинение Каллисфена пользовалось популярностью, и впоследствии под его именем ходил так называемый “Роман об Александре” – сказочный вариант рассказа о походе Александра³⁹. Первоначальный его текст был составлен каким-то александрийцем (в Египте) из народа (во II-I вв. до н.э.); но затем он многократно подвергался переработкам, был переведен на латинский язык Юлием Валерием (в начале IV в. н.э.), затем на армянский и сирийский языки и, наконец, разошелся по всему свету и был весьма популярен, в частности, и на мусульманском Востоке⁴⁰. Происхождение романа – вопрос очень сложный и спорный. Но вполне возможно, что историческая его часть, действительно, восходит к сочинению Каллисфена; а потому и те немногие сведения, относящиеся к Средней Азии, которые в нем содержатся, имеют значение (хотя использовать их, разумеется, нужно с большой осторожностью).

Среди спутников Александра, кроме Каллисфена, было и много других, которые писали впоследствии о походе, а в числе прочего и он том, что относится к Средней Азии. Среди них упомянуты прежде всего Поликлит из Лариссы и Онесикрит из Астипален⁴¹. Рассказывая о походе, они обращали внимание и на страны, через которые проходили, и на обычаи местного населения. Поликлит, например, писал о Каспийском море и реке Танаис (Сырдарье); Онесикрит описывал Гирканию и говорил об обычаях бактрийцев и согдийцев. Создали свои мемуары и бематисты – люди, специальной задачей которых было описывать и измерять путь Александра; наряду с прочим, сообщали они и о дорогах Средней Азии.

Позже Поликлита и Онесикрита писали Клитарх, Птолемей и Аристобул. Это три главных историка, которые заложили основу для последующей традиции повествования об Александре. Относительно последовательности издания их сочинений ученые много спорили, но наиболее убедительной остается та последовательность, в какой приведены здесь их имена. Клитарх, видимо, ритор из Александрии (в Египте), писал (около 310 г. до н.э.) в красочной, увлекательной манере, заимствуя сведения, главным образом, у Каллисфена, а также у Поликлита, Онесикрита и других; и может быть – узнавая какие-то подробности у ветеранов, живущих в Александрии⁴². Птолемей и Аристобул оба участвовали в походах Александра, побывали и в Средней Азии. Птолемей, сын Лага, один из ближайших соратников Александра, писал (между 290-283 гг. до н.э.), уже будучи царем Египта, преимущественно о военных действиях и основывался на собственных воспоминаниях; а возможно и записях⁴³. Аристобул писал (между 290-275 гг. до н.э.) в Кассандрее, уделяя много внимания природе стран и занятиям населения; главным образом копировал рассказ Клитарха с данными Птолемея, но во многих случаях приводил и собственные наблюдения⁴⁴. Все три автора дали много ценнейших сведений о Средней Азии. Сочинения Клитарха, основателя “романтической” традиции об Александре, или “вульгаты”⁴⁵, лежит в основе повествования Курция, хотя у последнего с ней сочетается традиция Птолемея. Сочинения Птолемея и Аристобула использованы Аррианом.

Много ценных сведений о Средней Азии дают историки эллинистического мира. Система эллинистических государств охватывала, как известно, и Среднюю Азию⁴⁶.

Для целей нашего обзора следует упомянуть трех крупных историков

этой группы. Вот они: Полибий из Мегалополя (II в. до н.э.)⁴⁶; Посидоний из Апамен в Сирии (II-I вв. до н.э.)⁴⁷; Аппиан из Александрии в Египте (II в. н.э.)⁴⁸. Все они писали исторические труды, состоявшие из многих книг. Сочинения Полибия (между 146 и 123 гг. до н.э.) и Аппиана (около 160 г. н.э.), частично сохранились. Сочинение Посидония (после 85 г. до н.э.) известно только во фрагментах. Все эти сочинения посвящены собственно истории Римского государства, причем повествование Полибия непосредственно продолжено работой Посидония. Но поскольку их сведения о Средней Азии содержатся в тех частях сочинений, которые касаются истории эллинистического мира, названных авторов в нашем обзоре целесообразнее отнести к историкам эллинизма. У Полибия наиболее ценны для истории Средней Азии сообщения о Бактрии и других восточных землях в связи с рассказами о походе Антиоха Великого (книги X-XI)⁴⁹. Посидоний обильно вставлял в свое сочинение экскурсы географического и этнографического характера, многие сообщения более поздних авторов об обычаях народов Средней Азии восходят к Посидонию или прошли через его посредничество⁵⁰. У Аппиана некоторые интересные данные о Средней Азии содержатся в книге, повествующей об отношениях римлян с Селевкидами (книга XI)⁵¹. Полибий и Посидоний черпали материал из каких-то оригинальных, иногда современных им и не всегда известных нам источников; Аппиан в интересующей нас части его сочинения пользовался обработкой данных Полибия.

Одновременно создавались сочинения, посвященные специально истории периода Александра Македонского, так и называвшиеся "О делах после Александра" (известны лишь во фрагментах). Одно из таких сочинений написал Аппиан (II в. н.э.)⁵², другое, вслед за ним, — Дексипп Афинский (III в. н.э.). И в них содержались интересные сведения, касающиеся Средней Азии; например, описание раздела завоеванных стран между полководцами Александра. Сведения Аппиана восходят, видимо, к Гieronиму Кардийскому, современнику и свидетелю междоусобных войн преемников Александра.

Хронологическим продолжением сочинений такого рода были "Парфики" — сочинения, в которых рассказывалось о возникновении и истории Парфянского царства. Трудов под таким названием бывало в древности немало; мы остановимся на двух из них, авторами которых были Аполлодор и Арриан (II-I вв. до н.э.). Аполлодор происходил из города Артемиды, расположенного к востоку от Тигра на большом торговом пути, ведемом в Бактрию и еще дальше в глубины Азии. Аполлодор и сам совершал путешествия по этой дороге далеко на восток. Главной темой его сочинения была история Парфянского царства, но он давал и исключительно ценные сведения о землях, лежавших к востоку от него, особенно о государственных образованиях эллинистического "дальнего востока"; связная история Греко-Бактрийского царства известна фактически только благодаря его сведениям. К сожалению, сочинение это дошло до нас лишь в немногих фрагментах. Но к нему восходит большинство известий об этих далеких землях, сообщенных более поздними авторами⁵³. Аналогичное сочинение Аппиана, тоже сохранившееся лишь во фрагментах, написано намного позже (II в. н.э.). Для Средней Азии имеют значение его сведения о ранней истории Парфянского царства. Но Аппиан опирался на гораздо более туманную и скверную традицию, чем Аполлодор⁵⁴.

В эллинистическую эпоху продолжали создаваться и такие сочинения, авторы которых были действительными участниками описываемых ими событий. По-видимому, они сочетали элементы мемуаров с описанием и историей упо-

минаемых в них стран. Таково было сочинение Мегасфена, который ходил послом Селевка к индийскому царю Чандрагупту (с 303-302 гг. до н.э.), а перед этим бывал и у сатрапа Арахосии. В своем сочинении (сохранившемся лишь PDF-версия только об Индии, но и о Бактрии, саках и других соседних странах и народах⁵⁵). Создавали свои сочинения также Демодам и Патрокл. Оба они творили в период правления Селевка I и Антиоха I в 80-х годах III в. до н.э. Демодам перешел реку Яксарт (Сырдарью) и углубился в степи; он писал о географии Средней Азии и среднеазиатских скифах (сочинение не сохранилось)⁵⁶. Патрокл совершил плавание по Каспийскому морю и впоследствии описал и это море, и прилегающие к нему земли, и идущую к нему из Индии через Бактрию дорогу (от сочинения остались лишь небольшие фрагменты)⁵⁷.

Сведения о Средней Азии содержатся в сочинениях и тех историков Римского государства, которые писали уже после крушения политического образования эллинистического мира. Это сочинения Тацита и Аммиана. Они состояли из многих книг, но дошли до нас лишь частично. Написаны сочинения на латинском языке. Публий Корнелий Тацит (I-II вв. н.э.) жил по преимуществу в Риме⁵⁸. Его большое историческое сочинение из двух частей – “Анналы” и “История” (заключено в начале II в. н.э.), рассказывало о современных автору событиях и недавнем прошлом (I в. н.э.). О Средней Азии Тацит упоминает в связи с описанием дел в Парфии, которая была основным противником Рима на востоке: говорит преимущественно о гирканцах и дахах, но называет и Бактрию⁵⁹. Некоторым дополнением к данным Тацита могут служить сведения Флавия Иосифа (I в. н.э.), иудея из Иерусалима. Хотя в своих сочинениях “Об иудейской войне” и “Иудейские древности” (93 г. н.э.) он касался римской истории, главным образом, в связи с историей Иудеи, но не мог избежать и упоминаний об одновременных событиях в Парфии, в которых участвовали гирканцы, саки и даи (дахи)⁶⁰. Аммиан Марцеллин (IV в. н.э.) происходил из Антиохии в Сирии, много путешествовал, жил в Риме; участвовал в походе императора Юлиана против персов (363 г. н.э.)⁶¹. Его историческое сочинение “Деяния”, задуманное как продолжение “Истории” Тацита, доведено до 378 г. н.э. (завершено в конце IV в. н.э.). О Средней Азии Аммиан тоже говорит преимущественно по поводу событий на восточных границах персидских владений. У него фигурируют уже новые имена: кушены (видимо, так следует читать рукописное “эвсены”), хиониты, сегестанцы – вместо бактрийцев, саков, драугианцов; о хионитах он может даже рассказать как очевидец. От этих оригинальных сведений Аммиана следует отличать книжные заимствования; например, географическое описание Персидского царства (в книге XXIII), где вновь появляются упомянутые традиционные названия⁶². Аммиана иногда называют первым византийским историком. Наконец, здесь необходимо отметить еще сборник (составлен не позже 330 г. н.э.) биографий римских императоров, написанных разными авторами (между 284 и 324 гг. н.э.). Он известен под названием “История Августов”⁶³. Императоры, о которых в нем идет речь, правили во II-III вв. н.э. Для нас это сочинение важно тем, что в нем говорится о сношениях с Римом в указанное время того народа, который назван бактрийцами⁶⁴.

Сведения о Средней Азии доходили и до историков Византии. Их данные свидетельствуют о существенно изменившихся в это время исторических условиях в Средней Азии⁶⁵.

Одним из первых собственно византийских историков был Приск (V в.

н.э.) родом из города Паний (во Фракии). Важный факт его биографии – то, что он состоял в византийском посольстве к правителю гунов Аттиле (448 г. н.э.); правда, гуны тогда обитали уже в Европе. Написанная им "Византийская история", состоявшая из нескольких книг (сохранилась лишь во фрагментах), рассказала о событиях V в. н.э.⁶⁶. Знаменитый историк Прокопий (VI в. н.э.) из Кесарии (в Палестине) участвовал сам во многих походах византийцев, в том числе и в походах против персов (в 527-631; 540-541 гг. н.э.). Все эти походы он и описал в "Истории войн Юстиниана" (завершена в 553-554 гг. н.э.). Сведения о Средней Азии содержатся в той части сочинения, которая посвящена войнам с персами (книги I-III)⁶⁷. Продолжил труд Прокопия Агафий из Мирны (в Малой Азии), описавший в сочинении "О царствовании Юстиниана" события 552-558 гг. н.э.⁶⁸. А труд Агафия, в свою очередь, был продолжен "Историей" (дошла до нас только во фрагментах) Менаандра Протиктора, посвященной событиям 558-582 гг. н.э.⁶⁹. Для периода 566-581 гг. дополнительным источником служит сочинение Феофана Византийца (известно тоже лишь во фрагментах)⁷⁰. Продолжением труда Менаандра стала "История" Феофилакта Симокатты (написана между 628-638 гг. н.э.), в которой описаны события 582-602 гг. н.э.⁷¹.

О Средней Азии византийские историки говорят тоже преимущественно в связи с событиями, происходившими на восточных границах царства Сасанидов. Они продолжают упоминать о хионитах и белых гунах, о сегестанцах. Но появляются также новые названия и сведения о других объединениях и племенах: Приск рассказывает о кидаритах; Прокопий, Менаандр и Феофан – об эфлатитах; Менаандр и Феофан говорят уже о турках (имеются в виду древние тюрки), а Менаандр – и о подчиненных им согдианах и колнатах; рассказывает о турках (в том числе в связи с событиями, имеющими отношение к Средней Азии) и Феофилакт. Агафий, знакомый и с греческими и с персидскими книжными традициями, воспроизводит предания о древнейших временах, которые имеют значение и для Средней Азии. Источники всех этих сведений очень разнообразны. Таковыми могли быть устные сообщения, полученные от послов и разных других лиц, прибывавших из далеких восточных стран (Агафий, например, многое узнал от переводчика – сирийца Сергия). Ими могли быть и официальные документы, донесения византийских послов и т.п. Так, Менаандр и, в меньшей мере, Феофан пользовались интереснейшими данными византийского посольства во главе с Зимархом, ходившего к кагану турков, к горе Эктаг (Алтай) (569-571 гг.).

В греческой и латинской литературе древности известны и авторы всемирных историй, которые обобщали данные сочинений, посвященных отдельным странам и эпохам⁷². Сведения о Средней Азии есть и у них.

Одним из самых ранних таких авторов был Эфор (IV в. до н.э.) из города Кимы (в Малой Азии)⁷³. Сочинение "История" он писал вплоть до своей смерти (около 330 года до н.э.), а впоследствии оно было дополнено и продолжено его сыновьями. Сам Эфор довел изложение событий до 340 года. Сочинение это до нас не дошло, а в сохранившихся фрагментах сведений о Средней Азии почти не содержится: упоминаются только саки. Но в первоначальном тексте сочинения, судя по заимствованиям из него, сведений о Средней Азии было немало.

Диодор (I в. до н.э.), уроженец города Агирия (в Сицилии)⁷⁴, после тридцатилетней работы по сбору материалов написал (около 20 г. до н.э.) огромный труд под названием "Историческая библиотека", состоявший из

многих книг, из которых лишь часть дошла до нас. Изложение событий здесь было доведено до времени Цезаря, до 50-х годов I века н.э.⁷⁵ Упомянут практически весь круг среднеазиатских народов, как он определен в начале нашего обзора. Упоминания эти рассеяны по всему сочинению, но больше всего их сконцентрировано в частях сочинения, посвященных таким темам (в сохранившихся книгах): в древнейшей истории Азии, в истории Ассирийского и Мидийского царств (книга II) – по Ктесию; в истории Персидского царства (книги XI–XIV) – по Ктесию, видимо, в обработке Эфора; в истории Александра (книга XVII) – по Клитарху; в истории пресмычков Александра (книги XVIII–XIX) – по Гиерониmu.

Николай (I в. до н.э.) из Дамаска (в Сирии)⁷⁶ в своем еще более обширном труде "История" (закончен после 4 года н.э.) дал обзор всемирной истории человечества с древнейших времен до современных ему событий⁷⁷. К сожалению, этот труд не дошел до нас. В сохранившихся фрагментах среднеазиатские народы упоминаются в изложении древнейшей истории Азии и в рассказе о возвышении Кира. Материал заимствован из сочинения Ктесия.

Помпей Трог (I в. до н.э. – I в. н.э.), галл по происхождению, тоже известен как автор труда по всемирной истории, называвшегося "Филипповская история" (закончена к 9 г. н.э.)⁷⁸. И этот труд не дошел до нас⁷⁹. Сохранился лишь пролог с кратким изложением содержания отдельных книг сочинения. Сохранилась и "Эпитома" (сокращение) сочинения, сделанная Юстином (II или III в. н.э.)⁸⁰. После Юстина авторы, прибегавшие к сочинению Трога, пользовались обычно уже только указанным сокращением. Так, например, делал Оросий, тоже автор всемирной истории, или "История против язычников" (около 417 г. н.э.). Изложение событий в сочинении Трога было доведено до времени Августа, до 20-19 гг. Упомянулись в нем также все основные среднеазиатские народы, особенно в таких частях сочинения: история трех древних царств Азии (книга I) – по Ктесию; история Александра (книги XI–XII) – по Клитарху; история пресмычков Александра (книги XIII, XV) – по Гиерониmu; история Парфии и Греко-Бактрии (книги XXI–XXII) – в основном по Аполлодору Артемидскому, хотя эти сведения иногда приписываются, но менее убедительно, другому источнику. Ктесий, Клитарх и Гиероним – источники, общие для Трога и Диодора, но подвергшиеся у первого большей обработке, чем у второго.

Наряду со всемирной историей существует другой, близкий ей вид исторической литературы – хроника. Этот вид зародился в античном мире, в глубокой древности, но особенного расцвета достиг в византийские времена⁸¹. У истоков византийской хронографии стоит "Хроника" Евсевия Памфила (III–IV вв. н.э.), епископа Кесарии (в Палестине)⁸². Сохранилось это сочинение лишь во фрагментах, в латинской обработке Евсевия (IV в. н.э.), и в древнем армянском переводе (V в. н.э.). В нем излагалась в виде синхронистических таблиц всемирная история с древнейших времен до 324 г. н.э.⁸³. Упомянуты в нем и среднеазиатские народы: бактрийцы, гирканцы и другие. В этом сочинении соединены данные многих предшествующих античных хронографов с библейской традицией. Имеют значение для Средней Азии и материалы более поздних хроник.

К исторической литературе можно отнести и произведения античных биографов. Биографии знаменитых людей, разных исторических деятелей тоже составлялись с древнейших времен, но наиболее выдающийся биограф античности это Плутарх (I–II вв. н.э.) из Хероней⁸⁴. Его "Сравнительные жит-

неописания" (созданы в основном между 110-115 гг. н.э.) являются классическим образцом подобного жанра⁸⁵. Содержатся в них и сведения о Средней Азии, особенно в биографиях Александра, Красса, Цезаря, Помпея и некоторых других. В коротких сочинениях Плутарха, объединяемых общим названием "Этосы" (PDF Compressor Free Version) о среднеазиатских народах. Плутарх – автор очень начитанный, и сведения его интересны тем, что заимствованы из самых разных литературных источников, не дошедших до нас.

Разновидностью исторической литературы можно считать и сочинения типа "Стратегика" – сборники рассказов о "военных хитростях". Таково сочинение Полиена (II в. н.э.) родом из Македонии⁸⁷. Написано оно (около 162 г.) по литературным источникам и представляет собой собрание выписок из разных исторических сочинений, по большей части неизвестных нам. Содержит довольно много интересных сведений о Средней Азии.

Сведения греческих и латинских географов о древней Средней Азии повествуют – в той или иной мере – обо всей территории Средней Азии, как она определена в начале нашего обзора. Но сведения эти могут быть понятны понастоящему только в контексте общих географических представлений древности: значение контекста здесь еще более велико, чем в историографии⁸⁸. Географического понятия, которое точно соответствовало бы указанной территории, в греческих и латинских источниках нет, но частичные соответствия имеются. Таким понятием, объединяющим большинство земледельческих областей, является "Ариана"; степные области включаются как часть в очень широкое понятие "Скифия".

Самыми разными географическими сочинениями античности были периплы (описания морских берегов) и итинерарии (описания пути на суше). Это были сочинения древнейших известных античных географов Скилака и Гекатея. Скилак (VI в. до н.э.) из Кариицы (в Малой Азии) совершил по поручению Дария объезд границ Персидского царства (между 519 и 512 гг. до н.э.). На пути в Индию к реке Инд прошел он, между прочим, и через Парфию, Хорасмию и Бактрию⁸⁹. Его сочинение (или сочинения), состоящее из периплов внешних и внутренних морей и описания путей на суше, объединяющих моря, к сожалению, до нас не дошло, кроме немногих фрагментов; но и по ним видно, что Скилак описывал и упомянутый путь к Инду. Судя по всему, Скилак первым познакомил античный мир со среднеазиатскими странами. Гекатей (VI-V вв. до н.э.) из Милета (в Малой Азии) тоже много путешествовал, в том числе и в пределах Персидского царства, но не прозвикал так далеко, как Скилак. Его географическое сочинение "Периэгеса" представляло собой описание всей известной тогда населенной земли, ойкумены, состоящей из трех материков: Европы, Азии и Ливии, но и оно в значительной мере было собранием периплов. Сочинение это – текстовое сопровождение карты, составленной Гекатеем. Ни карта, ни текст до нас не дошли, но фрагментов сочинения сохранилось довольно много⁹⁰. Судя по ним, описание среднеазиатских земель у Гекатея полностью повторяло данные Скилака; но изложение этих данных во фрагментах сочинения Гекатея представлено более полно, чем в скудных фрагментах сочинения самого Скилака. Сведения Гекатея послужили основным литературным источником для Геродота в его географических экскурсах.

Более близким к современным представлениям о географии был труд выдающегося античного ученого Эратосфена. Эратосфен (III в. до н.э.) происходил из Кирены (в Ливии), но работал в Александрии Египетской, где стоял во главе знаменитой Александрийской библиотеки (с 253 г. до н.э.) обладавшей

несметными книжными богатствами⁹¹. В своем сочинении "География" (написано после 217 г. н.э.) он последовательно, по "сфрагидам", описывал всю обитаемую землю, ойкумену, в известных тогда границах; одна из "сфрагид" южной половины ойкумены соответствовала Ариане, а одна из "сфрагид" северной половины – Аскам и Чосотам и северу от Каспийского моря. От сочинения этого остались лишь фрагменты, правда, довольно многочисленные⁹². Литературные источники Эратосфена богаты и разнообразны, что вполне понятно, так как возможности пользоваться сочинениями предшественников (почти все они не дошли до нас) у него были практически неограниченными. Для описания среднеазиатских областей он использовал данные и Гекатея, и историков Александра, и путешественников эпохи после Александра, особенно Патрокла. Эратосфен оказал влияние на всех последующих античных географов. Одни из этих географов продолжали придерживаться повествовательной манеры изложения, другие фактически описывали в своих сочинениях географическую карту, указывая координаты, пояса и т.п.

Первое направление представлено хорошо известным трудом Страбона. Страбон (I в. до н.э. – I в. н.э.) родом из Амасии (в Малой Азии)⁹³ написал большое сочинение "География" (к 7 г. н.э., но доработка продолжалась до 23 г. н.э.). Оно сохранилось почти полностью⁹⁴. Посвящено оно, как и сочинение Эратосфена, описанию всей ойкумены, и описание это ведется также по отдельным странам; имеются в нем и специальные разделы, посвященные среднеазиатским странам (в книгах XI и XV). Сведения Страбона – один из основных наших источников о древней Средней Азии. Сам Страбон черпал эти сведения из литературных источников. Главным авторитетом для него как географа был Эратосфен. Его данные он и положил в основу своего труда. Но дополнил их более свежими сведениями, которые заимствовал преимущественно из географических сочинений Посидония. Каково же происхождение сообщений Страбона о Средней Азии? Более новый элемент в них восходит – скорее всего через посредство Посидония – к Аполлодору. Кроме того, Страбон широко использовал здесь (и, видимо, не всегда через посредство Эратосфена) сочинения Аристубула, Онесакрита, Мегасфена и других авторов.

К тому же направлению можно причислить и работу Дионисия (II в. н.э.), происходившего из Египта "Перигесу", написанную в стихах (между 117-138 гг. н.э.). Сведений о Средней Азии в этом вообще небольшом произведении немного, но они интересны по своему содержанию. Источники Дионисия преимущественно те же, что и у Страбона: Посидоний и Эратосфен; первоисточник для Средней Азии, по-видимому, Аполлодор; но к нему добавлены и данные другой, более древней традиции. Сочинение Дионисия впоследствии переводилось на латинский язык Авиеном (IV в. н.э.) и Присцианом (VI в. н.э.). В текст переводов внесены некоторые изменения и дополнения.

К той же традиции, и ближе всего к Дионисию, примыкает географическая карта, составленная, возможно, Касторием (около 360 г. н.э.), хотя об авторстве ее существуют и другие мнения. Однако данные традиции Дионисия легли лишь в основу карты, а на нее был наложен итнерарий совсем иного происхождения: он, видимо, списан с римской дорожной карты, восточная часть которой была составлена, скорее всего, по материалам, собранным к парфянскому походу императора Каракаллы (216-217 гг. н.э.). Крайние восточные пункты этого итнерария – Александрия в Арее и Антиохия в Маргяне, Магарис (?) и Антиохия Тармата (Термез?). Карта Кастория в своем первоначальном виде до нас не дошла, но послужила прототипом для не-

скольких сохранившихся средневековых карт, в том числе известной карты Пейтингера⁹⁵, а также основой для работы Ревенната (около 670 г. н.э.).

Второе направление, вероятно, нашло вполне законченное выражение еще в работе Гиппарха. Выдающийся астроном Гиппарх (II в. до н.э.) родом из Никей (в Малой Азии) написал сочинение "Против географии Эратосфена"⁹⁶. Сочинение это не сохранилось, но есть основания предполагать, что оно содержало не только полемику с Эратосфеном, но и положительный очерк географии ойкумены в виде перечня городов и стран с указанием координат. В нем определенно имелись данные и о среднеазиатских землях. Поскольку Гиппарх дал иную схему расположения стран к востоку от Каспийского моря, чем Эратосфен, можно думать, что Гиппарх использовал и какой-то иной источник сведений об этих странах. Возможно, что таким источником было сочинение Демодама.

Самый же яркий образец работ этого направления – сочинение Птолемея. Выдающийся ученый античности Клавдий Птолемей (II в. н.э.)⁹⁷, наряду с другими трудами, создал и работу "Географическое руководство" (около 150 г. н.э.)⁹⁸. Почти вся она состоит из перечня разных пунктов с указанием их координат, то есть являет собой словесное изображение карты. Каждая страна описывается как отдельная часть карты; в числе этих стран – и среднеазиатские (в книге VI). В описании их содержится много такого материала, какого мы не находим ни в одном другом сочинении античности. Главный авторитет для Птолемея как географа и астронома – Гиппарх; у него он заимствует и фактический материал. Кроме того, он заимствует и у Эратосфена, и у Посидония. Но использует также еще один источник, значительно обновивший данные, в том числе и по Средней Азии. Это итнерарий купца Мая Тициана (I в. н.э.), в котором описывался путь из Сирии в страну серов (Китай). Упомянутый путь и его ветви проходили через Парфию и Гирканию, Арею и Маргиану, Бактриану, Согдиану и страну саков.

Эта же традиция нашла приверженцев и среди латинских авторов. Марк Випсаний Агриппа (I в. до н.э.), ближайший сподвижник Августа⁹⁹, решил соорудить в одном из портиков Рима публичную карту, но умер (в 12 г.), не успев привести замысел в исполнение. Лишь 25 лет спустя это сооружение было завершено самим Августом. Карта имела текстовое сопровождение, видимо, ставшее известным позднее как "Хорография" Августа. Ни карта, ни "Хорография" не сохранились, и о характере их шло много споров в науке. Судя по фрагментам¹⁰⁰, сведения о Средней Азии там имелись. Вопрос о том, к какой географической традиции примыкала работа Агриппы-Августа, решается по-разному, но нам кажется наиболее убедительным мнение, связывающее ее с традицией Гиппарха. Работа Агриппы-Августа послужила образцом для всех последующих римских карт и географических сочинений. Она, на наш взгляд, являлась основным источником и "Хорографии" Помпония Мелы (I в. н.э.)¹⁰¹, составленной, правда, в чисто описательной, популярной манере. Сочинение Мелы содержит краткие, но оригинальные сведения о Средней Азии. Та же традиция лежит в основе "Космографии" Юлия Гонория (IV в. н.э.), также содержащей отрывочные сведения о Средней Азии. Влияние карты Агриппы прослеживается и в географических частях поздних исторических сочинений; например, в "Истории против язычников" Павла Оросия (V в. н.э.), где тоже имеются интересные данные, касающиеся Средней Азии.

Наряду с собственно географическими работами, продолжали создавать прежнего типа итнерарии и периплы. Мы уже упомянули выше итнерар-

рий Мая Тициана и римские дорожники Кастория. Известны и другие итнерари и периплы, содержащие сведения о Средней Азии. Таково сочинение "Парфянские стоянки" Исидора (I в. до н.э. – I в. н.э.) из Харакса (в Вавилонии). **PDF Compressor Free Version** идущая через все Парфянское царство, от Евфрата до Арахосии, в том числе и через среднеазиатские страны; но Бактриана и Согдиана, не входящие в состав этого царства, не упомянуты. Таков же "Перипл Эритрейского моря"¹⁰², приписанный Арриану, но на самом деле принадлежавший какому-то египетскому купцу (I в. н.э.). В этом сочинении описываются (со специфически купеческой точки зрения) берега Эритрейского моря (Индийского океана), но упоминаются и народы, живущие внутри материка, в том числе бактрийцы, арахоситы и их соседи.

Основную массу сведений о Средней Азии дают сочинения историков и географов; однако произведения других жанров греческой и латинской литературы тоже содержат очень интересные данные. Таковы, например, отрывочные, но ценные данные философов и ученых.

Великий философ древности Аристотель (IV в. до н.э.), родившийся в Стагире, несколько лет провел в Македонии в качестве учителя юного Александра (342-335 гг. до н.э.)¹⁰³. В его многочисленных сочинениях нет разделов, специально посвященных Средней Азии, но отдельные ценные замечания содержатся. Это сообщение о хребте Парнасс (Гиндукуш) в "Метеорологике" (написана между 341-330 гг. до н.э.) и отдельные данные о достопримечательностях бактрийцев и арахов в "Истории о животных" и фрагментарной работе "О металлах"¹⁰⁴. В первом сочинении он обнаруживает знакомство лишь с доалександровой традицией; а в последнем уже заметно влияние новых представителей, сформировавшихся в результате походов Александра. Философский преемник Аристотеля Теофраст (IV-III вв. до н.э.) из Эреса тоже дает отдельные сообщения о земле бактрийцев в "Исследованиях о растениях"¹⁰⁵ и в сочинении "О камнях". Получены эти сведения от участников походов Александра; даже, как иногда полагают, из походного архива македонского царя. И у других философов можно найти упоминания об отдельных среднеазиатских странах и народах.

Немало сведений о Средней Азии содержится у древних энциклопедистов и прежде всего у такого выдающегося их представителя, как Гай Плиний Секунд Старший (I в. н.э.), жившего по преимуществу в Италии и писавшего на латинском языке. Его огромное сочинение "Естественная история" – универсально по содержанию (заключено в 77 г. н.э., но издано было уже после смерти автора в 79 г.) По всему сочинению разбросаны упоминания по разным поводам о среднеазиатских народах и странах; в более компактном виде они содержатся в географической части сочинения (книги III-VI)¹⁰⁶. Труд Плиния представляет собой, в сущности, гигантский свод выписок из множества сочинений предшествующих авторов (как правило, не сохранившихся до нашего времени). Это относится и к географической части труда. Но основных непосредственных источников у Плиния здесь два: один – общий с Мелой (то есть, согласно высказанному выше мнению, карта Агриппы); другой, поставляющий основной описательный материал, – видимо, сочинения Варрона Реатинского¹⁰⁷. По примеру Плиния Старшего в латинской литературе впоследствии не раз создавались подобные произведения: "Собрание достопримечательностей" Гая Юлия Солина (III в. н.э.), "О браке Филологии и Меркурия" Мартиана Капеллы (V в. н.э.). В них повторяется с некоторыми изменениями и географическая часть сочинения Плиния с интересующими нас материалами.

Сведения о Средней Азии содержатся и у лексикографов: у Гесихия (V в. н.э.) из Александрии (в Египте) в его общем "Лексиконе" и особенно — у Стефана Византийского (VI в. н.э.) в его труде "Этника", где в обширнейшем словаре названий народов, стран, городов и т.п. можно найти много имен, имеющих отношение и к Средней Азии, статьи к которым выписаны из десятков не сохранившихся сочинений.

Определенное значение как источник имеют и произведения, которые мы сейчас относим к художественной литературе, хотя надо сказать, что в древности грань между научной и художественной литературой была гораздо менее заметна, чем в наше время. Это относится и к поэзии, и к прозе. Среднеазиатские народы и страны упоминаются во многих произведениях такого рода. Мы остановимся лишь на некоторых из них.

Первым можно упомянуть великих греческих драматургов Эсхила и Эврипида. Эсхил (VI-V вв. до н.э.), родом из Элевсина, коренной афинянин, был участником решающих сражений греко-персидских войн (490-479 гг. до н.э.)¹⁰⁸. Впоследствии он отразил эти события в своей трагедии "Персы". Среди союзников персов там упоминаются бактрийцы и ареи. Имена их большей частью придуманы Эсхилом, но сам факт участия представителей этих народов в войне вполне реален¹⁰⁹. Эврипид (V в. до н.э.), тоже афинянин¹¹⁰, в трагедии "Вакханки" говорит о Бактрах в связи с мифическим походом на восток бога Диониса¹¹¹.

Позднее поэты говорили о далеких восточных странах преимущественно в связи с двумя мифологическими темами: плаванием аргонавтов и походами Диониса. Если первая тема больше была связана с северными племенами интересующего нас региона (восточными скифами и другими), то вторая — с южными, примыкающими к Индии. Аполлоний (III в. до н.э.), живший на Родосе, автор наиболее известной "Аргонавтики"¹¹², дает мало прямых сведений о Средней Азии. Но его римский последователь Гай Валерий Флакк (I в. н.э.), дает в своей "Аргонавтике" уже гораздо больше важного для нашего обзора материала, особенно в описании скифских союзников Перса (книга VI). Этот дополнительный материал Флакк взял из какого-то источника, общего у него с Плинием Старшим. Дионисий (тождествен ли он Дионисию, авторы "Периестесы" — неясно) написал тоже известную поэму "Бассарика" о Дионисе. Она не сохранилась, но и из фрагментов видно: там содержалось немало материала, касающегося Средней Азии¹¹³. Более поздний автор, Нонн (IV-V вв. н.э.) из Панополя (в Египте) в своей большой поэме "Дионисиака" базируется преимущественно на данных Дионисия. И у него, особенно в описании индийской армии Дериада (книга XXVI), содержится много интереснейшего для нас материала, до сих пор еще мало исследованного и использованного¹¹⁴. Все эти сведения Дионисия и Нонна восходят, видимо, к эллинистическому времени.

Древние романисты тоже дают кое-какие сведения. Ямблих (II в. н.э.), сириец по происхождению, воспитанник ученого вавилонянина, происходившего из пределов Парфянского царства, написал (после 165 г. н.э.) роман "О Синоиде и Родане" (сохранился в одном фрагменте), где, обращаясь к восточной экзотике, автор сообщает и немало любопытных сведений, например, о местности близ Танаиса (Сырдарья)¹¹⁵. Флавий Филострат (II-III вв. н.э.), родом с острова Лемнос, написал (после 217 г. н.э.) сочинение "Жизни Аполлония Тианского". В нем описываются деяния знаменитого мудреца и проповедника Аполлония из Тианы (в Малой Азии), в том числе путешествие его из

сирийской Антиохии в Индию (43-47 гг. н.э.). К сожалению, путь его через Бактрию и другие среднеазиатские страны выпал из описания, но сохранился рассказ о пути от "Кавказа" (Гиндукуша) в Индию. Источники Филострата разнообразны, но для описания путешествия он использовал записки (вполне реально, как сейчас полагают) Дамаса из Ниневии, ученика и попутчика Аполлония¹¹⁸.

Интересные замечания по разным поводам делают и риторы Элий Феон (I в. н.э.) из египетской Александрии, вспоминая о древней истории Азии в своих "Предварительных управлениях", упоминает бактрийцев, саков и массагетов. Дyon Христомом (I-II вв. н.э.), родившийся в Пресе (в Малой Азии) и много путешествовавший, в речи "К александрийцам" упоминает о прибывших в Александрию бактрийцах, имея в виду уже своих современников¹¹⁷.

Наконец, в отдельную группу можно выделить сочинения спорного характера и очень пестрого содержания. Конечно, объединение таковых в одну группу здесь будет очень условным. Это сочинения Лукяна, Афиня, Элиана, Климента и Порфирия. Лукян (II в. н.э.) из Самосаты (в Сирии) – автор многих сочинений на разные темы, в которых по разным поводам упомянуты и среднеазиатские народы; таковы, например, сочинения "Долговечные", "Александр, или Лжепророк", "Харидем"¹¹⁸. Афиней (II-III в. н.э.) из Навкрата (в Египте) – автор большого сочинения "Пирующие софисты", в котором под видом высказываний собравшихся на пир мудрецов приводятся цитаты из множества древних сочинений, большей частью не дошедших до нас. В сочинении содержится много ценных для историка Средней Азии сведений¹¹⁹. Клавдий Элиан (II-III вв. н.э.), римлянин, писавший, однако, по-гречески, – автор "Пестрых рассказов" и сочинения "О животных", где тоже собраны выдержки из огромного числа не сохранившихся древних произведений¹²⁰. Климент (II-III вв. н.э.), живший в египетской Александрии христианин, – автор нескольких сочинений, из которых наиболее важны для нас "Ковры". Излагая принципы новой религии, он в полемических и апологетических целях цитировал очень многих античных авторов, и в этих цитатах также содержится немало важного для истории Средней Азии материала¹²¹. Порфирий (III в. н.э.), родом из Тира, был, напротив, неоплатоником, противником христианства. Автор многих сочинений преимущественно философского характера, из которых особо следует отметить "О воздержании от мясной пищи", где содержатся традиционные для античной философии наставления. И здесь имеется немало выдержек из сочинений предшественников, передающих важный для нас материал¹²². Есть основания полагать, что он восходит к Посидонию. К этим авторам следует добавить еще упомянутого выше Евсевия Памфила (III-IV вв. н.э.) – христианина, полемизировавшего с Порфирием. И в его сочинениях (особенно в "Евангельском приговоре") содержится интереснейший материал, заимствованный из того же круга источников, откуда черпали и его предшественники, и восходящий, возможно, к Посидонию.

Вид литературной деятельности, состоящий в собрании длинных выписок (экспертов) из сочинений предшественников и составлении сокращенных изложений (эпитом) этих сочинений, практиковавшийся всегда, получил особое развитие в византийские времена. Благодаря такой деятельности до нас дошли многие пропавшие произведения. Наибольшую известность в этой области литературного творчества получил константинопольский патриарх Фотий (IX в. н.э.). Им самим и под его руководством был составлен огромный труд

“Библиотека”, где излагалось содержание 280 рукописей¹²³. Многие из названных выше сочинений известны нам благодаря этому труду.

Ценным источником для древней истории Средней Азии могут послужить греческие надписи¹²⁴. Бактрия, бактрийцы и некоторые другие имена, связанные со Средней Азией, упоминаются в ряде надписей: в надписи из Адулиса (в Эфиопии), в Пергамской хронике, в Паросской хронике (“Паросский мрамор”). Среди надписей острова Делос (в Эгейском море) имеется дарственное посвящение бактрийца Митроакса¹²⁵. Но особую ценность имеют надписи, найденные на территории самой Средней Азии¹²⁶. Ныне известные надписи, происходящие с территории Бактрии, – главным образом, из развалин древнего греческого города в местности Айханум; но также и из других мест, как к югу от Амударьи, так и к северу (Тахтисангин у слияния Пянджа и Вахша, Яван, Каракамар, в последнем обнаружены также и единственные на территории Средней Азии латинские надписи). А кроме того – надписи из Систана, Кандагара, Гургана (к юго-востоку от Каспийского моря). Они очень разнообразны по содержанию. Среди них и греческий перевод эдиктов индийского царя Ашоки (Кандагар, середина III в. до н.э.)¹²⁷; и деловое письмо некоего Эванда (Гурган, между 281 и 161 гг. до н.э.)¹²⁸; и философские изречения (“максимы”), скопированные Клеархом в Грешии, в Дельфах (Айханум, начало III в. до н.э.)¹²⁹; и посвящения божествам – например, надпись бактрийца Атросока (Тахтисангин, II в. до н.э.)¹³⁰, или надписи из Каракамара, связанные с культом Митры (I в. н.э.)¹³¹; и погребальные надписи – например, интересная, но фрагментированная надпись из Жигатене III – II вв. до н.э.¹³², и хозяйственные надписи на черепках, содержащие, главным образом, имена собственные. Очень важно обнаружение в Айханум остатков греческих рукописей (на папирусе), видимо, философского содержания¹³³; хотя там и не имелось никаких сведений о Средней Азии, но показательно само их наличие в древнем бактрийском городе. Позднее, при Кушанах, греческая графика была приспособлена в одному из иранских языков Бактрии, и надписи, выполненные на этом языке греческим письмом, тоже известны. О них мы говорили в начале обзора.

Другие группы источников, преимущественно древневосточные¹³⁴, проливают свет лишь на отдельные периоды древней истории Средней Азии, хотя во многих случаях дают материал более обильный, чем античные источники.

Вавилонско-ассирийские источники

Сведения о самых древних временах дают вавилонско-ассирийские источники. Все они представляют собой, собственно говоря, эпиграфические памятники: это надписи на твердом материале, преимущественно на глине¹³⁵.

Древнейшие из них написаны на шумерском языке и по содержанию своему относятся к началу III тыс. до н.э. В это время городские центры Южной Месопотамии развертывали торговлю с очень отдаленными областями на востоке, откуда к ним поступали медь, олово, а также лазурит и другие минералы. В качестве таких областей называются Аратта и Арали, исследователи локализируют их по-разному, но очень вероятно, что Аратта, например, находилась на территории Систана (центр – древнее городище Шахрисохте). О сношениях с Араттой рассказывается в шумерских поэмах об Энмеркаре, древнем царе города Урука, представляющих собой записи (в конце III – начале II тыс. до н.э.) древних преданий¹³⁶. Новые сведения о далеких восточных областях появляются лишь после длительного перерыва, в I тыс. до н.э., уже на аккадском языке: это надписи ассирийских царей, вавилонские хозяйственные документы и хроники.

В первой половине I тыс. до н.э. ассирийские цари совершали частые походы и набеги в пределы Иранского плато, проникая все дальше и дальше на восток. О том, насколько далеко продвинулись на восток ассирийцы, существуют разные мнения: ранее считали, что ассирийские завоеватели достигали Бактрии **PDF Compressor Free Version** мнение отставили; но и сейчас восточные границы ассирийских завоеваний определяются по-разному¹³⁷. Далее всех на восток проникли, видимо, войска царя Асархаддона, которые в 680-675 гг. до н.э. достигли области Патушарра у горы Бихни (Демавенд по наиболее убедительному отождествлению). После этого к Касархаддону обратились правители соседних областей, среди которых упоминаются Партукка и Ураказабарна. Давно уже предложено отождествление их с Парфией и Гирканией, и хотя оно не всеми принято, это кажется достаточно убедительным. Сообщения о вышеупомянутом походе сохранились в текстах Асархаддона на глиняных призмах и табличках¹³⁸. Правитель Ураказабарны обладал, видимо, немалым весом в глазах ассирийского царя, и Асархаддон заключил с ним отдельный договор, текст которого на большой глиняной табличке тоже сохранился¹³⁹. На панелях из слоновой кости, найденных вместе с табличкой, изображены данники из этих отдельных иранских областей.

Известен также текст донесения ассирийского агента его царю относительно лазурита, и предполагается, что донесение это послано из Бактрии, но такое предположение оспаривается¹⁴⁰. Мнение о том, что в одной надписи царя Ашурбанипала упоминаются саки, скорее всего, ошибочно¹⁴¹.

Аккадские тексты ахеменидского времени, дающие сведения о Средней Азии, – это прежде всего вавилонские версии ахеменидских царских надписей (см. о них ниже). Но вавилонские источники по истории Средней Азии ими не ограничиваются. В ахеменидское время в Вавилонии в качестве военных колонистов и рабов появляются выходцы со всех концов Персидской державы. В связи с этим в вавилонских хозяйственных документах того времени (VI-V вв. до н.э.) – в частности, на табличках из архивов вавилонских деловых домов Мурашу и Эгиби – упоминаются среди других народов бактрийцы¹⁴², арет¹⁴³ и “киммерийцы” (так вавилоняне называли представителей всех скифских народов), в числе которых, как полагают, было немало среднеазиатских саков¹⁴⁴. Бактрийцы продолжают упоминаться в вавилонских текстах и в послеахеменидский период: известно сообщение в одном из исторических текстов о присылке слонов Антиоху I правителем Бактрии (в 276 г. до н.э.)¹⁴⁵.

Сведения о Средней Азии ахеменидского времени содержатся в ахеменидских царских надписях и эламских документах; сведения о том же времени и последующем – в арамейских текстах. Интересующие нас ахеменидские надписи нанесены на скалы, каменные плиты, кирпичи и т.д.; почти все они – трилингвы, написаны на древнеперсидском, эламском и аккадском (вавилонском) языках (исключения оговорены ниже); все они составлены от имени того или иного ахеменидского царя¹⁴⁶.

Самая известная среди них, Бехистунская надпись Дария I (конец VI в. до н.э.) – один из величайших в мире эпиграфических памятников, с которого и началась расшифровка клинописи. В надписи повествуется о подавлении Дарием восстаний, вспыхнувших в разных областях царства, в том числе восстаний в Парфии и Гиркании, в Маргиане, в Арахосии; приводится список всех стран Персидской державы, в том числе и среднеазиатских. В конце надписи (столбец V, плохо сохранившийся) рассказывается о походе на саков. На

той же Бехистунской скале имеются изображения повстанцев и врагов Дария, среди которых – и представители среднеазиатских народов; эти изображения тоже сопровождаются короткими надписями. Известны также фрагменты копии вавилонской версии надписи на каменном блоке из Вавилона и арамейской версии на папирусе из Элефантины (Египет)¹⁴⁷.

Среди других ахеменидских надписей надо отметить надпись Дария I из Суз о строительстве дворца, где говорится и об участии в этом строительстве разных народов и стран, в том числе Бактрии, Согдианы, Хорезма¹⁴⁸. Недавно в Сузах обнаружены новые строительные надписи Дария I аналогичного содержания (только аккадский и эламский тексты)¹⁴⁹. Из Персеполя и Хамадана происходят золотые и серебряные пластинки с одинаковыми текстами, где указаны пределы владения Дария I; там упомянуты саки и Согдиана. В нескольких надписях Дария I из Суз, Персеполя, Нахши-рустама и в надписи Ксеркса из Персеполя дан, как и в Бехистунской, список всех стран, входящих в Персидскую державу; среди них названы и среднеазиатские области¹⁵⁰. Короткими надписями сопровождается также каждый рисунок представителей этих стран, изображенных на наскальных гробницах Дария I и Артаксеркса II (или III) в Нахши-рустама. Список стран (и тоже с изображениями их представителей) содержится в древнеегипетских надписях Дария I, одна из которых на стеле близ Сузда, известна давно¹⁵¹, другая, на статуе Дария I из Суз, обнаружена недавно¹⁵².

Эламские и арамейские тексты, имеющие значение источников по истории Средней Азии, не ограничиваются дублирующими версиями ахеменидских царских надписей. В ахеменидское время воины и ремесленники, приходившие из разных стран, в том числе и среднеазиатских, часто оказывались далеко от своей родины. Такое положение засвидетельствовано в хозяйственных документах на эламском и арамейском языках. Глиняные таблички "крепостной стены" и "сокровищницы", обнаруженные в Персеполе, содержат эламские тексты и представляют собой документы архива царского хозяйства Дария I, Ксеркса и Артаксеркса I (конец VI – первая половина V вв. до н.э.)¹⁵³. В них упоминаются в качестве работников выходцы из многих подвластных Ахеменидам стран, в том числе бактрийцы, согдийцы и, возможно, арахосийцы. В арамейских текстах на папирусах из архивов военной колонии на нильском острове Элефантина (V в до н.э.)¹⁵⁴ и корабельного арсенала в Мемфисе (V в. до н.э.)¹⁵⁵ упоминаются хорезмийцы. В арамейских надписях на каменных сосудах из Персеполя, изготовленных, видимо, в Арахосии (V-VI вв. до н.э.)¹⁵⁶, приведены имена арахосийских чиновников и названия населенных пунктов.

Арамейский язык для письма продолжали употреблять в персоязычных областях и после ахеменидского периода. На интересующей нас территории от этого времени осталось несколько арамейских надписей индийского царя Ашоки (III в. до н.э.). Это арамейская версия уже упомянутой греко-арамейской билингвы из Кандагара¹⁵⁷ и еще одна арамейская надпись из Кандагара¹⁵⁸ – с территории Арахосии. Обе надписи – переводы эдиктов Ашоки. Это и надпись на Пулвидарунта в Лагмане¹⁵⁹ и еще две небольшие надписи из Лагмана¹⁶⁰ – с территории Паропамисад. Они излагают эдикты Ашоки, а две последние из них – еще и местный итинерарий. Все указанные надписи ценны не только своим содержанием, но и тем, что в их арамейский текст вставлено – наряду с индийскими практическими глоссами – немало слов местного иранского языка.

Арамейская письменность продолжала употребляться ираноязычными народами и еще позже, но иранский элемент приобретал в их письме все больший удельный вес. С течением времени написанный арамейскими буквами текст стал читаться по-ирански, а отдельные сохранившиеся в нем по традиции арамейские слова превратились в идеограммы. Таково было происхождение арамейской письменности в Парфии, Хорезме, Согде; таково же, видимо, было положение дел в Бактрии до введения там греческой графики. О соответствующих письменных памятниках мы уже говорили в начале обзора. Но так же возникла разновидность арамейского письма, которой записаны многочисленные пехлевийские (среднеперсидские) письменные памятники. И в них содержатся обильные и очень ценные сведения о Средней Азии. Памятники эти включают надписи и литературные тексты.

**Пехлевийские
письменные
памятники**

Большое значение имеют надписи сасанидских царей. Надпись Шапура I (III в. н.э.) в Нахши-рустае, на каменных стенах здания, условно называемого "Каабой Зороастра" (трилингва: персидский, парфянский, греческий тексты), содержит описание деяний царя, перечень подвластных ему областей, списки придворных и т.д.; здесь упоминаются многие среднеазиатские и восточноиранские страны и народы, в том числе Кушаншахр с указанием его пределов. Надпись Нарсе (рубеж III и IV вв. н.э.) в Пайкули, на каменных плитах (билингва: персидский и парфянский тексты), повествует о борьбе этого царя за власть; в ней упоминаются некоторые среднеазиатские и восточноиранские владетели. Кроме царских, имеют значение и надписи верховного мага Картира (III в. н.э.). Надписи этого могущественного жреца в Нахши-рустае и Сармешхеде говорят о его деяниях по упрочению зороастрийской религии; в них вновь упоминаются восточные области¹⁶⁴. Небольшие среднеперсидские надписи были обнаружены в Мерве и Термезе (Каратепе)¹⁶⁵; их главное значение – в самом факте наличия таких надписей в этих местах.

Пехлевийские литературные тексты¹⁶⁶ представляют собой более обильный материал, имеющий отношение к Средней Азии. Но этот хронологически многослойный материал гораздо сложнее для использования в качестве источника, чем данные надписей, говорящие о современных им событиях. Историю пехлевийской зороастрийской литературы можно начинать с Зенда (среднеперсидский перевод и толкование Авесты). Работа по истолкованию Авесты с привлечением достижений индийской и греческой мудрости (и, возможно, с переводом каких-то индийских и греческих сочинений) была осуществлена при царе Шапуре I (III в. н.э.). Этот древний Зенд, как и первоначальный текст Авесты в целом, не сохранился. Лишь один *наск* (книга) этого текста – а именно Видевдат – вместе с пехлевийским переводом и толкованием дошел до нас. Но из Зенда черпали материал при создании сохранившихся более поздних зороастрийских сочинений начиная с позднесасанидского периода, а особенно интенсивно – уже в послесасанидское время, в IX в. н.э.¹⁶⁴. Так были составлены большие пехлевийские сочинения "Бундахиши" ("Мироздание")¹⁶⁵ и "Денкарт" ("Деяния веры")¹⁶⁶ представителями нескольких поколений зороастрийских жреческих родов, "Дадестани-Диниг" ("Религиозные решения") – зороастрийским деятелем Манушчхром, "Визидагига" ("Избранное")¹⁶⁷ – его братом Задспарамом. Имелись и многие другие пехлевийские сочинения. Все они содержат интереснейшие данные по космологии и географии, мифологии и легендарной истории, имеющие прямое отношение к Средней Азии; биографические сведения о Зороастре, гео-

графический фон которых в первоначальном своем виде целиком ограничен Средней Азией и Восточным Ираном. Но использование этих данных невозможно без предварительной сложной критической работы, так как они представляют собой пестрый сплав древнейшей информации, восходящей к первоначальному тексту Авесты, с поздней сасанидских толкователей Авесты и, наконец, отражения реальности, современной составителям сочинений. Особую ценность представляет то, что они в какой-то мере сохранили содержание утерянных насков Авесты.

В сасанидские времена осуществлялось и оформление на среднеперсидском языке исторического эпоса "Хвадай-намаг". По-видимому, такой свод существовал уже при царе Хосрове Ануширване (VI в. н.э.), но окончательно оформлен был при последнем сасанидском царе Йездигерде III (VII в. н.э.). Этот свод включил в себя, как уже говорилось выше, древнейшие эпические сказания Средней Азии и Восточного Ирана; но в окончательной редакции он был обильно дополнен преданиями сакастанского, парфянского и других эпических циклов, а венчала его эпическая история самих Сасанидов. Пехлевийский оригинал свода до нас не дошел, но на его основе, как полагают, было составлено несколько отдельных среднеперсидских произведений исторического содержания¹⁶⁸. Такова "Памятная книга о Зарере", созданная (в начале VI в. н.э.), как считается, по какому-то древнему парфянскому образцу, но записанная в своем настоящем виде уже после арабского завоевания. В ней рассказывается о войне царя Виштаспы с царем хионитов Аржаспом в защиту религии Заратуштры; события происходят в районе Мерва. Такова же "Книга деяний Ардашира", создававшаяся в V-VI вв. н.э., а в окончательной редакции появилась, видимо, в VII в. н.э. В ней речь идет о приходе к власти основателя династии Сасанидов и упоминаются некоторые восточноиранские области¹⁶⁹. Сочинение "Города Ирана", составленное в первоначальной версии в VI в. н.э., а в окончательной – в VIII-IX вв. н.э., содержит очень интересный материал по истории городов Средней Азии и Восточного Ирана (Балх, Самарканд, Мерв, Эранг и других). Здесь мы находим обычное смешение преданий из легендарной и сасанидской истории¹⁷⁰. В сочинении "Диковины и достопримечательности Сакастана", составленном около X в. н.э., можно проследить (в повествовании о далеком прошлом Сакастана) следы и жреческой зороастрийской традиции, и иранского исторического эпоса¹⁷¹.

В III в. н.э. в Иране возникла новая религия, основанная проповедником Мани. Еще при его жизни появилась манихейская община в Мерве, а затем после его гибели, во времена гонений, манихеи проникли в Согд, Тохаристан и еще дальше на восток, в Восточный Туркестан. Здесь, в Турфанском оазисе, и были найдены манихейские среднеперсидские и парфяnsкие рукописи¹⁷². Написаны они преимущественно в VIII-IX вв. н.э., но сами тексты в ряде случаев могли быть составлены намного раньше. В этих рукописях, в частности, содержатся рассказы о деятельности Мар-Амо, первого проповедника манихейства в Средней Азии, жившего при самом Мани и его преемнике Сиснии; в них упоминаются Мерв, Хорасан, страна Кушанов¹⁷³.

Промежуточным звеном между греческими источниками византийского времени и пехлевийскими источниками служат произведения сирийских и армянских авторов. И те, и другие авторы – христианские, и потому в общем они ближе к византийской традиции; но нередко в их сочинениях можно наблюдать сочетание греческой и иранской традиции. Сведения этих авторов существенно дополняют византийские источники.

[PDF Compressor Free Version](#)

Из первых нужно отметить две. Анонимная хроника города Каркадебетседох (V-VI вв. н.э.)¹⁷⁵ рассказывает о его прошлом с древнейших времен, но для истории Средней Азии значение имеет, главным образом, повествование о событиях правления Йездигерда II (V в. н.э.), который, как сообщается, совершил поход в область Чол, расположенную к юго-востоку от Каспийского моря. Хроника Адиабены (или Арбелы)¹⁷⁶ была составлена священником Мешихазехой (в середине VI в. н.э.) по более раннему источнику (около 410 г. н.э.). В ней тоже, наряду с изложением местной истории, рассказывается о событиях из истории Аршакидов и Сасанидов, например, о походах Шапура I (III в. н.э.) на восток, против хорезмийцев, в Гурган и другие прикаспийские области.

Из хроник общего характера назовем такие: "Хроника" Иешу Стилита (написана около 517 г. н.э.), содержащая ценный материал о событиях V в. н.э.¹⁷⁷; "Хроника" Захарии Ритора, епископа Митилены (V-VI вв. н.э.), написанная на греческом языке, но сохранившаяся лишь в сирийском переводе и обработке, в ней рассказывалось о событиях с 436 до 491 г. н.э., а в обработке – до 569 г. н.э.¹⁷⁸; "История" Иоанна Эфесского (VI в. н.э.), видного церковного деятеля Византии эпохи Юстиниана, в которой говорилось о событиях от Юлия Цезаря до 585 г. н.э.¹⁷⁹; анонимная хроника (VII в. н.э.), повествующая о событиях VI-VII вв. н.э.¹⁸⁰. Во всех этих произведениях о Средней Азии говорится, главным образом, в связи с событиями, происходившими на восточных границах держав Сасанидов. Более ранние из авторов сообщают о гунинских народах: Иешу Стилит – о хионитах, Захария Ритор – об эфалитах и других. Более поздние сообщают уже о тюрках: Иоанн говорит о сношении Византии с тюрками – о том же самом посольстве Зимарха (569 г. н.э.), о котором рассказал упомянутый выше византийский историк Менаандр; анонимная хроника – о несторианах в Мерве и их деятельности среди тюрков, о самом Мерве того времени и т.п. Добавим здесь, что в сирийской "Книге синодов" несторианской церкви V-VII вв. н.э. сохранились списки несторианских епископов этого времени¹⁸¹, среди них упоминаются епископы Герата, Мерва, Мерверруда, Бадгиса и других восточных городов. Среди сирийских ученых особо следует отметить Бардесана (Бар-Дайсан) из Эдессы (II-III вв. н.э.)¹⁸², знаменитого философа и богослова, одинаково хорошо владевшего и сирийским, и греческим языком и традициями. С его именем связано известное сочинение "Книга законов стран". Сочинение это было составлено на сирийском языке учеником Бардесана Филиппом, но с использованием наследия самого Бардесана. Полагают, что главным источником для Филиппа здесь послужило одно из сочинений его учителя, написанное на греческом языке. "Книга законов стран" содержит богатый этнографический материал, описание обычаев многих народов, в том числе бактрийцев и их соседей. Материал этот Бардесан в значительной степени заимствовал, по всей видимости, у грекоязычных предшественников, особенно у Посидония, своего соотечественника. А сама "Книга законов стран" была впоследствии переведена на греческий и использовалась многими авторами, особенно упомянутым выше Евсевием Памфилом в его "Евангельском приуготовлении"; возможно, Бардесан повлиял и на Порфирия Тирского, сирийца по происхождению.

Армянские литературные памятники

Армянские литературные памятники тоже содержат интересные сведения о Средней Азии¹⁸³. Два ранних армянских исторических сочинения, приписанные Агафангелу и Фавсту Бузанду ("Византийцу")¹⁸⁴, первоначально составлены были, возможно, в IV в. н.э. и, скорее всего, на греческом языке.

В I в. н.э. на армянский и при этом основательно переработаны. В первом сочинении речь шла о событиях IV в. н.э., во втором – о периоде с 320 по 385 г. н.э. Наиболее выдающееся армянское историческое сочинение, "История Армении", автором которой считается Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский) (V в. н.э.), тоже, видимо, обрабатывалось и дополнялось на протяжении VI-IX вв. н.э. В нем излагалась история Армении от начала до 426 г. н.э.¹⁸⁵ Сочинение историка Егнше (V в. н.э.) "О Вардане и войне армянской" посвящено событиям середины того же века¹⁸⁶. По-видимому, Егнше состоял в персидской армии во время военных действий Сасанидов в области Хорасана в 442-448 гг. Продолжением труда Фавста стало историческое сочинение Лазара Парпеци (V в. н.э.), изложение событий в котором было доведено до 485 г. н.э. Наконец, сочинение епископа Себеоса (VII в. н.э.) посвящено истории Армении с древнейших времен до 661 г. н.э.¹⁸⁷ Это основные исторические сочинения армянских авторов, имеющие значение для нашей темы; но ими не исчерпываются армянские литературные тексты, содержащие сведения о древней Средней Азии.

Вышеназванные сочинения армянских авторов сообщают о Средней Азии, главным образом, в связи с событиями, происходившими на восточных рубежах державы Сасанидов. Они по традиции продолжают говорить о стране Кушанов, хотя одновременно упоминают или о хионитах, или об эфталтах, считая эти названия синонимами слова "Кушаны". Центром этой страны им представляется город Балх. Источники перечисленных авторов разнообразны: это и сочинения предшественников, в том числе греческие и сирийские; и свидетельства очевидцев; и даже собственные наблюдения. Тем не менее, в сообщениях армянских авторов, особенно о древнейших временах, много домыслов, – что, видимо, объясняется отсутствием собственной литературной традиции до V в. н.э. Таково, например, утверждение о древней связи армянских Аршакидов с Балхом. Более достоверны, хотя и довольно тенденциозны, сведения о событиях, современных или близких по времени авторам. Фавст, Лазар и Себеос пользовались, по всей вероятности, свидетельствами армян – участников сасанидских походов в страну Кушанов; а Егнше, как отмечалось выше, сам был участником одного из таких походов. В сообщениях Себеоса об этих событиях можно даже проследить отголоски иранского эпоса.

Особое значение имеет армянское географическое сочинение Апхарацуйц¹⁸⁸. Сначала оно приписывалось Мовсесу Хоренаци, теперь чаще считают его автором армянского ученого Ананио Ширакаци (VII в. н.э.). В основе этого сочинения лежит "География" Клавдия Птолемея. Однако из географической номенклатуры греческого оригинала в армянской географии осталась лишь часть. Другая часть названий относится к VII и даже VIII в. н.э. Основные среднеазиатские области отнесены к странам Хорасана (Востока) и Апахтарка (Севера), Сагастан причислен к странам Немроза (Юга). Источником для этого труда послужили, кроме книги Птолемея, и другие литературные произведения, в том числе сочинения армянских историков; а также какие-то документальные материалы, например, списки епархий из упомянутой сирийской "Книги синодов".

**Авторы
мусульманского
времени**

Важнейшее значение как источник по древней истории Средней Азии имеют произведения авторов мусульманского времени, писавших на новоперсидском и арабском языках¹⁹⁷. Хронологически они выходят за рамки нашего обзора, но тем не менее содержат ценные сведения о доисламских временах, так как прямо продолжают пехлевийскую литературную традицию или воспроизводят местные исторические предания. Произведения эти можно разделить на такие группы: общие труды по истории или географии; сочинения на локальные темы, посвященные отдельным местностям; научные работы на специальные темы.

В мусульманское время продолжала пользоваться большой популярностью пехлевийская "Худайнаме" ("Книга владык"). Вскоре после арабского завоевания произведение это стали переводить на арабский язык¹⁹⁸. Одним из самых популярных был перевод, который сделал перс Ротбех, известный под именем Иби ал-Мукаффа (VIII в. н.э.). Но до нашего времени ни один из этих переводов не дошел.

Особенно большое внимание уделяли "Худайнаме" в эпоху Саманидов, когда стали возрождаться иранские культурные традиции¹⁹⁹. Свод различных версий "Книги владык" был завершен под руководством известного деятеля той эпохи Абу Мансура и с помощью зороастрийских мовбедов в Тусе в 957 г. н.э. Не сохранился и этот труд, не считая предисловия. Переложить его в стихи взял известный поэт Дакики, происходивший, как предполагают, из Балха. Но он не довел дело до конца. Грандиозную задачу изложения в стихах всей "Книги владык" выполнил Фирдоуси, включив в свой труд и часть стихов Дакики. Абулкасым Фирдоуси (X-XI вв. н.э.) родом из Туса закончил свою знаменитую поэму "Шахнаме" в первой редакции около 994 г. н.э., а в последней — около 1010 г. н.э., уже при Газневиде Махмуде, когда Саманиды сошли со сцены. В поэме изложена доисламская история Ирана с древнейших времен. Мифологический ("Пиндадиды") и легендарный ("Кеяниды") разделы поэмы в их древнейшей части восходят сами, как уже отмечалось выше, к древнему эпосу народов Средней Азии и Восточного Ирана. В историческом разделе ("Сасаниды") содержатся интересные и вполне реальные данные, имеющие отношение к Средней Азии, — например, о хайталах (эфталитах) и тюрках¹⁹².

С развитием мусульманской историографии¹⁹³ стали привлекать внимание историков и арабские переводы "Худайнаме". Их использовали при составлении всеобщих историй для написания разделов о доисламском Иране и Средней Азии. Так поступил Табари (IX-X вв. н.э.), создавая свое сочинение "История пророков и царей" на арабском языке¹⁹⁴. Балами (X в. н.э.), переводя это сочинение на персидский, использовал дополнительные версии "Худайнаме". Так поступали и другие историки того времени, например, Иби Кутейба (IX в. н.э.), Динавари (IX в. н.э.), Якуби (IX в. н.э.), Хамза Исфакхани (X в. н.э.); причем возможно, что некоторые из них знали, наряду с арабским переводом "Книги владык", еще и ее пехлевийский оригинал. Однако те же историки не только повествовали о прошлых временах, основываясь на пехлевийских источниках, но и описывали события арабского завоевания Средней Азии и обстановку, сложившуюся там к тому времени. Здесь к уже упомянутым именам можно добавить историков Белазури (IX в. н.э.), ал-Куфи (IX в. н.э.), Иби ал-Асира (XII-XIII вв. н.э.).

Ценным источником для древней истории Средней Азии могут послужить труды географов мусульманского времени¹⁹⁵. Сведения о древности могут быть

в виде сообщений о пережитках древности. Выдающимися географами, описывавшими Среднюю Азию, являются Ибн Хардадбех (IX-X вв. н.э.), Истархи (X в. н.э.), Ибн Хаукаль (X в. н.э.), Мукаддаси (X в. н.э.). Особо следует отметить анонимное сочинение "Пределы мира", написанное на персидском языке в Гузгане (Афганистан, около 982 г. н.э.). Будучи описанием всего мира, наибольшее внимание оно уделяет, однако, Хорасану и Мавераннахру¹⁹⁶. Можно выделить также группу географических сочинений, построенных на основе трудов Клавдия Птолемея¹⁹⁷ – античного ученого, вообще очень авторитетного среди мусульманских географов. Здесь нужно назвать прежде всего сочинение "Книга картины Земли", принадлежащее выдающемуся ученому ал-Хорезми, хорезмийцу и, как предполагают, бывшему зороастрийцу (VIII-IX вв. н.э.)¹⁹⁸, написанное между 836 и 847 гг. н.э. В этом труде, представляющем собой любопытную переработку географического сочинения Птолемея, древняя основа дополнена более поздними и современными автору данными¹⁹⁹.

Много сведений о древности содержится и в сочинениях мусульманского времени на локальную тему. Известно немало трудов исторического и географического содержания, написанных в первые века ислама и посвященных почти каждой из областей мусульманского мира. Одни из них в большей мере, другие – в меньшей содержат сведения о доисламских временах. Таковы сочинения, посвященные Бухаре, Самарканду, Балху, Систану, Герату, Нишапуру, Табаристану. Очень ценные сведения о древностях приводятся в "Истории Бухары" Наршахи, написанной на арабском языке около 933 г. Затем она была переведена на персидский язык, дополнена в XII в. н.э. Кубави, а окончательно она оформилась в XVI в.²⁰⁰ Интересные сведения содержатся и в "Истории Самарканда" (XII в. н.э.) тоже написанной на арабском языке, но дошедшей до нас в сокращенных персидских переводах под названием "Кандия Малая"²⁰¹. Такого же рода сочинения о Балхе "Фазали или Балх", составленное на арабском языке около 1213 г. Сафи-ад-Дином ал-Балхи, но сохранившееся только в персидском переводе 1278 г.²⁰² Важным источником по легендарной истории и географии Систана справедливо считается анонимная "История Систана", созданная на персидском языке в XI в. н.э. и продолженная в XVI в. н.э.²⁰³ То же можно сказать и об "Истории Табаристана", написанной на персидском языке около 1210г. н.э. Ибн Исфандияром²⁰⁴.

Интереснейшие сведения о древней Средней Азии рассыпаны в разнообразных трактатах мусульманского времени о минералах, флоре, фауне, на медицинские темы, а также о хронологии, иноземных обычаях и воззрениях. Здесь самый показательный пример – труды выдающегося ученого Абу-Рейхана ал-Бируни (X-XI в. н.э.)²⁰⁵, хорезмийца по происхождению, но писавшего по-арабски, особенно такие, как "Памятники минувших поколений" (около 1000 г. н.э.), "Разъяснение принадлежащих индийцам учений..." (или просто "Индия") (около 1030 г. н.э.). В первом сочинении содержатся бесценные сведения о хронологических системах, эрах и календарях, а вместе с ними и другие данные, касающиеся ряда древних народов, в том числе согдийцев, хорезмийцев, сисланцев. Во втором сочинении, посвященном в целом Индии, имеются интересные данные, относящиеся и к Средней Азии.

Следует сказать, что литературные памятники мусульманского времени содержат и прямые переводы пехлевийских книг. Таково "Письмо Тансара", представляющее собой новоперсидский перевод (включенный в упомянутую выше "Историю Табаристана") арабского перевода пехлевийского сочинения, составленного в виде письма Тансара (верховного жреца Арташира I)

шаху Табаристана. Предполагают, что оно восходит к подлинному документу III в. н.э., но в настоящем своем виде оформлено в VI или VII вв. н.э. И этот памятник содержит кое-какие сведения о Средней Азии, в нем упоминается Хорезм и содержится намек на абделов (эфталитов)²⁰⁶. Можно назвать еще такое интересное сочинение, как "Зардуштнаме", составленное на новоперсидском языке зороастрийцем Бахрамом ибн Пажду из Рей в XIII в. н.э. В нем упомянут в связи с жизнеописанием Зороастра ряд местностей Средней Азии, и в том числе – Балх, в качестве резиденции Виштаспа, где проповедовал Зороастр. Считается, что автор этого сочинения использовал какие-то не дошедшие до нас авестийские тексты²⁰⁷.

Индийские источники

Они охватывают длительный период времени, но относятся преимущественно к приграничным с Индией территориям Средней Азии и Восточного Ирана, а по содержанию фрагментарны и кратки, к тому же с трудом поддаются точной датировке²⁰⁸.

Самые древние индийские тексты – Веды и примыкающая к ним религиозная литература (2-я половина II – 1-я половина I тыс. до н.э.),²⁰⁹ не содержат прямых, во всяком случае, бесспорно прямых сведений о Средней Азии. Но в них содержится много мифов, описаний обычаев, обрядовых предписаний, которые восходят к глубочайшей древности и, несомненно, бытовали у далеких предков индийцев и вообще индоиранцев, когда те обитали еще на территории Средней Азии. Эти данные имеют значение косвенных свидетельств при интерпретации археологических материалов с территории Средней Азии эпохи бронзы.

Упоминания о среднеазиатских народах и странах имеются в великих произведениях индийского эпоса²¹⁰ – Махабхарате²¹¹ и Рамайне²¹². Текст обеих поэм оформился в основном к V в. н.э., но первоначальное ядро первой поэмы сложилось еще в IV-III вв. до н.э., второй – приблизительно во II в. до н.э. Сюжет Махабхараты строится вокруг вполне реального события – битвы на Курукшетре (X или IX в. до н.э.), но упоминания о бакликах (бактрийцах) и камбоджийцах (жители Восточного Ирана), явангах (греках), саках, тохарах и т.п., встречающиеся чаще в Махабхарате, реже в Рамайне, относятся ко времени не ранее чем к периоду сложения первоначального ядра этих поэм.

Пураны²¹³ (текст их оформился преимущественно в IV-VI вв. н.э.), хранят древние мифы и предания, а также сведения из области реальной истории и географии; говорят о явангах и тохарах в связи с событиями индийской истории – например, о нашествии явангов и их союзников на Паталипутру, столицу Магадхи (II в. до н.э.), упоминают о великих среднеазиатских реках Вакишу (Амударья) и Сита (Сырдарья).

Произведения индийской художественной литературы тоже содержат иногда интересные исторические сведения. Их дает и творчество великого Калидасы²¹⁴ (IV-V вв. н.э.). Так, в одной из его драм "Малавика и Агнimitра" упоминается о столкновении царя Магадхи из династии Шунга с явангами (имеются в виду греки эллинистической Бактрии, примерно в середине II в. до н.э.).

Содержательный источник представляет собой политический трактат Артхашастра²¹⁵, приписываемый Каутилье, советнику царя Чандрагупты (IV в. до н.э.). Возможно, первоначальное ядро его, действительно, было создано в школе Каутильи, в эпоху династии Маурья (IV-II вв. до н.э.), но окончательная редакция относится к гораздо более позднему времени (III-IV вв. н.э.). Трактат этот – идеальное описание государственного устройства, пра-

вил управления подданными и ведения войны, судопроизводства и т.д., оформленное в виде советов царю. В нем неоднократно и по разным поводам упоминаются бактрики, камбоджийцы и соседние с ними народы и страны. Но главное в том, что содержащиеся в трактате данные о политическом и социальном устройстве могут быть распространены не только на Индию эпохи после завоеваний Александра, но и на тесно связанные с ней области Средней Азии и Восточного Ирана того же времени.

Своеобразным, но ценным источником являют собой труды индийских грамматиков. В них отдельные грамматические правила демонстрируются на примерах, содержащих массу самых разнообразных сведений из всех областей жизни; и что особенно важно – сведения эти нередко относятся к областям, примыкающим к Индии с запада. Такие сведения дает и выдающийся индийский грамматик Панини в труде "Аштадхьяи". Он был уроженцем Северо-Западной Индии, а время жизни его часто относят к V в. до н.э. Но судя по тому, что в труде его имеются данные, явно относящиеся к эллинистическому времени, приходится считать: или сам автор жил несколько позже, или труд его включил поздние интерполяции, без которых, в сущности, не обошлось ни одно из произведений древнеиндийской литературы. В труде Панини имеется много упоминаний о разных областях Северо-Западной Индии и о соседних с ними бактриках, камбоджийцах, яванах, Капише (в области Кабула)²¹⁶. Дополнительные сведения о них можно найти у других грамматиков – комментаторов Панини; в частности, у Патаанджали (II в. до н.э.), в труде которого "Махабхашья" сообщается, между прочим, о военных действиях яванов в Индии во времена династии Шунга²¹⁷.

Источником могут служить и астрономические труды. Сведения их тоже разнообразны. Так, у известного индийского астронома Варахамихиры (VI в. н.э.) в сочинении "Брихатсамхита" содержатся перечни многих областей, граничавших с Мадхьядешей (Центральной Индией), где упоминаются Камбоджа и соседние области²¹⁸. Сведения Варахамиры могут восходить к довольно древним источникам; он использует, например, данные более раннего астрономического трактата "Гаргисамхита" (I в. до н.э.).

Буддийская литература тоже стоит в ряду важных источников по древней истории Средней Азии, так как именно буддизм более всего связывал в культурном отношении Среднюю Азию с Индией. Источником могут служить, например, многочисленные джатаки (III-I вв. до н.э. и позднее) – рассказы о жизни Будды²¹⁹. Особо следует отметить буддийское сочинение "Миллиндапанха"²²⁰ (рубежи первого века до нашей эры – первого нашей), составленное в виде беседы царя Миллиды (Менандр, II в. до н.э.) с буддийским монахом Нагасеной. Здесь содержатся интереснейшие данные об эпохе продвижения в Индию бактрийских греков; отражены условия, общие в эллинистическое время, надо думать, и для Северо-Западной Индии, и для Бактрии, Арахосии и других областей. Можно также назвать цейлонскую историческую хронику "Махавамса"²²¹, где упомянут Александр, город яванов (Александрия в Паропамисадах, известие относится к I в. до н.э.) – как один из пунктов, откуда прибыли на Цейлон буддийские монахи.

Индийские надписи²²² тоже представляют собой один из источников по древней истории Средней Азии. Это, прежде всего, наскальные эдикты царя Ашоки (III в. до н.э.), содержание которых частично воспроизведено в упомянутых выше греческих и арамейских версиях этих документов. В V и XIII больших наскальных эдиктах упомянуты яваны, камбоджийцы среди подвла-

стных Ашоке народов. Определенный материал содержат и индийские надписи кушанского времени и времени правления сакских династий в Индии. В них упоминаются бахлики и саки, встречаются восточноиранские имена и термины. Некоторые данные можно найти и в надписях эпохи Гупттов. Бахлика упоминается в надписи Чандрагупты II, IV-V вв. н.э.) на железной колонне в Дели. Короткие индийские надписи (как письмом кхароштхи, так и письмом брахми) найдены и на территории Средней Азии. Например, в Дальверзине, на Западном Памире; но более всего – в буддийских культовых местах, в развалинах буддийских монастырей, особенно на Каратепе²²⁷. Недалеко от этого места, в Зантпе, обнаружены остатки более поздних индийских рукописей²²⁸.

Китайские источники

Относятся они ко времени поздней древности, но имеют в поле своего зрения всю Среднюю Азию; они содержат систематические описания отдельных областей и народов Средней Азии и связанных с ними событий, сведения их достаточно полны, разносторонни и относительно точны²²⁹.

Весьма содержательные источники по истории Средней Азии – произведения китайской историографии²³⁰. Первым собственно историческим трудом, посвященным всей предшествующей истории Китая, является обширное сочинение китайского “отца истории” Сыма Цяня (145-86 гг. до н.э.), известное под названием “Шинци” (“Исторические записки”) и написанное к 91 г. до н.э.²²⁷ За ним последовал длинный ряд “династийных историй” – сочинений, посвященных описанию времени правления одной династии. Таковы истории династии Хань: “Цяньханьшу” (“История ранней династии Хань”), написанная тоже выдающимся историком Бань Гу, около 90 г. н.э.²²⁸; сокращенная обработка ее “Ханьцзи” (“Анналы династии Хань”), выполненная историком Сянь Юэ (II-III вв. н.э.) к 200 г. н.э.; “Хоуханьшу” (“История поздней династии Хань”), охватывающая время с 25 по 220 г. н.э., автором которой был Фан Е (начало V века н.э.)²²⁹. Таковы же и последующие династийные истории: “Вэйлюэ” (“Обзор династии Вэй”), посвященная кратковременной династии Цао Вэй и касающаяся времени с 220 по 265 г. н.э.²³⁰; это сочинение дошло до нас лишь в виде фрагментов, включенных в составленный позднее (в конце III в. н.э.) труд Саньгочжи (“Описание трех царств” – одним из царств и было Цао Вэй); “Цзиньшу” (“История династии Цзинь”), повествовавшая о времени с 265 по 420 г. н.э. и написанная в середине VII в. н.э.; “Суньшу” (“История династии Сун”) – о времени с 420 по 479 г. н.э., написанная в конце V в. н.э.; “Вейшу” (“История династии Вэй”) – о времени с 386 по 584 г. н.э. и опубликованная в 572 г. н.э.; “Лианьшу” (“История династии Лиань”) – о времени с 502 по 557 г. н.э., опубликованная в 629 г. н.э.; “Чжоушу” (“История династии Чжоу”) – о времени правления династии Бэй Чжоу (557-581 гг. н.э.)²³¹; “Суйшу” (“История династии Суй”) – о времени правления династии Суй (581-618 гг. н.э.), написанная в эпоху Тан, в VII в. н.э.; “Бейши” (“Северная история”) – о времени с 386 по 618 г. н.э., охватывающая события правления династий Вэй (Юань Вэй), Чжоу (Бэй Чжоу), Ци и Суй и написанная тоже в эпоху Тан – она и составлена была в значительной мере по материалам соответствующих династийных историй. Наконец, “Синьтаньшу” (“Новая история династии Тан”) и “Цютаньшу” (“Старая история династии Тан”) – о времени правления династии Тан (VII – начало X в. н.э.), написанные в X и XI вв. н.э.²³²

Во всех этих трудах, начиная с “Шинци”, содержались сведения о Средней

Азии – в одних больше, в других меньше. В династийных историях традиционно выделялся особый раздел для “повествований о Западном крае”, где рассказывалось и о среднеазиатских областях и народах – таких, как Большой Юэчжи (тохары, затем Кушанское государство), Даха (Бактрия), Тухоло (Тохаристан), Давань (Фергана), Кангюй (Канг), Иса и Идань (эфталиты), тюрки и т.п., упоминается также множество городов, рек, гор и прочих мест. Описание каждой области построено по определенной схеме. Династийные истории составлялись, как правило, после прекращения той династии, которой они были посвящены, но на основе документов, созданных еще в период ее правления. Это были придворные летописи, отчеты о посольствах и военных походах, сообщения об иностранных посольствах в Китай, докладные записки императору и распоряжения самого императора и т.п.

Сношения китайцев со Средней Азией начались в связи с упорной борьбой Китая с хуннами во II в. до н.э. Первым китайцем, посетившим Среднюю Азию, был посол Чжан Цянь, побывавший там во второй половине II в. до н.э. дважды (впервые в 138-126 гг. до н.э.). Он прошел через ряд среднеазиатских областей и достиг Бактрии²³³. Сведения Чжан Цяня и данные о последующем походе китайцев на Давань (в самом конце II в. до н.э.) использованы и в “Шицзи”, и в “Цяньханьшу”. Но вопрос о соотношении этих двух сочинений (в том числе и их данных о Средней Азии) не вполне ясен: известно, что автор “Цяньханьшу” много заимствовал из текста “Шицзи”; в то же время убедительно показано: для реконструкции утерянных частей “Шицзи” были использованы данные “Цяньханьшу”. Сведения о военных действиях китайского полководца Бань Чао в Восточном Туркестане (94-96 гг. н.э.)²³⁴ и о путешествии посланного им (в 97 г. н.э.) Гань Ина в страну Аньси (государство Аршакидов) вплоть до Вавилонии послужили основным источником при описании Средней Азии и других западных стран для автора “Хоуханьшу”. Сведения о посольстве Туи Юаня и Гао Миня, побывавших в эпоху Вэй в Средней Азии (V в. н.э.) и о посольстве Вэй Цзе, посетившего в эпоху Суй ряд ее областей, включая, видимо, и Согд (начало VII в. н.э.) послужили аналогичным источником для династийных историй соответствующего времени. В “Суйшу” и “Таншу” используются в качестве источников для описания Средней Азии уже и данные буддийских паломников (V-VIII вв. н.э.). Разумеется, сведения о походах и путешествиях не были единственным источником по Средней Азии для династийных историй.

Не менее ценные источники, чем династийные истории, представляют собой описания путешествий китайских буддийских паломников в Индию. Так как история китайского буддизма была тесно связана со Средней Азией, то китайские буддисты, совершая путешествия по святым местам, посещали и Среднюю Азию. Хотя в центре их внимания – буддийские святыни и монастыри, они дают также подробные и живые описания пройденных ими стран. Одним из первых путешественников в Индию был Фа Сюнь (около 400 г. н.э.). Несколько позднее Среднюю Азию посетил Сон Юн во время своего паломничества в Индию (518-522 гг. н.э.); он прошел через Вахан и Бадахшан и описал их²³⁵. Но самый известный буддийский паломник – Сюань Цзань, который во время своего путешествия в Индию (627-645 гг. н.э.) прошел через Согд, Тохаристан, Арахосию, Вахан и Памир. Обо всех этих и соседних землях он подробно рассказал в своем сочинении “Датансиюэцзи” (“Записки о Западном крае в эпоху Великой Тан”), написанном в 648 г. н.э.; сведения об этом путешествии содержатся в его жизнеописании, составленном буддий-

скими монахами²³⁶. После Сюань Цзана по тем же местам прошел (в 723-729 гг. н.э.) другой буддийский паломник, Хой Чао. Он тоже сообщал о Тохаристане, Каписе и Хутгале, Вахане и Шугнане и других среднеазиатских областях; в сообщениях его уже отражена тревожная обстановка, сложившаяся здесь в связи с вторжением арабов²³⁷.

Древнетюркские рунические надписи

Они относятся к самому концу рассматриваемого времени. Сведения их о Средней Азии не очень обильны, но достоверны, так как это – документальные свидетельства современников или, во всяком случае, сведения содержатся в орхонских надписях (начало VIII в. н.э.) позднего Восточнотюркского каганата²³⁸. Это, прежде всего, пространные надписи в честь Бильге-кагана и его брата Кюль-тегина на стенах, которые входят в состав заупокойных храмовых сооружений, воздвигнутых в центре Монголии в 733 и 735 гг. н.э. Как утверждается в надписях, составлены они были со слов самого Бильге-кагана его родственником Йолыг-тегином. Надписи, кроме тюркского текста, имеют и китайские версии, составленные китайскими авторами²³⁹. О Средней Азии говорится в них, главным образом, в связи с описанием походов тюрков на запад (VI-VIII вв. н.э.): упоминаются Жемчужная река (Сырдарья), Согд, Железные ворота (в районе Дербента); говорится и о посыле согдийцев и других западных народов к тюркам (VIII в. н.э.). Следует отметить также надписи в честь Тоньюкука, тюркского вельможи, современника Бильге-кагана и Кюль-тегина. И эта надпись обнаружена в пределах заупокойного храмового комплекса, но уже другого, посвященного упомянутому лицу, и тоже в Центральной Монголии. Составлена она была еще при жизни Тоньюкука, около 716 г. н.э. В ней упоминается, наряду с прочими событиями, о походе Тоньюкука в Согд.

Вещественные источники

До сих пор мы рассматривали письменные источники. Теперь переходим к другой группе источников – вещественных, добываемых археологическим путем²⁴⁰. Если письменные источники хранят память о прошлом в словесных образах, то вещественные источники представляют собой непосредственные, материальные остатки и следы прошлого. К вещественным источникам относятся, в первую очередь, собственно археологические источники, так называемые артефакты – объекты, носящие следы человеческой деятельности; но к ним же относятся и физические останки самого древнего человека, домашних животных и культурных растений, обнаруживаемых обычно также путем археологических раскопок, но являющихся предметом уже других, специальных наук. Заметим, что и многие письменные источники были обнаружены во время археологических работ, и сам факт обнаружения их в данном месте имел большое значение, независимо от словесного содержания таких памятников. Все сказанное распространяется и на вещественные источники по древней истории Средней Азии.

Археологическое изучение Средней Азии прошло несколько этапов. Началось оно еще в прошлом веке. На первом этапе, который можно датировать концом прошлого – началом нынешнего столетия, оно ограничивалось преимущественно краеведческой работой, разведочными поездками, сбором случайно найденных предметов и т.п. Планомерных раскопок велось еще очень мало. В середине 30-х годов в пределах советской Средней Азии были созданы первые крупные, постоянно действующие археологические экспедиции. В конце

40-х – начале 50-х годов эти и вновь созданные археологические экспедиции стали работать с еще большим размахом и планомерностью. К нашим дням практически все крупные культурные центры древней Средней Азии и прилегающие к ним местности в той или иной мере подвергнуты археологическому изучению. Примерно те же этапы прошла и работа по археологическому изучению Афганистана. Там вели раскопки французская, итальянская, американская, а с 1971 года – и советско-афганская археологические экспедиции. И там археологические исследования дали значительные результаты, но все же белых пятен на археологической карте Афганистана осталось еще много.

Археологические артефакты свидетельствуют, прежде всего, о том, что древняя Средняя Азия прошла все этапы технологического прогресса, засвидетельствованные для древности: век каменных орудий, век медных и бронзовых орудий и, наконец, век железных орудий. Вместе с тем, каменные орудия и другие изделия и следы деятельности древнего человека по обработке камня свидетельствуют о технике этой обработки. Предметы из меди, бронзы и железа, а также остатки орудий литейщика меди, железоплавильных печей, наковален и т.п. свидетельствуют о технике металлургии и металлообработки в древней Средней Азии. Известны также и древние рудники, следы добычи медной и железной руды, золота, серебра, олова на рассматриваемой территории. Большое значение как многогранный источник имеют изделия из глины, особенно керамическая посуда. Но в первую очередь она вместе с остатками керамических мастерских, гончарных печей и т.п. свидетельствует о керамическом производстве. В письменных источниках обо всем этом имеются лишь редкие и скудные сведения.

Такое же большое значение вещественные источники имеют и для характеристики отдельных отраслей производящего хозяйства Средней Азии в древности, точно так же дополняя скудные свидетельства письменных источников. Мотыги, каменные и металлические серпы, зернотерки и жернова, зерновые ямы вместе с находками хлебных зерен дают богатый материал для характеристики земледелия. Огромное значение имеет исследование остатков древних оросительных сооружений, их типов и эволюции. Костные остатки домашних животных дают материал для характеристики животноводства. Находки псалтиев и удила свидетельствуют о способе использования лошади как транспортного животного. Распределение находок, свидетельствующих о земледелии и скотоводстве, по эпохам и регионам позволяет выявить, например, очаги возникновения земледелия в Средней Азии (теперь уже ясно, что она входит в зону древнейшего земледелия) и пути его дальнейшего распространения, ареалы преимущественно земледельческого и преимущественно скотоводческого хозяйства; а изучение соотношения таких находок в пределах одного памятника вкупе с другими признаками позволяет определить и тип земледельческого или скотоводческого хозяйства (например, развитое ирригационное земледелие, кочевое скотоводство, пастушеское скотоводство).

Отдельные археологические предметы из камня, металла, глины, как уже говорилось, свидетельствуют о добыче и обработке камня, металла, о керамическом производстве. В то же время, будучи орудиями труда и предметами быта, все эти вещи могут характеризовать и другие виды технического производства, равно, как и повседневную жизнь. Скажем, прясла и грузила говорят о ткацком производстве. Детали одежды, украшения, посуда и т.п. характеризуют быт. Из того же материала изготавливались и орудия войны: наконечники стрел и копий, мечи и кинжалы, секиры, булавы, ядра для пращи, детали обо-

ронительного доспеха; они дают наглядное представление об оружии и военном деле народов древней Средней Азии. Культовые предметы (например, алтари огня или ступки для растирания хаумы) вносят свою лепту в разрешение сложнейших проблем истории древней Средней Азии. Предметы, найденные на территории Средней Азии, но изготовленные далеко за ее пределами, например в Римской империи, в Египте, в Китае, – представляют собой важное свидетельство роли торговли в истории Средней Азии.

Чрезвычайно ценным источником служат остатки древних поселений. К последнему времени в Средней Азии и Афганистане археологи обследовали огромное количество таких поселений. Выявлены различные их типы, сосуществовавшие или сменявшие друг друга на протяжении веков: отдельные "усадьбы", крупные поселения, двухчастные (акрополь и окружающее селение) и трехчастные (акрополь, собственно город и пригород) поселения; укрепленные и неукрепленные, со сплошной застройкой и разреженные, круглые и прямоугольные в плане и т.п. Они дают представление не только о строительной технике и архитектуре, но и о демографическом аспекте, о социальном строе, – хотя истолкование их в этом аспекте не всегда бывает однозначным. Планы отдельных жилищ часто используют для суждений о форме семьи конкретного общества. Социально значимым является выделение среди жилищ больших строений дворцового типа, например, строений на платформах.

Не менее ценным источником служат остатки культовых и погребальных сооружений (как в пределах поселений, так и вне их): от простых культовых площадок и платформ до настоящих храмов разных типов, от обычных погребений до разнообразных мавзолеев и дахм. Все это тоже материал, дающий богатую и разностороннюю информацию: прежде всего, конечно, о религиозных верованиях и обрядах, о погребальных обычаях и представлениях о загробном мире; но, кроме того, и о многих других областях жизни, например, о социальной стратификации общества, об этнической принадлежности населения.

Археологические комплексы в целом объединяются в археологические культуры, культурные области или провинции и т.д. Каждая из таких культур живет своей жизнью, она может находиться в состоянии расцвета или упадка, территория ее может расширяться или сокращаться; она может распадаться на несколько новых культур, слиться с другой культурой и т.д. Все это относится и к археологическим памятникам Средней Азии. Учет таких данных необходим при изучении этнической истории, в частности, и этнической истории древней Средней Азии. Правда, вопрос о соотношении археологической культуры и этноса сложен и решается по-разному, но в любом случае без учета археологических данных проблемы этнической истории древности рассматривать нельзя.

Отдельные археологические факты могут служить источником даже для политической истории, особенно когда они дополняются параллельными данными письменных источников. Таковы, скажем, факты основания новых поселений, преобразования провинциального поселения в столичное, основания пограничных постов и укреплений, следы пожаров и разрушений и т.п.

Изобразительные источники

Необходимо учитывать еще одну группу источников – изобразительные²⁰. Они сходны с письменными в том отношении, что содержат информацию о прошлом тоже в образах, но не словесных, а изобразительных, иконографических, запечатленных средствами графики, живописи или скульптуры. Они могут давать незаменимую информацию о внешнем облике людей, их одежде, орудиях труда,

предметах быта, оружии, а иногда и об архитектуре, транспортных средствах, типе хозяйства, религии, культурных и торговых связях и т.д.

Самый древний изобразительный источник — наскальные рисунки; впрочем, дагирологи считают их наносили на скалы на протяжении всей древности, и еще позже, вплоть до наших дней. В Средней Азии известно несколько мест со скоплениями таких рисунков: Зараутсай, ряд мест на Памире; известно такое и в Афганистане. Недавно обнаруженные местонахождения в долине Верхнего Инда (Чинас), хотя и находятся за пределами Средней Азии, по сюжетам своих рисунков тесно связаны с ней. Достаточно древней является и мелкая скульптура, преимущественно из глины (коропластика), как полагают, культового характера: она бытует в земледельческих областях Средней Азии и Восточного Ирана, начиная с эпохи неолита и затем, после перерыва, приходящегося на эпохи поздней бронзы и раннего железа, вновь возрождается в последних веках I тыс. до н.э.

Весьма содержательным источником является настенная живопись. Существование такой живописи в Бактрии засвидетельствовано для греко-бактрийского времени (Дизиберджин), позднее — в Систане I-III вв. н.э. (Кухиходжа) и в Хорезме III в. н.э. (Топраккала) и, наконец, особенно обильно в Тохаристане и Согде V-VIII вв. н.э. (Бамнан и Балдахтепе, Пенджикент, Вараша, Афрасиаб и Шахристан и др.). Названные памятники являются неоценимым по наглядности источником, освещающим многие стороны жизни своего времени. Примерно в то же время в Средней Азии появляется высокохудожественная скульптура. Первые ее образцы представлены типично эллинистической скульптурой Айханума, Тахти-Сангина, Нисы, Беграма. На ее основе были созданы местные художественные школы: кушанская (скульптура Халчаяна, Сурхкотала и др.), парфянская, хорезмская. Позднее выделяется буддийская скульптура (представленная, например, находками в Аджонатапе). Произведения всех этих направлений обладают как источники большой информативной ценностью.

Отдельно следует отметить изобразительный материал, содержащийся в художественных изделиях (преимущественно из драгоценного металла, камня, слоновой кости и т.д.), обнаруживаемых обычно в составе кладов или в инвентаре богатых погребений: это мелкая скульптура, изображения на сосудах или просто пластинах. Клады с такого рода предметами оставались на рассматриваемой территории еще в древнейшие времена: таковы клады из Астрабада и Фулла. Знаменитый Амударьинский клад относится главным образом к ахеменидскому времени. Клад в Тиллятепе — к кушанскому времени. Вещи из курганов местных скифов (саков) свидетельствуют об особом, своеобразном мире скифского изобразительного искусства. Серебряные сосуды с интереснейшими изображениями изготовлялись, видимо, в Согде и Хорезме VI-VIII вв. н.э., хотя найдены они в большинстве случаев за пределами Средней Азии. Специфическим для Средней Азии источником является тот изобразительный материал, который представляют осуарии со статуарным или "архитектурным" оформлением, со скульптурными деталями.

Необходимо учитывать также изобразительный материал, касающийся Средней Азии и Восточного Ирана, но происходящий из иных стран. Выше уже говорилось об ассирийских и ахеменидских изображениях представителей восточных народов. Из ахеменидского материала, кроме упомянутых уже Нахши-рустамских изображений, сопровождаемых надписями, исключительную ценность представляют персепольские рельефы²⁴³. Интересны также терракоты, изображающие, видимо, жителей Средней Азии, распространенные в западных областях Ахеменидской державы.

Нумизматические материалы

Своеобразным видом источников являются нумизматические материалы – главным образом монеты²⁴. Это, можно сказать, комплексный источник: он совмещает в себе качества вещественного, письменного и изобразительного источников. Значение монет как исторического источника тоже универсально: помимо своего основного предназначения – служить свидетельством об уровне и характере товарно-денежных отношений, они содержат в себе данные о множестве других сторон жизни общества. Это данные, относящиеся к политической истории, к языку и письменности, к истории искусства, религии, мерам веса, металлургии и т.д. Очень часто нумизматический материал дает такую информацию, которой не найти ни в одном другом виде источников. Монеты впервые появились на территории Средней Азии и Восточного Ирана в ахеменидское время, но производилась ли здесь чеканка монет уже в то время – вопрос. Первые монетный двор в Бактрах создал, видимо, Александр Македонский. Позднее, при Селевкидах, греко-бактрийских царях, Кушанах и их преемниках, монеты чеканили и в Бактрах – Балхе и во многих других центрах. Наряду с местными монетами обращались, конечно, и иноземные. Территориальное и хронологическое распределение монет местной чеканки и иноземных, оригинальных и “подражательных” позволяет сделать очень важные исторические выводы.

Обзор литературы

Обзор литературы по древней истории Средней Азии мы даем как продолжение соответствующего обзора, помещенного в первом издании “Истории таджикского народа”. В данном обзоре мы ограничимся лишь обобщающими или сводными работами на широкие темы или по наиболее важным проблемам, не учтенными в первом издании и опубликованными в основном после выхода его на свет. Для более полного ознакомления с литературой можно воспользоваться библиографическими материалами, имеющимися в указанных в данном обзоре трудах, в периодически публикуемых историографических обзорах²⁵ и в специальных библиографических пособиях²⁶.

В течение рассматриваемого времени, т.е. за последние тридцать лет, было опубликовано немало обобщающих работ по истории древней Средней Азии. Крупным событием в науке является выход в свет книги академика Б.Г.Гафурова (ответственный редактор Б.А.Литвинский), посвященной ранней истории таджикского народа²⁷. Продолжали выходить новые издания обобщающих работ по истории среднеазиатских республик²⁸, новые работы по истории Средней Азии в целом²⁹, в том числе обширный труд Ф.Альтхайма и Р.Штиль (в сотрудничестве с рядом других ученых) по истории древней Средней Азии, основанный во многом на более ранних работах Ф.Альтхайма³⁰, наконец, новые работы по истории Афганистана³¹ и Ирана³². Следует отметить также сборники статей по истории Средней Азии, в значительной степени или целиком посвященные древности³³; целая серия таких сборников вышла под редакцией Б.Г.Гафурова и Б.А.Литвинского³⁴.

За рубежом выходят труды, посвященные истории Ирана в широком смысле, т.е. истории всех ираноязычных народов. Поскольку ираноязычное население преобладало в Средней Азии на протяжении всей древности, понятно, что Средней Азии в таких трудах уделяется большое внимание. Таковы обобщающие работы Р.Н.Фрая о древнем Иране³⁵. Таков многотомный университетский труд “Кембриджская история Ирана”, который является крупнейшей вехой в изучении истории не только Ирана, но и Афганистана, и Средней Азии и, прежде всего, древней их истории³⁶. Активное участие в создании этого труда принимали советские ученые. То же можно сказать и о не-

скольких зарубежных сериях универсальных иранистических сборников²⁵⁷. Значительнейшим международным научным предприятием можно считать и начало выпуска иранистической энциклопедии, в которой Средней Азии и древности также уделяется большое внимание²⁵⁸. И в этом деле участвуют ученые из республик бывшего СССР.

К настоящему времени собран громадный материал по древнейшей истории Средней Азии и Афганистана – главным образом археологический. Опыт обобщения этого материала в историческом плане сделан В.М.Массоном²⁵⁹, но со времени выхода в свет его монографии появилось множество новых данных. Эти данные сейчас обобщаются по каждому отдельному кругу проблем, например, по проблемам социальной структуры²⁶⁰, культуры²⁶¹. К изучению древнейшего прошлого Средней Азии подключаются и зарубежные ученые. Оно становится объектом внимания международных научных встреч, например, советско-индийского²⁶² и советско-американского²⁶³ симпозиумов. Однако построение полной картины древнейшего и древнего прошлого Средней Азии с привлечением археологических фактов и других материалов, особенно лингвистических, а также данных зороастрийской традиции – задача будущего.

Ахеменидская эпоха, которая являлась важным этапом и в истории Средней Азии, продолжала привлекать внимание ученых и в рассматриваемое время. Выходит в свет ряд фундаментальных работ М.А.Дандомаева²⁶⁴. За рубежом выходит второе издание работы А.Т.Олмстеда²⁶⁵ и другие обобщающие труды²⁶⁶, в том числе и работа П.Бриана, специально посвященная Средней Азии в ее взаимоотношениях с ближневосточными державами²⁶⁷. Нужно также отметить посмертное издание работы Э.Херфельда, посвященной исторической географии, где уделено внимание и Средней Азии ахеменидского периода²⁶⁸. Однако комплексное изучение всей совокупности археологических и письменных данных о Средней Азии ахеменидского времени – тоже еще впереди.

Походы Александра Македонского, самым непосредственным образом затронувшие Среднюю Азию, явились предметом многих специальных монографий, посвященных как вообще походам Александра²⁶⁹, так и именно восточной политике Александра²⁷⁰. Во всех этих трудах так или иначе присутствуют и среднеазиатские темы. Эллинистический мир, органической частью которого являлась Средняя Азия, тоже освещен в ряде капитальных монографий, охватывающих как эллинистические государства в целом²⁷¹, так и специально эллинистический Восток²⁷². Проблемы и факты, которые исследуются в этих работах, имеют прямое отношение к Средней Азии. Эллинистическое государство Селевкидов, непосредственно в состав которого и входила Средняя Азия, в свою очередь, исследуется в ряде монографий²⁷³. Отметим работу Х.Шмидта, посвященную селевкидскому царю Антиоху III, совершившему поход в Бактрию и Индию, в связи с чем автор подробно рассматривает исторические события, происходившие в Средней Азии и Восточном Иране того времени²⁷⁴. Часть Восточного Ирана от Селевкидов отошла во владения индийской династии Маурья, поэтому и работы, посвященные истории государства Маурья²⁷⁵, имеют отношение к теме нашего обзора. Политическим и культурным центром эллинизма в Средней Азии являлось Греко-Бактрийское царство, и последние годы дали много новых ценнейших материалов (археологических, лингвистических и нумизматических), позволяющих полнее представить его историю. Эти материалы учтены в весьма содержательной монографии П.Бернара²⁷⁶.

Парфянское государство Аршакидов, первоначальное ядро которого находилось на территории Средней Азии и которое в дальнейшем распростра-

нилось на значительную часть Средней Азии, также не оставалось без внимания со стороны ученых в течение рассматриваемого времени: ему был посвящен ряд монографий²⁷⁷. Особо следует отметить обобщающую работу Г.А.Копеленко²⁷⁸, хорошо знакомого с памятниками коренной среднеазиатской территории. В серии специальных работ И.Вольского по проблемам ранней (т.е. тоже среднеазиатской) истории парфян²⁷⁹.

Кушанская империя, тоже получившая начало на территории Средней Азии, изучалась в те же годы особенно интенсивно: история ее послужила темой международной конференции, состоявшейся в Душанбе в 1968 г. Труды этой конференции изданы²⁸⁰. Большой проблемой является хронология кушанской истории²⁸¹; один из альтернативных вариантов этой хронологии предложен Е.В.Зеймалем²⁸². Истории кушанской Бактрии, которая являлась политическим ядром Кушанской державы, посвящена содержательная монография Б.Я.Ставиского²⁸³.

Сасанидская эпоха в истории Ирана, которая не может быть понятна без учета связей со Средней Азией и Восточным Ираном, послужила темой для ряда монографий В.Г.Луконина²⁸⁴. В этих работах рассматривается преимущественно ранняя история Сасанидов. А поздней истории Сасанидов посвящена монография А.И.Колесникова²⁸⁵.

Гуны и связанные с ними народы, в частности, эфталиты, основавшие новые государства в Средней Азии на развалинах Кушанской империи, также были предметом изучения в последние десятилетия. Истории гунов посвятил свои монографии Л.Н.Гумилев²⁸⁶. Истории гунских народов посвящен и многотомный труд Ф.Альтхайма²⁸⁷, во втором томе которого говорится об эфталитах. Древние тюрки Тюркского каганата, теснейшим образом связанные со Средней Азией, их история, послужили темой большой монографии Л.Н.Гумилева²⁸⁸. Следует отметить, что указанные труды Л.Н.Гумилева во многом написаны с позиций не строго научных, а скорее историко-романтических.

Региональный обзор литературы по древней истории Средней Азии мы начнем с Бактрии-Тохаристана. Литература по указанному региону, как, впрочем, и по другим, за обозреваемый период свидетельствует своим содержанием о явном перевесе в сторону археологии; однако в крупных обобщающих работах, монографиях и статьях содержатся ссылки на письменные источники и присутствуют, в большей или меньшей мере, элементы исторического синтеза. Проблемы древней истории этого региона обсуждались на нескольких общесоюзных и международных встречах ученых: на советско-французском симпозиуме "Археология древнейшей Бактрии" в Душанбе, 1982 г.²⁸⁹; на конференции "Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке" в Москве, 1983 г.²⁹⁰; на советско-французском коллоквиуме "Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. – VIII в. н.э.) в Самарканде, 1986 г.²⁹¹. Были выпущены сборники, посвященные Бактрии²⁹², и появилась даже серия трудов под названием "Древняя Бактрия"²⁹³. За то же время был издан ряд крупных обобщающих работ, преимущественно в виде монографий или серий изданий, содержание которых по частям охватывает всю территорию Бактрии-Тохаристана с древнейших времен до поздней древности. По Южному Таджикистану это работы А.М.Мандельштама, Б.А.Литвинского, Т.И.Зеймал, А.В.Седова, В.С.Соловьева, И.Р.Пичихяна, Л.Т.Пьянковой. По Юго-Восточному Узбекистану – работы Г.А.Пугаченковой, А.А.Аскарлова, Л.И.Альбаума, Э.В.Ртвеладзе, А.С.Сагдуллаева, Ш.Р.Пидаева, В.Н.Абдуллаева. По Восточной Туркмении – В.Н.Пилишко. По Северному Афганистану – В.И.Сарианиди, И.Т.Крутиковой и французских исследователей Д.Шломберже, Ж.К.Гардена, П.Бернара, А.П.Франкфора, П.Лериша, Ф.Грне, П.Жентеля и еще ряда дру-

гих; следует отметить также работы афганских ученых К.Муставинди и З.Тарзи. По древнейшей истории того же региона – работы В.А.Рамова для Южного Таджикистана и преимущественно Л.Дюпри – для Афганистана.

По Средней Азии были опубликованы и собственно исторические монографии О.И.Смирновой²⁹⁴ и А. Джалилова²⁹⁵, а также работы Е.В.Зеймала по политической истории²⁹⁶, но в основном – труды преимущественно археологического содержания, основанные на богатых и свежих раскопанных данных. Таковы работы А.М.Белезницкого, Б.И.Маршака, В.И.Распоповой, Г.А.Пугаченковой, Л.И.Альбаума, В.А.Шипкиной, Ю.Якубова и, для более раннего времени Я.Г.Гудямова, Т.Ширинова и А.И.Исхакова. По Южному Согду – работы М.Е.Массона, С.К.Кабанова, Р.Х.Судейманова, М.Х.Исамиддинова, С.Б.Луниной. По Северному Согду – Уструшане – Н.Н.Негматова, У.П.Пулатова, А.И.Билалова. По степным племенам, примыкающим к согдийским оазисам, – О.В.Обельченко. О следах древних религиозных верований в представлении современного населения долины Зеравшана писал О.Муродов²⁹⁷.

По Хорезму был опубликован и общий исторический очерк²⁹⁸, и ряд сборников²⁹⁹, и монографий С.П.Толстова, М.А.Итиной, Б.В.Андрианова, В.Н.Ягодина, М.Г.Воробьевой, Б.И.Вайнберг, Е.Е.Неразик, А.В.Гудковой, а по древнейшему прошлому – А.В.Виноградова. Некоторые из этих монографий содержат наряду с археологическими материалами и собственно исторические разделы³⁰⁰. Отметим специальные работы по истории религиозных верований древних хорезмийцев, созданные Ю.А.Рапопортом³⁰¹ и, на основе этнографических данных, – Г.П.Снесаревым³⁰², а также попытку реконструкции древней истории Хорезма на основе фольклорных данных, предпринятую Л.С.Толстовой³⁰³. По степной периферии Хорезма, по области ильвов Аму-дарьи и Сырдарьи – сборники³⁰⁴ и монографии М.А.Итиной, Л.М.Левинной, О.А.Вишневской, В.Н.Ягодина, Ю.П.Маньлова и других. По южным подступам к Хорезму, по областям Узбоя – работы Х.Юсупова.

По Парфии и примыкающим к ней областям в пределах Южного Туркменистана опубликованы монографии В.М.Массона, В.И.Сарианиди, И.Н.Хлопина, Г.Н.Лисициной и других, о древнейшем прошлом этого региона – монографии А.Губаева и К.Курбансахатова. По Парфии в пределах Ирана – работы И.Хансмана и Д.Стронаха и, для более раннего времени – Р.Дайсона. По Гиркании в пределах Юго-Западной Туркмении – монографии И.Н.Хлопина, Г.Н.Лисициной и др. По Гиркании в пределах Ирана – работы Ж.Дешайе, С.Клезну. По Маргиане (область Мерва) – ряд сборников, посвященных древнему Мерву³⁰⁵.

По Фергане опубликованы монографии Б.А.Литвинского, Ю.А.Заднепровского, Н.Г.Горбуновой, Г.А.Брыкиной, В.А.Булатовой и по древнейшему прошлому – У.И.Исламова и В.И.Тимофеева. Отметим работу Б.А.Литвинского по этнической истории Ферганы³⁰⁶. По Памиру – монографии Б.А.Литвинского, А.Д.Бабаева, И.Мухиддинова, а по древнейшему прошлому – работы В.А.Рамова и его учеников. Монография Б.А.Литвинского³⁰⁷ содержит также и материалы по общей истории саков. А одна из монографий И.Мухиддинова³⁰⁸ посвящена древним верованиям памирцев. Издается серия сборников по памироведению³⁰⁹. По Чачу (область Ташкента) – монографии Ю.Ф.Бурякова, М.И.Филанович, Х.Духе и ряд сборников³¹⁰. По Южному Казахстану и региону Тиньшаня – монографии К.А.Акишева, Г.А.Купаева, К.М.Байпакова и др., а также многие сборники.

По Дрангиане-Сакастану (Систан) известны работы В.А.Файрсервиса, Г.Ф.Дейласа, К.Фишера и других ученых. Большой вклад внесли итальянские

исследователи М.Тоси, У.Шкеррато, Г.Гулдини и другие; Г.Ньюли посвятил монографию древней истории Систана. П.Даффина – истории переселения саков в Дрангяну, а вместе с тем и многим другим проблемам истории саков³¹¹. По Аракану – работы Ж.М.Казала, Дж.Г.Шеффера и др.

По древним степным народам Евразии монографии общего содержания, но имеющие отношение и к Средней Азии, выпущены Л.А.Ельницким, К.Ф.Смирновым, Е.Е.Кузьминой, И.В.Куклиной и зарубежными учеными: К.Йеттмаром, Э.Д.Филлипсом, Р.Грессе. Особо отметим работы Е.Е.Кузьминой по этнической истории степных племен³¹². Б.А.Литвинский посвятил отдельную монографию верованиям степных племен³¹³. Организовывались и конференции, посвященные проблемам истории этих племен³¹⁴.

Работы, представляющие собой историю древних среднеазиатских городов, таких, как Самарканд³¹⁵, Бухара³¹⁶, Ходжент³¹⁷, содержат и разделы или статьи, посвященные древности.

Многие большие и сложные проблемы, обсуждавшиеся в науке за последние годы, имеют прямое отношение к древней Средней Азии. Такова проблема социального строя древних обществ, так или иначе связанных со Средней Азией. Позиция советских, постсоветских³¹⁸ и зарубежных³¹⁹ ученых по этому вопросу, разумеется, не одинакова. То же относится и к проблеме этнической истории, этнических процессов, происходивших на территории Средней Азии. Эти проблемы сейчас интенсивно изучаются³²⁰ и обсуждались на всесоюзной конференции в Москве в 1988 г.³²¹ Для истории таджикского народа большое значение имеют проблемы индоиранского и особенно иранского этногенеза. Именно они и находились в центре внимания участников международного симпозиума "Этнические проблемы древней истории Центральной Азии", состоявшегося в Душанбе в 1977 г.³²² Над ними работали и работают многие отечественные и зарубежные исследователи: В.И.Абаев, М.М.Дьяконов, Э.А.Грантовский, Е.Е.Кузьмина³²³, М.Майрхофер, Т.Барроу, Р.Гиршман, Т.К.Янг и др.³²⁴

Сложный комплекс проблем заключен в истории религии, истории верований и обрядов, бытовавших на территории Средней Азии в древности. И над этими проблемами работают как отечественные исследователи³²⁵, так и зарубежные, обычно рассматривающие их как часть истории древнеиранских религий³²⁶. Выходят и монографии, посвященные отдельным религиям. Наибольшее значение для древней истории Средней Азии имеет зороастризм, который, по-видимому, и зародился где-то в ее пределах. И по истории зороастризма за последние годы опубликован ряд работ, как отечественных³²⁷, так и зарубежных, в том числе таких фундаментальных, как труды М.Бойс³²⁸ и монография Г.Ньюли³²⁹. Истории митраизма, корни которого также уходят в Среднюю Азию, был посвящен международный конгресс³³⁰. Отдельные монографии изданы и по истории других религий, исповедовавшихся в Средней Азии в древности: манихейства³³¹, восточного христианства³³², буддизма³³³.

Имеется немало и других крупных проблем, над которыми работают ученые: город и процесс урбанизации в Средней Азии³³⁴, взаимодействие кочевых племен и оседлого населения Средней Азии³³⁵, античные традиции в культуре Средней Азии³³⁶, история "Шелкового пути" и т.д. Все эти проблемы имеют прямое отношение и к древней Средней Азии.

Глава II

КАМЕННЫЙ ВЕК

Каменный век открывает всю многовековую, полную драматических событий историю человечества. Он продолжался дольше, чем любая другая общественно-экономическая формация. Можно даже сказать, что человек прожил 99,99 процента своего времени в каменном веке. Действительно, если мы принимаем цифру в 2,6 миллиона лет как вероятную для выделения человека из животного мира, а первый металл, которым начали пользоваться люди, появился всего лишь 9-7 тысяч лет тому назад, получится примерно такое соотношение.

Под каменным веком ученые понимают период, когда человечество еще не овладело приемами плавки металла и пользовалось только каменными орудиями. При этом, несмотря на всю кажущуюся примитивность последних, они развивались и совершенствовались во времени таким образом, что на заключительных этапах каменного века производились орудия, которые не только отвечали разнообразным производственным задачам, но и определенным эстетическим вкусам их производителей.

Для изучения первобытного общества особенную ценность имеет изучение развития орудий труда древних людей.

**Периодизация
каменного века**

Рассматриваемый период делится на древний каменный век – палеолит и новый каменный век – неолит. Промежуточным периодом является мезолит, или средний каменный век. Это самое общее деление, а подробная классификация каждого из этих подразделений включает еще несколько групп. Так, период палеолита подразделяется на нижний, средний и верхний палеолит. Внутри нижнего палеолита выделяются последовательно ступени – олдувай, ашель, средний палеолит в основном соответствует эпохе мустье, а верхний палеолит состоит из перигора, ориньяка, солотре, мадлена. Названия этим периодам дали палеолитические стоянки, где в первый раз были найдены орудия этого типа. Эти стоянки-эпонимы были впервые найдены на родине науки о палеолите во Франции, где их взаимное расположение во времени и создает периодизацию палеолита (только первая, самая ранняя культура – олдувайская была обнаружена в Африке). Но в других районах земного шара, например в Средней Азии, мы не найдем такой, как во Франции, последовательности палеолитических материалов, и поэтому существует много локальных периодизаций¹.

Следующие за палеолитом заключительные этапы каменного века мезолит и неолит продолжались сравнительно недолго – всего 8-6 тысячелетий.

Нижний и средний палеолит соответствует эпохе формирования людей, начальных человеческих ассоциаций и далее – начальных форм первобытной общины. Верхний палеолит, мезолит и неолит – это эпоха развития зрелой формы первобытной общины – материнского рода (табл.1).

Общая периодизация культур каменного века, их абсолютный возраст и соотношение с формами ископаемого человека

Табл. 1

Подразделение плейстоцена	Подразделение четвертичного периода (антропогена)		Абсолютный возраст (в тыс. лет)	Палеолитические эпохи и палеолитический период (в скобках тысяч лет)	Ископаемый человек
	Альпийская схема	НК стадии			
Брунес	Верхний	Голоцен	1	Неолит (8-5), мезолит (1,2-8)	современного вида
		Вюрм	2-4	Верхний палеолит (35-12)	ископаемый современного типа архаичный совр. типа, неандерталец
		Рисс - Вюрм	5	Средний палеолит	неандерталец
		Рисс 1/2	7	Средний палеолит	неандерталец
		Рисс	8	Нижний палеолит: поздний ашель	неандерталец
	Средний	Миндель - Рисс	9	Нижний палеолит: средний ашель	пренеандерталец
		Миндель	10-11	Нижний палеолит: равнинный ашель	зрелус
		Гюнц - Миндель, Кромер	13-19	Нижний палеолит: равнинный ашель	зрелус
		Гюнц	20-23	Нижний палеолит: равнинный ашель	зрелус
		Дунай - Гюнц		Нижний палеолит: равнинный ашель	зрелус
Матуяма	Нижний	Дунай		Нижний палеолит: равнинный ашель	зрелус
		Дунай		Нижний палеолит: олдвэйн	габлинс

Значение труда в формировании человека

Переход от животного к человеку, занявший несколько миллионов лет, был величайшим скачком в развитии природы. Человек не только потребляет, но и производит и основным его отличием от животных является способность к осознанному труду. "Труд – писал Ф. Энгельс, – первое основное условие жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека"².

Это положение Ф. Энгельса, долго служившее основополагающим в вопросах антропогенеза – науки о происхождении и формировании человека, во многом не потеряло своего значения и сейчас, хотя как движущие силы происхождения человека, так и конкретные факты, объясняющие их, теперь кажутся более сложными и трудно объяснимыми, чем во время написания этих слов Ф. Энгельсом. Что было причиной появления осознанного труда – изменение окружающей географической среды, половой отбор в группе высокоорганизованных обезьян, или мутации, произошедшие в результате изменения радиационного фона в некоторых районах Восточной и Южной Африки, – вот основные гипотезы, не получившие до сих пор однозначного решения. Но, возникнув однажды, человеческий труд стал тем основным звеном в цепи человеческой эволюции, которое явилось стержнем всего дальнейшего развития высочайшего уровня жизни на земле – мыслящего человека.

Люди каменного века, особенно эпохи палеолита, жили в то время, когда растительный и животный мир, климат и ландшафт, сильно отличались от того, что видит вокруг себя современный человек. К производящей экономике (земледелие, скотоводство) человек перешел лишь с началом эпохи неолита, когда научился изготавливать глиняную посуду, делать шлифованные орудия из камня, втянулся в процесс оседания на землю и создания настоящих поселений – деревень каменного века. До этого времени основу жизни палеолитических и мезолитических племен составляли охота и собирательство, т.е. хозяйство целиком потребляющее. За время каменного века сменились все формы человека, начиная от гомо габилиса (человек умелый), который считается первой формой человека, до человека современного типа. Такой сложной, увлекательно загадочной и во многом еще неясной является наука, вернее соответствующие разделы многих наук, посвященных "зарю человечества" – каменному веку.

История изучения каменного века Средней Азии

Совершенно очевидно, что человек каменного века не знал современных административных границ и полем его деятельности была вся Средняя Азия, на территории которой перемещались отдельные человеческие объединения. Поэтому для полноты картины в данном разделе и далее мы будем оперировать данными по всей Средней Азии, специально выделяя и подчеркивая памятники Таджикистана.

Начало планомерных поисков и исследований каменного века в Средней Азии связано с именем русского ученого А.П.Окладникова, начавшего свои исследования незадолго до начала второй мировой войны³.

Событием большой научной важности, вызвавшим огромный интерес как в нашей стране, так и за рубежом, явились раскопки грота Тепикташ в Узбекистане, проведенные этим исследователем в 1938-1939 гг.

Большое значение имело открытие в гроте костных останков ребенка неандертальца, которые и сегодня остаются самой восточной находкой человека этого типа в Евразии⁴.

Среди довоенных открытий в области каменного века нужно упомянуть раскопки Самаркандской верхнепалеолитической стоянки, исследования С.П.Толстова в Приаралье, приведшие к открытию широко известной теперь хельтеминарской неолитической культуры.

PDF Compressor Free Version

В 1945 г. известный Ленинградский археолог С.Н.Замятин предпринял небольшие по масштабам поиски пещерных стоянок в Центральном Таджикистане. Поиски не привели к успеху. Еще раньше, в 1932 г. краевед В.Р.Чейлытко обнаружил на древних террасах Душанбинки несколько стоянок, которые он отнес к неолиту. Научного объяснения эти первые по времени находки каменного века не получили. После Отечественной войны объем исследования каменного века интересующего нас региона усиливается с каждым годом. Начиная с 1947 г. на протяжении 12 лет в Средней Азии почти ежегодно работал А.П.Окладников. Он проводил исследования в Туркмении (наиболее значительные работы в пещере Джебел), Узбекистане (грот Ходжакент) и в Киргизии. В 1948 г. им были осуществлены первые разведки в Таджикистане.

Важную роль в изучении каменного века в Средней Азии сыграл палеолитический отряд, который был организован А.П.Окладниковым в составе Таджикско-Соغدийской археологической экспедиции. В течение семи полевых сезонов в 1953-1959 гг. А.П.Окладникову удалось обнаружить следы каменного века в Гиссарской и Вахшской долинах, начать раскопки неолитического поселения Бульёншпой у Дангары, верхнепалеолитической стоянки Ходжагор на территории Северной Киргизии, на границе с Таджикистаном.

Но главной заслугой исследователя было открытие и изучение мустьерских местонахождений в Кайраккумах и Наукате на территории Таджикистана и Узбекистана в 1954-1956 гг.

В 1955 г. начал самостоятельные работы автор настоящей главы. Его первым значительным исследованием было открытие и изучение мустьерской стоянки Карабура в Вахшской долине (1957-1964 гг.). Среди важнейших результатов интенсивного изучения каменного века Средней Азии в 60-70 годы можно назвать раскопки первого раннеземледельческого поселения Джейтун в Туркмении, изучение грота Обирахмат, результативное продолжение исследований Самаркандской стоянки, начало раскопок многослойной палеолитической стоянки Кульбудук в Узбекистане (раскопки М.Р.Касимова).

В Киргизии были открыты пещерная мезолитическая стоянка Ташкумур (1967) и мустьерские памятники – Тосор (1965) и Георгиевский Бутор (1967).

В 1960 г. закончился первый этап изучения высокогорного Восточного Памира. Наиболее интересными были работы на стоянке Ошхона, расположенной на высоте 4200 м и изучение самых древних в Средней Азии рисунков каменного века в гроте Шахты. Дальнейшие исследования на Памирском плато проводились В.А.Жуковым в 1970-1980 г.

Два полевых сезона 1958 и 1961 гг. исследовался многослойный навес Актанги в Северном Таджикистане. Обнаружена превосходная стратиграфия для голоценовых археологических культур, но археологический материал периода мезолита и неолита очень беден. В 1963-1969 гг. произведены широкомасштабные раскопки мезолитических и неолитических слоев Туткаула, стоянки, ныне затопленной водами Нурекского моря. Одновременно проведено изучение поселения того же времени – Сайёда.

В 1969-1970 гг. осуществлены раскопки первой в Таджикистане верхнепалеолитической стоянки Шугноу (верховья р. Яксу). В 1971-1977 гг. и в 1978 г. изучены две мустьерские стоянки: пещерная – Огзикичик и открытая – Худжи.

В 1978-1979 гг. собрана большая коллекция мезолитического времени в Бешкентской долине на крайнем юге Таджикистана.

В 1973 г. начались исследования неолитических памятников в лёссовых отложениях Таджикистана. Это раскопки стоянок Каратау (1973-1986 гг.), Дахути (1978-1979 гг.), Кульдара (1981-1983 гг.).

Следующее десятилетие – 80-е годы – также отмечено интересными работами, среди которых можно назвать разведки В.П.Любина в Туркменинии (1980-1981 гг.), которые потом продолжил Л.Б. Вишняцкий.

Наиболее значительными являются раскопки пещеры Сельунгур в Киргизии (1981-1990 гг.), проведенные У.И.Исламовым. Именно здесь помимо каменных орудий, найдены останки самого древнего человека Средней Азии – гомо эректуса или архантропа.

В Узбекистане, помимо многолетних раскопок палеолитической стоянки Кульбулак, основные работы посвящались неолиту. Это исследование стоянок Сагаганской группы вблизи Самарканда и стоянки Толстова в Приаралье. В Таджикистане восьмидесятые годы закончились раскопками стоянки Харкуш в долине р.Ширкент. В 1987-1990 гг. в Кангурттуте проводились исследования неолита Южного Таджикистана, а в 1993-1997 гг. археологи вновь вернулись к изучению древнего лёссового палеолита.

Средняя Азия вышла сейчас на уровень хорошо изученных регионов или провинций каменного века. Последнее десятилетие, ознаменовалось также уже массовым применением различных естественно-научных методов (ранее они применялись только в Таджикистане). Это дало возможность создать достаточно обоснованную периодизацию памятников каменного века Южного Таджикистана и Памира, а фактически всей Средней Азии⁵.

В настоящее время в распоряжении интересующегося читателя более десяти монографий и сотни статей, посвященных каменному веку Средней Азии. Каменному веку Таджикистана посвящено 5 монографий и более 350 статей.

НИЖНИЙ ПАЛЕОЛИТ (800-200 тыс. лет тому назад)

Цифры, вынесенные в подзаголовок этого раздела, относятся к территории Таджикистана. Эпоха существования наиболее древнего палеолита значительно длительнее, и она начинается временем выделения человека из животного мира, моментом появления первой формы ископаемого человека – гомо габилиса. По современным данным, это событие произошло в Восточной Африке примерно 2,6 млн. лет тому назад.

К началу антропогенного периода пышная тропическая флора сменилась в Средней Азии степной растительностью саванного типа. Фаунистический комплекс этого времени носит название виллафранкского и хорошо известен в Таджикистане благодаря многолетним раскопкам в Куруксае около Бальджуана, где обнаружены такие экзотические для нас животные, как лошадь Стеюна, носорог, обезьяна, близкая к современному пангалину, саблезубый тигр, древние слоны – архидискодон и мастодонт, жираф⁶.

Для Таджикистана особенно важно изучение геологического этапа, который носит название плейстоцена (1,8 – 0,012 млн. лет). Плейстоцен делится на нижний (1,8 – 0,8 млн. лет), средний (0,8 – 0,13) и верх-

Антропоген –
четвертичный период
Таджикистана

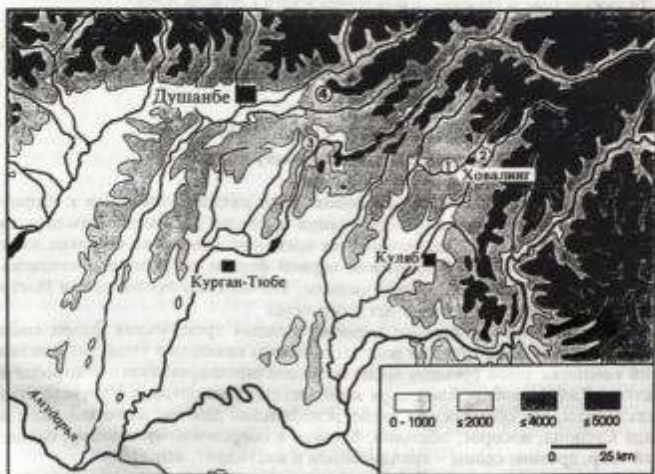
ний (0,13 - 0,012 млн. лет). В самом конце нижнего плейстоцена в Средней Азии появляется ископаемый человек. Примерно 12 тыс. лет тому назад наступает геологическая современность - голоцен.

Геологические отложения, возраст которых 1,8 - 0,8 млн. лет, относят к кайру (PDF Compressor Free Version) Таджикистана) и исписарской свите (Северный Таджикистан). Эти свиты состоят из мощных толщ галечников, глин и песков, достигающих толщины в несколько сотен метров. Они представляют собой тложения древних рек, стекавших с памирских высот. Указанные свиты ближе к нашему времени, в среднем плейстоцене, сменяются террасовыми отложениями вахшского на юге и кошкурганского на севере комплекса (750 - 400 тыс. лет), а затем илякского и, соответственно, ташкентского (400 - 130 тыс. лет). Верхний плейстоцен представлен также террасовыми комплексами душанбинским и голодностепским (130 - 12 тыс. лет до наших дней).

Нужно сказать, что приведенные абсолютные даты являются результатом корреляции, т.е. сопоставления с общепринятыми в мировой геологии временными определениями, но реальными дат, подтверждающими эту корреляцию в Таджикистане и в Средней Азии, очень мало, да и то все эти даты относятся к верхнему плейстоцену.

Известно, что четвертичный период, охватывающий все эти подразделения, характеризуется неоднократной сменой оледенений и межледниковий.

В эпоху континентальных оледенений климат в долинах Средней Азии был сухим и относительно холодным. Усиливались пыльные бури; мелкая пыль, выносимая из великих среднеазиатских пустынь, оседала в зоне предгорий и в долинах, образуя лёссовую толщу

Стоянки лёссового палеолита в Южном Таджикистане. 1 - Кульдара, Лахути I, Оби-Мазар. 2 - Хонако, 3 - Каратау I, 4 - Карамайдан.

Если смотреть на огромные до 200 м лёссовые разрезы в Южном Таджикистане, то очень хорошо видно, как на фоне желтого лёсса прослеживаются ритмично расположенные красные полосы, мощностью до 3-х метров. Это палеопочвы, или, другими словами говоря, погребенные почвы, сформировавшиеся в эпоху ледников. Для среднего и верхнего плейстоцена их насчитывается девять, и эти почвы представляют нам уникальную возможность впервые в Средней Азии датировать различные по возрасту нижнепалеолитические стоянки, и впервые для всей Азии проследить точно распределенную во времени эволюцию так называемых галечных индустрий.

Наиболее древние следы первобытного человека появляются в 11-12 почвах, которые находятся на глубине 120 м. Затем следуют лишь изолированные находки, но начиная с 6-й палеопочвы они появляются во всех почвах, иногда концентрация артефактов столь значительна, что их можно называть стоянками. Такие стоянки зафиксированы в 6, 5, 4, 2 палеопочвах.

В настоящее время принята хронологическая шкала возраста палеопочв, основанная на сопоставлении с известной изотопно-кислородной кривой, построенной по данным океанических осадков и стратиграфии лёссово-почвенной формации Таджикистана.

Изотопно-кислородная кривая основана на чередовании холодных периодов состояния воды в океане (континентальные оледенения) и теплых (межледниковье), которые отражаются в холодной и теплолюбивой морской фауне (фораминиферы). Абсолютные даты, полученные различными методами, математические и астрономические вычисления позволили получить достаточно уверенные цифры, позволяющие датировать стадии изотопно-кислородной кривой и в свою очередь, как показывает рисунок, — палеопочвы, поскольку пики потепления этой кривой, соответствующие теплым стадиям моря, совпадают со временем формирования палеопочв лёссово-почвенных разрезов всех континентов.

Настоящая хронология удвояет нижнепалеолитические стоянки Южного Таджикистана в 2-3 раза по сравнению с ранее употреблявшимися датами⁷.

Происхождение человека и его расселение по Земле

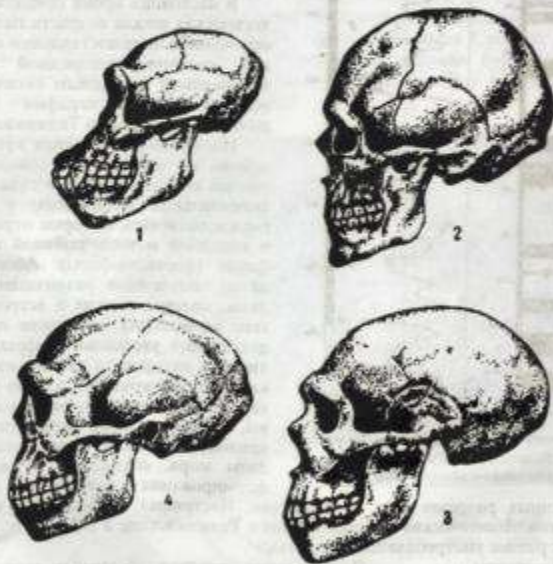
Подавляющее большинство ученых стоит на позиции моноцентрического происхождения человека. Сторонники африканского происхождения человека называют "колыбелью человечества" Восточную или Южную Африку. Границы, очерченные сторонниками азиат-

Стратиграфия лёссовых палеолитических стоянок Южного Таджикистана и их датировка по изотопно-кислородной шкале

ского происхождения человека, включают многие районы Юго-Восточной Азии. Другие ученые присоединяют к двум названным областям и промежуточные регионы, например, область Средиземного моря и юг Европейского континента⁴.

В PDF-сжатом виде PDF Compressor Free Version
В настоящее время наибольшее фактическое обоснование имеет все же африканская теория антропогенеза. Как писал в одной из своих работ В.П.Алексеев, "...сомнения, с которыми сейчас выступают сторонники "азиатской гипотезы", разрушая стройность "африканской", имеют право на существование. И они очень плодотворны для науки, эти сомнения. С другой стороны, наука действительно живет неудовлетворительностью, сомнениями, однако утверждается открытиями. У Сивалика в споре пока есть надежда, у Олдувая же – доказательства, его права считаться прародниной человека"⁵. Действительно, только в Восточной Африке мы имеем удивительное сочетание природных и биологических предпосылок и прежде всего такую группу гоминидов, как непосредственные предшественники человека – австралопитеки, появившиеся около 5 млн. лет тому назад. Из этой биологической группы и выделился примерно 2,5 млн. лет назад гомо габилис – первый человек, существо, делающее каменные орудия.

Эволюция черепа.

Черепы живущих на Земле: 1 – современного шимпанзе, 2 – современного человека. Черепы ископаемых людей: 3 – неандертальца, 4 – гомо зректуса

Как только "первые люди" начали производить каменные орудия, они сразу же с самого начала выполняли целый ряд операций, отражавших стремление получить задуманное заранее, а не случайное орудие. Хотя, конечно, примитивизм этих орудий отрицать нельзя.

Подтора миллиона лет тому назад гомо габилис в Африке сменила физически более развитый гомо эректус – гомо эректус, или человек прямоходящий. Гомо эректус был уже настоящим человеком, хотя еще очень примитивным. Объем его мозга превышал тот же показатель габилисов (650-800 куб.см.) и равнялся 775-1250 куб.см. Гомо эректус освоил большую часть Старого света, но наибольшей концентрацией отличались, как показывают антропологические находки, Юго-Восточная Азия, Китай, Восточная и Северная Африка, Европа. Наиболее поздние эректусы имеют дату 300-250 тыс. лет, и, таким образом, эта форма человека существовала более миллиона лет.

Сторонники африканской прародины, к которым принадлежит и автор этих строк, предполагают, что именно эректус и был той формой человека, которая начала долгий и трудный путь в другие области Евразии. Достоверные материалы, полученные для самих древних стоянок Евразии (в том числе – Кульдара в Средней Азии и Гунванлинг в Китае), говорят о том, что древний человек появился здесь где-то близко к одному миллиону лет.

В последнее время появился новый интересный памятник – Дманиси в Грузии. Исследователи этой стоянки считают возможным его датировать возрастом в 1,8-1,5 млн. лет, что близко к давно известной и датированной 1,4 млн. лет стоянке Убеидия в Израиле. Эти открытия значительно удвоят время появления человека вне Африки¹⁰.

Движение эректусов из Африки можно представить себе как эстафету поколений, последовательно осваивающих новые территории и передававших импульс движения своим потомкам, осуществлявшим это движение через тысячи, а может быть и сотни тысяч лет. Одним из пунктов, трассирующим такое движение, является палеолитическая стоянка, открытая в Южном Таджикистане, – Кульдара.

Кульдара – древнейший палеолитический памятник Средней Азии

Палеолитическая стоянка Кульдара расположена в одноименном овраге, промытом в покровных лёссах юго-западнее кишлака Лахути Ховалингского района. Ситуация, в которой палеолитические орудия были найдены, определена тем, что они включены в две погребенные почвы, лежащие на дне ущелья, на глубине 120 м, в толще лёсса.

Раскопки производились на площади 66 кв.м. Возраст 11 и 12-й почв – 800 тыс. лет, определяется благодаря хорошему стратиграфическому положению стоянки, но главное – благодаря четкой позиции палеомагнитных реперов.

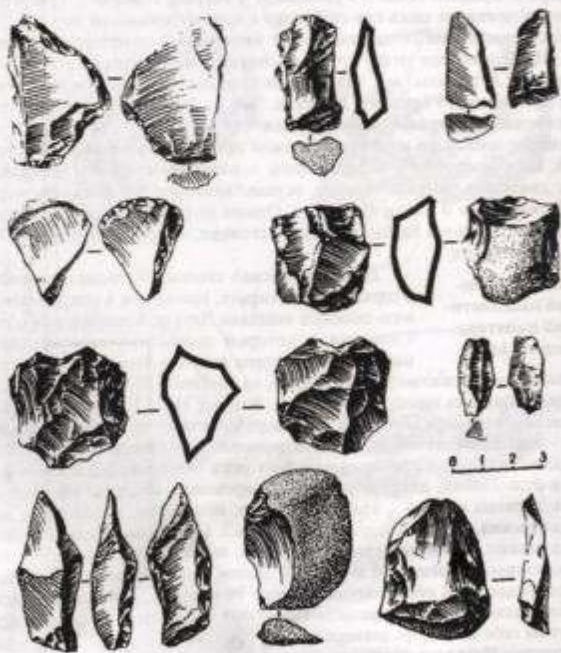
Недалеко от стоянки на правом берегу реки Обимазар в лёссовом разрезе Лахути в отложениях, датируемых тем же временем, найдены костные остатки очень древних слонов – архидискодонтов, носорогов, верблюдов, пантер, гиен, мосбахских волков и других животных¹¹. Палинологические исследования показывают, что в это время вдоль рек, по-видимому, существовали заросли березняков, с лещиной и ольхой. Лесом также были покрыты склоны гор и водоразделы. В обеих почвах – всего 96 находок, небольшую часть которых составляют косточки мелких копытных животных. Только 40 предметов несут на себе следы преднамеренной обработки¹².

Индустрия Кульдары не имеет прямых аналогий ни в более поздних индустриях лёссового палеолита Таджикистана, ни в других памятниках Средней

Азии и всей бывшей территории СССР в целом. Еще одна особенность индустрии Кульдары – невыразительность, неустойчивость и аморфность орудий, найденных здесь. Тем не менее среди находок можно выделить несколько достаточно хорошо выраженных групп: нуклеусы для снятия грубых пластин и сколов, отщепы и обломки со специально обработанным (ретушированным) краем **PDF Compressor Free Version** изделия. Они еще очень примитивны, эти орудия, их формы несовершенны, обработка небрежная, создающая неустойчивый зубчатый рабочий край, часто трудно сказать имеем ли мы дело с преднамеренной ретушью или это следы работы. Материалом для изготовления орудий Кульдары служили в основном малопластичные и довольно хрупкие породы: кварцит, фельцит-порфир, сланец и лишь небольшое число экземпляров сделано из кремня.

Небольшое количество находок, конечно, снижает ценность стоянки Кульдара как самостоятельного археологического памятника, но тем не менее, это ценнейший хронологический репер, от которого начинается отсчет времени заселения Таджикистана и Средней Азии.

Каменные орудия стоянки Кульдара – древнейшей в Средней Азии

Палеолитические стоянки Средней Азии

Нижний палеолит: 1. Янгалажа, Каратентир, 2. Каратау, 3. Стоянки в Ховалынгском районе - Кульдыра, Ласути, Обомалар, 4. Кухитиба, 5. Сулуьунгур, 6. Саламатбулак, 7. Каратау Казахстанский - Кошкуртап, 8. Стоянки в долине реки Соаг, Средний палеолит: 9. Амашустан, 10. Кутурбулак, 11. Тешингаш, 12. Худлик, 13. Карабура, 14. Огизичах, 15. Хонако, 16. Джаркустан, 17. Кайраккум, 18. Кульбулак, 19. Обирахмат, 20. Бозсу, 21. Георгиевский Бугор, 22. Тосор, Верхний палеолит: 23. Янгалажа, 24. Самаркандская стоянка, 25. Харкуш, 26. Холжонгор, 27. Шугую, 28. Карамазур.

Судя по единичным находкам в 8-й (740 тыс. лет) палеопочве жизнь древних людей в Южном Таджикистане не прерывалась. Однако наиболее интенсивное освоение этого региона имело место в эпоху формирования 6-й (600 тыс. лет) и 5-й (500 тыс. лет) палеопочв. Именно здесь открыты наиболее значительные стоянки, образующие подлинные стоянки. По всей очевидности, время между 600 и 500 тысячами лет было наиболее благоприятным в природном отношении для освоения водораздельных пространств низкотеррас Южного Таджикистана.

В 1997 г. значительное количество каменных изделий из камня (артефактов) найдено в 6-й палеопочве лёссово-почвенного разреза Обимазар в Ховалингском районе. В инвентаре стоянки хорошо прослеживаются элементы галечной техники, что подтверждается наличием многоплощадочных нуклеусов, специфических приемов раскалывания речных галек, отщепов неправильной формы со спинкой, частично покрытой галечной коркой. Привлекает внимание несколько крупных, хорошо для этого времени обработанных скребел. Возраст этого памятника – 700 тыс. лет, и таким образом, он лежит в основании развития каратауской культуры, более подробная характеристика которой приведена на следующих страницах.

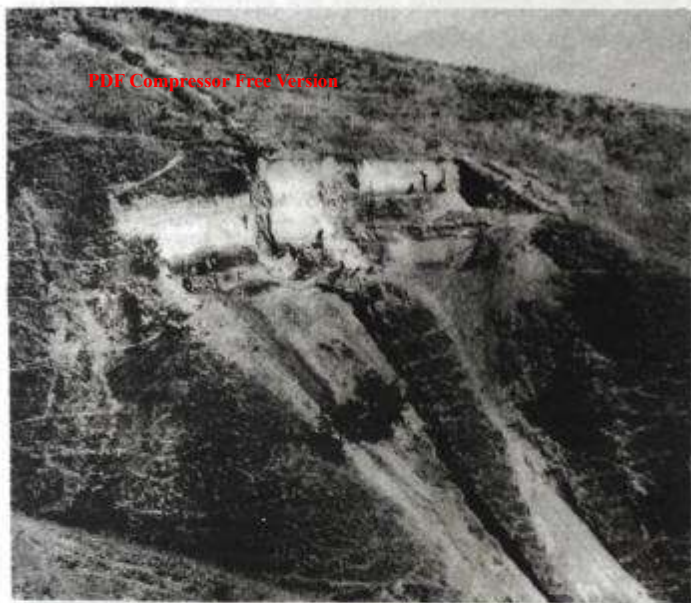
Стоянка расположена на водоразделе хребта Яванский Каратау в 4 км юго-восточнее кишлака Чормагзак Яванского района. Археологические находки связаны с 6-й палеопочвой, которая находится на высоте 1100 м над уровнем р. Вахш и на глубине 64 м от вершины водораздела (1720 м над ур.м.). Первоначальный возраст этой почвы был определен датой термолюминисцентного анализа в 200 тыс. лет, но если опираться на изотопно-кислородную кривую, он будет в 3 раза старше – 600 тыс. лет.

Длительные археологические исследования показали, что основная масса артефактов на нижнепалеолитических стоянках Южного Таджикистана приходится на нижнюю часть почвы климатического оптимума, формировавшуюся в условиях наибольшего тепла и влажности. Выше попадаются лишь изолированные находки. Это, правда, одна из гипотез, которая принята большинством исследователей лёссового палеолита Южного Таджикистана. Другой возможностью является представление о том, что люди жили еще в степных условиях самого конца эпохи оледенения, а почва климатического оптимума, образовавшаяся в эпоху межледниковья, уже позднее "прохватила" горизонт, включающий в себя каменные орудия.

Динамика распределения каменных орудий в лёссово-почвенных разрезах Таджикской депрессии говорит о том, что заселение лёссовых водоразделов низкотеррас этого района человеком нижнепалеолитической эпохи было тесно связано с изменением природных условий – во время плейстоценовых оледенений усиливались пыльные бури и, очевидно, резко уменьшилось количество источников, и это приводило к тому, что водоразделы и адыры предгорной полосы становились трудными для жизни. Животные, служившие охотничьей добычей древних людей, спускались вниз на берега реки и ее притоков или покидали эти районы.

Как и во всех других стоянках лёссового палеолита, в Южном Таджикистане на всей вскрытой раскопками площади не обнаружено никаких структур в виде каменных выкладок, полов, хозяйственных ям и т.п. Очень трудно объяснить, почему на описываемой стоянке нет очагов или даже очажных пятен¹³.

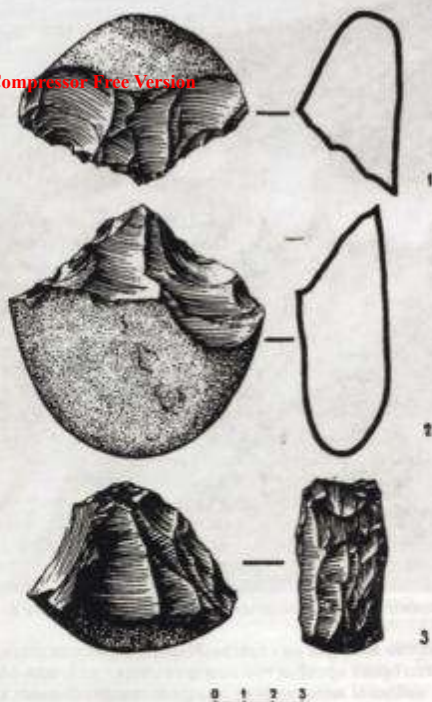
Раскопки нижнепалеолитической стоянки Каратау I.

Общее количество находок на стоянке Каратау приближается к одной тысяче. Из них в категорию артефактов можно отнести 616, или 66,2%. За весь период раскопок найдены лишь мелкие неопределимые обломки костей.

Главной характеристикой каменных изделий стоянки является то, что индустрия Каратау демонстрирует хорошо выраженное проявление галечной техники – это в полной мере галечная культура, как ее понимают археологи.

Люди, применявшие галечную технику, обходились без специально подготовленного нуклеуса и без хорошо сделанных пластинок, а отбивали отщепы неправильной формы, часто утолщенные, прямо с поверхности галек. Развита и техника, которая во французской литературе носит название “дольки апельсина”. Но в том же инвентаре Каратау можно зафиксировать, правда в меньшей степени, и другие технические элементы, которые будут близки к так называемой ашельской технике, распространенной в Африке, Европе и в меньшей степени в Азии. Для изготовления орудий каратаусцы использовали очень ломкие магматические породы плохого качества, гальки которых они собирали на речных террасах реки Вахш. Только одну пятую часть составляли поделки из хрупкого пластового кремня.

Основную часть орудий стоянки составляют орудия для обработки шкур и дерева – скребла и скребки, у большинства из них был зубчатый, небрежно

Галечные орудия – чопперы со стоянки Каратау I.

обработанный край. В очень небольшом количестве имеются скребла с детально ретушированным (обработанным специальными мелкими сколами) краем. Заметное место занимают галечные орудия – чопперы. Эти орудия очень характерны для азиатского палеолита. Подходящая речная галька оббивалась крупными сколами по краю, который иногда дополнительно подправлялся более мелкими сколами. Тыльная сторона оставалась нетронутой, что было удобно для держания в руке. Такие орудия – чопперы (односторонняя оббивка) и чоппинги (двухсторонняя оббивка) служили как рубящие орудия для работы по дереву и разбиванию костей. В общем, несмотря на внешний примитивизм этого инвентаря, он обеспечивал все необходимые трудовые процессы: резание, скобление, строгание, расчленение туш животных, разбивание костей. В целом индустриальный комплекс стоянки Каратау дает достаточно полное представление о техническом уровне и ха-

рактуре каменной индустрии этой хорошо датированной стоянки, одной из древнейших на территории Средней Азии¹⁴.

Лахути Вторая крупная стоянка каратауской культуры встречается в следующей, 5-й палеопочве. Возраст этой почвы ранее определялся, помимо геологической позиции палеопочвы, двумя факторами. Термин «палеопочва» даной образца, взятого непосредственно ниже палеопочвы стоянки, — 130 ± 15 тыс. лет и положением палеомагнитного эпизода Блейк (110 тыс. лет) сразу же над палеопочвой, лежащей на глубине 55 м от верхней точки разреза. Однако новая дата, связанная с корреляцией, описанной выше, углубляет возраст стоянки до 500 тыс. лет (13 стадия кислородно-изотопной кривой).

Стоянка находится напротив кишлака Лахути Ховалингского района в месте слияния ручья Хошар и реки Оби-Мазар. Полезна площадь раскопок 100 кв. м.

Характер почвы, содержащей орудия на стоянке Лахути, такой же, как и в предыдущем случае. Это буро-красная суглинистая слегка комковатая почва климатического оптимума, мощность которой близка к обычной — около 1,5 м. Как и на стоянке Каратау I, никаких следов структурных образований культурного слоя не обнаружено, нет и следов очагов. Вместе с мелкими раздробленными косточками сохранилась и одна определяемая — плечевая кость оленя.

Основная концентрация находок связана с уровнем 0,25 — 1 м над карбонатной коркой, что примерно соответствует позиции каменных изделий на Каратау, однако здесь, хотя и с трудом, но прослеживаются два горизонта концентрации находок, возможно жилые уровни.

Общее количество находок на стоянке Лахути несколько более тысячи. Примерно половина из них имеет бесспорные следы преднамеренной обработки.

Первичный материал — речные гальки — представлен такими породами, как кварцит, кристаллический сланец, кварцитовый песчаник, кремнистый известняк. При общем значительном сходстве в технических приемах раскалывания кремня и оформлении орудий между Каратау и Лахути наблюдаются и различия, которые можно понимать как эволюцию, развитие каратауской галечной культуры во времени.

Помимо отщепов, клиновидных осколков, долечных осколков, небольшого количества пластин (их всего — 6) и группы предметов, которую в археологической литературе называют манупорты (дословно — принесенные руками), которую составляют речные гальки без следов обработки, имеются и орудия — предметы с преднамеренной ретушью. К категории орудий можно причислить и галечные орудия — чопперы. Имеются и галечные нуклеусы, т. е. ядрища для скалывания отщепов и пластин.

Орудия, как и на Каратау, отличаются аморфностью, невыраженностью типов, почти каждое орудие индивидуально и здесь нет той стандартизации, которая свойственна среднему палеолиту. Рабочий край обработан у основного числа орудий лишь неустойчивой красной ретушью, и только несколько скребел, скребел-ножей и скребков имеют детальную вторичную подправку — ретушь.

Всего в 600 м юго-восточнее стоянки Лахути, в примыкающем к ней разрезе Оби-Мазар, но в более молодой, 4-й почве, принадлежащей к 11 стадии кислородно-изотопной шкалы (390-410 тыс. лет), раскопано значительное количество артефактов, образующих настоящую стоянку. Индустрия этой стоянки, по всей очевидности, заканчивает развитие нижнего палеолита — каратауской культуры.

**Оби-Мазар,
завершение нижнего
палеолита в Южном
Таджикистане**

Общая протяженность почвы в которой встречаются артефакты, – 70 м. Раскопано 30 м. Общее количество находок на стоянке 1122, среди которых 70% занимают обломки и лишь 30% изделий, безусловно, обработанных. Среди них 8,1% занимают предметы, имеющие нерегулярную подправку – ретушь, но эти орудия, как и на других стоянках каратауской культуры, не образуют сколько-нибудь значительной группы. Это в основном выемчатые и скребловидные орудия. Заметной особенностью стоянки является отсутствие галечных орудий – чопперов, столь характерных для более ранних памятников лёссового палеолита. В целом же галечная техника раскалывания камня (те же метаморфизированные породы, что и на стоянке Лахути) представлена на стоянке Оби-Мазар очень хорошо. В то же самое время о появлении новой техники говорит серия небольших по размерам нуклеусов диаметром 6-4 см, имеющих по большей части остаточный характер. По форме они разнообразны: дисковидные, треугольные, прямоугольные, шаровидные. По обработке рабочих поверхностей нуклеусов они могут быть отнесены к нуклеусам со специально подготовленной поверхностью, или, во всяком случае очень напоминают подобные изделия. Это позволяет говорить, что на уровне 4-й почвы можно фиксировать первые элементы уже новой среднепалеолитической культуры, причем она здесь выражается более четко, чем в предыдущей пытой почве. Но это не более чем лишь элементы, еще не настоящая среднепалеолитическая индустрия. Поэтому стоянку Оби-Мазар можно отнести к завершающей фазе каратауской культуры¹⁵.

Другие стоянки нижнего палеолита в Южном Таджикистане

Крупные стоянки, подвергавшиеся раскопкам, дополняются еще 29 точками, где в совершенно одинаковых условиях, т.е. в палеопочвах климатического оптимума, найдены каменные изделия нижнего палеолита. Наиболее интересным разрезом, в котором зафиксировано 11 пунктов, является разрез Хонако, расположенный в 8 км к северо-востоку от поселка Ховалинг в хребте Кугитек. Здесь обнажения протягиваются на несколько километров и образуют лёссовые обрывы высотой 90-100 м, в которых в виде хорошо проследимых буро-красных лент залегают десять плейстоценовых палеопочв. Отдельные находки здесь встречены в 9, 8(?), 7, 6, 5, 3 и 2 палеопочвах, что свидетельствует о постоянном заселении данного района человеком нижнего палеолита.

Небольшая стоянка в 6-й почве была раскопана около кишлака Карамайдан Файзабадского района. Площадь раскопа 27 кв.м. Всего было найдено 30 предметов, но только 7 из них несут бесспорные следы обработки. Особенно суждено Карамайдана можно считать то, что здесь на контакте почвы климатического оптимума и лежащей выше зачаточной почвы встречены кости среднеплейстоценовых животных, среди которых определены носорог дицерорхинус и ископаемый олень бактрианус¹⁶.

Рассматривая характер расположения стоянок лёссового палеолита, особенности погребения артефактов в палеопочвах климатического оптимума и основные черты каменного инвентаря, можно прийти к выводу, что перед нами в основном не базовые лагеря, а временные стоянки, оставленные охотниками, кочевавшими на водоразделах и высоких, адырных уровнях. Основные же базовые стоянки, если они в то время существовали, находились, очевидно, ближе к реке, в долинах и сейчас практически полностью уничтожены в процессе формирования долины современных рек.

Подводя итоги изучению нижнего палеолита в Южном Таджикистане, можно сказать, что археологами совершен значительный прорыв в далекое

прошлое, и возраст появления первого человека в Таджикистане в результате этих исследований увеличился не менее чем в 15 раз.

Археологически каратаускую культуру можно охарактеризовать как галечную, с клетоно-тейжикскими техно-типологическими элементами и с очень слабым влиянием индустрии, проявляющейся только в конце ее существования. Как будет показано ниже, многие черты каратауской культуры сохраняются и в дальнейшем, а значит с определенной долей допущения можно выделить несколько этапов развития каратауской культуры.

Сопоставить обладающую весьма индивидуальной характеристикой каратаускую культуру с известными памятниками нижнего палеолита очень трудно, но тем не менее определенные черты сходства можно отметить между коллекциями стоянок Каратау и Лахути и индустрией, полученной в результате раскопок пещеры Сельунгур в Киргизии, хотя эти аналогии и нельзя назвать прямыми. По всей вероятности, индустрия каратауской культуры несет на себе черты определенной изолированности и индивидуальности, связанной с ее положением в горном регионе. Так же сложно провести аналогии с нижнепалеолитическими культурами окружающих стран, хотя определенное сходство с индустрией лёссовых районов Китая безусловно имеется¹⁷.

Другие стоянки нижнего палеолита в Средней Азии

Наиболее интересной нижнепалеолитической стоянкой Киргизии является многослойная пещера Сельунгур. Она находится на высоте 2000 м на западной окраине поселка Хайдаркан в одной из впадин в Фергане,

которые протянулись между передовой грядой и основными хребтами горной системы Алая. Раскопки охватили площадь более 100 кв.м. Мощности пещерных отложений до 8 м. Зафиксировано 13 культурных горизонтов мощностью по 20-40 см, в которых содержатся каменные орудия и многочисленные кости животных. Остается невыясненным, почему в этих слоях, разделенных заметными промежутками стерильных прослоек, не сохранилось очажных пятен и вообще участков со следами хоть какой-нибудь организации жилого пространства.

У.И.Исламов пишет в одной из своих работ: "Основываясь на сходстве каменных индустрий Сельунгура и упомянутых памятников Палестины, Индии, Африки, мы предварительно датировем материалы пещерной стоянки Сельунгур эпохой ашеля (700-600 тыс. - 40 тыс. лет до н.э.). Индустрия Сельунгура, по нашему мнению, близка к древнему ашелю, поскольку большинство ведущих типов орудий Сельунгура параллельны древнеашельским памятникам Ближнего Востока, Индии и Африки"¹⁸. Однако до сих пор нет еще абсолютной датировки пещерных горизонтов, полученной физическими методами, кроме ураниум-ториевой даты, полученной по куску травертина, найденному над первым культурным горизонтом - 126 ± 5 тыс. лет. Останки животных кажутся аналогичными хазарскому комплексу Европы, и очевидно, наиболее вероятный возраст этих животных (пещерный медведь, сибирский козел, носорог и др.) конец среднего плейстоцена, т.е. 300-200 тыс. лет¹⁹.

Настоящей сенсацией можно считать обнаружение в Сельунгуре останков самого человека - редкая для Средней Азии удача, тем более, что это самые древние антропологические свидетельства в этом регионе. Пока что известны результаты изучения шести изолированных зубов и двух обломков плечевой кости. Они принадлежали нескольким индивидуумам, в том числе взрослым мужчинам и женщинам 35-40 лет и одному ребенку лет, вероятно, десяти. Интересно, что зубы, принадлежавшие взрослым особям, сильно стертые, что гово-

рит об употреблении грубой растительной пищи (зерно, корни, листья). Антропологи указывают, что зубы принадлежат архантропу, т.е. одной из форм гомо эректуса, что свидетельствует о нижнепалеолитическом возрасте стоянки²⁰. Ближайшие находки архантропов лежат далеко от Ферганы. Это знаменитые скелеты из Чжоухутана и Лянтяня в Китае²¹, челюсть азыхантропа в пещере Азык на Кавказе²². Орудия Сельунгура делались из обломков, плиток и очень редко из галек окремненного сланца, такого же известняка, яшмы, других кремнистых пород и лишь очень редко – из кремня. Нуклеусов немного и среди них преобладают дисковидные типы. Среди заготовок на первом месте отщепы, грубые пластины очень редки. В целом технические показатели индустрии пещеры показывают очень неразвитую технику, несвойственную ашельским индустриям Ближнего Востока и Европы. Вызывает сомнение определение ведущего орудия ашельской эпохи – ручного рубила (бифаса), найденного в нижнем культурном горизонте. Орудие единичное для всей коллекции и представляет собой крайний вариант орудия этого типа. То же можно сказать о нескольких топоробразных орудиях – кливерах. Среди других изделий – грубые рубящие орудия типа чоппингов, зубчатые орудия, много изделий с выемками, скребла с более или менее устойчивым рабочим краем, некоторые другие типы.

Есть основания обосновывать сходство сельунгурского материала с каратауской культурой, несмотря на расхождение технической основы изготовления орудий – в Южном Таджикистане доминирующей тенденцией является использование речной гальки и соответствующих приемов раскалывания, а в Сельунгуре в дело употреблялись обломки со своей системой раскалывания камня. В обоих случаях прослеживается небольшая тенденция к выработке нуклеуса с хорошо отпрепарированной поверхностью. Отсюда отсутствие или небольшое количество леваллуазских отщепов и пластин и нестандартные формы орудий. Добавим, что сходны и редкие острия тейжского типа.

Другим раскопанным нижнепалеолитическим памятником Средней Азии является открытая стоянка Кульбулак в Узбекистане. Памятник расположен на правом берегу реки Ахангаран в ее среднем течении в 5 км к юго-западу от г.Ангрена Ташкентской области. Это очень интересный объект, раскопки которого продолжались 20 полевых сезонов и здесь, в главном шурфе вскрыто более 30 горизонтов находок, охватывающих, согласно имеющимся публикациям, огромный промежуток времени от конца палеолитического времени (финальный верхний палеолит) до ашельской эпохи. Однако стратиграфическая обоснованность культурных горизонтов Кульбулака выглядит недостаточно четкой, в том числе и нижнепалеолитических.

Всего в ашельском слое Кульбулака найдено 3 тысячи артефактов, среди которых М.Р.Касымов выделяет столь несвойственные для ашеля наконечники копий и дротиков, использование которых обычно падает на более поздние этапы каменного века.

Нуклеусы – плохо выраженные, в том числе дисковидного площадочного типа, имеются укороченные широкие отщепы, напоминающие клетонские. Орудия представлены выемчато-зубчатой группой, скреблами, редкими тейжскими остриями, комбинированными орудиями. Материал для изготовления орудий – кремень.

Заслуживает внимания идея Л.Г.Вишняцкого, который предлагает всю коллекцию Кульбулака считать не нижнепалеолитической, а более поздней – мустьерской. Такое представление более соответствует геологической позиции стоянки²³.

Находки древних орудий в нестратифицированных условиях

PDF Compressor Free Version

Возраст таких находок обычно определяется на основании общих данных и заключения исследователя, который основывается на облике орудия, характере его обработки, форме и геологической позиции, когда последняя совпадает с предполагаемым возрастом.

В Таджикистане наиболее интересным из таких пунктов является Кухитиёз (Ялгызкак). Памятник расположен в 55 км на юго-западе от г.Курган-Тюбе в урочище Ялгызкак. Это сильно расчлененное плато, явно древнее по возрасту, находится в 200-250 м над Вахшской долиной. В центральной части урочища имеется высокий останец, перекрытый 5-м толщиной галечника, отложившегося в глубокой древности, когда в этой ныне сухой долине протекала река. Это могло происходить в раннеялгызское время, т.е. не моложе 400 тыс. лет тому назад. В высыпках галечника были найдены три очень сильно окатанных и патинированных изделия – один нуклеус и два чоппинга – массивных галечных орудия, обработанных с двух сторон²⁴.

В низовьях реки Кафирниган на поверхности 60-метрового уровня, у подножия г. Койкитау был найден массивный отщеп со всеми атрибутами нижнепалеолитической техники. На севере Таджикистана, на древней террасе правого берега Сырдарьи, ныне затопленной водами искусственного озера, было найдено сильно окатанное орудие, напоминающее ручное рубило с поперечными лезвиями. Однако полной уверенности в правильности этого определения нет.

Безусловный интерес представляет открытая стоянка Саламатбулак, состоявшая из нескольких пунктов, которые располагаются в 5 км южнее г.Рыбачье в Киргизии. Местонахождения приурочены к поверхностям террас, высотой 46-48 м над прилегающей равниной.

Артефакты, найденные здесь, сделаны преимущественно из порфирита. Они спроектировались на современную поверхность в процессе дефляции – выдувания мелкозернистых отложений. Собрано несколько сотен экземпляров, несущих на себе хорошо заметные следы нижнепалеолитической техники обработки камня.

Коллекция в основном состоит из отщепов. Значительно меньшим числом представлены нуклеусы, в которых преобладают очень древние по форме – кубовидные. Орудий со вторичной обработкой ретушью немного. Это остроконечники, боковые скребла, орудия с выемкой, зубчатые формы, ножи на пластинах. Группа галечных орудий – чопперов и чоппингов – придает коллекции очень древний облик, поскольку орудия из порфирита, подвергшиеся ветровой эрозии и имеющие сильный “скальный загар”, выглядят очень архаично. К сожалению, местонахождение Саламатбулака пока не имеет сколько-нибудь обоснованной датировки²⁵.

Бесспорно, интересны находки в долинах рек Сумбара и Чендыра в Туркмении, хотя их нижнепалеолитический возраст определен только на основании археологических заключений. В основном орудия найдены в высыпках галечников на эродированных склонах холмов. Они рассеяны на большой площади и встречаются в единичных экземплярах. Среди этих находок крупные массивные отщепы из кремнистого известняка имеют очень сильно патинированную и выветренную поверхность и их очень древний возраст нельзя исключить. Другая группа, состоящая из разнообразных нуклеусов, редких чопперов и отщепов, отнесена к ашелью²⁶.

Условен ашельский возраст хорошо выраженных бифасиальных орудий,

найденных на плато Устьюрт²⁷. Неясен возраст и бифасов, собранных с поверхности и на склонах останцов южного окончания Красноводского плато в Туркмении. Для некоторых из них возможна ашельская датировка²⁸.

Хотя известные местонахождения Аккол, Боряказган, Танирказган и другие находятся на территории Южного Казахстана (Джамбульская область), а бифасы – в Карау, где они найдены, относятся к Средней Азии. Х.А.Алмысбаев, проводивший здесь исследования, датировал этот подъемный материал возрастом в 800-700 тыс. лет. В пользу нижнепалеолитического возраста говорит преобладание таких орудий, как чопинги, производившиеся из крупных желваков черного камня (кремня), из которого сделаны и другие предметы, крупные отщепы клетонского типа – в целом комплексе, который можно считать древним. Однако абсолютный возраст находок в Казахском Карау установить не представляется возможным.

Большой интерес представляют раскопки интересных и во многом уникальных травертиновых стоянок Кошкурган и Шоктас, расположенных у станции Туркестан в Южном Казахстане. Полученные методом ЭПР даты: 501 ± 5 и 587 ± 20 тыс. лет сопоставляются с известной кошкурганской фауной, включающей в свой список слона Вюста, лошадь мосбахскую, сибирского волосатого носорога и др.

Общее количество находок, сделанных на этих стоянках, значительно – 5000 экз. Материалом для изготовления орудий служили кварц, песчаник, кварцит, кремль. В индустрии прослеживаются элементы левадлуазской техники. Подчиненный характер носят сколы типа “цитрон”, а отщепы преимущественно толстые и короткие. Среди орудий распространены боковые скребла, остря, ножи, выемчатые и зубчатые формы. Многочисленны галечные орудия. Остается не совсем понятным сочетание нижнепалеолитических и более поздних орудий. Можно отметить значительное сходство с такими палеолитическими памятниками, как Кара-Бура, Карау и Лахути в Таджикистане²⁹.

Более четверти века тому назад был обоснован тезис о существовании в Средней Азии, начиная с нижнего палеолита, двух групп палеолитических памятников, которые различаются между собой техникой обработки камня, что определило и типологические различия соответствующих индустрий. Первая группа (А) связывается с памятниками, расположенными на запад от Средней Азии, вторая (Б) с памятниками, лежащими на востоке³⁰.

Таким образом, редкие еще находки бифасов в западной, равнинной части Средней Азии сближают нижнепалеолитическую культуру этого региона с культурами Ближнего Востока и Кавказа, а каратаускую культуру, Сельунгур и изолированные находки галечных орудий – с миром галечных культур, расположенных на востоке. Хотя в изучение “азиатского палеолита” за последнее время внесено очень много нового, значительно осложняющего прежнюю картину, в целом можно сказать, что упомянутая гипотеза пока еще не поколеблена.

СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ (200-35 тыс. лет)

Обычно средний палеолит ассоциируется с мустьерской палеолитической эпохой, временные рамки которой даны в подзаголовке. В последние годы предлагается включать в средний палеолит и переходный период от ашеля к мустье, удлиняя, таким образом, его в два, а то и более раза, что соответству-

ет также эпохе существования переходного физического типа древнего человека – пренеандертальца (аутенеандертальца), промежуточного между гомо эректусом и следующей формой – неандертальцем²¹. Фактически данные по среднепалеолитическим памятникам Средней Азии говорят скорее в пользу традиционных хронологических рамок мустье. В этом плане термин “средний палеолит” **PDF Compressor Free Version** не совсем корректен. Основной промежуток в два раза больший и включает на поздних этапах мустьерскую индустрию.

Имеются определенные сложности с абсолютной датировкой мустьерских памятников. Обычно практикуется наиболее распространенный радиоуглеродный метод (C^{14}), для которого используются древесный уголь и обуглившаяся в огне кость. К большому сожалению, этот метод дает только верхнюю дату мустьерской эпохи – в районе не более 40-50 тыс. лет, тогда как эпохия находится уже за пределами возможности метода. Поэтому большая часть из известных нам мустьерских памятников определяется в 35-55 тыс. лет. Распространяющийся сейчас новый метод термolumинисцентный (по обгорелому кремню) углубляет дату мустьерских памятников до 200 тыс. лет (например, стоянка Кафиех в Израиле или Биаш во Франции)²². Как мы увидим дальше, в Таджикистане также имеются основания для такой датировки. Таким образом, можно использовать оба термина, но, отдавая дань научной традиции, мы будем пользоваться термином “мустье”.

Особенности мустьерской техники раскалывания камня Главной особенностью мустьерской культуры является характерная стандартизация или повторяемость продуктов раскалывания камня. Это прежде всего большие серии пластин правильных пропорциональных очертаний. В результате широкого использования так называемой левадлуазской техники, вершина употребления которой приходится на мустьерское время, первобытные мастера добились удивительной повторяемости процесса скалывания и стабильности в отделении пластины и отщепов. Основу левадлуазской техники составляет идея отделения от ядрища – нуклеуса, заготовки заранее предопределенной или заданной формы. Используя специальные приемы, древние мастера подготавливали поверхность нуклеуса (отсюда другой термин – нуклеус с отпрепарированной поверхностью или преддетерминированный нуклеус), а затем снимали отщепы и пластины хорошо выраженной формы, симметричные, пропорционального соотношения длины, ширины и толщины: овальной, треугольной или подпрямоугольной (протопризматической) формы. Левадлуазские пластины отличаются и тонкими режущими краями, почти не нуждающимися в дополнительной подправке²³.

В индустрии мустье так же значительно увеличивается количество орудий. Здесь имеется несколько десятков устойчивых типов. Так называемый “лист-тип” этого периода насчитывает 62 наименования²⁴.

Физический облик неандертальца К началу мустьерского времени окончательно формируется неандерталец, непосредственный предшественник человека современного типа. Неандерталец (наименование дано по месту одной из первых находок – долине реки Неандер около Дюссельдорфа в Германии) является промежуточным звеном между архантропами (гомо эректус – питекантроп, синантроп, аутенеандерталец) и палеоантропами или ископаемыми людьми современного типа.

Череп неандертальца в меньшей степени, чем питекантропа, но все же сохранял еще много примитивных черт: низкий покатый лоб, сильно выдающиеся надбровные дуги, прогнатизм (выдающаяся вперед массивная челюсть), отсут-

ствии подбородочного выступа. Но в физическом облике неандертальца немало и прогрессивных моментов. Это, прежде всего, высокая степень развития головного мозга. Помимо увеличения его объема (1300-1600 куб.см) заметно развиваются доли мозга, связанные с размещением центров высшей психической деятельности. PDF Compressor Free Version и теменная доли, повышается свод черепа, уменьшается наклон лба, округляется затылок, иными словами, неандерталец заметно приближается к современному человеку.

Распространение неандертальца и мустьерской культуры

Очень сложным, до конца нерешенным вопросом является сопоставление: неандерталец – мустьерская культура. Если наложить на карту распространения находок неандертальцев карту распространения мустьерских памятников, то они в общих чертах совпадают.

Но здесь не все просто, поскольку имеются факты, свидетельствующие в пользу высказывания двух американских антропологов "... тогда как все неандертальцы делали мустьерские орудия, не все производители мустьерских орудий были неандертальцами"³⁵. Так, например, по мнению французского ученого Б.Вандермеерша, кости людей, найденные в мустьерских слоях ближневосточных пещер Кафчей и Схул, принадлежат не неандертальцу, а ископаемому человеку современного типа, так называемому кроманьонцу³⁶. Восточные границы распространения мустьерской культуры (и по нашему мнению – распространения неандертальца) можно определить следующим образом: на северо-востоке она лимитируется Алтаем, Тувой, Средней Сибирью, Южной Монголией. На юго-востоке граница памятников, относящихся к мустье, достаточно четко прочерчивается по линии холмов Аравалли, реки Луни в Раджастане, очерчивает Потварское лесовое плато в Пакистане и пока неизвестна в Южном Афганистане. А вот на Индостанском, Индокитайском полуостровах, в Китае, на Дальнем Востоке, хотя и имеются элементы мустьерской техники раскалывания камня, подлинных мустьерских памятников пока не обнаружено. И одна из вероятных версий объяснения этого факта в том, что можно связать распространение мустьерской культуры на восток с реальным, физическим движением неандертальцев на восток, с определенной миграционной волной³⁷.

Памятники мустьерской культуры в Таджикистане и Средней Азии

В начале 50-х годов нашего века выдающийся французский археолог Ф.Борд убедительно показал, что мустьерские памятники Европы не являются однородными, как это считалось раньше, а могут быть подразделены на четыре фации или технических варианта, исходя из технических и типологических особенностей индустрий. Эти группы были выделены на французском материале и поэтому носили локальный характер, но сама идея Ф.Борда получила очень широкое развитие³⁸.

Такая работа была проведена и в Средней Азии, где, используя некоторые критерии Ф.Борда, удалось расчленить единую ранее мустьерскую культуру региона на леваллуа-мустьерский, леваллуазский (позднее объединен с первым), типичный (или горный) мустье, мустьеро-соанский технические варианты³⁹. Позднее в Узбекистане был выделен зубчатый вариант.

Имеются и другие варианты расчленения мустьерской культуры в Средней Азии. Так, Р.Х.Сулейманов предлагает объединить практически все памятники Узбекистана, кроме Кульбулака, в единую обирахматскую культуру. М.Габори выделяет три группы: древнее мустье, или леваллуа-мустье, развитое мустье и мустьеро-соанскую группу⁴⁰. В последнем случае, однако, для такого подразделения не хватает данных по хронологии стоянок.

Леваллуа-мустьерские памятники Северного Таджикистана: Джаркутан и Кайраккумы

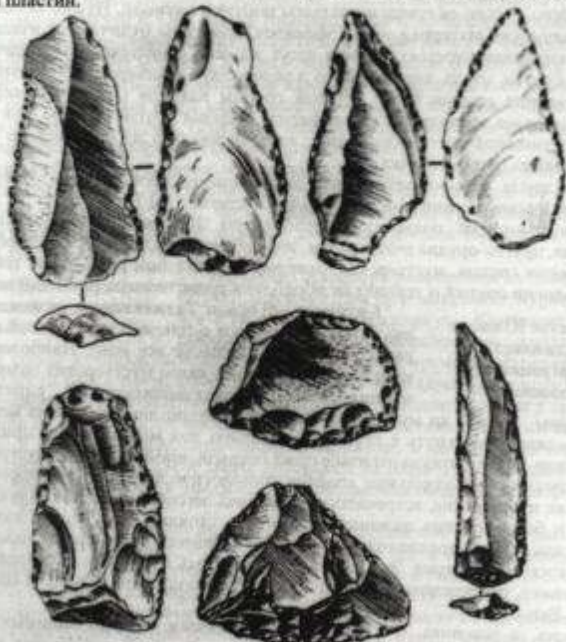
Происхождение мустьерской культуры Северного Таджикистана пока остается неясным. Нельзя поэтому исключить, что появление неандертальцев – носителей мустьерской культуры в Северном Таджикистане было связано с приходом извне

группы первобытных охотников этого периода, скорее всего с запада.

Оба крупных мустьерских памятника Северного Таджикистана определяются как леваллуа-мустьерские, и в плане технико-типологическом, в наборе орудий и заготовок, в их качественных особенностях, они очень схожи.

К большому сожалению, для обоих памятников нет никакой возможности получить сколько-нибудь уверенное возрастное определение.

Памятник Джаркутан располагается на левом берегу реки Шахристан в 5 км южнее кишлака Джаркутан. Мустьерские изделия найдены здесь на поверхности террас ташкентского комплекса, которые имеют высоту 50-70 м и 80-100 м над современным руслом. Количество собранных в Джаркутане изделий – 670. О леваллуазком характере индустрии памятника свидетельствует то обстоятельство, что количество пластин в коллекции превышает количество отщепов. Не менее выразительными являются и нуклеусы коллекции, в которых преобладают и типично леваллуазские площадочные нуклеусы для снятия пластин.

Среднепалеолитические орудия из Кайраккумов, Ходжигора и Карабуры

Орудий в Джаркутане немного. Они представлены всего одним мустьерским остроконечником с хорошей ретушью по краям, несколькими леваллуазскими остроконечниками, скребла тоже в большинстве сделаны на пластинах с одним ретушированным краем⁴¹.

Разведки показали, что мустьерские изделия встречаются достаточно широко на покато сильно расчлененной предгорной лёссовой полосе Туркестанского хребта. Эти сведения дополняются новыми работами. В.А.Жуков нашел небольшую стоянку в ущелье Гургдара, разведки Н.А.Москаленко указывают, что соответствующие находки встречаются на площади 100 кв. км, но всегда в переотложенном состоянии⁴².

Местонахождение в урочище Кайраккум или Кайраккумский палеолит представляет собой серию пунктов – 31, расположенных на протяжении 100 км между городами Худжанд и Канибадам. Это останцы речных террас правого берега р.Сырдарья, покрытые галькой. Большинство сборов связано с поверхностью и склонами террас голоднотеррасного комплекса, высота которых над руслом реки соответственно 30-60 и 70-120 м. Все орудия кайраккумского палеолита переотложены.

Всего в Кайраккумах собрано немногим более одной тысячи изделий. Все артефакты сильно окатаны и покрыты плотной патinouй. Нужно сказать, что кайраккумский материал очень эффектен, пластины отличаются изяществом и пропорциональностью, орудия несут на себе свидетельство технического совершенства, столь характерного для леваллуа-мустьерской культуры. Для изготовления орудий более древней группы находок (ашело-мустьерской?) использовался, прежде всего, порфирит. Изделия другой группы, где преобладают типично мустьерские вещи, изготавливались из кремнистого известняка, сланца или песчаника.

Нуклеусы разнообразны: это дисковидные, площадочные, "тортезы" Мелкие имеют размеры 4-6 см, большие достигают 10-12 см.

Среди орудий полностью преобладают два типа: остроконечники и скребла, другие орудия очень редки, это рубящие орудия, острия, скребки.

Вторая группа, мустьерская, отличается меньшими размерами, тогда как в типологии орудий и технике их обработки существенных различий нет⁴³.

Мустье Южного Таджикистана: миграция или эволюция?

Ситуация в Южном Таджикистане позволяет проанализировать вопрос о генезисе мустьерской культуры, хотя и здесь далеко не все ясно. Наиболее сложным является вопрос о связи мустьерских памятников и индустрии нижнепалеолитической каратауской культуры – может ли мустье развиваться эволюционным путем на месте или необходимо прибегнуть к такому объяснению, как миграция, т.е. приход мустьерских племен откуда-то извне с уже готовой, иной по типу индустрией.

Многие годы отдельные изделия, типологически хорошо диагностируемые как мустьерские, встречались на склонах лёссовых разрезов, и поскольку в 4-6 и более нижних палеопочвах имелись стоянки каратауской культуры, были высказаны предположения, что в 3-2 палеопочвах должна находиться мустьерская индустрия. Эта мысль подтвердилась в процессе раскопок стоянки Хонако, проведенных в 1995-1997 гг. в Ховалингском районе И.Шефером и В.А.Рановым.

Здесь, в условиях, близких к уже описанным, т.е. без видимых следов культурного слоя, но со значительной концентрацией артефактов в почве климатического оптимума, впервые в Таджикистане в лёссовом разрезе был

найдена безусловно пластинчатая, несомненно мустьерская по своим техническим (раскалывание камня) особенностям индустрия. Интересно, что среди изделий имеются отдельные предметы, которые, как кажется, скорее, подошли бы к более поздней, верхнепалеолитической культуре. Но их положение во второй палеопочве, сопоставляемой с седьмой стадией кислородно-изотопной шкалы (200-240 тыс. лет), четко указывает на их одновременность, или по крайней мере близость по времени, с мустьерскими изделиями, представленными в основном пластинами, изредка ретушированными и редкими, хорошо обработанными орудиями типа скребел.

В процессе этих же работ мустьерские пластины обнаружены в том же урочище Хонако в 1-ой палеопочве – 5 стадия кислородно-изотопной шкалы (70-130 лет).

И хотя между еще нижнепалеолитической стояжкой Оби-Мазар и среднепалеолитической – Хонако, имеется значительный, в 300 тыс. лет, промежуток времени, есть все основания думать, что пластинчатая мустьерская культура, которая впервые фиксируется во второй палеопочве, не развивается из нижнепалеолитической, каратауской культуры. С точки зрения автора настоящей главы, определенные элементы мустьерской технологии фиксируются в индустриях стоянок Лахути и Оби-Мазар (площадочные и препарированные нуклеусы, редкие леваллуазские острья и пластины), но они не могут быть достаточным подтверждением местного возникновения мустьерской культуры в Таджикистане. Эти элементы не охватывают даже одного процента всей коллекции и могут рассматриваться лишь как первые и во многом случайные попытки освоения новой технологии. Подобные опыты происходили на фоне развития галечной техники, которая оставалась доминирующей⁴⁴.

Таким образом, появление мустьерской культуры в Южном Таджикистане можно объяснить приходом неандертальцев, двигавшихся со стороны Ближнего Востока, очевидно, через Иран, Афганистан, Туркмению. Эта волна миграции, как мы говорили выше, достигла рубежей Восточной Монголии, Алтая, Пакистана.

Карабура. Мустьерсоанская индустрия в Южном Таджикистане

Памятник Карабура расположен на левом берегу реки Вахш в 37 км юго-западнее г. Курган-Тюбе и в 5 км от поселка Жизликуль. Каменные орудия связаны с серией возвышенностей, разделенных между собой котловинами. Изделия мустьерского времени встречаются на поверхности горок-останцов верхнеплейстоценового (душанбинского) времени. Каменные орудия содержатся и в галечниковой толще, а также в прослоях суглинка и глинистого песчаника в ней. Всего на протяжении 2,5 км зафиксировано 9 пунктов с палеолитическим материалом, а на одном из них (6-м) проведены раскопки. Скорее всего, артефакты на Карабуре находятся в перетолженном состоянии в массе отложений, возникающей при разрушении останцов.

Коллекция насчитывает около 8-ми тысяч предметов и может рассматриваться как одновременная. Абсолютных дат здесь нет, а общая геологическая ситуация говорит о том, что скорее всего, памятник может быть сопоставлен с первой половиной юрмского времени (70-40 тыс. лет).

Первичным материалом были разнообразные породы в виде речной гальки: порфирит, кремнистый песчаник, роговик и др. Редкие изделия сделаны из кремня.

Типичных для мустье форм (остроконечники, острья, разнообразные

скребла) – 167 экз., остальное место занимают характерные галечные орудия. В этом необычном для западных мустьерских комплексов сочетании галечных и обычных для мустье орудий и состоит главная особенность индустрии Карабуры.

Здесь найдено 167 чопингов и 167 чопингов. Чоптеры имеют среднюю длину 9 см. По форме и характеру обработки края обе группы распадаются на несколько типов.

Подводя итоги, можно сказать, что индустрия Карабуры может характеризоваться как несваллуазская, нефасетированная (специальная подправка ударной площадки, производимая на нуклеусе) и непластинчатая⁴⁵.

Особый интерес галечные орудия Карабуры представляют и в плане генетической связи с предшествующей нижнепалеолитической галечной культурой – каратауской. Не исключено, что эта традиция пришла в Южный Таджикистан не из Пакистана (соанская культура), как считалось раньше, а являясь продолжением применения галечной техники, существовавшей в Южном Таджикистане ранее на протяжении многих тысяч лет⁴⁶. Второй элемент – мустьерский, очевидно, позаимствован у пришедших в Среднюю Азию неандертальцев.

Худжи. Леваллуа-мустьерский технический вариант эпохи мустье

Совсем иной облик имеют каменные орудия, полученные во время раскопок стоянки Худжи, находящейся недалеко от Шахринау в адырной полосе южных предгорий Гиссарского хребта. Стоянка расположена рядом с источником.

Стоянка связана с делювиальными лёссовидными суглинками, обогащенными линзами щебня. В основании этих отложений встречено два уровня находок.

Культурный слой вскрыт на площади 105 кв. м. Он представлял собой неровную полосу, прослеживающуюся на расстоянии 20 м (частично слой был срезан при строительстве дороги). В плане отмечено несколько очагов. Палинологический анализ, проведенный на стоянке, показал, что болотные глины, на кровле которых найден культурный слой, накапливались в условиях пловиального (дождливого, очень влажного) климата, относительно прохладного с понижением летних температур. Существовала богатая древесная растительность с преобладанием хвойных – сосны. Иной климат фиксируется в период перехода к вышележащим лёссам. В этот период заметно потепление и усиление аридизации (сухости), о чем говорит сокращение количества древесных пород и прежде всего исчезновение здесь хвойных деревьев⁴⁷.

Большинство костей, а их найдено более 3,5 тыс., оказалось расколотыми, что обычно для палеолитических стоянок, ведь костный мозг всегда был любимым лакомством древнего человека. Животные, которые шли в пищу неандертальцам, определены палеонтологом Ш.Ш.Шараповым.

Большая часть из них принадлежит горным животным – козлам и баранам, другие – равнинно-адырным, таким как олени, медведи, быки, волки. Очень интересно присутствие такого северного, экзотичного для современной Средней Азии животного, как лось.

Всего на стоянке получено несколько более 7,5 тыс. изделий. Из них две трети – из раскопа, первичный материал – кремневые кварциты и алевролит.

Преобладают площадочные ядрища, служившие для окапывания пластин в одном или двух направлениях. Эта техника приводила к получению так называемых протопризматических и треугольных пластин.

Заметной особенностью инвентаря Худжи является преобладание орудий

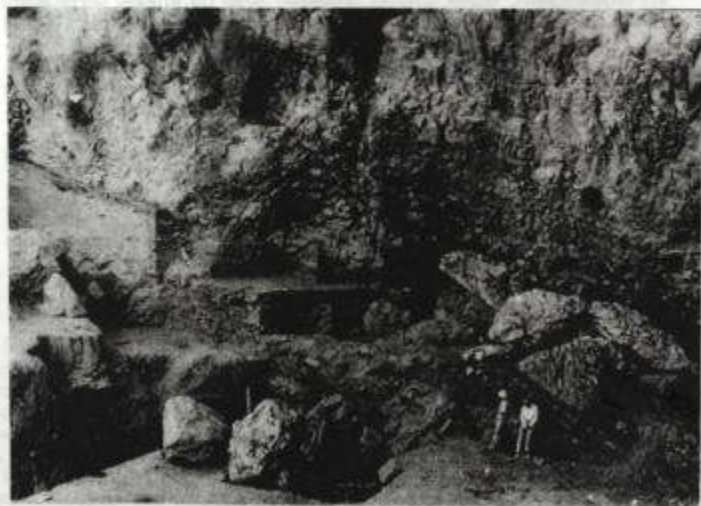
на пластинах – яркое свидетельство развития леваллуазской техники. Несмотря на сравнительно хрупкий материал, здесь встречается очень детальная, тщательная обработка рабочего края многорядовой ретушью. Остроконечников, среди которых встречаются и удлиненные формы, немного, зато очень разнообразны. Преобладают ножи, преимущественно на пластинах с односторонней ретушью и прямым рабочим краем. Заметной группой представлены выемчато-зубчатые орудия. Имеются и изделия, которые по своему типу могли бы найти место в верхнем палеолите.

С точки зрения археологии, в индустрии Худжи немало элементов, позволяющих определить этот памятник как стоящий на грани перехода от мустье к верхнему палеолиту, и поэтому можно предположить, что его возраст должен находиться где то между 50-40 тысячами лет, скорее всего ближе ко второй цифре. Это заключение подтверждается и радиоуглеродной датой: 38900 ± 700 лет⁴⁸.

Огзикичик. Технический вариант мустье типичное

Огзикичик – это пещерная стоянка в Южном Таджикистане, давшая наибольшее число хорошо выраженных мустьерских орудий в Средней Азии. Пещера Огзикичик расположена в сухих предгорьях юго-восточного склона хребта Себистон в 4 км северо-западнее кишлака Шаршар Дангаринского района.

В результате 5-ти полевых сезонов на площадке перед пещерой вскрыта площадь в 200 кв.м, на большей части которой сохранились следы стоянки каменного века⁴⁹.

Раскопки стоянки Огзикичик

На площадке, перекрытой остатками крыши навеса, вскрыт уникальный для Средней Азии жилой горизонт, который был назван "черепаховым слоем" – из 15 тысяч костей, остатков этой рептилии в названном слое добыто 12 тысяч. Максимальная толщина черепахового слоя – 1,2-0,8 м. Он состоит из серии очагов, расположенных на разных уровнях. Мощность очажных линз по вертикали – 20 см. Интересно, что уголь в этих очагах не только древесный, а в большей степени костный и, судя по остаткам, в кострах сгорали и панцири черепах. Вокруг очагов и концентрируются кухонные остатки кости и артефакты.

Учитывая возможные варианты сопоставления участков раскопа, сохранивших лёссовидный суглинок, содержащий археологические материалы, можно отметить, что общая мощность отложений памятника составляет 6 м.

Подсчеты времени накопления суглинков чисто теоретически дают две цифры: 30 тыс. или в другом варианте 13-12 тыс. лет. Имеются две радиоуглеродные даты. На самой кровле черепахового горизонта дата кажется заниженной и не соответствующей возрасту мустьерской культуры – 15700 ± 900 лет, а на 5-ом раскопе, уже в нижней части отложений образец, исследованный тем же методом, дал результат более 30 тысяч лет.

Палинологический анализ, проведенный М.М.Пахомовым, показал, что за время существования людей на этой стоянке произошло несколько этапов колебания климата от прохладного и влажного к теплому и сухому³⁰.

Еще более интересные результаты принесло определение очень богатой фауны Огзикичика. Костные остатки млекопитающих определял Ш.Ш.Шарапов, а грызунов – В.А.Стальмакова.

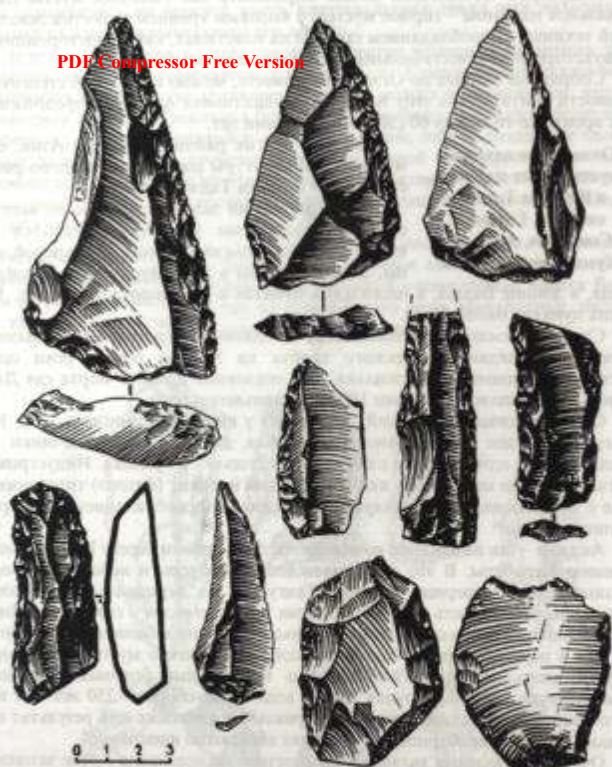
Из определяемых, кости черепа занимают 80%. На втором месте кости диких коз и овец, затем идут ископаемая кабаллоидная лошадь, благородный олень, дикие ослы, волки. В составе фауны Огзикичика есть и другие животные: дикобраз, медведь, барсук, дикий кабан, встречаются и кости птиц. Имеется и экзотичный вид – носорог. Получается, что первобытными людьми был освоен не только нижний пояс гор, где располагалась их стоянка, но они совершали охотничьи экспедиции и в более высокие природные зоны, как свидетельствуют находки остатков кивков, а также в зону предгорий (черепаха) и в долины, где обитали лошадь, носорог, благородный олень³¹.

Общее количество изделий, полученных в результате раскопок; приближается к 10 тысячам. Орудий со специальной ретушью – 563³².

Среди заготовок и орудий Огзикичика очень много классических пластин леваллуа. Такие пластины, снятые со специально подготовленных нуклеусов, очень красивы. Интересно, что леваллуазских ядриц на стоянке нет, очевидно, такие пластины приносились из мест их изготовления – мастерских, где было достаточно много подходящего материала – кремнистых изверженных пород и кремнистого известняка, находимых в долине реки Таирсу в виде окатанных речных галек. Небольшое количество орудий сделано из местного пластового кремня плохого качества.

Первое место по количеству среди орудий занимают скребла – 25,44%, второе принадлежит остроконечникам и остриям – 10,97%. Ножи занимают 2,54%, а орудия верхнепалеолитического типа – 1,85%. Выемчатые орудия не занимают большого места – 2,78%³³.

Остроконечники являются универсальным орудием, но главной функцией было употребление их как наконечников боевого копья или рогатины. Скребла Огзикичика очень разнообразны.

Каменные орудия стоянки Озгикичик

Среди других орудий мустьерского комплекса Озгикичика – концевые скребки, скребочки, ножи с естественной спинкой, зубчатые и выемчатые орудия, скребловидные инструменты и некоторые другие изделия. Вообще набор орудий памятника очень разнообразен, и они обработаны тщательным образом. Не вызывает сомнения, что перед нами не случайная остановка людей, а настоящий базовый лагерь, в котором люди жили долго и основательно, и сохранившиеся участки культурного слоя, как и разнообразные орудия и фаунистические остатки, фиксируют их разнообразные занятия: охоту, собирательство, изготовление и использование орудий, организацию жилого пространства, словом, все то, что и определяет палеолитическую стоянку.

Индустрию Огзикичика можно определить как типичное мустье (первоначальное название – горное мустье) с высоким уровнем развития леваллуазской техники с преобладанием скребел на пластинах, как односторонних, так и двухсторонних и нестабильных типологически остроконечников.

Соборфде Compressor Free Version чнику вместе, можно с большой степенью условности считать, что этот памятник, существовал довольно продолжительное время где-то между 60 (50) и 40 тысячами лет.

Отдельные находки мустьерских изделий в Южном Таджикистане. Стоянки Семиганч, Акдждар, Кумтепинская скала

Как и в других районах Средней Азии, следы мустьерской культуры достаточно широко распространены в Южном Таджикистане.

На сегодняшний день, однако, не во всех районах зафиксированы мустьерские находки. Они известны в нескольких пунктах Гиссарской долины, очень обильны в зоне Нурекского водохранилища, в нескольких пунктах в Ховалингском районе. Всего таких пунктов около 20-ти.

Стоянка Семиганч располагается на одном из отрогов, примыкающих к передовым грядам Гиссарского хребта на правом берегу реки северо-восточнее одноименного кишлака. Это седловина правого борта сая Дарамазор, находящаяся на уровне 100 м над тальвегом реки.

Общее количество изделий, собранных у кишлака Семиганч – 316. К мустьерской группе орудий относятся скребла, двойные остроконечники – лимасы, ножи, в одном случае с обратной ретушью – с брющка. Индустрию Семиганча можно определить как технический вариант (фазию) типичного мустье с использованием леваллуазской техники и преобладанием мустьерской группы орудий⁵⁴.

Акдждар – так называется возвышенность на правом берегу Вахша, выше по течению Карабуры. В это местонахождение включены и небольшие сборы в расположенном севернее урочище Тангузар. На вершине антиклинальной складки на поверхность выходит галечник позднеялькского комплекса. Именно на поверхности этого галечника и в меньшей степени в более молодом суглинке, уже в перестроенном состоянии, собраны типично мустьерские изделия. Орудий мало, они представлены лишь несколькими боковыми скреблами. Присутствуют галечные орудия. Общее количество сборов – 250 экз. Нет никакого сомнения, что акдждарский индустриальный комплекс есть результат охотничьих походов карабуришцев – материал абсолютно идентичен⁵⁵.

Очень интересными являются многолетние исследования в зоне затопления Нурекской ГЭС. После заполнения Нурекского водохранилища, вода, поднимаясь как раз до аллювия четвертой террасы (80-100 м), вызвала интенсивное разрушение берегов. После временного понижения воды образовались своеобразные озерные террасы, на поверхности которых археологи собрали значительный количественный материал каменного века (в отдельных случаях до 1000 экз.). Таких точек по обоим берегам водохранилища имеется 22.

Очень интересным является местонахождение Кумтепинская скала, которая расположена в 8 км северо-западнее кишлака Кулисуфийн. В 1976 году к моменту исследования оно находилось на полуострове, образовавшемся в процессе заполнения водохранилища. Благодаря старым фотографиям удалось реконструировать былой рельеф и установить положение местонахождения в системе вахшских террас.

Артефакты собраны с поверхности сильно размывтого песка, а там, где он

полностью смыт, — с подстилающей красной гинны. Можно представить, что они вымывались из верхней части аллювиального песка или находились в нижней части перекрывающего его лёсса.

В целом, несмотря на некоторое количество чопперов, возможно происходящих из других культур, коллекцию из Кумтешинской скалы можно определить как леваллуа-мустьерскую. И это можно объяснить тем, что сюда приходили жители Огзикичика (для этого надо было перевалить через хребт Себистон), занимаясь охотой и собирательством, они не создавали здесь базовых лагерей, а лишь временные стоянки. Такой путь перехода от одного технического варианта к другому в связи с характером занятий людей вполне допустим²⁶. Сборы мустьерских орудий производились и в долине р.Ширкент в Гиссарском хребте²⁷.

Мустьерские намятинки Узбекистана. Тешикташ и погребение неандертальца. Аманкутан.

Грот Тешикташ расположен в горном ущелье Заутолошсай, которое имеет вид живописной узкой щели, вымытой в известняках хребта Байсунтау на левом берегу реки Мачайдарья, напротив одноименного кишлака.

Каменные орудия из грота Тешикташ

Культурные слои состоят из обломков костей животных, обработанного человеком камня и следов древних очагов. Для изготовления орудий использовался имеющийся под руками темно-серый кремнистый известняк, из которого сложены стены и дно грота. Из других пород использовались ишма,

кварцит (очень редко), а также какая-то вулканическая порода. И только одно орудие сделано из кремня. Охотничьей добычей в основном были горные козлы. Среди других костей встречены в единичных экземплярах кости оленя, дикой лошади, леопарда, медведя, гиены, зайца, сурка и других более мелких животных: куропадок, голубей, уток.

Всего же в гроте за два года раскопок найдено 2859 предметов, из них 339 законченных обработкой орудий. Основой для их изготовления служил нуклеус, преимущественно дисковидной формы. Наиболее характерную группу изделий представляют мустьерские остроконечники из треугольных пластин. Из крупных отщепов изготавливались скребла, из мелких – скребки. Пластины с прямым длинным лезвием использовались как ножи⁵⁸.

По мнению А.П.Окладникова, автора раскопок в Тешикташе, технические приемы обработки камня здесь очень напоминают распространенные западнее в средиземноморской группе памятников⁵⁹. Это наблюдение в дальнейшем стало основанием для представления о сходстве между среднеазиатским и ближневосточным мустье⁶⁰.

Исходя из технико-типологических данных, индустрию Тешикташа можно определить как технический вариант типичного мустье.

Замечательным открытием, сделанным в Тешикташе, является находка в первом сверху культурном слое костных останков ребенка неандертальца. Здесь, на глубине всего 25 см от современной поверхности, в непосредственной близости от очага, находился череп ребенка девяти лет. Вместе с черепом, раздавленным на мелкие кусочки и блестяще восстановленным замечательным скульптором-антропологом М.М.Герасимовым, находились обломки других костей скелета⁶¹.

За 50 лет, прошедших со времени открытия тешикташского ребенка, представление о морфологических особенностях тешикташца несколько раз менялось, а в последнее время высказано мнение, что нет "...тешикташского мальчика", а есть "тешикташская девочка". В целом, в настоящее время превалирует мнение о том, что среднеазиатский неандерталец, представленный находкой в Тешикташе, принадлежит к отдельной переднеазиатской группе, куда еще входят неандертальцы из ближневосточных пещер Амуд и Шанидар⁶².

Важные выводы на основании изучения мозговой полости тешикташского неандертальца сделал известный советский антрополог В.В.Бунак, который считает, что "ряд прогрессивных особенностей в строении зидокрана среднепалеолитического ребенка дает основание предположить, что Средняя Азия, по крайней мере частично, могла входить в зону формирования типа современного человека наряду с областями Южной Азии и Средиземноморья, с которыми обычно связывают первое появление непосредственных предков современных групп человечества"⁶³.

Тешикташское погребение является одним из наиболее известных в мире, благодаря тому, что здесь установлена необычная конструкция – труп ребенка, положенный в неглубокую ямку, вырытую непосредственно под культурным слоем, был окружен парами рогов козлов-архаров, расположенных по кругу, вокруг могилы. Первоначально рога были воткнуты в землю острыми концами. Очень интересно, что у неандертальцев Тешикташа, по всей вероятности уже зарождалось особое отношение к такому животному, как горный козел, которое бытует в Средней Азии и сейчас, что, как и преднамеренное погребение, отражающее заботу о мертвых, может служить свидетельством зарождения в эпоху мустье примитивных религиозных представлений (культ солнца?).

Таким был облик тешкенташского неандертальца по реконструкции М.М.Герасимова.

А.П.Окладников в послевоенных публикациях предлагал для нижних слоев Тешкенташа дату в 50 тыс. лет, а верхние датировать возрастом в 40-30 тыс. лет⁶⁴. В этом плане определение абсолютного возраста мустьерских слоев Тешкенташа, проведенное В.В.Чердынцевым – 44 тыс. лет, вполне приемлемо⁶⁵. Но очень может быть, что этот памятник на несколько десятков тысяч лет старше.

Второй известной среднеазиатской пещерой, в которой найдены орудия мустьерского времени, является Аманкутан в 45 км от Самарканда, ниже перевала Тахтакарача. Здесь мустьерские охотники жили в основном в глубине пещеры.

Орудия древнего человека найдены в двух различных горизонтах, разделенных толстым (до 0,8 м) слоем известкового туфа, являющегося натечным образованием.

Всего в Аманкутане найдено около 150 каменных изделий. Здесь трудно выделить серии орудий законченной формы – большинство предметов представляет собой отщепы и пластины. Однако имеются и настоящие орудия со вторичной ретушью. К ним, например, принадлежат массивные скребла со

слегка изогнутым рабочим краем, листовидные орудия. Встречено несколько остроконечников и два дисковидных нуклеуса.

Если комплекс каменных орудий в пещере Аманкутан небогат, то фаунистические остатки здесь весьма разнообразны. В отличие от Тешикташа, горные козлы были редкой добычей аманкутанских охотников, которые больше добывали азиатского барана – муфлона (найлены кости 116 особей). Жители пещеры также охотились на бурого медведя (38 особей), марала, волка, дикобраз, пещерную гиену и других животных. В целом индустрия Аманкутана близка к индустрии Тешикташа⁶⁶.

**Многослойная
пещерная стоянка
Обирахмат. Грот
Ходжакент**

Грот Обирахмат расположен в 100 км от Ташкента, выше поселка Бричмулла в долине Пальтаусая, правого притока реки Чаткал. Вход в грот размерами 20x9 м и высотой 11,8 м расположен над поверхностью террасы позднеташкентского комплекса.

Отложения грота мощностью в 8 м содержали многочисленные горизонты находок артефактов (30 тыс. экз.) и расколотых костей.

Для изготовления орудий использовались кремнистый известняк, плотные глинистые сланцы, кварцевый песчаник и очень редко – кремнь. Нуклеусы очень разнообразны, среди них выделяются площадочные и леваллуазские типы – “черепаховидные”, призматические нуклеусы с веерообразным расположением сколов. Среди пластин на первом месте протопризматические, с параллельными краями продольной огранкой спинки, затем идут треугольные. Остроконечников мало, больше боковых скребел на пластинах. Среди других орудий встречаются изделия типа рубанка – струги, скобели, орудия с выемкой.

Фауна Обирахмата достаточно разнообразна. Преобладают горный козел (киик), на втором месте олень, затем идет барсук и сурок. Единичными костями представлены кабан, дикобраз и такое экзотичное животное, как пещерный лев.

Определения по торцево-урановому методу натеков в отложениях грота дают большой разброс от 170 до 70 тысяч лет и их трудно использовать для определения возраста памятника.

В плане историко-культурного определения мустьерской индустрии Обирахмата существует две точки зрения. Р.Х.Сулейманов полагает, что здесь имеет место существование специфической обирахматской культуры, для которой леваллуазские приемы раскалывания камня несвойственны⁶⁷, однако можно считать, что Обирахмат принадлежит к леваллуазскому техническому варианту⁶⁸.

Недалеко от Обирахмата в кишлаке Ходжакент, расположенном при слиянии рек Чаткала и Угама, находится еще один мустьерский памятник – грот Ходжакент, давший небольшую, но достаточно выразительную коллекцию каменных орудий. Жизнь неандертальцев здесь протекала не под крышей грота, а, как это часто бывает, на площадке перед ним.

Раскоп – 12 кв.м, культурный слой частично уничтожен в эпоху средневековья, сохранилось только его основание. Всего найдено 374 предмета.

Обращает на себя внимание значительное количество нуклеусов – почти каждый десятый предмет, причем вместе с дисковидными, близкими к нуклеусам из Тешикташа, имеются и леваллуазские площадочные нуклеусы, так что можно говорить о Ходжакенте как стоянке-мастерской.

Немногочисленные орудия слезаны на пластинах – это боковые скребла с выпуклым или прямым краем. Отмечается легкая, но иногда мустьерская ретушь и другая – грубая, как бы пильчатая. Особняком стоит двухсторонний остроконечник, напоминающий небольшое рубильце.

А.П.Окладников, указывая на значительное сходство индустрии Ходжа-

кента и верхних горизонтов Тешикташа, уверенно определяет ее как леваллу-мустьерскую⁶⁹.

В этом регионе находится еще одна пещерная стоянка, на этот раз, как и Аманкутан, – коридорного типа. Это пещера Пальтау, раскопки которой носят предва

PDF Compressor Free Version

дву здесь найдено 140 экз. Выделено 36 орудий разных типов: остроконечников, скребел, скобелей, резцов и т.д. Отмечается сходство комплекса Пальтау с индустриями нижнего горизонта Обирахмата и Ходжикента⁷⁰.

Зубчатое мустье
Кульбулака, типичное
мустье Кутурбулака.
Зирабулак и другие
мустьерские находки в
Узбекистане

Иной характер имеют не пещерные, а открытые мустьерские стоянки Узбекистана. Стоянка Кульбулак расположена около одноименного родника, на берегу Джарсяя в правом борту долины реки Ангрен. Несмотря на то, что общая площадь раскопа более 50 кв.м, основные стратиграфические данные получены из шурфа, пробитого на глубину 19 м, в котором площадь вскрытых мустьерских слоев равнялась всего 9 кв.м, кроме самых верхних. Никаких планов распространения каменных изделий не опубликовано, и определение горизонтов находок как культурных слоев можно подвергнуть сомнению⁷¹.

Отложения, в которых обнаружены артефакты, представляют собой проливальные, деловальные, селевые, озерные, лёссовидные отложения. При чем лёсы охватывают нижнюю часть разреза.

Только в верхних горизонтах зафиксированы остатки очажных пятен, фауна представлена редкими костями. Скрудны и палинологические данные, которые, тем не менее, показывают, что климат был аридным и тепло-умеренным с некоторыми колебаниями в сторону похолодания или потепления.

По мнению авторов раскопок Кульбулака, на стоянке представлено древнее мустье, всего 14 слоев, развитое мустье – слои 12-6, позднее мустье – два слоя 5-4. Самый богатый находками период соотносится с развитым мустьем⁷².

Особого технического и типологического различия снизу вверх не наблюдается, происходит как бы медленная эволюция особого, заметно отличного от леваллу-мустьерского технического варианта – зубчатого, в котором основную группу орудий представляют зубчато-выемчатые и тейякские формы.

Попытка расчленения отложений Кульбулака не имеет сколько-нибудь уверенного хронологического обоснования. Судя по схеме, помещенной в одной из работ, мустьерская культура Кульбулака начинается где-то около 300-400 тыс. лет, что вряд ли может соответствовать действительности⁷³.

Вторая значительная стоянка открытого типа – Кутурбулак. Она находится в 100 км западнее г.Самарканда у подножия Зирабулакских гор. Как и предыдущий памятник, стоянка связана с родником. Пять культурных горизонтов, вскрытых в отложениях мощностью от 2,2 до 2,8 м состоят из скоплений изделий из камня, расколотых костей, зольных пятен, связанных с бывыми очагами. Мощность культурных слоев колеблется от 10 до 40 см. Вопрос о накоплении рыхлого материала и положении археологических находок не решается однозначно. Последние работы, проведенные здесь, показали справедливость сомнений в наличии здесь культурных слоев, высказанных ещё в 1973 г.⁷⁴

Отмечаются следующие особенности Кутурбулака: значительное количество орудий со вторичной обработкой, присутствие галечных орудий, распространение орудий на сечениях пластин. Среди 10 тысяч находок (большинство, как всегда, составляют неиспользованные отщепы, обломки и осколки), имеется 831 орудие, среди которых преобладают выемчатые орудия-скобеля, заметен процент чопперов и чоппингов.

Имеются две точки зрения: одни авторы считают, что индустрия Кутурбулака является вариантом обирахматской культуры и отличается распространением пластинчатой техники с заметным преобладанием леваллуазской. Другие авторы предлагают, что это мустьерский (типичное мустье) памятник. Заметим, что значительное количество галечных орудий придает инвентарю Кутурбулака определенное сходство и с мустьеро-соанской индустрией Карабуры.

Возраст Кутурбулака, как и других мустьерских памятников Средней Азии, не может быть уверенно определен и колеблется в рамках конца ташкентского – начала голодноостепского комплекса, но это не дает никакой абсолютной даты. Исследователи Кутурбулака считают эту индустрию более ранней, чем обирахматскую⁷⁵. Среди животных, являющихся охотничьей добычей, кабаллоидная лошадь, бык-тур, кулан, олень, животные предгорных и степных районов Зеравшанской долины.

Имеются и другие, менее значительные памятники и отдельные находки мустьерских орудий на территории Узбекистана, в том числе и в Кызылкумской пустыне (Кызылкура 1),⁷⁶ свидетельствующие о достаточно широком заселении как равнинной, так и горной части республики в мустьерское время (можно назвать Бозсу, Зирабулак, Сарыкурган, Чаткал 1-2 и другие).

**Мустьерские
памятники Киргизии.
Леваллуа-мустье
Тосора и мустьеро-
соанский вариант
Георгиевского Бугра**

Менее хорошо изучен рассматриваемый период палеолита в Киргизии, территория которой вообще исследована меньше, чем Таджикистан и Узбекистан. Отдельные находки мустьерских орудий известны в киргизской части Ферганы, в том числе и ряд местонахождений в адырной зоне между городом Маргеланом и хребтом Катрантау⁷⁷.

Стоянка Тосор расположена на южном борту Иссыккульской котловины на правом берегу реки Тосор. Мустьерские изделия связаны с 2,5-метровой пачкой лёссовидных суглинков, перекрывающих аллювиальные галечники 100-метровой позднеташкентской террасы.

Общее количество находок – свыше 3000 экз. Для изготовления орудий использовались местные горные породы: преимущественно кремнистый сланец, реже применялась яшма, роговик, порфирит. Орудий в Тосоре найдено немного. Это 2-3 остроконечника, скребла на пластинах, скребки односторонние, выемчатые орудия.

Изучение материалов стоянки Тосор показывает, что, несмотря на большое количество пластин, можно говорить лишь о крайнем пределе леваллуазской техники Тосора и условно характеризовать эту индустрию как леваллуа-мустьерскую, стоящую на грани перехода к верхнему палеолиту⁷⁸.

Очень оригинальной и не похожей на другие мустьерские индустрии Средней Азии является вторая стоянка Киргизии – Георгиевский Бугор. Она находилась в 25 км севернее Бишкека на левом берегу реки Чу в пределах средневекового городища. Стоянка открытая, и подавляющее число находок собрано на 30-метровой возвышенности, которая геоморфологически представляет собой останец террасы позднержгаланского (позднеташкентского) комплекса.

Индустрия связана с речной галькой средних размеров. Это крупнозернистые изверженные породы, кварциты, кремнистые известняки и сланцы. Как исключение встречаются отдельные поделки из кремня.

Общее количество находок – около 6 тысяч. Орудий со вторичной обработкой – 247. В группах орудий преобладают скребла и зубчатые орудия разных форм, а также разнообразие ножи. Заметны резцы и резцовые сколы, что нехарактерно для других памятников этого времени в Средней Азии.

Технико-типологические признаки индустрии Георгиевского Бугра очень

близки показателям Карабуры, с которой этот памятник вполне сопоставим⁷⁹.

Индустрию Георгиевского Бугра можно характеризовать, как мустье со смешанными технико-типологическими показателями, слабо проявленными элементами леваллуазской техники и с преобладанием тейжских зубчато-высеччатых форм орудий.

Мустьерские находки на юго-западе Туркмении — до сих пор в Туркмении имеются лишь подъемные материалы этого времени, собранные на поверхности и чаще всего не определенные в плане их геологического возраста. Пока что сравнить, собственно, нечего, и поэтому подтверждения высказываемой выше идеи о продвижении неандертальцев, принесших в Среднюю Азию мустьерскую культуру, мы пока в туркменских материалах найти не можем.

Отдельные мустьерские орудия и небольшие скопления известны, начиная с 50-х годов не только на Красноводском полуострове, но и на востоке — в Бадхызе.

Заслуживает внимания попытка В.П. Любина связать мустьерские находки на Красноводском полуострове с береговыми террасами и валами нижневалльнской трансгрессии (наступление моря), которое по данным геологии имело место 70-40 тысяч лет тому назад, что вполне соответствует времени существования мустье в Средней Азии⁸⁰.

Среди мустьерских местонахождений запада Туркмении наиболее значительны Кызылбурун, Аламкуль I и Гакуш, количество изделий на которых превышает 200 экз. Однако, за редким исключением, это не типичный мустьерский материал, сильно засоренный сомнительными изделиями и более поздними орудиями. Условия нахождения приводит к значительной порче краев орудий, созданию псевдоретуши, но нельзя исключать, что осторожно высказанные предположения о вероятной принадлежности некоторых мустьерских комплексов Туркмении к техническому варианту мустье зубчатое подтвердятся в будущем⁸¹.

Ниже показано соотношение основных технических вариантов (фаций) мустьерских индустрий Средней Азии (табл.2).

Табл. 2

Группировка технических вариантов (фаций) основных мустьерских памятников Средней Азии			
Леваллу-мустьерский	Типичное мустье	Мустьеро-соанский	Зубчатое мустье
Джаркутан Кайракумы Капчигай? Кызылнура Обирахмат Пальгау Тосор Ферганские стоянки Ходжакент Хонако Худжи	Аманкутан Зарабулак Кутурбулак Огзиччик Семиганч Тешикташ	Акджар Карабура Георгиевский Бугор?	Аламкуль? Гакуш? Бозсу Кульбулак

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ (35-12 тыс. лет)

Примерно сорок тысяч лет тому назад на всей известной нам ойкумене расселения неандертальца с его мустьерской культурой сменяет первобытный человек иного физического облика – кроманьонец. От неандертальца к кроманьонцу вместе с этим переходом меняется и палеолитическая эпоха – на смену мустьерской приходит верхнепалеолитическая культура.

Эпоха верхнего палеолита и ее особенности

Верхний палеолит охватывает период от 35 до 12 тысяч лет. Для Средней Азии наиболее древней радиоуглеродной датой является дата, полученная в 3-м горизонте североафганской пещерной стоянки Каракамар – 34000 лет, а самой молодой – из слоя стоянки Шугноу в Таджикистане – 10700 лет.

На рубеже верхнего палеолита происходит существенное изменение приемов обработки камня. Скалывание при помощи каменного или деревянного отбойника было заменено новым способом – отжимания тонких кремневых пластин правильной формы, так называемых призматических пластин, что привело к возникновению большого количества разнообразных орудий. Вместе с тем, в отдельных регионах, в частности в Средней Азии, старые мустьерские приемы раскалывания камня существуют еще долгое время уже в верхнем палеолите.

Кроманьонец – человек эпохи верхнего палеолита

Перемены в технических возможностях людей верхнего палеолита совпадают со сменой физического типа человека – вместо неандертальца повсеместно появляется ископаемый человек современного типа – гомо сапиенс сапиенс или по месту первой находки – кроманьонец (пещера Кроманьон, департамент Дордонь, Франция).

Долгое время наука жила установленным представлением: неандерталец – мустьерская культура, кроманьонец – верхний палеолит. В настоящее время это положение сильно осложнено новыми открытиями. Дело в том, что в пещерах Кафдех и Схул в Палестине вместе с каменными орудиями мустьерской эпохи найдены скелеты, которые некоторые ученые признают скелетами гомо сапиенс сапиенс. И, наоборот, в гроте Сансезар во Франции слой верхнепалеолитического времени содержал костные остатки неандертальца. И в Африке находки гомо сапиенса имеются в значительно более древних, чем 35 тыс. лет, памятниках – Класиев, Бордер, Омо³². Однако подобные “аномальные” находки все-таки являются единичными, а существование памятников с неандертальцами (мустье) и кроманьонцами (верхний палеолит) в Евразии событие массовое. И пока мы должны исходить именно из этого соотношения.

К эпохе верхнего палеолита ученые относят возникновение первой сложной организации общества – материнского рода, обусловившей уже подлинно человеческие отношения внутри родовой общины. К этому же времени относится и возникновение удивительных феноменов первобытного искусства – скульптуры и пещерной живописи, а с ними в какой-то мере связано и возникновение религии. Существенно изменяются и погребения, которые в верхнем палеолите отличаются богатством сопровождающего инвентаря. Таким образом, эпоха верхнего палеолита существенным образом отличается от предыдущих эпох каменного века и отражает огромный скачок в развитии человеческого мозга.

Культурные области эпохи верхнего палеолита

Культура верхнего палеолита, уже не представляющая, как в предыдущую эпоху мустье, полного единства, в значительной степени отличается как по образу жизни, так и по облику каменных орудий в разных районах Земного шара. Традиционно принято выделять в Евразии (по-скольку **PDF-Compressor Free Version** особую область) три верхнепалеолитических области или провинции: 1) африканско-средиземноморскую, 2) европейскую приледниковую, 3) сибирско-монгольскую (или сибирско-китайскую). Эти области, конечно, не имели четко очерченных границ, и существовали широкие зоны контактов, в которых происходило смешение культурных особенностей и техники производства каменных орудий соседних областей.

Средняя Азия, во всяком случае ее западные районы, входит в африканско-средиземноморскую область, которая захватывает Северную Африку, Средиземноморье, Крым и Кавказ, Ближний Восток. Влияние этой провинции прослеживается в Иране, Афганистане и очень ярко в Туркмении.

В то же самое время в восточных районах Средней Азии наблюдаются весьма заметные элементы сходства с сибирско-монгольской провинцией. Это говорит о том, что Таджикистан и Средняя Азия в целом являются промежуточной зоной, испытывающей существенное влияние двух больших, расположенных на западе и востоке, палеолитических провинций.

Природные условия второй половины верхнего плейстоцена в Средней Азии

В Средней Азии пункты с находками мустьерских орудий насчитываются многими десятками, а стоянки и даже пункты сборов верхнего палеолита по количеству уступают мустьерским в несколько раз. С чем связано такое, можно сказать, аномальное положение? Самый напрашивающийся ответ — с неблагоприятными климатическими условиями. Но можно ли реконструировать последние?

Исследователи, занимавшиеся природой Средней Азии в верхнем плейстоцене, неоднократно отмечали, что общий природный фон состоял в нарастающей аридизации, т.е. сухости, в постепенном переходе от значительного числа лесных сообществ к степной и пустынной теплолюбивой растительности. Большая остепенность территории, обедненность животного мира, относительно прохладная климатическая обстановка с более суровыми зимами, интенсивные пыльные бури и накопление пылеватого материала обуславливали миграцию первобытных людей из зоны лёссовобразования в другие районы⁴³. Этим вопросом подробнее других занимался американский археолог Р. Девис, который показал, что время от 30 до 14 тыс. лет до н.э. было самым неблагоприятным по своим климатическим условиям для верхнепалеолитического населения Ближнего и Среднего Востока (включая Среднюю Азию). Он обосновывает такое положение различными данными, показывающими, что в этот период среднегодовая температура в Афгано-Таджикской депрессии могла быть ниже на 5-6°, а температура июля соответственно на 6-12°. Заметное похолодание и иссушение, деградация лесной растительности, развитие полных степей, по мнению исследователя, приводили к уменьшению копытных животных и создавали неблагоприятный фон для жизни первобытных людей на широкой полосе северных субтропиков от Загросских гор до равнины Северного Пакистана⁴⁴.

Происхождение верхнего палеолита Средней Азии особых сомнений не вызывает. Особенно хорошо видно, что индустрия стоянки Шутноу эволюционирует из предыдущего, мустьерского пласта Отзикичика или Худжи. Эта

связь подтверждается мустьерскими элементами в технике раскалывания камня в верхнепалеолитических горизонтах Шугноу. Труднее предстать себе происхождение ориньякской культуры североафганской пещеры Каракамар, и тут вполне допустима миграция со стороны Ближнего Востока⁸⁵. Генезис верхнего палеолита Самаркандской стоянки тоже неоднократно связывался отдельными исследователями с различными фациями мустьерских индустрий Средней Азии⁸⁶.

**Многослойная
верхнепалеолитическая
стоянка Шугноу в
Южном Таджикистане**

Стоянка располагается на высоте 2000 м над ур.м. и, таким образом, является одним из самых высокогорных палеолитических памятников в мире. Она находилась на уступе третьей надпойменной террасы верховьев реки Яхсу. Здесь сохранился 15 метровый покров, сложенный лёссовой толщей, в которой раскопано 4 культурных верхнепалеолитических горизонта⁸⁷. За два полевых сезона открыто немногим более 500 кв.м. Культурные горизонты залегают очень ровно, их толщина колеблется от 20 до 40 см, между собой они совершенно не контактируют. Характер всех 4 горизонтов совершенно одинаков – это располагающиеся пятнами скопления обработанного камня и редких костей, остатки костров в виде пятен угольной пыли либо красноватой пережженной земли.

Раскопки стоянки Шугноу

Никаких конструкций из костей, как в Европе, или из камней, которые напоминали бы верхнепалеолитические жилища или обустройства костров, ни в одном горизонте не обнаружено.

Возраст культурных горизонтов определяется положением 4-го горизонта – 35-30 тыс. лет, исходя из геологического возраста и радио-углеродной даты 1-го горизонта: 10700 ± 500 лет. Второй горизонт, наиболее богатый находками, исходя из археологического определения материала, может датироваться 20-25 тыс. лет⁸⁸.

Для всех горизонтов Шугноу наиболее используемый породой были серовато-зеленые или синие фельзит-порфиры. Среди других пород встречаются окремненный известняк, кремнистый сланец. В двух верхних горизонтах,

особенно в первом, употреблялся и светло-серый и темный кремль.

Четвертый горизонт, самый древний на стоянке, находится в основании лёссовидной толщи. Несмотря на то, что на вскрытой раскопками площади – 90 кв.м собрано относительно небольшое количество находок, обращает внимание значительное количество угольных пятен.

Всего на этом горизонте найдено 51 предмет. Орудия очень редки. Главной особенностью индустрии четвертого горизонта, сразу же бросающейся в глаза, является присутствие очень хорошо выраженных треугольных и листовидных пластин мустьерского облика, в том числе с изогнутыми и фасетированными ударными площадками. Но есть и более поздние, верхнепалеолитические элементы: несколько нуклеусов, которые должны характеризоваться как призматические, тонкие пластины правильных очертаний – их можно назвать уже не протопризматическими, а просто – призматическими.

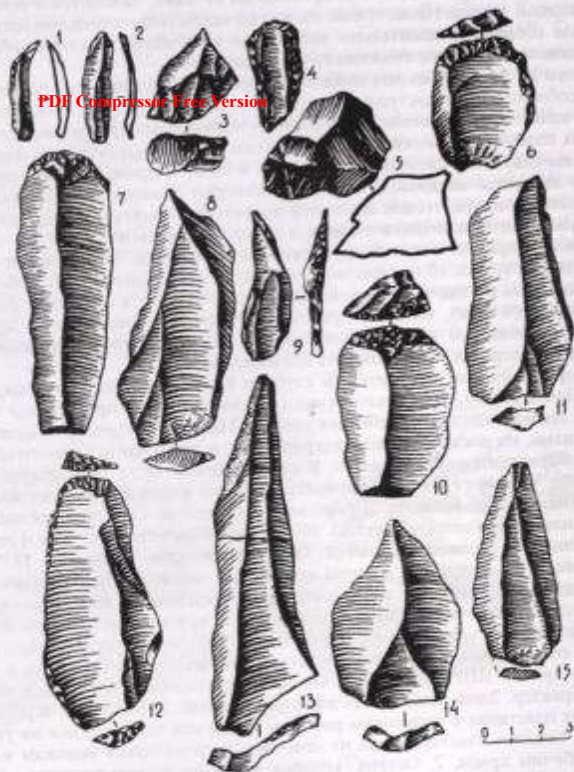
Третий горизонт имеет ту же раскопанную площадь – 90 кв.м. Он располагается на глубине 10 м. Очагов не выявлено, встречаются лишь небольшие лезвочки угля и отдельные скопления угольков. Имеется скопление отщепов и осколков (4 кв.м), которые представляют собой концентрацию первоначально расколотого камня, по-видимому, это место, где изготавливались орудия – мастерская. Всего найдено 232 изделия.

Второй горизонт находится на глубине 8,5 м, раскопан на площади 130 кв.м. Почти всюду здесь археологические находки четко приурочены к прослойке темного цвета (погребенная почва?). Найдены встречаются отдельными пятнами, но достаточно концентрировано, и очень часто такие пятна связаны с остатками очаговых пятен. В слое довольно часто попадаются более или менее крупные гальки и валунчики, которые имели какие-то хозяйственные функции или являлись первичным материалом. Остатков жилищ нет. Каменные орудия сопровождалось небольшим количеством сильно фрагментированных и расколотых костей. Общее количество находок – 1839 экз. Пластины и пластинчатые отщепы нескольких типов: грубопризматические, призматические и мустьерские по облику – треугольные или листовидные. Нуклеусы площадочные, леваллуазского типа, в том числе встречного снятия, дисковидные мустьерского типа и небольшие по размерам призматические.

Но если такое существование мустьерской техники фиксируется в заготовках, орудия Шугиоу-2 имеют хорошо выраженный верхнепалеолитический характер. Здесь выделяются две серии орудий: 1. Концевые скребки на крупных пластинах с невысоким рабочим краем или те же орудия на укороченных толстых пластинах или их сечениях, отличающиеся высоким и крутым рабочим краем. 2. Острия, которые наиболее распространены, имеют краевую ретушь приостряющего характера. В единичных случаях имеется затупливающая ретушь – эти орудия похожи на классические острия граветт Европы. Индустрия 2-го горизонта Шугиоу очень индивидуальна, и она не встречает аналогий в других верхнепалеолитических памятниках Средней Азии за исключением Северного Афганистана⁸⁹.

Часть этих орудий служила в домашнем хозяйстве, другие могли использоваться для охоты. Некоторые острия, как показывают аналогии, могли служить наконечниками для копий, другие использовались, как свежевальные ножи.

Первый горизонт общей площадью 200 кв.м находится на глубине 7 м от дневной поверхности. Только в одном случае сохранился хорошо выраженный очаг, диаметром 0,5 м, в остальных случаях встречены лишь угольные пятна, обработанный камень и кости.

Каменные орудия со стоянки Шугноу. 1-6 – 1-й горизонт, 7-10, 12 – 2-й горизонт, 11, 14, 15 – 3-й горизонт, 13 – 4-й горизонт

Общее число номеров коллекции, полученной на этом горизонте, – 1772 экз. Среди заготовок можно выделить две группы: а) мелкие ножевидные пластинки и отщепы (2,2-3,6 см длиной) и б) крупные отщепы (6-7 см длиной). Мелкие пластины и без дополнительной ретуши могли использоваться как вкладыши составного оружия, распространенного на заключительных этапах верхнего палеолита, как это имело место, например, в индустрии кокоревской культуры в Сибири²⁰.

Нуклеидные, или карнатные, скребки – это самые заметные изделия

слоя. Часть из них очень сходна с подобными орудиями из Самаркандской стоянки. Небольшой серией представлены концевые скребки. Среди других орудий – редкие резцы, отщепы с небольшими участками ретуши, крупные пластины с зубчатой ретушью, долотовидные и скребловидные инструменты.

Палеонтологические определения сделаны Э.А.Ваингенгейм. Это кости кабаньей (PDF Compressor Free Version), ныне не встречающихся в диком состоянии, а также диких овец и коз, жителей высокогорья – сурков, и наоборот, жарких предгорий (адыров) – черепаш.

В нижней части разреза согласно М.М.Пахомову, преобладает пыльца травянистых растений, соответствующих сухим климатическим условиям. В то же время вдоль русел рек росли платан, ясень, орех, тополь. В таких условиях жили люди 4-го горизонта. А в эпоху формирования 3-1 горизонтов произошло похолодание и увеличилась влажность. Об этом говорит пыльца древесных пород. По всей очевидности, этот период соответствует последней фазе вюрмского оледенения. Затем снова наступают аридные условия⁹¹.

Стоянка Харкуш в отрогах Гиссарского хребта

Определенное сходство с двумя верхними горизонтами Шутноу демонстрирует недавно раскопанная стоянка Харкуш, открытая на высоте 1800 м над ур.м., в южных отрогах Гиссарского хребта. Стоянка расположена в 25 км к северу от г.Турсунзаде на левом берегу р.Ширкент.

Стоянка связана со второй надпойменной террасой. В покровном лёссовидном суглинке выделены несколько гумусированных прослоек, представляющих собой размытые палеопочвы. Первый горизонт сильно поврежден, а второй связан с первой погребенной почвой, возраст которой предположительно 12-8 тыс. лет. В следующих палеопочвенных образованиях найден обломок мустьероидной пластины и изолированные артефакты, что говорит о возможности существования более древних слоев. Площадь раскопок 80 кв.м.

Основным материалом для изготовления орудий служил кремь плохого качества, который добывался в окрестностях стоянки, и в меньшей степени галька эффузивных пород.

Всего на стоянке найдено около 2,5 тыс. экземпляров изделий, из которых орудия, по подсчетам Т.Г.Филимоновой, занимают 7%, нуклеусы – 4,5% от всего количества находок. С точки зрения типологии, орудия обоих горизонтов не отличаются и могут рассматриваться как единый комплекс.

Среди орудий выделяются скребки на отщепах и пластинах, в том числе нуклевидные скребки, ножи, выемчатые орудия, проколки⁹². Есть основания говорить об определенном сходстве материалов стоянки Харкуш с 1 и 2 культурными слоями Шутноу, хотя изделия первого памятника по сравнению со вторым отличаются большей грубостью, несовершенностью обработки и формы.

Отдельные находки верхнепалеолитических орудий в Таджикистане

В Северном Таджикистане есть лишь отдельные, плохо датированные и найденные вне стратиграфических условий находки изделий условно отнесенных к верхнему палеолиту. Остается открытым

верхнепалеолитический возраст сборов на высокой террасе р. Магиан у кишлака Обиборик. Не опубликован верхнепалеолитический материал многослойной стоянки Оджук в Варзобском ущелье.

Интересной является давняя (1953 г.) находка А.П.Окладникова, который обнаружил нуклеус-скребок или, по терминологии исследователя, “скребок высокой формы”, в обнажении душанбинской террасы р.Вахш у кишлака Кизылкала⁹³.

Два изделия найдены в лёссовых отложениях душанбинской террасы и, очевидно, их возраст может сопоставляться с верхними горизонтами Шугноу.

Следует упомянуть и находку краеведа Г.Ербобаева, состоящую из небольшой группы каренатных скребков, сделанную им в местности Тутибулак на одном из языков крутого адыра южного склона хребта Рангантау⁹⁴.

В заповеднике «Ходжа-Али» отдельные изделия верхнепалеолитического облика были собраны на молодых озерных террасах Нурекского водохранилища. Они также связаны с позднелейстоценовыми лёссами, перекрывающими террасы и адырные уровни древней долины Вахш.

Отдельные находки, сделанные на поверхности, с большой долей условности могут быть отнесены к другому типу верхнего палеолита, связанным уже не с европейскими или ближневосточными верхнепалеолитическими комплексами, а с группой памятников сибирско-монгольской провинции.

К таким изделиям, например, можно отнести скребло, обнаруженное около станции Караманды узкоколейной дороги Душанбе – Курган-Тюбе. Оно похоже на так называемые скребла афонтовского типа, известные в Сибири.

Такие скребла, а также близкие к сибирским галечные нуклеусы и галечные орудия – чопперы обнаружены и в других местах Таджикистана, в том числе на Восточном Памире (Аличурская долина, долина р.Аксу). Если даже эти орудия, собранные на речных террасах и адырах Гиссарской долины и вокруг Куляба, а также на моренах Восточного Памира, по возрасту и позже верхнего палеолита, все равно они являются свидетельством пережитков каких-то весьма древних технических традиций восточного происхождения.

Ходжагор – верхнепалеолитическая стоянка в Киргизии

На границе Таджикистана и Киргизии недалеко от кишлака Чорку расположена единственная в этой республике стоянка верхнего палеолита. Раскопки, проведенные здесь, вскрыли 200 кв.м щебнистых лёссовидных суглинков селевого происхождения в большом количестве содержащих орудия из кремня.

Среди изделий – орудия различного назначения. Заметное место занимают небольшие кремневые острья, которые изготавливались из узких, относительно длинных, правильно огранных пластин. Один из краев у них обработан крутой затупливающей ретушью. Эти острья по своей форме и назначению напоминают распространенные в верхнем палеолите Европы и Ближнего Востока острья типа “граветт” или “перочинного ножа”.

Многочисленны и концевые скребки. Есть и скребки округлые, на отщепках, миниатюрных размеров. Кроме специализированных инструментов (буравчиков, прокодок, сверл), можно отметить также и целую серию нуклеусов правильной формы с тонкими фасетками сколотых пластинок.

Наличие упоминавшихся острей типа перочинного ножа показывает, что культура людей, оставивших здесь свои каменные изделия, была связана с культурой племен, заселявших южные районы Средней Азии, Кавказа, Крыма, Ближний Восток и Африку. Находки в Ходжагоре являются одним из наиболее восточных пунктов распространения этой культуры⁹⁵. Отсутствие орудий геометрической формы позволяет датировать Ходжагор заключительным этапом верхнего палеолита.

Верхний палеолит в Узбекистане. Самаркандская стоянка

Самаркандская стоянка находится в центре города на берегу Комсомольского озера. Общая площадь раскопок значительна и достигает 800 кв.м. На глубине 2-3 м выделено 3 археологических горизонта.

Датировка Самаркандской стоянки вызывает споры. С археологических позиций существует представление об очень древнем, в рамках верхнего палеолита, возрасте стоянки – примерно 35 тыс. лет. Однако имеются и иные мнения, определяющие более молодой возраст в 15-20 тыс. лет и даже 13-12 тыс. лет⁹⁶.

Самаркандская стоянка дала богатую коллекцию фауны. Загадочными являются кости слона или носорога, точнее не определенные. Главной же охотничьей добычей жителей Самаркандской стоянки была лошадь. Остальная фауна состоит из дикого ослы, кабана, джейрана, дикого верблюда, волка. Климатическая обстановка конца верхнего плейстоцена отличалась нестабильностью, быстрой сменой окружающей растительности⁹⁷.

В отличие от Шугноу, три горизонта Самаркандской стоянки охватывают очень короткий промежуток времени. В целом культурные слои стоянки находятся в непереотложенном состоянии и при раскопках хорошо выделяются по темной-красной окраске и присутствию в них углей, золы и охры. Мощность культурных слоев обычная – 20-10 см. Выделено несколько жилых площадок, на которых люди жили длительное время, ели и спали, готовили пищу, делали каменные орудия.

Коллекция каменных изделий Самаркандской стоянки – самая богатая коллекция орудий верхнего палеолита во всей Средней Азии. Она состоит из 67 тыс. предметов. Более 50% артефактов сделано из речной гальки и только около 10% из кремня. При этом орудия изготавливались преимущественно из кремня. В отличие от Шугноу, основная часть орудий Самаркандской стоянки изготавливалась не из пластин, а из отщепов.

Основную группу орудий всех слоев стоянки составляют скребла. Характерными орудиями являются и скребки, среди которых есть хорошие концевые скребки на пластинах и отщепах, в том числе с затупленными длинными краями и маленькие, так называемые “ногтевидные” скребки. Этот тип орудий очень напоминает скребки первого слоя Шугноу. Распространены выемчатые и зубчатые орудия долотовидной формы и в меньшей степени острокопечники. Острый, которые составляют такую заметную группу орудий во втором горизонте Шугноу, здесь совсем нет.

Очень показательной группой орудий являются нуклеидные скребки, которые М.Д. Джуракулов называет “скребками высокой формы”⁹⁸. Именно эти орудия подтверждают хронологическую близость Самаркандской стоянки и первого горизонта Шугноу, хотя индустрии, здесь полученные, сильно отличаются по многим другим компонентам. Это прежде всего, полностью отсутствующие в таджикстанской стоянке галечные орудия – чопперы и в очень редких случаях – чоппинги.

Подводя итоги, можно сказать, что по технике раскалывания камня все три горизонта Самаркандской стоянки, объединенные вместе, сильно отличаются от классического верхнего палеолита Европы и Ближнего Востока. Это различие определяется тремя признаками: 1) отсутствием подлинного призматического нуклеуса и отсюда – призматических или ножевидных пластин; 2) отсутствием или незначительным развитием и некоторых типичных верхнепалеолитических орудий (например, резцов) и, наоборот, значительным количеством пережиточно мустьерских форм (в первую очередь скребла); 3) наличием совершенно несвойственных Западу галечных орудий.

Эти особенности позволили еще в 60-е годы высказать предположение, что Самаркандская стоянка относится к группе Б палеолитических памятников Средней Азии (азиатский палеолит) и связать материалы стоянки с памятниками сибирско-китайской верхнепалеолитической провинции⁹⁹.

Другие памятники верхнего палеолита в Узбекистане

Помимо изолированных предметов или очень малых стоянок, имеется еще 3 пункта, где верхнепалеолитические изделия встречены в стратиграфическом разрезе. Это, в первую очередь, находящаяся в 70 км юго-восточнее Самарканда стоянка Ходжамазгиль, где каменный инвентарь, полученный во время трехлетних раскопочных работ, очень близок к индустрии Самаркандской стоянки¹⁰⁰. Недавно недалеко от Самарканда открыт еще один многослойный памятник – Зирабулак, на котором имеется и верхнепалеолитический слой.

В уже знакомом нам гроте Обирахмат Р.Х. Сулейманов на основании подсчета верхнепалеолитических элементов относит шесть верхних культурных слоев к верхнему палеолиту, считая, что это древний по возрасту в рамках этой эпохи комплекс¹⁰¹. Такая же ситуация имеет место и на стоянке Кутурбулак.

Более четкий верхнепалеолитический характер имеет индустрия трех верхних горизонтов многослойной палеолитической стоянки Кульбулак. Они вскрыты на значительной площади, и в отличие от нижележащих мустьерских, имеют все компоненты культурного слоя, в том числе хорошо выраженные очаги. Интересно, что верхнепалеолитическая индустрия Кульбулак несопоставима ни с 1-2 горизонтами Шугноу, ни с Самаркандской стоянкой. Это как бы третий самостоятельный вариант верхнепалеолитической культуры Средней Азии, правда, типологически очень неяркий и не имеющий точной датировки.

Верхний палеолит в пустынях Средней Азии

Отдельные предметы верхнепалеолитического облика или их небольшие скопления обнаружены во многих пунктах пояса великих среднеазиатских пустынь, начиная от берегов Каспийского моря и кончая

песками Кызылкумов.

Остатки мастерской верхнепалеолитического времени зафиксированы на Красноводском полуострове у станции Янгаджа. Наиболее интересной категорией находок являются нуклеидные скребки, близкие к каренатным скребкам, обнаруженным в наиболее ранних верхнепалеолитических слоях пещерных поселений Ближнего Востока и Кавказа, что позволяет, учитывая весь комплекс находок из упомянутого пункта (мастерская), датировать его началом верхнего палеолита¹⁰².

МЕЗОЛИТ И ЭПИПАЛЕОЛИТ (10-6 тыс. лет до н.э.)

Мезолит и эппипалеолит занимают важное место в истории человечества – именно в это время закладываются первые элементы поистине революционных перемен, обусловивших переход от потребляющего хозяйства (охота, рыболовство, собирательство) к производящему (земледелие, приручение животных).

Хронологически мезолит охватывает первую половину голоцена, периода, наступившего после таяния последнего плейстоценового оледенения.

Определение мезолита и эппипалеолита

Термин “мезолит” впервые в науку был введен в конце 19-го века. В 60-е годы появились работы, указывающие на его недостатки и предлагающие разделить данный период на два: “мезолит” и “эппипалеолит”, т.к. последний термин соответствовал идее эволюционного продолжения развития палеолитических орудий уже в эпоху голоцена¹⁰³.

Автор этих строк использовал эту идею в конкретных рамках Средней Азии, предложив относить к мезолиту памятники, в которых имеются микролиты геометрической формы: прямоугольники, сегменты, треугольники, различные формы трапеций, а к эпипалеолиту – мезолиту, в которых эти орудия не встречаются. Идеи и результаты найдены на территории Таджикистана.

До сих пор труднообъяснимым является факт избирательного распространения геометрических микролитов в Старом Свете (в Америке они не встречаются). Это зона Северной Африки, Европы, Ближнего Востока, Средней Азии, Центральной и Южной Индии, Шриланки. Орудия геометрической формы, принадлежащие мезолитическому времени, зафиксированы в Океании и Австралии. Но их нет в Сибири, Монголии, Китае, Индокитайском полуострове, т.е. на огромных территориях Северной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Что это – существование различных культурных традиций, устойчиво сохранившихся в течение тысячелетий, или же распространение орудий геометрической формы – прямоугольников, сегментов и других изделий, связанное с миграцией носителей этой традиции из одного центра с последующим распространением этой идеи на другие территории? Однозначного ответа на этот вопрос пока нет.

Многие исследователи неоднократно указывали, что появление мезолитических (эпипалеолитических) культур связано с сильным потеплением, имевшим место 11-10 тыс. лет тому назад, когда осуществился переход к сухому и тепловому климату. Этот процесс иногда называют "экологическим кризисом"¹⁰⁴.

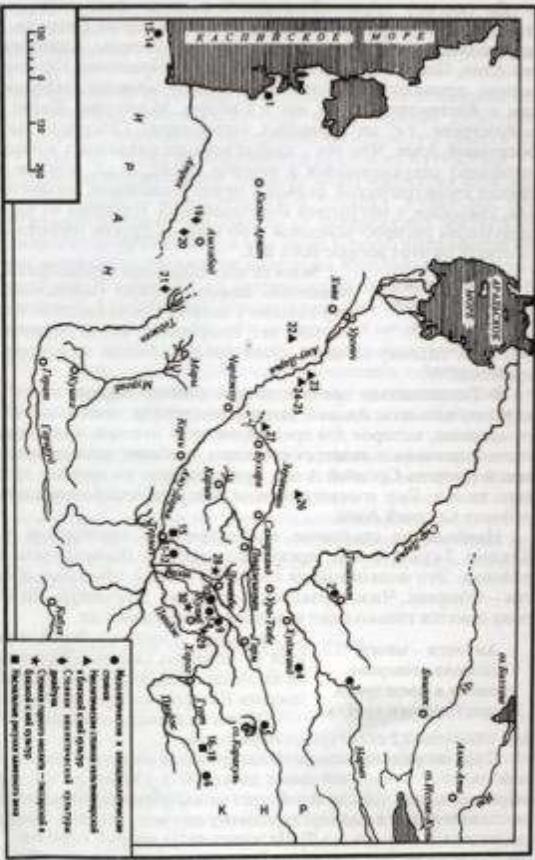
В Таджикистане эпоха голоцена ознаменовалась наступлением сухого и жаркого климата, однако затем последовали относительное похолодание и увлажнение, которое для среднеазиатских пустынь носит название джылякканского плейвиала и является временем наиболее интенсивного освоения человеком пустынь Средней Азии, проходившего по данным археологии с 8 по 3 тыс. до н.э. Ему соответствовали похожие колебания климата и в горных районах Средней Азии.

Наибольшее скопление мезолитических памятников зафиксировано в Южном Таджикистане, преимущественно в Шаартузском и Дангаринском районах. Это многослойная стоянка Туткаул, открытые сборы на поверхности – Обикинк, Чильчорчасма, пещерная – Дараншур. На севере республики пока имеется только один мезолитический памятник.

Актанги – многослойный навес, расположенный на северных склонах Туркестанского хребта в 20 км от шоссе на дороге Душанбе – Ленинабад у поселка Шахристан Ура-Тюбинского района.

Общая мощность отложений навеса – 15,5 м, в них отмечено 12 культурных горизонтов.

Судя по радиоуглеродной датировке, к мезолиту можно отнести два нижних горизонта. Нижний имеет дату 6835 ± 130 лет до н.э. и относится, таким образом, к 7-му тыс. до н.э. С учетом калибровочных данных, применяемых в последнее время к радиоуглеродному анализу, эта дата может быть удвоячена до начала 8 тыс. до н.э.¹⁰⁵ Не имеет даты второй горизонт, находящийся на 70-80 см ниже предыдущего. Горизонты вскрыты на площади 20 кв.м. Они имеют вид отдельных зольно-угольных пятен сравнительно интенсивной окраски, насыщенных обломками костей, разбитых в процессе добывания костного мозга. Имеются также сохранившиеся почти целиком рога сибирского горного козла.

Мезозойские, палеогеновые и неогенные отложения Средней Амур

- Мезозойские отложения: 1. Даволачуйское, 2. Кушунин, 3. Ташмуль, 4. Обинир, 5. Омхон, 6. Картульдук, 7-8. Тулуян, Сабел, 9. Дарьсаур, 10. Обанник, 11-12. Чальчочуйская, Решетневские слои, 13-14. Вейль и Хору, Ручуев каменноугольный бассейн, 15. Заруль, 16-17-18. Песчаный Памир: прот. Шахта, насады Кургане и Нивангаши, Неоген: Джердинская система 19. Бом, 20. Джердин, 21. Чарина - Дене, Кельмензюговская система, 22. Мегильник Куле-вешуйский, 23. Канат, 24-25. Давидаская, слои Тонгора, 26. Ленский, 27. Дарьсаур, Лусурская система: 7-8. Тулуян, Сабел, 28. Холка-Тарба, 29. Картульдук, 30. Бульдинское.

Археологических находок в обоих мезолитических слоях Актанги очень мало. Интересна группа пластинок из светло-дымчатого или синеватого кремня и орудий из них, которая вполне соответствует представлению о мезолитической индустрии. Это очень тонкие и маленькие пластинки правильной огранки длиной 2,5-2 см, шириной до 0,5 см. Часть из них имеет ретушь с бросьюка, а в нескольких случаях последняя имеет затупливающий характер, что обычно для геометрических форм мезолитического времени. Большинство пластинок было или вкладышами для составных орудий, или боковыми микроскребочками (определение Г.Ф.Коробковой).

Многослойное поселение Туткаул в Дангаринском районе В настоящее время этот замечательный памятник скрыт под водой искусственного Нурекского моря. Здесь удалось обнаружить два культурных горизонта эпохи мезолита. Нижний из них (Туткаул 3) находился на глубине 4,5 м от дневной поверхности в песке аллювиального происхождения. Он имел незначительную мощность – 4-7 см, представляя из себя скопление мелких угольков (сгоревшие плоды фисташки), артефактов. Кухонные остатки отсутствуют. Общее количество находок – 300 экз.

Материалом, из которого изготовлены орудия третьего горизонта Туткаула, является кремень серого цвета. Орудий в этом горизонте очень много – почти треть всех находок обнаруживает следы специальной подправки, свойственной орудиям. В свою очередь, среди орудий 40%, по подсчетам Г.Ф.Коробковой, занимают микролиты геометрической формы: низкие трапеции, прямоугольники¹⁰⁶.

Второй заметной группой орудий являются скребки как концевые, так и в меньшей степени и боковые на пластинках. Вместе с микроскребочками они составляют такой же процент, как трапеции-прямоугольники. Среди других орудий (острия, проколки, скобелы, пластины с затупленным краем) особое место занимают 2 нуклеуса-скребка.

Для археологического обоснования возраста описываемого комплекса можно привлечь две группы орудий. Это, во-первых, каренатные скребки, которые связывают Туткаул-3 с горизонтом 1 Шугноу и с Самаркандской стоянкой, т.е. с комплексами, которые завершают верхний палеолит Средней Азии. Они имеют и близкое сходство с подобными орудиями так называемой атлантийской фазы Леванта, которые также относятся к самому последнему этапу верхнего палеолита на Ближнем Востоке¹⁰⁷.

Второй и главной группой орудий 3-го горизонта Туткаула являются низкие трапеции – прямоугольники, которые демонстрируют удивительное сходство с подобными орудиями из ранних мезолитических памятников Сиро-Палестинской области (Леванта) на Ближнем Востоке, принадлежавших кебаранской культуре, возраст которой определяется в 12,5-10 тыс. лет до н.э.¹⁰⁸ По данным геологии стоянки и археологическим наблюдениям, горизонт Туткаул-3 может быть датирован 10-9 тысячелетиями до н.э.

Второй, более поздний, мезолитический горизонт Туткаул-2а, находится в 2-х метрах выше. Он приурочен к щебенчатой линзе мощностью в 0,6 м, находящейся в северо-западной части поселения Туткаул. На многих уровнях раскопочной площадки (48 кв.м) встретились отдельные угольки, обгорелые фисташки, имеются темные пятна, напоминающие размытые очаги, скопления крупных камней.

Основное место в коллекции занимают артефакты, выполненные из различных кремненных пород: яшмы, сланца, роговика, эффузивов. Весь этот

материал поступал в виде хорошо окатанных речных вахшских галек. Примерно такое же количество изделий из кремня. Особенностью коллекции горизонта 2а является смешение нескольких традиций обработки камня – собственно мезолитического, более раннего, палеолитического и более позднего, неолитического. До сих пор, однако, не удалось найти однозначный ответ на вопрос – является ли это признаком одной индустрии или же перед нами результат механического смешивания в силу условий захоронения этого культурного горизонта Туткауда.

Первая группа орудий представлена микролитической индустрией, которую составляют микронуклеусы, микропластинки, орудия мелких размеров, геометрические микролиты – сегменты и треугольники. К этой же группе нужно отнести и типичные для мезолита Евразии острия с затупленной спинкой – острия туткаульского типа.

Вторая группа характеризуется техникой раскалывания и набором орудий, близких к тому, что фиксируется во втором горизонте Шугноу, где также наблюдается определенная реминисценция техники мустьерских приемов раскалывания. Эта группа представлена крупными концевыми скребками на более или менее правильных пластинах, скобелями на них, пластинчатыми остриями, пластинами мустьерского типа треугольной формы с подправленными ударными площадками. Нуклеусы площадочные, напоминающие мустьерские.

Третью группу составляют изделия, выполненные в галечной технике, – чопперы и чоппинги, галечные нуклеусы и снятые с них крупные отщепы с широкими, гладкими площадками¹⁰⁹.

Сочетание таких элементов известно только еще в другом мезолитическом памятнике – Дараншуре, для первых двух групп в пещерной стоянке – Даранкалон в Северном Афганистане.

Среди микролитов основное место занимают сегменты классической формы. Их два типа: сегменты укороченные, с высокой дугой, имеющей довольно грубую затупляющую обработку (длина 2 – 2,5 см), и низкие удлиненные сегменты с более аккуратной обработкой (4,2 – 4,3 см). Мало треугольников, зато заметное место занимают острия с затупленной спинкой, которые получили название острий туткаульского типа.

В восточной части Средней Азии острия туткаульского типа встречены в слое грота Ташкумыр, в Фергане, а также в гроте Обишир. Крайний восточный пункт распространения этих изделий – пещера Истыкская на Восточном Памире. В Северном Афганистане такие орудия встречаются на открытых А.В. Виноградовым стоянках вдоль левого берега Амударьи. Эти острия не являются микролитами геометрической формы, но они – неперемнное сопровождение многих микролитических индустрий в разных странах.

Хорошо определяется верхняя граница горизонта Туткауд 2а – поскольку непосредственно для толщи, перекрывающей описанную выше шебенчатую линзу, во втором неолитическом горизонте Туткауда, получена радиоуглеродная дата 6070 ± 170 лет до н.э. Калибровочная поправка дает немного более глубокий результат: 6310 лет до н.э. Таким образом, горизонт 2а не моложе конца 7-го тысячелетия до н.э. Нижняя граница не может быть старше 9-го тысячелетия до н.э., поскольку эта дата относится еще к никележащему мезолитическому горизонту Туткауд 3. Поэтому наиболее вероятной датой 2а горизонта Туткауда является 8-7 тысячелетия до н.э., что соответствует и археологическим представлениям.

**Пещерная стоянка
Дараштур**

Стоянка Дараштур находилась в верховьях Ну-рекского водохранилища, на его южном берегу и ранее располагалась на высоте 100 м над рекой Вахш. Это навес шириной 20 м и глубиной 4 м. Раскопки осуществлялись как на площадке, так и в глубине навеса. Общая площадь раскопок 306 кв.м.

Культурный слой, как таковой, в навесе Дараштур не сохранился. Изделия каменного века включены в среднюю и нижнюю часть щебнистого суглинка. Никаких других признаков жизни первобытных людей в виде очагов, кухонных остатков, костей животных не обнаружено. Абсолютные даты памятника отсутствуют.

Согласно подсчетам Т.Г.Филимоновой, общее количество находок в 6518 экз., находок из кремня – 1482 экз.¹¹⁰ Отщепы, преимущественно из эффузивных пород средних размеров от 3 до 5 см длиной, прямоугольной формы. Кремневые отщепы более мелкие. Большая часть отщепов использовалась в работе без дополнительной ретуши.

В группе пластин имеются крупные, неправильной формы, до 9 см длиной и 6 см шириной, аналогичные пластинкам второй группы изделий слоя 2а в Туткауле. Мелкие пластинки снимались с микролитических нуклеусов. Имеются и галечные нуклеусы. Среди орудий выделяется 14 групп. Здесь полный набор необходимых для обыденной жизни предметов: концевые и боковые скребки, проколки, сверла, отбойники, ретушеры, чоппинги.

Преобладают укороченные сегменты неустойчивой формы с грубо обработанной спинкой. Есть экземпляры ассиметричные, которые по форме приближаются к треугольникам. У некоторых экземпляров следы работы видны невооруженным глазом. Размеры: 1-3 см.

Острия туткаульского типа по своей численности уступают лишь боковым скребкам и скобелям. Как и в Туткауле 2а, небольшим распространением пользуются орудия с изогнутой спинкой.

В целом Дараштур представляет собой интересный памятник, в котором хорошо известная традиция изготовления геометрических орудий и острий с затупленной спинкой сочетается с присущей для горных районов Южного Таджикистана традицией обработки речных галек специфической галечной техникой. Возможный возраст – 7-е тысячелетие до н.э.

**Открытая стоянка
Обикинк**

Стоянка находится на террасовидном уступе адырной полосы на окраине одноименного поселка. Общая площадь, вскрытая разведочными траншеями и шурфами, около 30 кв.м.

Сборы на поверхности и в разведочных выработках составляют 430 изделий. Все это кремневый материал. Представлены обычные для мезолита нуклеусы, с которых снимались тонкие пластинки, пластины, отщепы с ретушью и без нее, среди орудий на первом месте концевые скребки. Сегментов и их обломков – 19 (4,2%).

Острия туткаульского типа представлены в основном обломками. Им сопутствуют по своим техническим качествам пластинки.

В основном материал Обикинка по своим технико-типологическим параметрам совпадает с первой группой находок в горизонте Туткаул 2а, и мезолитическая традиция выступает здесь в чистом виде. Поэтому можно предположить, что возраст Обикинка так же как и Туткаула 2а, можно определить в рамках 8-7 тыс. до н.э.¹¹¹

**Открытая стоянка
Чильчорчашма**

Располагается на крайнем юге республики около источника, бьющего из известковых скал, южного окончания хребта Аруктау в Бешкентской долине.

В 1953 году, когда здесь впервые А.П.Окладниковым была открыта названная **PDF Compressor Free Version** пустыня с небольшими барханами песка, участками такыров и пустынной растительностью.

*Каменные орудия эпохи мезолита. 1-6 - Чильчорчашма,
6-31 - Туткаул, горизонт 2а, 32-42 - Туткаул, горизонт 3*

В трех из пяти обнаруженных пунктах, получено около 100 предметов. Все они хорошо вписываются в рамки мезолитических культур, описанных выше. Присутствуют концевые скребки на пластинах, острия, проколки. Геометрических микроинструментов мало. Это трапеции, сегменты, прямоугольники, треугольники. Обломками представлены и острия туткаульского типа. Материал здесь, в силу условий нахождения на песчаных выдувах и небольших котловинах смешан. Дата Чильчорчасшма, предложенная А.П.Окладниковым, 6-5 тыс. до н.э., что, очевидно, справедливо для какой-то части материала¹¹².

Другие пункты с мезолитическими находками в Таджикистане

Помимо описанных стоянок эпохи мезолита, в Таджикистане имеется несколько пунктов с находками, которые по общему облику, техническим особенностям, даже при отсутствии сегментов, но при наличии хотя бы пластинок с затупленной спинкой, можно отнести к мезолитической эпохе, что и делали исследователи, открывшие эти пункты.

К таким точкам можно отнести Дагану в трех километрах от Обикника, несколько точек в Кабаднанском и Шаартузском районах, пункт на спуске с высокой террасы Амударьи по дороге в Пяндж, несколько точек в Дангаринском районе.

А чем занимались мезолитические жители Южного Таджикистана? Можем ли мы говорить, что, подобно своим мезолитическим собратьям Леванта, Загроса и Прикаспия, они начали приручать животных и находились на стадии интенсивного собирательства, предшествующего одомашниванию растений и стояли уже на пороге перехода к земледелию? Вероятно, это так и было, поскольку технический уровень обработки камня в мезолитических индустриях Южного Таджикистана мало чем отличался от такого же уровня, достигнутого мезолитическими племенами других регионов. Однако никаких фактов, говорящих о начальной стадии производящего хозяйства, в Южном Таджикистане, не обнаружено. В частности, нет таких изделий, как зернотерки, ступки, терочники и сосуды из камня, появляющиеся уже на ранней стадии натуфийской культуры на Ближнем Востоке¹¹³. Отсутствуют фаунистические остатки, так что нет основания говорить о доместикации животных. Нет и костяных основ вкладышевых серпов, да и сами кремневые вкладыши серпов, отличающиеся типичной заполированностью края, здесь не выделены.

Отсутствие растительных остатков, в том числе злаковых, на стоянках мезолита не позволяет фиксировать и очень важную стадию интенсивного собирательства и использования в пищу диких сородичей доместцированных позже злаков, предшествующую началу земледелия, которая столь ярко представлена в зоне "плодородного полумесяца" на Ближнем Востоке¹¹⁴.

Тем не менее, основываясь на технико-типологическом сходстве мезолитических индустрий Ближнего Востока и упомянутых стоянок Южного Таджикистана, можно сказать, что, оставаясь в основном на уровне охотничье-собирательского хозяйства, мезолитические племена последнего региона находились в самом начале коренных изменений своей жизни, вступив на этап первых предпосылок грядущей "неолитической революции".

С некоторой долей условности, можно распределить во времени основные памятники эпохи мезолита в Южном Таджикистане следующим образом:

Чильчорчасшма	-	6-5 тыс. до н.э.
Дарашур	-	7 тыс. до н.э.
Туткауд 2а, Обикник	-	8-7 тыс. до н.э.
Туткауд 3	-	10-9 тыс. до н.э.

**Эпипалеолитические
памятники Таджики-
стана, Бешкентская
культура**

PDF Compressor Free Version

Существование памятников с геометрическими орудиями и без них на одном и том же историческом отрезке времени может быть объяснено следующим образом: мезолит, скорее всего, появляется откуда-то извне, в виде миграционной волны или как отражение диффузии идеи микролитизма, тогда как эпипалеолит отражает, за редким исключением, автохтонное развитие местных культур каменного века.

К эпипалеолитической культуре отнесены многочисленные пункты с находками в Бешкентской долине. Всего здесь отмечено 11 пунктов с археологическими находками, связанными с поверхностью и склонами останцев берега бывшего озерного бассейна. Первичный материал представлен окремненным песчаником и в меньшей степени кремнем.

Общее количество изделий – немногим более 5 тыс. экз. Отмечается высокий уровень техники расщепления. Исключительно богата коллекция нуклеусов – 1171. Группа орудий занимает лишь около 6% всех находок. Основную часть орудий составляют различные скребки: концевые, боковые, округлой формы. Очень важно для датировки, что имеются нуклеидные скребки, в том числе и с выделенным уступом, так называемые скребки “с мордочкой”; очень близкие и каренатным скребкам из горизонта 1 Шугноу и горизонта 3 Туткаула.

Заметно отсутствие орудий геометрической формы. Имеются 4 предмета, напоминающие прямоугольники, трапеции и сегменты, но явно незавершенного облика. Они занимают всего чуть более одного процента ко всем орудиям и не могут приниматься всерьез ввиду их типологической невыразительности, а также по условиям нахождения.

Близкие аналогии имеются по ту сторону Амударьи, на памятниках Аккупрук I-III близ Самангана в Северном Афганистане, для которых характерно такое же сочетание крупных орудий верхнепалеолитического облика и суммы микролитических нуклеусов, пластинок и скребков при полном отсутствии микролитов геометрической формы и острый туткаульского типа¹⁵.

Можно только приблизительно определить возраст эпипалеолитической бешкентской культуры, и здесь можно обратиться к заключению А.Г.Амосовой “...на протяжении длительного времени 11-7,5 тыс. лет до н.э. развивается единая аккумулянская культура и, возможно, параллельно ей – бешкентская. Но скорее всего произошла миграция аккумулянской культуры в Бешкентскую долину, где был создан свой вариант, который можно назвать аккумуляно-бешкентским”¹⁶.

**Эпипалеолитические
находки на
поселении Сайёд**

В полутора километрах восточнее Туткаула находилось многослойное поселение Сайёд, где в основании 12-метрового разреза лежит двухметровая толща серого аллювиального песка, высота которого над уровнем реки Вахш – 48 м. Здесь на площади 120 кв.м обнаружен 3-й горизонт Сайёда. В нем кроме каменных орудий найдены следы кострищ.

По аналогии с Туткаулом можно было ожидать, что в аллювиальном песке Сайёда будут обнаружены находки, близкие к мезолиту горизонта 3 Туткаула. Но, как показали раскопки, находки 3-го горизонта Сайёда резко отличаются от всех описанных выше. Они имеют ярко выраженный характер галечной культуры. Всего найдено 500 предметов. Здесь полностью отсутствуют мелкие предметы из кремня. Преобладающее место занимают крупные орудия из речных галек. Присутствуют галечные нуклеусы, массивные скребки и крупные отщепы. Интересны не встречающиеся более нигде топорovidные инструменты значительных размеров¹⁷.

Возраст горизонта Сайёд-3 примерно тот же, что и третьего слоя Туткауда. Об этом говорит радиоуглеродная дата, полученная из очажка, лежащего ниже слоя серого песка – 8900 ± 200 лет до н.э. (калибровочная дата – 9170 ± 200 лет до н.э. **PDF Compressor Free Version**)

Можно упомянуть еще одну небольшую сложную для изучения стоянку, которую можно отнести к эппалеолитической группе памятников. Это стоянка Учкуль на реке Обилингар в 4 км ниже кишлака Догестон в зоне адыров, примыкающих к хребту Имомаскар.

Маркансуйская культура – эппалеолит памирского высокогорья

Маркансуйская культура является самой высокогорной культурой каменного века в мире. В Тибете, правда, отдельные орудия каменного века найдены вплоть до 5 тыс. м над ур.м., но это предметы, собранные с поверхности, а не долговременные стоянки.

Анализ археологических материалов показывает, что восточно-памирские коллекции имеют явное сходство с материалами сибирско-монгольского круга позднепалеолитических и эппалеолитических культур. Черты сходства можно отметить как в способах нанесения ретуши, технике расщепления камня, так и формах орудий. Общее расположение восточно-памирских стоянок на низких террасах современных рек или поверхности морен последнего оледенения, радиоуглеродные даты стоянки Ошхона позволяют принять дату в 8-5 тыс. лет до н.э. для памятников маркансуйской культуры.

Учитывая суровый климат высокогорья, где зимние температуры достигают -50° , можно предположить, что первобытные люди приходили сюда сезонно, в теплое время года, хотя конкретные пути передвижения эппалеолитических племен из долины в горы пока установить не удалось¹¹⁸.

Ошхона – высокогорная эппалеолитическая стоянка на Восточном Памире

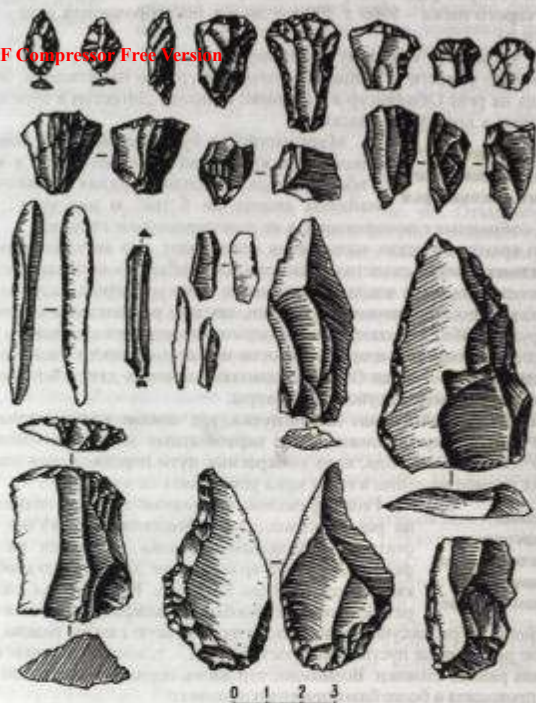
Географическое положение стоянки, находящейся на реке Ошхонаджиуга, впадающей в р.Уйсу, можно считать уникальным. Стоянка находится на высоте около 4200 м над ур.м., на юге Заалайского хребта, в 25 км к северу от озера Каракуль. Интенсивная инсоляция, резкие суточные колебания температуры, вечная мерзлота, сильнейшие ветры, несущие тучи песка и даже мелкую гальку, редкие, прижатые к земле растения на пустынных пространствах – таковы некоторые природные условия района стоянки. Возможно, что жизнь первобытных людей 10 тыс. лет назад проходила в более благоприятных условиях¹¹⁹.

Четыре культурных слоя стоянки включены в лёссовидные суглинки низкой террасы Ошхонаджиуга. На втором уступе орудия в основном собраны на поверхности.

Общая площадь, вскрытая раскопками, – 563 кв.м. Структура всех культурных горизонтов Ошхоны примерно одинакова – это скопления обработанного камня, расколотых костей, очажных линз и реже очагов, сохраняющих уголь. Никаких следов жилищ не зафиксировано, но, возможно, существовали ветровые заслоны.

Костный материал, представленный мелкими обломками, дает возможность для определения следующих животных: овцы и козы, архара, козерога, медведя, лисицы, сурка, птицы.

Палинологические данные показывают, что в районе стоянки господствовала пустынная растительность, близкая к современной, но найденные в очагах угли арчи и березы говорят о вероятности существования тутайных лесов в поймах рек¹²⁰.

Каменные орудия эопалеолитической стоянки Ойхона на Восточном Памире

Коллекция артефактов состоит из 10 тыс. экз. Из раскопок добыто 4 тыс. Основным материалом служил кварцитовидный песчаник черного цвета, в значительно меньшей степени использовались кремнь, кварцит и хрусталь.

Разнообразны нуклеусы – это дисковидные и кубовидные, подпризматические ядрища, заметное место занимают торцовые формы и нуклеусы-скребки. Крупные пластины и отщепы длиной до 10 см редки, обычный размер заготовок – 5 см.

Наиболее характерным орудием Ойхоны являются концевые скребки подтреугольной формы и высокого сечения с округлым рабочим краем. Сторона скребка затуплена крутой ретушью для закрепления в рукоятке. Скребки на отщепах имеют ногтевидную форму. Меньше распространены скребла и ножи палеолитического облика. Присутствуют выемчатые формы, прокол-

ки, долотовидные орудия. Все это говорит, что стоянка была обжита основательно и здесь, на месте, производились многие трудовые процессы. Особое место занимают наконечники стрел (30 экз.). Тонкие в сечении, листовидные, овальные, веретенообразные, подтреугольные. Они обработаны тонкой "струйча". Многие имеют специально выделенный черешок. Размеры таких наконечников 3,5-1,5 см.

Среди коллекции имеются редкие украшения из кости (бусинки, фрагмент костяной пластинки с нарезными линиями)¹²¹.

Для Ошхоны, как и для всей маркансуйской культуры, характерно одновременное существование двух групп изделий: первая характеризуется применением древних, еще палеолитических приемов, вторая существованием более поздних традиций, характерных для завершающих этапов каменного века – мезолита и неолита. Близкая картина отмечается и в Тибете¹²².

Для стоянки получено несколько радиоуглеродных дат. К археологическим данным подходит наиболее ранняя: 7568 ± 130 лет до н.э.

Другие стоянки маркансуйской культуры

Следы стоянок маркансуйской культуры зафиксированы почти во всех районах восточно-памирского плато, в долине р.Аксу в Аличурской долине, на берегу озера Каракуль, в долине р. Маркансу и в других местах Восточного Памира. Среди открытых стоянок, которых насчитывается более 50-ти, большую часть занимают стоянки с незначительным количеством собранных артефактов. Имеются также и пункты, на которых собраны значительные коллекции, их можно отнести к разряду стоянок. Таковы стоянки Каратумшук (200 экз.), Известковый камень (520 экз.), Аличурский мост (161 экз.), Каракуль (450 экз.)¹²³. Интересны находки на моренах боковых ущелей Базардаринского хребта, где имеются крупные, тщательно обработанные скребла, хорошо сопоставимые с известными скреблами "сибирского типа". Не исключено, что они фиксируют самый ранний этап маркансуйской культуры и свидетельствуют, что люди появились на Памире сразу после отступления последнего оледенения.

Стоит еще упомянуть две пещеры с археологическими находками в известковой гряде, разделяющей долину Иркалдыджиагу и Кутатырсай (абсолютная высота над уровнем моря 4290 и 4500 м), где в шурфах удалось найти крупные орудия, характерные для аличурских местонахождений маркансуйской культуры, а также сходные с ошхоинскими наконечники стрел.

Истыкская пещера – многослойный памятник на реке Сулистык

Находится севернее поселка Чештебе Мургабского района. Абсолютная высота пещеры, образованной в известняках левого берега реки, – 4060 м над ур.м. Раскоп площадью в 20 кв.м заложен на площадке перед пещерой, шурф – 1,8 в пещере. Вскрытая мощность отложений – 2,6 м. Всего обнаружены четыре горизонта, нижний из которых лежит в песке. В первом горизонте встречен очаг в виде кольца из тщательно уложенных камней, в других случаях – это углистые пятна.

Палинологического анализа не проводилось. Фаунистические остатки бедны – это мелкие косточки копытных животных.

Общее количество находок – 719 экз. В верхнем горизонте распространен наиболее популярный в маркансуйской культуре материал – филлит, тогда как в нижних преобладают кремнистые породы, в том числе редко – кремнь. В материале первого горизонта прослеживается сходство с первым – вторым горизонтами Ошхоны. Это уплощенные площадочные нуклеусы, отщепы из филил-

та, чоплер и три наконечника стрел. Начиная со второго горизонта характер индустрии резко меняется, появляется пластинчатая техника с преобладанием микропластинок, меняется характер концевых скребков, но наиболее интересными для археологов являются остря туткальского типа. Это наиболее восточная точка распространения подобных орудий в Средней Азии¹²⁴. Радиоуглеродная дата, полученная в третьем горизонте, 7010 ± 100 лет до н.э.

Рисунки каменного века в гроте Шахты

Замечательные рисунки, соответствующие маркансуйской культуре, обнаружены в гроте Шахты. Он расположен недалеко от дороги на Джартыгумбез на высоте 4100 м над ур.м. На южной стенке грота, на высоте 1,6-2 м от уровня пола, сохранились рисунки, нанесенные минеральной краской – охрой. Видимо, когда-то почти вся стена была покрыта такими рисунками.

Самый крайний рисунок композиции – изображение человека, замаскированного под птицу, напоминает маскировку бушменов-охотников за страусами. Мог так человек одеваться и для ритуального танца.

Прорисовка рисунков из грота Шахты

Следующие две фигуры изображают, по-видимому, двух кабанов (или дикого кабана и медведя). Третье животное, самое крупное по размерам – 85 см в длину, скорее всего дикий як. За исключением первой фигурки – замаскированного человека, все остальные рисунки контурные.

Особый интерес представляют стрелы, которые нарисованы в теле животных: в фигуру "яка" вошли сразу две стрелы, а третья летит в морду зверя. Следы плохо сохранившихся стрел имеются и на других рисунках. Как известно, такие изображения связаны с охотничьей магией¹²⁵.

В том же регионе известковых массивов южнее Нейзаташа, имеется другое скопление рисунков, сделанных красной краской, обнаруженное в небольшой скальной нише биологом Л.Ф.Селезевым. Из 5 рисунков, сделанных красной охрой, хорошо различаются два контурных рисунка обычных для Памира сибирских горных козлов, фигурка, напоминающая стоящего человека с неясным предметом в руках, и три знака.

Судя по тому, что это писаницы, а не выбитые изображения – петроглифы, а также исходя из стилистических особенностей, можно и эти рисунки датировать эпохой каменного века.

В Средней Азии имеется еще несколько скоплений наскальных рисунков, выполненных краской, но только два из них – Зараутсай в Узбекистане¹²⁶ и в пещере Акчункур в Киргизии¹²⁷, относятся к каменному веку.

**Мезолитические
памятники в
других районах
Средней Азии**

Существует несколько группировок памятников эпохи мезолита (эпипалеолит другие авторы не выделяют). Таблица показывает соотношение памятников по республикам (табл.3).

Первой группой памятников будет Прикаспийская, характеризующаяся наличием комплекса геометрических микролитов (гrotы Дамдамчашме 1 и 2, Джебел, открытые стоянки Ходжасу, Каскырбулак и др). Наряду с различными вариантами орудий – концевыми скребками, выемчатыми орудиями, сверлами, присущими и другим периодам каменного века, в многослойных пещерах Прикаспия имеются микролиты геометрических форм: сегменты, треугольники, трапеции, что позволяет установить две линии соседства или генетической связи: с южнокаспийскими памятниками Гарикамарбадц (Бельт) и Хоту в Иране и иракскими – Зарзи и Шаниндар¹²⁸.

С Южным Уралом обнаруживают связь мезолитические открытые стоянки, найденные на плато Устьюрт, о чем говорят низкие трапеции так называемого ягельского типа¹²⁹.

По наблюдению А.З.Виноградова, на территории Кызылкумов нет комплексов, сходных с прикаспийским или ближневосточным мезолитом, а также и другими районами Средней Азии. Возможно, это заключение говорит о существовании в этом регионе не мезолитических, а эпипалеолитических памятников.

Мезолит и эпипалеолит Узбекистана представляет вместе с памятниками Южного Таджикистана восточную (горную) провинцию мезолита Средней Азии.

К мезолиту относится стоянка Кушлиш под Ташкентом, где немногочисленные находки включены в лёссовидный суглинок. Помимо микролитических нуклеусов, пластин и скребков, имеется острое, но не с затупленной, а приостренной спинкой и два хорошо выраженных треугольника. Предположенная дата: 10-9 тыс. до н.э. неоспорна¹³⁰.

Наиболее важными памятниками Узбекистана являются пещерные стоянки Обишир 1 и 5, расположенные в Хайдарканской котловине в Фергане.

Культурные слои сохранились плохо, но коллекции каменных изделий значительны (Обишир 5 – 7545 экз., Обишир 1 – 2511 экз., в обоих случаях орудия составляют 12%). Палинологического анализа не проводилось, дикие животные представлены обитателями гор: сибирским козлом, архаром, кабаном, и пустыни – джейраном. Орудий геометрических форм очень мало – менее одного процента (сегменты), имеется несколько невыразительных острий с затупленным краем. Значительное количество пластин и пластинок с ретушью, меньше скребел, скребков. Два процента занимают галечные орудия – чопперы¹³¹. Общее сходство с индустрией Ошхоны позволяет отнести обиширские стоянки, скорее, к эпипалеолиту, чем к мезолиту.

Очень сложна оценка мезолитической принадлежности открытых сборов в Центральной части Ферганы (стоянки Аччиккуль, Бекабад, Иттыккалан и др.). Для центрально-ферганского мезолита характерны хорошо выраженная пластинчатость и микролитовидность, что хорошо фиксируется на значительной коллекции нуклеусов, концевых скребков, на пластинах, скребков на отщепках и микроскребков. Собственно мезолитических орудий очень мало. Так, на 7 стоянках отмечено всего 8 сегментов¹³². Также немногочисленны и острия туткальского типа. Предположительный возраст ферганского мезолита 7-6 тыс. лет до н.э.

Табл. 3

Основные памятники мезолита и эпилеолита Средней Азии

Позиция памятника	Датировка археологическая до н.э.	Датировка абсолютная до н.э.	Таджикистан	Узбекистан	Киргизия	Туркмения
Пещерная стоянка		6835 ± 130	Актатиг, 6 гор.			
Пещерная стоянка		7010 ± 100	Испакская, 3-4гор.			
Пещерная стоянка	7 тысячелетие	7580 ± 130	Дарышур			
Открытая стоянка		5145 ± 120	Оухона, 2 гор.			
Аллеолоидный суглинок		5430 ± 150	Оухона, 3 гор.			
Открытая стоянка, подъем	8-7 тысячелетие		Обякиик			
Открытая стоянка	8-7 тысячелетие		Туткхул, 2а гор.			
Открытая стоянка галечниково-песчаная линза	10-9 тысячелетие		Туткхул, 3 гор.			
Аллеолоидный песок	10-9 тысячелетие	6350 ± 80	Сайба, 3 гор.			
Пещерная стоянка		5600 ± 110				
Пещерная стоянка	9-8 тысячелетие			Мачай		
Открытая стоянка	10-9 тысячелетие			Обишир		
Открытые стоянки лесовидный суглинок	10-9 тысячелетие			Кушдиш		
Открытые стоянки котлован выдувания				Ферганские стоянки		
Пещерная стоянка	8-7 тысячелетие				Ташкумыр	
Пещерная стоянка	8-7 тысячелетие					Джебен, 8-7 гор.
Пещерная стоянка	10-7 тысячелетие					Дамдамчешме 2, 8-5 гор.

PDF Compressor Free Version

В горном обрамлении Ферганы имеется еще одна мезолитическая стоянка – Ташкумыр. Это грот, расположенный на левобережье р. Карасу, впадающий в 0,5 км ниже грота в реку Нарын. Возраст памятника, скорее всего, должен заключаться в рамках 8-7 тыс. лет до н.э.¹³³ Раскоп, площадью около 40 кв. м, дал 300 находок, среди которых призматические и конусовидные нуклеусы, пластины и пластинки, крупные и мелкие отщепы. Среди орудий на первом месте скребки – концевые на пластинах и округлые на отщепах, в том числе миниатюрные. Заметное место занимают острия туткаудьского типа. С другой стороны, орудия геометрической формы в Ташкумыре отсутствуют.

К эпипалеолиту относится пещерная стоянка Мачай в Юго-Западном Узбекистане, датировка которой определяется радиоуглеродной датой 5600 ± 110 лет до н.э. Индустрия двух слоев, залегающих в промежутках между упавшими со свода глыбами, полностью лишена орудий геометрической формы, отсутствуют и острия туткаудьского типа¹³⁴.

Вполне возможно, что комплекс из навеса Мачай принадлежит уже следующему периоду – неолиту.

Никаких следов оседлых поселений в позднем мезолите в Средней Азии археологами не обнаружено, что, очевидно, связано с тем, что в этом регионе нет дикорастущих родичей ячменя и пшеницы. Единственным фактом, который можно бы было связать с приручением животных в 7-6 тыс. до н.э., является находка костей одомашненных животных в 4-м горизонте стоянки Дамдамташме¹³⁵. Но к этой находке приходится относиться осторожно, прежде всего потому, что здесь найдены фрагменты керамики, и вполне допустимо проникновение и других предметов из вышележащих неолитических горизонтов¹³⁶.

Итак, касаясь экономики мезолитических племен Средней Азии, можно констатировать, что за исключением не совсем ясных находок в Западной Туркмении, все остальные памятники оставлены обществом собирателей и охотников (табл.3).

НЕОЛИТ (ГИССАРСКАЯ КУЛЬТУРА)

6-2 (?) тысячелетие до н.э.

В начале 6-го тысячелетия до н.э. древнее население Средней Азии вступает в последний, заключительный этап каменного века – неолит. Неолит характеризуется коренными экономическими и социальными изменениями. В этот период получает развитие зародившийся еще в недрах мезолита новый способ производства средств существования – от присваивающего типа хозяйства (охота, собирательство), которым первобытный человек пользовался до сих пор, неолитические племена переходят к производящей экономике (земледелие и скотоводство). Важным моментом является и то, что люди эпохи неолита научились не только производить продукты, но и хранить их. Так, главным открытием многие ученые считают появление глиняной посуды – керамики.

В области социальной структуры неолитического общества происходило развитие и укрепление родовых общин, рост связей между ними, а также окончательное становление племенных объединений, представляющих наиболее высокую ступень в древней первобытной организации, скрепленной кровнородственными связями.

Освоение земледелия и приручение животных явились величайшей побе-

дой человечества, освободившими людей от вечной угрозы голодной смерти и давшими им уверенность в завтрашнем дне. Этот процесс иногда называют и "неолитической революцией".

Первые земледельцы Средней Азии, носители джейтунской культуры, появились в 6 тыс. до н.э. Примерно в это же время начинается и широкое разведение домашних животных.

Вместе с джейтунскими племенами (предгорья Копетдага) и кельтеминарской общиной (равнинная часть Средней Азии) заметную роль в неолитическую эпоху играет население гор восточной части Средней Азии, известное под названием гиссарской культуры.

Границы распространения и природные условия времени существования Гиссарской культуры

Основной территорией распространения гиссарской культуры является Таджикская депрессия, особенно в бассейне рек Яхсу, Сурхоб, Вахш, Кафирниган (в верхнем течении), Яванская долина¹³⁷.

Стоянки и поселения гиссарской культуры находятся на абсолютной высоте от 500-700 до 1000-1500 метров над ур.м. Они всегда связаны с лёссовыми отложениями, и в этом смысле можно сказать, что это лёссовый неолит.

Единичные находки гиссарских орудий в глубоких ущельях и долинах, прорезающих главные хребты, указывают на северную границу основного очага распространения гиссарской культуры.

Общее количество пунктов, которые можно отнести к гиссарской культуре в Южном Таджикистане, достигает сейчас несколько сотен.

Находки, типологически близкие к орудиям гиссарской культуры, встречаются в других районах Средней Азии: в Северном Таджикистане, на южном борту Ферганской долины, в районе озера Иссыккуль и в Чуйской долине. Однако здесь пока ни одной стоянки с культурным слоем не зафиксировано. Геолог А.А.Никонов нашел на р.Кокче в Северном Афганистане стоянку с орудиями гиссарского типа¹³⁸. Это говорит о том, что предгорья Гиндукуша также входили в зону распространения гиссарской культуры.

В целом гиссарская культура является северо-западным форпостом очень большой неолитической провинции азиатских гор, и ее особенности и специфические черты во многом зависят от географического положения Таджикистана, как ее окраины.

Пыльцевая диаграмма, составленная М.М.Пахомовым, показала, что к началу 6 тыс. до н.э. устанавливаются современные климатические условия¹³⁹.

Происхождение, абсолютная и относительная хронология памятников гиссарской культуры

Гиссарскому неолиту непосредственно предшествуют такие мезолитические индустрии, как Туткаул 2а, Сайёд 3, Дараншур. Поэтому логичным можно считать представление о местном происхождении гиссарской культуры. При этом в

начале 6-го тыс. до н.э. произошло коренное изменение техники обработки камня. Так, совершенно исчезает техника затупленной спинки и на смену мезолитической технике приходят древние приемы галечной культуры, формировавшиеся на основе предшествующего опыта. Это связано, вероятно, с появлением новых хозяйственно-бытовых условий, которые были вызваны, скорее всего, началом оседания на землю и появлением элементов производящего хозяйства. Нижняя возрастная граница гиссарской культуры устанавливается благодаря радиоуглеродной дате, полученной для основания 2-го горизонта поселения Туткаул 8020 ± 170 лет или 6070 ± 170 до н.э., калибро-

вочная дата – 6310 лет до н.э.

Радиоуглеродные даты указывают на древний этап гиссарской культуры (6-5 тыс. до н.э.). Более поздние периоды на основании археологических материалов отражены в верхнем горизонте Сайёда и Бувдёншоёи, где по данным археологии предполагается дата 4-е тыс. до н.э. Верхний предел устанавливается радиоуглеродной датой гиссарских слоев стоянки Кангуртут: 2710 ± 120 лет до н.э.

Традиция "галечных орудий" продолжала существовать и позднее, например, в неолитических слоях Актанги (радиоуглеродная дата 2200 ± 110 лет до н.э.).

Вполне допустимо думать, что в горных долинах Южного Таджикистана гиссарская культура доживает вплоть до прихода племен эпохи бронзы во втором тысячелетии до н.э. Во всяком случае, у нас пока нет никаких фактических материалов, позволяющих выделить период самостоятельного перехода гиссарцев к изготовлению металлов.

Керамика в памятниках гиссарской культуры

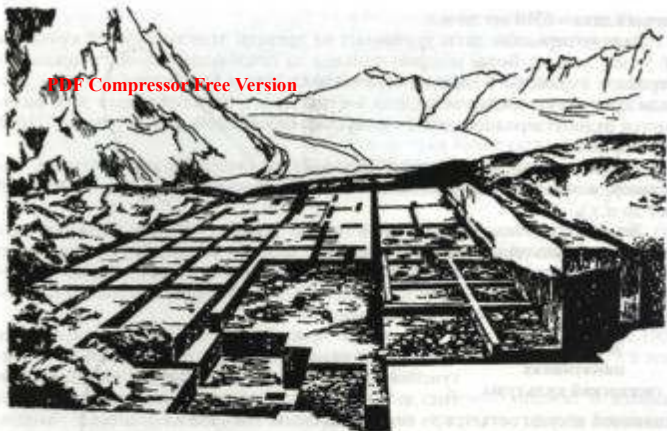
Керамика присутствует во всех неолитических памятниках равнинной части Средней Азии – джейтунской и кельтеминарской культуры, начиная с 6-го тыс. до н.э. Вопрос же об использовании гиссарцами глиняной посуды остается до сих пор неясным. Ни одна из подобных находок неолитического времени в Южном Таджикистане не имеет достаточно уверенных дат или стратиграфических обоснований. Таким образом, есть все основания предполагать, что если керамика и употреблялась гиссарцами с конца 5-го тысячелетия до н.э., то в отличие от равнинной части Средней Азии керамическое производство в Южном Таджикистане не получило широкого распространения. Вероятно, здесь сказывалось и отсутствие регулярных контактов с наиболее развитыми регионами своего времени.

Основные памятники гиссарской культуры в Южном Таджикистане.
Туткаул

В Туткауле, выше мезолитического слоя 2а находится основной (2-й) горизонт стоянки, принадлежащий к гиссарской культуре. Он темноокрашенный, углистый, включающий обильные культурные остатки. Мощность колеблется от 0,4 до 2 м. По археологическому материалу горизонт условно может быть разделен на 3 уровня, принадлежащих различным этапам развития гиссарской культуры. Выше второго находится тонкий (10-15 см) темноокрашенный слой, включенный в толщу лёссовидного суглинка. Это первый горизонт поселения.

Второй горизонт был вскрыт на площади 3,5 тыс. кв.м, первый – 500 кв.м. Общая площадь поселения около 1 га. Темная окраска двух горизонтов гиссарской культуры связана с размывом углей огромного количества очагов, составляющих их главную конструктивную особенность. Это очаги глубиной 15-30 см с каменной наброской полусферической формы, выложенной из обломков известняка и расколотых речных галек. Средний размер таких очагов – 1 м. Форма в плане разнообразная: есть очаги прямоугольные, овальные, круглые. Вторым конструктивным элементом культурных горизонтов Туткаула являются каменные выкладки. Они представляют собой площадки из плотно уложенных камней (обломков известняка, расколотых и целых галек). Отмечаются многослойные выкладки. Самая крупная из вскрытых площадок имеет площадь в 40 кв.м. Вероятнее всего такие площадки являлись основанием (полом?) жилища¹⁴⁰. Возможно, это был легкий палаш из веток и жердей, подобный жилищу кельтеминарцев на Махандарье¹⁴¹.

Общий вид раскопок неолитического горизонта поселения Туткаул

Во втором горизонте сделаны антропологические находки (останки двух взрослых и 2-х детских погребений, совершенных прямо в культурном слое). Хорошо сохранилось погребение пожилой женщины, перекрытое 0,9 м культурного слоя. Труп был положен в неглубокую (15 см) ямку, вырытую в основании культурного слоя. Погребенная находилась в сильно скорченном положении, руки согнуты в локтях, ладони положены под щеку, ноги согнуты и подтянуты к груди. Они, вероятно, были связаны.

По данным антрополога Т.П.Князиковой, установлена принадлежность жителей Туткаула к европеоидной расе¹⁴².

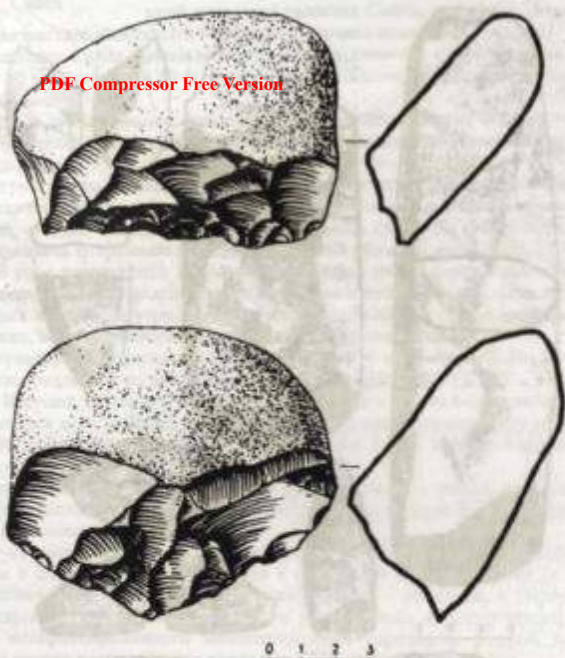
Как и другие памятники гиссарской культуры, Туткаул отличается обилием расколотого камня, составлявшего основу археологического материала памятника – всего в двух горизонтах Туткаула найдено свыше 40 тыс. экземпляров.

Для изготовления орудий гиссарцы использовали очень разнообразный материал, который делится на две группы. Первую составляют крупнозернистые кремневые магматические породы зеленого и серого цвета, кремневые известняки, сланцы. Довольно широко использовался серпентин, роговик. Весь этот материал поступал в руки мастера в виде хорошо окатанных речных галек.

Вторую группу материала составляет кремнь, преимущественно плитчатый, низкого качества, серый, ломкий. Размеры плиток позволяли, как правило, отделять только мелкие микролитические пластины.

Среди кремневого инвентаря Туткаула выделяются геометрические микролиты – трапеции, долотовидные орудия, ножи, скобели и т.д., среди галечного – “гиссарского” – чопперы, чоппинги, шлифованные топоры, ножи, шлифованные полностью или частично, скребла и др.

Самыми характерными изделиями гиссарской культуры являются своеобразно обработанные речные гальки, из которых изготавливались так называемые галечные орудия.

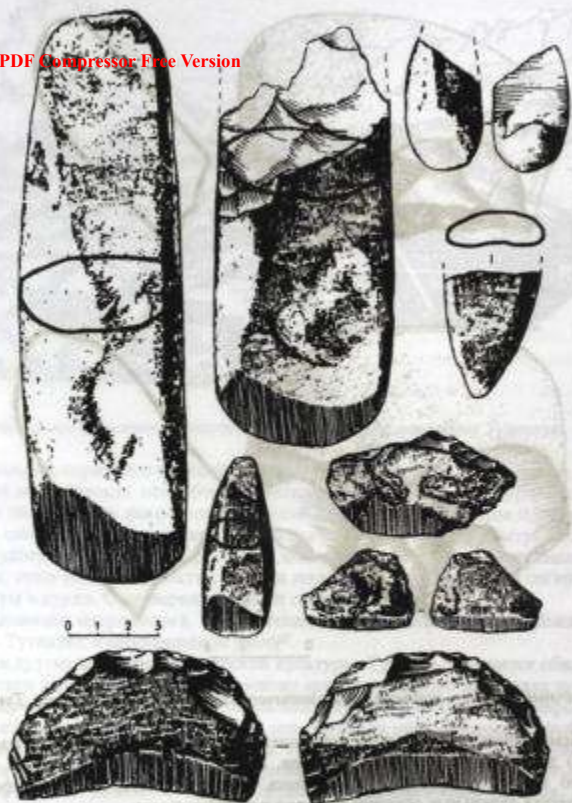

Галечные орудия – чоперы из неолитического горизонта поселения Туткаула

Немногочисленна группа шлифованных орудий – здесь едва наберется около десятка шлифованных топоров, преимущественно сломанных. Значительно шире туткаульцы пользовались приемами частичного шлифования, превращая отдельные осколки топоров в палки и ножи.

Зернотерки и песты-куранты на ранних этапах, практически, отсутствуют. Только изредка здесь встречаются плоские округлые гранитные гальки со следами затирания поверхности.

Среди кремневого инвентаря выделяется группа микролитических нуклеусов, которые вообще характерны для гиссарской культуры. Техника затупливания края пластинки, столь широко представленная в мезолитических слоях Туткаула, в гиссарских горизонтах совершенно отсутствует. Часть изделий, встречающихся преимущественно в верхних слоях (миниатюрные трапеции, “шпастые” скобели, выемчатые орудия на пластинках и т.д.) имеют аналогии среди материалов джейтунской культуры и в меньшей степени – кельтеминзарской.

Шлифованные орудия из неолитического горизонта поселения Туткаул

В общем количестве находок "кремневый элемент" в Туткауле занимает лишь 30% и хотя из кремня выполнялись важные в функциональном отношении орудия, основную роль в хозяйственной деятельности гиссарцев играл "галечный гиссарский элемент" (70%)¹⁴³.

В силу особенностей культурного слоя сохранилось очень мало костного материала. Ничтожно малым числом представлены и другие поделки. Это несколько каменных бус, найденных на контакте второго и первого горизонтов, и галка со сверлиной.

Сайёд

Не менее интересным и богатым центром гиссарской культуры является Сайёд, памятник, до затопления располагавшийся всего в 3 км юго-восточнее поселения Туткаул.

Поселение Сайёд занимало конус выноса длиной с юго-запада на северо-восток 80 м, шириной 40 м. Высота конуса выноса над современным уровнем сая около 12-15 м.

Первые два горизонта, сопоставляемые в общих чертах с двумя горизонтами Туткаула, представляют собой мощные пылевато-углистые прослойки темного цвета.

В структурном отношении культурные горизонты Сайёда мало отличаются от туткаульских – в них встречаются обычные овальные очаги с каменной наброской, остатки каменных выкладок и зольных питей. На небольшом участке 1-го горизонта сохранились остатки глиняной обмазки, возможно, танура или пола. В слое встречаются выкладки, состоящие из 3-5 плиток песчаника или известняка, поставленные вертикально или положенные боком. Они имеют вид каменных ящиков, внутри которых встречены кости. Таких оградок найдено несколько, возможно они использовались для хранения мяса.

В культурных горизонтах Сайёда найдено 30 тыс. изделий. По материалу их можно разделить на кремневые, галечные и из кости.

А. Юсулов датирует 1-й горизонт Сайёда концом 6-го – началом 5-го тысячелетия до н.э. Более правильно, судя по археологическому материалу, было бы предложить дату – вторая половина 5-го – начало 4-го тысячелетия до н.э.¹⁴⁴

Среди костяных орудий наиболее распространены шилья, изготовленные из ребер мелких животных, лошала. Встречены костяные бусы, детский браслет из рога оленя.

Со вторым горизонтом связаны шлифованные топоры, найденные в основном в обломках. Интересно, что в основании слоя встречены (в небольшом количестве) орудия геометрической формы – сегменты, а также острия туткаульского типа. Скорее всего они попали сюда из разрушенного и поэтому незафиксированного мезолитического горизонта. Второй горизонт Сайёда можно датировать по аналогии с Туткаулом 6 тыс. до н.э.

Во втором горизонте найдено погребение, устроенное у скалы красного песчаника и слегка углубленное в культурный слой. Костяк ребенка лежал на левом боку в скорченном положении, как и в Туткауле. Эта находка подтвердила, что у гиссарцев был распространен древний обычай хоронить там, где люди жили, на поселении.

Гиссарское поселение Бульнипоён

Приурочено к террасовидному окончанию адырной полосы хребта Джилантау к югу от кишлака Бульнипоён (Куйбульён). Раскоп вскрыл около 300 кв.м культурного слоя, включенного в суглинок, прослеживается несколько культурных горизонтов, из которых наиболее четко выражен слой, находящийся на глубине 25-30 см от уровня современной поверхности.

В этом культурном горизонте не полностью, но большими пятнами, сохранилась обмазка пола неолитического жилища. В пол были вмазаны сосуды или чаны, глубина которых доходит до 40 см, а диаметр до 60 см, изготовленные из такой же гипсовой массы. Эти сосуды могли служить как хранилища для воды, зерна и, наконец, могли быть прообразами современного танура, до сих пор употребляющегося для выпечки хлеба в домашнем хозяйстве народов Средней Азии. Имеются и остатки площадок из битого камня, ана-

логичных подобным конструкциям Туткаула и Сайёда. В каменном инвентаре отражается уже знакомое нам сочетание кремневого и "гиссарского элементов". Очень выразительны галечные орудия – чоперы и грубые скребла, имеются шлифованные топоры. Вместе с тем, "кремневый элемент" здесь достаточно развит и общий процент изделий из кремня в Куйбульёне выше, чем в Туткауле и верхнем слое Сайёда.

Поселение Бульёнипоён кажется значительно более развитым по сравнению с Туткаулом и Сайёдом. Датировка его может быть лишь условной, но она, по всем данным, должна включаться в рамки второй половины 5-го – начала 4-го тыс. до н.э.

Поселение Кангурттут

Памятник расположен в 8 км севернее поселка Кангурт. Раскопки производились на высоком мысу, сложенном мощной толщей лёсса. Раскопки проведены на площади 260 кв.м. Абсолютная дата – 2710 ± 120 лет до н.э. Это самое молодое радиоуглеродное определение для памятников гиссарской культуры.

Культурный горизонт имеет все главные особенности гиссарских памятников – темную окраску, очаги с каменной наброской. Керамики, которую можно было бы уверенно отделать от обломков посуды бронзового века, слой которого здесь залегают непосредственно выше, не найдено и, таким образом, приходится признать, что и Кангурттут, как и другие гиссарские стоянки, относится к докерамическому неолиту.

В культурном слое, мощность которого 1 м, встречены разбитые кости, не дающие возможности для видового определения. Имеются кости птиц, грызунов, черепахи и, видимо, мелких копытных. Есть также обломки костяных орудий. Очень интересны несколько мелких поделок из кости, в форме арбузных семечек (фишки для игры?, нашивающиеся на одежду бляшки?). На одном из экземпляров имеется орнамент в виде косой клетки, образованный пересекающимися линиями.

По сравнению с гиссарскими слоями Туткаула и Сайёда, можно отметить, по крайней мере, две особенности: более грубую или небрежную обработку изделий из изверженных пород и более высокую степень микролитизма – таких мелких 1-1,5 см длинной нуклеусов и микропластинок очень мало на других гиссарских стоянках. Бросается в глаза и отсутствие ретушированных орудий, кроме галечных чоперов.

Табл. 4

Периодизация гиссарской культуры (основные памятники)		
Стадии развития	Памятники	Датировка
Поздняя	Кангурттут Тепегазиён, Сангугур, Актанги-3	3-е тыс. до н.э.
		3-е тыс. до н.э.
Средняя	Бульёнипоён, Кухнабай Мудлонияз, Сайёд-1	вторая половина 5-го – 4-е тыс. до н.э.
Ранняя	Сайёд-2, Туткаул 1-2	6-е нач. 5-го тыс. до н.э.

Помимо поселений, описанных выше, которые являлись базовыми стоянками, вероятно, дававшими приют для целого племени (к сожалению, отсутствие остатков жилищ не дает возможности хотя бы приблизительно подсчитать количество людей, живших здесь одновременно), в Южном Таджикистане имеется много отрогов культуры, среди которых наиболее крупными являются Тепагазиён в Гиссаре, давшее имя всей культуре, Курчи, Кухнабай в Гиссарской долине, Сангнугур и Дагана на реке Яксу, и ряд более мелких стоянок.

Экономическая основа гиссарской культуры

Вопрос об экономической основе жизни гиссарских племен в Южном Таджикистане не нашел еще своего окончательного решения.

Существует три гипотезы: 1) гиссарская культура — это памятники первых земледельцев и скотоводов Таджикистана; 2) соответствует еще стадии охотников и собирателей; 3) основной ведущей формой хозяйства гиссарцев является не земледелие, а скотоводство¹⁴⁵. Ни одна из этих гипотез не набрала еще такой суммы доказательств, чтобы исключить из научного оборота две других.

Рассмотрим гипотезу о преимущественном скотоводстве, как экономическом базисе гиссарской культуры.

При раскопках Туткаула, давшего исключительно мало костей, которые разрушались в насыщенных гипсовыми солями культурных горизонтах этого памятника, В.Батыров определил домашних животных: ослы, овцы или бараны¹⁴⁶. В Сайёде, как указывает определявший фауну этого памятника Ш.Шаратов, одомашненная овца или коза занимает 73% всех определенных костей из гиссарских слоев¹⁴⁷.

Вместе с тем, нельзя закрывать глаза на то, что данные определения, как правило, сделаны на основании очень небольшого количества костного материала, не всегда хорошего для определения, и обосновываются, скорее, на интуиции и общих соображениях зоологов, чем на точных данных, связанных с измерениями. Кроме того, что касается Сайёда, имеются определенные сомнения в точности фиксации стратиграфического положения костей. Следовательно, для утверждения первой гипотезы оснований пока еще мало.

Как указывают многие исследователи, памятники зарождающегося земледелия связаны, как правило, с предгорными районами или локальными долинами среднегорного пояса, что соответствует мнению Н.И. Вавилова, который указывал, что именно в горном поясе субтропических областей имеются наибольшие возможности для domestikации диких растений¹⁴⁸.

В Южном Таджикистане, основной территории распространения гиссарской культуры, как будто бы имеются условия, близкие к тем, в которых происходило зарождение земледелия в зоне "плодородного полумесяца" Ближнего Востока.

В травянистых ассоциациях Южного Таджикистана представлен эгилопе, дикий злак, который по данным ряда исследователей, является участником гибридизации культивируемых пшениц. Достаточно широко распространены здесь и дикий ячмень.

П.Н.Овчинников отмечает, что "...среди пшениц Таджикистана имеется много эндемичных форм, подчеркивающих самобытность среднеазиатского центра формового разнообразия, установленного Н.И.Вавиловым"¹⁴⁹.

Южный Таджикистан входит в пояс зимней вегетации злаковых растений, что позволяет осуществлять изобильное богарное земледелие, хорошо обоснованное для неолита в ряде работ¹⁵⁰. К сожалению, в нашем распоряжении

до сих пор нет фактического материала, однозначно говорящего о занятиях земледелием гиссарских племен и прежде всего domesticiрованных злаков: пшеницы и овса.

В целом можно считать, что памятники типа Туткаула, Сайёда, Бульён-поёна и **PDF Scanned by FireFox** периоду первоначальной оседлости (неустойчивая, сезонная оседлость), соответствующего времени зарождающегося земледелия и скотоводства. При этом собственно "земледельческие черты" в материальной культуре (вкладыши для серпов, зернотерки, мотыги, глиняные фигурки людей и животных, жилища и т.д.) могут проявляться еще недостаточно. При этом, конечно, значение охоты и собирательства было фактически большим, чем элементы производящего хозяйства.

Этнические общности в эпоху неолита

В заключение подчеркнем, что неолит является периодом складывания этнических общностей. Изучение джейтунской, кельтеминарской и гиссарской культур позволяет говорить о реальных предпосылках для предположения о том, что названные культуры – это не только культурно-исторические общности, но и этнические образования.

В этом плане уверенно можно сказать, что гиссарская этническая общность является первым в каменном веке Таджикистана автохтонным образованием (группой родственных племен) на территории, входящей в область образования таджикского народа в далеком будущем. Наиболее распространенным является мнение, что протоиранские языки (индоарийские) были принесены на территорию Средней Азии и в том числе Таджикистана во втором – начале первого тысячелетия до н.э. в эпоху бронзы в связи с приходом ариев¹⁵¹. Но каков был язык местного населения на юге Таджикистана, а это были гиссарцы, наука не знает. Предполагается, что скорее всего, в Средней Азии в эпоху неолита вплоть до прихода ариев существовал язык из группы дравидийских. Но теоретически можно предположить, что это был язык не индийского происхождения, а протоиндоевропейского. Может быть, именно этим объясняется тот факт, что по данным сегодняшнего дня, ассимиляция гиссарских племен земледельческо-скотоводческими племенами эпохи бронзы происходила спокойно, и никаких следов вооруженных столкновений не фиксируется.

В этом плане интересно мнение венгерского ученого Я.Харматты, который предполагает, что допротоиранским языком гиссарцев мог быть до сих пор малоизученный и ненашедший своего места в современной языковой систематике язык небольшой гималайской группы бурушасков, сохранившийся до настоящего времени¹⁵².

Кельтеминарская этнокультурная общность – неолит равнинной части Среднеазиатского междуречья

В значительной степени отличается от горного неолита гиссарской культуры неолит равнин Среднеазиатского междуречья. Отличия заметны в материальной культуре, прежде всего в каменном инвентаре: наличие керамики, в том числе орнаментированной, остатков жилищ в виде наземных палаток или полуземлянок, отсутствии "гиссарского элемента" в каменном инвентаре. Помимо охоты и собирательства, большую роль в экономике кельтеминарской культуры играло рыболовство.

Основное время существования кельтеминарской культуры совпадает с гиссарской – 6-е – 4-е тысячелетие до н.э.¹⁵³

В отличие от гиссарского набора изделий, кельтеминар выступает как единая индустрия пластинчатого характера, так как подавляющее большин-

ство орудий здесь сделано из кремневых пластин и микропластин длиной от 7,5 до 1,5 см. В кельтеминаре долго сохраняется древний прием затупливания спинки, и хотя острия мезолитического типа отсутствуют, пластинки с затупленной спинкой и со скошенным крутой ретушью одним краем распространены широко и как исключения встречаются в кельтеминаре ведущей формой. Немногочисленны концевые скребки на правильных пластинах, больше количество ретушированных пластин, пластин с выемками – скобелей, проколов и с выделенным специальной ретушью жальцем. На разных этапах распространены микролиты геометрической формы – “рогатые”, а позже симметричные трапеции. Заметную роль играют наконечники стрел, в том числе специфические наконечники стрел – кельтеминарского типа. Они сделаны из пластин, имеющих в верхней части специально сделанную выемку для насада. Позднее появляются двухстороннеобработанные “стелюшейя” ретушью наконечники стрел, а в третьем тысячелетии и крупные наконечники копий этого типа, очень редки шифованные топоры.

Каменные орудия и керамика кельтеминарской культуры

10 Костяные орудия кельтеминарской культуры долгое время были известны мало, но раскопки стоянки Толстова недалеко от Турткуля принесли большую и разнообразную коллекцию, в которую входят игловидные и веретенообразные наконечники стрел, однозубчатые гарпуны, иглы с ушком и другие предметы.

PDF Compressor Free Version

Керамика появляется рано – со стоянки Учащи – 131, нижний слой которой определяется второй половиной или концом 6 тыс. до н.э. Посуда, которой пользовались кельтеминарцы, изготовлена ручным способом. Сосуды имеют округлое или приотсрещенное дно, в небольшом количестве представлены ладьевидные сосуды. Характерна богатая орнаментация, почти сплошь покрывавшая поверхность сосудов.

Наличие жилых комплексов, представляющих из себя наземные крупные жилища, отмеченные на стоянках Джанбас-4, Толстова, Дарбазақыр, свидетельствует о значительной оседлости. Площадь жилища на первой из названных стоянок составляет 320 кв.м, что говорит о вероятном проживании в таком каркасном доме с кровлей из камыша и древесной коры 50-60 человек¹⁵⁴.

Данные раскопки могильника Тумеккичиджик, расположенного на запад от г.Ургенча, показывают, что обряд погребения у кельтеминарцев заметно отличался от того, который известен в гиссарских памятниках. Здесь хоронили в довольно глубоких простых ямах с труположением на спине в вытянутой позе, иногда с употреблением охры. Сопровождающий материал – изделия из кремня и других пород, лепная керамика, украшения из кости, раковин и камня¹⁵⁵. Датировка – конец 5-го тыс. – 4-е тыс. до н.э.

Заканчивая настоящий обзор, необходимо упомянуть, что возможность жизни людей эпохи неолита в пустынях Средней Азии была связана со значительно более широкой обводненностью региона, что имело место в период льянканского пшювиала, продолжавшегося с 7-го по 3-е тысячелетие до н.э.¹⁵⁶

Сазаганская группа памятников в зоне контакта между гиссарской и кельтеминарской культурами

Вопрос о контактах между кельтеминарской и гиссарской историко-культурной (этнической) общностями долгое время оставался на уровне гипотез. Лишь недавно на северных склонах Зеравшанского хребта неподалеку от Самарканда были открыты стоянки Сазаган I и II, Джангал, Тепакуль, в которых сочетаются элементы индустрий, типичных для гиссарских памятников, с элементами, сходными с кельтеминарскими. Сазаганские стоянки расположены в боковых ущельях и приурочены к конусам выноса, что предопределяет переотложенность археологического материала и снижает его достоверность, допуская возможность смешивания разновременных комплексов. Индустрия характеризуется как отщепово-пластинчатая, сочетающая орудия случайных форм на отщепках, употреблявшихся часто без дополнительной ретуши, редкие чопперы с орудиями на правильных ножевидных пластинках, часто мелких по размерам. Пластинки с выемками и скребки на пластинках и отщепках находят аналогии среди кельтеминарского инвентаря, а высокие скребки и долотовидные орудия – в гиссарских коллекциях. Керамика по своему характеру и орнаментации напоминает кельтеминарскую¹⁵⁷.

Джейтунская культура Туркмении – первые земледельцы в Средней Азии

Следы жизни древнейших земледельцев Средней Азии встречаются в предгорной полосе Копетдага от Бами на западе до Теджена на востоке. Они представлены тремя фазами джейтунской культуры, возраст которой охватывает 6-е тысячелетие до н.э.

Джейтунская культура резко отличается от двух предыдущих не только по внешним признакам, но и по существу. Это первая историко-культурная общность, экономической базой которой является производящее хозяйство – земледелие и скотоводство. Основными раскопанными памятниками являются Джейтун у Ашхабада, Чагаллыдепе, Монжуклыдепе около селения Меана, Чопандеде, Тоголокдепа. Всего отмечено 13 крупных памятников. О том, что джейтуны уже знали земледелие, свидетельствуют находки обуглившихся зерен и отпечатков ячменя и двух видов пшеницы. Орошение полей осуществлялось удержанием паводковых вод. Основными орудиями земледельцев были простые палки-копалки, тем не менее столь примитивное земледелие обеспечивало существование родовой общины примерно из 250 человек¹⁸. Велико было значение скотоводства – об этом говорит значительный процент молодых особей овец и коз, что по установленным положениям является признаком их одомашнивания. Не меньшую роль в обеспечении мясной пищей играла и охота на джейранов и безоаровых козлов, служивших основной охотничьей добычей. К концу 6-го тысячелетия был приручен и крупный рогатый скот.

Резко отличаются от гиссарских и кельтеминарских поселений джейтунские, которые представляют из себя маленькие деревни, построенные из стандартных домов, возведенных из глиняных "булок". Стены внутри помещений иногда окрашивались красной или черной краской, пол имел известковую обмазку, площадь этих однокомнатных домов – в среднем составляет 23,5 кв.м. У одной из стен находился массивный очаг каменного типа. Около каждого дома имелся небольшой дворик. Всего на поселении Джейтун было около 40 домов. Судя по величине поселка, здесь обитала родовая община.

План поселения ранних земледельцев в Джейтуне

Орудия труда прежде всего представлены кремневым инвентарем, для которого характерна высокая техника скалывания пластин, из которых изготавливались скребки, ножи, выемчатые орудия, проколки, двухсторонне обработанные стрелки и геометрические микролиты – трапеции и плохо выраженные фрагменты, близкие по форме к трапециям. Специальные исследования показали, что большое значение в хозяйстве джейтунцев играли вкладыши для серпов, которые занимают более 30% от всего количества орудий¹⁵⁹.

Большое место среди находок занимает керамика. Она вылеплена от руки ленточным способом и примерно 11% ее украшено орнаментом, нанесенным красной краской. Роспись имела два основных мотива: волнистые или струйчатые линии или скобки. Это древнейшая расписная керамика Средней Азии.

Производящая экономика, полностью оседлый образ жизни джейтунцев привели к усложнению и духовной жизни. Об этом говорят глиняные примитивные фигурки людей и животных, иногда со следами покоев, что свидетельствует о существовании каких-то религиозных обрядов.

Попытки найти местный генезис джейтунской культуры не увенчались успехом. Сейчас стало ясно, что она занимает не только предгорья Копетдага, но распространяется на значительную территорию Северо-Восточного Ирана. Это северная периферия ближневосточного мира раннеземледельческих неолитических культур, и носители джейтунской культуры появились в Южном Туркменистане в результате миграции с юга, дав начало развивавшимся уже на месте неолитическим культурам крапневой керамики. Однако экспансия земледельческого неолита на восток была ограничена природными условиями регулирующими еще примитивные формы обработки земли.

Таким образом, три историко-культурные и технические общности эпохи неолита Средней Азии: джейтунская, кельтеминарская и гиссарская, развивались по своим собственным сценариям, заметно отличавшимся друг от друга.

Итоговая таблица показывает соотношение основных памятников каменного века Таджикистана и Средней Азии в обоих подразделениях: группа А – индустрии, сопоставимые с переднеазиатскими комплексами, и группа Б – сопоставимая с восточноазиатскими (табл.5).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед глазами читателя прошла долгая история первобытного Таджикистана, охватывающая почти миллион лет. Ее можно разбить на несколько периодов, заметно сокращающихся во времени ближе к нашим дням. Одни из этих периодов изучены лучше, другие хуже, в одних районах Таджикистана имеется по нескольку раскопанных и тщательно изученных памятников, другие представляют собой “белые пятна”, которые археологам еще предстоит изучить. Неравномерно исследованы север и юг Таджикистана, и в основном периодизация каменного века, представленная в настоящей работе, базируется на материалах последнего региона, хотя нет никаких сомнений в том, что интенсивные исследования в будущем могут привести к открытию разнообразных памятников каменного века и в Ленинабадской области, порукой чему являются палеолитические и более поздние стоянки каменного века в Приташкентском районе и Центральной Фергане.

Табл. 5

Сводная схема периодизации археологических памятников Средней Азии					
Подразделение четвертичной системы	Лесовая стратиграфия Таджикистана (возраст в тыс. лет)	Комплексы среднеазиатской стратиграфической схемы	Памятники каменного века Таджикистана		Синхронные памятники других регионов Средней Азии
			Группа А	Группа Б	
Голоцен	Современная почва 12	Амударьинский Голодноостепский	Дарашур Истыская Туткаул 2а, 3	Кангуртуг Сайёл Туткаул 2 Ошхона Бешкент	Толстова Учалы 131 Ташкумар Кушлаш Дамдамчешме 2
ПМ Плейстоцен Верхний		Душанбинский Голодноостепский Аликурский	Шугноу 1 Шугноу 2-4 Хулжи Озгикчиқ Семитганч		Ходжагор, Самаркандская ст. Обирахмат Тешинташ Тоссор Кутурбулак Кульбулак
Бр	35 - 70		Хонако		Георгиевский Бугор
Средний	1 ПП 70 - 130 2 ПП 200 - 240 3 ПП 320 - 240 4 ПП 390 - 410 5 ПП 480 - 500 6 ПП 560 - 620 7 ПП 680 - 700 9 ПП 780 - 800	Илякский Ташкентский Мургабский Вахский, Сохский Восточно-Памирский		Обымазар Лахути Картау Обымазар	Сельзунгур Кошкурган
Нижний	11 ПП 820 12 ПП 850	Кайрабакский, Испилсарский, Бахмалджилгинский		Кульдара Кульдара	
Мт					
Хр					

ПМ - палеомангитная шкала, С - стадии кислотно-кислородной кривой, Бр - положительная палеомангитная эпоха Бронзы, Мт - отрицательная палеомангитная эпоха Матузума, Хр - положительный эпизод Харамилью.

**Культурогенез в
каменном веке
Таджикистана**

Как было показано выше, смена различных культур и этапов их развития в течение каменного века на территории Таджикистана представляет из себя сложное сочетание эволюции местных индустрий каменного века, продолжавшейся десятки и сотни тысячелетий и внешних влияний, выражавшихся или в следах прямой миграции, т.е. прихода новых племен с иными техническими традициями, или факте диффузии, соответствующей передаче инноваций любым другим способом без непосредственного появления на данной территории пришельцев из других краев.

В истории каменного века в Южном Таджикистане достаточно обосновано, во всяком случае на уровне знаний сегодняшнего дня, можно выделить две значительных миграции – появление носителей девадлуа-мустьерской традиции раскалывания камня и в целом мустьерской культуры ориентировочно 200 тыс. лет тому назад и появление мезолитических племен, у которых в традиции изготовления каменных орудий в 10-7 тыс. до н.э. существовали приемы изготовления орудий геометрической формы: низких трапеций и сегментов.

**Искапаемый человек
в Средней Азии**

На территории Таджикистана, где имеется немало палеолитических стоянок, к сожалению, не удалось еще найти костных останков первобытного человека палеолитической эпохи. Но привлекая материал из других районов Средней Азии и более отдаленных территорий, можно себе представить, с каким физическим типом ископаемого человека можно сопоставлять ту или иную палеолитическую эпоху.

Большинство советских антропологов поддерживают гипотезу стадияльно-эволюционного развития древнего человека – последовательного превращения габилиса в эректуса, эректуса в неандертальца и неандертальца в кроманьонца, что определялось как биологическим, так и социальным развитием рода "гомо". В этой гипотезе находят соответствие и археологи: времени существования гома габилиса отвечает олдувайская эпоха каменного века, ашело древнему – гома эректус, позднему – пренеандерталец, мустье – неандерталец, верхнему палеолиту – кроманьонец (человек современного типа). Это справедливо в рамках больших этапов, в то же самое время одинаковый тип человека мог соответствовать в отдельных случаях различным археологическим культурам.

Заметим, что такой взгляд не единственный, так, существует представление о линии пресапиеенса, развивающегося, начиная от олдувайского времени вплоть до верхнего палеолита, причем в этом случае эректусы и неандертальцы представляются как тупиковые ветви развития физического типа человека. Недавно появилась новая теория, базирующаяся на биолого-генетических исследованиях. Согласно этой гипотезе, человек современного типа появился примерно 200 тыс. лет тому назад в Африке и затем через Ближний Восток распространился на все континенты.

С другой стороны, мультицентрическая теория, которая, как будто, больше всего подходит к высказанным предположениям о преемственности верхнего палеолита Южного Таджикистана и мустьерской культуры, предусматривает более или менее одновременное появление человека современного вида сразу во многих регионах Евразии. Но она также имеет свои недостатки, поскольку, прежде всего, тот, что биологически представляет появление нового вида в разных местах очень трудно, и такой процесс не фиксируется в мире животных. Нельзя полностью снимать и старую теорию о развитии на Ближ-

нем Востоке формы "прогрессивных неандертальцев", данных путем скрещиваний человека современного вида *Homo sapiens sapiens*, который затем распространяется на запад через Анатолию и Балканы, а на восток через Загрос и Иранское плато.

В общем, в данном вопросе значительно больше непонятного, чем понятного, и разбор научных мнений потребовал бы значительно больше места, чем то которым мы в данном случае располагаем¹⁶⁰.

В настоящее время древнейшими костными останками в Средней Азии являются зубы и разрозненные кости человека из пещеры Сельунгур в Киргизии, которые определены как останки homo эректуса. Наиболее их вероятный возраст – конец среднего плейстоцена. Неандертальский человек, сопоставимый с ближневосточными и европейскими неандертальцами, найден в гроте Тешикташ в Узбекистане. Остатки кроманьонца известны из Самаркандской стоянки (хотя имеются и определенные сомнения о связи найденных черепов и культурного слоя)¹⁶¹. Таким образом, мы видим, что в Средней Азии, как и в других районах западной части Евразии, имеются останки по крайней мере трех из основных групп ископаемого человека: homo эректуса, неандертальца и кроманьонца. Говорить о своеобразии среднесиантских антропологических находок еще рано, для этого нужен значительно более обширный материал, но стоит отметить, что неолитические черепа, принадлежащие гиссарской культуре, обладают хорошо заметными архаическими чертами, что может говорить о каких-то особенностях физической эволюции древнего человека во всяком случае в горных районах Средней Азии.

Развитие общественных отношений в эпоху каменного века

Реконструкция общественного строя и социальных отношений в эпоху первобытности, особенно на ранних этапах развития человечества, затруднена отсутствием реальных данных и вплоть до эпохи верхнего палеолита базируется на предложенных и различных теоретических выкладках, а не на фактическом материале, которого попросту для ранних периодов человечества не имеется, ввиду крайней примитивности социальной организации и характера жизни в эпоху нижнего палеолита. С другой стороны, нельзя привлечь и данные этнографии народов, стоявших на первобытном уровне еще совсем недавно и в очень малой степени в настоящее время. Самые примитивные племена, которые были описаны европейскими учеными в Африке, Юго-Западной Азии и Австралии, находились на уровне мезолитических племен, т.е. на уровне конца каменного века.

Долгое время самый начальный период истории человечества назывался эпохой первобытного стада. Это низшая, примитивнейшая степень существования человеческого общества, жившего за счет собирательства и случайной охоты с использованием простейших орудий труда. Большую часть этого времени люди не знали огня (первые достаточно уверенные свидетельства об использовании огня датируются возрастом в 400 тыс. лет), не строили жилищ, вероятно, не имели одежды, владели самыми простейшими орудиями труда. Собственно только изделия из камня, и в редких случаях – жилища, площадки да кости животных, употреблявшихся в пищу, – вот все, чем можно располагать для отдаленнейшего периода, длившегося несравненно дольше, чем все последующие в истории человечества.

Общество нижнего палеолита распадалось на небольшие, плохо связанные между собой группы, которые вели бродячее существование. Эти группы, вероятно, состояли из 20-30 взрослых членов. На уровне синантропов, а веро-

ягнее и значительно ранее, появляется оседлая или полуседлая жизнь, о чем говорят пещерные стоянки Валлонне, Тутавель во Франции, Чжоукоутянь в Китае и др.

С самых ранних периодов человечество могло существовать только при условии приготовления пищи, уравнительного распределения, регулирования половой жизни, а позднее парной семьи. Происходит и переход от инстинктивных к осознанным формам взаимопомощи, или иными словами, переход от биологического к социальному. Механизм всех этих явлений, существенно и постоянно изменявших самого человека, чрезвычайно сложен, но некоторые представления о его действии уже укрепились в современном научном мире¹⁶².

Поскольку термин "первобытное человеческое стадо" имеет заметный налет биологизации, существует предложение о замене его на другой термин – "праобщина", имеющий более социальное содержание.

Согласно современным представлениям, считается, что уже в эпоху неандертальца праобщина сменяется более развитым этапом социальной организации первобытных людей, это было время перехода к родовому строю. Археология достаточно хорошо показывает, что социальная жизнь мустьерцев была значительно более сложной и организованной по сравнению с предыдущим временем. Значительно больше стандартизованные и разнообразные каменные орудия, первые жилища, долговременные открытые и пещерные стоянки, более разнообразные, чем в нижнем палеолите способы охоты, увеличение количества людей предположительно до 1 млн. человек в среднепалеолитической ойкумене¹⁶³ и, что особенно важно, появление первых, зафиксированных в истории человечества идеологических и религиозных представлений: зачатков изобразительного искусства и преднамеренного погребения мертвых – все это говорит о существенно новом этапе развития человечества.

Значительно больше материала наука имеет в своем распоряжении для реконструкции социальной организации и идеологии верхнего палеолита, который сопоставляется с раннепервобытной (раннеродовой) общиной. Действительно, разнообразие и количество верхнепалеолитических жилищ дает возможность реконструировать общинные и даже семейные отношения, археологи для верхнего палеолита могут уже выделить четко очерченные территориально локальные археологические культуры, богатые погребения позволяют судить не только о зачатках религиозных представлений, но и о положении погребенного в обществе, поскольку могилы имеют различный инвентарь, богатый в одних случаях и бедный, невыразительный в других. Уже довольно сложные религиозные воззрения и эстетические представления отражены в разнообразном по своим сюжетам и их смыслу первобытном искусстве. Кажется справедливым заключение о том, что род и племя возникли уже в среднем палеолите, хотя, может быть, и не всюду, а лишь у некоторых групп, перешедших к жизни в определенном районе, примитивной оседлости. В этом плане вполне приемлемым кажется термин предложенный Г.П.Григорьевым, – "предплемена", относящийся к общественной организации неандертальцев¹⁶⁴. Бесспорным считается существование кровнородственной организации и группового брака в верхнем палеолите, при матриархальной родовой организации. При этом родство осознавалось лишь по материнской линии, и женщина пользовалась большим влиянием в обществе. Поэтому такой вариант родового строя называют матриархатом. Владение охотничьей территорией и распределение добычи были коллективными, хотя

этнографы указывают на более поздние аналогии с обычаем выделения охотничьих долей. Постепенно возрастает и значение собственности малых семей, составляющих в сумме родовые поселки. Предполагается широкий межобщинный обмен. В больших степях отличаются условия жизни в эпоху мезолита, когда крупные родовые общины распались на мелкие бродячие коллективы, формирующие территориальные объединения. Именно в эпоху мезолита племя окончательно оформляется в этническую общину¹⁶⁵.

В эпоху неолита происходит становление позднерывыбитной (позднеродовой) общины, и именно в эту эпоху происходит значительный подъем производительных сил, создавший предпосылки для возникновения на будущем этапе уже в бронзовом веке социальной и имущественной дифференциации. Все это стало возможным после перехода от присваивающего к производящему хозяйству. Позднее первобытная община земледельцев – скотоводов существовала в одних частях ойкумены, а в других – высокоспециализированных охотников, рыболовов и собирателей. По-прежнему, но уже на новом уровне существовала необходимость в коллективном характере повседневного труда и уравнительной системы распределения, однако старые общественные отношения в значительной степени усложняются и появляются другие формы общественно-хозяйственных отношений, связанные с появлением избыточного продукта. Если на первых этапах неолита материнский род по-прежнему преобладал, то постепенно начинают складываться условия для возникновения патрилинейного (отцовского) рода. Эпоха неолита – это расцвет родового строя и племени, размеры которых, по этнографическим данным, определялись в первом случае 1000-100 человек для рода и 5000-1000 человек для племени. Одновременно с родовыми поселками возникают и территориальные многообщинные поселки для земледельцев, представляющие собой настоящие деревни. Они состояли из однотипных домов. Растет влияние вождей и других руководителей общины, хотя в целом управление сохраняет коллективный характер. Все большую роль играют специальные организации, например, мужские дома. В области духовной культуры возникают позитивные знания, связанные в первую очередь с земледельческими циклами. Возможно, к эпохе неолита относится образование отдельных языковых семей¹⁶⁶.

В Таджикистане имеется пока еще очень мало данных для конкретной реконструкции данного процесса, но не приходится сомневаться, что здесь развитие общества происходило по сценарию, близкому к вышеизложенному, в чем выражается единство пути становления первобытного человеческого общества.

Глава III

ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Первое знакомство человека с металлом, по-видимому, произошло еще в каменном веке. Поиски сырья для изготовления орудий познакомили первобытного человека с различными породами камня. Тогда-то он и мог натолкнуться на самородную медь, приняв ее за новую разновидность камня. Пытаясь изготовить орудия из нового сырья, он, естественно, применил традиционную технику обработки камня. Обнаружилось, что удары по нему образуют лишь вмятины, а отщепы не получаются. Вероятно, именно этот факт в дальнейшем натолкнул человека на мысль использовать эти "камни" для изготовления мелких предметов и украшений. Для этого было достаточно небольших самородков. Дело в том, что самородная медь, являясь прекрасной медной рудой, в месторождениях встречается в небольших количествах и лишь в отдельных регионах ее много (Индия, Боливия, США и др.). Первобытному человеку легко было обнаружить месторождения, так как часто самородная медь покрыта ярко-зелеными налетами малахита или голубоватого азурита. Таким образом, расширились "геологические" знания человека, был открыт новый минерал, технология обработки изделий обогатилась новым технологическим приемом, была открыта "холоднаяковка".

В технике холоднойковки некоторое время изготавливали украшения, орудия труда и оружие. Этот период вошел в историю под названием "энеолит" – медно-каменный век. Из-за свойств самородной меди (очень мягкий металл) изделия из нее не обладали достаточной твердостью и не могли вытеснить традиционные каменные орудия¹.

Открытие плавки меди

Как считают историки техники, с плавкой медных руд (малахит, азурит) человек познакомился случайно, обкладывая камнями очаги. Оказалось, что определенные "камни" превращаются в жидкую массу. На первых порах человек еще не осознал возможности этого явления – восстановление меди из руды. Благодаря не очень высокой температуре, при которой плавится медь (1083°), для проведения этого процесса было достаточно пламени костра или примитивного очага. Так появились первые металлургические печи. Самые древние предметы, изготовленные из выплавленной меди, датируются VII-VI тыс. до н.э. Они были обнаружены на неолитических поселениях в Анатолии (Чайютепези, Чаталгююк и др.).

Открытие металла и его выплавка сыграли в истории развития человеческого общества революционную роль. Это позволило изготавливать орудия труда и оружие лучшего качества, чем из кремня, обсидиана (вулканическое стекло), кости и других неметаллических материалов. В конце концов, изделия из металла вытеснили их.

Для развития первобытной металлургии одним из важнейших факторов

является наличие местного сырья и древесного топлива. Однако в ряде районов отсутствие сырья или ограниченное его количество не мешали развитию высокоразвитой металлургии меди. Металл в древности ценился высоко. Отдельные предметы и металлические слитки служили эквивалентом при обмене – выполняли **PDF-Compressor Text Version** в металле стимулировала торговлю им между странами, далеко отстоящими друг от друга. Например, Кавказ снабжал медью Месопотамию. Объем добычи медных руд в древности на территории Казахстана, очень богатом этими месторождениями, составил для одного региона (Джезказган) 100 тыс. т. выплавленной меди, а в другом (Успенский рудник) было добыто 200 тыс. т. руды².

На территории Средней Азии становление и развитие металлургии меди можно проследить на материалах неолитических памятников Южной Туркмении³. С начала V до начала III тыс. до н.э. здесь выделено три этапа в развитии металлообработки. Первый характеризуется достаточно развитой техникой металлообработки (литье), что свидетельствует о длительном знакомстве с металлом. Возможно, начали использовать не только самородную медь, но и металлургическую (V тыс. до н.э.). На втором этапе (середина IV тыс. до. н.э.) наблюдается медленное эволюционное развитие, совершенствование профессиональных навыков. Значительных новых открытий не происходит. В этот период, без сомнения, использовались окисленные и смешанные медные руды, т.е. металлургический характер исходного сырья (большой набор примесей). Третий этап знаменуется резким переломом в металлообработке. Увеличивается количество изделий. Металл запасают и хранят в виде полуфабрикатов (стержни-слитки). Четко отработаны технологические схемы для изготовления различных категорий изделий, т.е. прослеживается дифференцированный подход к сырью. Осваивается техника литья в закрытой форме – более высокая ступень литейного производства. Металлургия меди и металлообработка требовали длительной практики и могли быть занятием узкого круга профессиональных мастеров. Ремесло передавалось по наследству и, вероятно, не выходило за рамки семейно-родственных отношений.

Первыми рудами, поступающими в плавку, были окисленные руды, которые залегают близко к поверхности, легко доступны для разработки и легко плавятся. Но и в новой отрасли производства, какой стала металлургия, шел активный познавательный процесс. Дело в том, что добывая окисленные руды, древние горняки столкнулись и с первичными сульфидными рудами, хотя они залегают глубже окисленных. Получение меди из большинства сульфидных руд было непосильной задачей для древних металлургов. И все-таки сернистые руды, такие, как халькопирит и особенно халькоцит (медный блеск), пытались плавить уже в V тыс. до н.э., достигая этого при сильном обжиге руды на углях. Другое дело, что металлы при этом получались очень мало (тончайшие нити), и он не имел практического значения. Но это был шаг к открытию одного из величайших достижений человека – бронзы⁴.

**Открытие
бронзовых сплавов** Обычно с бронзой чаще ассоциируется сплав меди с оловом. Однако бронза значительно разнообразнее по своему составу. Металлургия древности и здесь прошли тернистый путь проб и ошибок, прежде чем достигли наиболее удачного сплава меди с оловом.

Уровень развития производительных сил и производственных отношений, наличие местного сырья, уровень профессионального мастерства – все это наложило отпечаток на развитие и становление бронзовой металлургии.

В разных регионах этот процесс происходил в разные хронологические отрезки. Наиболее распространенными во многих странах (не только Востока, но и Европы) в III тыс. до н.э. была мышьяковистая бронза, а самые ранние изделия из этого сплава пока известны только на Кавказе в V-IV тыс. до н.э.⁵

PDF Compressor Free Version
У шумеров не было своего сырья, а между тем с искусством шумерских металлургов III тыс. до н.э. едва ли сравнится хоть один народ древности. Они изготавливали изделия из никелевой бронзы. Многие ученые в разных странах мира не одно десятилетие пытаются разгадать, где находились источники сырья для шумерской металлургии⁶.

Изучение бронзовых сплавов в среднеазиатском регионе позволило ученым выделить несколько очагов металлургии: Южная Туркмения⁷, Северный Афганистан, Южный Узбекистан и Южный Таджикистан⁸, Семиречье⁹. В эпоху бронзы горный промысел был широко развит и технически стоял на высоком уровне для своего времени¹⁰.

Изучение памятников бронзового века

Первые раскопки памятника бронзового века в Средней Азии были произведены более ста лет назад: в 80-х годах XIX в. по приказанию начальника бывшего Закаспийского края генерала А.В.Комарова, любителя памятников древности, была проложена траншея через один из холмов Анау, расположенных вблизи Ашхабада. А.В.Комаров предполагал обнаружить здесь богатое царское захоронение. Его надежды не оправдались, однако в траншее были найдены разнообразные предметы и огромное количество битой глиняной посуды, в том числе и украшенной росписью. Конечно, при полном отсутствии какой бы то ни было методики тогда не были определены ни хронология, ни стратиграфия поселения. Однако результаты работ А.В.Комарова вызвали интерес американской археологической экспедиции, возглавляемой Р.Пампелли. В 1904 г. участниками экспедиции были проведены первые научные раскопки в Анау, отчет о которых был издан в виде двухтомного труда¹¹.

С тех пор в Средней Азии открыты сотни памятников бронзового века, проведены многочисленные исследования, накоплен огромный фактический материал. Результаты работ освещены в большом количестве статей и специальных монографий¹².

Период наиболее интенсивных археологических исследований памятников бронзового века Средней Азии начался в 50-х годах нашего столетия. Однако уже в довоенные годы была осуществлена значительная подготовительная работа для таких исследований. Большое внимание памятникам бронзового века уделяли Хорезмская археологическая экспедиция, созданная в 1937 г. под руководством С.П.Толстова, и Южно-Туркменистанская археологическая экспедиция, основанная в 1946 г. под руководством М.Е.Массона.

В последнее время в каждой из республик Средней Азии проводились планомерные исследования памятников бронзового века. Наиболее крупные работы осуществлены в Туркмении под руководством В.М.Массона, В.И.Сарианиди и И.Н.Хлопина, в Южном Приарале – под руководством М.А.Итиной, в Узбекистане – под руководством А.А.Аскарва¹³. И географически, и в историко-культурном отношении к территории Средней Азии примыкает северная часть современного Афганистана, где памятники бронзового века исследовались В.И.Сарианиди и группой французских археологов под руководством Ж.К.Гардена¹⁴.

На территории Таджикистана первые случайные находки предметов бронзового века были сделаны еще в 30-40-х годах¹⁵. Систематическое изучение па-

мятников этой эпохи началось здесь с середины 50-х годов. Наиболее крупные исследования были проведены в 1955-1956 гг. Б.А.Литвинским на правом берегу Сырдарьи, в западной части Ферганской долины, в зоне затопления Кайрак-кумского волокохранителя¹⁶ и в 1955-1959 гг. А.М.Мандельштамом в Бешкентской долине раскопки раскопки на берегах реки Кафирниган¹⁷.

В 1959 г. отложения эпохи бронзы были открыты в верхних слоях скального навеса Ак-Танги в Северном Таджикистане, на территории древней Уструшаны¹⁸. С 60-х годов под руководством Б.А.Литвинского началось исследование могильников бронзового века в низовьях рек Вахш и Кизылсу¹⁹. В 1965 и 1970 гг. проводились раскопки стоянки в совхозе им.Кирова, в среднем течении Вахша²⁰. Много новых памятников эпохи бронзы открыто в 70-80-х годах в разных пунктах территории Южного Таджикистана, а также на Памире²¹. С 1977 г. интенсивные исследования начаты в Пенджикентском оазисе под руководством А.И.Исакова²².

Историко-культурные зоны и регионы

Расположение Средней Азии в самой середине Евразийского континента, а также ее природные контрасты в значительной степени обусловили своеобразие и неравномерность исторического развития различных ее регионов в бронзовом веке и повлияли на направленность генетических связей и культурных контактов: южные области Средней Азии исторически входили в зону оседлоземледельческих культур и цивилизаций Древнего Востока, а северные районы являлись частью другой крупной культурно-хозяйственной зоны Евразии – степной, где производящая экономика в целом развивалась преимущественно по скотоводческому пути. Сама Средняя Азия являлась ареной постоянных межплеменных контактов и миграций, сопровождавшихся взаимными культурными влияниями и ассимиляцией различных культурных традиций.

Оседлоземледельческие культуры были распространены преимущественно на территории современной Южной Туркмении, Южного Узбекистана и Северного Афганистана. Здесь выделяется несколько историко-культурных регионов. Следы непрерывного обживания и последовательного развития культуры в течение нескольких тысячелетий наиболее четко прослежены в Южной Туркмении, на северной подгорной равнине Копетдага. Локальный очаг древнеземледельческой культуры открыт на территории будущих исторических областей Маргианы и Бактрии (долина реки Мургаб на юго-востоке Туркмении, юг Узбекистана и север Афганистана). На крайнем юго-западе Туркмении развивались культуры, родственные североиранским. В Юго-Восточной Бактрии (современный Северо-Восточный Афганистан) в эпоху бронзы прослежено расселение племен хараппской культуры, родиной которой была древняя Индия.

Основными регионами обитания степных племен в Средней Азии были Южное Приаралье, Ферганская долина и горные районы Средней Азии. В степную зону входила и территория современного Северного Таджикистана.

Долина Зеравшана, занимающая в Средней Азии центральное положение, была заселена разнородными племенами.

Наиболее яркие следы контактов оседлоземледельческих и степных племен, вплоть до взаимной ассимиляции культур, прослежены на материалах позднебронзового века Северо-Восточной Бактрии (юг современного Таджикистана).

Культуры Средней Азии в эпоху мезолита и бронзового века развивались в тесном взаимодействии друг с другом и с культурами близлежащих регионов. Исторические процессы этой эпохи сыграли важную роль в общем куль-

турном прогрессе населения Средней Азии и формировании этнического субстрата народов, населявших ее в последующие исторические эпохи.

На территории Таджикистана в эпоху бронзы были распространены разнокультурные комплексы, генетически и этнически связанные и с оседлоземледельческими, и со степными регионами Средней Азии, а также и с местными неолитическими культурами. Поэтому представляется необходимым включить в данную главу разделы о всей территории Средней Азии, как это было сделано в первом издании "Истории таджикского народа"²². Со времени этого издания число источников неизмеримо возросло, но объем главы позволяет дать лишь самую общую характеристику отдельных регионов.

Энеолит и бронзовый век в оседлоземледельческой и степной зонах

Энеолит как эпоха, характеризующаяся интенсивным развитием производящей экономики — земледелия и скотоводства, внедрением и широким использованием медных орудий, а также устойчивым сочетанием археологических типов, наиболее четко выделяется в зоне оседлоземледельческих племен. Внедрение медных орудий в хозяйственные системы степных охотников и рыболовов имело меньшее значение. Наибольший расцвет производящей экономики степных племен относится уже к эпохе бронзы. Энеолитические комплексы, характеризующие ранний этап производящего хозяйства в степной зоне, как правило, немногочисленны и выделяются менее четко. В контактных регионах особая роль в возникновении таких комплексов принадлежит прогрессивному воздействию земледельческих центров²⁴.

Неравномерность и своеобразие путей развития двух основных культурно-хозяйственных зон обуславливают и различия хронологических границ определенных периодов энеолита и бронзового века в каждой из них. Лишь к концу эпохи бронзы, в условиях интенсивного развития производящей экономики, усиления межплеменных контактов и торгового обмена, этнических и социальных процессов такие различия в значительной степени стираются.

В земледельческой зоне эпоха энеолита и бронзы в целом датируется с конца V до конца II тыс. до н.э. Культуры степной бронзы Средней Азии относятся преимущественно ко II тыс. до н.э.

ЮЖНАЯ ТУРКМЕНИЯ

Периодизация и хронология комплексов энеолита и бронзового века

Ширина долины достигает в среднем 10-20 км. Начиная с эпохи неолита этот регион был густо заселен. Древние поселения сейчас имеют вид высоких холмов — дөпе.

Они характеризуются вертикальностью наслоений и дают богатую информацию о развитии и смене археологических культур. Хронология этих комплексов имеет основополагающее значение при исследовании и датировке памятников энеолита и бронзового века всей Средней Азии.

Первая стратиграфическая колонка археологических материалов Южной Туркмении была создана во время раскопок экспедиции Р.Пампелли в Анау. Были выделены четыре последовательно сменяющих друг друга комплекса Анау I-IV²⁵.

Памятники энеолита и бронзового века на территории Средней Азии:

- 1-3. Могильники срубного типа (Караленгский, Паттысай, Пару); 4. Могильник Кокча-3; 5 — стоянка степной бронзы Приарала; 6. Андроновские памятники Карлукан; 7. Памятник кафаровской культуры; 8. Могильник Арпа; 9. Завойбаба; 10. Могильник Гулдайлик; 11. мегалитик Муштабид; 12. Сарок; 13. Могильник Даштотопы; 14. Навес Актюте; 15. Могильники Парсай I и II; 16. Могильники Суьбар I и II; 17. Аслепе; 18. Алау; 19. Каралте; 20. Намытдаде; 21. Тезикдаде; 22. Улутдаде; 23. Алтыдаде; 24. Геоксурский оазис; 25. Хатулдаде; 26. Келденский оазис; 27. Гююрский оазис; 28. Тоголский оазис; 29. Ташорсай-3; 30. Даштабальский оазис; 33. Сапалдагтепек;

- 34. Джаркут; 35. Бусти; 36. Мошак; 37-39. Могильники Гиссарской долины (Зришар, Тандаркул, Кумсай); 40. Горные поселения (Дихан, Тегузак, Кануртут, Баран Курук); 41. Стоянка в союзе Киров; 42. Могильники Бешенгской долины (Бешенг I-III, Риний Тулкар, Риний Арукту); 43-44. Могильники Вахшской культуры (Вахш I, Тигрова Бада, Обкул, Джорук, Амударьинский, Маюшвар); 45. Шоругтай; 46. Тулукан; 47. Могильник Караленур; 48. Скальный навес Курте; 49. Скальный навес Машик; 50. Могильник Джулушигач (Ююб); 51. Торикте; 52. Шасте; 53. Тезе Гиссар.

Эта периодизация использовалась в течение нескольких десятилетий, хотя она неоднократно подвергалась справедливой критике со стороны других исследователей памятников Южной Туркмении.

Новый цикл исследований этих памятников был открыт раскопками Б.А. Ливинского на Иранском рубеже в 1949-1950 гг. Впервые было осуществлено исследование поздних слоев памятника на современном уровне²⁶.

Специальные исследования для создания хронологической шкалы были проведены в подгорной полосе Копетдага в 1952 г. Б.А. Куфтиным. Основные стратиграфические шурфы были заложены на крупнейшем поселении региона Намазадепе, где толщина культурных напластований достигает 34 м. В результате этих работ Б.А. Куфтиным было выделено шесть последовательных комплексов, получивших соответственно название (снизу вверх) от Намазга I до Намазга VI²⁷. Их чередование отражает сменяющие друг друга периоды энеолита и бронзового века. Анау IA и Намазга I относятся к раннему энеолиту, Намазга II – к среднему и Намазга III – к позднему энеолиту. Комплексы Намазга IV, V и VI – это соответственно ранняя, средняя (или развитая) и поздняя бронза.

В 1956 г. В.М. Массон предложил абсолютные даты этих комплексов на основании сопоставления их с материалами соседнего Ирана: Джейтуни (энеолит) и Анау IA – V тыс. до н.э., Намазга I и II – IV тыс. до н.э., Намазга III и IV – III тыс. до н.э., Намазга V – первая половина II тыс. до н.э., Намазга VI – вторая половина II тыс. до н.э.²⁸ Эта хронология долгое время традиционно использовалась в советской археологии. В последнее время, на основании новых открытий, а также согласно результатам методов некоторых точных наук, используемых для определения возраста памятников, в эти даты внесены некоторые коррективы. Эпоха энеолита датирована концом V – началом III тыс. до н.э. (ранний энеолит – конец V тыс. до н.э., средний – от 4000 до 3250 г. до н.э., поздний – от 3250 до 2750 г. до н.э.). Слов времени Намазга IV и V наиболее хорошо изучены на одном из крупнейших поселений подгорной равнины Копетдага – Алтындепе. Для периода ранней бронзы на этом памятнике предложены даты 2700-2100 или 2900-2200 гг. до н.э., период развитой бронзы отнесен к 2300-1850 гг. до н.э. Эпоха поздней бронзы (Намазга VI) наиболее хорошо изучена в соседнем бактрийско-маргианском регионе, о чем речь пойдет ниже. Памятники подгорной равнины Копетдага этой эпохи датируются XVI-X или XVI-XI вв. до н.э. Имеются и другие хронологические колонки, как удревляющие, так и омолаживающие абсолютный возраст отдельных периодов энеолита и бронзового века²⁹.

Энеолит юга Туркмении

На юге Туркмении производящая экономика сложилась еще в эпоху неолитической джейтунской культуры. Появление самого раннего энеолитического комплекса Анау IA связывается с расселением на подгорной равнине Копетдага группы племен, пришедших с территории Северного и Центрального Ирана³⁰. Новшествами, появившимися в этот период на юге Туркмении, были медь, сырцовый кирпич, четкая планировка поселений, использование в качестве отошителя при изготовлении глиняных сосудов песка, новые мотивы орнамента керамики, ткачество. На каком-то этапе пришельцы сосуществовали с местным позднеэнеолитическим населением, однако, по-видимому, не имели численного превосходства над ними, и вскоре произошла взаимная ассимиляция их культур. Результатом такого смешения явились комплексы типа Намазга I, в которых наряду с новыми культурными компонентами

присутствуют и более древние, традиционно местные (бессистемная застройка поселений, джейтунские приемы в технологии изготовления посуды). В дальнейшем культура древнеземледельческих племен юга Туркменистана развивалась на местной основе, не исключая на некоторых этапах инфильтрации небольших групп населения с соседних территорий.

Основой производящей экономики этого региона всегда было оседлое орошаемое земледелие, высокого уровня развития достигало и скотоводство. Техника ирригации постепенно усложнялась. В эпоху неолита и раннего энеолита применялся лишь одноразовый полив посевов в периоды паводков с помощью устройства простейших перегораживающих и отводящих сооружений, а также обвалования предназначенных под посевы земель. В период Намазга II-III появляются несложные оросительные системы, создаваемые жителями отдельных поселков и позволяющие осуществлять уже многоуровневый полив засеваемых участков. В это же время строятся искусственные водосемы. Основными сельскохозяйственными культурами были двухрядный ячмень и мягкая пшеница³¹. Среди костей домашних животных, найденных на поселениях, преобладают кости крупного и мелкого рогатого скота, встречаются кости свиньи и верблюда. Скотоводство, вероятно, развивалось как отгонное, поэтому в составе стад наблюдается постоянный рост поголовья овец³².

Культура энеолитических племен юга Туркмении получила название анауской, согласно наименованию памятника, с которого, как указывалось, началось исследование данного региона. Уже в эпоху раннего энеолита племена этой культуры осваивают значительную территорию в подгорной полосе Копетдага. В период Намазга I отдельный оазис с главным поселением Геокюр I формируется в низовьях реки Телжен. С одной стороны, расположение и существование поселений находилось в прямой зависимости от режима водных источников, используемых для орошения полей. Наиболее благоприятным оказалось расположение поселков, с самого начала основанных ближе к предгорьям. Дельты ручьев со временем исчезали в зоне песков, и жизнь здесь становилась невозможной. С другой стороны, усложнение ирригационных систем и необходимость регулирования производственных циклов внутри таких систем требовали высокой концентрации населения, что быстро привело к возникновению в отдельных оазисах достаточно крупных центров и подчиненных им мелких поселков³³.

Крупнейшими поселениями подгорной равнины Копетдага были Намазгадапе (свыше 50 га) и Алтындепе (26 га). Вероятно, в своих основных параметрах они сложились уже в период позднего энеолита³⁴. Крупными центрами были также Улугдепе (20 га), Карадепе (15 га), Геокюр (12 га) и ряд других. В конце энеолита часть поселений прекращает свое существование, что было обусловлено как экологическими причинами, так и продолжающимся ростом отдельных крупных центров.

В эпоху энеолита на юге Туркмении прослеживается четкая эволюция в застройке поселений – от хаотически расположенных, преимущественно однокомнатных домов до четких кварталов, ограниченных улицами и объединяющих многокомнатные дома, иногда с центральной площадью в центре поселения³⁵, с периода среднего энеолита известны примитивные оборонительные сооружения³⁶. Своеобразными центрами большесемейных общин были святилища со специальными очагами – жертвенниками прямоугольной или круглой формы, иногда с окрашенными интерьерами³⁷. В период позднего энеолита на некоторых поселениях, возможно, формируются и централизованные культовые центры.

*Энеолитические комплексы Южной Туркмении.
Керамика, каменные амулеты и терракотовые фигурки.*

Для анауских племен был характерен обычай погребения умерших в пределах своего поселка. В эпоху раннего и среднего энеолита практиковались одиночные захоронения, а на позднем этапе наряду с ними появилась традиция коллективных погребений в специальных гробницах – толосах³⁸.

В эпоху энеолита анауская культура входила в сферу древневосточных культур расписной керамики. Вся посуда изготавливалась вручную и украшалась геометрическим орнаментом, реже – изображениями животных (коз-

лов, барсов) или стилизованными фигурами людей. Для разных групп памятников были характерны своеобразные стили росписи.

Широко распространенной категорией находок являются терракотовые фигурки. Чаще всего они изображают женщину – покровительницу плодородия, богиню. На протяжении эпохи энеолита менялся: в начале она изображалась в стоячей, а затем – в сидячей позе, изменились и отдельные детали фигурок. В конце среднего энеолита появились и сравнительно редкие изображения мужчин³⁹. Встречаются также терракотовые фигурки животных, чаще всего быков. В Карадепе найдена мраморная статуэтка этого особо почитаемого животного. В эпоху позднего энеолита известны каменные амулеты с геометрическими орнаментами.

Медные изделия на энеолитических памятниках редки. Это преимущественно двулезвийные ножи, шилья-проколки, булавки; на позднем этапе найдены круглые зеркала.

Вероятно, в эпоху энеолита уже существовал достаточно развитый механизм торгового обмена. Появление металлургии меди вызвало необходимость получения сырья, так как на территории Туркмении нет собственных источников руды. Скорее всего медь поступала сюда из соседних районов Ирана, что стимулировало регулярность племенных взаимоотношений. Связи, прямые или опосредованные, существовали и с другими регионами: Месопотамией, Эламом и областями, лежащими к югу от Гиндукуша – Южным Ираном, Южным Афганистаном, Северным Белуджистаном.

Ранняя и развитая бронза

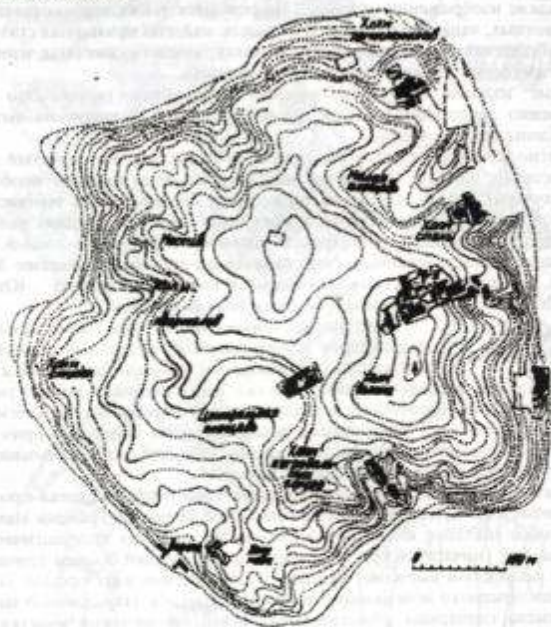
Наступление бронзового века характеризуется дальнейшим прогрессивным развитием экономики: земледелия, скотоводства, ремесел. Развиваются процессы социальной дифференциации общества. Вероятно, уже в период ранней бронзы произошло обособление металлургического производства, о чем свидетельствует, например, обнаружение медеплавильных печей многообразного использования, большого количества каменных орудий для измельчения руды и молотков дляковки металлических изделий⁴⁰.

Начавшийся процесс обособления керамического производства проявляется в унификации орнаментальных композиций на посуде времени Намазга IV. Огромное значение имело появление такого важного технологического новшества, как гончарный круг. К концу периода ранней бронзы гончарная керамика полностью вытесняет лепную. Одновременно идет процесс сокращения и постепенного исчезновения расписных сосудов. Параллельно наблюдается замена гончарных обжигательных печей одноярусной конструкции мощными и значительно более производительными двухъярусными горнами. В период расцвета ремесленного керамического производства, в эпоху развитой и поздней бронзы, керамика подгорной равнины Конетдага изготавливается на круге и не имеет росписи. На поселениях наблюдается обособление мест обитания и деятельности ремесленников – профессионалов⁴¹.

Об определенных изменениях в духовной сфере общества свидетельствует выработка к периоду развитой бронзы нового иконографического образа женского божества (или нескольких божеств). Это плоские сидящие статуэтки с расставленными в стороны руками, часто в короне или с тремя косами. Мужские фигурки редки.

Характерной чертой комплексов ранней и развитой бронзы является широкое распространение печатей. Ранние экземпляры изготавливались из камня и глины, в период Намазга V преобладают печати из бронзы или низкока-

чественного серебра. Каменные и глиняные печати имеют круглую, квадратную или прямоугольную форму и геометрический орнамент. Металлические экземпляры комплекса Намазга V сделаны в виде геометрической фигуры (наиболее часто креста) или своими очертаниями повторяют форму какого-нибудь животного, нередко фантастического. Печати могли употребляться для опечатывания различных групп вещей, находившихся в общем или семейном владении¹².

Алтындапе. План поселения и реконструкция культового комплекса

Возникновение ранних городов

PDF-Собрание книг

В период расцвета культуры земледельцев Южной Туркмении здесь, как и в предыдущую эпоху, сосуществуют мелкие и крупные поселения, однако меняется структура их центров. При прогрессивном развитии хозяйства, обособлении ремесел, сосредоточении большого количества населения и усиливающейся социальной дифференциации они начинают играть в окружающей их сельскохозяйственной округе ведущую экономическую, административно-политическую и идеологическую роль. В развитии культуры оседло-земледельческих племен начинается стадия урбанизации. Все экономические предпосылки для этого процесса были созданы уже в период Намазга IV. Общество юга Туркменистана стояло на пороге формирования классовых отношений и становления протогородской или раннегородской цивилизации⁴³.

Возникновение раннего города наиболее хорошо изучено на примере Алтындепе. Уже в период ранней бронзы некоторые его участки были обнесены мощными обводными стенами. К концу этого периода в южной части поселения были воздвигнуты монументальные ворота. Въезд был парадно украшен двумя башнями-пилонами, декорированными ритмично повторяющимися участками пилястры. В период ранней бронзы на поселении начали выделяться участки специального назначения.

Сословно-престижное членение территории Алтындепе завершилось в эпоху Намазга V. Здесь сформировались квартал знати, участки рядовой застройки, квартал ремесленников, выделился централизованный культовый центр. Скученные постройки рядовых горожан, и в особенности в квартале ремесленников, резко отличаются от просторных домовладений знати. Различный социальный статус жителей Алтындепе нашел отражение и в уровне материальной культуры, и в составе погребальных приношений.

Культовый комплекс расположен в восточной части Алтындепе и включает в себя монументальную постройку в виде четырехступенчатого башнеобразного сооружения, прислоненного к склону, жилые и хозяйственные постройки, а также погребальный ансамбль, состоявший из анфилады комнат и функционировавший лишь на самом раннем этапе существования комплекса. Погребальный ритуал был очень сложным и заключался в последовательном перемещении человеческих останков из одной комнаты в другую, причем уже в сильно разложившемся виде. Отдельные черепа были размещены в стеновых нишах. Особую комнату в усыпальнице занимало святилище.

Предлагая реконструкцию башнеобразного сооружения Алтындепе, Б.М.Массон связывает его с зиккуратами древней Месопотамии и считает, что здесь существовал храм, посвященный богу Луны.

Такая интерпретация, однако, вызвала ряд возражений⁴⁴. Так называемые "постройки на террасах", аналогичные ступенчатому сооружению Алтындепе, известны в других регионах Центральной Азии, например в Тюренгтепе в Северном Иране⁴⁵ и Музидгаке в Южном Афганистане⁴⁶, однако вопрос об их назначении пока остается открытым.

Рассматривая типологическое разнообразие раннегородских центров, В.М.Массон считает, что Алтындепе, прежде всего, выполняла функции центра сельскохозяйственной округи, ремесла, а также идеологического лидера. В меньшей степени прослеживаются функции торгового центра, хотя здесь найдены импортные предметы, в частности, связанные с харапской культурой. Менее всего проявляется военно-административная роль Алтындепе как раннего города. Об этом свидетельствует слабое развитие фортификации,

пока не найдены здесь ни дворцы, ни царские гробницы. По мнению В.М.Массона, это была цивилизация, завершающая период формирования.

Поздняя бронза В конце эпохи развитой бронзы наблюдается упадок крупных центров Южной Туркмении. Приходит в запустение Алтындепе. Площадь Намаздапе сокращается до 2 га. Жизнь продолжается лишь на нескольких мелких поселениях: Теккемдепе, Елькендепе, Улуддепе, южном холме Анау. Все они в эпоху Намазга VI занимают площадь не более 1-2 га. Ко времени поздней бронзы относятся также могильник у селения Янгикала⁴⁷.

О причинах упадка и запустения крупных поселений подгорной равнины Копетдага высказано несколько гипотез. Следует отметить, что аналогичный кризис охватил в это время не только юг Туркмении, но и многие центры Ирана, такие, как Гиссар, Шахтепе, Тюренгтепе, Шахри Сохта, Яхья, Бампур, а также поселение Муңдигак в Южном Афганистане и крупнейшие города древнеиндийской цивилизации Харалпу и Мохенджодаро. Долгое время существовало мнение, что земледельческие культуры погибли в результате вторжения с севера арийских племен, отождествляемых с носителями степных культур. Однако археологическими исследованиями установлено, что упадок этих центров начался задолго до прихода ариев, а запустение поселений происходило постепенно, что хорошо прослежено, например, на Алтындепе и некоторых памятниках соседних регионов. Для рубежа III-II тыс. до н.э. имеются данные о наступлении засушливого ксеротермического периода. В эпоху развитой бронзы культура земледельцев подгорной полосы Копетдага достигла наивысшего расцвета, очевидно, сопровождавшегося и максимальным ростом населения. Сокращение водного дебита, а также, вероятно, естественное истощение почв в результате длительной их эксплуатации привели к экономическому и социальному кризису, вызвавшему упадок крупных центров и миграции населения в поисках новых земель⁴⁸. Аналогичные процессы отмечены и на Иранском плато, и в древней Индии⁴⁹. Кризис, охвативший столь обширную зону цивилизаций, изменил и политическую ситуацию на Древнем Востоке, вызвав запустение одних центров и формирование новых культур и целых регионов.

БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

Распространение памятников Сокращение поселений в подгорной полосе Южной Туркмении по времени совпало с появлением высокоразвитой культуры в дельте реки Мургаб (будущая Маргиана) и по среднему течению Амударьи (западная часть будущей Бактрии). В настоящее время здесь известно свыше 200 памятников бронзового века⁵⁰.

Большинство поселений расположено вдоль всеорообразно расходящихся водотоков речных дельт, где были наиболее плодородные гумусированные почвы и имелись наиболее благоприятные возможности для развития высокопродуктивного ирригационного земледелия и скотоводства. Поселения располагались группами, образующими отдельные оазисы, вероятно, базировавшиеся на общих источниках водопользования.

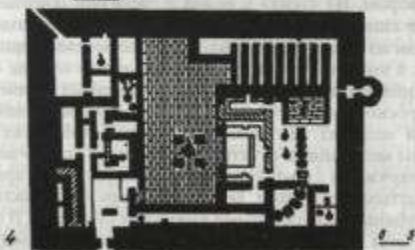
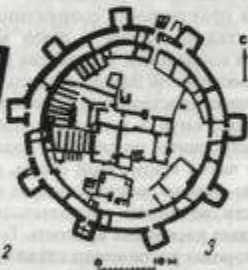
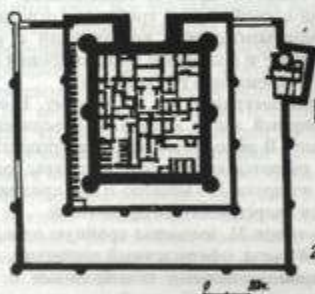
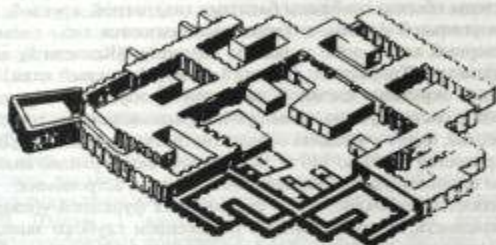
Поселения имеют разные размеры. Самые маленькие из них едва достигают нескольких десятков гектара, а самые крупные занимают площадь в 50 га и более, однако последние единичны (Гонур в Маргиане, Джаркутан в Бак-

трии). Обычно крупные поселения имеют размеры в 8-12 га. Наиболее многочисленные поселения имеют площадь до 5 га. Крупные поселения являлись центрами отдельных оазисов.

Поселения и архитектура

Поселения Маргианы и Бактрии делятся на два основных типа: неукрепленные и поселения с крепостями.

Неукрепленные поселения застраивались многокомнатными домами с помещениями жилого и хозяйственного назначения, разделенными небольшими улицами или группирующимися вокруг дворов. Они принадлежали рядовым сельским общинникам.

Монументальная архитектура Бактрии и Маргианы: 1 – Дашлыз-3, дворец (реконструкция); 2 – Тоголок-21; 3 – Дашлыз-3, храм; 4 – Джаркутан, храм

Крепости представляют собой тип монументальной архитектуры, неизвестной в подгорной полосе Копетдага, и являются отличительной чертой бактрийско-маргианского зодчества. Их ограждающие системы построены по единому плану с соблюдением законов симметрии, чаще всего имеют вид квадрата (Келлели 3, Гонур 1, северный холм и др. в Маргиане; Сапаллитена, Дашлы 3 в Бактрии), реже – прямоугольника (Тоголок 21 в Маргиане, Дашлы 1 в Бактрии) или круга (Дашлы 3).

Четырехугольные крепости ориентированы по сторонам света, обычно – сторонами, в одном случае – углами (Дашлы 3). Характерными канонами планировки являются вписанные друг в друга ограды и системы обводных коридоров. Крепостные стены обычно снабжены башнями квадратной, круглой, полукруглой или прямоугольной формы, которые располагаются либо только по углам (Гонур 1, северный холм), либо только по периметру (Келлели 3), либо и по углам, и по периметру (Тоголок 21; Дашлы 1; Гонур 1, южный холм). Крепость Сапаллитена окружена сложной системой Т-образных коридоров. Сходную планировку, состоящую из симметрично расположенных коридоров Т- и Г-образной формы, имеет и внешняя ограда квадратной крепости в Дашлы 3. Длина сторон крепостей от 80 до 140 м. Возведение таких грандиозных сооружений требовало высокого уровня знаний в математике и астрономии.

Появление крепостей, вероятно, было связано с их функцией убежища в случае военной опасности, а также являлось отражением глубоко зашедших процессов социального расслоения в обществе древних земледельцев. Отмечена особая практичность сооружений с двойными и тройными оградами⁵¹. Высказаны также мнения о связи монументальных конструкций с индоевропейской концепцией устройства мира⁵² и о сходстве их планировки с мифической авестийской Варой, обителью эпического героя Инмы⁵³.

Внутреннее пространство крепостей застраивается по-разному. В северной крепости Гонур 1 вскрыты обширный зал и анфилады объединенных комнат, построенных по единому плану. В обводном коридоре крепости, на внутренней части крепостной стены, имеются квадратные пилястры, расположенные на равном расстоянии друг от друга. По мнению В.И.Сарианиди, в этой крепости, возможно, располагался дворец местных правителей.

Полностью раскопана крепость Тоголок 21, имеющая тройную ограду. С северной стороны расположен главный въезд, оформленный пилонами. Центральное пространство застроено прямоугольными помещениями с центральным двором. На стенах и полах помещений северной половины сохранилась белая гипсовая обмазка. Южная часть имела подсобное назначение. Здесь, в одном из помещений, вдоль стен расчищены кирпичные ступенчатые возвышения, в которые прочно вкопаны большие сосуды – хумы. В результате исследования органических остатков, найденных на дне хумов, были обнаружены микроскопические частички веточек эфедры – растения, содержащего алкалоидный экстракт. На некоторых других предметах (терках, пестиках) были найдены мельчайшие остатки зерен мака. В северо-восточной части крепости, в ее наружной стене, устроены два круглых алтаря. Меньший из них заполнен толстым слоем золы. Большой алтарь представляет собой яму трехметровой глубины с обложенными кирпичом стенками. В функционировании алтаря отмечены три периода, в каждом из которых ведущую роль играло возжигание огня. В нижней части алтаря, над слоем золы, обнаружена кирпичная стена, образующая в плане крест. В межстенные промежутки вкопано по пять хумов вверх дном. На основании сделанных открытий

В.И.Сарианиди предполагает, что крепость Тоголок 21 являлась храмом, связанным с приготовлением и употреблением священного опьяняющего напитка типа хаомы, или сомы, известного по древнейшим письменным источникам индоиранских племен "Авесте" и "Ригведе", а также с культом огня.

Внутри крепости Сапаллитена расположены восемь жилых домов – кварталов, разделенных узкими улицами. Центральное пространство не застроено. К нему ведет широкая магистральная улица, начинающаяся у входа в крепость с южной стороны. Жилые массивы Сапаллитена представляют собой рядовые домостроения с придомовыми и приквартальными производственными мастерскими. По мнению А.А.Аскарова, здесь обитали восемь больших семей, объединившихся в единую общину и связанных друг с другом преимущественно по экономической, а не по родовой линии, что представляло собой прототип сельской общины.

Квадратная крепость в Дашлы 3 интерпретирована В.И.Сарианиди как дворец, а круглая – как храм огня. Круглое здание являлось центральным ядром более крупного комплекса, в плане представляющего квадрат с вписанными в него тремя кругами: центральное здание опоясано еще двумя рядами стен, располагающимися кольцами вокруг него, а снаружи весь этот комплекс заключен в квадратную ограду с длиной сторон в 130-150 м. Межстенные пространства густо застроены помещениями бытового назначения.

В Дашлы 1 вдоль оборонительной стены вскрыта серия узких коридорообразных помещений, в которых было найдено большое количество глиняных ядер. Все эти помещения погибли от пожара. Вероятно, они имели оборонительное назначение. К ним пристроен сплошной массив жилых и хозяйственных помещений. Близкую планировку имела и крепость Лучин I в Маргиане. В.И.Сарианиди считает, что в таких укрепленных помещениях жили семьи, выделившиеся в системе местного общества.

На небольшом поселении Келлели 3 в северной части дельты Мургаба вскрыт крупный квадратный дом (длина сторон по 29,5 м), своей планировкой чрезвычайно напоминающий крепость. Крепости не строились изолированно, к ним примыкала неукрепленная часть поселения.

Крупнейшее поселение Северной Бактрии – Джаркутан (Шерабадский оазис Южного Узбекистана) – состоит из крепости и нескольких рассредоточенных холмов, разделенных ложбинами и оврагами. Различные участки его территории обживались в разное время⁵⁴. На Джаркутане вскрыты жилые массивы, состоящие из отдельно расположенных домов. Раскопки одного из больших домов показали, что он был устроен на высокой кирпичной платформе. На одном из холмов поселения вскрыт монументальный общественно-культурный комплекс – храм огня. Он имеет прямоугольную форму (60x44,5 м) и обнесен мощными стенами толщиной в 4,5 м. Храм разделен на две части – культовую и хозяйственно-производственную. Главный алтарь располагался на кирпичной платформе площадью в 400 кв.м (сохранившаяся высота 1,4 м). Напротив алтаря находилось хранилище священной золы. Культовая часть также включала двор и отгороженные от него стеной несколько узких коридорообразных помещений, которые являлись сокровищницей храма. В хозяйственной части располагались винодельня, металлургическая мастерская и мастерская по изготовлению статуэток, использовавшихся в погребальных обрядах. Изолированное положение занимал хозяйственный двор в северной части храмового хозяйства: возможно, здесь содержались жертвенные животные.

В целом Маргиана и Бактрия в эпоху бронзы представляли собой густонаселенную страну. Расположение и характер поселений отражают высокий уровень социального развития земледельцев, свидетельствуют о бурном про-

цессе урбанизации, появлении административно-идеологических центров и монументальной архитектуры, обособлении ремесел. По-видимому, на этой обширной территории обитали союзы оседлоземледельческих племен, а оазисы при этом развивались по пути создания такой политической единицы, как город-государство или подобное объединение.

Погребальный обряд

Для бактрийско-маргианских племен был характерен обычай погребения умерших как в пределах поселков, так и в обособленных могильниках. Преобладающим способом захоронения было скорченное, на боку, трупоположение. Умершего укладывали как бы в позу спящего человека с согнутыми руками и ногами. Большинство погребений одиночные, но встречаются и парные, одновременные и одновременные. Умерших снабжали разнообразными погребальными дарами в виде сосудов (возможно, с пищей и питьем) и различных предметов, которыми они пользовались в быту. Иногда в качестве заупокойной пищи клали часть туши барана. По составу инвентаря выделяются богатые и бедные захоронения. Некоторые богатые могилы содержали около 40 различных предметов.

Иногда в могилах находится только инвентарь, а скелет отсутствует. Такие сооружения принято называть кенотафами (по-гречески "пустые могилы"). Обычно считается, что кенотафы устраивались в честь умерших на стороне сородичей, чьи тела по каким-то причинам не могли быть доставлены домой. Иногда, возможно, такие ямы с приношениями были связаны с поминальными культом. В Бактрии известно несколько ритуальных захоронений молодых баранов, которые так же, как и люди, положены в могилу скорчено, на боку, в сопровождении богатого инвентаря. Возможно, что бараны в данном случае заменили отсутствующий труп человека. Иногда в кенотаф вместо умершего помещали человеческую фигуру из необожженной глины.

Джаркутан. Погребение культуры Сапалли

Жители Маргианы чаще всего хоронили своих умерших в грунтовых ямах или миниатюрных гробницах прямоугольной формы, стенки которых обкладывались сырцовым кирпичом. Для Бактрии характерен высокий процент могил пирамидальной формы, когда покойников помещали в специальную камеру-нишу, вырытую в боковой стене входной ямы. Вход в такую нишу закрывался кирпичами.

В Сапалитпепа могильник располагался непосредственно в пределах крепости. Захоронения совершались под полами жилищ в период их функционирования, параллельно формировались приквартальные могильники в обводных коридорах, а на последнем этапе появились погребения в руинах заброшенных домов.

Захоронения на заброшенных участках поселения вскрыты в Гонуре, Тоголоке 1, Тоголоке 21, Аучине, Тахирбае 3 в Маргиане, Дашлы 3 в Бактрии. Однако основные могильники устраивались вне поселков, вблизи от них. Частично сохранившиеся захоронения расчищены, например, в Дашлы 3 и Тоголоке 24. Крупный могильник открыт около столичного центра древней Маргианы – Гонур 1. Огромные территории занимают могильники, расположенные на естественных холмах в предгорной зоне. Наиболее широкие работы проведены в Северной Бактрии, на Джаркутане, общая площадь которого свыше 20 га. Крупные могильники расположены также на холмах вблизи поселения Бустан в том же Шерабадском оазисе Южного Узбекистана. Раскопана часть могильника Молали в Шурчинском оазисе. В сходных географических условиях (предгорный рельеф) открыт могильник вблизи селения Тахта-Базар на среднем течении Мургаба, в Юго-Восточной Туркмении, недалеко от границы с Афганистаном.

Огромное количество захоронений бронзового века уничтожено на севере Афганистана грабительскими раскопками могильников, в результате чего тысячи высокохудожественных произведений бактрийских ремесленников попали в антикварные лавки Кабула и других городов и разошлись по всему свету. Только благодаря усилиям некоторых ученых удалось исследовать часть этих предметов. Они были сопоставлены с материалами научно раскопанных памятников Бактрии и заняли достойное место в историческом прошлом этого региона⁴⁵.

Материальная

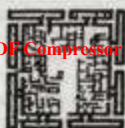
культура

На поселениях и в могильниках Маргианы и Бактрии найдено большое количество разнообразных изделий из металла, камня, глины. Это орудия труда, оружие, украшения, сосуды, культовые предметы.

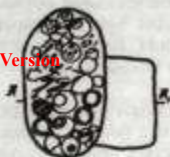
Керамика изготавливалась на гончарном круге и обжигалась в печах двухъярусной конструкции. Вручную лепили лишь сосуды для приготовления пищи, так как для них требовался специальный состав глиняного теста. Для хозяйственных целей использовались большие хумы, хумча, тагора, целдики. Наиболее разнообразна и изящна столовая посуда: миски, чаши, кубки, вазы на ножках, чайники и т.д.

Керамическая традиция Маргианы и Бактрии на начальном этапе наиболее близка южнотуркменистанской конца периода Намазга V. В дальнейшем здесь появляются новые формы сосудов, позволяющие проследить их развитие на протяжении длительного хронологического периода.

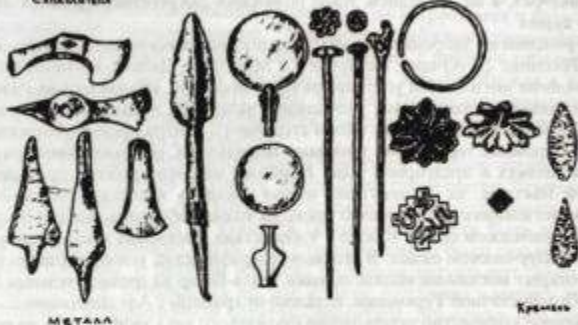
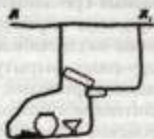
Изделия из меди свидетельствуют о подлинном расцвете металлургического производства. Они представлены топорами, кинжалами, наконечниками стрел и копий, серпами, ножами, сосудами, шильями, пробойниками, зеркалами, булавками, браслетами и т.д.

План крепости
Сапалитена

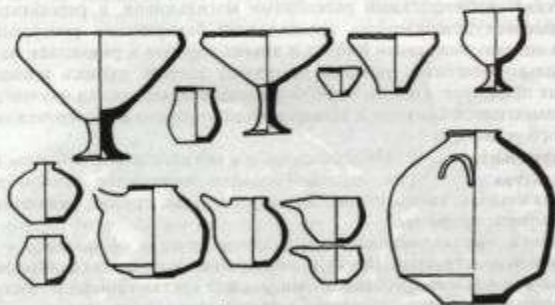

Погребения

МЕТАЛЛ

Кремни

Керамика

Археологический комплекс Сапалитена

Среди этих предметов есть настоящие произведения искусства. Например, ручки некоторых зеркал изготовлены в виде подбоченившейся человеческой фигурки, вероятнее всего, женской. Уникальна коллекция ритуальных топоров с фигурным обухом. На головках булавок изображались силуэты животных, людей, а также розетки, кресты, спирали и т.д. Подлинными шедеврами торевтики являются золотые и серебряные сосуды (их около 20), найденные крестьянами в местечке Фуллол на северо-востоке Афганистана. Они богато

декорированы геометрическими и натуралистическими изображениями, среди которых ступенчатые пирамиды и пилообразные линии; змеи с поднятыми вверх головами; кабан, стоящий перед "деревом жизни", процессия быков и т.д. Находки в долине Инда из Фуллола, хотя не исключено, что эти предметы являлись погребальным инвентарем бактрийской знати⁵⁶.

В Дашлы 3 вскрыты печи для выплавки металла. Здесь же были найдены глиняный ковш-тигель для разливания жидкого металла и глиняная форма для отливки топора-тесла. Как показали специальные исследования, бактрийско-маргианские литейщики, по-видимому, получали основное количество металла из источников, располагавшихся на территории Ирана и Афганистана. Лишь на поздних этапах существования оседлоземледельческой культуры Северной Бактрии отмечено возрастание роли северных источников, располагавшихся в степной зоне⁵⁷.

Бактрия и Маргиана в эпоху бронзы являлись частью большой металлургической провинции, включавшей также Южную Туркмению и Северо-Восточный Иран. Об этом свидетельствуют не только характер рудных источников, но и сами типы металлических изделий. Отмечены и влияния традиций более отдаленных регионов, вплоть до Месопотамии, Элама, Луристана и долины Инда.

Каменные изделия Маргианы и Бактрии также отражают высокий уровень ремесленного производства. Они выполнены из стеатита, хлорита, серпантина, мрамора, известняка и других пород камня. Для изготовления бус использовались лазурит, сердолик, бирюза, опока и т.д. Среди каменных изделий много разнообразных сосудов. Некоторые из них украшены орнаментом в виде заштрихованных треугольников, кружков с точкой посередине, а также растительными и зооморфными мотивами. Встречаются изображения змей и драконов. Большую коллекцию составляют предметы ритуального назначения, среди которых выделяются миниатюрные колонки. Например, только в Тоголоке 21 их найдено свыше 30 экземпляров. Из разграбленных могильников Южной Бактрии происходят уникальные составные женские статуэтки (они выполнены из двух пород камня) в платье, близко напоминающем зламскую моду.

Отличительной особенностью материальной культуры бактрийско-маргианского комплекса являются своеобразные печати и амулеты с богатыми сюжетами мифологического и религиозного содержания. Печати делятся на три основные группы: 1) металлические, среди которых преобладают ажурные; 2) каменные, цилиндрические, и 3) наиболее многочисленные каменные печати-амулеты четырехугольной или круглой формы с двусторонними изображениями. Часть печатей выполнена в геометрическом стиле и содержат в основном мотивы крестов и розеток разной формы. На сюжетных сценах и композициях изображены антропоморфные и зооморфные персонажи, среди которых встречаются как реальные, так и фантастические существа. Некоторые из персонажей, вероятно, являлись божествами. Многие сцены отражают борьбу доброго и злого начал, встречаются изображения культовых церемоний или празднеств. Сюжеты печатей бактрийско-маргианского типа перекликаются с мифологией месопотамно-зламского и сиро-леттского мира, однако эти сюжеты переосмыслены в местной среде и свидетельствуют о формировании в Бактрии и Маргиане собственного пантеона божеств и духов⁵⁸.

Широкое распространение печатей и амулетов отражает смену культов и верований у земледельческого населения Средней Азии по сравнению с преды-

душей злохой. Лишь в некоторых оазисах Маргианы найдены терракотовые женские статузки, выполненные в той же манере, что и в период Намазга V.

Определенную роль в культовых церемониях также играли специальные ритуальные сосуды с налепленными на бортик скульптурными фигурками птиц, лошадей, быков (коров, баранов, горбчатых быков, двугорбых верблюдов и др.). На стенках таких сосудов налеплены фигурки змей и лягушек. В Тоголоке I найден целый экземпляр ритуального сосуда, внутрь которого были вложены пять маленьких сосудов. Возможно, они использовались в культовых церемониях, связанных с употреблением священного опяняющего напитка типа хаомы⁵⁹. Культовые сосуды другого типа — со сквозными отверстиями прямоугольной и треугольной формы по периметру в верхней и средней части стенок найдены в верхних слоях поселения Джаркутан. Они связываются с ритуалом возжигания огня⁶⁰.

Бактрия и Маргиана в эпоху бронзы представляли собой локальный центр высокоразвитой цивилизации древневосточного типа с самобытной культурой, искусством и религиозно-идеологической системой.

Хронология и внутренняя периодизация

По имеющимся сейчас материалам бактрийско-маргианского комплекса можно выделить три крупных периода в развитии его культуры. Ранние памятники наиболее известны в Маргиане, в Келделинском,

Гонурском и Тоголоковском оазисах. Келделинский оазис является самым северным в дельте Мургаба. Возможно, первые попытки его освоения были предприняты еще в эпоху позднего знеолита⁶¹.

К раннему периоду бактрийско-маргианского комплекса относится группа из шести компактно расположенных поселений Келделинского оазиса, северная крепость и примыкающие к ней постройки Гонура I и нижние горизонты северного холма Тоголока I.

Материалы, полученные здесь, позволяют хронологически сопоставить памятники раннего периода цивилизации Маргианы с комплексами позднего Намазга V, вероятно его самой последней фазы, т.е. отнести их к началу или первой четверти II тыс. до н.э. Архитектура раннемаргианских поселений (крепости и монументальные здания с четкой геометрической планировкой) принципиально отлична от южнотуркменистанской и характерна для бактрийско-маргианского комплекса и на следующем этапе развития его культуры.

В Бактрии наиболее ранняя керамика обнаружена в нижнем слое поселения Гирдайтепе, расположенного в самом западном Давлетабадском оазисе Северного Афганистана⁶².

Второй период связан с максимальным освоением территории Маргианы и Бактрии. К нему относится большинство исследованных сейчас памятников: южный холм Гонура, Аучиндеше, крепости Тоголок I и 21, Дашлы I и 3, Сапаллитепе и ранний слой Джаркутана. Это время наивысшего расцвета культуры, ремесел и искусства бактрийско-маргианского комплекса. Именно к этому периоду относятся большая часть печатей и амулетов, появляется много новых форм керамики. Этот период и в Маргиане, и в Бактрии делится на последовательные фазы. В Южном Узбекистане выделено две такие фазы: сапаллинская и джаркутанская. Последовательное развитие керамических комплексов прослеживается и на памятниках Маргианы. Появляются локальные различия между территориальными очагами культуры. В Маргиане в конце этого периода отмечено появление степных племен. Их керамика связана преимущественно с крошечными слоями поселений, однако в Тоголоке I

фрагменты стенных сосудов найдены непосредственно в культурном слое нескольких помещений. Они датируются второй четвертью II тыс. до н.э.⁶³

На юге Узбекистана материалы сапаллинского и джаркутанского этапов датированы 1700-1350 гг. до н.э.⁶⁴ Весь второй период бактрийско-маргианского комплекса может быть отнесен к 1800-1300 годам до н.э. В подгорной равнине Маргиана, аналогичная маргианской этого периода, происходит из могильника Янги-кала.

Материалы третьего периода наиболее хорошо изучены в Северной Бактрии. На их основе выделены три последовательных хронологических комплекса: кузалинский, молалинский и бустанский. Они датированы в целом от 1350 (или 1300) до 1000 (или 900) г. до н.э.⁶⁵ Сосуды, характерные для этого периода, встречаются и среди материалов из разграбленных могильников Южной Бактрии. В Маргиане самым поздним комплексом является Тахирбай 3, керамика которого наиболее соответствует бустанской фазе культуры Северной Бактрии. В третьем периоде на памятниках Маргианы и Бактрии прослеживается осязаемый компонент культур стенных племен⁶⁶. На поздних этапах древнебактрийской цивилизации наблюдается и внутреннее расселение племен: в среднем течении Сурхандарьи возникает Шурчинский оазис культуры Сапалли, в это же время начинается освоение племенами бронзового века территорий современного Южного Таджикистана.

Проблема происхождения бактрийско-маргианского комплекса

О происхождении бактрийско-маргианской цивилизации высказано несколько гипотез. Пока не обнаружено местных истоков этого комплекса, поэтому большинство исследователей связывает его генезис с миграционными процессами. По мнению В.М.Массона, появление самых ранних поселений в дельте Мургаба связано с экспансией урбанизированной культуры с подгорной равнины Копетдага на восток. Комплекс Келлели он считает вариантом археологической культуры Алтындаге, не отрицая появления впоследствии в Маргиане и Бактрии группы населения из Северо-Восточного Ирана, которые были быстро ассимилированы местными племенами⁶⁷.

И.С.Масимов и А.А.Аскарлов поддерживают точку зрения В.М.Массона о направлении миграционных процессов из подгорной равнины Копетдага в Маргиану, а затем в Бактрию.

В.И.Сарианиди считает, что наиболее характерные черты бактрийско-маргианского археологического комплекса имеют свои прототипы в Иране, а не в культуре Намазга V, хотя он и признает, что южнотуркменистанские племена положили начало освоению дельты Мургаба⁶⁸.

Исследуя различные группы бактрийских древностей, П.Амье пришел к заключению об особой роли Элама в создании оригинальной и эклектической культуры Бактрии. По его мнению, кочевая часть населения Элама (кочевники-ремесленники или "транс-эламиты") играла главную роль в организации торговли с отдельными районами, образовав своеобразную общность, которую П.Амье называет "Внешним Ираном". Эламиты были главными посредниками в торговом обмене и передаче культурных традиций между отдельными регионами. Так, по мнению П.Амье, может быть объяснено появление в искусстве и металлургии Бактрии черт, присущих древним эпохам Месопотамии и в особенности Элама.

В связи с этим П.Амье выдвигает гипотезу о возможности возникновения в Бактрии и Маргиане аристократии, близкой кочевникам-ремесленникам. Этой знати принадлежат изолированные крепости или замки⁶⁹.

Существует также точка зрения В.А.Алекшина об истоках культуры Сапалли, возникшей в степной зоне Средней Азии и последующей экспансии этой культуры в Маргиану и подгорную равнину Копетдага⁷⁰. Б.Н.Удеумурадовым высказана гипотеза и о местном происхождении комплексов эпохи бронзы.

Два последних мнения являются наименее убедительными. Гипотеза В.А.Алекшина основана лишь на данных погребального обряда (наличие катакомб и парных захоронений в культуре Сапалли) и не выдерживает критики, так как наиболее ранние памятники бактрийско-маргианского комплекса открыты в Маргиане, а не в Бактрии; катакомбы известны не только в европейских степях, но и на древнем Востоке⁷², а парные погребения, вероятно, являются свидетельством учреждения определенных норм семейных отношений, в частности малой парной семьи.

Выводы Б.Н.Удеумурадова построены преимущественно на основании находки нескольких неолитических черепков в Келлилинском оазисе. Эти находки очень незначительны, и к тому же от времени возникновения бактрийско-маргианского комплекса их отделяет целое тысячелетие.

Напротив, убедительной выглядит гипотеза о заселении Маргианы из подгорной равнины Копетдага, о чем свидетельствуют сокращение поселений в одном регионе и появление новых в другом, а также значительное сходство в материальной культуре, исключая крепостную архитектуру. Вопрос о генезисе крепостей является достаточно сложным. В.И.Сарианиди связывает их появление с влиянием архитектурных традиций Месопотамии и Ирана⁷³. По мнению В.М.Массона, тип квадратных крепостей Маргианы и Бактрии сложился под влиянием харашпской фортификации⁷⁴. А.П.Франкфор сравнивает их с укреплениями южноафганистанского поселения Муццгак⁷⁵. Однако совершенно очевидно, что каноны монументальной архитектуры Маргианы и Бактрии были выработаны в местной среде и явились достижением местной цивилизации, использовавшей и развившей культурные традиции ряда других регионов.

Участие южнотуркменстанских племен в формировании культуры бактрийско-маргианского комплекса бесспорно. Однако освоение столь обширной территории, особенно во второй четверти II тыс. до н.э., вряд ли было связано с миграцией населения только из одного региона, тем более что жизнь на подгорной равнине Копетдага не прекратилась, а продолжалась на целом ряде поселений и в эпоху Намазга VI.

В 1800-1600 гг. до н.э. приходят в запустение также и крупные центры Северо-Восточного Ирана. На протяжении тысячелетий племена этого региона развивались в тесном единстве с земледельцами юга Средней Азии. Материальная культура бактрийско-маргианского комплекса имеет много общих черт с комплексами Северо-Восточного Ирана. Они прослеживаются в металлургии, каменных изделиях, разных типах украшений и ритуальных предметов. Многие из этих изделий имеют длительный период существования. В Бактрии и Маргиане наблюдается дальнейший расцвет металлургии и искусства, гораздо больший, чем в самом Северо-Восточном Иране.

На юге Средней Азии существовала длительная традиция в изготовлении керамики светлых тонов, в то время как в Северо-Восточном Иране существовала мода на сероглиняную посуду (это зависело от специального обжига сосудов). На некоторых памятниках Бактрии и Маргианы найдены отдельные импортные сосуды иранских центров, но в целом керамическое производство бактрийско-маргианского комплекса продолжает местную, средизазиатскую тра-

дливо изготовления посуды. Однако при местной технологии генезис целого ряда самых форм сосудов, ранее отсутствующих в Южной Туркмении, можно уверенно связать именно с Северо-Восточным Ираном. Интересно, что в Сапаллитена найдена целая группа сероглиняной керамики, она характерна для раннего этапа культуры. Также, что североиранские племена принесли в керамическое производство Средней Азии такой широко распространенный на их посуде прием украшения поверхности, как лощение.

По всей вероятности, племена Северо-Восточного Ирана также приняли участие в формировании бактрийско-маргианского комплекса. Особое значение в этих процессах имел такой центр, как Тепе Гиссар, расположенный у южного подножия Эльбурса, вблизи Дамгана. Материальная культура верхних слоев этого памятника содержит многие предметы, имеющие широкое распространение в бактрийско-маргианском комплексе, например, большое количество миниатюрных колонок и каменных сосудов, навершия булав, сходные изделия художественной бронзы. Здесь же имели распространение и печати близкой формы и сюжетов, в том числе и цилиндрические⁷⁷. В то же время тут найдено очень мало женских статуэток. По мнению В.И.Сарианиди, Тепе Гиссар был узловым пунктом, через который проходила одна из волн широкомасштабной миграции племен, которая охватила Юго-Западную Азию в начале II тыс. до н.э. В это время на огромной территории, в оазисах Восточного Ирана, юга Средней Азии, Белуджистана и частично долины Инда возникают во многом сходные, а иногда и идентичные комплексы, истоки которых уходят на Запад, вероятно, вплоть до Малой Азии. Именно в это время получили распространение и были переработаны в местной среде многие сюжеты месопотамского и эламского искусства и мифологии. Вся Центральная Азия во II тыс. до н.э. была ареной массовых племенных миграций, вызванных глобальными политическими или палеоклиматическими причинами⁷⁸. Совершенно очевидно, что существовали и встречные, с востока на запад, передвижения отдельных племенных групп, в частности, хараппских племен. Следы их пребывания обнаружены очень далеко на севере, на берегах Амударьи (об этом см. ниже). Вследствие этого определенное влияние древнеиндийской цивилизации прослеживаются также в Маргиане и Бактрии. Во II тыс. до н.э. на обширной территории Центральной Азии проходили активные и сложные процессы этно- и культурогенеза.

Юго-Западная Туркмения

Юго-западные предгорья Копетдага в эпоху неолита и бронзы входили в зону распространения культур, характерных для Северо-Восточного Ирана. Здесь, в долине реки Сумбар, открыты могильники, содержащие разнообразные захоронения, что позволило на основе этих материалов создать хронологическую шкалу, отражающую непрерывность обживания этой территории от V до начала I тыс. до н.э.⁷⁹

Наиболее ранние материалы представлены в могильнике Пархай II, который возник в раннем неолите и существовал вплоть до начала эпохи поздней бронзы. Для могильника характерны коллективные захоронения в полуподземных склепах с деревянно-земляным перекрытием и боковым входом, который закрывали вертикальной каменной плитой. Наибольшее количество погребенных в одном склепе (до 100 человек) отмечено для конца ранней бронзы. Затем число погребенных в склепах сокращается до 6-7 человек, наблюдается все большее опускание склепа в землю, и в середине периода развитой бронзы появляются собственно катакомбы с одним-двумя погребенными. В

раннем энеолите посуда в могильнике Пархай II красноглиняная. В начале IV тыс. до н.э. здесь появляется, а в середине IV тыс. прочно утверждается керамика серого цвета, которая характерна для памятников Юго-Восточного Прикаспия в течение длительного периода.

PDF Compressor Free Version

Могильник Сумбар I, Сумбар II и Пархай I относится к эпохе поздней бронзы и выделены в особую сумбарскую культуру. Все погребения одиночные и совершены в могилах катакомбного типа. Они сопровождаются сероглиняной керамикой (60% сосудов – лепные), бронзовыми наконечниками стрел и дротиков, ковыми ножами, шильями, каменными наверхшими булав, предметами туалета и украшениями. И.Н.Хлопкин датирует сумбарскую культуру XIV-X вв. до н.э.

Харапское поселение на берегах Амударьи

В 1975 г. группой французских археологов под руководством Ж.-К.Гардена, проводившей разведки на равнине Ай-Ханум, расположенной в бассейне Амударьи, между Пянджем и Кокчой в Северо-Восточном Афганистане, в нескольких пунктах была найдена керамика харапской культуры, характерной для территории Индостана. Большинство находок сделано возле кишлака Шортугай, где и были проведены раскопки на двух, наиболее крупных, холмах поселения, общая площадь которых равняется приблизительно 2,5 га.

В истории существования Шортугая выделены две фазы – харапская и бактрийская⁹¹. Харапский слой обнаружен лишь в основании одного из исследованных холмов. Здесь открыты постройки из сырового кирпича; найдена типичная для древнеиндийской цивилизации керамика, в том числе с ренным декором, а также с росписью черной краской по красному фону; из этого слоя происходит печать с изображением носорога и знаками харапской письменности. Открыты следы металлургического производства (обработка меди, свинца, золота), а также ювелирного ремесла (обработка сердолика, лазурита и других камней). О высокой технике земледелия свидетельствуют остатки сложной ирригационной системы, обнаруженной в районе Шортугая: воду с помощью канала выводили из Кокчи и поднимали на террасу Амударьи на высоту 20-30 м, против ее течения⁹¹.

Во второй фазе развитие Шортугая проходило в системе культур древнебактрийского региона. Здесь складывается локальный вариант культуры, в котором господствуют бактрийские компоненты, но при сохранении некоторых предшествующих харапских традиций. Архитектура становится все более простой: здания строятся преимущественно из пахсы, а кирпичи употребляются лишь для некоторых отделочных работ. В керамическом производстве наблюдается исчезновение наиболее сложных форм и росписи на посуде; появляются новые типы сосудов, однако при сохранении многих предыдущих; в технологии отмечается широкое использование специальных подставок для формовки нижних частей крупных сосудов на круте, посыпанном песком (этот прием был широко распространен и в керамическом производстве бактрийско-маргианского комплекса), одновременно для "поднятия" сосудов продолжает употребляться способ обматывания тулова веревкой (этот прием типичен для харапской традиции). Среди каменных орудий наблюдается появление скребков на гальках, характерных для местной неолитической гиссарской культуры. По мнению А.П.Франкфора, они использовались для огранки камней. Среди обрабатываемых минералов исчезают камни дальнего происхождения. В верхних слоях поселения найдены материалы,

типичные для поздних фаз древнебактрийской цивилизации и вскрыты погребения с керамикой времени Молали.

По всей видимости, Шортугай первоначально возник как харалпская колония вблизи источников сырья (медь, лазурит, золото, серебро и др.), а конкретное место **PDF Compressor Free Version** учетом возможностей для ирригационного земледелия². На ранней фазе главной задачей харалпских поселенцев в Шортугае был сбыт продукции в свою метрополию. С падением харалпского могущества они переключились на среднесирийские рынки сбыта. Французские исследователи датируют Шортугай 2300-1800 или 2200-1700 гг. до н.э.

Материалы раннего Шортугай относятся к периоду развитой Харалпы. Датировка харалпской цивилизации в целом еще остается дискуссионной, однако в большинстве случаев ее расцвет связывается с 2300 (2200) – 1800 (1700) гг. до н.э. Бактрийские отложения на памятнике преобладают над харалпскими, а керамика верхних слоев в основном соответствует позднебактрийским комплексам. Вследствие этого представляется более вероятным, что харалпское поселение на берегу Амударьи возникло не в начале периода развитой Харалпы, а ближе к его концу, т.е. в первой четверти II тыс. до н.э. Нельзя также полностью исключить, что причины переселения группы харалпцев в Бактрию были обусловлены не только коммерческими соображениями, а явились составной частью тех процессов, которые вызвали массовые миграции племен в начале II тыс. до н.э. на значительной территории Центральной Азии. Как бы то ни было, харалпское население также приняло участие в этно- и культурогенезе в Средней Азии в эпоху бронзы. Влияния харалпской цивилизации прослеживаются в различных сферах материальной культуры древней Бактрии.

КУЛЬТУРЫ СТЕПНОЙ БРОНЗЫ

Древнеземледельческие цивилизации занимали лишь узкую полосу вдоль южных границ Средней Азии. Большая часть ее обширной территории принадлежала к совершенно иному миру культур. В то время, когда на юге Туркмении существовала протогородская цивилизация, в степных и горных районах Средней Азии еще бродили неолитические охотники и собиратели. Начало эпохи бронзы относится здесь ко II тыс. до н.э., однако лишь в немногих районах обнаружены памятники раннего этапа бронзового века. В большинстве случаев они датируются второй половиной II тыс. до н.э. и связываются с последовательными волнами расселения степных племен из более северных областей, с основной территории их обитания. В это время в обширной зоне евразийских степей, лежащих к северу от Средней Азии, жили племена двух основных культурно-исторических общностей – срубной на западе и андроновской на востоке. В хозяйстве большей части этих племен ведущую роль играло скотоводство, обеспечивающее значительную подвижность населения. Средняя Азия являлась южным ареалом степной зоны и была освоена несколько позже. Южная периферия степных культур отличалась значительным своеобразием и пестротой археологических комплексов. На развитие многих из них повлияли контакты с соседними древнеземледельческими цивилизациями. Поселения степных племен, в противоположность южным земледельческим, обычно не были долговременными: население часто меняло места своего обитания, что зависело от конкретных экологических

условий в данном регионе или от смены пастбищных угодий. Носители степных культур хоронили умерших на отдельно вынесенных могильниках, хотя и практиковали разные способы погребения. Отличительной особенностью культур степной бронзы является керамика. Она вся изготавливалась вручную. В нее вносили большое количество минеральных примесей. Обжиг сосудов, вероятно, производился на открытом костре. Большая часть сосудов украшалась орнаментом, выполненным гладким или зубчатым штампом, а также насечками и различными вдавлениями. Для разных групп племен были характерны свои излюбленные композиции и приемы орнаментации. Преобладающими мотивами были геометрические, а также различные зигзаги, "ёлочки" и т.д. Большинство среднеазиатских степных племен было хорошо знакомо с техникой бронзолитейного производства, особенно в местах, расположенных близко к источникам сырья.

Южное Приаралье

В Южном Приаралье (древний Хорезм) для начала II тыс. до н.э. выделена лишь небольшая группа памятников, которые носят название камышлинских. Их происхождение связывается с позднесельтеминарскими неолитическими комплексами при активном воздействии южных влияний⁸³. Для камышлинских памятников

характерно появление плоскодонной посуды, предполагаются зачатки производящего хозяйства и знакомство с металлом. Камышлинские комплексы явились начальным этапом местной, суярганской, культуры бронзового века Южного Приаралья. В настоящее время позднесуярганские памятники включены в амирабадскую культуру, датируемую IX-VIII или X-VIII вв. до н.э.⁸⁴

Большая часть стоянок древнего Хорезма принадлежала племенам тазабагыябской культуры, которая возникла в результате прихода населения из Южного Приаралья, где находилась контактная зона срубных и андроновских племен. Пришельцы частично ассимилировали аборигенов Хорезма. Вследствие всех этих процессов в тазабагыябской культуре прослеживаются срубные, андроновские и раннесуярганские компоненты. В развитии тазабагыябской культуры выделены три последовательных хронологических этапа: ранний (XV-XIV вв. до н.э.), средний (XIV-XIII вв. до н.э.) и поздний (XIII-XII или XII-XI вв. до н.э.)⁸⁵.

Тазабagyябцы расселились преимущественно на внутريدельтовом пространстве древних русел Амударьи, что способствовало развитию земледелия на плодородных аллювиальных отложениях дельты и скотоводства – на сезонных пастбищах коренного берега реки. Возле тазабагыябских поселений обнаружены оросительные каналы и поля. Преимущественно земледельческое направление хозяйства и наличие ирригационных систем резко отличают тазабагыябскую культуру от других культур степной бронзы Евразии. Среди домашних животных преобладает мелкий рогатый скот, на всех поселениях найдены кости крупного рогатого скота, представлена лошадь и в меньшей степени другие виды животных⁸⁶.

Поселения обычно располагались группами и имели рассредоточенный характер. Дома строились прямо среди арыков и полей. Наиболее крупные поселения насчитывали до десятка домов, а мелкие – всего по два-три дома. Ведущим типом жилища была полуземлянка четырехугольной формы с каркасно-столбовой конструкцией стен и коридорообразным входом. Каждый такой дом занимал площадь от 40 до 100 и более кв. метров. Внутри располагались большие центральные очаги, хозяйственные ямы, иногда у стен сооружались земляные суфы.

В Кокча 3 раскопан крупный могильник тазабагыбской культуры, насчитывающей свыше 100 захоронений. Все погребения совершены в грунтово-рых ямах, вытянутых по оси запад-восток. Все погребенные ориентированы головой на запад, мужчины положены на правый, а женщины на левый бок. Встречаются одиночные и двойные захоронения⁸⁷.

Среди находок на тазабагыбских памятниках преобладает керамика. Интересную группу находок составляют фигурки животных из необожженной глины. Найдены также отдельные женские статуэтки, указывающие на южные контакты тазабагыбских племен. Бронзовые изделия на памятниках Южного Приаралья редки (однолезвийные ножи, шпиль, круглое зеркало с ручкой-петелькой, серьги, браслеты и т.д.), на некоторых поселениях найдены литейные формы и льячки для разливания жидкого металла. М.А.Итина предполагает, что у тазабагыбцев выделения ремесел еще не существовало, этот процесс в древнем Хорезме начался лишь в самом конце II или начале I тыс. до н.э. Шлаки и остатки медеплавильного производства обнаружены А.В.Виноградовым во время разведок на многих стоянках во внутренних Кызылкумах, вблизи хребтов Букантау и Тамдытау. В подсыльном материале встречается и тазабагыбская, и андроновская керамика. Здесь же вблизи озера Лявлякан обнаружены остатки древнейшей в степной зоне литейной мастерской, где были найдены фрагменты руды, шлаков, капли меди и две литейные формы для отливки топора-тесла и топора-молота, характерных для обширной зоны южных земледельческих культур конца III – начала II тыс. до н.э.⁸⁸

На позднем этапе тазабагыбской культуры отмечены следы появления в Южном Приаралье андроновских племен, однако по имеющимся данным их пребывание здесь не было долговременным⁸⁹.

В целом материалы древнего Хорезма свидетельствуют о пестром этническом составе населения этой территории во второй половине II тыс. до н.э.

Еще один очаг среднеазиатской степной бронзы располагался на берегах другой крупной среднеазиатской реки – Сырдарьи, на территории западной части Ферганской долины, где Б.А.Литвинским выделена особая кайракумская культура эпохи бронзы и раннего железного века⁹⁰. На такырах в урочище Кайракум было обнаружено около 70 пунктов, представляющих собой остатки полуразрушенных поселений и производственных участков обитавших здесь племен. Поселения имели разные размеры, в большинстве случаев от 0,1 до 3 га и располагались группами. Дома, по всей вероятности, имели легкую конструкцию типа “мазанок”. Очаги округлой формы сооружались преимущественно из камня. В некоторых жилищах они располагались в виде горизонтальной цепочки. Такие жилища были большими – до 20 м в длину и 12-15 м в ширину. В горных районах для жилья иногда использовались пещеры. Такая пещера, которая носит название Актанга, открыта в 22 км к югу от поселка Шахристан⁹¹.

Раскопаны два могильника кайракумских племен. В одном из них, Ходжи-Ягона, погребения совершались в каменных ящиках, сооруженных из поставленных на ребро плит. В другом, расположенном возле кишлака Дахана, могильные ямы были обложены каменными плитами, размещенными плашмя⁹².

Основным занятием кайракумцев было скотоводство. Найдены кости мелкого и крупного рогатого скота и лошади. Земледелие также, по-видимому, играло существенную роль в хозяйстве, о чем свидетельствуют находки каменных зернотерок и терочников на поселениях. Подсобными заня-

тиями были охота (в частности, на джейрана) и рыболовство, о чем можно судить благодаря находке большого бронзового рыболовного крючка. Кайраккумцы также знали прядение и ткачество: среди материалов поселений присутствуют **PDF Compressor Free Version** пряслица, а отпечатки тканей, преимущественно полотняного переплетения, обнаружены на внутренней поверхности сосудов, которые нередко изготавливались на матерчатом шаблоне.

Кайраккумская культура: 1-12 — керамика; 13-14 — литейная форма и макет топора; 15 — бронзовые ножи; 16 — кремневые наконечники стрел; 17 — могильник Дахана, план и разрезы погребального сооружения; 18 — сосуд из могильника Дахана

Кайракумцы были хорошо знакомы с горным делом и бронзолитейным производством. Вблизи мест их обитания находится Наукатское медное месторождение, в котором руда практически почти выходит на поверхность. Месторождения меди также известны и в Карамазарских горах, прилегающих к Кайракумской долине. Олово, возможно, доставлялось из Зерабулак-Карагюбе, – Зеравшанского и Чаткало-Коксуйского районов или из каких-то более удаленных источников⁹³. В результате специальных работ, проведенных Б.А.Литвинским на древних выработках, установлено, что рудокопы работали молотками разной формы и кайлом. Сначала отработывался верхний горизонт месторождения с помощью целеобразных карьеров, которые иногда переходили в короткие штольни, а на больших глубинах практиковались подземные выработки.

Металлургическое производство, судя по обилию шлаков в Кайракумах, можно считать одним из важнейших занятий населения и, очевидно, самостоятельным, обособившимся ремеслом. Плавка руды обычно проводилась на изолированных участках за пределами поселений. Здесь же ее первоначально подвергали окончательному измельчению. О масштабах проводимых работ свидетельствуют большие скопления руды и шлаков во многих пунктах. Иногда такие скопления достигали 1,5-2 тонн. Для отливки изделий применялись односторонние и двухсторонние литейные формы. Найдены формы для отливки вислобушных топоров и вислобушных кирок. Сами бронзовые предметы представлены на памятниках кайракумской культуры разнообразными типами. Это однолезвийные и двулезвийные ножи, шпилья, долота, браслеты, серьги, кольца.

Глиняные сосуды украшались разнообразным орнаментом: зигзагами, треугольниками, прямыми линиями, "елочкой" и т.д. Широко употреблялась и неорнаментированная посуда. Всего в Кайракумах собрано свыше 5 тыс. фрагментов керамики.

В культурном отношении кайракумские племена были наиболее связаны с андроновским населением Казахстана и в меньшей степени с носителями срубной или тазабаягской культур. Высказана также гипотеза об участии в сложении кайракумской культуры местного гиссарского неолита. Такое заключение сделано на основании раскопок навеса Актанги. Неолитические слои на этом памятнике перекрыты отложениями эпохи бронзы (три горизонта). Третий слой отнесен к неолиту, во всех горизонтах бронзового века встречались орудия гиссарской культуры⁹⁴.

Время существования кайракумской культуры в целом делится на два основных периода: ранний – вторая половина II – начало I тыс до н.э. (с двумя этапами) и поздний – конец первой – вторая четверть I тыс. до н.э. Эпоха бронзы охватывает лишь ранний период этой культуры.

Киргизия

в эпоху бронзы

Основным ландшафтом Киргизии являются горы. Замкнутые горные долины окружены обширными пастбищными угодьями, и у обитавших здесь в эпоху

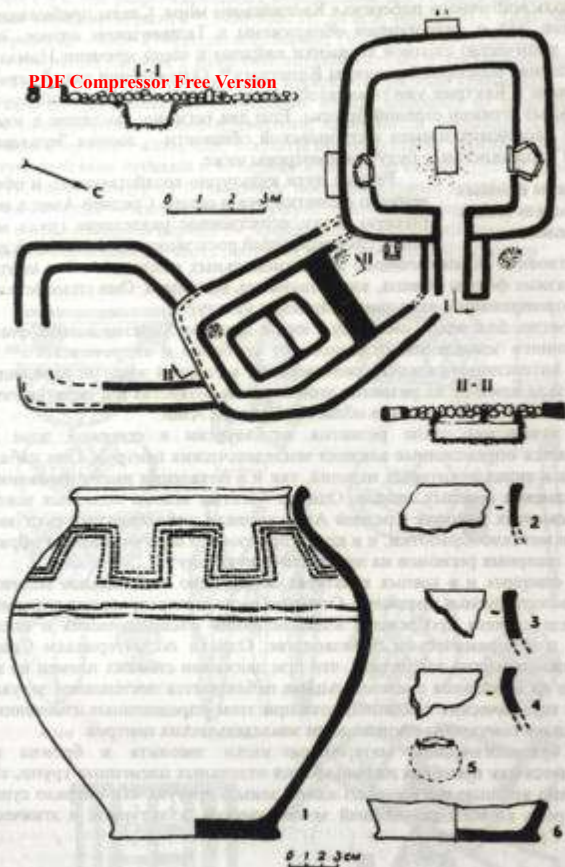
бронзы групп андроновского населения скотоводство являлось ведущей отраслью хозяйственной деятельности. В горных условиях главное значение приобретало разведение мелкого рогатого скота. Уже в эпоху бронзы были освоены труднодоступные высокогорные пастбища, использовавшиеся при сезонных перекочевках. Погребения древних пастухов обнаружены высоко в горах Тянь-Шаня. На территории Киргизии также существовал самостоятельный очаг металлообработки, где изготавливалась массовая продукция на сбыт.

Поселений андроновских племен в Киргизии известно очень мало, их культура представлена в основном могильниками. Преобладают захоронения в грунтовых ямах, обозначенных на поверхности четырехугольными оградами и **PDF Compressor Free Version**. Наряду с труположением здесь часто практиковалось трупосожжение⁶⁵.

В высокогорном могильнике Арпа найдены глиняные сосуды с богатым ковровым орнаментом, характерным для памятников особой, федоровской группы андроновских племен⁶⁶. Отличительной особенностью большинства других комплексов Киргизии является преобладание посуды, лишенной всякой орнаментации. Процент орнаментированных сосудов в них крайне невелик. Эти памятники выделены в самостоятельный локальный вариант андроновской культурной общности, получивший название семиреченского⁶⁷. Наиболее интенсивное освоение территории Киргизии племенами бронзового века относится ко второй половине и особенно к последней четверти II тыс. до н.э. По мнению Е.Е.Кузьминой, появление андроновских племен связано здесь с их расселением из Центрального Казахстана с целью освоения богатых пастбищ Тянь-Шаня.

Памятники эпохи бронзы на Памире

На территории Горно-Бадахшанской автономной области самым ранним памятником эпохи бронзы является культурный слой в скальном навесе Мапале (начало II тыс. до н.э.). Погребальный комплекс Карадимур в долине Большого Марджана определяет более поздний период (XIII-XII вв. до н.э.). Позднюю бронзу характеризуют разнотипные памятники, тоже расположенные в пределах Восточного Памира: культурный слой в скальном навесе Куртеке, могильники Кокуйбель, одиночные курганы в более поздних могильниках (Кызылрабат, Джартагумбез IV). В переходной природно-климатической зоне, сочетающей черты западного и восточного регионов, известен один могильник Южбок II (Джаушангоз). Картирование памятников в настоящее время свидетельствует, что в эпоху бронзы использовались ближайшие по отношению к Западному Памиру пастбищные угодья. Наличие стада, включающего помимо мелкого рогатого скота также крупный рогатый скот, свидетельствует в пользу сезонного (яйлажного) скотоводства. Основные поселения должны были находиться на территории Западного Памира. Монументальное погребальное сооружение, Карадимур, несомненно имитирует жилища, которые строили из глинобитных стен, укрепляя их с двух сторон каменной кладкой. Планировка погребального сооружения – четырехугольное помещение с длинным коридором-входом – можно рассматривать как прообраз будущего памирского дома. О наличии земледелия пока свидетельствует только каменная мотыга, найденная в одном из погребений могильника Южбок II (Джаушангоз). Занимались охотой (употребляли в пищу сурков). В сезон охоты на Восточном Памире жили в пещерах и под скальными навесами. В числе домашних промыслов – изготовление глиняной лепной посуды, ткачество. Металлических изделий мало (два наконечника стрел, дротик, шило, бусы). Все предметы отлиты из высокооловянистой бронзы, за исключением дротика (сплав меди с мышьяком) – последний не литой, а кованый. Металлические предметы привозные, своей руды и металлургической базы не было. Погребальный обряд сочетал трупосожжение и труположение. При погребениях большое значение имел ритуальный огонь. Облик материальной культуры определяет как южные, так и северные связи местных племен в эпоху бронзы. Прослеживаются элементы культуры андроновской общности в федоровском варианте⁶⁸.

Восточный Памир. Погребальный комплекс Карадимур

Другие районы

Перечисленные выше регионы составляют основной ареал расселения степных племен в Средней Азии. Однако в эпоху поздней бронзы наблюдается их массовое продвижение на юг и проникновение в земледельческие оазисы. В разных районах отмечены следы появления как срубных, так и андроновских племен, а также волн смешанного населения. Цепочка позднесрубных стоянок и могильников просле-

жена вдоль восточного побережья Каспийского моря. Следы пребывания как срубников, так и андроновцев обнаружены в Ташкентском оазисе. Значительное количество степной керамики найдено в слоях времени Намазга VI на последних полгорной расчистке Копетдага⁹⁹. О появлении такой керамики в Маргиане и Бактрии уже говорилось выше. В дельте Мургаба обнаружены и отдельные стоянки степной бронзы. Еще два региона, входящие в зону активного расселения племен андроновской общности — долина Зеравшана и Южный Таджикистан, — будут рассмотрены ниже.

Контакты степных и земледельческих племен

Разные пути культурно-хозяйственного и общественного развития юга и севера Средней Азии в первобытную эпоху, естественное разделение труда между ними, прогрессивный рост экономики в каждой из зон способствовали возникновению межрегиональных контактов. Эти контакты имели разные формы обмена, взаимовлияния, миграций. Они способствовали также формированию ряда синкретических культур¹⁰⁰.

Вероятно, благодаря импульсу с юга в древнем Хорезме возник очаг ирригационного земледелия, отличного от срубного и андроновского¹⁰¹. Напротив, интенсивное развитие скотоводства в степной зоне, по всей видимости, оказало влияние на развитие этой отрасли хозяйства и в первую очередь его подвижных форм в южных областях Средней Азии.

На начальном этапе развития металлургии в северной зоне прослеживаются определенные влияния земледельческих центров. Они наблюдаются как в типах некоторых изделий, так и в появлении импортированных с юга предметов и целых кладов. Однако богатые залежи полезных ископаемых в северных районах Средней Азии вызвали здесь быстрый рост металлургии и металлообработки, и в конце бронзового века отмечается обратное влияние северных регионов на земледельческую зону¹⁰².

И в северных и в южных культурах обнаружено значительное количество взаимноимпортируемых предметов. Особенно часто импортировались украшения.

В ряде случаев прослежены взаимовлияния земледельческих и степных культур и в керамическом производстве. Однако по материалам Средней Азии в целом можно заключить, что при движении степных племен на юг и усилении их контактов с земледельцами наблюдается постепенное затухание степных керамических традиций, хотя при этом определенные изменения отмечаются и в гончарном производстве земледельческих центров.

По археологическим материалам эпохи неолита и бронзы прослеживаются как взаимная инфильтрация отдельных племенных групп, так и достаточно крупные миграции из одной зоны в другую, что сыграло существенную роль во всей дальнейшей экономической, культурной и этнической истории Средней Азии.

ДОЛИНА ЗЕРАВШАНА

Пенджикентский оазис

На территории оазиса, в 15 км к западу от г. Пенджикента, открыто самое северное в Средней Азии поселение оседлоземледельческого типа — Сарам.

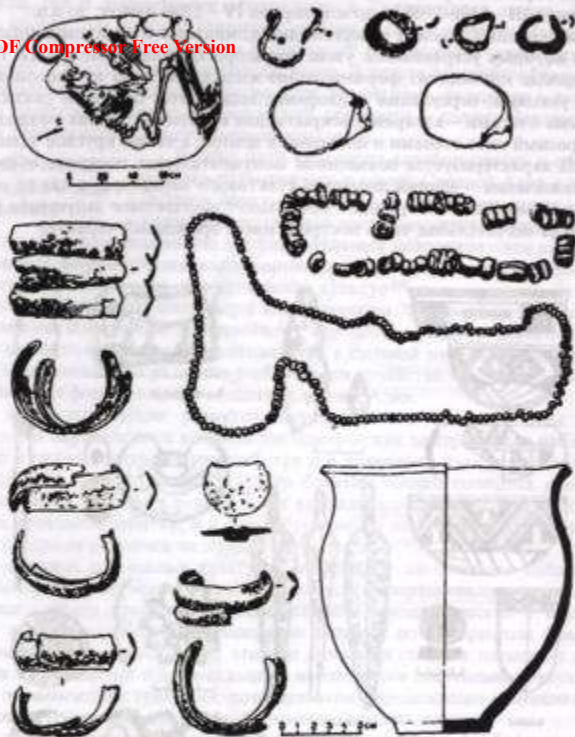
Оно существовало около полутора тысячелетий, с наибольшим расцветом в периоды позднего неолита и ранней бронзы. Общая площадь поселения превышает 100 га. Выделены четыре последовательных хронологических периода,

которые с учетом радио-углеродных определений могут быть датированы следующим образом: период I – 3400-3200 гг. до н.э., период II – 3200-2900 гг. до н.э., период III – 2300-2700 гг. до н.э., период IV – 2700-2000 гг. до н.э.

Для периода Саразм I известны двухкомнатные и трехкомнатные дома, вблизи которых устраивались узкие коридорообразные хранилища. Во втором периоде происходит формирование жилых массивов из нескольких домов, с улицами, переулками и дворами; выделяются семейные святилища с круглыми очагами – алтарями; вскрыты два культовых здания с окрашенными в красный цвет стенами и алтарями в центре, а также круглое здание. Период III характеризуется появлением монументальных построек общественного назначения – зданий дворцово-культового характера, а также общественного хранилища. В период IV происходит постепенное запустение поселения, когда значительная часть построек имеет временный характер

Археологический комплекс Саразма

Археологический комплекс Даштикозы

Погребальный обряд пока известен только для самого раннего периода Саразма. Он представляет собой захоронения в могильнике, по всей видимости, общественно-родового типа. Могильник заключен в круглую в плане каменную ограду диаметром 15 м, внутри которой вскрыто 5 погребений, среди них три одиночных, одно парное и одно тройное. Последнее расположено в самом центре ограды и, по-видимому, является наиболее ранним. Здесь захоронены женщина, мужчина и подросток. Женщина снабжена богатым инвентарем и, без сомнения, имела при жизни важный общественный статус. Она была погребена в одежде, богато расшитой бусами из бирюзы, лазурита, сердолика, яшмы, известняка. Ее головной убор также был украшен бусами, среди которых имеются и серебряные, а в волосы (возможно, в косы)

были вшиты низки из 49 золотых бусин. На каждую руку погребенной было надето по массивному браслету, сделанному из панциря морских раковин. В состав инвентаря, сопровождавшего эту знатную особу, входили также бронзовое зеркало с ручкой, костяное шило, 5 каменных наверший булавок и две глиняные женские статуэтки, инвентарь других погребений беден или отсутствует вовсе. По-видимому, можно утверждать, что в период возникновения Саразма женщина играла важную роль в жизни общины.

Основу экономики жителей Саразма составляли земледелие (как поливное, так и богарное) и скотоводство (разведение мелкого и крупного рогатого скота, с преобладанием первого), но едва ли не меньшее значение имели здесь различные специализированные производства, и в первую очередь металлургия и металлообработка. С конца IV тыс. до н.э. поселение Саразм было одним из крупнейших центров древней металлургии Центральной Азии. Минеральные ресурсы горных цепей Верхнего Зеравшана разнообразны: золото, серебро, медь, свинец, ртуть, олово, бирюза, а водная артерия – Зеравшан открывает доступ ко всему горному массиву.

Согласно результатам химических анализов металлических изделий с поселения Саразм, их основой (89,3-96,6%) является медь; содержание мышьяка доходит до 3,3%, а олова – до 1,6%. Скорее всего саразмийцы добывали медную руду, а также компоненты для производства бронзы недалеко от места своего обитания – в месторождениях Ёри, Канчоч, Джилау, находящихся в 40-50 км к востоку от поселения. Возможно, для экспорта был изготовлен найденный в Саразме свинцовый слиток весом почти в 10 кг.

Производство металлических предметов зафиксировано в течение всех периодов существования Саразма, а их разнообразие постоянно возрастает. К настоящему времени на поселении найдено более 150 различных металлических изделий, среди которых медные и бронзовые ножи, кинжалы, топоры-теса, наконечники копий, стержни с фигурным навершием, печать из свинца, золотые и серебряные предметы. Местный характер металлообрабатывающего производства засвидетельствован находками плавильных тиглей, глиняных литейных формочек, различных заготовок, а также металлоплавильных горнов.

Специализированный характер имело и производство каменных изделий. В Саразме найдено около 40 видов каменных предметов: сверла, буравчики, долота, стамески, отбойники и др., а также гири, отражающие определенные весовые стандарты. Уникальна цилиндрическая печать, относящаяся к IV периоду. На ее поверхности в круговую вырезано изображение коровы или быка с длинным пышным хвостом. Высокого развития достигло ювелирное дело: изготовление различных бус и украшений. На поселении найдены и ремесленные отходы ювелирного производства – лазурита, бирюзы и других минералов. Имели также место обработка кож, прядение, ткачество и ряд других промыслов.

Керамика в Саразме изготовлялась большей частью вручную, лишь в период IV появился гончарный круг медленного вращения. На поселении открыто 6 печей для обжига посуды. Печи были двух типов: круглая открытая и двухкамерная одноярусная с углубленной топкой, расположенной вдоль обжигательной камеры.

Керамика Саразма представлена столовой, тарной и кухонной посудой. Она делится на три основные группы: светлофонную, среди которой особо выделяется красноангобирванная керамика с лощением; серую и черную с лощением и без него и расписную, одноцветную и многоцветную. Ростисью украшалась преимущественно столовая посуда. По стилю ростись саразмских сосудов генетически наиболее связана с двумя регионами южной оседлозем-

ледельческой зоны – Юго-Восточной Туркмении, в особенности с геокюрскими позднеэнеолитическими комплексами, и Белуджистано-Сенстанским регионом, расположенным к югу от Гиндукуша. Также в Саразме найдены сероглиняные сосуды с пролощенным орнаментом, имеющие североиранское происхождение. В небольшом количестве прослежены и традиции кельтеминарской культуры Юго-Восточного Приаралья.

Общий облик Саразма (архитектура, материальная культура, хозяйство, культы) свидетельствует о его южном происхождении, связанном с зоной оседлоземледельческих культур. У истоков формирования зеравшанского очага этих культур, вероятно, стояли переселенцы из южнотуркменистанских общин, что в Саразме подтверждается стратиграфически. Не исключено, что причиной такого переселения была экологическая ситуация в Геокюрском оазисе, связанная с миграцией водных потоков реки Теджен. Конкретный регион, где возникло поселение Саразм, был избран в качестве места обитания не только вследствие благоприятных здесь для развития сельского хозяйства условий, но и по причине близости к богатым источникам минерального сырья. Можно думать, что переселенцы ассимилировали здесь и какое-то местное неолитическое население, однако этот вопрос требует дополнительных исследований.

При явной южнотуркменистанской доминанте, проявляющейся на ранних этапах развития зеравшанского центра, здесь налицо и другая линия связей, уходящая в регионы, расположенные к югу от Гиндукуша. Здесь можно напомнить, что в погребении самого раннего периода Саразма были найдены браслеты из явно привозных морских раковин, а затем на поселении стал все более распространяться стиль росписи посуды, имеющей отчетливые белуджистанские истоки. Основу таких контактов, вероятно, составляла торговля, однако, обилие и устойчивое влияние на местную керамику росписной посуды белуджистанских типов, очевидно, позволяет поставить вопрос и о белуджистанских компонентах в среде саразмского населения. Однако традиции далеких импортов продолжает стойко сохраняться, о чем свидетельствуют находки сосудов североиранского происхождения. Саразм был удивительным центром скрещения самых различных связей и торговых контактов¹⁰³.

Такая роль региона в значительной степени сохраняется и в более позднее время, о чем свидетельствуют открытые здесь погребения и могильники эпохи поздней бронзы. Так, недалеко от Пенджикента, в Заргча Халифа, обнаружено захоронение мужчины вместе со скелетом архара. В сопровождающем инвентаре преобладают бронзовые предметы и керамика, идентичные изделиям бактрийско-маргианского комплекса, свидетельствуя о южной ориентации культурных связей.

Совершенно иной – северный степной – ареал представляет могильник Дашти Козы, расположенный в 50 км к востоку от Пенджикента. Здесь вскрыто 27 захоронений, совершённых на склоне в погребальных сооружениях, реконструированных как катакомбы с неглубокими входными ямами. Погребения преимущественно одиночные, встречено несколько парных, одно тройное, а в одной из могил одновременно захоронено семь человек (это погребение без инвентаря; возможно, оно носит ритуальный характер или связано с особым случаем смерти этих людей). Имеются случаи захоронения расчлененных костяков, в одном случае погребен лишь череп ребенка. Сопровождающий инвентарь состоит из сосудов, имеющих черты позднеандроновской и тазабагьябской керамики, и бронзовых украшений: браслетов, бус, височных колец, найдены также украшения из пасты.

Обязательным элементом ритуала в Дашти Козы было разжигание огня либо на дне входной ямы, либо на полу камеры. Костер горел до того, как умерших помещали в могилу, так как на скелетах следов воздействия огня нет. Кроме того, на территории некрополя выявлены большие ямы со следами многократного разжигания огня, что также являлось составной частью погребального обряда и было связано с похоронами или поминальными действиями. В некоторых случаях обнаружены следы возлияний в огонь каких-то жирных веществ.

Могильник датируется временем в пределах XIII-XI вв. до н.э.¹⁰⁴

Бухарский оазис Еще в 50-х годах в низовьях Зеравшана, недалеко от Бухары, были раскопаны поселение и могильник Заманбаба¹⁰⁵, однако вопросы происхождения и хронологии этого комплекса до сих пор вызывают дискуссии среди ученых.

В противоположность близко расположенному Саразму, поселение Заманбаба имеет в целом степной облик. На его территории, окруженной земляным валом, вскрыты землянка и основания двух шалашей, но также и двухъярусная печь для обжига керамики, типичная для Южной Туркмении начиная с времени Намазга V. Могильник, расположенный в 0,5 км от поселения, содержал бескуржанные погребения в грунтовых ямах и катакомбах. Находки на поселении и в могильнике идентичны. Они представлены неорнаментированной сероглиняной, преимущественно кругло- и остродонной керамикой хорошего качества, но 10% сосудов выполнены на гончарном круге. Несколько фрагментов керамики имели роспись в виде полосок. Найдены также кремневые наконечники стрел, медные булавки и каменные наконечники к ним, две крайне схематические женские фигурки, разнообразные бусы, в том числе и крестовидные, как в Гиссаре III и других поселениях земледельческого юга. На основании большого количества аналогий с южными комплексами заманбабинская культура была датирована концом III – первой третью или началом II тыс. до н.э. (В.М.Массон, Е.Е.Кузьмина) или первой половиной II тыс. до н.э. (А.А.Аскарлов), а ее происхождение было связано с переходом местных племен к неолиту на кельтеминарской основе или под влиянием степных культур Евразии, а также при сильном влиянии южного импульса.

Когда была открыта цивилизация на территории древней Бактрии, то среди ее материалов было получено убедительное число аналогий для инвентаря Заманбабы. Поэтому В.И.Сарианиди и А.А.Аскарлов единодушно признали генетическое родство заманбабинской культуры с бактрийской и передатировали ее¹⁰⁶. В.И.Сарианиди отнес Заманбабу к рубежу II-I тыс. до н.э., а А.А.Аскарлов – ко второй четверти II тыс. Вторая дата представляется более правильной, так как на поверхности поселения Заманбаба найдена тазабаянская керамика, наиболее близкие аналогии для которой имеются в комплексах Приаралья, датируемых XIV-XIII вв. до н.э.

Вполне вероятной кажется и высказанная В.И.Сарианиди и А.А.Аскарловым гипотеза о переселении какой-то группы бактрийского населения на север. Внутри самой Бактрии такое расселение имело место в конце бронзового века в связи с выделением племен с преобладающим скотоводческим способом ведения хозяйства, о чем будет сказано ниже. Скотоводческо-земледельческий облик Заманбабы, возможно, подтверждает такую гипотезу.

Пока нет никаких данных, которые позволили бы частично синхронизировать Заманбабу и Саразм в хронологическом отношении. Конечная дата Саразма пока дискутируется, но, очевидно, нельзя полностью исключить

участие потомков саразмийцев в формировании культуры в низовьях Зеравшана. Однако в свете новых исследований представляется наиболее вероятным связать генезис Заманбабы с новым импульсом в местную среду с юга, что являлось составной частью тех же самых процессов, которые привели к формированию андроновского комплекса и расселению его племен.

Существует и противоположная точка зрения В.А.Алекшина о сложении ряда комплексов с катакомбным обрядом погребения на юге Средней Азии в эпоху Намазга VI в результате продвижения заманбабинцев в эти районы, однако такая гипотеза представляется несостоятельной, о чем уже говорилось выше.

В низовьях Зеравшана и Кашкадарьи также обнаружено около 30 стоянок андроновских племен второй половины и преимущественно последней четверти II тыс. до н.э. и могильник Гуджайли, расположенный вблизи озера Заманбаба¹⁰⁷. Погребения в нем совершены в овальных ямах по обряду скорченного труположения, на левом боку, головой на запад. И на стоянках, и в могильнике найдена керамика, украшенная геометрическим орнаментом (зигзаги, треугольники), выполненным с помощью гладкого штампа, а также разнообразные украшения: бусы из лазурита, пемзы и сердолика, бронзовые подвески восьмеркообразной формы, желобчатые браслеты с несомкнутыми концами. Украшения являлись характерной чертой женских погребений: подвески в ушах, ожерелье на шее, браслеты на руках, низки бронзовых бус на костях ног. Вполне вероятно, что истоки моды на фациональные шаровары женщин Средней Азии восходят к эпохе бронзы, когда кромки шаровар обшивались бусинками, которые позже стали заменяться вышивкой и тесьмой¹⁰⁸.

Главную роль в хозяйстве андроновских племен низовьев Зеравшана играло скотоводство. Было развито и земледелие, о чем свидетельствуют находки зерноотерок. Посевы занимали небольшие приречные и приозерные участки. В одной из могил Гуджайли обнаружены обугленные зерна, видимо, проса. На стоянках найдены и орудия труда: бронзовые ножи, шилья, а также кремневые наконечники стрел.

Нет никаких данных, которые позволили бы генетически связать андроновские комплексы Зеравшана с культурой Заманбаба. Отмечается большое сходство с материалами тазабагыябской культуры Приаралья. Очевидно, андроновцы пришли в низовья Зеравшана из более северных районов ареала степных культур.

Самаркандский оазис

Андроновские могильники и погребения (Чакка, Снаб, Сайгус, Муминабад) известны и в Самаркандском оазисе¹⁰⁹. Они датируются преимущественно

XII-XI вв. до н.э. Погребения совершены по обряду труположения и сопровождаются керамикой, украшениями, круглыми зеркалами с петелькой, в одной из могил в Муминабаде найдена костяная свирель в виде полой трубочки с ромбическим отверстием в центре. По расположению украшений в женских погребениях установлено, что захоронения производились в одежде и головных уборах, богато расшитых бусами.

Керамика и металлические изделия эпохи поздней бронзы обнаружены также в верхних слоях неолитической стоянки Сазаган II в 27 км к юго-западу от Самарканда¹¹⁰.

Археологические комплексы долины Зеравшана свидетельствуют о том, что на протяжении энеолита и бронзового века исторические и этнокультурные процессы в этом регионе, занимающем в Средней Азии центральное положение, развивались при участии как южных, так и северных степных племен.

ЮЖНЫЙ ТАДЖИКИСТАН

**Экология и особен-
ности культуры
хозяйственного
развития на юге
Таджикистана**

Юг современного Таджикистана и территориаль-
но-экономическом отношении связан с древней Бак-
трией, однако по имеющимся материалам, этот реги-
он был освоен племенами бронзового века лишь в по-
следней четверти II тыс. до н.э. В значительной степе-
ни это объясняется своеобразными природными
условиями этой территории. Южный Таджикистан рас-
сечен меридианально
направленными долинами многоводных правых притоков Пянджа –
Амударьи и простирающимися параллельно им горными хребтами и кря-
жами. В экологическом отношении этот район наименее пригоден для ведения
первобытно-земледельческого хозяйства, основанного на искусственном
орошении, традиционно используемом жителями бактрийских оазисов. На
крайнем юге Таджикистана, где речные долины достигают максимальной
ширины, климатические условия характеризуются наиболее высокой средне-
годовой температурой и малым количеством осадков, что делает невозмож-
ным богарное земледелие в этом районе, а ирригационные системы, основан-
ные на выводе каналов из крупных рек, отмечены здесь лишь для последую-
щих исторических эпох¹¹¹. Предгорья в северо-восточной части региона, на-
против, являются зоной хорошо обеспеченной осадками богары. Для рельефа
этой местности наиболее характерны лёссовые всхолмления – адыры, на-
клонно спускающиеся от предгорий к узким здесь речным долинам. Адыры
рассечены частыми глубокими саями. Некоторые из них до сих пор питаются
из небольших водных источников, расположенных в предгорьях. Южный
Таджикистан является регионом, изобилующим богатыми пастбищами. Здесь
имеются возможности для выпаса крупного и мелкого рогатого скота и
круглогодичного содержания стад.

До II тыс. до н.э., то есть до прихода племен бронзового века Южный
Таджикистан являлся основным регионом распространения гиссарской не-
олитической культуры, вопрос об экономической основе которой пока оста-
ется дискуссионным, однако, согласно одному из мнений, ведущую роль в хо-
зяйстве гиссарцев играло скотоводство¹¹². Расположение и характер памятни-
ков бронзового века на этой территории позволяют сделать заключение о
том, что широкое расселение здесь племен древнебактрийского региона было
связано, на что первым обратил внимание Б.А. Литвинский, с усилением ско-
товодческой отрасли в их экономике в конце бронзового века, а также с по-
явлением подвижных форм скотоводства. Этот процесс в хронологическом
отношении совпал с активной волной продвижения степных племен в южные
районы Средней Азии. В результате контактов разнокультурных племен на
юге Таджикистана сложились оригинальные комплексы и культуры.

Горные поселения В северной части Южно-Таджикского нагорья к
настоящему времени известны четыре поселения
бронзового века: Кангуртут и Баракикурук возле кишлака Кангурт вблизи
Дангары; Тегузак на левобережье современного Нурекского водохранилища,
между Нуреком и поселком Себистон и Дахана на территории г. Нурек¹¹³. Все
эти поселения расположены в сходных экологических условиях – на адырных
склонах предгорий, в местах, благоприятных для выпаса скота и ведения бо-
гарного земледелия.

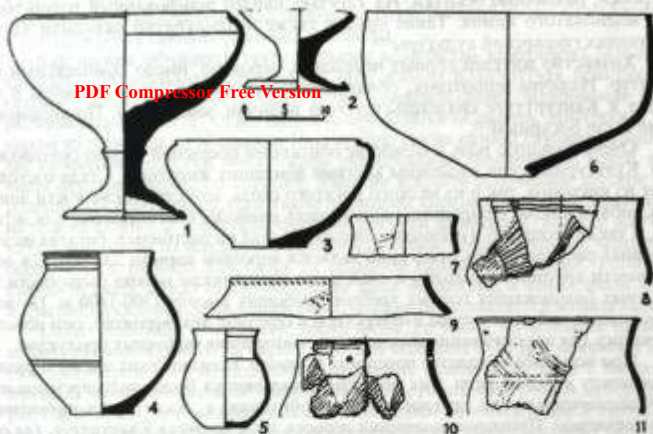

Кангуртут. Жилище

Строительные остатки на поселениях представлены каменными фундаментами стен, которые, вероятно, были возведены из пахсы, со временем целиком размытой и развенной. Самое крупное жилище размером 18 x 5,7 м вскрыто в Кангуртуте. Оно имело два выхода, расположенных на противоположных узких сторонах постройки. Один из выходов, ведущий во двор, оформлен порогом, двумя ступенями и каменным подпятником для двери. В Кангуртуте при устройстве домов на склоне использовался прием террасирования путем врезки в материковый грунт, при этом одна из стен сооружения служила для укрепления такой террасы. Все помещения, раскопанные в Тегузаке и Дахане, имеют П-образную планировку и являются открытыми с одной из сторон. На этих поселениях также вскрыты фундаменты из камней, вкопанных ребром. Вероятно, они служили для укрепления каких-то более легких конструкций типа заслонов (например, из веток каких-нибудь растений). В Тегузаке и Дахане, по-видимому, существовали также и круглые жилища легкого типа, обложенные камнями по основанию: на том и другом поселении расчищены остатки каменных кладок, в плане образующих круг. На полах сохранились выкладки из колотых галек. Такие выкладки вскрыты и вне связи с жилыми постройками. В нескольких помещениях Даханы под посыпан слоем мелкого галечника толщиной в 20-35 см. Хозяйственные ямы и очаги для обогрева пока обнаружены лишь в Кангуртуте. Очаги относятся к типу "саидали", они заглублены, имеют круглую форму, стенки их обмазаны глиной с примесью мелкого галечника, в одном случае на дно очага положен фрагмент сосуда.

Все горные поселения Южного Таджикистана не имеют регулярного плана и характеризуются бессистемной застройкой.

Тегузак. Керамика: 1-5 – гончарная; 6 – лепная; 7-11 – сосуды стеной бронзы

В керамических комплексах всех поселений ведущей является местная, бактрийская, оседлоземледельческая традиция изготовления посуды. Сосуды выполнены на гончарном круте, отличаются высоким качеством и хорошим обжигом. Формы сосудов имеют полные аналоги в материалах поздних, моладинской и бустанской фаз культуры Сапалли. В Дахане и Кангурттуте вскрыты остатки гончарных печей двухъярусной конструкции. В Тегузаке и Кангурттуте также найдена керамика степной бронзы, характерная для позднесандроновских комплексов. В одном из шурфов Тегузака она достигает 40% общего количества фрагментов керамики. Тегузак отличается от других горных поселений Южного Таджикистана большим количеством лепной посуды в керамическом комплексе. Здесь также отмечено применение матерчатого шаблона при изготовлении некоторых сосудов, что является характерной чертой керамического производства Бактрии в последующий хронологический период.

В Кангурттуте и Дахане найдены однолезвийные бронзовые ножи с загнутым назад концом лезвия, которые были наиболее широко распространены в зоне степных культур. Обитатели горных поселений Южного Таджикистана занимались и литейным производством. Из Кангурттутта происходит форма из песчаника, служившая для отливки двулезвийных ножей с ребром посередине лезвия и уступом при переходе к рукоятки. Такие ножи типичны для эпохи поздней бронзы евразийских степей. Две литейные формы из красного песчаника найдены на Тегузаке. Они служили для отливки шильев и двулезвийных ножей, напротив, характерных для оседлоземледельческих памятников Средней Азии.

В материалах всех горных поселений Южного Таджикистана присутствуют каменные изделия, выполненные в традициях гиссарской неолитической культуры. Это отщепы, массивные скребла, терочки из эффузивных пород; реже встречаются изделия из местного кремня плохого качества: скобели,

скребки, различные осколки. На Тегузак найден шлифованный топор-тесло из зеленоватого камня. Такие орудия также неоднократно находили на памятниках гиссарской культуры¹¹⁴.

Хозяйство жителей горных поселений, вероятно, имело комплексный характер. Наличие зернозерок, обнаружение отпечатков зерен пшеницы и ячменя в Кангуртуте свидетельствуют о наличии земледелия. По-видимому, оно было богатым¹¹⁵.

Очень большую роль в хозяйстве обитателей поселений играло скотоводство. Культурные слои насыщены костями домашних животных. Стада состояли как из крупного, так и из мелкого рогатого скота, найдены также кости лошади, собаки и осла. Природные условия здесь наиболее благоприятны для летнего, а также весеннего и осеннего содержания стад на пастбищах: богатая разнотравная растительность предгорий является хорошим кормом для скота, в особенности крупного рогатого, а овец и коз летом также можно было пасти на склонах близлежащих горных хребтов, имеющих высоту 1300-1400 м. На всех поселениях найдены сосуды с отверстием в середине дна: вероятно, они использовались для процеживания молока или изготовления молочных продуктов.

При всем своем сходстве поселения Южного Таджикистана имеют и различия между собой. Среди этих поселений выделяются более долговременные и предельно значимые для круглогодичного обитания, а также кратковременные или сезонные. Примером поселения первого типа является Кангуртут, где обнаружены и обогревательные очаги, и хозяйственные ямы, а также большой комплекс, связанный с погребальным обрядом. К поселениям второго типа можно отнести, например, Тегузак, жилища которого наиболее пригодны для проживания в летний период. При этом основное поселение (или поселения?), возможно, располагалось в 5-7 км ниже по склону, где было обнаружено несколько крупных могильников с оседлоземледельческой керамикой, аналогичной найденной на Тегузак. В разных пунктах среднего течения Вахша собрана и керамика степной бронзы. О характере Даханы судить трудно, так как это поселение расположено на территории г.Нурска и большая часть его уничтожена в результате современной застройки. Поселение Баракикурук находится в 2 км северо-восточнее Кангуртута, в горном ущелье-сае, на узкой площадке, окруженной каменной местностью, где нет никаких условий для земледелия. Возможно, оно являлось летовкой соседнего Кангуртута. Характерно, что здесь и сейчас летом пасется скот жителей близлежащих кишлаков.

Погребальные обряды

О погребальных обрядах обитателей горных поселений Южного Таджикистана почти ничего не известно. На склоне горы, примыкающей к Кангуртуту, обнаружен большой некрополь, где к настоящему времени вскрыто свыше 60 могил подбойного типа. Все они содержат погребальный инвентарь, характерный для поздних этапов культуры Сапалли. Это гончарная керамика преимущественно бустанской фазы, а также votивные бронзовые предметы — миниатюрные ножи и зеркала длиной в 3-5 см. В противоположность бытовым бронзовым предметам, найденным на самом поселении и принадлежащих к типам, распространенным в степных культурах, votивные изделия копируют предметы, характерные для оседлоземледельческих памятников Бактрии. Замечательным подлинным бронзовым изделием их имитациями является особенностью погребального обряда поздних этапов культуры Сапалли¹¹⁶. При наличии инвентаря в некрополе Кангуртута отсутствуют сами погребения. Человеческий костяк обнаружен пока только в одной могиле. По мнению Н.М.Виноградовой, кости были помещены сюда в расчлененном виде, т.е. уже после истления мышц

и связок, однако они были положены не беспорядочно, а имитировали обычное захоронение, в скорченном положении, на боку. В одной из могил найдена схематизированная глиняная фигурка женщины.

Как можно объяснить такое большое количество кенотафов? Были ли это комплексы поминальных сооружений? Или жители Кангуртгута практиковали какой-то особый способ захоронения? И чем свидетельствует захоронение костей расчлененного скелета? Ответ на эти вопросы пока не найден. Интересно, что в одном из раскопов на поселении Кангуртгут, где на разной глубине расчищены две каменные выкладки, обнаружены разбросанные человеческие кости, в том числе фрагмент черепной коробки. Здесь же вскрыто скорченное детское захоронение. На соседнем раскопе также зачищены скопления камней. Здесь найдена голова глиняной схематизированной фигурки животного (лошади или собаки?), а под одной из выкладок вскрыто погребение собаки вместе с черепом ребенка¹¹⁷. Оба раскопа находятся на западной окраине поселения. Установить какую-то связь между обнаруженными здесь останками и комплексом могил, вырытых на склоне близлежащей горы, пока не представляется возможным.

Один "кенотаф" обнаружен также возле Тегузака, на вершине высокого холма, расположенного на берегу сая. Это большой курган с земляной насыпью диаметром в 14 м. Под насыпью могила подбойного типа с маленькой входной ямой, плотно забитой камнями, и крупной камерой. В центре камеры, где должен был бы лежать скелет, поставлен большой лещной круглодонный сосуд, а сбоку, где в могилах обычно размещается инвентарь (чаще всего в изголовье), найдены еще два лещных сосуда меньших размеров.

На поселении Тегузак вскрыты остатки ритуального кострища размером 7 x 3,6 м. Во время свершения культовой церемонии в огонь были брошены сосуды (земледельческие и степные вместе), возможно содержащие жертвенную пищу или литье. В центре кострища зола спеклась в плотный комок и имеет густооранжевый цвет. Возможно, это следы какого-то возлияния в огонь (например, масла?). После свершения ритуала это место было засыпано землей в виде прямоугольного возвышения (1,5 x 1,2 м) и обмазано глиной с боков и сверху.

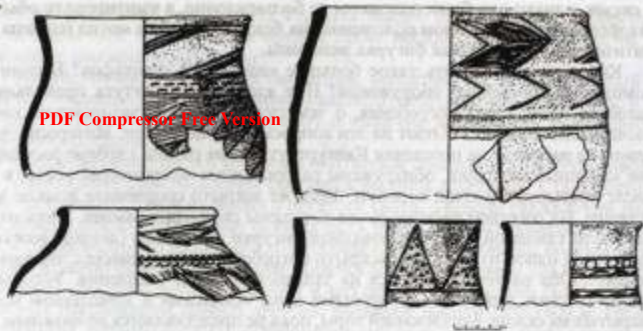
Материалы горных поселений свидетельствуют о совместном обитании на юге Таджикистана в конце бронзового века разнокультурных племен и формировании своеобразных культурно-хозяйственных комплексов в результате смешения традиций разных культур.

Стоянка стеной бронзы в среднем течении Вахша

На территории совхоза им. Кирова, в 12 км к востоку от г. Курган-Тюбе, открыта стоянка стеной бронзы общей площадью в 400 кв. м. Здесь выявлены два культурных горизонта. Строительные остатки верхнего горизонта не сохранились, а в нижнем вскрыты круглые каменные очаги диаметром до 50 см. Вся керамика лещная. Если в нижнем слое почти все сосуды имеют серый обжиг, характерный для стеной традиции, то в верхнем половину коллекции составляет красно- и желтоглиняная керамика, при изготовлении сосудов зачастую использовался матерчатый шаблон, что характерно для памятников Бактрии рубежа II-I тыс. до н. э. Орнаментация керамики стоянки в совхозе Кирова имеет много сходных элементов с декором фрагментов стеной посуды, найденных на горных поселениях Южного Таджикистана. Технология нанесения орнамента и его композиции наиболее сопоставимы с позднефедоровскими, андроновскими комплексами. Найдены также литые формы и фрагмент керамической льячки, свидетельствующие о развитии металлургии. В быту широко использовались и каменные орудия¹¹⁸.

Стоянка в совхозе Кирова хронологически близка к горным поселениям Южного Таджикистана.

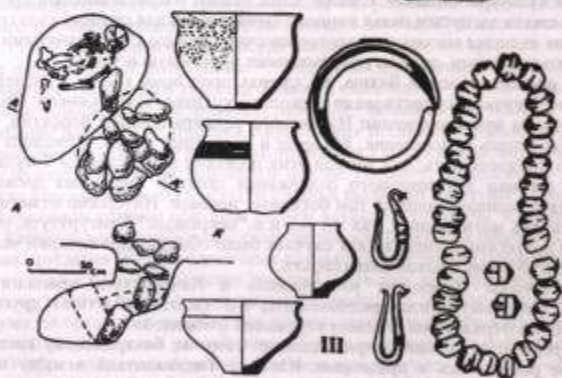
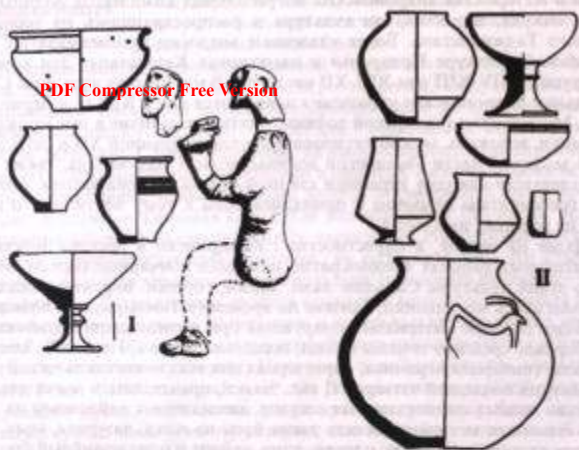
Стойка стеной бронзы в совхозе им. С. М. Кирова. Керамика

**Могильники
Гиссарской долины
и окрестностей
г. Нурека**

В западной части Гиссарской долины, вблизи г. Турсузда, открыты три могильника эпохи бронзы: Тандырыул, Заркамар и Кумсай¹¹⁹. Все они одновременны, о чем свидетельствует наличие в инвентаре погребений сосудов, характерных для молалинской фазы культуры Сапалли (XII-XI вв. до н.э.). Наиболее полно исследованы Тандырыул, где раскопаны 34 погребения, и Кумсай, где вскрыты 20 могил.

Могильник Тандырыул расположен на надпойменной террасе реки Кара-таг. Возле него обнаружены следы поселения, разрушенного сельскохозяйственными работами. Могилы обозначены на поверхности выкладками из нескольких камней и представляют собой простые грунтовые ямы, а также ямы со ступенчатым спуском или неглубоким подбоем. Кумсай находится на склоне адырного холма, входящего в предгорья хребта Мачитли. Все могилы здесь являются катакомбами. По своему устройству на склоне они аналогичны сооружениям "некрополя" возле поселения Кангурттут, однако входные ямы в Кумсае плотно забиты камнями-булыжниками, а в камерах обнаружены захоронения. И в Тандырыуле, и в Кумсае они совершены по обряду трупоположения, в скорченной позе, на боку. В одной из могил Кумсае захоронены кости расчлененного скелета. Это пока единственное в могильнике погребение в неглубокой яме, практически почти на поверхности древнего горизонта. Кенотафы редки. В Тандырыуле, в одной из могил, вместо человека захоронена мужская фигурка из необожженной глины.

Погребальный инвентарь могильника Тандырыул в целом представляет собой характерный комплекс молалинской фазы, о чем свидетельствуют и обширная коллекция гончарной керамики, и большое количество votивных бронзовых предметов, и наличие крупных каплевидных лазуритовых бус, типичных для культуры Сапалли. Однако в могильнике найдены украшения (бронзовые цилиндрические бусы, пастовые двух- и трехсоставные бусы с пережимами, бронзовая серьга с растробом), а также три лепных сосуда с канелюрами на горле, характерные для степной бронзы. Сосуды изготовлены на месте, так как их горло подправлено на круге. На некоторых костяках обнаружены следы охры, что также является особенностью степных культур.

Могильники Гиссарской долины и окрестностей г. Нурека: I – Тандырбул. Керамика и скульптура из необожженной глины; II – Нурекский могильник. Керамика; III – Кумсай. План и разрез могилы. Керамика, бронзовые украшения.

Что касается Кумсай, то там соотношение материалов иное. Все украшения, как и большая часть сосудов, найденных в этом могильнике, принадлежат стенным типам. Среди этих сосудов есть горшки – и с каннелюрами, и с гребенчатым орнаментом. Однако часть погребений, преимущественно детских, сопровождается типично молалинскими формами керамики.

Степной инвентарь могильников Гиссарской долины имеет полные аналогии в материалах андроновских погребальных комплексов долины Зеравшана, откуда, вероятно, эта культура и распространилась на территорию Южного Таджикистана. Более удаленные аналогии прослеживаются в тазабагыбских памятниках Казахстана. Эти комплексы датируются XIV-XIII или XIII-XII вв. до н.э. В материалах культуры Сапалли отдельные андроновские украшения появляются уже в XIII в., в период Кузали¹²⁰. Могильники Гиссарской долины, учитывая наличие в них молалинской керамики, вероятно, можно датировать первой половиной XII в. до н.э.

В западной части Гиссарской долины, вблизи Пахтаабада, также известны отдельные находки керамики степной бронзы с орнаментом, выполненным гребенчатым штампом и принадлежащим к тому же типу, что и орнамент на горшках из Кумсаа.

Далее на восток, в окрестностях г.Кафирниган и поселка Кокташ при строительных работах неоднократно находили гончарные сосуды молалинского этапа культуры Сапалли: вазы, миски, горшки. Вероятно, здесь также располагались могильники, близкие по времени к Тандырыулу и Кумсаю.

Более поздние материалы обнаружены при исследовании могильников на левобережье среднего течения Вахша, несколько выше г. Нурека¹²¹. Здесь представлена гончарная керамика, характерная для оседлоземледельческой культуры Бактрии последней четверти II тыс. до н.э., правда, есть и значительное количество лепных светлоглиняных сосудов, аналогичных найденным на Тегузаке. В инвентаре могильников есть также бусы из агата, лазурита, мела, типичные для культуры Сапалли, однако здесь найден и однолезвийный бронзовый нож со слегка загнутым назад концом, характерный для степных культур. Уникальным является массивное золотое височное кольцо с несомкнутыми концами и пятью шпиками, один из которых имеет бирюзовую вставку.

На среднем течении Вахша, на адрах предгорий хребта Санглок, в 5-7 км ниже Тегузака, существовало несколько крупных могильников. Они были обнаружены при сооружении Нурекского водохранилища. Вероятно, вблизи них находились и поселения, которые в настоящее время затоплены водой. Можно предположить, что жители этих поселков использовали Тегузак в качестве летовки для сезонного содержания скота и получения дополнительных урожаев с располагавшихся там богарных полей. Интересно отметить, что в Нурекских могильниках, так же как и в "некрополе" Кангурттута, отсутствовали погребения, лишь в двух случаях были обнаружены останки человеческих костей очень плохой сохранности.

Материалы Нурекских могильников и Кангурттута хронологически близки, и поэтому можно предположить, что "кенотафы" в том и другом случае явились отражением сходных верований и обрядов.

Нурекские могильники принадлежали тому же бактрийскому населению, которое расселилось в предгорьях Южного Таджикистана в эпоху поздней бронзы. В этом же регионе, в непосредственной близости от могильников, прослежены и следы недолговременного обитания степных племен, пришедших сюда из более северных районов. Над верхними слоями поселений неолитической гиссарской культуры Туткаул и Сайед найдены керамика и металлические изделия степной бронзы. Степная керамика обнаружена и в ряде других пунктов по берегам современного Нурекского водохранилища¹²². Южнее, вблизи г.Курган-Тюбе располагалась описанная выше стоянка степных племен. Отдельные фрагменты керамики найдены также недалеко от Джилкикульской переправы. Речные долины, вероятно, являлись основными путями продвижения степных племен на юг, и одним из таких путей была Вахшская долина.

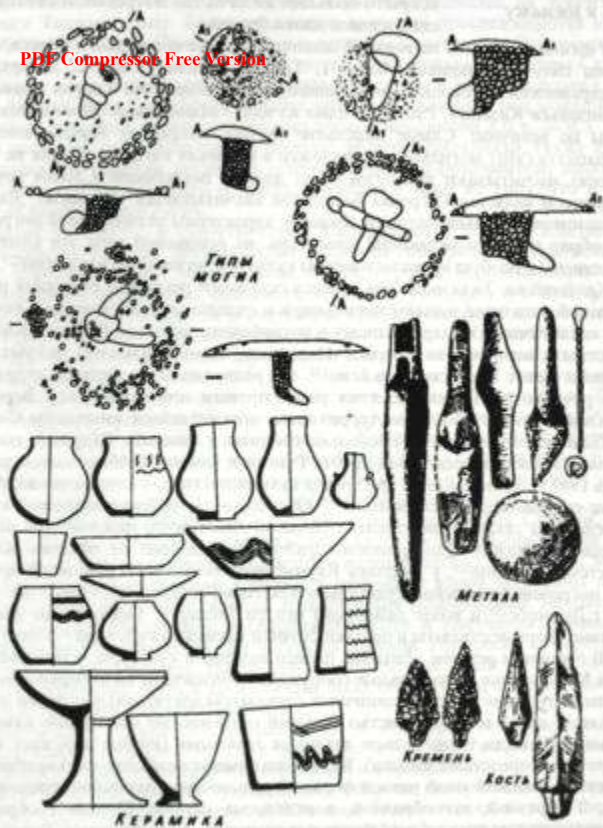
Могильники низовьев Вахша и Кизылсу

В низовьях крупных правых притоков Пянджа – Амударьи в местах, непригодных для земледелия, вскрыто большое количество погребений скотоводческих племен эпохи бронзы.

В низовьях Вахша, на верхней лёссовой террасе его правого берега, исследованы **PDF Compressor Free Version** Тигровая Балка, Ойкуль, Джаркуль и Амударьинский. Несколько могильников расположено на адырах правобережья низовьев Кизылсу. Раскопан один из них – Макозимор. Могильники различны по величине. Самые маленькие из них, например, Амударьинский и Майдапатга (этот могильник расположен в низовьях Кизылсу и пока не исследовался), насчитывают немногим более десятка погребений. Самым крупным комплексом является Тигровая Балка, где насчитывается 130 могил. Для всех могильников низовьев Вахша и Кизылсу характерны стандартный погребальный обряд и сопровождающий инвентарь, на основании чего эти комплексы объединены в особую археологическую культуру, названную вахшской¹²³.

Крайний юг Таджикистана являлся основным регионом обитания племен вахшской культуры, однако могильники и отдельные захоронения с инвентарем, аналогичным обнаруженному в погребениях низовьев Вахша и Кизылсу, известны и значительно севернее. Например, такой могильник открыт возле кишлака Гелот Восейского района¹²⁴. Он расположен на верхней террасе сухого речного русла, являвшегося ранее правым притоком Яхсу. Вероятно, могильник существовал и на территории, занятой сейчас кишлаком Сарбаид Куйбышевского района¹²⁵. Несколько севернее, у кишлака Шаршар, расположенного в южных предгорьях хребта Ранган в том же Куйбышевском районе, еще в 1941 г. были найдены три сосуда вахшского типа, которые, по-видимому, также сопровождали захоронение¹²⁶. Отдельные погребения вахшской культуры известны также возле кишлака Исанбай Ленинского района¹²⁷, на окраине кишлака Алиджон Дангаринского района¹²⁸, недалеко от поселка Кангурт Советского района¹²⁹, у кишлака Каримберды Восейского района. Разрозненные погребения вахшской культуры открыты в Гиссарской долине – на окраинах г. Душанбе¹³⁰ и возле районного центра Гиссар¹³¹. Недалеко от Дангара недавно впервые открыты и остатки стоянки вахшской культуры – Ташгузар.

В основном регионе обитания племен вахшской культуры, в низовьях Вахша и Кизылсу, все погребальные сооружения обозначены на поверхности невысокими круглыми (лишь в единичных случаях квадратными) насыпями диаметром от 2 до 15 м. Большинство насыпей опоясано по основанию каменным кольцом. Иногда такие кольца являются двойными (второе окружает курган снаружи, за пределами насыпи). Все могилы имеют подобно-катакомбное устройство с входной ямой разной формы (овально-прямоугольной, трапециевидной, Т-образной, дугообразной, в отдельных случаях П- или Г-образной). Входные ямы плотно забиты крупными камнями – булыжниками. Все погребения совершены по обряду труположения, скорчено, на боку. При этом мужчины почти всегда хоронили на правом боку, лицом ко входу в погребальную камеру. Для женщин стандартного положения не было, хотя чаще всего их укладывали в могилу на левый бок. Ориентировки погребений различны. Преобладают одиночные захоронения, но встречаются и парные, одновременные и разновременные. В парных разнополюх погребениях умерших располагали лицами друг к другу. В могильниках вахшской культуры обнаружено очень мало детских захоронений. Дети составляют всего 6% от общего количества погребений и чаще всего захоронены под одной насыпью со взрослыми¹³².

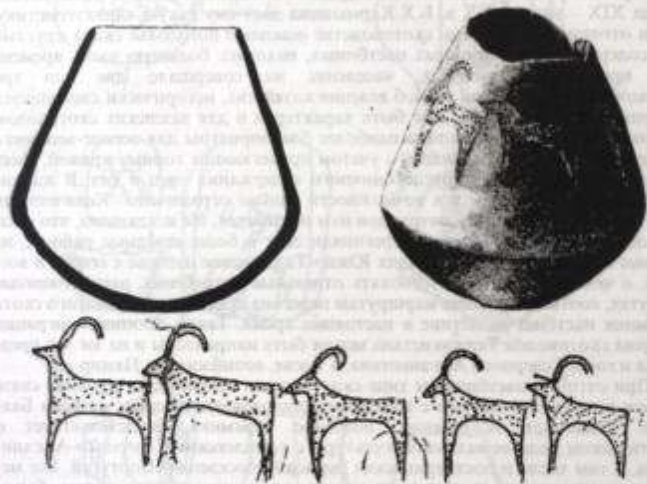

Археологический комплекс вахшской культуры

Погребения сопровождаются преимущественно керамикой, 70% которой выполнено вручную и 30% на гончарном круге, при этом лепные сосуды копируют гончарные образцы по форме и даже по размерам. Керамика вахшской культуры характеризуется стандартным набором форм, среди которых наиболее многочисленными группами являются баночные и биконические сосуды, а также открытые, без выделенного горла горшки. На одном из таких горшков из могильника Джаркуль изображено пять идущих один за другим

горных козлов. Многие сосуды украшены прочерченным орнаментом в виде полос из прямых и волнистых линий. Кухонные горшки часто имеют округлое дно и установлены в могилах на миниатюрный очаг, сложенный из трех небольших камней. Вероятно, очаги такой формы использовались и в быту.

Металлические изделия в могилах редки. Это преимущественно ножи разной формы и каменные изделия (навершие булавы, кремневые наконечники стрел). Многие захоронения сопровождаются ребрами барана – остатками заупокойной пищи.

Могильник Джаркуль. Сосуд с изображением шестивия козлов

В могильнике Тигровая Балка вскрыты два погребения, принадлежащие представителям родоплеменной знати. Одно из этих погребений одиночное мужское. В нем, помимо сосудов, найден уникальный бронзовый кинжал. Другое захоронение парное – мужчины и женщины, оно также сопровождалось бронзовым предметом – резак или "бритвой", вероятно, используемым при разделывании мяса. В том и другом случае ритуал захоронения сопровождался возжиганием вокруг могилы огненного кольца, состоящего из расположенных по кругу костров. В кострах одного из курганов обнаружены мелкие обгорелые кости барана – следы жертвенной пищи, а другое захоронение сопровождалось каким-то возлиянием в огонь, от чего зола спеклась в плотный комок. Сильная прокаленность стен ямок, в которых были зажжены костры, свидетельствует о том, что огонь горел здесь, очевидно, в течение нескольких дней. После свершения ритуала над каждым из костров была воздвигнута земляная насыпь, такая же, как и над могилами, только меньшего размера. Культ огня в виде отдельных костров или угольков в погребальной камере прослежен и в некоторых других погребениях.

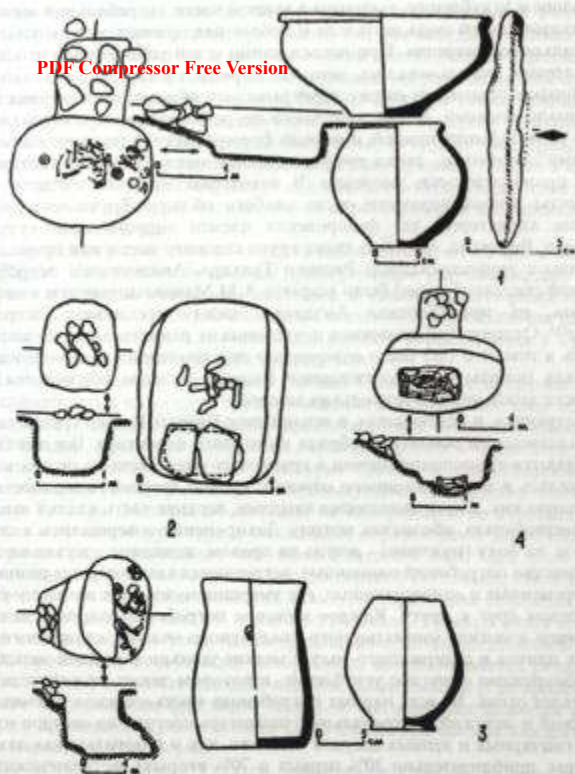

В могильниках вахшской культуры много кенотафов. Иногда это действительно пустые могилы, только с инвентарем, но чаще всего это просто холмики-насыпи, под которыми нет никакого погребального сооружения. Возможно, такие курганы были связаны с поминальными обрядами, с культом умерших или предков.

Происхождение вахшской культуры связано с переходом в конце бронзового века части древнебактрийских племен к преимущественному занятию скотоводством. Вероятно, оно имело отгонно-пастбищный характер. По этнографическим материалам южных районов Таджикистана и Узбекистана конца XIX – начала XX в. Б.Х.Кармышева дает ему такую характеристику: "При отгонно-пастбищном скотоводстве основное поголовье скота круглый год содержалось на сезонных пастбищах, находясь большую часть времени под присмотром пастухов; население же совершало две или три переселения"¹³. Близкий способ ведения хозяйства, исторически сложившись в конце бронзового века, мог быть характерен и для вахшских скотоводов. Южные районы Таджикистана наиболее благоприятны для осенне-весеннего содержания стад на пастбищах, с учетом прилегающих горных краев, здесь имеются условия и для круглогодичного содержания овец и коз. В жаркие летние месяцы, однако, эти возможности сильно ограничены. Количественный состав стад древних скотоводов нам неизвестен. Не исключено, что с наступлением летней жары они перегоняли скот в более северные районы, на склоны хребтов, ограничивающих Южно-Таджикское нагорье с севера и востока, о чем могут свидетельствовать отдельные погребения, расположенные на путях, соответствующих маршрутам перегона стад мелкого рогатого скота с зимних пастбищ на летние в настоящее время. Такие сезонные миграции древних скотоводов Таджикистана могли быть направлены и на юг – в предгорья и горы Северного Афганистана, а также, возможно, на Памир.

При отгонно-пастбищном типе скотоводства сохранилась прочная связь племен вахшской культуры с жителями оседлоземледельческих оазисов Бактрии. Инвентарь погребений, особенно керамика, свидетельствует о генетическом родстве вахшской культуры с комплексами Северного Афганистана, в том числе и постхарарских периодов поселения Шортутай. Все металлические изделия из вахшских могильников принадлежат типам, бытовавшим в ареале оседлоземледельческих культур. В то же время некоторые черты вахшской культуры свидетельствуют о влиянии на ее формирование комплексов степной бронзы. В конструкции погребального сооружения в качестве такой черты может рассматриваться курганная насыпь с каменным кольцом, не известная оседлоземледельческим племенам Бактрии, а в керамическом производстве – орнаментация некоторых кухонных горшков, а также украшение их наклепными валиками, весьма характерными для комплексов поздней бронзы степной зоны.

Могильники долины Кафирнигана и в долине Кафирнигана, также являющегося одним из крупных правых пригогов Амударьи. Большинство погребений сосредоточено в узкой межгорной Бешкентской долине, расположенной в низовьях реки и ограниченной на западе хребтом Туянтау, а на востоке – небольшим хребтом Аруктау. Здесь раскопаны могильники Ранний Тулхар, Ранний Аруктау, Бешкент I, Бешкент II и Бешкент III¹⁴. Погребальные обряды, прослеживаемые по материалам этих компактно расположенных могильников, являются чрезвычайно разнообразными, что свидетельствует о сложных этнокультурных процессах, происходящих на юге Таджикистана в эпоху поздней бронзы.

Могильник Ранний Тулхар. Основные типы погребальных сооружений

Наиболее крупным могильником является Ранний Тулхар. Здесь вскрыто 75 могил. Частично прослежена их внутренняя стратиграфия, т.е. известны случаи, когда могила одного типа прорезает могилу другого типа и, следовательно, является более поздней по отношению к ней. Однако хронологический разрыв между погребениями разных типов в целом невелик, так как при этом наблюдается определенная преемственность как в деталях, так и в проявлении тех или иных обрядов.

Наиболее ранней является группа погребений, совершенных в грунтовых ямах по обряду трупосожжения. Само трупосожжение совершалось не в могиле, а на стороне. Труп сжигался полностью, от него оставались лишь мел-

кие кальцинированные кости. Они тщательно собирались и захоранивались в специальном углублении, вырытом в южной части погребальной ямы. Вместе с остатками костей сюда попадала и небольшая примесь золы и угольков из погребального кострища. При исследовании углей установлено, что для сжигания групп использовались местные породы кустарников. Углубление с сожженными останками сверху перекрывалось обломками плитняка или удлиненными камнями. В северной части погребальной ямы сооружалась выкладка из небольших камней, имеющая форму свастики или круга с четырьмя "спицами". Возможно, такая дифференциация выкладок соответствовала половой принадлежности умершего. В некоторых могилах найдены мелкие фрагменты лепной керамики очень слабого обжига. Трупосожжение было наиболее характерно для федоровских племен андроновской культурной общности. Вероятно, одной из таких групп степного населения принадлежали и могилы с трूपосожжением Раннего Тулхара. Аналогичное погребение (с каменной свастикой в яме) было вскрыто А.М. Мандельштамом и в местности Бабашов, на правом берегу Амударьи, между станциями Ташрабат и Мукры¹³⁵. Отличие бабашовского погребения от раннестухарских заключается лишь в том, что оно было совершенно под земляной курганной насыпью, тогда как могилы с трूपосожжением Раннего Тулхара обозначены на поверхности выкладкой из нескольких камней.

Следующая, и наибольшая, в могильнике Ранний Тулхар группа погребений выделяется на основании обряда и сходного инвентаря. Все эти погребения являются трूपоложениями в грунтовых ямах, одна из стенок которых сооружалась в виде наклонного спуска с уровня древней поверхности в погребальную яму. Спуск заполнялся камнями, верхняя часть кладки выступала над поверхностью, обозначая могилу. Захоронения совершались в скорченной позе, на боку (мужчины – всегда на правом, женщины – всегда на левом). Большинство погребений одиночные, встречаются также парные разнополые, разновременные и одновременные, где умерших мужчину и женщину укладывали лицом друг к другу. Каждое мужское погребение сопровождалось сооружением в могиле миниатюрного квадратного очажка, сложенного из каменных плиток и содержащего золу и мелкие угольки. В каждой женской могиле обнаружено округлое углубление, в котором также на короткое время разжигался огонь. Во всех парных погребениях таких очажков неизменно два – мужской и женский. Погребальный инвентарь состоит из сосудов (соотношение гончарных и лепных сосудов такое же, как и в могильниках вахшской культуры: приблизительно 30% первых и 70% вторых), металлических изделий (ножей листовидной формы, часто с изогнутым концом лезвия; кинжалов; "брить"; зеркал; круглых и с боковой ручкой; булавок; найдены также тесло и наконечник стрелы); среди каменных изделий – кремневые наконечники стрел и бусы. Многие погребения сопровождаются костями мелкого рогатого скота – остатками положенной в могилу мясной пищи.

Эти погребения объединены А.М. Мандельштамом в особую белкентскую культуру. Она сформировалась на основе как земледельческих, так и степных компонентов. Устройство погребальных сооружений имеет прямые аналоги в могильниках культуры Сапалли как на территории Узбекистана (Джаркутан), так и Гиссарской долины Таджикистана (Тандырйуд), где есть могилы со ступенчатым спуском¹³⁶. Разница между ними лишь в том, что в Джаркутане, могильнике оседлоземледельческого населения, на ступеньках лежат сырцовые кирпичи, а не камни, как в могильнике скотоводов Ранний Тулхар. В

Тандырйуле, как и в Раннем Тулхаре, могилы обозначены на поверхности выкладкой из нескольких камней. Вся гончарная керамика бешкентской культуры представлена типами, характерными для комплекса Молали, однако здесь совершенно отсутствуют вазы, так как сосуды на ножке были не удобны для использования в бытовом обиходе. Лепная керамика имеет значительное сходство с некоторыми группами сосудов вахшской культуры. Большинство металлических изделий Раннего Тулхара также принадлежит к типам, характерным для земледельческих культур, но среди них есть и изделия (ножи, кинжал) степной бронзы. Возможно, та группа населения, которой принадлежали могилы с трупосожжением, также приняла участие в сложении бешкентской культуры, о чем может свидетельствовать стандартное проявление культа огня в каждой могиле, что не характерно для погребений оседло-земледельческих племен.

Захоронения в трех ямах со спуском свидетельствуют об ином погребальном обряде. На дне этих ям имеется прямоугольное углубление, дно и стенки которого выложены обломками плитняка. В таких миниатюрных каменных ящиках захоронены кости расчлененных скелетов после очищения их от мягких тканей. Этот обряд в значительной степени перекликается с будущими зороастрийскими погребальными традициями.

Наиболее поздней в могильнике Ранний Тулхар является группа погребений, совершенных по обряду труположения в катакомбах. Они сопровождаются только лепной керамикой характерных для вахшской культуры типов. Очевидно, появление этих могил отражает приход в Бешкентскую долину группы населения вахшской культуры. Однако в погребальном обряде прослеживается преемственность и с предыдущими традициями захоронений Раннего Тулхара. Могилы обозначены на поверхности не курганной насыпью, как в вахшской культуре, а выкладкой, образованной выходящим наружу верхним рядом каменного заполнения входной ямы. При этом входная яма заполнялась камнями лишь до уровня верхней ступеньки, как и в ямах со спуском (для могильников вахшской культуры характерна сплошная забивка камнями всей входной ямы). В каждой из катакомб Тулхара опять прослеживается стандартное, но иное, чем в предыдущих типах погребальных сооружений, проявление культа огня: захоронения сопровождаются разжиганием огня на верхней ступеньке входной ямы, а в камеру зола и угли приносятся на обломке плитняка или фрагменте сосуда. В могильниках низовьев Вахша и Кизыльсу проявление культа огня не было обязательным для каждого погребения и имело разные формы.

Две могилы Раннего Тулхара представляют собой каменные ограды квадратной формы с овальной ямой внутри. Ограды отражают влияние степных обрядов погребения. Одно из захоронений является женским и сопровождается лепным сосудом вахшской культуры и круглым зеркалом, характерным и для вахшской, и для бешкентской культур, а также костями барана. Другое захоронение – мужское, и сопровождается скелетом ягненка без черепа. Вокруг черепа каждого из погребенных внутри каменных оград – узкая полоса из золы и угольков.

Не менее сложное смешение различных культурных традиций прослеживается и в других могильниках Бешкентской долины. В Раннем Аруктау представлены два типа погребальных сооружений. Преобладают каменные ограды округлой или прямоугольной формы, иногда спаренные. Захоронения совершались на уровне древней поверхности и сверху засыпались камнями. Внутри

каждой ограды – одиночные погребения на правом боку, в скорченном положении. Инвентарь: сосуды, аналогичные происходящим из погребений бешкентской культуры, а также бронзовые серпы, украшения, кости барана. Одна из могил представляет собой яму прямоугольной формы под каменным курганом. В ней захоронена девушка в скорченном положении, на левом боку. Погребение сопровождается сосудами, бронзовыми браслетами и сергами.

Могильник Бешкент I наиболее близок к комплексам вахшской культуры. Он состоит из курганов, под которыми располагаются катакомбные погребальные сооружения. Могильник ограблен. Инвентарь представлен только керамикой. В 100 м севернее могильника расположены семь сооружений в виде каменных колец диаметром от 1,3 до 5,8 м. Могил внутри них не обнаружено.

В Бешкенте II раскопана могила в виде каменного ящика. Ее стенки обложены поставленными на торец крупными каменными плитами. Сверху ящик перекрыт плитами, положенными плашмя. Такое устройство могилы типично для племен андроновской культурной общности. Внутри ящика находились разновременные захоронения трех человек: двух взрослых и одного ребенка. Инвентарь состоит из гончарной миски молдалинского типа, двух лепных горшков, бронзового однолезвийного ножа степного типа с выделенной рукояткой и оттянутым назад концом лезвия, нескольких звеньев бронзовой цепочки, бронзового шила, галечного теса и бус – каменных и из бронзовой фольги.

У подножия возвышенности, на которой раскопан каменный ящик, находятся 12 выкладок из камней, имеющих форму незамкнутых колец, открытых на восток. Диаметр колец от 4 до 5 м. В центре колец каменные выкладки округлой формы. Кольца вытянуты цепочкой. Общая длина цепочки 50 м, интервалы между кольцами 3–10 м. Погребений внутри колец не обнаружено. Под центральными выкладками находятся очаги, заполненные золой. В 90 м северо-западнее цепочки колец находится каменная выкладка диаметром 6,25–7 м, вокруг которой расположены скопления камней, образующие четкое кольцо диаметром 10,5–20 м. Погребений в этом сооружении не обнаружено: под центральной выкладкой найден лишь фрагмент гончарной миски, а камни боковых выкладок лежат непосредственно на материке.

Бешкент III назван могильником условно, так как он состоит только из кольцевых каменных выкладок, не содержащих погребений. Внутри выкладок обнаружены выемки из положенных плашмя каменных плит и фрагменты керамики. Преобладает гончарная керамика (в основном фрагменты горшков) из красно-желтого теста с лощением. Среди фрагментов лепных сосудов два украшены орнаментом, характерным для степных культур. Найдена также кремневая проковка.

Кольцевые каменные выкладки являются характерными для Бешкентской долины. Вопрос об их назначении представляется затруднительным. Возможно, их сооружение было связано с каким-либо ритуалом, например, с номинальным обрядом. В этом плане они имеют аналогии с так называемыми “жертвенными кругами”, широко известными у андроновских племен Центрального Казахстана¹²⁷. Однако нельзя полностью исключить, что бешкентские каменные кольца являются остатками обкладки оснований каких-то жилищ легкого типа.

Могильники скотоводческих племен известны и в других частях долины Кафирнигана, например, возле кишлака Исанбай¹²⁸. Две могилы вскрыты в оазисе Шах, расположенном в самых низовых реки. Одно из этих погребений парное и содержало богатый инвентарь, включающий сосуды, бронзово-золотые бляхи и большое количество разнообразных бус из бронзы, серебра, пасты и полудрагоценных камней¹²⁹.

Случайные находки эпохи бронзы

С территории Таджикистана известно значительное количество случайных находок эпохи бронзы, среди которых есть уникальные предметы.

Топоры двух типов происходят из кишлаков Арачкин, вблизи Варлоба, Сангвор и Шаршар в 40 км к югу от Душанбе¹⁴⁰. Оба типа топоров имели широкое распространение в зоне земледельческих культур преимущественно в конце III – начале II тыс. до н.э. Таджикистанские топоры, вероятно, имеют среднеазиатское происхождение. Орудия близких типов найдены, например, в Южной Бактрии, а также на поселении Саразм; вотивные топоры, сходные с шаршарским, известны на поселении Сапалли-тепа; из Дашлы 3 происходит литейная форма для изготовления топора близкого типа. Учитывая новые находки, очевидно, можно предположить более широкие хронологические рамки бытования типов топоров, происходящих с территории Таджикистана.

Бронзовый ножжал, близкий к изделиям закавказско-луристанских типов, найден в кишлаке Рамит, вблизи г.Кафирниган. Он датируется концом II тыс. до н.э.¹⁴¹

Из окрестностей г.Нурека происходит фрагмент горла серебряного сосуда, украшенного геометрическим орнаментом и рельефными выпуклыми шишечками. Аналогичная орнаментация характерна для группы сосудов, входящих в состав клада, обнаруженного в местечке Фуллол в Северо-Восточном Афганистане и связанного с цивилизацией древней Бактрии. Нурекский фрагмент найден вместе с двулезвийным бронзовым ножом-теслом¹⁴².

Также с территории Нурека происходит однолезвийный бронзовый нож с выделенной рукоятью и отогнутым назад концом лезвия. Такие ножи имели широкое распространение в комплексах Южного Таджикистана в конце бронзового века. Они встречены как на поселениях, так и в могильниках. Ножи такого типа наиболее известны в культурах степной бронзы. Что касается генезиса этой формы, то, по мнению Е.Е.Кузьминой, ее прототипом могли быть иранские ножи сходных очертаний, найденные в Тепе Гиян в слоях второй – четвертой четвертей II тыс. до н.э. В таком случае среднеазиатские экземпляры явились промежуточным звеном между иранскими и евразийскими ножами этого типа¹⁴³.

Другие случайные находки бронзового века с территории Южного Таджикистана (бронзовые кельты, наконечники стрел, браслеты и другие изделия) также указывают на связи как с южными земледельческими, так и с северными степными культурами.

Этнокультурные процессы на юге Таджикистана в конце бронзового века

Памятники эпохи поздней бронзы юга Таджикистана ярко свидетельствуют о тех сложных этнокультурных процессах, которые были характерны для Средней Азии в эту эпоху.

Являясь частью территории древней Бактрии, Южный Таджикистан именно с ней был прежде всего связан в своем историческом развитии. Традиции оседлоземледельческого населения древней Бактрии имеют четкое отражение в различных категориях материальной и духовной культуры, прослеживаемой по материалам южно-таджикистанских комплексов, и в целом являются здесь ведущими, хотя они и видоизменяются в новых условиях, особенно в связи с переходом части племен к преимущественному занятию скотоводством.

Другой компонент, участие которого в этнических и культурных процес-

сах на юге Таджикистана является бесспорным – это племена степной бронзы и, прежде всего, андроновской культурной общности. Наиболее близкие связи прослеживаются с андроновскими комплексами Казахстана и долины Зеравшана. Движение степных племен на юг Средней Азии не было простым, по пути через другие регионы их традиции претерпевали значительные изменения. Материалы памятников Южного Таджикистана отражают непосредственные контакты населения двух основных культурно-хозяйственных зон Евразии – оседлоземледельческой и степной – и иллюстрируют различные модели таких контактов: сосуществование, обмен, взаимовлияния и интеграцию различных культурных традиций. По-видимому, взаимоотношения разнокультурных племен носили мирный характер, во всяком случае на юге Таджикистана нет никаких данных, которые свидетельствовали бы в пользу обратного заключения.

В Южном Таджикистане пока не найдено памятников ранней и развитой бронзы. На современном уровне исследований имеются прямые подтверждения гипотезы о доживании неолитической гиссарской культуры на этой территории вплоть до прихода сюда племен позднебронзового века¹⁴⁴. Об участии местного населения в формировании комплексов эпохи бронзы на юге Таджикистана свидетельствует наличие в материалах всех горных поселений каменных орудий, выполненных в технике гиссарского неолита. Вероятно, в новых экологических условиях племенами бронзового века были использованы и некоторые традиционные приемы устройства жилищ, практикуемые носителями гиссарской культуры. Широкое применение камня в архитектуре, отмеченное на всех горных поселениях Южного Таджикистана, не было характерно для оседлых земледельцев Бактрии. У некоторых степных племен, особенно в Центральном Казахстане, напротив, каменные конструкции играли ведущую роль в строительном деле, достигнув здесь уровня подлинного искусства¹⁴⁵. Строительные приемы, используемые жителями горных поселений Южного Таджикистана эпохи бронзы, значительно более примитивны. Конечно, учитывая генетическую направленность культурных связей степных племен, пришедших в Бактрию, именно с комплексами Казахстана, можно сделать предположение о перенесении ими на новую территорию и некоторых архитектурных традиций. Однако с использованием камня были хорошо знакомы и обитавшие в горных районах Южного Таджикистана племена гиссарского неолита. Они применяли битый камень при сооружении площадок в виде выкладок – полов. Для позднего этапа гиссарской культуры прослежены также скопления камней в виде полос, возможно, представляющие собой основания стен жилищ¹⁴⁶. Площадки из битого камня, а также выстилки полов в помещениях гальками и обломками известняка открыты и на поселениях эпохи бронзы Тегузак и Дахана. Каменные фрагменты стен являются основой строительных конструкций на всех горных поселениях Южного Таджикистана.

Вероятно, в конце бронзового века в результате слияния различных культурных традиций (бактрийской оседлоземледельческой, пришлой степной и местной неолитической) на юге Таджикистана сложились как основные направления хозяйственной деятельности населения этого региона – отгонное скотоводство и богарное земледелие, так и приемы сельского домостроения, до наших дней практикуемые здесь, а их истоки, естественно, восходят к еще более ранним эпохам.

Средняя Азия и индоевропейская проблема

История Средней Азии в бронзовом веке реконструируется главным образом по материалам археологических исследований, никаких письменных источников для этой эпохи не имеется. Однако по более поздним данным верно известно, что в VII-VI вв. до н.э. на всей территории Средней Азии обитали племена и народности, принадлежавшие к иранской этнической группе.

Самым древним памятником иранской письменности является "Авеста" – собрание священных книг зороастрийской религии. Ее наиболее ранние части, по-видимому, были созданы уже в первой половине I тыс. до н.э. При изучении языка "Авесты" учеными обнаружено его большое сходство с языками древнейшего сборника священных гимнов Индии "Ригведы". Время создания этого памятника обычно связывается со второй половиной, а чаще всего с последней четвертью II тыс. до н.э.¹⁴⁷ Полного единства в датировке этих важнейших литературных источников среди ученых нет, хотя и общепризнано, что "Авеста" значительно моложе "Ригведы". Наиболее близки язык "Ригведы" и "Гат" самой ранней части "Авесты". Сходство между ними прослеживается и в особенностях стихосложения. Язык "Ригведы" и "Гат" в целом различается между собой значительно меньше, чем современные иранские и индийские языки.

"Ригведа" и "Авеста" – памятники религиозной литературы. В целом они различны по своей идейной направленности. Основная часть "Ригведы" посвящена восхвалению богов древней Индии, а "Авеста" – это собрание религиозных текстов зороастризма (в "Гатах", в частности, содержатся проповеди самого пророка Заратуштры). Однако в обоих источниках четко прослеживается общее идеологическое и религиозное наследие их создателей, проявляющееся в мифологии, мировосприятии, космологии, сходных культах, одинаковых именах богов и героев. Хотя "Ригведа" и "Авеста" не содержат прямых сведений исторического характера, однако по различным частям их текстов можно судить об общем экономическом и социально-политическом наследии древнеиндийских и древнеиранских племен. Те и другие имели также и общее самоназвание – "арья" (арии, арийцы). От этого слова происходит современное название "Иран".

На основании всех этих данных сделано справедливое заключение о том, что в определенный период истории предки древних иранцев и древних индийцев составляли единое целое, жили на одной территории и говорили на одном и том же языке, составляя индоиранскую (или арийскую) этническую общность. По мнению большинства ученых, их разделение произошло на рубеже III-II или в первой половине II тыс. до н.э.¹⁴⁸ С этого времени началось самостоятельное развитие иранских и индийских языков. Язык "Гат" – древнеиранский, а язык "Ригведы" принято называть индоарийским, в отличие от других языков, существовавших на территории Индии. И иранские, и индоарийские языки являются ветвью крупной индоевропейской семьи языков, в которую входят также славянские, германские, романские, кельтские, греческий, армянский и ряд других языков. Когда-то, еще в более далеком, чем индоиранское единство, прошлом, предки народов, говорящих теперь на различных индоевропейских языках, имели свою общую прародину.

Ученые самых разных отраслей знаний (лингвисты, историки, археологи, антропологи, этнографы, религиоведы и многие другие) уже в течение 200 лет занимаются как проблемами, связанными с общим индоевропейским насле-

дием и локализацией индоевропейской прародины, так и проблемами формирования отдельных этносов, путей и времени движения народов на те территории, которые они занимают в исторический период. Изучение этнической истории индоиранских и иранских народов является составной частью общей истории индоевропейцев.

За долгую историю существования индоевропейистики опубликовано огромное количество научных работ, содержащих различные выводы о прародине индоевропейцев. В большинстве случаев ее помещают на обширных пространствах от Центральной Европы до Урала с более узкой локализацией на начальном этапе то на Балканах, то в причерноморских степях или на других территориях. По мере выделения и распространения различных этносов эта территория расширялась. Прародину индоиранцев обычно помещают на восточных границах ареала, откуда они последовательными волнами распространялись на юг, в Среднюю Азию, Индию и Иран. Такая точка зрения в настоящее время поддерживается большинством бывших советских и зарубежных лингвистов и археологов¹⁴⁹.

О прародине индоиранцев высказывались и другие гипотезы. Например, по мнению ряда исследователей, формирование арийской языковой общности протекало на территории Средней Азии. Такой точки зрения, в частности, придерживался С.П.Толстов, аналогичные гипотезы были предложены В.М.Массоном, И.М.Дьяконовым и некоторыми другими учеными: земледельческие и степные племена признавались этнически родственными, но обладающими разным способом ведения хозяйства¹⁵⁰. В.И.Массоном было высказано предположение о связи процессов инфильтрации элементов геоксюрского неолитического комплекса в Афганистан и Белуджистан с началом распространения индоиранского этноса на индийский субконтинент¹⁵¹.

В течение длительного времени многими учеными признавалась гипотеза об индоиранской принадлежности комплексов серо-черной керамики Северо-Восточного Ирана (юселения Гиссар, Тюренгтепе, Шахтепе)¹⁵². Она в значительной степени совпала с другой гипотезой – о связи комплексов раннежелезного века в Западном Иране, где также была обнаружена серая керамика, с принесенным на эту территорию иранского этноса¹⁵³. Сейчас это положение подвергнуто резкой критике, в частности, на основании того, что в Западном Иране в последней четверти II тыс. до н.э. серая керамика имела широкое распространение и в областях, заселенных неираноязычным населением, что известно по письменным источникам¹⁵⁴.

В настоящее время наиболее распространена точка зрения, согласно которой древнеземледельческая Средняя Азия в IV – начале II тыс. до н.э. входила в зону распространения протодравидского языка, на котором говорили и носители харалпской культуры древней Индии¹⁵⁵. В эту же языковую общность, вероятно, входил и Белуджистан¹⁵⁶. Примыкающая к этой зоне часть Иранского плато являлась ареалом расселения племен, язык которых был близок эламскому.

В начале 70-х годов в индоевропейистике появилась принципиально новая теория, разработанная Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Ивановым. На основе реконструкции индоевропейского праязыка, выполненной с помощью методов сравнительно-исторического языкознания, они помещают прародину индоевропейцев не в Европе, а в Передней Азии, в связи с чем обосновываются и другие пути расселения индоариев и иранцев в Индию, Иран, Среднюю Азию и Афганистан, преимущественно с запада на восток¹⁵⁷. Т.В.Гамкрелидзе и

В.В.Иванов относят распад индоиранской общности к периоду на позднее конца IV тыс. до н.э., после чего начинается процесс независимых миграций разных индоиранских племен (индоарийцев, митанийских арийцев, кафилов, иранцев). Наличие одного из арийских диалектов документально зафиксировано в середине II тыс. до н.э. в государстве Митани, которое находилось на территории Северной Месопотамии. Здесь употреблялись индоарийские имена, засвидетельствован культ древнеиндийских богов (Индра, Варуна, Митра, близнецы Насатья); известен также трактат митанийца Киккули, написанный на хеттском языке, но содержащий индоарийские термины, связанные с тренингом лошадей. Появление индоариев в Индии относится приблизительно к середине II тыс. до н.э. По мнению Т.Г.Гамкрелидзе и В.В.Иванова, северная часть Иранского плоскогорья стала историческим ареалом индоиранского языка уже с первой половиной III тыс. до н.э. (культура Гиссар IIB). Носители иранского праязыка отделились от повернувших на восток индоиранцев и двинулись через Среднюю Азию на север, в причерноморские и волжско-уральские степи, вместе с протохарами и будущими "древнеевропейцами". Эту территорию Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов рассматривают в качестве вторичной прародины для ряда индоевропейских языков, в том числе и для восточноиранских (скифских) диалектов.

В миграционистских построениях, основанных на новой научной гипотезе, территории Средней Азии отводится ключевая позиция, хотя Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов допускают переселение некоторых индоевропейских племен и через территорию Кавказа (также с юга на север). Учитывая наличие ранних иранских заимствований в финно-угорских языках, авторы новой лингвистической теории считают, что такие контакты могли осуществляться на территории Средней Азии после конца III тыс. до н.э. и что жившее здесь население говорило на уральских (в частности, финно-угорских) языках. Следует заметить, что в литературе уже ставился вопрос о вхождении кельтеминарской неолитической культуры IV-III тыс. до н.э. в крупную общность, охватывающую Приаралье, Урал и юг Западной Сибири, где жили родственные племена – предки угорского населения¹⁵⁸.

Теория Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова находится сейчас в центре научных дискуссий. И хотя некоторыми учеными она подвергнута решительной критике¹⁵⁹, традиционная точка зрения о расселении индоевропейских, в том числе индоиранских и иранских племен в настоящее время сильно поколеблена, что вызвало новую волну активной полемики по всей проблеме в целом, а также в связи с археологическими открытиями в Средней Азии и сопредельных регионах.

Прежде всего это касается проблемы происхождения бактрийско-маргианской цивилизации бронзового века, которая в общих чертах уже была рассмотрена выше. По мнению В.И.Сарианиди, широкое расселение племен с единой материальной культурой и общими религиозно-мифологическими представлениями, истоки которых восходят к переднеазиатским традициям, было связано с распространением индоиранского этноса¹⁶⁰. Предприняты попытки связать археологические реалии бактрийско-маргианской цивилизации с некоторыми культами, ритуалами и идейными концепциями, зафиксированными в письменной традиции индоариев и иранцев. Наибольший интерес представляют впервые обнаруженные в Маргиане, в Тоголоке 21, вещественные свидетельства изготовления священного напитка индоиранцев – хаомы, или сомы, – из хвойного растения эфедры.

Рассматривая древнебактрийский пантеон, нашедший отражение в произведениях глиптики и сфрагистики, В.И.Сарианиди ставит вопрос о возможной связи крылатых божеств на печатках Бактрии с будущей иконографией образа Ахура Мазды, известной при Ахеменидах, а М.Э.Потье сравнивает некоторые женские фигуры с антропоморфными изображениями богини воды и плодородия Анахиты с ее описанием, содержащемся в "Авесте" (Яшт V). Многочисленные сцены борьбы доброго и злого начал, нашедшие отражение на бактрийско-маргианских амuletах, могут быть сопоставлены с религиозной концепцией, составляющей основное содержание мирового процесса в религиозной системе зороастризма. Выше уже приводились гипотезы о возможной связи планировки монументальных крепостей Маргианы и Бактрии с индоиранской концепцией об устройстве мира. По мнению В.И.Сарианиди, общественная номенклатура "Авесты" (дом-семья, род, или родовое поселение; область; страна) в общем виде может быть приложима также к Маргиане и Бактрии, а из трех социальных групп, характерных для индоиранского общества, по крайней мере, о двух (рядовые общинники и жрецы) также можно говорить уверенно. Особая роль жреческой прослойки в Бактрии также убедительно доказана на материалах храма огня, открытого на поселении Джаркутан. Прямых данных, которые свидетельствовали бы о выделении воинского сословия, в Маргиане и Бактрии нет, хотя оружие или его миниатюрные копии представлены в погребальном инвентаре значительным числом экземпляров.

Комплексы, аналогичные бактрийско-маргианскому, известны в Восточном Иране, Белуджистане, определенные влияния этой культуры прослеживаются в постхарапском комплексе Джухар в долине Инда. По мнению В.И.Сарианиди, расселение племен могло происходить в двух направлениях: на северо-восток (в Гиссар III, Маргиану и Бактрию) и юго-восток (в Южный Иран, Южный Афганистан, Белуджистан и Индию) из общего центра, находящегося на территории Восточного Ирана.

Гипотеза В.И.Сарианиди подвергнута критическому анализу¹⁶¹. С позиций традиционной точки зрения о расселении индоариев и иранцев из евроазиатских степей вызывает возражение прежде всего оседлоземледельческий характер культуры бактрийско-маргианского комплекса, в то время как общество, охарактеризованное в "Ригведе" и ранних частях "Авесты", является преимущественно скотоводческим. В письменной традиции индоариев и ранних иранцев также нет никаких упоминаний о храмах, неизвестен гончарный круг. Б.А.Литвинский предлагает считать храмы Маргианы и Бактрии "протоиранскими", когда в условиях иранизации оседлоземледельческих племен Средней Азии в результате распространения с севера носителей степных культур, религиозные верования и практика испытывали влияние местного субстрата, включавшего проникшие ранее на эту территорию протоиндийские элементы¹⁶².

По археологическим материалам наиболее соответствуют данным индоиранской письменной традиции хозяйственный уклад и структура общества племен бронзового века степных районов Евразии. Проблема соотношения археологических материалов этого региона с индоевропейским и индоиранским этносом наиболее детально рассмотрена в работах Е.Е.Кузьминой. Ею убедительно показаны процесс становления в евразийских степях производящего хозяйства с преобладающей ролью скотоводства, основные направления миграций, рассмотрены вопросы генезиса различных категорий материальной культуры индоиранских и иранских народов. По мнению

Е.Е.Кузьминой, с древними индоиранцами наиболее сопоставимы носители андроновской культуры¹⁶³. Распространение индоиранского этноса в земледельческих районах юга Средней Азии и далее, через ее территорию, в Иране, Афганистане и Индии связано с миграциями степных племен, носящими характер постепенной инфильтрации небольших групп населения, которые подчиняют себе автохтонных жителей, но воспринимают их материальную культуру. Археологическими критериями таких миграций следует считать преимущественно изменения в сфере идеологических представлений (погребальные обряды, культ новых животных, новые образы в искусстве), а также некоторые инновации этнической культуры, как, например, домашнее гончарство, архитектура жилища, одежда или оружие, принесенное с прародины. Этот тип миграций обычно связан с переселением племён из менее развитой культурно-хозяйственной зоны в более развитую.

Средняя Азия расположена в регионе контактов населения двух основных культурно-хозяйственных зон Евразии – оседлоземледельческой и степной, и сама входит в обе эти зоны, поэтому на ее территории следы взаимопроникновения разнокультурных племен могут быть прослежены наиболее полно, по сравнению с регионами, более удаленными.

Сразу же заметим, что, несмотря на явные следы появления на юге Средней Азии в эпоху поздней бронзы носителей степных культур, антропологические данные пока не дают никаких свидетельств, подтверждающих археологические наблюдения. Во всей южной зоне жило население средиземноморской расы, представленной несколькими локальными вариантами. Имеющиеся в археологической литературе сведения о появлении в эпоху бронзы в южных областях Средней Азии пришельцев протоевропеоидного типа, характерного для степных культур, не имеют под собой никаких фактических данных. Краниологические материалы долины Зеравшана, занимающей пограничное положение между земледельческим и степным регионами Средней Азии, также свидетельствуют о распространении здесь преимущественно средиземноморского расового типа, за исключением трех андроновских черепов из могильника поздней бронзы Дашти Козы¹⁶⁴. По мнению В.П.Алексеева, и западные группы андроновского населения имели в своем составе ощутимую примесь типов более южного происхождения¹⁶⁵. Важность антропологических материалов при выявлении направлений миграций не вызывает сомнений, и не исключено, что они отражают какие-то реальные передвижения племен с юга на север (через Среднюю Азию?) в предшествующую эпоху.

Одним из таких свидетельств является возникновение в долине Зеравшана поселения Саразм в конце, а возможно, и в середине IV тыс. до н.э., что связывается с прямым переселением племен геоксюрского варианта анауской культуры Южной Туркмении в регион, значительно удаленный от мест их обитания. Однако не исключено, что генезис культуры Саразма был более сложным, о чем могут свидетельствовать, например, сильные влияния североиранского культурного центра в металлургическом производстве, а возможно, и в гончарном, что нашло отражение в появлении серо-черной керамики. На более поздних этапах наблюдается преобладание культурных связей Саразма с регионами, лежащими к югу от Гиндукуша – Сеistanом и Белуджистаном. Отмечены также контакты с неолитическими комплексами северных районов Средней Азии. Определенные влияния степных регионов (а может быть, местных неолитических?) можно видеть в устройстве некрополя Саразма, относящегося к самому раннему периоду его существования. Может быть,

поселение, одновременное Саразму, существовало и значительно северовосточнее, о чем могут свидетельствовать находки в Восточной Фергане, вблизи г. Оша, двух каменных "гирь с ручкой", известных как в Саразме, так и в более южных сельскохозяйственных культурах¹⁶⁶.

В PDF Compressor Free Version
В эпоху позднего неолита наблюдается появление керамики геоксюрского стиля и в белуджистанско-сеистановских комплексах. Советские исследователи предпочитали говорить о геоксюрских влияниях на эти регионы или о прямом переселении туда части геоксюрских племен¹⁶⁷. В целом вопрос остается дискуссионным, особенно после открытия в Белуджистане комплекса Мергар, стратиграфия которого свидетельствует о непрерывном существовании населения в этом регионе, начиная с периода докерамического неолита¹⁶⁸. В значительной мере дискуссионна и проблема происхождения самого геоксюрского комплекса. В свое время были высказаны предположения о месо-потамско-эламских истоках некоторых его наиболее характерных черт, а также о существовании общего центра, откуда они могли распространиться в разных направлениях – в Туркмению и сеистано-белуджистанский регион как бы в качестве двух ветвей одного корня¹⁶⁹.

Не трудно заметить, что ареалы сходных комплексов в эпоху позднего неолита в значительной степени совпадают с зонами распространения культуры, аналогичной бактрийско-маргианской начала II тыс. до н.э., возможно, отражая реальные процессы миграций-племен в разные исторические эпохи. Распространение культурных традиций является при этом односторонним – из Передней Азии на восток, и в том и другом случае оно хронологически "запаздывает" по отношению к первоначальным центрам их возникновения, но совпадает по времени в Средней Азии и белуджистанско-сеистанском регионе. В.И.Сарианиди также отмечено совпадение маршрутов распространения более поздней культуры лепной расписной керамики начала I тыс. до н.э. с районами расселения племен бактрийско-маргианского комплекса¹⁷⁰.

Хотя выяснение конкретных механизмов распространения культурных традиций в эпоху древности в рамках торгового обмена, прямых или опосредованных связей или миграций различных групп населения по археологическим материалам при отсутствии письменных источников является задачей сложной, однако в определенные эпохи наблюдается активизация всех этих процессов, а следы миграций наиболее четко проявляются в тех регионах, где появившиеся культурные комплексы не имеют местных истоков, как, например, в Саразме или Маргиано-Бактрии.

Что касается контактов между зонами оседлых земледельцев и степных племен, то обычно принято считать, что культурные влияния при этом осуществлялись преимущественно с юга на север, а миграционные процессы населения происходили в обратном направлении – с севера на юг¹⁷¹. Однако это не так, и направление миграций, очевидно, зависело от конкретных для каждого случая причин. Говоря здесь о миграциях из южной земледельческой зоны на север, можно упомянуть и погребение в Зардча Халифа с типично бактрийским инвентарем, и возможное участие земледельческого населения юга Средней Азии в создании культуры Заманбаба. В той же Зеравшанской долине в эпоху бронзы жили и степные племена – носители тазабагыбской и андроновской культуры.

Учитывая новые материалы, сейчас нельзя говорить об односторонних миграциях в сторону Индии, о чем свидетельствует возникновение хараппского поселения Шортугай на берегу Амударьи.

Многообразие исторического процесса в контактных регионах Средней Азии отражает и всю сложность процессов этнических и языковых.

Что касается проникновения степных племен в земледельческие оазисы юга Средней Азии, то его наиболее ранние следы прослежены при раскопках крепости Тоголок I в Маргиане. Найденная здесь керамика, может быть наиболее сопоставлена с ранним периодом срубной культуры и в особенности с материалами прикаспийских стоянок. Один из фрагментов принадлежит еще более ранней полтавкинской культуре первой половины II тыс. до н.э. В целом весь комплекс степной керамики из Тоголока I можно датировать приблизительно в пределах XVIII-XV (или XIV) в.в. до н.э., что соответствует второму хронологическому периоду Маргианы. Как было показано выше, в этот период здесь появилось большое количество инноваций, особенно ритуально-культурного характера, однако все они связаны с кругом культур Восточного Ирана и Передней Азии. Не отмечено изменений и в погребальных обрядах, которые были бы вызваны влиянием именно степных племен.

В большинстве случаев степная керамика Маргианы найдена в подъемном материале с поверхности поселений или отдельных стоянок. Стратиграфически она соответствует концу существования поселений, однако на тех из них, где проводились раскопки, в материалах самих поселений, она не найдена. Поэтому не исключено, что эта керамика была принесена в Маргиану уже после запустения некоторых оазисов. Выше указывалось, что здесь пока не обнаружено комплексов, хронологически соответствующих кузалинскому и молалинскому этапам культуры Бактрии (в абсолютных датах это приблизительно середина XIV-XII вв. до н.э.). Возможно, запустение некоторых оазисов Маргианы в это время было связано с экологическими причинами: миграцией протоков р.Мургаб¹⁷² и опустыниванием дельты, которые могли иметь место в третьей четверти II тыс. до н.э. Степная керамика, происходящая с поверхности поселений и развешных стоянок, в целом однородна и наиболее сходна с тазабагыбскими комплексами низовьев Зеравшана, датируемыми приблизительно XIV-XIII вв. до н.э. Есть некоторое сходство и с керамикой срубной культуры Нижнего Поволжья XIII-XII вв. до н.э. Небольшое количество фрагментов степной керамики, аналогичной маргианской, происходит из подъемных сборов и к югу от Амударьи, в Северном Афганистане¹⁷³. Эта волна проникновения степных племен в Маргиану была наиболее массовой, однако, по имеющимся данным, можно заключить, что в большинстве оазисов Маргианы оседлоземледельческие и степные племена, вероятно, разминувшись во времени. Непосредственно из раскопок происходит степной сосуд в Тахирбае 3 – поселении финального этапа бактрийско-маргианской цивилизации бронзового века¹⁷⁴. Он имеет сходство с тазабагыбскими XIII-XI в.в. до н.э. и хронологически соответствует времени наиболее мощной волны продвижения на юг (и в земледельческие оазисы Средней Азии) носителей культур степной бронзы.

Что касается оазисов Северной Бактрии, то следы контактов древнеземледельческого населения с племенами степной бронзы впервые прослежены здесь в материалах кузалинского комплекса, где найдены характерные для степных культур браслеты. Наиболее интенсивные контакты отмечаются для молалинской и бустанской фаз культуры Сапалли¹⁷⁵.

Взаимодействие разнокультурных традиций (бактрийской оседлоземледельческой, пришедшей степной и местной неолитической гиссарской) и их ассимиляция наиболее отчетливо прослеживаются в комплексах Южного Тад-

жикистана. Бактрийская материальная культура, являющаяся основным компонентом в этих процессах, видоизменяется вследствие наложения на нее степных черт, что находит вещественное отражение также и в различных сферах деятельности. Развитие традиция общества, которое составляли племена юга Таджикистана в эпоху бронзы, позволяет провести многочисленные параллели с данными индоиранской письменной традиции. Прежде всего, это экономический уклад: при наличии земледелия преобладает скотоводство, связанное с разведением и крупного, и мелкого рогатого скота; среди домашних животных присутствуют также лошадь и собака. Домашние животные, как и некоторые дикие, особо почитаются, о чем свидетельствуют изображения на керамике, что само по себе, конечно, не является следствием степного влияния, а напротив, отражает глубокие, многовековые и именно земледельческие традиции древнего Востока, но среди этих изображений появляется и лошадь. На поселении Кангурттут найдена также терракотовая фигурка лошади. Здесь же вскрыто захоронение собаки, что, очевидно, заимствовано из ритуальной практики степных (федоровских) племен¹⁷⁶.

Наибольшие влияния степных культур прослеживаются в погребальных ритуалах скотоводческих племен Южного Таджикистана, где разнообразие обрядов и типов могил чрезвычайно велико. Ряд особенностей погребального обряда перекликается с данными письменной традиции, особенно с теми, которые отражены в "Ригведе"¹⁷⁷. Пока не совсем ясен погребальный ритуал, отмеченный в Кангурттуте, Тегузаке и Нурекских могильниках, где при наличии инвентаря отсутствуют скелеты самих умерших. Может быть, их сжигали где-то на стороне, а кенотаф сооружали лишь для души покойника без перемещения останков его кремации в могилу? Не исключено также, что при дальнейших исследованиях будет выявлена какая-то связь этого обряда с будущими зороастрийскими погребальными традициями, связанными с выставлением трупов на удаленном каменистом месте для съедания их животными или птицами, т.к. в могильниках Северной Бактрии в конце бронзового века известны и захоронения костей расчлененных скелетов.

Было бы ошибочным считать, что все инновации в погребальных обрядах Северной Бактрии связаны только с влияниями племен степной зоны. Например, практика широкого распространения вотивных бронзовых предметов в качестве сопровождающего инвентаря в могилах может быть связана лишь с кругом южных оседлоземледельческих культур. То же можно сказать и относительно появления скульптурных изображений людей в кенотафах, где они заменяют отсутствующий труп умершего. Например, не трудно заметить значительное (и возможно, иконографическое) сходство антропоморфной фигуры юноши из могильника Тандырыул с погребальной скульптурой Шахдада, расположенного в Керманском оазисе Ирана, где обнаружена значительная коллекция предметов материальной культуры, аналогичных бактрийско-маргианскому комплексу. Скульптура Шахдада, как и Тандырыула и других северо-бактрийских могильников, выполнена из необожженной глины¹⁷⁸.

Культ огня в Северной Бактрии прослежен и в могильниках, и на некоторых поселениях. Наличие этого культа было присуще и оседлоземледельческим, и степным племенам Средней Азии, однако ритуальное кострище Тегузак связано с религиозной церемонией "под открытым небом", как это характерно для культовой практики индоиранцев. И здесь, и в Тигровой Балке отмечены следы жертвоприношений огню, скорее всего в виде каких-то жирных веществ и, очевидно, пищи.

Взаимная ассимиляция материальной культуры земледельческих и степных племен выразилась в постепенном затухании степных керамических традиций, но при одновременном возрастании в комплексах количества лепных сосудов (в верхних слоях поселений уже есть и некоторые формы, характерные для последующего хронологического периода, являющегося переходным к раннему железному веку), в металлургическом производстве, напротив, резко возрастает роль степных центров.

Прослеживается и четкая линия преемственности элементов материальной и духовной культуры с последующими историческими эпохами: некоторые типы сосудов вахшской культуры, представленные в могильниках не единичными экземплярами, а целыми сериями, являются ближайшими генетическими прототипами наиболее характерных форм столовой керамики Бактрии ахеменидского времени, а ритуал разжигания расположенных по кругу костров при захоронении вождя в могильнике Тигровая Балка имеет наиболее близкие параллели в погребальном обряде сакских племен Приаралья и долины реки Или. Аналогии этому обряду в иранском мире можно провести и шире, например, с поминальными каменными кольцами вокруг раннескифского кургана Аржан в Туве.

Комплексы бронзового века Южного Таджикистана датируются преимущественно последней четвертью II тыс. до н.э. Степные племена, принявшие участие в их формировании, принадлежали к андроновской культурной общности. Большинство аналогий для материалов степной бронзы восходит к федоровской культурной традиции, прослеживаются и связи с комплексами Южного Приаралья. Для финального этапа северобактрийских памятников отмечено также влияние культур валиковой керамики. Сосуды с налешным валиком на горле найдены в могильниках вахшской культуры. Оригинальная переработка традиций валиковой посуды степной зоны, особенно саргаринских и бегазы-дандыбаевских комплексов Казахстана, прослежена в верхних слоях оседлоземледельческого поселения Джаркутан. Здесь орнаментированные в степных традициях валики помещены на ритуальные гончарные сосуды, связанные с культом огня.

Итак, по археологическим материалам Северной Бактрии можно уверенно говорить о взаимной ассимиляции здесь компонентов земледельческих и степных культур в конце бронзового века, что, безусловно, сопровождалось и активизацией процессов этногенеза. На рубеже II и I тыс. до н.э. в южных районах Средней Азии, вероятно, отмечается еще одна волна пришлого населения, связанная с распространением лепной расписной керамики. Направление миграций этих племен также является предметом оживленных научных дискуссий, включающих диаметрально противоположные точки зрения, а результатом взаимодействия новых пришельцев с племенами позднебронзового века является, вероятно, возникновение в Средней Азии доахеменидских государственных образований. Во всех этих многообразных процессах проблемы языковой ситуации при отсутствии письменных источников, безусловно, являются наиболее сложными.

На Индийском субконтиненте с индоариями наиболее часто сопоставляются культура серой расписной керамики Северо-Западной Индии или комплексы долины Свата в Северо-Западном Пакистане¹⁷⁹. В свое время Б.А. Лигинский обратил внимание, что материалы памятников бронзового века Южного Таджикистана обнаруживают черты сходства с близкими по времени комплексами долины Свата. Отмечена и некоторая связь антрополо-

гических серий этих регионов. Конечно, это вовсе не означает, что племена бронзового века Южного Таджикистана направились на Индийский субконтинент, просто эти материалы отражают сходные этнокультурные процессы, возможно, при разных путях племенных миграций (речь может идти и о других племенах, чем те, которые пришли на территорию Южного Таджикистана), и разрывы между существующих местных культур или традиции, усвоенных или видоизмененных во время продвижений через другие регионы.

Сложные процессы этно- и культурогенеза во II тыс. до н.э. были характерны для всей территории Центральной Азии. Комплексы Южного Таджикистана эпохи поздней бронзы являются ярким отражением таких процессов и, безусловно, играют чрезвычайно важную роль в истории формирования иранского этноса в Средней Азии, а их связь с конкретной территорией – югом современного Таджикистана – представляет большой интерес и в изучении этногенеза таджикского народа.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И МИРОВОСПРИЯТИЕ

Размеры первобытных коллективов

Общественная жизнь человеческих коллективов даже на самых ранних этапах исторического развития может показаться хаотичной лишь на первый взгляд.

Группы древнейших людей состояли из взрослых и детей, мужчин и женщин разного возраста, имевших в своих сообществах разные функции и занимавших разное положение. Были в них и предводители – самые сильные, умелые и авторитетные. Чем крупней коллектив, тем сложнее должна быть его организационная структура. Группы охотников и собирателей разных зон земного шара, в том числе, вероятно, населявших Среднюю Азию в палеолите, мезолите и отчасти неолите, не были большими: по предположениям этнографов, их размер в недавнем прошлом – 35-50 человек¹⁸⁰. Контакты между такими группами были относительно редкими, а их состав непостоянным. Общение вызывалось необходимостью брачных обменов и обменом всеми видами сырья, режы – изделиями, обладание которыми рассматривалось как желательное. Интенсивность контактов вырастает с переходом к производящему хозяйству, резко изменившему все формы жизни.

Одна из причин усложнения общественной организации оседлых земледельцев и скотоводов – возможность проживания на одном месте, в одном поселении значительного числа людей. Так, в небольших поселениях джейгунской культуры обитало от 50-70 до 150-130 жителей, а в крупных селениях – даже до 600-800¹⁸¹. Средняя же численность населения неолитических деревень – 100-300 человек¹⁸². Другая причина усложнения структуры обществ – потребности обмена между соседними и удаленными друг от друга селениями. Экологические условия, в значительной степени определяющие особенности хозяйства, даже на небольших территориях не были абсолютно идентичными, что приводило к некоторой специализации хозяйственной деятельности. Некоторое разделение труда возникает между поселениями и при отсутствии экологических различий, в результате складывающихся традиций, определяющихся многими различными обстоятельствами¹⁸³.

Главным специальным организмом поры первобытности была община, основу которой составляла локализованная часть рода, вокруг которой группировались пришлые мужья и жены¹⁸⁴. Община оседлых земледельцев и

скотоводов более постоянна по составу, чем община охотников и собирателей, т.к. в условиях производящего хозяйства отпадает необходимость сезонного распада на отдельные группы, что прежде служило адаптации к годовым изменениям природы. При постоянном проживании на одном месте укрепляется семья, обитающая в одном доме и ведущая хозяйство, в большей или меньшей степени связанное с хозяйственной деятельностью всей общины. По мнению В.М.Массона, в домах неолитической джейтунской культуры обитали малые семьи, обладавшие ограниченной самостоятельностью: об этом свидетельствует наличие общих зернохранилищ, в частности, на поселении Джейтун¹⁸⁵. Здесь же удалось проследить группировку домов по 2-3 вокруг общего двора, что можно рассматривать как предвестие сложения большесемейной общины¹⁸⁶. Такая община на юге Туркменистана складывается в энеолите, а в эпоху бронзы широко распространяется и у носителей степных пастушеских культур. Формирование большесемейных общин – результат развития хозяйственной деятельности, появления возможности относительно самостоятельного существования коллективов, больших, чем малая семья, но меньших, чем община. Эти домашние образования стремятся занять место общины¹⁸⁷.

**Эгалитарное
(уравнительное)
общество**

Основой деления в уравнительных обществах были пол и возраст людей. Различное положение не было связано с неравенством материального состояния, но могло сопрягаться с разным престижем. Люди,

которые в силу каких-либо причин становились обладателями ценных вещей или продуктов питания, стремились поделиться ими с сородичами, что вело к повышению их авторитета. Чем выше статус, тем большей должна быть щедрость, желание оказать помощь окружающим. В исторической перспективе авторитет, высокий статус и материальные преимущества стали связываться все теснее, но это произошло позднее с ростом эффективности хозяйства, сложением крупных объединений и нередко – с изменением общей ситуации, в частности, с появлением постоянной военной опасности.

Различные возрастные группы удается проследить при анализе погребальных комплексов. Так, у андроновцев выявляются три возрастные группы женщин – девочки, женщины фертильного возраста и, вероятно, старухи¹⁸⁸. Думается, аналогичное деление существовало и среди мужчин. Престиж отдельных категорий определяется общественной оценкой их роли в жизни коллектива (что не обязательно должно было прямо соответствовать мере их хозяйственного вклада).

Чем выше уровень производства, его специализации, чем оно разнообразнее, тем сильнее связи между людьми в пределах отдельных коллективов, общин и между ними. Обработка земли, организация коллективных работ требовали совместных усилий значительного числа людей, которые не могли действовать без организующей силы. Функция управления принадлежала людям зрелого возраста и старейшинам, обладавшим опытом и авторитетом. Контакты с соседями, чтобы быть успешными, не могли носить спонтанного характера, они должны были направляться и организовываться наделенными соответствующими полномочиями представителями общин. Неизбежная ограниченность ресурсов при наличии избытка каких-то имеющихся на своей территории, существование излишков продуктов питания или изготовлявшихся вещей создают условия для развития систематического обмена, который было необходимо регулировать. Такой обмен в архаичных обществах всегда был связан с разнообразными обязательствами и имел крайне мало общего с современной торговлей и рыночными отношениями.

В ряде случаев удается установить существование специализации хозяйственной деятельности даже обитателей таких как будто "одинаковых" поселений, как относительно небольших поселков Геокюрского оазиса. Находки многочисленных пряслиц на Моллалителе как будто предполагает широкое занятие здесь прядением и ткачеством, в то время как на Ялангачдепе жители обрабатывали кожу, а прядением и ткачеством занимались мало¹⁰⁹. Вероятно, излишками продукции могли обмениваться. Обмен явно растет в пору позднего неолита, когда носители анауской культуры используют многочисленные привозные материалы — золото, серебро, медь, сердолик, бирюзу, "мраморовидный камень" и т.д. В развитом и позднем неолите, видимо, складывается "лазуритовый путь", по которому этот столь ценный на востоке в древности камень распространялся от месторождений в Бадахшане, достигая Месопотамии и Египта¹⁰⁹. Высокий уровень обработки меди уже в раннем неолите показывает, что несмотря на редкость металлических изделий в раскопках ими пользовались достаточно широко. Металл, вероятно, в это время поступал из Ирана, с культурами которого у анауской обнаруживается много общего.

Можно считать с большой долей вероятности, что жизнь неолитических и тем более неолитических земледельцев и скотоводов не замыкалась границами их обычных поселков и окружающих их земель. В то же время имеющиеся материалы не позволяют говорить о сложении иерархических отношений между общинами, о выделении некоторых особых, с точки зрения межобщинных функций поселений. Прослеживаются лишь различия в их размерах. В.М.Массон выделяет три типа неолитических поселений юга Туркмении: площадью 0,1-2 га, 4-12 га и более 20 га (последних было два — Намазгадепе и Алтыгачдепе)¹⁰⁹. Однако пока нет оснований судить о различиях между поселениями по другим, качественным признакам. Как будто не различаются компактно расположенные поселения Геокюрского оазиса. В то же время можно предполагать, что общинная организация крупных поселений (если только вся их территория была заселена) должна была быть относительно сложной: при сосуществовании нескольких общин были необходимы межобщинные органы управления и координации.

О степени хозяйственного развития, в том числе уровне развития ремесла и обмена земледельцев позднего неолита Средней Азии, свидетельствует характер миграций носителей так называемого геокюрского комплекса анауской культуры. Вероятно, рост населения при земельной тесноте привел к переселению, прослеженному, в частности, в двух направлениях: на север, в долину Зеравшана, и на юг, в Систан¹⁰². Всесторонние исследования памятников типа Шахри Сохте показали, что население здесь процветало не только благодаря высокоразвитому земледелию и скотоводству, но и благодаря ремеслу и обмену лазуритом и поделочным камнем, использовавшимся для изготовления сосудов. Пришельцы из Южной Туркмении явились одним из основных компонентов в сложении этой культуры.

Не менее интересен другой, северный путь, приведший "геокюрцев" в долину Зеравшана, где возникло поселение Саразм. Этот район был не менее благоприятен для занятия ремеслом и обменом, т.к. он богат различными видами минералов, металлическими рудами. Саразм существовал многие столетия, вероятно, обеспечивая сырьем и носителей анауской культуры эпохи бронзы.

Таким образом, земледельцев и скотоводов неолита интересовали не только земли, благоприятные для сельского хозяйства, но и районы, перспективные в отношении возможностей добычи, переработки и обмена полезны-

ми ископаемыми. Это предполагает значительный уровень специализации деятельности, возможно, выделения в общинах ремесленников (или специализации некоторых общин в этой области), которые в древности занимались и обменом. Эта последняя сфера деятельности могла также сочетаться с какими-то формами подвигного скотоводства, сложение которого, быть может, началось в энеолите.

Переход к классовому обществу

Переход от первобытного эгалитарного общества к классовому не был непосредственным: эгалитарное общество должно было пройти более или менее долгий путь трансформации, разложения первобытной целостности. Письменные источники не проникают на такую глубину, единственными свидетельствами являются археологические материалы. Однако их интерпретация всегда зависела и продолжает зависеть от теорий, разрабатываемых этнографами, этнологами, социологами. Расширявшиеся представления о живых традиционных обществах Океании, Африки, Америки позволили обогатить и пересмотреть сложившиеся в прошлом схемы. Оказалось, что между первобытными обществами и первыми государствами был период существования сложных, "комплексных" обществ, которые на позднем этапе могут быть определены как вождества.

На более ранней стадии существовали образования, которые исследователи именуют локальными группами – сообщества нескольких соседних деревень¹⁹³. Между ними существовали отношения дружбы и взаимопомощи, складывавшиеся на основе брачного и иного обмена. Лидеры таких сообществ появляются в экстраординарных случаях, например, при обострении конфликтов, чреватых военными столкновениями. В обычной жизни в случае необходимости прибегают к совету лидеров отдельных общин. Между общинами-селениями могли быть и некоторые различия, возникавшие вследствие особенностей экологии, различной численности общин или традиционных особенностей их деятельности. Но отношения между ними оставались эгалитарными, и взаимопомощь была одним из условий сохранения такого сообщества. Лидеры отдельных общин, как и появляющиеся в особых условиях лидеры таких групп общин, обладают знаками своего положения и некоторыми материальными преимуществами, связанными с их общественными функциями, но их власть полностью зависит от тех, кто их поддерживает, и эта власть не является наследственной. По всей вероятности, общество наиболее развитых в социальном отношении энеолитических обитателей Средней Азии, в частности, носителей анауской культуры, не пошло дальше создания образований типа локальных групп. На это указывают отсутствие селений с признаками постоянного центра, резиденций постоянных лидеров.

В таких общинах признаки материального неравенства проследить практически не удастся. Вряд ли можно считать его проявлением такие находки в погребениях, как многочисленные бусы, среди которых могли быть золотые или серебряные¹⁹⁴. В то же время вполне реальны различия между общинами, поставленными природой и историческими превращениями в разное положение.

Ситуация существенно меняется в эпоху бронзы. Разделение общественного труда, его специализация (помимо ремесла можно говорить и о специализированных формах сельского хозяйства) ведут к интенсификации производства, росту общественного богатства и росту излишков, которые могут идти на содержание непроизводительной сферы, органов, регулирующих жизнь общины, обеспечивающих их безопасность. Потребность в таких орга-

нах становится настоящей. Об их появлении свидетельствуют изменения структуры поселений. На юге Туркмении наряду с небольшими появляются громадные, занимающие площадь в несколько десятков гектаров. По наблюдениям исследователей, население этих крупных поселений различалось по обществу. [PDF Copyr ession Text Version](#) положению, как мы можем предположить, из-за принадлежности к общинам разного общественного статуса. Элита выделяется уровнем материального достатка: ее представители живут в домах лучшей постройки, их погребают в особо тщательно построенных гробницах, они носят большое число украшений из привозных минералов и металлов, их принадлежность – металлические печати сложных форм. Вместе с тем по-прежнему не богатство, а авторитет играет определяющую роль в выборе общественных предводителей, их принадлежность не столько степени богатства, сколько наличием особых знаков статуса: в погребении предполагаемого лидера на Алтындепе эпохи развитой бронзы обнаружено отнюдь не множество ценных вещей, а всего четыре сосуда и бусы, но также вероятные знаки его положения – каменная колонка и каменный посохообразный предмет¹⁹⁵.

Поселенческая структура, изученная для поры развитой бронзы на юге Туркмении, образует иерархию из трех типов: четыре поселения имеют площадь менее 2 га (они составляют 50% числа всех поселений этого времени, их общая площадь 4 га, на их долю приходится 4% всей площади застройки поселений этого времени). Два поселения имеют площадь 10 га (они составляют 25% всех поселений, занимают 20 га и 20% застроенной площади). На долю трех "столиц" (Улутдепе, Алтындепе и Намазгадепе), составляющих 25% всех поселений, приходится 75 га и 75% застроенной площади¹⁹⁶.

Различия в размерах поселений наряду с их функциональными особенностями (сосредоточение ремесленных производств, существование больших хранилищ, признаки проведения собраний обрядового характера, сосредоточение элиты, наличие укреплений) свидетельствуют об иерархически организованном обществе. Такие общества и могут быть названы вождествами. Это понятие характеризует структуры разной степени сложности и является более широким по сравнению с терминами "военная демократия" или "общества на высшей стадии варварства" старых схем.

Вождество, как уже говорилось, это общество, в котором часть излишка расходуется на обеспечение социальной элиты. Ее функция – централизованное управление, перераспределение производимых продуктов для поддержания ремесленников и непродуцирующего слоя, для обеспечения обмена, безопасности и т.д.¹⁹⁷ Концепции вождества различаются, поскольку историческая реальность богаче схем, выводимых на основании изучения отдельных обществ. Для нас представляют интерес построения тех исследователей, которые сопоставляли данные этнографии и археологии, внося коррективы в схемы этнологов и намечая способы интерпретации археологических свидетельств жизни обществ.

Согласно Г.Т.Райту, вождество – социально-политическое образование, в котором весь общественный контроль принадлежит специализированной по отношению к другой подсистеме деятельности, но неспециализированной внутри себя, с точки зрения отдельных аспектов контроля: надзора, принуждения, принятия решений. Контроль является пока недифференцированным. В простых вождествах он осуществляется лицами, принадлежащими к элитам локальных подгрупп. В сложных вождествах элита состоит из лиц, принадле-

жащих разным локальным группам. В первом случае создавался один, во втором – два уровня контроля¹⁹⁸.

Археологические индикаторы вождеств – иерархическая структура поселений, выделяющаяся жилой застройкой элиты, особый погребальный обряд. Существуют и другие определения археологических признаков вождеств, зависящие от конкретных особенностей изучаемых обществ¹⁹⁹. Один из важных их признаков – создание элитарной субкультуры, формирование комплекса вещей, являющихся знаками престижа, в оформлении которых используются как традиционные знаки и символы, становящиеся неупотребимыми в других слоях, так и заимствуемые у соседей, нередко тех, кто находится на более высоком уровне. Так, на юге Средней Азии в эпоху развитой и особенно поздней бронзы широко распространяются вещи с изображениями, воспринятыми из изобразительных традиций Элама, Месопотамии, хараппской цивилизации.

И так, именно с точки зрения представляется возможным рассматривать общества обитателей Южной Туркмении эпохи бронзы. Генетически связанной с культурной Анау была культура дельты Мургаба. Здесь в нескольких оазисах удалось выявить поселения разного размера, занимающие разные места в иерархической системе. Наряду с отдельными домами существовали сельские поселения разных размеров, поселения "городского типа" и города²⁰⁰. Вероятно, дальнейшие исследования позволят уточнить специфику поселений, определенных этими общими и лишенными конкретно – исторических красок понятиями. Однако уже сейчас ясно, что в каждом оазисе было центральное поселение – крепость, возможно, более мелкие селения, на которых также обитали представители элиты, обладавшие контрольными функциями, и деревни. Центральные поселения были, безусловно, и культурными центрами, сосредоточением всякого рода излишков сельскохозяйственного и ремесленного производства, к которым тяготела земледельческо-скотоводческая округа. Вероятно, приходили к ним и пастухи-степняки для совершения обмена.

Многочисленные признаки дифференциации комплекса материальной культуры также указывают на существование здесь обособившейся элиты, располагавшей особой художественно исполненной утварью, оружием, печатями. Выделяется в комплексе специальных культовых вещей. Есть все основания полагать, что общества обитателей Маргианы представляли именно вождества. Конечно, конкретные формы деятельности управленческого слоя, формы перераспределения избыточного продукта остаются неясными, как и в большинстве случаев, когда объектом исследования является дописменное общество.

В основе социальной дифференциации лежит наличие излишков продуктов, в первую очередь продуктов сферы жизнеобеспечения. Поэтому в тех районах, где условия природного окружения и характер хозяйства позволили эти излишки систематически производить, накапливать и перераспределять, раньше прослеживаются и признаки общественной дифференциации. Такие условия сложились первоначально на юге Средней Азии, в районах, пригодных для дающего устойчиво значительные урожаи земледелия и придомного, а затем, быть может, и отгонного скотоводства. В степях и горных долинах условия для получения устойчиво значительного излишка сложились лишь с формированием высокопродуктивного животноводства. В обоих случаях важной побудительной причиной общественного расселения служил обмен. Сообщества, на территории которых находились редкие и ценящиеся виды сырья, которые они могли добывать и в той или иной степени перерабаты-

вать, оказывались в вынужденном положении. Их элита контролировала обмен и могла направлять деятельность людей таким образом, чтобы его продуктов получали больше. Чем большими были ее усилия, тем большая часть

PDF Compressor Free Version

В эпоху бронзы и в степях, и (что прослеживается в меньшей степени) в древнеземледельческих областях усиливается интенсивность военных столкновений. Привлекательной добычей был скот, изделия ремесленников, запасы зерна, тканей и других изделий. Вероятно, должно было возрастать соперничество и из-за месторождений металлов и других видов сырья. В это время повсюду распространяется оружие, виды которого разнообразятся, совершенствуется техника изготовления. Появляется много разновидностей парадного, престижного оружия, свидетельствующего о высокой общественной значимости воинской функции. Особенно заметно высокое положение воинов и военных предводителей в пастушеских обществах. Среди воинов здесь выделяется своя элита – колесничие.

В условиях повышенной военной опасности управление не могло сохранять прежнего единства. Наряду с предводителями мирного времени, которые могли обладать и жреческими функциями, появляются особые военные лидеры, существование которых в зависимости от образа жизни могло становиться и постоянным.

В древнеземледельческих обществах лидерами были, вероятно, по традиции хозяйственно-обрядовые предводители. Роль воинов не была здесь столь высока, хотя об особом отношении к ним и сохранились сведения: уже в анауской культуре периода позднего неолита известны статуэтки мужчин в шлемах. В это же время и несколько ранее появляются и примитивные укрепления поселков. Однако число укрепленных селений, количество оружия и его качество резко возрастают позже, в эпоху средней и поздней бронзы. Примечательно, что укрепленные поселения этого времени (очень характерный образец – Сапаллитера) имеют облик, ясно указывающий не только на их утилитарную, но и культурную функцию.

Мировосприятие, обряды, мифологические образы

Пытаясь проникнуть в мир представлений земледельцев и пастухов Средней Азии, необходимо представлять себе информационные особенности источников, которыми мы располагаем, а также характер материальной культуры. Характер материальной культуры оседлых земледельцев, более богатой по сравнению с той, которая существовала у неоседлых народов, позволяет проникнуть в мир их символов и мифологических образов, указания на которые сохранились в орнаментах сосудов, скульптурных изображениях, следах обрядов, проводившихся на поселениях. Сосуществование фигуративных мотивов, изображений животных, растений, редко – антропоморфных существ, с условными геометрическими знаками помогает интерпретировать значение тех и других.

Иное положение складывается при изучении с этой точки зрения материальной культуры неоседлых народов. Многие вещи они делали из удобных при перекочевках легких, но непрочных органических материалов. Обряды часто осуществляли за пределами селений, и следы их трудно обнаружить. Важный изобразительный источник – наскальные рисунки, но их культурная идентификация и датировка очень затруднительны. Тем не менее и в этом случае обряды и мифологические образы в какой-то мере доступны исследованиям.

Представления людей интересующей нас эпохи о мире были полны фантастических, с точки зрения современного человека, образов. Мировосприятие их можно определить как мифологическое, хотя неправильно было бы думать, что мифологически, т.е. образно мыслящий человек, не располагал знаниями, отражавшими объективную реальность. Мифологическое мышление из нее исходило и давало достаточно адекватную картину для того, чтобы люди могли не только существовать, но и постоянно расширять запас своих знаний и все более совершенствовать хозяйство, организацию общества.

Наблюдая реальность, мифологически мыслящий человек оперировал не категориями абстрактно-логического порядка, а живыми образами своего восприятия. В этом и заключается главное отличие этого мышления: даже усматривая глубокие связи между явлениями, приходя подчас к удивительным по глубине открытиям, люди воплощали их в образах, обладавших конкретностью и живостью. Миф – наиболее яркое выражение этого мышления.

В мире, окружающем людей, все не противостоит им как совокупность мертвых субстанций; мир – это живая среда, населенная разными существами. Окружающее рисуется человеку совокупностью противостоящих ему существ, "тех, с которыми он вступает в такие же отношения, какие у него существуют с людьми. Он относится к этим существам, а следовательно, к миру вообще, не как холодный наблюдатель, а как эмоциональный человек, находящийся с ними в отношениях диалога. Результат такого восприятия внешнего мира находится между суждением и плодом воображения, между интеллектуальным и эмоциональным, определенным и смутным, меняющимся, как живое существо"²⁰¹.

Только таким и могло быть восприятие мира у людей, жизнь которых определяется слабой разделенностью разных ее сторон, в которой нерасторжимы отношения экономические и родственные, повседневные и обрядово-мифологические. Анализ мировосприятия и должен исходить из целостного характера общества, неразделенности до поздних этапов первобытности хозяйственной, общественной и духовной жизни.

Несмотря на различия культур юга и севера видно, что важнейшими образами их представлений, одними из главных объектов обрядов были умершие, предки. Почитание этих ближайших к живым обитателей "иного" мира выражалось в погребальных обрядах и постоянных обращениях к ним во всех случаях жизни коллектива. Они воплощали, символизировали жизнь сородичей в прошлом и настоящем, их единство было гарантом их будущего существования. Оседлые, прочно связанные со своими селениями, хоронили умерших здесь же на их территории или поблизости, те же, которые вели подвижный образ жизни, имели для покойных особые места.

Еще одна форма почитания предков, фиксируемая археологическими находками, – антропоморфные фигурки, бывшие "участниками" разнообразных обрядов. Возможно, статуэтки, подобные глиняным у земледельцев, но из других менее стойких материалов, делали и у пастушеских народов. Именно предков, при этом женских (мужских реже), изображали многочисленные фигурки, которые по старой, но, видимо, поэтому очень устойчивой традиции, продолжают именовать изображениями "богини-матери". Представления о таком божестве в эпоху первобытности даже на поздних ее этапах быть не могло, оно возникло значительно позже как обобщение многих образов женских духов и покровителей²⁰².

Люди верили в существование духов, заселявших природу и стоявших за каждым ее явлением. Антропоморфизм, судя по всему, не был визуальным:

PDF Compressor Free Version

духов не изображали в виде людей, хотя проявления всех природных сил рассматривали как деятельность существ, близких людям по характеру. Эти существа могли являться в облике растений, животных или самих явлений природы (ветра, дождя, небесных светил). С ними поддерживали отношения, принося им жертвы и прося помощи. Местом проведения обрядов были не специально отведенные, подобные храмам позднейших богов, а поля, берега рек, горные ущелья, т.е. места обитания духов. Семейные обряды проводились в жилищах или поблизости от них.

Для того, чтобы представить себе образы и функции различных духов, существовавших в представлениях как оседлых, так и неоседлых обитателей Средней Азии первобытной эпохи, можно обратиться к данным этнографии, к верованиям, существовавшим у народов этого региона в недавнем прошлом. Можно полагать, что эти образы низовой "народной" религии близки тем, которые существовали несколько тысячелетий назад.

Говоря об общих признаках различных духов и демонов, исследователи отмечают отсутствие ясной разграниченности функций между ними²⁶³. Так, пери, дэвы, алмасты, момо, аджина – духи разного генезиса и отчасти различающиеся по функциям, но вместе с тем между ними поразительно много общего.

Пари – красивые существа женского, реже – мужского пола, обитающие по берегам рек и в горах²⁶⁴. Они летают, а их мужчины – охотники. Пари враждуют с дэвами, однако иногда вступают с ними в брак. Вступают в брак они и с людьми, становясь в этих случаях их покровителями. Они кормят детей, но могут их и красть. Одно из мест их обитания – очаг. Они любят цветы и дикорастущие растения, дикие козлы и бараны – их скот, они помогают охотникам. В целом пари благорасположены к людям, но могут и вредить им.

Близки пари аджина. Это существа разного пола и возраста, часто антропоморфные, среди них есть старики и старухи. Они живут в ущельях, пустынях, арыках, заброшенных домах, у мельниц и прудов. Аджина не очень вредные, но могут насылать болезни, вызывать бесплодие, красть детей. Обитают они и на полях, особенно дающих хороший урожай. Эти духи, как и пари, могут обитать и в очаге.

Широко известные алмасты – существа женского, реже – мужского пола. Чаще они имеют облик старух, хотя среди них есть и молодые и красивые. Алмасты живут в горах, степи, лесу, в садах и среди растений, они любят цветы и траву, главная их стихия – вода. Алмасты ведут ночной образ жизни, и, по некоторым сведениям, близки духам умерших и дэвам. Женщинам они приносят бесплодие, вредят матерям и детям. Их воплощения – крупные хищники, а также кошки и собаки. Вредят они и домашним животным.

Дэвы – существа чаще похожие на людей мужского, реже женского пола. Они живут в пещерах, лесах, степи, на дне водоемов, иногда под землей. Дэвы летают и, как правило, являются врагами пери. Это по преимуществу ночные существа, они возникают из огня или столба пыли. Дэвы – охотники. Они склонны вступать в брак с людьми и препятствуют рождению детей, насылают на людей различные болезни и неудачи. Считалось, что у каждого человека есть свой дэв. Иногда они покровительствуют злакам. Их животные – конь, собака, бык.

О.А.Сухарева отмечала, что в некоторых местах обнаруживается явная близость в отношении к алмасты, аджина и момо; есть также сведения о представлениях, что пари, момо и дэвы встречаются вместе²⁶⁵. Все они обитают в местах, не заселенных людьми, в чем проявляется их принадлежность к миру

нелюдей; “не нашему” миру. Все они так или иначе связаны с дикими и домашними животными, с растениями. Хотя они и обладают свойствами превращаться в разные существа, в основном они имеют облик людей, для которых представляют большую или меньшую опасность. Все они могут вступать с людьми и могут влиять на их брачную жизнь, ревниво относятся к детям. Их отношения к жизни семьи выражаются и в том, что некоторые из них обитают в очаге. Примечательно, что среди них преобладают существа женского пола. Бросаются в глаза широта и неопределенность функций этих духов и то, что они владеют ценностями, представляющими интерес для людей.

Несколько особняком от других духов стояли духи умерших – арвох²⁰⁶, что можно считать следствием их максимальной приближенности миру людей. Их считали первыми и главными помощниками во всех делах, начиная от рождения и обретения потомства до хозяйственных занятий. Невнимание к арвохам могло обернуться бедой, они могли насыпать болезни и несчастья. Духи умерших, как и другие, двойственны по отношению к людям, но все-таки более благорасположены, что понятно: в прошлом они сами были людьми.

В образах этих духов прослеживаются черты, характерные для представлений людей о целостности общества, но сохранившиеся и в традиционной народной культуре: относительная неопределенность образов и функций, отсутствие всемогущества, свойственного богам, близость к повседневной, семейной жизни людей, связь как с явлениями природы, так и с хозяйственной жизнью.

По всей вероятности, изображения антропоморфных богов появляются впервые в Средней Азии только в бронзовом веке: в это время на печатях древних Маргианы и Бактрии изображают существ женского и мужского пола, с крыльями и в окружении различных животных и растений. “Дешифровка” этих изображений трудна в первую очередь из-за сложности определения этнической принадлежности создателей этих вещей. Не исключено, что некоторые основания для интерпретации может дать мифология индоиранцев, хотя видеть в персонажах печатей непосредственных предшественников образов религии зороастризма вряд ли возможно.

Изображенные памятники и следы обрядов показывают, сколь значительную роль в представлении как земледельцев, так тем более пастушеских племен играли образы животных. Она определялась тем, что эти существа, в первую очередь животные домашние, считались обитателями не только своего, человеческого мира, значит близкими людям, но и мира природы, из которого они происходили, будучи дарами предков, духов, а потом и богов людям. Их роль и место в обрядах определялись этим промежуточным положением, их способностью общаться как с миром своих теперешних хозяев, так и миром природы, духов. Среди этих обрядов были направленные на обеспечение благополучия людей, умножение самих животных, растений. В упоминавшихся выше погребениях баранов в Сапаллителя и Бактрии эпохи бронзы эти животные, видимо, заменяли людей, умерших вне своих поселений или, напротив, оставшихся в живых благодаря принесению в жертву своего заместителя – барана²⁰⁷.

У людей, перешедших к производящему хозяйству, оседлости, формируется образ мира как четко организованного геометрически построенного пространства, в котором все существа занимают определенное место, а их облик и другие свойства связаны с местом в этом мире. Люди принадлежат особому, главному, центральному миру, животным принадлежит периферия

наземного мира, верх — область птиц, а нижний, хтонический мир населяют умершие, пресмыкающиеся, обитатели вод. Образ мира воплощается в изделях и планах домов — прямоугольных или круглых, с выделенным сакральным центром, где находился очаг или центральный столб.

PDF Compressor Free Version
В эпоху бронзы образ мира реализуется в планировке сооружений внешне гораздо более явственно. То, что в основе курганов и обрядовых центров пастушеских племен лежит круг, а в планировке Сапалалитена или многих сооружений Маргнаны и Бактрии квадрат — не случайно. Эти две фигуры — основополагающие космологические символы, определяющие форму земли и неба. Предпочтение подвижными пастухами круга, а оседлыми земледельцами квадрата — результат различий в образе жизни, акцентировке в образе мира разных его признаков. В то же время символика квадрата была известна пастухам, а символика круга — земледельцам, они лишь занимают у них не столь значительное место. Эти фигуры обнаруживаются в орнаментах, украшениях, амулетах.

Жизнь людей традиционного, в том числе первобытного общества насыщена обрядами. Все события от рождения до смерти, все хозяйственные предприятия, все виды общения между большими или малыми коллективами оформляются как обрядовые действия. Руководителями в них выступают старшие, наиболее авторитетные члены семьи, общины, сообщества общин и т.д. Их функции не были специализированы, это общественные лидеры в широком смысле. Положение меняется с созданием вождеств, с оформлением центральной власти. Степень сложности общественной жизни могла приводить и к появлению специалистов — жрецов, отправлявших культ покровителей уже не мелких общественных единиц, а значительных по размеру сообществ. Не всегда члены таких сообществ могли возводить свое существование к единому предку. Если такие сообщества были значительны и неоднородны, функции покровителя могли принадлежать уже божеству, стоявшему над отдельными общинами и бывшему символом их единства.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК. АВЕСТА. ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

ПАМЯТНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ранний железный век в Средней Азии

В первой половине I тыс. до н.э. в Средней Азии происходят значительные изменения, охватывающие различные сферы материальной, духовной и социальной жизни. Одним из важнейших достижений этого периода было появление и постепенное распространение изделий из железа, ознаменовавшее собой начало новой исторической эпохи – раннего железного века. Развитие металлургии железа создало предпосылки для дальнейшего технического прогресса общества, что в конкретных условиях Средней Азии значительно ускорило процесс формирования классов и государственных образований.

По археологическим данным древнейшим центром выплавки железа из руды и ремесленного производства железных изделий был Ближний Восток. Например, в Сирии и на северо-западе Месопотамии железо получило широкое распространение уже в XII в. до н.э., в Ассирии оно вытеснило медь и бронзу в технике и быту уже в VIII в.¹ Железные изделия конца II тыс. до н.э., хотя и редко, встречаются в закавказских археологических комплексах²; также приблизительно на рубеже II-I тыс. железо появляется в Иране и Индии³.

Для Средней Азии вопрос о начале железного века пока остается дискуссионным. Впервые этот период был особо выделен В.М.Массоном в 1959 г. на основании немногочисленных железных предметов, известных к тому времени на памятниках Средней Азии⁴. Наиболее ранние из них: серп из Анау на юге Туркмении, нож и пробойник (?) из Дальверзина в Ферганской долине и бесформенные куски железа и шлаки с поверхности поселений архаического Дахистана на юго-западе Туркмении – были отнесены к первой трети I тыс. до н.э., и эта дата была признана началом раннежелезного века в Средней Азии. С тех пор количество железных предметов на памятниках этого периода не пополнилось новыми находками. В X-VIII вв. до н.э. на всей территории Средней Азии основная масса металлических орудий, как и в предыдущую эпоху, изготовлялась из бронзы. В публикациях, посвященных археологическим памятникам этого времени, последние относятся то к эпохе поздней бронзы, то к раннежелезному веку. А.С.Сагдуллаев предложил считать этот период переходным от позднебронзового века к раннежелезному. В первой трети I тыс. до н.э. произошло знакомство населения Средней Азии с железом. В VI-IV вв. до н.э. железные изделия получают здесь широкое распространение, однако лишь в III-II вв. до н.э. железо как материал в ремесленном производстве вытесняет бронзу⁵.

Историко-культурные зоны и регионы

В начале I тыс. до н.э. сохраняются традиционные различия между южными оседлоземледельческими регионами и северными районами Средней Азии, входившими в обширную зону евразийских степей, новая эпоха характеризуется появлением и распространением новых археологических культур.

Наиболее широкое распространение получили комплексы, отличительной особенностью которых было наличие лепной расписной керамики. Она впервые была найдена еще в 1904 г. во время раскопок американской экспедиции под руководством Р.Пампелли в Анау, на юге Туркменистана. К настоящему времени такие комплексы известны в обширной зоне оседлоземледельческих оазисов юга Средней Азии – на территории древней Парфии, Ареи, Маргианы и Бактрии. Памятники этой общности наиболее часто именуются комплексами типа Яз I по названию первого наиболее полно изученного поселения этой культуры⁶. Однако в первой трети I тыс. до н.э. ареал распространения древнеземледельческих культур в Средней Азии значительно расширился по сравнению с предыдущей эпохой: крупный очаг древнеземледельческой культуры, получившей название чустской, возник в Ферганской долине; сходные комплексы открыты и в Чаче (бургулюкская культура), и на некоторых поселениях Южного Согда. Своеобразным отличительным признаком этих культур также являлась лепная расписная керамика. Вопрос о соотношении северных и южных комплексов расписной керамики является остро дискуссионным, что объясняется как сходством, так и различиями между ними.

На крайнем юго-западе Туркменистана в конце II – первой трети I тыс. до н.э. была распространена другая земледельческая культура, названная культурой архаического Дахистана. Как и в эпоху бронзы, этот регион входил в ареал культур, характерных для соседних территорий Северного Ирана.

В зоне традиционного распространения культур степной бронзы, в Приаралье, Ферганской долине и горных районах, усиливаются процессы культурно-хозяйственной дифференциации комплексов и обособления разноточечных племен.

Взаимодействие оседлоземледельческих и кочевых обществ стало закономерностью и одним из основных факторов исторического развития Средней Азии.

Хозяйство и общественная организация племен Средней Азии в первой трети I тыс. до н.э.

В традиционно земледельческой зоне юга Средней Азии, где орошаемое земледелие было основой хозяйственной деятельности с глубокой древности, начало I тыс. до н.э. характеризуется созданием мощных ирригационных систем, связанных с забором воды из основных русел рек (Мургаба, Атрака и др.). Крупные магистральные каналы питали разветвленную сеть оросителей, а непосредственный полив полей осуществлялся арыками. Характерно устройство специальных регулирующих "головных" сооружений в местах отвода боковых оросителей от главных каналов. Ширина магистральных каналов достигала 5-10 м, глубина 2-3 м, а длина некоторых из них превышала 50 км. Столь сложные системы обеспечивали высокую материальную базу земледелия, но требовали и специальной организации рабочей силы. В рассматриваемый период сохраняется оазисная система расселения, но объединение в оазисы уже носит не географический, а социально-экономический характер⁷.

Центрами оазисов были крупные поселения с цитаделями, которые в целях их недоступности возводились на мощных многометровых кирпичных платформах и дополнительно обводились стенами. Формирование таких цен-

тров, завершившиеся в основном к концу рассматриваемого периода, отражало развивающиеся процессы урбанизации и социальной дифференциации общества. По мнению В.М.Массона, такие поселения являлись прообразами городов-государств, где находились резиденции местных правителей, а фортификационные сооружения ввиду необходимости играли роль убежища для окрестных жителей⁸. Крупные центры становились средоточием ремесел, играли важную роль в торговом обмене с другими регионами. Мелкие поселения и отдельно стоящие усадьбы образовывали сельскохозяйственную округу таких протогородов.

Земледелие чустской культуры базировалось на каирном способе орошения. Здесь также наблюдается оазисный тип концентрации поселений, что, по мнению Ю.А.Заднепровского, отражает принцип родственно-родового расселения племен⁹. Центрами оазисов в Ферганской долине были, как правило, поселения средних размеров, однако и здесь шел процесс формирования крупных укрепленных центров, каким является, например, Дальверзин.

С середины II тыс. до н.э. оросительные системы функционировали и в Южном Приаралье, где часть племен вела преимущественно сельскохозяйственное хозяйство. Устройство оросительных систем здесь напоминало ирригационные сети южных областей, но значительно уступало им в размерах¹⁰. В рассматриваемый период наблюдается увеличение площади поселений, являющихся, вероятно, родовыми поселками, состоявшими из больших семей, которые совместно справлялись с различными хозяйственными функциями и, в частности, сохранением и развитием ирригационной сети¹¹.

Другой важной отраслью хозяйства в Средней Азии продолжало оставаться скотоводство. На поселениях найдено большое количество костей крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, собаки, верблюда, осла. Особое значение в хозяйстве имело появление лошади, которая, вероятно, уже использовалась как верховое, а возможно, и тягловое животное, о чем свидетельствуют находки предметов конского снаряжения на некоторых поселениях¹².

Скотоводство у оседлоземледельческих племен носило придомный (пастушеский) характер. В Приаралье в первой трети I тыс. до н.э. все более четко формируются различия между преимущественно земледельческими и преимущественно скотоводческими племенами, однако лишь к концу этого периода возникают кардинальные различия в их культуре. В дальнейшем хозяйственно-культурный тип полукочевых скотоводов стал доминирующим в Восточном Приаралье, тогда как в южных дельтах Амударьи ведущую роль стало играть оседлое земледелие с высокоразвитым искусственным орошением. Уже в начале I тыс. до н.э. в Приаралье намечаются первые признаки выделения ремесел, а увеличение избыточного продукта создает условия для имущественной и социальной дифференциации¹³. В некоторых районах процесс выделения аристократической верхушки, вероятно, уже зашел довольно далеко, о чем могут, например, свидетельствовать монументальные мавзолеи Тагискена и некрополи бегазы-дандыбаевской культуры X-VIII вв. до н.э. на территории соседнего Казахстана, которые, по всей видимости, принадлежали достаточно могущественным представителям знати степных племен¹⁴.

Прямых доказательств военных конфликтов памятники Средней Азии первой трети I тыс. до н.э. не дают, однако косвенные свидетельства (высокий уровень развития фортификации, наличие почти во всех комплексах оружия, а также ядер для пращи), вероятно, отражают реальную обстановку того времени.

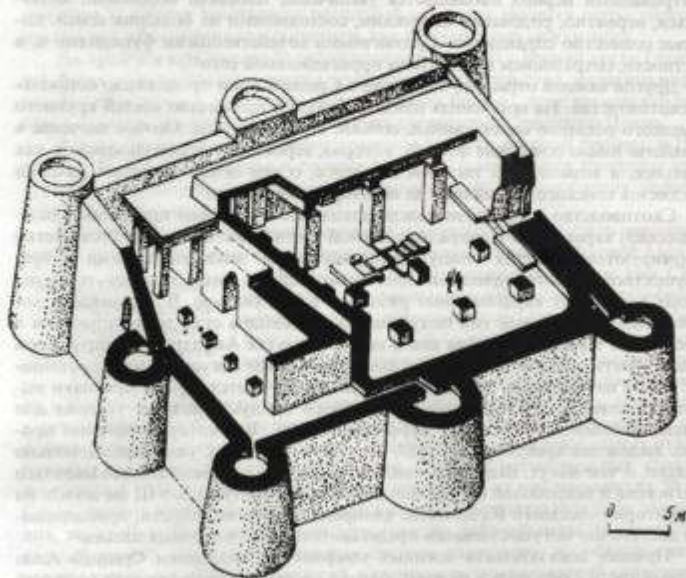

Культуры расписной керамики на юге Средней Азии

Наиболее хорошо изученными памятниками являются Елькендепе и Улугдепе в Северной Парфии, Яздепе в Маргиане, Тиллятепе в Южной Бактрии, Кучуктепе, Кизылтепе и Кизылча 6 в Северной Бактрии¹⁵.

Крупные поселения занимают площадь в несколько десятков гектаров, имеют рассредоточенный характер и состоят из нескольких холмов – оплывших развалин жилых массивов или отдельных домов. Холм цитадели всегда самый крупный из них (например, в Елькендепе он имеет диаметр 130 м и возвышается над дном окружающего его рва почти на 20 м). Цитадели сооружались на кирпичных платформах высотой в 6-10 м. Елькендепе и Кизылтепе обнесены оборонительными стенами. В Елькендепе выделяется пригород со сплошным характером застройки и привратной площадью. Вокруг городища разбросаны небольшие холмы – остатки бывших усадеб. Вокруг Кизылтепе усадьбы расположены тремя компактными группами.

На цитадели Яздепе раскопана часть дворца местного правителя с массивными монументальными строениями, в том числе большим прямоугольным залом. Эти постройки резко отличаются от многокомнатных домов – кварталов с тонкими стенами, которые окружали цитадель Яздепе.

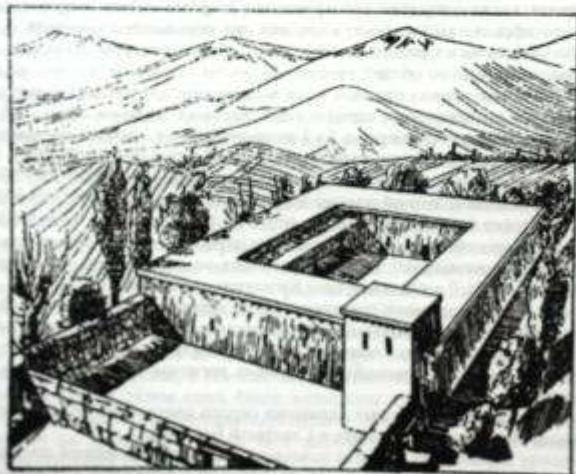

Тиллятепе. Храм. Реконструкция

Тиджате также принадлежит к типу поселений с цитаделями, однако само поселение перекрыто мощными паводковыми отложениями с близлежащих предгорий. Холм, на котором производились основные раскопки, представляет собой остатки крепости-цитадели, сооруженной на 6-метровой кирпичной платформе. По углам и периметру она фланкирована семью круглыми в плане трехчетвертными башнями, толщина стен которых находилась на северном фасе. Первоначально в центре крепости располагался зал с широким обводным коридором. Затем этот комплекс был полностью перепланирован и размеры зала достигли 400 кв.м. Проблема перекрытия была решена путем возведения 9 квадратных кирпичных столбов, поддерживающих крышу. В центре зала сохранились остатки алтаря, имевшего крестообразную конфигурацию. В южной части крепости располагается второй, "малый", зал вытянутой формы. Его перекрытие поддерживалось с помощью 6 столбов. В.И.Сариаливи интерпретирует это сооружение как храм, где в "большом" зале совершались культовые церемонии, связанные с огнем, а "малый" зал играл подсобную роль. Позже здание было снова перепланировано и стало светским сооружением – возможно, резиденцией местного правителя.

Кучуктепа представляет собой большое укрепленное здание, возведенное на 4-метровой глинобитной платформе и окруженное тройным кольцом стен. По всей видимости, эта крепость также принадлежала какому-либо представителю родовой знати. Отдельные дома располагались и за пределами крепости.

Кызылча 6 является сельской усадьбой. Это квадратное в плане здание с центральным внутренним двором и расположенными по его периметру прямоугольными помещениями жилого, производственного и хозяйственного назначения. Толщина внешней стены усадьбы достигает 3 м. Часть внутреннего двора имела айванное перекрытие, державшееся на 6 опорных столбах, установленных в два параллельных ряда. Вероятно, подобные усадьбы принадлежали большим патриархальным семьям.

Усадьба Кызылча 6. Реконструкция

В предахеменидский период оседлоземледельческими племенами была широко освоена и территория Южного, Кашкадарьинского Согда. Этот регион территориально близок к Маргиане и Бактрии и входил в единую с ними историко-культурную общность¹⁶.

Поселение иного типа, чем вышеописанные, известно для этой эпохи на юге Таджикистана. Это поселение Каримберды, расположенное в Кулябской области, в предгорьях невысоких кручей, входящих в систему хребта Хазратишох. Здесь вскрыты каменные фундаменты стен, а на окраине поселения – комплекс из трех печей бытового назначения (типа танура) с сооруженной между ними прямоугольной конструкцией, регулярно сложенной из специально подобранных плоских камней и, вероятно, выполнявшей какую-то техническую или подобную функцию. По характеру строительных остатков Каримберды ничем не отличается от территориально близких горных поселений этого региона, описанных в предыдущей главе. По-видимому, главную роль в хозяйстве его обитателей играло скотоводство при наличии подсобного богарного земледелия.

Материальная культура, комплексов типа Яз I во многом продолжает традиции предшествующей эпохи поздней бронзы. Например, в строительстве сохраняется старый формат сырцового кирпича. Прослеживаются общие черты преемственности и в планировке поселений, и в развитии фортификации. В эпоху бронзы на крупнейшем поселении Северной Бактрии, Джаркутане, уже были известны и кирпичные платформы высотой от 1 до 2 м, на которых строили многокомнатные дома, предварительно отгородив центральное ядро жилого массива стеной фортификационного характера¹⁷. Однако керамика предшествующих комплексов на юге Средней Азии имела более чем тысячелетнюю традицию изготовления на гончарном круге, которая в начале I тыс. до н.э. была внезапно нарушена и большую часть посуды стали лепить вручную. В свое время, когда американские археологи впервые нашли такую керамику в Анау, это обстоятельство послужило для них основанием говорить о варварской оккупации юга Средней Азии и даже гибели культуры. Конечно, гончарное ремесло отражало общий уровень развития производства, но, по мнению В.М.Массона, не играло главной роли в развитии производительных сил, что не позволяет на основании одного лишь частного явления судить об упадке культуры, тем более что период Яз I характеризуется новыми достижениями в различных сферах экономической, социальной и культурной жизни¹⁸. В отношении керамического производства также следует заметить, что в начале I тыс. до н.э. с появлением лепной посуды ни в одном из регионов юга Средней Азии традиции использования гончарного круга не была прервана полностью. Наиболее высок процент круговой керамики в парфянских комплексах типа Яз I – до трети всех фрагментов¹⁹. В других регионах он значительно ниже, например, в Кучуктепа – 20%,²⁰ а в нижнем слое Кизылтапе всего 3-4%.²¹

Часть лепной керамики комплексов Яз I украшена геометрической росписью, выполненной коричневой или красноватой краской по светлому фону (треугольники, квадраты, лесенки, ромбы, заштрихованные в косую сетку или сплошь залитые краской). Различные регионы имели свои локальные особенности росписи.

Особую группу составляет керамика серого цвета, обычно тщательно заглаженная. Она отсутствует лишь в Северной Бактрии.

К концу периода Яз I во всех комплексах количество лепной посуды резко сокращается и вновь возрождается производство керамики с помощью гончарного круга.

Яз I. Расписная керамика

В комплексах типа Яз I широко представлены различные каменные предметы: зернотерки, песты, ступки, терочники, отбойники и т.д. Металлические изделия (наконечники стрел, ножи, украшения) в этот период еще изготавливались из бронзы. Некоторые бронзовые наконечники стрел как бы копируют кремневые, известные в эпоху поздней бронзы²². На поверхности поселения Каримберды найден бронзовый кельт со сквозной втулкой, происхождение которого связано с позднесандровскими комплексами²³. О находке древнейшего в Средней Азии железного серпа в Анау (IX-VII вв. до н.э.) уже упоминалось выше. В последующие века железо поэтапно внедряется в ремесленное производство.

Культура расписной керамики на севере Средней Азии

Поселения чустской культуры сосредоточены в северной и восточной частях Ферганской долины. По размерам они делятся на три типа: мелкие (до 1 га), средние (4-5 га) и крупные (свыше 10 га). Крупные и средние поселения являлись центрами оазисов, большинство поселений имело небольшие размеры. Известны также отдельно расположенные дома-усадебки. Чустские племена в основном жили в равнинной части долины, но иногда устраивали своеобразные поселения и на крутых горных склонах²⁴.

Самым крупным поселением чустской культуры является Дальверзин, площадь которого достигает 25 га²⁵. Вскрыты три последовательных периода его существования: вначале, в течение непродолжительного времени, поселение было открытым; затем здесь были возведены мощные фортификационные сооружения, которые функционировали в течение всего основного периода жизни на поселении, после чего наблюдается период постепенного упадка и разрушения укреплений.

В период расцвета поселение состояло из трех частей, каждая из которых была ограждена особой оборонительной стеной. Все укрепления одновремен-

ны, что свидетельствует о заранее разработанном структурном плане поселения. Его основная часть, площадью около 18 га, ограждена стеной в виде земляного вала, имеющего конфигурацию холма, на котором расположен памятник. Стенами дугообразной формы, соединяющимися с внешней стеной, отделены **PDF Complex or Free Version** участки поселения. На первом из них, площадью около 5 га, не обнаружено никаких остатков жилищ. По мнению Ю.А.Заднепровского, этот участок представлял собой загон для скота или убежище для окрестного населения в случае военной опасности. В северо-западной части поселения (ее площадь 2,2 га) вскрыты остатки трех архитектурных комплексов правильной планировки, расположенных вдоль периметра оборонительной стены. Один из этих комплексов состоял из центрального зала площадью около 50 кв.м, двух узких комнат по краям и примыкающего ко всем трем помещениям айвана. В центре этой части поселения построек не было: по всей вероятности, здесь располагалась площадь. Весь северо-западный участок Дальверина Ю.А.Заднепровский рассматривает как обособленную цитадель.

Укрепленным было и Чустское поселение (его площадь 4 га)²⁶. Оно состояло из двух частей: цитадели площадью 1,5 га, обнесенной оборонительной стеной, и примыкающей к нему неукрепленной части поселения.

Оборонительные стены поселений чустской культуры имели разную конструкцию: из насыпной земляной основы с панцирной обкладкой кирпичом, из кирпичей, пахсовых блоков или их комбинации.

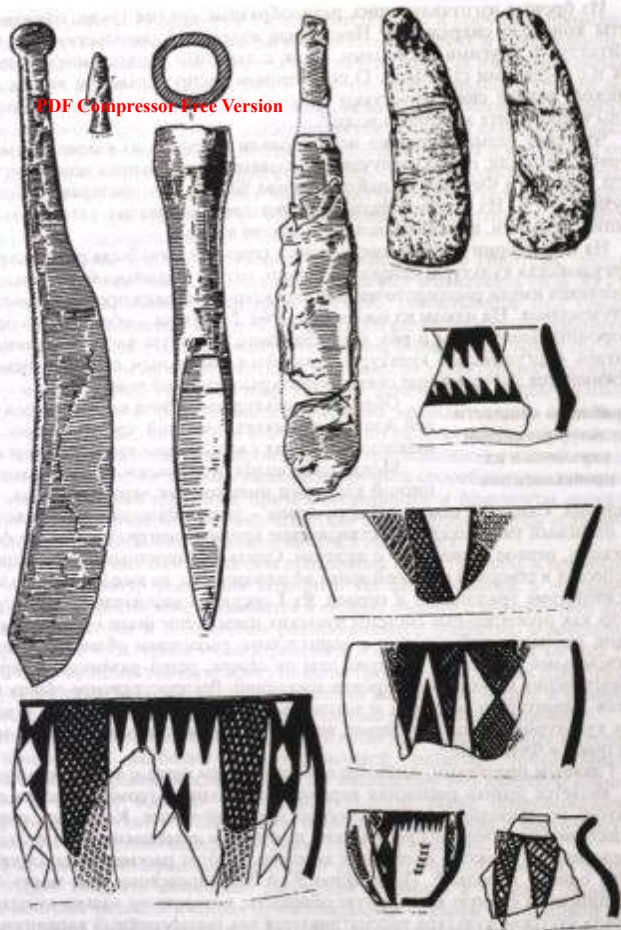
Основные типы жилищ представлены наземными глинобитными домами, каркасными постройками и землянками. На всех поселениях обнаружено огромное количество хозяйственных ям, служивших для хранения зерна и продуктов, а затем – для сброса мусора.

По мнению Ю.А.Заднепровского, крупные укрепленные поселения чустской культуры представляли собой протогорода – формирующиеся центры политической и экономической жизни, где была сосредоточена ремесленная деятельность, в частности металлическое производство, рассчитанное на удовлетворение потребностей всей округи. Можно полагать, что такие центры играли ведущую роль и в развитии внешнеторгового обмена. Однако они еще были очень тесно связаны с сельским хозяйством, о чем свидетельствуют обилие земледельческих орудий и ям-зернохранилищ, наличие загона для скота и т.д.²⁷ Точка зрения Ю.А.Заднепровского не является общепризнанной²⁸.

Ни на одном из раскопанных мелких поселений чустской культуры оборонительные сооружения пока не обнаружены.

Особым типом поселения является Ошское, расположенное на склонах центральной вершины горы Тахти Сулейман в центре г.Оша²⁹. На крутых склонах здесь обнаружено не менее 15 жилых террас. Такая планировка поселения была обусловлена рельефом местности. Все жилища являются землянками. Перекрытие поддерживалось с помощью опорных столбов. Жилища имели световое и дымовое отверстие в крыше.

Вся керамика чустской культуры изготовлена вручную; найдено лишь несколько фрагментов сосудов, сделанных с помощью гончарного круга. Наиболее многочисленны сосуды с красной облицовкой. Некоторые из них украшены росписью, выполненной черной краской. Основные мотивы орнамента геометрические: треугольники, ромбы, полосы и т.д. с сетчатым заполнением, сплошной заливкой или штриховкой наподобие шахматной доски. Встречаются также фрагменты сосудов с белой облицовкой, черносоложенных, сероглиняных кухонных и толстостенных тарных.

Чустская культура. Бронзовые изделия, каменные серпы и керамика

Для чустской культуры характерен высокий уровень развития бронзолитейного производства, чему способствовала близость к источникам сырья Чаткало-Кураминского и Ферганского горнорудных районов³⁰.

Из бронзы изготавливались разнообразные орудия труда, оружие, предметы конского снаряжения. Некоторые изделия свидетельствуют о тесных контактах с другими регионами – как с южными оседлоземледельческими, так и с соседними степными. О постепенном распространении железа в Ферганской долине свидетельствуют находки на Дальверзине шлака железной руды и фрагменты железного ножа¹.

Чустские племена широко использовали и орудия из камня: мотыги для обработки земли; серпы, получившие название серповидных ножей чустского типа, так как в Фергане их найдено около 800 экз.²²; зернотерки, отбойники, грузила и т.д. Из кости делали гребенки для прибивания утка на ткацком станке, рукоятки, проколки, псални и другие изделия.

На территории Ташкентского оазиса (древний Чач) была распространена бургулюкская культура, близкая чустской, хотя и несколько более архаичная. Поселения имели рассредоточенный характер и состояли преимущественно из полуземлянок. На одном из поселений – №1 Туябугуза – обнаружены остатки оборонительной стены и рва, ограждающего большую часть поселения. Инвентарь бургулюкской культуры отличается локальным своеобразием, прослеживаются значительные связи с культурами степной зоны²³.

Общность культур расписной керамики юга Средней Азии не вызывает сомнений, сложен вопрос об их взаимоотношениях с культурами чустского круга²⁴.

Между северными и южными комплексами расписной керамики имеются как черты сходства, так и различия. Сходство самого общего плана – земледельческая основа хозяйства, оазисный тип расселения, становление крупных центров, развитие фортификации, первое знакомство с железом. Однако конкретные проявления этих процессов в северной и южной зонах не однозначны: на юге земледелие имело тысячелетние традиции и в период Яз I достигло значительного прогресса, тогда как оросительные системы чустских племен еще были очень примитивными; процессы урбанизации и социального расселения общества у южных земледельцев протекали быстрее, чем на севере; резко различались приемы домостроения и общей планировки поселений. Распространение общих предметов инвентаря в северных и южных комплексах свидетельствует о взаимных культурных связях, которые, возможно, были наиболее тесными между Бактрией и Ферганой²⁵.

Главным признаком, наиболее объединяющим южные и северные культуры, является лепная расписная керамика со сходным геометрическим орнаментом, но выполненная в различной цветовой гамме. Керамика является существенным палеоэтнографическим признаком археологической культуры, вследствие чего южные и северные комплексы могут рассматриваться как явления одного порядка²⁶. По мнению Ю.А.Заднепровского, они могут быть объединены в единую культурную общность, которую он назвал чустской²⁷. Иногда чустская культура рассматривается как периферийный вариант высокоразвитых культур южных областей Средней Азии и Северного Афганистана²⁸. А.С.Сагдуллаев, признавая периферийное положение Ферганы и Чача по отношению к южным древнеземледельческим культурам Средней Азии, категорически отрицает их общность, так как она включает весьма разные по уровню развития области, различающиеся по всем основным признакам, вследствие чего сходство лепной расписной керамики не может служить надежным аргументом их объединения²⁹.

С рассматриваемым вопросом тесно переплетается и проблема происхождения комплексов, являющаяся одной из наиболее сложных и дискуссионных. По этой проблеме высказано много самых разных, иногда взаимоисключающих гипотез⁴⁰. Выше уже говорилось о том, что первые находки грубой лепной керамики на юге Туркменистана были связаны с вторжением варварских скотоводческих племен в южные земледельческие оазисы. Такая точка зрения в свое время была поддержана и до сих пор поддерживается некоторыми учеными⁴¹, другие высказывались более осторожно, говоря о культуре Яз I как о новой ступени в развитии степных племен, вступивших в тесный контакт с носителями культуры Намазга VI,⁴² или об инфильтрации степного населения в среду южных земледельцев⁴³.

С расширением зоны исследований появились новые гипотезы, однако вопрос об участии степного компонента в сложении комплексов типа Яз I не снят. При этом наиболее убедительны гипотезы, связывающие этот компонент не с лепной расписной посудой, не имеющей ничего общего с керамикой степных племен, а, например, с распространением в южных регионах сосудов с рельефным валиком на горле, являющихся одним из характерных признаков культур эпохи поздней бронзы в широкой зоне евразийских степей⁴⁴. Можно также отметить, что в среде активных контактов земледельческих и степных племен в конце II тыс. до н.э., как это прослежено на памятниках позднебронзового века юга Таджикистана, производство традиционной степной посуды постепенно затухает, но заметно оживляется ручной способ изготовления местной светлоглиняной керамики, причем встречаются и фрагменты сосудов, сделанных на матерчатом шаблоне, что стало характерной чертой керамических комплексов расписной керамики начала I тыс. до н.э.

В настоящее время В.М.Массоном предложена новая гипотеза о происхождении южных культур расписной керамики. Их формирование в обширной оседлоземледельческой зоне связывается в первую очередь с внутренними процессами урбанизации и становления раннеклассового общества, в результате чего произошла культурная трансформация и изменение традиций во всех регионах, где в предшествующую эпоху поздней бронзы существовал пласт сходных культур типа Намазга VI. В этом явлении могли участвовать и внешние импульсы, которые, однако, не определяли генезис культуры как таковой⁴⁵.

Относительно происхождения чустской культуры и синхронных ей северных комплексов наиболее распространенной является точка зрения В.М.Массона о переходе местных племен к земледелию под влиянием южных центров⁴⁶, что, по мнению Ю.А.Заднепровского, также сопровождалось трансформацией культур⁴⁷. Высказаны также предположения о восточнотуркестанских и казахстано-сибирских связях чустской культуры⁴⁸.

По мнению В.И.Сарианиди, реальный археологический материал свидетельствует о том, что комплексы расписной керамики в Средней Азии не имеют местных истоков и своим происхождением связаны с поэтапной миграцией племен из общего центра, который предположительно локализуется на территории Юго-Западного Ирана. Передвижение осуществлялось двумя путями: южным и северным, при этом южный путь связан с возникновением аналогичных комплексов на территории Южного Афганистана и Белуджистана, а северный (через Иранский Хорасан) вел в подгорную равнину Копетдага и оттуда в Маргиану, а также в Южную Бактрию, а затем на правобережье Амударьи. Комплексы расписной керамики отражают синтез глубоко местных и пришлых культурных традиций. Происхождение чустской куль-

туры связывается с приамударыньским очагом культур расписной керамики. В новой среде и на периферии высокоразвитых южных областей переселенцы постепенно изолируются и теряют связь с метрополией⁴⁹.

В соответствии со своей гипотезой В.И.Сарианиди считает комплексы Парф. PDF COMPRESIO ERRO Version ранее, чем комплексы Маргианы и Северной Бактрии. Существует и абсолютно противоположная точка зрения, высказанная А.А.Аскарковым, – о более ранней дате чустской культуры по отношению к кожным комплексам, вследствие чего генезис культур расписной керамики южных областей Средней Азии связывается с синтезом местных оседло-земледельческих компонентов и пришлых элементов, привнесенных переселившимися сюда группами племен чустского типа⁵⁰. Проблема хронологического соотношения чустской культуры и комплексов Северной Бактрии является предметом острой дискуссии⁵¹.

Далеко не все изложенные здесь точки зрения по поводу одной лишь проблемы свидетельствуют о том, настолько сложны процессы реконструкции реального исторического процесса на основе археологических материалов.

Культура архаического Дахистана

В конце II – первой трети I тыс. до н.э. самостоятельная культурно-историческая провинция сложилась на территории древней Гиркании, на крайнем юго-западе Туркменистана. Комплексы этого времени

носят название культуры архаического Дахистана⁵². Общие закономерности социально-экономического развития, характерные для оседлоземледельческой зоны Средней Азии в период перехода от бронзового века к железному, были в полной мере присущи и этому региону, однако местные особенности материальной культуры и, в первую очередь, керамического производства свидетельствуют об иной направленности генетических и культурных связей комплексов архаического Дахистана, по сравнению с комплексами типа Яз I. Как и в эпоху бронзы, юго-западный регион Туркмении входил в культурную общность, охватывающую значительную часть Иранского плато.

Поселения культуры архаического Дахистана рассредоточены оазисами преимущественно на территории Мисраинской и Чатской равнин. Крупные поселения с мощными цитаделями на кирпичных платформах и выделенными ремесленными кварталами (Изаткули, Мадаудепе, Тангсыкылджа, Чялыкдепе) занимают площадь в несколько десятков гектаров и являются формирующимися центрами городского типа. Небольшие сельские поселения (Тилькидепе, поселения Бангуванского оазиса и др.) имеют площадь от 0,5 га и менее до 2,5 га. При раскопах некоторых из них также вскрыты монолитные платформы из сырцовых кирпичей⁵³.

Поселения состоят из нескольких жилых массивов или отдельно стоящих многокомнатных домов. Эти массивы характеризуются регулярной и плотной застройкой. Поселения обживались в течение длительного периода и подвергались неоднократным перестройкам. Новые дома обычно строились на выровненном участке, на горизонтальной кладке из сырцовых кирпичей, покрывавшей забутованные помещения нижележащего строительного горизонта. Дома состояли из жилых и хозяйственных помещений. Для обогрева жилых помещений использовались очаги, вдушенные в пол или расположенные на специальных сырцовых вымостках. В хозяйственных помещениях сооружались округлые или сегментовидные в плане хранилища, сложенные из сырцовых кирпичей. В каждом комплексе имелся двор⁵⁴.

Вероятно, существовали и постройки культового характера. Возможно,

такой постройкой (храмом?) являлось изолированное здание, сооруженное на вершине Бенгуванской возвышенности, что подчеркивало его особое положение по отношению к поселениям равнинной части оазиса. Здание имело квадратную планировку (21,5x21,5 м) и четкую ориентацию по сторонам света. Его центральную часть составляла монументальная платформа, по периметру которой располагались Г-образные коридоры с пристенными суфами. В центральной части вскрыто несколько помещений прямоугольной формы, где обнаружены очажные пятна и зольные слои⁵⁵.

Почти вся керамика культуры архаического Дахистана, за исключением кухонных сосудов, изготовлена с помощью гончарного круга и отличается высоким качеством выделки и большим разнообразием форм. Среди них сосуды с различными ручками, носиками-сливами, чаши на трех ножках – триподы и т.д. Все эти формы имеют точные аналогии в археологических комплексах Северо-Восточного Ирана. Среди различных групп керамики культуры архаического Дахистана, как и для прикаспийских областей Ирана, особо выделяется сероглиняная посуда, часто окрашенная в черный цвет, что достигалось воздействием дыма, которым после обжига сосудов специально заполняли гончарную печь, закрыв дымовую трубу⁵⁶.

На поселениях найдены также каменные зернотерки, кремневые вкладыши серпов, бронзовые наконечники стрел и другие предметы. Куски железных шлаков и криц свидетельствуют о начале освоения нового металла.

Степные культуры В зоне традиционного обитания степных племен, на территории исторического Хорезма, в рассматриваемый период была распространена амирабадская культура, сформировавшаяся на базе предшествующих культур бронзового века в этом регионе⁵⁷. Большинство поселений этой культуры связано с древними руслами и протоками Амударьинской дельты. Наиболее хорошо изучены поселения Яккепарсан 2 и Кават 2 в южной дельте Акчадарьи⁵⁸. Они вытянуты вдоль древних русел и состоят из домов-полуземлянок, наземные части которых сооружались из дерева, прутьев и обмазывались глиной с примесью самана. В каждом доме имелся очаг. В летнее время интенсивно обжигалось и пространство между домами. Здесь жило оседлое население. Некоторые поселения, возможно, имели сезонный характер, например, Каунды 1, состоящее из небольших, чуть углубленных домов, в которых не было очажных ям, а очагом служила груда прокаленных камней.

Керамика амирабадской культуры изготавливалась вручную. Поверхность некоторых сосудов окрашена в красный цвет и залощена. Кухонные сосуды украшены скудным резным орнаментом в виде слочки, сетки, крестов. Наиболее распространенным украшением столовой посуды стал налепной рельефный валик, разделяющий горло и тулово сосуда.

Бронзовые предметы представлены серпами, ножами, наконечниками стрел, шильями, украшениями. О развитии металлургического производства на поселениях свидетельствуют находки многочисленных “канелек” бронзы, а в одном из домов на Яккепарсан 2, названном “домом литейщика”, были найдены четыре каменных формы для отливки бронзовых орудий и фрагменты сосуда с остатками бронзы на дне.

Амирабадская культура рассматривается как культура эпохи поздней бронзы и датируется X-VIII или IX-VIII вв. до н.э. Распространение железных изделий в Хорезме относится преимущественно к VI-V вв. до н.э.⁵⁹. Возможно, комплекс наиболее ранних железных предметов происходит с поселения Кузо-

АВЕСТА

Основным источником для изучения первобытнообщинного строя служат археологические материалы. Но уже для следующей эпохи – эпохи его распада и возникновения первых государственных образований, имеется источник иного рода – это Авеста, собрание религиозных текстов зороастрийцев. Авеста не только памятник древнеиранского языка и литературы, философии и религии, но и важнейший источник по древней истории Средней Азии⁷⁶. Необходимо иметь в виду, что это памятник не однородный, а многослойный, создававшийся на протяжении длительного периода времени на различных территориях.

Использование авестийских текстов как исторических и литературных памятников затруднено отсутствием точных данных для датировки и локализации отдельных их частей. Даже в Гатах и Яштах⁷⁷, тех авестийских текстах, которые можно с большой долей уверенности отнести к периоду до середины I тыс. до н.э., видно соединение элементов, относящихся к различным периодам; заметна, в частности, непоследовательность в применении одних и тех же терминов, в том числе социальных. Яшты, по содержанию тесно связанные с древнеиндийской ведической поэзией и восходящие тематикой основных своих частей еще к эпохе индоиранской общности, во многом, конечно, не отражают общественных условий, реально существовавших в период их создания. В свою очередь Гаты, составленные на особом диалекте и отличающиеся весьма сложным и своеобразным стилем, во многом отражают период, предшествовавший деятельности Заратуштры. Видевдат, памятник в целом значительно более поздний, чем Яшты, Гаты и Ясны, содержит в то же время и весьма древние по содержанию тексты.

Наконец, во всех частях Авесты можно отметить элементы, привнесенные в более позднее время, после первоначального создания памятника, в период его устной передачи, кодификации и редакторских обработок. Кодификаторы и редакторы Авесты довольно часто старались модифицировать и единообразить текст (перенос целых кусков из одной части в другую, добавления и пр.). Все это, конечно, изменило в дошедших до нас авестийских текстах картину общественного устройства и создало дополнительные трудности для использования Авесты в качестве исторического источника, прежде всего для выяснения социальной структуры общества, характеристики общественных отношений, установления места общества Авесты в истории Восточного Ирана и Средней Азии.

Тем не менее картину, рисуемую старейшими частями Авесты, можно считать в основном довольно точно отражающей жизнь восточноиранских племен VIII-VII вв. до н.э. Правда, многие детали еще не ясны, что зависит прежде всего от характера самих текстов Авесты и уровня их филологический интерпретации.

Важнейшим коррективом при историческом анализе данных Авесты должны быть археологические памятники. Однако проблема датировки и истолкования данных Авесты по археологическим материалам лишь поставлена в науке, но еще не решена⁷⁸.

Общество Авесты Общество, рисуемое Авестой, прежде всего ее древнейшими частями – Яштами и Гатами, может быть определено как патриархальная община оседлых скотоводов и земледельцев, с далеко зашедшим уже имущественным и социальным расслоением, выделением

военной аристократии и жречества. Характерными для Авесты являются черты переходного состояния общества – от доклассового к классовому, рабовладельческому, т.е. черты, присущие строго военной демократии⁷⁹.

Авеста содержит данные о четырехступенчатой системе организации общества, восходящей к первобытно-племенному строю, но сохранявшейся (по крайней мере, в представлении зороастрийской традиции) и много позже.

Термины, употребляемые в Авесте для обозначения основных структурных единиц общества – *мйна* – “дом-семья”, *вис* – “род, родовое поселение”, *занту* – “племя”, *дахью* – “область, страна” – восходят к глубокой древности. Однако в ряде случаев уже в старейших частях Авесты отчетливо проявляется тенденция к замене прежнего, кровнородственного значения термина значением территориальным, что указывает на разложение общественных отношений, характерных для родового строя⁸⁰.

Семья и ее состав.

Рабы. Жилище

Нижней единицей общества в Авесте выступает *мйна* (в Гатах – *дмйна*)⁸¹ – “дом” как жилище семьи, ее домашнее хозяйство, а также и в значении самой патриархальной семьи⁸².

Во главе дома-семьи стоит патриарх, домовладыка – *мйнопати*, буквально “глава, хозяин дома”⁸³, рядом с ним нередко упоминается “домоправительница” – *мйнопатий* (в Гатах – *дмйнопатий*), жена домовладыки или старшая женщина в семье, только для богатых семей под этим термином следует, вероятно, понимать старшую жену⁸⁴.

Домовладыка рассматривается зороастрийской традицией и как религиозный судья (*рату*), наблюдающий за исполнением религиозных предписаний всеми членами семьи. В этом качестве домовладыка именуется в Авесте *мйнья*, буквально “относящийся к дому-семье”. В текстах об этих функциях домовладыки говорится: “Кто (религиозные) судьи? Это *мйнья*, религиозный глава дома; *висья*, религиозный глава рода; *зантума*, религиозный глава племени; *дахьюма*, религиозный владыка области; *заратуштротзма* – высший религиозный глава...”⁸⁵.

В Авесте фигурируют и духи дома-семьи – божества, призванные специально охранять благополучие дома и его обитателей. Эти духи дома, авестийские “пенаты”, обозначаются тем же термином *мйнья* и выступают иногда в одном ряду с двумя божествами – *Брью*, охранителем посевов зерновых, и *Ушахина*, наблюдателем за предутренним временем⁸⁶. Под *мйнья* – духами дома – следует понимать очень древние, еще дозороастрийские божества, культ которых был распространен весьма широко. В Авесте упоминаются и духи рода, племени и области. В этих представлениях сказывалась забота об умерших родичах – культ предков. “Духи дома” отразились и в авестийских фравашах – ангелах-хранителях и одновременно душах всего сущего: “Когда поднимаются воды из озера Ворукаша... отправляются могучие праведные фраваша, бесчисленными сотнями, бесчисленными тысячами, бесчисленными десятками тысяч добывать воду – каждый своему семейству, своему роду, своему племени, своей области. Так они говорят: “Неужели наша земля должна уничтожиться и иссушиться?” Снаряжаются они в бой за свою землю, за свой дом, где был каждый из них. Подобны они доблестному воину, который, препоясанный, защищает свое имущество. И те из них, которые побеждают, несут воду своей семье, своему роду, своему племени, своей области, так говорят: “Пусть процветает и благоденствует наша земля!”⁸⁷.

О том, насколько прочно сохранились эти культы, может свидетельствовать известный рассказ Наршахи об идолах, которых покупали на базаре Мах жители домусудьманской Бухары. По-видимому, в большинстве терра-

кот, находимых в весьма значительном количестве при раскопках жилых комплексов в Средней Азии и Северном Афганистане и датированных, как правило, послеахеменидским периодом, следует видеть *мидья*, духов домашнего очага, а не представителей официального пантеона ("авестийского Олимпа").

Основным строительным материалом для сооружения домов-*мидья* служила глина; в Видевдате упоминаются пахсовые блоки⁸⁸ и сырцовый кирпич, высушенный на солнце⁸⁹. О применении каменных плит для постройки домов данных нет. Камень как строительный материал дважды упоминается в Авесте, однако речь идет, по-видимому, об измельченном камне (или даже песке), употреблявшемся в качестве добавки к глине⁹⁰. Для балок и опорных столбов⁹¹ употреблялось дерево. Жилище освещалось через световое отверстие в крыше – *раучана*⁹².

Вопреки мнению некоторых исследователей, о жилищах, вырытых в земле, в Авесте ясных данных нет. Во втором фаргарде Видевдата слово *ката* (от *кан* – "копать, рыть"), часто переводимое как "землянка", обозначает отдельное помещение, комнату⁹³, в других случаях под *ката* следует понимать специальную камеру, служившую для предварительного помещения трупов⁹⁴.

Жилища знати по своему типу мало чем отличались от домов рядовых общинников. На это указывают авестийские описания домов, принадлежащих богам или созданных богами, воспроизводящие – с обычными в таких случаях преувеличениями – тип жилища богатого общинника⁹⁵. Сравни, например, описание дворцов богини Ардвистуры Анахиты: "У каждого потока стоит надежно выстроенный дом, светлый, с сотней световых отверстий, хорошо сделанный, с тысячами столбов, крепкий, с десятью тысячами опорных столбов..."⁹⁶.

Внутреннее убранство домов рядовых общинников было весьма скромным. В текстах названы лишь *старии* – "подстилка", *барзии* – род подушки и *гайу* – "ложе"⁹⁷, под которым следует скорее всего понимать глиняное возвышение (*суфу*).

Существенной чертой патриархальной семьи "является включение в состав семьи несвободных и отцовская власть; поэтому законченным типом этой формы семьи служит римская семья"⁹⁸. В состав авестийской патриархальной семьи, подобно римской *familia*, входили и неполноправные члены общины, а также рабы. Речь идет о лицах, обозначаемых в Авесте как *вйра*, *вайса* и *парийатар*. Слово *вйра*, неоднократно встречающееся, наиболее часто выступает в значении "мужчина, воин"⁹⁹. В то же время в целом ряде случаев *вйра* отмечается в контекстах, ясно указывающих на то, что имеются в виду рабы¹⁰⁰. Такое значение *вйра* засвидетельствовано уже в Гатах, где говорится о "скоте и рабах", принадлежащих честному скотоводу¹⁰¹, где пророк просит добрые божества употребить их мощь и власть для "увеличения (числа) скота и рабов" у праведных маздаяспийцев¹⁰². О *вйра*-рабах упоминается и в Яштах: "Мы поклоняемся Митре, обладающему обширными пастбищами для скота. Митре, кто возводит колонны высокого дома, кто ставит столбы для ворот, кто дарует стада коров и рабов тому дому, к которому он милостив"¹⁰³. В четвертом фаргарде Видевдата Заратустра обращается к Ахура Мазде с вопросом: "Сколько твоих, Ахура Мазда, договоров?" Ахура Мазда отвечает: "Таких договоров шесть... первый договор – устное поручительство ("слово"); второй договор – поручительство, скрепленное рукопожатием; третий договор – поручительство ошдой; четвертый договор – поручительство головой крупного скота; пятый договор – поручительство рабом (*вйрамазб*); шестой договор – поручительство (целой) областью"¹⁰⁴.

Термины *vayca* и *pariyaitar* отмечены только в поздних авестийских текстах – в Видевдате¹⁰⁵, однако возникновение этих терминов относится к древнему периоду¹⁰⁶.

Судя по этимологии слова *vayca* – “относящиеся к роду” (ср. *vis* – “род”), так именовались первоначально рабы, принадлежавшие роду, позднее, как и *vira*, – от *vairya* – “чужеземец”. *Pariyaitar* (букв. “ходящий вокруг”) обычно переводят как “подениш”¹⁰⁸. Термин этот встречается в Авесте всего один раз, так что точное его значение установить трудно; ясно, однако, что речь идет о лице зависимом, положение которого было довольно близким к рабам-*vayca*¹⁰⁹. Быть может, в *pariyaitar* следует видеть обедневших членов другого рода или другой общины, потерявших свою независимость и принятых в другой род (или общину) на положении, близком гомеровским *метанастам* – иноземцам-переселенцам, получившим убежище.

В девятом фаргарде Видевдата *vayca* и *pariyaitar* перечисляются в составе дома-семьи, непосредственно после главы семьи и его супруги. Правила, излагаемые в Видевдате, устанавливают, что жрец за ритуальное очищение *vayca* или *pariyaitara* должен получить одну телку. Сходная плата следует жрецу и за очищение членов семьи домовладыки. Таким образом, согласно зороастрийской традиции, рабы (или, по крайней мере, какая-то их часть) включались в число домочадцев на правах младших членов дома-семьи¹¹⁰.

Авестийскому *ймйна* – “дом-семья” у Геродота в описаниях событий истории мидийского царства соответствует *ойкия*¹¹¹ – большая патриархальная семья. Греческая *ойкия*, подобно *ймйна*, состояла из основателя семьи, его детей, внуков и правнуков. Экономической основой *ойкии* было семейно-родовое владение землей и скотом, что приводило в конечном счете к сосредоточению политической и экономической власти в руках родовой аристократии. Весьма вероятно, что положение *vayca* было сходным с положением *ойкеев*-рабов в архаической Греции эпохи “зари рабства”, где *ойкеи* считались младшими членами большой семьи¹¹².

Постепенное разложение патриархально-родового строя, выделение в составе семейной общины (большой семьи) малых (индивидуальных) семей, превращение родовой собственности, прежде всего скота и рабов, в собственность отдельных семей и, как следствие, усиление имущественного неравенства внутри рода – все это не могло не отразиться и на положении рабов в общинах Восточного Ирана и Средней Азии. Об этом свидетельствуют и авестийские тексты, где, как мы уже видели, рабы-*vira* характеризуются как принадлежащие дому-семье скотовода.

В отличие от Вед в Авесте нет специального термина для обозначения раба-иноплеменника, подобного древнеиндийским *даса*, *дасыо* – “враг, чужеземец, раб”¹¹³.

Родственные дома-семьи образуют род-*вис*. Этим же термином обозначается в Авесте и родовое поселение. *Vis* – патриархальный род, совокупность *ймйна*,

объединенных происхождением от общего предка и называемых по имени или прозвищу этого предка. Так, упоминается род Атвья, к которому принадлежал мифический Трайтана (Феридун в “Шахнаме”); род Наутара, из которого происходил Виштаспа, покровитель Заратуштры; род Спитамы, предка самого пророка; род Хвбвй, из которого происходил Джамаспа, одним из первых принявший учение Заратуштры; дочь Джамаспы, носящая имя Хвбвй, была, согласно традиции, третьей женой пророка¹¹⁴.

Род. Селение.

Соседская община

Основной принцип строения авестийского *веса*, рассматриваемого как совокупность домов-семей (согласно зороастрийской традиции, в состав рода должно было входить не менее 15 семей) – степень родства членов рода, определяемая в Авесте термином *таба-назиштан*¹¹⁵, буквально “ближайший по родству”. Центральные фигуры здесь – домовладыка и домоправительница. Группировка родственников – чисто патриархальная, она не учитывает принципа родства по материнской линии, дети сестер не включаются в состав рода¹¹⁶. С момента замужества женщина входит в семью и, следовательно, в род своего мужа¹¹⁷.

Родовая община в старейших частях Авесты – основная экономическая ячейка общества, носитель всех важнейших политических, социальных и юридических институтов. Пастбища, поля, простейшие оросительные сооружения составляли, по всей вероятности, собственность *веса*. Обязательства кровной мести, установления, регулирующие брачные отношения, поручительства, правила, определяющие взаимоотношения родственников, – все эти положения, упоминаемые или подробно трактуемые в дошедших до нас частях Авесты, основываются на наличии родовой общины. Принципы военной организации племени также покоятся на существовании рода.

Небольшие по количеству членов роды вели хозяйство сообща¹¹⁸. Большие роды могли распадаться на ряд хозяйственных ячеек, однако главные черты родовой организации продолжали сохраняться.

Во главе рода стоит *вистати* – “господин, хозяин рода”, обычно старейший в роде. *Вистати* исполнял и судейские функции, а также являлся религиозным владыкой рода. В этом качестве он именуется в Авесте *висья* (ср. *висья* – “духи рода”). Должность *вистати* первоначально должна была быть выборной – владыка рода избирался из числа глав семей. Поскольку *вие* не только род, но и родовое поселение, *вистати* в Авесте выступает и как глава поселения¹¹⁹.

Селение, как о нем можно судить по Авесте, представляет собой, на первый взгляд, типично родовое поселение. Оно состоит из ряда дворов, в каждом из них живет отдельная семья. Однако уже в Гатах можно обнаружить данные, свидетельствующие о том, что родовые селения *веса* входили в состав территориальных общинных объединений, именуемых *вразна* и обозначавших, видимо, поселения соседской общины¹²⁰. *Вразна* в Гатах выступает в одном ряду с терминами *хвайту* – “семья, родня”¹²¹ и *арьяман* – “союз соплеменников; племя”, возможно также “культурный союз”¹²². Такая трехступенчатая структура многократно упоминается в Гатах.

Освоение новых земель и пастбищ, создание ирригационных сооружений и усложнявшаяся практика распределения воды в большой степени способствовали усилению значения соседской общины, вели ко все большему разложению принципов родовой организации. Поселения оседлых скотоводов и земледельцев оказываются уже в большей мере основанными на экономических связях, нежели на чисто родовых. Терминология патриархального рода еще сохраняется, но в действительности соседская община в повседневной жизни приобретает все большую роль. Появляются и специальные обозначения для сельской округи-территории, принадлежащей соседской общине и охватывающей несколько родовых поселений вместе с их пастбищами и полями. *Шойтра* уже в Гатах обозначает “область обитания племени, племя”¹²³ и одновременно “сельская округа”, в других частях Авесты – “обработанная земля, нива” а также “округа”, поземельная единица, к которой принадлежат “воды, земли и растения”¹²⁴.

“старейший”, “выдающийся из мужей”, имеются и более общие наименования для знати – *азата* – “благородный, знатный”¹²⁹ и *асна* – “знатный”¹³⁰. Представление о знатном воине отражено в названии *ратайштар* – “колесничий”, закрепившемся позднее в качестве обозначения воина вообще.

Имущественное неравенство внутри общины, разделение общества на богатых и бедных выступают в поздних частях Авесты, прежде всего в Видеядате при изложении правил ритуального очищения, подробнейшим образом разработанных зороастрийским жречеством в парфянский и сасанидский периоды. Однако и в более старых текстах мы встречаем упоминания о “домах, богатых скотом”¹³¹. В Яштах говорится о приношениях богам “сотни жеребцов, тысячи быков, десяти тысяч овец”. Йима, один из древнейших героев иранского эпоса, носит в Авесте постоянный эпитет “обладающий хорошими стадами”¹³². Наконец, в Гатах содержится совершенно конкретное, лишенное каких-либо поэтических преувеличений высказывание Заратуштры по поводу обещанных ему неким лицом десяти кобыл с жеребцами и одного верблюда – подарка, который вряд ли мог исходить от рядового общинника¹³³.

Имущество, принадлежащее домам, обозначается в Авесте наиболее часто *гайтā*, собственно “живое, существование”, отсюда “средства к существованию”, “дом и двор, хозяйство” и наконец, “имущество” вообще. Дома и дворы богатых общинников именуются также *майтана* – “обитель, жилище, усадьба”¹³⁴. Основное имущество дома – скот, отсюда обычное для Авесты перечисление “скот..., имущество..., богатство”. Так, в пятом Яште: “Почитай Ардви, сильную, чистую, умножающую стада, праведную, умножающую имущество, праведную, умножающую богатство, праведную”.

Племя

Племя – *занпу* – упоминается в Младшей Авесте достаточно часто, однако нигде не выступает вне сочетания с другими терминами четырехступенчатой структуры (*кмйна, вис, дахью*). Это соответствует и реальному положению племени в авестийском обществе. В отличие от дома и рода, племя в обществе оседлых скотоводов и земледельцев выступает как формальная общность. Внутри рода важна степень родства, в составе племени учитывается лишь самый факт родства¹³⁵. В условиях перехода к территориальному делению патриархально-родовая община еще долго сохраняет свое реальное значение, тогда как понятие племени приобретает в большой степени абстрактный характер¹³⁶. В качестве единицы, наиболее крупной, чем род, на первый план выдвигаются соседская община и “область, страна” – территория, населенная уже не одним племенем, а союзом племен.

Вождь племени – *зантупати* (как религиозный глава – *зантума*), также выступает лишь при переселении “владык” – рядом с главами дома, рода и области; отдельно от них *зантупати* не упоминается. Более реально фигура племенного вождя выступает в тех немногих отрывках, где говорится о народных собраниях – советах старейшин. Так, Йима созывает “собрание из лучших людей”. Такие собрания известны в Авесте под названиями *ханчамана*¹³⁷ (ср. тадж. *ангуман*) и *вяха*; многократно упоминаются также “мудрейшие в даче советов”¹³⁸, племенная знать, участвовавшая в собраниях “лучших людей”.

В Гатах о племени также говорится весьма неясно – *шойтра* может означать “область обитания племени, племя”, но одновременно это и “обрабатываемая земля, нива” и “округа”; *арьяман* – “союз соплеменников”, но и “сообщество, культовый союз”. Более определенное представление можно

составить о кочевых по преимуществу племенах, враждебных зороастрийской общине, обитавших "в северном поясе земли". Предводители этих племен именуются в Гатах *кави* – титул, восходящий еще ко временам индоиранской общности. *Кави* были, по крайней мере первоначально, не только племенными вождями, но и верховными жрецами племени. В Гатах они выступают поэтому и как религиозные враги Заратуштры и его общины.

В то же время в восточноиранской мифологии *кави* – добрые "князья", представители легендарного рода, связываемого традицией и с именем покровителя Заратуштры – Кави Вишпасны, положение которого было, возможно, более высоким, нежели положение только вождя племени¹³⁹.

Союз племен. *Дахью* – "область, страна" – термин, употребляемый в разных частях Авесты в различных значениях. Уже в Гатах *дахью* – более крупная единица, чем племя или область, занимаемая одним племенем. Так, в знаменитой "Гате богатства" Заратуштра, жалуясь на свою судьбу, говорит:

"В какой земле мне укрыться, куда мне пойти укрыться?

Гонят меня от родных (*хвайту*), от соплеменников (*арьяман*).

Не принимает меня ни община (*арзана*),

Ни дживные правители страны (*дахью*).

Как же мне добиться, чтобы ты принял меня, о Mazda Ахура?"

Территория, занимаемая почитателями Ахура Mazda (маздаяснийцами), как о ней можно судить по Авесте, распадалась на несколько *дахью*. Многократно упоминаются "иранские области" (*арьям дахьюнам*), противопоставляемые *дахью* неиранцев и *дахью* туров-саков, а также объединения нескольких областей – союзы, конфедерации племен.

Так, о легендарном Кави Хусрава сообщается, что он объединил все иранские области в одно целое – *хшатра*¹⁴⁰.

Сравнение данных Авесты с ахеменидскими надписями, где *дахью* выступает в значении как целой сатрапии, так и небольшой области внутри сатрапии¹⁴¹, показывает, что областей-стран типа ахеменидских сатрапий Авеста не знает. *Дахью* в Авесте – понятие прежде всего территориальное, географическое, нередко указывающее и на значительную этническую общность, но это еще не четкая административная единица в составе сложившегося государства¹⁴².

Во главе области стоял *дахьюпати* – "владыка области"¹⁴³. Власть его была ограничена советом знати. *Дахьюпати* был религиозным владыкой (*дахьюма*), осуществляющим и судебские функции. Упоминается целый ряд других лиц, близких по положению к владыке области или стоявших ниже его: *састар*, "правитель, повелитель", осуществлявший власть над округой и ее центром – укрепленным поселением, а также выполнявший функции военачальника¹⁴⁴, *саттар* – правитель области, страны¹⁴⁵, *хшатиш* – "властвующий, правящий" – наименее четкое обозначение правителя.

Объединение областей по Митр Яшту Особый интерес для характеристики объединений областей – *дахью* – объединений, представлявших собой конфедерации племен и, по-видимому, стоявших на пути к сложению в государство, имеет десятый Яшт, посвященный Митре (*Митр Яшт*). Этот текст, один из лучших памятников древнеиранской поэзии, обладает ясной географической перспективой – перед нами территория, простирающаяся от Герата и гор Паропамиса на юге до оазиса Мерва, охватывающая берега Амударьи вплоть до Аральского моря и доходящая до областей по Сырдарье.

“Мы поклоняемся Митре, обладающему обширными пастбищами, слово которого истинно, ищущему боя (с врагом), тысячеухому, прекрасно созданному, десятитысячному, высокому, смотрящему далеко во все стороны, сильному, никогда не спящему, вечно бодрствующему; (Митре), кто первым из небесных божеств приблизился к (горе) Хара, перед немеркнущим солнцем; кто ~~PDF Compressor Free Version~~ украшенных золотом горных вершинах, и оттуда он, властный, смотрел на всю арийскую землю”¹⁴⁶.

Где победоносные военачальники предпринимали многочисленные атаки, где высокие горы с обширными пастбищами служат заботящемуся о скоте, где простираются глубокие озера с вздымающимися волнами, где несутся, вскипая, глубокие широкие реки – к Ишкату и Паруту¹⁴⁷, Герату и Мерву, согдийской Гаве и Хорезму”¹⁴⁸.

В Михр Яште мы встречаемся с объединением областей, именуемым *дахьюсасти* – буквально “власть над областями”¹⁴⁹. *Дахьюсасти* стоит в одном ряду с *имана*, *вис*, *занту*, *дахью*, после их перечисления, как более высокая ступень. Правитель этого объединения носит титул “*дахьюнат* всех *дахью*”, иначе говоря, владыка над всеми областями.

Э.Херцфельд видел в этом титуле авестийское обозначение правителя мидийской державы, верховного главу всех сатрапий, и соответственно считал, что в Михр Яште отражена обстановка мидийского царства¹⁵⁰. Такое предположение должно отпасть – в Яште нет никаких указаний на территорию Западного Ирана. Речь может идти только о восточных областях.

Во главе объединения стоит “владыка всех областей”. Власть его ограничена, по крайней мере номинально, советом, состоящим из представителей отдельных областей – *дахью* и носящим название *дахьюнам фратзмадато* – “совет первейших (объединения) областей”¹⁵¹. Известен и религиозный глава и одновременно высший судья такого объединения – *заратуштротзма*, буквально “наиболее подобный Заратуштре”.

О том, что объединение областей, упоминаемое в Михр Яште, могло уже складываться в государство, прямых свидетельств нет. Нет, однако, и данных, которые могли бы опровергнуть такое предположение. Уровень развития общества в восточноиранских областях в VIII-VII вв. до н.э. соответствовал примерно положению в Западном Иране – все эти районы переживали период разложения первобытнообщинного строя, социальной и имущественной дифференциации и образования классового общества.

Развитие производственных сил. Археологические работы, проведенные в течение последних лет, показали, что в первой трети I тыс. до н.э. в Средней Азии и Восточном Иране осваивались земли в бассейнах больших рек, строились крупные ирригационные сооружения. В это же время – для некоторых областей – отмечается появление поселений с цитаделями. Наиболее полные и четкие по хронологии археологические материалы для характеристики этого периода найдены на территории Маргяны. Здесь выделяются два обширных оазиса (язтепийский и арвалитегинский), располагавшиеся вдоль крупных магистральных каналов, выходивших, видимо, из главного русла Мургаба; крупные площадки поселения имеют цитадели, в основании которых лежат мощные платформы из сырцового кирпича. Значительные ирригационные системы создаются в IX-VII вв. до н.э. и в Юго-Западной Туркмении, в бассейнах Атрака и Сумбара; поселения с цитаделями, относящиеся к этому же периоду, обнаружены на территории Парфии (городище Елькентеле)¹⁵².

В Хорезме сложение развитой ирригационной сети и поселений с триадами происходило несколько позже, в середине I тыс. до н.э.¹⁵³ На территории Северной Бактрии создание крупных оросительных систем и возникновение крупных **PDF Compressor Free Version** поселений относится, по-видимому, к тому же периоду, что и в Маргиане¹⁵⁴.

Картина развития производительных сил и общественной жизни, рисуемая Авестой, не противоречит в основном археологическим материалам, характеризующим области Восточного Ирана и Средней Азии VIII-VII вв. до н.э. Оседлые скотоводы и земледельцы в Авесте широко используют железо: многократно упоминаются оросительные каналы. Вопреки часто высказывавшемуся мнению, данных о том, что ремесленное производство в авестийском обществе было очень слабо развито, нет. О ремесленном производстве (гончарство, ткачество) говорится только в поздних частях (Видевдат), однако приводимые термины – явно древнего происхождения. Специальное обозначение для ремесленника встречается только один раз (Ясна XIX, 17), но следует учитывать, что обычный для Авесты перечень “профессиональных групп” – жрец, воин-колесничий, крестьянин-скотовод – восходит еще ко временам индоиранской общности и, следовательно, много старше периода VIII-VII вв.¹⁵⁵ Самый факт появления в авестийских текстах специального термина для обозначения ремесленника (*хуты*) может свидетельствовать о достаточно высоком уровне развития ремесла¹⁵⁶.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА. РЕЛИГИЯ

Древнейшая религия иранских племен

Религия иранских племен в период, предшествующий эпохе, связанной с именем Заратустры, представляла собой политеизм, выросший из поклонения силам природы. Начало этой религии восходит еще к индоевропейской общности. Это видно, например, из того, что имя верховного божества древних греков Зевс, латинское слово *деус* – “бог” и аналогичные слова в других древних индоевропейских языках, в том числе и индоиранское *дайва*, восходят к одному общеиндоевропейскому корню, означающему “небо”.

К периоду индоиранской общности эта религия уже получила значительное развитие. Сравнение древнеиндийских и древнеиранских памятников свидетельствует, что еще до разделения индийских и иранских племен существовал культ Митры – божества договора, Индры и других божеств, миф о Йиме (Яме), сыне Вивасванта, и сложилось религиозное понятие истины (авест. *аша*, др.-перс. *арта*, др.-инд. *рта*). Развилась уже и определенная система обрядов: был термин для жертвоприношения (др.-перс. *йада*, авест. *йаза*, др.-инд. *йача*), для жреца (авест. *зуртар*, др.-инд. *хотар*), было название растения, сок которого, особым образом приготовленный, приводил к экстазу (авест. *хаума*, др.-инд. *сома*).

Почитаемые божества делились на две группы. Божества одной группы назывались *дайва* (др.-инд. *дэва*), а другой – *асура* (авест. *ахура*, др.-инд. *асура*). В одних и тех же племенах могли почитаться и *дайвы* и *асуры*, или же почитались только, скажем, *дайвы*, а *асуры* становились враждебными, или наоборот.

В древнейших частях Вед (древнеиндийское собрание мифов и культовых гимнов) почитаются и *дайвы* и *асуры* (хотя последние и в меньшей степени); в более поздних частях *асуры* становятся предметом вражды и ненависти и само слово означает приблизительно “демон”.

Аналогичное, но обратное явление произошло среди некоторых иранских племен, которые почитали исключительно *ахур*, *дэвы* же у них занимали положение демонов¹⁵⁷.

Культы дэвов не принадлежали исключительно той части индоиранских племен, которая ушла в Индию и в конце концов обособилась от иранских племен. PDF Compressor Free Version. Но какая-то часть их отвергала поклонение дэвам. Что же касается упомянутых выше культов *ахур*, то они имели тенденцию к слиянию в монотеистический культ верховного Ахуры с эпитетом "мудрый" – *Маздä*.

Заратуштра

С этими иранскими племенами связана деятельность реформатора иранской религии – Заратуштры¹⁵⁸. Историчность личности Заратуштры иногда подвергается сомнению, которое возникает не столько из исследования конкретного исторического материала, сколько из априорной тенденции к гиперкритике. Мифический образ Заратуштры – результат работы воображения последующих поколений эпохи расцвета зороастрийской церкви, в основе же его лежит, вероятнее всего, реальная личность. Так, в Гатах – проповедях Заратуштры ясно чувствуется реальность проповедника. Само имя *Заратуштра*¹⁵⁹ представляет обычное иранское имя, вторая часть которого – *уштра* – означает "верблюду"¹⁶⁰ (тадж. *шутур*), относительно же первой существуют различные мнения ("желтый", "старый", "погоняющий")¹⁶¹. Следовательно, это простое крестьянское имя, какое вряд ли дали бы мифической обожествляемой личности¹⁶².

Зороастрийская традиция определяет время жизни Заратуштры цифрой "258 лет до Александра". Это можно понимать по-разному, так как под "годом Заратуштры" можно разуметь год его рождения или смерти или же какого-либо выдающегося события в его деятельности; под "годом Александра" можно понимать начало Селевкидской эры (тогда "год Зороастра" будет 570-569 гг. до н.э.)¹⁶³ или год завоевания Александром Ирана, т.е. год смерти Дария III, тогда "год Зороастра" – 588 г. до н.э.¹⁶⁴ По другим подсчетам¹⁶⁵, Заратуштра жил с 660 по 583 г. до н.э. (77 лет по традиции). В любом случае традиция относит время жизни Заратуштры к концу VII – началу VI в. до н.э.

Греческие авторы называли явно фантастическую дату – 6 тыс. лет до смерти Платона¹⁶⁶, что, вероятно, является недоразумением, основанным на зороастрийской космической хронологии.

Некоторые европейские ученые отодвигают традиционную дату назад, до 1000 лет до н.э.¹⁶⁷, другие, наоборот, приближают ее, желая отождествить покровителя Заратуштры – Виштаспу – с отцом Дария¹⁶⁸. Однако традиционная хронология дает вполне удовлетворительную дату – где-то перед возникновением Ахеменидской империи, и эту приблизительную дату принимает сейчас ряд исследователей.

Позднейшая традиция украсила биографию Заратуштры "чудесами", находящими себе параллели в сказаниях и мифах других народов. Если отбросить эти "чудеса", то основные моменты жизни Заратуштры представляются следующим образом: Заратуштра, небогатый и невлиятельный человек, проповедовал свои идеи сначала безуспешно, затем приобрел немногочисленных последователей, и наконец ему посчастливилось получить покровительство князя Виштаспы, принявшего его учение и способствовавшего его распространению. Погиб Заратуштра в почтенном возрасте во время войны с турами, т.е. саками.

Бактрии и родина зороастризма

Очень важен вопрос о роли Бактрии в сложении и первых этапах развития зороастризма. Еще сравнительно недавно целый ряд ученых хотел видеть в авестийском языке диалект Бактрии, а саму эту страну рассматривать как родину Заратуштры и зороастризма. В настоящее время попытки отождествления языка Авесты с языком Бактрии, видимо, оставлены, поскольку обнаружены памятники бактрийского языка, относящиеся, правда, к более позднему времени (начало II в. н.э.), но показывающие, что уже древнебактрийский язык в своем развитии от общеиранского шел иным путем, нежели авестийский¹⁶⁹.

В зороастрийской традиции уделено довольно много места Бактрии, однако, в большинстве своем данные традиции относятся к позднему времени. В самой Авесте имя "Бактрия" встречается только один раз – в первом фаргарде Видевдата, перечисляющем "правоверные" зороастрийские области. Основу этого фаргарда составляет, по всей вероятности, весьма старый текст¹⁷⁰, но название Бактрии выступает здесь не в древней, а в гораздо более поздней, среднеиранской форме – Бэхдий, что передает произношение Бэхлй¹⁷¹. Эта страна характеризуется как "прекрасная, с поднятыми знаменами" (*Бэхдйм срирйм эрэдей драфшйм*). Такое определение наиболее подходит для описания резиденции правителя или же военного пограничного управления. Некоторые исследователи видят в "поднятых знаменах" символы военной организации зороастрийцев (штандарты, близкие к известным "кавианским стягам" более позднего времени), свидетельства воинственного духа, который характеризовал зороастризм Бактрии¹⁷².

Традиция называет Балх резиденцией Дави Виштаспы, покровителя Заратуштры. Согласно этой версии, Заратуштра пришел в Балх (Бактры) из Арьянзм-Вайчх, своей родины. Впервые Балх как местопребывание Кави Виштаспы упоминается только у Табарн¹⁷³, однако это сообщение должно было входить в цикл легенд и эпических преданий по крайней мере уже в сасанидский период. На эти предания опирается и рассказ в "Шахнаме" о принятии шахом Гуштаспом (Кави Виштаспа Авесты) в Балхе учения Заратуштры¹⁷⁴.

Гуштасп строит в Балхе храм огня. Здесь же, в Бактрии, согласно "Шахнаме", протекает и дальнейшая деятельность Заратуштры, тут он якобы был и убит неким Балатнарз.

К Бактрии относят проповедь Заратуштры и "Зардуштнома" – поэма, написанная в 1278 г., по-видимому, в г.Рее неким Зартуштом, сыном Бахрама сына Пажду¹⁷⁵. Есть основания полагать, что одним из источников для "Зардуштнома" послужили не дошедшие до нас части Авесты.

По-видимому, уже в V-IV вв. до н.э. точного представления о родине и месте деятельности Заратуштры не было¹⁷⁶.

Наряду с Хорезмом (Арьянзм-Вайчх) и Бактрией традиция в качестве родины Заратуштры многократно упоминает и Мидию, причем особо говорится о Рее (Рага в Авесте). Связано это, несомненно, с созданием в Мидии в V-IV вв. до н.э. крупного зороастрийского центра, соперничавшего с восточноиранскими и оказавшего серьезное влияние на развитие зороастрийской традиции.

К Мидии относят деятельность царя Виштаспы (Гистаспа) старое предание, сообщаемое автором IV в. до н.э. Харесом Митиленским (в передаче Атенея, III в. н.э.). Это – рассказ о любви Зариадра, брата Гистаспа, к Одатиде, "самой красивой женщине в Азии", дочери Омарта, царя маратов. Предание, сохраненное Харесом Митиленским, принадлежит к числу немногих до-

шедших до нас древнеиранских эпических сказаний¹⁷⁷. Близки к этому преданию парфянская эпическая поэма "Память о Зарере" (Абийаткар Зареран) и рассказ о Густаспе и румской царице Катаюн (она же Нахид) у Фирдоуси, Саалиби и Мирхонда.

Итак, предания у Хареса гласит: "У Гистаспа был младший брат Зариандр, о них же местные жители говорят, что они родились от Афродиты и Алониса; Гистасп правил Мидией и нижней страной (Персией?), Зариандр же – выше Каспийских ворот, вплоть до Танаиса (Сыр-Дарья)".

Серьезных оснований для отождествления этого Гистаспа с Кави Виштаспой Авесты или с Виштаспой, отцом Дария I⁷⁹, как кажется, нет. Рассказ Хареса поконится на мидийской (или сако-мидийской) эпической традиции, в которой имена Заратуштры и его покровителя еще не фигурируют¹⁷⁹.

Первоначальный зороастризм

Социальное содержание религиозной реформы Заратуштры в самых общих чертах сводится к возникшему в оседлой восточноиранской среде требованиям обеспечить мирные условия существования оседлого скотоводства и земледелия. Первое из них заключалось в политическом объединении на основе сильной власти, второе – в решительной борьбе с соседями-кочевниками, которые постоянными набегами, грабежами и угоном скота мешали оседлому хозяйству.

Эти требования можно найти в проповедях Заратуштры: "Когда же, о Mazda, вместе с Правдой (*аша*) и Властью (*хиштра*) придет Мир (*армат*), дарующий добрую жизнь и пастбища? Кто даст нам покой от кроважанных приверженцев Лжи (*другват*)?"¹⁸⁰; "Пусть завоят убийцы и губители от деяний доброго правителя! Пусть это даст покой оседлым родам!"¹⁸¹.

В религиозном же плане эта проповедь преподумала в проповедь единобожия, отрицания племенных культов, в идею необходимости и святости постоянной борьбы с врагами, борьбы Добра со Злом, Правды с Ложью. Борьба эта приобретает космические масштабы и составляет основу того последовательного дуализма, который так характерен для зороастрийского мировоззрения. Силы Правды и Добра возглавляет Ахура Mazda. Других божеств нет, есть *дэвы* – покровители врагов и враги.

Все многообразные функции языческого пантеона передаются своеобразной коллегии так называемых *Амша Спэнта*¹⁸². Их шесть: *Воху Манах* (добрая мысль), *Аша Вахшита* (лучшая правда)¹⁸³, *Хиштра Варья* (избранная, предпочтительная власть), *Спэнта Армат* (святой, т.е. благотворительный, мир)¹⁸⁴, *Харватат* (целостность, т.е. благополучие), *Амэртат* (бессмертие).

Как показывают сами имена, это не божества в языческом смысле, а отвлеченные сущности, которые могут наделяться плотью условно, в целях восприятия, но в идее представляют лишь функции или эманации единого божества (или его ипостаси), которые вместе с седьмой ипостасью – *Ахура Mazda* – составляют нечто аналогичное христианской Троице.

Заратуштра отрицает старые обряды. В связи с употреблением ритуального наркотика *хаумы* он говорит: "Когда опрокинут эту мочу – это хмельное питье, которым *карапаны* (жрецы?) наносят вред?"¹⁸⁵.

В Гатах идеи Заратуштры изложены, конечно, не систематически. Есть предположения, что Гаты представляют собой не сами проповеди, а лишь сжатые стихотворные резюме прозанческих проповедей, потому они так лаконичны и чрезвычайно трудны для понимания. Религия Заратуштры, принятая Виштаспой, стала распространяться среди оседлых восточноиранских племен, а затем продвигаться и на запад.

Однако учение Заратуштры представляло довольно сложное отвлеченное построение и вряд ли смогло бы быть воспринято в таком виде иерархическими язычниками, привыкшими к почитанию *дэвов* с кровавыми жертвоприношениями и возлияниями *хаумы*. Вообще любая религия, выходя за пределы той общины, где она возникла, должна видоизменяться соответственно укоренившимся верованиям новых адептов. Так было с христианством в Европе, впоследствии с исламом в зороастрийском Иране, а также в Средней Азии. Так было и с учением Заратуштры среди иранских почитателей *дэвов*. Отвлеченные сущности – *Аменша Спэнты* – уже облекаются в плоть и кровь, переплетаясь с древними божествами и приобретая языческие функции: *Воху Манах* (*Бахман*) покровительствует скоту, *Аша Вахшита* (*Урдувахшита*) – огню, *Хиштра Варья* (*Шахревар*) – металлам, *Спэнта Арматти* (*Исфандармад*) – земле, *Харватит* и *Аморэтит* (*Хурдад* и *Мурдад*) – воде и растениям. Появляются и отвергнутые Заратуштрой боги – в том числе и *дайвы* (например, Митра). Для их обозначения придумывается новый неопределенный термин *йазата* (ср. тадж. *изад*, от формы мн. числа *йаздон*), что означает “тот, кого следует почитать, кому следует приносить жертвы”. Возрождаются – или, точнее, сохраняются – и жертвоприношения и возлияния *хаумы*. Заратуштре, ставшему уже мифическим собеседником Ахура Мазды и богов, тому самому Заратуштре, который, как мы видели, так эзотрично и недвусмысленно высказывался по поводу *хаумы*, приписывается и беседа с обожествленным *Хаумой*.

Таким образом, после смерти Заратуштры в течение столетий складывается одна из важнейших религий древности – зороастризм. Наиболее обычным ее названием среди самих зороастрийцев было *вахей дайва миздаясна* – “добрая вера почитателей Мазды”. Кроме термина *маздаясна*, для обозначения последователей этой религии употреблялся и термин *заратуштрий* (*зардуштий*). Впоследствии греки называли их магами по названию одного из мидийских племен, обладавшего монополией жречества (это слово сохранилось, например, в виде *мэґ* в географических названиях или в слове *мабад* от *магупат* – “господин магов”), а из греческого заимствовалась арабская форма *маґус*. Мусульмане называли их “огнепоклонниками” (*оташпараест*) ввиду большой роли огня в зороастрийских обрядах и верованиях, или “гебрами” (*габр*).

Авеста и ее история Для зороастрийцев самыми “святыми” текстами были прежде всего сохранившиеся в памяти учеников слова самого основателя религии, так называемые Гаты. С древнейших времен у иранских племен существовали гимны божествам, а также мифы и предания в стихотворной – точнее, вероятно, песенной – форме.

О характере этих текстов лучшее представление могут дать древнеиндийские Веды, сохранные в чистом виде до наших дней. Соответствующие иранские гимны древним богам подвергались, конечно, значительной “зороастризации”, но и в этом виде сохранили многие архаические черты, как по содержанию, так и по языку. Эти гимны под названием *Яштов* также были включены в круг священных текстов зороастрийцев. В дальнейшем сюда присоединились обрядовые, литургические тексты, собрания религиозных установлений и жреческих законов. Весь этот обширный круг текстов передавался долгое время из поколения в поколение только устно.

Письменность, если и существовала вообще, во всяком случае для религиозных целей не использовалась¹⁹⁵. Нам сейчас трудно представить, как мог удерживаться в памяти людей такой обширный запас текстов, которые к тому же надо было запомнить и передать с предельной точностью: искажение

"святых слов" считалось грехом, а в зороастризме культ слова развит, пожалуй, более, чем в других религиях. По всей вероятности, передача была все-таки устной, и позднейшие рассказы об Авесте, якобы написанные по приказанию Вишпасты со слов Заратустры золотом на бычьих кожах и убитоженные в Истахре Искандаром (Александром Македонским), являются лишь легендой. Серьезно **PDF Compressor Free Version** и, следовательно, содержащемуся в среднеперсидской зороастрийской энциклопедии Денкарт, о том, что Авесту собрал Валахш-и Ашканан – парфянский царь Вольгез, т.е. один из царей, носивших это имя.

Отдельные филологические соображения и сообщения нарративных источников позволяют считать кодификацию Авесты при Аршакидах (I в. до н.э.) вполне вероятной, однако до нас этот текст не дошел, и некоторые исследователи¹⁸⁷ полностью отрицают его существование. Во всяком случае, если этот текст и существовал, то он или был утерян, или был труден для чтения, или же не устраивал официальную сасанидскую зороастрийскую церковь по каким-либо другим причинам. При первых Сасанидах (III-IV вв. н.э.) предпринимается новая (по другим мнениям, первая) кодификация священных текстов. Традиция приписывает этот труд некоему Тансару, который может быть отождествлен с Картиром, видным религиозным деятелем при первых сасанидских царях. Для записи текста был изобретен специальный шрифт на основе пехлевийского, но с большим количеством знаков, позволяющих передать произношение со значительной точностью. Текст был снабжен переводом на пехлеви (письменный язык сасанидского Ирана) и комментарием. Тогда же, вероятно, и появились термины Авеста и Зенд. Первое (среднеперс. *avastāk*) означало, собственно, "основа", т.е. основной текст¹⁸⁸, а второе (*zand*, от древнего *āzantī*) – "изложение, толкование". Впоследствии эти слова употреблялись обычно в паре (*zand u avestā*), что и породило до сих пор еще иногда проскальзывающее в литературе неточное название Зенд-Авеста и уже совсем неправильное название "зендский язык" для обозначения языка Авесты.

Итак, сасанидская Авеста представляла комплекс текстов, возникших в разное время на разных территориях. Некоторые из них прошли сложный путь устной передачи с различными изменениями и дополнениями. Некоторые были, вероятно, составлены в довольно позднее время, когда древнеиранские диалекты, отраженные в старых частях Авесты, были уже мертвыми и продолжали употребляться лишь для религиозных надобностей.

Есть сведения о том, будто Шапур I, второй сасанидский царь, приказал собрать и включить в Авесту астрономические, медицинские и другие сочинения, так что она представляла энциклопедию всех знаний того времени. Мы, к сожалению, не можем судить об этом, так как полный состав сасанидской Авесты нам известен лишь по сообщениям Денкарта и других пехлевийских сочинений, где перечисляется 21 наск (часть) Авесты с краткими указаниями на содержание каждой из них.

После исламизации Ирана зороастрийские общины уже не смогли поддерживать авестийскую традицию в полном объеме. Многие большие части Авесты не переписывались и со временем гибли. Переписывались и сохранялись лишь те, которые казались совершенно необходимыми для повседневной религиозной практики, – в первую очередь литургические тексты. Предполагают, что пропало таким образом около трех четвертей всех авестийских текстов и лишь одна четверть их сохранилась под названием Авесты у зороастрийцев Ирана и Индии (собственно Гуджарата, куда зороастрийцы активно

эмигрировали, спасаясь от мусульманских притеснений) и стала известна мировой науке после путешествия в Индию французского ученого Анкетилла Дюперрона во второй половине XVIII столетия.

Дошедшая до нас Авеста состоит из следующих частей: Ясна (почитание, жертвоприношение", сравни современное *чашн*). Это текст зороастрийской литургии, который читается при приготовлении и употреблении *хаумы*. В значительной части Ясна представляет монотонное перечисление божеств, призываемых на разные лады в разные моменты богослужения, но сюда же включены и некоторые важные и интересные тексты. Во-первых, в Ясну вошли все Гаты, чтение которых является одним из самых священных ритуалов зороастризма. Во-вторых, во время церемонии приготовления *хаумы* читается древний и интересный Хом Яшт.

Виспрат (или *Висперед*, собственно, "Все *рату*")¹⁰⁰ представляет доведение к Ясне, вставляемые в определенных случаях после некоторых ее частей. Это самая бледная и наименее интересная часть Авесты.

Видевдат (или, искаженно, *Вендидад*, "закон против дэвов"). Этот раздел также читается частями (*фаргардами*) попеременно с Ясной в торжественных случаях. Это – жреческий кодекс, содержащий правила ритуального очищения, правила совершения различных обрядов, перечни грехов и добродетелей, а также некоторые элементы гражданского и уголовного права. Большая часть текстов Видевдата – довольно позднего происхождения, однако туда же с обычной для Авесты непоследовательностью – включены целиком мифы и сказания, одни – сравнительно позднее (например, о споре Заратуштры с Ахриманом), другие – восходящие к глубокой древности, хотя и в соответствующей переработке (например, сказание о творении стран Ахура Маздой или Йиме и потопе).

Яшты (о которых уже говорилось выше) – более мелкие части и отдельные молитвы, из которых одни самостоятельны, а другие объединены в так называемую "Малую Авесту" (*Хурд Авеста*, *Хурдак Анастак* – сюда же иногда включают Яшты). "Малая Авеста" представляет извлеченный из "Большой Авесты" минимум, необходимый зороастрийцу-мирянину для частного религиозного обихода.

Такова в самых общих чертах история возникновения и развития зороастризма и его "священного писания". Следует учитывать, что дошедших до нас частей Авесты недостаточно для восстановления в сколько-нибудь полном виде религиозной системы зороастризма; в ряде случаев приходится привлекать и данные более поздних зороастрийских сочинений.

РЕЛИГИОЗНАЯ СИСТЕМА ЗОРОАСТРИЗМА

Дуализм

Характернейшей чертой зороастризма, бросающейся в глаза при первом же знакомстве, является его резко выраженный дуализм – признание в мире двух начал, доброго и злого, борьба которых и составляет содержание существования мира, некоторый дуализм присущ, вообще говоря, и другим религиям, например, христианству или исламу. Там тоже приходится вводить понятие злого начала, иначе нечем объяснить появление зла в мире, которым правит единое доброе божество. Однако в этих религиях Сатана существует лишь с ведома и попустительства

всемогущего и всеблагого Бога, который всегда может пресечь его козни и не делает этого постоянно лишь по каким-то ему одному понятным мотивам. Это несоответствие между всеблагостью всемогущего Бога и существованием зла составляет источник наиболее частых еретических сомнений среди христиан и мусульман. Зороастризм в этом отношении безупречно последователен: даже в последние тысячелетия от века. Ахура Mazda могуч, но не всемогущ, и не в его силах уничтожить в любое время зло и его олицетворение – своего извечного врага Ахримана (Ахра Манью, "злой дух"). Он лишь постоянно борется со злом с помощью, в первую очередь, своего небесного войска – богов.

Пантеон

Высшую ступень зороастрийской небесной иерархии занимает своеобразная группа божеств, так называемые *Амэша Спэнта*. Число их в более позднее время колеблется. Сюда иногда включаются *Срауша*, божество послушания – дисциплины (эта функция подчеркивается внушительным атрибутом – дубинкой); *Аши Вахви*, олицетворение награды за добродетель, и т.д.

За ними следуют *язаты* – боги. Здесь – *Митра (Михр)*, древнее божество договора (впоследствии связываемое с солнцем), одно из самых почитаемых. В большом посвященном ему Яште (X, 1) так определяется его положение:

"Сказал Ахура Mazda Спитаме Заратуштре:

Когда я создал Митру, обладателя широких пастбищ,

То я создал его достойным такого же почитания и поклонения,

Как сам я, Ахура Mazda".

Культ Митры позднее, как известно, широко распространился в пределах Римской империи¹⁹⁰.

Высокое положение занимает *Рашину* – божество правосудия, атрибут его – золотые весы. На видном месте находятся божества, олицетворяющие силы природы. Прежде всего это огонь, *Атар (Азар)*, сын Ахура Mazda. Огонь пронизывает весь мир и имеет различные проявления – небесный огонь, огонь горящего дерева, огонь-искра в теле человеческом, роднящая таким образом человека с Ахура Mazda; наконец, особое проявление огня – священный огонь (носящий название *барэти-савах*, "высокой пользы"), горящий в храмах (в позднейших памятниках огонь Вархрана – Бахрама).

Вода почитается под своим прямым названием *апо* – "вода", с которым связано еще божество *Апам нано* – "внук вод" (есть и в ведической мифологии), и в культе особого женского божества *Ардовй сра анэхити* ("сильная, непорочная Ардв). В Яште, посвященном ей (Ардикур Яшт), она выступает в виде полноводной реки, то в виде женщины – дородной, сильной и прекрасной. Она дает плодородие земле и плодovitость скоту и людям¹⁹¹. Вода для оседлых земледельцев имеет особое значение, и, вероятно, поэтому среди древних культов солнца (*Хвар хшайта*, *Хуршед*), луны (*Мāх*) специально выделяется культ звезды Тиштрыя (предположительно Сириус), имевшей астрономическо-календарную связь с разливами и дождями. В соответствующем Яште (Тиштр Яшт) Тиштрыя в образе коня сражается с демоном засухи *Апауша*, выступающим в образе коня, черного и облезлого. *Дэв* засухи побеждает. Тогда Тиштрыя обращается к Ахура Mazda с жалобой на то, что его постигают неудачи, потому что люди ему специально не поклоняются. "Если бы люди меня почитали, упоминая мое имя, как почитаются другие боги, то я приобрел бы силу десяти коней, силу десяти верблюдов, силу десяти быков, силу десяти гор, силу десяти глубоких рек"¹⁹². Ахура Mazda, естественно, заставляет людей поклоняться Тиштре, после чего тот одерживает победу. То-

гда с оз.Ворукаша поднимаются туманы, собираются тучи, их несет ветер (*Vāta*, тадж. *bod* – тоже божество), и дожди изливаются на землю.

Небо почитается как таковое (*āsmān*); земля (*zam*) часто смешивается с Спзнита Арматн. Например, Йима, в царстве которого (а правил он всей землей) не хватает места для скота и людей, так и обращается к земле: “Милая Спзнита Арматн, **PDF Compressor Free Version** расступись, расступись, чтобы нести мелкий скот, крупный скот и людей”¹⁹⁵.

Со скотоводством связан культ божества *Дрваспа*, охраняющего здоровье скота (скоту покровительствует также и первый, главнейший из Амшпа Спзнита – *Воху Манах*). В Гатах неоднократно упоминается специально *Гузи ташан* – “творец быка” – вероятно, особый аспект *Ахура Мазды*, и *Гузи урван* – “душа быка” – олицетворение самого скота. Часто упоминается в различных частях Авесты божество войны – *Вэрэтрагна* (*Вархрайн*, *Бахрām*). Культ Вэрэтрагны впоследствии (в Сасанидском государстве) выдвигается на одно из первых мест.

В виде божеств представляются разум (*xratu*, тадж. *xirad*), мир (*Ahiiuhi*, тадж. *oishitī*), сама зороастрийская вера (*дайнā*, тадж. *дин*) и т.д. Вообще персонализация и обожествление различных предметов и отвлеченных понятий – одна из наиболее характерных черт зороастризма.

Как особый класс божественных существ выделяются в зороастрийском пантеоне *фравашн* (во мн. числе сохранилось в названии месяца фарвардин). Это нечто вроде душ или ангелов-хранителей, существующих от века для каждого существа, в том числе и для самого Ахура Мазды.

Злой дух – *Ахра Манью* (*Ахриман*) в борьбе с добром также обладает войском, которое по силе и структуре соответствует войску Ахура Мазды. Постепенно в зороастрийской литературе выработалась даже точная система соответствий, где каждому божеству противостоит определенный *дэв*. К первоначальным противопоставлениям относится *Воху Манах* – *Ака Манах* (“злая мысль”; иногда не отделяется от самого Ахримана), и основное противопоставление всего зороастризма: с одной стороны *Аша* – “Правда”, а с другой – *Друг* (тадж. *дуруг*) – “Ложь”; мир Ахура Мазды – мир Правды; мир Ахра Манью – мир Лжи. Приверженец первого – *ашаван*, приверженец второго – *дрэвант*. Эти термины применяются как эпитеты ко всем божественным и дэвовским существам, а в применении к людям означают соответственно “правоверный”, т.е. зороастриец, и “неверный”, т.е. иноверец.

Понятие *Друг* персонализируется в виде женского существа, которое оплодотворяется грешниками путем совершения греха и порождает свои бесчисленные вредные исчадия. Этот же термин *Друг* употребляется и нарицательно по отношению к дэвовским существам женского пола, например *Насу*, олицетворению смерти, которая в виде мухи прилетает с севера, вселяется в трупы правоверных существ, может проникнуть и в живых людей, если этому не воспрепятствовать соответствующими молитвами и обрядами.

Основную силу в войске Ахримана составляют *дэвы*. Некоторые из них (например, *Индра*, *Нахатья*) – древние божества, проклятые Заратуштрой. Рассказ об этом повержении дэвов в “Младшей Авесте” гласил: “Заратуштра загнал под землю всех дэвов, которые ранее ходили по земле в человеческом облике”. Теперь их место – под землей, в горах и пещерах и, конечно, в первую очередь на севере – там, где живут кочевники – почитатели дэвов. Большая часть легиона дэвов оформилась уже позднее, путем олицетворения бед, несчастий и пороков и противопоставления добрым божествам. Здесь есть и *Араска* – “зависть” (тадж. *рашк*), и *Зарван* – “старость”, и *Варэна* – “похоть”, и

Ази – “жадность” и Спазга – “клевета”, и уже известный нам Апауша – “засуха”, и Змака – “зима” (для древних иранцев, еще помнящих свое северное происхождение, холод представлялся холод, а не жара, и “зима, созданная дэвам” – это бич Ахримана, который портит жизнь в Арьянзм-Вайчах – лучшей и первой стране, созданной Ахура Маздой). В дэве *Бути*, возможно, следует видеть Будду, попавшего сюда в качестве божества соседних иноевропейских народов. Дэв *Асто-видоту* разрушает тело мертвого и выжигает его душу, а дэв *Визарина* влечет эту душу в ад. Дэв *Буйвист* (женского пола), с эпитетом “долгорукая”, по утрам, когда пост летух – вестник бога *Срауши*, обнимая человека своими длинными руками, нагоняет на него сон и отвлекает его от полезной деятельности. Одна из самых видных фигур в легенде дэвов – *Аишта*¹⁹⁴. Обычно он выступает в роли демона разнузданности (специальный “оппонент” бога послушания Срауши) и гнева (ср. тадж. *хашм*), но при первоначальном появлении он был, по толкованию В.И.Абаева, олицетворением кровавых набегов кочевников на стада и поселения оседлых племен.

К дэвам относятся и некоторые другие существа: *йату* (тадж. *чоду*) – колдуны и *парйхд* (*пари*) – пэри, которые вредят воде, земле, огню, скоту и растениям, заколдовывают звезды, от чего прекращаются дожди, и сами в виде падающих звезд нарушают порядок на небе.

К тому же войску принадлежат и люди: *кави*, *карананы* – враждебные зороастрийской вере князья и, вероятно, жрецы; *аизмауги* – злоучители, *сатары* – злые властители, и вообще все неверные – *дрэваоты*. Сюда же относятся вредные существа – *храфстра* – змеи, жабы, насекомые и т.д.

Натурфилософия, космогония и легендарная история

Зороастризм считает пространство и время бесконечными. Все пространство делится на две части: одна часть – бесконечный свет, область добра и Ахура Мазды, другая – бесконечная тьма, область зла и Ахримана. В бесконечном времени (*зраван акарана*) Ахура Мазда сотворил конечный замкнутый отрезок времени, зон (*зраван хвадата*) – время конечного мира продолжительностью 12 тыс. лет. Это время делится на четыре промежутка по 3 тыс. лет. В течение первого периода Ахура Мазда творит мир в идеальном, нематериальном виде (*маньява*, ср.-перс. *мёнж*, тадж. *ману*), т.е. не вещи, а идеи вещей¹⁹⁵. Сюда примыкает понятие *фравашии*. По истечении 3 тыс. лет на границе света и тьмы появляется Ахриман. Испуганный светом и пораженный молитвой *ахуна варья*, произнесенной Ахура Маздой, он отступает во мрак. Война объявлена, и обе стороны начинают накапливать для нее силы. Начинается сотворение мира, когда “два духа создавали творения – добрый и злой”. Длится оно следующие 3 тыс. лет. По одной из легенд¹⁹⁶, в первые 3 тыс. лет Ахура Мазда создал весь мир в своем теле, а затем создал небо из головы, землю – из ног, воду – из слез, растения – из волос, огонь – из духа. Но вообще антропоморфизм Вселенной мало свойственен зороастрийским мифам.

Земля, согласно зороастризму, шарообразна; иногда в Авесте к ней прилагается эпитет *скарна* – “круглая”. Небо имеет три сферы (ступени; ср.-перс. *пáдак*, тадж. *поя*) – сферу звезд, сферу луны и сферу солнца. За сферой солнца (конечно, сверху) находится *гаро дмада* – “дом хвалы”, рай Ахура Мазды. Внизу (противоположно ему) – темное царство *дэвов*: “место шлохого бытия” – *дужахва* (тадж. *дузах*). Посреди – место смещения света и тьмы, добра и зла – область жизни.

В последовательном соответствии с основной дуалистической доктриной (все движение есть борьба двух начал) творение Ахура Мазды статично, пока не вмешается Ахриман. Последний, создав себе армию дэвов, пробивает

небесную сферу и вторгается в мир. Тогда мир приходит в динамическое состояние: движутся небесные тела, текут воды, начинают расти горы. Цепь гор, окружающая верхнюю, обитаемую часть земли, *Хара Бэрзатий* (ср.-перс. *Харбурз*, отсюда *Эльбурз*), росла целых 800 лет (остальные 2243 горы росли 18 лет) и проросла сквозь все ступени неба. Поэтому солнце, для того чтобы появиться над землей или уйти, каждый раз проходит через специальное отверстие, сквозь Харбурз. Таких отверстий на востоке и западе по 180, по числу различных точек восхода и заката между двумя солнцестояниями.

Вторгнувшись в творение Ахура Мазды, Ахриман немедленно начинает контртворение во всех доступных областях. На небе он создает планеты, кометы и метеоры, т.е. тела, не подчиняющиеся равномерному движению небесных сфер. Звезды, из которых главная - Тиштрия, борются с ними. К каждой планете специально приставлено ахуровское существо для нейтрализации ее вредного влияния. Обычные названия планет и считаются именами не самих планет, а тех нейтрализующих сил; Тир (Меркурий) - Тиштрия, Бахрам (Марс) - Вэрэтрагна, Ормузд (Юпитер) - Ахура Мазда, Нахид (Венера) - Аналита.

От звезд, как уже указывалось, в зороастризме зависят дожди и вообще распределение воды. Круговорот воды в природе напоминает систему кровообращения в теле животного. Вода, протекая по поверхности земли и используясь людьми, животными и растениями, загрязняется и окисляется. Поэтому вся она стекает потом в одно море Путика, где очищается и переливается в оз. Ворукаша, и оттуда вновь начинает свой круговорот.

Земля делится на семь *кариваров* (тадж. *кишвар*), центральный из них носит название Хванирата, и именно там расположены Арьянэм-Вайчах и другие страны. Во время сотворения этих стран Ахриман для каждой из них создал какое-нибудь несчастье или дурное свойство:

"Первой из лучших местностей и стран сотворил я, Ахура Мазда, Арьянэм-Вайчах, у доброй Датыи¹⁹⁷, тогда против него создал смертоносный Ахра Манью рыжую эмсю и зиму, творение дэвов: десять месяцев там зимних и два летних... Второй из лучших местностей и стран сотворил я, Ахура Мазда, Гаву, где живут согдийцы; тогда против нее создал смертоносный Ахура Манью *скати* (вредное растение)... Третьей из лучших местностей и стран сотворил я, Ахура Мазда, Мару (Мерв), могучий, правоверный, тогда против него создал смертоносный Ахра Манью *марда* (?) и *витуши* (?). Четвертой из лучших местностей и стран сотворил я, Ахура Мазда, Бахди (Бактрия), прекрасную, с поднятыми знаменами..."¹⁹⁸. Пятая страна - "Нисайа (Ниса), что между Мервом и Бактрией", "шестая - Харайва (Герат), седьмая - Вайхэрэта¹⁹⁹, восьмая - Урва (предположительно где-то на территории современного Афганистана)²⁰⁰, девятая - Хванта, где живут хорканцы (Гурган?), десятая - Харахвати (Арахосия), одиннадцатая - Хайтумант (Хильменд), двенадцатая - Рага (Рей). Далее следуют Хахра, Вариа, Халта Хэнду ("семиречье")²⁰¹. Из тех названий, которые точно идентифицируются (Согд, Мерв, Бактрия и т.д.), видно, что географический горизонт первых составителей Авесты - восточная часть территории распространения иранских племен.

Ахриман создает вредных животных, загрязняет воду, отравляет растения и в конце концов доводит до смерти первого, созданного Ахура Маздой, быка и первого человека - *Гайа Мартан* (ср.-перс. Гайомарт, в эпосе Каямарс). Но от быка и человека остается семья. Из первого рождаются животные, из второго - мужчина Машйа (тадж. мард) и женщина Машйон, от которых и пошел род человеческий.

Период творения длится также 3 тыс. лет. Следующие 3 тыс. лет – история борьбы до появления Заратуштры. Мифы и легенды, относящиеся к этому периоду, в видоизмененном виде вошли в эпос иранских народов, известный нам лучше всего в фиксации Фирдоуси. Но, конечно, персонажи Авесты и “Шоа” от друга. Йима Хшайта (будущий Джамшед) в Авесте – царь золотого века человечества, в царстве которого нет “ни жары, ни холода, ни старости, ни смерти, ни зависти – творения дэвов; как пятнадцатилетнее лицо ходит там и отец и сын”²⁰². Ахура Mazda предлагает ему стать пророком веры, но он отказывается (оставляя, таким образом, эту миссию для Заратуштры). Тогда Ахура Mazda, дав ему соответствующие инструменты (золотую стрелу и хлыст), поручает расширить землю, ставшую тесной для скота и людей, что Йима и совершает трижды. Затем Йима, по точным инструкциям Ахура Mazda, спасает от потопа лучшую часть людей, животных и растений, построив для них специальное обиталище – *вара*.

Ажи Дахака (Захак у Фирдоуси) – еще не царь, а настоящий змей (тадж. *аждахо*), “о трех пастьях, о трех головах, шести глазах, с тысячу хитростей”²⁰³.

В Авесте упоминаются *Хаушпанха* (Хушанг), *Тахма Урути* (Тахмурас), *Трайтауна* (Феридун), *Кави Уса* (Кайкавус), *Кави Хаусрава* (Кайхусрав), *Корасаста* (Гершасп) и т.д., но более или менее подробной их истории дошедшая до нас Авеста не сохранила. Однако в ней существует – и в очень развитом виде – понятие *фарра* (*кавайат хварнах* – “фарр Каянидов”) – божественной сущности, которая дается достойному преемнику как залог власти и славы²⁰⁴.

Последний из правителей, которых знает Авеста, естественно, – Виштаспа, покровитель Заратуштры.

После Заратуштры миру остается существовать еще 3 тыс. лет. За это время три раза – ровно через тысячу лет друг за другом – должны явиться человечеству три спасителя – *Ухийат-эрэти*, *Ухийат-измах* и *Саушйант* (часто их всех троих называют *Саушйантами*). Они – сыновья Заратуштры, который оставил свое семя в оз. Кансавья, где в надлежащий срок выкупаются избранные девичи. С приходом третьего спасителя наступает решающий момент судьбы мира (*айх*). Ахриман собирает все силы; срывается с цепи *Аждахака*, прикованный Феридуном к горе Демавенд. *Саушйант*, со своей стороны, воскрешает всех мертвых правочерных, и в последней схватке силы зла терпят, наконец, последнее и окончательное поражение. Мир очищается потоком расплавленного металла, а все, что остается после этого, обретает жизнь вечную. Этим обновлением мира – *фраинокэрэти* (ср.-перс. *фраишкард*) и кончается двенадцатитысячелетний период²⁰⁵.

Зороастрийская этика

Согласно зороастрийскому учению, главная цель создания и жизни человека – помощь Ахура Mazda в его борьбе с Ахриманом. Это прежде всего активная деятельность, посильное участие в космической борьбе. Идеал пассивного праведника для зороастризма лишен всякого смысла. Друг (олицетворение джи и зла) награждается зингетом *авэрэзкой* – “ленивая” или “внушающая лень”. Но направление деятельности зависит от самого человека. Человек, сделав выбор между Правдой и Ложью, берет на себя ответственность и за выбор.

Содержание деятельности правочерного определяется известной зороастрийской триадой: *хумата*, *хухта*, *хварита* – “добрые помыслы, добрые речи, добрые дела”, – противопоставляемой триаде неверных: *душмата*, *дужухта*, *дужварита* – “злые помыслы, злые речи, злые дела”.

Основная добродетель зороастрийца – прилежное занятие сельским хозяйством, бережное отношение к скоту и усердная обработка земли. “Корень веры почитания Мазды... хлебопашество; кто возделывает хлеб, тот возделывает Правду, тот движет вперед веру почитания Мазды, тот питает веру... Когда появляется мельница, дэвы приходят в смятение; когда появляется мука, дэвы начинают вопить; когда появляется хлеб, дэвы пугаются еще больше”²⁰⁶.

Собака, охраняющая скот, занимает почетное место. Видеадатом предусмотрены специальные наказания за увечье или даже за плохое кормление собак. Особо тяжким грехом считается, если человек дает собаке нераздробленные кости или слишком горячую пищу. Собака чуть ли не приравнивается к человеку как юридическое лицо; для нее, в свою очередь, установлены соответствующие степени наказаний за членовредительство по отношению к человеку (первый раз – отрезать правое ухо, второй раз – левое и т.д.).

Зато волк – бич стад – всегда упоминается в перечне врагов зороастрийца. Уничтожение его, как и других вредных животных, – добродетель.

Предусматриваются и обычные добродетели: честность (особенно верность договору – даже с неверным, что специально подчеркивается в Микр Яште), щедрость. Но зато безбрачие считается тяжелым грехом: человек обязан пополнять войско Ахура Мазды.

Особое место в нормах поведения зороастрийца занимает отношение к огню, воде и земле. Человек должен был оберегать их чистоту, так же, или даже более, чем чистоту собственного тела. Под чистотой понимается прежде всего незагрязненность соприхосновением с Насу, т.е. с демоном смерти.

В качестве религиозных предписаний упоминаются в Видеадате и некоторые поверья и обычаи, которые существовали, вероятно, независимо от зороастризма и надолго его пережили (например, сохранившийся до наших дней обычай собирать обстриженные волосы и ногти и закапывать их с молитвой в ямку).

Обрядность

Трудно сказать, насколько в зороастризме сохранялся древний обряд жертвоприношения животных. Тексты, свидетельствующие об этих жертвоприношениях, могут восходить к дозаратуштровским временам.

В зороастрийском богослужении фигурируют три жертвенных предмета: *хаума* (или *парахаума* – приготовленный *хом*), *драунах* и *миазда*. Стебли *хаумы* растираются камнями (*хавана*, тадж. *хован* – “ступка”), смешиваются с соком других растений и с молоком. Получаемая смесь носит название (очень древнее) *заутра*. *Драунах* (“доля”) представляет пресную лепешку, а под термином *миазда* скрывается какая-то пища, возможно, и мясо (у современных персов – фрукты).

Зороастрийские жрецы отправляли богослужение в храме (позднейшее *оташкада*) перед огнем. Главный жрец носил имя *заутар* (др.-инд. *хотар*), другие – *хавачана* (растирающий *хом*), *фрабэрэтар* (подносчик культовых предметов), *атравахш* (следящий за огнем). Необходимый культовый предмет – *барсман*. Первоначально это была подстилка, на которую якобы садились боги, слетающие на возлияния. Впоследствии он превратился просто в пучок ветвей (в строго определенном количестве), а современные парсы заменили ветки металлическими прутьями. Как во время богослужения, так и в различных случаях жизни читались молитвы.

Основных праздников у зороастрийцев было шесть, и каждый продол-

жался по пять дней. Год состоит из 12 месяцев, которые назывались именами божеств. Дни также называются по божествам – Ахура Mazda, Воху Манах, Аша Вахишта и т.д. Сутки делятся на пять частей (*рату*): *хдвани* (от зари до полудня), *рапитина* (приблизительно до трех часов дня), *узайариона* (до сумерек), *ахурашира* (до заката) и *ушахина* (до зари). Каждой части суток соответствует одноименное божество.

У зороастрийцев существуют особые предметы одежды, ношение которых обязательно и служит отличительным признаком правоверного, прошедшего инициацию. Это *стахр пайсанда* – “расписанная звездами” нательная рубашка, *авйандана* – пояс, сотканный из определенного количества ниток.

Чрезвычайно своеобразны зороастрийские погребальные обряды. Ни землю, ни огонь нельзя осквернить соприкосновением с трупом. Тот, кто закопает человека или собаку в землю, должен быть подвергнут 500 ударам “лошадиной плети”. Землю, где умер человек или собака, в течение года нельзя орошать и засеивать. В дом, где умер человек, можно вносить огонь только через девять дней зимой и через месяц – летом. Мертвых надо было относить на высокие, сухие, каменистые места. Носильщиков должно было быть по крайней мере двое. Эти люди – *риств-каша* – до конца дней своих считались нечистыми. Им нельзя было находиться ближе 30 шагов от огня, воды и барсана и ближе трех шагов от людей.

На голом каменистом удаленном месте труп закрепляли за ноги и волосы, чтобы звери или птицы, растерзав тело, не могли утащить кости к воде или растениям. Когда оставались только кости, их собирали и складывали в специальное вместилище (*астб-дайна* – оссуарий). Кроме *астб-дайна* существует и другой термин: *дахма*. *Дахма* обычно означает специальное сооружение, имитирующее голое каменистое место (башня молчания), куда помещают трупы. Там же в определенных местах складываются потем и кости. Но так как труп мог быть выставлен первоначально и не в специальном сооружении, то термин *дахма* мог означать также и вместилище для костей²⁰⁷.

Зороастризм придавал большое значение ритуальной чистоте. Обряды очищения (*йаужед* – “очищать”) были тщательно разработаны для людей, скота, растений, воды, земли, огня, а Заратуштре приписывалась функция проведения этой операции и над всей Вселенной.

Несомненно, что установление многочисленных и строгих обрядов очищения – явление более позднего времени, когда сформировалось и усилилось жрецкое сословие, для которого ритуальные обряды служили источником дохода. Это можно видеть из одного места Видевдата, где дается такса гонораров за исполнение этих обрядов и строгое предупреждение о том, что если жрец не будет удовлетворен, то обряд теряет силу. Таким образом Авеста освящала власть жрецов над народными массами.

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Историю древней государственности таджикского народа уместно начинать с рассмотрения вопроса о государственных образованиях, возникавших в среде того этноса, который часто называют условным термином “авестийский народ”²⁰⁸, а автор этих строк предлагает именовать “центральноиранской этнической общностью”²⁰⁹. Эта общность, хотя и не является прямым предком таджиков, но была близка им этнически и занима-

да ту же территорию, на которой позднее формировался таджикский народ. Имела она и свое самоназвание – арья (откуда позднейшее “иранцы”), хотя так же называли себя, как известно, и другие группы иранцев (западные и восточные иранцы) и индоарийские народы.

“Авестийский народ” занимал компактной массой на протяжении почти всего I тыс. до н.э. (кроме последних его столетий) ряд областей юга Средней Азии и востока Иранского нагорья: Бактрию (бассейн Верхней Амударьи), Согдиану (долины Зеравшана и Кашкадарьи), Хорезм (низовья Амударьи), Арею (долина Герируда, а также, в те времена, и восточная часть Туркмено-Хорасанских гор), Драугиану (низовья Хильменда и озерный край), Арахозию (долина Аргендаба) и Паропанисады (Загиндукуше, область Кабула).

О древнейших известных нам событиях, развертывавшихся на этой территории, и пойдет речь ниже. Контуры их лишь едва проступают сквозь отрывочные сведения античных авторов, зачастую сказочного характера, и туманные известия поздних преданий. Неудивительно поэтому, что мнения ученых по ряду важных вопросов истории этого времени расходятся, лишь сравнительно недавно, благодаря археологическим раскопкам, она стала приобретать более конкретные и реальные черты, одеваться в плоть и кровь.

В современной науке чаще всего говорят о двух возможных древнейших государственных образованиях в указанной этнической среде, выходящих за пределы одного оазиса: “Большом Хорезме” и “Бактрийском царстве”.

Большой Хорезм В течение последних десятилетий нашего века почти общим признанием среди ученых пользовалась концепция “Большого Хорезма”²¹⁰. Суть ее сводится к тому, что на протяжении некоторого времени, в эпоху, предшествовавшую образованию Персидской державы Ахеменидов, владения Хорезма выходили далеко за пределы собственно Хорезмского оазиса и включали, в частности, Арию (область Герата) и Маргиану (область Мерва), где, согласно некоторым вариантам этой гипотезы, и находился культурный центр всего объединения²¹¹.

Построение это прямой опоры в источниках не имеет вообще, но все сконструировано из косвенных умозаключений, исходными положениями для него послужили в основном следующие два момента (приводятся и другие аргументы, но здесь нет возможности рассмотреть их все): во-первых, истолкование легенды о реке Акес²¹² как свидетельства о владычестве хорезмийцев над долиной Герируда – Теджена, а также о какой-то зависимости от них народов, пользующихся водами реки Акес²¹³; во-вторых, отождествление страны Арьязм-Вайчах²¹⁴ с Хорезмом²¹⁵.

Поскольку с упомянутой страной связывается царство *кави* Виштаспы, то гипотетическое объединение “Большого Хорезма” вводится как структурный элемент и в историческое предание о династии *кави*. Так, В.Хинц считает Хорезмийское царство *кави* Виштаспы (!) одним из владений, на которые распалась держава первых *кави*²¹⁶. И.М.Дьяконов, напротив, считает Хорезмийским объединение, созданное кочевником Франтрасяном в период между правлением ранних *кави* и созданием державы *кави* Хаусрава²¹⁷.

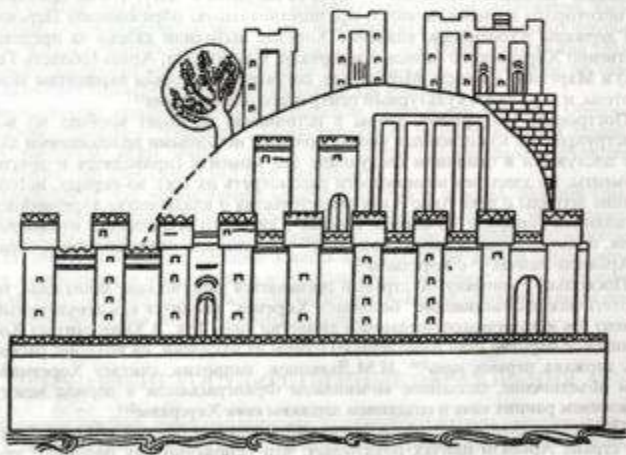
Однако детальный источниковедческий анализ сообщений и о реке Акес, и о стране Арьязм-Вайчах показывает, что оснований для подобных построений они не дают. Легенду об Акесе вообще нельзя принимать буквально: в основе ее лежит мифическо-географическое представление о Гиндукуше как источнике речных вод, на которые наслонились сведения о каких-то конкретных ирригационных сооружениях, находившихся в Арее, равно как, ви-

PDF Compressor Free Version

димо, и на остальной территории "народов Акеса"²¹⁸. Переход же источника ирригационных вод, – очевидно, на равнине Арей, – от хорасмиев в распоряжение персов связан с возведением сооружений, контролирующих поступление вод²¹⁹. То же надо думать происходило и у других "народов Акеса". Сам же перечень этих народов, до сих пор не поддававшийся никаким объединениям²²⁰, по-видимому, взят из итнерария²²¹. Что касается Арьянзм-Вайчах, то идентификация ее с Хорезмом зиждется на очень шаткой основе и плохо согласуется с данными источников²²².

Археологические подтверждения раннего возникновения государственности в Хорезме, которые приводил С.П.Толстов²²³, основаны на неоправданно заглубленной датировке "архаической" культуры Хорезма²²⁴, первой здесь культуры, созданной оседлым земледельческим народом. Видимо, учитывая это, хорезмийцев – создателей "Большого Хорезма" и стали представлять кочевниками. Но это тоже не соответствует действительности.

Единственное, что можно извлечь из рассказа об Акесе относительно положения хорасмиев, – это то, что население Арей и каких-то прилегающих к ней мест в ахеменидское время именовалось хорасмийцами. Этот вывод подтверждается сообщениями Гекатея и некоторых зависимых от него авторов²²⁵, где прямо сказано, что хорасмиев обитает к востоку от парфии, и дано описание их земли, из которого следует, что земля эта – область Туркмено-Хорасанских гор²²⁶. Соответствует всем этим данным и сообщение Геродота об отряде Артабаза в войске Ксеркса – отряде, который состоял из парфиян и хорасмиев²²⁷.

*Ассирийское изображение восточномидийской крепости VIII в. до н.э.
Судя по археологическим данным, примерно так же должны были
выглядеть среднеазиатские крепости первой половины I-го тыс. до н.э.*

А из этого вывода следует еще один. Поскольку уже ко времени походов Александра хорасмии в указанных местах не упоминаются, но говорится о царстве хорасмиев в низовьях Окса (т.е. в современном хорезмском оазисе), то можно предполагать, что в течение ахеменидского периода происходило переселение хорасмиев из долины Герируда-Теджена и области Туркмено-Хорасанского (Окса)²²⁸. Такое предположение хорошо согласуется с данными археологии²²⁹ и историческими преданиями самих хорезмийцев, в которых настойчиво, со времен средневековья и вплоть до наших дней, повторяется мотив переселения предков хорезмийцев из каких-то южных стран в хорезмский оазис²³⁰.

Итак, сведения о хорасмиях не дают оснований для предположения о существовании какой-то большой Хорезмской державы в доахеменидские времена, гораздо весомее доводы в пользу существования древнейшего Бактрийского царства. Правда, справедливее было бы говорить о царстве или, точнее, царствах древних правителей, именовавшихся *кави*; одним из этих образований, притом самым поздним, и являлось “Бактрийское царство”.

Царства древних *кави*

Исследователи, знакомясь с источниками, повествующими о древнейшем прошлом Средней Азии, с давних пор приходили к единодушному мнению: одним из древнейших известных здесь государств было Бактрийское царство во главе со знаменитым *кави* Виштаспой²³¹. Когда вошла в силу теория “Большого Хорезма”, существование Бактрийского царства не отрицалось: оно считалось одним из двух ранних государственных образований Средней Азии²³². Ученые, отвергающие указанную теорию, ныне вновь говорят о Бактрийском царстве как единственном крупном объединении Средней Азии в преахеменидскую эпоху²³³. Но можно взять проблему несколько шире и рассмотреть в целом историю царства древних *кави*.

Всю историю этих царств можно разделить на два периода, ранний и поздний, и к ним приурочить, соответственно, первую (раннюю) и вторую (позднюю) династии древних *кави*.

Основателем ранней династии был *кави* Кавата, ему наследовал *кави* Апивоху, четыре сына которого все носили титул *кави* – возможно, царство было разделено на четыре удела – но главным среди них был *кави* Усан, или Усадан, при котором царство достигло большого могущества. После какого-то периода смут и вторжений извне на престол вступает внук Усана *кави* Хаусрава, держава которого вновь достигает расцвета. Базовой областью первых *кави* была Дрангиана – область озера Хамун.

Держава Хаусравы, видимо, распалась на множество мелких царств, во главе которых стояли правители, продолжавшие носить титул *кави*. Именно такова была обстановка ко времени странствий пророка Заратуштры. Одним из этих правителей являлся *кави* Виштаспа, сидевший в Бактрии, при дворе которого и обосновался Заратуштра. Этому *кави* можно считать основателем второй, поздней, династии великих *кави*. При нем начались “религиозные” войны, которые велись под лозунгом утверждения учения Заратуштры. Так была создана держава *кави* Виштасы, и с тех пор Бактрия играла ведущую роль на востоке иранского мира вплоть до завоеваний Ахеменидов²³⁴.

Если исходить из датировки Заратуштры, а вместе с ним царства *кави* Виштасы, второй половиной VII в. до н.э., как наиболее вероятной, то царство ранних *кави* можно датировать, как это делает А.Кристенсен, примерно 900-775 гг. до н.э.²³⁵

Почти единственным источником по истории древних *кави* являются эпические сказания, где, как всегда в такого рода известиях, воспоминания о подлинных событиях обильно сдобрены народной фантазией. Вполне вероятно, что сказания о ранних *кави* первоначально сохранились в виде устной традиции дома *кави* Виштаспы²²⁶. Позднее они вошли в свод исторических преданий, составивший один из разделов Большой Авесты²²⁷. Судя по дошедшим до нас ссылкам на эти предания в сохранившемся тексте Авесты, они явились основой для цикла сказаний о Кейнидах (*кави*) в позднем эпосе “Книга царей”, одна из поздних переработок которой ныне известна нам как “Шахнаме” великого Фирдоуси²²⁸. Освященная авторитетом зороастрийской религии, эта традиция еще в глубокой древности распространилась среди многих иранских народов, принявших зороастризм, вытеснив местные эпические традиции.

В том, что в основе сказаний о *кави* лежат подлинные исторические факты, теперь почти никто не сомневается²²⁹. Но, разумеется, нельзя и полностью принять цикл о Кейнидах, изложенный в “Шахнаме”, как подлинную историю. Весь он делится на три “подцикла”: от Кей-Кобада до Кей-Хосрова (ранние *кави*); Лухрасп и Гунгасп (поздние *кави*); от Бахмана до Дария II²⁴⁰. Если первые два “подцикла” в основе своей историчны, то последний, наоборот, – в основе неисторичен.

Кроме иранского эпоса, кое-какие глухие известия об интересующих нас событиях сохранили индийские источники. Вообще та этническая среда, где возникли и существовали царства древних *кави* – “народ Авесты” – была известна индийцам, видимо, под именем “камбоджей”. Но до индийцев доходили слухи и об отдельных *кави* – может быть, не случайно именно о тех двух *кави*, которые наиболее активно вели завоевательную политику: Усане (инд. Ушанас) и Хаусраве (инд. Сушравас)²⁴¹.

Относительно происхождения ранних *кави* прямое свидетельство содержится в Авесте: они возвысились, явившись из тех мест, “где лежит озеро Кансавья, образуемое рекой Хайтумант, где стоит гора Ушидау, окруженная водами, текущими с гор...”²⁴². Указание на Дрангиану (современный Систан) здесь совершенно бесспорное: озеро Кансавья и река Хайтумант ныне практически единодушно идентифицируются озерами Хамун и рекой Хильменд, а гора Ушидау, это, очевидно, скала Кухихваджа, поднимающаяся из озера Хамун²⁴³. Связь древних *кави* с Систаном еще долго хранилась в памяти местного населения²⁴⁴. Здесь же, близ селения Надиали, под холмом Сурхдаг, археологи обнаружили развалины древнего города столичного облика, с высокой платформой, где некогда возносились над окружающей равниной дворцы правителей; Р.Гиришман датирует этот город VIII веком до н.э.²⁴⁵ Вполне возможно, что здесь и находилась столица ранних *кави*²⁴⁶.

И появление этих *кави* на исторической арене, и их уход сопровождаются чудесными легендами. Но они ни в коей мере не заставляют усомниться в историчности самих *кави*. Легенда о первом *кави*, Кавате, согласно которой он младенцем был брошен в корзину²⁴⁷, – лишь одна из подобных легенд, которые рассказывали о многих прародителях и основателях империи, в том числе и о вполне исторических, как например, о Саргоне Древнем²⁴⁸. Легенда о последнем из ранних *кави*, Хаусраве, чудесным образом исчезающем в снежной пустыне²⁴⁹, – тоже распространенный сюжет о герое, живым взятым в страну предков²⁵⁰.

Наиболее могущественные *кави*, Усан и Хаусрава, претендовали и на “власть над всеми странами”²⁵¹; а *кави* Хаусрава носит постоянное прозвище “герой, объединивший арийские страны в одно царство”²⁵². Конечно, под

"арийскими странами" здесь имеются в виду лишь страны "авестийских" арьев, т.е. центральных иранцев (как они определены выше). Это подтверждает и перечень владений *кави* Усана (Кей Кавуса), сохранившийся в "Шахнаме", по-видимому, очень древний по происхождению: "Мера дальний и Балх, Нишапур и Герат — повсюду Кавуса дружины стоят"²⁵³. Для Каянидов, как они представлены в "Шахнаме", этот перечень выглядит странным, но для исторических *кави*, центр которых находился в Систане, он понятен: это определение северных рубежей их владений.

Самыми упорными и опасными врагами древних *кави* были кочевники северных степей, именовавшиеся тогда турами; позднее, видимо, те же кочевники стали известны античным авторам под именем массагетов²⁵⁴. Предводителем их был Франграсьян (Афрасиаб). Центром туров, где находилась и столица Франграсьяна, служила область Кангха (Канг), лежавшая, скорее всего, в районе низовьев Сырдарья²⁵⁵, которыми являлись в те времена сухие ныне русла Инкардаря и Жаныдаря²⁵⁶. Если верить древним преданиям, то Франграсьян являлся современником всех ранних *кави* и даже их предшественников. В действительности, видимо, наиболее выдающийся вождь туров, носивший это имя, в поздних преданиях вообрал в себя образы всех остальных верховных владык туров той эпохи. В поздних преданиях Афрасиаб стал приобретать и некоторые мифологические черты демона засухи²⁵⁷, или, наоборот, гения разных водных катаклизмов²⁵⁸.

Франграсьяну удалось даже на какое-то время овладеть всеми землями арьев и носить царский фарн арийских *кави*²⁵⁹, т.е. быть признанным властителем арьев. И действительно, пехлевийская традиция сохранила воспоминания о строительной деятельности Афрасиаба на территории Систана: об основании им города Зранг²⁶⁰, о каких-то грандиозных гидросооружениях в районе озера Хамун²⁶¹ и т.д.

Однако в целом, если верить эпической традиции, соотношение сил складывалось не в пользу Франграсьяна. Трагический исход его борьбы с арьями связан с Сьяваршаном (Снавушем). Царевич Сьяваршан, сын *кави* Усана, бежал к Франграсьяну, в страну туров и здесь на "высокой священной Кангхе" основал замок Хшатросаука²⁶², который в позднем эпосе именуется и Гандизом, и Снавушгердом²⁶⁴. Но Сьяваршан внял в немилость у владыки туров и был убит, а его сын Хаусрава тайно возвратился к арьям²⁶⁵. Образ Снавуша стал очень популярен в поздней традиции, вокруг него сложилось множество мифологических сюжетов. Поэтому современные ученые нередко принимают Снавуша вообще за мифическую фигуру. Но для этого нет оснований. Дело в том, что Снавуш, как и многие вполне реальные личности после него, стал объектом "траурного" культа, с которым к тому же слились некоторые элементы культа божества умирающей и воскресающей природы²⁶⁶.

Кави Хаусрава, признанный арьями, решил мстить Франграсьяну. Сначала он послал своего "храброго колесничего" Тусу, который победил "сыновей Вайсаки" — турских витязей, засевших в замке Хшатросаука²⁶⁷, а затем двинулся сам со всеми своими силами, разграбил и сжег столицу Франграсьяна в Канге²⁶⁸, а Франграсьяна, закованного в цепи, согласно преданию, с помощью божества опьяняющего напитка Хаумы²⁶⁹, убил у озера Чайчаста²⁷⁰, "глубокого озера с солеными водами" (Аральское море)²⁷¹. Возможно, что следы этого разгрома донесли до наших дней развалины мавзолеев в местности Тагискен у Аральского моря (IX-VIII вв. до н.э.), подвергшихся когда-то, как установили археологи, грабежу и страшному пожару²⁷².

Ассирийское изображение восточномидийских данщиков. VII век до н.э. Возможно, здесь изображены люди из страны Ураказабарна (Гиркания?). Если так, то это древнейшее изображение представителей одного из среднеазиатских народов I тыс. до н.э.

Ранние *кави* направляли свои походы и на запад. В Авесте сохранились намеки на сказание о борьбе *кави* Хаусравы “у входа в Белую пустыню”²⁷³, в самой пустыне и у конца пустыни” с неким “владыкой страны” Арвасарой²⁷⁴. Как самая большая из пустынь, Белая пустыня именуется также Всеарийской. Речь, очевидно, идет о Большой Соляной пустыне в Центральном Иране²⁷⁵. Арвасара, который вроде бы не имеет соответствия в позднем эпосе, – фигура неясная²⁷⁶, но возможно, что он является представителем уже западноиранского мира, который и был отделен от стран “авестийских” иранцев Большой Соляной пустыней.

Но особенно интересно то, что в эпоху ранних *кави* имели место контакты “авестийских” иранцев и с индийцами, причем контакты эти засвидетельствованы в эпической традиции как тех, так и других. В авестийской эпической традиции фигурируют “мазанские дайвы”, которые в поздней иранской традиции именуются мазандаранцами, дивами Мазандарана. Теперь установлено, что значение этих племенных названий в глубокой древности было очень широким, отнюдь не ограниченным рамками современного Мазандарана²⁷⁷. Так “авестийские” иранцы называли древнейшие индоиранские племена Иранского нагорья²⁷⁸, распространяя эти названия и на индоарьев Индии²⁷⁹.

Поэтому предания о походе Кей-Кавуса (*кави* Усана) на мазандаранских дивов и о борьбе иранцев с Арженгом, Белым дивом и самим царем Мазандарана²⁸⁰ можно истолковать и как поход в Индию. И действительно, в известной индийской поэме “Махабхарата”, посвященной описанию внутренних распрей в крупном племенном объединении куру-панчала, которое занимало земли Центральной Индии, в области Дели, упоминается о победоносном походе Арджуны, одного из членов рода Пандавов, брата царя всего объеди-

нения, на далекий запад. Поход начался из Индрапрастхи (Дели) и привел к покорению камбоджей, а вместе с ними и дардов (горные племена Гиндукуша), бакликов (бактрийцев) и других народов²⁸¹. Упоминается и о царях камбоджей и их взаимоотношениях с правителями объединения куру-панчала, равно как и о камбоджах гандхаров. Упомянут в этой связи и сам князь Ушанас, наставник и вождь асуров (т.е., в данном случае, иранцев)²⁸². Датируются все эти события X-IX вв. до н.э., если исходить из датировки знаменитой битвы на Курукшетре X в. до н.э.²⁸³, или, по Б.Б.Лалу, IX вв. до н.э. (приблизительно 836 г. до н.э.)²⁸⁴. Несомненно, что иранский и индийский эпосы описывают одни и те же события²⁸⁵, хотя, разумеется, полного совпадения в описании ждать и не приходится; так, например, ясно, что каждая из сторон стремится приписать успех себе, впрочем, и в "Шахнаме" говорится о пленении Кей-Кавуса (*кави* Усана) Белым дэвом и Арженгом²⁸⁶.

Второй период в истории царств древних *кави* осмелен, в общем, теми же источниками. Сказания о деяниях Виштаспы и близких к нему и Заратуштры людей также составили отдельный наск большой Авесты²⁸⁷ и затем вошли в поздний эпос. Ссылки на Виштаспу содержатся и в Гатах – изречениях самого Заратуштры. Кроме того, поскольку Виштаспа был связан с Заратуштрой, события его царствования нашли отражение во многих пехлевийских и еще более поздних зороастрийских сочинениях²⁸⁸. Совокупность всех данных не позволяет сомневаться в реальности *кави* Виштаспы, также как и в реальности предшествовавших ему *кави*²⁸⁹. Особый вопрос – это вопрос о соотношении *кави* Виштаспы, и Ахемениды Виштаспы, отца Дария I. Мнение о тождестве их, неоднократно выдвигавшееся²⁹⁰, теперь уже никто всерьез обосновывать не берется.

Кое-что можно извлечь и из индийских источников. В одном из буддийских сочинений дан перечень шестнадцати *махаджаналад* – крупнейших государственных образований, известных индийцам, относящийся к первой половине VI в. до н.э. и среди них наряду с Куру и Панчала и после Гандхары названа Камбоджа²⁹¹, не исключено, что под махаджаналадой Камбоджа имеется в виду держава, созданная *кави* Виштаспой.

Кроме иранского эпоса и индийских источников, некоторые данные для этого, более позднего, времени теперь уже представляют и античные источники²⁹². Большое значение имеют сведения Ктесия²⁹³. Не пускаясь здесь в подробный разбор их, отметим главное: сказочный характер деталей и самого известия о походе ассирийцев в Бактрию не умаляет значения того, что в основе рассказа Ктесия лежит представление о могущественном Бактрийском царстве, существовавшем в доахеменидские времена, и о связи с ним Зороастри. Не менее важно и известие Геродота²⁹⁴.

Поздних *кави* отделяет от ранних заметный провал – в этом согласны все исследователи. Но отношение династии *кави* Виштаспы и династии ранних *кави* не вполне ясно. В Авесте Виштаспа принадлежит к роду Наутара, никаких указаний на царское достоинство его предков не имеется²⁹⁵. В позднем эпосе основатель этого рода Нодар (Нозер) отодвинут в глубокую древность (в "Шахнаме" даже сделан царем), а род Виштаспы возводится к брату *кави* Усана²⁹⁶. Скорее всего, мы имеем здесь дело с довольно неуклюжей контаминацией двух родословий: династии Каватидов (ранних *кави*) и династии Наутаридов (поздних *кави*) и искусственным возведением рода Виштаспы к роду ранних *кави*²⁹⁷. В действительности же предки Виштаспы, видимо, происходили из рода Наутара, являлись мелкими местными владетелями и никогда на власть над всеми арьями не претендовали. Когда великие *кави* из рода Кавати-

тидов достигли верховной власти над арьями, представители рода Наутаридов служили им, как, например, упомянутый выше Туса.

Место царства *кави* Виштаспы ни в Авесте, ни в пехлевийской литературе не указано, но предполагается, что оно находилось в пределах страны Арьянзм-Вайцах. Зато в более поздней эпической и зороастрийской традиции этим местом почти единодушно признается Балх (в древности - Бактрия)²⁹⁸. И есть основания считать, что это мнение имеет очень древние корни²⁹⁹; сообщение Ктесия о Бактрийском царстве Зороастра важно, между прочим, и потому, что свидетельствует о существовании такого мнения еще в V в. до н.э.

Большое значение для проблемы локализации царства Виштаспы имеет определение страны Арьянзм-Вайцах. Как уже говорилось выше, многие исследователи убеждены в тождественности ее с Хорезмом. А вместе с ней помещают в Хорезм и царство Виштаспы³⁰⁰. Однако такое решение кажется искусственным и в последнее время часто подвергается критике³⁰¹. Особенно надуманным, не подтвержденным никакими источниками, выглядит оно тогда, когда, и соответствии с теорией "Большого Хорезма", "Хорезмийское" царство Виштаспы оказывается в области Герата³⁰². Все встает на свои места, если в Арьянзм-Вайцах признается большую область, примерно соответствующую поздней Бактрии, занимающую бассейн Верхней Амударьи по обе ее стороны³⁰³: это хорошо отвечало бы и данным источников о местоположении Арьянзм-Вайцах³⁰⁴, и древней традиции, представлявшей Бактрию как страну *кави* Виштаспы. Следует только учитывать, что царство Виштаспы, по крайней мере сначала, занимало лишь часть территории Арьянзм-Вайцах³⁰⁵.

Судя по всему, этой частью был Балхский оазис с центром в Балхе, Бактрах, т.е. Бактрия в узком смысле. По преданию, основателем Балха был Лухрасп (Арватаспа), отец Виштаспы³⁰⁶. В эпосе Балх является резиденцией и самого Виштаспы³⁰⁷. Кроме того, в "Шахнаме" содержатся любопытные указания на связь с родом Нозера (т.е. Наутаридами) некоего Зараспа³⁰⁸, а этот последний - не кто иной, как эпоним зариспов³⁰⁹, т.е. бактрийцев в узком смысле³¹⁰. Город Бактры хорошо известен и античным авторам как крупнейший центр на востоке державы Ахеменидов, а в глубокой древности - и столица Бактрийского царства. Археологические работы на городище древнего Балха подтверждают, что город действительно существовал там в описываемое время³¹¹, причем древнейшие слои его, по-видимому, не древнее VII в. до н.э.³¹²

Время царствования *кави* Виштаспы - это время деятельности пророка Заратуштры. При всех колебаниях хронологического определения последней в современной науке³¹³ представляется, что стойкая зороастрийская традиция, выраженная в формуле: "за 300 лет до Александра"³¹⁴, продолжает оставаться надежной опорой для датировки³¹⁵. Правда, сами отправные пункты в этой формуле значительно варьируют. Все же, мне кажется, можно вернуться к старой хронологической схеме Э.В.Веста - А.В.Джексона, памятуя, конечно, что предложенные ими даты следует принимать лишь как более или менее приближительные. В таком случае время правления Виштаспы будет характеризоваться следующими датами: самая ранняя - 620 г. до н.э. (приход Заратуштры ко двору Виштаспы), самая поздняя - 583 г. до н.э. (гибель Заратуштры)³¹⁶. Время правления династии Виштаспы - приблизительно 660-540 гг. до н.э.³¹⁷

С приходом пророка Заратуштры для маленького царства Виштаспы началась новая эпоха. *Кави* Виштаспа стал опорой и защитником новой религии, с оружием в руках расчищая ей путь³¹⁸. Это была эпоха "священных войн"³¹⁹, успешный исход которых для Виштаспы засвидетельствован самим

фактом дальнейших успехов зороастризма. Так была создана новая держава на востоке иранского мира – Бактрийское царство. Представление об этом новом объединении, видимо, и лежит в основе поэтического описания страны арьев, Арьшайяны, которое мы находим в Авесте³²⁰: бог Митра с золотых вершин хребта Хамы облетает земли арьев, где “реки мчатся далеко бурным потоком к Ишкате и Поруте, Мору (Мерву), Харойу (Герату) и Суддийской Гаве, Хваризму”³²¹. Перечисленные здесь шесть стран³²² соответствуют шести авестийским частям света (*каршварам* – материкам); седьмая страна, соответствующая центральной части, не названа, но если взглянуть на карту, то будет ясно, что в центре круга, образованного перечисленными странами, окажется Бактрия³²³. Таким образом, здесь перед нами новое представление о мире “Авестийских” арьев, в центре которого находится Бактрия; области к югу от Гиндукуша вообще не упомянуты. Не может быть речи и о центральном положении Хорезма в этом мире: он, как видим, упомянут среди окраинных областей³²⁴. Эта новая общность находит отражение и в материальной культуре: археологическая “культура баночной керамики”, формирующаяся примерно в середине VII в. до н.э., довольно точно соответствует очерченному кругу земель³²⁵.

Средняя Азия в первой половине I тыс. до н.э. Авестийский мир

Особенно упорными были войны с туром Арчатаспой (Арчаспом)³²⁶, местопребывание которого в древнейшей версии предания мыслится где-то около моря Ворукаша (Каспийского моря)³²⁷. Во время первой войны Виштаспа и его брат Заривари действуют у реки Вахвидатя, или Джейхун (Амударья)³²⁸ Заривари идило, сына Мерва³²⁹. Вторая война, надо думать, застала Виштаспа в области озера Хамун, "у вод Фраздану" (Гаудеира)³³⁰, во время этой войны Арчатаспа добился значительных успехов: он захватил столичный город Балх, одержал победу в битве с Виштаспой, и лишь благодаря подвигам великого воина Спентодаты (Исфандиара), сына Виштаспы, пришельцы из Турана были разгромлены³³¹. Если придерживаться той же хронологии Э.В.Веста – А.В.Джексона, то первая война датируется 601 г. до н.э., вторая – 583 г. до н.э.³³² Интересно, что одним из итогов борьбы с турями предание считает возведение Спентодатой пограничной крепости Навазак в области Балха³³³ – в средние века это селение Навада³³⁴ на берегу Амударьи между Керкухом (Керки) и Амудем (Чарджоу)³³⁵. Археологи обнаружили в указанных местах несколько поселений, относящихся к описываемому времени, которые являлись пограничными пунктами бактрийской культурной области³³⁶.

Это нашествие туров нашло отражение и в античных источниках, где туры именуются саками – так персы (через посредство которых греки и узнали о данных событиях) называли всех северных кочевников. Согласно Ктесию, легендарная сакская царица Зарина, которой он приписывает все славные деяния саков в отдельной древности, покорила многие из соседних с саками народов³³⁷. При ней и произошла война саков с мидянами из-за парфян³³⁸. Мидянами правил тогда царь Астибар, соответствующий Кнаксару (625-585 гг. до н.э.) других источников. Вполне возможно, что здесь имеется в виду то же самое вторжение средиземноморских кочевников, о котором знает авестийская эпическая традиция, и которое, надо думать, затронуло не только "авестийских" ариев, но и мидян; именно благодаря этому последнему обстоятельству до Ктесия и дошли слухи о нем, так как античные авторы, естественно, лучше были знакомы с западноиранской исторической традицией. Впрочем, античные историки знали и о том, что некогда в древности саки завоевывали Бактриану³³⁹. В этом случае, вероятно, имеется в виду то же событие, о котором иранский эпос говорит как о захвате Балха (Бактр) Арчаспом. Но есть и еще некоторые данные, позволяющие предполагать, что античная литературная традиция была знакома с народом Арчатаспа. У ряда античных авторов в связи с походами Кира и Александра упоминается народ ариаспы, обитающий в Дрангиане. Он прямо назван скифским³⁴⁰. О нем говорится как об одном из тех скифских народов, которые далеко распространили свое господство и, наряду с саками и массагетами, получили имя по знаменитому царю³⁴¹. Если ариаспы – это действительно народ Арчатаспа³⁴², то вторжение последнего было не просто набегом, а переселением каких-то групп северных кочевников в область Хамуна³⁴³, предтечей последующего переселения саков, которые и дали этой области свое имя (Систан)³⁴⁴.

Виштаспа заканчивает собой ряд царей достоверной авестийской эпической традиции. Этому факту обычно придают большое значение и делают из него выводы, касающиеся политической истории. Считается, что вместе с Виштаспой прекратило существование и его царство; события эти связываются с внешними завоеваниями, например, с походами Кира³⁴⁵ или с нашествием Арчатаспы³⁴⁶. Но такой вывод, по-видимому, вовсе не обязателен. Выше уже отмечалось, что авестийская эпическая традиция восходит к своду, изло-

женному в насках Большой Авесты. Но вся Авеста, как известно, считалась откровением, данным Заратуштре богом Ахуромаздой. Заратуштра погиб еще при жизни Виштаспы и поэтому, естественно, о времени после Виштаспы в ней не могло рассказываться, по крайней мере, в ряде последовательного изложения исторических событий.

Факты, напротив, свидетельствуют, что преемственность после Виштаспы не прерывалась и давала о себе знать даже в ахеменидские времена. Имен преемников Виштаспы мы не знаем, но, судя по данным зороастрийской традиции, счет времени по поколениям продолжался, и хронологическое определение конца династии Виштаспы (см. выше) удивительно точно совпадает с датой завоевания Бактрии Киrom (незадолго до или после завоевания Вавилонии в 539 г. до н.э.). Целый ряд ахеменидских сатрапов Бактрии носил имя Виштаспы (Гистасп); более того, вообще все лица, носившие это имя, известные в древности (кроме Виштаспы, отца Дария I), были прямо связаны с Бактрией³⁴⁷. А один из Гистаспов, бактрийских сатрапов, имел сына по имени Писсуфи, — в подражание *кави* Виштаспе, у которого был сын по имени Пишьяутна³⁴⁸. В общий ряд со всеми этими фактами встает и еще одно обстоятельство: до Ктесия доходили слухи о том, что один из повстанцев в Персии в смутные времена после смерти Камбиза (видимо, имелся в виду зороастриец Вахьяздата) слыл в Бактрии за Спентодату (Сфендадат у Ктесия)³⁴⁹. Если учесть, что повстанцы тогда часто принимали какое-нибудь популярное имя одного из членов царского рода, правившего до Кира в той стране, где они искали поддержку, то отсюда будет неизбежен вывод, что традиции дома *кави* Виштаспы в Бактрии того времени были живы и действительно очень influential. И выбор имени Спентодаты не случаен: это самый выдающийся из сыновей Виштаспы, безупречный борец за веру, великий воин, спасший царство Виштаспы от врагов.

Таковы общие контуры истории доахеменидских государственных образований в Средней Азии и Восточном Иране.

Глава V

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В АХЕМЕНИДСКУЮ ЭПОХУ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ
В СЕРЕДИНЕ VI – НАЧАЛЕ V В. ДО Н.Э.Завоевание Киrom II
Средней Азии.
Борьба средне-
азиатских народов
против завоевателей

Сообщения о политических событиях в Средней Азии до середины VI в. до н.э. по существу носят легендарный характер, и история древнейших государственных образований, возможно сложившихся здесь ранее, нам фактически все еще неизвестна.

Сведения письменных источников об исторических судьбах народов Средней Азии становятся более достоверными лишь после того, как основные среднеазиатские области вошли в состав Ахеменидской державы, одного из могущественнейших государств древнего мира, которое первым в истории стало претендовать на господство над странами и Востока и Запада. Царь Кир II (древнеперсидское Куруш)¹ из рода Ахеменидов², создатель этой “мировой империи” древности, начал свою политическую карьеру как владетель Персии, небольшой горной области на юго-западе Ирана, входившей в состав Мидийского царства³. По одной из версий, а их в Иране и античном мире ходило немало, отец Кира – Камбис I, правивший Персией, был женат на дочери мидийского царя Астиага Мандане. Кир, таким образом, согласно рассказам Геродота (I, 107-108, III), Ксенофонта (Киропедия, 1, 2, I; VIII, 2, 24), Диодора Сицилийского (IX, 24) и некоторых других античных авторов, приходится внуком Астиагу.

Воспользовавшись непопулярностью царя Астиага среди крупной мидийской знати, Кир поднял восстание и после трех лет борьбы, в 550 г. до н.э., сверг мидийского царя (по сообщению Ктесия, Астиаг был взят в плен и назначен сатрапом Гиркании). Опираясь на персидскую и мидийскую знать, а также на помощь жречества, торговцев и ростовщиков Вавилона, заинтересованных в создании великой державы и расширении сферы торгово-ростовщической деятельности, Кир за короткий срок подчинил все государства Передней Азии. Поскольку Кир формально сохранил Мидийское царство, принял титулы мидийских царей – “великий царь, царь царей, царь стран” – и заимствовал мидийскую систему государственного управления, греки, иудеи, египтяне и другие народы древности часто смешивали их и называли персов мидийцами.

Двенадцатого октября 538 г. его армия вступает в Вавилон, 29 октября в столицу торжественно въехал сам царь⁴. Незадолго до смерти Кир, по сообщению Ктесия, назначил своего сына Бардию (он также Смердис, иначе Тапноксарес или Тапноксаркес) правителем парфия, карманийцев, бактрийцев и хорезмийцев⁵. Некоторые источники сообщают также о завоеваниях Кира в Северной Индии⁶. К концу царствования грозного завоевателя Ахеменидская

держава подчинила огромную территорию от берегов Средиземного моря до Инда и от Хорезма до Индийского океана, включая, в частности, основные среднеазиатские области. Однако источники почти не освещают ход завоевания персами Средней Азии, и вопрос о времени подчинения Киrom среднеазиатских областей до сих пор еще не решен.

Известные сейчас данные позволяют вполне определенно говорить лишь о времени подчинения Северо-Восточного Ирана и юго-западных районов Средней Азии. Расположенные здесь Гиркания и Парфия в какой-то мере зависели от Мидии и после свержения Астиага перешли к персам. Тогда же к Киру присоединились то ли в качестве союзников, то ли на каких-то иных условиях обитавшие по соседству с Гирканией "саки", — в данном случае источники под этим названием подразумевают, очевидно, племена скотоводов, живущих к востоку от Каспия⁷.

Судить же о дате завоевательных походов Кира в центральные районы Средней Азии при современном уровне наших знаний не представляется возможным, так как точно датируется лишь последний поход против массагетов, закончившийся трагически для основателя Ахеменидского государства. Ряд исследователей завоевательные походы Кира на восток относит ко времени между падением Лидии (546г. до н.э.) и взятием Вавилона (538 г. до н.э.)⁸, другие — к периоду после завоевания Вавилона⁹. Первые обычно приводят сообщение Ктесия о борьбе Кира с бактрийцами, свидетельствующее (притом косвенно), что Бактрия была подчинена, вероятнее всего, вскоре после побед Кира в Мидии, сообщение вавилонского историка III в. до н.э. Беросса (Кир "выступил против Вавилонии после того, как покорил всю остальную Азию") и замечание Геродота, что Кир начал наступление на Вавилон, "покорил своей власти все народы материка"¹⁰, т.е., вероятно, и народы Средней Азии. Вторые опираются на того же Геродота, который пишет, что после разгрома Лидии стремления Кира к мировому господству препятствовали Вавилон, бактрийский народ, саки (речь идет, видимо, о другой ветви среднеазиатских кочевников) и египтяне¹¹, и видят в этих сведениях действительную последовательность событий. Учитывая же, что Кир погиб после завоевания Бактрии в борьбе со среднеазиатскими кочевниками, исследователи, придерживающиеся второй точки зрения, относят все среднеазиатские походы основателя Ахеменидской державы к последним годам его жизни.

Независимо от того, датировать ли подчинение центральных среднеазиатских областей временем до падения Вавилона или после этого события, в завоеваниях Кира на северо-востоке можно выделить три этапа. Первый — присоединение к его владениям Парфии и прикаспийских (точнее, пригирканских) саков. Второй — завоевание Бактрии и саков-амургиев. Третий — присоединение Хорезма и поход на саков-массагетов¹². Первый, как мы уже отмечали выше, произошел после разгрома Астиага, но еще до побед в Малой Азии. Датировка же двух последних этапов пока не ясна, не ясно, следовали ли они непосредственно один за другим (что кажется более вероятным) или были разделены каким-либо промежутком времени. Нельзя также окончательно исключить возможность того, что завоевание Бактрии и столкновение с саками-амургиев имели место сразу же после присоединения Гиркании, Парфии и прикаспийских саков, т.е. не только до штурма Вавилона, но еще даже до походов в Малую Азию.

Как бы то ни было, последовательность военных действий Кира на северо-востоке выявляется как будто довольно определенно. Присоединение Гир-

кании и Парфии обеспечило ахеменидским отрядам плацдарм для дальнейших завоеваний в Средней Азии и прежде всего для похода на Бактрию, в то время основную политическую силу на востоке Ирана. Геродот ничего не говорит нам о покорении Киром Бактрии, кроме уже приводимого выше перечня основ ахеменидского государства, оставшихся "на его пути" после побед персов в Малой Азии¹³. Ксенофонт называет Бактрию среди покоренных Киrom стран и народов, ни слова не говоря ни о времени ее завоевания, ни о ходе его¹⁴. И только Ктесий сообщает, что Кир воювал с бактрийцами, "и борьба шла с переменным успехом". Закончилась она, по словам Ктесия, лишь после того, как бактрийцы узнали, что Астиаг признал себя отцом Кира (т.е. признал Кира своим законным наследником), и добровольно подчинились персам¹⁵. Тогда же, вероятно, были завоеваны персами Маргиана и Согд, исторически и культурно связанные с Бактрией. О подчинении Киrom Маргианы источники прямо не сообщают. Разумеется, Кир при движении из Парфии в Бактрию мог миновать Маргиану, как это позже сделал Александр Македонский. Вместе с тем подчинение Бактрии, о котором сообщают источники, влекло за собой, очевидно, и покорение входившей в ее состав Маргианы. О завоевании же Киrom Согда (также, возможно, подчиненного Бактрии) косвенно свидетельствуют источники, приписывая Киру основание города Кирополя неподалеку от Сырдарьи, близ северных границ Согда¹⁶.

Точно так же как захват Гиркании и Парфии привел к подчинению прикаспийских саков, завоевание Бактрии не могло не привести Кира к столкновению с ее кочевыми соседями; слишком тесны были связи оседлых и кочевых народов Средней Азии той эпохи, чтобы покорение одних не затрагивало жизненных интересов других. И действительно, Ктесий, сообщив о покорении Бактрии, рассказывает о борьбе Кира с сакским "царем" Аморгом. По его данным, Кир победил саков и взял в плен их "царя". Но жена Аморга – Спаретра, собрав огромную армию (300 тыс. мужчин и 200 тыс. женщин), нанесла Киру поражение, после чего произошел обмен пленными, и Аморг был освобожден. Далее, при описании последнего похода Кира Ктесий упоминает саков во главе с Аморгом уже как союзников ахеменидского царя¹⁷.

Легендарные подробности рассказа об Аморге и Спаретре, приводимые Ктесием, вряд ли заслуживают доверия; их происхождение связано, по-видимому, с эпическими сакскими преданиями. Однако в основе этого рассказа лежит, несомненно, исторический факт – столкновение Кира с теми саками, которые, по-видимому, были соседями Бактрии, и признание ими каких-то обязательств по отношению к Ахеменидской державе. Под названием "саки" источники, как уже отмечалось выше, объединяли большое число кочевых племен. В данном случае речь идет скорее всего о саках-аморгтях, о той ветви сакских племен, которая обитала близ северо-восточных и восточных границ Бактрии.

В результате ранних походов на северо-восток Кир покорил, очевидно, все южные и центральные районы Средней Азии.

Третий этап завоеваний Кира в Средней Азии приходится на последние годы его жизни. Завоевание Хорезма античные авторы не описывают, но, как видно из сообщения Ктесия о назначении Киrom незадолго до своей смерти сатрапа парфян, карманийцев, бактрийцев и хорезмийцев, Хорезм вошел в состав Ахеменидского государства. Но для закрепления этого успеха, а также для обеспечения северо-восточных границ империи вообще необходимо было покорить или хотя бы устранили массагетов. Они занимали, в частности, терри-

торию к востоку от Каспийского моря, в непосредственной близости к Хорезму и западным границам Согда. Именно сюда Кир направился в свой последний поход, в результате которого персидская армия потерпела решительное поражение, а Ахеменидское царство лишилось своего прославленного государя.

Гибель **PDF Compressor Free Version** еднмого ахеменидского царя в далеком походе против среднеазиатских кочевников произвела сильное впечатление на современников и, естественно, породила немало легенд, что нашло отражение и в сообщениях античных источников. Различные авторы по-разному описывают этот поход. Более того, они расходятся даже в определении племен, разгромивших персидскую армию. По Ктесию, это были не массагеты, а дербики¹⁴, обитавшие по соседству с Гирканней¹⁵; Геродот же считает, что Кир погиб в долине Даас, вероятно, в стране даев - дахов¹⁶. Да и Геродот, сообщая о последнем походе Кира, отмечает, что он приводит ту версию из многих других, которая кажется ему наиболее правдоподобной. Современные исследователи доверяют "отцу истории" в выборе "наиболее правдоподобной версии" о гибели Кира, тем более что его сведения подтверждаются также некоторыми другими античными авторами¹⁷. Согласно данным Геродота¹⁸, последний поход Кира был направлен против массагетов, живших за Араксом (Амударья?). Во главе массагетов стояла женщина Томирис, "ставшая царицей после смерти своего мужа". Кир отправил к массагетской "царице" послов "с льстивыми" речами, желая взять ее в жены, но Томирис, понимая, что он сватает не ее, а царство массагетов, отклонила брачное предложение. Тогда Кир, не добившись ничего хитростью, двинулся к Араксу.

Геродот описывает приготовления Кира к форсированию этой реки и переговоры между ахеменидским царем и "царицей" массагетов. Томирис призвала Кира образумиться и не начинать кровопролития. В случае же если Кир непременно хочет воевать, "царица" предлагала отвести свои войска на три дня пути, чтобы персы могли беспрепятственно перейти реку, или просила персов отвести свои отряды, чтобы форсировать реку смогли массагеты. По совету лидийского царя Креза, попавшего к персам в плен, Кир переправился через Аракс и двинулся вперед, оставив в тылу лагерь с обильными яствами и вином ("коварным напитком", неизвестным массагетам). Лагерь охраняла "худшая часть армии" персов. Отряд массагетов во главе с сыном "царицы" и Спаргатином разгромил оставшееся в лагере войско. Не подозревая подвоха, массагеты "предались еде и питью". Между тем основные силы персов во главе с царем ворвались в лагерь. Часть массагетов была перебита, другие, в том числе Спаргатис, попали в плен. Очнувшись после пира и поняв, что произошло, сын массагетской "царицы" покончил с собой. Разгневанная же вероломством персов Томирис "собрала все свое войско" и двинулась на врага, дав клятву вдоволь напоить кровью ненавистного ахеменидского государя.

"Я полагаю, - писал об этом сражении Геродот, - из всех битв, бывших среди варваров, эта была жесточайшей". Битва длилась долго: сначала обе армии "стояли и метали друг в друга стрелы, потом, когда стрелы были израсходованы, схватились врукопашную и бились копьями и мечами". Наконец массагеты победили, большая часть персидской армии была уничтожена, погиб и сам Кир, голову которого Томирис велела погрузить в меха, наполненные кровью.

Подробный рассказ Геродота о последнем походе Кира является, несомненно, литературной обработкой легендарного предания. Более того, сюжет этого рассказа отчасти напоминает приводимую Ктесием версию о борьбе

Кира с саками: поражение одного из отрядов кочевников, руководимых "царем" или "царевичем", и победоносный натиск основных сил во главе с "царицей". Таким образом, мы вправе не доверять деталям этого рассказа. Но легенда о восстании Киры, эта легенда возникла, очевидно, в связи с реальными историческими событиями, завершившимися бесславной кончиной первого "великого" Ахеменида²³.

Разгром крупного ахеменидского войска и гибель основателя Ахеменидского государства не привели, однако, к освобождению среднеазиатских областей от власти Ахеменидов.

Старший сын и преемник Кира – Камбис (назван, видимо, по имени деда), несмотря на распри и мятежи, вспыхнувшие сразу же после смерти царя (по словам Ксенофонта, "Кир умер, тотчас же сыновья его вступили в борьбу между собой, тотчас же города и народы отпали, произошел всеобщий поворот к худшему"²⁴), смог овладеть положением и даже получить останки Киры, которые затем были погребены в Парсе, в специальном мавзолее²⁵. О военных мероприятиях Камбиса на северо-восточных рубежах Ахеменидской державы источники ничего не сообщают. Но, по-видимому, положение здесь стабилизировалось, что и позволило Камбису начать задуманный еще при его отце поход против Египта (526 г. до н.э.).

Во время пребывания Камбиса в Египте, в Иране произошли события, коренным образом изменившие положение в державе. Бехистунская надпись Дария I излагает их так:

«... Камбуджия (Камбис), сын Куруша, из нашего рода, был здесь царем. У Камбуджии был брат по имени Бардия, от одной матери, от одного отца с Камбуджией. Затем Камбуджия убил Бардию. Когда Камбуджия убил Бардию, народу (или "войску" – др.-перс. *kāra*) не было известно, что Бардия убит. Затем Камбуджия отправился в Египет, народ (*kāra*) стал враждебным, и ложь (*drauga*) умножилась в стране – и в Персии, и в Мидии, и в других областях...

Был один человек, маг, по имени Гаумата. Он восстал из Пайшихувады²⁶ – гора, по имени Аракадри – оттуда. Прошло 14 дней месяца виахна (март 522 г. до н.э.), когда он восстал. Народу он так лгал: "Я – Бардия, сын Куруша, брат Камбуджии". Тогда народ (*kāra*) отпал от Камбуджии, перешел к нему (Гаумате) – и Персия, и Мидия, и другие области. Власть он захватил. Прошло 9 дней месяца гармапада (июль 522 г.), тогда он захватил власть. Затем Камбуджия умер от своей руки (или "умер своей смертью")²⁷.

Как видно из надписи, жрец по имени Гаумата, объявив себя Бардией, в 522 г. до н.э. захватил власть в Персиде. Было ли это в действительности так, неизвестно. вполне вероятно, что "Гаумата" надписи был подлинным Бардией²⁸.

Камбис срочно двинулся из Египта в Иран, но то ли умер от случайной рапы, то ли покончил с собой. Это облегчило задачи Бардии или "Гауматы", и к июлю 522 г. до н.э. он получил признание и стал властелином всей обширной Ахеменидской державы.

Восстания против Ахеменидов в Маргiane, Парфии, стране саков

Социальная сущность "переворота Гауматы" пока еще недостаточно ясна. Наверное, как и Камбис, он выступал против родовой знати, опираясь при этом на широкие слои свободного населения Персии, а возможно, даже и других областей обширной империи. Во всяком случае Бардия еще более резко, чем Камбис, поширал привилегии родовой знати и в интересах народных масс объявил об отмене податей и воинской повинности на три года²⁹. Гонимы с извещением о смерти Камбиса,

воцарении “Гауматы” и объявленных им льготах были посланы во все концы Ахеменидской державы³⁰, в том числе, несомненно, и в Среднюю Азию. И когда другие заговорщики, теперь уже из среды крупной родовой знати, 29 сентября 522 г. до н.э. убили этого царя и на престол был возведен Дарий I, представитель младшей ветви Ахеменидов³¹, в Средней Азии, как и по всей империи, прокатилась волна восстаний. Крупнейшим из них было движение в Маргиане – древнейшее засвидетельствованное достоверным источником народное восстание на территории бывшего СССР, дату подавления которого (вернее, решающего поражения повстанцев) – 10 декабря 522 г. до н.э. – можно принять как древнейшую из точно определенных дат в истории народов СНГ³². Сведения об этом восстании содержатся в Бехистунской надписи Дария I, которая гласит: «Говорит Дарий-царь: “Страна по имени Маргуш (Маргиана), она отпала от меня. Человек по имени Фрада, маргианец, – его они (восставшие) наибольшим (вождем) сделали»». Столь же кратко говорится и о подавлении восстания: «Затем я послал человека к Дадаршишу, моему слуге, сатрапу в Бактрии... Так я ему сказал: “Иди, то войско разбей, которое моим не называется (т.е. не признает меня)”. Затем Дадаршиш с войском двинулся и дал сражение маргианцам. Ахурамазда мне помощь принес. Волей Ахурамазды мое войско то враждебное войско сильно разбило. Прошло 23 дня месяца атридия (10 декабря 522 г. до н.э.), когда сражение произошло. Говорит Дарий-царь: “Затем страна моей стала. Вот что мною сделано в Бактрии”»³³.

Как уже отмечалось выше, Бехистунская надпись была составлена на трех языках: древнеперсидском, эламском и вавилонском. В вавилонском тексте в добавление к приведенному выше сообщению о подавлении восстания в Маргиане сатрапом Бактрии Дадаршишем приводится еще число убитых и пленных “мятежников”: первых было 55243, вторых – 6572³⁴.

Эта громадная цифра намного превышает те потери, которые понесли “мятежники”, восставшие против Дария в других областях его обширной державы. Удивительно и резкое преобладание в Маргиане числа убитых над пленными. Очевидно, маргианцы мужественно сражались с войском захватчиков, а Дадаршиш дал своим войскам приказ “пленных не брать” и залил кровью всю Маргиану. Огромная цифра убитых и пленных, а также необычная даже для времени Ахеменидов жестокость карательных войск свидетельствуют о том, что восстание в Маргиане не было выступлением небольшой группы заговорщиков, а носило народный характер³⁵. Вполне вероятно, что страшный разгром, учиненный войсками Дадаршиша, повлек за собой запустение значительных, ранее освоенных древними маргианцами земель на западной границе Мервского оазиса, о чем красноречиво свидетельствуют археологические материалы³⁶. Но даже после этого восстание в Маргиане нельзя было считать окончательно подавленным: вождь повстанцев Фрада, судя по данным той же Бехистунской надписи, был взят в плен и казнен лишь год спустя (после 27 ноября 521 г. до н.э.)³⁷.

Восстание в Маргиане было не единственным движением против Дария I в его среднеазиатских владениях. Одновременно с маргианцами восстало и население Парфии, которое выступило в поддержку некоего Фравартиша (Фраорта), возглавлявшего восстание мидян и выдававшего себя за Хшатрипу II, мидийского царя из рода Киаксара. Восстание Фравартиша охватило не только Мидию и Парфию, но и Гирканию. Поддержало его также и население Армении. Это движение продолжалось больше года, а для подавления его, помимо войск отца Дария – Гистаспа (др.-перс. Виштаспа), сатрапа Пар-

фии и Гиркании, и армии Видарны, одного из ближайших соратников Дария, посланного им против Фравартиша в январе 521 г., понадобилось вмешательство главных сил во главе с самим царем. Военные действия в собственно Парфии сначала характеризовались, видимо, активностью повстанцев, давших ПРД ~~Compressor Free Version~~ ишапауатиш сражение отрядам Гистапа. Затем, после разгрома Дарием основных сил Фравартиша в Мидии, в результате решительного наступления Гистапа, на помощь которому в конце июня – начале июля Дарий направил значительные подкрепления, парфянские повстанцы потерпели поражение. Они были разгромлены летом 521 г. до н.э. (более чем на полгода позже маргианских “мятежников”) в сражении у г. Патиграбана, остатками которого, возможно, является городище Елькенте-пе в Южной Туркмении (на пути из Парфии в Маргиану)³⁸.

Среди областей, восставших после воцарения Дария I, Бехистунская надпись называет наряду с Маргианой и Парфией также страну саков³⁹. О каких саках идет речь – не вполне ясно, тем более что при описании борьбы Дария I с восставшими областями в первые годы его правления о подавлении этого движения ничего не говорится. Вероятно, либо эти “саки” добровольно покорились власти Дария после побед его армий над другими повстанцами, либо (что более вероятно) подчинить их в тот период Дарию так и не удалось; о неудачах же ахеменидского царя Бехистунская надпись, естественно, не сообщает. И только в пятом столбце ее, добавленном к основному тексту (столбцы I-IV), по-видимому в 518 г. до н.э., описан поход Дария I на саков.

Пятый столбец в значительной части разрушен, что крайне затруднило трактовку текста. Однако работы, проведенные по уточнению чтения этого столбца, дали достаточно надежную его реконструкцию⁴⁰. Сведения о походе на саков помещены здесь среди сообщений, посвященных описанию событий второго и третьего годов царствования Дария (март 520 – март 518 г. до н.э.).

События излагаются от имени царя: «Говорит Дарий-царь: “Затем я отправился с войском в страну саков, преследуя саков, которые носят остроконечные шапки (*тиграхауда*). Эти саки ушли от меня. Когда я достиг моря (или большой реки)⁴¹, я через него со всем войском переправился. Затем я убил многих саков. Одного их предводителя я захватил, он, связанный, был приведен ко мне, я его казнил. (Другого) их предводителя, по имени Скунха⁴² – они сами схватили его, привели ко мне. Тогда я назначил над ними другого предводителя, так, как мое желание было. Затем страна стала моей”. Говорит Дарий-царь: “Эти саки были враждебными. Ахурамазда ими не почитался. Я почитал Ахурамазду, волей Ахурамазды, как мое желание было, так я и делал”⁴³.

В рассказе об этих событиях обращает на себя внимание прежде всего указание на то, что какие-то саки, в надписи названные тем же именем, что и саки-тиграхауда, жили вблизи моря или большой реки. Существует мнение, что это – “саки-тьяй-парадарайх” (заморские). Но более вероятно, что речь идет здесь о той ветви среднеазиатских кочевников, которые обитали к северо-западу от Согды, вплоть до Хорезма и берегов Аральского моря, т.е. о тех племенах, которые античные авторы называют массагетами – победоносными врагами Кира.

Как можно судить по скудным сообщениям надписи, войска Дария вторглись в земли саков и, преследуя их, где-то вблизи морского побережья (или за рекой Аракс, т.е. Узбоем) выиграли сражение, в результате чего Дарию удалось захватить и казнить одного из вождей саков⁴⁴. После этого саки (по-видимому, сакская знать) выдали ахеменидскому царю второго вождя – Скунху, на место которого Дарий поставил другого представителя знати. Захват Скунхи Дарий придавал, вероятно, большее значение, чем казни друго-

го вождя. Во всяком случае, по приказу Дария изображение Скуинхи было высечено на Бехистунской скале (по соседству с надписью) среди других сильнейших врагов ахеменидского царя. Примечательно также, что в отличие от другого, не названного по имени вождя саков, Скуинха не был казнен Дарием, из чего можно предположить, что владыка Скуинхи ранее не подчинялся Ахеменидам, и Дарий рассматривал его не как главу мятежников, а лишь как "сражающегося" врага.

О том, что поход против саков не был для персов столь успешен, как это вытекает из Бехистунской надписи, свидетельствует Полиен. В "Военных хитростях" ("Стратегемах") он дважды рассказывает о борьбе Дария с саками⁴⁵. В одном из рассказов говорится, что саки разделили свои силы на три отряда, которые Дарий победил один за другим. Разбив первый отряд саков, персы по приказу царя переоделись в сакские одежды и вооружились сакским оружием. Приблизившись "люди видом друзей" ко второму отряду, персы застигли саков врасплох и перебили их. Третий же отряд саков, когда войско Дария достигло его, сдался персам без сопротивления.

Насколько отразилась в этом рассказе Полиена историческая действительность, судить трудно, и пока его можно рассматривать лишь как смутный отголосок сведений о столкновении персов с кочевниками Средней Азии.

Более интересен второй рассказ Полиена – о хитрости Сирака (Ширака), восходящий, вероятно, подобно сообщениям Ктесия, к сакской эпической традиции. В этом рассказе речь идет лишь об одном эпизоде войны саков с Дарием, о ловушке, в которую заманил персидского царя сакский табушник Сирак.

По словам Полиена, Сирак предложил "царям" саков Сакесфару, Аморгу и Томирису, собравшимся на военный совет, погубить персидское войско при условии, что "цари" поклянутся обеспечить его детей и потомков. Получив клятвенное обещание, Сирак тут же отрезал себе нос и уши и "изуродовал прочие части тела", после чего под видом перебежчика явился в персидский лагерь.

Жалуясь на сакских "царей", которые якобы изувечили его, Сирак пообещал Дарию провести персидское войско в глубь сакских земель, где можно будет напасть на врагов врасплох.

Персидское войско, взяв семидневный запас продовольствия, выступило в поход. Обман обнаружился лишь тогда, когда запасы иссякли, а вокруг все еще простиралась "песчаная, безводная и бесплодная пустыня". На вопрос одного из персидских военачальников, что побудило Сирака обмануть великого царя Дария, Сирак ответил, что он таким способом спас своих земляков и погубил персов. Отважный табушник был казнен. Лишь чудом Дарию удалось спастись. Пошел дождь, и персы, набрав питьевой воды, добрались до реки Бактры (Амударьи).

Рассказ Полиена о хитрости Сирака, вероятно, свидетельствует о трудностях, а возможно, и частичном поражении персов в их борьбе с саками.

Однако ахеменидский царь склонен был – и, вероятно, не без оснований – рассматривать свой поход в Среднюю Азию как успешную операцию, и в надписи на пластинках (закладных досках), заложенных под фундамент при возведении дворцов Дария в Экбатанах и в Персеполе, мы читаем: «Говорит Дарий-царь: "Это – держава, которой я владел, начиная от саков, которые за Согдом, вплоть до Эфиопии (Абиссиния), от Индии вплоть до Сард (столица Лидии в Малой Азии)"»⁴⁶.

Более чем 35-летнее царствование Дария I (522-486 гг. до н.э.) было временем расцвета и могущества Ахеменидской державы, и, когда после его смерти на престол взошел его сын Ксеркс (др.-перс. Хшаярша), в наследство новому царю досталась огромная империя. Но ее положение не было блестя-

шим. Незадолго до этого (в 490 г. до н.э.) персы были разбиты греками в Марфонском сражении, а в Египте, Вавилоне и других областях не раз вспыхивали волнения.

О волнениях, сотрясавших державу в первые годы царствования пресмника Дария, говорится в так называемой "антидэвовской" надписи Ксеркса, найденной при раскопках Персеполя:

«Говорит Ксеркс-царь: "Когда я стал царем, среди стран, что перечислены выше, [была такая], которая возстала, Ахурамазда мне помощь принес. Волей Ахурамазды эту страну я разбил, поставил на место. И среди этих стран [была такая], в которой прежде поклонялись дэвам. Волей Ахурамазды я разрушил капища дэвов и приказал: "Дэвам да не поклоняются". Там, где прежде поклонялись дэвам, я стал благоговейно поклоняться Ахурамазде и Арте. И было и другое, что делалось неправедно, это я исправил..."»⁴⁷.

В перечне стран, подвластных Ксерксу, значится тридцать различных областей и среди них Парфия, Бактрия, Согд, Хорезм, саки-хаумаварга (амюргии), саки-тиграхауда и дахи.

Вхождение среднеазиатских областей в Ахеменидскую державу времени царствования Ксеркса подтверждается также Геродотом. Среди подразделенной армии Ксеркса Геродот называет отряды бактрийцев и саков-амюргиев во главе с Гистаспом, сыном Дария и дочери Кира – Атоссы; парфиан и хорезмийцев, которыми предводительствовал некий Артабаз, сын Фарнака; согдийцев, возглавляемых Азаном⁴⁸, сыном Артея; каспиев во главе с Арюмардом, братом Артифия; ариев (жители области Арей – совр. Герат) во главе с Сисамном, сыном Гидарна. Говорит Геродот и еще о каких-то саках, которые наряду с персами и мидянами были воинами на боевых кораблях⁴⁹, упоминает также и знаменитую сакскую конницу⁵⁰. Таким образом, в период расцвета Ахеменидской державы, по крайней мере до разгрома греками персидских войск в походах 480-479 гг. до н.э., большая часть среднеазиатских областей прочно входила в ее состав.

ПОЛОЖЕНИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ОБЛАСТЕЙ В СОСТАВЕ АХЕМЕНИДСКОГО ГОСУДАРСТВА

Структура Ахеменидского государства

В состав державы Ахеменидов входило огромное количество народностей и племен весьма различных по уровню своего развития, хозяйству, быту, языку и культуре.

Потрясения, пережитые Ахеменидской державой в 522-521 гг. до н.э., заставили персидскую родовую знать сплотиться вокруг царя и пойти на укрепление царской власти. Таким образом, смертельная опасность, угрожавшая самому существованию Ахеменидского государства, позволила Дарию, хотя он и получил трон от знатных вельмож, заметно урезать права родовой знати и в интересах всего господствующего класса персидского общества укрепить свою власть. Отныне послушание "великого царя, царя царей, царя стран" грозило жестокими карами даже самым знатным персам. Власть ахеменидского царя стала поистине единоличной, и, когда один из участников заговора против "Гауматы" осмелился не подчиниться придворному этикету, он поплатился за это головой вопреки данному ранее самим Дарием обещанию "оберегать" соучастников убийства "Гауматы"⁵¹.

Неограниченная власть царя опиралась не только на персидскую знать, но в известной мере и на свободных персов-общинников, которые были осво-

бождены от налогов и занимали в державе Ахеменидов исключительно привилегированное положение⁵², а также на местную знать завоеванных областей, которая получила возможность укрепить свои позиции и, на положении слуг персидского царя, фактически эксплуатировать как своих рабов, так и рядовых соотечественников-общинников.

Обширная империя при Дарии I была, по словам Геродота, разделена на отдельные области – сатрапии, число которых достигло уже двух десятков⁵³. Каждая сатрапия должна была ежегодно выплачивать вполне определенную подать. Величина налога сатрапий исчислялась обычно в талантах серебра (единица веса, равная в данном случае примерно 34 кг), исключение составляла индийская сатрапия, взнос которой определялся не в серебре, а в золоте.

Для упорядочения налоговых поступлений Дарий ввел единую монетную систему, в основе которой лежал золотой дарик, весивший 8,4 г. Дарик можно было заменять на 20 серебряных монет – сиклей (сикль весил 5,6 г)⁵⁴. Золотую монету мог чеканить только царь; серебряная монета выпускалась также правителями отдельных областей⁵⁵.

Во главе каждой сатрапии (а иногда и нескольких сразу) стоял наместник-сатрап (перс. *хшатрапа[ва]н*), наделенный почти неограниченными полномочиями: в его руках сосредоточивалась как военная, так и гражданская власть. Сатрап должен был прежде всего обеспечивать поступление подати и осуществлять судебные функции. Он же осуществлял и набор войск. Сатрап мог чеканить серебряную и медную монету. Как правило, сатрапами были знатные персы. Для наблюдения за сатрапами существовали специальные чиновники-шпионы, которых называли "око" или "ухо царя", тайно сообщавшие о его действиях царю, но в остальном сатрапы фактически были предоставлены самим себе⁵⁶.

Области Средней Азии в составе Ахеменидского государства

Выше уже говорилось, что в надписях Дария I упоминаются почти все основные области Средней Азии: Бактрия (с Маргианой в качестве ее составной части), Согд, Парфия, Хорезм, саки⁵⁷. Вне пределов Ахеменидской державы оставались, таким образом, лишь современные Фергана⁵⁸ и Ташкентский оазис (Чач – Чирчик-Ангреская долина).

Те же области названы и в "антидзювской" надписи Ксеркса⁵⁹, что свидетельствует об устойчивости положения в этой части империи в первые годы его царствования. Можно ли каждую из названных в надписях Дария I и Ксеркса среднеазиатских областей рассматривать как отдельную сатрапию, пока что не ясно. Но скорее всего это, по-видимому, действительно были отдельные сатрапии (показательно, например, что Маргиана ни в Персепольской, ни в Накширустамской, ни в "антидзювской" надписях не упоминается вообще)⁶⁰. Сомнения в том, что в клинописных надписях Дария I и Ксеркса названы именно сатрапии, а не культурно-исторические области, вызваны расхождением списков, приводимых в надписях, с тем перечнем сатрапий, который дает Геродот, утверждая, что они учреждены Дарием. Однако это несоответствие устраняется, если признать правоту тех исследователей, которые считают, что Геродот описал политико-административное деление Ахеменидской державы своего времени, т.е. периода царствования современного "отца истории" Артаксеркса I, а отнюдь не Дария I⁶¹. Если же это так, то список сатрапий, приводимый Геродотом, равно как и перечень отдельных отрядов в войске Ксеркса при выступлении его против греков⁶², отражают процесс укрупнения восточноиранских сатрапий во время правления Ксеркса (486-465 гг. до н.э.) и Артаксеркса I (465-423 гг. до н.э.).

Табл. 1

Ахеменидские сатрапии в Средней Азии

Цари	Кир II (550-529)	Камбис (529-522)	Дарий I (522-486)	Ксеркс (486-465)	Артасеркс I (465-423)	Артасеркс II (404-359)	Дарий III (336-330)
Источники	Геродот, Ксенофонт и др.	Бехистунская надпись	Персепольская, сузская и экбатанская надписи; респельфы	Накш-рустемская надпись (80-е годы V в. до н.э.)	Антидвовская надпись (486-380)	Состав армии Ксеркса по Геродоту	События 331-329 гг. до н.э. по Арриану
	Бактрия	Бактрия (с Маргянаой)	Бактрия	Бактрия Сакри-хау-маварга	Бактрия Сакри-хау-маварга	ХII округ: Бактрия до зглов	Надды, подвластные одному лицу: Бактрия, Парфия, Хорезм (и Кармания)
Области и народы	Согад (?)	Согад	Согад	Согад	Согад согдийцы	ХI округ: Согад	Надды, соседние, со-едились, вошли в Бактрию (претендуют на власть над Парфией)
	Парфия	Парфия	Парфия	Парфия	Парфия и хорезмийцы	Парфия и Хорезм (и Ария)	
	Хорезм	Хорезм	Хорезм	Хорезм	Хорезм	Хорезм (и Кармания)	
	сакри-союзники	сакри	сакри (тип-рахауда ?)	сакри-тип-рахауда	сакри-тип-рахауда	ХV округ: сакри и каспи	
		сакри-тип-рахауда	сакри, которые та Согдом	дахи	каспи, сакри-матросы (?)		Хорезм - независим
							Сакри - союзники

Возможно, об этом же свидетельствует и Ктесий, который сообщает о включении в одну сатрапию бактрийцев, хорезмиев (хорезмийцев) и парфиев (парфия). Ктесий относит свое сообщение "ко времени Кира и даже более древних царей Азии"⁶³, но убедительнее представляется вывод⁶⁴, что это описание скорее отражает состояние дел при жизни Ктесия, т.е. при царе Артаксерксе.

PDF Compressor Free Version

Последующий период истории Ахеменидского государства характеризуется все большим обострением внутренних противоречий, непрестанными дворцовыми переворотами, неудачами в войнах с греками. В результате ко времени походов Александра Македонского, приведших к полному разгрому Ахеменидского государства и подчинению его македонскому завоевателю, ряд областей освободился от непосредственной зависимости от центрального ахеменидского правительства. Среди таких областей были и среднеазиатские: Хорезм и саки⁶⁵. Бактрийский же сатрап этого времени – Бесс – распоряжался уже, помимо бактрийцев, также согдийцами и пограничными с Бактрией индийцами и, сверх того, пытался распространить свою власть на Парфию.

Войдя в состав Ахеменидского государства, среднеазиатские народы наряду с населением многих других областей Азии, Африки и Европы вынуждены были нести на своих плечах всю тяжесть зависимости от персидского царя. Как и другие народы "мировой державы", бактрийцы, согдийцы, парфиане, хорезмийцы и саки платили персидскому царю огромные подати. (Персы от уплаты податей были освобождены, и население собственно Персии жило за счет поборов, взимаемых с других областей державы. Персы же образовывали основной костяк государственного и военного аппарата, из их числа комплектовалась и десятитысячная гвардия "бессмертных" – ударный корпус ахеменидской армии). Общая сумма налогов, поступавших из всех сатрапий, по данным Геродота, равнялась 14560 збейским талантам (более 400 т серебра). Основная часть этих огромных податей взималась с наиболее богатых и экономически развитых западных сатрапий (например: Малая Азия, Армения, Вавилония, Ассирия, Сирия и Палестина платили податей почти вдвое больше, чем весь Иран и Средняя Азия), однако и из среднеазиатских сатрапий выкачивались значительные средства. По сведениям Геродота, Бактрийская сатрапия платила 360 талантов; Парфия, Хорезм, Согд и Арея – 300; саки и каспи – 250⁶⁶. Следовательно, три среднеазиатских сатрапии ежегодно приносили ахеменидскому "царю царей" 910 талантов серебра – примерно столько же, сколько VI сатрапия, в которую входили весь Египет, Ливия, Кирена и Барка, и немногим меньше, чем Вавилония и Ассирия.

Кроме денежных сборов, были также и натуральные; вполне вероятно, что в некоторых сатрапиях последние составляли основную часть налога, лишь условно исчислявшегося в серебряных талантах⁶⁷. Возможно, что в сумму налога включались также и материалы, поставляемые подвластными народами для строительства величественных дворцов в Персеполе, Сузах (в Персиде) и Экбатанах (в Мидии). О том, что при сооружении этих дворцов применялись и среднеазиатские материалы, свидетельствует надпись Дария I о постройке дворца в Сузах. Перечисляя различные области, участвовавшие в постройке, Дарий называет Бактрию, Согд и Хорезм. "Золото, которое здесь употреблено, – гласит надпись, – было привезено из Лидии и Бактрии. Синий камень "капаутака" (лазурит)⁶⁸ и "синкабуш" (сердолик), что здесь был употреблен, были привезены из Согда. Камень "ахшайна" [бирюза(?), гематит(?)] были привезены из Хорезма".

Бактриец с верблюдом. Рельеф из дворца в Персеполе

Геродот сообщает также о существовании в Средней Азии при Ахеменидах и еще одного вида добавочного налога – платы за пуск воды из искусственного озера (водохранилища) на поля: по словам древнегреческого историка, за открытие шлюзов водохранилища персидский царь взимает “большие деньги помимо обычной дани”⁶⁹.

Важное значение имела и обязательная войсковая повинность: необходимость по требованию “царя царей” предоставлять в его распоряжение военные контингенты для несения гарнизонной службы в разных концах державы (как правило, вне пределов своей сатрапии) и для участия в завоевательных походах. Из архива гарнизона на о.Элефантина (близ южных границ Египта) известно, что там в конце V в. служил воин-хорезмиец Даргаман⁷⁰. Находки статуэток сакских воинов свидетельствуют о том, что саки-конники входили в состав персидского гарнизона Мемфиса, одной из крупнейших военных баз в Египте⁷¹. Геродот, перечисляя подразделения персидской армии Ксеркса, выступившей против Греции, называет отряды бактрийцев и саков-аморгиев, парфян и хорезмийцев, согдийцев, саков и каспиев. Многие из воинов, входивших в состав этих отрядов, отдали свою жизнь, сражаясь на землях далекой Греции за чуждые им интересы ахеменидского царя. Английские авторы, описывая походы персов в Грецию, не раз упоминают об участии в той или иной битве среднеазиатских воинов. Так, еще при Дарии I во время его похода против Афинского государства в знаменитой Марафонской битве (490 г. до н.э.) мужественно сражался отряд саков, прорвавший центр афинской боевой линии, что, однако, не изменило плачевного для персидской армии исхода битвы⁷².

Тяжелые потери понесли среднеазиатские контингенты и во время греческих походов Ксеркса. Так, Эсхил в "Персах" упоминает бактрийцев, павших в битве при Саламине (480 г. до н.э.), и влагает в уста матери Ксеркса – Атоссы – скорбные слова о том, что "народ бактрийский совершенно погиб". Атосса же называет в числе героев, павших в этой битве, "Теганора – отважного жителя Бактрии". Эсхил упоминает о Бактрии, что тридцать тысяч чернокожих конников в сражение вел и "навски там почил". Она же, перечисляя потери персидской рати, в частности, заключает: "И несчастные бактрийцы полегли, вся молодежь". Подвел же итог войн Ксеркса I с греками сам Дарий I, в уста которого Эсхил вкладывает фразу: "О, безумец, погубил он самый цвет союзных войск" (бактрийцы, без сомнения, включены здесь в этот "цвет")⁷³.

Пехота саков упоминается при описании боев при Фермопилах, бактрийцы и саки сражались в битве при Платеях⁷⁴. Полторацта лет спустя по приказу последнего ахеменидского царя Дария III Кодомана, среднеазиатские отряды влились в состав персидской армии, сражавшейся против войск Александра Македонского.

О том, сколь ненавистно было свободолюбивым народам Средней Азии тяжелое иго ахеменидского царя, красноречиво свидетельствует восстание Фрады в Маргиане и, возможно, участие парфия в восстании Фравартиша в Мидии (народный характер первого несомненен, второго – весьма вероятен). Однако персидским царям удалось, видимо, найти в Средней Азии прочную социальную опору для сохранения и упрочения своей власти.

Уже первые ахеменидские цари, по-видимому, осуществили союз с местной аристократией. Кир и на Западе умело заигрывал с родовой знатью, что, как правило, приносило или облегчало ему победоносное завершение завоевательных походов. Показательно, что неудачи поджидали Кира как раз там, где процессы социальной дифференциации не зашли еще достаточно далеко, а именно у кочевых племен. В более же развитых оседлоземельческих областях Ахеменидам сразу удалось закрепиться достаточно прочно.

Весьма показательно также, что во время походов Александра Македонского источники вообще ни слова не говорят ни о персидских гарнизонах в Согде и Бактрии, завоевание которых описывается весьма подробно, ни о какой-либо собственно персидской администрации, кроме сатрапа и его ближайшего окружения. Напротив, почти повсеместно упоминаются представители местной знати, осуществлявшие власть в своих областях и районах и подчинявшиеся непосредственно сатрапу Бактрии – Бессу. Иными словами, власть Ахеменидов в Средней Азии держалась не столько на персидской администрации и постоянных военных гарнизонах, сколько на лояльности местной аристократии, которая в основной своей массе не за страх, а за совесть служила персидскому "царю царей". И дело здесь не только в могуществе и авторитете ахеменидской власти (хотя они, конечно, играли решающую роль в покорности среднеазиатской знати Ахеменидскому государству), но также и в том, что вхождение Средней Азии, и прежде всего наиболее развитой из среднеазиатских областей – Бактрии, в состав обширной Ахеменидской державы в известной мере было даже выгодно местной знати.

Усиление связей с передовыми странами Ближнего Востока (Вавилонией, Лидией и др.), развитие торговли, введение новых, более совершенных способов взимания налогов с трудового населения вели к укреплению позиций аристократической верхушки, которая на положении верных слуг персидского царя получила возможность еще более эксплуатировать своих соотечест-

венников – рядовых общинников. Но вместе с тем местной знати приходилось большую часть собираемых на ее землях податей отдавать центральной ахеменидской власти, а в военных походах довольствоваться лишь незначительной, по сравнению с персами, долей добычи. С таким положением среднеазиатская аристократия мириться, конечно, скрепя сердце и лишь до поры до времени, причем борьба местной знати за полновластное господство над своими соотечественниками протекала, видимо, в разных среднеазиатских областях и в различные периоды по-разному.

В такой окраинной области, как Хорезм, в условиях ослабления Ахеменидского государства в IV в. до н.э. эта борьба привела к освобождению от контроля персидских властей и к созданию независимого хорезмийского государства. В Бактрии же она проявлялась не в сепаратистских тенденциях, а в стремлении местной знати посадить своего ставленника на трон “царя царей” и тем самым приблизиться к руководству не только своей сатрапией, но и всей империей в целом.

О том, что это было действительно так, свидетельствует роль, которую играла Бактрия в династийной борьбе между различными претендентами на ахеменидский престол.

Уже сразу после смерти Дария I, при воцарении Ксеркса, другим претендентом на трон “царя царей” выступил старший сын Дария – Арнамен, правитель Бактрии. Немногим позже другой брат Ксеркса – Масиста, сын Дария и дочери Кира – Атоссы, бывший правителем Бактрии, намеревался вовлечь бактрийцев и соседних с ними саков в свою борьбу против Ксеркса.

Ту же готовность поддержать одного из претендентов на ахеменидский трон бактрийская знать проявила и при воцарении Артаксеркса I (после убийства в 465 г. до н.э. в результате дворцового заговора его отца Ксеркса). И на сей раз Бактрия поддержала своего правителя – Гистаспа, брата Артаксеркса; по сообщению Ктесия, бактрийцы были разбиты (Гистасп заменен новым сатрапом – Артабаном) якобы лишь потому, что в лицо мятежникам подул ветер, затруднивший ведение боя⁷⁵.

Даже после того как погиб последний ахеменидский царь Дарий III и большая часть Ахеменидской державы уже перешла в руки Александра Македонского, бактрийская знать поддержала своего сатрапа Бесса, родственника (и убийцу) Дария III, в его попытке стать “царем Азии”. По словам Диодора Сицилийского, Бесса провозгласил царем “народ Бактрии”⁷⁶.

Бактрия была столь могущественной, что могла претендовать на главенствующее положение в Ахеменидской державе в целом, а отдельные представители верхушки бактрийского общества заняли важные посты в Ахеменидской администрации. Так, по словам Ктесия, должность “царского ока” при Артаксерксе II занимал Артасир, который по сообщениям других источников известен как “бактриец родом”, отец Оронта, мужа дочери Артаксеркса II, сатрапа Армении⁷⁷, и, добавив, основателя династии армянских царей Ервандидов. С другой стороны, союз с бактрийской знатью обеспечивал устойчивость Ахеменидам на востоке и развязывал им руки для активных действий на западе.

Могущество бактрийской сатрапии опиралось на значительный экономический рост среднеазиатских областей вообще, поскольку все они были в той или иной степени связаны с Бактрией и временами составляли с нею одну политико-административную единицу. Этот экономический рост был вызван к жизни, по-видимому, развитием в Средней Азии передовых для той эпохи рабовладельческих отношений (табл. I).

ХОЗЯЙСТВО СРЕДНЕЙ АЗИИ в VI-IV вв. до н.э.

Земледелие.
Искусственное
орошение

Рассматривая вопрос о развитии земледелия – оседлых производительных сил оседлых среднеазиатских областей в VI-IV вв. до н.э., исследователи почти повсеместно отмечают существенные изменения в ирригационной технике. В этот период на смену древнейшим оросительным системам, которые лишь способствовали более рациональному использованию речных пойм и низовий, лежавших в зоне, естественно орошаемой сезонными разливами и удобряемой наносами, приходят мощные магистральные каналы, уже подводившие воду на массивы земель, находившихся вне зоны естественных разливов⁷⁸. В результате таких изменений стало возможным использовать под орошаемое земледелие новые значительные территории. Следы освоения земледельческим населением таких земель в результате археологических работ отмечены практически во всех историко-культурных областях Средней Азии. Так, в Северной Бактрии в этот период осваиваются земли Кабадианского оазиса, орошавшиеся крупным магистральным каналом, выведенным из правобережного притока Амударьи – Кафирнигана⁷⁹, а в Вахшской долине был сооружен канал Болдай, на нем известно и поселение V-IV вв. до н.э.⁸⁰ О том, как выглядели каналы и оросительные системы той эпохи, мы можем судить по данным, полученным Хорезмской археолого-этнографической экспедицией, изучавшей историю ирригации в низовьях великих среднеазиатских рек Амударьи и Сырдарьи, в том числе на заброшенных “землях древнего орошения”. Например, значительный земледельческий район ахеменидского времени открыт вблизи городища Кюзелигир на левобережье Амударьи, в Присарыкамышской дельте. Здесь удалось выявить несколько каналов так называемого архаического, т.е. ахеменидского периода. Один из них, самый западный, фактически является искусственным продолжением небольшого естественного протока. Другой, более мощный, имел крупное основное русло (его ширина между валами достигала 40 м). От этого русла почти под прямым углом отходили мелкие оросительные каналы, придавало всей оросительной системе чрезвычайно примитивный, угловатый “подпрямоугольный” характер. Более совершенна и более грандиозна по размерам система громадного канала возле Куняюза, сооруженного, видимо, в конце ахеменидского (“архаического”) периода и функционировавшего и в последующие несколько веков. Протяженность этого канала около 50 км, общая ширина вместе с береговыми отвалами в верхней части до 70-75 м⁸¹.

При строительстве таких каналов часто необходимо было сооружать сложные головные устройства, обеспечивавшие возможность регулировать поступление воды в оросительную систему в различное время года.

Следует заметить, что и сами ахеменидские цари и сатрапы придавали большое значение развитию сельского хозяйства, прежде всего земледелия, всячески поощряя освоение залежных земель – источник получения новых прибылей. По сообщению Ксенофонта, царь “часть своей страны объезжает сам, часть (контролирует) через посылаемых надежных людей и если заметит, что правители представляют землю обитаемой, обработанной и обильной собственными ей деревьями и плодами, то присоединяет к ним области и награждает подарками и почетными седалищами”⁸².

Вероятно, в ахеменидское время, а возможно и ранее (в VIII в. до н.э.) могли

появиться в Средней Азии и первые кяризы – подземные оросительные каналы. Во всяком случае, Полибий, описывая поход селевкидского царя Антиоха III через пустыни Парфии и сообщая, что орошение здесь осуществляется несколькими подземными каналами с колодцами, указывает, что проведение их “при персах” (т. е. в ахеменидское время) шло по инициативе правительства⁸⁵.

Наряду с совершенствованием ирригационных сооружений в VI-IV вв. до н.э. расширялось использование в сельском хозяйстве Средней Азии железных орудий, о чем свидетельствуют находки железных серпов и усадьбы Кызылча 6 в Северной Бактрии⁸⁴, на Козелигыр, Дингильдже и еще одном памятнике “архаического” периода в Хорезме⁸⁵ и на Афрасиабе в Самарканде (в Согде)⁸⁶.

К VI-IV вв. до н.э. должны относиться и некоторые изменения в распределении обрабатываемых земель, по крайней мере в ряде среднеазиатских областей. Существовала, вероятно, категория земель “патбажик”, с которых взимался “патбажи” – “добровольный” ежегодный сбор хлеба, вина и пр., предназначенный для царя (земли “патбажик” упоминаются и в парфянских документах I в. до н.э. из Нисы).

Существовали и земли категории “узбарья”, доход с которых шел также непосредственно в казну царя. Этот термин употреблялся в вавилонских хозяйственных документах ахеменидского времени (*узбари, узбара, “узбар царя”*), а также и в парфянских документах из Нисы I в. до н.э. (*узбар/и*).

Следует, однако, оговориться, что у нас нет достаточных оснований переносить на среднеазиатские и восточноиранские области державы те формы земельной собственности и эксплуатации, которые благодаря обилию письменных источников хорошо известны в западных областях. Нет, в частности, данных, которые позволили бы говорить о наличии в Средней Азии в этот период крупных рабовладельческих поместий (известных, например, в Египте и Вавилоне), где сотни клейменных рабов (в значительной части военнопленных) выполняли сельскохозяйственные, ремесленные и строительные работы.

Эти рабы, обозначавшиеся иранскими терминами *мава* или *гарда* (первоначальное значение – “домашний”, “челядь”), нередко расселялись по деревням.

Вполне возможно, что если и не рабами, то во всяком случае зависимыми от царя были жители деревни (или небольшого городка) в Бактрии, переселенные туда из ливийского города Барка представители жреческого греческого рода бранхидов. В сообщении об этом Геродот писал, что Дарий I, обратив их в рабство, “дал им для поселения деревню в Бактрийской стране”⁸⁷.

В рамках хозяйства оседлых областей Средней Азии развивалось и скотоводство (прежде всего развитие крупного рогатого скота). Особенно интенсивно оно было развито в областях, расположенных в дельтах крупных и мелких рек, в подгорьях или гористых районах, на границах с пустынями. Так, исследование костей животных из раскопок городища Козелигыр в древнем Хорезме VI-V вв. до н.э. показывает, что основу хозяйства здесь составляло скотоводство и прежде всего разведение крупного рогатого скота. Вероятно, в это время в отдельных областях, соседствующих с кочевниками, началась селекционная работа по выведению высокопородных лошадей, которые были нужны войску ахеменидских царей. Недаром многие среднеазиатские народы на персепольских рельефах изображены как ведущие в дар “царю царей”, в частности, и лошадей. К концу ахеменидского времени уже относятся изображения лошадей типа современных текинских и полудиких (с маленькой сухой головой, высокой прямой шеей и т.д.), о чем красноречиво свидетельствуют рельефы на керамических сосудах из Хорезма этого периода.

Ремесло

В среднеазиатских областях VI-IV вв. до н.э. высокого уровня развития достигло ремесленное производство, в частности, изготовление глиняной посуды. Сосуды, изготовленные на гонимом кругу и обожженные в специальных печах, имели своеобразную, сходную для большинства областей Средней Азии, форму; наиболее показательны в этом отношении так называемые цилиндрические и цилиндрико-конические сосуды, найденные, в частности, в Балхе, Кабалиане и Болдае в Бактрии, на городище Афрасиаб в Согде, в Кюзелгыр, Калалыгыр и Дингильдже в Хорезме, в Язтепе и на Гяуркале в Маргиане. О высоком уровне художественной обработки металлов свидетельствуют находки так называемого Амурдарьинскогоклада и памятники "звериного скифского стиля". Единичными находками представлены и другие ремесла — ткачество, обработка камня, кости, металлов (об архитектуре и строительном деле см. ниже).

Характерное для Средней Азии в I тыс. до н.э. разделение труда, связанное с сосуществованием оседлоземледельческого и кочевническо-скотоводческого укладов, дополненное ростом ремесленного производства, приобретавшего в VI-IV в. до н.э. в ряде случаев, вероятно, товарный характер, способствовало развитию торговли. Вхождение страны в состав обширной Ахеменидской державы особенно повлияло на внешнюю торговлю. К сожалению, данными о составе товаров, вывозимых из Средней Азии или ввозимых в нее извне в ахеменидский период, мы пока не располагаем. Приводимых ранее сведений об использовании среднеазиатских материалов при сооружении дворца "царя царей" в Сузах и изображений на рельефах даников для этого явно недостаточно. Однако о развитии торговых связей Средней Азии с западными областями Ахеменидского государства свидетельствуют как сообщения о торговом пути, шедшем из малоазиатского города Эфес в Бактрию и далее в Индию⁸⁸, так и находки монет в Согде и особенно в Бактрии: судя по этим находкам, в Среднюю Азию в VI-IV вв. до н.э. могли попадать не только ахеменидские монеты, выпускаемые центральной ахеменидской властью, но и малоазиатские и греческие⁸⁹.

Керамика ахеменидского времени с городища Каламир

Поселения

В связи с развитием ремесла и торговли в оседлых среднеазиатских областях VI-IV вв. до н.э. возникают наряду с мелкими сельскими поселениями, крупными населенные пункты городского типа. Последние выступают уже и как центры земледельческой округи, и как центры ремесленных мастерских правителей, и как места сосредоточения ремесленного производства и торговой деятельности.

Судя по сведениям письменных источников, описывающих походы Александра Македонского в Бактрию и Согд, здесь были укрепленные деревни и крепости, окруженные глинобитными стенами и располагавшиеся в ряде случаев на естественных возвышениях – горах или скалах.

Сейчас уже известны и многие мелкие поселения Средней Азии VI-IV вв. до н.э., исследованные советскими археологами в последние десятилетия. Таковы, например, земледельческие дома-усадебы Кызылча 6 в Северной Бактрии, квадратные в плане, с центральным двором и одним рядом прямоугольных помещений в его обводе⁹⁰, многокомнатная, сложная по плану усадьба Дингильдже в Хорезме⁹¹, круглая в плане с восемью овальными выступающими наружу башнями усадьба Гярыкяриэ I в Парфии⁹². Уже три эти постройки, сильно отличающиеся одна от другой, демонстрируют разнообразие, в том числе и традиций сельских домов-усадьб Средней Азии VI-IV вв. до н.э.

Крупные поселения также известны теперь и по письменным источникам, и по некоторым археологическим данным. Наиболее важными из них были Бактры (позднее на этом месте располагался средневековый Балх) – столица Бактрии, Мараканда (Самарканд) – центр Согда и неизвестный нам по названию центр Маргианы.

Бактры, по сообщениям письменных источников, имели городские стены и, очевидно, цитадель, причем в ахеменидский период город охватывал уже огромную площадь, значительно превышавшую территорию городища Балахисар (около 120 га), о чем свидетельствуют находки керамики этого времени как на Балахисаре, так и к югу от него. Огромных размеров достигал и ахеменидский Самарканд, обнесенный крепостной стеной и имевший мощную цитадель; по словам Квинта Курция Руфа, его внешняя стена тянулась на 70 стадий⁹³. Сведения Квинта Курция Руфа, по всей видимости, значительно преувеличены. Однако, как показывают археологические работы, проведенные на городище древнего Самарканда – Афрасиабе, ахеменидский город занимал всю площадь этого городища, превышающую 200 га⁹⁴.

Крупным поселением городского типа был также центр ахеменидской Маргианы, занимавший территорию городища Гяуркала, периметр которого составляет около 7,5 км⁹⁵. Как Бактры, так и Самарканд и город на Гяуркала имели, несомненно, многочисленное население⁹⁶.

Помимо таких крупных городов, как Бактры, Самарканд и центр древней Маргианы, в Средней Азии того периода существовали более мелкие города, как, например, Кирополь (Курушата), имевший цитадель и внешние крепостные стены⁹⁷, и лежащие неподалеку от него шесть других укрепленных городов⁹⁸. Арриан писал, что Александр поручил одному из своих приближенных, Гестиюну, заселить города Согдианы. Из этого сообщения можно заключить, что в Согде, помимо Самарканда, были и более мелкие поселения городского типа⁹⁹.

Следует отметить, что такие городские поселения, как Балх и Самарканд, сложились, судя по археологическим данным, в VI-V вв. до н.э. и что, таким образом, рассматриваемый период характеризуется развитием поселений го-

родского типа, обожанных, очевидно, своим происхождением росту ремесленного производства и торговли. Особое место среди поселений Средней Азии VI-IV вв. до н.э. занимали две оставшиеся недостроенными резиденции ахеменидов: **РДБ. Справочник в Excel. Xeni (K)** Калалыгыр I) и в низовьях Сырдарьи на землях "саков, которые за Согдом" (или дахов) (Бабишмулла I). Дворец на Калалыгыр I – это крупный архитектурный ансамбль (его площадь более 10 тыс. кв.м) с многоколонным залом и святилищем, аналогии которым исследователи этого дворца Ю.А.Рапопорт убедительно видит в Персии; там же имеет прототип и венчание колонн калалыгырского дворца в виде протомы рогатого грифона¹⁰⁰. Дворец ("Большой дом") на Бабишмулла I также восходит к постройкам Пасаргад и Персеполя. Возведение обеих этих построек началось, вероятно, незадолго до выхода Хорезма и дахов (или саков) из состава Ахеменидской державы и осталось незавершенным. (Произошло это видимо, на рубеже V-IV вв. до н.э. или немногим позднее – в первой половине IV в. до н.э., возможно, при Артаксерксе III¹⁰¹).

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Культура и искусство Средней Азии VI-IV вв. до н.э. изучены еще слабо. Подробное изучение их фактически началось лишь после Отечественной войны 1941-1945 гг. До Октябрьской революции на территории Средней Азии были известны всего только два археологических комплекса ахеменидского периода: комплекс Анау IV (поздний слой Анау и нижний слой городища Гяуркала в Мерве), обнаруженный в 1904 г. экспедицией Р.Пампелли, и так называемый Амударьинский клад – набор разнообразных металлических поделок, найденных в Южном Таджикистане около 1877 г. и позднее попавших в Лондон. В 30-х годах нашего столетия слои периода Ахеменидов были четко выявлены лишь в Южной Туркмении; после Второй мировой войны материальные памятники VI-IV вв. до н.э. стали изучаться почти во всех среднеазиатских республиках. Так, поселения этого времени ныне известны уже не только в Южной Туркмении и Северной Бактрии, но также в Согде, Хорезме, Чаче и Фергане, а погребальные памятники раскапывались в Фергане, на Алае, на Восточном Памире, в Приаралье.

Опубликована уже и сводка археологических материалов из этих областей¹⁰², в силу чего можно ограничиться рассмотрением лишь некоторых, наиболее исторически важных из них.

Памятники Южной Туркмении, Хорезма, Согда и Бактрии

Дольше всего изучались памятники ахеменидского времени в Южной Туркмении. Крупнейшим памятником VI-IV вв. до н.э. в этой части Средней Азии (и в Средней Азии вообще) является уже упоминавшееся выше огромное городище древнего Мерва – Гяуркала, периметр которого достигает 7,5 км. Сердцем ахеменидского Мерва была цитадель (ныне холм Эрккала, расположенный в центре северной стороны Гяуркала). Около середины I тыс. до н.э. цитадель была окружена высоким земляным валом, вдоль которого с внутренней стороны тянулись какие-то постройки. В центре Эрккала располагался крупный архитектурный ансамбль, по-видимому, дворец правителя и храмовый комплекс. Цитадель стояла на мощной платформе, возведенной из сырцового кирпича. Единственные ворота цитадели были обращены в сторону города. К воротам вдоль стен шел покатый подъем – пандус.

Ахеменидское поселение вскрыто также при раскопках на городище Язтепе, древнейшем центре Мервского оазиса. К середине I тыс. до н.э. Язтепе уже утратило свое военно-административное значение, и его цитадель в VI-IV вв. до н.э. превратилась в заброшенные руины. Однако поселение на Язтепе продолжало существовать, и при раскопках здесь были найдены остатки построек со стенами, сложенными из крупных прямоугольных сырцовых кирпичей¹⁰⁷.

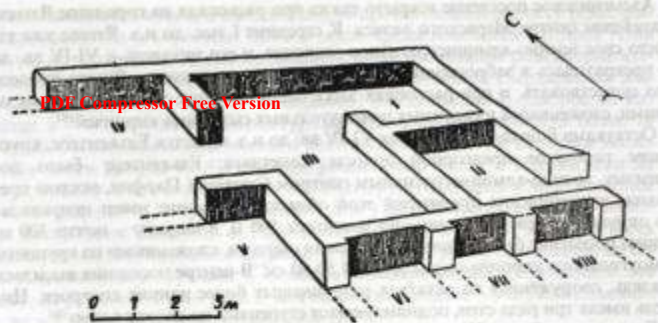
Остатками большого поселения VI-IV вв. до н.э. является Елькентепе, крупнейшее городище предгорной полосы Копетдага; Елькентепе было, по-видимому, военно-административным центром Северной Парфии, местом пребывания ахеменидских правителей этой области. Городище имеет неправильную округлую форму. В длину оно достигает 500 м, в ширину – почти 300 м. Древнее поселение было обнесено мощными стенами, сложенными из крупного прямоугольного кирпича-сырца длиной 50-60 см. В центре поселения высилась цитадель, сооруженная на остатках разрушенных более ранних построек. Цитадель имела три ряда стен, поднимавшихся ступенями по склону холма¹⁰⁸.

Благодаря работам Хорезмской экспедиции памятники ахеменидского времени стали известны и в Хорезме. Один из них – недостроенный дворец сатрапа в Калалыгыр I – уже рассматривался выше. Другой, более ранний – городище Кюзелигыр (на левом берегу Амударьи) – расположен на естественной возвышенности и в соответствии с ее очертаниями имеет подтреугольную форму. Его максимальная длина – 1000 м, ширина – немногим более 500 м. Как показали раскопки, городище было окружено двумя параллельными стенами, между которыми помещался коридорообразный проход. Внешняя стена была укреплена башнями. К внутренней стене вплотную примыкали разнообразные жилые постройки, возведенные из крупного кирпича-сырца прямоугольной и квадратной формы, а иногда и из битой глины – пахсы¹⁰⁹.

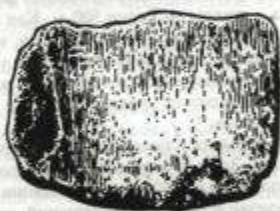
Еще один памятник ахеменидского времени – поселение близ Дингильдже – расположен в правобережном Хорезме. Здесь в результате раскопок вскрыто большое многокомнатное здание площадью 2600 кв.м. В здании обнаружено 17 жилых, хозяйственных и производственных помещений различной величины. Это здание было окружено внешней стеной, достигавшей двухметровой толщины. Стены его были сооружены из крупных квадратных и прямоугольных, но по пропорциям близких к квадратным, сырцовых кирпичей¹⁰⁶. Датируется эта постройка концом V – первой половиной IV в. до н.э.¹⁰⁷

Археологические материалы, необходимые для характеристики поселений других областей Средней Азии VI-IV вв. до н.э., пока малочисленны. В Согде к ахеменидскому времени помимо городища древнейшего Самарканда – Афрасиаба относится и Еркурган в долине Кашкадарьи. Афрасиаб, как уже говорилось, занимал более 200 га, Еркурган – около 35 га. В отличие от Афрасиаба Еркурган, как будто бы, не имел цитадели, хотя, как и Самарканд, уже в VI-IV вв. до н.э. был окружен крепостными стенами¹⁰⁸. К сожалению, пока что нижние слои обоих этих городищ, существовавших и позднее, изучены еще слабо. Плохо знаем мы сейчас и сельские поселения ахеменидского времени в Согде, хотя уже немало мелких домов и усадеб отмечено археологами и в долине Зеравшана, в среднем и нижнем его течении, и на Кашкадарье¹⁰⁹. Как согдийские следует, по-видимому, рассматривать и те поселения VI-IV вв. до н.э., следы которых открыты таджикскими археологами на землях будущей Уструшаны и на левобережье Средней Сырдарьи (в г. Худжанде и к западу от него). В самом Худжанде исследователи относят к VI-IV вв. до н.э. нижние слои Худжандской цитадели и, в частности, остатки крепостных стен,

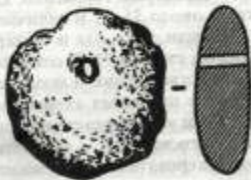

Древнебактрийский дом (Калашайр)

I

0 5 см

0 1 см

Орудия из слоя Кабадиан I (Калашайр)

окружавших квадратную в плане площадь города (около 20 га) с цитаделью (площадь около 1 га)¹¹⁰. Слой того времени отмечены и на городищах Ширин, Мугтепе (в г. Ура-Тюбе) и Нуртепе (севернее г. Ура-Тюбе). Последнее располагалось на высокой горной гряде. Возникло оно, по мнению Н.Н. Негматова и его соотрудников, еще в VII в. до н.э. В VI-IV вв. до н.э. Нуртепе представляло собой город (площадью до 18 га) с цитаделью и крепостной стеной из пахсы и кирпича-сырца. Население Нуртепе занималось земледелием и ремесленным производством¹¹¹. Поселение в Худжанде считается крепостью, ставшей основой для Александрии Эсхаты, а Нуртепе – городом-крепостью Хватак.

В Бактрии большие города VI-IV вв. до н.э., кроме Бактр (Балха), пока практически не изучались. Из сельскохозяйственных усадеб полностью раскопана Кызылча 6 в Шурчинском районе Узбекистана. Известно и несколько других мелких поселений в бассейне Сурхандарьи¹¹².

Часть постройки этого времени была раскопана (первой в Северной Бактрии) и на городище Каламир в низовьях реки Кафирниган. Эта постройка представляла собой многокомнатный дом со стенами, сложенными из крупного кирпича-сырца¹¹³. Из открытых недавно отметим городище Байтудашт IV в Пянджском районе.

Городище Байтудашт IV

Городище расположено на правом берегу Гурдасая в Пянджском районе Хатлонской области. Оно имеет овально-ромбическую форму, его площадь около 10 га. С восточной стороны находятся остатки городской стены в виде вала высотой 2-3 м, длиной 40 м. Поверхность городища сглаженная, имеются лишь небольшие всхолмления. Осуществлены 3 раскопа, общей площадью 450 кв.м. Наиболее интересным является раскоп I, заложенный на одном из наиболее хорошо сохранившихся холмов. Раскоп выявил остатки уникального монументального здания, прямоугольного в плане и состоящего из четырех изолированных помещений, соединенных между собой коридором, вытянутым по линии север-юг. В нескольких комнатах зафиксированы алтари, возвышающиеся над широкими суфами, в других – углубленные в пол очаги. Отмечено три уровня пола, что говорит о длительном существовании здания. Перекрытие, очевидно, было балочным с накатом в передней части и конструкцией, близкой к памирским “дарбази” над алтарями. Есть основание видеть в раскопанном объекте культовое сооружение ахеменидского времени, не имеющее аналогий на территории Средней Азии.

Находки представлены фрагментами керамики: хумов, хумчей, кубков, блоков. Первые имеют прямоугольный и клювовидный разрез венчика и цилиндрическое тулово. Кубки и бокалы представлены фрагментом донца и обломком цилиндрико-конического тулова. Керамический набор позволяет датировать описанное сооружение VI-V вв. до н.э.

Все перечисленные выше оседлоземельские поселения Средней Азии VI-IV вв. до н.э. имеют много общего. Насколько позволяют судить известные сейчас данные, во всех среднеазиатских областях наряду с глинобитными (пахсовыми) кладками широко применялся крупный прямоугольный кирпич-сырец, на смену которому уже в конце ахеменидского времени пришел сырцовый кирпич подквадратной или квадратной формы; в последующее время, вплоть до раннего средневековья, в ряде областей он стал основным строительным материалом среднеазиатской архитектуры. Но более всего сближает эти памятники найденная при их раскопках керамика, особенно характерные

сосуды цилиндрической или цилиндро-конической формы, изготовленные на гончарном круге и покрытые обмазкой – ангобом. Сходство этой посуды столь велико, что есть основание говорить об известном единообразии керамического инвентаря Бактрии, Согда, Маргяны, Парфии и Хорезма в период их вхождения в состав Ахеменидского государства¹¹⁴.

В Чирчик-Ангренской долине (Ташкентский оазис), в Фергане и сакских районах Средней Азии, не входивших в состав этого государства, керамика рассматриваемого типа не была распространена. Это наблюдение наводит на мысль, что распространение цилиндрической и цилиндро-конической керамики в VI-IV вв. до н.э. можно связывать с утверждением здесь ахеменидского господства. Однако, поскольку подобная керамика не характерна для центральных областей Ахеменидского государства, вопрос о поразительном сходстве керамических комплексов разных среднеазиатских областей VI-IV вв. до н.э. пока еще считается открытым¹¹⁵, хотя происхождение их от более ранней керамики юга Средней Азии теперь признается всеми исследователями. Думается, что решение вопроса достаточно просто: так как завоевания Ахеменидами сначала затронули юг Средней Азии, то именно бактрийско-маргянские керамические традиции (а может быть, и гончары) породили сходство керамических комплексов ахеменидских областей на северо-востоке их державы (в отличие от архитектуры, торевтики и иных искусств придворных кругов не требовалось копировать прототипы Персии).

Памятники Чирчик-Ангренской долины и Ферганы

С иным кругом культурных традиций связаны памятники VI-IV вв. до н.э. в Фергане и Чирчик-Ангренской долине (в Чаче). В Чирчик-Ангренской долине к этому времени прекращается существование бургулюкской культуры. Поселения этой культуры с землянками, а возможно, и с постройками из сырцового кирпича характеризуются глиняной посудой, изготовленной от руки при помощи шаблона – мешка с песком. Наиболее распространенной формой сосудов в поселениях бургулюкской культуры были полусферические чаши и шаровидные горшки. Сосуды иногда расписывались полосками краски¹¹⁶. М.И.Филанович относит к заключительному этапу бургулюкской культуры, который она датирует VI-IV вв. до н.э., нижний слой городища Шаптепе на арыке Джун (в Ташкенте)¹¹⁷. Если она права, Шаптепе – первое поселение древнейших земледельцев в этом районе.

Памятники VI-IV вв. до н.э., обнаруженные в Фергане, более многочисленны; к ним относятся поселения и могильники. Среди них наиболее изучены городище Эйлатан и погребения Актамского, Кунгайского и Ниязбатырского курганных могильников.

Городище Эйлатан расположено в восточной части Ферганской долины, в междуречье Нарына и Карадарьи. Относится оно к VI-IV вв. до н.э. и представляет собой весьма своеобразное поселение, напоминающее огромные скифские городища Северного Причерноморья. Эйлатан состоит из двух частей: внутреннего, укрепленного стенами, безцигальского поселка площадью примерно в 20 га и охваченной внешним валом, незастроенной территории в 200 га, предназначавшейся, очевидно, для скота, который сгоняли сюда, когда надвигалась военная опасность. Во внутренней части Эйлатана во время раскопок были обнаружены остатки постоянных наземных построек. Керамика Эйлатана, как и бургулюкская, резко отличается от цилиндрической и цилиндро-конической посуды других оседлоземледельческих областей Средней Азии рассматриваемого периода. Как и в Чаче, здесь найдена летняя по-

суда, изготовленная на матерчатом шаблоне, хотя наряду с ней в Эйллатане была уже и гончарная ремесленная посуда, по своим формам, однако, также совершенно непохожая на цилиндрическую и цилиндро-коническую; эта керамика, изготовленная на гончарном круге, повторяет формы лепной. Как и в Чаче, здесь были широко распространены круглодонные чаши и горшки. Встречаются также сосуды с росписью¹¹⁸.

Керамика этого типа встречается также в других поселениях восточной части Ферганской долины.

С оседлыми земледельцами Ферганы, оставившими керамику того же, что и в Эйллатане, типа, связаны и могильники. Один из таких могильников – Актамский – расположен в 9 км к югу от г. Ферганы. Здесь раскопан 31 курган с каменными насыпями. В “малых” курганах открыто по одной могильной яме, в “длинных” обнаружено от трех до девяти ям с захоронениями. В каждой яме лежало от одного до четырех скелетов. Погребенных обычно укладывали на спину, головой на запад. Под голову погребенному часто помещали овальные гальки – своеобразные каменные “подушки”. Рядом с покойником ставилась глиняная посуда. В погребальный инвентарь входили железные браслеты, буданки, бусы, серьги, а также стрелы с бронзовыми наконечниками и железные ножи. Керамика похожа на эйллатанскую и составляет с нею единую группу, хотя посуда Актама кажется более однородной и нарядной (здесь больше расписной посуды); и то и другое объясняется, по-видимому, назначением актамских сосудов – служить погребальным инвентарем¹¹⁹.

Сходный с Актамским Низобатырский могильник обнаружен в Андижанской области Узбекистана. Здесь найдены такие же курганы с каменными насыпями – “длинными” и “малые”, воздвигнутые над погребальными ямами¹²⁰.

К середине I тыс. до н.э. относится и Кунгайский могильник, расположенный в 40 км к юго-востоку от г. Ферганы. Здесь были также вскрыты курганы двух типов “длинных” – вытянутые до 30 м с севера на юг, и “малые” – округлые, диаметром от 3 до 12 м. В “длинных” курганах найдено от 3 до 11 погребений, в “малых” – от 1 до 3-х. Инвентарь кунгайских погребений сходен с актамским, но по устройству погребений эти могильники различны: в Кунгайском покойников помещали в каменные “склепы”, сложенные из булыжника. Эти различия объясняются, по-видимому, тем, что в Актамском и Кунгайском могильниках хоронили людей из разных групп родственного населения, обитавшего в Фергане VI-IV вв. до н.э.¹²¹ Сейчас известно уже более десятка аналогичных могильников, в том числе Суфанский (в 15 км к северо-востоку от г. Ферганы)¹²² и Даштнашт (в Ленинабадской области)¹²³.

Поселения и могильники с керамикой эйллатано-актамского типа свидетельствуют о том, что в VI-IV вв. до н.э. в Фергане, равно как и в Чаче, жило оседлое земледельческое население, придерживавшееся, однако, иных культурных традиций, чем жители Бактрии, Согды, Маргианы, Парфии и Хорезма. Корни этих традиций уходят в местную ферганскую культуру эпохи бронзы II - начала I тыс. до н.э. Памятники Ферганы VI-IV вв. до н.э., таким образом, характеризуют новый этап развития древней местной ферганской культуры.

Памятники саков Памиро-Алая

Культура Ферганы VI-IV вв. до н.э. оказала сильное влияние и на скотоводческие, вернее всего, сакские племена Памиро-Алая, что подтвердилось вещами, найденными в ряде вскрытых здесь памятников рассматриваемого периода.

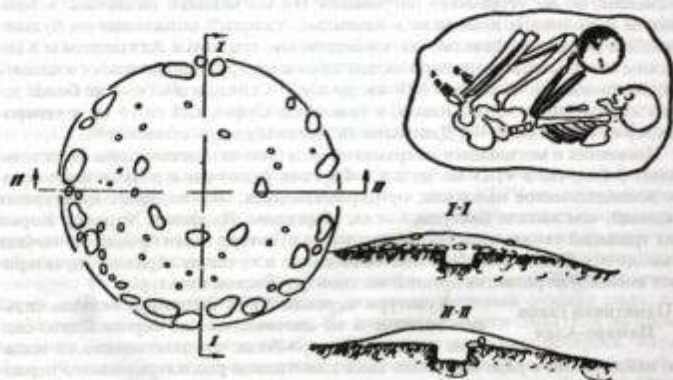
Таковы, например, ритуальные “курганы” Тулейкенской группы (в 10 км к северо-западу от г. Ош). Эта группа насчитывает 22 полусферические ка-

менные насыпи, не содержавшие ни могильных ям, ни погребений; в этих, скорее всего, поминальных насыпях при раскопках были найдены глиняные сосуды, сходные с ферганскими. Полусферическая чаша с росписью ферганского типа найдена также в сакском погребении в ущелье Шарт в Чоналае¹²⁴.

PDFCompressor Free Version
 Инициалами Ферганы VI-IV вв. до н.э. обнаружены и в курганных погребениях кочевых племен, заселявших в то время районы Центрального Тянь-Шаня. Так, в могильниках Аламышском (к западу от г. Нарын) и Джергетальском (на р. Джергетал, притоке р. Алабуки, между Узгеном и Нарыном) в погребениях под земляными, обложенными каменными концентрическими кольцами, насыпями, покойники часто лежали головой на "каменной подушке", а помещенные рядом с ними лепные круглодонные сосуды – чаши и горшки – напоминали по форме и технике изготовления зылатано-актамскую посуду¹²⁵.

Своеобразную группу памятников VI-IV вв. до н.э. представляют курганные могильники Восточного Памира, принадлежавшие сакским племенам. Работами А.Н. Бернштама в 1946-1948, 1952 и 1956 гг.¹²⁶, а затем (с 1958 г.) Б.А. Литвинского и его учеников¹²⁷ на Памире раскопано свыше 260 курганов и культовых мест.

Над сакскими погребениями Восточного Памира возводились земляные или каменные насыпи, часто окаймленные двумя или несколькими рядами камней. Погребенные лежали на боку в скорченном положении, причем их иногда посыпали охрой, так что при вскрытии костяк оказывался окрашенным в красный цвет. В могилу вместе с покойником часто помещали богатый погребальный инвентарь: глиняные круглодонные чаши и горшки (сходные с керамикой кочевников Тянь-Шаня и Семиречья, а также Чача и Ферганы); предметы вооружения – железные кинжалы-акинаки, деревянные стрелы с наконечниками из бронзы, железа, кости и дерева, деревянные гарпуны; украшения – разнообразные бусы и поделки из бронзы, преимущественно детали конского убора.

План и разрез сакского кургана на Восточном Памире

Посуда из сакских курганов Восточного Памира

**Изобразительное
искусство**

Искусство Средней Азии VI-IV вв. до н.э. в настоящее время характеризуют отдельные вещи из "Амударьинского клада" (иначе "Клад Окса") и храма Окса на городище Тахтисангин, бронза сакских могильников Памира и Приаралья, а также отдельные находки бронзовых предметов. Свообразными образцами орнаментального искусства являются и расписные глиняные сосуды Ферганы.

"Амударьинский клад" представляет собой коллекцию золотых и серебряных вещей и монет, купленных около 1877 г. бухарскими купцами в Кабадиане, через который они проезжали по пути в Индию. Местные жители сообщали купцам, что все эти вещи найдены "вместе в земле". Бухарские купцы приобрели эту коллекцию, намереваясь прибыльно перепродать ее индийским ювелирам. В конечном счете это им удалось, хотя по пути в Индию кабадианские находки успели побывать еще и в руках у разбойников. Позднее значительная часть этих вещей оказалась в руках английских чиновников и лишь после долгих странствий попала в Британский музей в Лондоне. Понятно, что в состав "Амударьинского клада" (как назвал это собрание издавший его английский исследователь О.М. Дальтон) за время, прошедшее со дня покупки бухарскими купцами в Кабадиане до поступления в Британский музей, могли попасть разные вещи. Однако основу этой коллекции составили предметы, действительно найденные в Северной Бактрии¹²⁸. Более того, как установлено исследованиями И.Р. Пичикяна¹²⁹, "Амударьинский клад" представляет собой часть сокровищ храма Окса, возведенного, видимо, в конце IV в. до н.э. на городище Тахтисангин, в месте слияния рек Пяндж и Вахш, на юге Таджикистана. Сокровища же этого храма состояли из votивных подношений храму и божеству Окса (Вахшу). В их числе могли быть и дары древних бактрийцев, а также людей эллинистической и даже кушанской эпох (храм существовал долго, вплоть до первых веков н.э.).

Среди вещей "Амударьинского клада" выделяются группы изделий доахеменидского времени, созданные мастерами из Западного Ирана, — предметы царского и сатрапского достоинства Ахеменидов, и, наконец, произведения

*Золотая фигурка жреца
(Амударьинский клад)*

из Малой Азии, изготовленные до походов Александра Македонского. Наряду с ними Б.А.Литвинский и И.Р.Пичихин определили и группы собственно бактрийского и "скифо-сибирского" производства. Предметы трех первых групп могли попасть в Бактрию не только с войсками Александра Македонского, но и в виде военных трофеев, принесенных на родину бактрийскими воинами – участниками походов ахеменидских отрядов, а то и как царские подарки или посвящения сатрапов той поры. В любом случае эти изделия далеких западноазиатских мастеров вряд ли позволяют судить об искусстве Бактрии VI-IV вв. до н.э. Но не исключено, что они могут свидетельствовать о вооружении, одежде, украшениях и утвари бактрийских сатрапов (вспомним, что они были родственниками "царя царей") и их ближайшего окружения: неудивительно, если здесь господствовали имперская мода, стиль и эстетические вкусы. Отдельные находки в храме Окса свидетельствуют, что и после изъятия из этого храма "Амударьинского клада" (произошло ли это в древности или в XIX в. н.э.), какая-то часть изделий этих групп осталась в его руинах.

Для характеристики собственно бактрийского искусства особенно интересны изображения на золотых пластинках, выгравированные или прочерченные. Более 50 таких пластинок найдены в "Амударьинском клада", но три обнаружены при раскопках храма Окса на Тахтисангине. На них изображены жрецы, воины, донаторы (дарители), державшие в руках связку прутьев (барсом), цветы или оружие, а также посвященные животные – верблюд или лошадь. Пластинки складывались втрое или пополам, вероятно, перед тем, как их вкладывали в какое-томестилище или в нишу храма, посвящая божеству и прося у него исполнения просьбы. Качество изображений на пластинках очень разное. Наряду с высокохудожественными, выполненными квалифицированными мастерами, встречаются и не-

умелые рисунки, а есть и совершенно гладкие пластинки, возможно – заготовки. Несомненно, что если не все, то по крайней мере большинство пластинок изготовлены на месте – в Тахтисангине.

Золотая модель колесницы (Амударьинский клад)

Показательна, например, одна из пластинок, найденная в храме Окса. На ней изображен мужчина, ведущий верблюда (точнее, маленького верблюжонка), вероятно, в дар храму или божеству. Выполненное мастерски в рамках ахеменидского придворного искусства, это изображение в ряде деталей отличается от всех известных сейчас подобных сцен, что и позволило И.Р.Пичикову вполне обоснованно считать его произведением местного - бактрийского искусства ахеменидского времени. К изделиям местных мастеров относится, возможно, и ножны кивжала, изготовленные из слоновой кости с изображением льва, держащего оленя, также найденные на Тахтисангине. Золотые пластины и костяные ножны из Тахтисангина, равно как и многие другие вещи храма Окса и "Амударьинского клада", напоминают образцы искусства Ахеменидского Ирана, что объясняется и прочным вхождением Бактрии в состав державы Ахеменидов, и родством бактрийцев и других ираноязычных народов Средней Азии с персами, и близостью их религиозных верований, отражавшейся, конечно, и на их искусстве.

На других изображениях "Амударьинского клада" четко видны элементы "скифского (или скифо-сибирского) звериного стиля", своеобразного приема передачи животных, получившего широкое распространение в искусстве кочевых племен Северного Причерноморья, южнорусских степей, Казахстана, Южной Сибири, равно как и сакских племен Средней Азии. Таковы небольшие золотые украшения - эгрет (на его выпукло-вогнутой пластине изображен лежащий фантастический львиный грифон)¹³⁰ и пластинка с рельефным изображением существа с головой хищной птицы и изогнутым телом змеи¹³¹ (в этом изображении, несмотря на значительную стилизацию, прекрасно переданы особенности, присущие именно хищной птице и змее).

Золотая пластинка (Амударьинский клад)

Судить об искусстве других земледельческих областей Средней Азии трудно из-за отсутствия достаточных материалов. Так, из Согды VI-IV вв. до н.э. пока не известно ни одного художественного произведения, а в Чаче найден лишь один памятник изобразительного искусства – бронзовый литой нож, ручка которого украшена рельефным изображением птичьей головы с изогнутым клювом; это изображение входит в круг памятников “скифо-сибирского звериного стиля”¹³². Произведения этого стиля господствовали в восточных и северных областях Средней Азии, где обитали скотоводческие (“сакские”) племена, и, видимо, в прилегающих к этим областям земледельческих районах (правда, в

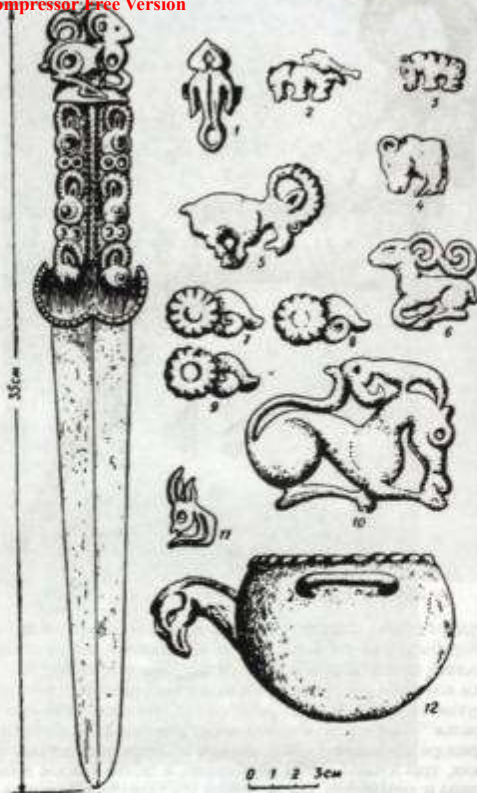

Ручка серебряного сосуда (Амударьинский клад)

низовьях Сырдарьи была найдена и половина ахеменидской печати с изображением сцены борьбы царя в зубчатой короне с крылатым львиноголовым трифоном – прекрасный импортный образец придворного искусства)¹³³. Это – возможные бляхи конского убора, фигурки на литых бронзовых котлах, фигурные украшения рукоятки кинжала и т.п., найденные при раскопках курганов Памира¹³⁴ и Приаралья¹³⁵. Как и в памятниках искусства кочевых племен Евразийского степного коридора (Великой Степи), детали изображений зверей, реальных и фантастических, трактованы всегда обобщенно, в целом каждое животное передается отчетливо и динамично. Подчеркнуты его характерные черты, общее впечатление о которых и хотели передать безвестные мастера, отливавшие эти изображения около двух с половиной тысячелетий назад¹³⁶.

Ахеменидский период был важным этапом в истории, истории культуры и искусства народов Средней Азии. Войдя в состав единого с западными иранцами могущественного государства, просуществовавшего более 200 лет (т.е. на протяжении жизни пяти-семи поколений), ираноязычные народы Средней Азии вошли в соприкосновение не только с персами и мидянами, но и с передовыми в то время культурами Ближнего Востока – вавилонской, египетской, малоазийской, греческой. Экономические и культурные достижения державы Ахеменидов легли в основу дальнейшего развития многих государств, существовавших позднее на землях

Находки из сакских курганов Восточного Памира

Передней и Центральной Азии. Так юридические нормы Ахеменидов пережили их державу и сохранились, в частности, в парфянской Нисе, Хорезме, разнесредневековом Согде. От иврейского письма официальных канцелярий Ахеменидов ведут свое происхождение парфянская, хорезмийская и согдийская письменности, просуществовавшие до арабского завоевания VII-VIII вв. н.э., а кое-где и столетиями позже. В архитектуре и искусстве эллинистической, кушанской и ранне-средневековой Средней Азии четко прослеживаются мотивы и элементы, восходящие к ахеменидскому времени¹⁷⁷.

Глава VI

БОРЬБА НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПРОТИВ
ГРЕКО-МАКЕДОНСКОГО ЗАВОЕВАНИЯНАЧАЛО ГРЕКО-МАКЕДОНСКОГО ВТОРЖЕНИЯ
В СРЕДНЮЮ АЗИЮРазгром
Ахеменидской
державы

Ахеменидская держава в процессе своей экспансии на запад столкнулась с греческими государствами, что привело в начале V в. до н.э. к греко-персидским войнам, окончившимся поражением Ахеменидов. Вместе с

тем между Грецией и Ахеменидской державой (особенно в ее западных сатрапиях) существовали весьма развитые экономические связи¹, что, в частности, нашло отражение и в денежном обращении². На протяжении IV в. непрерывные войны, династические распри и дворцовые перевороты очень ослабили центральную власть в Ахеменидском государстве и усилили сепаратистские устремления аристократической верхушки в провинциях. Экономическое развитие отдельных областей, включенных в состав Ахеменидской державы, способствовало их стремлению к самостоятельности. Народные массы вели неустанную борьбу против ахеменидского ига. Непрерывно вспыхивали восстания. Огромная Ахеменидская империя в 30-е годы до н.э. воистину являлась "колоссом на глиняных ногах"³.

Весной 334 г. Александр Македонский начинает войну против Ахеменидов⁴. Ядро его армии составляли 30 тыс. македонской пехоты и 5 тыс. конницы. К ним следует добавить 7 тыс. греческих пеших солдат, 600 фессалийских всадников, несколько сотен критских лучников. Армию сопровождали 160 военных кораблей. Армия противника была несравненно более многочисленной, тем не менее Александр Македонский одерживает ряд побед и захватывает всю западную часть державы.

1 октября 331 г. Александр Македонский в битве при Гангамелах нанес последнее решающее поражение ахеменидским войскам⁵. Здесь, как и в предыдущих сражениях, высокие боевые качества продемонстрировали среднеазиатские контингенты, особенно саки и бактрийцы, но и они не могли спасти положение. Путь для продвижения к сердцу Ахеменидской империи был открыт.

Александр Македонский захватил Вавилон. Затем пали Сузы, Персеполь, Пасаргады, были захвачены сокровища ахеменидских царей. В это время Дарий III отправился в одну из важнейших провинций своего государства — Мидию, правильно предположив, что Александр займется захватом более богатых и густонаселенных территорий⁶. В Мидии Дарий пытался вновь собрать войска и, вероятно, достиг в этом отчасти цели, если верить цифрам Книги Курни⁷, некоторых успехов, но ожидавшаяся помощь от скифов и кадусиев не была получена. Поэтому при приближении греко-македонских войск Дарий бежал из Экбатан. Его сопровождали около 3 тыс. всадников и до 6 тыс. пехотинцев⁸.

*Дарий III. Царь Ахеменидской державы.
Сцена сражения с Александром Македонским. Фреска из Помпей*

Во главе отряда, сформированного из конницы и пехоты, Александр начал преследование. Быстрота передвижения привела к тому, что, придя на одиннадцатый день в Рагу⁹, он был вынужден дать утомленным войскам многодневный отдых. Войско Дария между тем значительно поредело¹⁰.

Преследуя Дария, Александр двинулся к Каспийским воротам. Здесь от перебежчиков он узнал, что в ахеменидском лагере произошел мятеж, который возглавили Набарзан, сатрап Бактрии Бесс и сатрап Арахосии и Дрангианы Барзаент¹¹. Инициатором, видимо, с самого начала выступил Бесс. В

результате на его сторону перешла значительная часть персидских войск. Дарий был арестован восставшими, лишен власти и убит.

Итак, Дарий III оказался совершенно неспособным организовать оборону против греко-македонских войск. Неудачный ход войны с Александром Македонским воспринимался в то время как результат военной беспалаиности ахеменидского царя, ему дожили были ставить в вину его поразительную нерешительность и трусость. Все это прекрасно понимали его приближенные, которые и решили избавиться от него. Их поддержала основная часть войска¹².

Возглавлявший мятеж против Дария сатрап Бактрии Бесс был его родственником¹³. В битве при Гавгамелах он командовал бактрийцами, согдийцами, какими-то индийскими пограничными племенами, а также руководил саками¹⁴.

Александр Македонский в сцене сражения с персами. Фреска из Помпей

Власть перешла в руки Бесса по тому, что возглавлявшиеся им бактрийские отряды при отступлении из Гавгамел сохранили боеспособность¹⁵, а за его спиной стояла наиболее мощная на востоке Бактрийская сатрапия. Через некоторое время Бесс принял царский титул, провозгласив себя Артаксерксом, "царем Азии" и начал собирать войско, в частности из скифов (т.е. савков) и "других народов, живущих у Танаиса" (Сырдарья)¹⁶.

Диодор излагает эти события следующим образом: "Тем временем после кончины Дария, ускользнув вместе с Набарзаном и Барзасентом и многими другими из рук Александра, пришел в Бактриану Бесс, давно назначенный Дарием ее сатрапом и ставший известным народу благодаря своему управлению; он призвал народ упорно отстаивать свою свободу. Он указывал, что страна у них очень трудна для вторжения и имеет достаточное количество защитников своей независимости. Бесс обещал руководить войной, и народ, убедившись, провозгласил его царем. Он же произвел набор воинов и приготовил много оружия"¹⁷. В значительной степени это сообщение повторяет Арриана и Квинта Курция. Однако только Диодор подчеркивает, что "провозгласил его царем народ". Это следует понимать не буквально, а лишь как отзвук каких-то мероприятий Бесса по укреплению (оформлению?) своей власти в качестве уже не сатрапа, а царя. Быть может, имело место какое-то публичное провозглашение его царем. Существенно также упоминание о действиях Бесса по подготовке обороны страны.

Греко-македонские войска продолжали тем временем планомерное завоевание восточных сатрапий. Много времени Александр потратил на завоевание Гиркании и прилегающих территорий Юго-Восточного Прикаспия. Затем он вступил в собственно Парфию, которая не оказала значительного сопротивления, так как к тому времени Фратоферн, сатрап Гиркании и Парфии, перешел на сторону Александра и был вновь назначен сатрапом этих областей (вероятно, тогда же)¹⁸. Обеспечив себе тыл и дав отдохнуть войскам, Александр начал поход в Бактрию.

Бесс подготовился к отпору. Ему, очевидно, удалось сформировать коалицию восточных сатрапий, ядром которой была Бактрия (вместе с Согдианой). В эту коалицию вошли располагавшиеся рядом с ней Арея (в бассейне Герируда), а также области теперешнего Центрального и Южного Афганистана и Юго-Восточного Ирана, находившиеся в какой-то зависимости от могущественного сатрапа Бактрии. Было достигнуто соглашение и с сильными своей конницей кочевыми народами. Характерно, что в этой коалиции не приняли участия Парфия, а также некоторые персидские военачальники, в том числе Набарзан¹⁹. На основании этого можно предположить, что Бесс, очевидно, пытался опереться на аристократию племен и народов, находившихся на востоке Ахеменидского государства, и не предоставил руководящих постов бывшим приближенным Дария – персам-военачальникам. Вместе с тем Бесс, будучи сам представителем ахеменидского рода, принял тронное имя Ахеменидов – Артаксеркс, что должно было сразу сузить его политическую базу, ибо широкие народные массы весьма отрицательно относились к угнетавшим их более двух столетий Ахеменидам. У новоявленного царя было слишком мало времени, чтобы сформировать крупные воинские силы. С запада же надвигалось грозное войско Александра Македонского.

Структура греко-македонского войска и его вооружение

Македонская армия, пишет В.Тарн, состояла из тяжеловооруженных копьеносцев, как это было до того в греческой армии, и представляла комбинацию разных родов войск, каждый из которых имел специальное назначение²⁰.

PDF Compressor Free Version

*Александр Македонский в львином шлеме.
Слоновая кость. Храм Окса (Тахтисангин)*

Пехота и конница делились на тяжелую, среднюю и легкую. Ядром войска служила фаланга, в которую входило 16-18 тыс. человек. Воины этой тяжелой пехоты строились в 16 рядов. Каждый воин имел щит, меч и длинное 5-7-метровое копье. Воины задних рядов клали копья на плечи воинов предшествующих рядов. Такое построение применяли лишь при генеральных сражениях.

PDF Compressor Free Version

ниях. Фаланга была эффективной на ровной местности, малопригодной для действий на пересеченной и совершенно непригодной в горах. При правильном использовании, защищенности уязвимых флангов и тыла, фаланга могла противостоять нападению неприятеля и опрокидывать его тяжестью своего натиска (Полосин, X, V III, 29). Недаром в древности фалангу называли зверем, к которому нельзя приблизиться. Элиту македонской пехоты представляли гипасписты – специально отобранные опытные бойцы. У них было более легкое вооружение, благодаря этому и своей подготовке они обладали значительной маневренностью, быстротой, особенно они были незаменимы в условиях горной местности. Это была пехотная гвардия, из них набирались также телохранители, несшие службу при дворе. Наряду с этим в войске было также значительное количество легковооруженных лучников, копейщиков и пращников.

Тяжелое конное войско комплектовалось из представителей знати и состояло из восьми территориальных илов (эскадронов), причем первый эскадрон считался "царским", им командовал сам Александр.

Эти тяжеловооруженные всадники – конные гетайры, носили панцири и шлемы, кони были защищены броней. Такая конная масса обладала огромной ударной силой. Имелись средняя и легковооруженная конница, отдельный отряд конных лучников. Конница использовалась для фронтального прорыва (например, в битвах при Иссе и Гавгамелах), обходных маневров и преследования. В процессе сражений применялась та или иная комбинация тяжелой и легкой пехоты и конницы. Осуществлялась разведка, инженерное обеспечение. За армией следовали метательные и осадные машины. Имелись саперные подразделения. Существовал и флот, на котором мы останавливаться не будем. Во главе войска стоял Александр Македонский, при нем состоял совет (или штаб) из 10 человек.

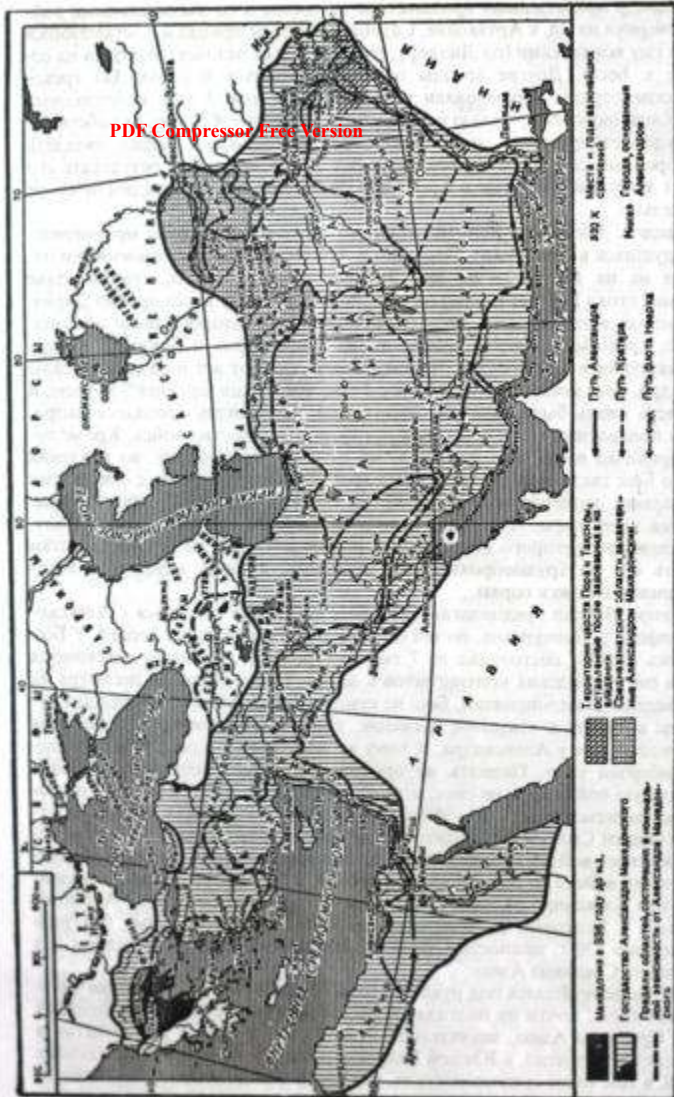
Следует отметить, что тяжелая пехота (фаланга) в войне в Средней Азии играла сравнительно незначительную роль, выступая в качестве заднего фона для более подвижных сил. При осаде среднеазиатских крепостей и в других случаях употреблялась древняя "артиллерия".

По словам Ф.Шахермайра, македонская армия была "величайшим достижением с точки зрения как организационной, так и военной".

В битве при Гавгамелах Александр имел 7 тыс. кавалеристов и 40 тыс. пехотинцев²¹.

В процессе войны в Средней Азии Александр Македонский вынужден был произвести большие изменения в организации своего войска, значительно увеличив удельный вес более подвижных легковооруженных пехоты и кавалерии. Одновременно произошли серьезные изменения и в тактике греко-македонского войска, в частности, кавалерии. Александр особенно много позаимствовал из тактики своих восточных противников.

Захват Бактрии Когда греко-македонские войска подошли к территории Ареи²² – первой из сатрапий, вошедших в анти-македонскую коалицию, она еще не была подготовлена к обороне²³. Поэтому ее сатрап Сатибарзан встретил Александра в г.Сусия и изъявил покорность. Оставив его сатрапом, Александр двинулся дальше. Именно в это время, по Арриану, были получены сведения о провозглашении Бесса царем и о сборе им войск. Это заставило Александра ускорить наступление на сторону Бактрии. Однако, видимо, близ восточных границ Ареи были получены сведения, что Сатибарзан поднял восстание и собирает войска в столице этой области – в Артакоане (вероятно, Герат или его район).

Завоевания Александра Македонского в Средней Азии

Александр приостановил продвижение на восток и со значительными войсками повернул назад, к Артакоане. Сатибарзан боя не принял и с оставшимися верными ему всадниками (по Диодору, их было 2 тыс. человек) двинулся на соединение к Бессу. Другие аррейцы пытались укрыться в горах. Но греко-македонские отряды преследовали их и там, при этом 3 тыс. вооруженных аррейцев были окружены, частью истреблены, а частично обращены в рабство.

Не удовлетворившись этим, Александр Македонский решил овладеть всеми городами сатрапии, на что потратил целый месяц²⁴. В результате его жестоких действий восстание в Арее было подавлено, но, как увидим ниже, не окончательно.

Очевидно, Александр получил какие-то сведения о военных приготовлениях, ведущихся в Дрангиане, Гедросии и Арахосии. Поэтому он из Ареи отправился не на восток, а на юг. Это тем более понятно, что во главе Дрангианы стоял Барзаент, один из участников заговора Бесса против Дария. После похода в эти области, стратегической целью которого было обезопасить тыл, греко-македонские войска вновь направились в Бактрию, теперь уже оставшуюся в одиночестве. Чтобы отвлечь удар от нее и разделить силы Александра, Бесс послал Сатибарзана с 2 тыс. всадников (арейцев?) в Арею, и эта область вновь была охвачена восстанием. Александру пришлось направить для подавления этого восстания некоторое количество войск. Кроме того, он приказал выступить парфянскому сатрапу Фратоферну, во владения которого Бесс также послал своих эмиссаров. Сам же Александр с основными силами армии предпринял очень тяжелый поход через Гиндукушские горы. Перевалив через горы, Александр вышел к Драсаке, бактрийскому городу, местоположение которого определяется различно²⁵. Бесс не сделал попытки задержать его на труднопроходимых перевалах, а лишь опустошил местность, прилегающую к горам.

Впрочем, В.Тарн предполагает, что Бесс собирался сразиться с Александром в дефиле у Ташкуртана, но тот обошел дефиле и позицию Бесса²⁶. У Бесса имелось войско, состоявшее из 7 тыс. бактрийцев²⁷, каких-то оставшихся верными ему персидских контингентов и дахов. Таким образом, несмотря на ряд проведенных мероприятий, Бесс не сумел собрать достаточно сил для того, чтобы вступить в открытое сражение: у него было примерно в два раза меньше войск, чем у Александра. К тому же восстание в Арее было подавлено, Сатибарзан убит. Поднять же против греко-македонян массы, начать партизанскую войну Бесс не смог, а может быть, и не хотел. Поэтому он решил переправиться через Окс – Амударью. Вместе с ним были со своими отрядами согдийцы Спитамен²⁸ и бактрийский аристократ Оксарт. В состав переправившегося войска входили также согдийские всадники и дахи. Бактрийская же часть войска не последовала за Бессом, а рассеялась по своим селениям²⁹. Потом Александр овладел крупнейшими городами Бактрии – Аорном³⁰ и столицей – Бактрами и, преодолев сопротивление “остальных бактрийцев”³¹, весной 330 г. полностью захватил Южную Бактрию – плацдарм для нападения на Среднюю Азию.

Итак, развернувшаяся под руководством Бесса борьба на несколько месяцев, может быть, почти на полгода, оттянула вступление греко-македонских войск в Среднюю Азию, значительно измотав их. Вместе с тем события в Арее, а также, вероятно, в Южной Бактрии, показали народам прилегающих областей, в том числе среднеазиатских, что греко-македонские войска отнюдь не являются освободителями, что их приход несет новую, не менее тяжелую

форму угнетения. Участвуя в сражениях и стычках с греко-македонскими отрядами, среднеазиатские воины и их предводители (такие, как Спитамен, Оксарт и др.) близко познакомились с греко-македонским вооружением и тактикой. Поэтому, вопреки неоднократно высказывавшемуся (в том числе в советской литературе) мнению³², действия Бесса следует рассматривать как весьма по-PDF-Compressor-Free-Version доблестную борьбу народов Средней Азии против греко-македонских завоевателей, а борьбу "коалиции сатрапий" – как подготовительный этап к той всенародной войне, которая позднее разгорелась на территории Среднеазиатского междуречья.

Переправа через Амударью

Следующим шагом Александра Македонского была переправа через Амударью. Арриан повествует об этом следующим образом. После того как были захвачены

Бактры, а затем покорены и "остальные бактрийцы", греко-македонские войска двинулись к Оксу. В месте переправы река имела ширину около 5 стадий (т.е. 1113 м) и была очень глубока. Для устройства моста дерево пришлось бы привозить издалека, поэтому была организована переправа на турсуках; количества изготовленных турсуков было достаточно для того, чтобы войско переправилось за пять дней³³. Ряд дополнительных деталей сообщает Квинт Курций. Он красочно описывает ночные переходы греко-македонских войск по совершенно лишенной (на протяжении 400 стадий) источников воды пустыне. Воины выпили все вино и масло, которое нашлось в обозе. Добравшись до реки, истомленные жаждой шли так много, что умирали от этого. Он сообщает также, что потери в результате этого были более значительны, чем в какой-либо из битв Александра³⁴. Вопреки мнению И.Г.Дройзена и В.В.Григорьева³⁵, во всем описании этого отрезка похода у Квинта Курция нет "риторического преувеличения"³⁶.

До переправы греко-македонские войска прошли отрезок пути в 100 стадий, т.е. около 70 км, по пустынной песчаной местности и вышли к Амударье, где ширина ее достигала 6 стадий, т.е. свыше километра. Однако при отсутствии сведений об исходной точке этого марша (хотя ею были, вероятнее всего, Бактры) и при возможном изменении ширины реки за истекшее время отожествление описанной выше переправы с одной из переправ, существующих до настоящего времени, представляет большие трудности. Поэтому мнения исследователей расходятся. Большинство ученых полагает, что это произошло в Келифе³⁷, другие искали место переправы и в Чушкагузаре³⁸ и даже в Термезе³⁹. Но именно в районе Келифа занятие левого берега обеспечивает наступающему наибольшие преимущества. Даже при самой высокой воде берег почти не затопливается, а свойства почвы обеспечивают и во время затопления высокую проходимость⁴⁰. Река здесь сравнительно узкая, что соответствует сведениям Арриана, а течение – очень быстрое, что, впрочем, в более позднее время (середина XIX в.) не служило препятствием к функционированию крупнейшей на этом участке переправы через Амударью⁴¹. Однако есть аргументы и в пользу переправы между Термезом и Келифом. Хафиз Абу, автор XV в., упоминает между Термезом и Келифом переправу "пардагви", оговаривая, что слово это греческого происхождения и имеет значение "гостеприимный дом". Лингвисты подтвердили, что это действительно искаженное греческое слово, означающее "гостиница". В 30 км к западу от Термеза расположены переправы Шуроб и неподалеку Чушкагузар. Именно в районе переправы Шуроб Э.В.Ртвеладзе обнаружил городища Шуробкурган и Кампыртепе, на которых были слои III-II вв. до н.э. Именно здесь, по его

мнению, располагалась, начиная с эпохи бронзы, переправа через Оке – Амударью. Сохранившее же Хафизы Абру предание об основании Александром Македонским этой переправы свидетельствует, что именно здесь переправлялось войско Александра Македонского⁴².

Итак, переправа скорее всего состоялась у Шуроба, хотя, конечно, Келиф также не следует считать исключенным.

По Курцию, через некоторое время после переправы Александр Македонский подошел к маленькому городку, жителями которого были бранхиды, когда-то выведенные Ксерксом из Милета⁴³. Бранхиды соблюдали греческие обычаи, но говорили на двух языках и коверкали греческую обиходную речь. Они радостно встретили соотечественников. Но Александр Македонский велел разрушить город до основания и перебить всех жителей. И Курций заключает: “Так искупили грех предков потомки, которые сами никогда не видели Милета...”. Страбон, рассказывая о “скалах” Сисимитра и “Согдийской”, сообщает, что вблизи них находится город бранхидов, которые добровольно покинули родину вслед за Ксерксом, отдав ему храмовые сокровища. В другом месте Страбон пишет, что бранхиды ограбили и предали храм и ушли с Ксерксом, боясь наказания⁴⁴. Об этом рассказывает Плутарх, упоминает в оглавлении Диодор. Однако ни Арриан, ни Помпей Трог об этом событии не упоминают, тем не менее оно неоднократно отмечается в исторической литературе при описании походов Александра Македонского⁴⁵, причем Э.Шварц локализовал “город бранхидов” на месте Келифа⁴⁶; Б.Хад высказывал мысль о возможности чекана в этом городе некоторых из древних монет, вошедших в коллекции, составленные европейцами в Индии⁴⁷; другие исследователи говорили о влиянии бранхидов на развитие индийского искусства⁴⁸. К.В.Тревер на основании сообщений Квинта Курция сделала вывод о существовании в Средней Азии особого языка, представлявшего “смешение языка согдийского с языком греческим”⁴⁹.

Однако весь этот эпизод не представляется безусловно достоверным. Так, В.Тарн считает, что он был придуман Каллисфеном, а на самом деле, как говорит он, “Александр не встречал ни с какими бранхидами”. Хотя свое заключение В.Тарн аргументировал очень основательно⁵⁰, но его выводы полного признания не получили⁵¹. В новейших исследованиях приводятся аргументы в подтверждение того, что город бранхидов существовал на самом деле, и выявляются предположительные политические мотивы, которые повлияли на решение Александра об уничтожении бранхидов⁵².

Захват Бесса То, что Бесс даже не пытался помешать переправе – и тем самым потерял возможность или сорвать ее, или по крайней мере нанести чувствительный урон греко-македонским войскам, – было вызвано не его нерешительностью⁵³, а другими причинами. Судя по сообщениям источников, в антимакедонском лагере в это время произошли важные события. Очевидно, вскоре после переправы Александр Македонский получил известие от Спитамена и Датаферна о том, что Бесс якобы находится у них под стражей, и если Александр пришлет хотя бы небольшой отряд, то они выдадут Бесса Александру. Последний отправил очень крупный отряд во главе с Птолемеем, который и захватил Бесса. Как указывает Арриан, это сообщение замечено им из сочинения Птолемея. Но он приводит и другую версию, принадлежащую Аристову, по которой Спитамен и Датафери сами привели законного Бесса к Птолемею⁵⁴. Второй версии придерживается Квинт Курций, дополнив ее рядом, вероятно вымышленных, подробностей. Существенно, что он называет имя третьего “заговорщика” – Катана (или Катена)⁵⁵.

Все эти события были, по-видимому, связаны с "Наутакой в области Согдийской", куда, по Арриану, ушел Бесс, переправившись через Амударью²⁶. Местоположение и характер Наутайки тракуются разными исследователями совершенно по-разному; некоторые считают его населенным пунктом, другие – областью. Дройзен считал, что Наутайку надо искать в области Карши или Шахрисабза, допуская, что это скорее Карши. В. Гомашек предполагал, что Наутака – это Кеш – Шахрисабз. Шахрисабзом считал Наутайку и Ф.Шварц. Напротив, В.В.Григорьев полагал, что Наутака – название целого края, именно края к югу от Шахрисабза вплоть до Амударьи; по К.В.Тревсер – это область Кашкадарьи. Археологические данные также склоняют к тому, что область Наутака находилась в восточной части долины Кашкадарьи, а столица области помещалась вблизи современного г. Китаба, может быть на городище Узукур²⁷.

Описанным выше событиям К.В.Тревсер предлагает следующее объяснение: "Видимо, от Бесса решили избавиться, выдав его Александру, в котором пока еще видели борца против ненавистного персидского ига".

По Дройзену, Спитамен и его сподвижники актом выдачи Бесса намеревались "попасть в милость" к Александру. Напротив, В.В.Григорьев и У.Вилькен полагают, что дело тут было в недовольстве "малодушным и нерешительным" поведением Бесса со стороны тех участников движения, которые хотели вести борьбу гораздо активнее. К сожалению, из источников неизвестно, что произошло в Наутайке между недавними союзниками²⁸. Однако и Спитамен и его друзья в этот момент прекрасно знали, что Ахеменидского государства не существует, и они не могли относиться к Александру как к "борцу против персидского ига". Первая версия событий, изложенная Аррианом, основана на сочинении Птолея, непосредственно руководившего походом. Поэтому к ней нужно относиться с особым вниманием и доверием.

Судя по пересказу Арриана, внутри антимакедонского лагеря велась борьба: основная масса сгруппировалась вокруг Спитамена, но какая-то группа, впрочем, видимо, незначительная, осталась с Бессом. Позиция Спитамена и его соратников не оставалась неизменной: они не пожелали явиться к Александру, и, следовательно, все эти события отнюдь не были вызваны их мнимым желанием заслужить милость Александра. Возможно, что сложившаяся ситуация в какой-то степени напоминала изложение Дария III: Бесс, как в свое время Дарий, уже не являлся той фигурой, которая могла бы возглавить антимакедонское движение. Слабость его позиции в этот момент усугублялась еще и тем обстоятельством, что среди населения Согды он, перс и Ахеменид, не мог рассчитывать на такую широкую поддержку, как согдиец Спитамен, а ядро его бывшей сатрапии – Бактрии – было оккупировано греко-македонскими войсками. К тому же в неудачах предыдущего этапа борьбы он потерял личный авторитет и не мог уже возглавить антимакедонское движение. Однако уступить свое руководящее положение он не хотел, и Спитамен со своими соратниками вынужден был пойти (видимо, не без колебаний – на это намекает Арриан) на его устранение. Взятый в плен Бесс был подвергнут бичеванию, а затем отправлен в Бактрию.

По приказанию Александра Македонского местное население должно было доставить ему большое количество лошадей²⁹. Эта реквизиция не могла не настроить местное население против греко-македонян. Затем он двинулся к Марганде. Ф.Шварц высказал, вероятно, справедливое мнение, что путь греко-македонских войск пролегал не через перевал Тахтакарача, а по более легкой джамской дороге.

Оснащение войска среднеазиатских народов Завоеватели двинулись в центральные области Средней Азии. Что могли противопоставить среднеазиатские народности и племена греко-македонской армии?⁶⁰

Среднеазиатские племена обладали оружием ближнего боя, дальнего боя и имели оборонительные доспехи. Оружие ближнего боя включало несколько типов коротких мечей и кинжалов. В античных источниках упоминаются акинаки согдийцев и бактрийцев. Говоря же о массагетах и саках, Геродот и Страбон употребляют термин не "акинак", а просто "кинжал"⁶¹. Термин "акинак" античные авторы употребляют для обозначения короткого меча самых различных народов⁶².

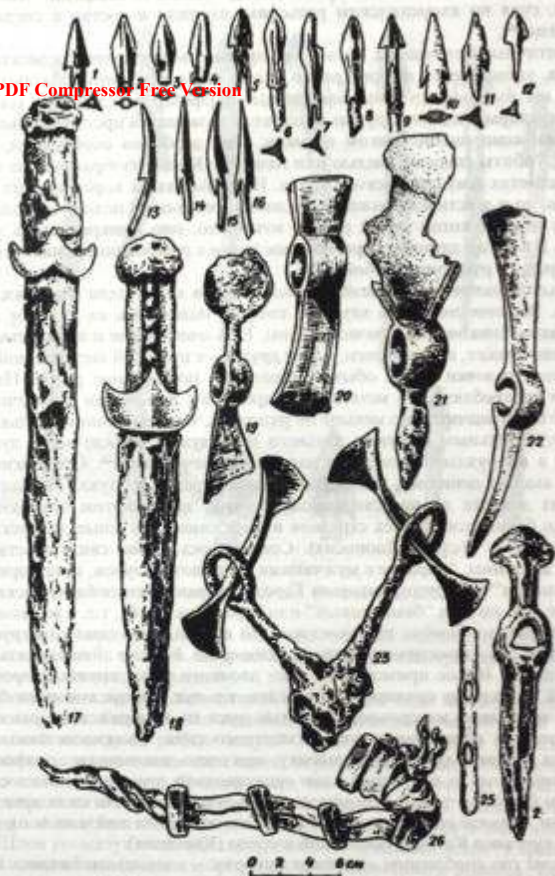
Эти короткие мечи, как показывают изображения на персепольских рельефах, были различны. Так, акинак персов имел расширяющуюся к перекрестию и наверху рукоять, боковые стороны которой были в форме дуг, а наверху – овально-выпуклые. Кинжал имел ножны, его носили на середине живота, засунутым за пояс. Мидийский акинак отличался от более скромного (во всяком случае, в части ножен) персидского. Парадный мидийский акинак имел прямую рукоять, иногда украшенную двумя сомкнутыми продольными ребрами по центру. Навершие овально-брусковидные с вписанным внутренним овалом. Ножны были гладкие или богато орнаментированные. Близкие по форме акинаки носили представители различных среднеазиатских народов, в том числе согдийцы и саки-тиграауды.

В это время уже выходят из употребления бронзово-железные акинаки (с бронзовой рукоятью) и наибольшее распространение получают акинаки железные с бабочковидным перекрестием и навершием в виде антенны и плоской рукоятью. Большой набор железных кинжалов найден при раскопках Тахтисангина. Их обычная длина 22-23 см. Были и парадные, богато украшенные железные кинжалы. В княжеском сакском захоронении IV в. до н.э. в могильнике Иссык с погребенным были железный кинжал и железный меч. У кинжала (длиной 48 см) навершие было в виде голов двух грифонов, обращенных клювами друг к другу. Это навершие и круглая в сечении рукоять были обтянуты золотом, вдоль клинка шли золотые полосы с миниатюрными изображениями животных. Меч был, примерно, в два раза больше кинжала, он также был инкрустирован золотом.

Судя по находкам в могильнике Можетап (Восточный Памир), ножны там были кожаными или деревянными. Ножны изготавливались также из металла (золото, бронза и др.), с металлической обивкой по деревянной основе, а также из кости и слоновой кости. В Амударьинском кладе есть замечательные парадные золотые ножны акинака с изображениями царской охоты на поверхности. Парадные ножны из слоновой кости найдены на Тахтисангине. На их лицевой плоскости изображен стоящий на задних лапах лев, держащий в передних лапах перед собой испуганного маленького оленя.

Как свидетельствуют не только персепольские рельефы, но и подлинные находки в курганах и изображения на золотых пластинах из Амударьинского клада, кинжал носили на правом боку⁶³.

Среди вооружения среднеазиатских народов упоминаются боевые топоры, которые греческие авторы обозначали термином "сагарис"⁶⁴. Известны медные секиры массагетов и секиры саков. Квинт Курций упоминает о двулезвийных секирах у барканцев (гирканцев). Изображение двулезвийного топора – клевица есть и на ахеменидских печатях. Удар боевым топором наносился в ближнем бою, причем воин держал топор одной рукой за самый конец рукоятки или же двумя руками, правой ближе к самому топору.

Оружие саков. Восточный Памир.

Разнообразные железные боевые топоры, кельсы, секиры обнаружены в могильниках Восточного Памира. Некоторые из них снабжены одним или двумя острыми лезвиями, другие – бойками. В близком бою это было поистине грозное оружие. Именно поэтому саки и массагеты применяли их очень

широко, а у греков боевые топоры ассоциировались со скифами⁶⁵. Но боевые топоры, судя по ахеменидским рельефам, входили в состав и согдийского вооружения⁶⁶.

В античных источниках копьё, как предмет вооружения среднеазиатских народов, упоминается неоднократно. Чаще всего фигурирует "короткое копьё" – PDF Compressor Free Version трифиды, парфяне, хорезмийцы, согдийцы, арии, гандхары, дадики. Оружие массагетов называется просто "копьём", оно было снабжено наконечником из меди. Про дербиков сообщается, что их "копья" "обиты спереди" медью или железом. Копья изображены на некоторых предметах Амударьинского клада. На рельефах на хорезмийских флягах IV-III вв. до н.э. есть изображение всадника с копьём. В походном положении всадник держит копьё левой рукой, возможно, оно прикреплялось к седлу ремнем. В бою же длинное хорезмийское копьё с ромбовидным наконечником воин держал в руке перед собой⁶⁷.

Большое количество железных наконечников копья дали раскопки Тахтисангина. Все они снабжены втулкой, которая надевалась на длинное древко. Типы наконечников копья разнообразны. Есть очень узкие и вытянутые, напоминающие ланцет, наконечники, есть и другие – с широкой листовидной головкой. Вдоль головки копья обычно проходило центральное ребро. Наряду с копьём употреблялись и метательные дротики с железными наконечниками, которые были значительно меньше по размерам, чем наконечники копья.

Наступательным оружием дальнего боя служил прежде всего лук, входивший в вооружение и оседлых народов, и кочевников⁶⁸. Среднеазиатские жители высоко ценились, как превосходные стрелки из лука. Так, античная традиция донесла до нас свидетельство, что "за Яксартом обитают саки, стрелами бьющиеся, из всех стрелков в мире самые искусные, не пускающие стрелу наудачу" (слова Дионисия). Сохранилось также свидетельство, что сакские женщины, "наравне с мужчинами стреляют из луков, назад притворяясь бегущими"⁶⁹. Термин, которым Геродот характеризует бактрийский лук, означает, что он был "бамбуковый" или "тростниковый", т.е. в его конструкции применялись бамбук или тростник. Но какова была сама конструкция и облик лука, пока практически ничего не известно. Можно лишь сказать, что в ахеменидском Иране применялись луки двоякого типа: крупный простой и меньший по размеру сложносоставной лук, т.е. лук, корпус которого был составлен из разных материалов. Простые луки на изображениях имеют вид дуги – это так называемые луки сегментного типа. Сложносоставные луки имеют на вершине дуги как бы выемку, они очень напоминают скифские луки. По-видимому, и в Средней Азии существовали простые и сложносоставные луки близкого типа⁷⁰. Среднеазиатские лучники носили свои луки в специальном футляре-горите, изображение такого горита найдено в одном из сакских курганов Кетменьтобинской долины (Киргизия).

Стрелы (по сообщению античных авторов, – словом) снабжались металлическими наконечниками. Хотя уже появились железные наконечники, абсолютное большинство их было бронзовыми. Бронзовые наконечники сильно различались по размерам и особенно по форме боевой части. Больше всего было тех, что имели втулку для надевания на древко, а головка была снабжена тремя лопастями, их называют "втульчатые трехлопастные". Целые серии таких наконечников обнаружены в курганах кочевников, немало найдено их и на поселениях⁷¹. Воины носили стрелы в кожаных и берестяных колчанах.

Стрелы из сакских погребений. Восточный Памир.

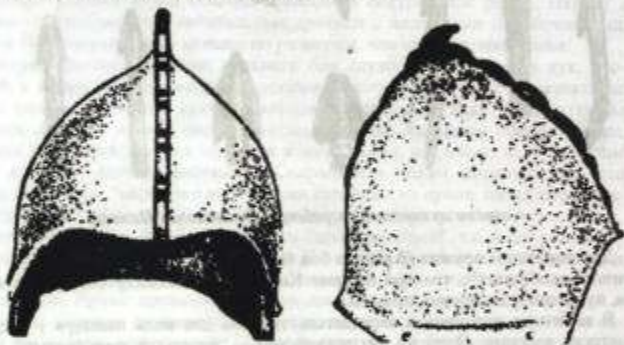
Другим видом оружия дальнего боя была, по всей видимости, праща. Источники сообщают⁷², что при штурме Кирополя Александр был ранен камнем, пущенным, очевидно, пращей.

В античных источниках засвидетельствовано два вида панциря у среднеазиатских народов. Один из них мидийский – “железный чешуйчатый” панцирь, похожий по виду на рыбу чешую” – был в употреблении у гирканцев. Другой панцирь из железных пластинок, скрепленных между собой рядами, известен у степных народов Средней Азии, им были “тщательно закрыты” в битве среднеазиатские скифы – саки или массагеты. “Панцирь” также упомянут отдельно у саков и массагетов (впрочем, может быть, имелся в виду конский доспех). Шлем упомянут лишь однажды, а именно “кожаный шлем” у ареев⁷³.

До нас дошло несколько изображений среднеазиатского доспеха. Таковы стилизованные изображения доспеха на роговой пластинке (Актамский могильник, Фергана) и на бронзовой скульптурной фигурке (Джамбульский музей, Южный Казахстан). По реконструкции М.В.Горелика, короткий защитный доспех состоял из двух частей: “пригнутой к телу нагрудно-наспинной части и расширяющейся книзу набедренной юбки”. Верхняя часть покрыта довольно крупными прямоугольными пластинками, нижняя – более мелкими. Вероятно, это изображение доспеха с кожаной или войлочной основой, к которой крепились металлические пластины. Представление о длинном

доспехе тяжеловооруженного всадника, а также о конском доспехе дает изображение из Хамбузтепе (Хорезм). Пластинчатый доспех всадника доходит до колен. Ноги, видимые ниже обреза доспеха, защищены поперечными пластинами, изображение датируется IV-III вв. до н.э.

ФФФ Compresses Fire Alarm доспехов. В Приаралье, на Чирикрабате (IV в. до н.э.) найдены части железного доспеха. Железные пластины крепились к мягкой основе и дополнительно соединялись друг с другом. Доспех включал цельнокованный стоячий воротник. Имелось металлическое оплечье. Рукава были из пластин – “браслетов”. Другой экземпляр найден в одном из помещений Тахтисангина. Он состоит из рядов прямоугольных пластинок с одним закругленным концом. Каждая пластинка налегает на соседнюю, каждый ряд – на нижележащий. Кроме того, найдено множество отдельных пластин различной формы. Помимо Тахтисангина находки пластин сделаны на Старой Нице и во многих других местах⁷⁴. Имелись также металлические шлемы, находки их сделаны в Самарканде и в Джамбульской области⁷⁵. Иной тип шлема представлен в изображении хорезмийцев на персепольских рельефах; он остроконечный, очень высокий, отогнутый назад, боковые выступы закрывали щеки и, очевидно, доходили до подбородка.

Сакский бронзовый шлем. Самаркандский музей.

В состав оборонительного доспеха входил и щит, который часто был кожаным (одно- трехслойным) на каркасе из деревянных кружков, кожаным с металлическим каркасом и др.⁷⁶

Данные, содержащиеся в Авесте, свидетельствуют, что защитные доспехи существовали уже у древних иранцев, очевидно и у народов Средней Азии. На сложение конструкции доспехов народов Средней Азии повлияло знакомство с доспехами передне- и средневосточных народов. У племен Скифии и Северного Кавказа в VI в. до н.э. сложился весь комплекс защитных доспехов. Ряд косвенных данных говорит о том, что приблизительно в это время появились доспехи и у среднеазиатских народов.

О времени возникновения в Средней Азии конской брони пока ничего определенного сказать нельзя, но характерно, что в Авесте конские доспехи

еще не фигурируют⁷⁷. Однако уже Геродот⁷⁸ сообщает о том, что кони массагетов были защищены медными нагрудниками. По мнению ряда ученых, в Иран, как и в Китай, конские доспехи попали из Средней Азии⁷⁹, лингвистические же **PDF-Compressor Free Version** среднеазиатское происхождение и индийских конских доспехов⁸⁰.

В среднеазиатском войске употреблялись боевые колесницы, в том числе, возможно, серпоносные⁸¹. Среднеазиатские народы имели уже легкую и тяжелую конницу, а также прекрасных боевых коней. Замечательными конными и пешими воинами были саки⁸². Сохранилось свидетельство, что сакские женщины "наравне с мужчинами стреляют из луков назад, притворяясь бегущими"⁸³ – следовательно, у саков женщины участвовали в сражениях. Высокие военные качества саков были прекрасно известны еще Ахеменидам.

Вооруженные силы среднеазиатских народов делились на пехоту и конницу, которые нередко объединялись в бою. Такой своеобразный прием комбинированной атаки описан Квинтом Курцием. В одном из сражений дахи, выделенные Спитаменом в резерв и укрытые в древесных зарослях, сидели по двое на одной лошади. Во время атаки, когда этот конный отряд приблизился к противнику, "дополнительные" всадники внезапно соскочили с лошадей и пешими приняли участие в конном сражении. При этом античный автор не без удивления отмечает, что быстрота бега пеших была равна скорости коней⁸⁴.

Среднеазиатская фортификация, возникшая в конце II тыс. до н.э., достигла к рассматриваемому времени больших успехов. Античные авторы сообщают, что в Средней Азии существовали большие, хорошо укрепленные города, внутри которых находились мощные цитадели (например, Мараканда, Кирополь и др.) и поселения. Особенно неприступны были крепости в горных районах. По-видимому, среднеазиатские войска употребляли уже и стенобитные машины⁸⁵.

Итак, к началу греко-македонского завоевания среднеазиатские народности имели богатый военный опыт, а их вооружение стояло на высоком для своего времени уровне и в некоторых отношениях превосходило вооружение войска Александра Македонского⁸⁶.

Следует иметь в виду одно немаловажное обстоятельство. Вовлеченные в орбиту военно-политических мероприятий Ахеменидской империи, крупные отряды представителей среднеазиатских народов на далеком западе постоянно участвовали в военных сражениях с греками, контактировали с греческими наемниками, которые были на службе у Ахеменидов. Эти отряды участвовали также в ахеменидско-македонских сражениях. Поэтому (по крайней мере часть) командного состава среднеазиатского войска была знакома с греко-македонским вооружением, организацией войска и тактическими приемами. Это позволило им вести боевые действия не "вслепую", а с учетом боевых возможностей греко-македонской стороны.

Народы Средней Азии, с древнейших времен известные свободолобием, защищали свою родину от иноземных греко-македонских припльцев. В этой войне жители Средней Азии, возглавляемые опытными и чрезвычайно энергичными вождями, сражались с поразительным мужеством. Однако раздробленность Средней Азии на множество различных владений, пестрый этнический состав населявших ее племен и народов⁸⁷, различие интересов аристократической верхушки и рядового населения – все это осложняло и затрудняло создание единого войска, единого командования и т.д. Греко-македонское же войско, напротив, было строго централизованным и обладало огромной ударной силой.

ПЕРВЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПРОТИВ ГРЕКО-МАКЕДОНСКИХ ВОЙСК

**PDF Compressor
Free Version**
Александром
Македонским
Мараканды

Итак, в Наутаки греко-македонские войска направились к столице Согде – Мараканде⁸⁸. Обстоятельства, при которых произошло занятие этого крупного города, совершенно не освещены основным источником – сочинением Арриана. Квинт Курций сообщает, однако, что, оставив тысячу солдат в качестве гарнизона Мараканды, “царь опустошил и сжег близкие селения”⁸⁹. Сопоставляя это известие с подробно описанными в источниках действиями Александра в отношении столиц других государств и с его последующими военно-политическими мероприятиями в Согде, можно предположить, что уничтожение “ближних селений” могло быть связано и с тем, что их жители принимали участие в оборонительных действиях против войск Александра. Разумеется, это только предположение. Однако высказывавшееся в литературе противоположное утверждение о том, что Мараканда была якобы занята без боя, также не подтверждается источниками.

Как писал Ф.Шахермайр, “уже само прохождение по стране войск с их фуражирами, реквизиторами, с постоем воинов и мародерством потребовало от этого не слишком богатого края тяжелых жертв. Такого “кровопускания” ждали раньше только от кочевников, а теперь явился новый “покровитель”, который отбирал запасы продовольствия, лошадей и скот иной раз не хуже каких-нибудь дахов или массагетов. К тому же чужестранцы пытались обосноваться надолго, они приносили свои обычаи и чужих богов, непомерное высокомерие и неоправданное чувство превосходства. Все это привело к тому, что зрела идея объединения перед лицом наступающего врага оседлых жителей и кочевников”⁹⁰.

**Первые воору-
женные выступ-
ления против
захватчиков**

Оставив в Мараканде гарнизон, Александр Македонский двинулся к Ферганской долине. Как сообщает Арриан, по дороге македоняне-фуражиры были убиты местным населением. Опасаясь репрессий Александра Македонского, местные жители – всего около 30 тыс. человек – укрылись в “крутых и скалистых” горах. Взяв часть своих войск, Александр двинулся на штурм. Используя преимущество позиций, местные жители успешно отражали ожесточенные атаки врагов. Греки понесли большие потери, был серьезно ранен и Александр. Однако греко-македонским войскам удалось подняться на возвышенность, где укрепились местные жители. Многие из них погибли во время сражения, другие, не желая попасть в руки неприятеля, сами бросались со скал вниз.

Жестокость греко-македонских захватчиков не знала границ – в живых осталось лишь 8 тыс., остальные 22 тыс. человек были уничтожены⁹¹. Даже эти скудные сообщения, как правильно заметил В.В.Бартольд, показывают, что “македонцы уже здесь, очевидно, имели дело с организованным восстанием, а не со случайным столкновением при фуражировке”⁹². Дальнейшие события изложены Аррианом очень кратко. Он рассказывает, что “приречные варвары” подняли восстание: они захватили расквартированные в их городах македонские гарнизоны, перебили их и приступили к укреплению своих городов⁹³. Но из его рассказа, а также из других источников непонятно, когда и каким образом были помещены в эти города македонские гарнизоны. Обыч-

но считается, что изложенные выше сообщения о возмущении местных жителей против греко-македонских фуражиров и об уничтожении гарнизонов, оставленных Александром в городах, касаются разных районов и что второе никак не связано с первым. Однако в сообщении Арриана об избиении македонских гарнизонов в этих городах (собственно – поселениях), по-видимому, объединено не одно, а два (или несколько) восстаний их жителей, так как Страбон (а это обычно не принималось во внимание) свидетельствует о “частых восстаниях” жителей главного города этой области – Киры⁶⁴ (Кирзахаты). Поэтому более логично объединить эти сообщения Арриана и следующим образом реконструировать происшедшие события.

Александр Македонский поставил свои гарнизоны во всех важнейших поселениях этой местности. Местное население перебило проводивших реквизиции македонских фуражиров, а также гарнизоны и организовало сопротивление греко-македонским войскам. Учитывая превосходящую силу вражеской армии, восставшие попытались для обороны использовать горы Туркестанского хребта, изобилующего превосходными природными позициями, но были разгромлены.

Уже И.Г.Дройзен локализовал район, где произошло сражение, на территории средневековой Уструшаны⁶⁵, т.е. по современной карте – на равнинном пространстве от Джизака до Пролетарска и в прилегающих местностях Туркестанского хребта. Принятое всеми исследователями мнение И.Г.Дройзена, безусловно, следует считать правильным.

Начало общего восстания Продвижение греко-македонских войск, естественно, вызвало беспокойство кочевых народов, живших на правобережье Сырдарьи. Здесь обитали сакские племена, которые в ахеменидских клинописных надписях носили название “саков, которые за Согдом”, а позднейшими греко-римскими авторами назывались сакарауками⁶⁶.

Возможно, сведения о завоевательном походе Александра Македонского проникли к гораздо более удаленным от Сырдарьи кочевым племенам. Во всяком случае Арриан говорит о прибытии к Александру послов от “скифов-абиев” и от “европейских скифов”. В источнике, которым пользовался Арриан, конечно, упоминались послы от скифов (т.е. саков), живущих за Танаисом (Сырдарьей). Но так как у древних авторов Танаисом назывался также и Дон, то и произошла путаница. На самом же деле это были представители саков, живущих именно за Сырдарьей. Александр отправил с ними своих послов под предлогом установления дружеских отношений. Основные задачи ответного посольства были чисто разведывательными – познакомиться со страной, числом скифов, их нравами и вооружением. Квинт Курций добавляет, что посольство должно было убедить “скифов” не переходить Танаис, т.е. Сырдарью, без разрешения Александра Македонского⁶⁷.

В то время как Александр пытался подчинить Западную Фергану, в его далеком тылу зрели события, коренным образом изменившие военно-политическую ситуацию. Согдийцы, побуждаемые теми, кто выступил против Бесса, т.е., очевидно, Спитаменом и его соратниками, подняли восстание. Одновременно произошло восстание в Бактрии, причем, по словам Квинта Курция, согдийцы увлекли за собой бактрийцев.

Арриан сообщает, что поводом для восстания в Бактрии послужило распоряжение Александра, чтобы все знати собрались в ее столице, “а от этого собрания они не ждали для себя ничего хорошего”⁶⁸. И.Г.Дройзен обратил

PDF Compressor Free Version

внимание, что этот съезд обозначен у Арриана тем же термином, каким называли обычные в Ахеменидском царстве ежегодные смотры. Однако до этого Александр Македонский ничего подобного не устраивал ни в одной из завоеванных частей Ахеменидского государства. Если учесть, что согдийская и бактрийская элита должна была быть прекрасно осведомлена о предыдущих меропритиях Александра, то это не могло не вызвать замешательства и тревоги. Подлинные намерения Александра остаются неизвестными, но во всяком случае тогда должен был показаться очень правдоподобным слух, что царь потребует к себе "всех бактрийских всадников", чтобы убить их.

Из сообщений Квинта Курция выясняется, что в организации восстания большую роль сыграл Спитамен и его сторонники. Ядро восстания составили 7 тыс. всадников, часть которых, вероятно, принадлежала к представителям согдийской и бактрийской аристократии.

Яркую характеристику Спитамену дал австрийский ученый Ф.Шахермайр: "... Нужен был человек, вдохновленный идеей сопротивления, готовый на все и способный быстрым успехом раздуть искры недовольства в пламя всеобщего восстания. Такого человека Согдиана обрела в лице Спитамена, подлинного защитника свободы и вместе с тем самого значительного из всех когда-либо противостоящих Александру полководцев. Спитамен ... принадлежал к местной знати. Уже при Бессе он занимал заметное положение и, вероятно, даже играл некоторую роль при выдаче последнего. Но сила проявляется в испытаниях; ведущая роль сама пришла к Спитамену вместе с успехами в борьбе"⁹⁹.

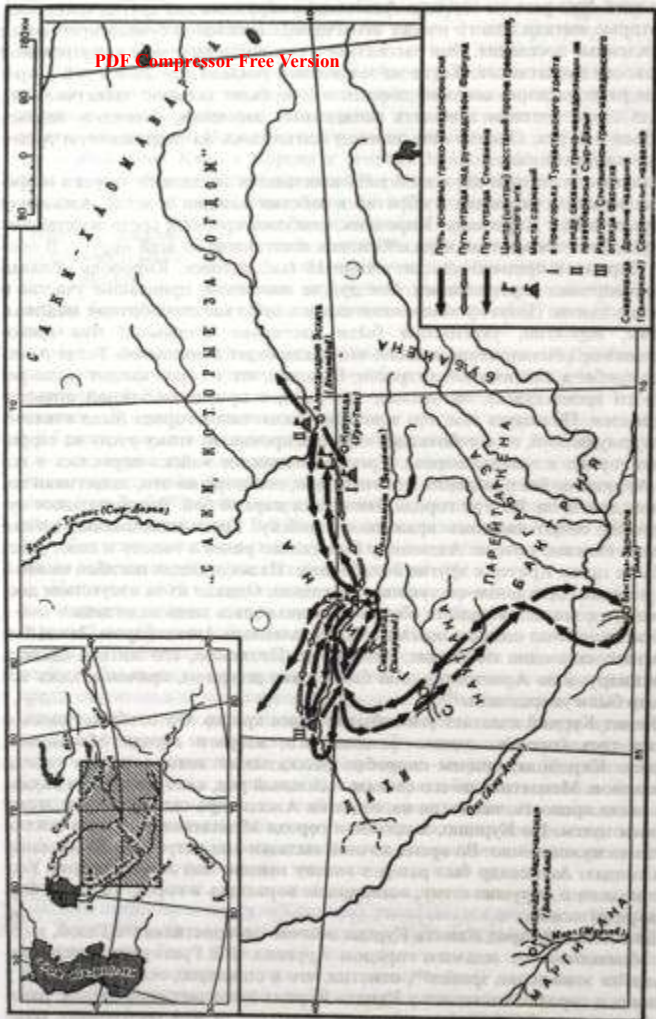
Для того чтобы создать оплот против свободолюбивых кочевников, Александр решил воздвигнуть укрепление в крайнем пункте, до которого он дошел. Имелось в виду, очевидно, не только военно-стратегические, но и политические цели¹⁰⁰.

Восстание семи уструшанских городов

Однако, если верить Арриану, Александру пришлось заняться совсем другим делом. Было получено известие, что в его ближайшем тылу – в захваченных городах, находившихся на территории позднейшей Уструшаны, – восставшие вырезали македонские гарнизоны¹⁰¹. Как указывалось выше, это было скорее всего второе восстание жителей городов.

Против них Александр двинул все имевшиеся в его распоряжении войска. Вероятнее всего, что он выступал из района современного Худжанда. Одного из своих близких соратников, Кратера, он направил против Кирополя, поставив перед военачальником задачу блокировать этот крупный центр, чтобы из него нельзя было отправить помощь другим восставшим поселениям. Сам же он возглавил осаду ближнего восставшего поселения – Газа, которое имело невысокие земляные стены.

В то время как часть греко-македонских солдат при помощи штурмовых лестниц пыталась взобраться на них, другие осыпали защитников стрелами и метательными камнями из пращей; приведена была в действие и тогдашняя "артиллерия". Не выдержав такого натиска, защитники Газа вынуждены были отойти внутрь поселения. Вскоре оно было захвачено. По приказу Александра мужское население было перебито, а женщины, детей и добычу забрали с собой. В этот же день Александр штурмом взял второе укрепленное поселение, причем и здесь имело место зверское поголовное истребление мужского населения и захват женщины, детей, имущества.

Первый этап борьбы народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков (схема)

На второй день греко-македонские войска захватили третье восставшее поселение. Еще раньше конница Александра окружила два других поселения. Некоторые жители одного из уже захваченных поселений сумели пробраться в осажденные поселения. Они рассказали о страшном разгроме и невероятной жестокости захватчиков. Когда же защитники увидели еще дым в той стороне, где располагалось соседнее поселение (оно было зажжено захватчиками), жители стали толпами покидать осажденные поселения, очевидно, надеясь укрыться в горах. Однако они повсюду наткнулись на беспощадную греко-македонскую конницу.

Захватив в течение двух дней пять восставших поселений, зверски истребив их мужское население и обратив в рабство женщин и детей, Александр двинул войска к Кирополю. Кирополь, наиболее крупный среди восставших городов, был тем местом, куда собрались восставшие со всей округи. В обороне Кирополя приняло участие около 18 тыс. человек. Кирополь обладал более мощными укреплениями, чем другие поселения, принявшие участие в этом восстании. Поэтому захватчики ввели в действие стенобитные машины. Однако, вероятно, укрепления были настолько мощными, что греко-македонское командование поняло, что осада будет длительной. Тогда Александр прибег к тактической хитрости. Выяснив, что в город входит русло реки (в то время сухое), он усилил, наверное, с противоположной стороны штурм стен. Пользуясь тем, что внимание захватчиков города было отвлечено штурмующими, он с небольшим отрядом проник по этому руслу на территорию города и открыл ворота. Греко-македонское войско ворвалось в город. Арриан не без удивления отмечает, что, несмотря на это, защитники города не дрогнули. Внутри города разгорелся жаркий бой. Его защитники мужественно сопротивлялись вражескому войску. Греко-македонские войска понесли тяжелые потери. Александр был тяжело ранен в голову и шею, ранены были также Кратер и другие полководцы. Из восставших погибло около 8 тыс. человек. Остальные отступили к цитадели. Однако из-за отсутствия достаточного количества воды ее оборона продолжалась лишь один день.

Кирополь был шестым поселением, захваченным Александром. Затем было занято еще одно поселение, причем, по Птолемею, его жители сдались Александру, а по Аристовулу, оно было взято штурмом, причем и здесь все жители были умерщвлены¹⁰².

Квинт Курций излагает эти события более кратко. Он сообщает лишь о взятии трех городов: одного безымянного, второго города Мемакенов, третьего Кирополя, причем подробно рассказывает лишь о взятии города Мемакенов. Мемакены, по его словам, – сильный род, который решил не сдавать свою крепость, несмотря на попытки Александра склонить их к этому мирным путем. По Курцию, защитники города Мемакенов вели себя исключительно мужественно. Во время ночной вылазки они истребили 50 македонских солдат. Александр был ранен в голову именно под этим городом. Устроив подкоп и обрушив стену, осаждавшие ворвались в город, который был затем разрушен¹⁰³.

Безымянный город Квинта Курция обычно отождествляют с Газой, а город Мемакенов – с седьмым городом Арриана. В.В.Григорьев, придерживающийся этой точки зрения¹⁰⁴, отметил, что в описаниях осады Кирополя у Арриана и города Мемакенов у Квинта Курция совпадает одна деталь: ранение Александра. Обращает на себя также внимание то, что, по Арриану, серьезные осадные работы Александр вел лишь при взятии Кирополя, тогда как

Квинт Курций относит их к городу Мемакенов. Наконец, по Квинту Курцию, этот город был по приказанию Александра разрушен, а по Страбону известно, что Александр приказал разрушить г. Киру (т.е. Кирэсхату) "за частые восстания его жителей"¹⁰⁵.

Если [PDF Compressor Free Version](#) трактовку источников и заключение об участии устришанских поселений в отпоре реквизициям, проводимым греко-македонскими фуражирами, описываемое здесь восстание должно было быть, собственно, вторым. Исходя из всего этого, можно высказать предположение, что в изложении Квинта Курция к "городу Мемакенов" отнесены события, фактически имевшие место при осаде Кирополя. Не исключено, хотя и менее вероятно, что вообще род Мемакенов жил в Кирополе и возглавлял восстание.

Итак, крупнейшим поселением и, собственно, городом в этой области был Кирополь, его называли также "Кира". Античный географ Клавдий Птолемей, говоря о горных городах Согдианы, упоминает расположенный на берегу Яксарта, несомненно, тот же самый город, но под названием Кирэсхата¹⁰⁶.

Над локализацией Кирэсхаты думали многие ученые. И. Дройзен первоначально предлагал отождествить Кирополь с местностью Курак, а позже – с Заамином. Ф. Юсти локализовал Кирополь на месте Ходжента, В. Гейгер – Коканда. Во второй половине XIX в. в русской науке, благодаря труду В. В. Григорьева, и в западноевропейской (исследования В. Томашека) утверждается мнение, что Кирополь – Курукада располагался на месте Ура-Тюбе. Это отождествление было подтверждено некоторыми лицами, хорошо знавшими Ура-Тюбе¹⁰⁷. Однако крупнейший авторитет в области исторической географии Средней Азии, В. В. Бартольд локализовал этот город в Шахристане¹⁰⁸. Большинство же советских ученых до недавних пор принимало локализацию Кирополя – Курукада на месте Ура-Тюбе¹⁰⁹.

Начиная с 1959 г., проводятся раскопки на городище Мугтепа (современное название древнего городища Ура-Тюбе). Шурфы достигли основания паховой платформы, где выявлен слой III-II вв. до н.э. – именно в это время происходит обживание возвышенности Мугтепа¹¹⁰. На основании этого можно было бы сказать, что археологические данные скорее свидетельствуют о предположительной локализации Кирополя в Ура-Тюбе, чем в Шахристане, где поселения столь раннего времени, несмотря на детальную археологическую изученность, не найдены. Однако археологами был обнаружен совершенно новый претендент на роль Кирополя – городище Нуртепе на левом берегу Нифманисая в местности Хаватаг Уратюбинского района. Это самое крупное из обнаруженных на этой территории поселений с цитаделью и могучими фортификационными сооружениями, толщина которых достигает 8 м. В V-IV вв. до н.э. город достиг значительного расцвета. Среди жителей города после греко-македонского завоевания, судя по находкам, могли быть и греки. Все это делает, при данной степени археологической изученности, вероятным предположение, что Кирополь располагался именно на Нуртепе¹¹¹.

Установить точное местоположение других восставших поселений представляется еще более сложным¹¹². Все попытки в этом направлении, включая точные схемы маршрута греко-македонских войск¹¹³, основаны на недостаточном фактическом материале. Исчерпывающее решение этого вопроса станет возможным лишь после выявления поселений IV-III вв. до н.э. на территории Уратюбинского района¹¹⁴.

Основание Александрией Эсхаты

В то время как греко-македонские войска самым жестоким образом расправлялись со свободолюбивыми жителями семи городов, были получены известия о дальнейшем развитии восстания в Согдиане, а также о том, что подошли "азиатские скифы", которые собирались поддержать восстание семи городов¹¹⁵. Александр вынужден был отправить часть войск в Согдиану, а сам с основными контингентами своих войск решил разгромить "азиатских скифов", т.е. в данном случае "саков, которые за Согдом". Именно в этой связи Арриан рассказывает об основании Александром города на Танаисе – Сырдарье. Довольно подробные сведения об этом содержатся также у Квинта Курция и Юстина. Приведем эти рассказы.

Согласно Арриану, "Александр решил основать на реке Танаис город, назвав его своим именем. Место показалось ему подходящим для города, который станет расти, будет удобно расположен для похода на скифов, если он когда-нибудь состоится, и станет для страны оплотом против набегов живущих за рекой варваров. Что город станет большим, за это ручалось и обилие поселенцев, которых он хотел собрать здесь, и блеск его имени". После подавления восстания семи городов, Александр "... занялся задуманным городом; за двадцать дней обвел его стеной и поселил там эллинских наемников, тех из соседей – варваров, которые пожелали там поселиться, и тех из македонских воинов, которые уже не годились для военной службы. Принеся, как было у него в обычае, жертву богам, он устроил празднество с гимнастическими и конными состязаниями".

По Книгу Курцию, "... Александр вернулся к берегам реки Танаис и обвел стеной все пространство, занятое лагерем. Стены имели в длину 60 стадиев, этот город он также велел назвать Александрией. Постройка города была выполнена с такой быстротой, что на семнадцатый день после возведения укреплений были закончены также и кровли города. Воины упорно соревновались друг с другом, кто первый окончит работу, ибо каждый имел свою. В новом городе поселили пленных, которых Александр выкупил у их господ; их потомки, столь долгое время сохраняя память об Александре, не забыли о нем еще и теперь".

Третий автор, Юстин, рассказывает следующее: "Для того, чтобы в этих областях оставить память о своем имени, Александр основал город Александрию на реке Танаис, причем в семнадцать дней была воздвигнута стена в 6000 "пар шагов", и сюда были переселены жители из трех городов, основанных Киром".

Итак, городская стена окружала пространство, которое занимал македонский лагерь. Протяженность ее была равна, по Квинту Курцию, 60 стадиев, т.е. 10-11 км, по Юстину же – 6 тыс. "пар шагов", т.е. около 9 км¹¹⁶. Город был отстроен очень быстро, солдаты между которыми были распределены задания, соревновались друг с другом в их быстрейшем выполнении. Источники сообщают, что работы (вероятно, первоначальные) были завершены на 17-й или 20-й день. Население города состояло из разнородных элементов: местных жителей, переселенных сюда из трех других городов, выкупленных из рабства военнопленных и тех греко-македонских солдат, которые не могли продолжать службу или считались "мягкими".

Сообщения трех античных авторов, приведенные выше, различаются незначительно. Как считают исследователи-источниковеды, сообщения Курция и Юстина, вероятно, восходят к одному источнику, скорее всего к сочинению Трога. Наиболее существенное различие связано с определением местных жи-

телей, поселенных в Александрии Эсхате. Если исходить из текста Арриана, они поселились там как будто добровольно, а по Квинту Курцию, там поселили "пленников, которых Александр выкупил у их господ". В предыдущих сражениях население восставших городов стало добычей воинов Александра – именно у них были выкуплены, а затем поселены в Александрии Эсхате местные жители¹¹⁷.

В целом ситуация во многом напоминала действия Александра Македонского, которые он предпринял во время основания Александрии Кавказской, где он поселил вначале семь тысяч старейших македонцев, а также воинов, непригодных для продолжения службы, а позже переселил туда "окрестных жителей", а также новую группу солдат, которые уже не годились для военной службы. Городом управлял поставленный Александром гетарх¹¹⁸.

В русской литературе одна из ранних попыток локализовать Александрию Эсхату на месте Худжанда принадлежит А.Левшину, в книге которого (1832 г.) имеется специальная глава "Историческое и географическое рассуждение о реке Яксарте, или Сырдарье, и землях, к ней прилегающих"¹¹⁹. Эта локализация была распространена уже тогда в западноевропейской науке. Так, И.Дройзен в 1834 г. подробно обосновал расположение Александрии Эсхаты на месте Худжанда. Он указывал, что именно этот пункт по своему стратегическому положению, а также как узел торговых путей больше всего соответствовал плану Александра¹²⁰. Впрочем, выдвигались и иные локализации, например, в Узгене, в Оше и других местах. В.В.Бартольд склонился к тому мнению, что этот город находился близ современного Нау.

Точку зрения, совершенно расходящуюся с данными источников, высказал американский ученый Л.Каммингс. Он предположил, что Александр просто переименовал Кирополь в Александрию Эсхату. Он аргументировал это лишь тем, что военные цели, которые стояли перед основателем Кирополя и основателем Александрии, якобы были одинаковы и этим целям соответствовало стратегическое положение местности современного Худжанда; эта местность была удобной и для торговли¹²¹.

Большинство советских исследователей (Л.В.Баженов, А.Н.Бернштам, Б.Г.Гафуров и др.) и современных зарубежных ученых (В.Таря, В.Чериковер, У.Вилькен, М.Уилер) склонно локализовать Александрию Эсхату в Худжанде. Действительно, направление движения Александра Македонского, стратегические особенности и характер приречной местности делают чрезвычайно вероятной такую локализацию.

На территории Худжанда на протяжении почти четырех десятилетий проводятся археологические раскопки под руководством Н.Н.Негматова. Они выявили в северной части современного левобережного Худжанда большое укрепленное поселение городского типа площадью 20 га, с цитаделью. Город занимал всю территорию средневековой цитадели и кварталы к западу и югу от нее, имелись крепостные стены и рвы. Датировка – VI в. до н.э. Но обнаружены и более поздние, предположительно отнесенные к IV в. до н.э. остатки пахново-кирпичных стен, где применен прямоугольный сырцовый кирпич с метками – знаками, восходящими к знакам греческого алфавита. В этом слое найдено значительное количество керамических сосудов, созданных под эллинистическим влиянием. На основании этих материалов Н.Н.Негматов утверждает, что (вопреки сообщениям античных авторов) Александр Македонский не "основал", а перестроил ранее существовавший город, возведя укрепления и новые дома.

Следует отметить большую ценность полученных археологических материалов, но дискуссии по вопросу о точной локализации города они пока не закрыли. Такая трактовка, игнорирующая античную традицию (восходящую к тому же не к одному, а к двум самостоятельным источникам), является не более **PDF/Compressor Free Version** чем гипотезой, но отнюдь не бесспорной истиной. Об окончательном "завершении" дискуссии можно будет говорить лишь после того, когда будут найдены остатки или хотя бы следы греческой градостроительной деятельности, греческой материальной культуры, греческие надписи и т.д. Пока этого нет, локализация Александрии Эсхаты на месте цитадели Худжанда и ближайших к ней кварталов остается не исключенной, но гипотетической. Не исключены и другие локализации, например, догадка о том, что отстроенное по приказу Александра Македонского укрепление располагалось несколько восточнее современного Худжанда¹²².

Борьба заяксартских саков

В возникновении Александрии Эсхаты заяксартские саки видели непосредственную угрозу для себя. Они не без основания полагали, что это укрепление послужит для нападения на их землю. Поэтому, собрав силы, они подошли к противоположному берегу. По словам Кангта Курция, предводительствовавший саками Картасис (брат их царя) намеревался вступить в борьбу с македонскими войсками, отогнать их от реки и разрушить Александрию Эсхату¹²³. Александр Македонский в свою очередь решил переправить войска через реку. Подготовка к переправе велась три дня. Когда все было подготовлено, Александр дал сигнал к началу переправы. Ее успеху способствовали установленные на левом берегу метательные машины. Некоторые из находившихся на противоположном берегу саков были ранены, а один убит. Это заставило саков несколько отойти от берега. Первыми высадились македонские стрелки и прапники, они прикрывали высадку остальной пехоты и конницы. Вначале борьба шла с переменным успехом.

Александр двинул на саков подразделения в 1,5-2 тыс. человек¹²⁴. Саки применили свой излюбленный прием нападения лавой с притворным отступлением отдельных частей. А так как их численность превосходила численность греко-македонского отряда, последний попал в тяжелое положение. Александру Македонскому пришлось ввести в сражение все имевшиеся в его распоряжении силы, и в результате маневр сакской конницы не удался. Нападение же, произведенное самим Александром во главе глубоководноколонированного конного отряда, решило исход сражения. Саки вынуждены были бежать. Греко-македонские войска преследовали их на протяжении около 15 км. Много саков было убито, число раненых достигло тысячи человек¹²⁵. Об ожесточении битвы и храбрости саков свидетельствует значительность потерь войска Александра, несравненно больших, чем при Гавгамелах, когда против греко-македонян сражалась вся ахеменидская армия и у них было около 500 убитых¹²⁶.

Выше события были изложены по Арриану. Этой последовательности придерживается абсолютное большинство исследователей. Однако не исключено, что Арриан несколько сгруппировал разновременные события¹²⁷. В частности, Александрия Эсхата могла быть основана и отстроена Александром сразу после подавления первого восстания на территории Уструшаны.

Были ли эти восстания изолированными и стихийными, не связанными друг с другом? Обычно в трудах по истории походов Александра Македонского нередко именно так дело и представляется. Однако более вероятным

кажется предположение, что здесь мы имеем дело с восстанием, охватившим все области Средней Азии, завоеванные до того греко-македонскими войсками. При этом даже из скудных и разрозненных сообщений наших источников становится **PDF Compressor Free Version** были Согд и Бактрия. Почти несомненно, что все это народное движение против македонских захватчиков направлялось из единого центра, во главе которого стояли, очевидно, Спитамен и его соратники.

События на территории Уструшаны и за Сырдарьей следует, очевидно, рассматривать как составную и неразрывную часть борьбы среднеазиатских племен и народов. С самого начала это движение приобрело характер всенародной войны против греко-македонских захватчиков¹²⁸.

Вместе с тем Александр Македонский на первых порах, как справедливо отмечает В.Тари, недооценил глубину и размах антимакедонского движения, думая, что имеет дело с одним из локальных восстаний, которые ему не раз приходилось, и притом сравнительно легко, подавлять.

Получив сообщение, что Спитамен осаждает Мараканду, где был расположен греко-македонский гарнизон, Александр послал туда сравнительно небольшой отряд (2360 человек) во главе с Фарнухом.

Судя по сообщению Квинта Курция, в восстание была вовлечена основная часть населения Согдианы и, надо думать, Бактрии. Восставшие овладели уже г.Маракандой. Македонский гарнизон оказался запертым в цитадели. Спитамен начал штурм ее. В ответ македонский отряд предпринял вылазку из цитадели¹²⁹. Несомненно, она в конце концов была бы взята, но в это время к Мараканде подошел греко-македонский отряд, посланный на подмогу гарнизону. Спитамен принял правильное решение об уходе из города, где он подвергся бы атаке с фронта и тыла. Поэтому он увел свои войска из Мараканда, и, как написано у Арриана, удалился в "басилею Согдианы"¹³⁰, т.е. в столицу Согдианы. Это место у Арриана вызывает у исследователей недоумение, так как столицей Согдианы была Мараканда, а Спитамен как раз и ушел из нее. Многие исследователи предполагали наличие второй "столицы Согдианы". Вместе с тем уже давно высказывалось правдоподобное мнение, что это место в тексте Арриана – искажение, возникшее при переписке его труда. Издатели текста еще в прошлом столетии предложили читать его таким образом: Спитамен удалился "к границам (пограничной области) Согдианы" или "в пустыню Согдианы".

Греко-македонский отряд последовал за Спитаменом и его войсками, надеясь вытеснить восставших за пределы Согдианы. Спитамен, измотав своих противников, очевидно, и не подозревавших, что они имеют дело с глубоко продуманным тактически маневром, вышел к границе пустыни. Здесь греко-македонское войско начали беспокоить налеты кочевников-саков. Часть саков влилась в войско восставших согдийцев. Вероятно, Спитамен смог получить у саков и необходимое ему количество лошадей. Восставшие, воодушевленные своим вождем, решили дать бой захватчикам на границе "скифской пустыни"¹³¹. Окружив греко-македонский отряд, они обстреляли македонскую пехоту. Македонская конница не раз устремлялась на согдийско-сакские отряды, но эти конные атаки успеха не имели: пользуясь преимуществом в скорости, Спитамен выводил свои части из-под удара. Затем он сам перешел к контратакам, причем потери греко-македонян становились все более значительными.

В результате греко-македонский отряд отступил к р. Политимету – Зеравшану, рассчитывая укрыться в охотничьем заповеднике, который находился на берегу. Предводители греко-македонского войска надеялись, и не без оснований, что здесь, среди древесных зарослей, действия конницы Спитамена будут слепыми. Арриан приводит две версии развернувшихся вслед за этим событий. По первой версии, один из греко-македонских предводителей, не договорившись с другими военачальниками, начал переправлять через реку свой конный отряд. Пехотинцы увидев, что они остались без прикрытия конницы, также бросились к реке. Этим чрезвычайно искусно воспользовался Спитамен. Он организовал захватчикам достойную “встречу” на противоположном берегу, одновременно загнав остатки вражеского войска в реку. В конце концов оно сгрудилось на острове посредине реки, где и было истреблено.

По второй версии, решающую роль в исходе сражения сыграло нападение на захватчиков саков, сидевших в засаде в “парадесе”. Быть может, перед нами не две версии, а взаимно дополняющие друг друга описания. В обоих рассказах содержится подробность, свидетельствующая о разладе в среде греко-македонских военачальников, их растерянности, паническом бегстве их солдат и – как прямая противоположность этому – о чрезвычайной смелой тактике согдийско-сакских войск, руководимых талантливыми предводителями во главе со Спитаменом¹³².

Таким образом, Спитамену удалось добиться того, чего не смог до него сделать никто: уничтожить в битве македонские подразделения¹³³. Трудно переоценить значение этой победы. Дело не только в том, что был полностью истреблен крупный отряд врага и ослаблены силы захватчиков. Такое серьезное поражение должно вообще ослабить боевой дух греко-македонских войск. Недаром Александр Македонский пытался воспрепятствовать распространению слухов об этой страшной для него катастрофе, но, конечно, войско узнало о ней. Вместе с тем разгром в открытом сражении крупного отряда Александра должен был развеять миф о “непобедимости” греко-македонской армии и еще более воодушевить народы Средней Азии на борьбу с захватчиками. Вероятно, антимакедонское движение развернулось и в Бактрии.

Не теряя времени, Спитамен со своими отрядами вновь отправился к Мараканде и вновь начал осаду греко-македонского гарнизона. Вся Согдиана была в руках восставших, коммуникации войск Александра Македонского оказались перерезанными. Тогда-то он решил обрушить всю мощь своего войска на восставшую область. Стремительным броском вышел он к Мараканде, однако разведка своевременно предупредила Спитамена. Командование восставших решило не принимать открытого боя. Спитамен и его соратники отступили, очевидно, в том же направлении, как и в предыдущий раз, надеясь укрыться у саков. Греко-македонские войска вышли к тому месту, где незадолго перед этим Спитамен разгромил крупный греко-македонский отряд. Пройдя еще некоторое расстояние, Александр Македонский повернул назад. Знаменательно, что он не рискнул продолжить преследование в глубь пустыни. Вместо этого, по словам Арриана, он развернул войска и начал систематическое опустошение Согдианы и уничтожение ее жителей, предавая смерти всех, кто укрылся в укреплениях. По Кынту Курцию, Александром Македонским был отдан приказ сжечь деревни и предать смерти всех взрослых. Он же сообщает о поразительном мужестве группы согдийских воинов, которые шли на казнь с песней. Итог этого беспримерно-

го по своей жестокости истребления целого народа отражен в словах Диодора: "Александр покоряет восставших согдийцев и умерщвляет более 120 тыс. человек"¹³⁴. Справедливо отметил В.В.Григорьев: "Такому повальному истреблению не подвергалось население благодатной долины Зеравшана никогда, ни до, ни после Александра времени". В.В.Григорьев добавляет, что Александр знаменит не только антиантами, но и варварством¹³⁵.

После разгрома Согдианы, оставив в ней крупные воинские силы и, вероятно, тогда же назначив для управления страной сатрапа¹³⁶, Александр Македонский повел свое войско на зимние квартиры в Бактрию.

ВТОРОЙ ЭТАП БОРЬБЫ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПРОТИВ ГРЕКО-МАКЕДОНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Военно-политические мероприятия Александра зимой 329/28 г.

По Арриану, зиму 329/28 г. Александр Македонский провел в Зариаспе. По Квинту Курцию, зимой Александр был в Бактрах¹³⁷. В античных источниках Бактры и Зариаспа фигурируют иногда как один и тот же город, иногда же как два разных города. Представляется более

убедительным мнение о тождестве Бактр и Зариаспы¹³⁸.

Зимой 329/28 г. к Александру подошли большие подкрепления с запада. В Бактрах Александр организовал суд над Бессом и выступил сам обвинителем. После осуждения Бесс по приказу Александра был подвергнут мучительному наказанию: ему отрезали нос и уши, а затем отвезли в Экбатаны, где он и был казнен. Даже благожелательно относящиеся к Александру древние авторы осуждали его за жестокость по отношению к Бессу. "Я не могу похвалить такого чрезмерно жестокого наказания Бесса и считаю варварством изуечение внешних частей его тела", - писал Арриан.

Именно в это время, если верить последнему, к Александру явилось посольство от "европейских скифов", т.е., как указывалось выше, от саков, живших за Танаисом (Сырдарьей). Вместе с посольством вернулись также послы, отправленные ранее Александром к сакам. Сакское посольство привезло Александру известие, что их царь умер и ему унаследовал его брат¹³⁹. Саки предлагали заключить союз, для закрепления которого их царь соглашался отдать свою дочь в супруги Александру, а дочерей сакских аристократов сочетать браком с приближенными Александра. Дав им в целом положительный ответ, но отказавшись от брачных союзов, Александр отправил послов назад¹⁴⁰.

Чрезвычайно важными были дипломатические переговоры с Фарасманом, царем хорезмийцев, который явился в сопровождении 1500 всадников. Хорезм тогда был сильным государственным образованием, сфера политического влияния которого далеко выходила за пределы территории собственно Хорезма, а государственные интересы, в частности, в области торговли, простирались до Черного моря¹⁴¹. Фарасман предложил свою помощь Александру. Последний заключил с ним военный союз¹⁴².

Во время этих переговоров Фарасмана, очевидно, интересовали намерения Александра Македонского в отношении Хорезма. В свою очередь Александр Македонский, убедившийся на примере Согды, как трудно дается завоевание среднеазиатских областей, располагая к тому же информацией о могуществе Хорезма, был рад заключить с ним военный союз, чтобы отвратить открытое вступление Хорезма в антимакедонскую борьбу.

Борьба согдийцев против захватчи- ков в 328 г. до н.э.

Арриан сообщает, что Александр (очевидно, весной 328 г. до н.э.) получил известие о том, что "многие из согдийцев укрылись в укреплениях, отказываясь повиноваться поставленному над ними Александром сатрапу"¹⁴³.

Свободолюбивый народ Согды, несмотря на зверское избиение, устроенное Александром, не бросил оружия. Чрезвычайно напряженной была обстановка и в Бактрии, где также началось восстание¹⁴⁴. В связи с этим Александр оставил четыре батальона фаланги (под общим руководством Кратера), которые должны были разбить восставших и удерживать в дальнейшей стране от восстания. Сам же с остальными войсками двинулся в Согдиану¹⁴⁵.

Греко-македонское войско было разделено на пять колонн. Во главе четырех из них стояли полководцы Александра, пятой командовал он сам. Колонна Александра двинулась по направлению к Мараканде, остальные колонны также напали на согдийцев. В одних случаях греко-македонские войска брали согдийские укрепления силой, в некоторых им удавалось склонить согдийцев к сдаче путем переговоров. Пройдя значительную часть Согдианы, колонны подошли к Мараканде.

При анализе этого периода антимакедонской борьбы обращают на себя внимание два факта. Во-первых, в Согдиане были расквартированы крупные греко-македонские силы, но они не смогли ни предотвратить, ни подавить восстание в самом начале, так что появилась необходимость в прибытии сюда главных сил во главе с Александром. Во-вторых, здесь Александр действовал рассредоточено, пятью колоннами. В какой-то степени аналогичную тактику он применял на территории Уструшаны, когда при подавлении восстания в семи городах разделил свои силы на две части. Исходя из этих данных, следует предположить, что восстание на этом этапе охватило всю Согдиану, причем силы восставших были рассредоточены. Удар был нанесен по отдельным районам восстания. Подробности развернувшейся ожесточенной борьбы совершенно не освещены в источниках. Следует отметить только, что в результате жестокости греко-македонских войск согдийские города совершенно обезлюдели, и Александр был вынужден принять меры для их заселения. Возможно, что именно в этот момент здесь были основаны Александром с военно-колониаторскими целями те города, о которых сообщают источники¹⁴⁶.

Один из греко-македонских отрядов был послан к "скифам", в страну которых отступил вождь восстания Спитамен. Сам Александр в это время вел военные действия против тех согдийцев, которые еще не покорились.

Поход Спитамена в Бактрию

В то время как греко-македонское командование ожидало появления Спитамена из страны "скифов", он с верными ему людьми, а также с примкнувшими к нему 600 саками-массагетами стремительно вошел в Бактрию, захватил одно укрепление, гарнизон которого был полностью истреблен, а затем направился к Зариаспе. Не нападая на сам город, Спитамен сначала предпринял ряд действий в его окрестностях. Высланный против него небольшой греко-македонский отряд он разгромил¹⁴⁷ и, вероятно, намеревался штурмовать Зариаспу.

Кратер, возглавлявший греко-македонские силы в Бактрии, выступил против Спитамена. Применяя свою обычную тактику, последний уклонился от сражения с превосходящими силами. Он отступил в сторону пустыни. В источниках говорится о появлении здесь еще отряда повстанцев, состоящего из более чем тысячи массагетских всадников. Ожесточенное сражение между восставшими и нагнавшими их греко-македонским войском под руководством Кратера окончилось отступлением Спитамена в пустыню, где войска Кратера не осмелились его преследовать.

Александр Македонский, оставив большие военные силы в Согдиане и дав им задание препятствовать нападению Спитамена и при возможности его захватить, с остальными войсками отправился зимовать в Наутаку, а не в Бактры – Зариаспу, как в предыдущий год. Очевидно, это было связано главным образом с необходимостью держать основные силы ближе к Согдиане, которая могла вновь восстать. По Квинту Курцию, на пути из Мараканды Александр Македонский направился прежде всего в Ксеништу – область, сопредельную со Скифией, с многочисленными и многолюдными поселениями и плодородной почвой. В ней укрывались бактрийские повстанцы. Конные бактрийцы, число которых достигало 2,5 тыс. человек, напали на авангард войска Александра. Нападение было внезапным, и хотя греко-македонский авангард одержал победу, обошлось она ему дорого – потери греко-македонян составили 80 убитых и 350 раненых. Хронологическое определение этого эпизода, отсутствующего у Арриана, сомнительно. Еще более трудно определить точное местоположение Ксеништы. В.В. Григорьев, отвергнув локализацию ее в Нуратинских горах, помещает Ксеништу в район Шахрисабза или в Байсунской долине. Но не исключено, что прав В. Томашек, сопоставляющий Ксеништу с Нахшебом¹⁴⁹, т.е. долиной Кашкадарьи.

**Последняя попытка
Спитамена осво-
бодить Согдиану
и его гибель**

Спитамен сделал еще одну попытку освободить Согдиану от греко-македонских захватчиков. Военные действия развёрнулись около Бага – согдийского укрепления, лежавшего на границе между Согдианой и «массагетской Скифией». Туда подошел Спитамен со своим отрядом, состоявшим из согдийцев, бактрийцев и, очевидно, саков. К ним примкнула большая группа кочевников, примерно 3 тыс. всадников. Спитамен решил разгромить греко-македонские войска, расположенные в Согдиане. Греко-македонское командование двинуло свои войска ему навстречу. Разгоревшееся сражение окончилось для Спитамена неудачей. Потеряв свыше 800 человек, он должен был отступить. К тому же многие согдийцы и бактрийцы, составлявшие ядро повстанческих войск, покинули его и сдались греко-македонянам. Кочевники же разграбили обоз Спитамена и ушли в пустыню. По словам Арриана, эти кочевники, получив известие о продвижении Александра Македонского в пустыню, отрубили голову Спитамену и отослали ее Александру, с тем чтобы предотвратить его нападение. Квинт Курций приводит другую версию гибели Спитамена. Последний якобы повсюду возил с собой горячо любимую жену, мать его троих детей. Ей в конце концов надоела эта полная опасностей и трудностей жизнь, и она стала уговаривать Спитамена прекратить сопротивление и сдаться Александру. Возмущенный этим, Спитамен в порыве гнева хотел ее убить, но ее спасли братья. Однажды на пиру, когда Спитамен заснул, его жена отослала спящему голову, а затем отнесла ее в лагерь Александру¹⁵⁰.

Трудно сказать, какой из рассказов о гибели героя более достоверен. К сожалению, по этим источникам трудно судить о личности Спитамена, его политических планах и надеждах. Но в описании военных действий перед нами встает фигура талантливого полководца, мужественного борца за свободу своего народа, за освобождение его из-под ига иноземных захватчиков. Великолепный организатор, он не раз поднимал на борьбу с захватчиками значительную часть народов Средней Азии. Смерть Спитамена, одной из «наиболее героических фигур древней истории нашей родины» (слова С.П. Толстова), была для повстанцев колоссальной потерей.

Второй период борьбы охарактеризован у Диодора таким образом: "Он (Александр) наказывает бактрийцев и вторично подчиняет согдийцев и строит в нужных местах города, чтобы держать восставших в повиновении"¹⁵¹.

Итак, второй период отличался, очевидно, еще большим размахом антимакедонской борьбы. В нее были вовлечены буквально все население Согдианы и, видимо, значительная часть населения Бактрии. К сожалению, описание военных действий в Согдиане на этот раз у Арриана очень обобщенное. О формах антимакедонской борьбы на этом этапе практически судить не представляется возможным. Можно лишь предположить, что восставшие концентрировались в нескольких районах, на которые и направил удары своих колонн Александр Македонский.

К концу второго этапа борьбы против захватчиков часть бактрийской и согдийской аристократии стремилась к прекращению сопротивления. Именно в этом плане можно рассматривать рассказ Квинта Курция об убийстве Спитамена, а также о том, что в составе войска Александра Македонского появляются бактрийцы и согдийцы¹⁵².

В этот период Александр Македонский для привлечения восточной аристократии включает их в свою армию и пр. Александр понял, что только насильем он не сможет держать в повиновении народы Востока¹⁵³. Против новой политики резко выступила македонская, а затем и греко-македонская оппозиция, с которой он боролся самым решительным образом, не останавливаясь даже перед физическим уничтожением своих бывших друзей¹⁵⁴. В частности, он убил летом 328 г. в Мараканде своего соратника Клиты, позже, еще в пределах Средней Азии, он уничтожил представителей аристократической молодежи, организовавших заговор "пажей", а также придворного историка Каллисфена, выступившего в роли идеолога оппозиции.

ТРЕТИЙ ЭТАП БОРЬБЫ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПРОТИВ ГРЕКО-МАКЕДОНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Третий этап борьбы против греко-македонских захватчиков развернулся весной 327 г., когда антимакедонские силы концентрируются в горных крепостях на юге Средней Азии. Освещение событий этого периода исключительно трудно из-за расхождения между данными Арриана и Квинта Курция. По Арриану, военные действия развертывались следующим образом.

С наступлением весны Александр Македонский выступил из Наутаки и направился к "Согдийской скале", т.е. к какой-то горной крепости. Он получил сведения, что в ней собралось много согдийцев, не желавших ему подчиняться. Во главе их стоял один из представителей местной аристократии – Оксиарт. Греко-македонское командование придавало большое значение захвату этой крепости. Во время личной рекогносцировки Александр Македонский убедился в ее труднодоступности. Ее защитники также прекрасно знали преимущества своей природной крепости. Они имели достаточное количество продовольствия, а выпавший снег давал необходимое количество воды. Согдийцы насмехались над греками, восклицая, что эту твердыню могут взять только "крылатые воины", а простые солдаты им не страшны. Тогда Александр решил на рискованную военную хитрость. Он обьявил своему войску, что тот, кто взойдет первым на скалу, получит в награду 12

**Оборона
"Согдийской
скалы"**

талантов, кто взойдет вторым – несколько меньшую, третий – еще меньшую и т.д., но и самый последний получит один талант – сумму по тем временам колоссальную. Желавших получить такие громадные деньги было очень много, и Александр быстро наберёвал 300 человек, имевших опыт в скалолазании. Выйдя к самому крутому и поэтому малоохраняемому месту скалы, они ночью стали забивать в нее и в покрывавший ее сильно затвердевший снег железные крюки и, помогая друг другу, поднимались все выше и выше. Десятая часть их погибла при подъеме, остальные взобрались на самую высокую часть горы и, выполняя приказ Александра, стали размахивать белыми платками. Тогда Александр послал глашатая, который передал защитникам крепости, что “крылатые воины” нашлись. Только после этого занявшие господствующую позицию греко-македонские “альпинисты” были замечены защитниками крепости, которые не знали их числа и думали, что их очень много. Началась паника, и крепость пала.

Победители захватили супругу Оксиарта и его дочерей, среди которых была уже взрослая Роксана. О ней воины Александра говорили, что после жены Дария она показалась им самой красивой женщиной в Азии. По словам Арриана, Александр влюбился в Роксану с первого взгляда и решил жениться на ней. Оксиарт, узнав о том, что хотя его родные в плену, но их не обижают, явился к Александру и был принят с почетом¹⁵⁵.

Оборона “Хориеновой скалы”

Закончив военные действия в Согдиане, Александр отправился в область Парейтакенов, так как там была вторая крепость – “Хориенова скала”. Со всех сторон скала ее были отвесными. На верхнюю площадку вела узкая тропа, по которой мог пройти, и то с трудом, лишь один человек. Вокруг этой естественной крепости был глубокий ров.

Из растущих здесь в изобилии деревьев греко-македонские войска начали делать лестницы, по которым спустились в ров. После этого они начали устраивать нечто вроде овражков, вбивая в скалу колья, устраивая на них настил и постепенно поднимаясь все выше и выше. Македоняне сделали какие-то “kozyрьки”, которые предохраняли их от стрел, камней и т.д. Увидев, что угроза штурма становится реальной, Хориен, возглавлявший защитников крепости, предложил Александру начать переговоры. Александр направил в крепость Оксиарта, который уговорил Хориента сдаться. Александр подтвердил право Хориента не только на эту крепость, но также и на область, которой тот раньше владел. Если учесть, что в крепости было много продовольствия, а македонское войско страдало от недостатка припасов и от снега, выпавшего в большом количестве во время осады, то сдача крепости была по существу предательством¹⁵⁶.

Оборона других горных крепостей

Квинт Курций повествует о захвате Александром Македонским “скалы Аримаза”, которая имела в высоту 30 стадий, а в окружности – 150 и была исключительно крута. Ход борьбы описывается так же, как у Арриана захват “Согдийской скалы” (с “крылатыми людьми”). Однако, в отличие от Арриана, Квинт Курций сообщает о жестоком наказании и казни руководителей обороны и обращении пленных в рабов. Кроме того, он рассказывает о восстании сатрапа области Наутака – Сисимитра.

Восставшие укрепились в местности, где было узкое ущелье, здесь же протекала река и располагалась “скала”. Неприступность “скалы” была усилена какими-то фортификационными мероприятиями. Преодолев препятствия,

греко-македонское войско приблизилось к укреплению. Александр Македонский послал в крепость Оксиарта. Тому удалось склонить Сисимитра к сдаче, но этому воспротивились бывшие в крепости женщины. В конце концов крепость капитулировала, причем Сисимитру не только была сохранена жизнь, но и оставлена власть и обещана еще большая область¹⁵⁷.

О женитьбе Александра на Роксане – дочери Оксиарта – Квинт Курций сообщает вне связи со взятием "скал"¹⁵⁸. Наконец, Страбон рассказывает о захвате Александром двух сильно укрепленных крепостей: одной в Бактриане – "скала Сисимитра", где Оксиарт держал свою дочь Роксану, и другой в Согдиане – скала Окса, которую, по его словам, также называют "скалой Армаза" (Аримаза)¹⁵⁹.

Локализация горных крепостей Изучая эти сообщения, большинство исследователей склоняется к мнению, что греко-македонские войска фактически атаковали лишь две крепости, которые фигурируют в древних источниках под разными наименованиями, причем Квинт Курций в своем изложении нередко приводил те или иные детали, мало считаясь с тем, к какой крепости на самом деле они относились¹⁶⁰. Исследователи по-разному сопоставляют сведения Арриана, Курция и Страбона. Из-за отсутствия точных данных много расхождений возникает также в локализации этих пунктов. Именно поэтому порой делались совершенно невероятные предположения, например, о том, что "скала Армаза" находилась в Маргиане или даже в окрестностях Мешхеда¹⁶¹. Обе крепости должны были располагаться в отрогах Гиссарского хребта: одна на западе – "Согдийская скала" Арриана, вторая же, "скала Хориена", – восточнее. О последней говорится также, что она находилась в области Парейтакена.

В.Томашек считает, что это была "горная область", которую он помещает в Бадахшане. В.В.Григорьев в своих предположениях исходил из того, что это – наименование нарицательное, означающее "горная страна", причем помещал ее в средних и северных частях "Гиссарского края" – в долинах Сурхана, Сурхоба и Кафирнигана. Слово "парейтака", как предполагал И.Маркварт, означает, "омываемая рекой область". Где же она находилась? Помимо вышеуказанных точек зрения, высказывалась и другая, согласно которой Парейтакена – это Каратегин, Восточная Бухара или средневековой Хутталъ. Последнее определение принадлежит И.Маркварту. Позже он его несколько расширил, включив в Парейтакену область Сурхана, Кафирнигана, Сурхоба – Вахша и речек Бальджуана и Куляба, т.е. всю правобережную Бактрию (средневековые владения Чаганиана, Кабадиана, Ахарун, Шуман, Вахш и Хутталъ).

Э.В.Ртвеладзе располагает Парейтакену в горной области западной части Гиссарского хребта и прилегающих долинах Сурхандарьи и Шеробаддарьи¹⁶². К этому следовало бы прибавить и Гиссарскую долину.

Область Габаза (или Газаба), о которой есть упоминание у Квинта Курция, В.В. Григорьев отождествлял (не приводя оснований) с Кабадианом. И.Маркварт, проявив значительно большую осторожность, полагал, что Габаза (Газаба) – это один из районов Парейтакены, на территории которого располагалась "скала Сисимитра"¹⁶³. Вторая часть предположения И.Маркварта (о помещении "скалы Сисимитра" в области Габаза) не вытекает из показаний источника. На основании топонимических данных (впрочем неоспорных) Э.В.Ртвеладзе предлагает локализовать Габазу где-то на стыке долины Кашкадарьи и Сурхандарьи между ущельем Кам-Дарваза (Кашкада-

рья) и Железными воротами (Сурхандарья)¹⁶⁴. Весьма соблазнительной, но далеко не бесспорной является попытка локализации "скалы Хориана" Арриана (с которой большинство исследователей отождествляет "скалу Сисимитра") в районе Пулсангин на Вахше¹⁶⁵.

Кроме того, согласно Квинту Курцию, Александр Македонский совершил еще поход на саков. Подробности этого похода неизвестны, как неясно и его направление. Можно лишь догадываться, что он был где-то в Парейтакене¹⁶⁶.

Борьба бактрийцев за свободу Вслед за тем Александр с главными силами двинулся в Бактрию. Однако военные действия в области Парейтакена не были завершены; несмотря на предательство, народные массы еще не сложили оружие. Известны имена мужественных предводителей бактрийцев — Катана и Австана, которые до конца оставались верны делу борьбы против иноземных захватчиков.

Имя первого из них встречается в рассказе Квинта Курция об аресте Бесса Спитаменом и его соратниками. Если в своем изложении Квинт Курций не совершил произвольной перестановки, то можно предположить, что Катан был одним из основных руководителей антимакедонской борьбы на юге Средней Азии, в Бактрии. Он, как и некоторые другие руководители народной войны, бесстрашно вел ее до конца.

Для разгрома очагов восстания в Парейтакене Александр Македонский оставил в Северной Бактрии Кратера с отборными войсками. В жестоком сражении (подробности его неизвестны) Кратеру удалось одержать победу. Катан пал, как герой, на поле битвы. Австан попал в плен. 120 конных и 1500 пехих бактрийцев погибли во время этого сражения, защищая свободу своей родины.

После этого Кратер, по сообщению Арриана, двинулся со своими войсками в Бактрию, где присоединился к главным силам Александра¹⁶⁷.

Квинт Курций (рассказ которого в этой части совпадает с арриановским) добавляет эпизод о покорении одним из помощников Кратера области под названием Бубакена. Уже И. Дройзен сопоставил эту область с современным Бадахшаном, к этому мнению склонялся и В. В. Григорьев, но Ф. Шварц включает ее в число местностей, точная локализация которых невозможна. К отождествлению Бубакены с Бадахшаном следует отнестись с очень большой осторожностью, тем более, что самое наименование Бадахшан (в форме "Бодочана") впервые появляется в исторических источниках лишь в конце VI в. н. э. Малооправданным кажется поход в Бадахшан и с точки зрения военно-политических задач, которые ставил перед собой Александр Македонский на том этапе, о котором идет речь. Скорее всего Бубакена — это какой-то район в Западном Припамирье, который следует поместить в Каратегине или в горной части Кулябской группы районов.

Так закончился поход Александра Македонского в Среднюю Азию, которая оказалась включенной в состав его громадного государства.

ПОСЛЕДСТВИЯ ГРЕКО-МАКЕДОНСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

В науке существуют различные, порой полярные, представления о последствиях греко-македонского завоевания для народов Средней Азии. Ряд авторов акцентирует внимание на положительных аспектах греко-македонского завоевания, при этом они порой недооценивают уровень и характер социального и культурного развития местных народов к моменту завоевания. Такая

тенденция прослеживается в трудах некоторых зарубежных авторов. Другая крайность – концепция, господствовавшая на протяжении многих лет в отечественной науке, когда подчеркивались исключительно негативные стороны завоевания, исходя из того, что “наступление армий Александра было тяжчайшим бедствием для населения”¹⁶⁸.

Однако проблема намного сложнее. Сам факт массового уничтожения местного населения, разорения целых областей бесспорен. Александр жесточайшим образом подавлял антимакедонскую борьбу свободолобивых местных жителей, огнем и мечом прошел по Средней Азии. Это вытекало из идеи Александра стать “царем Азии”. В результате даже имя “македонянин” стало ненавистным для жителей Восточного Ирана (Квинт Курций, X, 1, 4). Вместе с тем эволюция взглядов и политика Александра, особенно во время завоевания Средней Азии, привели к насаждению в греко-македонском войске восточных нравов, обычаев, одежды, введению в армию местных отрядов, смешанных браков, чему пример подал сам Александр, использованию в управлении представителей местной аристократии, способствовали возникновению в историографии (В.Тарн, И.Робинсон и мн. др.) убеждения, что Александр был “первым интернационалистом, поборником дружбы народов”. Ф.Альтгейм также отстаивает эту концепцию с упором на то, что именно в Средней Азии Александр оценил величие религии Заратуштры (это абсолютно не подтверждается источниками) и стал проводить политику слияния. Эти концепции были подвергнуты серьезнейшей и весьма аргументированной критике. Кажется более обоснованной концепция Ф.Шахермайра, который полагает, что политика “слияния” была не результатом следования утопическим идеям, а объяснялась совершенно прагматическими целями. Эта политика, по замыслу Александра, должна была, как думает вышеупомянутый исследователь, создать единую и унифицированную массу подданных, независимо от их происхождения¹⁶⁹. Некоторые ученые не без основания предполагают, что Александр двигался в направлении утверждения модифицированной Ахеменидской системы и даже называют его “последним Ахеменидом”¹⁷⁰.

В этом плане большое значение имеет рассмотрение градостроительной деятельности Александра, который, как известно, занимался основанием городов. По Плутарху, он основал более 70 городов. Вокруг этой цифры, шире – масштабов греко-македонского градостроительства, развернулась серьезная научная дискуссия. Так, В.Тарн, А.С.Шофман и некоторые другие исследователи очень скептически относятся к этой цифре, считая, что она значительно преувеличена. По подсчетам В.Тарна, Александр основал немногим более десятка, точнее 13, городов, причем особое внимание было уделено основанию городов на восток от Тигра (из тринадцати лишь один город был основан на западе). Такая трактовка была приведена и в первом издании “Истории таджикского народа”. Однако специальное исследование письменных, археологических и эпиграфических источников, осуществленное Г.А.Кошеленко, показало, что В.Тарн и его сторонники ошибались. Если учесть, что еще не все греко-македонские города открыты археологами, археологическая изученность многих территорий остается слабой или недостаточной, следует предполагать, что в дальнейшем будут получены дополнительные подтверждения античной традиции. Вывод Г.А.Кошеленко таков: “...в целом можно принять античную традицию относительно масштабов греко-македонской колонизации. Она была весьма значительной, число городов, основанных здесь, определялось цифрой порядка нескольких десят-

ков¹⁷¹. О значительном масштабе этой колонизации свидетельствует и массовый отток на Восток населения Эллады.

Что касается Средней Азии, то, по сообщению Страбона, Александр основал в Бактрии и Согдиане 8 городов, а согласно Юстину 12.¹⁷² Анализируя это различие, А.Гутшмид высказал предположение, что вместо 8 городов Страбона у Юстина первоначально фигурировали семь городов плюс Александрия на Танаисе, затем механическая ошибка одного из переписчиков превратила семь (VII) в двенадцать (XII). Некоторые ученые категорически отвергли это предположение (например, Э.Мейер, назвавший эту поправку текста произвольной), другие (например, В.Тарн) колебались. Однако серьезных возражений выдвинуто не было, поэтому можно признать предположение А.Гутшмида имеющим право на существование. Мы имеем определенные сведения об основании Александром в пределах границ Средней Азии всего лишь трех городов: Александрии на Оксе, Александрии Эсхаты на Яксарте и Александрии в Маргиане¹⁷³, причем последняя была, вероятно, "основана" на месте уже существовавшего поселения. Однако фактически число основанных городов могло быть более значительным. Как пишет А.Б.Босворс, "у нас нет точных данных, как много городов было основано (Александром) в Бактрии и Согдиане, но они явно были многочисленными"¹⁷⁴. Если подтвердится догадка, что Александрия Эсхата располагалась на месте худжандской цитадели, то и здесь до прихода греко-македонских войск уже было поселение. Следует иметь в виду, что несколько городов было основано Александром и в прилегающих к Средней Азии областях. Среди них Александрия в Арее (скорее всего Герат), Александрия в Дрангиане или Профтасия (может быть, в районе Надяли), Александрия в Арахосии (Кандагар или Газни), Александрия Кавказская (район Кабула), Александрия в Бактрии (Айханум?) и некоторые другие. Судя по имеющимся данным, характер основанных поселений был различен: это были города и просто укрепленные пункты. В городских поселениях Александр последовательно осуществлял политику смешения населения, в них отсутствовало полисное устройство – во главе города стоял гипарх, единолично управлявший городом. Он назначался и смещался самим царем¹⁷⁵.

Бесспорно, основание этих городов дало мощный импульс развитию урбанизации Средней Азии. Однако этому факту порой придают гипертрофированное значение. Так, В.Тарн утверждает, что здесь "Александр достиг части мира, где города были почти неизвестны", "если Александр нуждался в городах в Восточном Иране (куда этот историк включает и Среднюю Азию), он должен был их отстроить". Однако даже из письменных источников яствует, что в Средней Азии и прилегающих областях еще до похода Александра Македонского было множество городов. Картина становится еще более яркой, если привлечь данные археологических исследований¹⁷⁶.

Говоря о греках, оставленных Александром в областях Средней Азии, Е.Р.Беван полагает, что из-за отдаленности этих территорий и "гордого духа (местных) жителей" их количество должно было быть значительным. В этом предположении действительно есть логика. Для доказательства обычно ссылаются на то, что после смерти Александра 23 тыс. восставших греков попытались вернуться на родину. Сведения об этом восстании и истреблении восставших содержится у Диодора (XVIII, 7), который сообщает о 20 тыс. пехих и 3 тыс. конных воинов. Анализируя ход восстания и последующие события, В.Тарн сделал заключение, что на самом деле речь шла всего о 3 тыс. греков.

Одними авторитетными учеными, в том числе М.И.Ростовцевым, этот вывод был принят, другими – нет. Специальное рассмотрение этого вопроса Г.А. Кошеленко привело его к выводу, что идея В.Тарна не имеет оснований, и, следовательно, в Средней Азии было свыше двух десятков тысяч греков, находившихся до этого в Средней Азии (в тексте, собственно говоря, названы “верхние сатрапии”)¹⁷⁷. Вопрос пока не имеет окончательного решения. Вместе с тем вся последующая история показывает, что количество эллинов в Средней Азии скорее всего было значительным. Достаточно сказать, что отправляясь в индийский поход, Александр оставил в Бактрии Аминту с 10-тысячным отрядом пехоты и 3500 всадников, а в Согдиане – Певколая с 3 тыс. пехотинцев¹⁷⁸. К этому следует добавить греческое население городов.

Изучение истории стран, покоренных греко-македонскими войсками, показало, что “греки и македоняне, очутившись на завоеванной территории, принесли туда приемы обращения с покоренным населением, определявшиеся развитием греческого рабовладельческого общества: применение грубой силы, неограниченного принуждения по отношению к этому населению, использование захваченных людей в целях наживы путем продажи их и отправки в другие местности”¹⁷⁹. Именно так обстояло и в Средней Азии. В источниках зафиксированы факты обращения Александром Македонским в рабство местного среднеазиатского населения¹⁸⁰. Греко-македоняне принесли с собой в Среднюю Азию формы значительно более развитого рабовладельческого общества. Наряду с непосредственным воздействием большое значение имело косвенное воздействие греко-македонской классовой структуры, а также проводившаяся ими социальная и экономическая политика, что играло, применяя меткое выражение К.К.Зельина, роль “своего рода катализаторов”¹⁸¹.

Известно также, что одним из главных последствий походов Александра Македонского было прямое ограбление восточных народов, результатом чего было обогащение Греции¹⁸².

Греко-македонское завоевание привело к колоссальному истреблению среднеазиатского населения (по словам французского ученого П.Бриана, это были “террор и геноцид”)¹⁸³, уничтожению производительных сил и материальных ценностей, а также к резкому усилению угнетения общинников и рабов. Поэтому-то в борьбе против греко-македонских войск под руководством Спитамена сражались плечом к плечу и оседлые жители, и кочевники¹⁸⁴. Именно в этот период исключительно ярко проявились мужество и героизм народностей и племен Средней Азии. Произошла определенная их консолидация, которая, как мы увидим далее, сыграла свою роль при возникновении Греко-Бактрийского и Парфянского царств.

Глава VII

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В СЕЛЕВКИДСКОЕ ВРЕМЯ

СОГД, БАКТРИЯ И ПАРФИЯ ПРИ СЕЛЕВКИДАХ

**Смерть Александра
Македонского и
передел сатрапий**

Когда Александр скончался в Вавилоне (323 г. до н.э.), сатрапом Бактрии и Согдианы был македонец Финипп; сатрапом же Парфии являлся знатный иранец Фратоферн.

В то время как Александр Македонский вел войну в Индии, произошло восстание в Средней Азии. В 325 г. до н.э., как рассказывает Квинт Курций (IX, 7, 1-11), "греческие солдаты, недавно выведенные царем в колонии близ Бактр, отпали не столько из вражды к Александру, сколько боясь наказания за начавшиеся между ними распри. Они убили несколько влиятельных лиц из своей среды, стали пускать в ход оружие, захватили считавшуюся в безопасности и потому плохо охранявшуюся крепость Бактр и побудили варваров присоединиться к их мятежу". Предводителем был Афинодор, который "присвоил себе имя царя". Впрочем, он вскоре был убит, начались новые распри. Целью восставших было возвращение на родину. Квинт Курций сообщает, что это им удалось совершить, но, как думают исследователи, на самом деле это маловероятно. "Вот что происходило близ Бактр и скифских пределов", — заключает свой рассказ Квинт Курций. Диодор (XVII, 99) добавляет, что повстанцев было три тысячи и что эти события протекали в Бактрии и Согдиане. Итак, какие-то серьезные выступления греков за возвращение на родину имели место в 323 г. до н.э., причем в них вовлечено было и местное население. Г.А.Кошеленко высказал предположение, что это движение было подавлено силами местных сатрапов.

Однако оно явилось лишь прологом другого, более крупного движения. В 323 г. до н.э., после того как умер Александр Македонский, по сообщению Диодора (XVIII, 7) произошло восстание в "верхних сатрапиях", куда, безусловно, входили Бактрия и Согдиана. До этого греческих колонистов удерживал страх перед царем, после его смерти они восстали. Восставшие избрали руководителем Филона. Армия восставших насчитывала 20 тыс. пехих и 3 тыс. конных воинов. Против них было направлено отборное македонское войско, состоявшее из 3 тыс. пехотинцев и 800 всадников. К ним должны были присоединиться 10 тыс. пехоты и 8 тыс. кавалерии, которых было приказано выделить сатрапам. Предводитель всего этого карательного войска Пифон, бывший телохранитель Александра, лелеял мысль объединить эти силы с силами восставших и стать владыкой верхних сатрапий. Однако осуществить свой замысел ему не удалось, значительная часть восставших была перебита, восстание было подавлено. Таким образом, стремление греков вернуться на родину, к привычному укладу жизни не дало успешного результата.

... Центральное правительство, – пишет Г.А. Кошеленко, – считает движение в верхних сатрапиях чрезвычайно серьезным, чем объясняются и большое количество сил, брошенных на его подавление, и жестокость мер по отношению к грекам-поселенцам и выбор командира карательной экспедиции. Можно думать, что была потрясена вся система македонского владычества в Азии, поскольку данные о числе повстанцев не оставляют сомнений в том, что движением была затронута основная масса греческих поселенцев в северо-восточной части державы Александра¹.

О реакции же местного среднеазиатского населения на смерть Александра Македонского и о последующих событиях в источниках сведений не сохранилось. Пользуясь этим, некоторые историки рисуют идиллическую картину "скорби" народов Азии по поводу смерти Александра, отсутствия даже намерений сбросить греко-македонское иго и т.д.² На самом деле как предшествующие события, так и ход последующего исторического развития среднеазиатских областей показывают, что стремление среднеазиатских народов к свободе и независимости удавалось сдерживать лишь силой.

Передел сатрапий, произведенный в 321 г., коснулся и среднеазиатских областей. Филипп был переведен из Бактрии и Согдианы в Парфию, вместо него был назначен Стасанор (ранее он был сатрапом Ареи и Дрангианы) – грек с Кипра, возможно, царского рода³. В кровопролитные войны, разгоревшиеся между полководцами Александра Македонского, оказались в какой-то степени втянутыми среднеазиатские области, известно, например, что когда в 317-316 гг. далеко на западе происходила борьба между двумя полководцами Александра – Эвменом и Антигоном (Одноглазый), то по просьбе первого Стасанор прислал ему и бактрийские войска. Они входили в состав контингентов, которыми командовал сатрап Арея Стасанор. В результате военных действий Эвмен и его союзники были разгромлены. Антигон жестоко наказал многих из участников коалиции, но некоторые, в том числе и Стасанор, не были ни наказаны, ни даже смещены со своих постов. Как правильно заметил И.Г. Дройзен (опираясь на прямое указание Диодора), это свидетельствует о том, что их положение в своих областях было очень прочным и Антигон не мог с этим не считаться.

Диодор сохранил известие, проливающее некоторый свет на внутреннюю политику Стасанора. Он пишет, что Стасанор вел себя хорошо в отношении местного населения⁴ и у него было много сторонников (или соратников)⁵. Отсюда ясно, что Стасанор пытался сблизиться с местной аристократией и создать прочную внутривластную основу для отделения возглавлявшихся им областей. Он мог рассчитывать на громадные ресурсы Бактрии и Согдианы. Не исключено, что он пытался привлечь на свою сторону и сатрапа соседней Ареи – Стасандра (так же как и он – киприота по происхождению)⁶, где Стасанор мог сохранить определенное влияние еще со времени своего управления этой провинцией. В сферу своего влияния он сумел, хотя и не сразу, включить также Парфию⁷.

Обращают на себя внимание следующие факты. Антигон сместил Стасандра и назначил в Арею нового сатрапа, который почему-то сразу умер. Антигону пришлось назначить еще одного сатрапа в Арею, причем он на этот раз был кипрского происхождения⁸. Быть может, за этими смещениями и назначениями скрывались стремление Антигона противодействовать усилению Стасанора на востоке, борьба политических интересов, в которой в конце концов Антигон должен был уступить.

Во всяком случае Средняя Азия в значительно меньшей степени, чем западные области созданного Александром Македонским государства, пострадала от войн диadoхов. Причины этого кроются, с одной стороны, в географическом положении страны, с другой – в том, что Стасанор пытался консолидировать **PDF Compressor Free Version** своих действий.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЕЛЕВКИДСКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕГО ЭКСПАНСИЯ НА ВОСТОК

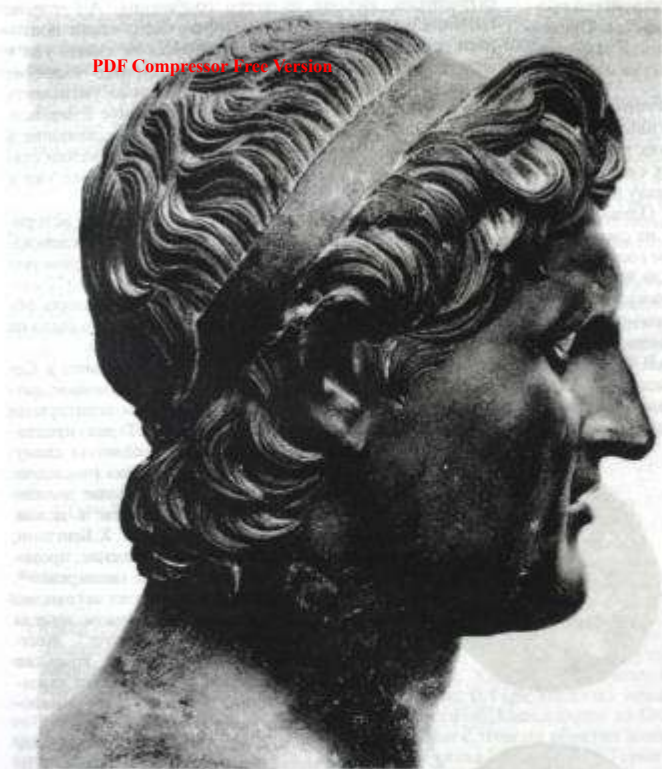
Селевк I и Селевкидское государство

Однако честолюбивому сатрапу не удалось осуществить свои намерения. В 312-311 гг. до н.э., после тяжелой и длительной борьбы, талантливый полководец Александра Селевк укрепился в Вавилоне⁸.

Ученые называют государство Селевка и его наследников “селевкидским”, но оно, очевидно, не именовалось так в древности. Это название восходит к заглавию первой фундаментальной работы об этом государстве, опубликованной в 1681 г. Применение этого термина в юридическом смысле для обозначения государства в древности не зафиксировано. Тогда говорили (и писали) “царство такого-то царя”. Жители же страны считались жившими под властью такого-то царя. Официальным языком государства был греческий. Люди Востока считали это государство “эллинским”, в индийских источниках – царство Явана⁹.

После захвата Вавилона Селевк поставил перед собой цель захватить восточные сатрапии. Они подчинялись мидийскому сатрапу Никанору. Никанор, набрав большие силы из различных восточных сатрапий, двинулся против Селевка, но потерпел поражение. Подробности последующих событий неизвестны, и единственное, что мы можем извлечь из источников, как говорит Е.Р.Беван, – это лишь тот факт, что в течение девяти лет (311-302 гг. до н.э.) Селевк полностью утвердил свою власть на востоке¹⁰. Во всяком случае, сохранилось известие Помпея Трога о том, что Селевк I, “увеличив победой над Вавилонией свои силы, завоевал Бактрию”¹¹. Событие это приурочивают к 306 г. до н.э. Видимо, около этого же времени к владениям Селевка была присоединена и Парфия.

По свидетельству Аппиана, Селевк I после многих войн с македонянами и “варварами” стал господствовать, в частности, над парфянами, бактрийцами, согдийцами, гирканцами¹². Подчинив себе среднеазиатские области, Селевк двинулся в Индию, рассчитывая, очевидно, без особого труда восстановить индийские владения Александра Македонского. Расчеты Селевка не оправдались, и он потерпел поражение, связанное отчасти с тем, что из-за осложнения политической обстановки на западе он вынужден был прекратить борьбу в Индии и срочно отвести войска. Поэтому он заключил с индийским царем Чандрагуптой (греки называли его Сандракотт) мирный договор, который предусматривал, что Чандрагупта получит значительные территории, которые когда-то Александр Македонский “отнял у арианов” (Страбон, XI, 2, 9). Исходя из этого и других сообщений (Плиний, VI, 78), а также учитывая географические находки, считают, что речь шла о Парапамисадах, Арахосии и Гедросии. В свою очередь, Чандрагупта подарил Селевку 500 боевых слонов, он использовал их с успехом в боевых действиях на западе. Стороны, кроме того, заключили брачный союз и поддерживали в дальнейшем нормальные, дружеские отношения. Все это произошло незадолго до 306 г. до н.э., когда в Вавилоне начинали чеканить монеты Селевка с изображением слона¹³.

Селевк I. Бронзовый бюст. Неаполь

После восточного похода Селевк I около 302 г. до н.э. возобновил (в коалиции с другими правителями различных частей бывших владений Александра) борьбу со своим соперником Антигоном, владевшим тогда Сирией, Малой Азией и частью Месопотамии и стремившимся захватить всю территорию, входившую в империю Александра Македонского.

В 301 г. до н.э. во Фригии, при Иссе, произошло решительное сражение, в котором погиб Антигон. Об участии среднеазиатских континентов в этом сражении прямых известий нет. Однако Диодор сообщает, что в составе войск Селевка было 12 тыс. кавалеристов и конных лучников – последние, несомненно, происходили из Средней Азии¹⁴.

Административное устройство государства. Организация наместничества

По данным Аппиана¹⁵, Селевк господствовал над 72 сатрапиями. Исходя из этого сообщения, А.Гутшмид выдвинул предположение, которое часто стали повторять (в том числе и в работах на русском языке) уже в виде бесспорного факта, что Селевк I резко увеличил число сатрапий, доведя его до 72, с целью уменьшить

могущество наместников. Позже якобы вновь начинаются слияние административных единиц, и правители отдельных частей – эпархи, объединявшие в своих руках и военную и гражданскую власть, выступают на положении старых сатрапов. Этот процесс слияния, писал А.Гутшмид, далеко зашел уже к началу правления Антиоха III¹⁶.

Однако это сообщение, как предполагают некоторые современные историки, не следует рассматривать в буквальном смысле. Дело в том, что Селевкидское государство в первой половине III в. до н.э. фактически состояло примерно из 20-30 сатрапий¹⁷. Следует считать правильным, что цифра Аппиана (72 сатрапии) имеет фигуральный смысл и что ею он просто хотел подчеркнуть обширность принадлежавших Селевку I территорий¹⁸. Возможно, что это было не количество сатрапий, а число более мелких административных единиц.

В.Тарн, проанализировав наименование административных единиц в Селевкидском государстве, пришел к выводу, что деление было трехчленным: сатрапия – эпархия – гиппархия¹⁹, но это заключение оспаривается некоторыми учеными. Так, Х.Бентсон, не согласившись с предложением В.Тарна, предло-

жил иную, хотя также трехчленную схему: сатрапия – гиппархия – топархия (последнее лишь как вероятное). Такое деление должно было существовать в государстве в целом. На востоке же, предполагает Х.Бентсон, вероятно, имелось еще одно деление, промежуточное между сатрапией и гиппархией²⁰. Во главе сатрапий обычно стоял сатрап, но это не было безусловным правилом, иногда глава сатрапии назывался "стратег". Жесткой системы явно не было, к тому же "имеющиеся в нашем распоряжении указания не дают связного целого, а терминология источников далеко не точна"²¹.

Совершенно ясно, что в руках сатрапов сосредоточивалась огромная власть. По словам Х.Бентсона, сатрап в своей провинции "представлял в миниатюре то, чем являлся царь в государстве в целом". Однако сатрап не обладал высшей военной властью, особенно когда народу с ним имелся командующий войсками – стратег. Это разделение было решающим условием, обеспечивавшим могущество центральной власти. Правда, в восточных провинциях, в частности в Бактрии, этот принцип (по всяком случае в более позднее время) последовательно не проводился. Основное внимание Селевк I обращал на западную часть своего государ-

Антиох I. Портреты на монетах

ства. Восточные сатрапии оказались окраинной. Но успехи Селевка I на западе ни в какой мере не умаляли значения для него восточных, в том числе среднеазиатских, владений. Напротив, "восточные провинции" играли, видимо, в экономике государства Селевка достаточно важную роль, так как, желая их укрепить, Селевк около 293 г. до н.э. назначил своим соправителем на Востоке старшего сына Антиоха²⁵.

PDF Compressor Free Version

Антиох был сыном Селевка I от брака, заключенного в Сузах еще при Александре Македонском в 324 г. до н.э. с дочерью Спитамена – Апамай. Жена Селевка I, Апама²³, пользовалась исключительным почетом как со стороны своего мужа, так и сына – Антиоха I; ее именем назывались многочисленные города, ей оказывались и другие почести. Ряд историков считает, что это имело политический подтекст – желание подчеркнуть ахеменидскую генеалогию селевкидской династии (они исходят из предположения, что Апама по матери была ахеменидского происхождения)²⁴. Такая тенденция в политике Селевкидов действительно имела место.

Еще до своего соправительства, начиная примерно с 301 г., Антиох выполнял по поручению отца какие-то административные функции на Востоке. Теперь же, в 293 г. до н.э. ему было на правах соправителя, носившего титул "царя" (в вавилонских документах неоднократно упоминаются «Селевк и Антиох "цари"»), поручено управлять всем Востоком. Это была огромная территория, включавшая подчиненную Селевкидам часть Средней Азии, почти весь Иран и часть Месопотамии – до Евфрата. Столицей Антиоха была Селевкия на Тигре²⁵, но положение на Востоке было таково, что Антиошу пришлось особое внимание обратить на Среднюю Азию²⁶.

БОРЬБА НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ С СЕЛЕВКИДАМИ В КОНЦЕ IV – НАЧАЛЕ III В. ДО Н.Э.

Письменных источников о Средней Азии в период соправительства Антиоха и Селевка I немного, но их анализ позволяет прийти к некоторым важным выводам.

**Судьба городов,
основанных
Александром
Македонским**

Плиний сообщает, что Александрию Маргианскую разрушили "варвары", и Антиох построил город на том месте, назвав его Антиохией²⁷. Какова же была судьба других городов, основанных Александром Македонским? Отвечая на этот вопрос, В.Тарн высказал немало

остроумных догадок и предположений, в частности об Александрии на Оксе, которую он уверенно локализует в Термезе. В связи с этим он обратил внимание на то, что на "Карте Пейтингера"²⁸ имеется какая-то Антиохия Тармата, фигурирующая и в некоторых других источниках. Что же касается Александрии Эсхаты, то Аппиан говорит, или скорее подразумевает, что этот город был основан Селевком²⁹. У Стефана Византийского названа какая-то "Антиохия в Скифии". Вместе с тем на "Карте Пейтингера" на южной стороне Аракса – Сырдарьи рядом находятся как два различных пункта "Александрия" и "Антиох". Сопоставляя эти (и другие) данные, В.Тарн приходит к выводу, что "Антиохия в Скифии" – это Александрия Эсхата, почему-то переименованная.

Однако ни Селевк, ни его сын Антиох никогда не переименовывали "Александрию", если их к тому не принуждали обстоятельства, как это было в случае с Александрией Маргианской. Необходимость повторного основания не только ее, но и двух других была вызвана, по В.Тарну, нашествием кочевников, которыми эти города были разрушены.

Тот же исследователь связывает с этими событиями и экспедицию Демодама. Демодам, сын Аристида, один из выдающихся граждан Милета, в начале III в. до н.э. играл заметную роль в жизни этого города. Как сообщает Плиний, Демодам выступал как стратег во время правления Селевка и Антиоха – фраза, которая может относиться лишь ко времени объединенного правления PDF Compressor Free Version 293-280 гг., когда Антиох управлял Востоком. Из Плиния также известно, что Демодам пересек Яксарт и воздвиг за ним алтари Аполлону³⁰. По мнению В.Тарна, поход Демодама за Яксарт преследовал те же цели, что в свое время и поход Александра Македонского, причем он был начат вслед за тем, как Александрия под именем Антиохии, была уже восстановлена.

Что касается хронологического определения событий, то В.Тари склонен думать, что поход имел место между 293 (год назначения Антиоха) и 289 г. (год начала чекана селевкидских монет в Бактрии, по Невеллу). Лишь усмирив восстание, Антиох смог начать чекан местной монеты. Высказывается предположение, что вообще назначение Антиоха на Восток было ответом на начавшееся сакское вторжение³¹.

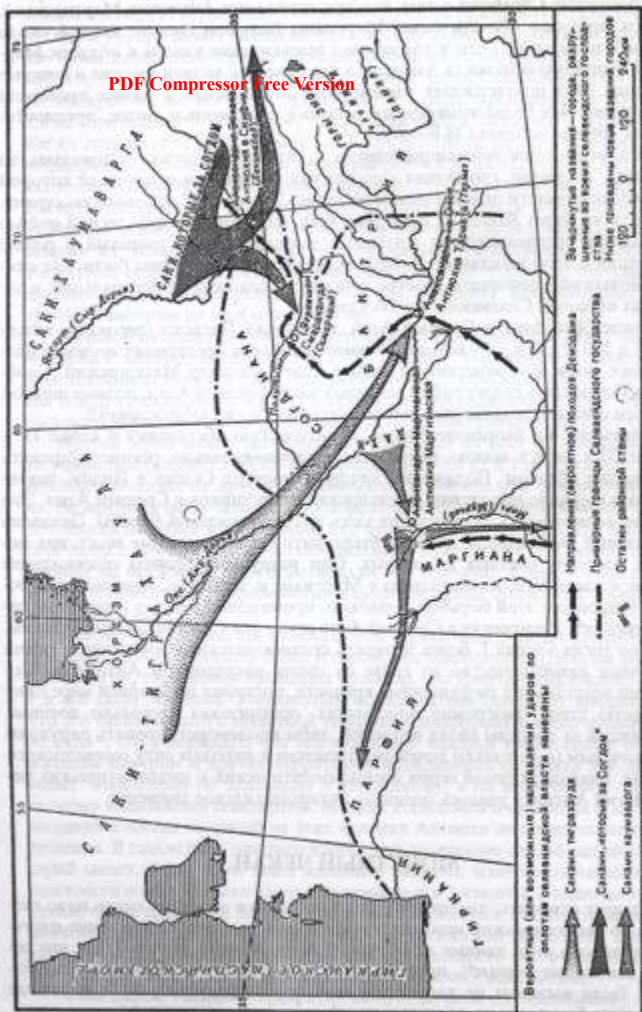
Гипотеза В.Тарна очень привлекательна, но во многом основывается на недоказанных положениях. Местоположение Александрии Оксиданской на месте Термеза нельзя считать доказанным, хотя в свете новейших археологических открытий исключить этого нельзя. Следовательно, ее тождество с "Антиохией Тарматой" весьма проблематично, и выводы, покоящиеся на этом исходном пункте и на аналогии с событиями в Маргиане, можно рассматривать как остроумную, но слабо аргументированную фактами гипотезу.

Большее оснований имеют построения В.Тарна в части Александрии Эсхаты. Уже И.Г.Дройзен высказывал предположение, что Александрия Эсхата была восстановлена полководцами Селевка и Антиоха, – в этом он искал объяснение сообщению Аппиана. В.Чериковер также считал, что сообщение Аппиана следует, вероятно, понимать таким образом, что Селевк "вновь, быть может, отстроил город, покинутый греческими солдатами"³². Следовательно, В.Тари лишь развил уже высказывавшиеся точки зрения, причем его трактовка источников более убедительна – Александрия Эсхата была, конечно, разрушена восставшими местными племенами и прежде всего кочевниками. Следует признать также правильную его трактовку целей и характера экспедиции Демодама.

Вполне вероятно, что соответствует истине и другой вывод В.Тарна: в начале III в. до н.э., очевидно, имело место большое движение кочевников, сократившее ряд форпостов селевкидской власти – основанных Александром Македонским городов-крепостей. Конечно, к ним должны были присоединиться (а этого В.Тари не учитывает) и жители оазисов.

Говоря о разрушении Александрии Маргианской, Плиний просто констатирует факт, что ее разрушили "варвары", за которыми кроются, по В.Тари, кочевники-саки, по М.Е.Массону, – маргианцы³³. Специальное исследование посвятил этому вопросу польский историк И.Вольский. Во времена походов Александра Македонского в Среднеазиатском междуречье жили дахи. Из источников известно также, что позже (в III в. до н.э. – I в. н.э.) они располагались на территории Южной Туркмении. Сопоставив эти факты и исходя из предположки, что во времена похода Александра Македонского дахов в Южной Туркмении не было, И.Вольский приходит к выводу, что они вторглись на территорию Южной Туркмении в конце IV – начале III в. Именно это вторжение было, по его мнению, причиной разрушения Александрии Маргианской и ответных действий Селевка³⁴.

Вероятные (или возможные) направления ударов по оплотам сакского государства

- Сакские нашествия
- Сакские вторжения за Согдом
- Сакские завоевания

- Направление (вероятное) походов Демосана
- Первоначальные границы Сакского государства
- Остатки рабовладельческой станы

Зачёркнутые названия — города, разрушенные во время сакского государства
 Имена принадлежат новым названиям городов

Борьба против сакского государства в Средней Азии

Сообщение Страбона о том, что при основании Антиохии Маргианской, Антиох приказал обнести оазис Маргианы большой стеной, длиной около 250 км³⁵, показывает, что в тот период селевкидские власти в области Маргианы основную опасность для своего владычества видели именно в кочевых племенах. Это подтверждает мнение, что опустошения в оазисе произвели кочевники³⁶. Из более конкретных решений, изложенных выше, предпочтительнее мнение историка И. Вольского³⁷.

Что же касается экспедиции одного из стратегов Селевка – Демодама, то это была, очевидно, громадная карательная экспедиция, в процессе которой селевкидские власти огнем и мечом пытались “заморить” непокорную страну. Переход же через Яксарт (Сырдарью) был, вероятно, вызван тесной связью восставших среднеазиатских жителей с заяксартскими племенами и ролью последних в этом восстании. В экспедиции Демодама должны были, как считает Вольский, принимать участие войска, присланные из центральных и западных областей Селевкидского государства.

После Демодама в Средней Азии действовал Патрокл (вероятно, между 286/85 и 280 гг. до н.э.)³⁸, который с помощью флота предпринял изучение Каспийского моря, что намеревался сделать еще Александр Македонский. Сообщения Патрокла о гидрографии западной части Средней Азии, полные ошибок и недоразумений, позднее служили источником многих заблуждений³⁹.

Учитывая все вышеизложенное, политическую обстановку в конце IV – начале III в. до н.э. можно, разумеется предположительно, реконструировать следующим образом. Поражение, которое потерпел Селевк в Индии, значительно подорвало положение селевкидских наместников в Средней Азии. Это создало возможность для усиления здесь антиселевкидской борьбы. Одним из проявлений этой борьбы должны были быть многочисленные восстания местных жителей, оседлых и кочевых. Они разрушали оплоты селевкидской власти, в частности, Александрию в Маргиане и, вероятно, Александрию Эсхату. В процессе этой борьбы, возможно, произошли крупные этнические передвижения⁴⁰. Положение в Средней Азии стало для Селевкидов критическим. Именно тогда Селевк I, боясь потерять среднеазиатские провинции, учредил восточное наместничество во главе со своим наследником Антиохом. Последний восстановил разрушенные крепости, построил по крайней мере одну огромную стену, разгромил восставших, организовал несколько военных экспедиций за пределы своих владений, дабы продемонстрировать окружающим кочевым (и не только кочевым) племенам и народам силу селевкидского оружия. Благодаря целой серии военно-политических и дипломатических мероприятий Антиохи удалось подавить антиселевкидское движение.

МОНЕТНЫЙ ЧЕКАН

Следует отметить, что литературные источники содержат очень мало сведений об экономической истории селевкидского периода. Совершенно отсутствуют такого рода данные для Средней Азии. Можно, конечно, как это делают некоторые ученые⁴¹, предположить, что экспедиции Демодама и Патрокла были вызваны не только военной необходимостью, но и желанием обеспечить безопасность торговых путей.

Несомненно, что Антиох пытался укрепить селевкидскую власть возобновлением старых и постройкой новых городов (крепостей). С этой же целью,

вероятно, стимулировался приток греческих переселенцев. Для освещения экономической истории целесообразно привлечь нумизматический материал.

Одна группа монет селевкидского чекана давно обратила на себя внимание нумизматов некоторыми особенностями, которые позволили сделать вывод, что эти монеты являются частью Селевкидского государства: конкретное же место их чеканки долго было предметом дискуссии. Но сейчас признается бесспорным, что их чеканили в Бактрии⁴². Наиболее ранние из этих монет с именем царя Селевка (312-280 гг. до н.э.) включают в себя тетрадрахмы (весом 16,3-16,7 г), драхмы (3,8-4,1 г), полудрахмы (2 г). Их принадлежность именно к бактрийскому чекану установлена с помощью следующих соображений: все известные образцы их попали в Британский музей из Индии; стилистически они очень отличаются от монет такого типа, чеканенных на западе Селевкидского государства; изображения на лицевой и оборотной сторонах обращены в противоположные стороны, что характерно именно для греко-бактрийских монет (до Эвтидема включительно); монограмма помещена на необычном месте.

Начало бактрийского чекана при Селевкидах связано с замещением Антиоха I, которое продолжалось с 293 по 280 г. По мнению Е.Ньюзлла, выпуск указанных монет должен был начаться вскоре после 290-289 гг. до н.э., так как стилистически они восходят к образцам западноселевкидского чекана, относимого именно к этим годам и продолжавшегося примерно до 285 г. до н.э.⁴³

Другая серия монет значительно отличается по весу от вышеописанных: тетрадрахмы (весом 12,6-13,8 г)⁴⁴, драхмы (2,8-3,4 г) и т.д. Доказано, что эти монеты в отличие от других селевкидских, в том числе и бактрийского чекана, базируются не на западном аттическом, а на индийском весовом стандарте⁴⁵. Высказывались точки зрения, что переход на новый стандарт был вызван торговлей с Индией или же возобновлением притязаний на Северо-Западную Индию; не исключено, что действовали обе причины. Следует отметить, что есть обоснованное предположение о существовании близкого стандарта и на территории Бактрии.

Важно, что именно на монетах этой серии, которую по стилистическим признакам следует считать более поздней, чем предыдущая (Ньюзлл относит ее к 285-280 гг., т.е. к концу правления Селевка), фигурируют два имени – Селевка I и его сына Антиоха. Упомянутый исследователь отвергает предположение, что это было связано с попыткой Антиоха декларировать свою независимость от отца⁴⁶. Он утверждает, что это изменение надписи имело целью облегчить жителям Бактрии и других территорий возможность отличать эти две серии монет: чеканенных по западному – аттическому, и по восточному – так называемому индийскому стандартам. Мнение Е.Ньюзлла о причинах и назначении введения в состав надписей на этих монетах Антиоха не представляется убедительным. В самом деле, для того чтобы дать населению способ различения этих серий монет, было легче всего изменить какие-то изобразительные элементы или ввести новые. Однако были изменены не эти элементы, а включено имя Антиоха, что в древности должно было рассматриваться как акт политического значения. Являлось ли это своего рода “политической разведкой” или же попыткой утвердить какую-то степень самостоятельности восточных областей от центральной селевкидской власти – сказать, конечно, невозможно.

Став царем, Антиох I прекратил выпуск монеты по “индийскому стандарту”. Нуждам местного обращения и выгодам индийской торговли он предпочел единство государства. На его бактрийских монетах появляется изображение

Монета бактрийского чекана Антиоха I.

головы и шеи лошади, в которой исследователи видят изображение бактрийской лошади. На одной группе монет Антиоха, наряду с его именем, читается начало другого имени "Абид...", которое, по мнению некоторых исследователей, может быть именем какого-то чиновника, наблюдавшего за чеканом монеты, сатрапа или полунезависимого правителя Бактрийской области⁴⁷. Но так как письменные источники не сохранили о нем никаких сведений, эти догадки, как отметил П.Гарднер, не могут быть подтверждены.

Бактрийский селевкидский чекан состоял из золотых монет – статеров, серебряных – тетрадрахм, драхм, полудрахм и оболв (шестая часть драхмы). Возможно, существовал чекан и медной монеты, в частности, поздние серии монет Антиоха I обнаруживают отсутствие не только оболв, но и полудрахм, что нумизматы связывают с вероятной эмиссией медной монеты. Выделить же из имеющихся образцов селевкидских медных монет типы именно бактрийского чекана пока невозможно⁴⁸.

На территории Таджикистана и Узбекистана зарегистрированы селевкидские монеты. Прежде всего следует сказать о монетах Амударьинского клада. Эти монеты, как известно, прошли через много рук, прежде чем попасть к специалистам. Уже П.Гарднер сомневался в том, все ли монеты, которые считаются входящими в Амударьинский клад, первоначально действительно входили в его состав⁴⁹. Современные нумизматические исследования, проведенные А.Р.Беллинджером и особенно Е.В.Зеймалем⁵⁰, позволили уточнить принадлежность тех или иных монет к Амударьинскому кладу. В Амударьинском кладе представлены 47 монет Селевка I, чеканенных шестью разными монетными дворами. Характерно, что в составе клада имелись четыре тетрадрахмы Селевка I, чеканенные в Бактрии и выпущенные до 285 г. до н.э., пять драхм 285-280 гг. до н.э. с именем Селевка и Антиоха, драхма, две полудрахмы и два оболва. Остальные

чеканены на западе (Селевкия на Тигре, Вавилон, Сузы, Экбатаны). Совсем иным было географическое распространение монетных дворов, на которых чеканились представленные в кладе монеты Антиоха I. Из четырех с половиной десятков монет лишь одна чеканена в г. Карры, все остальные в г. Бактры. Среди этих монет есть 11 золотых статеров, основная часть – серебряные, три монеты – медные (выпрямки, их принадлежность к кладу вызывает сомнения). На тетрадрахмах в легендах есть имя(?).

Кроме Амударьинского клада, селевкидские монеты происходят из Тахтисангина, Термеза и Кампыртепе. Найдены они также в Согде – в Самарканде. Такова медная монета (двойной халк), обнаруженная на поверхности городища Афрасиаб. Е.В. Зеймаль ушел, используя монеты из музейных коллекций и частных собраний, около двух десятков монет, происходивших из Трансоксианы и чеканенных Антиохом I (сейчас число их увеличилось). Среди них серебряные драхмы и полудрахмы, а также восемь медных монет. Все они чеканились в г. Бактры. Найдены в Термезе, Денау, Тахтисангине, Самарканде⁵¹.

Таким образом, в столице Бактрии г. Бактры осуществлялась широкая эмиссия монет при Селевке I и Антиохе I. Находки же этих монет на территории Северной Бактрианы и много севернее – в Согдиане, ставят сложный вопрос, в какой мере этот чекан был и был ли предназначен для Средней Азии? Большое внимание этой проблеме уделил Е.В. Зеймаль. Он считает, что власть первых Селевкидов распространялась лишь на какую-то часть правобережной долины р. Амударья. Вместе с тем он полагал, что “... у нас нет оснований считать, что чеканившиеся в г. Бактры (т.е. в собственно Бактрии, лежавшей к югу от Амударьи) золотые, серебряные и медные монеты были уже рассчитаны на обращение к северу от Амударьи, в Трансоксиане (точнее, в гипотетической “Северной Бактрии”, т.е. в правобережье Амударьи и в Согде)”⁵².

Впрочем, этот же исследователь выступил и с иных позиций. Он писал про эти монеты: “Трудно судить, проникли они за Амударью случайно или уже занимали какое-то место в денежном обращении Трансоксианы”. Далее он высказывается с большей определенностью: “Существование обширной “олигоценно и протяженной типологически группы местных, выпущенных в Трансоксиане, серебряных монет Антиоха I с изображением коня на об. ст., – решающий аргумент в пользу того, что именно эти селевкидские монеты были первыми иноземными монетами, уже не только проникшими за Окс в качестве кусочков дорогостоящего металла, но и положившими начало денежному обращению в Трансоксиане, самые первые шаги которого там можно, таким образом, датировать, начиная со второй четверти или с середины III в. до н.э.”⁵³. Не исключено, на наш взгляд, что и монеты Селевка I были на территории Трансоксианы не просто сокровищем, а деньгами. Во всяком случае, селевкидская эпоха – начало денежного обращения в Средней Азии.

ОБЛАСТИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В СОСТАВЕ СЕЛЕВИДСКОГО ГОСУДАРСТВА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ III В. ДО Н.Э.

Селевкиды и восточные сатрапии

Можно думать, что после смерти Селевка I (280 г.) его сын Антиох I, ставший теперь во главе всего Селевкидского государства, уже не мог сам заниматься восточными сатрапиями. Действительно, известий о дальнейшей деятельности Антиоха I в Средней Азии нет. “Царствование Антиоха I в Азии ... чрез-

вычайно темно: мы не можем сказать почти ни слова о нем⁵⁴, – писал выдающийся русский историк древнего мира Ф.Ф.Соколов.

События на западе разворачивались так, что присутствие там Антиоха I с войском было необходимо. Успешный борьбой с птолемеевским Египтом, Антиох I Сотер уже не возвращался больше в свои восточные владения.

В связи с вторжением галатов в Малую Азию, вероятно, в 277 г. до н.э. Антиох I, надо думать, приказал своему бактрийскому сатрапу прислать 20 слонов. Действительно, в 275 г. до н.э. они были приведены из Бактрии, бактрийский же сатрап, очевидно, получил их из Индии.

Эти слоны принесли Антиоху победу в битве в 275 г. до н.э.⁵⁵

Встречающееся в литературе утверждение, что одновременно к Антиоху было отправлено и золото, происходящее из Бактрии, – плод недоразумения⁵⁶.

События на западе не благоприятствовали Селевкидам. В одном источнике содержится следующая оценка деятельности Антиоха I: “Многими войнами он насилу спас владения отца, и то не все”⁵⁷. Возникает вопрос, относится ли это определение лишь к западным владениям Селевкидов или также к восточным? Ответить на него невозможно. Распад Селевкидского государства начался сразу после смерти Селевка I. Отдаленность Средней Азии от главных селевкидских центров и свободолюбие среднеазиатского населения могли способствовать стремлению к отделению.

В этой связи представляет интерес следующий факт. Своим соправителем Антиох I уже в 280 г. назначил своего старшего сына Селевка. Однако в 268–266 гг. до н.э. этот сын был казнен по подозрению в заговоре. Не собирався ли он провозгласить независимость восточных сатрапий (как это, по-видимому, в свое время пытался сделать его отец?). Но источники об этом ничего не сообщают⁵⁸.

Точные границы селевкидских владений в Средней Азии неизвестны, к тому же они не были, очевидно, постоянными, высказывались разные мнения об этих границах. Выше приводилось мнение Е.В.Зейделя. Однако письменные и иные источники в своей совокупности, на наш взгляд, указывают, что в эпоху максимального могущества на востоке в состав Селевкидского государства входили Бактрия, Парфия, Согд, Хорезм. В этот период, по-видимому, был сильным и независимым государством и не входил в состав этих владений, разрушительные походы Александра не коснулись его. Тем не менее с вторжением греков связи Хорезма с другими среднеазиатскими областями нарушились, и он попал в изоляцию. Это хорошо прослеживается на материале, полученном при раскопках древних памятников Хорезма и других районов.

Если раньше, для периода VI–V вв. до н.э. прослеживается очень большая общность в предметах материальной культуры, особенно в керамике, между Хорезмом и остальными среднеазиатскими областями, то начиная с конца IV в. в материальной культуре Хорезма резко наметилась своя собственная оригинальная линия развития, мало связанная с другими районами, входившими в монархию Александра Македонского, а затем в государство Селевкидов.

Военные неудачи на западе и связанное с ними ослабление военной мощи Селевкидов способствовали усилению сепаратистских настроений среди греческих наместников в среднеазиатских владениях. Стремление к отделению от государства Селевкидов и образованию небольших независимых царств проявилось не только на востоке, но и на западе, особенно на окраинах государств.

В Бактрии сепаратистские настроения возникли еще при жизни Александра, особенно во время его длительного индийского похода. Еще ярче эта

тенденция проявилась после его смерти – при Стасаноре. Однако при Александре и непосредственно после него при слабости разоренной македонцами Бактрии попытка эта была обречена на неудачу. К середине III в. до н.э. положение значительно изменилось.

Селевкидское государство, говоря словами М.Ростовцева, "состояло из многих областей, которые имели между собой мало общего и никогда не могли быть сплавлены во что-либо похожее на экономическое единство"⁵⁹. Вместе с тем происходил процесс экономического усиления среднеазиатских областей, сказавшийся в расширении ирригации, росте городов, увеличении торговли⁶⁰. Греческие наместники в Средней Азии стремились к сепаратизму; массы же среднеазиатского населения – к тому, чтобы сбросить иноземное иго. Для восстания против Селевкидов создались не только политические, но и экономические предпосылки.

КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СЕЛЕВКИДОВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Селевкиды активно занимались основанием городов, проводили широкую колониционную политику. Выше приводились данные о возобновлении Селевкидами некоторых городских центров, которые затем были названы "Селевкиями". В тех случаях, когда поселению давалось наименование по имени одного из членов династии, оно, вероятно, получало права полиса⁶¹. Вообще, при Селевкидах произошел полный разрыв с градостроительной политикой Александра Македонского, который применил смешение в основанных им городах (например, в Александрии Эсхате) различных этнических групп (греков, македонян, местного населения). Эти города были поставлены под жесткий административный контроль и не имели автономии⁶². При Селевкидах новые города создаются уже в виде полисов, ранее основанным городам также дается статус полиса. При этом "гражданский коллектив полисов формируется только из македонян и греков"⁶³.

В этих городах должно было быть сосредоточение греческого населения. Так, судя по имеющемуся в источнике знанию, относящемуся к Антиохии Маргианской (такие определения указывают на этнический состав жителей), среди ее греческого населения должны были играть большую роль греки из Сирии⁶⁴. Плиний (VI, 47) сообщает о Маргиане: "В ней Александр основал Александрию, которая была разрушена варварами. Но Антиох, сын Селевка, восстановил сирийский город на том же самом месте... Он предпочел, чтобы город носил его имя". Страбон (XI, 10, 2) также упоминает это событие. Птолемей (VI, 10) и позже Аммиан Марцеллин (XXIII, 6, 54) также знают, что в Маргиане находилась Антиохия. Таким образом, мы имеем бесспорные свидетельства существования греческих полисов в Средней Азии. Помимо Антиохии в Маргиане упоминается также Антиохия в Скифии и Антиохия Тармата. Другой греческий полис находился на южной границе современного Таджикистана, на южном берегу Пянджа, в Афганистане. Сейчас это – городище Айханум (об этом городе, его истории и культуре см. в следующей главе). Следует отметить, что зависимые от города деревни в Селевкидском царстве "... сохранили свою общинную организацию, их зависимость носила коллективный характер и они не были интегрированы в полисную территорию"⁶⁵.

Города Средней Азии в Селевкидское время

PDF Compressor Free Version

К сожалению, ни письменные источники, ни археологические материалы не дают ответа на вопрос о состоянии и внутреннем строе местных городов Средней Азии в селевкидскую эпоху, так что применительно к Средней Азии вопрос считается открытым. В западных частях государства Селевкидов многие из местных городов обладали известной автономией.

Обычно селевкидский царь давал завоеванному городу хартию, в ней определялся статус этого города. Иногда такая хартия утверждала уже существующий статус города. Привилегии включали льготы, в том числе финансовые, субсидии, преимущества святилищ. Но все это было односторонним актом милости со стороны правителя, который в любой момент из-за недовольствия сюзерена мог быть аннулирован. Однако в целом преамбулы утверждали хартии, данные их предшественниками. Существовали также автономные города⁶⁶. Но предположение, что в какой-то степени эта политика проводилась и в Средней Азии, пока не может быть ничем подтверждено.

По-видимому, в Средней Азии основывались также греческие военные поселения – катойки. Греческие переселенцы должны были составлять основную опору селевкидской власти. В состав господствующего класса, разумеется, входила и местная аристократия.

Таким образом, данные о колонизационной политике Селевкидов в Средней Азии практически отсутствуют почти полностью. Однако, если учесть и более многочисленные материалы по соседним областям, можно с большой долей вероятности сделать заключение, что колонизационная политика Селевкидов коснулась и Средней Азии. Но в какой степени? Многие историки считают, что в основном градостроительная деятельность Селевкидов развертывалась на западе, а не на востоке, и меньше всего – в Средней Азии⁶⁷. Распространена и полярная точка зрения, по которой Средняя Азия была якобы чуть ли не наводнена греческими поселенцами. Например, Х.Бенгтсон, рассматривая вопрос об истоках военного могущества Греко-Бактрии, утверждает, что суть тут заключается в военных колониях, основанных в Бактрии Селевкидами⁶⁸. При решении этого вопроса в качестве решающего должно учитываться наличие в Средней Азии еще задолго до греко-македонского нашествия многочисленных местных городов и развитой городской жизни.

Синкретическая культура селевкидского времени в Средней Азии

Пребывание в Средней Азии значительных групп греческого населения, греческих городов и поселений привело к встрече и общению двух социально-экономических и этнокультурных структур – эллинистической и местного в разных его вариантах. Мощные импульсы эллинистической культуры шли из греческих полисов и поселений. При этом было несколько моделей взаимодействия. В самих греческих полисах и поселениях господствовал греческий этнос и были выражены местные этнические элементы, преобладающее значение имела греческая культура, но с включением местных, шире восточных, элементов, в частности в строительном деле, фортификации, типах сакральных сооружений. В зоне непосредственного контакта развивалась модель, где основой служила местная (бактрийская, согдийская и т.д.) культура, но она была обогащена разнообразными элементами греческой культуры. И, наконец, третья зона (модель), где фиксируется лишь проникновение отдельных сторон (элементов) эллинистической культуры.

Можно указать на такие важные элементы культуры, как греческая письменность. Она употреблялась не только в селевкидскую и последующую гре-

ко-бактрийскую эпохи, но и послужила основой для письменности кушанской и эфталитской эпох. Вместе с письменностью, очевидно, проникали различные литературные и философские сочинения (это известно по раскопкам на Айханум), элементы греческого театра, музыка, изобразительное искусство, элементы эллинистической мифологии и религии и т.д. Произошли перемены в архитектуре (распространение греческой колонны, портиков и т.д.). Разительные перемены произошли в производстве гончарной посуды. Ряд этих элементов эллинистической культуры превратился впоследствии, в греко-бактрийское и кушанское время, в органическую часть местной среднеазиатской культуры.

Для характеристики культуры Бактрии, шире – всего Таджикистана в селевкидское время и процессов бактрийско-эллинистического синтеза исключительно важное значение имеет Храм Окса на городище Тахтисангин, расположенный у впадения Вахша в р.Пяндж. Храм был выстроен в начале селевкидского времени по типу иранского храма огня, но с широким применением эллинистических конструкций, греческих алтарей и т.д. За 15 лет раскопок (1976-1991 гг.), проведенных Б.А.Литвинским и И.Р.Пичикяном, здесь накоплен огромный материал по архитектуре, искусству, вооружению, материальной культуре. Последовательная эволюция храма, все более глубокий бактрийско-эллинистический синтез прослеживаются вплоть до кушанского периода (детально материалы по Храму Окса проанализированы в следующей главе).

С другой стороны, контакт с греками в Средней Азии в свою очередь стал одним из важнейших каналов, по которым элементы культуры среднеазиатских народов проникали далеко на запад. Как правильно указывают некоторые авторы, в так называемой эллинистической культуре нашло свое отражение не “чисто” греческое культурное творчество, а своеобразное переплетение греческой и восточной культур. В развитии эллинистической культуры определенная роль принадлежит народам Средней Азии.

Включение значительной части Средней Азии в состав Селевкидского государства способствовало развитию международной торговли с ориентацией на запад, и, очевидно, на юг. Наряду с этим развивалась и местная торговля. Происходило внешне малозаметное, но неуклонное развитие городской жизни, ремесла, ирригации.

Таким образом, время вхождения Средней Азии в состав Селевкидского государства было периодом восстановления производительных сил страны, разрушенных греко-македонским нашествием, консолидации бактрийцев, согдийцев, парфян и других народов Средней Азии для борьбы с Селевкидами.

Глава VIII

ГРЕКО-БАКТРИЯ. ПАРФИЯ (III-II вв. до н.э.)

В III-II вв. до н.э. часть территории современного Таджикистана входила в состав могущественного Греко-Бактрийского царства. Важным дополнением скудных сведений письменных источников об этом государстве служат нумизматические данные и археологические материалы, которые (в отличие от письменных источников) постоянно пополняются. Для античных авторов Бактрия была "тридцатым царством" на краю обитаемого мира. Поэтому их внимание привлекали в первую очередь сведения обо всем диковинном и даже фантастическом, но об обыденных явлениях и событиях, из которых и складывалась жизнь Греко-Бактрийского царства, они сообщали далеко не всегда. С историей Бактрии в III-II вв. до н.э. тесно связана и история Парфянского царства. И хотя власть парфянских царей никогда не распространялась на территории Таджикистана, без упоминания о событиях, происходивших в соседней Парфии, было бы невозможно понять и представить связную историю греческих правителей Бактрии. Это прежде всего относится к фактам политической истории (и особенно к установлению их хронологии).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Отложение Бактрии
и Парфии от
Селевкидов

Обширная держава Селевкидов, простиравшаяся первоначально от Средиземного моря до Индии, была непрочным объединением и стала уменьшаться в размерах уже через несколько десятилетий после своего возникновения: у селевкидских царей просто не хватало сил одновременно и на борьбу с внешними противниками, и на междоусобные столкновения, и на поддержание в покорности стран и народов, завоеванных еще армиями Александра Македонского.

Бактрия, составлявшая самую дальнюю восточную окраину Селевкидского государства, судя по сообщению римского историка Помпея Трога (начало I в. н.э.), первой вышла из-под власти селевкидского царя и, "следуя этому примеру, народы всего Востока отпали от македонян"¹. Обстоятельства обретения Бактрией независимости и точная дата этого события вызывают разногласия среди исследователей и должны рассматриваться с учетом событий, происходивших в Парфии.

Об отделении Бактрии от Селевкидского государства Юстин (II или III в. н.э.)², в сокращенном пересказе которого до нас дошла "История Филиппа" Помпея Трога, упоминает попутно – в главе, посвященной парфиянам. "После Антигона ими (т.е. парфиянами) владел Селевк Никатор, а вскоре после того Антиох и его преемники. От его (т.е. Селевка I) правнука Селевка они впер-

вые отложились во время Первой Пунической войны в консульство Луция Манция Вульсона и Марка Атилия Регула. Это отпадение прошло для них безнаказанно, так как в то время происходили раздоры между двумя братьями-царями – Селевком и Антиохом, которые, сражаясь за власть, упустили возможность откарать отложившихся от них парфи. Тогда же отложился (от македонян) и Диодот, правитель множества³ бактрийских городов, и приказал именовать себя царем; следуя этому примеру, от македонян отпали народы всего Востока⁴.

Хронологические указания, использованные Юстином в приведенном отрывке, противоречивы и требуют комментариев. Селевк II Каллиник, который был правнуком Селевка I (а не Антиоха I) и при котором, по Юстину, произошло отделение Парфии, царствовал в 247-226/5 гг. "Раздоры между двумя царями-братьями – Селевком и Антиохом" – это длительная борьба Селевка II со своим младшим братом и соправителем Антиохом Гиераксом, женатом на дочери царя Каппадокии. В 241 г. Антиох Гиеракс отторг у Селевка II часть его западных владений, около 239-236 гг. они вели так называемую "Войну братьев" и оставались врагами до смерти Антиоха Гиеракса (226 г. до н.э.). Третье хронологическое указание ("во время Первой Пунической войны") никак не связанное с событиями в Парфии, но вполне естественное для римского историка, хотя и оказывается очень широким (264-241 гг.), "отсекает войну братьев" и все последующие события. И, наконец, казалось бы очень точная дата по римским консулам: Луций Манций, сын Авла, Вулсон Лонг и Марк Атилий, сын Марка, Регул II были консулами вместе только один раз – в 256 г. до н.э.⁵ Однако эту дату невозможно согласовать ни с годами правления Селевка II (247-226/5 гг.), ни с хронологией раздоров между царями-братьями (после 241 г.), а попытка считать ее ошибкой Юстина и исправить – дает 250 г. до н.э.⁶, но не снимает отмеченных выше расхождений.

Остается предположить, что Юстин, сокращая сочинение Помпея Трога, не вникал в эти "завульгаризованные" даты и соединил в одном предложении хронологические указания, которые относятся по крайней мере к двум разным событиям. И выяснить, какие это были события, необходимо с помощью таких источников, которые бы не зависели от данных Юстина (или Помпея Трога). К счастью, такой источник есть – это сведения о деятельности монетного двора в Бактрии. Судя по монетам⁷, он начал функционировать еще при Селевке I, активно работал в годы правления Антиоха I (281-261 гг.), но монет Антиоха II Теоса (261-246 гг.) здесь было выпущено очень мало и все они, как показал Э.Ньюэлл⁸, приходится на самые первые годы правления этого царя. К самым поздним монетам Антиоха II, которые были отчеканены в Бактрах⁹, непосредственно примыкают выпуски с легендой "царя Антиоха", но с необычными для этого царя изображениями: на лицевой стороне помещено изображение какого-то другого персонажа, а на оборотной стороне – иконографический тип "шагающий влево Зевс", никогда ранее не встречавшийся на селевкидских монетах. Находки таких монет известны и на территории Таджикистана¹⁰. Сопоставление с монетами, чеканенными от имени Диодота, показывает, что на этих необычных монетах с именем Антиоха на лицевой стороне помещен портрет Диодота, а шагающий Зевс-Диос на оборотной стороне – образительное "заявление" о принадлежности этих монет Диодоту, тесно связанное со значением его имени – "данный Диосом (Зевсом)"¹¹.

Судя по нумизматическим данным, в действиях Диодота, отказавшегося подчиняться Антиоху II, следует различать два этапа. Первоначально, изме-

нив только изображения на лицевой и оборотной стороне монет, он еще не принимает царского титула (или, во всяком случае, не объявляет об этом) и даже сохраняется в легенде имя Антиоха. Но, упрочившись у власти и убедившись в успехе, Диодот, спустя какое-то время, совершает следующий шаг: вместо имени Антиоха ставит на монетах свое имя и именует себя царем.

Если вспомнить о названных у Юстина датах, то прекращение выпуска в Бактрах монет Антиоха II и начало чеканки монет Диодота (с его изображением, но с сохранением легенды "царя Антиоха", т.е. монеты первого этапа) следует относить к 256 г. до н.э. (т.е. к дате по римским консулам у Юстина), а на чеканку Антиоха II в Бактрах (он начал царствовать в 261 г. до н.э.), таким образом, приходится около пяти лет. Уже выпуск Диодотом монет со своим портретом и со "своим" типом оборотной стороны был по представлению того времени равносильным открытому мятежу¹².

Монеты Диодота с именем Антиоха (первый этап) чеканились долго – по мнению Э.Ньюзланда¹³, не менее десяти лет (считая от 256 г.). Точная дата, когда Диодот провозгласил себя царем (второй этап чеканки – с легендой "царя Диодота"), остается неустановленной. Но, положе, Диодот не ставил на монетах своего имени, пока был жив и правил Антиох II (умер в 247 или 246 г. до н.э.). Можно предполагать, что начало второго этапа чеканки Диодота (и окончательное оформление царственного полновластия) приходилось на 247г. до н.э. или на ближайшие годы после этой даты.

Источники не содержат подробных сведений о том, как происходило отделение Бактрии. Высказывалось мнение, что "в этом движении приняли участие народные массы, боровшиеся против двойного гнета и стремившиеся к независимости"¹⁴, и даже что "восстание местного населения против иноземных поработителей было использовано Диодотом и направлено именно против Селевкидов"¹⁵, но никаких, даже косвенных, данных, которые подтверждали бы эти категоричные утверждения, просто не существует. "Наместник множества бактрийских городов", Диодот был назначен на эту должность селевкидским царем. Судя по изображению на монетах, он был немолодым человеком и вступил на пост "наместника" еще при Антиохе I (281-261 гг.). Массовые народные выступления коренного населения, если бы они происходили, скорее вынудили бы Диодота искать помощи у селевкидского царя, а не рвать с ним, провозглашая независимость. Располагая в Бактрии реальной и прочной властью, можно было (учитывая удаленность от основных областей селевкидской державы и явное бессилие Антиоха II) решиться на открытое неповиновение.

Загадкой для исследователей остается сохранение Диодотом на своих монетах (первый период) имени Антиоха, против которого он, по словам Страбона, "взбунтовал Бактриану"¹⁶. Но напомним, что имя Антиоха носил не только царь, из-под власти которого вышел Диодот, но и его отец и предшественник – Антиох I, который скорее всего назначил Диодота наместником Бактрии. При этом необходимо учитывать, что Антиох I был не только сыном Селевка I, но и внуком Спитамена, т.е. негреком по матери. Поскольку в 293 или 292 г. до н.э. – еще при жизни Селевка I – Антиох стал соправителем отца и ведал делами на Востоке, он, став в 281 г. до н.э. царем, должен был в Бактрах считаться "своим" и пользоваться особой поддержкой. Видимо, так же в Бактрах относились и к старшему сыну Антиоха I – Селевку, которого в 280 г. до н.э. Антиох I сделал своим соправителем, но затем, спустя тринадцать лет, сместил и казнил, что и открыло путь к престолу для Антиоха II.

Все это позволяет рассматривать имя Антиоха, сохранившееся на ранних монетах Диодота, как выражение приверженности Диодота к "партии" Антиоха I (и одновременно как напоминание о законности прав Диодота на власть, полученную от Антиоха I, не признающей занятия трона Антиохом I или каких-то его распоряжений, касающихся Бактрии. Если это так, то Диодот выступает не как противник селевкидского владычества над Бактрией, а как поборник "законного наследования", оспаривающий право Антиоха II стать царем. В любом случае, невозможно представить Диодота как выразителя интересов коренного населения Бактрии, если не считать высших представителей местной знати, уже нераздельно слитых – и по интересам, и через брачные связи – с греко-македонской администрацией и подвергнувшихся в той или иной мере эллинизации.

Первое отделение Парфии

К 256 г. до н.э. (дата по римским консулам) Юстин относит первое отделение Парфии от Селевкидов, явно отличая его от прихода к власти Аршака (о нем

говорится в этом же параграфе значительно дальше и в совсем ином контексте). Подробности о том, как происходило это первое отделение, источники не сохранили. Но есть основания считать, что в 256 г. до н.э., как и в Бактрии, отложение осуществилось по инициативе и под руководством наместника Парфии, назначенного на эту должность Антиохом I и не признававшего "законности" прав Антиоха II на селевкидский трон. Ни Юстин, ни Страбон не называют имени этого наместника, но позднее, сообщая о приходе к власти Аршака, Юстин упоминает правителя парфии Андрагора, победив и убив которого, Аршак завладел Парфией. Мог ли именно этот правитель Андрагор и быть тем селевкидским наместником, при котором в 256 г. до н.э. произошло впервые отделение Парфии от Селевкидской державы? Чтобы утвердительно ответить на этот вопрос, необходимо располагать доказательствами, во-первых, того, что этот Андрагор начал управлять Парфией как должностное лицо в системе селевкидской администрации, и, во-вторых, того, что к моменту убийства его Аршаком Андрагор провозгласил свою независимость. Такие доказательства, прямо связанные с именем Андрагора, имеются.

На принадлежность Андрагора к высокопоставленным чиновникам селевкидской администрации указывает греческая надпись из района Гургана (у юго-восточной оконечности Каспийского моря, точное место находки неизвестно). Надпись обращена к двум должностным лицам (без указания их ранга) Андрагору и Аполлодоту и составлена от имени некоего Эвандра в связи с освобождением раба Гермея¹⁷. В надписи нет точной даты, не сказано, что она составлена в правление "царя Антиоха и царицы Стратоники", т.е. при Антиохе I¹⁸, до 261 г. до н.э. Район, где была найдена надпись, входил в древности в состав исторической области Гиркании, составившей вместе с Парфией одну сатрапию. Должность Андрагора в надписи не названа, но поскольку он упоминается раньше второго чиновника – Аполлодота, можно предполагать, что он занимал более высокое положение, и, возможно, был сатрапом-наместником Гиркании и Парфии уже при жизни Антиоха I.

Как доказательство того, что после смерти Антиоха I и воцарения Антиоха II (261 г. до н.э.) Андрагор провозгласил свою независимость, следует рассматривать золотые и серебряные монеты с его именем¹⁹. Хотя имя Андрагора (и в греческой, и в арамейско-парфивской легендах)²⁰ на этих монетах не сопровождается царским титулом, сам факт выпуска золотых и серебряных монет от своего имени был равносителен открытому неповиновению: право

выпуска золотой и серебряной монеты в Селевкидском царстве (как и вообще на эллинистическом Востоке) безраздельно принадлежало царю и было одним из важных проявлений его полновластия²¹.

Поскольку Бактрия и Парфия в 256 г. до н.э. отказались, по Юстину, подчиниться **PDF Compressor Free Version**, можно предполагать, что действия Диодота и Андрагора были как-то согласованы, как сходными были и мотивы, которыми обосновывалось отложение этих областей, и силы, поддерживавшие мятежных наместников, – высшие слои греко-македонской части населения, уже сросшиеся воедино с местной знатью (их слияние, как известно, началось еще при Александре). Косвенное свидетельство о союзнических отношениях между Диодотом и Андрагором – страх перед Диодотом, который испытывал Аршак, когда пришел к власти, убив Андрагора. Только после смерти Диодота Аршаку удалось заключить мирный договор с Греко-Бактрийским царством²².

На монетах Андрагора встречаются не только греческие легенды (как у Диодота), но и арамейско-парфянские. “Парфянизация” затронула и изображения на монетах Андрагора: наряду с чисто эллинистическими типами (греческая квадрига, стоящая Афина, богиня Тихе в короне с изображением крепостных башен) на них появляется изображение правителя в царском (или сатрапском) головном уборе кирбасии, поверх которого повязана лента-диадема – символ царственности²³. О своих претензиях на власть Андрагор заявлял, таким образом, изобразительными символами, адресуясь как к широкой эллинистической аудитории (и в самой Парфии, и за ее пределами), так и к коренному населению Парфии, знакомому с такими знаками власти с ахеменидского времени.

О возможном союзе между Андрагором и Диодотом свидетельствует и определенная техническая близость между монетами этих двух правителей. Высказывалось даже предположение о том, что монеты Андрагора по его заказу были изготовлены на монетном дворе в Бактрах²⁴. Да и в составе Аму-дарьинского клада, найденного в Южном Таджикистане, были (наряду с золотыми монетами Диодота и др.) найдены и монеты Андрагора, тогда как на территории Парфии их находки пока неизвестны²⁵.

У нас нет прямых данных о том, что отложение Парфии от Селевкидов проходило в два этапа, как это было в Бактрии (два этапа чеканки Диодота). Но если антиселевкидские действия Андрагора и Диодота были согласованными, то, ожидая параллелизма в событиях, можно предполагать, что и отделение Парфии прошло две такие же стадии. В чеканке Андрагора есть две существенно различающиеся группы монет: одна – с греческими легендами, другая – с арамейско-парфянскими²⁶. Но монет Андрагора до нас дошло слишком мало для того, чтобы, опираясь на эти две группы, видеть в них отражение двух этапов обретения Парфией независимости.

Но, возможно, с такими двумя этапами связана твердая дата, как раз приходящаяся на время пребывания Андрагора у власти – 1-е нисана 247 г. до н.э. Не зафиксированная ни у Юстина, ни у других авторов, эта дата установлена тем не менее очень надежно – от нее более двухсот лет отсчитывались даты на территории всего Парфянского царства²⁷: она известна нам как начальная дата самостоятельного летоисчисления, получившего название “аршакидской” (или “парфянской”) эры²⁸. Имеется много документов, в которых годы указаны не только по этой эре, но и по другим летоисчислениям, употреблявшимся в пределах Парфянского царства (в частности, по селевкидской эре)²⁹, что по-

позволяет перекрестно проверить точность начальной даты этой эры. Но какое именно событие парфянской истории стало исходной точкой отсчета, остается загадкой для исследователей, породившей уже немало предположений, догадок и домыслов³⁰. Ясно только, что событие это было очень важным, поворотным в судьбе Парфии и парфян. Все попытки связать эту дату с приходом к власти в Парфии Аршака и Аршакидов³¹ невозможно согласовать, как это будет показано ниже, с теми хронологическими указаниями, которые есть у Юстина и у других авторов.

Две стадии отделения Парфии и Бактрии от Селевкидского царства, о которых говорилось выше, позволяют предполагать, что в Парфии, как и в Бактрии, 256 г. до н.э. был годом, когда Диодот и Андрагор фактически вышли из подчинения Антиоху II, а к 247 г. можно было бы отнести окончательное оформление их самостоятельности – провозглашение отложившихся областей независимыми царствами (помещение на монетах царского титула, акт официальной коронации и т.п.). В пользу предположения совпадения даты, установленной по разным источникам: для Бактрии 247 г. до н.э. – дата, после которой Диодот открыто именуется на монетах царем, а в Парфии этот же год становится исходной датой нового летосчисления (при том, что Андрагор пришел к власти как наместник явно раньше, а убийство его Аршаком произошло намного позже). Пока неясно, существует ли связь этих перемен с еще одним событием – смертью Антиоха II и воцарением его преемника. Но в любом случае эра, которая отсчитывалась от 1 нисана 247 г. до н.э., было бы правильнее называть “парфянской”, а не “аршакидской”, хотя Аршакиды приняли ее и применили не только в собственно Парфии (Парфиине), но и в Месопотамии, и в других областях и странах, вошедших во второй половине II в. до н.э. в состав Парфянской державы.

Приход к власти Аршака

Страбон упоминает только, что Аршак “ворвался в Парфию и подчинил ее себе”³². Юстин сообщает об этом подробнее: Аршак “с шайкой разбойников напал на парфян, победил их правителя Андрагора и, убив его, захватил власть над [парфянской] народом”³³. Еще более детальными сведениями располагал, видимо, Арриан. Он объясняет нападение на Парфию тем, что Аршак и Тиридат, его брат, “не стерпели надменности” управителя Парфии, нанесшего обиду одному из братьев³⁴. Но этот отрывок из сочинения Арриана дошел до нас в очень поздней передаче и содержит искажения, которые невозможно согласовать с данными других источников³⁵.

Хронологически свержение Андрагора и захват власти в Парфии Аршаком твердо увязываются с важным событием, происшедшим далеко на западе – в Малой Азии. Юстин прямо сообщает, что Аршак “напал на парфян”, “получив известие, что Селевк потерпел поражение от галлов в Азии”³⁶. Все годы царствования Селевка II Каллиника (247-226/5 гг.) – это непрерывная череда борьбы за власть и войн, иногда заканчивавшихся сокрушительными поражениями³⁷. Но “поражение от галлов в Азии” – это, несомненно, финал так называемой “Войны братьев”, которую Селевк вел со своим младшим братом Антиохом Гиераком, селевкидским наместником в Сардах и зятем царя Ариамена. Галльские отряды участвовали в решающем сражении при Ликире как наемники, приглашенные Гиераком. Об этом, помимо Юстина³⁸, сообщают также Полиен и другие авторы. Именно галлы обеспечили поражение Селевка II, но и Антиох Гиерак победу не праздновал: “галлы, думая, что Селевк пал в сражении, обратили оружие против самого Антиоха, так как

рассчитывали, что им будет привольнее грабить Азию, если они истребят весь царский род ... Антиох ... откупился от галлов золотом, как от разбойников, и заключил союз со своими же наемниками"³⁹. Точную дату этого ключевого для раннепарфянской хронологии события источники не сообщают, исследователи датируют сражение при Анкире по-разному, но расхождения не превышают четырех-пяти лет – между 240 и 236 гг. до н.э.⁴⁰ События в Малой Азии после битвы при Анкире (вторжение во владения Селевкидов царя Вифинии Эвмена и изгнание Антиоха Гиеракса из Малой Азии царем Пергама Атталом I) скорее свидетельствуют о более поздней дате и позволяют отнести захват власти в Парфии Аршаком приблизительно к 238-236 гг. до н.э.⁴¹

Противоречивы сведения о происхождении Аршака и о начальном периоде правления Аршакидов в Парфии. Юстин сообщает, что Аршак был "человек неизвестного происхождения, но испытанной доблести. Обычно он занимался разбоем и грабежом"⁴². Страбон приводит две версии происхождения Аршака. По одной из них Аршак был родом "скиф, владевший частью даев, называвшихся парнами и кочевавшими вдоль Оха (Теджена)"⁴³ и "от этих даев, говорят, ведет свой род Аршак"⁴⁴. По другой версии, приводимой Страбоном, "его считают бактрийцем, который, желая избежать господства Диодота, поднял Парфию к восстанию"⁴⁵. По Арриану, Аршак и его брат Тиридат принадлежали к знати Парфии, которая поддерживала их после захвата власти, но в другом месте они же названы "сатрапами Бактрии"⁴⁶. Согласовать эти версии, явно приводящие сведения не из первых рук (и сами отражающие попытки как-то сгладить противоречия между не дошедшими до нас первоисточниками), или уверенно отдать предпочтение какой-либо из этих версий, видимо, просто невозможно. Не вызывает сомнений насильственный захват власти Аршаком (независимо от того, принадлежал ли он к знати Парфии или был предводителем кочевников-парнов). И осуществлен он был, во-первых, вопреки союзническим отношениям Парфии и Бактрии (или договору между Андрагором и Диодотом), и, во-вторых, без каких-либо обоснований легитимности содеянного, без предъявления Аршаком прав (хотя бы фиктивных) на парфянский трон.

Имя Аршак стало тронным именем всех последующих царей этой династии (хотя у каждого из них, конечно, было и свое личное имя); память его парфяне чтит так, что с тех пор все парфянские цари нарекались именем Аршака⁴⁷. Если парфянские цари упоминаются в источниках только под тронно-родовым именем основателя династии, всегда необходимы дополнительные данные, чтобы понять, о каком именно царе идет речь. С этой же трудностью исследователи сталкивались и в связи с первыми Аршакидами – Аршаком, Тиридатом и их преемниками. Сейчас (благодаря нескольким документам из Нисы, содержащим генеалогические сведения)⁴⁸, можно с уверенностью оставить сомнения в историчности Аршака I⁴⁹ или Тиридата⁵⁰, возникавшие раньше. Тиридат правил после своего брата Аршака и вся последующая династия Аршакидов – это потомки по прямой линии, идущей от Тиридата⁵¹. Видимо, Аршак I царствовал недолго⁵² и не оставил потомства, но когда именно трон перешел к Тиридату – остается не установленным. Можно только предполагать, что присоединение Гиркании к Парфии и заключение мирного договора с Бактрией при Диодоте II (после смерти его отца – Диодота I) произошли еще при Аршаке I. Неудачная попытка Селевка II вернуть себе власть над Парфией (приблизительно 230-228 гг.)⁵³ была отражена или Аршаком I, или уже следующим царем -Тиридатом⁵⁴. У Юстина все

события, происходившие при Аршаке I и при Тиридате, приписываются царствованию основателя Аршакидской династии. Видимо, к Тиридату относятся слова Юстина о том, что "Аршак умер в глубокой старости"⁵⁵, но сведения Арриана о том, что Тиридат правил 37 лет, противоречат надежно установленным датам и вызывают сомнения⁵⁶.

Становление Парфянского царства

В первые десятилетия своего существования Парфянское царство состояло из области Парфии и присоединенной Аршаком I Гиркании. Оно играло весьма незаметную роль на международной арене, помышляя главным образом о сохранении своей независимости и от Селевкидов, и от Греко-Бактрийского царства. После неудачной попытки Селевка II в 230-228 гг. вернуть себе Парфию "Аршак (или Тиридат?), получив передышку, приводит в порядок Парфянское царство, набирает войско, закладывает крепости, укрепляет города и основывает на горе Апаортоне город под названием Дара"⁵⁷, но все это происходит в границах первоначальных владений. Обезопасило положение первых Аршакидов и заключение мирного договора с Греко-Бактрийским царством при Диодоте II, но в последней трети III – первой четверти II вв. до н.э. Парфянское царство продолжало оставаться скромным периферийным государством.

Монеты первых Аршакидов (на лиц.ст. – голова правителя в сатрапском головном уборе кирбаси, на об.ст. – сидящий на троне – дифрассе без спинок лучник) чеканились из серебра, были немногочисленны⁵⁸ и, видимо, не выходили за пределы владений Аршака I и Тиридата. Сейчас выделено шесть серий раннеаршакидских монет⁵⁹, но в целом они составляют обособленную часть аршакидской чеканки, заметно отличающуюся от монет всех последующих царей этой династии. Легенда на этих монетах (греческая) содержит имя Аршака (в родительном падеже) и – на двух сериях из шести – эпитет "самовластный"⁶⁰ или (еще на двух сериях) ее арамейско-парфянский эквивалент⁶¹. Царского титула на раннеаршакидских монетах нет, но – поверх головного убора правителя (на лиц.ст.) повязана лента – диадема, служившая знаком царственности. Изображения на этих первых аршакидских монетах – исходные для всей последующей парфянской монетной иконографии, а изображение сидящего лучника сохранилось на оборотной стороне аршакидских монет на протяжении более четырехсот лет – до конца существования династии, стали геральдической эмблемой царской власти в Парфянском царстве, сидящего лучника на аршакидских монетах обычно понимают как изображение обожествленного основателя династии⁶². В любом случае, для прижизненных монет Аршака I и Тиридата I (именно в их царствование эти шесть раннеаршакидских серий выпускались) такое объяснение принять нельзя.

Характерно, что прототипом для раннеаршакидских монет послужили не монеты непосредственных предшественников Аршакидов – Селевкидов и Андрагора, а монеты ахеменидского сатрапа Датама, чеканенные в г. Гарсе (Киликия) между 378-372 гг. до н.э.⁶³ Вряд ли следует, однако, видеть в этом сознательное обращение Аршака I именно к ахеменидской традиции и тем более усматривать в обращении к такому прототипу претензии Аршакидов на происхождение от ахеменидских царей⁶⁴. Исторической ситуации 30-х – 20-х годов III в. до н.э. в большей степени соответствует другое объяснение: с самой идеей государственности и всеми ее внешними атрибутами Парфия познакомилась под властью Ахеменидов, усвоив их как привычные символы. Да и на монетах Андрагора (с арамейско-парфянской легендой) ясно виден отказ от

"чужой" для Парфии эллинистической символики и обращение к тому же самому иконографическому арсеналу ахеменидского времени, к которому обратился и Аршак I.

Разноаршакидские эмиссии охватывают период от захвата власти в Парфии около 218-216 гг. и до возвращения Парфии под владычество Селевкидов при Антиохе III в 209 г. до н.э., т.е. они приходится на годы царствования Аршака I, Тиридата I и на самое начало правления его сына Артабана I⁶⁵. Чекану самого Аршака I принадлежат – предположительно – серии с эпитетом "самовластный", а остальные приписывают Тиридату I.

Страбон писал, что "сначала и он сам (т.е. Аршак), и его наследники были слабы, потому что вели постоянные войны с народом, у которого была отнята эта страна"⁶⁶, подразумевая борьбу не с коренным населением или греко-македонскими отрядами в Парфии, а с Селевкидами.

Бактрия во второй половине III в. до н.э.

Письменные источники сохранили очень мало сведений о событиях в Греко-Бактрийском царстве после его отделения от Селевкидов. Отчасти это объясняется тем, что, провозгласив независимость, Бактрия была вынуждена сократить связи с остальным эллинистическим миром,

от которого она оказалась отдаленной противостоящей (и даже враждебной ей) державой Селевкидов. Такая же изолированность и даже замкнутость Бактрии во второй половине III в. до н.э. прослеживаются и по монетным находкам, и по привозным вещам⁶⁷. Этим подтверждаются скудность и отрывочность сведений античных авторов о Греко-Бактрийском царстве далекой восточной окраины эллинистического мира.

Процессы, происходившие в социально-экономической и культурной сферах, могут быть реконструированы – при отсутствии письменных источников – с помощью находок хозяйственных документов или монет, памятников искусства или предметов вооружения, остатков ирригации или развалин древних зданий, но факты политической истории, опираясь на такие вещественные источники, восстановить невозможно. Даже монеты, отражающие, казалось бы, самым непосредственным образом смену царей на троне и являющиеся средством официальной политической пропаганды, далеко не всегда поддаются использованию в качестве исторического источника без тщательного осмысления и интерпретации со стороны исследователей. При этом многие заключения и соображения о политической истории Греко-Бактрийского царства поневоле оказываются гипотетическими, но иного пути "сложить" из разрозненных фактов общую картину, к сожалению, нет.

Диодот I

Сведения Юстина и данные о деятельности монетного двора в Бактрах позволяют, как было показано выше, считать, что отложение Бактрии от Селевкидов должно датироваться 256 г. до н.э., а Диодот уже занимал в это время должность селевкидского наместника в Бактрии, "правителя множества бактрийских городов"

Чтобы ответить – хотя бы предположительно – на вопрос, обратимся к событиям царствования Антиоха I, связанным с его восточными владениями. Уже упоминалось, что вскоре после своего вступления Антиох I Сотер назначил соправителем на Востоке своего старшего сына и будущего преемника Селевка⁶⁸. Но царствовать ему было не суждено: в 268 г. до н.э. Антиох I, обвинив его в неповиновении и заговоре, приказал казнить Селевка. Если Диодот стал наместником в Бактрии в 268 г. (или, во всяком случае, после этой даты), то его карьера началась примерно так же, как у Андрагора в Парфии.

К 256 г. до н.э. Диодот, видимо, сумел упрочить свое положение наместника: в его распоряжении было не только войско, но и экономические ресурсы Бактрии. Греческие города, видимо, оставались (как и в остальных частях Селевкидского царства) – в той или иной степени – самоуправляемыми, и их поддержка также была необходима Диодоту. Мог ли опираться Диодот на коренное население – бактрийцев? Эллинизация бактрийской знати началась еще в последней трети IV в. до н.э., поощрялись браки греко-македонских пришельцев с представительницами знатных местных родов и, вероятно, к середине III в. до н.э. этот процесс привел к широкому распространению среди бактрийской аристократии языка и культуры эллинов – македонцев, их образа жизни и т.п. (хотя, конечно, одновременно происходила и “бактрианизация” завоевателей). Бактрийская знать стала неотделима от греко-македонской верхушки и уже поэтому вряд ли составляла самостоятельную силу, способную противостоять честолюбивым намерениям селевкидского наместника.

Но существовали какие-то препятствия (и мы о них ничего не знаем), которые заставили Диодота на протяжении примерно десяти лет чеканить монеты со своим изображением, но с именем “царя Антиоха”. За этим можно видеть, как было показано выше, демонстрацию почтения к Антиоху I, которому Диодот был обязан властью в Бактрии (с именем Александра чеканил монеты Селевк I, а с именем Селевка – Антиох I, и т.д.). На конфликт с Антиохом II (через пять лет после его воцарения) Диодота могли заставить пойти и какие-то вполне конкретные действия этого царя (например, его желание назначить в Бактрию, а возможно, и в Парфию, нового наместника), существенно менявшие положение Диодота.

Предполагаемая дата принятия Диодотом царского титула, засвидетельствованного монетами, – 247 г. до н.э. Но никаких перемен в политике Греко-Бактрийского царства после этого, в его внутреннем или международном положении, доступные нам источники не обнаруживают. Противостояние Селевкидам продолжается, сохраняется (а возможно, становится и более прочным) союз с Парфией и Андрагором, который, видимо, тоже в 247 г. до н.э. провозгласил себя царем. Не случайно после убийства Андрагора (между 238 и 236 гг. до н.э.) Аршак больше всего опасается возмездия от Диодота. Можно только гадать, что помешало Диодоту покарать его и восстановить союз с Парфией (Юстин сообщает, что Аршак “собрал огромное войско”)⁹⁹.

Пресмником Диодота I на греко-бактрийском троне стал его сын, также носивший имя Диодот. Юстин приводит сведения о мирном договоре, который заключил с Диодотом II Аршак I¹⁰⁰ и “через короткое время ... сразился с царем Селевком (II), пришедшим наказать отложившихся [парфию] и остался победителем”. Это позволяет определить приблизительную дату смерти Диодота I и воцарения Диодота II – около 230 г. до н.э., поскольку отражение парфиянами карательной экспедиции Селевка II (по мятежу в Антиохии – событию, помешавшему Селевку продолжить военные действия, начавшиеся для него успешно) 228 г. до н.э. Всего, таким образом, Диодот I правил в Бактрии (сначала – как наместник, потом – как царь) приблизительно с 268 по 230 г. до н.э. Царствование Диодота II, видимо, было менее продолжительным. К сожалению, никаких других сведений о Диодоте II источники не сохранили, да и нумизматические данные об этом царе весьма неопределенны: пока даже не выработаны четкие критерии, позволяющие различать эмиссии Диодота-отца и Диодота-сына¹⁰¹.

Но имеются косвенные сведения, которые можно отнести к Диодоту II, в рассказе Полибия о том, как Антиох III, держа в осаде греко-бактрийского царя Эвтидема, вел с ним – через посредника – переговоры. Эвтидем просил передать селевкидскому царю, что "Антиох действует несправедливо, стараясь лишить его царства. Не он первый, – продолжал Эвтидем, – восстал против (селевкидского) царя, – напротив, он достиг владычества над Бактрией тем, что истребил потомство нескольких других изменников"⁷². Ясно, что "первым восстал против царя" Диодот I, а "потомство нескольких других изменников", истребленное Эвтидемом, несомненно, включает Диодота II. Дату смерти Диодота II и воцарения Эвтидема исследователи обычно (за исключением уточняющих данных) относят к 20-му году III в. до н.э.⁷³

Никаких сведений о том, почему именно Эвтидем выступил в роли карателя "изменников" тогда, до нас не дошло. Его захват власти в Бактрии, видимо, приобрел "проселевкидскую" окраску только, когда под давлением превосходящих сил Антиоха III Эвтидему приходилось упрямивать и применить много усилий, чтобы сохранить за ним царский титул.

Монета Эвтидема (увеличено)

У Страбона есть не вполне ясное упоминание о том, что "наместники взбунтовали сперва Бактриану, а друзья Эвтидема всю окрестную область"⁷⁴. Можно с уверенностью считать (как это нередко бывает у Страбона в его сочинении, посвященном не истории, а географии), что здесь речь идет о событиях, явно разделенных значительным промежутком времени. Эвтидем, если и был современником Диодота I, то, несомненно, младшим, и никак не мог выступать сподвижником в отношении Диодота I от Селевкидов. Поэтому похоже, что "друзья Эвтидема"

(т.е. те, кто его поддерживал) выступили, когда Бактрией уже правил Диодот II. Упоминание об "окрестной области" иногда толкуют как указание на то, что Эвтидем вторгся в Бактрию со стороны – из Согдианы, Маргьяны или какой-то другой области, соседней по отношению к Бактрии⁷⁵. Но если следовать прямому смыслу сказанного, то скорее речь идет о выступлении против Диодота II и его сторонников в столице Бактрии каких-то "провинциальных" сил – Эвтидема, видимо, поддержали нестоличные города или размещенные в "окрестной области" воинские отряды.

Полибий указывает, что Эвтидем был родом из города Магнесии в Малой Азии⁷⁶. Видимо, он не был связан родственными узами ни с Диодотом, ни

с селевкидской династией и захватил греко-бактрийский трон, как и многие в истории до и после него, по праву силы. Рассуждая о портрете пожилого Эвтидема на монетах, английский исследователь В.Тарн отмечал: "Достаточно посмотреть на его лицо, чтобы увидеть, почему он завладел короной: он намеревался **PDF Compressor Free Version**"⁷⁷. Далекое не всегда с умозаключениями этого ученого можно согласиться⁷⁸, но это его наблюдение невозможно не принять. Итак, Эвтидем – греко-бактрийский царь, пришедший к власти в 20-х годах III в. до н.э. насильственным путем, убив законного царя Диодота II и истребив потомство нескольких других "изменников".

Следующий отрезок царствования Эвтидема, попавший в поле зрения античных авторов, связан с большим походом Антиоха III против всех отложившихся от Селевкидов владений на Востоке (парфия, бактрийцев, индийцев, жителей Дрангианы и Арахозии и других областей), как бы повторявшим маршрут походов Александра (и Селевка I, участвовавшего в походах Александра до своего воцарения). Эвтидема не защитили ни десять тысяч конных воинов, выдвинутых вперед – для охраны переправы, ни могучие крепостные стены столицы, за которыми в итоге укрылся греко-бактрийский царь со своим войском. Осада Эвтидема началась в конце 209 или в 208 г. до н.э., а закончилась – не сражением, а длительными переговорами – в 206 г. до н.э. Военный неуспех Эвтидема обернулся, однако, для него серьезной политической победой. Уходя заново покорять Индию, Антиох III увозил с собой слонов, принадлежавших греко-бактрийскому царю, и обильные припасы для войска, а оставлял в Бактрии уже не самозванного правителя, а признанного им законным царем Эвтидема, с которым он заключил, как с равным, клятвенный союз и письменный договор.

Других событий, относящихся к пребыванию у власти этого царя, в источниках не засвидетельствовано, но в научной литературе существует немало "мифов", возникших в результате излишне свободного толкования информации, сохраненной источниками, а также произвольных построений и просто домыслов. Засоренность специальной и популярной литературы такими псевдофактами настолько велика, что для выяснения истины исследователю зачастую приходится тратить гораздо больше усилий на полемику, разоблачавшую подобные ложные "факты", чем на анализ и интерпретацию того, что действительно известно достоверно. Страх В.Тарна "устраивать" браки греко-бактрийских царей и военачальников с селевкидскими принцессами и создавать с их "помощью" совершенно фантастические "комбинации" исторических событий – наиболее простой и легко распознаваемый пример таких "мифов", особенно если читатель способен воспринимать их критически⁷⁹. Так получилось и с браком Эвтидема, которого В.Тарн "удачно" женил на принцессе, род которой восходил одновременно и к Селевкидам и к основателю Греко-Бактрийского царства – Диодоту I. Но для этого В.В.Тарну пришлось "осуществить" еще целую вереницу матримониальных союзов: Селевк II Калиник должен был около 246 г. до н.э. выдать свою сестру и дочь Антиоха II за Диодота I (главный "аргумент" В.В.Тарна – примерно в это же время Селевк II выдал двух своих сестер замуж за царя Понта и за царя Каппадокии, чтобы заручиться их поддержкой в Малой Азии и в борьбе с Египтом); но, поскольку Диодот II по возрасту не мог быть сыном этой селевкидской принцессы, пришлось считать его сыном от более раннего брака Диодота I; мирный договор Диодота II с парфянским царем, восставшим с Селевком II, был не по душе вдовствующей царице (она же – сестра Селевка II, она же –

мачеха Диодота II); она (или В.Тарн за нее ?) принимает важное решение – выдает свою (от Диодота I) дочь за Эвтидема (по В.Тарну “вероятно, одного из сатрапов Диодота”); а тот – и чтобы захватить корону, и чтобы соблюсти интересы Селевкидов – убивает Диодота II⁸⁰.

Более сложный случай – “миф” о том, что власть Эвтидема простиралась на Согдиану и на Среднюю Азию, а в конце его царствования был даже осуществлен поход в страну “фринов и серов”, т.е. в Восточный Туркестан⁸¹. Здесь весь ход умозаключений создателей этого “мифа” сложнее и запутаннее, что не делает его достоверней: нет никаких данных, которые хотя бы косвенно оправдали самое робкое предположение о походе при Эвтидеме в Восточный Туркестан. Столь же фантастично и беспочвенно утверждение, что после 206 г. до н.э. “Эвтидем решил по примеру Антиоха III двинуться в Индию”⁸², которое, к счастью, не получило широкого распространения в литературе.

Поход Антиоха III на Восток

Поход Антиоха III, о котором уже упоминалось, был важным событием не только для Бактрии, но и для Парфии, и заслуживает подробного рассмотрения.

После смерти Селевка II Каллиника в 226/5 г. до н.э. (он упал с лошади) его сыну и преемнику Селевку III Сотеру досталось в наследство царство, сильно уменьшившееся в размерах. Были потеряны не только Бактрия к Парфии, но и многие владения на западе. Уверенно себя чувствовали Селевкиды только в Месопотамии и в Северной Сирии. Об этом свидетельствуют не только письменные источники, но и нумизматические данные, отражающие деятельность монетных дворов. Когда Селевк III был убит во Фригии, на селевкидский трон взошел его младший брат – Антиох III (223-187 гг.), которому, хотя и не сразу, удалось восстановить прежнее могущество державы. Восточный поход Антиоха III, возможно, связан со смертью Тиридата (или, по Юстину, Аршака) и воцарением в Парфии его сына и преемника Артабана I (по Юстину, “тоже Аршак по имени”). В 209 г. до н.э. Антиох с войском (сведения Юстина⁸³, что оно состояло из ста тысяч пехотинцев и двадцати тысяч всадников, возможно, преувеличивают его величину) вступил в пределы Парфии. Парфянское войско, отступая, разрушало в пустынных местностях колодцы и каналы, но Антиоху III удалось, захватив Гекатомшлы, и преодолевая сопротивление парфянского войска, вступить в Гирканию, где были захвачены Тамбракс и Сириккс. В целом последствия этого похода не были сокрушительными для Парфии. Антиох III удовлетворился возвращением Парфии под власть Селевкидов, заключив с парфянским царем договор о союзе, ставивший аршакидских царей в подчиненное положение. Ни Артабан I (211-191 гг.), ни его преемники Фрипатий (191-176 гг.) и Фраат I (176-171 гг.), хотя и продолжали править своими владениями, ничем не проявляли своей царственности и, в частности, не чеканили собственной монеты.

Такая уверенная позиция Антиоха III объясняется, конечно, тем, что главная вина “бунтовщика”, отложившегося от Селевкидов, лежала на Андрагоре, которого Аршак I свергнул и убил. Но была и другая причина: Парфия не составляла главную цель похода Антиоха III – он стремился дальше на восток.

Греко-Бактрийское царство, которым, как мы знаем, правил уже Эвтидем, также не сумело остановить продвижение Антиоха III, хотя, внимательно наблюдая за событиями в Парфии, Эвтидем выдвинул войско к западной границе своих владений⁸⁴ и послал вперед большой отряд конницы для охраны переправы через реку Арий (Герируд)⁸⁵. Антиох III, однако, сумел переправиться и обратил бактрийское войско в бегство, вынудив Эвтидема ук-

рыться за стенами города Зариаспа⁸⁶. Как и в Парфии, Антиох III, вероятно, не стремился покарать противника "огнем и мечом". Во всяком случае, источники не сохранили сведений о разрушениях и насилии над мирными жителями (как это было, когда Арриан и Курций Руф рассказывали о "подвигах" Александра в Средней Азии), да и военные действия велись спокойно. Эвтидем со своим войском находился в осаде около двух лет. После длительных переговоров между враждующими сторонами был заключен клятвенный союз и составлен письменный договор. Антиох III "давно уже мечтал о прекращении войны и потому охотно принял... условия замирения"⁸⁷. Главное желание Эвтидема состояло в том, чтобы "убедить Антиоха оставить за ним царское имя", а Антиох удовольствовался тем, что снабдил войска обильными припасами и забрал с собой слонов Эвтидема, чтобы отправиться дальше – в Индию. Хотя Антиох III несомненно одержал победу, Греко-Бактрийское царство сохранило свою независимость.

Видимо, условия союза, заключенного Антиохом III с Эвтидемом, были более выгодными для Греко-Бактрийского царства, чем договор с Антиохом III – для Парфии. Выше уже отмечалось, что почти полвека (если не больше) после поражения в этой войне парфянские цари не выпускали своей монеты, а в Бактрии сам Эвтидем и его преемники не только продолжали чеканку без каких-либо признаков подчинения Селевкидам. Таким образом, поход Антиоха III на Восток, хотя и продемонстрировал превосходство его армии, не привел к реальному возвращению Парфии и Бактрии под власть Селевкидов, а, наоборот, после заключения союзных договоров оформил фактическую независимость этих отделившихся царств, теперь уже потерянных Селевкидами навсегда. Новых попыток подчинить их себе ни сам Антиох III, занятый войнами с Египтом, ни его преемники уже не предпринимали.

Деметрий

После Эвтидема власть в Греко-Бактрийском царстве перешла к его сыну Деметрию. Первые (и наиболее подробные) сведения о нем относятся к 206 г. до н.э., когда он принимал участие в заключении мира и союза с Антиохом III. Эвтидем тогда – видимо, из осторожности – в непосредственные контакты с Антиохом III не вступал, обсуждая условия замирения через посредника по имени Телей, но "послал своего сына Деметрия завершить переговоры. Царь (Антиох III) принял его ласково и, найдя, что юноша по наружному виду и по прекрасному обращению достоин царского сана, во-первых, обещал ему руку одной из своих дочерей, и, во-вторых, согласился сохранить за его отцом царское звание. Прочие условия вошли в письменное соглашение, и клятвенный союз был заключен"⁸⁸.

Эти сведения, приводимые Полибием, позволяют определить возраст Деметрия. Употребленный здесь термин "юноша" (νεανίσκος) показывает, что Деметрию было тогда 14-16 лет⁸⁹, т.е. родился он около 220 г. до н.э. Судя по тому, что Эвтидем дает Деметрию полномочия на заключение мира с Антиохом III, а Антиох признает его достойным царского сана, Деметрий, вероятно, уже был провозглашен соправителем и обладал, таким образом, царским титулом, но, естественно, не полновластным⁹⁰. Царем действительно правящим (а не только носителем титула, выполняющим более скромные обязанности, чем царь) Деметрий становится только после смерти Эвтидема – вряд ли ранее конца 90-х – начала 80-х годов II до н.э. (никаких уточняющих данных не сохранилось), но о его деяниях в Бактрии письменные источники ничего не сообщают.

Монета Деметрия (увеличено)

ного самим Деметрием или в его честь. Этим исчерпывается информация о Деметрии, которую сохранила письменная традиция⁹⁴.

Эти краткие и явно неполные данные о деятельности этого греко-бактрийского царя послужили поводом (но отнюдь не основанием) для провозглашения одними исследователями Деметрия “завоевателем Индии”, владения которого простирались от Сырдарьи до Индийского океана и от пустынь Ирана до среднего течения Ганга, включая Арахозию, Дрангиану, Гандхару и области в долине Инда⁹⁵, а другими исследователями – для категорического отрицания какого-либо присутствия Деметрия к югу от Гиндукуша (не говоря уже о его завоеваниях в Индии)⁹⁶.

Попытки привлечь данные индийской традиции, где, однако, нет прямых упоминаний о Деметрии, показала, что проникновение этого греко-бактрийского царя в Индию могло произойти около 185 г. до н.э. – при слабом правителе Брихандратха из династии Маурьев⁹⁷. “Этот трезвый и основанный почти во всем на фактах анализ” Б.Г.Гафуров признал убедительным⁹⁸, но вопрос о военных действиях Деметрия в Индии продолжает оставаться открытым.

Сведения письменных источников о Деметрии следует сопоставить с нумизматическими данными, они неоднократно привлекались для этого специалистами⁹⁹, но продолжают пополняться новыми материалами¹⁰⁰ – прежде всего с монетами, чеканенными от его имени. Подавляющее большинство монет Деметрия (как серебряных, так и медных) предназначалось для обращения в Бактрии (с греческой легендой на об.ст.), но известны и двуязычные его монеты – одна серебряная и несколько медных (на лиц.ст. – греческая легенда, на об.ст. – индийская легенда письмом кхароштки), которые – без каких-либо сомнений – были выпущены и обращались к югу от Гиндукуша.

Греко-Бактрийскими выпусками засвидетельствованы два варианта царского портрета: в одном случае волосы царя перетянуты легкой диадемой

Имя Деметрия, во-первых, упоминает Страбон (со ссылкой на Аполлодора из Артемиды), рассказывая о завоеваниях греко-бактрийских царей, которые якобы “покорили большее число народов, чем сам Александр⁹¹. Во-вторых, Юстин, повествуя о завоеваниях в Индии другого греко-бактрийского царя – Эвкратида, называет его противником “царя индов Деметрия”⁹². И, наконец, в “Парфянских стоянках” Исидора Харакского встречается название города в Арахозии – Деметрия⁹³, основанного или переименован-

(как на монетах Диодота и Эвтидема), в другом – на голове царя так называемый “слоновый шлем” (т.е. шлем, украшенный скальпом слона или его изображением)¹⁰¹. Но различия между этими двумя группами не ограничиваются только иконографией знаков царского достоинства: на монетах, показывающих Деметрия, изображен очень молодым (прослеживаются серии, которые передают разные стадии его “молодости” – мальчик¹⁰², юноша¹⁰³, молодой человек¹⁰⁴), тогда как Деметрий в “слоновьем шлеме” – это уже вполне взрослый (и даже зрелый) человек. Совсем иную царскую иконографию дает уникальная индийская (двухязычная) серебряная монета Деметрия: на его голове кавсия (плоская шапочка, напоминающая современный берет), из-под которой свешиваются концы диадемы, а судя по чертам лица, он примерно в том же возрасте, что и Деметрий в “слоновьем шлеме”¹⁰⁵.

Монеты Деметрия, на которых он изображен с диадемой на волосах (на об.ст. – стоящая Афина), – первый период в его чеканке, который начался около 206 г. до н.э. (переговоры о мире с Антиохом III) или чуть позже. При жизни Эвтидема Деметрий, будучи царем-соправителем, мог чеканить свою монету только с разрешения отца – царя или в столице, или в каком-то другом городе, если он правил одной из областей Бактрии как наместник. Монеты первого периода косвенно подтверждают такое предположение: они чеканились на провинциальном монетном дворе. Закончился первый период чеканки Деметрия (с учетом его постепенного “взросления” на монетах – и того, что он родился около 220 г. до н.э.) в конце 90-х – начале 80-х годов II в. до н.э., т.е. со смертью Эвтидема.

Монеты Деметрия второго периода (на лиц.ст. – царь в слоновьем шлеме, на об.ст. – стоящий Геракл, возлагающий венок себе на голову) выпускали те же монетные дворы, на которых чеканил свою монету Эвтидем, что подтверждает, таким образом, отнесение монет первого периода к Деметрио-соправителю. Продолжительность второго периода определить трудно: возможно, они выпускались не только в 80-х и 70-х годах II в. до н.э., но и позднее.

Особого комментария требуют двухязычные монеты Деметрия, выпускавшиеся и обращавшиеся к югу от Гиндукуша. Они не только подтверждают сообщения Аполлодора из Артемиды (у Страбона), что “Деметрий, сын бактрийского царя Эвтидема, совершил какие-то завоевания в Индии” (в самом широком и неопределенном смысле), но и показывают, что “царь индов” Деметрий, упоминаемый Юстином как противник Эвкратиды, – тот же самый греко-бактрийский царь, который чеканил монеты первого и второго периодов¹⁰⁶. На двухязычных монетах Деметрия его имя сопровождает дополнительный титул “Непобедимый” (ΑΝΥΚΗΤΟΥ – в греческой легенде, ΑΡΑΔΙΝΑΤΑ – в индийской), которого нет на его бактрийских выпусках, но на более поздних так называемых коммеморативных монетах (они выпускались уже после смерти Деметрия двумя царями – Антимахом и Агафоклом), чеканенных в честь Деметрия, этот дополнительный титул присутствует¹⁰⁷. Однако индийские (двухязычные) монеты Деметрия никак не проясняют вопрос о его завоеваниях в Индии и об их размерах и границах¹⁰⁸: их очень мало, буквально единицы. Известны (хотя и немногочисленные) находки его бактрийских монет (в том числе медных) в Аттоке и в Таксиле¹⁰⁹, существовал город Деметрия в Арахозии и, наконец, видимо, в Таксиле правили и выпускали монеты Панталон и Агафокл (см. о них ниже), возводившие свой род (или свое право на власть) к Деметрию. Можно отметить, что в иконографии и титулатуре нескольких индо-греческих царей много особенностей (в том

числе "слоновий шлем", кавсия и титул "Непобедимый"), как бы продолжающих "линию" Деметрия¹¹⁰. Вряд ли обширными были завоевания Деметрия в Индии, но какие-то области к югу от Гиндукуша он, несомненно, подчинил и правил там (сам или через наместников). Его слава завоевателя Индии, **RDF Compressor Free Version** которыми современными исследователями, скорее связана с тем, что он был первым греко-бактрийским царем, который осуществил экспансию на юг и тем самым, как уже справедливо отмечалось, "проложил дорогу более поздним греческим вторжениям и оккупации территории Северо-Западной Индии"¹¹¹.

Определяя, когда произошло вторжение Деметрия в Индию, следует иметь в виду, что существовал союзный договор с Антиохом III, который именно Деметрий в 206 г. до н.э. скрепил своей клятвой, в Индии, куда затем отправился Антиох III; такие же союзные договоры были заключены селенкидским царем с местными правителями. Пока был жив Антиох III (его убили летом 187 г. до н.э.), все эти договоры действовали. Возможная дата похода Деметрия в Индию, установленная по индийским источникам, – около 185 г. до н.э.¹¹², когда Деметрий мог считать себя свободным от клятвы, данной за двадцать лет до этого. Следует различать военный поход (он действительно мог привести Деметрия в глубинные земли Индии, но отнюдь не означал их покорения) и реальные завоевания, закрепившие за Деметрием какие-то владения к югу от Гиндукуша (похоже, что они были не столь обширны, как это представлял себе В.В.Тарн).

В правление Деметрия начался, по существу, уход греков из Бактрии в Индию, превращение греко-бактрийских царей и индо-греческих. Позднее этот процесс ускорили надвинувшиеся из глубин Азии кочевые племена. Но, видимо, одновременно происходила борьба за власть в Греко-Бактрийском царстве между самими греками. Возможно, в конце своего царствования Деметрий оказался вытесненным из своих бактрийских владений тем самым Эвкратидом, о котором Юстин упоминает как о противнике Деметрия, и царствовал последние годы жизни в своих индийских владениях, которые вряд ли были большими. Возможно, к этому времени относится и выпуск его двуязычных монет. Но и там Эвкратид сумел потеснить его. В любом случае, в 50-х годах II в. до н.э. Деметрию, если он был еще жив, перевалило за семьдесят.

Цари Бактрии 70-50 годов II в. до н.э. Всего в письменных источниках встречаются упоминания только о семи греческих царях Бактрии и Индии. Но сведения античных авторов оказываются очень далекими от подлинности: монетами засвидетельствовано существование еще не менее двадцати греко-бактрийских и индо-греческих царей, "размещение" которых во времени и пространстве вызывает большие трудности у исследователей. Создается впечатление, что при Диодоте I, Диодоте II и Эвтидеме вся Греко-Бактрия находилась под властью одного царя, а при Деметрии и позже бывали моменты, когда территория этого большого царства оказывалась поделенной между двумя и более царями, каждый из которых чеканил свои монеты.

Ко второй четверти II в. до н.э. (кроме Деметрия и Эвкратида, которые упоминаются в письменных источниках) следует отнести еще пять царей – Эвтидема II, Антимаха, Панталееона, Агафокла и Гелиокла, о которых мы знаем только по их монетам.

Эвтидем II изображен на его серебряных монетах молодым человеком (или юношей), его чеканка была явно рассчитана на территорию Бактрии

(только греческая легенда), легко отличима от монет Эвтидема I¹¹³, и по чисто нумизматическим соображениям¹¹⁴ должна быть помещена непосредственно после монет Деметрия. Видимо, царский титул Эвтидем II носил недолго: монеты его **PDF Compressor Free Version** отличаются разнообразием типов и штемпелей, неизбежно возникающим при длительной чеканке¹¹⁵. Эти нумизматические факты истолковывались исследователями по-разному¹¹⁶, но не вызывает сомнений, во-первых, что Эвтидем II принадлежал к роду Эвтидема I и, во-вторых, что его монеты обнаруживают преемственность по отношению к монетам Деметрия¹¹⁷. Это позволяет считать его (с неизбежным оттенком предпочтительности) сыном Деметрия и внуком Эвтидема I. Если вспомнить о соправительстве Эвтидема I и Деметрия, не исключено, что и юный Эвтидем II выпускал свою монету как "младший" царь-соправитель Деметрия, но недолго – не более двух-трех лет.

Монета Эвкратиды (увеличено).

Монета Гелиокла (увеличено).

Греко-Бактрийский царь Антиммах на его серебряных монетах изображался в плоской шапочке-кавсии (как у Деметрия на его индийской серебряной монете)¹¹⁸. В титулатуре Антиммаха появляется дополнительный эпитет ΘΕΟΣ ("Бог"), который нам известен и по титулатуре селевкидских царей, и по коммеморативной тетрадрахме в честь Эвтидема, выпущенной Антиммахом и Агафоклом, т.е. титул был принят Антиммахом вслед за Эвтидемом I. Коммеморативные тетрадрахмы Антиммаха выпускались в честь двух его предшественников – Диодота и Эвтидема I¹¹⁹. Наиболее обоснованными выглядят предположения о том, что Антиммах был сыном Эвтидема I и младшим братом Деметрия¹²⁰. Он появляется на политической арене после Эвтидема II и, видимо, ведет борьбу за власть с Агафоклом и Эвкратидом. Высказывались предположения, что владения Антиммаха контролировались не столько греко-бактрийским, сколько "греко-согдийским" царем¹²¹. Более определенно можно утверждать, что Антиммах, ведя борьбу с Агафоклом, завоевывал на какое-то время район Таксилы¹²². Точные даты правления Антиммаха определить невозможно, но – в пределах 2-й четверти II в. до н.э. – они скорее всего приходятся на конец 70-х – 60-е годы.

Панталейон и Агафокл – еще два греко-бактрийских царя второй четверти II в. до н.э. Но наряду с бактрийскими выпусками (с греческой легендой) оба они

выпускали и двуязычные монеты (с индийской легендой как письмом кхароштри, так и брахми)¹²³, т.е. они правили не только в Бактрии (или в какой-то ее части), но и имели владения в "Индии". Монеты Панталеона – очень, малочисленные¹²⁴ выпускались совсем недолго (вряд ли дольше нескольких месяцев) и предшествовали монетам Агафокла, которые изготовлялись теми же резчиками штемпелей и на том же (или на тех же?) монетном дворе.

Агафокл оставил нам необычный "генеалогический" документ-серию коммеморативных монет, с помощью которых он обосновал не столько свое происхождение, сколько право на власть. Коммеморативные монеты воспроизводят тетрадрахмы нескольких "предшественников" Агафокла. На лицевой стороне – изображение "предшественника" (как на его монетах), его имя, царский титул с дополнительным эпитетом, а на оборотной стороне – характерное для монет "предшественника" изображение божества и одинаковая для всех выпусков серии легенда "Царствующего Агафокла Справедливого". Вот кого "предъявил" Агафокл в качестве своих "предшественников": Александра Македонского (легенда на лиц.ст. – "Александра, сына Филиппа"), Антиоха I ("Антиоха Победителя"), Диодота I ("Диодота Спасителя"), Эвтидема I ("Эвтидема Бога"), Деметрия ("Деметрия Непобедимого") и Панталеона ("Панталеона Спасителя"). Нам не должно смущать, что самый скромный дополнительный эпитет-титул на этих монетах носит Александр Македонский, а Диодот I и Панталеон как бы "уравнены" одинаковым эпитетом, поскольку это не просто обоснование претензий Агафокла на бактрийский престол, а еще и полемика с аналогичной (но менее протяженной) серией коммеморативных монет Антимаха (в его списке только два "предшественника" – "Диодот Спаситель" и "Эвтидем Бог").

Явная полемичность этих двух коммеморативных серий позволяет понять, что Агафокл стремился "опровергнуть" право на власть именно Анти-

маха и, следовательно, был его современником (возможно, младшим) и соперником. Поскольку Деметрий и Панталеон включены Агафоклом в перечень его предшественников, выпуск коммеморативных монет этим царем (и само правление Агафокла) следует относить ко времени после Деметрия и Панталеона.

Наиболее вероятная картина, которая следует из этих нумизматических фактов, – Панталеон и затем Агафокл правили в индийских владениях Деметрия (и, возможно, были, как и Эвтидем II, его сыновьями).

Монета Антимаха (увеличено)

ями). Эвтидем II как соправитель Деметрия быстро сошел с политической сцены и в этой борьбе за власть не участвовал. Соперником Агафокла в борьбе за бактрийский трон оказался Антимах, который возводил себя к Диодоту и Эвтидему, минуя Деметрия. Как сын Эвтидема I и младший брат Деметрия он мог предъявить свои права на царствование, когда не стало прямого наследника – Эвтидема II. Агафокл, как представитель “ветви Деметрия”, мог оспаривать эти права. Такая реконструкция событий, основанная только на монетном материале, остается, конечно, гипотетичной, но было бы неправильно совсем отказываться от интерпретации и использования кумулятивных данных, если они остаются нашим единственным источником об этих царях и об их взаимном соотношении.

Эвкратид и Митридат I

Но события второй четверти II в. до н.э. в Греко-Бактрийском царстве развивались еще более сложно, поскольку в них, несомненно, играл очень важную роль еще один греко-бактрийский царь – Эвкратид. Сообщая, что Эвкратид пришел в власти в Бактрии почти одновременно с воцарением Митридата I в Парфии, Юстин отмечает, что “бактрийцы”, ведя непрерывно то одну, то другую войну, потеряли не только царство, но и свободу: измученные войнами с согдианцами, арахотами, драигами, ареями и индами, они, в конце концов, как бы обескровленные, были покорены более слабыми парфиями¹²⁵. Видимо, речь здесь идет о войнах и потерях не только одного Эвкратида, да и “покорения” всей Бактрии парфиями не произошло, хотя какие-то западные области действительно были отторгнуты парфиями у Греко-Бактрийского царства при Эвкратиде. Это подтверждается и словами Страбона, о том, что парфяне “присвоили себе часть Бактрианы, одолевши скифов¹²⁶, а еще прежде Эвкратида¹²⁷”. По Юстину, “Эвкратид вел эти многочисленные войны с величайшей храбростью; так, уже ослабленный ими, когда ему пришлось выдерживать осаду со стороны царя индов Деметрия, он посредством постоянных вылазок с тремястами воинов победил шестьдесят тысяч врагов. Вернувшись к себе после пятимесячной осады, он подчинил себе Индию¹²⁸”. Завоевания Эвкратида к югу от Гиндукуша находят подтверждение в его обильной чеканке двуязычных монет (на об.ст. индийская легенда письмом кхароштли), хотя из приведенного текста Юстина может сложиться впечатление, что завоевание Индии Эвкратидом было только военной кампанией, одноразовой акцией, не имевшей долговременных последствий.

“Во время обратного похода, – сообщает далее Юстин, – Эвкратид был убит в пути сыном, которого перед тем сделал своим соправителем. Сын этот даже не старался скрыть отцеубийства, как будто он убил не отца, а врага. Он проехал на колеснице по отцовской крови и приказал бросить труп без погребения¹²⁹”.

Парфия при Митридате I

Выход Парфийского царства на мировую историческую арену и превращение его из небольшого периферийного государства в могущественную державу связаны с именем Митридата I, занявшего парфийский трон в 171 г. до н.э. Он был правнуком Тиридата I и внуком Артабана I, племянником Аршака I¹³⁰, а его отец Фриапатий (или Фрианатак) правил Парфией сразу после Артабана I в течение пятнадцати лет (191-176 гг.)¹³¹ тихо и неприметно. Непосредственным предшественником Митридата I на троне был его старший брат Фраат I (176-171 гг.), единственное событие царствования которого, запечатленное источниками, – его успешные военные действия “местного значения” против

племени мардов, обитавших к югу от Каспийского моря¹³². Видимо, строгих правил престолонаследования от отца к сыну в те годы у парфян не существовало: от Аршака I власть перешла к его брату Тиридату I, а преемником Фраата I, имевшего много сыновей, стал Митридат I, да и после него царем (уже **PDF Compressor Free Version**) стал его брат Артабан II. Юстин специально подчеркивает, что Фраат I сам "предпочел передать свою власть брату своему Митридату, человеку исключительной доблести, считая, что царский сан налагает более важные обязанности, чем отцовство, и что он должен больше думать о родине, чем о своих детях"¹³³.

Митридат I царствовал тридцать пять лет (171-138/7 гг.) и большая часть значительных событий его царствования происходила далеко на западе от его первоначальных владений и Бактрии. Главным противником Митридата I в его завоеваниях было Селевкидское царство. Прежде ни Артабан I, ни Фриапатий не осмеливались нарушить "союзнический договор" с Антиохом III, ограничивавший их полномочия. В 187 г. до н.э. Антиох III бесславно погиб: "побежденный римлянами и обремененный тяжелой контрибуцией", он попытался, чтобы пополнить казну, захватить сокровищницу храма Бела в Элимаиде, но "его со всем его отрядом убили сбежавшие жители"¹³⁴. Но Парфия не решалась на противостояние Селевкидам и при Селевке IV Филопаторе, сыне Антиоха III (187-175 гг.), и при следующем царе – Антиохе IV Эпифане (175-163 гг.). Не только Фриапатий и Фраат I, но и Митридат I, придя к власти, не решался выпускать свою монету.

Первой "пробой сил" Митридата I, первой его попыткой увеличить свои владения, было присоединение Талурии и Тракснаны – областей к востоку от Парфии, подвластных греко-бактрийским царям. Видимо, это произошло, когда в Бактрии правил Эвкратид. Юстин, склонный к нравоучительным сентенциям, сопоставляет деятельность Митридата I и Эвкратита так: "Почти в одно и то же время стали царями Митридат в Парфии, а Эвкратид в Бактрии, оба великие мужи. Но судьба, более благосклонная к парфянам, довела их под водительством этого правителя до вершины могущества. Бактрийцы же, ведя непрерывно то одну, то другую войну, потеряли не только царство, но и свободу"¹³⁵. Дело не только в "благосклонности судьбы": Митридат I очень осмотрительно выбрал время для своего выступления против Селевкидов.

Он выжидал до той поры, когда после смерти Антиоха IV Эпифана царем был объявлен малолетний Антиох V Эвпатор (163-162 гг.) и когда трон захватил Деметрий I Сотер (162-150 гг.), до этого живший в Риме на положении заложника¹³⁶. Следующий царь Александр Балас (150-145 гг.) не принадлежал к законным наследникам, хотя его и поддерживали в борьбе против Деметрия цари Египта, Пергама и Каппадокии. Многолетние войны на западе, междоусобицы и нестабильность, ослабившие Селевкидское царство, сомнительность прав Александра Баласа на трон – вот обстановка, в которой Митридат I в 40-х годах II в. до н.э. начал расширять свои владения. Сперва он захватил Экбатаны и подчинил себе Индию, затем последовала Элимаида, отложившаяся в 147 г. до н.э. от Селевкидов. В 141 г. до н.э. войска Митридата I вступили в Вавилон и Селевкию, одерживая победы над следующим царем – Деметрием II Никатором (145-140 гг.), который в 135 г. до н.э. был захвачен парфянами в плен¹³⁷ (и был после этого прозван Сернидом – "кандалоносцем") и вернулся на селевкидский трон – спустя десять лет (129-125 гг.). Так при Митридате I за несколько лет Парфянское царство стало Великой Парфией и превратилось в мировую державу, а Селевкиды, потеряв

большинство своих владений, оказались низведенными до положения далеко не могущественной династии царей Сирии.

Именно Митридат I возвращает Аршакидам и право монетной регалии, возобновив через полвека с лишним чеканку. Это было прямое нарушение "союзнического договора", но некому было карать Парфию за такое проявление независимости. Видимо, Митридат I осмелился на такой шаг одновременно с началом экспансии на запад, т.е. не раньше конца 50-х годов II в. до н.э. Монетами отражено постепенное увеличение могущества Митридата I: сперва на них (как на раннеаршакидских выпусках) помещается только имя Аршак, затем к нему прибавляется титул "царь" (на раннеаршакидских монетах его не было), а в дальнейшем Митридат I (и все последующие аршакидские цари после него) именуют себя на монетах "великий царь"¹³⁸.

К концу царствования Митридата I владения Аршакидов простирались от гор Гиндукуша до Евфрата (включая кроме собственно Парфии и Гиркании) на востоке области, отвоеванные у Греко-Бактрии, а на западе – большинство областей Ирана и Месопотамии. Сын и преемник Митридата I Фраат II (138-128/7 гг.) упрочил завоевания парфии, нанеся в 129 г. до н.э. поражение Антиоху VII Сидетгу (138-129 гг.). Все последующие важные события в истории Парфянского царства происходили далеко от Средней Азии.

Юстин использовал рассказ об Эвкратиде и его неудачах как фон, оттеняющий достижения Митридатом I небывалого для парфянских царей могущества, и хотя при этом Эвкратид назван "великим мужем", остается не вполне ясным, какие заслуги и достижения этого греко-бактрийского царя делают его исторической фигурой, сопоставимой с Митридатом I. Но у нас есть другой источник, дающий представление о возвышении Эвкратиды и о состоянии при нем Греко-Бактрийского царства, – монеты Эвкратиды, чеканившиеся много лет и на нескольких монетных дворах. Количественно дошедшие до нас монеты Эвкратиды намного превосходят число монет Эвтидема II, Антимаха, Панталеона и Агафокла вместе взятых.

Монеты Эвкратиды можно подразделить на три периода. К первому периоду относятся монеты, изображающие Эвкратиду (на лиц.ст.) с диадемой на волосах, а на об.ст. – стоящего Аполлона с луком (два варианта легенды – "Царя Эвкратиды" и "Царя Эвкратиды Спасителя")¹³⁹. Отличительная особенность второго периода: на лиц.ст. – царь с диадемой на волосах, на об.ст. – скачущие Диоскуры и легенда "Царя Эвкратиды"¹⁴⁰. И, наконец, третий период: на лиц.ст. – царь в шлеме, на об.ст. – те же скачущие Диоскуры, но легенда "Великого царя Эвкратиды". К третьему периоду относится и индийская (двухзначная) чеканка Эвкратиды.

У Юстина есть прямые хронологические указания о начале правления Эвкратиды ("почти в одно и то же время стали царями Митридат в Парфии, а Эвкратид в Бактрии")¹⁴¹ и о его окончании – после рассказа об убийстве Эвкратиды сыном говорится: "пока эти события происходили в Бактрии, началась война между парфянами и мидянами"¹⁴². Митридат I начал царствовать в 171 г. до н.э., что позволяет приход Эвкратиды к власти датировать около 170 г. до н.э. (с возможными отклонениями, но небольшими). Что же касается даты смерти Эвкратиды, то "война между парфянами и мидянами", о которой упоминает Юстин, стала первым решительным шагом Митридата I в его наступлении на Селевкидов и была начата им в царствование Александра Балака (150-145 гг.). Слова Юстина "пока эти события происходили в Бактрии"

относятся не только к убийству Эвкратиды, но и к тому, что предшествовало этому трагическому эпизоду. Поэтому, с учетом неопределенности хронологического указания, смерть Эвкратиды следует датировать серединой 40-х годов II в. до н.э.

Попытки приписать Эвкратиду родство с династией Селевкидов¹⁴³, чтобы объяснить его возвышение и несомненное могущество, – “игра ума” исследователей, не подкреплённая фактами¹⁴⁴. Не принадлежал Эвкратид и к числу потомков Эвтидема по мужской линии, с которыми он вел борьбу (и весьма успешно, судя по его монетам) за обладание всем Греко-Бактрийским царством. Об этом свидетельствуют и коммеморативные монеты Эвкратиды, выпущенные, когда он уже именовался “Великим царем” (третий период его чеканки). На одной стороне этих монет изображен сам Эвкратид в шлеме и легенда “Царь Великий Эвкратид”, а на другой стороне – двойное изображение мужского (он ближе к зрителю, на первом плане) и женского бюста и легенда “Гелиокл и Лаодика” (без каких-либо титулов)¹⁴⁵. Ясно, что Гелиокл и Лаодика – родители Эвкратиды¹⁴⁶. Но почему они изображены (в отличие от других коммеморативных монет) оба – и отец, и мать? Ответ на этот вопрос дают сами монеты: на волосах Лаодики изображена диадема-басиллея – знак царственности, а Гелиокл изображен без диадемы. Таким образом, именно царское происхождение матери Эвкратиды – главный аргумент, которым на этих коммеморативных выпусках основывается “законность” занятия Эвкратидом греко-бактрийского трона (уже, впрочем, завоеванного “великим царем” до этого).

Нам трудно с уверенностью установить, к какому именно царскому роду принадлежала Лаодика – мать Эвкратиды. Имя Лаодика часто встречается среди представительниц рода Селевкидов, но и среди греко-бактрийских принцесс (мы не знаем имени ни одной из них) оно могло быть распространено не менее широко. Известно, что Антиох II пообещал юноше Деметрию руку своей дочери, но это единственный случай заключения брачного союза между греко-бактрийскими и селевкидскими царями¹⁴⁷, о котором есть сведения (если к тому же Антиох III действительно выполнил свое обещание). Поэтому больше оснований предполагать, что Лаодика была дочерью какого-то из греко-бактрийских царей. В этом случае самое вероятное (на это указывают простейшие возрастные подсчеты), что Лаодика была дочерью Эвтидема (а Деметрий тогда оказывается ее братом и дядей Эвкратиды)¹⁴⁸.

Эвкратид и Гелиокл

Начало чеканки Эвкратиды приходится (при всей субъективности оценки возраста по портрету на монетах) на его молодые годы, когда он выпускал монеты первого периода на одном из провинциальных монетных дворов Бактрии. Мы не знаем, в каком городе или в какой части Бактрии располагался этот монетный двор, но там же¹⁴⁹ чеканил монеты и Гелиокл – отец Эвкратиды и муж принцессы Лаодики. На коммеморативных выпусках Эвкратиды Гелиокл изображен без знака царского достоинства – диадемы, но на своих многочисленных тетрадрахмах и драхмах он именуется царем и на волосах его – диадема. Эти нумизматические факты (ранние монеты Эвкратиды, его коммеморативные выпуски и монеты Гелиокла с царским титулом) требуют взаимного согласования и выяснения, в каких условиях эти монеты могли выпускаться. Главный вопрос: когда и почему начал выпускать свои монеты молодой Эвкратид (до всех его завоеваний) и как его монеты первого периода соотносятся с монетами “царя Гелиокла”? Но, конечно, любое объяснение, которое можно предложить, остается гипотетическим.

Видимо, Гелиокл, будучи мужем принцессы Лаодики, получил от ее отца (Эвтидема ?) в управление какую-то часть Греко-Бактрийского царства и со временем (возможно, после смерти своего сюзерена и смены царей на троне) отказался признавать над собой верховенство греко-бактрийского царя. Если Лаодика – дочь Эвтидема I, то начало чеканки Гелиокла могло бы приходиться на 80-е годы II в. до н. э. Монеты молодого и юного Эвкратида (первый период) могли выпускаться параллельно с монетами его отца Гелиокла, если он стал его соправителем, “младшим” царем как принадлежащий к царскому роду по матери. С предоставлением соправительства малолетнему Эвкратиду (или с каким-то иным “доводом” в отстаивании права на власть) можно связать и появление на монетах Гелиокла дополнительного эпитета “Справедливый”.

Но все дальнейшие успехи Эвкратида в борьбе за греко-бактрийский трон, захват им – в борьбе с Антимахом, Агафоклом и другими претендентами – столицы царства и других бактрийских городов¹⁵⁰ – это события, в которых он не принимает видимого участия. Похоже, что его чеканка – на том же самом монетном дворе и с теми же изображениями и легендами – продолжается и позже, когда Эвкратид становится полновластным царем всей Греко-Бактрии. Гелиокл должен был оставаться “удельным” царем в своей области, но за ее пределами, в масштабах всей Греко-Бактрии, его царское достоинство, как показывает общебактрийская коммеморативная монета Эвкратида (где Гелиокл – без диадемы), не признавалось. Гелиокл сохраняет прежний титул “царь” и после того, как Эвкратид начинает именоваться “Великим царем”. Можно предположить, что во время многочисленных войн Эвкратида за пределами Бактрии – в Согде, в Арахозии, в Дрангиане, в Арее и в “Индии”, о которых сообщает Юстин, именно Гелиокл обеспечивал ему прочный тыл, но официальных властных функций на всей территории Греко-Бактрийского царства он не имел. Не исключено, что Гелиокл пережил своего сына Эвкратида. Этому не противоречило бы сообщение Юстина о том, что Эвкратид при жизни сделал соправителем своего сына¹⁵¹ – это было соправительство на греко-бактрийском троне, которого Гелиокл, видимо, никогда не занимал.

Юстин не называет имени сына и соправителя Эвкратида, который стал отцеубийцей. Очень долго исследователи полагали, что именно Гелиокл был сыном Эвкратида, совершившим злодейское преступление¹⁵². С появлением новых данных (преимущественно – нумизматических) Гелиокла можно считать полностью “реабилитированным”¹⁵³. После этого обвинение в отцеубийстве пало на другого греко-бактрийского царя – Платона, от которого до нас дошло не более двух десятков его тетрадрахм¹⁵⁴.

На лицевой стороне его монет – изображение самого Платона (или в диадеме, или в племе – как у Эвкратида), на оборотной – солнечное божество Гелиос (три варианта – стоящий в фас бог или едущий в квадриге, обращенной вправо или в фас) и легенда “Царя Славного Платона”. И типы оборотной стороны, и эпитет “Славный” (ΕΠΙΦΑΝΟΥ), не встречались ранее на монетах греко-бактрийских царей, да и в последующей чеканке греческих правителей Бактрии и Индии они не прижились. Можно утверждать, что монеты Платона выпускались сразу же после монет Эвкратида (некоторые стемпели для лиц. ст. изготовлены теми же самыми резчиками, которые делали последние монеты Эвкратида)¹⁵⁵. Не исключено, что монеты, изображающие Платона в диадеме, – это его выпуски как царя-соправителя, чеканенные когда

PDF Compressor Free Version

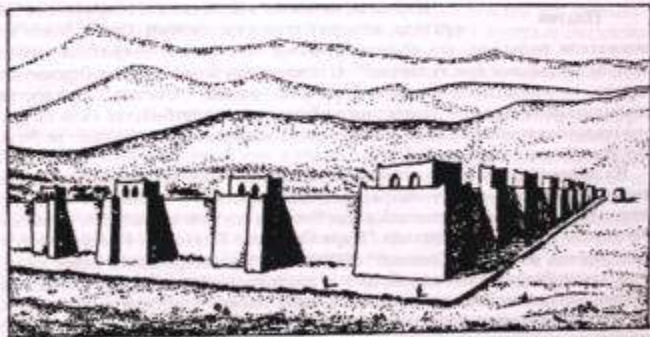
был жив Эвкратид. Индийский исследователь А.К.Нарайн усматривает даже прямую связь между словами Юстина о том, что сын, убив Эвкратида, "проскал в колеснице по крови отца и повелел тело его бросить без погребения", и изображением колесницы на оборотной стороне монет Платона¹⁵⁶. Видимо, не случайно и для греческие цари, правившие после Платона, избегали заимствовать иконографические сюжеты, характерные для его монет¹⁵⁷, да и эпитет "Славный" никогда не повторялся царями Бактрии и Индии¹⁵⁸ – нелоброй оказалась слава Платона.

Монеты Платона (как и смерть Эвкратида) должны датироваться около середины 40-х годов II в. до н.э. Правил он, судя по монетам, очень недолго (вряд ли более года – двух) и был последним греческим царем Бактрии¹⁵⁹.

Падение Греко-Бактрийского царства

В третьей четверти II в. до н.э. над Греко-Бактрийским царством и восточными областями Парфянской державы нависла серьезная угроза – надвинувшиеся из глубины Центральной Азии кочевые народы. В китайских династийных хрониках это племенное объединение носило название да-юэцжи ("Большие юэцжи"), а античные авторы именовали их "скифами" (часто так обозначались вообще кочевые народы), саками или скаранаками, тохарами и др., что, вероятно, отражает названия разных племен, входивших в это объединение.

Митридат I отнесся к этой угрозе серьезно и был вынужден, чтобы отразить ее, отправиться в Гирканию, поручив военные действия в Месопотамии своим военачальникам. Первый натиск удалось отразить, но позднее в борьбе с этими племенами нашли свою смерть преемники Митридата I – Фраат II (138-128/7 гг.) и затем Артабан II (128/7 – около 123 гг.). Дальнейшее продвижение этих племен в парфянские пределы удалось приостановить только Митридату II (около 123 – около 88 гг.), который успешно продолжал расширять границы своей державы (особенно активной была его внешняя политика в Закавказье) и открыл новую страницу в международных взаимоотношениях Парфянского царства, вступив в контакт с Римом. Митридат II первым из парфянских царей стал именовать себя "царь царей".

Реконструкция оборонительных стен Кейкобадшаха

Греко-Бактрийское царство, направлявшее свои усилия на завоевания к югу от Гиндукуша и ослабленное междоусобными войнами, не смогло дать отпор кочевникам-завоевателям. В китайской хронике сообщается об этом лаконично: да-юэцжи «нанесли удар по Дахя (Бактрии) и подчинили ее»¹⁶⁰. Видимо, это произошло в конце 40-х или в 30-е годы II в. до н.э., поскольку китайский посол, побывавший около 128 г. до н.э. у да-юэцжей и в Дахя (Бактрии), уже застал Греко-Бактрийское царство покоренным. Но, одержав победу, да-юэцжи остались к северу от реки Гуйшуй (Амударья), а Дахя (Бактрия), согласно этому же автору, «расположена к югу от реки Гуй. Там ведут оседлую жизнь, имеют город и дома... Они не имеют верховного царя или главы, но во всех своих окруженных стенами городах и поселениях они устанавливают малых правителей. Войска их слабы и робки на войне, но они искусны в торговле... Население в Дахя большое, превышает миллион»¹⁶¹ жителей. Судя по этому описанию, Бактрия была подчинена да-юэцжами, но не была ими оккупирована; и такое положение сохранялось более ста лет. Китайский автор ничего не сообщает о степени и формах зависимости Бактрии от завоевателей, но, видимо, дело не ограничивалось только номинальной зависимостью и выплатами дани: верховного царя в Бактрии не было, хотя нормальная жизнь городов и поселений, похоже, не была нарушена и даже сохранилась – в каждом из них – своя администрация. Эти сведения находят свое подтверждение и в нумизматических данных: начиная с 30-х годов II в. до н.э. мы не знаем ни одного греческого царя, правившего в Бактрии и чеканящего там свою монету¹⁶². Так Греко-Бактрийское царство прекратило свое существование.

Монеты греко-бактрийских царей в Таджикистане

Реконструкция событий в Греко-Бактрийском царстве с 50-х годов III в. до н.э. и до 30-х годов II в. до н.э., опирающаяся на скурые сведения письменных источников и нумизматические данные, охватывает главным образом основные вехи политической истории и позволяет определить – с большей или меньшей степенью предположительности – взаимное соотношение царей, занимавших греко-бактрийский трон, их последовательность и приблизительную хронологию. Но при этом почти не затрагивался вопрос о том, как далеко на север – за Амударью – простирались владения каждого из греко-бактрийских царей, т.е. насколько каждый из них был связан со Средней Азией в целом, и в частности, с территорией современного Таджикистана. и для этого необходимо снова обратиться к нумизматическим данным к конкретным находкам греко-бактрийских монет.

Монеты основателя Греко-Бактрийского царства Диодота хорошо представлены в находках на территории Таджикистана: их зарегистрировано более 40 экземпляров – золотые, статеры, серебряные тетрадрахмы и драхмы, медные монеты трех номиналов¹⁶³. Однако более тридцати из них принадлежат к числу монет, находку которых связывают с Амударьинским кладом¹⁶⁴, и несколько медных монет происходят из раскопок храма Окса на городище Тахтисангин¹⁶⁵, т.е. из того же района, у самой Амударьи. Только две тетрадрахмы (с именем Антиоха на об.ст.) были найдены значительно севернее – в Гиссарской долине (близ Шахринау)¹⁶⁶. Для сравнения отметим, что в музеях Узбекистана хранится меньше, чем полтора десятка монет Диодота, в большинстве – беспаспортных или связанных (когда имеются какие-то сведения об их происхождении) с Термезом и его округой¹⁶⁷.

Монеты следующего греко-бактрийского царя Эвтидема I также присут-

ствовавали среди монет, относимых к Амударьинскому кладу¹⁶⁸, и имеются среди нумизматических материалов из раскопок на городище Тахтисангин¹⁶⁹ и Тепаншах (у впадения р.Кафирниган в Амударью)¹⁷⁰, а к северу от правобережья Амударьи их находки зарегистрированы у сел.Такназари в Файзабадском районе¹⁷¹, на городище Тамошотепла в Яванском районе¹⁷² и в Гиссарской долине – на трассе Гиссарского канала (1940 г.) и на Шахринауском городище¹⁷³. Среди них преобладают медные монеты (лиц.ст. – голова Геракла вправо, об.ст. – скачущий конь). Серебряные и медные монеты этого царя известны и из других областей Средней Азии¹⁷⁴, но больше всего зарегистрированных находок за пределами Таджикистана приходится на городище Старого Термеза и на памятники в долине р.Сурхандарья¹⁷⁵.

Сведения о достоверных находках монет Деметрия, сына и преемника Эвтидема I, в Таджикистане немногочисленны¹⁷⁶, да и в Узбекистане они встречаются не часто¹⁷⁷ (даже с учетом беспаспортных экземпляров в среднеазиатских музеях)¹⁷⁸.

До самого недавнего времени в пределах Таджикистана не были известны монеты Эвтидема II¹⁷⁹, но затем была найдена тетрадрахма этого царя (1983 г.) и медные дихалки, халк и гемихалки¹⁸⁰. В Узбекистане зарегистрирована находка купферникелевого дихалка в Термезе, и, возможно, оттуда же происходят еще несколько беспаспортных монет этого же царя¹⁸¹.

Тетрадрахма царя Антимаха (коммеморативная – в честь Эвтидема I) – самая северная находка греко-бактрийских монет в Таджикистане (Пенджикент, 1927 г.) и пока единственная монета этого царя, найденная на территории нашей республики¹⁸². В Узбекистане зарегистрированы находки одной драхмы и трех оболлов Антимаха¹⁸³.

К сведениям о находке тетрадрахмы царя Агафокла "в Кулябском районе, в 8-10 км от Кызыл-Мазара"¹⁸⁴ теперь можно прибавить две купферникелевые монеты этого царя из раскопок храма Окса на городище Тахтисангин¹⁸⁵, но монеты его предшественника Панталеона ни в Таджикистане, ни вообще в Средней Азии не известны (если не считать двух экземпляров, принадлежность которых к Амударьинскому кладу вызывает сомнения¹⁸⁶ и одной беспаспортной двуязычной монеты Панталеона в Ташкентском музее¹⁸⁷).

Монеты царя Эвкрадита представлены в Южном Таджикистане только серебром разных номиналов (тетрадрахмы, драхмы и оболочки)¹⁸⁸, но медные монеты этого царя здесь пока не известны¹⁸⁹.

Остается загадкой (или случайностью) полное отсутствие на территории Таджикистана монет царя Гелиокла, но они, видимо, проникли сюда, ибо медные подражания тетрадрахам и драхам Гелиокла (так называемые "варварские подражания") были здесь распространены и участвовали в денежном обращении Южного Таджикистана, когда Греко-Бактрийского царства уже не существовало, – в период, предшествовавший кушанскому¹⁹⁰.

Таким образом, на территории Таджикистана из всех греко-бактрийских царей монетными находками не представлены только Гелиокл, Панталеон и Платон. Но каждую найденную монету нельзя, конечно, рассматривать как свидетельство того, что тот или иной царь правил там, где его монеты найдены (или, наоборот, считать, что раз монеты не найдены – значит, и власть такого-то царя не распространялась на эту территорию). Такая "прямолинейность" в осмыслении нумизматических данных может привести только к поверхностным и, главное, ошибочным выводам¹⁹¹. Во-первых, монеты (в том числе и греко-бактрийские) могли "путешествовать" очень далеко от

того места, где были выпущены (особенно золотые и серебряные)¹⁹². Во-вторых, при определенных обстоятельствах монеты, переходя от одного поколения к другому, оставались на руках, и могли намного пережить и тех царей, которые эти монеты чеканили, и даже государства и эпохи, к которым они принадлежали¹⁹³. Надпись выводит в политические границы в древности должны опираться на монеты, для которых известно не только географическое место находки, но и археологические обстоятельства их обнаружения (условия залегания, сопутствующие материалы, археологический комплекс или слой).

К сожалению, на территории Таджикистана пока известно немного греко-бактрийских монет, которые были найдены в археологических комплексах III-II вв. до н.э.¹⁹⁴ Они-то и дают право (как и находки монет из Термеза и его округи) с уверенностью говорить о том, что под контролем греко-бактрийских царей находилась сравнительно узкая полоса в правобережье Амударьи. Здесь же, в этой полосе, расположены и те немногие археологические памятники, на которых обнаружены здания греко-бактрийского времени (прежде всего – городище Тахтисангин и храм Окса на нем, давший замечательные находки)¹⁹⁵ или убедительные признаки их существования (городище Саксанохур в Пархарском районе, оазис Тепаншах у впадения р.Кафирниган в Амударью)¹⁹⁶. Сейчас пересмотрены датировки целого ряда археологических памятников Кабадиана, отнесенных М.М.Дьяконовым к греко-бактрийскому времени, но, как оказалось принадлежавших к кушанскому времени¹⁹⁷.

К северу от правобережья Амударьи открыты археологические комплексы III-II вв. до н.э. (на городище Тамошотепе в Яванском районе)¹⁹⁸ и слой на территории Гиссарской крепости¹⁹⁹, но раскопанные там землянки, зерновые ямы и т.п. никак не соответствуют нашим представлениям о расцвете эллинистической культуры в Греко-Бактрийском царстве, да и находок греко-бактрийских монет эти комплексы не дали. Такая же землянка III-II вв. до н.э. раскопана и в Южном Узбекистане – на городище Дальверзинтепе²⁰⁰. Греческих городов, поселений или хотя бы зданий в Гиссарской долине пока не обнаружено, хотя целый ряд находок на Душанбинском городище (греко-бактрийская серьга²⁰¹, фалар с изображением Диониса²⁰², погребальные сооружения из каменных плит²⁰³ и др.) и в других пунктах показывает, что они тут, видимо, существовали. Но пока такие города и поселения не найдены, можно с уверенностью считать, что в Южном Таджикистане и в Южном Узбекистане под властью греко-бактрийских царей находились земли, непосредственно примыкающие к правому берегу Амударьи.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Хозяйственная жизнь Греко-Бактрийского царства, соотношение между городами и сельской округой, административное устройство и территориальное деление, социальный и этнический состав жителей, сочетание эллинистических и местных традиций и многое другое, – все то, что когда-то русский востоковед В.В.Григорьев называл “внутренним бытом этого царства”²⁰⁴, к сожалению, почти никак не освещены письменными источниками. Поэтому несколько поколений исследователей – от Г.З.Байера (1738 г.)²⁰⁵ и до В.В.Тарна (1951 г.)²⁰⁶ – пытались компенсировать нехватку реальных данных о социальном и экономическом устройстве Греко-Бактрийского царства, обращаясь к сведениям о других государствах эллинистического Востока: ведь и

Бактрия была частью (пусть самой удаленной на восток и даже окраинной) эллинистического мира на азиатском материке. Такой подход позволял осмыслить разрозненные крупицы информации и "складывать" из них "типовую" картину восточно-эллинистического царства²⁰⁷. Но со временем (особенно после замечательных открытий археологов на городище Айханум в Северном Афганистане²⁰⁸ и храма Окса на городище Тактисангини в Южном Таджикистане²⁰⁹) становилась все более актуальной задача воссоздания характерных только для Бактрии особенностей "внутреннего быта" III-II вв. до н.э. – его специфических отличий от того, что было в других таких государствах (или от некоей абстрактной схемы устройства эллинистического царства во Востоке). Правда, пока данными, которые позволяли бы осветить все стороны жизни Бактрии под властью греческих царей, наука все еще не располагает. Сегодня можно рассматривать не исторические процессы в целом и их закономерности, а лишь отдельные элементы, явления и институты, из которых складывался этот "внутренний быт", и наметить основные тенденции их развития.

Рабовладение и общественный строй

Сложным и не имеющим надежного решения остается пока вопрос о месте, которое занимало рабовладение в социальной структуре Греко-Бактрийского царства. В работах советских исследователей 30-40-х годов господствовала упрощенно-вульгаризаторская "логика" ("раз были рабы – значит, был рабовладельческий строй"), беспощадно отвергавшая любые факты и гипотезы, которые не укладывались в рамки официально "принятой" схемы-догмы²¹⁰. По существу, на среднеазиатскую почву механически переносились представления о классическом рабстве, существовавшем в древней Греции и в Римской империи. Теоретическую брешь в этих построениях сумел пробить Б.Г. Гафуров, предложив считать, что "в Средней Азии рабский труд, в частности в сельскохозяйственном производстве, играл подчиненную, если не второстепенную роль", "ведущую роль в производстве в течение всей эпохи древности сохраняют общинники, особенно в сельском хозяйстве, а "рабовладельческие отношения не стали столь глубокими, как в античном мире"²¹¹. Видимо, эти положения справедливы не только для Среднеазиатского междуречья, но и для Северного Афганистана, т.е. для основного территориального ядра Греко-Бактрии. "Античное" рабовладение могло быть связано главным образом с греко-македонскими завоевателями, которые вряд ли были многочисленными и тяготели к городам. В Бактрии объективно существовали условия для рабства в его древневосточной форме (как она теперь исследована, например, для Вавилонии VII-IV вв. до н.э.)²¹² или для рабовладельческих домашних слуг²¹³ и т.п., т.е. для рабовладения как уклада, но определить, какое место рабы занимали в общественном производстве Греко-Бактрийского царства пока невозможно – нужны новые данные (и, в первую очередь, письменные документы).

Значительное распространение (особенно среди зарубежных ученых)²¹⁴ получило понимание социального строя эллинистического мира как феодального. В результате при описании вполне конкретных сведений о государстве Селевкидов, о Малой Азии, о Парфянской державе и о Греко-Бактрийском царстве используются такие термины, как "ленное владение", "крепостничество", "домен", "сеньоры" и "вассалы", "феодалы бароны" и "рыцари" и т.п. категории, явно переносимые в III-I вв. до н.э.²¹⁵ стандартные представления о европейском феодальном обществе и характерных для него отношениях. Такие попытки "дополнить" реальные данные привычными для

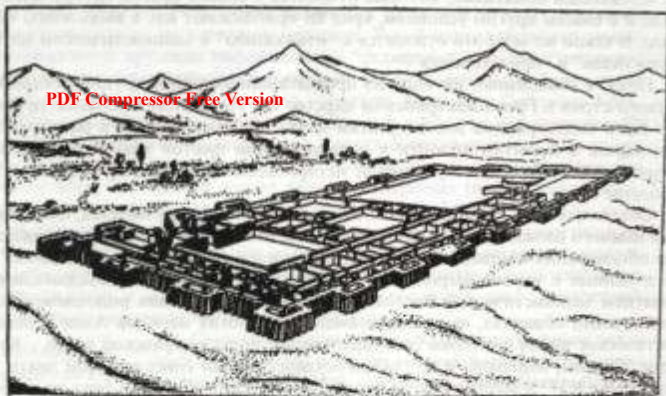
исследователей понятиями, которые относятся к совсем другой исторической среде и к совсем другим условиям, вряд ли приближают нас к выявлению истины. В такой же мере это относится к "отысканию" в эллинистическом мире "буржуазии" и "пролетариата"²¹⁶.

Пока, к сожалению, предлагавшихся реконструкций общественного строя в Греко-Бактрийском царстве и в Парфянской державе не может быть подтверждена достоверными данными, имеющимися в распоряжении науки, а попытки подойти к интерпретации фактов какой-то готовой схемой только обедняют и упрощают исторические процессы, проходившие в обществе.

Общая картина, которая сейчас только смутно вырисовывается, оказывается намного сложнее и должна учитывать не только факты, привлекающиеся для обоснования концепций "рабовладельческого строя" или "феодализма", но и данные о неравномерности развития стран и народов, объединяемых понятием эллинистический Восток, и пережиточные явления родоплеменной организации общества, явно сохранявшиеся у многих народов Азии в эллинистическое время и позднее (могущественные роды парфянской знати – Карены, Сулены, Михраны и др.; общегосударственный совет родовой знати у парфян и т.п.)²¹⁷ и многие другие процессы и явления, которым пока не нашлось места в предлагавшихся реконструкциях общественного строя эллинистического Востока. Сказался как бы навязанный античными авторами "взгляд с Запада": серьезные социальные перемены рассматривались главным образом в связи с греко-македонскими завоеваниями (а иногда – и как их прямой результат) – как перенос на азиатскую почву эллинистических (в широком смысле) институтов и норм социального устройства или даже как "приобщение к цивилизации" колонизованных завоевателями стран и народов. Преодоление такого одностороннего подхода окажется возможным, если будут выявлены и осмыслены социальные процессы, проходившие у коренных народов Азии (в том числе – и в Греко-Бактрийском царстве), которых греко-македонские завоеватели именовали "варварами", и если удастся воссоздать общественный строй этих народов накануне их насильственного включения в эллинистический мир – воссоздать, опираясь на реальные факты, а не на готовые схемы. Опорой для такой реконструкции должны стать данные о тех народах в Среднеазиатском Междуречье (Согд, Хорезм и др.), которые остались за пределами политических границ Селевкидского, Парфянского и Греко-Бактрийского царства²¹⁸.

Один из путей для таких исследований – обращение к периодизации И.М.Дьяконова, предложившего различать раннюю и развитую стадии *эпохи древности*²¹⁹. Применительно к Бактрии и Парфии (до македонского вторжения), если следовать теории И.М.Дьяконова, можно говорить только о достижении ими стадии *ранней древности*. И именно на такое состояние общества наложились перемены, вызванные включением Греко-Бактрийского и Парфянского царства в эллинистический мир. Можно предполагать, что именно "эллинизация" бактрийского и парфянского общества (как и последующее завоевание Бактрии да-юэчжами – тохарами), нарушив естественный процесс развития, помешала его движению к стадии *развитой древности* и предопределила переход – после убыстренно и неполно пройденной стадии *ранней древности* – к раннефеодальному строю, сохранявшему некоторые черты (иногда только внешние), характерные для самых поздних стадий социального устройства первобытного общества.

Реконструкция планировки Кухнакалы

Города и сельская округа

Основатель Греко-Бактрийского царства Диодот был, по Юстину, "наместником тысячи бактрийских городов"²²⁰. И хотя цифра эта – явное преувеличение²²¹, высокая степень урбанизованности Бактрии (даже по сравнению с соседней Парфией и – тем более – Среднеазиатским междуречьем) не вызывает сомнений. Однако античных авторов интересовали преимущественно такие города Бактрии и других областей (включая и "Индию"), которые были основаны или переименованы греко-македонскими пришельцами. В собственно Бактрии источники называют несколько городов – столицу Бактры (другое название – Зарнаспа и, возможно, Александрия в Бактрии), Дралская (или Даралсы, Адралсы), Карматы, Александрию-на-Окес и Эвкратидею, в соседней области Арее – еще одну Александрию и город Сотейра (возможно, в честь Антиоха I Сотера), в Дрангиане – Профтасия – Фрада (Фра), в Арахозии – Александрополь (или Александрия) и Деметрия, еще несколько городов в Паропамисадах (к югу от Гиндукуша) и в других областях²²². Но чаще всего трудно понять, что стоит за этими названиями – переименованные города, которые уже существовали к приходу греков, военные поселения (иногда – весьма недолговечные) или же действительно вновь построенные эллинистические города в полном смысле слова.

Об облике, какой имели Бактры – Зарнаспа в III-II вв. до н.э., практически ничего не известно. Но этот город уже существовал в ахеменидскую эпоху, был хорошо укреплен – "нижние стены" окружали собственно город, мощный кремль-акрополь на высоком холме господствовал над остальным городом. Отождествление Бактр (или только его цитадели) с городищем Бала-Хисар в современном Балхе принято большинством исследователей²²³, но многочисленные шурфы показали, что древние слои здесь скрыты под многометровыми позднейшими наслоениями, а почвенные воды препятствуют их изучению. Видимо, мы так никогда и не узнаем, как выглядела столица Греко-Бактрийского царства.

Судя по названию, на 20-е годы IV в. до н.э. приходится основание Александрии-на-Оксе, которую П.Бернар отождествляет с городищем Айханум в Северном Афганистане (у впадения р.Кокча в р.Пяндж), но основные здания и слои на этом городище, раскопанные французскими археологами, относятся к греко-бактрийскому времени²²⁴. Городище Айханум – это остатки типично эллинистического города: с регулярной планировкой, с колоннадами вдоль улицы, с прошиями и портиками, с акрополем и агорой, с общественными зданиями – такими, как храм-героон в честь ктиста (основателя) города и как гимнасий, с мощными фортификационными сооружениями²²⁵.

Раскопки на городище Айханум дали исследователям огромный вещественный материал, позволяющий зримо и обоснованно судить о греческих городах в Бактрии (см. об этом ниже – у И.Р.Пичикяна). Однако в эллинистическом мире город был не только укрепленным населенным пунктом с вполне определенными функциями (административный центр, место сосредоточения ремесленников и торговцев и т.п.), но и важным звеном социальной структуры – с общинными органами самоуправления (народное собрание, совет, выборные должностные лица и т.п.), осуществлявшими “народоправство” (демократию), с особым типом коллективной собственности, с равноправием свободных граждан (но не рабов). Такие города-полисы (города-государства) получили распространение и на эллинистическом Востоке, но здесь в больших государствах с сильной царской властью (таких, как Селевкидское государство, “Великая Парфия” или Греко-Бактрия) существовали совсем иные, чем в Греции, условия для существования подобных городов. Их самостоятельность не могла быть полной: ее ограничивала верховная власть царя, да и безраздельного господства общинно-частного сектора (как в греческих полисах) не существовало в восточноэллинистических государствах, где верховным собственником считался царь, а государственный сектор экономики лишь допуская (но не больше) общинно-частное владение землей²²⁶. Такие полисы, преобразовавшиеся в условиях “сосуществования” с монархией, должны были стать опорой царской власти. Но наряду с ними (и в Селевкидском государстве, и, видимо, позднее) могли существовать и полноценные полисы, получившие права на автономию от царя на принципах симмахии (“союза”)²²⁷. Мы не знаем, существовали ли такие действительно автономные города в Бактрии. Город, раскопанный французскими археологами (городище Айханум), обладал всеми внешними признаками “нормального” полиса, но мера свободы города определялась, конечно, не наличием агоры, гимнасия и т.п., а индивидуальными царскими актами, дарующими такие особые права. Археологические материалы (если это не надписи или иные тексты, где прямо об этом говорится) не в состоянии выявить такой особый статус. Судя по автономным городам в Селевкидском царстве (III – середина II вв. до н.э.) и (со второй половины II в. до н.э.) в Парфянской державе, восточноэллинистические монархи вступали в “союз”, в особые договорные отношения, только с экономически могущественными центрами (чаще всего торговыми – Милет, Селевкия-на-Тигре и т.п.), каких в Бактрии мы не знаем. Единственное объективное свидетельство об определенной самостоятельности греко-бактрийских городов приводит... китайский путешественник Чжан Цзянь, когда сообщает о Дахя – Бактрии: “они не имеют верховного царя или главы, но во всех своих окруженных стенами городах и поселениях они устанавливают малых правителей”²²⁸. Но это – ситуация, которая относится ко времени, когда Греко-Бактрийское царство уже не существовало, а Бактрия оказа-

лась в зависимости от да-юэчжей, хотя и не была ими занята. Приведенные слова Чжан Цзян можно понимать, как свидетельство устойчивости и жизнеспособности форм городского управления, восходящих к полисным.

Но у любого восточноэллинистического города существовала еще одна составная часть, без которой его существование было невысказано, – его сельская округа. Пристальное внимание к общим проблемам полиса на Востоке и к статусу городов несколько заслонило от исследователей вопрос о соотношении между собственно городом и его хорой (округой)²²⁹. Сегодня можно говорить только о постановке этой проблемы в надежде на ее дальнейшее исследование и решение связанных с ней вопросов. Не располагая (как и по многим другим проблемам) прямыми данными о том, что происходило в Греко-Бактрийском царстве, мы вынуждены учитывать опыт Селевкидского царства, частью которого Бактрия была более пятидесяти лет. Там существовала практика переселения больших контингентов “чужеземцев”, получавших земельные наделы и освобождавшихся на какой-то срок от всех податей²³⁰. Иногда мужчины-колонисты получали оружие и амуницию (особенно если их переселение было связано с “умиротворением” каких-то провинций), но воинами они не являлись. В других случаях земельные наделы могли, видимо, получать воины, несущие службу. Но в любом случае для таких разряд использовалась земля – или конфискованная, или не обрабатывающаяся до этого. В Греко-Бактрийском царстве греко-македонская прослойка населения вряд ли была значительной и серьезного вклада в непосредственное возделывание земли, видимо, не могла вносить. Малоэффективным был бы крестьянский труд на земле рабов-пленных, хотя для проведения каналов на ранее не орошаемых площадях (особенно в сельской округе, прилегавшей к вновь возведенным городам) подневольный труд, вероятно, применялся. Но основной силой, обеспечивавшей обработку бактрийской земли, должны были оставаться местные крестьяне, хорошо знакомые и с традиционными для страны культурами, и с почвенно-климатическими особенностями, и с вековыми навыками специфических условий ирригационного земледелия. Главный вопрос, на который невозможно дать ответ, – форма эксплуатации организации труда и эксплуатации земледельцев чужеземцами (и вообще – жителями городов). Судя по положению в Селевкидском царстве, налогоплательщиками прямого налога выступали не отдельные лица, а сообщества разных уровней: денежный или натуральный налог города (народа, племени) складывался из его долей, распределявшихся между сообществами более низкого ранга, из которых и состоял город (народ, племя). Низшее звено в этой податной системе: – иерархии занимала, видимо, сельская община. В Бактрии (как и в других областях и странах с искусственным орошением) одним из скрепляющих общину факторов служила, несомненно, ирригационная сеть: от нее зависела и величина той или иной общины (и земли в ее распоряжении), и взаимоотношения между соседними общинами, расположенными на одной “воде”. Бактрийское земледельческое население, составляя основной контингент хоры эллинистических городов, видимо, оставалось свободным (в рамках традиционных для таких общин ограничений и запретов).

Государственное устройство

Административно-территориальное устройство Греко-Бактрийского царства не описано в деталях письменными источниками. Слова Страбона²³¹ о том, что греки, овладев Бактрией, “разделили ее на сатрапии”, могут относиться и к завоеваниям Александра, и к созданию Селевкидского государства, но по-

сле отделения от Селевкидов в Греко-Бактрийском царстве коренной перестройки структур управления не должно было происходить и все сатрапии, о которых упоминает Страбон, сохранились. Не известно, сколько сатрапий было в Бактрии и как они назывались. В источниках упоминаются только некоторые из них (например, Аспин и Турива, отнятые парфянами у Эвкратиды)²³², а также соседние области, включавшиеся (иногда на время) в состав Греко-Бактрийского царства (Арея, Маргиана, Арахозия, Дрангиана, Паропамисады и др.)²³³. Реконструировать территориальное деление Бактрии под властью греческих царей можно только после детального археолого-иригационного обследования. Так, в районе столицы царства – города Бактры – уже выявлено четыре обособленных “иригационных округа-оазиса”²³⁴, такие же округа существовали и в восточной части Бактрии. Видимо, не только географически, но и административно были обособлены владения греко-бактрийских царей в правобережье Амударьи.

В связи с событиями политической истории Греко-Бактрийского царства уже отмечалось, что царь мог делить свою власть с царем – соправителем, которого он сам и назначал (Деметрий – соправитель Эвтидема I, сын и соправитель Эвкратиды упоминаются в письменных источниках, юный Эвкратид как соправитель Гелиокла и другие случаи – по нумизматическим данным). Видимо, практика сорегентства в Греко-Бактрии принципиально не отличалась от селевкидских обычаев и норм²³⁵.

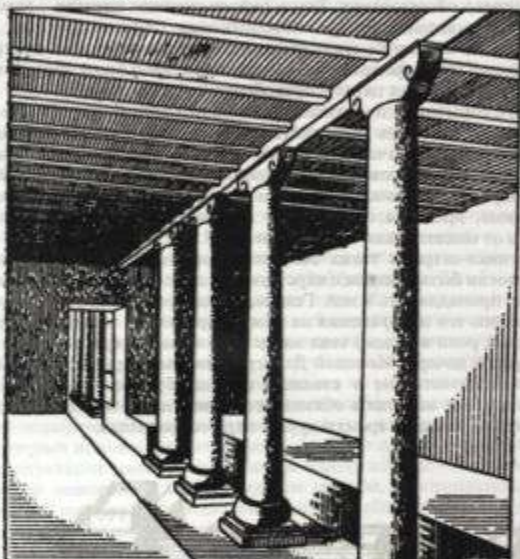
Наместники-сатрапы таких областей – сатрапий, о которых упоминал Страбон, могли быть связаны с царствующей династией родственными узами или просто принадлежать к ней. Гелиокл (если принять предложенную выше интерпретацию его изображения на коммеморативных монетах Эвкратиды и исторической роли в целом) стал наместником благодаря женитьбе на Лаодике – царской дочери. Молодой Деметрий (первый период его чеканки) выпускает свои монеты не в столице, где он, будучи “младшим” царем-соправителем, мог исполнять обязанности наместника. Возможно, сатрапами становились на какое-то время и другие цари-соправители.

Реконструкция городской стены в Старой Нисе

В городах, обладавших – в большей или в меньшей степени – самоуправлением, наряду с выборными чиновниками – магистратами, должны были находиться (как это было в Селевкидском царстве) и эпистаты – особые должностные лица, представлявшие и защищавшие интересы царя (они могли

быть из числа граждан города, где занимали эту должность). Хорошо разработанная система администрации разного ранга, существовавшая при Селевкидах, была, конечно, сохранена и греко-бактрийскими царями, но вряд ли она повторяла всю разветвленную структуру назначаемых чиновников и выборных должностей для восточноэллинистического государства²³⁶. Да и селевкидские цари не стремились насаждать единообразную управленческую иерархию, оставляя за автономными полисами, "союзными" народами и династиями право создавать (или сохранять) свои административные системы и должности.

Реконструкция колоннаты квадратного дома в Старой Нисе

К.В.Тревэр²³⁷ и другие исследователи²³⁸ пытались использовать для реконструкции государственного устройства Греко-Бактрийского царства индийский трактат "Милинда-Панха", построенный как философская беседа Милинды (т.е. индо-греческого царя Менандра) с мудрецом Нагасеной. Там упоминаются и высшие должностные лица (верховный начальник войска, первый министр, главный судья, начальник казны и даже носитель парадного зонтиха и носитель парадного меча), и чиновники более низкого ранга. Но обращение к селевкидской практике – более надежный путь, так как "Милинда-Панха" – литературное произведение, написанное спустя триста с лишним лет после падения Греко-Бактрийского царства, и отражает оно скорее индийские, чем бактрийские институты власти.

Важная сторона государственного устройства Греко-Бактрийского царства – войско и его организация. Прежде всего отметим, что значительный контингент в греко-бактрийской армии составляли бактрийцы и другие местные воины. Коиное войско было большим: для охраны переправы Эвтидем I выставил во время войны с Антагом III десяти тысячный отряд конницы. Использовались в бактрийском войске и боевые слоны: в специальной башенке, укрепленной у них на спине, размещались вооруженные воины. Видимо, как и в селевкидской армии, существовали “отборные отряды” – что-то вроде гвардии. Когда Эвкратид с отрядом из трехсот воинов совершал постоянные вылазки, находясь в осаде пять месяцев, и в итоге одолел шестьдесят тысяч врагов²³⁹, о таких “отборных отрядах” нельзя не вспомнить. В цитаделях городов и в специальных крепостях размещались гарнизоны, которые могли – при необходимости – отражать нападения не только внешнего врага. Детальным описанием бактрийской армии и ее состава мы не располагаем, но, судя по археологическим находкам²⁴⁰, в пехоте, видимо, были и линейные и легкие отряды, различавшиеся и вооружением (луки, дротики и т.п.), и щитами. Об иноземцах-наемниках в составе греко-бактрийского войска сведений нет, но отряды бактрийцев существовали в селевкидской армии и через столетие после отложения Диодота²⁴¹.

Концепция В.В. Григорьева, по которой греческое владычество в Бактрии осуществлялось не единой монархией, а союзом государств (первенствовало наиболее сильное и богатое из них – “бактрианское”, а остальные были “подручные ему”)²⁴², была выдвинута, когда к числу греко-бактрийских владений относили в Средней Азии не только правобережье Амударьи и долину Зеравшана, но и области по средней Сырдарье, Ферганскую долину и даже часть Восточного Туркестана (с Кашгаром)²⁴³. Сегодня исследователи склонны “отдавать” под власть греко-бактрийских царей не такую обширную территорию: Северный Афганистан, прилегающие к нему земли за Амударьей и какие-то области к югу от Гиндукуша. Однако и в этих скромных пределах степень централизации государства была величайшей непопулярной: при Диодоте I и затем при Эвтидеме I (т.е. во второй половине III в. до н.э.) ее обеспечивала сильная царская власть. Со второй четверти II в. до н.э. и до падения Греко-Бактрийского царства единства и стабильности уже не было: какие-то области выходили из-под власти царя, боролись за трон многочисленные претенденты, и даже цари-соправители не всегда мирно сосуществовали. На какое-то время в 60-х или 50-х годах Эвкратид сумел, судя по его монетам, добиться объединения всех бактрийских земель под своей властью, но его экспансия на юг, за Гиндукуш, несмотря на территориальные приобретения в результате этих походов, не способствовала централизации и упрочению Греко-Бактрийского царства, не сумевшего в итоге противостоять нападению с севера кочевников-юзчжей.

Сельское хозяйство.

Ирригация

Сведения античных авторов о природных условиях и сельском хозяйстве Бактрии, приводимые в связи с походами Александра, сохраняют свое значение и для второй половины III-II вв. до н.э.: климат, условия и приемы хозяйствования, выбор культур не могли существенно измениться с последней трети IV в. до н.э. Плодородные страны, по Страбону²⁴⁴, – одна из причин могущества Греко-Бактрийского царства, земля которого “производит все, кроме оливок”. Здесь не только сеют хлеб, выращивают виноград и сажают различные деревья²⁴⁵, но и разводят скот и лошадей. Особо отмечает Плиний в

“Естественной истории” величину хлебных зерен в Бактрии, которые “говорят... здесь равны нашим колосьям”²⁴⁶. По другим сведениям, зерно здесь достигало размеров косточки маслины, а Страбон сообщает, что виноградные стволы в Маргiane – толщиной в два объёма, а кисти винограда достигали длины в два объёма²⁴⁷.

Но все это полусказочное плодородие зависело от воды, от искусственного орошения. Античные авторы отмечают, что далеко не вся Бактрия была густозаселенной и возделанной. Многочисленное население живет в оазисах, где есть обилие воды, но большая часть Бактрии – “страна песчаная и бесплодная”²⁴⁸. Еще более пустынные, чем Бактрия, просторы к северу от Амударьи и в долине Зеравшана.

Все эти сведения письменных источников подтверждаются исследованиями древних ирригационных систем. Древнейшие каналы, которые удалось выявить и датировать, имеют сравнительно небольшую протяженность, а возникающие на них оазисы – островки плодородия среди неорошенных земель (или пустынных, или заросших кустарником и низкорослыми деревьями, или даже заболоченных). Ирригационные системы большой протяженности (с магистральными каналами длиной в 50-70 и более километров), как правило, возводились позднее – уже в первых веках н.э., а для греко-бактрийского периода (как и для ахеменидского) характерны менее протяженные ирригационные магистрали (от 10-15 до 30 км)²⁴⁹. Другой распространенный в Бактрии тип ирригационных сооружений – так называемые веерные системы в предгорных долинах, протяженность каналов в которых зависела от целого ряда причин (естественный тальвег долины, наполнение водой саев и горных ручьев, питавших такие системы, и т.п.), тоже обычно был невелик²⁵⁰.

Денежное обращение Важный источник, рассказывающий об экономическом состоянии Греко-Бактрийского царства, – монеты его царей. Монетный двор в столице Бактрии – Бактрах – начал работать еще при Селевке I и до конца III – начала II в. до н.э. оставался единственным местом, где чеканились греко-бактрийские монеты. Затем, уже во II в. до н.э., наряду со столичным, были созданы и работали провинциальные монетные дворы (не менее двух).

При Диодоте I и позднее монетный двор в Бактрах сохранял весовую систему и набор номиналов, восходящих к селевкидскому периоду его деятельности.

Золотые статыры (их вес – 8,3-8,5 г) регулярно выпускались при Диодоте. При Эвтидеме I их выпускалось очень мало²⁵¹, а при последующих царях золото не чеканилось вообще. Только Эвкратид возобновил выпуск золотых монет, но и при нем их чеканили недолго. Именно Эвкратидом была выпущена самая крупная в истории античного монетного дела золотая монета достоинством в 20 статов, хотя, конечно, ее появление следует объяснить не нуждами денежного обращения (и значит – экономическими причинами), а престижно-прокламационными мотивами²⁵².

Почему же греко-бактрийские цари отказались от выпуска золотых монет? Бактрия славилась своим золотом в эллинистическом мире (независимо от того, добывалось ли оно в самой Бактрии²⁵³ или она только служила посредником между, например, Алтаем²⁵⁴ и остальным миром), и монетный двор в Бактрах (он работал как селевкидский менее пятидесяти лет) отчеканил золотых монет больше, чем все остальные селевкидские монетные дворы вместе взятые за почти три века существования Селевкидского государства²⁵⁵. Нет оснований считать, что в греко-бактрийское время запасы золота в Бак-

три истощились²⁵⁶. При Селевкидах монетный двор в Бактрах изготовлял монету для всего обширного пространства государства, обеспечивая и нужды внутреннего обращения, и его внешнеторговые операции. При Диодоте чеканка золота продолжалась как бы "по инерции", но не была обусловлена экономическими потребностями самого Греко-Бактрийского царства. При Эвтидеме I и позднее деятельность монетного двора была приведена в соответствие с состоянием товарно-денежных обращений в греко-бактрийских городах, очевидно, удовлетворявшихся серебряной и медной монетой.

Система номиналов греко-бактрийского серебра (как и селевкидского) была основана на драхме весом около 4 г. Наиболее распространенным номиналом была монета достоинством в 4 драхмы (тетрадрахма), а драхмы и полудрахмы (гемидрахмы) выпускались значительно реже. Диодоты I и II и Эвтидем I не чеканили мелких серебряных монет – оболов, составлявших по весу 1/6 драхмы. Их выпуск начинается только при Деметрии (второй период его чеканки – не ранее 80-х годов II в. до н.э.) и продолжается при Эвтидеме II, Антимахе, Агафокле и Эвкратиде (у последнего – только во время 2-го и 3-го периодов чеканки). Гелиокл, тетрадрахм которого до нас дошло очень много, оболов никогда не чеканил, как и молодой Деметрий (первый период) и юный Эвкратид (первый период). Вес серебряных греко-бактрийских монет строго выдерживался (в полном соответствии с нормами эллинистического монетного дела), а качество металла, как правило, было очень высоким²⁵⁷.

Медные греко-бактрийские монеты также выпускались нескольких номиналов (тетрахалки, дихалки, халки, 1/2 халка и 1/4 халка, халк около 4 г), их вес менее устойчив. Монеты самых малых номиналов (1/4 халка) пока известны только у Диодота²⁵⁸. Тетрахалки выпускал, видимо, только Деметрий²⁵⁹ (скорее, до того, как стал чеканить серебряные оболочки). Наиболее распространенными медными монетами в Греко-Бактрийском царстве были дихалки и халки.

Иногда особо выделяют так называемые никелевые монеты, выпускающиеся только при Эвтидеме II, Панталеоне и Агафокле. В XIX в. эти монеты белого металла дали повод для рассуждений (с привкусом "сенсации") о том, что в Греко-Бактрии уже умели получать и знали никель. Но затем было установлено, что эти монеты изготовлены из купферникеля – медной руды с большим содержанием никеля, встречающейся в природном состоянии²⁶⁰. Беспочвенны предположения, что "белые" купферникелевые монеты выпускались и обращались как оболочки²⁶¹, изображения и легенды на обеих сторонах таких монет – точно такие же, как на медных²⁶². Поскольку Эвтидем I, Панталеон и Агафокл, при которых купферникелевые монеты чеканились, правили не только в Бактрии, но где-то к югу от Гиндукуша, можно предположить, что купферникель попадал при них на монетный двор из небольших горных выработок на территории современного Афганистана (Панджшир или Нуристан), которые затем были заброшены или истощились.

С точки зрения экономической, греко-бактрийская монетная чеканка ничем, как мы видели, принципиально не отличается от монет, выпускавшихся и обращавшихся в других частях эллинистического мира. Это казалось бы должно свидетельствовать о высоком уровне развития товарно-денежных отношений в Бактрии и в других областях, подвластных ее царям. Однако такой вывод в полной мере справедлив только для городов, где жило греко-македонское и сильно эллинизовавшееся местное (бактрийское) население.

Следует помнить, что денежная система, основанная на традициях и правилах, которые сложились в наиболее продвинутых экономических странах

эллинистического мира, была принесена в Бактрию уже в готовом виде. Естественное же экономическое развитие самой Бактрии к началу III в. до н.э. еще не создало условий для ее появления. Можно не сомневаться, что эта денежная система, когда монеты начали чеканиться в Бактрах, сама стала оказывать PDF Compressor Free Version на существовавшие здесь товарно-денежные отношения. Нет прямых данных, насколько деньги получили распространение за пределами эллинистических городов – в собственно бактрийской среде. Косвенный показатель – состояние денежного хозяйства после падения Греко-Бактрийского царства. Конечно, с юзчийским завоеванием монетная чеканка греко-бактрийских царей была прекращена прежде всего по политическим мотивам. Какое-то время сферы обращения обслуживали ранее выпущенные монеты, еще оставшиеся на руках, или даже могли выпускаться “частным образом” политически нейтральные монеты старого образца (например, тетрадрахмы Гелиокла)²⁶³. Но затем опустели эллинистические города (об этом свидетельствует судьба городища Айханум) и одновременно исчезли (и полтора с лишним века не проявлялись) все признаки высокого уровня развития товарно-денежных отношений. Значит, внутри Греко-Бактрийского царства товарно-денежные отношения были развиты неравномерно: эллинистические города явно опережали сельскую округу.

Проблема эллинизации Бактрии

Уже неоднократно отмечалось, что завоевательные походы Александра, принесшие ему славу “покорителя мира”, не оставили глубокого следа в истории и культуре покоренных народов (в том числе – и среднеазиатских). Разрушенные города и поселения были восстановлены, разоренные поля – снова вспаханы, и никакие высокие достижения эллинистической культуры и искусства просто не успели привиться на местной почве, обогатить те народы, против которых завоеватели действовали “огнем и мечом”. Речь может идти только о частичной эллинизации самых верхних слоев бактрийской знати, которые к последней трети IV в. до н.э. уже подвергались к тому же значительной “ахеменидизации”. Сближение бактрийской знати с завоевателями не было процессом односторонним: и сподвижники Александра, и селевкидская администрация в Бактрах активно усваивали местные обычаи и нравы, что античные авторы с осуждением именовали “варваризацией”. Смешанные браки давали новые поколения, носившие греческие имена, но уже опущившие себя наполовину бактрийцами. Можно не сомневаться, что такие же процессы после середины III в. до н.э. продолжались и в обретшем независимость Греко-Бактрийском царстве. Для второй половины II в. до н.э. мы уже располагаем греческими надписями, в которых упоминаются далеко не “рядовые” обитатели Греко-Бактрийского царства, носившие не только греческие, но и бактрийские имена²⁶⁴. Процесс уже затронул не только самую верхушку знати, но и ее средние слои. Но глубокого проникновения эллинизации в “низы” бактрийского общества, видимо, так и не произошло. Возможно, сказывался также социально-психологический фактор, трудно удовливаемый для исследователей и обычно не учитываемый, – эллинистическая культура (как бы ни были высоки и привлекательны ее достижения) для основной массы бактрийцев, которые не пошли на сближение с завоевателями-пришельцами и не пользовались благами от сотрудничества с ними, очень долго оставалась культурой чужой и даже враждебной. Широкое проникновение эллинистической культуры в бактрийскую среду произошло, видимо, позднее – уже после падения Греко-Бактрийского царства, когда эта культура стала политически нейтральной²⁶⁵.

ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА БАКТРИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Экономика.

PDF Compressor Free Version

Сельское хозяйство. Сельская история Бактрии отразилась в античных письменных источниках, тогда как о культуре Бактрии эпохи эллинизма до самого последнего времени было известно немного. Со всем еще недавно искусство этого периода представляли лишь изображения на монетах с превосходными портретами и чисто греческими надписями – именами многочисленных правящих царей Бактрии, свидетельствующими о высоком характере культуры, которая тут, несомненно, процветала.

Бактрия для древнегреческих историков была самым дальним краем ойкумены – земли обтованной.

Могущество Бактрии, по Курцию, третьей части “всех азиатских земель” Ахеменидской империи²⁶⁶, по заверению Аполлодора – “красы всей Арианы”²⁶⁷. Страбон объясняет решающими экономическими факторами: “вследствие плодородия страны”²⁶⁸. В греко-бактрийский период именно благодаря богатству сельского хозяйства Бактрия настолько укрепилась, что, согласно Аполлодору из Артемиды, “греки Бактрии подчинили Индию, а также значительно больше племен, чем Александр... И более того, бактрийские цари распространили свою державу вплоть до серов и фринов”²⁶⁹. Они владели также Согдианой, расположенной выше Бактрии по направлению к востоку, между рекой Оксом, отделяющей страну бактрийцев от Согдианы, и рекой Яксартом²⁷⁰. Страбон дает описание гидронимике Бактрии и окружающих ее подвластных стран: рек Политимета (Зеравшан) и Оха (Герируд). Политимет – река, протекающая через Согдиану. Оросив страну, река устремляется в пустынную и песчаную область и там поглощается песками. Вблизи от реки Оха, говорят, землекопы нашли источник маслянистого вещества (нефть). Страбон правильно определяет его как жидкость, содержащую асфальт. Страбон пользуется многочисленными источниками информации: “По словам одних, Ох течет через Бактриану, других – мимо нее; некоторые утверждают, что Ох вплоть до устья отличен от Окса, протекая южнее последнего: обе реки впадают в море в пределах Гиркании; другие, напротив, считают, что Ох хотя вначале и различен, но потом сливается в одно русло с Оксом, имея во многих местах 6 или 7 стадий ширины”²⁷¹. Вопреки сведениям Страбона о находке маслянистого источника на берегу Оха (Герируд), Плутарх рассказывает то же самое о нефтяной скважине на берегу Окса, которую открыл интендант Александра Проксен²⁷².

Более всего античные авторы в Восточном Иране воспевают главную реку Бактрии Окс (Вахш, Амударья)²⁷³. Она для нас представляет наибольший интерес. Полибий говорит, что Окс берет начало с Кавказа (Памир, Гиндукуш), сильно увеличивается в Бактрии, благодаря притоку вод, и обильной, но мутной рекой протекает по равнинной местности²⁷⁴.

Река Окс, питающая громадный оазис Трансоксианы, многократно характеризуется античными авторами как судоходная река – самая величайшая река Азии, которая течет из Бактрии в Каспийское море, называемое и Гирканским²⁷⁵. Аристокл даже объявляет Окс “самой большой из виденных им рек в Азии, кроме индийских”. По его словам, “эта река судоходна (и он, и Эратосфен заимствовали это известие у Патрокла), и много индийских това-

ров провозят вниз по ее течению в Гирканское море, оттуда их переправляют в Албанию и через реку Кир (совр. Кура) и следующие затем местности доставляют в Евксинский Понт (совр. Черное море)²⁷⁶. Это наиболее важное свидетельство Аристобула и Эратосфена, восходящее к Патроклу, о торговой магистратуре в черноморском бассейне, сохраненное Страбонам, относится к эллинистическому времени. О судоходности Окса пишет и Птолемей²⁷⁷.

С непривычки греки из-за мутной воды рыли рядом с Оксом колодцы²⁷⁸, однако впоследствии вполне оценили ее качества, что следует со слов Плутарха: "Говорят, что вода Окса очень мягка, так что купающийся в нем словно покрывается жиром"²⁷⁹. Вблизи Арала вода Амударьи солоновата. Это отмечал еще Плиний Старший: в Бактрии реки Ох и Окс несут с горы соль. Кроме того, соль добывается в двух озерах: одно обращено к скифам (Аральское море), другое к ариям²⁸⁰.

О наличии в Бактрии всего, кроме маслин, говорит и Плутарх²⁸¹. Плиний Старший подтверждает сведения Страбона об урожайности бактрийской пшеницы: "Хлебные зерна, говорят, равны нашим колосьям"²⁸². По Теофрасту, величина их определяется более реалистично: зерно достигало "размера косточки маслины"²⁸³. При описании Паропамисад даже в горных заснеженных деревьях Александр нашел все, кроме масла, зато там говорится об изобилии фиштакховых деревьев и сиффия²⁸⁴, которые в качестве приправы заменили грекам излюбленное ими оливковое масло.

Курций Руф также говорит о невероятном изобилии Бактрии: "Природа Бактрии богата и разнообразна. В некоторых местах многочисленные деревья и виноградная лоза дают в изобилии сочные плоды; тучную почву орошают многочисленные источники, где почва мягкая, там сеется хлеб, остальную землю оставляют под пастбища. Большую часть этой страны занимают бесплодные пески; в заброшенной из-за засухи области нет ни людей, ни плодов... Однако где земля более плодородная, там очень много людей и лошадей. Поэтому Бактрия поставляет 30 000 всадников"²⁸⁵. Бактрия, действительно, славилась своей кавалерией.

Древнейшее традиционное земледелие Бактрии и Средней Азии в целом в греко-бактрийский период в изобилии давало разнородные культуры хлебных злаков, риса, фруктов, овощей, винограда. "Не случайно, - писал Б.Г.Гафуров, - что соседи Средней Азии заимствовали многие сельскохозяйственные культуры у ее народов"²⁸⁶.

Добыча золота.

Полезные ископаемые

О добыче золота на Вахше, Пиандже и Политимете (Зеравшане) в греко-бактрийский период красноречиво свидетельствуют и письменные и археологические находки. Это прежде всего золотые бруски, найденные в сокровищнице Айханум²⁸⁷. Более 50 изделий из золота и многочисленных обрывков листового золота и золотой фольги буквально усеивали скальный грунт под нижними полами храма Окса, неоднократно грабленного еще в древности²⁸⁸. Свидетельством этого может служить и найденный вблизи него знаменитый Амударьинский клад из более чем 200 золотых и серебряных предметов в основном культового назначения, в котором основная масса изделий местного производства изготовлена из золота²⁸⁹. Добыча золота на Вахше и Пиандже подтверждается и местными современными наблюдениями. Золото намывают на противоположном храму Оку берегу тем же способом, что и описывал Д.Н.Логофет около ста лет назад, побывавший в урочище Тахтикубад²⁹⁰.

Р.Штукки – сотрудник Айханумской экспедиции, зафиксировал намывание значительного количества золота простым деревянным блюдом и демонстрировал слайд на выставке “2000 лет искусства на Оксе” в г.Цюрихе²⁹¹.

Следует вспомнить, что Бактрия еще в Ахеменидский период снабжала золотом столицы империи²⁹². Через Бактрию в виде дани ахеменидским царям ежегодно везли 300 талантов чистого золота и 300 талантов золотого песка из Индии²⁹³. Бактрия во главе XII податного округа платила 300 золотых талантов – очень крупную сумму для того времени²⁹⁴. Мнение об оседании идущего через Бактрию транзитного Алтайского золота бессмысленно оспаривать²⁹⁵. Изделия Сибирской коллекции Петра I, сформированной в основном в Зауралье и Западной Сибири, находят большое сходство с шедеврами из Клада и храма Окса, открытыми в урочище Тахтикубад и на Тахтисангине²⁹⁶. Очень близки к ним несколько более поздние золотые предметы из погребений кочевой знати Тилятепе²⁹⁷. При этом бесспорная связь Бактрийского златоделания с алтайским восходит, несомненно, к Ахеменидской эпохе.

Большая доля золотого запаса попала в Бактрию вместе с войсками Александра Македонского и его обозом. Ахемениды в результате победоносных войн с Лидией, Мидией и Вавилоном стали обладателями золотых запасов Ассирии, Урарту, древнейших запасов Малой Азии, Месопотамии, Финикии, Египта. По подсчетам современных исследователей, основанных на документированных греческих свидетельствах, Александр захватил в столицах Ахеменидской державы в Персеполе (120 000 талантов), Экбатанах (180 000 талантов), Сузах (40 000 талантов), т.е. 8840 тонн золота и серебра²⁹⁸. Большая часть добычи была оставлена Александром в Экбатанах, но в Бактрию вместе с войском пошел обоз Александра и 300 верблюдов. Часть этого богатства осталась в Бактрии в казне Бактра и в виде посвящений в местные храмы, в виде оплаты оставшемуся большому войску, в виде оплаты за строительство грандиозных проектов городов, оборонительных сооружений и т.п.

Ученые пришли к выводу о том, что геологической природой Бактрии-Согдианы были даны выдающиеся золотоносные провинции. Согласно оценочным заключениям специалистов по добыче золота, Согдиана и Бактрия вместе с Индией давали наибольшую добычу золота в Азии. В бронзовом веке – 250, а в железном веке – более 400 т²⁹⁹. Характерно, что самая большая греческая монета – медаль в 20 статов – 168,06 г. была отчеканена “Великим царем Эвкратидом” в Бактрах³⁰⁰.

Издравле из горных областей Бадахшана шел торговый путь лазурита, бирюзы, гранатов и золота³⁰¹. Эти древние разработки процветали в Бактрии не только в греко-бактрийский период, но много позже, вплоть до нового времени. Об этом можно судить по разнообразию самоцветов в храме Окса на Тахтисангине и в сокровищнице Айханум, где были найдены полуфабрикаты, обломки и обработанные: агаты, ониксы, сердолики, гранаты, лазурит, бериллы и горный хрусталь³⁰².

Добыча соли, о которой говорил Плиний Старший (Н, 31, 7, 74-75) производилась не только в Бактрии, но и в Согде и прилегающих областях³⁰³.

Торговля и ремесла

Сведения о посреднической торговле Бактрии с сопредельными странами восходят еще к ахеменидскому периоду.

Добыча лазурита и бирюзы, зафиксированная письменными источниками, нашла свое воплощение в ремесленных изделиях ахеменидского и греко-бактрийского периода, что также свидетельствует о процветающем местном ювелирном искусстве.

Изготовленные в Бактрии золотые предметы Клада Окса отличаются богатством и разнообразием лазуритовых и бирюзовых вставок. Эта традиция нашла продолжение в греко-бактрийский период, о чем свидетельствуют находки полудрагоценных камней и бирюзовых вставок не только в изделиях Клада Окса III-II вв. до н.э., но только в предметах Тахтисангина, но и в царском некрополе Гилятепе, который датируется рубежом н.э., хотя в нем сохранились и вставки перстней с греческими надписями III-II вв. до н.э.³⁰⁴

В Бактрии, Согдиане, Дрангиане добывались не только золото, медь, олово и железо, но в местном производстве использовался и никель. Добываемые в Бактрии полезные ископаемые несомненно обрабатывались на месте. В первую очередь нам известны предметы вооружения из железа и бронзы. В изделиях местных мастеров греко-бактрийского периода в Бактрии применялся и никель, из которого, в частности, изготавливали купроникелевые монеты греко-бактрийских царей.

Этот вывод основан не только на широко известных купроникелевых монетах Агафокла, но и на спектральном анализе изделий, найденных в храме Окса на Тахтисангине³⁰⁵. Примечательно сообщение Страбона о добыче в Дрангиане олова³⁰⁶ и сведения Плиния (XXXIV, 145) о вывозе из Серики высококачественного железа даже в Римскую империю³⁰⁷. Экспорт железа из Средней Азии надежно подтвержден и более поздней традицией³⁰⁸.

Отмечая полиарность торгующих с Бактрией далеко отстоящих стран, откуда на ее территорию попадали отдельные предметы, Б.Г.Гафуров среди археологических материалов выделил, действительно, поражающие примеры: "Интересно, что среди находок встречается янтарь, добывавшийся лишь в Балтийском море, раковины-каури из Индийского океана"³⁰⁹. Теперь можно расширить и умножить приведенные примеры.

В Греко-Бактрийском царстве, судя по результатам раскопок, не было недостатка в слоновой кости из Индии, материала, не менее драгоценного в древности, чем золото. На Тахтисангине, к примеру, слоновая кость – массовый материал, столь же часто встречающийся, как и золото и позолоченные изделия. Большое количество предметов из слоновой кости и золота найдено в храме Окса, при этом большая часть их приходится на интересующий нас период IV-II вв. до н.э. Однако не менее интересно, что слоновая кость доставлялась в Бактрию из Индии для производства изделий и в более раннее время с VI-IV вв. до н.э. Греческих ножен эллинистического образца из слоновой кости на Тахтисангине было найдено в одном только храме Окса во много раз больше, чем за всю 150-летнюю историю раскопок во всем греческом мире³¹⁰. Подобные изделия из слоновой кости были найдены в Бактрии и при раскопках других греко-бактрийских городов: в Айхануме и Дильберджине³¹¹. В храме Окса был открыт весь широкий репертуар повседневной утвари, изготовленной из слоновой кости, бронзы и железа. К ним относятся и предметы явно ритуального назначения, в большом количестве представленные в Кладу Окса, найденном вблизи Тахтисангина. Большое количество сосудов для столового потребления вина и для ритуальных возлияний было найдено при раскопках греко-бактрийских городов. Судя по прототипам более раннего времени из храма Окса, они во многом перекликаются с подобными традиционными изделиями в Бактрии.

Оружие помимо слоновой кости украшалось еще и позолоченной бронзой, из-за качества позолоты его вообще было трудно отличить от подлинно золотого. Отсюда, по-видимому, и появился миф о золотом шлеме Александ-

ра, который из-за мягкости металла и его тяжести не мог быть пригоден в бою. Судя по находкам на Тахтисангине, широко распространены у македонцев были бронзовые в своей основе, но золоченные шлемы, которые в нескольких фрагментах были найдены при раскопках. Они не отличались по сверканию **PDF Compressor Free Version** тверже в бою.

На основании раскопок на Тахтисангине, где в кладовых храма Окса был найден целый арсенал железного оружия всех существовавших в эллинистическое время форм, можно говорить о том, что в Греко-Бактрии была налажена целая "военная индустрия". Коллекция железного оружия храма Окса количественно превалирует не только над арсеналом Айханум³¹², но и по сумме превосходит все вместе взятые известные в мире объемы железного оружия. Так, к примеру, железных трехлопастных черешковых наконечников стрел в ней насчитывается более 5000³¹³.

Можно много говорить о большом распространении в Греко-Бактрийском царстве гончарного дела. Однако гончарная посуда этого времени настолько массовый материал, что красноречивее всего он сам говорит за себя. На смену ахеменидской керамике баночного типа с подкосом внешней линии в греко-бактрийский период пришли разнообразные формы столовой посуды: светлоглиняные и сероглиняные тарелочки на кольцевом поддоне с клововидным или Г-образным в сечении венчиком, чаши-фиалы с вертикальной или вогнутой внутрь закраиной, а также круглые миски-лутерии с сигмообразным профилем стенок. Для столовой греко-бактрийской посуды характерны кубки с овальными или цилиндрическими профилями резервуаров, круглодонные чаши с резким прогибом стенок в вертикальной части и сильно отогнутым приостренным венчиком. К тарной посуде этого же периода относятся одно- и двуручные кувшины типа амфор на плоском поддоне и безручные кувшины с невысокой горловиной, отогнутым наружу венчиком и шаровидным туловом, а также обычные хумы – лифсы с резким скосом ребром в нижней части тулова, которые продолжают более древнюю бактрийскую традиционную форму³¹⁴.

Вся керамика выполнена на гончарном круге из тонкоотмученной, выдержанной глины высокого качества с мельчайшим зерном и низким процентом естественных примесей. Обычная температура обжига 550-750°C³¹⁵.

Стоит только заметить, что на смену ахеменидской керамике пришли совершенно новые, сильно отличающиеся формы, быстро ставшие каноническими и просуществовавшие значительно дольше, чем короткая судьба ее воинственных создателей – мастеров Греко-Бактрии.

Города Греко-Бактрии   Анализируя результаты археологических раскопок, ученые пришли к близким выводам о генезисе городов Бактрии и об их типологической структуре³¹⁶. Они определили реальный рубеж в пределах 4-6 га между городами и сельскими поселениями³¹⁷. Французские археологи внесли свой значительный вклад в каталогизацию, хронологию и историографию археологических памятников Южной Бактрии³¹⁸.

Ахеменидские города в Бактрии штурмовал Александр Македонский, которому по парадоксальной причине (словно он не разорвал существовавшие, а строил на голом месте) приписывали чуть ли не основание всех первых городов в Бактрии³¹⁹. Для опровержения этого утверждения весьма существенен вопрос, что застал Александр Македонский во время своего вторжения в Бактрию в 330-327 гг. до н.э. В первую очередь следует рассмотреть по пись-

менным и археологическим источникам столицы сатрапий или города-гиганты: Бактры, Мараканду, Кирэсхату и Мерв, входящие в состав Бактрии – Согдианы, а также Маргианы при Ахеменидах, Селевкидах и в период процветания греко-бактрийского царства.

Та же **PDF-Сборник с FreeAccess** неоднократно упоминается столица неприступной Бактрии – Бактры – Зариаспа, в которой был царский дворец³²⁰, а кроме того, центральное святилище государства – зороастрийский храм, куда, согласно вавилонскому жрецу III в. до н.э. Бероссу (История халдеев, кн. 3), Артаксеркс II посвятил статую Афродиты – Анахиты³²¹. Примечательно, что ахеменидским царем из всех столичных городов Верхних сатрапий лишь Бактры были избраны для посвящения статуи Анахиты³²². Ктесий называл Бактры “самым выдающимся” городом, но, что для нас особенно важно, заслуживающие большего доверия авторы наделили его эпитетом “самого большого”, т.е. современная типологическая терминология применялась еще Аррианом³²³.

Бактры, локализуемые достаточно надежно в 21 км западнее г.Мазари Шариф, были расположены в плодородной долине у реки (Бактр, Зариаспа). Французскими археологами (шурфы 13-49) выявлена округлая цитадель на холмах Бала Хисара, окруженная стенами, снабженными башнями и глубоким рвом, заполненным водой. Часть города располагалась и за пределами городских стен к юго-востоку от Бала Хисара на Тепе Заргаран (шурфы 1-13). Это городище общей площадью 120-150 га исследовалось французскими археологами, но многометровые культурные напластования (до 32 м), последующих эпох и грунтовые воды не позволили дать широкой картины культурного уровня жизни ахеменидской и эллинистической эпох³²⁴. Первые шурфы на территории Бактр были заложены в 1924-1925 гг.

От центра города расходящиеся востром уицы переходили за пределами стен в дорожные магистрали: на северо-западе в Келиф, на востоке в Мазари Шариф, в Акчу на юго-востоке, на Ходжи Пийад на юге³²⁵. К Балху от крупнейшего средиземноморского порта Эфеса тянулась царская ахеменидская дорога с обслуживающими станциями³²⁶. Неприступные стены Бактр, воспетые слышавшими о них древнегреческими авторами³²⁷, неоднократно последовательно укрепляемые, не раз реально выдерживали осаду³²⁸.

Второй город-гигант Мараканда (Самарканд)³²⁹ имел неприступную цитадель и большую площадь города, укрепленную мощными стенами еще в ахеменидскую и эллинистическую эпохи³³⁰. Мараканда была большим городом еще до прихода Александра Македонского³³¹. В период Бактрийского сопротивления цитадель неоднократно выдерживала длительную осаду. Курций Руф определяет длину оборонительных стен Мараканды в 70 стадиев (около 12 км)³³². Это втрое-вчетверо больше средней величины обычного греческого города в Средиземноморье и Причерноморье.

По-видимому, изначально стенами был окружен город с примыкающими к нему селами, т.е. оазис, орошаемый золотоносным Политиметом (р.Зеравшан). В оазисе Мараканд, не только в самой столице, зафиксирована керамика, изготовленная на гончарном круге начиная с VI в. до н.э. (Афрасиаб I, Стадия ЖВ-2 и ЖВ-3) с выделенным горизонтальным ребром и эллинистическая керамика (Афрасиаб II, ЖВ-4) IV – первой половины III в. до н.э. с появлением разнообразного репертуара столовой посуды с преобладанием чаш с Г-образным венчиком и ложением (имитация лака)³³³.

Археологически Мараканда локализуется достаточно точно на городище (плато) Афрасиаб³³⁴. Площадь античного города – около 70 га – близка указа-

ниям Курция Руфа³³⁵, хотя по некоторым данным она значительно больше. Городище имеет укрепленную цитадель и городскую оборонительную стену³³⁶.

Третий громадный город – Кира (Кирэсхата – Куру[ш]када – Кирополь)³³⁷, хотя локализуется в основном исследователями в Ура-Тюбе, но, возможно, это Нуртене³³⁸. Этот город также имел неприступную цитадель, т.е. защищенную оборонительными стенами и самой природой.

Археологические раскопки в самом древнем Ходженте и его окрестностях, несмотря на сложность их проведения, постоянно дают определенные результаты³³⁹. На цитадели Ходжента в одном из многочисленных шурфов открыта пахсовая кладка с прослойкой из крупных прямоугольных кирпичей (40 x 51 x 13 см), стоящая на культурном слое, датированном археологами VI–IV вв. до н.э. Эту комбинированную пахсово-кирпичную кладку исследователи относят к IV в. до н.э. На Ходжентской цитадели, по мнению Н.Н.Негматова и Т.В.Беляевой, в 1975–1976 гг. открыты культурные слои IV–II вв. до н.э., те же результаты дают и десять шурфов на территории г.Худжаида. Поскольку многолетние разведочные и археологические работы на берегах Сырдарьи не выявили других городских центров времени Александра Македонского, археологи заключили, что они могут находиться только под современным г.Худжаидом³⁴⁰.

Из случайных находок позднеахеменидского периода следует упомянуть две бронзовые головы баранов, близких к натуральной величине, которые были найдены в Исфаринской долине на севере Согда³⁴¹. Головы баранов, являющиеся частями бронзовых пустотелых скульптур, обнаружены при выемке гравия в древнем русле реки Исфарасай. Представляется вероятным предположение Н.Н.Негматова о том, что находки эти были принесены потоками воды, размывшими расположенное выше по течению реки древнее городище. Ориентировочная дата Н.Н.Негматова в широких рамках V–III вв. до н.э. достаточно убедительна³⁴².

Четвертый город-гигант – Мерв как столица Маргианы, области, входившей в ахеменидский – греко-бактрийский периоды в подчинение властителю Бактр, локализуется на старом поселении Эрккала. Античные авторы на примере этого города дают возможность проследить македонскую строительную и колонизационную практику, которая находит параллели, выявленные археологами в Мараканде и Кирэсхате. Так, Александр укрепил оборону Мерва шестью пограничными крепостями, расположенными на небольшом расстоянии друг от друга³⁴³ (дистанция в 6–7 км обеспечивала возможность сообщения сигнальными огнями). Вероятнее всего, не только столица Маргианы (Мерв), но и эти крепости, стоящие на возвышенности, при Александре были скорее укреплены, чем построены³⁴⁴. Последующее укрепление оборонной мощи Мерва приходится на время Селевка I и Антиоха I. Подобно Александру, они, укрепив старые и возведя новые мощные стены, переименовывали столицу Мерв своим именем³⁴⁵.

Антиохи I приписывается обнесение большого оазиса, включающего город, громадной стеной. Не столь уж существенно – пока это не установлено раскопками, – какое из ахеменидских укреплений: Эрккала или Гиуркала носило имя Александра. Во всех случаях Мервский оазис при Селевке и Антиохе I целиком был обнесен стеной, частично сохранившейся до нашего времени³⁴⁶. Судя по описаниям С.А.Вязигина, сооружение оборонительной системы было грандиозным³⁴⁷.

Бактры и Мараканда были центральными городами сатрапий. В источ-

никах они названы царскими городами, следовательно, в них, как и в других столицах Верхних сатрапий, постоянно содержался царский дворец, сокровищница и, вероятно, парадиз для царя Ахеменидской империи³⁴⁸.

Рядом со столицей Мараканда Курций Руф рассказывает о парадизе для охоты царя на диких зверей³⁴⁹, и, как мы знаем, для ритуального занятия царя земледелием и скотоводством. Парадиз, обнесенный высокой стеной с башнями, был населен птицами, редкими животными³⁵⁰.

К моменту прихода Александра в Верхние сатрапии почти в каждой из крупных областей античные авторы упоминают не менее двух городов. В одной Арее Страбон называет три города: Артакасну, Александрию и Ахаю, носящие имена их основателей³⁵¹. Столь позднее свидетельство может вызвать возражение, что этих городов могло не быть в ахеменидский период. Однако в Артакасне Страбона³⁵², как свидетельствует Арриан³⁵³, еще до прихода Александра был царский дворец. Об Артакасне и других городах Ареи рассказывают Диодор³⁵⁴ и Курций Руф³⁵⁵, описывающий восстание ахеменидского сатрапа Сатибарзана против Александра. Александрия в Арее (совр. Герат), скорее всего, была основана на месте ахеменидского города, так как она упоминается Аммианом Марцеллином³⁵⁶ среди крупных и "известных городов"³⁵⁷.

Прежде чем перейти к городам побережья Амударьи, следует упомянуть еще об Аорне, стоящем у Арриана наряду с Бактрами в разделе самых больших городов. Арриан сообщает об укрепленном акрополе Аорна³⁵⁸. Страбон, говоря о заключении Каллисфена под стражу, называет еще один город – Карматы в Бактрии. Он назван Страбоном одним из ахеменидских городов, разрушенных Александром в Бактрии³⁵⁹. Другой маленький город на границе Бактрии – Согдианы, встреченный Александром около крепости Окса, – городок Бранхидов, по одним сведениям был разрушен Александром, по другим – жители его были перебиты за то, что предки жрецов этого города жрецы-чревоушатели Бранхиды, предав интересы ионийцев, передали Ксерксу сокровища храма в Дидимах ради спасения своей жизни³⁶⁰. Упомянут еще один древний город Бактрии, в названии которого у авторов разночтения: Драпсаки – Адрансы – Дарпсы³⁶¹.

Слои эллинистического времени и отдельные сооружения открыты в ряде городских пунктов правобережья Амударьи. Среди них следует упомянуть Термез, Саксанохур и Душанбинское городище.

Душанбинское городище

Стоит специально остановиться на раскопках Душанбинского городища, расположенного в столице республики, севернее дороги, ведущей от реки Душан-

бинки к центру города.

Территория городища сейчас полностью застроена, но от цитадели остался останец, отделенный от другой части городища широким рвом, по которому сейчас протекает канал. В 1989 г. на останце, полностью раскопанном, выявлен культурный слой, принадлежащий к греко-бактрийскому времени: IV-II вв. до н.э. В общей сложности околонуно и вскрыто 30 помещений. Судя по планировке, они являются частью монументального сооружения, подчиненного единому архитектурному плану. От него сохранилась лишь западная половина, сильно пострадавшая от времени. Тем не менее можно представить, что здание имело айван и центральную стену длиной 60 м, перпендикулярно к которой примыкали стены хозяйственных помещений, тогда как жилой комплекс, очевидно, находился на втором этаже, который не сохранился.

Электрическая серга в виде Сфинкса (увеличено). Душанбинское городище

При раскопках получен хороший керамический комплекс, представляющий три сорта изделий: для хранения жидкостей и сыпучих продуктов, котлы для изготовления пищи и столовая посуда. Последняя изготовлена из хорошо отмученной глины без видимой примеси. Для сосудов характерны изящество формы, тонкие "звонкие" стенки и поверхность, покрытая красным или серым ангобом с хорошим лощением. В основном это кубковидные чаши с цилиндрикоконическим туловом. Очень интересны так называемые "рыбные блюда" с валиком или кольцевидным желобком на внутренней поверхности. Весь комплекс хорошо известен для памятников Таджикистана, Узбекистана и Афганистана.

Бронзовые изделия представлены фрагментами бронзовых чаш идентичных по форме с керамическими браслетами, колокольчиками, подвесками и

нашивками; железные – ножами и серпами. Есть основания полагать, что существовало ремесленное производство этих предметов. К хозяйственному инвентарю относятся многочисленные зернотерки, песты, ступки. Можно говорить о высоком уровне развития ткачества. Собрано большое количество (более 500 шт.) дисковидных и пирамидальных глиняных грузил для ткацких станков и каменных пряслиц. Найдены разнообразные поделки из кости и камня.

К предметам искусства относятся голова бога Диониса, изготовленная с большим художественным мастерством из слоновой кости, а также многочисленные фрагменты терракоты в основном животной тематики. Уникальным является фрагмент глиняной маски – лицевая часть головы сатира.

Комплекс полученных материалов указывает, что в Греко-Бактрийское время Душанбинское городище являлось одним из крупных городских центров Гиссарской долины.

В Согдиане известны области Навтаки и Ксениты, несомненно, с существовавшими, но неназванными главными городами, которые скорее всего были одноименны областям. Хотя о главных городах ничего не сказано, зато засвидетельствовано большое количество селений, укрепленных стенами, т.е. маленьких городков³⁶².

На основании данных античной традиции небольшие крепости дифференцируются на: 1) областные центры; 2) долинные укрепления; 3) пограничные крепости, защищенные природой места на высочайших горных краях. По мнению И.В.Пьяикова, пограничные крепости и скалы не имели постоянного населения³⁶³. С его предположением относительно пограничных крепостей нельзя согласиться из-за необходимого осуществления их прямых оборонных и сторожевых функций. Вторые, возможно, действительно использовались преимущественно в период набегов кочевников. Областные крепости, крепости в долинах и крепости на скалах, как мы знаем из источников, служили прежде всего для сбора и накопления сельскохозяйственной продукции. Одна только крепость могла благодаря запасам и, естественно, продуманной и непреступной системе оборонных сооружений обороняться длительный срок. Правитель одной небольшой крепости Хориев пообещал снабдить все громадное войско Александра провиантом на два месяца, не истратив и десятой доли того, что было заготовлено³⁶⁴. Города, что и естественно, имели запасы пропитания и фуража на случай более длительной осады.

*Серебряный бактрийский фалар.
Душанбинское городище*

Это заключение подкрепляется не только прямым указанием источников, но и напрашивающимся выводом о том, что часть продуктов свозилась из мелких областных центров в виде подати в большие столичные города. Такая традиция просуществовала от ахеменидского времени до конца Греко-Бактрийского. В основном войском продержался в Бактрах, осажденных войском Антиоха III, два года, пока Антиох III, видя бессмысленность осады, не вынужден был пойти на перемирие³⁶⁵. Непрístupные крепости на скалах имели своих правителей, некоторые из них пользовались большим авторитетом, по-видимому, в силу своего знатного происхождения по древности рода. Таковым был Оксиарт, которому подчинились остальные.

Сейчас считается общезвестным, что ахеменидские поселения находились преимущественно в предгорьях вблизи русла малых рек и их притоков, тогда как основное заселение оазиса Амударьи происходило со времени Александра Македонского, стремившегося захватить и укрепить водно-сухопутные магистрали для контроля. Раскопки и разведки вдоль Амударьинской магистрали, начиная с верховья до дельты Окса, открыли значительно больше городов, чем это упоминают античная традиция.

Наряду с Айханум и Термезом, Тахтисангином, Кампыртепе и Саксанохуром, по течению Окса – Амударьи и его притоков известен ряд городищ, указанных П.Бернаром, А.П.Франкфором и В.Боллом, о которых античная письменная традиция вовсе не упоминает³⁶⁶.

Анализируя разведочные данные, собранные в основном А.П. Гарденом и сведения В.Боллом в "Каталог", Г.А.Кошелевко и З.В.Сердитых пришли к выводу, что "в Южной Бактрии наблюдается значительное уменьшение числа населенных пунктов: в ахеменидское время здесь существовало 47 поселений, в селевкидское же – 28. Мы не располагаем подобными данными по Северной Бактрии, – пишут исследователи, – однако можно думать, что ситуация и здесь была аналогичной"³⁶⁷. На основании простого сопоставления чисел ученые пришли к выводу о катастрофических результатах разрушений вследствие походов Александра. Позднее, в греко-бактрийское время, напротив, наблюдается значительный рост количества населенных пунктов: общее число зафиксированных поселений достигает 76³⁶⁸.

Есть все основания полагать, что не только Александрия Оксиана, Деметриада – Гармита – Древний Термез и Саксанохур, открытые археологами, были заселены в греко-бактрийский период в громадном оазисе Оксианы, т.е. на берегах Амударьи и ее притоков. В частности, четыре городища: городище на Вахше, цитадель Тахти-Кубад (1), Тахтисангин или Тахтикубад (2) и городище на противоположном – афганском берегу Тахтикубад (3) контролировали переправу в урочище Тахтикубад, функционировавшую вплоть до средневековья (Мели) в самом верховье Амударьи у места слияния Вахша с Пянджем³⁶⁹. Сейчас на право называться Александрией Оксианой после Термеза претендует Айханум³⁷⁰, греческий город – первый, открытый археологами в Бактрии. С немалым основанием на это право может претендовать Тахтисангин, хотя он скорее всего назывался просто Оксианой. В центре тянущегося на 2 км городища Тахтисангин (площадью около 75 га) на цитадели открыт храм Окса, засвидетельствованный надписью. Но в надписи – посвящении Атросока говорится только о верховном божестве города – Окса и храма³⁷¹.

Для наглядного представления о городах Греко-Бактрии по берегам Окса-Амударьи перейдем к самым ярким открытиям второй половины XX века – Айханум и Тахтисангину, которые наряду с эталонными архитектурными памятниками, редчайшими письменными источниками, подарили миру высочайшие шедевры изобразительного искусства.

Астрагал с изображением воина. Кашмир

**Греко-Бактрийский
город Айханум**

Греко-Бактрийский город Айханум был раскопан в 1965-1978 гг. французской археологической миссией в Афганистане, работавшей под руководством П.Бернара. И хотя раскопки его не завершены, французскими археологами были выявлены градостроительные принципы, планировочные решения разнообразных типов общественных, культовых, оборонительных и жилых сооружений, произведения искусства, памятники письменной культуры и греческий быт античного города, — т.е. в основных чертах все, что доступно при археологических и исторических исследованиях³⁷².

Город Айханум (узб. — Госпожа Луна) назван по деревне, расположенной у подножия его акрополя. Фактически город открыл король Афганистана Мохаммед Захир Шах, который, посещая этот район, обратил внимание в деревне Айханум на два камня: коринфскую капитель и базу колонны.

Айханум находится в месте слияния Пянджа и Кокчи, на левом берегу

Пянджа, в небольшой плодородной долине (10 x 35 км) на самом востоке Бактрии. Его расположение породило справедливые утверждения археологов о том, что город, во-первых, был построен для контроля над древней орошаемой долиной, земли которой перешли во владения греческих завоевателей-колонизаторов, а во-вторых, – ввиду близости богатой минеральными ресурсами провинции, обладавшей известными с древности горными копями Бадахшана – источника драгоценной ляпис-лазури. “Этот потенциал, сельскохозяйственный и горный был достаточен для обеспечения жизни и даже благосостояния колонистов”³⁷³. В-третьих – город был важным военно-стратегическим аванпостом, охранявшим Бактрию с востока и контролировавшим внешние и внутренние восточные пределы Бактрии³⁷⁴. Таким образом, Айханум был возведен на исключительно важном стратегическом узле, контролирующем пешеходную и водную магистраль. П.Бернар справедливо считает, что “контроль в этом месте над одними из восточных ворот Центральной Бактрии был необходим любому, кто желал владеть Бактрией”³⁷⁵.

Айханум – город греко-бактрийского периода – стал общепризнанным эталонным памятником восточного эллинизма. По размерам и планировке город типичен для провинциальных городов греческой ойкумены эпохи эллинизма. По форме он близок к прямоугольному треугольнику, прямой угол которого лежит у места слияния рек. Длинный катет (около 1800 м) обращен в сторону Пянджа, а короткий (1600 м) – к Кокче.

Центральная улица, идущая с юга на северо-восток параллельно р.Пяндж, длиной около 1700 м, отделяет нижнюю часть города от верхней и средней. Центральную часть, вероятно, второй надпойменной террасы занимает административный квартал, в который входят: дворец, героон, гимнасий и другие общественные сооружения.

Примечательно, что западная граница города по р.Пяндж с древности до настоящего времени не изменилась. На второй надпойменной террасе сохранились береговые сооружения, окаймленные подпорной стеной террасы. Это бассейн и гимнасий и примыкающий к ним с севера береговой фонтан с зооморфными головами – сливами водостоков, открытыми на берегу реки, прямо у воды.

Французской археологической миссией наиболее исследована центральная часть города с расположенным на ней громадным общественным зданием, идентифицированным П.Бернаром как дворец правителя области.

Между дворцом и центральной улицей открыто большое общественное сооружение, примыкающее к улице задней торцовой стеной и обращенное в сторону дворца. К северу от дворца расположены священный участок героона Киней – ктета, основателя города, и мавзолей. Разделяющая мавзолей поперечная улица, перпендикулярная главной, завершается пропилеями, обращенными на восток к главной улице.

В юго-восточном углу квартала героона раскопано святилище со своим небольшим теменисом и примыкающими к ограде по периметру служебными помещениями. Севернее дворца, между дворцом и гимнасием открыт квадратный в плане бассейн.

Южная часть города была занята жилой застройкой. Французские археологи открыли дом №1 в этой части города. По-видимому, и нетронутый раскопками северный пустырь также даст после раскопок жилые кварталы. На северо-востоке, за оборонительной стеной города, жилая застройка продолжалась, о чем свидетельствует стоящий отдельно дом-вилла (дом №2), полно-

стью раскопанный археологами. Там же, за стеной, открыто загородное святилище своеобразной планировки с пилястрами.

Некрополь города располагался на западной равнине (некрополь №1), за клерами-виноградниками у подножия отвесных скал акрополя. Общая планировка **PDF Compressor Free Version** расположение города Айханум удивительно напоминают своим запланированным треугольником эллинистическую Ольвию, открытую на берегу Бутского лимана в Северном Причерноморье³⁷⁶.

В целом центральная часть города с его общественными сооружениями не очень плотно застроена: сооружения неплотно примыкают друг к другу, являясь отдельно стоящими единицами, выделяемыми собственными оградками и громадными площадями-дворами. Самыми крупными дворами-площадями снабжен дворец. Это дворец с большой северной прямоугольной площадью с колонным портиком по периметру (136 x 108 м) и южным портиком – айваном, так называемого родосского типа, небольшим квадратным задним двором с портиком-колоннадой, восточной квадратной площадью и громадной южной площадью, не считая многочисленных внутренних двориков во дворце. Наличие незагруженных постройками площадей при дворце, придающих ему специфически восточную роскошь простора, парадную свободу, несомненно, было обусловлено историческим, демографическим и культурным своеобразием этого восточноэллинистического полиса.

Высокий уровень культурной жизни Айханум еще более отчетливо предстал после открытия отпечатков папирусов в так называемой библиотеке дворца, а также после интерпретации надписей из гимнасия и теменоса герона Киния (см. ниже). Библиотека Айханум локализуется в сокровищнице в вытянутом (18,4 x 4,55 м) коридорообразном помещении (107), которое сильно отличается от школьных представлений об эллинистических архивах Александрии Египетской или о библиотеке Пергама. Библиотека дворца Айханум помещалась рядом со складскими помещениями сокровищницы.

Главным центром образования в городе был гимнасий. Он был построен в северной части городища. Это было громадное здание, состоящее из трех частей. Ансамбль включал в себя обширный северный квадратный двор со стороной в 100 м, со всех четырех сторон обрамленный рядом комнат и эскадр, опоясанных обводным коридором, а также южный двор с северным рядом комнат (125 x 100 м). Третья часть гимнасия, раньше рассматриваемая отдельно, а иногда с ним³⁷⁷, представляла собой огороженный двор, расположенный непосредственно на юге от двух первых дворов, где находился неглубокий (около 2 м) бассейн (40 x 40 м), предназначенный больше для купания, чем для плавания³⁷⁸.

В сокровищнице Айханум были найдены необработанные, полузавершенные и полированные драгоценные камни: куски агата, оникса, сердолика, граната, янпис-лазури, бериллов, горного хрусталя и др., а также фрагменты небольших предметов из слоновой кости. Из полуфабрикатов особого внимания заслуживают бронзовые диски, предназначенные для чекана монет. Это показывает, что город имел свой монетный двор. Нумизматические исследования подкрепили такое предположение³⁷⁹.

Некоторые помещения (двор 105, 111, 115, 117) были использованы для местных производственных – металлургических и ювелирных мастерских. Так, в помещении 115 были открыты 8 серебряных и 4 золотых слитка. Слитки имели следы обрубков, что вместе с находкой свинцовой гири и разновеса позволили П.Бернару расценить эти находки как свидетельство торговли металлом³⁸⁰.

Архитектура Айханум в значительной степени дополняется скульптурой, стоящей на ее площадях, гимнасии, герооне и храмах. Некоторое незначительное число этих превосходных произведений искусства было найдено неподалеку от первоначального местоположения. Большая часть картин (шиксов) и скульптур исчезла бесследно.

PDF Compressor Free Version

Храм Окса на Тахтисангине

Городище Тахтисангин (Утеркала, Мели, Каменного городище, Тахтикубад-2) расположено на юге Кабадана, на самой границе Афганистана и Республики Таджикистан, в урочище, которое, по народной традиции, называлось Тахтикубад по имени легендарного героя "Шахнаме". Оборонительные стены города Тахтисангин охватывают территорию около 75 га. Находящаяся напротив цитадели Тахтисангина (Тахтикубад-2) на противоположном афганском берегу крепость Тахтикубад [3]³⁸¹ с севера фланкировала переправу – Мели, функционировавшую до средневековья. Расположенный в 5 км южнее Тахтисангина, Тахтикубад-1 оборонял переправу с юга. Все настойчивее повторяется мнение о том, что храм Окса на Тахтисангине в древности назывался Оксианой³⁸², упомянутой Птолемеем (VI, 12, 5-6), и как крепость на Оксе Страбонам (XI, XI, 4) вблизи городка Бранхидов на пути Александра сразу после переправы через Окс.

Городище Тахтисангин (или Каменное городище) расположено на безлюдной надпойменной террасе правого берега Окса-Амударья, у слияния Вахша с Пянджем. Тешикташский хребет до 600 м высотой отгораживает Тахтисангин от населенной сейчас части оазиса Кабадана.

Раскопками Южно-Таджикистанской экспедиции Института истории, археологии и этнографии им.А.Довниша и Института востоковедения РАН под руководством академика АН Таджикистана Б.А.Литвинского, ведущимися с 1976 г. (начальник отряда И.Р.Пичикин), выявлена внутренняя застройка цитадели Тахтисангина, в основном занятая храмом (51 x 51 м) и примыкающим к нему с восточного фасада храмовым двором (60 x 21 м), опоясанным мощными сырцовыми стенами. Расположенные по внутреннему периметру оборонительных стен цитадели комплексы, по-видимому, играли служебную роль: были складскими, ремесленными и жилыми прихрамовыми помещениями.

Городская застройка простирается на 1 км на юг и на север от стен цитадели. Насколько можно судить по выходам верхних венцов прямоугольных построек, она была не очень плотной. По находкам барабанов колонн можно предположить, что в перистиллях домов применялся каменный ордер вплоть до кушанского периода.

Раскопки на Тахтисангине, освободившие от нанесенного ветром земляного заполнения и смытых дождями кирпичей весь монументальный храм с обводными коридорами – хранилищами посвященных приношений, впервые дали в достаточной полноте археологическое подтверждение трех периодов искусства Бактрии. Открытие шедевров бактрийского искусства приподняло завесу над тайной Клада Окса. Благодаря раскопкам получен и эталонный архитектурный памятник, который позволит по-иному представить эволюцию ахеменидской и эллинистической культовой архитектуры в целом.

Исследование храма Окса привело к ряду важных открытий. Из всех храмов отныне не только в Средней или Центральной Азии, но также и на территории ахеменидского Ирана, храм Окса – наиболее полный и целостный комплекс. Это преимущество определили прекрасная архитектурная сохранность памятника и богатство нетронутого археологического заполнения.

“Идеальная” сохранность позволила выявить функциональное назначение каждого помещения во внутренней структуре храмов огня и реконструировать процесс происходивших в них общественно-религиозных церемоний. Благодаря целостности и археологически наиболее достоверной планировке храма Окса удалось уточнить неясные моменты в планировке храмов огня в Иране. Результаты изучения храма Окса показали, что самого большого внимания заслуживают небольшие помещения, примыкающие с двух сторон фасада к квадратному четырехколонному залу, так называемые “атешгахи” (хранилища вечного огня), – это одни из самых существенных компонентов внутренней функциональной структуры иранских храмов огня. В архитектуре храма Окса также четко прослеживается эллинистическая традиция в применении колонных портиков, в сочетании капителей ионического стиля с торчидными базами восточного ордера.

Восточная по типу планировка храма Окса (т.е. четырехколонный зал, обводной коридор, наличие атешихагов и колонный айван) могла быть осуществлена архитектором, мыслящим в традициях восточной объемно-композиционной практики строительства культовых зданий. Конкретно – храмов огня. Во всяком случае, заказ требовал, чтобы храм был построен по восточным стандартам. Следовательно, он проектировался или иранцем, или греком, хорошо знающим восточные традиции и имеющим соответствующий опыт.

Искусство Греко-Бактрии

Искусство Греко-Бактрии представлено в основном скульптурой во всем многообразии ее жанров и стилей. Особую приверженность скульпторы Айханум и Тактисангина испытывали к глиняной полихромной (раскрашенной) и каменной скульптуре, а также к смешанной акролитной технике с применением привозного мрамора.

Фрагменты такой крупной статуи были найдены в Айханум в храме с уступчатыми нишами. Найденные фрагменты рук и ног почти втрое превышают натуральную величину. Эти части были высечены из мрамора. Скромные размеры целлы храма подчеркивали огромные размеры изображения божества.

Сохранившаяся передняя часть левой ступни (длина 27 см) прекрасной сохранности. Судя по форме, она принадлежала мужчине, а судя по высокому качеству изображения и стилю, ступня принадлежала греческому божеству. Кроме чисто декоративного мотива пальметты и розеток, на сандалных изображены перуны – крылатые молнии – атрибуты Зевса. Статуя изображала собственно Зевса, сидящего на троне, каким он изображен на греко-бактрийских и индо-греческих монетах: со скипетром в вытянутой левой руке и с орлом или Никой в правой³⁰³. Скульптура была акролитной, т.е. из глины и мрамора. Эта техника предназначалась для создания колоссальных статуй, производство которых процветало в эллинистическую эпоху. Подобные работы, действительно, известны по описаниям античных авторов (Plin, XXXIV, 12; IV, 31, 7).

Большое место в сюжетной иконографии открытых скульптур занимают изображения богов, связанных с водной стихией. Изображения Марсия-Окса, Сидена-Ахелоя и нимфы гиппокамессы конкретизируют наши представления о религии эллинистической Бактрии, о существовавшем в Бактрии (а конкретно – в храме Окса) богатом пантеоне божества, с разнохарактерной иконографией.

Изображение божества реки Окса, засидельствованное греческой надписью, – самая важная находка для атрибуции раскопанного храма из более 5000

PDF Compressor Free Version

Алтарик с посвящением бактрийца Атросока на греческом языке. Тахтисангин

посвященный, обнаруженных на Тахтисангвие. Силен Марсий – бог Окс, играющий на двухствольной флейте, был смонтирован в миниатюрный известняковый алтарь с надписью на древнегреческом языке. Этот вотив богу реки Оксу, посвященный Атросоком, в настоящее время исследован достаточно полно³⁸⁴.

На [PDF Compressor Free Version](#) на лицевой стороне миниатюрного алтаря, служившего постаментом изображению Силен Марсия – Окса, играющего на двухствольной флейте, гласит: "По обету посвятил Атросок Оксу".

Вотив был посвящен Оксу (Вахшу) и, несомненно, был поднесен храму этого божества. Культ воды, рек и связанных с ними божеств был широко распространен у иранцев, в том числе и у бактрийцев.

Идея отождествления бога реки Окса с Марсием могла появиться в первую очередь у жителей Малой Азии: ионийских греков, в том числе мидетян, лидийцев, лидийцев, контингенты которых упоминаются античными авторами неоднократно в составе войск Александра Македонского и в пополнениях, пришедших в Среднюю Азию накануне похода Александра в Индию.

Имя донатора "Атросок" связано с культом огня; это теофорное имя, возможно, принадлежало какому-то жрецу огня. План храма восходит к композиционной схеме иранского храма огня, в нем были обнаружены алтари огня. Если учесть при этом и засвидетельствованную письменными источниками в иранских (как и индийских) верованиях и ритуале бинарность вода – огонь, нельзя исключить, что храм Окса был одновременно и храмом огня³⁸⁵.

Культ речного божества в облике Силен был известен и другим, более ранним, чем Атросок, дельцам храма. Это показывает уникальный для античного времени дважды повторяющийся рельеф с совершенно одинаковым изображением борьбы Геракла с Силеном (Ахелосом) на двух сторонах рукояти обоюдоострого пехотного греческого меча – ксифоса, найденного в том же коридоре, что и вотив Атросока³⁸⁶.

Шумный поток Окса древние населяли не только страшными богами, но и зловещими нимфами: "в воде речной живут не только рыбы, богини волн в ней плещутся зловеще".

Гиппокампесса – нимфа водной стихии, младшая из речных божеств, также была найдена в храме Окса.

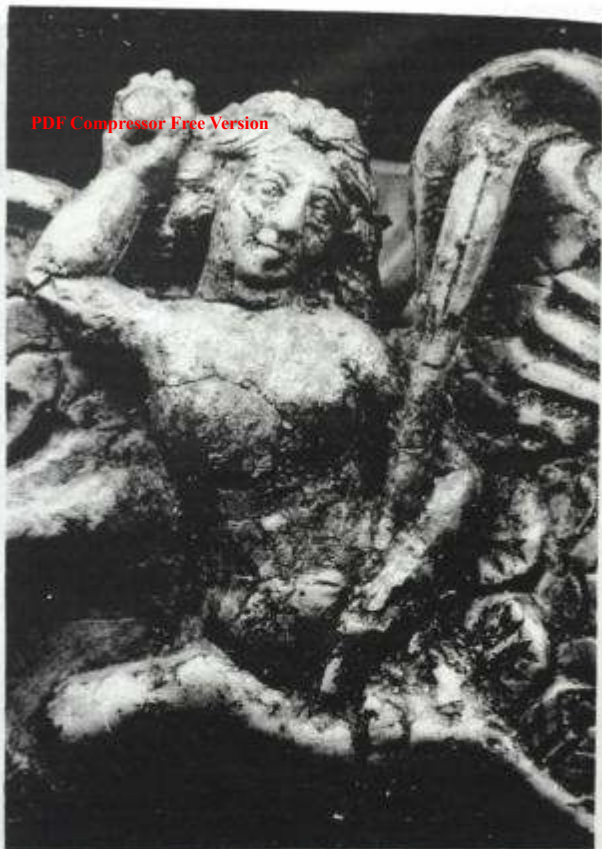
Нимфа изображена в виде фантастического существа, представляющего собой женщину со змеино-рыбьим хвостом, лошадиными ногами и крыльями птицы. В левой руке она вертикально держит весло, а в правой, готовой бросить, круглый предмет. Гиппокампесса – греческое морское божество, в Бактрии трансформировалась, по-видимому, в нимфу – спутницу бога реки Окса. Сухой и вместе с тем тщательный стиль работы не позволяет датировать ее ранее II в. до н.э., точнее, ее следует отнести к первой половине II в. до н.э.

Из богов Олимпийского пантеона, кроме Зевса, в Бактрии был распространен и культ Аполлона.

Голова Аполлона украшена пышными крупными кудрями, ниспадающими на плечи юноши. Овал лица округлый. Юноша изображен обнаженным, перевязь для ношения колчана перекинута через левое плечо. В правой руке часть древка или дуги лука.

К первой эллинистической школе (см. ниже) относятся четыре статуи гор, выполненные в полный рост в трехчетвертном размере натуральной величины. Девушки были облачены в длинные хитоны и переданы в стремительном движении вперед. Скульптуры выполнены из глины на деревянном каркасе, покрыты толстым слоем алебастра, местами сохранили первоначальную полихромную раскраску и позолоту.

Бутероль с гиппокампессой, фрагмент. Тахтисангин

Об эллинистическом портрете в Греко-Бактрии до недавнего времени можно было судить исключительно по монетным изображениям²⁸⁷.

При раскопках храма Окса была открыта целая галерея портретов, выполненных в местной глине и алебастре. Теперь изготовление высокохудожественных произведений монументального искусства на месте не может вызывать сомнения. Одна находка из слоновой кости в храме, непосредственно связанная с портретами на монетах, открывает новый этап в изучении греко-бактрийского искусства.

Геракл, сражающийся с водным божеством. Тахтисангин

Рельефное изображение Александра Македонского в облике Геракла украшало лицевую часть устья ножен votивной миниатюрной махайры. Тахтисангинский портретный бюст передает юношеский облик полководца. Голова

дана анфас, слегка повернута влево и едва заметно склонена к левому плечу. Округлый овал лица стянут шлемом из шкуры льва. За головой Александра – развевающиеся тонко моделированные локоны-завитки гривы, а на груди – лапы льва, перевязанные в гераклов узел.

Значение этой находки трудно переоценить из-за высокой культурологической значимости. Это – единственный портрет, приоткрывающий завесу “загадочного” греко-бактрийского искусства. Это высокохудожественное произведение – первый греко-бактрийский портрет Александра, воспроизводящий облик облеченного в победные регалии царя-героя Искандера, каким он дошел до нас в среднеазиатских народных преданиях³⁸⁸.

Безусловно, к местному бактрийскому искусству относится большое количество скульптур, сделанных из необожженной глины и алебаstra. Кроме разноформатности и различий в материале, головы, торсы и более мелкие фрагменты фигур подразделяются по стилю исполнения и хронологии на три совершенно разные школы.

К первой относится скульптура раннеселевкидского времени, выполненная в малоазиатских греческих традициях. Ко второй – греко-бактрийская школа со специфически местными традициями. К третьей – скульптуры, близкие по стилю парфянскому и индогандахарскому искусству.

Лучшими по стилю и мастерству исполнения являются головы мужчин с царскими повязками-диадемами, представляющие первую школу – селевкидскую. Скульптурные головы, которые следует отнести к портретам, несомненно, изображают особ царского достоинства, так как обе: и старик, и юноша увенчаны пурпурными диадемами. Близость размеров (половина натуральной величины), материала (местная глина), способа изготовления и стиля – показывают, что обе скульптуры были одновременно изваянной парой.

Одна из голов изображает безбородого мужчину пожилого возраста. Другая голова, изображающая молодого царя, открытая в храме Окса, гораздо лучшей сохранности. Голова лепная, сделана от руки из местной глины, материала столь хрупкого, что местное изготовление не вызывает сомнения.

Родство как общего облика (пластичный овал лица), так и трактовки мелких деталей выдает несомненное сходство не только этих портретируемых персонажей – старого и молодого, но и большое сходство в исполнительской манере, выдающее руку одного мастера.

Умозрительные рассуждения подтверждают результаты стилистического и портретного сходства Селевка I, Антиоха I и голов, найденных на Тахтисантине, с профильными монетными изображениями этих царей.

В храме с уступчатыми нишами Айханум были найдены еще две статуи из необожженной глины и штука и одна сильно фрагментированная. Скульптуры были натуральной величины. Они стояли в вестибюле по двум сторонам у внешнего портала двери целлы. Хорошо восстанавливаются две головы, точнее, два лица, называемые П.Бернаром масками. Одна голова мужская, другая женская. Мужское лицо, по мнению П.Бернара, содержит портретные черты. По стилю обе скульптуры вписываются в чисто греческую скульптурную традицию³⁸⁹. Однако технология изготовления скульптур имела, возможно, более древние корни в Бактрии, чем начало творчества греческих скульпторов на ее территории.

Вторая – местная бактрийская школа представлена на Тахтисантине головой в белом башлыке – кирбасии. Эта скульптура – мастерское, хотя и лаконично скупое, портретное изображение мужчины, властно и внимательно глядящего перед собой. Это скорее всего жрец, облеченный в белый кирбасий.

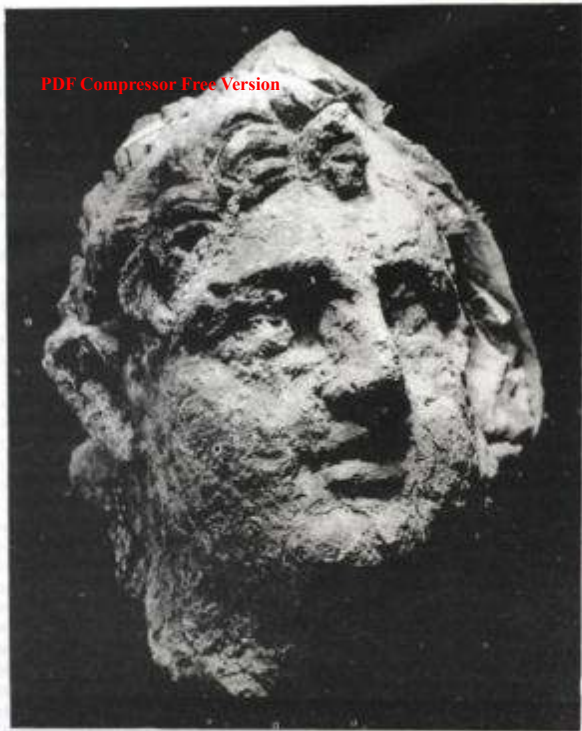

Голова пожилого царя в диадеме. Тахтисангин

Тахтисангинская скульптура, обнаруживая следы парфяно-бактрийских взаимосвязей в области искусства, подтверждает этот тезис. Вместе с тем она расширяет наши представления об облике бактрийской скульптуры в целом. Что касается датировки, то наиболее приемлемой представляется широкая дата III-II столетия до н. э.

Итак, скульптура храма Окса содержит в себе динамику развития неизвестного до недавней поры искусства Бактрии последней трети I тыс. до н.э.: от ахеменидского стиля через греко-бактрийские традиции к сложению кушанских художественных школ.

Крутая скульптура из камня представлена в Айханум прекрасной статуйкой обнаженного юноши с хорошо развитой мускулатурой, стоящего во весь рост. Это — эфеб 18-20 лет. На его голове венок из листьев, связанный сзади двумя длинными лентами, которые спускаются, извиваясь, до низа лопаток⁷⁹⁰.

Голова молодого царя в диадеме. Тахтисангин

Атлетическая мускулатура передана реалистически точно. Перед нами обнаженный палестрит, за победу в состязаниях увенчанный венком.

Особый интерес представляет незавершенность этой скульптуры. Это крайне редкий пример среди археологических находок, который в данном случае свидетельствует о реальном производстве подобных каменных скульптур в столь далеком от Средиземноморья бактрийском городе, на самой окраине Бактрии¹⁹¹.

Можно согласиться с П.Бернаром в том, что перед нами древняя реплика круга прославленного сикионского скульптора Лисиппа¹⁹².

Каменный рельеф с изображением эфеба был найден у мавзолея за стенами города Айханум. На тонкой плите в высоком рельефе было выбито изображение в фас молодого обнаженного человека в походном плаще и широкополой шляпе, заброшенной за спину.

Голова жреца в башлыке-кербаси. Тахтисангин

По своему стилю рельеф относится к лучшей греческой традиции. Герма с бородатой головой пожилого мужчины была найдена в гимнасии. Скульптура представляет собой герму – прямоугольный каменный столб, увенчанный головой. Снизу столб снабжен выступом для укрепления в паз базы-постаменты. Голова мужчины лет сорока округлой формы. Лицо очень мужественное, одухотворенное, с выражением спокойного достоинства. Уже эта скульптура, найденная первой на городище, приводит П.Бернара к выводу, что мастерство греческих монетариев в Бактрии не было обособленным явлением, а было лишь ветвью общего пластического искусства. Датировка этой статуи III в. до н.э., основанная на анализе «реализма портрета» и топологии пилястра, представляется вполне приемлемой³⁹³.

Монументальную скульптуру Айханум, выполненную в камне и глине,

дополняют высокохудожественные и рядовые изображения, относящиеся к мелкой пластике.

Новые результаты раскопок последних десятилетий дали в настоящее время возможность рассмотреть культуру Бактрии эллинистического периода на основе обширных данных архитектуры и разнообразных видов греческой скульптуры эпиграфических памятников, открытых археологами на берегах Окса-Амударьи. Речь идет о храме Окса на Тахтисангине в Таджикистане и Айханум в Северном Афганистане. Эти открытия вывели искусство Бактрии из небытия в ряд наиболее исследованных культур эллинистических государств Востока.

Параллельно с греко-бактрийской культурой развивались архитектура, письменность, искусство и материальная культура Парфии. По всем показателям как монументального, так и прикладного искусства культура Парфии стояла на высоком уровне. Археологами был открыт в южном комплексе Старой Нисы выдающийся архитектурный комплекс, к которому принадлежал квадратный зал с многочисленными мужскими и женскими полихромными скульптурными глиняными изображениями⁷⁹⁴. В настоящее время рассмотрена первичная интерпретация квадратного зала как принадлежащего дворцово-храмовому комплексу, связанному с заупокойным культом парфянских царей. Хотя раскопки этого памятника далеки от завершения, Г.А. Кошеленко выдвинул достаточно аргументированную гипотезу о принадлежности квадратного зала Старой Нисы к храму огня⁷⁹⁵.

Открытое (но явно недокопанное) сооружение представляет собой в плане четырехколонный квадратный зал, внутреннее пространство которого вдоль каждой из четырех стен расчленено семью выступающими в зал на 30 см и высотой в 3 м пилонами дорического ордера. Три северо-западных дверных проема с заостренными наружу мощными уступами – пилонами, а также пилоны, открытые в южной внешней стене храма, придавали объемно-композиционному решению, а следовательно, и внешнему архитектурному облику здания, монументальность, восходящую по своим конструктивным показателям к месопотамской строительной технике. Северный дверной проем вел из центрального зала в длинный и "красный коридор", восточный проем – в три смежных коридорообразных помещения, которые предшествовали внешнему обводному коридору (его еще предстоит открыть археологам).

Близкие по идее месопотамские традиции отмечены и при строительстве храмов с уступчатыми нишами Айханум (Восточная Бактрия).

Мощные стены толщиной 3 м и высотой в древности до 8-9 м, а ныне доходящие до современной дневной поверхности были сложены из квадратного сырцового кирпича от 39x39 до 43x43 см, толщиной от 12 до 14 см. В отдельных случаях использовался обожженный декальный кирпич для возведения 4-х фестоночатых в разрезе колонн и многочисленных пристенных полуколонн центрального зала.

Из полихромной терракоты были выполнены карниз и внутренний фриз, капители колонн и плиты со скульптурными изображениями. Первый строительный период, относящийся к III-II вв. до н.э., представляет для нас наибольший интерес. К нему относятся основные структурные части постройки: двухметровая в высоту клеричная платформа и стены, обрамляющие квадратный зал 20x20 м. Центральный вход, обращенный на север, имел три проема, оформленных уступчатыми пилонами. Два других боковых дверных проема вели на восток и юг, по видимому, в коридорообразные помещения. От внутреннего интерьера сохранились остатки пилонов и архитектурное убранство нижнего яруса.

Чрезвычайный интерес представляют конструкции и уникальная композиция четырех центральных колонн большого квадратного зала. Колонны диаметром 90 см были сложены из обожженного кирпича лекальной формы. Во втором строительном периоде стены были оштукатурены белым ганчем, подобно белому залу храма Окса. Раскрашенные скульптуры парфянских воинов в плащах, панцирях и гофрированных шароварах, интерпретируемые исследователями, как скульптурные изображения богов или обожествленных предков, дополняли роскошь интерьера. Эти статуи помещались в нишах между пилястрами, расчленяющими плоскость стен.

Поскольку в архитектурном отношении памятник открыт лишь частично, интерпретация его сложна и гипотетична. Против мнения Г.А.Пугаченковой, относящей квадратный зал к аудиенц-залам, которому впоследствии в эпоху младших Аршакидов была отведена роль героона обожествленных предков³⁹⁶, Г.А.Кошеленко выдвинул несколько доводов в пользу отнесения этого здания к храму огня, из которых основной и наиболее убедительный – первый: "Тип здания – большой квадратный зал с четырьмя колоннами, как бы очерчивающими внутри еще один квадрат, воспроизводит тип целым типичного иранского храма огня, известный еще с ахеменидского времени"³⁹⁷. Священный огонь, по мнению Г.А.Пугаченковой, разделенному и Г.А.Кошеленко, возжигался в центральном зале в честь обожествленных предков, подобно тому, как это зафиксировано Д.Шлюмберже в кушанском храме Сурхкотала в честь Канишки³⁹⁸. Из этого Г.А.Кошеленко сделал весьма резонный вывод о том, что представления о божественном происхождении царя и его предков в Парфии гораздо ближе ахеменидскому пониманию, нежели ортодоксальному зороастризму³⁹⁹. "Показательным для непрерывности традиций, идущих от Ахеменидов, – пишет Г.А.Кошеленко, – является и самый тип храма, восходящий к ахеменидскому прототипу, хотя и модернизированный в духе господствующих представлений, причем эллинистические влияния только отчасти заметны в его декоре"⁴⁰⁰.

К югу и востоку от квадратного зала в Старой Нисе было открыто еще два культовых сооружения, также, к сожалению, оставшиеся недокопанными.

Это, в первую очередь – так называемый круглый храм, который имел во внутренней части, действительно, круглый зал, а с внешней стороны – квадрат, с четырех сторон обрамленный обводными коридорами, из которых северный и западный открыты полностью, а два противоположных лишь частично. С внешней стороны вероятно на его четырех углах угловые башни, насколько можно судить по единственному башенному помещению в западном углу храма⁴⁰¹.

В храме было три входа: северный, восточный и южный. Последние два позже были заложены сырцовыми кирпичами. В качестве строительного материала использовался сырцовый кирпич прекрасного качества с размером сторон 40 см (варианты от 38 до 42 см) при толщине 14 см (варианты от 12 до 15 см). Г.А.Пугаченкова отмечает, что разный кирпич сооружения значительно лучшего качества, чем примененный в процессе перестройки. В возведении колонн круглого зала, так же как и квадратного зала, применялся обожженный кирпич: лекальный и прямоугольный (38x38x8 см).

Центральное круглое помещение диаметром в 17 м должно было иметь колонны, так как пролет столь велик, что бесколонное прямое перекрытие невозможно даже в качестве предположения. Мощные стены храма могли нести лишь шатровое перекрытие.

По мнению Г.А.Пугаченковой, в данном случае единственно возможная конструкция – это стропильно шатровое перекрытие. Материалом служила местная арча, отличающаяся исключительной прочностью и долговечностью. Поверх деревянной конструкции, прикрытой изнутри гипсовой, а снаружи глиняной обшивкой, круглый зал был перекрыт черепицей: плоской, желобчатой и треугольной (капителерами)⁴⁰². На основании результатов раскопок исследователи предполагают, как и в квадратном зале, двухъярусное декоративное расчленение стен интерьера. Как и в квадратном зале, верхняя часть интерьера между колоннами коринфского ордера высотой 5 м была украшена скульптурой, насколько можно судить по терракотовым метопам и раздавленным обломкам глиняных статуй⁴⁰³.

Детали ордера пристенных колонн, реконструкция аттических баз и коринфских капителей произведены Г.А.Пугаченковой достаточно убедительно.

Коридоры, обводящие круглый зал, на высоте около 4 м имели сводчатые перекрытия, они соединили круглый героон с прямоугольным башенным зданием или квадратным башенным сооружением, имевшим два этажа.

По составу находок на первом полу и на основе анализа архитектурного декора круглый зал датируют II в. до н.э. и относят его к храмовым сооружениям⁴⁰⁴.

В застройке Южного комплекса Старой Нисы в Юго-западной группе зданий с круглым храмом непосредственно связана система коридоров, башня – двухэтажное сооружение, стоящее на массивной платформе между круглым храмом и квадратным залом. Главный вход башни был обращен на северо-восток. К сожалению, и это сооружение, как и два предыдущих, осталось недокопаным, особенно в южной части⁴⁰⁵.

В настоящее время ясно просматривается первоначальная связь трех комплексов и их общее культовое назначение, в котором башне отводится роль башни огня, который хранился в небольшом верхнем помещении. Справедливо оценивается связь подобного сооружения с башнями Курабада, Накши-Рустама и Пасаргад, как в архитектурном устройстве, так и функциональном назначении восходящих к ахеменидским традициям⁴⁰⁶. Оценивая южный архитектурный комплекс Старой Нисы, Г.А.Кошеленко отметил, что и квадратный зал, и башня выдержаны в традициях иранской архитектуры, но в то же время они не копируют рабски ахеменидские образцы. Ясно заметны новые веяния, проявляющиеся не только в восприятии греческих приемов в декоре, но и в новых элементах архитектуры, выражавших развитие религиозных воззрений⁴⁰⁷.

В обзоре парфянской архитектуры заслуживают упоминания еще два здания: храм и “квадратный дом” Нисы. Монументальный храм был пристроен к оборонительной стене своей тыльной стороной в районе некрополя. Это громадное сооружение стояло на монолитной платформе высотой 80 см из того же стандартного парфянского сырцового кирпича 40x40x13-15 см. Несущие основные балки перекрытия целы здания с внутренним пространством 5x13 м располагались, по-видимому, продольно. Они опирались одной стороной в пазы оборонительной стены, другой – на поперечные стены фасада храма. О колоннах или следах баз колонн ничего не говорится. Внешние стены этого храма были расчленены также на два яруса. Нижний – высотой 2,6 м имел пятиступенчатое основание. Хорошая сохранность всей высоты колонн стены всего 1,7 м при диаметре 15,5 см дает возможность вычислить модуль равный 11 от высоты колонны. Ионические капители этих колонн

были отформованы на терракотовых плитах. С фасада и с боковых сторон храм имел портик, опирающийся на 12 колонн фасада и на 4 колонны боковых сторон (всего 18). Этот внешний портик был намного ниже фасадных стен храма (в отличие от греческой архитектурной практики), играя самостоятельную архитектурно-художественную роль. Вся композиция храма выглядела несуразно, но самобытно по своему построению, что и приводило к затруднению исследователей культуры Парфии, в их поиске прототипов и параллелей плана в этот, предшествующий и последующий исторические периоды. Как бы фантастично не выглядел храм, – возможно, что он был именно таким, как его реконструируют исследователи – важно что поиски его атрибуции велись в связи с заупокойным культом, исходя из окружающих его наусов. Восьма отдаленные параллели он находит в центральном мавзолее Айтханум, если представить, что у мавзолея был отсечен фасадный портик с частью целлы и был приставлен своим торцом к оборонительной стене города Новая Ниса.

Второе здание – так называемый квадратный дом или сокровищница⁴⁰⁸, действительно, представляет собой квадратное сооружение с хорошо сохранившимся и достаточно убедительным планом. Это квадратное здание по внешнему периметру 59,7 м в стороне с квадратным же перистильным двором 38x38 м, в котором портик опоясывал двор со всех четырех сторон. Деревянные столбы – опоры по девять с каждой стороны – имели торовидные базы. С южной стороны к первому ряду колонн был добавлен второй ряд, также из девяти колонн. По периметру здания за портиком шли вытянутые, соприкасающиеся между собой на коротких сторонах помещения, группирующиеся смежными блоками по три с каждой из сторон и имеющие на длинных сторонах дверные проемы, обращенные во двор. Помещения по центру имели по четыре опоры, а по периметру каждого были устроены суфы. Здание сооружено из квадратного 40x40 см парфянского кирпича. Первый период его жизни датируется исследователями III-II вв. до н.э.⁴⁰⁹

По мнению Г.А.Пугаченковой и Г.А.Кошелевко, сокровищница была связана с культом умерших царей Аршакидов, а каждая комната замуровывалась по мере совершения обряда погребения. При этом Г.А.Кошелевко считает, что ахеменидские традиции проявляются в назначении и отчасти архитектуре здания, а эллинические традиции – в планировке и колонном оформлении перистилья⁴¹⁰.

Сопоставляя монументальную архитектуру Парфии и Бактрии и находя много общих черт в области строительной техники и эллинистических ордерных модификаций, следует отметить не столько сравнительно слабую изученность парфянской архитектуры, сколько совершенно необъяснимую незавершенность раскопок основных ключевых памятников. Исследователи парфянской монументальной скульптуры разделяли ее на две группы: к первой относили привозную скульптуру, ко второй – местную⁴¹¹. Высокохудожественные образцы каменной (мраморной) скульптуры, отнесенные к первой группе, по мнению Г.А.Коваленко, не могут быть использованы для характеристики культуры Парфии, однако они характеризуют художественные вкусы парфянской знати, ибо для украшения Нисы привозились только те вещи, которые какими-либо своими чертами отвечали ее потребностям⁴¹².

К выводам ученых следует добавить, что местная парфянская скульптура подразделялась на несколько видов: монументальную, прикладную и т.д. Различалась местная школа и по материалу: камень, необожженная глина, терракота, гипс, кость слоновая и т.д. Особенный интерес представляют мо-

монументальные архитектурные терракотовые детали, отформованные в глине по матрицам и обожженные. Совершенно справедливым представляется, что подобная техника восходит к давно забытой архитектурной традиции архаической Малой Азии. Монийские капители и "триглыфы" со стреловидными бойницами украшали деревянные конструкции в храме Старой Нисы⁴¹³. Относимые к привозным скульптурам мраморная голова Афродиты, Родогуны, статуя Нисийской богини, безусловно, являющиеся шедеврами античного искусства, находят много параллелей в монументальной скульптуре Бактрии периода эллинизма. Очень сложная по прическе и моделировке черт лица голова, принадлежащая коре (девушке), была найдена в храме Окса на Тахтисангине. Сама статуя Нисийской богини также находит близкие аналогии в корах, найденных в храме Окса в разбитом виде. Правда, последние скульптурные фигуры были сделаны из глины, покрытой позолоченным и раскрашенным алебастром. Нисийская богиня изображает девушку, одетую в хитон, состоящий из юбки и кофты, поверх которого наброшен плащ-пеплос, через правое плечо перекинут скрученный шарф. Руки у девушки, вероятнее всего, были подняты. Подобные скульптуры, находимые в греческих и этрусских храмах, обычно относили к плакальщицам. Девушек с улыбающимися лицами и поднятыми руками, найденными в храме Окса, мы условно назвали корами – "девушками". И коры храма Окса и Нисийская богиня, как бы ни называли их современные археологи, безусловно, относятся к единому статуарному типу, хотя первые могут быть отнесены к более раннему столетию.

Высшим шедевром, открытым в Парфии, должна считаться статуя, называемая "Родогуной". Верхняя часть обнаженной девушки выполнена из белого, а нижняя – постамент – гофрированный складками, имитирующим одежду, – из серого мрамора. Обнаженная девушка с поднятой левой рукой и правой свободно опущенной (обе руки отбиты в древности) идентифицируется как Афродита (укладывающая волосы или завязывающая волосы лентой) или как дочь Митридата I Родогуна. По местному сказанию, Родогуна, узнавшая о нападении врагов во время мытья головы, поклялась не мыть голову до окончательной победы над врагом⁴¹⁴.

Приведенные скульптурные изображения женщины, если даже они и были привезены, а не изготовлены по заказу из привозного мрамора, говорят о высоком уровне культуры парфян, о художественных вкусах и эстетических потребностях высших слоев парфянского общества. Хотя в Парфии, как и в Бактрии, найдены лишь крупицы национального достоинства эллинистической эпохи, все же они скорее свидетельствуют о филизских вкусах и связях общества, чем о расхожем мнении о "грубых варварах парфянах"⁴¹⁵. После находки в Айханум (Бактрия) прекрасной, но незавершенной статуи атлета из известняка, выводы об обязательном привозном характере скульптур из мрамора не могут восприниматься совершенно безоговорочно. Об этом же свидетельствуют новые находки скульптур из местной глины. Коллекция полихромных статуй из местной глины Старой Нисы дополнилась несколькими скульптурами. Голова в шлеме высотой 34 см была найдена в "белой комнате" – одном (из пяти) вспомогательном помещении квадратного зала или храма огня Старой Нисы⁴¹⁶. Лицо сохранилось почти полностью. Изображен бородатый мужчина с классически правильными чертами лица, переданными несколько сухо и резко. Тщательно проработаны веки, зрачки, завитки, борода, брови. Перед нами готовый к бою воин, полный сил и уверенности, облаченный в греко-македонский шлем с полями (утрачены), гребнем и под-

вижными нашечниками, украшенными горельефными перунами – атрибутом Зевса. Шлем, точнее нашечники, у подбородка завязан тесьмой в узел, что делается обычно непосредственно перед боем.

Другие скульптуры из квадратного зала Старой Нисы также изображены в панцирях и доспехах, складчатых хитонах и достигают более 2 м высоты⁴¹⁷. Исследователи не без оснований датируют перечисленные находки II в. до н.э.

В квадратном зале Старой Нисы были найдены сваленными в кучу знаменитые парфянские ритоны – восхитительные шедевры косторезного дела эллинизма. Они, несомненно, играли роль культовых приношений. Ритоны – вытянутые, расширяющиеся раструбом сосуды для питья, прототипами для которых служили обработанные рога крупного рогатого скота. Подобная форма сосудов была широко распространена в ахеменидском мире (из золота и серебра), а в греческом отформована из глины и расписана. В нижней своей части ритоны обычно украшались протомами львов, грифонов и всадников, в верхней части раструба их украшал фриз с сюжетными изображениями и растительным орнаментом. Фриз на нисийских ритонах чаще всего украшался барельефными изображениями 12 богов Олимпийского пантеона или (в одном случае), вероятно, сплещом Гомером в окружении 12 нимф, то ли олицетворяющих главы “Одиссеи” или “Илиады”, то ли города, спорящие за честь его рождения.

Популярными были, судя по количеству изображений на нисийских ритонах, динамические сцены с Дионисом и вакхическими шествиями. Г.А.Кошеленко справедливо отметил, что сами сюжеты, образы и фигуры в целом изображены в русле эллинистической художественной культуры. Однако образы, пропорции, фронтальность и изображения женских лиц в ряде случаев – чисто восточные⁴¹⁸. Нельзя не согласиться с исследователями, считающими, что ритоны из Нисы в художественном отношении совершенно уникальная серия произведений искусства⁴¹⁹, а искусство Парфии в целом – одна из ярких страниц в истории мировой культуры⁴²⁰.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В КУШАНСКИЙ ПЕРИОД

Подобно тому, как восточный поход Александра Македонского и крах Ахеменидской державы явились важной вехой в истории Средней Азии (и всего Древнего Востока), положив начало новому ее этапу – эпохе эллинизма, крах власти греко-бактрийских (и греко-индийских) правителей и выдвижение династий кочевых владык знаменовали переход к столь же важному новому этапу – кушанскому периоду, времени, когда на смену господству античных (эллинистических) государей пришли местные цари, а местное общество, усвоив достижения как античной, так и других иноземных культурных и художественных традиций, приспособило их для своих нужд. Этот период охватывал полтысячелетия – с рубежа II-I вв. до н.э. до конца IV в. н.э. В истории тех стран и областей, которые входили в состав Кушанской державы или в сферу ее влияния, этот период был временем наивысшего в древности расцвета экономики, культуры и искусства, обусловленного длительной, относительно мирной обстановкой и небывалым дотоле размахом международных политических, торговых и культурных связей.

КРУШЕНИЕ ВЛАСТИ ГРЕКО-БАКТРИЙСКИХ ЦАРЕЙ
И ВТОРЖЕНИЕ КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕНПричины гибели
Греко-Бактрийского
царства

Политическое господство относительно небольшой греческой верхушки в глубинных районах Азии, отделенных от античных государств Восточного Средиземноморья огромными пространствами, не могло

быть бесконечным, тем более, что основная масса местного населения, не говоря уже о кочевых племенах, соседствующих с оседлыми оазисами, видела в греках чужеземных поработителей.

Положение греков и эллинизированной местной знати, поддерживавшей их, особенно осложнилось во второй половине II в. до н.э., когда из-за очередного усиления процесса засушливости степей скотоводческие племена были вынуждены искать для своих стад новые пастбища, и началось все нарастающее передвижение населения Великого Евразийского степного коридора. Одно племя или союз племен, отвоёвывав пастбища у соседей, вытесняли их, а те в свою очередь двигались на земли других племен. В основном переселение шло с востока, из глубин Азии, на запад. Мощная лавина кочевых племен достигла тогда и Парфии, и Северного Причерноморья. Прокатилась она и по землям Среднеазиатского междуречья, где кочевых завоевателей, значительная часть которых была родственна местному оседлому населению, встречали, вероятно, как союзников в борьбе против греческих правителей.

Находки в долине Зеравшана (в основном в районе Бухары) наряду с двумя крупнымикладами и отдельными греко-бактрийскими монетами подражаний чекану Эвтидема показывают, что уже при жизни одного из первых греко-бактрийских царей или же сразу после его смерти какая-то часть Согды выделяется из Бактрийского государства¹.

Ожесточенная борьба согдийцев и других азиатских народов против засилья иноземных правителей привела в конечном итоге к упадку Греко-Бактрийского царства.

Агония этого царства и завоевание Бактрии кочевниками произошли между 141 и 128 гг. до н.э. В 141 г. до н.э. греки Бактрии в последний раз упоминаются в источниках как самостоятельная политическая единица; в этот год, по сообщению Юстина, они выступали против Парфии как союзники селевкидского царя Деметрия II. В 128 г. до н.э. посол китайского императора Уди (140-86 гг. до н.э.) – Чжан Цянь – увидел Бактрию уже покоренную кочевыми племенами².

Китайские источники о разгроме Греко-Бактрии

Чжан Цянь, скорее всего, был первым образованным китайцем, проникшим на территорию Средней Азии. По словам китайских историков, он "первый открыл дорогу на Запад". Понятно поэтому, что китайские источники не осведомлены о внутриполитических причинах, приведших к гибели Греко-Бактрийского царства. Зато именно они сообщают ценные сведения о тех событиях, вследствие которых на земли Среднеазиатского междуречья обрушилась лавина кочевых завоевателей.

Завоевание Бактрии, по сообщению этих источников⁴, предшествовали крупные передвижения кочевых племен по обширным пространствам Центральной и Средней Азии. Толчком к этим передвижениям послужила борьба между кочевыми племенами хуннов⁵ и юэчжей, живших близ границ нынешней Монголии, далеко за пределами современных республик Средней Азии. Победа в этой борьбе осталась за хуннами, возглавляемыми, умным и инициативным шаньюем Модэ (шаньюй – титул вождя хуннов) и его сыном Лаошанем. Под натиском хуннов юэчжи около 165 г. до н.э.⁶ покинули свои земли. Небольшая часть юэчжей (китайские источники называют их "малыми юэчжи") ушла на юг и осела в южных районах нынешнего Синьцзяна. Основная же масса кочевников – "большие юэчжи" – двинулась на запад, где столкнулась с другими кочевниками – усуями. В завязавшейся борьбе усуи были побеждены, а их глава убит. Благоприятно для первых окончилась и война с "царем сэ (саков)", протекавшая на территории Северного Притиньшанья: племена сэ были рассеяны, а "царь сэ" ушел на юг, "за висячий проход", т.е. по пути, ведущему, очевидно, через Южное Припамирье в Северную Индию⁷, где завоевал Гибин⁸. Однако закрепиться в Северном Притиньшанье юэчжам не удалось. Около 160 г. до н.э. младший сын убитого ими усуйского вождя, воспитанный хуннами, опираясь на поддержку последних, выступил против убийц своего отца, и "бывшие земли сэ" перешли во владение усуей. Юэчжи же были отеснены еще далее на запад, после чего они, пройдя, видимо, через Фергану, наконец, завоевали Бактрию.

Следует отметить, что их ставку Чжан Цянь застал еще на территории Среднеазиатского междуречья, к северу от Амударьи. Что же касается южной – левобережной – Бактрии, которую Чжан Цянь называет Даха, то она в 128 г. до н.э. хотя и была уже подчинена кочевникам, но считалась отдельной страной. В донесении Чжан Цяня при описании их говорится: "(Владение) да-

юэцжи лежит в 2000-3000 ли от Давани (Ферганы) на запад, от реки Гуйшуй (Амударья) на север. От него на юг лежит Даха, на запад – Аньси (Парфия), на север – Кангюй”. В отличие от кочевников жители Бактрии, по словам Чжан Цяня, “ведут оседлую жизнь, имеют укрепленные стены города и дома, по обычаю (фергальцами)”⁹.

Бактрия после разгрома Греко-Бактрийского царства пережила, по-видимому, период чрезвычайной политической раздробленности. “Даха не имеет верховного главы, – сообщает Чжан Цянь, – и каждый город управляется своим князем”. Однако Чжан Цянь упоминает столицу Бактрии – Ланьши (вероятно, Александрию-Балх)¹⁰, бывший оплот греческой власти в Бактрии¹¹.

Более поздние источники – “История дома Хань” (“Ханьшу”) и “История младшего дома Хань” (“Хоуханьшу”) – сообщают уже о переселении кочевников в центр Бактрии: их владетель “имеет пребывание в городе Ланьши”. “Хоуханьшу” сообщает также, что после покорения Бактрии кочевники разделились на пять владений, одно из которых – Гуйшуань (Кушан) – позднее подчинило себе все остальные¹².

Данные античных источников. Сопоставление китайских и античных источников

Из западных авторов сведения о завоевании Бактрии кочевниками сохранились лишь у Страбона и Помпея Трога. Страбон сообщал, что Бактрия была отнята у греков кочевными племенами, пришедшими с другого берега Яксарта (Сырдарья): асиями, пасианами, тохарами и сакарауками. Юстин же называет лишь два “скифских племени” – сарауков и асианов. Юстин сообщает и о вторжении “скифов” во владения парфян¹³. Парфянский царь Фраат II, по его словам, пригласил скифов помочь ему в войне с Антиохом VII. Однако кочевники опоздали: Антиох VII был разбит парфянами еще до их прихода. Несмотря на это, скифы потребовали от Фраата II обещанной им награды, а получив отказ, принялись грабить земли своего бывшего союзника. Попытка Фраата II избавиться от кочевников силой потерпела неудачу, причем сам Фраат II в 128 г. до н.э. пал в бою. В борьбе с кочевниками погиб, по словам Юстина, и преемник Фраата II, его дядя Артабан II (128-123 гг. до н.э.), причем на сей раз Юстин называет кочевников не обобщенным именем “скифы”, а “тохарами”¹⁴. Асиане, тохары и сарауки упоминаются им и в еще одном весьма интересном контексте: в отглавлении несохранившейся 42-й книги Помпея Трога, где рассказывалось о том, как “ассиане, став царями тохар, погубили сакарауков”.

Данные китайских и античных авторов, таким образом, в основном совпадают: Бактрия, по их словам, была завоевана племенами кочевников, пришедшими из-за Сырдарья; одно из этих племен в ходе или скорее после завоевания добилось господствующего положения.

Однако отождествление племен и народов, упоминаемых китайскими и античными источниками, связано с большими трудностями, и по вопросу о действительном названии этих племен и их происхождении полной ясности в науке не существует. Так, да-юэцжей китайских источников различные исследователи идентифицировали не только с тохарами¹⁵, но и с асиями¹⁶, а китайское название Бактрии – Даха – объяснили, как передачу самоназвания тохар, дахов и даже греков¹⁷.

Наиболее общепризнанным является отождествление с восточными саками, сакарауков – с известными еще в ахеменидское время саками-хаумаварка, пасианов – с апа-саками, “водными саками” (скифами-абиями

Геродота)¹⁸. Все эти отождествления показывают, что среди кочевников, сокрушивших власть греко-бактрийских царей, местные среднеазиатские племена играли далеко не последнюю роль. Более того, если верны (полностью или частично) гипотезы, согласно которым да-юэджи отождествляются с ветвью массагетов, первоначально откочевавшей далеко на восток и лишь затем под натиском хуннов вернувшейся в пределы Средней Азии, а кушан – с усунями-асанами и с восточным крылом тех же массагетов¹⁹, то участие местных племен в завоевании греко-бактрийских земель представится еще более значительным.

Особенно много споров вызвал вопрос о тохарах (в частности, в связи с тем, что с ними исследователи связывали индоевропейские языки "тохарский А" и "тохарский В"), раннесредневековые памятники письменности которых были обнаружены в Синьцзяне. На начальной стадии изучения этих языков имела тенденция связывать эти документы с историческими тохарами, которые принимали участие в разгроме Греко-Бактрийского царства.

Государственные образования в Средней Азии конца II-I вв. до н.э.

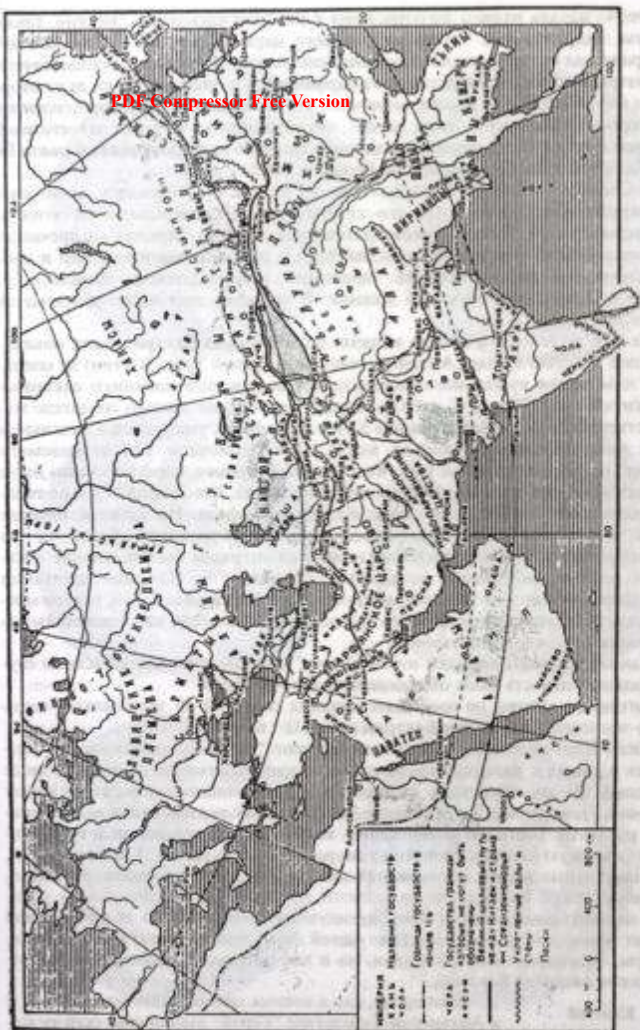
Разгром Греко-Бактрийского царства и вторжение кочевников резко изменили всю политическую карту Средней Азии. Кочевники-завоеватели на первых порах не смогли, а может быть и не стремились создать крепкое единое государство, и на территории среднеазиатских областей, и в конце II и в I вв. до н.э. сложилось несколько отдельных государственных образований. Юго-западные районы Средней Азии (современная Южная Туркмения) по-прежнему оставались под властью Парфянского царства. В остальных же областях Средней Азии обосновались новые кочевые властители. Сильнейшими из них были, вероятно, юэчжийские.

Государственное объединение юэчжийских кочевых племен в течение 20-30 лет меняло свое расположение, передвигаясь (в пределах Средней Азии) от района озера Иссыккуль, через Фергану и Согд, в правобережную Бактрию. Кочевники за это время постепенно смешивались с оседлым населением. Интересно отметить, что если Чжан Цзянь рассматривает их как кочевников, чьи обычаи сходны с хуннскими, то "Ханьшу", описывая среднеазиатские владения конца II-I вв. до н.э., сравнивает их обычаи уже не с кочевниками-хуннами, а с оседлым населением Парфии (Аньси)²⁰.

Бактрия

Кочевые завоеватели Бактрии (какое-то из юэчжийских племен) в конце II – первой половине I вв. до н.э. стали выпускать здесь свои монеты, по внешнему виду и по греческой легенде подражающие чекану последнего греко-бактрийского царя Гелиокла. На лицевой стороне этих монет уже вскоре после завоевания воспроизводился, однако, не искаженный облик Гелиокла, а какой-то неизвестный нам по имени правитель. На оборотной же их стороне, помимо стоящего в фас божества, соответствующего Зевсу монет Гелиокла, стало помещаться изображение лошади²¹.

Кроме этих монет, чеканенных по образцу монет крупного номинала (тетрадрахмы и драхмы) Гелиокла, в Бактрии известны также мелкие серебряные монеты, выпускавшиеся по образцу оболы другого греко-бактрийского царя, отца Гелиокла – Евкратита. Изредка встречаются и подражания тетрадрахмам этого царя. Не исключена возможность, что монеты двух последних групп выпускались в Северной Бактрии, подпавшей под власть юэчжей еще до их окончательной победы над Гелиоклом²².

Древний мир во втором веке до н.э.

Около начала нашего летосчисления в Бактрии чеканились, видимо, также монеты, подражающие чекану парфянского царя Фраата IV с надчеканом²³. Историческая интерпретация этих монет еще не ясна. Некоторые исследователи считают, что это количество парфянского воздействия (или даже вторжения парфян). Однако вполне возможно, что их чеканил один из претендентов на престол парфянского "царя царей", опиравшийся на кочевых завоевателей Бактрии в тех расприх, которые раздирали Парфию при преемниках Фраата IV (38/37 – 3/2 гг. до н.э.) до воцарения Вологеза I (в 51 г. н.э.).

В Согде и в какой-то части Бактрии в I в. до н.э. оформилось, возможно, государство сакараваков. Об его существовании свидетельствуют монеты двух правителей – Артадра (или Аратадра) и его сына Гиркода – с греческими, смешанными (греческой и согдийской) и согдийскими легендами и изображениями на лицевой стороне – правителя, а на оборотной – стоящего божества или протомы скачущей лошади. В легендах этих монет встречается слово "сакаравак".

Скорее всего около начала нашего летосчисления Бактрия была объединена под властью кушан. Античные авторы (Помпей Трог, Юстин) не сохранили нам имени кушанского (азиатского?) вождя, подчинившего сакараваков; китайские ("Ханьшу" и "Хоуханьшу") сообщают лишь о создателе могущественной Кушанской державы Кудзуде Кадфизе, умалчивая о начальном этапе консолидации кушанской мощи. Однако монеты так называемого "Герая" свидетельствуют о том, что основы будущего царства кушан были заложены именно при нем. Вполне вероятно также, что "Герай" был не только предшественником, но и отцом Кудзулы Кадфиза. На лицевой стороне монет "Герая" изображен бюст правителя, а на оборотной – божество или конный правитель, которого венчает лаврами античная богиня победы – Ника. В легенде он обычно называется "кушаном"²⁴. На ряде его монет Р.Гиршман читает часть надчеканенного слова "сакаравак", что, по его мнению, документирует победу этого кушанского правителя над последним сакаравакским вождем Гиркодом²⁵.

Как показывают находки монет "Герая", вся Бактрия или во всяком случае большая ее часть была объединена под его властью.

Античные авторы не сообщают никаких сведений об экономике и социально-экономическом строе Бактрии конца II-I вв. до н.э.

Чжан Цзянь отмечает, что жители Бактрии "искусны в торговле", и упоминает о рынке с различными товарами в древней столице страны – городе Ланьши²⁶. Но не эти скудные сообщения, а многочисленные находки монет позволяют говорить о сохранении в Бактрии и после завоевания ее кочевниками развитой торговли и денежного хозяйства, что предполагает относительно высокую степень развития товарного производства. Таким образом, разрушительные войны и вторжения кочевников хотя и нанесли, очевидно, серьезный ущерб Бактрии, но не привели, по-видимому, к длительному упадку ее хозяйственной жизни. Последующую же политическую консолидацию следует объяснить не как следствие одной лишь военно-политической конъюнктуры, благоприятной для кушан, но и как результат дальнейшего экономического развития Бактрии.

В то время, как в южных среднеазиатских областях и в Афганском Туркестане "Герай" закладывал основы будущей Кушанской державы, в северной части Средней Азии сложилось крупное государственное образование, которое в источниках называется Кангюем.

Кангюй

Монеты Герая

Ядро Кангюя составляли кочевники²⁷, а центр его был расположен, вероятно, на Средней Сырдарье, которая вплоть до раннего средневековья именовалась "рекой Канга" и была заселена племенами кенгересов – "людей (или мужей) Канга".

Поскольку в китайских источниках, хорошо осведомленные в событиях конца IV в. до н.э., не упоминают Кангюя, то можно полагать, что его усиление приходится на III или даже на II в. до н.э. и связано с увеличением роли кочевников в политической жизни Средней Азии вообще. Чжан Цзянь в 128 г. до н.э. знает Кангюя уже как довольно крупное государственное объединение, южные районы которого, однако, по его словам, признают над собой власть юэцжей, а восточные – хуннов. В число южных районов Кангюя уже тогда входила северная часть Среднеазиатского междуречья, так как путешественник по пути из Ферганы в Бактрию должен был проехать через кангюйские земли.

По сообщению более поздних источников, Кангюю были подчинены пять "малых владений": Сусе (позднейший Кеш – Шахрисабз), Фуму (позднее Кушания в долине Зеравшана), Юни (Шаш – Ташкент), Ги (возможно, Бухара) и Югань (Ургенч – Хорезм). Таким образом, Кангюй был государством, включавшим, помимо района Ташкента и Хорезма, еще и значительную часть Согда, и граничившим на юго-востоке с Ферганой, а на юге – с Парфией и юэцжйскими владениями²⁸.

Расцвет мощи Кангюя приходится, вероятно, на конец II и на I в. до н.э., когда передвижение основного ядра юэцжей на юг, в левобережную Бактрию, и разделение их племен на пять отдельных владений, связанное, возможно, с оседанием их на землю, привели к ослаблению их позиций в Среднеазиатском междуречье. Характерно, что если, по словам Чжан Цзяня, они имели 100-200 тыс. войска, а Кангюй – лишь 30-90 тыс. то автор "Ханьшу" сообщает, напротив, о 120-тысячном войске Кангюя и о 100-тысячном у юэцжей²⁹.

Проявлением могущества Кангюя в самом конце II – начале I в. до н.э. является его независимая позиция по отношению к Китаю. В 101 г. до н.э. Кангюй вмешивается в фергано-китайскую войну, выдвинув свои отряды на помощь осажденной китайцами ферганской столице³⁰. В 47-46 гг. до н.э. в Кангюе находит себе приют враждебный Китаю шаньюй (вождь) северных хуннов Чжичжи³¹.

Как сообщает в это время китайский наместник в Синьцзяне, владетель Кангюя, в отличие от хуннов и усуней, "горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение перед нашими посланниками и всем своим поведением подчеркивает свое превосходство перед соседними владетелями"³².

Но несмотря на свою военно-политическую мощь, Кангюй и в I в. до н.э. представлял, несомненно, рыхлое объединение кочевых и оседлых областей, стоявших на различных ступенях социально-экономического развития. Как уже говорилось выше, правящую верхушку этого объединения составляли кочевники. Входившие наряду с ними в состав собственно кангюйских племен жители присырдарьинских земель и Чача, были уже знакомы с оседлой земледельческой культурой, уровень которой, однако, был ниже, чем в центральных районах Среднеазиатского междуречья (показательно, например, что здесь не найдено монет местного чекана, а находки иностранных монет пока что исчисляются единицами); Хорезм и Согд, напротив, уже в это время жили полнокровной хозяйственной жизнью и чеканили свою собственную монету: в Согде существовало развитое денежное обращение, что засвидетельствовано находками монет с согдийскими легендами³³, в Хорезме обнаружены монеты так называемого "безымянного царя" с изображением на лицевой стороне головы правителя и венчающей его Ники, а на оборотной –

божества или царя верхом на коне; легенда этих монет представляет собой подражание легендам монет Эвкратиды³⁴.

Зависимость от кангюйских кочевников оседлых среднеазиатских областей, в первую очередь земледельческих районов Хорезма и Согда, ограничивалась, по видимому, признанием их верховной власти и выплатой более или менее регулярной дани. Поэтому отдельные районы могли, вероятно, в одно и то же время откупаться и от Кангюя и от хуннов или юэчжей или же, признавая власть первого, вторым только уплачивать дань.

Фергана

Отдельное государственное образование во II-I вв. до н.э. представляла Фергана, известная китайцам под названием Давани (античные же авторы о Фергане этого периода так же, как и о Кангюе, ничего не сообщают).

Первые сведения об этом государственном образовании приводятся в до-расселениях Чжан Цзя³⁵. Однако сообщения о том, что кочевники по пути в Бактрию прошли через Фергану и совпадение приводимого китайскими источниками имени одного из ферганских владетелей конца II в. до н.э. – Мугуа – с именем известного “индо-скифского” царя Мога (Мауса)³⁶, позволяет предполагать, что своим возникновением государство Фергана обязано тому же перемещению кочевников, которое повлекло за собой возникновение и других среднеазиатских государственных объединений той эпохи.

Чжан Цзя описывает Фергану как первую оседлую среднеазиатскую область на пути из Синьцзяна на запад. Естественно, что правительство Китая, в частности, императорский двор, мечтавший об организации регулярных торговых связей с “западными странами”, обратил на Фергану пристальное внимание. Фергана заинтересовала китайского императора и особой породой лошадей, которые китайские источники называют “славными лошадьми” (шаньма), якобы происходившими от “небесных коней”.

Предлогом для начала военных действий против Ферганы послужило убийство ферганцами китайского посланника Че Лина. Вскоре после этого инцидента (в 104 г. до н.э.) китайские войска уже двигались по направлению к ферганской границе. Однако китайское правительство недооценило сложности похода в Фергану. Армия, посланная в Фергану, была измотана дальностью пути и стычками с жителями небольших владений, лежавших на ее дороге, и оказалась недостаточной для взятия столицы Ферганы и захвата “славных лошадей”, не говоря уже о подчинении страны. Командующий китайской армией привел в Фергану всего лишь несколько тысяч голодных и измученных солдат. Для того, чтобы взять приступом пограничный городок Ю и перебить “множество жителей”, этого оказалось достаточно, но о походе в глубь Ферганы нечего было и думать. В 102 г. до н.э. остатки китайской армии вернулись в Дуньхуан – небольшой городок, лежавший возле западной оконечности Великой китайской стены в современной провинции Ганьсу.

Год спустя из Дуньхуана на запад выступила новая армия, насчитывавшая уже 60 тыс. человек (не считая вспомогательных подразделений). По словам Сыма Цяня, “вся империя приведена была в движение. Более пятидесяти предводителей (военачальников) отправлено на Давань...”. Поход был тщательно подготовлен. В армию взяли даже специальных мастеров для отвода воды от ферганской столицы. Были выделены также “два коновода из высших офицеров”, чтобы после успешного окончания войны выбрать “славных лошадей”. Для снабжения китайских войск была организована доставка “сушеного съестного запаса”, состоявшего из сваренного и высушенного риса. “Обозы, – писал Сыма Цянь, – тянулись один за другим”.

Первое же столкновение показало превосходство китайских войск, и фер-

ганцы, избегая дальнейших сражений в открытом поле, укрылись за стенами населенных пунктов. Китайская армия осадила столицу Ферганы. После 40-дневной осады китайцам удалось, разрушив "внешнюю стену", захватить часть города. Защитники столицы вынуждены были отступить в цитадель. Однако борьба продолжалась. "Старейшины" предложили китайцам прекратить военные действия, в ответ ферганцы обещали убить своего владетеля Мугуа, выдать "славных лошадей" и, сверх того, снабдить китайскую армию местными припасами. При этом "старейшины" предупредили, что в случае отказа они перебьют всех лошадей и будут продолжать биться насмерть, за это время к ним на помощь придут кангюйские войска, и китайская армия окажется между двух огней.

Китайский военный совет пришел к выводу, что в случае совместного нападения ферганских и кангюйских войск китайская армия, без сомнения, будет разбита, и согласился на условия ферганцев. По словам Сыма Цяня, китайцы "взяли несколько десятков славных лошадей" и 3 тыс. обычных жеребцов и кобылиц. Старого ферганского вельможу Молая поставили ферганским государем и прекратили войну. "При всем том, — пишет Сыма Цянь далее, — китайцы не смогли вступить в город и пошли в обратный путь".

Население ферганских городов продолжало препятствовать движению китайцев при их возвращении в Синозию. Так, жители города Ю не только отказались снабдить продовольствием один из китайских отрядов, но и, совершив ночное нападение на китайский лагерь, перебили почти весь отряд. В отместку за это китайцы взяли город Ю штурмом, а его владетеля, бежавшему к кангюйцам, но выданному ими, отсекли голову.

Однако китайцам не удалось закрепиться в Фергане. Вскоре после ухода китайской армии ферганцы убили китайского ставленника и возвели на престол младшего брата прежнего правителя.

О Фергане конца I в. до н.э. письменные источники сообщают нам больше, чем о любой другой области Средней Азии. Они описывают Фергану (Давань) как область с развитой земледельческой культурой и специализированным коневодством. По словам Чжан Цяня, в Давани было до 70 больших и малых поселений, а население ее, насчитывающее несколько сот тысяч человек, возделывало землю, сеяло рис и пшеницу. Китайские летописцы отмечали также наличие высокоразвитых виноградарства и виноделия: богатые ферганцы, по их словам, хранили вино в больших количествах, причем старое вино не портилось в течение нескольких десятков лет. Те же источники повествовали о множестве "славных лошадей", потопящих якобы кровью и ведущих происхождение от "породы небесных лошадей"³⁷. Судя по сведениям о разведении люцерны, можно полагать, что, помимо оттона табунов на естественные горные пастбища, ферганцы пользовались и стойловым содержанием лошадей. Разведение лошадей играло большую роль в жизни Ферганы. Об этом свидетельствуют и настойчивые упоминания китайских авторов о многочисленности "славных лошадей", и сообщение, что ферганцы "искусны в конной стрельбе", и, наконец, высеченные, вероятно, в рассматриваемое время наскальные изображения лошадей³⁸.

По-видимому, Фергана, подобно Бактрии и Парфии, была государством, жители которого вели оседлую жизнь, занимались высокохудожественными ремеслами и производили много прекрасных изделий. Однако более внимательный анализ источников позволяет установить, что экономически Фергана была менее развита в то время, чем Парфия, Бактрия и Согд. Как и в Кангюе, в Фергане, в частности, не выпускалась еще своя монета, и торговля носила, очевидно, лишь меновой характер.

В общественной жизни Ферганы важную, если не доминирующую роль, играли "старейшины" (по-видимому, представители родовой знати), которые решали все важнейшие вопросы (например, дважды за время войны с Китаем смещали "владельцев" – сначала враждебного Китаю Мугуа, затем прокитайски настроенного Мачаа). Известно указание некоторых современников, что ферганцы "уважают женщин"; то, что скажет жена, "муж не смеет не выполнить". Это сообщение свидетельствует, по-видимому, о пережитках матриархата в Фергане.

Для вопросов этногенеза народов Средней Азии важно сообщение Чжан Цяня о том, что на западе, от Ферганы до Аньси (Парфии), население среднеазиатских областей хотя и говорит на разных языках, но понимает друг друга; сходно оно и по своим обычаям. "Жители (этих областей), – отмечает он, – вообще имеют впалые глаза и густые бороды". Следовательно, в оседлых среднеазиатских областях по-прежнему безраздельно господствовали восточно-иранские языки и преобладал европеоидный антропологический тип³⁹.

Такова была Средняя Азия к концу I тыс. до н.э., перед тем, как в южных ее районах (и на севере современного Афганистана) сложилось одно из крупнейших государств своего времени – Кушанская держава.

СЛОЖЕНИЕ И РАСЦВЕТ КУШАНСКОГО ЦАРСТВА

Периодизация истории Кушанского царства Политическая история Кушанского государства изучена еще слабо. Ни малочисленные собственно кушанские письменные источники (надписи и монеты), ни отдельные заметки иноземных (античных и других) авторов, ни сведения, сохраненные средневековыми источниками и буддийской традицией, не дают достаточных оснований для определения абсолютной хронологии событий кушанского периода. Положение осложняется еще и тем, что, судя по надписям, нередко кушанские государи носили одинаковые царские имена. Так, было два или три Канишки, один или два Хувишки, два или три Васудевы.

В результате кушанская хронология все еще продолжает оставаться предметом оживленных дискуссий, и в научной литературе существуют самые различные гипотезы. Так, приход к власти крупнейшего кушанского царя Канишки одни относят к 78 г., другие – к 128 или 144 г. н.э., а третьи – к III в. н.э.⁴⁰ По-разному трактуются и другие события кушанской истории. Например, поход кушан в Синьцзян в 90 г. (абсолютная дата устанавливается по данным китайских источников) относят то к царствованию основателя кушанской державы – Кудзулы Кадфиза⁴¹, то ко времени третьего кушанского царя знаменитого Канишки⁴², выступление же в союзе с Арменией против основателя Сасанидской державы Ардашира Палакана в 227-229 гг. и посольство в Китай в 230 г. приписывают то Васудеве I⁴³, то Васудеве II⁴⁴.

Однако при всей спорности абсолютной хронологии кушан, общие контуры развития их державы и последовательность известных нам политических событий выявлены уже достаточно определенно. Поэтому историю кушан можно четко разделить на три этапа:

1. Рассмотренный выше период крушения власти греко-бактрийских царей и сложения на территории Средней Азии и Северного Афганистана ряда отдельных государственных образований (конец II-I вв. до н.э.).

2. Период оформления и расцвета могущественной империи Великих Кушан (I-III вв. н.э.).

3. Упадок и распад Кушанской державы, сопровождавшиеся вторжениями армий соседних государств и новых кочевых орд (конец III-IV вв. н.э.).

Сложение Кушанского государства при Кадфизе I и Кадфизе II

Начальный этап сложения Кушанского государства, прослеживаемый по отдельным сообщениям античных авторов и по нумизматическим данным, остался неизвестным китайским источникам, и, сообщив о завоевании Бактрии кочевниками и о пяти их владениях, “Хоуханьшу” опускает события целого столетия, переходя непосредственно к повествованию о первом “великом” царе кушан – Кудзуле Кадфизе (Кадфизе I).

“По прошествии ста с небольшим лет гуйшуанский (кушанский) ябгу (князь) Киоцзюкю (Кудзула Кадфиз)⁴⁵ покорил прочих четырех ябгу и объявил себя государем; его царство называлось гуйшуанским (кушанским). Он воевал с Аньси (Парфией), покорил Гаофу (Кабул) и затем победил и присоединил к своему царству Пуду (Арахозия или район Газни) и Гибнь (Кашмир). Киоцзюкю умер в возрасте более 80 лет...” – таковы сведения “Хоуханьшу” о царствовании Кадфиза I.

Надписи Кудзулы Кадфиза датированы от 103 до 136 г. неизвестной эры⁴⁶.

Наиболее же ранняя надпись его сына и преемника – Вимы Кадфиза относится лишь к 187 г. опять-таки неизвестной эры (по Лохвизен-де-Леев, к 58 г. н.э.), т.е. ко времени, отстоящему от последней из известных нам надписей Кудзулы Кадфиза на 52 года. В надписи 103 г. Кудзула Кадфиз назван “юным князем”, т.е. можно предполагать, что его фактическое воцарение произошло не в 103 г., а несколько позже. Но и в этом случае его царствование было весьма продолжительным: он правил, вероятно, не менее 50-60 лет (по Лохвизен-де-Леев, примерно до 35 г. н.э.). За этот период из владетеля небольшого южнотуркестанского княжества в Бактрии Кудзула Кадфиз превратился в могущественного государя огромного царства, владевшего помимо Бактрии, Западным и Южным Афганистаном и Северной Индией. На севере в состав его державы входили, возможно, и некоторые земли правобережной Бактрии. Однако почти абсолютное отсутствие его монет в Согде и других центральных областях Средней Азии свидетельствует, очевидно, о том, что большая часть Средней Азии оставалась в то

Монета Вимы Кадфиза

PDF-Compressor Free Version

время вне пределов Кушанской державы. Объясняется это тем, что хотя центром владений Кудзулы Кадфиза по-прежнему была левобережная Бактрия, основное его внимание было обращено на юг и отчасти на запад. Вообще процесс слития державы при Кудзуле Кадфизе не был еще, по-видимому, окончательно завершен. Чрезвычайно показателен в этом отношении чекан Кадфиза I: кушаны еще не выработали своего типа монеты, и монеты Кудзулы Кадфиза подражают чекану римских императоров (Августа или Тиберия), царей Парфии, греческих владык Бактрии и Каписы⁴⁷. Это разнообразие монетных типов может объясняться, конечно, и тем, что монеты Кудзулы Кадфиза выпускались разными монетными дворами, но в любом случае – это несомненное свидетельство незавершенности процесса сложения единого государства и использования новой властью старых, привычных для местного населения, государственных атрибутов.

Судя по монетным легендам, преемником и продолжателем дела Кудзулы Кадфиза был его сын Вима (Гима) Кадфиз или Яньгаочжень китайских авторов. По сообщению “Хоуханьшу”, Яньгаочжень (Вима Кадфиз, иначе – Кадфиз II)⁴⁸, вступив на престол отца, “покорил Тяньчжу (Центральную Индию), управление которой поручил одному из своих полководцев. С этого времени юэцзи сделался сильным и богатым государством”⁴⁹.

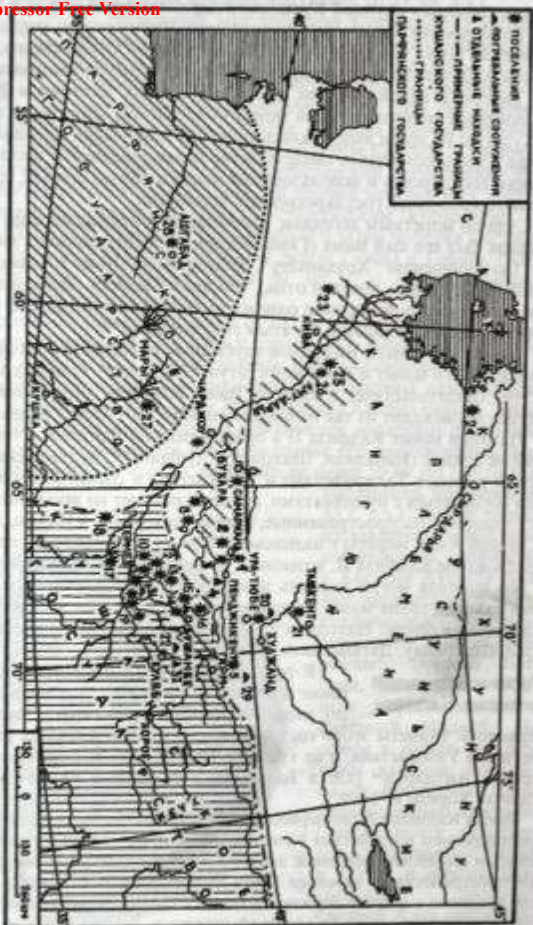
Завоевание Вимой Кадфизом глубинных районов Индии подтверждается находками его монет и каменной статуи в Матхуре⁵⁰. О новых завоеваниях на востоке свидетельствует и надпись Вимы Кадфиза, датированная 187 г., эта надпись происходит из так называемого Малого Тибета (Ладака).

Находки монет Кадфиза II в правобережной Бактрии, в том числе в Гиссарской долине (Кабалиан, Шахринау, Душанбе)⁵¹, подтверждают вхождение южных районов Таджикистана и Узбекистана в состав Кушанской державы. Если согласиться с нумизматами, которые относят ко времени этого государя также широко распространенные, судя по находкам, в Индии, Афганистане и в Средней Азии, монеты с надписью “Царя-царей – великий спаситель”⁵², то в царствование Кадфиза II, возможно, в состав Кушанской державы или в сферу его влияния могли попасть и другие среднеазиатские земли. В Средней Азии находки таких монет отмечались до Ашхабада на западе и до Хорезма и Ташкента на севере. Находили их и в Самарканде, Пенджикенте и на Кашкардье, Шахринау, Даганакинке, Пандже и Шаартузе.

Расцвет Кушанской державы. Канишка

В годы правления знаменитого Канишки⁵³ вхождение в состав его державы (или в сферу воздействия ее) ряда земель Среднеазиатского междуречья продолжалось. Монеты этого государя обнаружены и в южных районах Таджикистана и Узбекистана, и на крайнем юго-востоке Туркменистана, и на левобережье Амударьи⁵⁴ (т.е. в Бактрии), и в бывших кангюйских владениях, включая Хорезм и Чач⁵⁵.

Время Канишки было периодом наивысшего расцвета мощи кушан. Наряду с расширением воздействия Кушанского царства на севере значительно увеличилось и индийские владения: власть кушан распространяется здесь на обширные пространства до низовьев Ганга на востоке и р. Нарбада на юге⁵⁶. Индийские владения в составе державы Канишки приобретают все большее значение. Сам Канишка, согласно буддийской традиции, принял буддизм и был ревностным проводником и реформатором этого учения. Более того, Канишка даже перенес столицу своей державы к югу от Гиндукуша в современный Пешавар (возможно, правда, что у него было несколько столиц, одна в Пешаваре).

Средняя Азия в составе кушанского государства

1. Адровск, 2. Тамбофру, 3. Кушадорте, 4. Пенджикент, 5. Марча, 6. Бухарская группа павитников, 7. Амуш, 8. Есуграм, 9. Мушкетере, 10. Сочоай Терез, Зартеге, 11. Адртам, 12. Ахорская группа павитников, 13. Дильварянтеге, Халчане, 14. Шириниуское городице, 15. Душанбинское городице и мотрелик, 16. Тухсон, 17. Балх, 18. Талаете, 19. Калмашер, Кельубешиш, Тахтисаити, 20. Ширинсиа, Мушкетере (Фуралевская ГЭС), 21. Курчи, 22. Кироз, 23. Кампашер, 24. Джетлясар, 25. Топравка, 26. Бааш-Кала, 27. Гурчи, 28. Ниса, 29. Нефара, 30. Аитр (Мутхон), 31. Башкетегане мотрелик, 1, 32. Даштиджумский колхозлик.

**Взаимоотношения
Кушанского госу-
дарства с Китаем в
конце I – начале II
вв. н.э. Войны из-за
оазисов**

PDF Compressor Free Version

Неразработанность абсолютной хронологии кушанской истории не позволяет с полной определенностью установить, в царствование Вимы Кадфиза или Канишки имели место некоторые важные события, известные по сообщениям китайских хроник. Таковы, например, два события в Синьцзяне, в котором руководимые полководцем Бань Чао китайские войска в 70-80 годах I в. н.э. подчинили ханьскому императору одно владение за другим⁵⁷. Кушаны (юэцжи), согласно китайским источникам, первоначально поддерживали активную политику Бань Чао. Возможно, что между ними существовала какая-то договоренность о разделе сфер влияния. Как бы то ни было, кушаны в 84 г. н.э. оказали поддержку Бань Чао, сделав "внушение" владельцу Кангюя, пославшему свои войска на помощь кашгарскому владению Чжуню, который оказывал вооруженное сопротивление китайцам; в результате этого "внушения" кангюйские войска были отозваны, и Кашгар пал. Тогда же кушаны помогли Бань Чао в захвате Турфана⁵⁸.

Однако уже через два-три года отношения между бывшими союзниками резко ухудшились. Поводом для открытого разрыва послужил арест посольства, посланного кушанским государем (имя его китайские источники не сообщают) к ханьскому двору. Это посольство везло китайскому императору богатые дары и должно было сосватать китайскую принцессу в жены кушанскому царю (или его сыну). В ответ на арест кушанский царь направил против Бань Чао армию во главе с наместником Сэ. Однако, несмотря на многочисленность войск (кушанская армия насчитывала, согласно сообщениям "Хоуханьшу", 70 тыс. воинов), Сэ потерпел полную неудачу. По приказу китайского полководца все запасы продовольствия, находившиеся в пограничных населенных пунктах Синьцзяна, были собраны в безопасное место, и кушанские войска, перешедшие через Памир, оказались перед угрозой голода. Попытка кушан получить продовольствие в Кучаре, последнем крупном владении Синьцзяна, не подвластном Бань Чао, была пресечена китайцами. Бань Чао, предвидя эту попытку, устроил засаду на пути в Кучар и перехватил посольство, отправленное Сэ. Не добившись победы в бою и находясь на грани голода, кушаны отступили; Сэ вступил в переговоры с Бань Чао и вывел свои войска из пределов Синьцзяна.

Воспользовавшись отступлением кушан, Бань Чао в 91 г. н.э. овладел Кучаром и, таким образом, завершил подчинение всего Синьцзяна. Согласно сообщениям китайских хроник, неудачный поход Сэ не привел к полному разрыву отношений между Китаем и кушанами. Вероятно, военные действия были завершены каким-то мирным договором.

Однако борьба за Синьцзян не была еще закончена и велась с переменным успехом. В 102 г. н.э., когда умер Бань Чао, а восточно-туркестанские владения одно за другим восстанавливали против китайской власти, кушанский государь вновь предпринял попытку подчинить себе Кашгар, в 107 г. н.э. поднявшийся против Китая. Как сообщает китайская хроника, при императоре Ань (114-116 гг. н.э.) кашгарский владетель выслал из страны своего дядю по матери – Чень Пяня. Последний нашел теплый прием у царя кушан, а после смерти племянника был выдвинут кушанами в качестве претендента на кашгарский престол. Сопровождаемый отрядом кушан, Чень Пянь явился на родину. Жители Кашгара, как по волшебству, оказались "полны почтения и любви к Чень Пяню". Объяснялась эта любовь очень просто: "Кроме того, – писал китайский хроникер, – они боялись юэчжей (кушан)"⁵⁹. С временным успехом кушан связано, видимо, и введение в Кашгаре буддизма: синологи датируют это событие 120 г. н.э.⁶⁰ Но прочно закрепиться в Синьцзяне кушанам не удалось.

Уже в 125 г. н.э. китайские войска вновь подчинили себе Кашгар. Последовавшее вскоре после 132 г. н.э. очередное ослабление их власти в Синьцзяне⁶¹ привело, возможно, к новым попыткам кушан расширить свои владения на северо-востоке. Но достаточно определенными данными по этому вопросу наука еще не обладает. О кушанской политике в Синьцзяне, помимо китайских источников, сообщает лишь индийская традиция, приписывающая Канишке завоевание бассейна Тарима⁶², но историчность этих сведений не без оснований оспаривается целым рядом ученых⁶³.

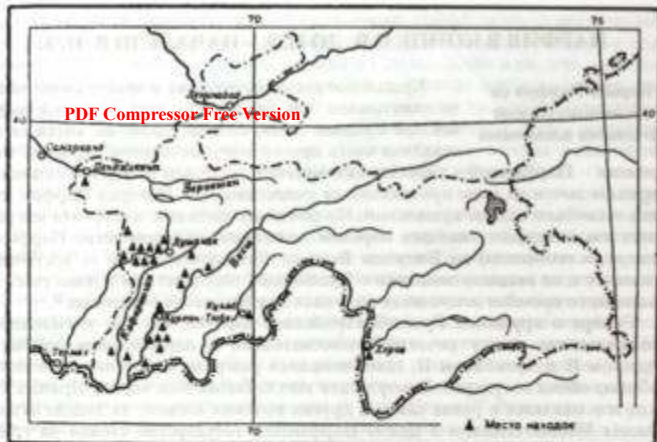
Сфера влияния кушан в Средней Азии

Еще менее ясно, чем в Синьцзяне, освещена источниками ситуация в кушанское время в Средней Азии. Здесь существовали три города, в названиях которых упоминались, как будто бы, кушаны: Касан (Кушан?) в Ферганской долине, Кушания в районе нынешнего Катта-Кургана на Зеравшане и Кеш (Кушания?) на Кашкадарье. К сожалению, мы не знаем, к какому периоду относится появление этих названий – ко времени движения кочевей к Бактрии, к поре расцвета Кушанской державы или ее краху. Нельзя исключить и того, что перед нами случайные созвучия, хотя это и менее вероятно. Трудно определить причины появления и других упоминаемых кушан в раннесредневековых источниках при описании ими событий этой эпохи, в частности – в Бухаре⁶⁴.

Определенно можно говорить о вхождении в состав Кушанского государства Бактрии, известной в IV в. н.э. уже и под названием “Тохаристан”⁶⁵. Эта древняя историко-культурная область была, как мы видели выше, родиной Кушанского государства, хотя ядро его – одно из пяти кочевнических княжеств – располагалось не в северной (т.е. среднеазиатской), а в южной (т.е. афганской) части Бактрии. Однако, если и не при Кудзуле Калфизе (Калфизе I), то уж во всяком случае при Виме (Калфизе II) Северная Бактрия прочно вошла в состав его державы и с тех пор до конца существования Кушанского государства оставалась одним из основных, если не основным его оплотом⁶⁶.

Сложнее решить вопрос о северных рубежах Кушанской державы и, следовательно, о ее власти или воздействии на Согд, Хорезм и другие области Средней Азии той эпохи. Казалось бы, у нас имеется прямое указание на то, что Кушаншахр (страна Кушан) тянулась в III в. не только вплоть до Пашкабура (Пешавара) и Каша (Кашгара?), но и до Согда и Чача (Чачстана). Это указание содержится в перечислении земель, подвластных или плативших дань сасанидскому царю Шапуру I (241-272 гг.), в его надписи на “Каабе Зороастра”, составленной в 262 г.⁶⁷ Встает, конечно, вопрос, насколько можно верить Шапуру, похвалявшемуся в этой надписи о подчинении не только Кушаншахра, но и ряда явно не завоеванных сасанидскими войсками римских владений. Следует, однако, учесть, что если даже Шапур I в этой надписи преувеличил, как это делали обычно многие цари и полководцы, результаты его деяний на Западе и Востоке, то определенные основания для подобных утверждений у него были.

Таковыми являлись пусть и не полные, но ощутимые победы сасанидских войск в боях как с Римом (о них достаточно хорошо известно), так, вероятно, и с кушанами. Об одной из таких побед в борьбе с последними сообщается, скорее всего, в “Шахристаннаме-йе Иран”. Этот ранний средневековый пехленийский трактат указывает, что город Нишапур был основан на месте, где Шапур I разгромил “туранца Пахлезата”, в имени которого исследователи видят искажения слова “балхский”, а сам эпизод связывают с победой сасанидских войск над вторгнувшейся в Иран кушанской армией⁶⁸. После этой или другой подобной битвы победоносный сасанидский царь и мог утверждать о какой-то зависимости от него (скорее – номинальной) входивших к Кушаншахр земель⁶⁹.

Находки кушанских монет на территории Таджикистана

Но судить о том, насколько в действительности была реальной властью над Согдом и Чачем не только сасанидского, но и кушанского царя, — данных у нас недостаточно. Вполне вероятно, что речь шла лишь о претензиях, основания для которых, во всяком случае — пока, не известны. Культурное воздействие кушанской Бактрии на эти области, судя по археологическим материалам, вполне вероятно. О политическом же влиянии кушан по известным сейчас материалам судить не представляется возможным. Во всяком случае, в Согде, который в то время не был, видимо, единым государством, чеканились свои локальные монеты, а находки кушанских монет единичны.

Более ощутимо как будто бы воздействие кушан на Хорезм, где обращались кушанские монеты, часть из них была надчеканена хорезмийскими тамгами, но часть найдена без надчекана⁷⁰. О тесных экономических связях, осуществлявшихся, скорее всего, по Амударье, мы говорить, таким образом, вправе. Политические же связи можем лишь предполагать. Отдельные находки в Фергане позволяют полагать, что и эта область ощущала какое-то воздействие кушанской культуры, но в целом, по утверждению ее исследователей, здесь развивались собственные традиции, а о вхождении Ферганы в состав Кушанского государства говорить вообще не приходится⁷¹.

Независимым и сильным государством среднеазиатского Севера оставался Кангюй, который постоянно упоминается китайскими источниками в связи с событиями I-III вв. н.э. Ранее 78 г. кангюйский владетель, согласно их сообщениям, породнился с кушанским царем. Это был, видимо, типичный династический брак. Однако заключение его свидетельствует и об интересе кушан к северу Средней Азии, и о политических (вероятно, торгово-экономических) связях Кангюя с Кушанским государством. Кангюй распространил тогда же свое влияние на владение Яньцзя (аланы) и его северного соседа Янь; по словам китайского источника, Яньцзя и Янь зависят от Кангюя⁷².

ПАРФИЯ В КОНЦЕ II В. ДО Н.Э. – НАЧАЛЕ III В. Н.Э.

Борьба Парфии со среднеазиатскими кочевыми племенами

Кушанское государство даже в зените своей мощи не могло охватить, как мы видели, всех областей современной Средней Азии, юго-западные же земли ее составляли часть другой могущественной державы того времени – Парфянского царства, являвшегося западным соседом Кушанской державы почти на всем протяжении ее существования. История Парфии изучена несколько полнее кушанской. Но почти все сведения, которыми мы располагаем, освещают главным образом длительное соперничество Парфии с Римом за гегемонию на Ближнем Востоке. Положение же на ее восточных границах и ее взаимоотношения с Кушанским государством в известных до настоящего времени источниках получили крайне слабое отражение⁷¹.

Говоря о крушении Греко-Бактрийского царства, мы уже упоминали о столкновениях между кочевыми завоевателями и парфянскими царями – Фраатом II и Артабаном II, закончившихся разгромом парфянских войск и гибелью обоих государей. В результате этих событий весь восток Ирана к 123 г. до н.э. оказался в руках саков и других кочевых племен, на западе отпала Южная Месопотамия, и в целом Парфянское государство стояло на грани катастрофы. Однако власть парфии было еще достаточно прочной, и вскоре после воцарения Митридата II (ок. 123-88/87 гг. до н.э.) парфянские армии, вновь покорив Южную Месопотамию, оказались господами положения и на Востоке. Саки, оттесненные к границам современного Афганистана в нынешний Сеистан (Сакастан), признали верховную власть Митридата⁷⁴. На северо-востоке тогда же парфиям удалось, видимо, завоевать Мерв⁷⁵.

Успехи Митридата II на востоке в свою очередь обеспечили подлинный триумф Парфии на западе. Около 94 г. до н.э. Митридату удалось посадить на престол Великой Армении своего ставленника Тиграна II и тем самым усилить парфянское влияние в Закавказье и Малой Азии. В Месопотамии западной границей Парфянского государства стал Евфрат. Митридат II первым из парфянских государей принял древний иранский титул "царя царей"⁷⁶.

В царствование Митридата II, в 92 г. до н.э., произошла и первая встреча парфии с римлянами: парфянское посольство встретилось на берегу Евфрата со знаменитым римским полководцем Суллой.

Парфия и Рим

В течение примерно 30 лет после смерти Митридата, в то время как Рим укреплял свои позиции в Восточном Средиземноморье, в Парфии шла ожесточенная внутренняя борьба между различными политическими группировками и сменилось несколько царей (Готарз I, Ород I, Синатрук, Фраат III). При последнем из них произошло первое вооруженное столкновение между Парфией и Римом, которые встретились на Евфрате как основные политические соперники в этом районе. Однако римляне недооценили своих противников.

Ошибочное отношение к Парфии как ко второстепенному государству сказалось и десятилетием позже, когда римский проконсул Сирии, один из участников первого триумvirата – Марк Лициний Красс поставил перед собой задачу повторить поход Александра Македонского на Восток. Незадолго до этого в Парфии происходила очередная междоусобная борьба за престол между сыновьями Фраата III. Очевидно, это обстоятельство давало основание Крассу считать парфианцами слабыми противниками. Весной 54 г. до н.э. рим-

ский полководец почти без всякой подготовки двинул сначала свои легионы в парфянские владения в Месопотамии, потом столь же неожиданно, к удивлению друзей и врагов, отвел их на зиму в Сирию. Было ясно, что решительная схватка близка, и парфянский царь Ород II начал действительно к ней готовиться. На восточной границе Парфии положение в то время было сравнительно устойчивым, и сакские племена были разобщены, саки – подчинены парфянам. Политическая обстановка, таким образом, давала возможность Ороду II сосредоточить все свое внимание на борьбе с Римом⁷⁷.

Ород предполагал, что римляне, опираясь на союз с армянским царем, изберут для похода на Иран путь через Армению, длинный, но обеспечивающий наибольшую безопасность от нападения парфянской конницы и выходящий в тыл Месопотамии, к жизненным центрам Парфянского государства. Поэтому основные силы парфянской армии во главе с царем вступили в Армению, а в Месопотамии было оставлено относительно небольшое войско во главе с полководцем из знатного рода сакских (сакастанских) вождей из рода Сурена⁷⁸. Красс избрал, однако, кратчайший путь через пустынные степи Месопотамии, и поэтому судьбу войны решили не главные силы парфии, а вспомогательные (в значительной своей части, по-видимому, восточноиранские) отряды вышеупомянутого полководца из рода Сурена⁷⁹. Решительное сражение между его войсками и легионами Красса произошло 6 мая 53 г. до н.э. возле г. Карры. Конные отряды окружили римскую пехоту и засыпали ее тучами стрел, которые парфянам непрерывно подвозили караваны верблюдов.

Когда же сын римского полководца Публий Красс во главе значительного отряда пехоты и конницы атаковал парфян, последние притворным бегством завлекли его отряд в степь, после чего решительным контрударом законченной в доспехи конницы катафрактариев охватили римлян с флангов и тыла. Из 6 тыс. окруженных парфянами римских легионеров и кавалеристов 5,5 тыс. были убиты. Среди погибших был и Публий Красс. Покончив с этим отрядом, парфяне вновь обрушились на основные силы римлян. С наступлением темноты Красс Старший, бросив на поле боя 4 тыс. раненых и отставших, укрылся в Каррах под защитой крепостных стен. Но голод скоро выгнал римлян из города. Их отступление на север превратилось в бегство и закончилось гибелью римской армии. Из 40 тыс. римлян, выступивших в парфянский поход, в Сирию вернулось не более 10 тыс., а около 20 тыс. пало в бою; около 10 тыс. было взято в плен и поселено в окрестностях Мерва⁸⁰. Большинство командиров, в том числе и сам Марк Лициний Красс, погибли в бою или покончили самоубийством. Серебряные орлы (значки римских легионов) украсили храмы Парфии.

Битва при Каррах имела огромное историческое значение. Она подорвала престиж Рима в Восточном Средиземноморье и остановила победное продвижение римлян в глубь Азии. В результате ее на Ближнем Востоке установилась та система политического равновесия между Парфией и Римом, которая фактически просуществовала около трех столетий, вплоть до падения Парфянского государства.

Парфяно-римские взаимоотношения во второй половине I в. до н.э. – первой половине I в. н.э.

Столкновения между Парфией и Римом продолжались и после бегства разбитых легионов Красса. Парфяне, в частности пытались использовать в своих интересах гражданскую войну в Риме, поддерживая республиканцев, вплоть до участия на стороне их в знаменитой битве при Филиппах в Македонии (42 г.

до н.э.), решившей судьбу Римской республики. Эта битва фактически расчистила Октавиану Августу дорогу к императорскому трону.

Немногом позднее (в 40-30 годах до н.э.) парфянские отряды во главе с царевичем Пакором попытались даже изгнать римлян из Азии. Первоначально удачно, как сообщала Пакору, но в конце концов парфяне были оттеснены за Евфрат. Ответный поход участника второго триумvirата, победителя республиканцев при Филиппах – цезарианца Марка Антония (36 г. до н.э.) был неудачным. Евфрат оказался прочным рубежом между двумя крупнейшими державами Средиземноморья и Ближнего Востока, закрепленным мирным договором, заключенным в 20 г. до н.э., после гибели Марка Антония, между парфянским царем Фраатом IV и Октавианом Августом. Символическим актом примирения было возвращение парфянами захваченных у легионов Красса воинских знамен и пленных. Этому возвращению знаков воинской чести римлян Август придал значение настоящего праздника. В Риме была сооружена специальная триумфальная арка, серебряные орлы легионов Красса были торжественно водружены в храме Марса, в честь этого события были выпущены специальные монеты.

Октавиан Август должным образом оценил Парфию, и не имея достаточных сил для открытой борьбы с нею, старался всякими политическими интригами ослабить грозного восточного соседа. Отчасти это ему удавалось, так как внутри Парфии вновь началась ожесточенная борьба за власть между отдельными представителями рода Аршакидов. Парфянский царь Фраат IV, убийца своего отца Орода II, понимая значение Рима, пытался заручиться поддержкой римского императора. Его женитьба на римской рабыне по имени Муса, подаренной ему Августом, способствовала усилению влияния римлян на политику парфянской правящей верхушки. Воздействие римлян и римской культуры на Парфию еще больше усилилось после того, как Фраат IV послал в Рим четырех своих сыновей с семьями⁸¹.

Для укрепления своего влияния римляне с успехом использовали и те распри, которые продолжались при преемниках Фраата IV – Фраате V (2 г. до н.э. – 4 г. н.э.), Ороде III (4-6/7 гг. н.э.) и Вононе I (7/8-12 гг. н.э.). Реакцией на проримскую политику последнего был заговор, в результате которого парфянский престол занял зять Фраата IV, правитель Мидии – Артабан III (12-38 гг. н.э.), возглавивший борьбу за торжество новой антиэллинстической и антиримской политики. Важно отметить, что в борьбе с Римом Артабан опирался на восточные области Парфянского государства. Когда в 35 г. римские войска вторглись в глубь Парфии и заняли даже ее столицу – Ктесифон, Артабан перенес свою ставку в Гирканию, где она и оставалась до тех пор, пока Ктесифон не был освобожден. Победа в конце концов осталась за Артабаном, но после его смерти раздоры вспыхнули с новой силой: на сей раз за власть в Парфии боролись не представители аршакидского рода, а гирканцы по происхождению, вероятно, усыновленный Артабаном Готарз II (38-51 гг.) и его брат Вардан (39-47/48 гг.), причем Готарз, как и его приемный отец, опирался на гирканцев и дахов⁸².

Ослабление Парфии и захват власти династией Сасанидов

Аршакиды вновь пришли к власти лишь в 51 г., когда на престол взошел Вологез (Валарш) I (51 – ок. 80 гг.). Длительное царствование этого государя ознаменовалось сомнительными успехами парфян на западе и несомненным крахом на востоке. В царствование Вологеза I по приказу императора Нерона римский полководец Домиций Корбулон изгнал из

Армении парфянского ставленника аршакида Тиридата. После длительной борьбы Вологезу удалось, однако, добиться восстановления Тиридата, который сохранил за собой армянский престол, но должен был получить свою корону в Риме из рук императора⁶³. В результате этого компромиссного решения Рим фактически отказывался от Армении, которая осталась в сфере парфянского влияния. Но если признание римлянами Тиридата, положившего начало династии армянских аршакидов, правивших вплоть до 428 г., можно признать известным успехом Вологеза, то в борьбе с гирканцами, саками и дахами он потерпел поражение, и целый ряд подчиненных ему областей отделился от Парфянского государства. Среди них были Гиркания и Маргиана. В последней, судя по монетным находкам, воцарился владетель Санабар⁶⁴.

Дальнейшая история Парфии наполнена все новыми и новыми внутренними смутами, сочетавшимися с неудачами в борьбе с Римом. В течение II в. н.э. римские войска дважды (при императорах Траяне – в 114-116 гг. и Марке Аврелии – в 164-165 гг.) победным маршем прошли по Армении и Месопотамии и разорили парфянскую столицу Ктесифон. Позднее, при императорах Септимии Севере (193-211 гг.), Каракалле (211-217 гг.) и Макрине (217-218 гг.), римляне вновь и вновь опустошают богатейшие западные области Парфянского государства. Однако окончательно сокрушить его даже в это время Риму было не под силу, хотя ослабить своего извечного врага римлянам, несомненно, удалось.

В результате к 20-м годам III в. Парфия была крайне обессилена. В опустошенной разрушительными войнами с Римом, раздираемой внутренними противоречиями, некогда могущественной стране, в последние годы ее существования было два претендента на царский трон: Вологез V и Артабан V. Первый из них опирался на Месопотамию, второй – на Мидию. Судя по часто встречающимся в Средней Азии монетам Вологеза V, этому царю, возможно, подчинялись и северо-восточные области Парфянского государства⁶⁵.

Агония Парфянской державы завершилась в 20-х годах III в. торжеством новой группировки, возглавляемой Арташиром Папаканом из рода Сасана, владетелем Парса (древняя Персида), первоначального ядра державы Ахеменидов. Окончательное падение власти парфян и воцарение Арташира произошло в 226 г. Эта дата явилась поворотным моментом и в истории Кушанского государства, на западных рубежах которого отныне появился грозный и могучий враг.

РАСПАД КУШАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Сведений об истории Кушанской державы после смерти Канишки чрезвычайно мало. В результате ни количество государей, ни последовательность их царствования в настоящее время не могут быть установлены с достаточной убедительностью. Так, ван Лохвилен-де-Леев считала, что Канишке наследовали Васишка (царствовал, по ее мнению, в 102-106 гг. н.э.), Хувишка (111-138 гг. н.э.), Канишка II (119 г. н.э.), Васудева I (152-176 гг. н.э.), Канишка III (192 г. н.э.) и Васудева II (начало III в. н.э.). Р.Гиршман же, датировав царствование Канишки 144-172 гг. н.э., помещал после него лишь Хувишку, относя его правление к 172-217 гг., и Васудеву I (217-241 гг.). К сожалению, обе эти схемы, равно как и построения других исследователей, остаются чисто гипотетическими⁶⁶.

Монеты Хувишки и Васудевы

Письменные источники вновь освещают историю Кушанской державы лишь в один из трагических периодов ее существования, когда на западе, в Иране, возникает новое могущественное государство Сасанидов, уже вскоре после своего возникновения (226 г.) превратившееся в опаснейшего противника Кушанской державы. К сожалению, сведения этих источников, скорее всего, отражают события в сильно искаженном свете.

Таково, к примеру, сообщение арабского историка ал-Табари. Рассказывая о завоеваниях основателя Сасанидского царства – Арташира I, он приписывает ему походы в Хорезм и Балх – “до отдаленных границ Хоросана”, в результате чего якобы по возвращению Арташира в Парс “пришли к нему послы царя кушанов, царя Турана и Маркуруана с выражением покорности”⁸⁷. Сообщение это со времен Т.Нельдеке⁸⁸ считалось свидетельством подчинения Арташиру I, пусть даже временного, Кушанского государства и его среднеазиатских земель, хотя сомнения в достоверности сведений ал-Табари высказывались уже не раз⁸⁹. Теперь, после тщательного анализа всех данных о ходе завоеваний Сасанидов на Востоке, осуществленного В.Г.Луконым⁹⁰, можно определенно сказать, что сообщение ал-Табари больше основывается на традиционной позднесасанидской трактовке ранней истории Сасанидского государства, чем на каком-либо источнике, содержащем описание фактических событий второй четверти III в. н.э.

Вызывают сомнения также сообщения о сасанидо-кушанских отношениях в III в. н.э., приводимые древнеармянским историком Моисеем Хоренским (конец V – начало VI в.), который ссылается на автора IV в. Агафангела. Рассказывая о борьбе армянского царя Хосрова (из рода Аршакидов) с Арташиром I и его преемником Шапуром I, Моисей Хоренский сообщает, что Хосров явился организатором антисасанидской коалиции, в состав которой вошел и государь кушан Вехсаджан (Васудева)⁹¹. Коалиция (в нее, помимо Армении и кушан, входили “скифы из-за Кавказа”, Рим и знатный персидский род Каренов) вскоре распалась, причем род Каренов был перебит Арташиром, римляне отступили, а скифы и кушаны отозвали отряды из Ирана после двух лет безуспешной войны (227-229 гг.)⁹². Кушаны при этом приютили у себя не то двух сыновей последнего персидского Аршакида – Артабана V, не то одного из них⁹³.

Эти сообщения Моисея Хоренского вряд ли могут быть использованы для реконструкции истинных событий III в., так как этот историк преследовал цель обосновать генеалогию знатных родов Армении, а не изложить историю Кушанского государства. Однако иметь их в виду нелишне, хотя бы уже потому, что можно полагать наличие в них каких-то, пусть даже искаженных, крупниц истины.

Не доверяя сообщениям ал-Табари и Моисея Хоренского в деталях, мы можем все же заключить, что в них в какой-то степени отразилась обстановка, сложившаяся при первых Сасанидах – Арташире I и Шапуре I, соперничество и, вероятно, даже столкновения их с Кушанским царством, и неудачные для последнего (ср. приводимое ранее сообщение "Шахрестаниха-йе Иран" о победе Шапура I над "гуранцем Пахлезагом"). Скорее всего вторая четверть III в. была для кушан тяжелым временем. Возможно поэтому кушанский император Васудева отправил большое посольство в Китай, надеясь, вероятно, опереться в борьбе с Сасанидами на мощь восточного соседа; китайские источники сообщают о прибытии этого посольства ко двору Вэй 5 января 230 г. н.э.⁹⁴

В то же время кушаны потеряли значительную часть своих индийских владений. Об этом свидетельствует, в частности, один из буддийских текстов, переведенный на китайский язык в 266 или 281 г. Этот текст в отличие от рапорта 245-250 гг., где весь мир делится на три части (Китай, Рим, Кушаны), говорит о четырех "сынах неба" (императорах): китайском, римском, кушанском и индийском⁹⁵. Таким образом, Индия около середины III в. вновь выделяется в самостоятельное государство. Все эти данные с несомненностью свидетельствуют о том, что около середины III в. Кушанская держава пережила глубокий кризис. Однако был ли этот кризис следствием неблагоприятной для нее военно-политической обстановки или явился результатом внутреннего социально-экономического кризиса, в настоящее время решить крайне затруднительно.

Но, несмотря на тяжелые военные поражения и потерю многих территорий, Кушанское царство продолжало занимать важное место в системе государств Среднего Востока. По мнению Р.Гиршмана, придававшего большое значение победам Шапура I, хотя этот сасанидский царь и сверг династию кушан (Р.Гиршман называет ее династией Канишки или второй кушанской династией), на престоле утверждается новая династия, насчитывающая, по мнению Р.Гиршмана, трех государей: Васудеву II, Канишку II и Васудеву III⁹⁶, которая не только удерживает в своих руках все еще обширное царство (в него входят, помимо Бактрии, южные области современного Афганистана, Северная Индия и, вероятно, значительная часть Средней Азии), но и продолжает играть крупную политическую роль.

Кушаны поддерживают связи с основным соперником Сасанидского Ирана – Римом. По сообщению римских источников, кушаны (римляне по-прежнему продолжают называть их бактрийцами) просили сасанидские власти освободить плененного в 260 г. армией Шапура I римского императора Валериана. По сведениям тех же римских источников, кушанские (бактрийские) послы участвуют в 274 г. в триумфе римского императора Аврелиана, праздновавшего победу над царицей Пальмира – Зенобией. Вмешивается кушанское царство и во внутренние дела Сасанидского Ирана: так во время восстания Хормизда, сына сасанидского царя Бахрама II (276-293 гг.), кушаны оказали помощь восставшим⁹⁷. Судя по этим данным, Кушанское государство пережило, как будто бы, и грозные годы второй половины III в.

Крах Кушанской державы, захват Сасанидами ее сердца – Бактрии (Тохаристана) и создание на завоеванных кушанских землях своеобразного сасанидского наместничества, произошли, по-видимому, в IV в. В письменных источниках пока не найдено ни прямых свидетельств об этом наместничестве, ни сообщений о событиях его истории. “Все сколько-нибудь обособленные выводы, следовательно, необходимо строить на основе так называемых кушано-сасанидских монетных серий”⁹⁹, которые известны с конца XIX в. и с тех пор не раз привлекали к себе внимание зарубежных и отечественных исследователей⁹⁹. Титулы правителей, выпускавших монеты этих серий, указаны в их легендах, составленных на среднеперсидском и бактрийском языках: “царь кушан”, “великий царь кушан” или даже “великий царь царей кушан”. Чеканились же эти серии либо по образцу сасанидских монет (“сасанидо-кушанские” серии), либо по типу монет кушанских царей (“кушано-сасанидские” серии). Многочисленность медных и золотых монет этих правителей в музейных собраниях и в находках из раскопок в Афганистане и на юге Средней Азии неопровержимо свидетельствует о действительном существовании кушано-сасанидского наместничества, получившего в отличие от всех остальных “уделов” Сасанидского Ирана право чеканки золотых монет. Во главе этого наместничества, – то ли в подражание бактрийской сатрапии Ахеменидов, то ли из-за большой политической значимости подчинения Сасанидами кушанских земель, – стояли ближайшие родственники сасанидского шахиншаха, включая наследников престола.

Произведенные Э.Херцфельдом, А.Д.Х.Биваром, Р.Геблем, Дж.Криббом, В.Г.Луконым углубленные исследования кушано-сасанидских монет выявили, в частности, имена выпускавших эти монеты правителей: Шапур, Арташир, Пероз, Хормизд, Варахран. Однако последовательность серий монет этих сасанидских “кушаншахов” и датировка их разными исследователями оказались весьма различными. А.Д.Х.Бивар, например, относит выпуск этих монет ко времени от середины III по конец IV в., а В.Г.Луконы с 60-х годов IV по 30-е годы V в. Против каждого из этих построений можно возразить. Так, гипотезе А.Д.Х.Бивара противоречат приводимые ранее данные о сохранении Кушанским государством достаточной мощи и поли-

*Вахаран-сатрап
(резной аметист с кушанской надписью)*

тического влияния во второй половине III в., в схеме В.Г.Лукинина вызывает сомнение отнесение к V в. монет кушано-сасанидских государей с именами Варахрана (по В.Г.Лукинину – Варахран II) и Пореза (Пероз II)¹⁰⁰. Окончательное решение вопроса о начале выпуска кушано-сасанидских монет (и, следовательно, PDF Compressor: Free Version Тохаристан была завоевана Сасанидами) пока, видимо, невозможно. Твердо можно считать установленным (на этом сходятся все ученые), что при сасанидском шахиншахе Шапуре II, правившем Ираном с 309 по 379 г., кушано-сасанидское наместничество существовало. В.Г.Лукинин (равно, как и Гёбль) относит возникновение этого сасанидского “удела” к последнему этапу царствования Шапура, в то время как А.Д.Х.Бивар (и Дж.Крибб) полагают, что “удел” существовал и ранее.

Политические события времени Шапура II, правившего Ираном 70 лет, тщательно изучены В.Г.Лукининым. В годы царствования этого Сасанида ему пришлось неоднократно вести войны как на западных, так и на восточных рубежах Ирана. Так, в 356-358 гг. он отражал натиск на северо-востоке своих владений новой волны кочевых племен, в том числе хионитов, которым ему удалось склонить не только к миру, но и к союзу: в 359 г. они участвовали вместе с войсками Шапура в осаде Амиды в Месопотамии. Затем следуют взятие этого города и победоносная война с императором Юлианом (362-363 гг.), затяжная война в Армении (364 г.) и борьба с кушанами. Согласно сообщению древнеармянского историка Фавста Бузанда (IV-V вв.), в 367 г. “прекратились военные действия персов против армии, ибо царь кушанов Аршакидской династии, сидевший в Балхе, затеял войну с персидским царем Шапухом (т.е. Шапуром II) из Сасанидской династии”¹⁰¹. Фавст Бузанд приписывает победу в этой войне кушанам, но, как это отметил В.Г.Лукинин, “в его “Истории Армении” персы всегда терпят поражение (причем, как правило, уничтожаются почти все)”¹⁰². Вероятно, вопрос об исходе этого столкновения лучше оставить открытым, тем более, что последующие годы были заняты походами Шапура в Армению, Иберию и Месопотамию. По сведениям того же Фавста Бузанда новая война Шапура II с “великим царем кушанов, которым был Аршакуин (т.е. Аршакидом) и сидел в городе Балхе” приходится на 374 или 375 г.¹⁰³ С этой войной В.Г.Лукинин и связывает выпуск медных монет Шапура со среднеперсидской и бактрийской легендой, чеканенных, скорее всего, в Мерве, основной базе Сасанидов на востоке их державы. К этому же времени относит исследователь и начало чеканки кушано-сасанидских монет вообще и образование кушано-сасанидского наместничества. Золотые монеты кушано-сасанидских царей выпускались частично на территории Сасанидского Ирана – в Мерве и Герате, но на некоторых из них выявлены надписи, свидетельствующие о чеканке их в Балхе, т.е. в столице Бактрии-Тохаристана, захваченной, следовательно, войсками Шапура. Как уже упоминалось ранее, находки кушано-сасанидских монет (как отдельных их экземпляров, так и их кладов) в Афганистане и на юге Средней Азии¹⁰⁴ подтверждают обращение этих монет в Бактрии-Тохаристане и сам факт завоевания ее земель Сасанидами. Показательны, в частности, находки большого числа кушано-сасанидских монет в захоронениях, совершенных в заброшенных помещениях буддийского культового центра на Каратепе в Старом Термезе¹⁰⁵.

Для истории кушано-сасанидского наместничества очень интересны также бактрийские надписи-граффити, прочерченные посетителями уже покинутых буддийских святых Каратепе. Венгерский академик Янош Харматта читал в этих надписях имена кушано-сасанидских царей и даты посещений

Каратепе этими царственными гостями¹⁰⁶, но эти чтения Я.Харматты подвергнуты строгой критике со стороны В.А.Лившица¹⁰⁷, и их нельзя, во всяком случае – пока, использовать для исторических построений. Но есть еще две надписи-графиты, выполненные по-среднеперсидски, тесно связанные с рассматриваемой проблемой. Эти надписи, изданные и прокомментированные В.Г.Луконым¹⁰⁸, содержат упоминание “дабира”, т.е. “секретаря” (для той эпохи, видимо, начальника канцелярии сасанидского царя или военачальника) и цифру “60” или “61”, скорее всего, дату посещения пещеры одного из заброшенных каратепинских храмов автором (или его писцом). В.Г.Луконы видел в цифре указание на годы правления Шапура II (единственного Сасанида, царствовавшего столь долго); по мнению этого ученого, надпись относится к 369-370 гг. н.э.¹⁰⁹ Если принять это чтение, то захват Термеза сасанидскими войсками Шапура произошел на несколько лет раньше, чем по реконструированной истории войн Шапура II, предлагаемой самим В.Г.Луконым – 374 или 375 гг.

Как видно из приводимых данных, несомненных свидетельств для реконструкции событий, связанных с кушано-сасанидским наместничеством, в науке пока нет, и мы вынуждены довольствоваться лишь более или менее обоснованными гипотезами.

О дальнейших событиях на землях Кушанского государства также можно говорить лишь предположительно. Анализ монет, обращавшихся в конце IV-V вв. в Бактрии-Тохаристане, проведенный Б.И.Вайнберг, позволил ей, вопреки мнению В.Г.Луконы о непрерывности господства здесь Сасанидов вплоть до 459 г., утверждать, что нет никаких достаточно веских оснований относить чеканку кушано-сасанидских монет ко времени после 389 г.¹¹⁰ Она солидарна с Б.И.Маршакон, доказывавшим, что в 40-х годах V в. Сасаниду Йездигерду II пришлось вновь завоевывать бывшие кушано-сасанидские земли, утраченные задолго до него¹¹¹. По нумизматическим данным, Б.И.Вайнберг относит вытеснение Сасанидов из этих земель совместными усилиями хионитов и позднекушанских правителей – кидаритов к концу 80-х годов IV в. С этого времени начинается в Термезе выпуск монет с тамгою в виде кружка с двумя усиками вверх и одним вниз (Y или Y), в других районах иных серий монет, а на востоке Тохаристана возникает эфталитское княжество¹¹². И хотя кидаритам, возможно, удалось в V в. ненадолго овладеть Балхом (если признать отождествление его с Боло-Балаамам, который упоминается китайскими и византийскими источниками как город в стране кидаритов), история кушан в Бактрии-Тохаристане, видимо, закончилась: конец ей положило завоевание области Сасанидами, а последние строки были дописаны мечами хионитов, уничтоживших псевдокушанское сасанидское наместничество.

ЭКОНОМИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ В КУШАНСКИЙ ПЕРИОД

Земледелие и ирригация

Археологические исследования, развернувшиеся на территории советских среднеазиатских республик за последние 35-40 лет, дали богатый материал для изучения материальной культуры народов Средней Азии в кушанский период. Эти исследования показали, что конец I тыс. до н.э. – первые века нашей эры были периодом повышения хозяйственного и культурного уровня жизни Средней Азии. Археологические материалы из Бухары и Самарканда, из

Южной Туркмении и Хорезма, из долин Сурхана, Вахша и Кашкадарьи, из Ферганы позволяют утверждать, что с этим временем связано значительное развитие ирригации. Показательно осуществленное Э.В.Рувеладзе сопоставление данных о количестве выявленных в ходе археологических работ в Северной (Правобережной) Бактрии поселений ахеменидского и кушанского времени: первых отмечено 21 поселений — 191.¹¹³ При всей условности этого сравнения, оно все же достаточно убедительно показывает значительный рост числа земледельческих поселений в кушанскую эпоху. Многие ныне пустынные земли этих районов в кушанский период были цветущими оазисами.

Как показывают разведочные работы и раскопки в бассейне Верхнего Зеравшана, поселения кушанского времени существовали и в горных ущельях Центрального Таджикистана (Кухистан), от Пенджикента и верховьев Кашкадарьи далеко на восток до современной Матчи¹¹⁴. Таким образом, земледельческое население Средней Азии в кушанский период освоило не только равнинные, но и горные районы. Наряду с ростом земледелия "вширь" в этот период заметно развивается и земледельческая техника: совершенствуются системы каналов¹¹⁵, впервые для этого времени засвидетельствована сошомач с железным сошником¹¹⁶, важнейшее сельскохозяйственное орудие, существовавшее в Средней Азии вплоть до XX в.

Города и ремесло Высокого уровня достигла и городская жизнь Средней Азии. В наиболее развитых областях и районах в кушанский период отмечается бурный, невиданный для предыдущего времени, рост числа крупных городских центров, более мелких городов и поселений городского типа. Так, в северо-западной части Бактрии-Тохаристана (современная Сурхандарьинская область Узбекистана), где советскими исследователями было проведено сплошное обследование разновременных археологических памятников, позволяющее судить о соотношении городов и сельских поселений, кушанское время было "периодом подлинной урбанизации..., тогда как предшествующие стадии в формировании городов можно рассматривать как их предтечу"¹¹⁷, при этом именно в кушанское время наблюдается "четкое выделение собственно городской культуры"¹¹⁸.

Города кушанского времени в Средней Азии были административно-политическими центрами областей и отдельных оазисов и районов, и на оставшихся от них городищах высятся величественные остатки цитаделей, как, например, на Афрасиабе в Самарканде, на Гяуркале в Мерве, на городище Еркурган в Каршинском оазисе, в Старом Термезе, Дальверзинтене и других городищах Бактрии-Тохаристана. Важную роль играли среднеазиатские города той эпохи и как религиозно-идеологические центры; в них размещались культовые сооружения, нередко — весьма внушительные ("трехбашенный замок" в Топраккала в Хорезме, буддийские комплексы в Балхе и Термезе в Бактрии-Тохаристане). Во дворцах и культовых постройках сосредоточивались и немалые культурные и художественные ценности, в том числе и памятники письменностей, как местных, так и иноземных, в частности индийских, проникших в Среднюю Азию вместе с буддизмом (в буддийских святынях Балха и Термеза "священные" тексты, видимо, переводились на бактрийский язык и комментировались). Наряду с этим города Средней Азии кушанской эпохи были также центрами ремесла и торговли. При раскопках в Мерве, например, найдены следы крупного металлургического производства, так же как и на многих поселениях других областей и районов — обжигательные керамические печи. Многие среднеазиатские глиняные изделия кушанского

времени могут служить первоклассными образцами керамического производства. Находки всевозможных ювелирных изделий в самых различных среднеазиатских областях свидетельствуют о высоком развитии местного ювелирного ремесла. Наиболее показательны многочисленные и разнообразнейшие ювелирные изделия, найденные В.И.Сарианиди, в погребениях начала нашего летоисчисления на Гилгителе, близ Шибегана (на севере Афганистана)¹¹⁹. Интересны также находки (в низовьях Кафирнигана) остатков литейной мастерской, а на городище Мунчактеле (возле Беговата) – каменных литейных форм для изготовления тонких серег. О высоком уровне обработки металла свидетельствует и находка в Душанбе позолоченного бронзового фалара с погрудным изображением божества, выполненным в высоком рельефе.

Внешняя и внутренняя торговля   Широкое развитие получила, внешняя (международная) торговля кушан. Они прочно держали в своих руках восточную часть так называемого “Великого шелкового пути”, основной трансконтинентальной дороги, по которой осуществлялась международная торговля шелком и другими редкими товарами; этот караванный путь шел из столицы Китая через оазисы Синьцзяна в Среднюю Азию и далее через Иранское нагорье в страны Восточного Средиземноморья. От основной трассы отходили дороги на юг, ведущие в Индию; путь по перешейку ныне каспийскому рукаву Амударьи – Узбою через Каспийское море и реку Куру в Закавказье и к Черному морю¹²⁰; степной путь – севернее Арала и Каспия на Кавказ и в Крым¹²¹; дороги в лесные районы При- и Зауралья¹²². Кушанские купцы поддерживали также каботажную торговлю между римским Египтом и Индией, получившую наибольшее развитие именно в это время. Об этом свидетельствуют, например, слова деятеля второй половины I – начала II вв. н.э. Диона Хриостома о бактрийцах в египетской Александрии¹²³. Морским путем, т.е. через Индию, попадали в Рим, Египет и Средиземноморье вообще те “бактрийцы” (по большей части, видимо, купцы), о которых сообщают время от времени римские авторы, начиная со времени правления Августа и Тиберия до Аврелиана, когда римско-индийская торговля идет как будто бы на убыль.

Ярким свидетельством широких торговых связей Кушанской державы служат замечательные находки, сделанные французской археологической делегацией в Афганистане при раскопках кушанского города Каписы (соврем. Беграм, расположенный в 80 км к северу от Кабула) – стекло (в том числе сосуды с изображением Фаросского маяка); бронзовые фигурки греко-египетских божеств; китайские лаковые изделия¹²⁴, а также находки римских монет в Индии, резной индийской кости кушанского времени в Помпеех, монет Канишки в Галлии и Скандинавии¹²⁵.

Значение торговли кушан с Римом было столь велико, что Вима Кадфиз (Кадфиз II) провел реформу монетной системы и перешел от серебряной валюты, распространенной ранее в Средней Азии, равно как и в Индии и в парфянской Иране, к золотой, господствовавшей в Римской империи¹²⁶.

Интересно отметить, что на оборотной стороне монет кушанского царя Хувишки встречаются изображения греко-египетского божества Сераписа и божества Ром (Рим), включенных, таким образом, в синкретический кушанский пантеон наряду с индийскими и среднеазиатскими божествами.

Широкая международная торговля Кушанской державы затронула не только индийские, но и среднеазиатские ее владения. Так, находки римских монет засвидетельствованы не только в Индии, но и в Средней Азии, притом

не только в правобережной Бактрии-Тохаристане и других основных областях Среднеазиатского междуречья¹²⁷, но даже и в районах Семиречья¹²⁸. В различных пунктах Средней Азии находят также египетские (или сирийские) бусы, стелы или пасторальные изделия, печати, статуэтки и другие предметы средиземноморского происхождения¹²⁹.

О торговле с Китаем говорят не только письменные источники, но и археологические находки ханьских монет и зеркал¹³⁰. Вопрос об ассортименте товаров, шедших на обмен, выяснен еще недостаточно полно. Вероятно, кроме транзитных товаров, таких как китайский шелк или приуральские меха, кушанская Средняя Азия торговала железом, памирским лазуритом и другими драгоценными и полудрагоценными камнями, а также, возможно, рабами. Из Китая ввозились шелка, бронза, лаковые изделия, а с запада изделия городского ремесла¹³¹.

Помимо широко развитой внешней торговли, в кушанской Средней Азии существовала и внутренняя торговля, о чем позволяют судить находки прекрасной ремесленной посуды в самых далеких от центральных городов районах и поселениях и в погребениях кочевников. О развитии внутреннего рынка в кушанской Средней Азии свидетельствует и то, что в первые века нашей эры господствующим номиналом в ряде среднеазиатских областей вместо серебряных тетрадрахм становится мелкая бронзовая монета¹³².

Развитие земледелия, рост городов, расцвет ремесла и торговли (как внешней, так и внутренней) свидетельствуют о крупных успехах в хозяйственной жизни Средней Азии в этот период. Такой расцвет экономики Средней Азии способствовал также развитию культуры населявших ее народов.

КУЛЬТУРА КУШАНСКОЙ ЗНАТИ И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ОБЛАСТЕЙ

Идеологическая политика Кушанского государства

Кушанская держава в период своего расцвета охватила огромную территорию, населенную многочисленными народами. Эти народы говорили на различных языках, пользовались разными системами письма,

придерживались различных религиозных верований. Существенные отличия видны также в их материальной культуре. В кушанский период все эти этнокультурные различия были несколько смягчены, многие культурные явления получили весьма широкое распространение в различных районах, а в ряде случаев произошло органическое срастание разных культурных традиций. Но то общее, что удастся проследить в памятниках разных районов Кушанской державы, не дает все же права говорить о единой кушанской культуре. Каждая область этого огромного и разнородного государства продолжала жить своей, в значительной мере обособленной культурной жизнью.

Однако прежде чем перейти к характеристике культуры отдельных среднеазиатских народов той эпохи, необходимо остановиться на политике, которую проводила в области культуры правящая кушанская верхушка. Особенно показательна в этом отношении религиозная политика Канишки¹³³, который очень популярен среди буддистов. Буддийская традиция приравнивает его к Ашоке, царю индийской династии Маурья, объявившему буддизм государственной религией и построившему якобы несколько тысяч монастырей. Подобно Ашоке, Канишка в буддийской литературной традиции пред-

ставляется ревностным приверженцем и распространителем буддизма. Ему, в частности, приписывается инициатива созыва, вероятно, около 100 г. н.э. буддийского церковного собора, сыгравшего крупную роль в оформлении догматики северного буддизма, распространившегося позднее в Китае, Тибете, Монголии и Японии.

О поддержке, которую оказывали буддизму кушанские власти, красноречиво свидетельствуют остатки многочисленных буддийских храмов, мемориальных сооружений – ступ и монастырей (сангарам и вихар), построенных в кушанское время в Индии, Афганистане и Синдзяне. Некоторые из них также связываются с именем Канишки, например – близ его столицы Пурушапур (совр. Пешавар). Знаменитый китайский паломник Сюань Цзан, видевший эту ступу уже в VII в., и притом в переделанном виде, описывает ее как одно из чудес мира. Она представляла собой колоссальное, украшенное резным деревом 30-этажное сооружение, покоящееся на пятиэтажном основании и увенчанное высокой металлической колонией с 25 золочеными зонтиками. В ступе хранился обнаруженный при раскопах реликварий с надписью Канишки и со скульптурным его изображением. Возле Пешавара находился и знаменитый монастырь – сангарам, также построенный Канишкой; это было крупное сооружение, имевшее по 200 м с каждой стороны. Еще в IX в. этот монастырь был одним из центров буддийского образования. Более скромные сооружения такого характера воздвигались при кушанах, как мы увидим ниже, и на территории Средней Азии.

Другой группой памятников идеологической политики кушанских правящих кругов являются постройки, связанные с династичным культом кушанских правителей. Этот культ, напоминающий поклонение обожесталенным римским императорам, сосуществовал как с буддизмом, так и с другими религиями и верованиями обширного Кушанского государства. Наиболее яркие его памятники открыты в сел. Мат в долине р. Ганг и на горе Сурхкотал в южной части Бактрии-Тохаристана на севере современного Афганистана¹²⁴. Постройка в сел. Мат в найденной там же индийской надписи прямо названа “жилищем богов”. Планировка ее следует индийским традициям, а украшали ее статуи, главные из которых изображали Канишку, что отмечено в надписи на статуе, и, видимо, завоевателя долины – Виму Кадфиза. При этом изображения кушанских царей и большинства других персонажей выполнены в стиле, чуждом искусству Индии, но находящем аналогии в художественной культуре Бактрии. Культовый комплекс в Сурхкотале, судя по найденной там в ходе раскопок бактрийской надписи, был сооружен как “храм Канишки Победителя”. В нем стояли статуи, дошедшие до нас лишь во фрагментах, и алтари огня, возжигавшегося, скорее всего, в честь кушанских царей (или в память о них).

С идеологией правящей верхушки Кушанской империи связаны также монеты имперского чекана, которые находят как в Индии и Афганистане, так и в различных районах Средней Азии.

Ранние кушанские монеты во многом следуют греко-бактрийским традициям. Так же как и на греко-бактрийских монетах, на их лицевой стороне обычно помещен нагрудный портрет царя, на обороте часто еще изображаются греческие божества. Легенды этих монет пишутся по-гречески, а вся монетная система в целом, как и в Греко-Бактрийском царстве, основана на серебряной аттической драхме. Однако позднее (при Виме Кадфизе) был выработан новый тип монет, получивший с той поры широкое распространение в кушанском чекане. На лицевой стороне царь изображался уже стоящим во весь рост перед алтарем, а на оборотной стороне изображения греческих богов

встречались лишь в единичных случаях, а обычными стали изображения индустского божества Шивы со священным быком Нанди и многочисленных божеств местного среднеазиатского (восточноиранского) пантеона: Охшо – вероятно, божества р.Вахш – Амударьи, бога огня – Аташ (или Атшо), солнечного и лунного божества Мах, бога ветра – Вадо, божества победы – Орлагно (Веретрагны), богинь Наны, Ордохшо, Хванинды и др. Интересно отметить, что изображения Будды встречаются лишь в немногочисленной группе монет, и, судя по этому, вряд ли следует полагаться на буддийскую традицию и считать буддизм государственной религией Кушанской державы в полном смысле этого слова. По-видимому, несмотря на то, что буддизм часто находился под особым покровительством кушанских царей, последние не только не преследовали, но иногда даже поощряли другие религиозные верования. Во всяком случае, применять современное понятие “государственная религия” к буддизму кушанского периода не представляется возможным.

Монеты кушанских царей свидетельствуют также о важных изменениях, которые претерпели язык и письменность, принятые при царском дворе. Уже Кадфиз I снаряду с греческой легендой помещает на своих монетах надписи ххароштли. Однако это письмо, очевидно, не привилось, и при Канишке оно на кушанских монетах не встречается. Тогда же выходит из употребления и греческий язык, и официальным языком Кушанской державы становится один из восточноиранских (среднеазиатских) языков – бактрийский.

В то же время на основе греческого алфавита вырабатывается собственное “кушанское” письмо, насчитывавшее, помимо 24 греческих букв, еще один добавочный знак, введенный для обозначения не свойственного греческому языку звука “ш”. С тех пор на монетах кушанских царей вместо греческих легенд помещаются надписи на бактрийском языке, а ранее широко применявшийся греческий термин “басилевс” заменяется титулом “шао” (“шах”).

Смена на монетах изображений греческих богов индийскими и среднеазиатскими божествами, появление наряду с греческими легендами надписей ххароштли и последующее вытеснение и тех и других собственно “кушанскими” легендами отражают основное направление в развитии культуры кушанской правящей верхушки. Характерно, что если на первых порах становления Кушанского государства царский двор во многом следовал греко-бактрийским образцам, то позднее, когда Кушанское царство превращается в могущественную державу, в культуре его верхов местные элементы начинают занимать все более и более видное место. В этом сказались, видимо, попытки кушанских царей найти новые более доходчивые формы идеологического воздействия на народные массы.

Культура правящей кушанской верхушки складывалась на основе не только античных традиций, унаследованных от эллинистической греко-бактрийской знати, но также и местных (индийских и среднеазиатских) культур.

Из среднеазиатских областей наибольшую роль в сложении этой культуры сыграла Бактрия-Северной Бактрии Тохаристан, являвшаяся одной из центральных областей Кушанского государства. Со своей стороны она больше, чем какая-либо иная среднеазиатская область, испытала на себе воздействие религиозной политики кушанских царей.

Именно к первым векам нашей эры относится широкое распространение в Бактрии-Тохаристане буддизма, о чем теперь ярко свидетельствуют также археологические памятники; в правобережной (северной) части этой области сейчас известно уже более десятка буддийских монументальных построек – храмов, монастырей, ступ и т.п. В районе Термеза, игравшего роль централь-

ного города Северной Бактрии-Тохаристана кушанской эпохи, советские исследователи обнаружили четыре такие буддийские святыни. В пригороде Старого Термеза на холме Каратепе располагался крупный буддийский культурный комплекс, состоявшее из множества пещерных и наземных храмов и святынь, храмовых дворов и вспомогательных помещений. Все эти помещения группировались в отдельные комплексы и размещались часто на разных уровнях, а то и одно над другим. В некоторых дворах высились буддийские ступы, а в нишах и святилищах – буддийские скульптуры. Стены дворов, святилищ, ниш, а то и пещерных помещений покрывали стеновые росписи, в том числе и с изображениями Будды, знатных донаторов и иных персонажей. Порттики (айваны) храмовых дворов имели деревянные колоннады, в стены их были утоплены деревянные столбы, колонны и столбы покоились на профилированных каменных базах, из камня же были вырезаны капители столбов или пилястров с рельефными изображениями разных фантастических и натуральных персонажей, часто на фоне пышной аканфовой листвы. В ходе раскопок Каратепе были найдены многочисленные надписи на керамических сосудах, выполненные индийскими алфавитами кхароштхи и брахми и местным (кушанским) письмом и содержавшие обычные для буддийских памятников Индии и других стран распространения буддизма фразы типа “дар общине четырех стран света (т.е. буддийской) – от такого-то (монаха или светского лица)”, а также извещения о принадлежности данного сосуда такому-то конкретному монаху – “знатоку (буддийского) учения Буддапире”, “Буддамитре” и т.п. Важно, что нередко текст надписей был выполнен на двух, а то и трех языках (включая местный – бактрийский), что свидетельствует о наличии здесь переводчиков и, скорее всего, учеников, изучавших “священные” буддийские тексты на санскрите и способных переводить их на бактрийский и комментировать, а, возможно, и на другие языки: из китайских источников известно, что в Китае во II-IV вв. работали над переводами (и толкованием) буддийских текстов на китайский язык многие монахи, в том числе и выходцы из Средней Азии. Немного восточнее от Каратепе на бугре Фаязтепе находился и небольшой загородный монастырь того же времени, при раскопках которого также были открыты ступа, высокохудожественные стеновые росписи, скульптура, индийские надписи. Восточнее найдено подвальное помещение, оставшееся еще от одного буддийского комплекса. А еще далее, близ дороги в современный Термез, высится “башня Зурмала” – руины громадной буддийской ступы, рядом с которой, видимо, в кушанскую эпоху размещался еще один буддийский комплекс. Таким образом, кушанский Термез, как и столица области (и Кушанского государства) – Балх, обрамляла цепь буддийских святынь.¹³⁵

Буддийские постройки известны для кушанского времени и на других поселениях того же времени как к западу от Термеза (Зартепе), так и к востоку, вверх по течению Амударьи (Айртам). Еще выше, уже на территории современного Таджикистана Т.И.Зеймаль раскопала остатки также основанного при кушанах небольшого буддийского монастыря на горе Ултурмулло. Несмотря на то, что монастырь здесь сохранился плохо, удалось раскрыть его планировку, открыть основание ступы, каменный реликварий в виде макета ступы, остатки стеновой росписи¹³⁶. Буддизм в кушанское время из прибрежной зоны проник и в глубь Сурхандарьинской долины, о чем убедительно говорит открытие в Дальверзинтепе (на пути из Термеза в Душанбе, между Шурчи и Денау) буддийских святилища и храма¹³⁷. Находки отдельных буддийских статуэток, надписей и иных предметов были отмечены и на других, часто сельских, поселениях Бактрии-Тохаристана кушанской эпохи, в том числе и на крайнем юго-востоке современного Туркестана¹³⁸.

Фрагменты сосудов с бактрийской надписью из Каратепе

Известные сейчас материалы позволяют говорить не только о распространении в Северной Бактрии-Тохаристане кушанской эпохи буддизма, но и об истоках династийного культа кушан. Этот культ происходит, вероятно, от традиционного почитания кочевнических предков, следствием чего была замена на монетах-подражаниях чекану Гелиокла, монетах кушанца "Герая", безымянного хорезмийского царя и индо-сакских правителей эллинических божеств – покровителем с изображениями коня, конного предка или самого

обожествленного правителя верхом на коне. Отражением распространения в ранне- или даже предкушанской Бактрии степного культа предков-всадников являлись, скорее всего, и найденные в соответствующих слоях примитивные терракотовые фигурки мужчин-всадников. В собственно кушанское время в Бактрии-Тохаристане изготовлялись более совершенные мужские фигурки (некоторые также на конях), по костюму и общему облику приближающиеся к скульптурным изображениям кушанской знати. Особо следует отметить находку в Балхе терракоты, близкой к передаче персонажа на монетах "Герая"¹³⁹.

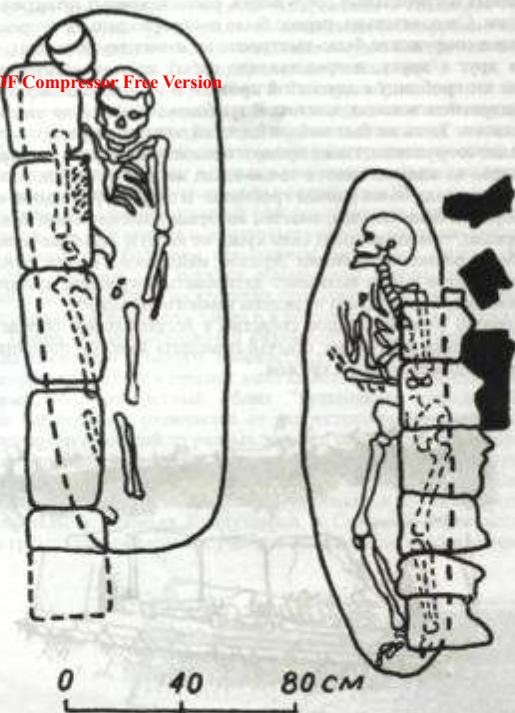
Этому же персонажу близки и герои скульптурных композиций небольшой, но богато украшенной постройки, открытой Г.А.Пугаченковой в Халчаяне (в долине р.Сурхандарья, между г.Термезом и Душанбе). Стены парадных помещений этой постройки – айвана и центрального зала или внутреннего двора с навесами – украшали росписи (они сохранились плохо) и, по верху их, – скульптурные композиции с выполненными в глине фризом и карнизом. Карниз включал тяжелые гирлянды с поддерживающими их фигурками детей, а в скозах гирлянд – мужские и женские полуфигуры, среди которых выделяются такие античные персонажи, как Геракл, крылатая богиня (Ника или Хванида), сатир. Изображения божеств встречаются и в композициях фриза. Но основные герои этих композиций – государь и его родственники, вельможи и знатные дамы. В целом, халчаянская скульптура посвящена, скорее всего, прославлению раннекушанского государя "Герая" и его династии (или рода), а вся постройка была связана с династийным культом¹⁴⁰.

Наряду с привнесенным из Индии буддизмом и сложившимся, видимо, в кушанское время династийным культом, в Бактрии-Тохаристане в первые века нашей эры продолжали существовать и древние местные верования. Так, большим почетом пользовалось, очевидно, местное божество р.Вахш – Амударья – Охшо, что нашло отражение и на кушанских монетах. На них Охшо иконографически слился с Шивой и изображался то в виде двурукого божества, стоящего рядом со священным быком, то в виде четверорукого существа, держащего в руках сосуд, барабан и голову козла или антилопы. Почитался, видимо, в Бактрии-Тохаристане также богини Нана, Ордохшо, Хванида и другие божества восточноиранского пантеона, изображения которых мы уже отмечаем на монетах кушанских царей.

С культом разных, видимо, богинь связаны многочисленные глиняные статуэтки (терракоты), изображающие либо стоящую, либо сидящую женщину. Такие терракоты найдены на многих поселениях кожных областей и районов Таджикистана и Узбекистана¹⁴¹. С культом одного из таких божеств, – "Великой Бактрийской богини", как назвала ее Г.А.Пугаченкова, – эта исследовательница связывает и культовую постройку, украшенную скульптурой и росписями, на городище Дальверзинтепе¹⁴².

Особо следует отметить, что не только в Бактрии-Тохаристане в целом, но и крупных населенных пунктах этой области осуществляли разные религии и культы: буддизм, династийный культ, древние местные культы.

Интересными памятниками, связанными с религиозными воззрениями оседлых жителей Северной Бактрии-Тохаристана, являются грунтовые могильники. Таков, например, могильник Тупхона (в Гиссарской долине, недалеко от Душанбе). К кушанскому времени здесь относятся погребения так называемого типа III (I в. до н.э. – III в. н.э.). В большинстве этих погребений покойника клали в вытянутом положении, на спину, головой на север, ногами на юг. Сверху могила перекрывалась сырцовой кладкой. В ранних погребениях этого типа рядом с покойником помещался сосуд с жертвенной пищей.

Тупхона. Кушанские погребения некрополя

В могиле находились также бусы, бронзовые зеркала, серьги, браслеты, перстни. Эти украшения дают много параллелей с сарматской культурой Прикаспия и Причерноморья. Среди находок имеются балтийский янтарь и раковины каури, которые распространены лишь в Индийском океане.

Интересной особенностью погребального обряда является то, что в рот или на грудь покойного часто клали мелкую серебряную монету — обол. (Этот обычай находит себе аналогии в погребениях Греции и эллинистических государств Ближнего Востока)⁴⁰.

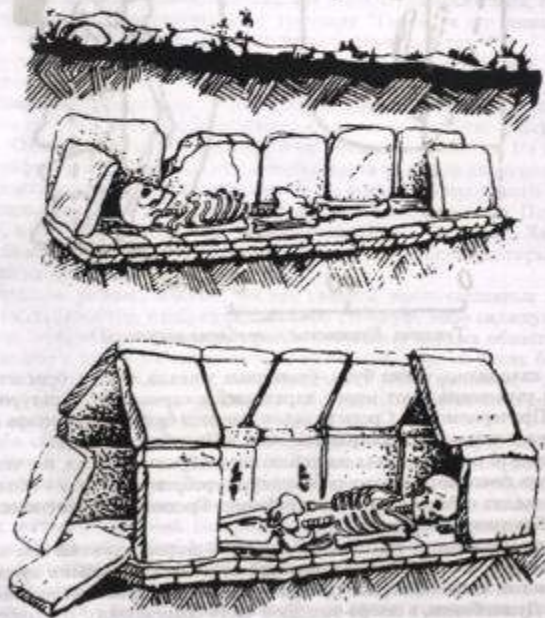
Помимо могильника Тупхона, в Гиссарской долине известны еще несколько могильников и отдельных захоронений оседлых земледельцев кушанского периода, в том числе обширное (до 20 га) кладбище, расположенное недалеко от берега Душанбинки, в северо-западной части современного Душанбе, и связанное с некогда бывшим здесь крупным городищем. Небольшие раскопки, произведенные на территории Душанбинского могильника, выявили здесь два

разнотипных погребальных сооружений, расположенных непосредственно один под другим. Следовательно, первое было построено раньше второго.

Нижнее сооружение было выстроено из известняковых плит, плотно пригнанных друг к другу. Оно представляло собой прямоугольную, вытянутую с севера на юг гробницу с двускатной кровлей и полом, выложенным двумя рядами квадратных жженных плиток. В гробнице, головой на юг, лежал костяк погребенного. Здесь же был найден плоский золотой кружок.

Верхнее сооружение, также прямоугольное и вытянутое с севера на юг, было возведено из жженных плиток точно таких же, как и плитки, использованные для вымостки пола более ранней гробницы. В этой погребальной камере также был похоронен один человек, вместе с которым в могилу были положены бронзовое зеркало, глиняный сосуд (или куски от него) и такой же золотой кружок, как и в более раннем погребении. Зеркало, найденное в склепе, относится к первым векам нашей эры и позволяет датировать погребение кушанским периодом. (Нижняя гробница была возведена немного раньше)¹⁴⁴.

Интересно отметить явное сходство в погребальном обряде Душанбинского могильника и Тушхона: обычно помещать вместе с покойником монету или заменяющий ее золотой кружок.

Душанбинское городище. Погребения в кирпичных склепах-гробах

К кушанскому же времени относятся захоронения в глиняных гробах, а также, вероятно, и в хумах. Для одного из последних (обнаружено на территории могильника в Душанбе) был использован сосуд с бактрийской (иначе – тохарской) надписью так называемым кушанским письмом¹⁴⁵.

Помимо перечисленных захоронений в Гиссарской долине и в Северной Бактрии-Тохаристане, вообще использовались и другие способы погребений, что, по-видимому, отражало пестроту религиозных воззрений местного населения и его неоднородный этнический характер (антропологические исследования подтвердили исторические данные о наличии в кушанское время здесь разных по расовым признакам этнических компонентов)¹⁴⁶.

Ранее, знакомясь с общей картиной городской жизни Средней Азии в кушанский период, мы уже узнали о некоторых городах Бактрии-Тохаристана. В это время область с большим основанием чем ранее, могла считаться "страной тысячи городов": их остатки обнаружены в ходе археологических исследований в послевоенные десятилетия практически во всех долинах амударьинского правобережья (в том числе и в долинах Южного Таджикистана – Гиссарской, Нижне-Кафирниганской и Вахшской). Из них лучше пока изучены городские поселения Южного Узбекистана, где планомерные раскопки некоторых городищ ведутся в течение многих лет. Систематическое изучение их показывает, что конкретный облик "кушанского города" Бактрии-Тохаристана значительно отличается от искусственной модели, созданной умозрительно путем аналогий из разных эпох и с различных территорий¹⁴⁷.

Наиболее крупные городские центры Бактрии-Тохаристана кушанской эпохи, такие как Балх (его площадь более 550 га), Термез (350 га), Шахринауское городище в верхней части бассейна Сурхандарьи в Таджикистане (350 га) или Калаизаль, в низовьях Кундуздарьи, в Северном Афганистане (200 га), из-за их громадных размеров изучены, конечно, явно недостаточно.

Душанбинский некрополь. Фрагмент хума с тохарской надписью

Бронзовый колокольчик из Даштиджума

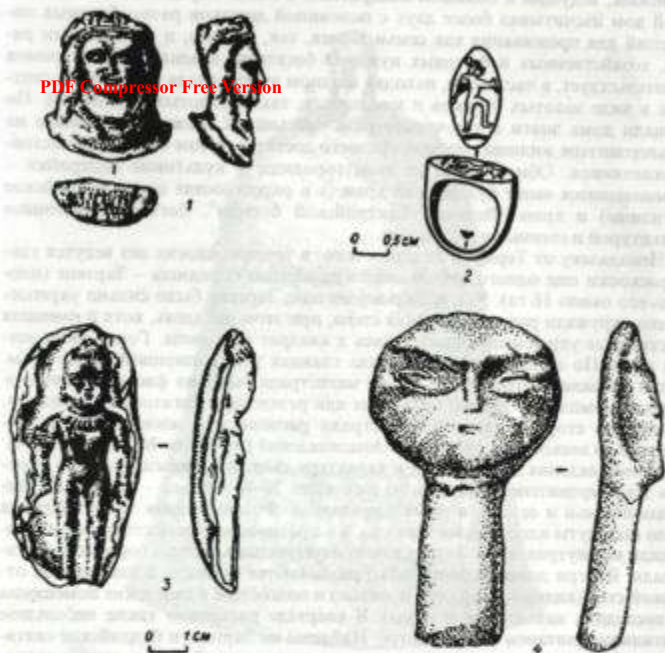
Лучше удалось представить себе более мелкие города, игравшие, видимо, роль своеобразных районных центров. Таков, например, кушанский город в средней части долины Сурхандарьи, от которого до нас дошло неоднократно упоминавшееся городище Дальверзинтепе. Городище это в плане имеет форму неправильного прямоугольника (площадь его 650 x 500 м). С юго-востока к городищу примыкала округло-многоугольная в плане цитадель (диаметр ее ок. 180 м), располагавшаяся на высоком холме. Собственно город и цитадель были окружены городскими стенами и рвами. В центре города с севера на юг проходила главная улица, выходившая к расположенным в западной части города двум богатым домам – резиденциям городской знати или купеческой верхушки. Планы обоих домов сходны: каждый из них выходил в довольно обширный двор широким айваном с рядом колонн, за айваном помещался

вестибюль, ведущий в большой квадратный в плане парадный зал. Каждый такой дом насчитывал более двух с половиной десятков разнообразных помещений для проживания как семьи хозяев, так, видимо, и их слуг (или рабов), хозяйственных и бытовых нужд. О богатстве владельцев этих домов свидетельствует, в частности, находка в одном из них клада с золотыми слитками в виде золотых брусков и ювелирных, также золотых украшений. По площади дома знати в три-четыре раза превышали также раскопанные на Дальверзинтепе жилища горожан среднего достатка, в том числе керамистов-ремесленников. Обнаружены на этом городище и культовые постройки – упоминавшиеся выше буддийский храм (а в окрестностях еще и буддийское святилище) и храм “Великой Бактрийской богини”, богато украшенные скульптурой и стенными росписями.

Неподалеку от Термеза, западнее него, в течение многих лет ведется также раскопки еще одного небольшого кушанского городища – Зартепе (площадь его около 16 га). Как и Дальверзинтепе, Зартепе было сильно укреплено: его окружали ров и крепостная стена, при этом цитадель, хотя и имевшая собственные укрепления, вписывалась в квадрат городища. Город имел четкий план. По середине его проходила главная улица шириной около 10 м. Почти в самом центре города на эту магистраль выходил фасадом монументальный комплекс – дворец правителя или резиденция богатого горожанина. По другую сторону главной магистрали располагался жилой квартал, состоящий из нескольких отдельных домовладений (от 600 до 800 кв.м каждое). Эти домовладения по размерам и характеру сходны с жилыми домами горожан Дальверзинтепе: в каждом из них жило 20-40 человек – членов самостоятельной семьи и ее слуг и иных домочадцев. Фасады домов этого квартала были вытянуты вдоль главной улицы, а с противоположной стороны они выходили на внутриквартальную улочку, идущую параллельно городской магистрали. Внутри домовладений четко различаются комнаты с тщательной отделкой стен (видимо, парадные и жилые) и подсобные и складские помещения (в последних находились и хумы). В квартале раскопано также небольшое святилище с алтарем огня в центре. Найдены на Зартепе и буддийское святилище с фрагментами скульптуры, остатки пригородной ступы, другие находки, свидетельствующие о распространении здесь буддизма¹⁰⁸.

Еще один небольшой городок – Кампыртепе – около 10 лет раскапывается в 30 км западнее Термеза на обрывистом правом берегу Амударьи. Кампыртепе, по мнению его исследователя Э.В.Ртвеладзе, государственная крепость, контролирующая переправу через Амударью. Соответственно она была сильно укреплена. Древние строители выбрали, умело используя природный рельеф, самое удобное место для возведения этой крепости на верху более чем двадцатиметрового обрыва. С остальных сторон Кампыртепе окружал глубокий и широкий ров. Крепость имела несколько рядов мощных оборонительных стен. Единственный путь в крепость шел по пандусу подъема от реки и был хорошо защищен оборонительной стеной, башней-пилоном и контрфорсами, сооруженными на подрубленных ступенях обрывистого берега. Внутри крепость имела сплошную застройку домами-блоками, разделенными улочками, скорее всего крытыми, что обуславливалось, видимо, соображениями обороны. С этой же целью городок-крепость имел сложную нерегулярную планировку; запутанный лабиринт улиц затруднил бы передвижение врагов в случае их прорыва в крепость. Городок имел еще и цитадель, сравнительно небольшую (около 6000 кв. м), располагавшуюся на ступенчатых площадках. Раскопки здесь впервые в Бактрии-Тохаристане дают

Находки в некрополе городища Тепаишах

достаточно ясную картину того, что представляла собой цитадель кушанского городка. Раскопки эти близки к завершению. В ходе их выявлен характер застройки внутреннего пространства цитадели и открыто более 120 помещений. Вся цитадель была застроена сплошь. Среди открытых здесь построек были и парадные, и культовые, и жилые, и хозяйственные, и складские, что подтверждает ее назначение как резиденции правителя (вернее, вероятно, начальника гарнизона), места пребывания чиновников, воинов и слуг, а также запасов продуктов на случай осады. Особенно выразительны помещения, где найдены остатки рукописей на бактрийском языке (вероятно, архив или канцелярия) и комнаты вдоль внешних стен с 10-15 хумами в каждой (в такой хум вмещалось по 100-200 литров воды либо других жидких или сыпучих продуктов). Открыты на цитадели и два небольших святилища с алтарями огня. Интересно, что никаких следов буддизма на Кампартепе не отмечено: возможно, это объясняется как спецификой военного поселения, так и ранней (не позднее царствования Каншики) его гибелью¹⁴⁹.

Остатки других городских поселений, в том числе такие, как городище в Душанбе или городок Тепаишах в Кабадианском районе, на юго-западе Тал-

Греческая надпись на хуме. Тепашах

жикистана, раскопаны не столь полно, как Дальверзинтепе, Зартепе и Кампыртепе, и судить о них достаточно определенно пока не представляется возможным. Четкое представление о сельских поселениях и усадьбах кушанской эпохи также дают пока раскопки на юге Узбекистана, где, к примеру, полностью раскрыты сохранившиеся остатки усадьбы Аккурган возле Термеза. Найдка там терракоты с изображением Будды свидетельствует о проникновении буддизма не только в города, но и в сельские поселения¹⁵⁰.

Основным строительным материалом в Бактрии-Тохаристане в кушанскую эпоху оставался крупный квадратный сырцовый кирпич. Для вымосток во дворах, иногда в помещениях, чаще на порогах и ступеньках лестниц применялись жженые квадратные плитки. Довольно широко применялись также и камень; его использовали для изготовления различных архитектурных деталей (капителей, баз, карнизов и т.п.). Это обилие каменных деталей является одной из характерных черт бактрийской архитектуры той эпохи. Камень для этих деталей добывался в специальных каменоломнях. Так, в районе Термеза использовался белый известняк, добыча которого велась в каменоломнях на горе Ходжа Гульсуар, в 30 км к востоку от Термеза, где еще до революции в каменоломне была найдена монета Канишки¹⁵¹.

Важным элементом бактрийской архитектуры служат деревянные колонны с каменными профилированными основаниями и каменными капителями коринфского ордера¹⁵². Эти колонны поддерживали плоскую деревянную кровлю, представлявшую, вероятно, основной вид перекрытия, наиболее обычный для Бактрии той эпохи.

Стены зданий часто украшались пилястрами, поверхности стен покрывались белой штукатуркой, а иногда и монументальной живописью, как орнаментальной, так и сюжетной, в том числе с изображением местных и буддийских персонажей. Остатки такой многокрасочной живописи открыты в буддийских постройках и других культовых зданиях.

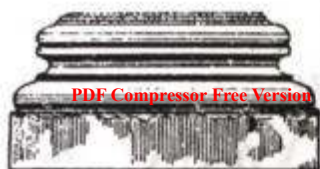

*Сырцовые кирпичи из Кейкубадшаха
с изображением букв кушанского письма*

Верхние части пилястр украшались каменными капителями со скульптурными изображениями. Наиболее ярким памятником такой скульптуры является так называемый “айртамский фриз” – составленные из отдельных блоков капители двух входных пилонов буддийского святилища в Айртаме (к востоку от Термеза), – с изображениями отдельных поясных фигур людей, отделенных друг от друга листьями аканта. Человеческие фигуры изображали музыкантов с различными инструментами и girlyandonoсцев¹⁵³. Интересные образцы капителей колонн и приставных пилястров с рельефными изображениями найдены в Таджикистане на Шахринауском городище¹⁵⁴.

Античный реализм изображений, широкое использование листьев аканта как основного элемента скульптурного орнамента, одежды, напоминающие костюмы Римской империи, и обильные украшения, являющиеся неотъемлемой принадлежностью индийских костюмов, органически сочетаются на капителях Айртама и Шахринау, сблизкая их с памятниками так называемого греко-буддийского (гандхарского) искусства, получившего в то время широкое распространение в граничивших с Бактрией-Тохаристаном районах Северной Индии и Юго-Восточного Афганистана.

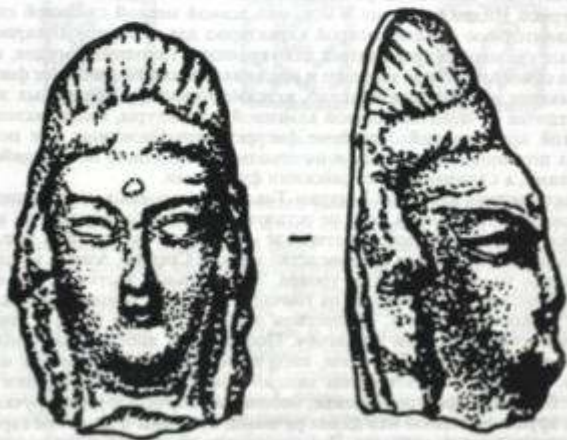
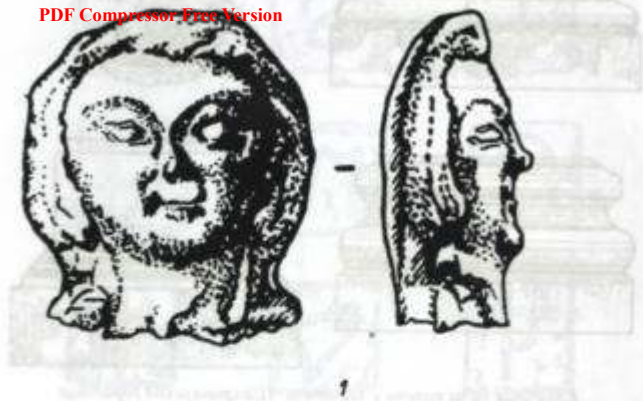
PDF Compressor Free Version

Каменные базы колонн и капители. Шахринауское городище

В значительно меньшей мере влияние буддизма и связанного с ним искусства Северной Индии сказалось в многочисленной мелкой глиняной скульптуре, сравнительное обилие которой характерно для культуры Тохаристана. Эта скульптура иногда применялась для украшения глиняных сосудов, а иногда имела самостоятельное значение и представляла собой глиняные фигурки, изображающие местные, как правило, женские божества и различных животных. В отличие от монументальной каменной скульптуры, тесно связанной с буддийской архитектурой, глиняные фигурки, изготовленные при помощи глиняных штампов, сближаются и по тематике и по стилю не с индийскими памятниками, а с глиняными согдийскими фигурками.

Характеристика культуры Бактрии-Тохаристана первых веков нашей эры будет недостаточно полной, если не остановиться хотя бы вкратце на наиболее массовом археологическом материале – глиняной посуде. Как уже отмечалось выше, керамическое производство во всей Средней Азии в кушанское время стояло на очень высоком уровне. Значительная часть посуды в Бактрии-Тохаристане изготовлялась на гончарном круге и отличалась исключительной тонкостью черепка, изяществом и разнообразием форм и тщательным полосчатым лощением по ангобу. Посуда была либо красноглиняной с красным или коричневым ангобом, либо сероглиняной с серым или черным ангобом. Наиболее характерными типами красноглиняной керамики были высокие бокалы на фигурной ножке, небольшие корчаги с двумя ручками и, позднее, крупные, с одной или двумя ручками, кувшины и широкие тарелки с двумя вертикальными ручками. Для сероглиняной керамики были типичны открытые чаши – тарелки с отогнутым бортом. Орнаментация сосудов в начале периода почти совсем отсутствовала, однако позднее, наряду с исчезновением лощения, начинает широко применяться врезанный орнамент волнистыми и горизонтальными линиями, кружковый орнамент и мелкие штампы с различными рисунками, преимущественно растительного характера¹⁵⁵.

Мелкая корончатка. Терракота.

Головные "звенящие бокалы" куманского времени

В целом керамическое производство Бактрии-Тохаристана отличается известным своеобразием, хотя применение красного ангоба и полосчатого лощения и отдельные формы красноглиняной керамики (в первую очередь бокалы на фигурной ножке) встречаются в этот период и в других среднеазиатских областях. Керамика, будучи характерна и для других районов Средней Азии, находит себе параллели также и в Афганистане.

Особо следует отметить появление в керамике Тохаристана при кушанах ряда форм, характерных для северных районов Средней Азии – высоких крышек с одной ручкой и ручек в виде фигурки животного.

Культура более северных областей Средней Азии изучена пока слабее, чем культура Бактрии-Тохаристана¹⁵⁶. Лучшее из известное нам сейчас Хорезм, связи которого с Бактрией-Тохаристаном (и Кушанской державой в целом) осуществлялись вдоль Амударьи.

Культура Хорезма Культура этой области отличалась ярко выраженными спещифическими чертами. Следы буддийского воздействия на иконографию и стиль хорезмийских изделий прослеживаются лишь предположительно. Зато хорошо видно распространение в Хорезме кушанского времени древних местных культов женского божества вод и плодородия и бога умирающей и воскресающей природы, возможно – Сивуша, который считался также предком династии хорезмийских царей¹⁵⁷; в честь ее воцарения в I в. н.э. в Хорезме было введено свое летоисчисление – “хорезмийская эра”. Свообразны и монеты хорезмийского чекана¹⁵⁸, выпуск которых приобрел массовый характер при царе Вазамаре (последняя треть III в. н.э.), когда стали чеканиться многочисленные медные монеты. При этом, как и при предшественниках Вазамара – царях Артаве и Артамухе, нередко перечеканивались ходившие в Хорезме в относительно большом количестве медные кушанские кружки. Легенды на хорезмийских монетах, сначала греческие, дополняются местными. Выполнены они на хорезмийском языке письмом не греческого, как в Бактрии-Тохаристане, а арамейского происхождения; его приспособление для записи хорезмийской речи, родственной бактрийскому и другим восточноиранским языкам, отмечалось уже в IV-III вв. до н.э.

Своеобразны и погребальные обряды Хорезма, где в кушанское время господствовал, по-видимому, обычай хоронить кости покойников в специальных керамических костехранилищах – оссуариях (оссуарии в других областях Средней Азии распространились, как будто бы, лишь в раннем средневековье). До II в. н.э. использовались преимущественно статуарные оссуарии со скульптурными изображениями женских и мужских фигур (изредка верхом на конях или даже просто в виде лошади) и архитектурные, воспроизводящие, возможно, реальные, постройки. С III в. для захоронения костей усопших хорезмийцы стали в основном пользоваться оссуариями в виде ящиков различных форм. С.П.Толстов, Ю.А.Рапопорт и другие исследователи считают оссуарный обряд вариантом зороастрийского и выводят его из местных первобытных верований¹⁵⁹.

Как и в Бактрии-Тохаристане, в Хорезме кушанского времени широко использовали терракоты с изображением женских и, все чаще, мужских божеств. Среди терракот были фигурки, передающие образ богини с младенцем, свидетельствующие, наряду с другими, об изменении (или расширении) традиционного местного пантеона. Встречаются и фигурки музыкантов и явно навеянные связями с Кушанским царством изображения слона и обезьяны с младенцем. Особо следует отметить появление в это время в Хорезме наряду с терракотовыми также алебастровых фигурок тех же типов.

Выдающимся памятником не только архитектуры, но также и духовной и художественной культуры Хорезма кушанского времени является городище Топраккала. Раскопки этого городища, начатые еще в 1940 г. под руководством основателя Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР С.П. Толстова, велись три десятилетия и дали огромный фактический материал, который лишь отчасти вместили посвященные Топраккале два специальных тома трудов Хорезмской экспедиции¹⁶⁰.

Городище Топраккала находится в низовьях Амударьи на землях Эликкалинского района Каракалпакстана. Главной особенностью этого городища было то, что оно создавалось, вероятно, для двух огромных дворцовых комплексов, а население его, во всяком случае – в значительной степени, состояло из людей, которые должны были охранять и обслуживать эти дворцы. Такие люди жили в прямоугольном в плане городе (площадь его 10 га) с четкой планировкой однотипных жилых кварталов, и в других (видимо, основных) частях городища. Одна из них представляла собой обнесенную валом территорию, достигавшую 120 га. Здесь находился дворцово-храмовый комплекс ("Нижний" или "Северный"). Сохранился плохо. Но и то, что удалось обнаружить, свидетельствует, скорее всего, что здесь находились царские жилые помещения и что, таким образом, это была постоянная резиденция хорезмийского царя, его семьи и двора. Лучше сохранившийся "Высокий" или "Священный" дворец (площадь его 13 га), раскопанный почти полностью, по мнению его исследователя Ю.А. Рапопорта, был сакральным комплексом, в котором совершались по определенным праздникам сложные обряды, связанные с различными аспектами хорезмийского династического и царского культа.

Постройки в городских кварталах и во дворцах сооружены из квадратного крупного сырцового кирпича, использовавшегося и для стен и для сводчатых перекрытий. Камень в отличие от Бактрии-Тохаристана употреблялся редко, лишь для изготовления баз деревянных колонн, которые в парадных помещениях поддерживали плоские кровли. Дворцовые и храмовые постройки часто украшались рельефными композициями и монументальной живописью. И живопись и рельефы были обычно многоцветными.

Особенно выразителен "Высокий" (или "Священный") дворец, возвышавшийся не только над городом, но и над всей окружающей местностью. Он был возведен на высокой сырцовой платформе, квадратной в плане (ее высота более 14 м, длина каждой стороны в основании около 90 м). К центральному квадрату пристроены три массива-башни, что и дало археологам основание первоначально назвать этот дворец "Трехбашенным замком". Ядром дворца являлись тронный зал (пом.11а) и примыкавший к нему парадный двор (пом.11б), служившие, видимо, и для тронных и для религиозных церемоний; в первых участвовали, скорее всего, лишь придворные, т.е. ограниченный круг лиц, во вторых (в парадном дворе) две-три сотни людей. Рядом с парадным двором располагалось главное святилище (пом.14) – "Зал танцующих масок", определяемый как святилище верховной богини хорезмийского пантеона. Здесь же находились "Зал воинов" (пом.26) и сходный с ним "Зал побед" (пом.29), в каждом из них горел вечный огонь в честь божеств Победы, типа Веретрагны или Фарна и богини типа Виктории или Фортуны. Все эти парадные помещения были богато украшены рельефными изображениями людей и подобных им божеств. В отличие от них "Зал оленей" (пом.17) содержал какие-то космогонические барельефные панно или фризы, на которых были изображены олени и грифоны, олицетворявшие, возможно, сферы мироздания и связывавшие их деревья. Антропоморфные изображения здесь отсутствуют.

Особое место среди дворцовых помещений занимал "Зал царей" (пом.32), по планировке напоминавший тронный комплекс. В этом зале по его периметру восседали статуи обожествленных умерших царей во главе с матерью-владычицей и богов. В их честь возжигался (или постоянно горел) огонь на большом алтаре у входа. Вероятно, что по определенным дням совершалось поклонение каждому из изображений.

Конечно, многое в определении парадных помещений "Высокого дворца" и совершавшихся в них обрядов пока носит характер научной гипотезы. Однако высокое профессиональное умение их творцов – архитекторов, строителей, скульпторов, художников, сложность представлений, связанных с этими помещениями и "Священным дворцом" в целом – засвидетельствованы здесь достаточно убедительно.

Добавим, что во дворце раскопаны также небольшие помещения с богатой росписью, мастерские по изготовлению луков, документы храмового или царского архива, написанные по-хорезмийски. Находки последних свидетельствуют о довольно широком распространении грамотности среди чиновников и писцов Топраккалы.

В глиняной посуде Хорезма последних веков до нашей эры – первых веков нашей эры, как и в керамике ряда других областей Средней Азии, широко употреблялись красный ангоб с полосчатым лощением и прочерченный волнистый орнамент, распространены были кувшинообразные сосуды, бокалы на ножке, сосуды с ручками в виде фигурок животных, некоторые формы открытых чаш, встречающиеся и в Бактрии-Тохаристане. Однако хорезмийская керамика сохраняла и своеобразные черты. Так, только для Хорезма характерны хумы и сосуды со спиралевидным расписным орнаментом, восходящие к предшествующей эпохе. Большее распространение по сравнению с другими среднеазиатскими областями получило здесь, по-видимому, лощение¹⁶¹.

Культура Согда

Согд в кушанское время представлял собой, скорее всего, совокупность мелких княжеств, история которых остается пока почти совершенно неизвестной. В культурном отношении можно выделить три части этой области – Самаркандский Согд (в среднем и верхнем течении Зеравшана), Бухарский Согд (в низовьях этой реки) и Южный Согд (в бассейне Кашкадарьи).

Если не считать сведений о снесенном при земляных работах буддийском храме в долине р.Санзар, на дороге из Самарканда в Джизак¹⁶², то никаких других данных о буддизме в Согде кушанского времени у нас нет. В то же время во всех частях области известны культовые постройки, которые их исследователи связывают с культом огня. Таковы центральная часть Киндакли-тепе (в средней части Кашкадарьи), восточный (или малый) храм на городище Еркурган (также в долине Кашкадарьи), святилище Сеталк I в Бухарском оазисе и, наконец, открытый недавно храм на Кургантепе (к северу от Самарканда)¹⁶³. Судя по многочисленным находкам терракотовых фигурок, в Согде в кушанское время был распространен культ женского божества, которое изображалось облаченной в богатые одежды и держащей в руке между грудей плод граната. Наряду с этой богиней были части изображения и других женских и мужских божеств, идентификация которых весьма гипотетична¹⁶⁴. В Талибарзу (под Самаркандом) был найден обломок хума с изображением так называемого Гопатшаха, фантастического существа с телом быка и головой человека. Эта находка свидетельствует о существовании в Согде культа первородного человека – бычочеловека, олицетворявшего персона-

чально космическую силу, давшую якобы начало и животному, и растительному миру, и металлам¹⁶⁵. Возможно, что в какой-то степени в Согде тогда сохранилось также почитание античных героев и богов. Во всяком случае схематические изображения часто до неузнаваемости, изображения их сохраняются на местных согдийских монетах.

На наиболее ранних монетах местного согдийского чекана появляются уже и согдийские надписи алфавитом арамейского происхождения. К самому началу IV в. н.э. относятся находки в Синьцзяне знаменитых согдийских "старых писем", написанных этим же алфавитом¹⁶⁶.

В отличие от письменности, близкой к хорезмийской, язык Согда был близок к языку Бактрии-Тохаристана, где использовалось "кушанское письмо", основанное на греческом алфавите.

Поселения Согда кушанского времени изучены пока слабо. Это касается и крупнейших городищ - Афрасиаба в Самарканде и Еркургана в Каршинском оазисе на Кашкадарье.

К раннекушанскому времени относится, вероятно, монументальная постройка, расположенная на Кызылкыре (в песках, к северо-западу от Бухарского оазиса). Эта постройка была сооружена на небольшом пологом возвышении. Вход в нее вел по пандусу (шириной в 2 м), обрамленному по краю парапетной стенкой. Пандус шел вдоль южной стены здания во входное помещение, из которого можно было попасть внутрь самой постройки. В центре всего сооружения помещалась большая комната с округлой нишей и узкой лежанкой - суфой; вокруг этого помещения располагались четыре узкие коридорообразные комнаты. Стены здания были чрезвычайно толстыми (их толщина достигала 2,2-2,4 м). Сложены они были из слоев битой глины-пахсы с прокладками из крупного квадратного кирпича-сырца. Рядом с этим зданием были открыты остатки несколько более поздних (по-видимому, позднекушанских) построек с тонкими (до 1 м толщиной) сырцовыми стенами, суфами и очагами.

Часть цитадели какого-то крупного поселения вскрыта в Талибарзу¹⁶⁷. В центре холма стояла высокая башня с узкими бойницами, вокруг нее располагался, видимо, обширный двор, окруженный единым строительным массивом в виде каре с башнями по углам. В башнях сохранились два ряда узких бойниц, расположенных в шахматном порядке. Между башнями шел ряд узких комнат со сводчатым перекрытием. Таких комнат было несколько сотен. Наружной стеной им служила внешняя стена крепости. Каждая комната освещалась одной бойницей, которые расположены в шахматном порядке. Между башнями шел ряд узких комнат со сводчатым перекрытием. Таких комнат было несколько сотен. Наружной стеной им служила внешняя стена крепости. Стены здания были построены из двух рядов пахсы с прокладками из квадратного кирпича-сырца, при возведении сводов использовался прямоугольный кирпич-сырец, иногда подтесанный на клин. Поверхности стен покрывались глиняной штукатуркой.

К кушанскому времени относятся также найденные в Китабе торовидные каменные базы колонн. Судя по этим находкам, а также по материалам из храма Еркургана, можно утверждать, что в Согде в кушанское время применялись, так же, как и в Бактрии-Тохаристане, колонны, поддерживавшие плоские перекрытия больших квадратных или прямоугольных зал. Но в отличие от Бактрии-Тохаристана камень не играл в архитектуре Согда сколько-нибудь видной роли, а ведущим типом перекрытия были не плоская кровля, а

сырцовый коробовый свод. Крайне редко использовались в Согде жженный кирпич и терракота. Так, из первого в еркурганском храме были сооружены массивные колонны, а терракотовые плиты использовались для украшения стен этого храма.

Памятники согдийской монументальной скульптуры и живописи того времени почти неизвестны. До нас дошли лишь росписи на колонне храма Еркургана и терракотовый рельеф с двумя мужскими головками (оттуда же). Но есть все основания утверждать, что эти виды искусства в Согде в кушанский период существовали, тем более, что многие мелкие глиняные фигурки явно воспроизводят какие-то крупные статуи. Зато чрезвычайно многочисленны находки мелкой глиняной скульптуры в виде рельефных украшений глиняных сосудов и отдельных глиняных фигурок. Последние, помимо местных божеств, изображают часто музыкантов с различными инструментами, а также всадников верхом на конях, верблюдах и других животных, которые держались руками, часто без обозначения глаз, ноздрей и деталей одежды. Фигурки же божеств и музыкантов были отгиснуты в глиняных формах и отличались тонкой разработкой деталей. Крайне интересно, что эти изображения ярко передают два антропологических типа – согдийцев с несколько удлиненным “узким лицом и “тохар” с широкой округлой формой лица. Детально изображались также музыкальные инструменты (лютня, флейта и др.), своеобразные одежды и украшения. По трактовке человеческих фигур, черт лица и деталей одежды согдийские статуэтки обликаются с некоторыми статуэтками Бактрии-Тохаристана и Хорезма, а в некоторых глиняных головках видны черты, близкие гандхарскому искусству. Однако в целом согдийская глиняная скульптура чрезвычайно своеобразна, а разнообразие и обилие ее характерны для согдийской культуры.

Своеобразна и глиняная посуда Согда той эпохи. Так же как и в Бактрии-Тохаристане, здесь встречаются два типа керамики – красноглиняная с красным и светлым ангобом и сероглиняная с черным ангобом. Однако последняя в целом для Согда не характерна. Среди красноглиняной посуды имеются формы, уже известные нам по Бактрии-Тохаристану, – кубки на фигурной ножке и сосуды с ручками в виде фигурки животного, обычные для северных районов Средней Азии. Но большинство ведущих форм выражено в сосудах, характерных только для Согда. Таковы вазы на высокой ножке, сосуды с красной ленточной росписью по светлому ангобу, кувшины типа знохой и сосуды с налпами – головками под вертикальной ручкой.

Культура Чача К Чачу в последние века до нашей эры – первые века нашей эры относится так называемая каучинская культура, носители которой занимались комплексным скотоводческо-земледельческим хозяйством.

О религиозных представлениях населения Чача того времени мы можем судить лишь по погребальным памятникам и характерному украшению ручек глиняных сосудов фигурками животных – барана, реже – лисы или волка; эти фигурки помещались мордой к горлу сосуда и служили оберегами, призванными охранять содержимое сосуда от злой силы. Возможно, как предполагает Б.А.Литвинский, ручки в виде фигурок барана связаны с культом божества Фарна. Ранние погребения людей каучинской культуры были коллективными и совершались в курганах с катакомбами, заключающих в себе семейные захоронения. Умершие лежали на спине в вытянутом положении. Вместе с покойником клали глиняную посуду, украшения и принадлежности косметики, мелкие

железные ножи. Поздние захоронения делались также в катакомбах, но уже одиночные или, изредка, парные. В могилу в это время помещался богатый инвентарь с большим количеством предметов вооружения – мечами, кинжалами, луками и стрелами. Среди находок преобладают китайские металлические зеркала.

Культурно-исторические многочисленные холмы – тепе, скрывающие остатки монументальных сооружений крепостной архитектуры и жилых построек из пахсы и кирпича-сырца. Но поселения, в том числе – крепости и города, появившиеся в Чаче в кушанское время, изучены еще слабо. Как и в Согде, ведущим типом перекрытия были сырцовые своды.

Изобразительное искусство представлено крайне ограниченным числом памятников. Это – изображения животных на ручках глиняных сосудов, украшения глиняных жаровень-подставок в виде голов баранов или (с III-IV вв.) быков, глиняные кружки – амулеты с прочерченными изображениями оленя в камышах и человеческого лица в лучистом ореоле, а также костяной гребень с конскими головками. Хотя во всех этих изображениях чувствуется стремление к правдивой передаче изображаемых животных, однако исполнены они весьма примитивно и не могут идти в сравнение с памятниками искусства Бактрии-Тохаристана или Хорезма.

Для керамики Чача того времени характерны сделанные в основном от руки большие плоскодонные миски, горшки, кувшины, крышки, глиняные флаги с уплощенным боком, украшенные потеками буро-красного ангоба, и упоминаемые выше кружки с ручками в виде животных.

Джетысарская культура

Очень специфична культура, получившая название джетысарской; памятники этой культуры изучаются Л.М.Левинной на пересохших протоках древней дельты

Сырдарьи в Восточном Приаралье (ныне в Казахстане). Зброшенные после изменения течения Сырдарьи, располагавшиеся здесь с глубочайшей древности поселения оседлых скотоводов, в кушанское время имели вид монументальных двух- или многоэтажных крепостей, возведенных из пахсы и кирпича-сырца. Комплексы построек, обычно окруженные в плане, стояли отдельно один от другого. Эти мощные, сильно укрепленные крепости с толстыми стенами, башнями с бойницами имели сложную планировку с тупиками-ловушками для того, чтобы враги, даже ворвавшись внутрь здания, не могли ориентироваться в его лабиринтах. Здание-крепость включало большое число помещений. Стандартные жилые секции, насчитывавшие две-четыре комнаты, располагались, нередко в два этажа, по сторонам узкого центрального коридора. Как коридор, так и иные помещения перекрывали своды. Помещения на протяжении многовекового существования "асара" часто перестраивались, но в пределах стен секции и без изменения интерьера основного помещения.

Вокруг жилых крепостей-домов размещались еще более многочисленные курганы с сырцовыми погребальными склепами или грунтовыми захоронениями. Погребальные камеры часто по устройству повторяли жилые комнаты "асаров". В склепах хоронили, видимо, членов семьи и их потомков. Покойника укладывали на спину, вверх лицом, в одежде и головном уборе. Здесь же размещали глиняные сосуды, предметы быта и туалета, украшения и оружие. Интересно, что железные кинжалы находились в погребальном инвентаре как у мужчин, так и у женщин.

Жители джетысарских поселений находились в постоянных контактах не только с ближайшими соседями, но и с обитателями многих, часто весьма удаленных стран и областей. Среди погребений найдены захоронения

"пришлых людей", отличавшихся и по физическому облику похороненных и по инвентарю. В погребениях джетысарской культуры много привозных вещей, в том числе китайских зеркал и подражаний им; необычных для Средней Азии, но частых для населения европейских степей серебряных застежек-фибул; [PDF Compressor from MyJku](#) персидского и Сасанидского Ирана; ожерелья из балтийского янтаря, коралла, перламутра, египетских и сирийских стеклянных бус и т.п.

Керамика джетысарской культуры восходит к местной посуде рубежа эпохи бронзы и железного века и очень своеобразна. Особенно специфичны сосуды с черной и красной лощеной поверхностью и углубленным линейным орнаментом, подчеркнутым белой (меловой) пастой, а также сосуды с гофрированным горлом. В то же время встречаются здесь типы керамической посуды, которая позднее получит распространение и в Чаче и других присырдарьинских областях. Таковы пузатые фляги с уплощенным боком, кружки с ручками в виде фигурок различных животных. Интересно, что среди таких ручек в посуде джетысарской культуры встречаются и фигурки медведя. Археологические данные, в том числе керамика, позволяют говорить о возможном продвижении на рубеже III-IV вв. джетысарских племен в Чач, Западную Фергану и Согд (особенно в Бухарский и Каршинский оазисы)¹⁶⁴.

Культура оседлого населения Ферганы и Уструшаны

В отличие от Чача, в соседней с ним Фергане можно с известной долей определенности разграничить памятники земледельческого и скотоводческого населения, хотя в их материальной культуре много общих черт. Поселения располагались большей частью по устьевым протокам горных рек¹⁶⁵. Раскопки их показали, что ферганские строители обладали высоким мастерством. Строительство велось, как и в других областях, из сырцового кирпича, пахсы, часто употреблялся гувалик. Дерево применялось для опор и перекрытий. Последние были плоские и сводчатые. Для планировки характерно наличие центральных и боковых помещений или группировка помещений вокруг двора (поселение Туданкалон в северо-западной Фергане, 5^а и Арктепе в южной; Аралтепе и Куюктепе в северо-восточной, Гайраттепе и Биловуртепе в юго-восточной). На поселении 5^а в Керкидонской группе на юге долины открыта винодельня, а рядом находилось культовое сооружение (тепе 5), имевшее в плане вид "многолепестковой розетки", напоминающей ступу. Необычная крестообразная планировка цитадели была исследована на поселении Арктепе.

Оборонительные сооружения, открытые на ряде поселений (Арктепе, Аралтепе, Куюктепе, Гайраттепе, Туданкалон и др.), представляли собой толстые внешние стены из кирпича-сырца и пахсы с прямоугольными или овальными башнями со стреловидными или прямоугольными бойницами в стенах. Стреловидные бойницы были обычно заложены изнутри и имели чисто декоративное назначение.

К числу земледельческих некрополей относится Зортепский могильник, в котором хоронили жителей Керкидонских поселений, и, вероятно, могильник Темир-Коруг. В Зортепском могильнике погребенные лежали в грунтовых могилах (или подбоях) на спине, головой на запад или восток, в погребениях была найдена только керамическая посуда. В Темиркорутском хоронили в грунтовых могилах, перекрытых деревом. Погребенные лежали тоже на спине, головой на юго-запад и северо-восток. В могилах, кроме керамики, были найдены женские украшения и предметы туалета.

О культурном своеобразии земледельческо-скотоводческой Ферганы свидетельствует керамика, представленная высокохудожественной круговой посудой (кувшины, горшки, миски, миниатюрные сосудики). Особой чертой ферганской керамики является украшение горшков процарапанным по подсушенному глиняному антиквизантом. Большой частью он геометрический, но известны также изображения лошадей, птиц, растений. Наряду с круговой продолжала бытовать (особенно на востоке долины) лепная расписная посуда. Кроме посуды, на поселениях находили зернотерки, терочки, зерна злаков, биконические глиняные пряслица для веретен, сурьматаши – косметические палочки, железные наконечники стрел, ножи и др.

Вещи, находимые в могильниках скотоводческого населения, характерны и для земледельцев, но на поселениях их ассортимент меньше.

Культура земледельцев Уструшаны, территория которой начиналась скорее всего западнее реки Ходжа Бақырган, исследована меньше¹⁷⁰. Но в строительных приемах, оборонительных сооружениях, очевидно, было много общего с Ферганой. Керамика этой области отличается от ферганской. Здесь реже встречается характерная орнаментированная ферганская керамика, более очевидно влияние гончарного производства каунчинской культуры Чача и согдийской. Из поселений кушанского времени раскопки велись на городище Мунчактепе, где была открыта прямоугольная гончарная печь, а в нижнем слое найдены литейные формы, в том числе и для отливки сложных серег. На поселении Дунчактепе в нижнем слое раскопаны жилые и хозяйственные помещения, в которых были найдены керамика (миски, кружки, хумы, лепные кувшины), зернотерки, обломки алебастровых столиков, каменные грузики.

Слои кушанского времени были открыты также в городе Худжанде и на городище Ширин возле селения Куркат. Около городища Мунчактепе исследован могильник близ Ширинская, сухого русла одного из притоков реки Аксу. Обряд погребения напоминает захоронения Чача и Ферганы. Среди керамики – кружки с ручками в виде животных, фляги с плоским боком, кувшины, горшки. На территории Уструшаны были открыты также многообразные погребения в скальных склепах, находившихся на склоне горы Ширин, к северо-западу от селения Куркат Науского района Ленинабадской области. Среди погребений есть и относящиеся к кушанскому времени. В сопровождающем инвентаре, помимо керамики, многочисленны бронзовые изделия – браслеты, перстни, кольца, зеркала, заколки, бусенчики, амулеты, богатые коллекции бус.

Культура скотоводов в Среднеазиатском междуречье

В результате работ советских археологов на территории Средней Азии открыты многочисленные могильники скотоводческих племен. Значительная часть из них находилась на территории Среднеазиатского междуречья. Помимо каунчинских, из района Чача к ним относятся ферганские, согдийские и бактрийские могильники. Все они обычно располагаются на границах земледельческих оазисов.

Относительно происхождения племен, оставивших эти памятники, существуют различные точки зрения¹⁷¹. Крайние из них две: одна связывает их появление здесь с движением различных племен (гунов, сарматов, юзчей), другая считает их оставленными местными скотоводческими племенами. Скорее всего процесс сложения этих племен был достаточно сложным. Скотоводы известны в Средней Азии с эпохи бронзы, и в дальнейшем развитии этих обществ и их культуры играли роль различные факторы: генетическое развитие – смена одних скотоводческих обществ другими, более развитыми;

постоянное взаимодействие с земледельческим населением; различные способы кочевания, обусловившие, вероятно, смешение племен и, наконец, вторжение извне, что, несомненно, также имело место. По вещественным остаткам, находимым в погребениях, окончательное решение спора пока проблематично и вряд ли стоит отстаивать одну из точек зрения, необходимо учитывать всю сумму фактов. Исследования на разных территориях могильники показывают, что в культуре скотоводов кушанского времени есть как общие, так и локальные особенности.

В Фергане и приферганских районах погребальные курганы скотоводов расположены в предгорьях, в примерно одинаковых географических условиях: на пересеченных саами подгорных каменистых увалах, которые и сейчас, как правило, не используются под посевы сельскохозяйственных культур. Многочисленные группы таких курганов сплошной цепью в некоторых районах долины охватывают оседло-земледельческие оазисы¹⁷². В первые века нашей эры здесь были распространены погребальные сооружения различных конструкций: подбойные (имеют вид продолговатой ямы с нишей, вырубленной в длинной западной или восточной ее стороне), катакомбные (в виде овальной сводчатой подземной камеры, расположенной перпендикулярно входному коридору), простые грунтовые ямы и "курумы" (каменные сооружения в виде надземных склепов или, менее сложных по конструкции, каменных "ящичков"). Такое разнообразие в устройстве погребальных сооружений говорит о смешанном составе скотоводческого населения Ферганы кушанского времени. О том же свидетельствует и антропологический материал: судя по костям погребенных, среди ферганских скотоводов, наряду с людьми местного европеоидного, так называемого памиро-ферганского типа (иначе его называют типом Среднеазиатского междуречья), встречались и метисы, т.е. те же скотоводы, но с более или менее четко выраженными восточными – монголоидными – чертами. Это смешение этнических элементов могло быть и результатом крупных передвижений кочевых племен.

Размещение погребальных памятников ферганских скотоводов свидетельствует о том, что они занимались отгонным (яйлажным) скотоводством, возникновение и развитие которого в Фергане неотделимо от развития оседло-земледельческой культуры: небывалый ранее расцвет земледелия в Фергане того времени обусловил и дальнейшую специализацию скотоводства путем освоения ранее слабо или совсем неиспользованных земель предгорий.

Тесная связь скотоводов ферганских предгорий с населением земледельческих оазисов особенно четко отразилась в инвентаре их погребений и прежде всего в керамике. Значительная часть глиняной посуды, найденной в курганах, представляет собой продукт производства городских ремесленных мастерских и, естественно аналогична керамике оседлых земледельцев из близлежащих оазисов. Таковы фиалги с плоским боком, разные виды горшков и кувшинов, кружки со "звериными" ручками. Идентичны также глиняные пряслица, косметические каменные стерженьки (сурьматаш) и другие мелкие предметы.

Многочисленные находки в ферганских курганах дают представление не только о погребальном ритуале и керамике, но также и о вооружении и одежде скотоводческих племен. Так, в курганах найдены костные накладки от сложных луков, прямые железные мечи и кинжалы, различные железные наконечники стрел, крючья от колчанов. Из деталей одежды и из украшений до нас дошли куски шелковых и хлопчатобумажных тканей, многочисленные железные пражки с подвижным язычком, серьги, бусы, всевозможные подвес-

ки, китайские монеты у-шу. Интересны зеркала, привезенные из Китая или изготовленные в подражание китайским, и местные, в виде простых кружков с петелькой посредине или отверстием для подвешивания, похожие на зеркала сарматских племен, населявших степи Западного Казахстана и Восточной Европы. ~~PDF Compressor Free Version~~ в виде женской фигуры, трактованной в индийской манере. В курганах найдены также многочисленные изделия из дерева: столики, посуда и т.п.

Находки из Ворухского могильника

По своему географическому расположению, по преобладанию того или иного вида погребальных сооружений и по характеру керамики в настоящее время в Фергане выделяется несколько групп памятников скотоводческих племен, из которых каждая характеризуется некоторыми своеобразными чертами. Каждая из этих групп соответствует, по-видимому, тому или иному скотоводческому племени.

Могильники скотоводческих племен известны также в Согде. Они расположены на восточной окраине Бухарского оазиса, в Кызыл-Кумах, в Самаркандской области¹⁷³. Погребальные сооружения здесь – так же как в Фергане – грунтовые могилы, подбой и катакомбы. Однако, наряду с типом катакомб, близких ферганским, есть и иной (камера является прямым продолжением входного коридора), сходный с катакомбами хорезмийских скотоводов. Оружие (мечи, кинжалы, наконечники стрел) и другие находки из могильников Согда роднят их как с бактрийскими (более раннюю группу), так и с чачскими (более позднюю). Однако керамика сходна с согдийской посудой. Расположение этих могильников на границах земледельческих оазисов и наличие ряда черт сходства с курганами скотоводов Ферганы и Чача позволяют предполагать, что и здесь перед нами памятники одного из скотоводческих племен, живших в степи, близ границ земледельческой области.

В отдельную группу памятников, также принадлежавших скотоводам, следует выделить курганы, открытые в Южном Таджикистане¹⁷⁴. Основная часть их расположена в двух районах: Бешкентской и Дангаринской долинах.

В Бешкентской долине, в низовьях реки Кафирниган, у подножья гор Бабатаг исследованы могильники Тулхарский, БМ IV-VII (БМ – Бешкентский могильник), Коккумский, Караджарский, Чайпаракский; у подножья гор Аруктау – Аруктауский.

Аруктауский могильник насчитывал более 300 погребений с небольшими каменными насыпями правильной круглой формы. Под насыпями в большинстве случаев найдены одиночные захоронения в прямоугольных ямах с нишей – подбоем. Погребенный лежал в подбое в вытянутом положении на спине, головой на север, северо-запад или северо-восток. У головы погребенного стояли глиняные сосуды. В ряде случаев здесь же лежали кости барана. В могилах найдены также бусы, серьги, перстни, пряжки. В одном из мужских погребений обнаружены три железных наконечника стрел.

Тулхарский могильник во многом напоминает Аруктауский. Это очень крупный могильник, насчитывающий более 400 курганов с небольшими насыпями, круглыми в плане. Насыпи, однако, в отличие от аруктауских здесь в основном земляные, только сверху обложенные каменной выкладкой. Могильные ямы, как и в Аруктауском могильнике, прямоугольные, с подбоем. Погребенные также лежали в подбое на спине, головой на север. Вместе с покойником в могилах помещались глиняные сосуды, украшения (в том числе золотые), вооружение. Найдены также бронзовые зеркала и различные металлические пряжки. В отдельных случаях вблизи от сосудов лежали бараньи кости.

Могильники БМ IV-VII несколько меньше по количеству курганов (БМ IV – 250, БМ V – 150, БМ VI – 60, БМ VII – 70). Насыпи курганов каменные, небольшие, аморфные или в виде колец. Первоначально представляли собой каменные оградки. Погребения большей частью в подбоях, но есть и в опущенных в землю каменных ящиках. В могильнике БМ IV есть погребение в гробу. Состав погребального инвентаря такой же, как в Тулхарском могильнике: сосуды, оружие (мечи, кинжалы, наконечники стрел), бытовые предметы (пинцет, ножницы, шило, ножи, оселки, зеркала), украшения – перстни, браслеты, бусы, серьги, подвески. Устройство могил с подбоями и отдельные находки сближают курганы Бешкентской долины с погребениями скотоводческих племен других районов, но здесь полностью отсутствуют катакомбы, хорошо известные в других местах. Общий облик керамики свидетельствует о тесных связях с местным (северо-бактрийским) оседлым населением.

Караджарский могильник относится к несколько более позднему времени. Многие погребения этого могильника были разграблены еще в древности, и поэтому обряд погребения и облик погребального инвентаря здесь не столь ясны, как в захоронениях Аруктауского и Тулхарского могильников. Но раскопки позволяют утверждать, что во многом этот могильник отличается от своих предшественников. Погребения в нем совершались на древнем уровне поверхности земли, а не в ямах или подбоях. Курганная каменная насыпь была не круглой, а овальной в плане. И только положение погребенного головой на север и состав инвентаря (глиняная посуда, стоявшая у головы, украшения, оружие и т.д.) свидетельствуют о сохранении отмеченных ранее традиций. Вполне вероятно, что в Караджарском могильнике хоронили своих покойников потомки тех скотоводческих племен, которые оставили после себя подбойные захоронения раннекушанского времени.

Курганные могильники отмечены также в Дангаринской долине в бассейне реки Вахш, по берегу речки Ксиров. Их здесь четыре, но они небольшие. Насыпи каменные, округлые или овальные, есть также каменные оградки. Погребен-

Золотая пряжка со сценой охоты на кабана

ные лежали большей частью в грунтовых могилах (головой на запад или юго-запад) и в подбоях, сделанных, в отличие от подбоев Бешкентской долины, в южной или северной длинной стенке входной ямы. Погребальный инвентарь отчасти сходен с инвентарем Бешкентских могильников: оружие, предметы туалета, украшения. Среди последних интересна подвеска в виде петушка с полудюймовыми привесками и серьги со вставками. Круговая керамика аналогична бешкентской, лепная же своеобразна и типична лишь для Кшировских могильников. Погребальные сооружения этих могильников аналогичны Семиреченским, что позволило автору раскопок высказать предположение об их связи с движением кочажийских племен, отождествляемых им с тохарами.

**Культура Южного
Туркменистана
в I-III вв. н.э.**

Специфический характер носила в кушанский период культура Южного Туркменистана: предгорий Копетдага и Мервского оазиса. В политическом отношении, как мы видели выше, эти районы были связаны не с Кушанской державой, а с Парфянским, и позднее Сасанидским царством, что не могло, конечно, не отразиться на их культуре. Земли по северным предгорьям

ям Копетдага, родина первых Аршакидов, были объектом внимания и забот правящей династии. На поздних этапах истории Аршакидского и в начале Сасанидского царств Мерв, как правило, является оплотом Ирана на востоке.

Благодаря этому южнотуркменистанские районы не подвергались воздействию культуры и политики кушанской правящей верхушки, и в частности, "кушанское письмо" не получило здесь распространения.

Парфянских памятников буддизма наука пока не знает. Известные же по сообщениям некоторых источников отдельные буддисты-парфяне, в том числе парфянский принц, занимавшийся в середине II в. н.э. переводами буддийских текстов, обучались, вероятно, в буддийских центрах Бактрии-Тохаристана или в индо-парфянских владениях¹⁷⁵.

В отличие от остальных среднеазиатских областей в Южной Туркмении (в Мерве) уже в начале III в. появилась, вероятно, христианская община. Но в целом христианство не сыграло в жизни коренных парфянских областей сколько-нибудь заметной роли.

Значительно большее значение, особенно в среде парфянской знати, имело почитание античных божеств, нашедшее отражение и в памятниках искусства, обнаруженных при раскопках в Нисе. Так, полный пантеон "олимпийских богов" изображен на фризах ритуальных ритонов, изготовленных из резной кости. Хотя большинство этих изделий было привезено из античных центров Ближнего Востока и бывших греко-бактрийских земель, их подбор явно свидетельствует об интересе к античной культуре и искусству.

Ведущее значение в поздней Парфии, в том числе и в южнотуркменистанских областях, играли, однако, древние иранские языческие культы, связанные с поклонением "священным стихиям" – огню, земле, воде и воздуху. Почитались здесь также солнце, небо, луна, ветер и т.п. Судя по находкам глиняных фигурок, изображающих женское божество, в Южном Туркменистане при парфянах был широко распространен культ "великой богини-матери", прародительницы животного и растительного мира, покровительницы влаги, с которой в засушливых районах Азии всегда связывалось представление о жизни (этот культ сходен с отмеченным уже выше культом женского божества в остальных среднеазиатских областях). Ко времени Вологеза I принято относить первую попытку парфянских властей объединить эти культы и создать канонизированную "государственную религию", которая по имени пророка Заратуштры (Зороастра) получила название зороастризма. Вологезу I приписывается и первая запись "священной книги" зороастризма – Авесты. Следует, однако, отметить, что, судя по анализу парфянских имен, известных из документов нисийского архива, здесь еще задолго до Вологеза I было распространено поклонение зороастрийским божествам.

В ходе раскопок Старой Нисы здесь был найден огромный хозяйственный архив, который насчитывал более двух тысяч документов, написанных черной тушью на стенках битых глиняных сосудов. Такие документы в античном мире носили название "острака". Нисийские остраки в основной массе представляли собой учетные документы, в которых записывалось поступление вина за тот или иной год из определенных окрестных виноградников. Письмо этих документов, как и других аналогичных надписей, найденных в Южной Туркмении, – арамейское по происхождению, родственное арамейской письменности Ахеменидов и позднейшим согдийскому и хорезмийскому письму.

Некоторое распространение в Южном Туркменистане получили также греческое письмо и язык, на первом этапе истории Парфянского государства

игравшие роль официальной письменности и официального языка всей Парфии. В Южном Туркменистане буквами греческого алфавита и греческими словами пользовались местные мастера, чеканившие одно время монеты в Нисе и Мерве. **PDF Compressor Free Version**

Раскопки в послевоенные десятилетия ряда археологических экспедиций выявили большое число памятников, позволяющих судить о материальной культуре Южного Туркменистана в парфяnsкое время¹⁷⁸.

Открытые в Южном Туркменистане архитектурные памятники свидетельствуют о своеобразном монументальном "парфяnsком стиле" первых веков нашей эры, сочетающем древние местные традиции и творчески переработанные эллинистические мотивы. Как и в остальных среднеазиатских областях, основным строительным материалом здесь служили все те же пахса и крупный квадратный кирпич-сырец. Однако довольно широко применялись и жженые кирпичи; из них сооружались стволы колонн, отдельные арки и другие специальные конструкции. Так же, как и в Бактрии-Тохаристане и частично в Хорезме и Согде, здесь встречались каменные базы деревянных колонн и декоративные плиты. Небольшие помещения перекрывались сырцовыми сводами, более крупные – плоскими деревянными кровлями. Отмечены случаи употребления для покрытия кровли плоской плиточной черепицы античного типа, известной, в частности, по раскопкам античных городов Северного Причерноморья.

Для украшения парадных помещений широко применялись терракотовые и алебастровые капители и плиты с изображениями розеток, листьев аканта, пальметок, львиных морд и т.п. – мотивов, известных в эллинистическом искусстве многих стран древнего мира. Большую роль в архитектуре дворцовых зал играли монументальные глиняные статуи. Стены помещений нередко раскрашивались белой, красной и черной красками.

Интересными памятниками архитектуры позднепарфяnsкой Нисы являются "Квадратный" и "Круглый" залы, построенные значительно раньше, но существовавшие, в значительно перестроенном виде, и в это время. Первый из них (площадью около 400 кв. м и высотой 10-11 м) имел в первые века нашей эры массивные четырехлопастные колонны в центре и приставные колонны вдоль стен, разбитых на два яруса: первый – с гладкими простенками и второй – с крупными глиняными статуями в нишах. Второй (диаметром примерно в 17 м) был оштукатурен белым гипсом. Стены его, как и в "Квадратном" зале, были разделены на два яруса: нижний – совершенно гладкий и верхний – с приставными колоннами и нишами со статуями в простенках.

Керамика Южного Туркменистана, насколько позволяют судить материалы из раскопок в Мерве, в I в. до н.э. – II в. н.э. демонстрирует непрерывную линию развития местных ранних гончарных традиций со все более возрастающими чертами сходства с керамикой других среднеазиатских областей. Керамическое производство Мерва в этот период отличается чрезвычайным разнообразием форм и типов сосудов; среди них наряду со специфическими местными встречаются и такие, которые находят себе близкие аналоги как в западных парфяnsких областях, так и в районах Среднеазиатского междуречья.

В целом, как видно из приведенных выше данных, культура Южного Туркменистана в первые века нашей эры хотя и связана некоторым сходством с культурой других областей Средней Азии, но в то же время и весьма отлична от нее.

Основная часть главы была написана довольно давно и поэтому в ней не отражены археологические и этнографические открытия последних лет. Обзор новых материалов о Средней Азии кушанской эпохи см.: Б.И.Вайсберг, Б.Я.Ставицкий "История и культура Средней Азии в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э.", М., 1994. Эта работа вносит многие уточнения в отдельные данные, приводимые в этой главе. Еще более серьезные коррективы в понимание истории Кушанской державы, ее хронологии и религии внесли новейшие находки в Северном Афганистане. Там, в Рабатаке (недалеко от Сурх Котала) в 1994 году найдена новая надпись кушанского императора Канишки I, которую прочитал замечательный английский иранист Николас Симо-Вильямс; он же, вместе с Джо Криббом, сотрудником Отдела монет и медалей Британского музея, детально прокомментировал написанный "кушанским письмом" (по-бактрийски) текст этой надписи. Вначале ее Канишка представлен как "Великий Спаситель, Праведный, Справедливый, Автократор, Бог, достойный поклонения, получивший царство от Наны и всех богов, положивший(?) начало(?) первому году так, как это нравилось богам". Далее в тексте провозглашается: "И он издал(?) эдикт(?) (по-)гречески, (и) затем переложил его на арийский язык. В первый год было провозглашено в Индии, во всем(?) царстве кшатриев(?)..." о том, что Канишка "подчинил всю Индию (своей) воле". В надписи упоминаются города Сакета, Каусамби, Паталипутра и Сри-Чампа. Правда, не совсем ясно входила ли Чампа во владения Канишки, или этот город лишь находился на восточной границе подчиненной ему огромной территории Северной Индии. Ясно, что вся эта территория входила в состав Кушанской державы уже в 1-й год правления Канишки, т.е. подчинение Северной Индии было осуществлено еще его предшественниками. Замечательно также заявление Канишки, что текст "эдикта" изложен в надписи на "арийском языке", под которым явно имеется в виду язык кушанский верхушки. В употреблении термина "арийский" император следует традиции, запечатленной еще в надписях ахеменидского царя Дария I, который называл этим термином древнеперсидский язык.

Основная часть рабатакского "эдикта" посвящена основанию храма (вероятно, в Рабатаке); в этом храме должны были почитаться Канишка, его отец, дед и прадед, равно как и божества, среди которых названы Нана, Ума, Ахурмазд, Михр, известные по кушанским монетам, и не упоминаемые на монетах Срошард и Нараса. Император, согласно надписи, приказал "изготовить изображения этих богов", а также статуи кушанских "царей: царя Куджули Кадфиза, (его) прадеда; и царя Вимы Такту, (его) деда; и царя Вимы Кадфиза, (его) отца; и также(?) себя самого, царя Канишки. Затем, как царь царей, деванутра... приказал это сделать, Шафар караланг создал это святилище..., и Шафар караланг, и Нукунзак (установили) культ (в соответствии) с приказом (царя). (А что касается) этих(?) богов, (имена которых) написаны выше, – пусть помогут они (сохранить) царя царей Канишку Кушана навечно в добром здравии, невредимого(?) (и) победоносного". Далее текст раванакской надписи поврежден, но Н.Симо-Вильям разобрал в ней фразу: "И деванутра, владыка(?) всей Индии с первого года до тысячного(?)" – что, вероятно, следует трактовать как желание Канишки править не просто "навечно", но и "тысячу лет". Новая надпись Канишки, во-первых, указывает его генеалогию, где он причислен к роду Кадфизов (ранее считалось, что он был основателем отдельной, второй династии кушанских царей); во-вторых, называет имя неизвестного ранее царя, деда Канишки – Вимы Такту, которо-

му теперь могут быть атрибутированы монеты анонимного "Сотера Мегаса": и, в-третьих, упоминает Нукуизука, который позднее строил такой же храм в Сурх Котале (в сурхкотальских надписях он именуется караланг-маркграф, при сооружении храма в Рабатаке он этого титула еще не носил). В целом рабатакские надписи открывают новые горизонты в изучении кушанской истории. Из примерно того же района, что и новая надпись Канишки, происходят и найденные в 1991-1995 гг. рукописные документы, написанные бактрийским (иначе – кушанским) курсивом. Около сотни таких рукописей собраны в частной коллекции Д.Халила в Лондоне, их владелец предоставил на изучение Н.Симс-Вильямсу. Эти документы проливают новый свет на историю Северного Афганистана, а отчасти и правобережья Амударьи (в них, в частности, упоминаются Тармид-Термез). Некоторые из них относятся к кушано-сасанидскому времени. Так, к примеру, один из документов оказался письмом принцессы ("дохшо") Духт-Анош, имя которой известно по печати, хранящейся в Национальной Библиотеке в Париже. Содержание письма полностью не прочитано. Ясно лишь, что речь в нем идет об евнухе ("шабастано") по имени Датхш-Марет ("раб Создателя"). Письмо это относится, скорее всего, к IV в. н.э. В числе документов собрания Халили, по словам Н.Симс-Вильямса, помимо писем хранятся более 20 юридических документов – "контракты, соглашения о продаже и аренде, гарантии, расписки, акты дарения или освобождения", причем если о времени составления писем можно судить лишь предположительно, то в отличие от них все юридические документы датированы (от 342 по 81 гг. н.э.) (См.: N.Sims-Williams, Joe Cribb. A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // Silk Road Art and Archaeology, IV. Kamakura, Japan. 1995/96, p.75-142; Н.Симс-Вильямс Новые бактрийские документы // ВДИ, 1997, №3, с.3-10).

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В IV-V ВВ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

IV-V вв. н.э. были важным этапом в истории Средней Азии. Огромное Кушанское царство в силу внешних и внутренних причин распадается на ряд самостоятельных государств. На юге среднеазиатского региона из его состава выделились Тохаристан и Мерв. Границы Тохаристана во многом соответствовали границам Бактрии – в его пределы входили районы Северного Афганистана, Южного Таджикистана и Узбекистана. На юге нынешней Туркмении располагался Мерв. К северу от них лежал Согд, занимавший территорию по течению рек Зеравшан и Кашкадарья. С востока к Согду примыкала Уструшана, а к ней в свою очередь Фергана, север Средней Азии занимали Чач и Хорезм.

Политические процессы, протекавшие в Средней Азии, сопровождались многочисленными войнами, вызванными внешней агрессией, а также внутренней борьбой за гегемонию в регионе. Средней Азии коснулось “великое переселение народов”. В это время протекают сложные процессы в социально-экономической жизни среднеазиатских народов, формируется яркая и своеобразная культура, получившая расцвет в последующий период. Эту культуру питали античные традиции, важную роль играли и международные контакты Средней Азии с окружающими ее странами, прежде всего с Ираном и Индией.

Внешнеполитическая обстановка в Средней Азии IV-V вв. н.э. Внешнеполитическая обстановка в Средней Азии и прилегающих к ней регионах в IV-V вв. была очень сложной и определялась двумя основными факторами: 1) взаимоотношениями между Кушанским царством и Сасанидским Ираном; 2) присутствием здесь и активной ролью кочевых племен хионитов, кидаритов, эфталитов.

Территория Ирана входила в состав Парфянского царства, которое к началу III в. н.э. потеряло свое былое могущество. В его пределах образовалось множество независимых владений. Правителем одного из них являлся Папак из рода Сасанидов. Сын Папака, Ардашир, став правителем владения, начал энергично расширять его границы. К 220 г. он становится правителем области Парс, затем покоряет несколько княжеств и вторгается в важнейшую область Западного Ирана – Хузистан. В апреле 224 г. на равнине Ормиздахан в Мидии между Ардаширом и парфянским царем Артабаном V происходит решающее сражение. Царское войско было разгромлено, а Артабан V погиб в бою. В 226 г. Ардашир вступает в Ктесифон и объявляет себя царем Ирана. На смену Аршакидам приходит династия Сасанидов (226-651 гг.), сыгравшая важную роль в истории этой страны². Наибольшего расцвета Сасанидское государство достигло при Хосрове Ануширване (531-579 гг.). На западе оно включало Йемен,

на востоке его границы простирались до Гиндукуша и южных районов Средней Азии, в состав иранского государства входили также Армения, Азербайджан и Грузия. Сасанидская держава не раз испытывала трудности из-за внутренних и внешних конфликтов. В течение своей более 400-летней истории она являлась в целом сильным централизованным объединением. Погибло Сасанидское государство в результате арабского завоевания.

Главой Сасанидского государства являлся шаханшах (царь царей), обязательно происходящий из рода Сасанидов. Большую роль в политической и экономической жизни Ирана играли старинные знатные иранские роды Суренов, Каренов, Варазов, Спандиад, а также представители новой знати, выдвинувшиеся при Сасанидах. Влияние знати – вузурган – на судьбу иранского государства особенно возросло в IV-V вв. Из ее числа формировалась высшая государственная администрация, во главе которой стоял хазарпат или вузург-фрамадар. Знати принадлежали крупные имения – дасткарты, на нее работало большое число рабов. Так, Михр Нарсе, возглавлявший правительство при Бахраме V (421–439 гг.), носил прозвище Хазарбандак – “имеющий тысячу рабов”³. Многочисленной была служивая знать – азаты, она составляла основную часть конного войска. В социальной структуре государства Сасанидов значительная роль принадлежала большесемейной домоводной общине⁴. Пожалуй, на самой нижней ступени иранского общества стояли рабы. Основной их контингент состоял из военнопленных; существовало также наследственное рабство и самопродажа в рабство. Из письменных источников известно, что средняя цена взрослого мужчины-раба равнялась 500 драхмам⁵.

Государственной религией Ирана был зороастризм. Во главе зороастрийского жречества стоял верховный жрец – мобедан мобед. Он также являлся духовным наставником царя и наследника престола. Существовало три крупных религиозных центра и множество провинциальных⁶. Постепенно зороастрийское жречество стало играть в жизни государства все большую роль, что приводило его к конфликтам с шаханшахом. На территории Ирана исповедовались и другие религии: христианство, иудаизм, манихейство. Отношение к ним со стороны центральной власти было различным – терпимость сменялась гонениями, разрушением храмов, истреблением людей другой веры.

Города Ирана являлись средоточием ремесленного производства и торговли. Отдельные отрасли ремесла возглавляли мастера – администраторы. Центром текстильного производства была провинция Хузистан; в городах Ахваз и Шуптер (Тустар) выделялись шелковые ткани. Ремесленники производили также различное оружие, металлическую и керамическую посуду, каменные печати и др. Имелись специальные царские мастерские, в которых изготавливались высокохудожественные золотые и серебряные пиришественные сосуды и другая утварь. Иран торговал со многими окружающими его странами, в том числе со Средней Азией. Иранские купцы для покупки ценных тканей мехов добирались даже до пермского региона. Очень велико художественное наследие Ирана эпохи Сасанидов. До нас дошли развалины величественных дворцов, храмов, вызывающие восхищение скальные рельефы, прославляющие охотничьи и ратные подвиги царей, и многое другое⁷.

Взаимоотношения между Кушанским царством и Сасанидским Ираном всегда были непростыми, часто выливавшимися в войны, проходившие с переменным успехом. При Шапуре I (243–273 гг.) кушанам был нанесен ряд поражений, явившихся причиной ослабления их царства и постепенного его распада. Шапур II (в 367–368 гг.) пытался завоевать кушанские владения в

Афганистане, но оба раза иранцы потерпели поражение. Б.Г.Гафуров видел причину неудачи Шапура II в том, что в этих войнах против него сражались не кушаны, а кидариты, хиониты или, возможно, те и другие совместно⁸.

В восточной политике у иранцев в этот период были и успехи. Так, в середине III в. Шапур II сумел подчинить себе в какой-то мере хионитов, которые участвовали на его стороне в войне с римлянами. Затем, видимо, с помощью какой-то части хионитов, попавших в зависимость от Сасанидов, Шапуру II все же удалось захватить Южную Бактрию. То, что письменные источники того времени часто называли хионитов кушанами, имеет свое объяснение. Занимая территорию Кушанского царства, они еще мало были известны народам окружающих стран. Кушане же были известны хорошо, поэтому их этноним был перенесен и на хионитов.

Свидетельством завоеваний иранцев на востоке отчасти стал выпуск кушано-сасанидских монет. Относительно даты их выпуска мнения исследователей разделились. Сторонники ранней датировки монет ссылаются на надпись Шапура I на "Каабе Зороастра", датированную 262 г., в которой сообщается о том, что в состав Иранской державы вошли "Хиндустан, Кушаншахр вплоть до Пешавара и дальше до Каша, Согда и Чачских гор". А.Д.Х.Бивар считает, что незадолго до вступления Шапура II на престол около 230 г. была подготовлена основа чекана серий кушано-сасанидских монет⁹. Ж.Гибб, вслед за А.Д.Х.Биваром, начинает отсчет кушано-сасанидских правителей от Шапура I или от Ардашира (I-II?)¹⁰. В.Г.Луконин критически относился к содержанию надписи на "Каабе Зороастра" и считал, что "включение "Кушаншахра" в состав Иранской империи могло обозначать лишь претензию Шапура I на господство", он полагал, что кушано-сасанидские монеты выпускались с 380 г. до 430-440-х годов¹¹. Сходную датировку начала выпуска кушано-сасанидских монет предлагает Р.Гёбль – 371-385 гг.¹² В настоящее время большее число исследователей придерживается более ранних датировок кушано-сасанидских монет.

В конце IV – начале V в. Кидара, сумевший объединить противников Сасанидов, вытеснил их отряды из пределов Южной Бактрии. Йездигерд II (438-457 гг.) продолжил завоевательную политику своих предшественников на Востоке. По сообщению армянского историка Египше Вардапета, он совершил три похода, первые из которых были направлены в районы Южного Прикаспия, видимо, против хионитов. Они закончились победой иранцев над одним из местных царьков племени Чол. В 450-451 гг. Йездигерд II совершил также успешный поход в Хорасан: "Собрал он рать в неисчислимом множестве, и, отправив ее, достиг страны Талакан. Когда увидел это царь кушанов, не решился выступить войной навстречу ему, а, обратившись в бегство в сторону неприступной пустыни, укрывшись, спасся вместе со своим войском. А этот (Йозкерт) совершил набеги на области, места и местности, захватывал много замков и городов, накоплял пленных, награбленную добычу и доставлял (все это) на землю своего господства"¹³. В данном случае речь скорее всего идет о Таликане, расположенном в Тохаристане, потому что Йездигерд II возобновил практику назначения кушаншахами наследников сасанидского престола. При нем кушаншахами были царевичи Хормизд и Пероз¹⁴.

Успехи первых походов позволили Йездигерду II в 453-454 гг. продвигаться еще дальше на восток, но на этот раз его армия, очевидно, впервые столкнулась с эфталитами и потерпела поражение. При этом эфталиты вторглись в пределы Сасанидской державы и произвели там опустошения. В

сочинении Египте так говорится об этих событиях: "... в это самое время пришла тяжелая весть с Кушанских краев, что отделился вражеский отряд, который выступил и разорил многие царские области..."¹⁵.

При PDF-Compressor Free Version
При Перозе (457-484 гг.) война с эфталитами приняла затяжной и ожесточенный характер. Во время борьбы за шахский трон (457-459 гг.) Пероз опирался на помощь эфталитов, что и решило исход междоусобной войны в его пользу. В благодарность за это Пероз отдал эфталитам восточную часть Тохаристана. Однако затем иранский шаханшах резко меняет отношение к эфталитам и предпринимает три попытки разгромить их. Во время первого похода Пероз попал в плен к эфталитам, откуда его выкупил византийский император Зенон. Во время второго похода он вновь попадает в плен, и Иран вынужден выплачивать эфталитам огромную контрибуцию – 30 мулов, нагруженных серебряной монетой. Иранская казна оказалась не в состоянии ее выплатить, поэтому эфталиты оставляют у себя в качестве заложника сына Пероза, будущего шаханшаха Ирана – Кобада. Во время военных действий эфталиты вторглись в Иран и произвели страшное опустошение в стране, после чего: "... в мирное даже время никто не мог мужественно и без страха смотреть на эфталита или даже слышать о нем без ужаса..."¹⁶. Несмотря на недовольство войска и придворных вельмож, Пероз выступил в 484 г. в третий поход. Моральное состояние иранской армии, участвующей в этом походе, очень точно охарактеризовал Лазар Парпеци. "Пероз выступил в поход, но войско его шло скорее подобно приговоренному к смерти, чем как на войну"¹⁷. Эфталитский царь предостерег Пероза от войны и напомнил ему о его обещании не переходить границу, но Пероз вел себя очень вызывающе и ответил эфталитскому царю следующее: "Частью этого многочисленного войска, которое вы видите здесь, я буду воевать с вами и истреблю вас, а другой половине прикажу носить землю из страны вашей и наполнить ею часть море, частью ров, который вы вырыли"¹⁸. Однако, по сообщению Прокопия Кесарийского, именно в этом, наполненном водой и тщательно замаскированном рву, Пероза и его четырех сыновей постигла бесславная смерть. Эфталиты во время решающего сражения применили тактику мнимого отступления, и заманили противника в ловушку. "Персы, не подозревая никакой хитрости, погнались опрометью за неприятелем по совершенно гладкому полю и, стремясь с яростью, попали в ров не одни скакавшие впереди, но и ехавшие сзади, ибо они в своей запальчивой погоне не заметили бедствия, уже постигшего передовых. Наскакивая на них верхом с копьем, они не только их убивали, но и самих себя убили"¹⁹. После этого эфталиты захватили Мерв и наложили тяжелую дань на Иран, которую страна выплачивала им в течение двух лет. Эта победа позволила эфталитам завоевать до конца V в. почти весь Южный Тохаристан. Преемник Пероза, шах Кобад (484-533 гг.), видимо, сумел в какой-то мере стабилизировать политическое положение Ирана. С помощью эфталитов он победил в 498 г. в междоусобной войне брата Джамаспа. За это он передал им Чаганиан. Значительная часть Северного Тохаристана еще оставалась под властью иранского шаханшаха, который превратил в царские города Земм, Термез, Кабадиан. К началу VI в. эфталитам все же удалось подчинить себе почти всю Среднюю Азию, они доминировали здесь примерно половину столетия.

В течение всего этого времени Ирану приходилось вести войну на два фронта – на востоке с кушанами, хионитами, хидаритами и эфталитами, на западе – с Римом. В середине IV в. в Иран вторглись гунны. Источником по-

стоянной напряженности для Ирана являлось и Закавказье, где не утихла освободительная борьба. Все это облегчало народам Средней Азии ведение войны против экспансии Ирана. В конце V в. Иран приостановил военные действия на Востоке. Причиной этого явилось в целом очень тяжелое положение страны после неудачных войн Пероза, высокие налоги, установленные государством для пополнения казны, оскудевшей в результате выплаты контрибуции эфталитам, голод, поборы чиновников. Одной из причин напряженности в иранском обществе являлось наличие огромных гаремов у знати, не позволяющих многим простым людям иметь свои семьи. Все это создавало в стране взрывоопасную ситуацию. В такой обстановке большой успех у простого народа имели проповеди Маздака, требовавшего всеобщего равенства, справедливости. Шах Кобад, стремящийся к ослаблению иранской знати и жречества, поддерживал восставших. Во время голода он по совету Маздака открыл для народа государственных хлебные амбары, принял меры для ограничения гаремов знати. Из некоторых источников известно, что "людям пришлось много претерпеть от маздакитов, положение которых настолько упрочилось, что они могли врывать в дом человека и отбирать у него жилище, жен и достояние"²⁰. Движение под руководством Маздака приняло в Иране широкие масштабы. Однако жречеству и знати удалось постепенно изменить ситуацию в свою пользу. Кобада низложили и заключили в темницу, откуда он бежал к эфталитам. Здесь Кобад женился на дочери царя Ахшунвара, "приободрился, породнившись с царем, и, плача перед ним ежедневно, просил его дать ему войско в помощь, чтобы он пошел истребить знать и утвердиться в своем государстве". Помощь ему была оказана. При наступлении эфталитского войска ставленник иранской знати Замашп бежал, и Кобад вновь занял престол. После этого он подавил восстание Маздака, который был схвачен и подвергнут мучительной казни – подвешенного вниз головой, его расстреляли из луков. Окончательно покончил с маздакитским движением сын Кобада Хосров. Итогом этого движения явилось восстановление власти шаханшаха в стране, а также усиление средних землевладельцев, поддерживающих его²¹.

Внутриполитическая обстановка

В Средней Азии внутриполитическая обстановка в IV-V вв. была также осложнена непрерывными военными действиями, ведущимися на ее территории и

дроблением государств на мелкие владения. Имеющиеся письменные источники и характер материальной культуры позволяют говорить о том, что процесс политической раздробленности протекал в Средней Азии неравномерно. Согд, например, уже состоял из отдельных владений: Самарканда, Бухары, Иштихана, Кабудана; в V в. возник Пенджикент – центр самостоятельного владения, в Каршинском оазисе находились владения Нахшеб и Кеш. В Тохаристане деления на отдельные владения еще не произошло, та раздробленность, которую здесь застал в первой половине VII в. буддийский паломник Сюань Цзан, начала складываться в государстве, видимо, в VI в.²²

Этническая история Средней Азии

В IV-V вв. н.э. этническая история примечательна тем, что в ней начинают играть активную роль новые группы кочевников – хионитов, кидаритов, эфталитов,

политическая активность которых была связана с движением из районов Центральной Азии на запад гунинов. Часто сведения о названных выше племенах, сохранившиеся в письменных источниках, очень краткие, иногда путанные и противоречивые.²³

Учитывая сообщения письменных источников и имеющиеся археологические материалы, большинство исследователей локализует первоначальное место их обитания в северной части Приаралья. Столкнувшись с гуннами, они вынуждены были покинуть приаральские степи и двинуться на юг. Значительно усилившись в середине IV в., хиониты овладели землями кушан. Столицей их стал Балх. Дальнейшая гегемония хионитов была приостановлена Сасанидами, которым они стали подвластны. В 359 г. Аммиан Марцеллин, находясь в числе заключенников Амиды, наблюдал хионитов со стен города, осаждаемого объединенным войском, возглавляемым шаханшахом Шалурум II. Боевыми действиями хионитов и подвластных им племен здесь непосредственно руководил царь Грумбат, которому было также доверено ведение переговоров с осажденными римлянами²⁴. Позже хиониты сумели вернуть себе независимость и нанесли сильное поражение Шалуруму II, пытаящемуся продвинуться на восток. К.В.Тревэр полагала, что в 70-е годы IV в. они достигают наибольшего могущества. Политическое положение хионитов ухудшилось после того, как в среднеазиатском регионе стали доминировать кидариты, а затем эфталиты. Последним они подчинились, об этом свидетельствуют, в частности, легенды на эфталитских монетах. Вместе с тем, на наш взгляд, это не дает права отождествлять хионитов с эфталитами, как это сделали Р.Гиршман и вслед за ним некоторые другие исследователи²⁵.

Касаясь этнической принадлежности хионитов, автор придерживается мнения тех ученых, которые свигают их потомками приаральских массагетов²⁶. Внешне они отличались от монголоидных гуннов, "хотя в их именах есть общий корень и на связь их между собой источники указывают постоянно"²⁷. Данная связь была вызвана, видимо, тем, что хиониты какое-то время непосредственно соприкасались с гуннами, и это не прошло для них бесследно. Аммиан Марцеллин, видевший сына Грумбата у стен Амиды, специально подчеркнул, что он "высоким ростом и красотой... превосходил своих сверстников".

Первоначально обитали, очевидно, в Восточном Туркестане. Их переселение в Среднюю Азию было вызвано активными этническими передвижениями, происходившими в Центральной Азии в IV в. н.э. В Бей-ши говорится о том, что "владелец Большого юэжжи имеет пребывание... по смежности с жужаньцами на севере, отчасти терпел нападения от них, почему перенес свой двор далее на запад в город Балх за 2100 ли от Фуджиши. После чего храбрый юэжжийский государь Цидало перешел со своими войсками через большие горы, напал на Северную Индию и покорил пять государств, лежащих от Гангало к северу"²⁸. Возможно, во время начала своего переселения кидариты разделились на две части: большая часть их ушла в Северо-Западную Индию, а меньшая – в Среднюю Азию. Локализацией столицы среднеазиатских кидаритов занимался С.К.Кабалов, который пришел к выводу о том, что она располагалась на месте крупного городища Еркурган в долине Кашкадары, но не в Балхе²⁹. Эту идею поддержал Л.Н.Гумилев³⁰. Однако широкого признания среди ученых она не получила. Скорее всего, столица среднеазиатских кидаритов располагалась в Балхе, а в Каршинском оазисе, возможно, обитала какая-то их группа.

Относительно датировки завоевания кидаритами Северной Индии среди ученых единого мнения нет. Так, К.Енокс, полемизируя с М.Ф.Мартинном³¹, считает, что время правления Кидары нужно отнести не ко второй половине IV в., а к V в., потому что монеты его чекана подражают не монетам Шалуру, а монетам Бахрома V (420-438 гг.). Соответственно правление сына Кидары в

Пешаваре он относит до 451 г. На основании сведений, содержащихся в китайских источниках, К.Еноки датирует захват эфталитами области Гандхары между 477 и 520 гг. Во всяком случае Сон Юн, посетивший Гандхару в 520 г., отметил, что здесь уже правили два эфталитских царя, сменивших один другого²³. А.Биснас, детально анализировавший индийские источники, датирует захват Гандхары Кидарой после 328 г., на основании совместных находок на тере Маранджан в Афганистане скифатных монет Варахрана I, монет Кидары и Шапура II (309-379 гг.). Вторжение эфталитов в эту область он относит к промежутку времени между 454-465 годами²⁴.

При рассмотрении вопроса об этнической принадлежности кидаритов необходимо учитывать сведения китайских источников об их родстве с эфталитами. Н.Пигулевская полагала, что "хиониты, кидариты и эфталиты принадлежали одному этническому типу, но составляли разные орды с различными племенными названиями"²⁴. Сходное мнение принадлежит А.Ю.Якубовскому, который считал, что белые хуны, хиониты, кидариты и эфталиты относятся к родственным между собой племенам²⁵. В Индии кидаритов называли белыми гуниами, отделяя тем самым от истинных гунов. Не исключено, что кидариты происходили с территории Восточного Туркестана и, вероятно, являлись потомками юэчжей, большая часть которых передвигалась на юг перед штурмом Греко-Бактрии во II в. до н.э. Ко времени прихода в Среднюю Азию, а затем в Северную Индию, они могли быть подвергнуты незначительной монголоизации.

Эфталиты

Данных об их происхождении сохранилось гораздо больше, чем о происхождении хионитов и кидаритов. Несмотря на это, многолетние дискуссии не привели исследователей к единому мнению в этом вопросе. Взгляды некоторых советских ученых на происхождение эфталитов складывались под влиянием мнения С.П.Толстова, который считал, что в низовьях Сырдарьи, на основе местных и пришлых компонентов сложилось хионитско-эфталитское государство и сформировалась новая культура²⁶. А.Н.Бернштам называл это мнение плодотворным и полагал, что "северная группа племен гунов (к которым, быть может, следует отнести джунскую культуру Ташкентского оазиса, отчасти Кенкол) скрещивается с сармато-аланским населением Сырдарьи". При этом А.Н.Бернштам выдвинул собственную идею о том, что "скрещение гунов с кумедями на юге в Чон-Алае и сармато-аланами по Сырдарье создает два центра образования эфталитов"²⁷. К.В.Треввер была согласна с мнением С.П.Толстова о том, что эфталиты, как и хиониты, на раннем этапе своего развития подверглись незначительному смешению с гунами²⁸. Н.Пигулевская связывала эфталитов с белыми гунами, отдельные группы которых стали известны под новыми названиями, как, например, "эфталиты, кидариты". А.М.Мандельштам, вслед за Р.Гиришманом, отождествлял эфталитов с хионитами, полагая, что эфталиты во время существования их государства "в значительном количестве обосновались на территории Бадахшана, где продолжали вести кочевой образ жизни"²⁹. Б.А.Литвинский, как и К.А.Иностранцев, полагает, что в сложении эфталитских племен существенную роль сыграло население предгорных районов Ферганы, хоронивших своих родственников в курумах и курганах³⁰.

Проблема происхождения эфталитов рассматривалась также в обобщающих трудах по истории Таджикистана и Узбекистана. Так, Е.Е.Неразих, суммировав имеющиеся сведения об эфталитах, пришла к мнению о том, что "орда завоевателей, появившаяся в середине VI в. н.э. на территории Средней

Азии, представляла собой обширный конгломерат племен, находившихся примерно на одном уровне социально-экономического развития, но разнообразных по происхождению, а также различных в этническом и языковом отношении. Затем в его состав были включены и многие кочевые и оседлые племена Согда и других областей. Весь этот этнически пестрый конгломерат стал называться именем правящего рода⁴¹. А.Ю.Якубовский считал эфталитов потомками геродотовых массагетов⁴². Детально проблема происхождения эфталитов рассмотрена в работе Б.Г.Гафурова "Таджики", при этом им был сделан вывод о том, что "критическое рассмотрение существующих гипотез заставляет нас отнестись с большим сомнением к возможности в данный момент даже не окончательно, а хотя бы со значительной долей вероятности решать вопрос о месте сложения эфталитов. Что же касается их этнической принадлежности, здесь картина более ясна: эфталиты сложились на базе каких-то среднесизиатских, восточноиранских по языку племен с определенной примесью тюркских этнических элементов"⁴³.

Большое внимание вопросу о происхождении эфталитов уделил Л.Н.Гумилев. Для разработки своей версии он привлек топоним "Ефталъ", "Яфталъ", название области, расположенной в Бадахшане, на левом и правом берегах реки Пяндж. Этот топоним Л.Н.Гумилев связывает с местом обитания эфталитов: "Итак, территория эфталитов точно локализуется в горной стране вокруг Памира, и нет никакой надобности выводить их из стран отдаленных"⁴⁴. Он также полагает, что одним из предков эфталитов было племя Байди, жившее в древности на границе с Китаем. "В кушанское время I-II вв. одна из ветвей этого племени Хуа поселилась в долине Ефталъ, получила новое имя: Йсада (китайское), ефталиты (греческое), хайталь (арабское) от названия долины или от имени первого вождя. В конце IV в. это уже организованное племя, а в начале V в. – государство с претензией на гегемонию во внутренней Азии и Индии. Такое расширение происходит за счет объединения всех горных племен Памира и Гиндукуша, что связано с расширением понятия эфталит"⁴⁵.

Из зарубежных ученых значительный вклад в изучение происхождения эфталитов сделал К.Еноки, детально изучивший китайские источники. Одновременно с Л.Н.Гумилевым, но исходя из данных китайских источников, он выдвинул идею бадахшанского происхождения эфталитов, помещая первоначальное место их обитания в области Ги-мо-та-ло в Западном Бадахшане. К.Еноки также обратил внимание на топоним Ефталъ (Яфталъ), сохранившийся в нынешнем Бадахшане, и привел его в качестве одного из аргументов в пользу своей теории. Время возвышения эфталитов относится им к 456-457 гг., когда они направили первое посольство к китайскому двору. Второе посольство последовало в 507 г., с этого времени до 531 г. в Китай было направлено от эфталитов 13 посольств. Укрепившись, эфталиты приступили к завоеванию обширных территорий в Средней Азии и Северной Индии. Между 467 и 473 г. они захватили Согд. Затем направили свои походы на юг и между 477 и 520 г. завоевали Гандхару, вытеснив оттуда хидаритов. В 490 г. эфталитские отряды появились в районе Урумчи⁴⁶. Между 497 и 509 гг. они захватили Карашар, подчинив практически весь Восточный Туркестан. На Западе они успешно противостояли Сасанидам.

Таким образом, к началу VI в. под властью эфталитов оказалась громадная территория. Первоначально эфталиты были кочевниками. В хронике Захарии Ритора сообщается о том, что они, как и другие кочевые народы,

“живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьями и оружием”⁴⁷. Затем эфталиты начали постепенно переходить к оседлому образу жизни, селиться в горах, поэтому неудивительно, что в разных источниках они именуется и кочевниками и жителями городов. Столицей эфталитского государства был Балх. По общепринятому мнению, эфталитское государство не было прочным. Очевидно, верно мнение о том, что эфталиты удовлетворялись податью, не оказывая особенно глубокого воздействия на жизнь находившихся под их властью народов⁴⁸. Во многом их господство в Средней Азии держалось на военной силе, поэтому среднеазиатское население не поддерживало их в борьбе против тюрков. Характерно в этом смысле поведение согдийцев, которые накануне прихода тюрков плакали, но сражаться с ними не хотели. Просуществовав около полувека, эфталитское государство сыграло значительную роль в истории Средней Азии. После разгрома его тюрками и Сасанидами, эфталиты сохранили независимость, очевидно, только в коренных своих землях, где существовало небольшое буферное государство.

Довольно сложным является вопрос об этнической принадлежности эфталитов. Эта сложность заключается отчасти в том, что эфталитские цари, судя по арабским источникам и монетным легендам, носили типично тюркскую титулатуру: тегин, хакан⁴⁹. Вместе с тем, изображенные на монетных кружках эфталитские цари выглядят ярко выраженными европеоидами⁵⁰. Титулатура эфталитских царей дала повод некоторым исследователям считать эфталитов тюркоязычными. Однако это, видимо, объясняется тем, что эфталитские цари заимствовали титулатуру у вождей какого-то тюркского племени, может быть, входящего в конфедерацию племен, которую они возглавляли. О том, что такая конфедерация существовала, говорит хотя бы тот факт, что в письменных источниках упоминаются красные и белые хионы – эфталиты. Проконий Кессарийский, характеризуя эфталитов, отмечал: “Хотя эфталиты народ гуниского племени, но они не смешаны и не сносятся с известными нам гуинями, ибо ни смежной с ними области у них нет, ни вблизи от них не живут... Изю всех гуинов они одни белы телом и небезобразны лицом, образом жизни они также не похожи на других гуинов и не живут, как те, по-скотски; но состоят под управлением одного царя, составляют благоустроенное гражданство, наблюдая между собой и соседями справедливость не хуже римлян или кого другого”⁵¹.

Возможно, эфталиты являлись потомками памирских саков, живших не только в Бадахшане, но и в примыкающих к нему регионах. Гуины своими завоеваниями произвели на современников такое сильное впечатление, что древние авторы отождествляли с ними некоторых других кочевников, эфталитов в том числе. Та часть эфталитов, которая осталась в коренных своих землях, долго сохраняла привычный образ жизни. Поэтому Сон Юн, побывавший в Вахане в 519 г., и Сюань Цзан, посетивший Тохаристан в 639-645 гг., отмечали, что эфталиты являются кочевниками. Часть из них постепенно перешла к оседлости. Византийский император Юстин спросил у тюркских посланников: “Всю ли эфталитскую силу вы подчинили себе?” – “Всю”, – отвечали посланники. Государь: “Как жили эфталиты, в городах или в селениях?” Посланники: “Это племя, государь, живет в городах”. “Итак – отметил император, – ясно, что вы овладели их городами”. “Так точно”, – отвечали они”⁵². Эфталитское общество было классовым. Об этом говорят сведения: “умерших из богатых домов погребают в каменных склепах, а бедных зарывают в выкопанных могилах”⁵³. Богатые эфталиты носили шелковые одежды,

бедные – шерстяные. Очень строго эфталиты наказывали тех, кто совершал кражу – их ждала смерть. У эфталитов была распространена полиандрия. В Бей-ши говорится о том, что “братья имеют одну жену. Жена мужа, не имеющего братьев, т.е. одномужняя, носит шляпу с одним углом; многожняя умоляет много углов по числу братьев; на одежине нашивает такое же число кистей”⁵⁴. Современники считали эфталитов хорошими воинами, оружие у них было ближнего и дальнего боя, прославились они умелым применением палицы, когда сражались в составе иранского войска под Эдессой. Судя по тому, что буддизм при эфталитах не получил в Средней Азии развития, они не были буддистами, а почитали своих богов, в частности, бога огня⁵⁵.

Города и поселения Трудности, которые испытала Средняя Азия при переходе к раннему средневековью, коснулись разных сторон жизни населявших ее народов. Но наряду с этим происходили и положительны процессы, в частности, те, которые касались города. В научной литературе преобладает мнение о том, что произошел резкий упадок городской жизни. Отчасти это мнение сложилось под влиянием выводов, сделанных в свое время С.П.Толстовым и М.Е.Массоном на основании раскопок 40-х годов городских поселений в Хорезме и Южной Туркмении⁵⁶. В частности, они отметили, что происходило сокращение площадей некоторых городов, другие города были вообще заброшены. Это представление было связано с тем, что в начале археологического изучения Средней Азии специалисты не имели достаточно данных для решения этого важного вопроса. Однако это мнение было позже поддержано Е.Е.Неразик в предыдущем издании “Истории таджикского народа”, а совсем недавно Т.Д.Аннаевым⁵⁷. Представляется, что эти исследователи правы в одном, а именно в том, что бурные события рассматриваемой эпохи, безусловно, отразились на эволюции городских поселений. Многие из них подверглись разгрому и опустошению. Однако нельзя отрицать и того, что в это время начала формироваться новая городская культура, получившая развитие в VI-VII вв.

В этом смысле показателен Пенджикент, основанный в V в. на месте более древнего поселения. Первоначально площадь города достигала около 8 га, он был спланирован по единому замыслу и застраивался по плану. Исследователи Пенджикента установили, что в основе его уличной системы лежал модуль 53,8 м и его половина – 26,9 м. В эту сеть вписаны храмы, жилые дома. Город имел развитую фортификационную систему⁵⁸. Интересно и результаты раскопок другого согдийского города – Пайкенда. Раннесредневековый город начинает расширяться, а в V – начале VI в. он приобретает трехчастную структуру. Площадь города достигает 18 га, его уличная сеть имела правильную структуру⁵⁹. Двухчастной в раннем средневековье была Бухара. Собственно город имел прямоугольную форму, площадь его была равна около 21 га. О.Г.Большаков, восстановивший план города, выделил пять широтных и девять меридиональных магистралей, пересекающихся под прямым углом. Кварталы имели прямоугольные очертания 130-140 x 45-50 м. Имелось семь ворот⁶⁰.

Судя по результатам археологических раскопок, не переживал упадка и тохаристанский город. По некоторым подсчетам, на территории Чаганиана и Термеза на одно городское поселение приходилось семь-восемь сельских. Значительное число городов развивалось в границах более ранних городских поселений⁶¹. Таким, например, является Зартепа в Термезском оазисе, площадь его достигает 16,9 га. В центральной части города раскопками вскрыт дворцово-храмовый комплекс, состоящий из двух крупных (13 x 9,3 м; 17,6 x

9,2 м) залов, открывающихся входами в сторону обширного двора. В одном из залов найдены обломки глиняных скульптур, покрытых алебастровой обмазкой и позолотой или окрашенных в красный цвет. В другом раскопе вскрыты строения жилого квартала на большей площади. Квартал по оси разделялся на ряды, прямыми углами подходили переулки. Жилая и хозяйственная застройка дома состояла из 5-6 помещений. В интерьере помещений имеются суфы, ниши, стены. Стены парадных и культовых помещений тщательно оштукатурены и покрыты слоем алебастра. Судя по планировке этой части города, его застройка носила регулярный характер⁶².

Другим городским центром Северного Тохаристана было Яванское городище. Оно располагалось на месте кушанского города, площадь которого равнялась 35 га. В его плане выделяются цитадель и собственно город. Значительные по объему раскопки, произведенные на цитадели города, вскрыли серию небольших домов, скомпонованных в блоки и разделенных между собой узкими переулками. Стены домов возведены из пахсы и сырцового кирпича плохого качества, покрыты ганчевой обмазкой поверх глиняной штукатурки. Для отопления помещений здесь использовались очаги⁶³. В хозяйственных помещениях найдены хумы для хранения продуктов и воды, большое количество столовой посуды хорошей выделки.

В Средней Азии существовала развитая система сельских поселений. В этом смысле интересную картину дает Бешкентская долина в Кабадианском оазисе на юге Таджикистана. В IV – начале V в. здесь обживаются не только поселения кушанского времени, но и возникает серия новых поселений. Обследованные поселения имеют площадь от 0,2 до 0,6 га. Наиболее полно изучено поселение Актепа II, которое имеет полную застройку из крупных многокомнатных домов-блоков, разделенных между собой узкими, шириной около 1 м, глухими переулками. Образующим ядром домов, видимо, являлись небольшие дворники. Сами помещения имели прямоугольную или трапециевидную в плане форму, площадь их равнялась обычно от 5,0 до 14 кв.м, но встречаются помещения площадью до 18-20 кв.м. Стены помещений были сложены в основном из квадратного сырцового кирпича, покрыты глиняной штукатуркой и ганчевой побелкой. Вдоль стен располагались суфы для сидения и сна. Имелись ниши для хранения домашней утвари. Помещения обогревались очагами открытого типа и тонурами, в которых обитатели могли также готовить пищу. В юго-восточном углу поселения располагалось святилище, состоящее из обходного коридора и серии небольших помещений⁶⁴.

Хорошо изучены сельские поселения в Сурхандарьинской долине на юге Узбекистана. Крутные поселения, как правило, состоят из двух частей: цитадели и собственно поселения, общая площадь их достигала 5 га. Цитадель являлась резиденцией феодала, а вокруг селились подвластные ему слуги и крестьяне. С внешних сторон поселение было обнесено оборонительной стеной. Типичным поселением этого типа является Зантеппа в Сурхандарье, оно квадратное в плане (150 x 150 м). В северо-западном углу поселения располагалась цитадель, возвышавшаяся на 10-метровой платформе над постройками крестьян. По периметру цитадель была обнесена оборонительной стеной, фланкированной на углах мощными башнями. Гладь стен и башен была рассечена стрелковыми бойницами. Внутри цитадели располагались жилые, хозяйственные и парадные помещения⁶⁵.

Интересный материал для характеристики сельских поселений Тохаристана получен японскими исследователями при раскопках поселения Чака-

лактапа на территории Северного Афганистана⁶⁶. Планировочная компоновка жилых кварталов этого памятника практически аналогична компоновке кварталов кабадианского поселения Актепа II. Большое сходство имеет и материал отделки внутренних помещений, прежде всего керамика.

Характерными для сельского пейзажа Тохаристана становятся феодальные замки. Один из них, Кучуктепа, раскопан Т.Д.Аннаевым в Термезском оазисе. В плане этот замок имеет квадратную форму (26 x 26 м), он сооружен на пахсовой платформе высотой около 3 м. Первоначально замок был двухэтажным, второй этаж до наших дней не сохранился. Внешние стены помещений одновременно являлись оборонительными. Имелся большой двор; стена, выходящая наружу, была в нескольких местах прорезана бойницами. С внутренней стороны вдоль стен шел коридор, служивший стрелковой галереей и помещением для хранения. Коридор на помещении разделялся пилонами центральным помещением первого этажа является зал (6 x 3 x 9,3 м) с П-образной системой суф. Имелось еще несколько узких помещений, облегчавших возведение второго этажа⁶⁷.

В Фергане, где обнаружено много сельских поселений, полностью раскопана усадьба Кайрагач. Во время раскопок выявлено несколько строительных этапов, в течение которых производилась перепланировка усадьбы, но во все периоды жизни ее территория была застроена небольшими помещениями, образующими блоки разной величины. Часть помещений группируется вокруг квадратного двора, ориентируясь в его сторону входами. В центре помещения располагалось небольшое святилище. В главном его помещении, вдоль одной из стен, располагался постамент, украшенный росписью с изображением дерева с загнутыми ветвями и красными пятнами. На постаменте до разрушения святилища стояли скульптуры, изображавшие поясные фигуры людей. Здесь же находились три переносных керамических алтаря. Скульптуры сделаны из алебаstra и глины, изображения стилизованы, глаза персонажей мидалевидные, скошенные. Черты лица подчеркнуты раскраской. Предполагается, что скульптуры были посвящены культу предков. На полу святилища собраны бусы, которые, видимо, украшали скульптуры. Здесь же найдены остатки ткани, в которую были завернуты бусы, бронзовые подвески, монета. Эти предметы, видимо, являлись подношением богам. В хозяйственных помещениях стояли крупные хумы для хранения продуктов⁶⁸.

Серия замков обнаружена и раскопана на территории Уструшаны. Одним из них является Мунчактепа. По внешнему краю замка идет обходная галерея шириной 2,2-2,4 м, она перекрыта сводом. В центральной его части располагалась группа помещений различной формы и размеров⁶⁹. Гораздо меньше по размерам замки Чильхуджра и Тиркаштепа. Первый из них на раннем этапе был одноэтажным, он состоял из четырех коридорообразных помещений; три из них вытянуты параллельно друг другу с севера на юг, четвертое расположено по отношению к ним перпендикулярно⁷⁰. В целом похожую планировку после перестройки имело и раннее здание замка Тиркаштепа. Только здесь снаружи имелся обходной четырехколенный коридор⁷¹.

Согдийские замки, пожалуй, лучше всего характеризуют Аултапа и замок у селения Фильмандар. Аултапа был двухэтажным, сохранился лишь первый его этаж, в плане двухчастный. Центральную часть замка составляют шесть помещений, расположенных симметрично по обе стороны осевого коридора. Со всех сторон их огibt четырехколенная обходная галерея. Внешнюю ограду замка составляет группа помещений, квадратных в плане очертаний, но

разных размеров⁷². В некоторых помещениях имелись суфы, располагающиеся вдоль стен. Фильмандарский замок гораздо меньше по размерам и иной по планировке. Замок был двухэтажным, квадратным в плане (около 17,5 x 18 м). Остатков дворика также сохранились три небольших помещения и частично две оборонительные башни. Стены башен прорезаны боевыми и ложными бойницами⁷³.

К V в. относится сооружение замка Актепа, который сейчас находится в границах г. Ташкента. Первоначально он состоял из двух частей: цитадели и двора. По краю цитадели шла обходная галерея шириной 2 м, которая охватывала квадратное пространство (50 x 50 м), на углах галереи располагались круглые башни диаметром 3,5 м. Внутреннее пространство замка застроено жилыми и хозяйственными помещениями. Предполагается, что часть помещений была культурной. Во время перестройки цитадели в ее юго-западном углу был сооружен донжон (23 x 21,5 м)⁷⁴.

Большое число замков обследовано в Хорезме, они имели обычно донжоны, размещавшиеся в центре двора, как, например, на Якке-парсан. Стены донжона здесь гофрированы снаружи; внутри донжона – серия помещений. На Малой Каваткале имеется не донжон, а цитадель, стены которой прорезаны множеством бойниц⁷⁵. Замок Барактам I – двухэтажный. Нижний этаж состоит из серии коридорообразных помещений. На втором этаже имелся большой парадный зал с крупными нишами и арками по стенам. Внутреннее пространство зала вдоль стен занимает суфа с выделенной в центре зала выступающей площадкой⁷⁶. Для Хорезма известны и сельские поселения. Одно из них Топраккала I, занимающее площадь 3 x 2 км. Застройка поселения состоит из отдельных неукрепленных домов, площадь которых в среднем равна 450 – 500 кв.м; площадь крупных домов достигала 900-1000 кв.м. Расстояние между домами равно 150-300 м. Два дома (№5 и №9) состоят из пятнадцати помещений, первый из них занимает площадь 50 x 25 м, второй 40 x 36 м. Планировка их не похожа. Оба дома состоят из серии взаимосвязанных помещений, не образующих какую-нибудь характерную систему⁷⁷. Поля располагались на окраинах поселения, площадь их равна 200 x 150 м, 300 x 200 м.

Ремесло

Археологические находки дают некоторое представление о ремесленном производстве в Средней Азии. Уровень его был достаточно высокий. Об этом говорит один из самых важных видов ремесленного производства – гончарство. Вопреки установившемуся мнению, керамическое производство существовало не только в городах, но и в сельской местности. В 300-350 м от поселения Актепа II в Кабадиане найдены три гончарных печи. Для тохаристанской керамики этого времени характерно не только хорошее качество, но и высокий уровень стандартизации. Столовая посуда покрывалась красным плотным ангобом, для ее декора использовались фигурное лощение, художественные налпы в виде личин животных, головы человека. Высокого качества была и согдийская керамика. При раскопках Пенджикента получен практически полный набор столовой посуды: кувшины, чаши, чашевидные кубки. Исследователи отмечают увеличение в некоторых регионах Средней Азии доли лепной керамики, связывая это с упадком ремесленного производства в IV-V вв.⁷⁸ Реально же дело обстоит, видимо, сложнее. Скорее всего в это время часть посуды, прежде всего кухонной, стала изготавливаться в домашних условиях мастерами-непрофессионалами. Обработка металла была не менее важной отраслью ремесленного производства. Из различных металлов изготавливали культовую

и столовую посуду, орудия труда, оружие, украшения. В разных регионах Средней Азии найдены горные выработки по добыче железа, меди, серебра и других металлов. Так, на южных склонах Гиссарского хребта, в верховьях р.Ширкент, обнаружено около 39 мест плавок, большая часть которых была связана с добычей железа. Здесь возникает поселение Харкуш, жители которого занимались добычей железной и медной руды, изготавливали различные металлические изделия: серьги, браслеты, перстни из меди, железные наконечники копий, кинжалы, ножи, перстни⁷⁹. Другой центр добычи железа находился в южных районах Согда, в Кашкадарьинской области. В бассейне р.Аксу добыча железной руды велась в карьерах длиной от 33 до 125 м, шириной 1-5 м. Найдены также шлаковые поля 150 x 100 м; 50 x 60 м; 110 x 50 м⁸⁰.

На Ахтепа II в Кабадиане найден целый набор бронзовой посуды и утвари: тарелочки, кнафы, ложки, черпак, бутылочки и др. Здесь же найдены различные орудия труда: ножи, тесло, пробойник, шило, изготовленные из железа⁸¹. Из бронзы изготавливались зеркала, они были как простые, так и довольно сложные, с фигурными ручками⁸². Очень разнообразными были украшения, они включали в себя стеклянные и каменные бусы, медные браслеты, перстни, серьги, кольца. Для знати мастера изготавливали украшения из золота и серебра. Из кости, железа и меди производились поясные пряжки, из мягкого камня – палочки для сурмления⁸³. Большого искусства среднеазиатские мастера достигли в стеклоделии. Об этом говорит тот факт, что “в 424 г. из Тохаристана в Китай прибыли торгонцы и ремесленники, которые объявили, что умеют из камней плавить разные цветные стекла, почему добыли руду в горах и в столице произвели опыт отливания. Опыт удался, и стекло своим блеском даже превосходило стекла, привозимые из западных стран”⁸⁴. Более того, среднеазиатские мастера научили китайцев изготавливать цветное стекло.

Было развито также производство вооружения, материалом для него служило железо. Оружейники выковывали из него наконечники стрел, копий, мечи, кинжалы, ножи. Наконечники стрел имели различную форму головок, что придавало им определенные боевые свойства. Часть из них предназначалась для поражения воинов, одетых в кольчугу. К изучаемому периоду наконечники стрел достигли оптимальных размеров, что обеспечивало им хорошую дальность полета и эффективное поражение⁸⁵. Активно развивался и совершенствовался лук, он был сложносоставным, что значительно повышало его мощность, позволяло использовать как в наступлении, так и в обороне. Мечи изготавливались двух типов: узкие, длинные, широкие, массивные; имелись мечи, ножны которых были богато украшены⁸⁶.

Земледелие

Сельское хозяйство базировалось в основном на поливном земледелии. Древние ирригаторы использовали для полива воды больших и малых рек, родников, которые направлялись к полям по каналам. В этих условиях проведение каналов и уход за ними играли для общества первостепенное значение. В Бенкентской долине (Кабадиан) эту задачу облегчало наличие мощного водного источника Чилучорчашма, от которого были сделаны отводы⁸⁷. Огромные по объему работы нужно было произвести для прокладки каналов в Вахшской долине, Уструшане, Хорезме. В Вахшской долине для орошения использовалась Джуйборская оросительная система. Одна из ветвей этого канала сейчас имеет вид валов шириной до 15 м, высотой до 2,5 м⁸⁸.

В Уструшане для орошения использовались воды притоков рек Шахристанская, Басмацдавая, Дальняя, Каттасая, Аксу, а также каналов – отводов

от них; возможно, для орошения в это время использовались и каризы. Поселения располагались вдоль водных протоков, замок Чилхуджа был возведен, видимо, для контроля выхода Шахристанская в котловину. Большое число памятников V-VII вв. сельского типа обнаружено около современного посёлка «Калиновка», к сожалению, из множества каналов и каризов, открытых в Уструшане, отности какие-нибудь из них к IV-V вв. конкретно не представляется возможным.

Как показали исследования У.Эшонкулова, в бассейне Верхнего Зераншана "в период раннего средневековья началось широкое освоение земель, расположенных у склонов саев, с более экономным использованием воды. Другое отличие этого периода – это широкое строительство и эксплуатация больших и малых корезов в тех случаях (участках) трассы оросителей, где невозможно было подавать воду открытым руслом. У головы крупных каналов и корезов жили люди, которые наблюдали за состоянием дамб и уровнем воды оросителей"⁹⁰.

Серьезные изменения коснулись ирригационной системы Хорезма. Я.Г.Гулямов отмечал, что в III-IV вв. здесь происходит сокращение ирригационной сети, подъем ее начался в V-IV вв.⁹¹ Дело обстоит, однако, гораздо сложнее, и мы думаем, что более правильная позиция в этом важном для истории Хорезма вопросе содержится в работах Б.В.Андрианова. "Позднеантичные и раннефеодальные (афригидские) системы несколько отличаются от систем предшествующих эпох большей частотой ответвлений и ветвистой конфигурацией"⁹². Изменения, произошедшие в системе орошения Хорезма, хорошо видны на примере оазиса Дингильдже, в котором и была полностью перестроена вся система орошения. Воды в оазис стало поступать значительно меньше, и ее стали использовать более экономно. Вместо широких и мощных магистралей были проведены многочисленные арыки, образовавшие сложную паутину, которая сечет кангуйско-кушанские каналы, но повторяет их конфигурацию. Главный источник, однако, сохранился прежний – это магистральный канал, проходивший от Эрескалы⁹³. Детально обследованы ирригационные сооружения в районе замка Барактам I, расположенного в низовьях Сырдарьи. Из устья Акчадарьи здесь были выведены три канала, головные сооружения которых располагались на разных уровнях, что позволяло брать воду из реки при разном уровне воды в ней.

Причиной изменений в оросительной сети Хорезма явилось то, что ее обслуживанием и поддержанием в рабочем состоянии в переходный период занималось не государство, а отдельные аристократы, сыграл роль и огромный опыт, накопившийся у ирригаторов того времени.

По мнению Б.А.Латынина, в Фергане ирригация в IV-VIII вв. не получила такого большого развития, хотя по сравнению с предыдущим периодом происходит увеличение орошаемых земель⁹⁴.

Набор возделываемых сельскохозяйственных культур в Средней Азии был достаточно разнообразный: рис, горох, маш, пшеница, ячмень, хлопок, персики, яблоки, черешня, урюк, бахчевые и др.

Денежное обращение. Торговля

В Средней Азии IV-V вв. денежное обращение претерпело значительные изменения, касающиеся децентрализации монетного чекана и появления большого числа монетных дворов в разных ее регионах. В Северном Тохаристане в начале этого периода в обращении были кушанские монеты и их подражания, а затем кушано-сасанидские монеты⁹⁵. В Термезе в течение всего V в. чеканились

анзиграфические медные монеты с изображением местного правителя, на голову которого надета круглая шапочка, увенчанная крылатым венцом. Как установил Э.В.Ртвеладзе, в Чаганиан со времен правления шаханшаха Пероза (459-484 гг.) начинаются индийской серебряной монеты⁹⁶.

В Бухарском Согде начинается выпуск серебряной и медной монеты местных правителей, на лицевой стороне которых изображался бюст бородатого мужчины. В Самаркандском Согде на всем протяжении периода чеканилась серебряная монета с изображением на оборотной стороне стоящего лучника⁹⁷. В Каршинском оазисе обращались серебряные и медные монеты местного чекана, на лицевой стороне которых изображение головы царя, повернутой в профиль влево, а на оборотной – фигура царя, поражающего коротким мечом хищника кошачьей породы⁹⁸. В Хорезме потребности рынка удовлетворялись выпуском серебряной и медной монеты с погрудным изображением правителя на их лицевой стороне, а на другой – изображением всадника⁹⁹.

Для монет многих локальных чеканов послужили образцом греко-бактрийские и раннекушанские монеты, в процессе длительной чеканки их облик значительно трансформировался. На облик некоторых среднеазиатских монет повлияли и сасанидские монетные кружки. Местные монетные эмиссии имели ограниченное распространение. В торговле на территории Средней Азии применялась и золотая монета, но о ее чеканке известно еще очень мало.

Общая нестабильность на евразийском континенте, падение Кушанского царства в значительной мере нарушили привычные торговые связи Средней Азии с окружающими ее странами. Практически прекратился приток в Среднюю Азию популярных ранее здесь изделий из египетской пасты. Не способствовали росту торговли и плохие отношения с Сасанидским Ираном, часто выливавшимися в длительные войны. В связи с упадком буддизма в среднеазиатском регионе ухудшились контакты с Индией. Вместе с тем сохраняются торговые связи с Китаем, во многом благодаря функционированию "Великого шелкового пути". Древним предметом экспорта из Средней Азии в Китай были изделия из цветного стекла, драгоценных и полудрагоценных камней. Из Китая в Среднюю Азию ввозился шелк, предметы туалета. В это время начинают развиваться и прямые контакты с Византией. Большую роль в развитии международной торговли Согда сыграли ее торговцы, проводившие активную колонизацию на трассе "Великого шелкового пути". В Восточном Туркестане возникли согдийские поселения, жители которых занимались посреднической торговлей, обслуживали проходящие караваны. Согдийцы, жившие вдали от родины, не теряли связи с ней.

Внутренняя торговля также испытывала трудности, она становится локальной, ограниченной. Об этом свидетельствует, в частности, монетный чекан.

КУЛЬТУРА СРЕДНЕЙ АЗИИ В IV-V ВВ. Н.Э.

В переходный период изменения коснулись и среднеазиатской культуры, однако она развивалась на всем его протяжении под сильным влиянием античных культурных традиций. Эти традиции постепенно затухали, менялись; процесс их трансформации проходил в Средней Азии неравномерно. Наиболее долго античные традиции сохранялись на юге среднеазиатского региона, в Бактрии-Тохаристане. Появление на территории Кушанского царства самостоятельных государств и владений вызвало рождение локальных вариантов

культур, их специфика становится постепенно все четче. На становление ранне-средневековой культуры Средней Азии большое влияние оказывали контакты с соседними странами, прежде всего с Индией, Ираном. Свой вклад в развитие культуры внесли также персидские и среднеазиатский регион.

Архитектура и фортификация

Архитектура, пожалуй, наиболее ярко отражает изменения в социальной жизни среднеазиатских народов. Строители, обслуживая нарождающийся класс феодалов, в разных регионах Средней Азии строили замки. Размеры и художественное оформление замков зависели от состояния заказчиков, но для всех замков характерно наличие оборонительной системы и необходимых для жизни помещений. В долинах замки возводились на искусственных платформах, что усиливало их оборону. Интересной особенностью хорезмийских замков было наличие донжона, служившего в случае осады последним убежищем для владельца замка и его домочадцев. В этой связи необходимо упомянуть, что донжоны имеют некоторые замки, открытые советско-афганской археологической экспедицией в Северном Афганистане¹⁰⁰. Эти замки также расположены в пустынной местности. Вполне возможно, что появление донжона было вызвано не только интересами обороны, но и спецификой климата пустыни. Это же касается и гофра на внешней поверхности стен, которые позволяли снижать температуру в помещениях во время летнего зноя. В предгорьях и в горах замки возводились на естественных возвышенностях. Городская застройка в некоторых случаях велась по заранее продуманному плану с разбивкой уличной сети на местности. При строительстве учитывалась и сейсмичность среднеазиатских регионов. Это говорит о том, что в проектировании и строительстве участвовали профессиональные строители и архитекторы.

В долинах основным строительным материалом был лёсс, из которого формировался кирпич, изготавливалась пахта. На смену квадратному кирпичу постепенно приходит прямоугольный, вначале с соотношением сторон 1:1,5, а потом 1:2. Прямоугольный кирпич давал строителям ряд преимуществ, прежде всего, позволял успешно осуществлять перевязку швов; кирпич являлся и строительным модулем. В горной местности для строительства использовался также камень, из которого выкладывались основания стен, верхняя часть стен возводилась из сырцового кирпича. Начинает применяться и обожженный кирпич, но в силу того, что его производство было еще дорогим, он шел в основном для выстилки полов помещений. Для сооружения плоских перекрытий, дверных полотнищ, порогов, колонн использовалось дерево. Из мергелистого известняка вытачивались базы колонн и капители.

Строители искусно выкладывали из сырцового кирпича своды и купола. На Мунчактепа в Уструшане на углах обходной галереи располагались тропы, помогавшие осуществить поворот свода. Некоторые купольные перекрытия еще имеют очень архаичную конструкцию, как, например, купол помещения на Мунчактепа в Тохаристане: на углах помещения нет еще тропов, кладка купола велась простым напуском кирпича внутрь помещения. Более прогрессивным по конструкции является купол, возведенный над небольшим (2,7 x 2,7 м) помещением ташкентского Актепа. Этот купол образован с помощью пояса тропинов. В дальнейшем подобная конструкция усовершенствуется, но здесь она имеет архаический облик – купол по размерам значительно больше помещения. На территории Тохаристана и Мерва найдены каменные детали колонн – базы и капители, они изготовлены в подражание деталям античного времени, но по форме и художественному оформлению они грубее античных. Базы имеют преимущественно “аттический” вид (два валика, разделенных concentрическим углублением – скошей), а капители украшены листь-

ями аканфа¹⁰¹. На остальной территории Средней Азии применялись в основном деревянные колонны с деревянными базами и капителями.

О возможности строительства строительного искусства Хорезма свидетельствует замок Баракташ. В плане замок имеет форму буквы «П». На первом этаже располагается серия коридорообразных помещений. На втором этаже большую часть пространства занимал парадный зал. Перекрытие зала покоилось на двух соединяющих арках. Вдоль стен были устроены арочные ниши. Надежность конструкций здесь сочетается с парадностью интерьера¹⁰². Конструкции арок входов были подчас очень сложными. На ташкентском Актепа, например, клинчатая в основе арка сочетается с кладкой кирпичей, уложенных плашмя в замковой части¹⁰³. В интерьерах помещений гораздо чаще, чем в кушанское время, устраиваются суфы, служившие обитателям для отдыха.

Если в архитектуре и строительном деле происходили изменения, то этого не скажешь о фортификации. Консерватизм в оборонительном зодчестве был устойчивым в силу того, что люди не хотели рисковать своей безопасностью, и использовали в своей практике отработанные, привычные приемы. В этом смысле очень показательны оборонительные сооружения раннего Пенджикента. Город был обнесен в V в. н.э. оборонительной стеной, высотой 10-11 м, она была усилена часто посаженными башнями, расстояние между ними не превышало длину их фасадов. Внутри стен располагалась стрелковая галерея, а внутри башен – стрелковые камеры. Толща стен и башен была прорезана множеством бойниц, расположенных в три яруса, часть из них была ложной. Подсчитано, что число защитников города могло достигать около 750. На подступах к стене с внешней стороны располагался ров шириной около 5 м¹⁰⁴. Устройство бойниц в толще оборонительных стен и башен обладало несколькими недостатками: защитники могли использовать для обороны только лук со стрелами, у них было незначительное поле обзора, для большей эффективности обороны строениям приходилось возводить значительное число башен. Этими же недостатками страдает фортификационная система замка у селения Фильмандар¹⁰⁵. На Кучуктепа в Сурхандарье бойницами была снабжена только внешняя стена; стены, обращенные внутрь двора, бойниц не имели¹⁰⁶.

Достаточно надежной была оборона хорезмийских замков, она состояла из двух линий – основной оборонительной стены и донжона – последнего форпоста в том случае, если неприятель проникал во двор замка. Надежной была оборона и хорезмийского города Топраккала. С внешней стороны город окружал ров шириной 16,5 м, глубиной 2,5 м. В конце кушанской эпохи вокруг города возвели новую оборонительную стену высотой чуть более 10 м, толщиной 1,75 м. Стрелковая галерея была приподнята на значительную высоту, бойницы в ее внешней стене были рассчитаны на навесную стрельбу. Башни имели овальную форму, вместе со стеной они были приподняты на специальной платформе, что предохраняло их от действия стенобитных машин¹⁰⁷.

**Религиозные
верования**

Зороастризм, буддизм, христианство и манихейство. Зороастризм являлся самой древней религией, которая была распространена практически на всей территории Средней Азии до появления здесь других мировых религий. В IV-V вв. зороастризм исповедовался преимущественно в центральных и северных районах Средней Азии. Наиболее видимые его проявления – святилища огня и оссуарные захоронения.

Религиозная ситуация в Средней Азии в IV-V вв. н.э. была сложной. За влияние на людей здесь боролись священнослужители четырех мировых религий:

Зороастризм, буддизм, христианство и манихейство. Зороастризм являлся самой древней религией, которая была распространена практически на всей территории Средней Азии до появления здесь других мировых религий. В IV-V вв. зороастризм исповедовался преимущественно в центральных и северных районах Средней Азии. Наиболее видимые его проявления – святилища огня и оссуарные захоронения.

На городище Еркурган в Кашкадарье при раскопках обнаружен крупный архитектурный комплекс, состоящий из двух храмов – восточного и западно-

го. Наиболее полно изучен восточный храм, включавший в себя большой двор, четырехколонный айван и святилище – крупный зал (7,5 x 13,2 м), возведенный на платформе. Перекрытие зала опирается на две массивные колонны, выложенные из треугольных обожженных кирпичей на гачевом растворе. РДР-Compressor Free Version располагались ниши и суфы, у стены на оси входа был устроен алтарь. Храм неоднократно перестраивался и ремонтировался. В IV-V вв. н.э. перед алтарем постоянно горел огонь, между колоннами площадь пола 2 x 1 м прокалена на глубину до 20 см. На верхней площадке алтаря располагалась глиняная раскрашенная скульптура. В западном храме вскрыт подиум алтаря с гофрированными стенками, верхняя его часть облицована обожженными кирпичами. При раскопках храмов найдены различные культовые предметы¹⁰⁸.

Пенджикентские храмы были построены в V в., они занимали по площади значительную часть раннего города. Оба храма похожи по планировке: каждый из них имел два двора – внешний и внутренний. Здания храмов располагались во внутренних дворах на высоких искусственных платформах с узкими пандусными подъемами со стороны дворов. Состояли храмы из четырехугольного квадратного зала, открытого на восток. Зал соединялся входом с небольшой цelloй, их с трех сторон окружал обходной коридор. Ограда храмов включала помещения различного назначения. Во дворе храма II в конце V – начале VI в. были вырыты два прямоугольных бассейна, на берегу одного из них росли арчевые деревья и виноград. В нишах главных замков размещались скульптуры; в оформлении залов входила и настенная живопись. Перед скульптурными изображениями божеств во время культовых церемоний возжигался священный огонь. Во время раскопок храмов найдены скульптурные изображения Шивы, Наны, богини-женщины, сидящей на троне. В храмовых сокровищницах археологам встретилась лишь небольшая часть инвентаря и подношений. В основном это бусы, украшения из драгоценных металлов. В храмах хранились также документы, предполагается, что здесь могло проводиться обучение грамоте. В.Г.Шкода, осуществивший детальное изучение храмов, полагает, что “согдийская религия представляется, таким образом, как зороастризм, в котором основным ритуалом было возжигание огня перед изображениями богов”¹⁰⁹.

Оссуарные захоронения, датируемые IV-V вв. н.э., найдены в Бухарском оазисе¹¹⁰. Изредка оссуарные захоронения встречаются и на территории Тохаристана. Так, в Гиссарской долине найден оссуарий с согдийской надписью. Оссуарии здесь, как и в Согде, заменяли иногда хумы. Но в целом оссуарные захоронения были характерны для Согды, а не для Тохаристана.

Буддизм был распространен в основном на юге среднеазиатского региона. В рассматриваемое время он испытывал большие трудности в связи с сасанидской агрессией. Иранские отряды временами оккупировали правобережье Амударьи. Именно в это время были разрушены и заброшены буддийский центр Каратепя и храм Фаязтепа в Термезе¹¹¹. Эта же участь постигла и монастырь Уштурмулло в Кабадиане на берегу Амударьи. “Расположенный на расстоянии примерно 80 км от Термеза, монастырь Уштурмулло может рассматриваться как дальняя восточная оконечность термезского “Буддийского оазиса...”¹¹². В конце IV в. монастырь был заброшен, значительная часть облицовочных каменных плит была снята со ступы и использована вторично, видимо, для строительных целей. Позже, предположительно, в начале VI в., развалины монастыря используются “для случайных захоронений”¹¹³.

Сейчас трудно говорить определенно о том, какой была политика эфталтов по отношению к буддизму в Средней Азии. Во всяком случае, при эф-

талитах возрождения буддизма здесь не произошло. Положение меняется при тюрках. "Восточные тюрки с середины VI в. испытывают сильное влияние буддийской пропаганды"¹¹⁴. В VII в. это влияние распространилось на западных тюрков. Каган Тун-Шеху, находившийся в начале VII в. в районе Иссык-Куля, очень дружелюбно встретил китайского паломника Сюань Цзяна и слушал его проповеди¹¹⁵. Именно в VII в. был построен крупный буддийский монастырь Аджинатепе; храмы Хишттепа и на Каланкафирниган, функционировала буддийская часовня на цитадели Кафыркалы¹¹⁶. Видимо, в это время действовал и буддийский центр в Мерве¹¹⁷.

Не исключено, что буддизм, попав в Тохаристан, включил в себя некоторые положения зороастризма, в частности поклонение огню. Об этом говорит, например, тот факт, что в аудиенц-зале правителей владения Вахш напротив трона помещался крупный очаг. В то же время рядом с залом располагалась буддийская часовня, где молились правители и члены их семей. На Кафыркале же найден черепок с надписью, которую В.А.Лившиц перевел как "Бурзмихр" – "возвышающий Митру". Хотя тохаристанец, которому принадлежит это имя, был скорее всего буддистом, имя он носил зороастрийское.

Христианство попало в Среднюю Азию довольно рано. Этому во многом способствовали гонения на христиан в Сасанидском Иране, вынуждавшие их бежать на Восток. Одним из центров христианской религии в среднеазиатском регионе становится Мерв. Согласно сообщению Бируни, христиане были здесь уже через 200 лет после рождения Христа. В 334 г. в Мерве уже существовало епископство, а позже митрополия. На Гяуркале обнаружен христианский монастырь; при раскопках некрополя у городища Старого Мерва найдены захоронения христиан. Имеются и другие свидетельства распространения христианства в Мерве¹¹⁸. В Бактрию христианство проникло в кушанское время. Его приняла часть эфталитов, которые просили в 549 г. несторианского патриарха Мар-Абу прислать им епископа¹¹⁹.

В Согде, несмотря на сильные позиции зороастризма, также было распространено христианство. Об этом свидетельствует прежде всего тот факт, что существовала самаркандская митрополия. Под Самаркандом в селении Вазкенд, по крайней мере, до IX-X вв. существовала большая христианская община. Находка в Пенджикенте обломка керамического сосуда с отрывком из псалмов, входивших в Пешитту – сирийскую Библию, и захоронения в Даштиурдакон под Пенджикентом относятся к VIII в., но они свидетельствуют о довольно широком распространении христианства в Согде в более раннее время¹²⁰.

Манихейство распространяется в Средней Азии широко со второй половины III в. н.э., оно многое заимствовало у буддизма, например, признание грехов, организацию монастырей. Считалось, что Мани не просто умер, а впал в ирвану. Как писал один из лучших знатоков восточного манихейства В.Г.Хеннинг, "об истории восточного манихейства мы знаем мало, но, без сомнения, там несколько столетий существовали сильные манихейские общины". Около 600 г. в Средней Азии, а затем в Восточном Туркестане, произошел раскол манихейской церкви. Отколовшаяся секта носила имя "денавар" (в арабских источниках "денаварийа") и была распространена на востоке, она усвоила многие индо-буддийские положения и образовала отдельную общину. В VII – начале VIII в. она была довольно значительной. В 694 г. в Китай к императору прибыло посольство, видимо, возглавляемое манихейцем-согдийцем. В 719 г. в Китай прибыло новое посольство из Тохаристана, которое возглавлялось великим мо-джо – великим учителем. Резиденцией его был Чаганнап. Имеется мнение о том, что манихейство было в основном распространено в Согде¹²¹.

О верованиях населения Средней Азии дает представление и погребальный обряд, отличающийся большим разнообразием. Погребения совершались в специальных наусах, в заброшенных культовых сооружениях, в грунтовых ямах и т.д. В окрестностях Термеза располагается крупное двухэтажное здание (24,2 x 23,3 м), являющееся наусом. По оси его нижнего этажа идет центральный коридор шириной 1,5 м, по бокам которого симметрично располагаются по пять погребальных камер. В двух из них под полом обнаружены 32 захоронения, положенные друг на друга в несколько ярусов. На многих из них сохранилась одежда из хлопчатобумажной ткани, окрашенной в разные цвета. В других найдены одиночные захоронения, одно из них в хуме¹²².

Для коллективных захоронений служили и пещерные склепы, найденные в разных регионах Средней Азии. В местности Джулсай Пианджского района на юге Таджикистана, на крутом склоне амударьинской террасы, на высоте 40 м располагался однокамерный склеп с остатками трех скелетов. Вместе с ними найдены украшения, бронзовое зеркало, монеты¹²³. В районе селения Куржат на севере Таджикистана на крутом склоне горной цепи, на высоте 55-60 м, обнаружено 17 склепов, площадь которых колеблется от 7 до 30 кв.м. Количество похороненных людей в одном из них достигает 182, в другом – 172 чел. В большинстве случаев трупы перед захоронением были расчленены и очищены от мягких тканей. Найдена площадка, на которой это осуществлялось. Есть здесь и обычные захоронения, и остатки оссуарных захоронений. Часть склепов в древности была ограблена, но археологами в них найдены значительный материал: различные украшения, предметы туалета¹²⁴.

В Кабадиане при раскопках сельского поселения Актепа II в обходном коридоре святилища были устроены погребальные ямы, в которых были совершены захоронения очищенных от мягких тканей костей и черепов. Захоронения сопровождается богатый инвентарь, состоящий из металлической посуды, монет. Как погребальные камеры были использованы в IV-V вв. помещения буддийских памятников кушанского времени Каратепе и Фаязтепа в Термезском оазисе и Дальверзинтепа в Сурхандаре. На Каратепе совершены массовые захоронения – по 10-13 человек в помещении, встречаются отдельно лежащие костяки и отделенные от скелетов черепа. Сопровождают захоронения керамика, украшения, монеты¹²⁵. В помещениях Фаязтепа захоронения совершены более упорядоченно по обряду труположения, с различной ориентацией погребения, основным сопровождающим материалом здесь являются монеты. В буддийском святилище Дальверзинтепа погребения обнаружены в одном из помещений. Они совершены по обряду труположения, а также с использованием очищения костей от мякоти. С похороненными найдены керамические сосуды¹²⁶.

На южных склонах Гиссарского хребта в долине реки Ширкент раскопан небольшой могильник Харкуш, расположенный по соседству с одноименным поселением. Захоронения совершены в грунтовых ямах, стенки которых обложены каменными плитами, ими же сверху перекрыты некоторые могильные ямы. В заполнении могильных ям встречены многочисленные древесные угольки. Погребенные похоронены по обряду труположения, голова их покоилась на глиняных подушках, лицо было обращено на восход солнца. Погребальный инвентарь в целом небогатый, он состоит из керамических сосудов, железных наконечников стрел, копий, кинжалов и ножей, медных браслетов, серег, перстней, костяных ручек и пряжек, стеклянных и каменных бус. В погребении молодой девушки встречен массивный железный ключ. В некоторых погребениях найдены кости барана. В двух случаях во рту погребенных находились позднекушанские медные монеты с пробитыми в них от-

верстиями для пошения¹²⁷. Близкие по обряду погребения вскрыты в Гиссарском могильнике. Интересной их особенностью является наличие у головы погребенных специальной ямки, в которую засыпаны кусочки обожженной земли, угольки, зола – остатки погребальных костров, которые возжигались где-то недалеко от могильников. С некоторыми из погребенных найдены монеты¹²⁸. В Бешкентской долине (Кабаджан) А.М.Мандельштамом обнаружены четыре захоронения, которые, по его мнению, “характеризуются единством обряда при одинаковом типе могильного сооружения. Это во всех случаях полное трупосожжение, совершающееся где-то вне могилы с последующим захоронением костей в небольшой грунтовой могиле... Общая для всех черта – крайняя ограниченность сопровождающего инвентаря”¹²⁹.

К V в. относится часть погребений могильников Змукт и Мызыльдыгар, раскопанных А.Д.Бабаевым в Бадахшане. По своему устройству могилы в них делятся на два типа: 1) захоронения в каменных оградах круглой и четырехугольной формы; 2) захоронения под большим камнем. В оградах совершались коллективные захоронения, а под камнем – чаще всего одиночные, редко – парные. А.Д.Бабаев полагает, что в оградах были похоронены более богатые люди, чем под камнем, потому что в них (несмотря на то, что они ограблены) погребальный инвентарь более многочисленный. В целом материал из бадахшанских погребений довольно разнообразный: бронзовые зеркала, браслеты, колья, серьги, подвески, костяные изделия, деревянные наконечники, стрелы и др.¹³⁰

В Фергане таджикскими и узбекскими археологами раскопано большое число оригинальных погребальных сооружений – курумов, напоминающих в некоторых случаях своим устройством каменные домики, они перекрывались плоской крышей или же ложными сводами и куполами; иногда имелся вход в погребальную камеру. В курумах совершались многократные захоронения. В Фергане практиковались также захоронения в курганах, имевших несколько типов; ямные, подбойные, катакомбные. Под насыпями некоторых курганов найдены деревянные гробы и погребальные доски. В курганах совершены как одиночные, так и коллективные захоронения. В курганах и курумах найдены большая серия керамики, украшения, предметы туалета, оружие, монеты¹³¹. Около г.Ангрена раскопаны подземные каменные наусы, состоящие из входной галереи длиной 4,5-6 м и квадратной в плане камеры. Их стены были обложены плоскими плитами и оштукатурены. Сверху наусы перекрыты плитами и засыпаны гравием с землей. В камерах обнаружены коллективные захоронения в сопровождении керамических сосудов, наконечников, стрел, ножей, каменных стерженьков для сурмяления, различных украшений¹³².

При всем разнообразии погребальных сооружений и обрядов на территории Средней Азии имелись общие признаки, объединяющие их. Умершим старались создать при погребении максимальный комфорт, веря в их загробную жизнь. Для этого же умерших снабжали различными предметами, пищей. находка монет в некоторых погребениях свидетельствует о продолжении верований античного периода, связанных с “оболом Харона”, предназначенных для оплаты умершим и при преодолении водного или иного барьера, разделявшего, по представлению людей того времени, два мира – настоящий и загробный. Существовало, видимо, у людей и представление о загробном рае, огороженном стеной. Именно для врат рая предназначался железный ключ, найденный в погребении молодой девушки в могильнике Харкуш. У некоторых групп населения Средней Азии, очевидно, существовала вера в воскрешение умерших. Угольки, зола, куски обожженной глины, найденные при раскопках Гиссарского и Харкушского могильников, являются остатками погребальных костров,

которые разводились недалеко от могильников. Угольки и зола играли очистительную роль для умерших тохаристанцев¹³³.

Искусство Средней Азии IV-V вв. н.э. – явление сложное, и изучено еще далеко не полно. Археологические раскопки, ведущиеся на территории среднеазиатского региона, помогут получить материалы для его характеристики. Но уже сейчас ясно, что оно теснейшим образом было связано с искусством античной эпохи, и вместе с тем в нем появились новые черты. Среднеазиатское искусство испытало влияние искусства Индии и Ирана, вклад в его развитие внесли также кочевые народы, приведшие в Междуречье. Искусство по своему содержанию делится на культовое и светское, хотя границу между ними провести бывает трудно.

При раскопках замка Куевкурган в Сурхандарье были найдены высокохудожественные по своему исполнению скульптуры, изображавшие, видимо, предков владельца замка. Скульптуры лепились на деревянном каркасе, перед завершением они покрывались пластичной глиной, поверх которой наносился слой ганча. Затем скульптуры расписывались – волосы, брови и зрачки в черный цвет, губы в розовый или красный¹³⁴. В Вахшской долине, на месте разрушенного буддийского храма, найдена скульптурная голова Будды, выполненная из мергелистого известняка в половину натуральной величины. Она была трехчетвертной, пристенной, выполнена в позднегоандхарском стиле; похожая по стилю и технике скульптурная голова Будды найдена при раскопках сельского поселения Чакалактапа в Северном Афганистане. Из цельного куска камня вместе с головой вырезан нимб. Здесь же найден фрагмент каменного пиллястра с рельефными изображениями двух буддийских персонажей – боддисатвы и его поклонника – адоранта. Рельеф изображений – высокий, детали проработаны хорошо. Адорант одет в короткий кафтан, штаны заправлены в сапоги; фигура его расположена фронтально. Будду изображает и небольшая каменная статуэтка, найденная на Чакалактапе. Фигурка сидящая, сильно стилизованная. Фрагменты глиняной скульптуры божества обнаружены в восточном храме Еркургана¹³⁵.

С монументальной скульптурой тематически была тесно связана терракота. В рассматриваемое время эта отрасль искусства была развита преимущественно в Согде; согдийские терракоты изображали женское божество плодородия, мужчин-всадников, царских особ. Роль терракоты в других регионах Средней Азии стала менее значительной. На уже упомянутом Чакалактапе найдены грубоватые антропоморфные терракоты, а также терракотовые фигурки зверей. Появилась мода украшать керамические сосуды штампами, наделками. Изображения на них были преимущественно антропоморфные, они помещались на ручках или в верхней части стенок сосудов. На фрагменте столового сосуда, найденного на Яванском городище, сохранился оттиск с изображением сасанидо-кушанского правителя Хормизда (381-384 гг.). Под ручкой изящного сосуда для вина с городища Актепа II в Кабадиане сделан оттиск крупной геммой с изображением головы мужчины с узким вытянутым лицом, обрамленным густой бородой с завитушками, усами. На его голову надета круглая меховая шапка. Судя по облику, портрет принадлежит знатному иранцу¹³⁶. Антропоморфные наделы имеются и на согдийской керамике¹³⁷.

Настенная живопись известна еще очень плохо. Возможно, к рассматриваемому нами периоду относится живопись второго слоя Дильберджина в Афганистане. На северной стене помещения 16, входившего в северо-восточный культовый комплекс, сохранились изображения 12 стоящих мужских фигур. Все они одеты в короткие кафтаны, подпоясаны поясами, к которым прикреплены кинжалы. Края кафтанов обшиты цветной тканью, правый ворот отогнут. На

ногах персонажей – сапоги, в них заправлены широкие штаны. На южной стене изображены сидящие и пирующие персонажи. Они одеты в кафтаны иного типа, каждый из них держит в левой руке мелкую чашу с напитком. Между фигурами видны деревья¹³⁸. Под грунтовку для живописи служил слой лёсса толщиной 0,8-1,0 см, а также слой гипса толщиной 0,2-0,3 мм. По белому фону черной и красной линиями рисовался контур изображения, который затем заполнялся красочным слоем. Для живописи использовалась яркая синеголубая, а также розовая, белая, черная, красная краски, для центральной живописи использовалась золотая тонкая фольга¹³⁹.

Интересной, но сложной для понимания, является тюркитика Средней Азии. Находки произведений тюркитики на ее территории в целом немногочисленны. Часть из них хранится в музеях Содружества Независимых Государств, часть за его пределами, изделия эфталитского периода представлены полновесными сферическими чашами, на внешней их стороне располагаются изображения различных сцен вокруг круглого донного медальона. Модными были сюжеты с трагедиями Еврипида, что свидетельствует об интересе жителей Средней Азии к античному наследию. На одной из чаш, входящей в составклада, найденного в Чилеке под Самаркандом, изображены 6 фигур танцовщиц с длинными шарфами, стоящих под килевидными арками. Женщины своими тяжеловесными формами напоминают индийских якшинь. Об индийском влиянии говорят и капители, на которые опираются арки, в виде двух лежащих зебувидных букв¹⁴⁰. Другой сюжетной линией тохаристанской тюркитики была, видимо, охота. На серебряной чаше из Пенджаба, хранящейся в Британском музее, изображена сцена охоты четырех всадников, на диких зверей: львов, кабанов, горных баранов. Сцена очень динамична, полна накала борьбы, в которой люди выходят победителями¹⁴¹. Вероятно, эта сюжетная линия в тохаристанском искусстве идет от бактрийского искусства кушанского периода. Ярким образцом его является сцена охоты на хищников кошачьей породы и горных баранов, изображенная на костяной пластине из Тахтисангина. Согдийская тюркитика известна для этого периода менее полно, она получила расцвет в более позднее время – в VII-VIII вв.¹⁴²

Была хорошо развита обработка камня, из которого изготавливали амулеты, бусы. Целая серия амулетов, вырезанных из черного камня, найдена при раскопках Яванского городища. На них часто встречаются изображения козлов. При раскопках могильника Змукт в Бадахшане найден небольшой костяной амулет подквадратной формы. На одной его стороне изображен в "летящем галопе" олень, на оборотной стороне изображены две человеческие фигурки, сидящие у жертвенника с горящим огнем¹⁴³. На Яванском городище найден медный перстень с сердоликовой вставкой, на которой вырезано изображение птицы. Из Чакалakteпа происходит золотой перстень с боковым шипом и лазуритовой вставкой, на которой вырезана псевдонадпись¹⁴⁴. О глиптике дают представление не только резные камни, но и отпечатки гемм – печатей на глине. Значительное их число найдено при раскопках замка Актепа в Туркмении. Некоторые из гемм были с надписями, другие с изображениями барана, льва, крылатого коня, оленя, все они были изготовлены иранскими мастерами¹⁴⁵.

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ НА ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ (до VIII в. н.э.)

Иранские языки

Иранские языки – это группа (семья) генетически родственных языков, происходящих от языка, который в лингвистической литературе получил название “общеиранский”, общеиранский язык-основа или же “древнеиранский”.

Термин “иранский” восходит к слову *арья* – самоназванию индоиранских (арийских) племен, обитавших во II тыс. до н.э. на территории Средней Азии, Иранского нагорья и равнин Северной Индии. В этом значении слово *арья* в разных грамматических формах зафиксировано в гимнах Ригведы (середина II тыс. до н.э.), древнеперсидских надписях, в Авесте, а также в составе древнеиранских топонимов, антропонимов и этнонимов. Эволюция этого термина в таджикском (фарси) языке выглядит следующим образом: древнеперсидское *иран* (таджикское *эрон*). В Авесте встречается сочетание *арьянам ваяджо* (позднее *эравежэ*), интерпретируемое как *арийцев (иранцев) простор (распространение)*, – название полумифической области, которая в эпоху редактирования Авесты (VI в. н.э.) рассматривалась как прародина иранцев и одновременно как родина зороастризма¹.

Иранские и индийские языки составляли единую индоиранскую (арийскую) ветвь большой группы индоиранских языков².

Согласно гипотезе Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова³, индоевропейскую общность можно локализовать в области к югу от Закавказья до Верхней Месопотамии. Начало распада индоевропейского праязыка относится к периоду не позднее IV тыс. до н.э., а возможно, и значительно ранее. Древнейшей языковой общностью, выделившейся из праиндоевропейского языка, следует считать анатолийскую диалектную группу. Вслед за ней обособилась греко-армяно-арийская общность, которая в дальнейшем распалась на греческий, армянский и индоиранский диалекты. Историческим ареалом индоиранского праязыка была северная часть Иранского плоскогорья. Появление там индоиранских племен следует отнести к первой половине III тыс. до н.э.

Уже в гимнах Ригведы обнаружены признаки выделения в рамках индоиранской общности особой диалектной группы, в дальнейшем положившей начало иранским языкам. Это – ряд иранских гидронимов, топонимов Юго-Восточного Ирана и Афганистана, а также личных имен со специфическими фонетическими особенностями. Не позднее X в. до н.э., а возможно, и ранее, ираноязычное население известно в историческом Западном Иране. В Авесте созданной в конце II – начале I тыс. до н.э., описывается, с одной стороны, расселение восточных иранцев в областях Средней Азии и Афганистана. С

другой стороны, происходят интенсивные передвижения ираноязычных племен, особенно восточных иранцев, через Центральную Азию и северные прикаспийские степи к Северному Кавказу и Крыму, что нашло отражение в ираноязычных гидронимах Восточной Европы (названия Дон, Днепр, Диестр, Дунай). Археологические материалы, обнаруженные на территории Северного Афганистана (Древней Бактрии), свидетельствуют о продвижении индоиранских племен в исторические места их расселения, с запада, через Иранское нагорье. Ранними свидетельствами миграции ираноязычных племен через Среднюю Азию в северном и западном направлениях являются многочисленные иранские заимствования в финноугорских языках⁴.

Однако гипотеза Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова не нашла широкой поддержки. Большинство исследователей (историков, археологов, лингвистов) придерживаются точки зрения, согласно которой прародину индоиранских народов следует искать на территории Юго-Восточной Европы. Отсюда последовательно мигрировали сперва индоарии, затем иранские племена. Часть последних в начале исторического периода заселила территорию современной Средней Азии⁵.

Во II тыс. до н.э. имела место дифференциация восточного и западноиранских диалектов. Во всяком случае, в начале I тыс. уже существовали заметные различия между ними⁶. Эта дифференциация произошла в результате разобщения иранских племен, оказавшихся при их расселении в отдалении друг от друга. Условной границей распространения двух указанных групп языков считается пустыня Дашти-Кавир в Центральном Иране⁷. К востоку от нее жили древние восточноиранские племена, к западу – западноиранские. Основные признаки разделения иранских языков на западные и восточные – фонетические и, в меньшей мере, морфологические.

Со времени выхода иранских языков из индоиранской (арийской) общности их история условно разделяется на три периода:

- 1) древний (приблизительно от начала II тыс. до н.э. до IV-III вв. до н.э.);
- 2) средний (с IV-III вв. до н.э. до VIII в. н.э.);
- 3) новый (с VIII в. н.э. до настоящего времени)⁸.

Эта традиционная схема периодизации в целом построена на основе двух признаков: учета языковых данных и абсолютной хронологии. Однако практически при определении границ исторических периодов принимается во внимание только один из признаков. Так, граница между языками древнего и среднего периодов устанавливается по чисто лингвистическому признаку – “сохранения (несохранения) совокупности черт древнего типа”. Признак абсолютной хронологии здесь нерелевантен: классический санскрит и авестийский язык в духовной сфере функционируют и сегодня. Что же касается границы между средним и новым периодами, то она устанавливается по признаку абсолютной хронологии – “живой (неживой) или понятный (непонятный) в настоящее время язык”. Лингвистический принцип, связанный с архаичным или инновационным характером языковой системы, оказывается нерелевантным, и некоторые языки нового периода могут быть более архаичными, чем языки среднего периода (например, современный пушту в сравнении со среднеперсидским)⁹. Тем не менее, несмотря на все несовершенство, эта хронологическая схема удобна для исследователей истории иранских языков и продолжает широко использоваться.

Из известных иранских языков древнего периода письменными памятниками представлено лишь два языка – древнеперсидский и авестийский. Два

других – скифский и мидийский – реконструированы в той или иной степени главным образом сравнительно-историческим методом¹⁰.

Древнеперсидский язык относится к западной группе иранских языков. На нем высечены монументальные клинообразные надписи Ахеменидов (VI–IV вв. до н.э.). Наиболее крупной и важной по содержанию является Бехистунская надпись, датируемая 519 г. до н.э. Она существует в трех версиях: эламской, аккадской и древнеперсидской.

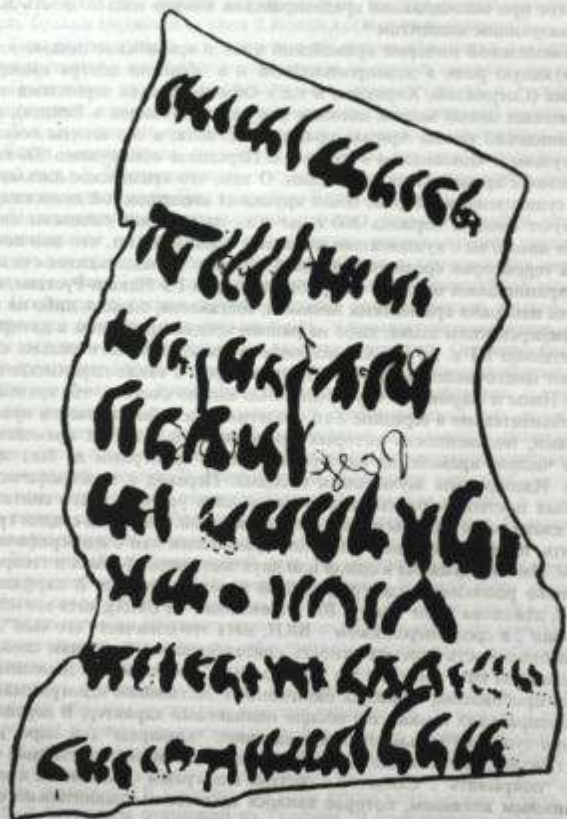
Специально для записи древнеперсидской версии Бехистунской надписи была изобретена особая система клинообразной письменности, причем, как предполагают ученые, изобрели ее арамейские и эламские писцы. В древнеперсидской клинописи, созданной, судя по эпиграфическим данным, в спешке, явственно ощущается влияние эламской и арамейской письменности. Основное предназначение древнеперсидской клинописи состояло в том, чтобы быть использованной при создании монументальных надписей. Существовавшие в то время эламская и аккадская клинописи не годились для записи древнеперсидского текста. Создатели древнеперсидской клинописи, скорее всего арамейцы, использовали принципы арамейской письменности. Древнеперсидская клинопись представляет собой удачную смесь простого слогового письма (только открытые слоги) и буквенного. Что касается сравнения ее с аккадской и эламской письменностями, то общее у них заключается только в чисто внешнем сходстве (клинообразная форма знаков) и в использовании идеограмм (например, идеограмма *xw* для слова “царь”)¹¹.

Язык Авесты (см. ниже), будучи неоднородным, не может быть отнесен ни к западной, ни к восточной группам. Попытки включить его в северо-западную группу иранских языков (Райхельт, Моргенштерне) или в восточную (Хеннинг, Нюберг, Бенвенист) не оказались убедительными. Язык, на котором составлены Гаты, древнейшая часть Авесты, авторство которой приписывается самому Зартуштру, и язык поздних, младоавестийских текстов отличаются друг от друга. Большинство различий хронологического порядка, но можно допустить также, что частично эти языковые различия объясняются разными диалектными базами. При этом надо иметь в виду, что авестийский язык Гатов в основном представляет собой индивидуальную языковую форму последнего представителя поэзии, восходящей к индоиранской эпохе, в то время как создатели и носители младоавестийского священного языка восприняли тексты не только разного возраста, но и различного происхождения. Этим и объясняется неравномерность языковых явлений в младоавестийских текстах. Текст Авесты, вероятно, подвергся значительным изменениям до того, как он был зафиксирован на письме. На язык Авесты должны были оказать влияние живые диалекты. Рукописи Авесты подвергались также изменениям благодаря переписчикам.

В.Б.Хеннинг пришел к заключению, что язык Авесты занимает особое место между западными и восточными иранскими языками¹².

Запись текста Авесты специальным авестийским письмом, по-видимому, была осуществлена только в VI в. н.э. при Сасанидах, хотя в “Денкарде” (IX в.) приводятся сведения о том, что тексты Авесты были записаны в эпоху Ахеменидов, но затем сожжены Александром Македонским; впоследствии в эпоху Аршакидов (250 г. до н.э. – 226 г. н.э.) тексты были спасены от забвения, а при Ардашире был окончательно установлен канонизированный текст. В период арабского завоевания части канона были, по-видимому, утрачены, но при этом автор “Денкарда” имел в своем распоряжении в три раза больше авестийского материала, чем дошло до нас по рукописям, датированным от 1278 г. и позже.

При создании авестийской письменности были приняты все недвусмысленные знаки пехлевийского письма, все многозначные дифференцированы и созданы дополнительные знаки, чтобы иметь письменность, полностью отражающую все согласные и гласные со всеми фонетическими оттенками. Написание слогов от книжного пехлеви каждая буква пишется отдельно или, в редких случаях, соединяется с другой в легко различимую лигатуру. Идеограммы и диакритика отсутствуют. Каждое слово и каждый элемент сложного слова отделены точкой¹⁷.

Черепок с парфянской надписью из Нисы

В среднеперсидский период различия между западной и восточной группами проявляются довольно отчетливо. К западной группе относятся среднеперсидский и парфянский языки, к восточно-иранской – согдийский, хорезмский, бактрийский и хотаносакский.

КРДИС Compressor Free Version
Среднеиранские языки между собой, всех их (за исключением сакского и бактрийского) объединял очень важный фактор – письменность. Для согдийского, хорезмийского, парфянского и среднеперсидского языков использовали письменности арамейского происхождения. Развитие этих письменностей во многих отношениях шло параллельным путем, так что при исследовании среднеиранских языков письменность можно считать связующим элементом¹⁴.

В Ахеменидской империи арамейский язык и арамейское письмо играли главенствующую роль в делопроизводстве и в общении центра империи с сатрапиями (Согдианой, Хорезмом и т.д.). Обычно писали чернилами на коже. Сохранился целый мешок деловых документов (найден в Египте), которые ахеменидский принц Аршам, правитель Египта, и его агенты посылали из Суз друзьям и чиновникам в Египте. В Персеполе обнаружено 500 глиняных таблечек с арамейскими надписями. О том, что арамейское письмо продолжало существовать в Иране после крушения ахеменидской династии, свидетельствуют монеты периода 300 г. до н.э., на которых высечены личные имена. По аналогии с кушанскими монетами предполагают, что они локализируются на территории среднего течения Амударьи. Гораздо важнее оказалась плохо сохранившаяся надпись на гробнице Дария I в Накши-Рустаме, которая будучи написана арамейским письмом, составлена, однако, либо на позднем древнеперсидском языке, либо на раннем среднеперсидском и датируется приблизительно III в. до н.э. Об использовании арамейского письма свидетельствуют многочисленные монеты мелких царей, а также парфянские документы из Нисы и Авромана. С уверенностью можно считать, что арамейский язык приблизительно в середине 2-го столетия до н.э. был вытеснен иранскими языками, письменность которых продолжала оставаться арамейской с большим числом арамейских идеограмм. Выбор идеограмм не был произвольным. Идеограммы заучивались писцами. Переход к идеографическому письму был постепенным: сначала порядок слов уступал место синтаксису родного языка, хотя флексия оставалась арамейской. На одной стадии трудно определить, имеем ли мы дело с плохим арамейским или с идеографическим иранским. Имеется флексия в одной или двух застывших формах и теперь уже можно четко распознать идеографический характер письма. В парфянском, например, для слова "сын" пишут BR' (произносят – PUNR), хотя это означает "мой сын"; в среднеперсидском – BRH, хотя это означает "его сын". Возникла необходимость придать ясность синтаксическим функциям слов. Это было сделано за счет введения так называемых "фонетических дополнений", т.е. путем прибавления иранских окончаний к застывшим идеограммам. Во всех среднеиранских языках это носило одинаковый характер. В персидской литературе этот вид письма получил название "хазварет" (ср.-перс. *узваршин*, ср. глагол *узвар* "понимать, узнавать", этимологически связанный с др.-ир. *вар* – "покрывать"). Сходство в системе идеограмм объясняется длительным взаимным влиянием, которое явилось следствием сравнительно оживленной корреспонденции.

Общность систем иранских письменностей арамейского происхождения не ограничивалась лишь употреблением арамейских идеограмм, но распространи-

лась также на характер использования алфавита и орфографических навыков. Примерно через тысячелетие после принятия арамейского алфавита было введено использование диакритических знаков. Это было вызвано все возрастающим сложением написания ряда букв, затруднявшим чтение¹⁵. Однако использование PDF Compressor Free Version

Бактрийская письменность, использовавшаяся для записи текстов на бактрийском языке, происходит от греческого делового курсива, который, как предполагают, употреблялся в эллинизированных сатрапиях бывшей державы Ахеменидов как культурное наследие греко-бактрийского царства вплоть до IX в. н.э.¹⁶ Для записи хотаносакских текстов использовалась письменность брахми индийского типа и индийского происхождения¹⁷.

Если рассматривать все письменности, использовавшиеся для записи ираноязычных текстов в социологическом аспекте, то следует выделить две категории:

1) деловое письмо, применявшееся первоначально в государственных канцеляриях, а затем перенесенное в другие сферы светской жизни;

2) письменности, использовавшиеся для записи религиозных текстов (авестийская, манихейская, сирийская, "книжное пехлеви", согдийское "письмо сутр" и т.д.). Примечательно, что почти все среднеиранские деловые письменности возникли на базе арамейской письменности.

Несовершенство ираноязычных деловых письменностей и тот факт, что миссионерские религии были иноязычного происхождения, стали, вероятно, основными причинами того, что манихейская и христианская церкви Ирана создали особые, более усовершенствованные письменности¹⁸ (об этом см. ниже).

Несмотря на тесное соприкосновение среднеиранских языков и на такое связующее средство, как письменность, в грамматическом плане среднеиранские западные и восточные языки заметно разошлись. Особенно большие сдвиги в сравнении с древнеиранскими претерпел западноиранский языковой тип. В плане морфологии древнеиранские языки можно сравнить с санскритом и древнегреческим, тогда как западный среднеиранский тип стоит на одном уровне с английским языком. В нем исчезли все именные окончания древнеиранского, а с ними – категории падежа и рода, произошли заметные изменения в глагольной системе. В фонетическом отношении западный среднеиранский тип вследствие утраты окончаний и многих кратких гласных в открытых слогах внутри слова стал богат закрытыми и долгими слогами. Большинство слов в западных среднеиранских языках оканчивается на согласные.

Восточный среднеиранский тип во многих отношениях диаметрально противоположен западному среднеиранскому. Прежде всего здесь довольно хорошо сохранились гласные окончания, как в именах, так и в глаголах, так что даже слова во множественном числе оканчиваются на (краткие) гласные, обстоятельство, уже само по себе достаточное для того, чтобы придать восточным диалектам совершенно другой характер. По-разному действуют в восточных и западных языках правила сокращения слов, затрагивающие главным образом начальные краткие гласные (ср. Хурмазда в согдийском и Ухрамизд в среднеперсидском и парфянском, из древнеиранского Ахурамазда). В восточных иранских языках сохранился грамматический род.

Несколько различны по языковому типу согдийский и западноиранские языки, отмечает В.Б.Хеннинг. Об этом лучше всего можно судить, если заниматься изучением рукописей из Турфана. В большинстве случаев они фрагментарны. Если язык в них согдийский, то по обрывкам нельзя выявить содержание, так как встречаются лишь союзы, частицы, вспомогательные гла-

голы, местоимения, одним словом, элементы, не несущие полной смысловой нагрузки. В парфянских и среднеперсидских фрагментах, напротив, содержание оказывается понятным даже при беглом знакомстве с ними, так как почти каждое слово здесь самостоятельно значимо.

До недавнего времени зафиксированных материалов по языкам, распространенным в древности на территории современной Средней Азии, в нашем распоряжении нет. Языковая ситуация в Средней Азии и прилегающих к ней регионах в древности может быть реконструирована на основе материалов древнеиранских, древнегреческих и ряда иных исторических источников, а также, до некоторой степени, на базе топонимического материала. Большое значение имеет краткая заметка древнегреческого историка и географа Страбона (I в. до н.э. – I в. н.э.) о том, что население Бактрии и Согда было почти однозначным ("глоттос парамикрон")¹⁹. Это позволяет сделать предположение, что в древности согдийский и бактрийский языки соотносились друг с другом как два близких диалекта. Это подтверждают также топонимические данные²⁰.

Основная территория распространения согдийского языка в древности и раннем средневековье – долины Зеравшана, Кашкадарья, Уструшана, часть Ферганы и Чача (совр. Ташкент). В первые века нашей эры согдийский язык распространился далеко на восток от Согда – в Семиречье и в оазисы Китайского (Восточного) Туркестана, где согдийцы основали ряд торговых колоний на трассе "Великого шелкового пути". Согдийский язык в период IV-X вв. н.э. дробился на ряд диалектов и говоров. Из многочисленных диалектов согдийского языка наибольшее значение приобрел диалект населения Смаракансы, столицы Согда. Этот диалект лег в основу письменного согдийского языка и стал в течение нескольких столетий важнейшим языком литературы, науки, религии и международной торговли на территории Средней и Центральной Азии. Находки памятников согдийского языка на территориях долины Зеравшана, Уструшаны и Семиречья подтверждают тот факт, что до IX в. н.э. согдийский язык продолжал оставаться главным языком общения, хотя этнический состав этих территорий был пестрым: наряду с согдийцами в VIII в. н.э. здесь жили этнические группы, говорившие на западноиранских диалектах, а также эфталиты, тюрки, ферганцы и арабы²¹. Один из согдийских диалектов продолжает существовать в виде ягнобского (новосогдийского) языка²².

Бактрийская надпись из Сурх-Котала

Древняя Бактрия (др.-перс. *Baxtriš*, аз. *Bāxdi*, греч. *Βακτρα*) представляла собой историческую область по верхнему и среднему течению Амударьи, между Гиссарским хребтом на севере и Гиндукушем на юге. В древнеиранскую эпоху (начало и середина I тыс. до н.э.) население Бактрии было ираноязычным, о чем свидетельствуют как данные исторических источников, так и топонимики Бактрии и имена древних бактрийцев, засвидетельствованные, в частности, Авестой²². Во II в. до н.э. эта область была захвачена сакскими и тохарскими племенами и впоследствии в источниках стала называться Тохаристаном (Страной тохаров), а язык ее тохарским.

В 1957 г. в Сурх-Котале (Северный Афганистан) была обнаружена надпись, высеченная на каменных плитах особой разновидностью греческого письма (о ней см. ниже). Как было установлено французским ученым А.Мариком²⁴, впервые опубликовавшим эту надпись, она оказалась составленной на одном из диалектов древней Бактрии, который был воспринят кушанами, происходившими из среды сакско-тохарских племен, пришедших на территорию Бактрии из Восточного Туркестана. А.Марик предложил назвать язык этой надписи "эteo-тохарским", подчеркивая тот факт, что в данном случае идет речь о тохарском языке собственно Тохаристана (древней Бактрии), а не о псевдотохарском языке текстов из Кучи и Карашара, названных ранее "тохарский А" и "тохарский Б", и не о языке тохарских племен, вторгшихся в Бактрию во II в. до н.э. После публикации Хеннингом в 1969 г. статьи "Бактрийская надпись"²⁵ за языком надписи из Сурх-Котала окончательно закрепилось название "бактрийский язык"²⁶. В первой половине VII в. н.э. эту область посетил китайский паломник Сюань Цзань, который сообщил, что в стране Ту-хо-ло (Тохаристан) имеется особое письмо из 25 букв и читается оно по горизонтали слева направо, и что в Бамнани "употребление письма, правил веры и монет такое же, как и в царстве Ту-хо-ло; язык несколько отличен", а в стране Каписа "письменность во многом соответствует письменности Ту-хо-ло; обычай, язык и правила веры довольно различны". Далее Сюань Цзань сообщает о том, что в Ше-ки-ни (Шугнан) и в стране Шанг-ми (Читрал?) письменность та же, что и в стране Ту-хо-ло, а язык - другой. Китайский паломник отметил наличие в Тохаристане большого числа литературных сочинений²⁷. По-видимому, эту же письменность имел в виду арабоязычный автор XII в. ал-Самани, когда он сообщал о том, что в областях Вашгирд (совр. Файзабад) и Кувадиан (совр. Шаартуз) имелся особый алфавит, которым были написаны книги²⁸. По мнению И.Гершевича, использование греческого письма для бактрийского языка началось в I в. до н.э. В это время бактрийский язык уже достиг среднеиранской стадии развития. Древнеиранское состояние бактрийского языка не зафиксировано. В VII в. н.э. бактрийский язык и восточноиранские диалекты "бактрийской группы" были распространены на территории Тохаристана и Хутталая. Можно предполагать, что такие современные иранские языки, как музджанский и йидга, продолжают один из бактрийских диалектов, который, однако, отличался от зафиксированного в письменных памятниках²⁹.

Хорезмийский язык, отличающийся от других восточноиранских языков своеобразными особенностями, занимает промежуточное место между согдийским и юго-восточными иранскими языками (пушту и др.), но в то же время у него много общего с парфянским, осетинским языками и языком Авесты. В лексике хорезмского языка сохранился ряд слов, отмеченных в Авесте, но не встречающихся в других иранских языках (например, хорезм. *vacc* - "говорить", авест. *vasha*). Различают две формы хорезмского языка - раннехорезмийский язык, зафиксированный арамейско-хорезмийской письменностью

стью, и позднихорезмийский язык, представленный в памятниках, написанных арабо-хорезмийским письмом. В древности, по крайней мере до VII-VI вв. до н.э., хорезмийский язык был распространен на обширной территории, включавшей в себя не только собственно Хорезм (область в нижнем течении Амударьи), но и часть Митриского оазиса (древняя Маргиана) и ряд прилегающих регионов³⁰. В первые века нашей эры сфера распространения хорезмийского языка сузилась до границ того Хорезма, который описан в средневековых арабоязычных источниках. Письменность, на которой написаны доисламские хорезмийские документы, с одной стороны, похожа на парфянскую, а с другой, — на древнейшую согдийскую. В целом хорезмийская письменность напоминает письменность, зафиксированную в согдийских "старых письмах" (см. ниже). Предполагается, что она просуществовала до начала XI в. н.э. Арабское завоевание Хорезма и уничтожение памятников древней хорезмийской письменности привели к возникновению письма на основе арабо-персидского алфавита, приспособленного для передачи хорезмийской фонетики. Начало использования этого письма применительно к хорезмийскому языку, вероятно, относится к X в. н.э. Хорезмийский язык исчез лишь в XIV в. н.э.³¹

Уже в эпоху Сасанидов (III-VII вв. н.э.) на территории Средней Азии были распространены западноиранские диалекты, на основе которых впоследствии сформировался литературный язык, получивший название *парси, парси* и *дари, фарси*. Таким образом, уже в тот период возникло восточноиранско-западноиранское двуязычие. Большую роль играли среднеперсидский и парфянский языки как литературные и культовые языки манихейских и христианских общин согдийцев и бактрийцев. Парфянский язык, распространенный первоначально в древней Парфии (регион к юго-востоку от Каспийского моря) еще при Аршакидах (III в. до н.э. — III в. н.э.) стал государственным языком всего Парфянского царства, включавшего в свой состав помимо Ирана ряд областей Средней Азии. Поэтому среднеперсидские (по крайней мере, манихейские и христианские) и парфянские письменные памятники составляют неотъемлемую часть культуры таджикского народа³².

Описание иранских языков, распространенных на территории Средней Азии, будет неполным, если не упомянуть о том, что в Бактрии кроме бактрийского языка, с древних времен были распространены различные сакско-тохарские и эфталтские диалекты, на основе которых сформировались языки, называемые сегодня памирскими языками. К сожалению, они не представлены письменными памятниками.

Со второй половины VI в. н.э. усиливается приток тюркоязычного населения на территорию Среднеазиатского междуречья, и начинается процесс взаимодействия иранских и тюркских языков, который, однако, более интенсивно проходил на территории Восточного Туркестана.

Поскольку взаимодействие иранских и тюркских языков относится к проблеме этногенеза таджикского народа, оно будет описано в следующем томе.

АВЕСТА

Важнейшим письменным источником для изучения речи древних ираноязычных племен и народностей Средней Азии является Авеста — собрание священных текстов зороастризма, древнейшие из которых восходят к концу II — началу I тыс. до н.э.³³

Диалектный статус авестийского языка точно не установлен. Ту речь, которая представлена в текстах Авесты, можно назвать "трандиалектной". Исклю-

чение составляет язык Гатов, авторство которых приписывается Зартуштру. Особенности авестийского языка во многом связаны с историей сложения текстов Авесты. Поэтому узколингвистический подход к истолкованию текстов Авесты не дает полной картины гатов. Для более полного понимания Авесты следует применить комплексно-эзететический метод, суть которого состоит в том, что лингвистический разбор во всех случаях сочетается с филологическим, текстологическим, идеологическим и реальным (историческим).

Относительно времени жизни и родины Зартуштра существует несколько точек зрения. Преобладающей является так называемая "хорезмийская гипотеза", согласно которой на основе локализации мифической области Арианем Ваеджо, упоминаемой в Авесте, на территории исторического Хорезма делается заключение, что Зартуштр происходил из племени, жившего в Хорезме, области, включавшей в себя не только собственно Хорезм, но и Мерв и Герат. Время жизни Зартуштра относится к первой половине VI в. до н.э.

По мнению Хумбаха, Зартуштр жил на рубеже II и I тысячелетий до н.э., и его родина находилась в регионе, расположенном между иранскими городами Мешхед и Тус.

Есть еще одна гипотеза: она принадлежит итальянскому востоковеду Г.Ньоли. Зартуштр, по мнению Г.Ньоли, жил в конце II или в начале I тыс. до н.э. на востоке ираноязычного мира, между регионами Гиндукуша, с их постоянным зимним холодом, и областью Хомуни Хилманд. Два полюса этих обширных исторических пространств, по терминологии Ахеменидской канцелярии, составляют Бахтриш и Зрика. Более точно установить, где родился и жил Зартуштр не представляется возможным. Во всяком случае, Зартуштр был вынужден покинуть свою родину и проповедовать за ее пределами. Крайней северной областью деятельности Зартуштра были Бактрия и Арея, а южной – Дрангиана и Арахозия. География Авесты полностью восточно-иранская и локализуется в этом регионе. Зартуштр сначала был *заатаром* (священник), проповедовавшим в традиционном духе. Затем он выступил против политеизма религии своей общины, осудил религию *дайвов* и объявил доктрину, которая одновременно была дуалистическая и монотеистическая.

Зартуштр распространял свое учение в устной форме. Письменная фиксация Авесты была осуществлена после его смерти. По сведениям среднеперсидского сочинения "Денкард", имелось две копии Авесты, из которых одна была сожжена, а вторая попала в руки к грекам во время завоеваний Александра Македонского. Впоследствии аршакидский царь Валахш велел собрать по всей стране все, что осталось после разрушений и грабежа греков и римлян от Авесты и других сочинений, и хранить в одном месте. Под именем Валахш здесь выступает парфянский царь Вологез, правивший с 52 по 80 г. н.э. При нем наблюдалось некоторое оживление зороастризма, хотя в эпоху парфянского царства зороастризм все же оставался в тени. Лишь с приходом к власти Сасанидов в 224 г. н.э. зороастризм завоевал положение государственной религии, причем в ожесточенной борьбе с манихейством и восточным христианством. При Шапуре I (242-272) вновь в письменной форме была зафиксирована Авеста. Это был первый канонический текст, записанный под диктовку опытных жрецов, хорошо знавших старые тексты. Согласно "Денкарду", эта сасанидская копия хранилась в особом хранилище (возможно, в Накши-Рустаме, между Персеполием и Истахром).

При Шапуре II (309-379), согласно преданию, был составлен второй канонический текст под редакцией главного жреца Адурбада, который в знак

поручительства за достоверность текста поклялся тем, что велел вылить себе на обнаженную грудь раскаленный свинец. При Хосрове I (531-579 гг. н.э.) была создана новая письменность Авесты, основанная на книжном пехлеви. Название "Авеста" восходит к среднеперсидскому *avestaq* (более старая форма *avastax*), что интерпретируется как "основной текст". Вероятно, первоначально *avastax* должно было означать "передача". Имелась в виду устная передача священных текстов.

Авеста состояла из 21 наска (наск – "связка букетов"). Количество насков, возможно, определялось тем, что главная молитва Зартуштра состояла из 21 слова. Авеста, дошедшая до нас, составляет всего 500 страниц печатного текста, в то время как первоначально она состояла из 345000 слов. Из 21 наска полностью сохранился лишь один "Вендидад". Значительные фрагменты сохранились также от насков "Эрпатистан" и "Нирангистан", в которых изложены обязанности жрецов и правила ритуала. Кроме того, имеется фрагмент из "Хадухт наск", в котором описана судьба души после смерти. Некоторые наски дошли до нас в пехлевиийских переводах и в виде цитат, вкрапленных в пехлевиийские сочинения. Исследование орфографии авестийских рукописей приводит к выводу, что авестийское письмо представляет собой фонетический алфавит, который можно сравнить с используемой сегодня международной транскрипцией. Оно было создано на базе книжного пехлеви специально для того, чтобы фонетически точно записать передававшиеся устно тексты Авесты. Поскольку авестийская письменность была создана в сасанидский период, то из этого следует вывод о том, что авестийская письменность отражает ту звуковую форму текстов, в какой они воспроизводились в эпоху Сасанидов. В таком случае звуковая форма "сасанидского архетипа" Авесты (имеется в виду первая запись Авесты авестийской письменностью) по ряду особенностей отличается от первоначального восточноиранского звучания. Возможно, что уже на рубеже VI-V вв. до н.э. на воспроизведение Авесты представителями Юго-Западного Ирана оказал влияние древнеперсидский язык. Помимо восточноиранского зороастризма существовал мидийский зороастризм, отличавшийся от восточноиранского зороастризма в языковом отношении. Можно допустить, что попытка внедрить восточноиранский зороастризм в Персии с целью религиозного и политического противодействия мидийским магам была предпринята персидскими верхами еще до прихода к власти царя Дария. Имеются факты, указывающие на то, что корпус Авесты, утвердившийся в Персии, не происходит непосредственно из Мерва и Герата, а прошел путь через Арахизию. Таким образом, существовали зороастризм магов Северо-Западного Ирана и происходящая из Восточного Ирана авестийская школа, утвердившаяся на юге Персии в Истахре у Персеполя (если верить пехлевиийской традиции). Объединение раздвоенной зороастрийской церкви имело место в эпоху Сасанидов³⁴.

Сохранившаяся Авеста включает в себя традиции обеих школ, западной и восточной, однако исторические и географические сведения, содержащиеся прежде всего в Яштах, указывают на то, что большая часть Младшей Авесты происходит из регионов к востоку от Мидии.

Основную часть Авесты составляют 72 главы так называемой Ясны, литургической книги, которой пользуются и сегодня парсы для воспевания отдельных божеств. Ясна – это преимущественно монотонный набор формул с постоянными повторами. Из них выделяются 16 глав, так называемые Гаты (Песнопения), которые содержат послание Зартуштра последующим поколе-

нием. По форме они примыкают к древним гимнам индоевропейского периода. Особая черта Гатов – это своеобразное искусство сокращения слов и свободный порядок слов в предложении. Это оказалось возможным потому, что язык Зартуштра относится к ранней стадии авестийского языка с маркированными окончательными словами. Это позволило Зартуштру отделять связанные друг с другом слова даже в большей мере, чем это наблюдается в латинской поэзии. Зартуштр использовал эту возможность для придания своей поэзии большей образности. Песни Зартуштра – это произведения религиозной поэзии, которой присуща высшая степень мастерства.

Старейшие рукописи Авесты датируются XIII в. н.э. Они были переписаны в Индии. Рукописи, происходящие из Ирана, более поздние, не старше XVII в. н.э. Основная масса рукописей Авесты хранится в Копенгагене.

В эпоху Сасанидов вся Авеста была переведена на среднеперсидский язык. Был сделан настолько дословный перевод, что в среднеперсидском тексте даже сохранились элементы авестийского синтаксиса. А поскольку порядок слов в авестийском и среднеперсидском языках существенно отличается, то во многих местах среднеперсидский перевод оказался непонятным. В результате появились примечания, разъясняющие текст, отдельные слова и пассажи, на свободном среднеперсидском языке. Эти примечания – результат деятельности многих поколений. Таким образом возник "Занд". Термин *занд* приблизительно означает "понимание", "разъяснение". Таким образом, Занд-Авеста – это среднеперсидский перевод Авесты с комментариями. До наших дней сохранились следующие части Занд-Авесты: Гаты, Ясна, некоторые Яшты, Вендидад и Нирангистан. Полный перечень всех сохранившихся среднеперсидских переводов Авесты с указанием их объема (количество слов) дан Уэстом. В рукописях перевод, вместе с Зандом, следует за авестийским текстом стих за стихом или предложение за предложением; оба текста и комментарии заучивались на память. По зороастрийским преданиям, были священники, которые знали наизусть всю Авесту с Зандом и воспроизводили устно вместе Авесту и Занд (*абастаг уд занд*). Живое слово считалось важнее написанного.

Памятники согдийского языка

Среди многочисленных находок первой Турфанской экспедиции 1902 г. были обнаружены фрагменты рукописей, написанных манихейским письмом на неизвестном до того времени языке иранской группы. Немецкий ученый Ф.В.Мюллер издал в 1904 г. эти манихейские фрагменты, назвав язык, на котором они написаны, пехлевийским диалектом. Не настаивая, однако, на этом названии, он высказал предположение, что этот "диалект" был обиходным языком манихейской колонии в Турфане и, возможно, языком населения Хорасана, где, по сведениям ан-Надима, находили убежище гонимые из центра Ирана манихейцы. В том же году другой немецкий ученый Ф.Андреас, указав на близость этого языка к ягнобскому и памирским языкам, признал его исчезнувшим языком согдийцев¹⁵. На родство согдийского языка с ягнобским и осетинским указал также академик Н.Г.Залеман. В 1907 г. Ф.В.Мюллер расшифровал и опубликовал фрагменты христианско-согдийских текстов, добытых второй Турфанской экспедицией под руководством А. фон Лекока, а также установил согдийское происхождение календарных терминов, встречающихся в китайской версии буддийского канона "Трипитака", которые до этого считали персидскими. Годом позже он же установил соответствия между календарными терминами в согдийских текстах и в сочинениях Бируни. Кроме того, Ф.В.Мюллер сумел определить, что один

из языков трехязычной надписи в Карабалгасуне (Северная Монголия), обнаруженной еще в 1889 г. Н.М.Ядринцевым, согдийский (два других языка этой надписи – древнетюркский и китайский). В 1907 г. К.Г.Залеман переиздал фрагменты, опубликованные Ф.В.Мюллером, в транскрипции на базе европейского шрифта. В 1920-е гг. вышел их словарь и грамматическим комментарием. Обнаружение фрагментов согдийских рукописей на территории Восточного Туркестана положило начало формированию коллекций согдийских текстов в различных странах мира. На материале этих фрагментов стали проводить исследования согдийского языка и согдийской литературы.

Все рукописное наследие согдийцев, которым мы располагаем сегодня, по своему содержанию может быть распределено по следующим группам: а) буддийская литература; б) манихейская литература; в) христианская литература; г) литература нерелигиозного содержания.

Литература религиозного содержания, представляющая собой переводы буддийских, манихейских и христианских сочинений на согдийский язык, датируется главным образом периодом между VII и XI вв. н.э. Она возникла в согдийских поселениях Турфана и Дуньхуана в Восточном Туркестане и свидетельствует о многообразии религиозных общин, существовавших тогда на этой территории. Для религиозной согдийской литературы, носящей, как было указано, переводной характер, в целом характерно отсутствие оригинальности, несмотря на то, что переводы были сделаны большей частью опытными переводчиками, хорошо знавшими языки и содержание текстов. Тем не менее, в текстах переводов встречаются случаи непонимания содержания, буквального перевода, употребление искусственно созданных терминов. Все это накладывает отпечаток на язык и стиль согдийских религиозных сочинений, особенно буддийских и христианских. Среди сочинений буддийской литературы значительное место занимают фрагменты согдийских текстов, составленных в стиле традиционных индийских сутр в рамках буддийских преданий школы Махаяны, распространенной в Центральной Азии. Согдийские фрагменты отражают лишь часть всей литературы, созданной школой Махаяны. Большинство согдийских текстов было переведено с индийских текстов, часть – с китайских. В качестве посредника между санскритскими оригиналами и согдийскими версиями выступали, помимо китайского, и другие языки, бытовавшие в Восточном Туркестане (в одном фрагменте сказано, что текст был переведен на согдийский с кушанского-тохарского языка). Точные даты перелета почти всех рукописей неизвестны. По косвенным данным их можно отнести к периоду VII-X вв. н.э. Переписчики-каллиграфы пользовались "письмом сутр" – разновидностью согдийского курсива. Для него характерно четкое начертание букв в сравнении с курсивным письмом, применявшимся в повседневном обиходе. Орфография буддийских текстов – историческая: часто она воспроизводит написание, утвердившееся в согдийской письменности еще на рубеже нашей эры. Такой тип орфографии характерен для всех текстов, названных собственно согдийским письмом. В синтаксисе этих текстов встречаются кальки, а иногда и нарушения грамматических норм. Об этом можно судить, сопоставив согдийско-буддийские тексты с манихейскими и христианскими, а также с немногочисленными образцами согдийской светской литературы, деловыми документами и письмами. Согдийско-буддийские рукописи писались на бумаге – на листах или свитках. В большинстве случаев сохранились лишь фрагменты рукописей. Самый большой из всех согдийских текстов буддийского содержания – это почти полностью сохранившееся сочинение "Воссантараджатака", переве-

денное с санскрита. В нем рассказывается о безграничной щедрости Будды, который выступает здесь в роли принца Судапана (в текстах на языке пали он известен под именем Вессантара). Это сочинение является одной из очень популярных "джатак", сказаний о перерождениях Будды. Также хорошо сохранился другой текст буддийского содержания – "Сутра причин и следствий поступков". В нем Будда перечисляет возмездия, которые получают лица в своих будущих существованиях за проступки, совершенные в этом мире.

Имеется большое количество различных сутр, переведенных на согдийский язык с санскрита или китайского языка. Из них, в частности, можно упомянуть следующие:

1. "Диргханакхасутра" – "Сутра вопросов религиозных лиц с длинными ответами". Часть текста составляют исповеди.

2. "Махапаранирванасутра", состоящие из двух фрагментов, основанных на китайском оригинале. Один из фрагментов содержит спор Будды с Бодхисатвой Кашьяпой о четырех видах поступков "карман" и их последствиях.

3. "Ланкасутра" – краткое разъяснение запрета на употребление алкоголя, чеснока и лука. Это часть большого сочинения о диете.

4. "Масткар чашанд пархун пустак" – "Сутра о запрете на употребление опьяняющих напитков".

5. "Суварнабхасасутра" – короткий фрагмент с параллельными китайской и уйгурской версиями, содержащий рассуждение о сути "дхармадхату" ("сфера религии, космос, Вселенная"). Имеется несколько хотаносакских фрагментов этого текста.

Полный обзор буддийских сочинений на согдийском языке дан О.Хансенем и М.Дрезденом. За редким исключением согдийские сочинения буддийского содержания имеют небольшое литературное значение. Они пригодны для сравнения или, до некоторой степени, для реконструкции параллельных текстов на других языках. Они важны, однако, для истории религий иранских народов, а также для исторических и сравнительно-исторических исследований по грамматике и лексике иранских языков.

Тексты манихейского содержания, сохранившиеся до нашего времени, написаны на многих языках: среднеперсидском, парфянском, согдийском, персидском, бактрийском (один фрагмент), уйгурском, коптском, китайском, греческом, сирийском, латинском, а также на "тохарском Б". Они охватывают период от III до X вв. н.э.

Согдийско-манихейская литература сохранилась лишь фрагментарно: ни одно из манихейских сочинений не дошло до нас в полном виде.

Незначительная часть осталась от канонических сочинений на согдийском языке. Канон манихейской церкви состоял из семи сочинений, написанных Мани на арамейском языке, родном языке пророка. На согдийском языке сохранились фрагменты пятого сочинения канона под названием "Книга гигантов", фрагменты седьмого сочинения, содержащие псалмы (имеются также фрагменты на среднеперсидском и парфянском языках), а также части, известные под греческим названием "Кефалая". Согдийские версии сочинений манихейского канона являются переводами с ранних среднеперсидской и парфянской версий, возникших, очевидно, еще при жизни Мани.

Суммированное изложение манихейской религии содержится в сочинении "Шабураган", написанном Мани на среднеперсидском языке специально для сасанидского царя Шапура I. Наряду со среднеперсидскими и парфянскими фрагментами этого сочинения имеются также согдийские. Обнаружены также

фрагменты нескольких согдийских переводов манихейских прозаических сочинений, возникших после смерти Мани, в том числе отрывки текста, в котором излагается история распространения манихейства в восточных областях Сасанидского государства. Один из самых больших манихейских фрагментов – это сборник исповеданий, предназначенный для настоятелей манихейской общины (ВВВ). В этом сборнике среднеперсидская, парфянская и согдийская версии чередуются или дополняют друг друга. К религиозным текстам относятся фрагменты, сочинения, известного под названием “Объяснения души” (парфянское *“gān wifras”*), два коротких фрагмента исповеди “Хвастванифт”, фрагмент, в котором перечисляются клеветники и грешники (с позиций манихейской религии), а убийство Мага приписывается Александру Македонскому, фрагмент манихейской интерпретации происхождения Вселенной, религиозные календарные таблицы.

Значительную часть Турфанской коллекции составляют сборники стихотворных гимнов, расположенных в определенном порядке и продолжающих традицию Яштов Авесты. Сохранилось несколько согдийских фрагментов таких гимнов, они важны и как источник для изучения согдийского стихосложения, основанного на тоническом принципе, т.е. на принципе числа ударений в строфе. Сохранились манихейские списки личных имен (мужских и женских), названия частей головы, список народов. Литература согдийцев-манихеев включает также сказки. Темы некоторых из них (например, “Сверлильщик жемчуга”, “Три рыбы”) известны из арабской версии “Калилы и Димны” и индийской “Панчатантры”. Это свидетельство о посреднической роли манихеев в передаче литературных сюжетов с востока на запад.

Значительный интерес представляют фрагменты среднеперсидско-парфянско-согдийских глоссариев, составленных манихеями.

Среднеперсидский и, в меньшей степени, парфянский языки занимали в манихейской религии такое же положение, что и латынь в христианской религии. Родным же языком священников и пропагандистов манихейства в Центральной Азии был согдийский язык. Для того чтобы изучать священные манихейские тексты на среднеперсидском языке, у согдийцев возникла необходимость составить словари. Очевидно, их было довольно много, но до нас дошла лишь незначительная часть в виде отдельных фрагментов. Судя по этим фрагментам, существовало три типа подобных глоссариев:

- 1) по первой букве;
- 2) по первым двум буквам;
- 3) по первым трем буквам (значительно реже).

Эти глоссарии были составлены не для профессиональных переводчиков, а для широкого круга читателей. Их предназначение состояло в том, чтобы помочь читателям разобраться в трудных местах среднеперсидского текста. В основном это были глоссарии, рассчитанные на определенную группу текстов и, по-видимому, прилагались к этим текстам, как в настоящее время прилагаются учебные словари. Кроме отдельных слов (существительных, прилагательных, наречий, глаголов и т.д.), в них помещались целые словосочетания. При этом значения слов и выражений давались только для определенного контекста.

Каждая страница глоссария содержит две колонки. Если приводится краткое разъяснение слов, то и среднеперсидское (или парфянское) слово и его согдийский эквивалент даны в одной колонке. Если же разъяснение пространное, то согдийский текст помещается во второй колонке. Всего имеется более 30 фрагментов подобных глоссариев, из них 24 расшифрованы В.Б.Хенингом.

Эпистолярный жанр представлен фрагментами писем некоему манихейскому наставнику: эти письма могли быть составлены в период между 763 и 880 гг.

Особо следует отметить, что манихейские согдийские тексты очень интересны с лингвистической точки зрения, ибо, в то время как христианские и буддийские **PDF Compressor Free Version** тексты больше как хранилища лексикона, манихейские тексты дают ясное представление о подлинной синтаксической структуре согдийского языка, что особенно ярко проявляется в сказках. Даже переводные манихейские тексты написаны на хорошем согдийском языке, частью потому, что манихейцы были лучшими переводчиками, частью же потому, что легче было переводить со среднеперсидского и парфянского языков, близкородственных согдийскому, чем с сирийского или китайского.

Фрагменты согдийских текстов манихейского содержания сохранились в виде сброшюрованных книг, свитков и "потхи" индийского типа, написанных на коже, шелке или, в большинстве случаев, на хорошей бумаге.

Точные даты переписки манихейских текстов установить трудно, так как фрагментов с колофонами почти не сохранилось. Основная часть согдийских фрагментов из Турфана относится, по-видимому, ко второй половине VIII-IX вв., а некоторые — к X в. н.э.

Поддававшееся число манихейских текстов написано особым манихейским письмом, созданным на основе одной из разновидностей пальмирского письма. Этим письмом основатель манихейской религии Мани (216-274) писал свои сочинения на восточно-арамейском языке, близкородственном сирийскому. К иранским языкам впервые это письмо было применено тогда, когда Мани изложил основы учения на среднеперсидском языке в труде "Шабурган". Форма манихейского письма в течение столетий не претерпела никаких изменений. Только позже, примерно в начале X в. был выработан курсивный тип письма, который встречается только в согдийских и персидских текстах.

Наряду с манихейским письмом согдийцы-манихеи использовали также собственно согдийское письмо. Значительное число таких манихейских текстов обнаружено в Турфанском оазисе.

Подробное описание коллекции манихейских текстов, происходящих из Турфанского оазиса и хранящихся в Берлине, издано М.Бойс. Несколько фрагментов, также происходящих из Турфана, имеется в Санкт-Петербурге, в собрании Института востоковедения Российской академии. Часть их опубликовал еще К.Г.Залеман. Отдельные фрагменты хранятся также в Лондоне, в японских и китайских собраниях.

Согдийские рукописи, написанные сирийским письмом (эстрангело), содержат такие памятники христианской литературы, как переводы Нового Завета, хомилий, агнографические сочинения. Эти рукописи происходят с территории Турфанского оазиса (главным образом с городища Булайик), они хранятся в Берлинском собрании. Самые ранние переводы христианских текстов с сирийского языка на согдийский относятся к периоду после эмиграции несториан из Ирана в Центральную Азию во время правления сасанидского царя Йездигерда II (438-457 гг. н.э.), или к VI в. н.э. Турфанские согдийско-христианские рукописи переписаны в IX-X вв. н.э.

Большинство согдийских переводов христианских текстов почти буквально соответствует сирийским оригиналам. Однако имеются фрагменты псалмов, переведенных со среднеперсидского языка на согдийский. Таким образом, некоторые согдийско-христианские тексты возникли на основе среднеперсидских переводов с сирийских оригиналов.

Сохранилось значительное число рукописных листов согдийского перевода Нового Завета, написанных одним почерком на бумаге одного сорта. Это фрагменты текстов от Матфея, Луки, Иоанна и некоторых других частей Нового Завета, основанных на сирийском переводе "Пешитты", основной сирийской версии Библии. Они относятся к числу сборников, использовавшихся в литургии.

Имеется также ряд двуязычных фрагментов Старого и Нового Заветов, в которых отдельные сирийские предложения или словосочетания сопровождаются согдийским переводом. Эти рукописи плохо сохранились. Одна из причин этого состоит, по-видимому, в том, что они были в широком употреблении. Из остальных согдийско-христианских текстов заслуживают особого упоминания следующие:

1. "Нахождение креста" (5 листов). Издан Мюллером-Лентцом. Это история о том, как "крест [нашего] господина был найден в Иерусалиме в дни славной царицы Елены, матери Константина, христианского царя".

2. Фрагменты рассказов о епископе Баршаббе и царице Шир.

3. Фрагмент текста о Симоне, в котором Симон Петрус торжествует над Сионом Магом благодаря воскресению, совершаемому им в присутствии членов императорского двора.

4. Фрагмент текста о Данииле, где Даниил выступает как толкователь снов царя Небукаднезара.

5. "Призыв к христианскому смирению".

6. Тексты, содержащие легенды о христианских великомучениках.

7. "Мученичество святого Серапиона Сидониты". От этого текста сохранилось значительное количество фрагментов. Большая часть их принадлежит одной рукописи, написанной мелким почерком. В этой рукописи содержатся другие тексты, в том числе тексты медицинского содержания. Часть этих фрагментов, а также ряд других, были подготовлены к печати О.Хансеном, однако так и не вышли в свет.

Идентификация и интерпретация согдийско-христианских текстов, начатая О.Хансеном, была успешно продолжена М.Шварцем. Среди этих текстов — рассказ о том, как римский военачальник Плащдас стал христианином, принял имя Евстахий и был замучен вместе со своей женой. В другом тексте рассказывается о том, как восемь юношей из Эфеса были замурованы в пещере во время правления антихристиански настроенного императора Деция (201-205 гг. н.э.) и вызволены спустя два столетия при славном царе Феодосии II (401-450 гг. н.э.). Есть среди этих текстов и фрагменты из "Книги жизни", "Книги псалмов", рассуждений против злых мыслей и т.д.

Отношения между согдийскими переводами и сирийскими оригиналами или параллельными версиями подобны отношениям между согдийско-буддийскими текстами и их китайскими или индийскими оригиналами.

Согдийцы-христиане в переводах стремились точно воспроизвести синтаксическую структуру оригинала (порядок слов, употребление глагольных временных форм и др.); наиболее отчетливо эта тенденция проявляется в переводах Нового Завета, относящихся к ранним памятникам христианской литературы согдийцев.

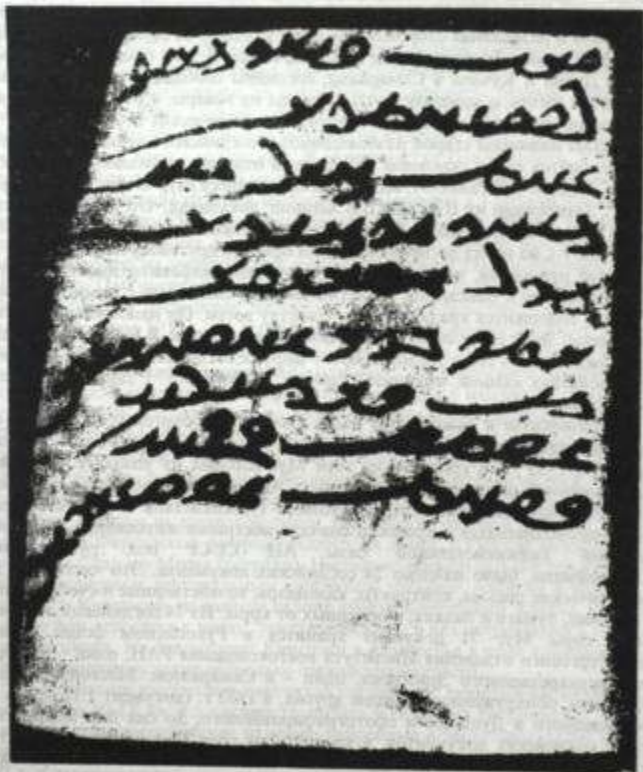
Орфография согдийско-христианских текстов менее консервативна, чем орфография памятников на собственно согдийской и манихейской письменностях; некоторые грамматические особенности могут объясняться влиянием разговорной речи, так как христианские тексты, как и манихейские, по стилю

приближаются к разговорному согдийскому языку. Следовательно, в лингвистическом отношении они особенно важны (в силу их вторичного характера литературное значение этих текстов невелико). Различия в написании одних и тех же слов в разных рукописях позволяют сделать предположение, что имелись небольшие диалектные расхождения в речи согдийцев-христиан.

В Турфанском оазисе обнаружены также христианские тексты на согдийском алфавите, в том числе фрагменты согдийского перевода Псалтыри.

О том, что христиане пользовались согдийской письменностью в частной переписке, можно судить по письму, найденному в Дуньхуане и относящемуся, очевидно, к IX или X в. н.э.

Согдийский документ с горы Муз

Светских (нерелигиозных) согдийских текстов сохранилось значительно меньше, чем религиозных. Одним из них является отрывок сказания о Рустаме, найденный в окрестностях Дуньхуана вместе с согдийско-буддийскими рукописями. Он состоит из двух фрагментов, один из которых (начало) хранится в Парижской коллекции, другой (продолжение) – в коллекции Британской библиотеки. Текст, вероятно, переведен со среднеперсидского языка в зороастрийской общине. Сюда же относится еще один фрагмент Британской библиотеки, который переписан тем же почерком, что и текст сказания о Рустаме, и в котором упоминается “совершенный, праведный Заратушт”. Первые две строки этого фрагмента содержат согдийскую передачу авестийской молитвы “Ашэм воху”. Гораздо более ранними являются так называемые “Старые письма” – частные письма согдийцев, живших в оазисах Восточного Туркестана. “Старые письма” (всего их 9, на бумаге и шелке) были найдены в 1906 г. А.Стейном в развалинах сторожевой башни к западу от Дуньхуана. Авторами некоторых из них были выходцы из Самарканда. В этих письмах, направленных из Дуана и Кучана в Самарканд, согдийцы сообщают родственникам о трудностях жизни, о задержке почты, о ценах на товары, о родственниках, живущих вдали от родины, а также о некоторых политических событиях.

Письма написаны старой разновидностью согдийского алфавита, при этом буквы пишутся еще в основном раздельно в отличие от позднего курсивного письма. Р.Готье и Г.Райхельт, впервые попытавшиеся дать чтение всех “Старых писем”, датировали их II в. н.э.; В.Б.Хеннинг доказывал, что их следует отнести к началу IV в., однако Я.Харматта предложил датировать концом II в. (около 196 г.), но новая датировка не была принята другими учеными.

Среди рукописей, написанных на согдийском алфавите, имеется текст, в котором наряду с описанием свойств камней и связанных с ними поверий и ритуалов содержится краткий гимн божеству ветра. Он напоминает авестийские Яшты. Этот текст может считаться оригинальным. В.Б.Хеннинг предлагал отождествлять его с упоминаемой у Бируни согдийской книгой о магических свойствах камней, имевшей название “Нава-пусте” (“Девять книг” или “Новая книга”).

Значительную и важнейшую часть Санкт-Петербургской коллекции согдийских рукописей составляют документы с горы Муг. Они были обнаружены в 1932-1933 гг. в крепости на горе Муг (отсюда их условное название), расположенной около селения Хайрабад (Айнинский, ранее Захматабадский район Ленинабадской области Республики Таджикистан). В результате раскопок, проводившихся в крепости сначала местными жителями, а затем экспедицией Таджикистанской базы АН СССР под руководством А.А.Фреймана, было найдено 74 согдийских документа. Это частные и дипломатические письма, контракты, календарь, хозяйственные и счетные записи на коже, бумаге и палках, очищенных от коры. Из 74 согдийских документов с горы Муг 71 документ хранится в Рукописном фонде Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН, один – в собрании Государственного Эрмитажа, один – в Самарканде. Местонахождение документа, обнаруженного раньше других, в 1932 г. (документ I.1), тогда же доставленного в Душанбе и сфотографированного, до сих пор неизвестно. Кроме согдийских документов, в крепости на горе Муг были найдены три китайских, один написанный руническим письмом, а также один арабский документ, на основе которого И.Ю.Крачковский установил, что все находки на горе Муг относятся к периоду не позднее 722 г. Большинство документов

происходит из Пенджикента и связано с Деваштичем, последним согдийским царем, а также с жителями Пенджикента и селений долины Верхнего Зеравшана. Издание согдийских документов с горы Муг осуществили А.А.Фрейман, М.Н.Боголюбов, О.И.Смирнова, В.А.Лившиц. По языку и орфографии **PDF Compressor Free Version** памятникам согдийской письменности из Восточного Туркестана. Это первые рукописные согдийские документы, найденные на территории самого Согда. Их значение для исследования истории Согда, его культуры и религии, а также лингвистики исключительно велико.

Согдийские надписи В процессе археологических раскопок, проведенных на территории Средней Азии, найдены многочисленные памятники согдийской эпиграфики и нумизматики. Фрагменты надписей, сопровождающих сцены стеной живописи, обнаружены при раскопках на городище Пенджикента. Здесь же найдено значительное число надписей на керамике, в том числе остраки (VII – начало VIII в.), из которых наиболее важен острак с согдийской азбукой. Этот острак содержит шесть строк. Первые две строки представляют собой изображение всех 22 букв согдийского алфавита, происходящего из арамейского алфавита. Формы букв совпадают с формами букв согдийской письменности VII-VIII вв. н.э. В Пенджикенте найдены также согдийские надписи на изделиях из кости и камня, в том числе каменные гири с надписями. В окрестностях Пенджикента, в Чильхуджре, найден фрагмент ранней надписи на керамике (возможно, относится к IV в. н.э.). Вертикальная надпись на сосуде обнаружена в Гардани Хисор, недалеко от горы Муг. При раскопках замка Чильхуджра вблизи Шахристана найдено три согдийских документа на дощечках. Один из них является распиской, похожей на юридические документы с горы Муг, и относится к VII-VIII вв. н.э. При раскопках Афраснаба – городища древнего Самарканда – в 1965 г. открыты согдийские настенные надписи (*дипинты*), относящиеся ко второй половине VII в. н.э. Наибольшая из них содержит 16 строк связного текста. Она относится ко второй половине VII в. н.э. и связана по содержанию с несохранившейся хроникой Самарканда. На Афраснабе найден ряд других согдийских эпиграфических памятников: острак с надписью, относящейся, вероятно, к VI в. н.э., документ на дереве, датированный предположительно V-VI вв. н.э., надписи на терракотовых статуэтках. Имеются находки согдийских надписей с городища Тали-Барзу под Самаркандом. Несколько согдийских надписей найдено на территории Бухарского Согда: остраки из раскопок дворца бухарских правителей в Варахше, надпись на глиняной чаше из Бухары, фрагмент надписи на шелковой ткани. Согдийские надписи найдены также на территории Ферганской долины (надпись на хуме), в Гиссаре (оссуарий) и на городище Старого Мерва (остраки). Несколько наскальных согдийских надписей, выполненных вертикальным курсивным письмом, найдено в ущельях Терек-сай и Кулан-сай, на южном склоне хребта Киргизский Алатау. По содержанию они относятся к числу "посетительских": в них встречаются в основном личные имена. На территории Киргизии в Семиречье в ходе археологических работ обнаружено также несколько согдийских надписей.

В результате длительных контактов согдийцев с тюрками согдийская письменность в VI-IX вв. н.э. распространилась в тюркских государствах. Об этом свидетельствуют согдийские надписи, найденные в Монголии. Одна из них – надпись на стеле из Бугута (Центральная Монголия). Она составлена в конце VI в. и является единственным письменным памятником, дошедшим до нас от I Тюркского каганата. Согдийский текст из 29 строк начертан курсивным пись-

мом по вертикали. Надпись содержит эпитафию тюрку Махан-тегину. Широ-кую известность имеет Карабалгасунская надпись, вырезанная на гранитной стеле, которая была найдена в 1889 г. Н.М.Ядринцевым на левом берегу р.Орхон среди руин столицы Уйгурского каганата. Надпись имеет три версии – согдийскую, арабскую, персидскую и китайскую. Согдийская версия написана курсивным письмом по вертикали. В ней описаны главные события политической истории Уйгурского каганата и сообщается о принятии манихейства в качестве государственной религии. Надпись составлена в начале IV в. н.э.

Согдийский документ буддийского содержания из Дунь-Хуана

На юге пустыни Гоби найдена мраморная стела с остатками вертикальной согдийской надписи. Здесь же расположена и древнетюркская руническая надпись. Несколько надписей открыто в 1970 г. в Северо-Западной Монголии. Они написаны по вертикали тушью и относятся к жанру "посетительских": их оставили гонимые и путешественники. В конце семидеся-

тых годов на территории Пакистана обнаружено около 200 мелких согдийских надписей на камнях и скалах. Все они находятся недалеко от местности под названием Шатнал-Бридж ("Мост Шатнал"), расположенной в районе Тхор (верховья долины р.Инд). Здесь проходил караванный путь в Индию и страны **PDF-Compressor Free Version** Средней Азии. Согдийские надписи, обнаруженные в этом месте, написаны согдийским письмом, по форме напоминающим письмо "Старых писем". Это дает возможность предполагать, что надписи были сделаны не позже начала IV в. н.э. Все надписи короткие и содержат в основном личные имена и географические названия. На территории Самаркандского Согда обнаружены монетные чеканы II-V и VI-VIII вв. К VII-VIII вв. н.э. относятся монеты с согдийскими надписями, выпускавшиеся в Уструшане, Чаче, в Ферганской долине и в Южном Таджикистане (находки на городищах Аджинатепе и Кафыркала в долине р.Вахш). К VI в. можно отнести согдийские надписи на сасанидских монетах, происходящих из Тохаристана. Согдийские надписи имеют также монеты ряда правителей Семиречья VIII в. н.э. На монетах Хорезма первой половины VIII в. наряду с хорезмийскими надписями имеются и согдийские, что подтверждает широкое распространение согдийского письма. На территории Бухарского оазиса со II в. н.э. выпускались монеты с надписями, выполненными местным вариантом согдийского письма. Особенно интересны в этом отношении серебряные монеты, выпуск которых начался в V в. н.э. и продолжался в течение пяти столетий, причем согдийская надпись "государь царь Бухары" сохранилась вплоть до X-XI вв. н.э. В научной литературе эти монеты называются "бухархудатскими". О распространении согдийской письменности в долине Кашкадарья уже в III-IV в. н.э. свидетельствуют монеты с согдийскими надписями, выпускавшиеся в районе Несефа (Нахшеб, совр. Карши). В монетных надписях содержатся, как правило, только имена собственные и титулы правителей.

Особую группу памятников составляют надписи на серебряных сосудах. В ранних надписях (V-VI вв. н.э.) этой группы отразились локальные разновидности согдийского письма – самаркандского, бухарского, возможно также уструшанского. В более поздних (VII-VIII вв. н.э.) представлено только самаркандское письмо. На Афрасиабе в Самарканде открыты фрагменты хозяйственных документов – острак (V в. н.э.) и текст на дереве. Согдийские надписи на керамике обнаружены в Бухарском оазисе (Варахша), в Ферганской долине (Кува), в Семиречье, в Гиссарской долине; несколько согдийских остраков найдено на городище Старого Мерва.

Среднеперсидские надписи на территории Средней Азии

Несколько среднеперсидских надписей обнаружено в районе Старого Мерва³⁶. Это преимущественно надписи на черепках (остраки) и бараньих лопатках. Один из таких черепков найден в 1935 г. на городище Гиуркала вместе с черепками с согдийскими и арабскими надписями. Все эти надписи, по мнению В.А.Лившица, являются упражнениями в письме – остатками архивов мервских школ писцов первой половины VIII в. н.э.

Обнаружена среднеперсидская надпись и на стене одного из помещений городища в Пенджикенте, выполненная профессиональным писцом. Надпись относится к VII в. и, вероятно, связана с пребыванием в Самаркандском Согде сторонников или даже родственников погибшего последнего сасанидского царя Йездигерда III.

Несколько среднеперсидских надписей граффити найдено в буддийском монастыре Каратепе. Они относятся приблизительно к IV-V вв. н.э.

Среднеперсидский язык был основным языком манихейской религии в Иране и Центральной Азии²⁷. Мани был представлен при дворе Шапура I и преподнес ему специально написанную для него книгу "Шабурган" ("Книга Шапура"), в которой в сжатом

виде излагается доктрина манихейской религии. Нет прямого подтверждения тому, что Мани сам написал это сочинение на среднеперсидском языке. Скорее всего он перевел ее с арамейского оригинала (арамейский был родным языком Мани). От среднеперсидской версии этого сочинения сохранились лишь фрагменты. Сохранилась также часть введения к среднеперсидской версии большого сочинения Мани, известного под греческим названием "Евангелион". Оно состояло из 22 глав, каждая из которых начиналась с букв арамейского алфавита.

Из псалмов, сочиненных Мани и переведенных на среднеперсидский язык, до нас дошли лишь фрагменты. Текст одного из псалмов хорошо сохранился, однако в парфянской версии под названием "Вузурган Африван" ("Благословение великих"). Имеются фрагменты согдийской версии этого псалма. Второй псалом представлен фрагментами текста, который по-парфянски называется "Кшудаган Африван" ("Благословение освящения"). По структуре и содержанию он похож на первый. Сохранились фрагменты среднеперсидской версии "Кефала" (о согдийской версии см. выше).

Среди многочисленных манихейских рукописей на среднеиранских языках, добытых немецкими турфанскими экспедициями, лишь одна представляет собой переплетенную книгу. Это – "Книга молитв и покаяния, которая уже упоминалась среди сочинений на согдийском языке. Она содержит среднеперсидские и парфянские гимны и, как основной текст, покаяние на согдийском языке. Даже беглое знакомство с "книгой" приводит к выводу, что листы в ней скреплены неверно. Тем не менее В.Б.Хеннинг удалось до некоторой степени восстановить их последовательность. Среднеперсидская и парфянская части ВВВ включают в себя следующие тексты:

1. Письмо с печатью, являющееся, по всей видимости, посланием Мани, направленным им манихейской церкви через посредство учителя Мар Аммо.
2. Гимны Беме (14 единиц, более или менее сохранившихся полностью).
3. Хвалебная песнь Нариса.
4. Хвалебные песни Сруш-Ахрай (6 песен, одна из которых сохранилась полностью).
5. Песни, прославляющие Иисуса (одна полная, другая – фрагментарная).
6. Песни, прославляющие "посланцев"; в среднеперсидском тексте отсутствует начало, в парфянском – середина.
7. Песни, прославляющие Бему (фрагменты трех песен).
8. "Гимны радости" (7 фрагментов).

Часть манихейских прозаических сочинений состоит из правил веры, фрагментов хомилий, текстов наставлений, изложенных в форме вопросов и ответов.

Имеется сравнительно большое количество космогонических сочинений, текстов астрономического содержания, фрагментов календарей.

Тексты некоторых фрагментов (среднеперсидские, парфянские и согдийские) отражают историю манихейской церкви и жизни Мани. В них перечислены также произведения Мани, описаны ранние миссии его последователей. Эти сочинения написаны в жанре хроник и отличаются простым стилем, характеризующимся, в частности, употреблением коротких простых предложе-

ний. Два текста на среднеперсидском языке связаны с личностью Мани. Один из них повествует о встрече Мани с Бахрамом I, другой – о смерти Мани. Оба текста составлены очевидцами событий и датированы примерно 274-276 гг. н.э. или чуть позже. Они отличаются простым стилем, частыми повторами, некоторыми неясными местами, что, по мнению М.Бойс, свидетельствует о начальной стадии развития среднеперсидской прозы.

Для пропаганды своей веры манихеи заимствовали различные сказки и басни из Индии и Китая, которые впоследствии через Иран проникли в Сирию и далее на запад. Таким образом, манихеи сыграли видную роль в качестве посредников в распространении восточных притчей в Европе. Большинство этих притчей сохранилось на согдийском языке, но некоторые – на среднеперсидском и парфянском языках. Для этих произведений характерны лаконичность стиля и незавершенность сюжетов. Создается впечатление, будто это конспективная запись, предназначенная для духовника, который должен придать ей художественную форму непосредственно в аудитории, что еще раз подтверждает мысль о том, что тогда устное слово превалировало над письменным.

Самый поздний датированный прозаический текст манихейского содержания на среднеперсидском языке – введение в книгу гимнов – был составлен в Карахакре между 825 и 832 г. н.э. По-видимому, он был написан согдийцами, использовавшими среднеперсидский язык как язык церкви. В этом тексте встречаются парфянские и новоперсидские формы слов.

В числе среднеиранских фрагментов коллекции Маннергейма в Хельсинки имеется фрагмент, состоящий из 11 строк и фрагмент из 10 строк, написанных на среднеперсидском языке согдийским письмом. По содержанию это текст одного из манихейских гимнов (пока окончательно не расшифрован). В Немецкой Турфанской коллекции числится несколько подобных фрагментов.

В данном разделе рассматриваются памятники, написанные на парфянском языке, т.е. одном из северо-западных среднеиранских языков, на котором говорили представители господствующего иранского слоя Аршакидского государства (III в. до н.э. – III в. н.э.). Поскольку это был также язык коренного населения области Парфия (Парфияна), то наименование его парфянским вполне оправдано. От древнего этапа развития этого языка, предшествующего эпохе Аршакидов, никаких памятников до нас не дошло. В качестве живого разговорного языка парфянский существовал примерно до VI в. н.э., а парфянские памятники, относящиеся к более позднему времени, были составлены на уже мертвом литературном языке. Все парфянские памятники (кроме манихейских) были записаны с помощью парфянского же алфавита – отдельной разновидности арамейско-иранской письменности³⁸.

От эпохи Аршакидов до нас не дошло монументальных царских надписей, подобных надписям Ахеменидов и Сасанидов. Немногие известные к настоящему времени парфянские наскальные, настенные и т.п. надписи этой эпохи таковы. В Саргуде (в горах Загра) плохо сохранившаяся надпись сопровождает рельеф, изображающий всадника и пешего человека. Предполагают, что рельеф запечатлел победу парфянского царя Вологеза II или III над другим претендентом на царский престол (II в. н.э.)³⁹. В Сузах надпись на так называемой "стене Хвасака" говорит о наделении властью местного сатрапа со стороны парфянского царя Артабана V в 215 г. н.э.⁴⁰ На стенах некоторых зданий раскопанного археологами древнего города Дура-Эвролос (на Евфрате) сохранились короткие парфянские надписи (граффити), одна из них дати-

рована 211 или 212 г. н.э.⁴¹ (конечно, в переводе на нашу систему летосчисления). Короткие парфянские надписи частного характера известны близ Бирдженда (в Южном Хорасане), но датируются они уже началом Сасанидского периода (III в. н.э.)⁴²

Как ни странно, но для монументальных царских надписей парфянский язык стал применяться лишь при Сасанидах – в качестве второй версии тринингов и билингов первых Сасанидских царей. Таковы парфянские версии двух надписей-тринингов царя Шапура I (III в. н.э.). В первой из них, хорошо сохранившейся, высеченной на стенах знаменитого святилища, известного под названием "Кааба Зороастра" (в местности Накши-Рустам в Фарсе), пространно повествуется о деяниях царя. Вторая (в местности Накши-Раджаб в Фарсе) перечисляет придворных царя. Таковы же парфянские версии надписей-билингов царей Шапура I и Нарсе. Надписи Шапура I в Хаджнабаде и Танги-Бураке (в Фарсе) рассказывают о состязании в стрельбе из лука при участии царя, а надпись Нарсе в Пайкули (в Иракском Курдистане) на каменных блоках, пространная, но весьма фрагментированная, излагает события, связанные с вступлением на престол Нарсе (293 г. н.э.)⁴³.

Большое историческое значение имеют парфянские надписи на остраках. Наиболее известны из них остраки Нисы, Они были обнаружены во время археологических работ под руководством М.Е.Массона в 1948-1954 гг. на городищах Нисы (в Южной Туркмении, недалеко от Ашхабада), одной из ранних столиц Аршакидов. К настоящему времени известно уже около трех тысяч глиняных черепков, составляющих нисийский архив. Большинство из них происходит с городища Старая Ниса и лишь несколько – с городища Новая Ниса; датируются они I в. до н.э. Надписи на черепках выполнены письмом, еще близким письму Ахеменидских царских канцелярий, а количество арамейских идеограмм в них так велико, что среди ученых даже возник спор: каков язык этих надписей – парфянский или арамейский? По содержанию своему надписи являются в большинстве случаев хозяйственными документами царских винных складов в Михрдаткирте (Старая Ниса) по учету податей вином и уксусом с разных виноградников, но некоторые надписи имеют и иное содержание. Все они представляют собой очень ценный источник как для социально-экономической истории, так и для истории культуры, религии и даже для политической истории⁴⁴. Точно такие же остраки, датирующиеся, по-видимому, тем же временем, археологи начинают находить в руинах другой древней парфянской столицы, Гекатемпила (Шахри-Кумис в Иранском Хорасане)⁴⁵.

Позднее подобные остраки были найдены и в других близлежащих местах: надписи на черепках из Кошадепе (Туркмения) являются тоже хозяйственными документами II-III вв. н.э.; надписи на целых сосудах и обломках из Старого Мерва I в. до н.э. – II в. н.э. и из расположенного в том же оазисе Гебеклы III-IV вв. н.э., Куижакалы (Ашхабад) и Игдыкалы I в. н.э. (на Узбое)⁴⁶ и даже из далекого Нишпура в Ираке I-II вв. н.э. указывают, видимо, на лиц, которым принадлежали эти сосуды⁴⁷. Парфянские остраки найдены и еще дальше к Западу, в Дура-Эвропос, на границе с Римской империей (III в. н.э.), и во всяком случае часть из них, по-видимому, тоже с хозяйственными записями⁴⁸. Бронзовый медальон с парфянской надписью II в. до н.э.(?) обнаружен в Дангаре (Таджикистан)⁴⁹.

Парфянские легенды на Аршакидских царских монетах появляются начиная с правления Вологеза I (I в. н.э.) – сначала краткие, затем более длинные. Парфянские легенды в это время носят и монеты некоторых подчиненных Ар-

шакидам царств, — например, медные монеты правителей Элимаиды (I-II вв. н.э.)⁵⁰. Парфянские надписи, содержащие собственные имена, имеются на некоторых оттисках печатей из Нисы (II в. н.э.)⁵¹, известны надписи на геммах и т.д.

Парфянский пергамент был найден у Авромана (в Иранском Курдистане), запечатанным в три места и скрепленным другими пергаментными; эти последние имели греческий текст, а к одному из них была сделана приписка по-парфянски. Все эти пергаменты являются документами о купле-продаже части виноградника, но греческие тексты были составлены в I в. до н.э., а парфянский — примерно в середине I в. н.э.⁵² Обрывок пергамента с каким-то деловым письмом, составленным по-парфянски, происходит из Дура-Эвропоса и относится к середине III в. н.э.⁵³ [О парфянских манихейских рукописях III-X вв. н.э., найденных в Турфане (Восточный Туркестан), см. ниже. — И.П.]

Парфянские манихейские памятники письменности

Манихейские парфянские тексты датированы концом III в. н.э. — X в. н.э. Они составляют самую значительную часть парфянской литературы и легко читаются, так как написаны четким и изящным манихейским письмом, родственном сирийскому эстрангело. В основном сохранились отдельные фрагменты. Частично манихейские сочинения на парфянском языке уже были упомянуты выше вместе с сочинениями на согдийском и среднеперсидском языках⁵⁴.

Основная коллекция парфянских текстов опубликована Андреасом и Хеннингом. Большое значение для иранистики имеет издание двух циклов парфянских гимнов — “Хувидагман” и “Ангад рошан”. В этом издании систематизировано и снабжено филологическим комментарием 114 фрагментов. Публикации этих текстов способствовали исследования среднеиранских манихейских гимнов В.Б.Хеннингом. Наиболее значительные и важные манихейские тексты на среднеперсидском и парфянском языках собраны в хрестоматии, подготовленной М.Бойс. Тексты даны в транслитерации (часть также в транскрипции). К этим текстам отдельным изданием приложен глоссарий, в котором среднеперсидские и парфянские слова представлены в транслитерации и транскрипции с переводом на английский язык. К глоссарию добавлен обратный словарь, составленный Р.Цванцигером.

Большая часть манихейской парфянской литературы состоит из гимнов. В целом различают три категории парфянских поэтических текстов:

- 1) большой цикл стихов, состоящий из нескольких частей;
- 2) длинная, неделимая на части песнь-хвала;
- 3) короткие гимны, расположенные, как правило, в порядке арамейского алфавита.

В парфянской поэзии, как и в среднеперсидской, сохраняется древнеиранская традиция. Поздние парфянские поэтические тексты обладают меньшими художественными достоинствами, поскольку они были составлены согдийцами, для которых парфянский язык был мертвым языком манихейской церкви. В большинстве манихейских рукописей поэтические тексты по форме представлены как прозаические, по-видимому, с целью экономии места, но концы строк и стихов обозначены, как правило, цветными точками. Иногда стихотворные строки выделены особо. Часть текстов написана с разделением на слоги, чтобы подчеркнуть музыкальную манеру исполнения (чтение с напевом). Это предназначалось для того, чтобы манихеи-согдийцы могли правильно петь тексты на западноиранских языках. Благодаря изучению манихейских гимнов было установлено, что доисламская иранская поэзия была

нерифмованной ударной поэзией с нерегулярной метрикой, наподобие англосаксонской или верхненемецкой поэзии.

Манихеи были посредниками в распространении восточных мотивов в Европу, и в этом смысле манихейская литература очень важна для истории мировой литературы.

Язык манихейских парфяnskих текстов представляет собой "восточную" форму парфянского языка. В нем зафиксировано более трех десятков слов, заимствованных из индийских языков. Это объясняется тем, что манихейская церковь в Центральной Азии испытывала влияние буддизма. Большинство индийских слов в манихейском парфяnskом составляют заимствования из северо-западного праkritа, лишь немногие – из санскрита. Некоторые слова индийского происхождения через парфянский проникли в манихейско-согдийский, поскольку манихейско-парфяnsкие литургические тексты возникли раньше согдийских, хотя все же можно допустить, что много индийских заимствований проникло в манихейско-согдийский из буддийско-согдийского.

В одном из парфяnskих документов, опубликованных В. Зундерманом, содержится высказывание Мани об известных ему письменностях: "Есть три письменности, которые существовали и ранее. Это – индийско-сирийская и греческая". Мани назвал три разновидности письменности, которые он познал в результате учения и путешествий и происхождение которых ему было известно: письменность эллинистической культуры восточных провинций Римской империи, письменность, возникшая на индийской почве (возможно, разновидность, брахми), с которой он познакомился во время миссионерской деятельности в долине Инда, и арамейскую письменность, которой он пользовался сам и которую он называет "сирийской". Мани не изобрел заново письменность, которую называют манихейской по его имени. Он лишь добавил несколько особых графем к арамейской ("сирийской") письменности, которую М. Лидзбарски называл "курсивным вариантом пальмирской письменности". Манихейская письменность использовалась до самого угасания манихейства в Центральной Азии, т.е. примерно до XIII в. н.э. Подробная характеристика манихейской письменности дана В.Б. Хевингом и И. Гершевичем.

Письменные памятники на бактрийском языке

В начале пятидесятых годов на пути из Кабула в Мазари-Шариф, примерно в 15 километрах от Пули-Хумри, у подножия перевала Сурх-Котал ("Красный перевал"), ведущего в долину реки Кундуз-аб, французская археологическая экспедиция обнаружила остатки храма эпохи Великих Кушан. Раскопки дали такую находку, которая имеет большое значение не только для истории Бактрии и Северо-Западной Индии позднего эллинистического периода, но и для иранского языкознания: была найдена хорошо сохранившаяся надпись из 25 строк, выполненная греческим письмом. В ней содержится имя Кушанского правителя Канишки, покровителя буддизма, хотя нет веских доказательств, что она была сделана при нем. Общее содержание этой надписи сводится к следующему. После основания Канишкой храм-святины долгое время не ремонтировался и был заброшен до тех пор, пока некий Ноконзоко, чиновник высокого ранга, не прибыл сюда и не велел отремонтировать и украсить святилище. Кроме Ноконзоко, в этом деле участвовали еще три чиновника высокого ранга. Сама же надпись была составлена Михраманом и Бурзинхрпуром, которые подписались под ней и оставили свои геральдические знаки (по терминологии Сасанидского Ирана – *тишаны*). Цель надписи – прославить восстановление храма по указу Ноконзоко. Надпись можно датировать ранним периодом правления Хувишки.

В Сурх-Котале обнаружен еще ряд других бактрийских надписей, в том числе 12 фрагментов большой настенной надписи и одна надпись, состоящая из трех строк, написанных черной краской на поверхности отшлифованного камня. Многие другие надписи найдены во время раскопок буддийского пещерного монастыря Каратепе в Старом Термезе. Это посетительские надписи-графити, начертанные курсивным письмом на стенах. Они относятся, вероятно, к III-IV вв. н.э. Здесь же обнаружены более ранние надписи, сделанные черной краской на фрагментах керамики, а также двуязычная санскритско-бактрийская надпись на сосуде. Две курсивные наскальные надписи обнаружены в Джагату (Центральный Афганистан). К поздним памятникам бактрийского письма относятся надписи, обнаруженные в долине р.Точи (Вазиристан в Северо-Западном Пакистане). Найденная в Дашти-Навур (Афганистан) сильно поврежденная и с трудом читавшаяся надпись, вскоре после ее открытия была окончательно уничтожена посетителями. Плодотворные результаты дали раскопки советско-афганской археологической экспедиции на территории Северного Афганистана: в Дильберджине, бактрийском городе, расположенном к северо-западу от Балха, открыты бактрийские настенные надписи-дипинги и надписи на керамике. Кроме того, там найдены пять фрагментов надписи монументальным письмом. Эта надпись вырезана на мраморной стеле и покрашена охрой. Вероятно, в ней говорится о восстановительных работах, т.е. по содержанию она близка к сурхкотальской надписи. В Дильберджине найдены также два острака, один из которых содержит писцовые упреждения⁵⁵. Следует упомянуть также следующие бактрийские надписи:

1. Две наскальные надписи из Урузгана (Центральный Афганистан, к северо-западу от Кандагара). Составлены около 500 г. н.э.
2. Надпись на фрагменте погребального хума из Душанбе. Относится к I-II вв. н.э.
3. Надпись на бронзовом колокольчике, найденная около Даштиджума (Таджикистан). Она состоит из 17 рельефных знаков и относится к I-II вв. н.э.
4. Надпись и знаки на керамике из раскопок в Балхе.
5. Фрагменты курсивной надписи-дипинги из Кафыркалы.
6. Фрагмент монументального бактрийского письма из Тепан-Шах (Шаартузский район).
7. Фрагменты надписей с городищ Южного Узбекистана (Ялангушттепе и Зартепе).
8. Бактрийская надпись-дипинги на стенной росписи Афрасиаба и найденные там же посетительские надписи-графити.
9. Надписи на керамике с городища Древнего Пенджикента.
10. Надпись на постаменте скульптурной группы из Айртама. В надписи шесть строк, повествующих о какой-то восстановительной работе в местном культовом центре во времена царя Хувишки, – т.е. по содержанию эта надпись аналогична большой сурхкотальской надписи⁵⁶.
11. Надписи на поверхности скалы в пещерном комплексе Кара-Камар с предполагаемым мигрантским культом⁵⁷.
12. Надписи на стенах сосудов или на черепках, процарапанные или нанесенные черной тушью (помимо перечисленных выше), – по всей территории Бактрии-Тохаристана к северу и югу от Амударьи и относящиеся к длительному отрезку времени вплоть до раннего средневековья: на городищах Кампыртепе, Мирзакултепе, Дальверзинтепе, Зантепе и Каланкафирнитане, в развалинах наземного буддийского монастыря Фаяктепе.

13. Несколько коротких наскальных надписей послекушанского времени недавно обнаружены, вместе со множеством разных других надписей и изображений, в долине Верхнего Инда, в местности Шатнал; на большом древнем пути в Центральную Азию.

14. Лепные надписи кушано-сасанидских и эфталитских, а также на монетах некоторых местных правителей, например Чаганиана, и на монетах с квадратным отверстием, выпускавшихся, как предполагают, в Кабадзиане.

15. [Надписи на печатах и на бумагах, найденных большей частью в Индии⁵⁸. — И.П.]

Для записи бактрийского языка использовалось также письмо арамейского происхождения, продолжающее традиции арамейской канцелярии ахеменидского времени. Так, на городище Айханум (Северный Афганистан) найден написанный арамейским письмом острак, содержащий бактрийский текст хозяйственного содержания. Бактрийско-арамейские надписи Кушанской эпохи найдены на Джигатепе (около Дильберджина) и на Фаязтепе (около Термеза). Среди материалов, добытых в Восточном Туркестане экспедицией А. фон Лекока в 1905 г., было обнаружено семь фрагментов памятников бактрийской письменности. Они написаны на бумаге бактрийским курсивом и датированы примерно VIII-IX вв. н.э. В научном обиходе они известны как "берлинские эфталитские фрагменты" (ранее хранились в Академии наук ГДР в Берлине). Эти фрагменты, вероятно, были переписаны в одной из буддийских обитин Восточного Туркестана, в состав которой входили также выходы из разных областей Средней Азии, и по содержанию являются остатками буддийских текстов. Известен более старый (предположительно IV в. н.э.) бактрийский фрагмент, так называемый "Лондонский фрагмент" или "фрагмент из Лоу Лана (древняя Крорайна), опубликованный Ф. Томасом, но позднее утраченный. Он содержит 10 строк без начала и конца и пока не прочитан.

[К настоящему времени открыты бактрийские рукописи и на территории самого Тохаристана, причем довольно ранние: при раскопках кушанского городища Кампыртепе на берегу Амударьи обнаружено несколько десятков фрагментов берестяных рукописей первой половины II в. н.э. с бактрийскими текстами. К сожалению, состояние фрагментов таково, что о содержании их ничего определенного сказать нельзя⁵⁹. — И.П.]

Один бактрийский документ написан манихейской письменностью. Он числится в каталоге М. Бойса под номером 1224.

Обнаружение бактрийских текстов в Восточном Туркестане дает возможность предполагать, что там помимо согдийских имелись бактрийские колонии. Бактрийцы восточнотуркестанских колоний продолжали пользоваться в повседневном обиходе письменностью греческого происхождения. Эту же письменность они использовали и для написания других религиозных текстов, кроме манихейских. Что касается бактрийцев-манихеев, то они, как и согдийцы-манихеи, писали свои религиозные тексты манихейским письмом. Изучив бактрийские фрагменты из Восточного Туркестана, И. Гершевич пришел к заключению, что один бактрийский фрагмент с почти явным буддийским содержанием и единственный манихейский фрагмент дают нам возможность предположить, что в Центральной Азии имела обширная религиозная литература буддийского и манихейского содержания на бактрийском языке. Буддийские сочинения, вероятно, происходили из монастырей Бамяна и Бактрии. В то же время обращает на себя внимание факт полного отсутствия христианских текстов на бактрийском языке.

**Памятники
хорезмийского
языка**

Хорезмийские документы на арамейско-хорезмийской письменности представлены четырьмя группами. Первую группу составляют монеты с хорезмийскими легендами (самые поздние относятся к

VIII в. н.э. ~~PDF Compressor: Free Version~~ археологических раскопок в Хорезме экспедицией С.П.Толстова.

Для конца VII – первой половины VIII в. н.э. отмечается выпуск серебряных монет, на которых имя правителя засвидетельствовано в двух вариантах: хорезмийским письмом и (на другой стороне) согдийским письмом и в измененной (согласно нормам согдийского произношения) фонетической форме. Вторая группа состоит из хорошо сохранившихся надписей на дощечках и фрагментов надписей на коже. Они происходят из дворца Топраккала. Третья группа включает многочисленные надписи на оссуариях из Топраккалы и Гяуркалы (область средневекового Кердера). Эти надписи, датируемые по археологическим (и палеографическим) данным VII – первой половиной VIII в. н.э., позволяют составить представление о письменности Хорезма накануне арабского завоевания. Сопоставление их с документами Топраккалы и более ранними надписями на керамике дает возможность проследить развитие хорезмийского алфавита на протяжении целого тысячелетия. Четвертую группу составляют надписи на серебряных сосудах. Надпись на фрагменте сосуда, найденного на городище Кой-Крылган-кала, является древнейшим образцом хорезмийской письменности, она датирована III-II вв. до н.э.

Основные источники для изучения поздних хорезмийского языка относятся к XII-XIII вв. н.э. Это хорезмийская версия арабского толкового словаря "Мукаддима́т ал-ада́т" (составлен около 1135 г. хорезмийским ученым Махмудом Замахшари) и хорезмийские фразы в арабском тексте юридического сочинения "Ку́тыят ул-му́ййа, составленного в XIII в. н.э. известным хорезмийским юристом Мухтаром ал-Захиди. Изучение этих источников А.А.Фрейманом и В.Б.Хеинингом позволило установить основные черты грамматического строя хорезмийского языка и определить место его среди восточноиранских языков. О языке хорезмийцев известно также по сочинению Бируни "Ал-асар ал-баки́йа ан ал-курун ал-хали́йа" ("Следы минувших поколений"), в котором встречается множество хорезмийских антропонимов и глосс⁶⁰.

**Памятники
неизвестной
письменности**

О памятниках неизвестной письменности как об отдельной категории письменных памятников Средней Азии стало возможным говорить после обследования и публикации в 1974 г. Ж.Фусманом надписи из Дашти-Навура (западнее Газни). Эта наскальная надпись, предположительно составленная от имени Кушанского царя Вимы Кадфиза в I в. н.э., состоит из трех версий, очевидно, написанных на трех официальных языках Кушанского государства того времени: бактрийская версия, индийская версия (письмом кхароштли) и третья версия, записанная нерасшифрованным пока письмом⁶¹.

После ознакомления с этой третьей версией стало ясно, что той же системой письма выполнены некоторые надписи, не поддававшиеся расшифровке и истолкованию. Такова одна из надписей Сурхкотата, нанесенная черной краской, на каменном блоке⁶², таковы же процарапанные на черепке знаки из Халчаяна (II-I в. до н.э.) на Сурхандарье⁶³, а также надпись на серебряной чаше из кургана Иссык (VI-V в. до н.э.) в Южном Казахстане⁶⁴. На знаменитом городище Айханум в Северном Афганистане обнаружен серебряный слиток с надписью, выполненной той же письменностью, важно отметить, что

эта надпись относится ко времени (III в. до н.э.), когда город, который покинули греческие жители, заняло окрестное автохтонное население, но окончательно еще не разрушили вторгшиеся кочевники⁶⁵.

Такого же рода надписи обнаружены на черепках – обломках сосудов в местах раскопок в районе Гермеза – на Каратепе, Хатинрабате⁶⁶ и Фаязтепе, в Южном Таджикистане – на Калаикафирингае (VI-VII вв. н.э.) и, наконец, на городище Старого Мерва (VII-VIII вв. н.э.)⁶⁷.

Все эти надписи остаются непрочитанными, так как их письмо до сих пор не поддается расшифровке. Однако усилия исследователей по изучению надписей позволяют все же дать общую характеристику этой загадочной письменности. Полагают, что она является слоговой, направление ее – справа налево, и в целом она, по-видимому, близка кхароштки – письменности Северо-Западной Индии. За много веков своего существования (засвидетельствованного памятниками от V в. до н.э. до VIII в. н.э.) она, конечно, претерпела существенные изменения. Различают раннюю, архаическую форму “неизвестной” письменности, представленную надписями Иссыка и Айханум, и позднюю, имевшую, может быть, несколько разновидностей.

Какой язык скрывается за нерасшифрованной “неизвестной” письменностью? В.А.Лившиц высказал предположение, что это мог быть язык саков (правда, сопровождая его тремя знаками вопроса)⁶⁸. Мнение В.А.Лившица повторяют другие исследователи, считающие также возможным говорить в данной связи и о языке прочих кочевников, в частности тех, которые сокрушили Греко-Бактрийское государство⁶⁹, и прямо о языке юэчжи⁷⁰. Однако такое определение языка “неизвестной” письменности вызывает все же большие сомнения. Странно, прежде всего, что древнейшая оригинальная письменность Средней Азии оказалась изобретенной кочевниками, а не живущими рядом с ними создателями древней земледельческой культуры. Да и топография находок памятников этой письменности не подтверждает указанное определение: единственный предмет с надписью “неизвестным” письмом, действительно происходящий из кочевнического комплекса, – чаша из Иссыка, – мог быть и импортной вещью, остальные же памятники трудно связать именно с кочевниками.

Более вероятным кажется предположение Ж.Фусмана, который связывает язык “неизвестной” письменности с языком предков современных ормури и парачи. Это, как считает Ж.Фусман, был язык древних камбоджей, упоминаемых в индийских источниках и обитавших на востоке Иранского нагорья, к югу от Гиндукуша. Ормури и парачи, как ныне считают, действительно являются реликтами некогда широко распространенных к югу от Гиндукуша⁷¹ юго-восточных иранских языков: предок парачи был в употреблении в области Кабула, а предок ормури – к югу от долины Кабула вплоть до Сулеймановых гор⁷². Такая гипотеза географически согласуется с местонахождением надписи из Дашти-Навур, которую главным образом и имел в виду Ж.Фусман, но сейчас видно, что основная масса вновь найденных надписей “неизвестным” письмом концентрируется все же в областях к северу от Гиндукуша, на территории древней Бактрии.

Поэтому нельзя не принимать во внимание и предположение П.Бернара, что “неизвестная” письменность применялась для бактрийского языка еще до того, как он перешел на греческий алфавит⁷³. Такое предположение хорошо отвечает карте находок надписей “неизвестным” письмом, но в то же время вызывает и ряд вопросов, в том числе такой: зачем надо было переходить на

греческое письмо языку, который и так имел древнюю широко употребляемую письменность?

Мне кажется, многие противоречия можно разрешить, если допустить, что "неизвестная" письменность применялась для всей группы родственных иранских языков не только к югу от Гиндукуша, но и к северу от него – на всей территории "Арианы" античных авторов, до того, как в результате нашествия скифских племен во II в. до н.э. здесь стали господствовать восточноиранские языки. В этом смысле разные виды "неизвестной" письменности действительно могут соответствовать разным языкам⁷⁴. Вполне естественно думать, что эта древняя письменность зародилась в очагах древней земледельческой культуры Арианы. Такая мысль подкрепляется фактом обнаружения разных знаков, процарапанных или нанесенных черной краской, на черепках или стенках сосудов, происходящих из древних городищ, как на территории к югу от Гиндукуша, в Систане, так и к северу от хребта, в области древних Бактрии и Маргианы и относящихся к слоям, синхронным Яз II и III (VII-IV вв. до н.э.)⁷⁵; некоторые из этих знаков находят соответствие знакам "неизвестной" письменности. То же можно сказать о древних знаках Хорезма – наскальных⁷⁶ и на керамике его городищ – например, Кой-Крылганкалы⁷⁷. На глубокую древность возникновения письменности в Средней Азии настойчиво указывают и зороастрийская традиция, и иранские эпические предания, восходящие своими корнями к среднеазиатской исторической традиции.

Возможно, что древняя среднеазиатская письменность возникла тогда же, когда возникла письменность брахми (VII-VI вв. до н.э.) и кхароштки (V в. до н.э.) в Индии⁷⁸. Если индийские системы письма сформировались под влиянием переднеазиатских алфавитных систем, то древняя среднеазиатская письменность могла иметь такое же происхождение и послужила, скорее всего, посредствующим звеном в процессе формирования индийских письменностей. Особенно вероятно такое предположение по отношению к кхароштке, близкому к "неизвестной" письменности и в то же время явно испытавшему влияние арамейского письма.

[Изложенная здесь гипотеза о языке "неизвестной" письменности опять подводит к заключению, что язык кушанских надписей греческим письмом, обычно именуемый "бактрийским", не является таковым, а представляет собой родной язык династии Кушанов, происходящей из среды тохаров-юэчжи – одного из скифских народов, вторгшихся в Бактрию во II в. до н.э. Иначе было бы непонятно, зачем Кушаны стали приспосабливать греческий алфавит для языка автохтонов завоеванной ими Бактрии, давно уже имевших собственную письменность. Очевидно, после скифского нашествия наряду с языком пришлых кочевников, вскоре нашедшим письменное выражение с помощью греческого алфавита, продолжал существовать и подлинно бактрийский язык автохтонов. Он и фиксировался в надписях "неизвестным" письмом до тех пор, пока существовал, или пока его носители сохраняли древние традиции. – И.П.]

Глава XII

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ
И ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Глава знакомит с результатами изучения костных останков людей, живших когда-то на территории современного Таджикистана и других республик Средней Азии. Кости скелета и особенно череп могут дать разнообразную и обширную характеристику внешнего облика человека. По ним можно судить о росте, особенностях физического развития – мощности, мускулистости и, напротив, о слабости развития мускулатуры, о болезнях (таких, которые сказываются на состоянии костей – бруцеллез, артрозы, костный туберкулез), о бывших переломах костей, о хирургических операциях (известны примеры трепанации черепа) и многих других показателей. Изучение современными методами антропологии ископаемых черепов дает возможность представить особенности строения головы, профилировку лица и другие признаки, отличающие один тип человека от другого.

Человечество, населяющее нашу планету, довольно разнообразно по своим внешним данным, что дало основание для различения в нем нескольких “больших” рас (монголоидной, европеоидной и негроидной). Каждая группа или раса обладает комплексом своеобразных внешних данных, наиболее концентрированно выраженных в ряде присущих этой группе признаков. Хотя расы были выделены на основе изучения ныне живущих людей, есть ряд существенных моментов, позволяющих экстраполировать это разделение и на костные останки людей прошлых веков.

Изучение антропологических материалов с территории Средней Азии, в частности Таджикистана, показало, что вплоть до первых веков нашей эры мы имеем дело с представителями большой европеоидной расы. При ее характеристике применяются термины, которыми пользуются специалисты. Так, при описании лицевой части черепа имеет большое значение его горизонтальная профилировка (иными словами, его абрис в поперечном сечении), степень выступа носа (у европеоидов нос выступает сильно), очертания орбит (у европеоидов они низкие, у монголоидов – высокие) и т.д. При описании головы употребляются такие термины, как брахикранный, мезокранный, долихокранный. Это соответственно широкая, средняя и длинная (в плане) голова. Форма головы не имеет расодиагностического значения, но ее особенности входят в неперемный набор описательной характеристики.

Специальный анализ позволяет выделить внутри больших рас таксометрически более низкие расовые группы или расы второго порядка, например, европеоидная раса в Средней Азии включила представителей “средиземноморской” и “памиро-ферганской” (иначе “расы Среднеазиатского междуречья”).

Перейдем к описанию останков древнего человека, найденных во время археологических раскопок в Средней Азии.

Древнейшие люди на территории Средней Азии. Палеолит

PDF Compressor Free Version

Средняя Азия заселена человеком с глубочайшей древности: об этом свидетельствуют стоянки, открытые археологами в пещерах, навесах, гротах, в которых укрывался от непогоды палеолитический человек. В последние годы в Южном Таджикистане обнаружены очень древние открытые стоянки, в том числе в погребенных почвах, в которых найдены отдельные орудия, принадлежавшие ранним представителям человеческого рода (800 тыс. лет)¹. Однако костного антропологического материала ни в пещерах, ни в палеопочвах в Таджикистане пока найти не удалось.

Самые древние костные останки в Средней Азии найдены в Киргизии, в пещере Сельунгур. Они относятся к среднему плейстоцену (вероятно, 300-200 тыс. лет). Изучение изолированных зубов, найденных здесь вместе с каменными орудиями, показывает, что зубы принадлежат еще очень ранней форме ископаемого человека – архантропу. Широкую известность получила находка в Сурхандарьинской области Узбекистана, в горах Байсунтау. Еще в 30-е годы там проводились раскопки грота Тешикташ, в котором оказалось погребение ребенка лет 9-10. Скелет лежал ниже уровня первого (сверху) культурного слоя. Большое число найденных каменных орудий позволило считать, что погребение датируется развитым мустье, т.е. в рамках 100-40 тыс. лет. Положение костяка показывает, что это было именно погребение, а не брошенный на землю умерший; вокруг скелета найдены рога козлов, которые, видимо, стояли вертикально и ограждали труп. Изучение черепа длинных костей Тешикташского ребенка (М.А.Гремьяцкий, М.М.Герасимов, Г.Ф.Дебиз, В.П.Алексеев) позволило говорить, что тешикташский человек ближе не к классическим европейским неандертальцам (известным по многочисленным находкам в Западной Европе), а к группам Эрингсдорф (европейская) или Схул (переднеазиатская), отличающимся в целом более прогрессивным строением.

Таким образом, нет сомнения в том, что на территории Средней Азии после архантропа жил неандертальский человек. По мнению большинства ученых, это отдельный вид, отличный от современного человека. Его латинское определение – *Homo neanderthalensis*, а человека современного типа – *Homo sapiens* (человек разумный).

Можно ли на основании найденных костей скелета и черепа что-либо сказать о расовом и физическом типе? Характеристика расового типа ребенка такова: "Сильно выступающие носовые кости, резкая горизонтальная профилировка лицевого скелета, острая форма нижнего края грушевидного отверстия... – все это признаки европеоидного комплекса". Однако имеются признаки, которые обнаруживают тяготение к тропическому расовому стволу – это ширина носа и вертикальная профилировка лицевого отдела. Поэтому у исследователей сложилось мнение, что на тешикташском черепе можно видеть "то сочетание протоморфных особенностей, которые можно считать типичным для исходных типов общего европеоидно-негроидного или западного расового ствола..."². Такое заключение свидетельствует, что внутри неандертальцев уже была расовая дифференциация, т.е. разделение на основные расовые подразделения, т.е. большие расы.

В Самарканде в 1939 г. была открыта стоянка, где были обнаружены две нижние челюсти, очень небольшие, изящные по своим очертаниям. Их изучение со всей очевидностью показало, что люди, жившие в долине Зеравшана в верхнем палеолите, уже имели облик современных людей, относились к виду *Homo sapiens*, и они, возможно, по своему расовому типу могут быть отнесены к южной ветви европеоидной расы.

Из анализа этих находок складывается представление, что между людьми эпохи среднего палеолита, с одной стороны, и верхнего – с другой, имеется качественное различие – это различие фиксируется на уровне вида. В верхнем палеолите существовал уже вид современного человека, и, кроме того, устанавливается его морфологический комплекс, который может быть сопоставлен с южной ветвью европеоидной расы.

Мезолит и неолит Для эпохи мезолита известны находки костей человека в Мачайской пещере (долина Сурхандарья). Правда, следует оговориться, что каменные орудия, которые там найдены, В.А.Ранов рассматривает как орудия гиссарской культуры. Их радиоуглеродная дата (5600 лет до н.э.) в сочетании с типом орудий дает, по его мнению, право считать этот памятник не мезолитическим, но значительно более поздним³. Антропологический материал в Мачайской пещере был очень небольшой: части двух черепных крышек, куски лицевого скелета, нижней челюсти и зубы, плохо сохранившиеся. Антропологи, ознакомившись с этими находками, считают, что это фрагменты скелетов трех человек – мужчины, женщины и ребенка. Их изучение дало исследователям право говорить, что здесь фиксируются черты южного европеоидного долихокрастного грацильного типа⁴.

Расовый тип людей, живших в эпоху мезолита – раннего неолита, известен по материалам из памятников гиссарской культуры Туткаул и Сайсайед, открытых на территории Горного Таджикистана, в среднем течении Вахша, в зоне затопления Нурекской ГЭС. Второй культурный горизонт Туткаула, где были найдены погребения, охватывает VI тыс. до н.э.

В Туткауле было найдено одно ненарушенное погребение женщины. Она лежала на основании культурного горизонта, в неглубокой яме, сделанной в щебенке, на левом боку, в скорченном положении, лицом на юго-запад. Руки очень резко согнуты в локтях, кисти подложены под левую щеку. Ноги также сильно согнуты, пятки подтянуты к тазу, колени к груди. Это очень резкая скорченность. Может быть, сразу после смерти ноги еще теплого умершего были привязаны к телу? Судя по черепу и костям, этой женщине было 30-40 лет, однако на верхней челюсти не было ни одного зуба, которые, видимо, выпали еще при жизни. Череп узкий, длинный, массивный, с наклонным лбом, лицо немного сплющено с боков, узкое, средней высоты, орбиты низкие. Это описание позволяет квалифицировать тип как безусловно европеоидный; однако ряд признаков говорит о грубости, некоторой протоморфности облика погребенной и заставляет видеть здесь недифференцированный протосредиземноморский древний европеоидный тип, где сочетались признаки экваториального и европейского типов.

Второе погребение в Туткауле было разрушено, но все-таки можно установить, что и там была женщина; ее похоронили на левом боку, головой на юг, с резко согнутыми руками.

В нижней части второго горизонта нашли два детских черепа. Внешние признаки черепов напоминают описанные выше. Это еще одно подтверждение сложившегося представления о типе погребенных – европеоидном, возможно недифференцированном⁵.

Недалеко от Туткаула, на поселении Сайсайед, в 1972 г. под мощной нависающей скалой было обнаружено погребение мужчины, который лежал в скорченном положении на левом боку головой на запад, лицом на север. Кисть левой руки находилась перед лицом (пальцы лежали вплотную к лицу), кисть правой согнутой руки лежала на левом плече. Наверное, она была

положена на щеку, но потом кости соскользнули на плечо. Возраст погребенного был очень преклонный – ему было больше 60 лет. Для такого древнего периода, когда, как известно по находкам в других областях, люди умирали очень рано, это был очень старый человек. На его верхней челюсти не было ни одного зуба. На нижней челюсти были все зубы, правда очень сильно стертые, почти до корня (та же самая картина была и на черепе женщины в Туткауле); кариеса зубов, как и в Туткауле, нет. Череп очень длинный, узкий, с покатым лбом, лицо узкое, невысокое, уплощенное в верхней части, с низкими орбитами. Расовый тип этого погребенного европеоидный и относится, как и туткаульский, к кругу южных древних средиземноморских форм⁶.

В то же время в Приаралье существовало население иного культурного круга. Это были, судя по находкам, рыболовы и охотники, объединяемые в единую историко-культурную, а может быть, и этнокультурную общность, которую называют Кельтеминарской. Могильник, из которого происходят костяные материалы, датирован концом V – началом IV тыс. до н.э.; элементы погребального обряда связывают его как с миром южных цивилизаций, так и евразийских степей. Умерших укладывали в очень узкие (около 30 см) длинные могилы в вытянутом положении, на спину, головой на северо-восток. Сопровождающий инвентарь – бусы из раковин, изделия и украшения из зубов, позвонков, костей птиц, рыб и млекопитающих, присутствует и керамика. Следовательно, обряд захоронения в могильнике Туменкиджик, которые существовали через тысячу лет по сравнению с погребениями в Туткауле, совершенно иной, что может говорить не только о временных, но и этнических различиях.

Заметно отличается физический облик кельтеминарцев, и, судя по результатам анализа костного материала, сходства не было, хотя исследователями допускается мысль о том, что “физический облик кельтеминарского населения мог сложиться на средиземноморской основе”... Однако в целом, признается, что “в основе физического облика кельтеминарского населения севера Средней Азии лежал протоевропеоидный антропологический комплекс...”, связанный с позднемезолитическими племенами, переселившимися из переднеазиатского и ближневосточного регионов на европейский континент⁷.

О продолжительности жизни кельтеминарцев судить нельзя, так как материалов для этого слишком мало, но среди погребенных были люди, которым было около 50 лет. Наряду со взрослыми в могильнике хоронили и детей всех возрастов.

Расовый тип кельтеминарцев отличен от типа населения, жившего в прикопетдагской подгорной полосе и примыкавшей к ней полупустынной зоне, где известно большое число памятников этого времени и имеется значительный краниологический материал. Судя по нему, там жило население европеоидного средиземноморского расового типа.

В районе Теджена в могильнике Монжукльдепе были найдены два черепа с очень широким и низким лицом, такое строение вообще не свойственно южным европеоидным средиземноморским формам. На одном женском черепе были особенности, которые характерны для черепов Южной Индии. Поэтому исследователи допускают возможность южных контактов населения этого региона⁸.

Из этого обзора становится ясно, что население эпохи мезолита и неолита в обширном среднеазиатском регионе по своему физическому облику не было однородно, можно различить три подразделения европеоидной расы:

западное (средиземноморский тип), северное (Южное Приаралье) – тип, в котором сочетаются особенности протосвролейского и южного средиземноморского типов, и южное – зона гиссарской культуры, население которой в своих истоках связано с протосредиземноморскими формами, но имеет черты недифференцированности, что может говорить о давности проживания этого типа в зоне предгорий Памиро-Алая.

Существование трех антропологических “подразделений” может свидетельствовать в пользу мнения о связи антропологических типов и больших культурно-исторических общностей в неолите.

Энеолит на юго-западе Средней Азии В зоне Туркменохорасанских гор, в долине Сумбара, раскопан громадный могильник Пархай II, в котором были погребения нескольких периодов – позднего энеолита, ранней и развитой бронзы⁹. Умерших хоронили в камерах, которые, очевидно, использовались очень много лет. В каждой из них лежали кости большого числа людей (70-100 человек). Жители очень равнодушно относились к костям: когда они заносили в камеру умершего человека и видели, что уже негде класть покойника, везде лежат кости, то это их не смущало; они собирали кости всех ранее захороненных в огромную кучу и делали для этой кучи изгородь из длинных человеческих костей (бедренных, берцовых, плечевых). На освободившуюся площадь перед входом клали “свежего” покойника. Умерших укладывали в скорченном положении: мужчин на правый, женщин на левый бок, хотя этот принцип часто нарушался.

Антропологический тип населения того времени, судя по данным этого могильника, был европеоидный, с тенденцией к мезогнатности лицевого отдела, что говорит о южном происхождении этого морфологического комплекса.

В Восточной Туркмении, в пустынной, ныне безводной части, (западнее Теджена) расположено большое городище. Это Алтындепе, многослойный памятник протогородской цивилизации, расцвет которого приходится на эпоху Намазга V, время развитой бронзы. В процессе раскопок там были вскрыты энеолитические слои, в которых обнаружены погребальные сооружения типа толосов, в которых лежали погребенные; были и отдельные погребения в слое, т.е. умерших захоранивали прямо в земле, не делая никаких специальных камер.

Антропологический материал количественно небольшой, но он поражает своей грациозностью, своим изяществом. В этом отношении жители Алтындепе несколько отличались от пархайцев. Расовый тип погребенных – европеоидный, узколицый – восточносредиземноморский¹⁰.

Сравнительно недалеко от Алтындепе расположен энеолитический погребальный комплекс Геокюр, где погребения совершались в больших сооружениях – толосах, предназначенных, очевидно, для семейных усыпальниц. Расовый тип погребенных тот же, что и у энеолитических жителей Алтындепе.

Несколько иной вариант южной европеоидной расы характеризует население крупного энеолитического поселения ранних земледельцев Карадепе, расположенного в подгорной полосе Конегдага. Это древний средиземноморский тип, который назван протосредиземноморским и отнесен к евроафриканскому типу Серджи¹¹.

На правобережье Теджена на поселении Хануздепе находили погребенных, антропологический тип которых несколько отличен от типа, о котором мы писали выше. Он напоминает скорее всего, палеоевролейский – с более низким и широким лицом, с резко выраженным европеоидным комплексом

признаков. Такой тип отмечен и в населении вахшской скотоводческой культуры в низовьях Вахша во II тыс. до н.э.

Рост людей того времени можно определить, если есть хорошо сохранившиеся кости скелета. Для вычисления роста имеется большое число формул, которые **PDF Compressor Free Version** тели. Конечно, результаты получаются не точные, а весьма приблизительные, с возможными колебаниями в ту или иную сторону в 5 см. Если подсчитать рост по нескольким формулам, затем определить средний рост, то получаются величины, отражающие достаточно определенно рост индивидуума. Обычно рост определяют по всем скелетам, которые удалось собрать на поселении, затем подсчитывают средний рост, суммируя данные, полученные для каждого индивидуума. Так получают средний рост жителей одного поселения. В неолитическом Алтындепе средний рост мужчин был 1,72 м, женщин – 1,63 м. В Карадепе и Геокюре соответственно – 1,71 м и 1,58 м. Как видим, жители этих поселений были, достаточно высокорослые.

Продолжительность жизни людей, создавших и заселявших поселения в ту отдаленную эпоху, определяется, исходя из возраста смерти, т.е. по черепу и костям скелета выясняют, сколько лет было человеку в момент смерти. Если это не взрослый человек, то возраст по костям определяется с точностью до 2-х лет. Для взрослых пользуются определенной терминологией (например, возмужалый возраст – 20-35 лет, зрелый – 35-55, старческий – более 60 лет).

Во всех неолитических погребениях при раскопках встречается очень много детских скелетов. Это означает, что детей в то время умирало очень много. Обычно их число составляет более трети всех умерших. Очень много скелетов новорожденных детей и младенцев, проживших всего несколько недель. Одновременно исследователи замечали, что среди скелетов очень много скелетов юных (13-18 лет) женщин. Эти данные указывают на небольшую продолжительность жизни женщин, что, скорее всего, связано с трудным повседневным бытом женщины. В.П.Алексеев, уделивший определенное внимание вопросам демографии, писал: "Я не вижу много объяснения этого факта, кроме... как повседневное пребывание женщины в антисанитарной обстановке"¹².

Средняя продолжительность жизни жителей поселений Карадепе и Геокюра, как показало изучение костного материала, 26 лет. Это для того времени не так мало, ибо, как будет рассказано ниже, в эпоху развитой бронзы продолжительность жизни была еще меньше.

В долине Зеравшана, западнее Пенджикента раскалывается многослойный памятник древних земледельцев Сарам, где были найдены погребения неолитического времени. Расовый тип юный, средиземноморский и палеоевропейский.

Она представлена гораздо более значительными материалами, что, видимо, следует объяснить тем, что в это время люди стали выделять отдельные изолированные участки для умерших, т.е. появились кладбища, хотя традиция захоронения умерших под полом жилых помещений, на заброшенном участке, продолжала существовать.

Раскопанный в долине Сумбара (Юго-Западная Туркмения) могильник Пархай II, где выявлены, кроме упомянутых нами выше неолитических погребений, погребения ранней и развитой бронзы, и катакомбный могильник Сумбар были оставлены оседлоземледельческим населением, создавшим особую культуру, которая названа сумбарской и которая может рассматриваться как "общий источник культуры поздней бронзы на обширной территории"¹³.

- Распространение мегалитиков и поселений с антропологическими находками в Средней Азии (эпоха бронзы)
1. Кара-Ташай. 2. Парчай. 3. Суьёюр. 4. Армянские. 5. Намия. 6. Гевеюр. 7. Караче. 8. Сурх. 9. Ташорбай. 10. Заватбада. 11. Тахалба. 12. Самаларташ. 13. Джарушта. 14. Бушта. 15. Рашид Гушар. 16. Арушту. 17. БМ I и 2. 18. ТБ-I Вахш. 19. ТБ-II Джаманга. 20. ТБ-II Огуль. 21. ТБ-IV Джарушта. 22. Мавонюр. 23. Кожоб-II. 24. Казарбай. 25. Хасиу. 26. Бад-Хора. 27. Дешан. 28. Дешанца. 29. Чоршафта. 30. Саяк. 31. Шахрест. 32. Тар-Нисар. 33. Шахрестокта. 34. Ташарташ. 35. Бушара II. 36. Харити. 37. Мотехорудро. 38. Коча-3.

Население, оставившее этот могильник, по своему антропологическому типу относилось к европеоидному доллехокранному с очень длинной и узкой черепной коробкой, средней ширины лицом, низкими орбитами и сильно выступающим носом. В этой группе отмечается вариант, который характеризуется особенностями, заставляющими видеть здесь очевидную примесь черт, связанных с восточными областями (имеется в виду Индийский субконтинент).

Сумбарский катакомбный могильник дал небольшой костный материал, свидетельствующий о принадлежности оседлоземледельческого населения позднебронзового времени к южному европеоидному средиземноморскому расовому типу – узко- и высоколицему с резко выступающим носом¹⁴.

При раскопках Алтындепе (Восточная Туркмения), крупного многослойного памятника, расцвет которого падает на эпоху Намазга V, время развитой бронзы, был получен костный материал, изучение которого позволило судить о расовом типе населения этого центра протогородской цивилизации. Поразительным показалось очень большое сходство морфологического типа в Алтындепе с типом, который характерен для неолитического населения Геоксюра. Очевидно, это говорит о том, что на антропологических данных получила подтверждение мысль о том, что и Геоксюр, и Алтындепе относятся к выделенной им восточной провинции и о преемственности населения бронзового времени от предшествующего ему неолитического.

Костные останки, обнаруженные в погребальных неолитических сооружениях Алтындепе, показали необычайно близкое сходство с материалами погребений Алтындепе эпохи развитой бронзы. Все это позволяет прийти к такому заключению: в зоне, где было возможно вести орошаемое земледелие, в IV тыс. до н.э. поселилась большая группа людей, которая, возможно, отделилась от геоксюрцев. Благоприятные условия жизни и правильное ведение хозяйства способствовали процветанию жителей этого поселка, существовавшего, как показали раскопки, около двух тысяч лет. О том, что здесь не было междоусобиц, братоубийственных войн свидетельствуют наблюдения, сделанные на костях: нигде, ни на одном черепе, ни на одной кости не было замечено никаких ран, следов ударов камнем, каким-либо орудием, не было следов насильственных переломов. Очень интересным показался такой факт: у одной женщины была неподвижность запястья правой (!) руки (она не могла свободно двигать кистью). Однако она благополучно дождала до преклонного возраста, что свидетельствует о мирной жизни и доброжелательных отношениях между жителями этого поселения¹⁵. А в Сумбарском могильнике встречаются погребения, у которых в позвонках на шее или на спине торчали наконечники стрел – ими, очевидно и были убиты эти люди.

Собранные длинные кости позволили определить рост жителей Алтындепе. Он оказался выше среднего, как, впрочем, и на других известных нам памятниках этой поры: мужчины (в среднем) – 169,4 см, женщины – 157,5 см. А в Сумбаре соответственно: 168 и 156 см.

Жили алтындепинцы, как и все в то время, очень мало. Средний возраст – 23 года. Конечно, это очень короткая жизнь. Но это средняя цифра. Находили костяки людей очень преклонного возраста – за 60 лет, и очень много детей. Особенно много младенцев (не доживших до года) и новорожденных. И много скелетов юных женщин, почти девочек 13-18 лет. Многочисленные наблюдения показали, что большая смертность в этом возрасте может быть связана только с одним обстоятельством: неблагоприятным исходом родов. У нас нет основания для того, чтобы судить об уровне медицинских познаний в

то время, представлений о гигиене и санитарии. Но обилие детских костяков, костяков младенцев, скелетов юных девушек ясно свидетельствует об отсутствии санитарии, медицинских познаний и говорит о низкой, в представлении сограждан, ценности человеческой жизни.

В работе, посвященной населению Карадепе и Геоксюра, приводится средняя продолжительность жизни в 26 лет, что значительно выше, чем в Алтындепе. Но наверняка это не отражение действительной ситуации, а результат того, что не все детские костяки были собраны и учтены; ведь кости детей тонкие, маленькие, они плохо сохраняются в земле. На Алтындепе захоронение производилось под полом жилого помещения (в основном детей), и были комплексы, где совершались специальные обряды, после которых умерших укладывали в предназначенные для этого помещения¹⁶.

Земледельцы древней Бактрии и Согды На территории древнейшей Бактрии, на ее правобережья, также известны поселения земледельцев – Сапаллитепе, Джаркутан, Бустан – население которых было в расовом отношении достаточно однородным и очень близко к антропологическому типу населения Алтындепе. Обитатели Сапаллитепе – один из первых земледельцев древней Бактрии. Вместе с оседлыми племенами соседних областей они составляли, очевидно, единый этнокультурный пласт¹⁷.

Вопрос об этнической принадлежности населения Сапалли ставился исследователями, но совершенно ясно, что он чрезвычайно сложный и на данном этапе знаний разрешен быть не может: на территории древней Бактрии пока неизвестны земледельческие памятники, хронологически предшествующие и генетически связанные с Сапаллитепе.

В антропологическом отношении население этого поселения было однородным. Его характерные черты – очень небольшой рост (мужчины – 160 см, женщины – 153-154 см), изящное телосложение, небольшой вес (мужчины – 55 кг, женщины – 45 кг). Это очень нестандартные величины роста и веса. Поэтому можно думать, что популяция Сапалли была локальной группой¹⁸.

Население Джаркутана, очень крупного поселения, расположенного в этом же районе, было европеоидным, входило в круг средиземноморских форм, но оно значительно крупнее и массивнее сапаллитепцев по росту и весу (рост мужчин – 165 см, женщин – 158 см, вес мужчин – 70 кг, женщин – 61 кг) и в целом, сходно с населением земледельческих поселений¹⁹.

В Гиссарской долине, западнее г. Душанбе был открыт грунтовый могильник Тандырйул, связанный с земледельческой традицией. Погребения одиночные, погребенные лежали в скорченном положении. Антропологический тип европеоидный длинноголовый средиземноморский²⁰.

В Регарском районе на склоне лессового адыра были раскопаны погребения грунтового позднебронзового могильника Кумсай. Погребенные лежали скорченные, головой на с-в, женщины на левом боку. Особого внимания заслуживает то, что у головы погребенной юной женщины стоял лепной сосуд со штампованным орнаментом федоровского типа. Расовый тип погребенных – европеоидный средиземноморский. Естественно, наличие такого сосуда подразумевало и иной антропологический тип захороненной. Однако расовый тип погребенной оказался характерным для культуры бактрийского земледельческого населения.

В южных отрогах Вахшского хребта, у кишлака Кангурттут, на крутом склоне холма были раскопаны погребения позднебронзового времени, однако антропологический тип погребенных неясен из-за плохой сохранности костей.

В Бухарском оазисе, у озера Заманбаба был исследован могильник, из которого получен очень скудный антропологический материал, указывающий на южный европеоидный средиземноморский тип людей, оставивших этот погребальный памятник²¹.

Очень интересный могильник раскопан в Самаркандской области в Муминабаде, где были вскрыты погребения, давшие право отнести его к кругу памятников тазабагыябской культуры. Погребения одиночные, очень богатые по составу сопровождающего инвентаря. Антропологический тип погребенных (они лежали в скорченном положении) – европеоидный длинноголовый средиземноморский²².

Наряду с материалами из памятников древних земледельцев, которые расселились в эпоху бронзы очень широко по всей южной части Средней Азии и которые захватили благоприятные для жизни древние оазисы, в южных областях Средней Азии обнаружены находки, судя по которым можно говорить о том, что здесь жили племена, занимавшиеся скотоводством и сезонным кочевничеством.

Скотоводы древней Бактрии

На территории правобережной Бактрии в низовьях рек Вахш и Кизылсу раскопаны курганные могильники, оставленные скотоводческим населением. Эти материалы выделены Б.А.Литвинским в вахшскую культуру. Люди, оставившие этот могильник, в целом принадлежат к южным европеоидным формам – средиземноморской расе, различным ее модификациям. Вместе с тем, это население имеет некоторые особенности, которые в комплексе дают представление об иной антропологической основе. Как известно, в эту эпоху на ряде памятников зафиксировано очевидное взаимовлияние культур степной бронзы и земледельческой культуры юга; имеется и стоянка степной бронзы на юге Таджикистана²³, встречается “степная” керамика. Все это наводило на мысль, что и в антропологическом типе населения может и должна как-то проявиться примесь протоевропейского типа. Однако такого комплекса не было обнаружено. Население вахшской скотоводческой культуры не имеет черт “степняков”. Но отлично оно и от древнего земледельческого населения. Это наблюдение позволило высказать мнение, что, возможно, это население могло иметь местные корни. Дело в том, что памятники вахшской культуры относятся к периоду финальной бронзы. Памятники ранней и развитой бронзы в Южном Таджикистане пока не найдены. Таким образом, скотоводы появились здесь (пути их вероятного движения описаны в других главах) в конце эпохи бронзы. Но можно ли думать, что здесь ранее никто не жил? Ведь нет памятников ни земледельцев, ни скотоводов, которые бы датировались более ранним временем. Наверное, можно предполагать, что здесь продолжало жить население, которое мы знаем по раскопкам неолитических памятников Туткауд и Сайсайед. Возможно, с этими местными группами и смешивались пришедшие сюда скотоводы.

По археологическим материалам в эпоху финальной бронзы выделено две скотоводческих культуры – бешкентская и вахшская. Бешкентская выделена А.М.Мандельштамом на основании раскопок могильника Ранний Тулхар в низовьях Кафирнигана. Серия останков из могильника Ранний Тулхар имеет некоторые черты, которые выделяют ее из всех серий эпохи бронзы: очень крупные размеры черепа, покатый лоб с развитым надпереносьем, широкое и весьма высокое лицо с очень резко выступающим носом. Все признаки, кроме большой высоты лица, говорили о том, что серия может быть связана с про-

госвропейскими формами. Но при попытках выделить локальный вариант можно отдать предпочтение такому признаку, как высота лица. В этом случае племена башкентской культуры по своему антропологическому типу должны квалифицироваться как представители европеоидной матуризованной средиземноморской расы, ее варианта, связанного с евроафриканским типом, и имеющей связи с юго-западными областями.

Расовый тип населения скотоводческой вахшской культуры был также европеоидный. Однако изучение материалов из могильников этой культуры показало, что антропологический тип населения не может быть сопоставлен с типом бешкентцев, хотя эти группы родственны в культурном отношении. Антропологический материал дал нам право говорить, что эти племена относились к кругу южных европеоидов. Однако пропорции лицевого отдела, его ширина, высота не позволяют считать вахшских скотоводов средиземноморцами. В этом плане очень интересна мысль о связи этих могильников с движением арийских племен, погребальные обычаи которых находят некоторые отдаленные аналогии в погребениях вахшской культуры. Об этом говорит могильник Тимаргарха, раскопанный в долине Свата, в Северо-Западном Пакистане. В антропологическом материале отмечается определенное сходство между вахшскими и пакистанскими погребенными.

Антропологический тип вахшских скотоводов выделен нами в отдельный локальный вариант, в котором прослеживаются южные (индийские) влияния, что не говорит о связях этих регионов в описываемое время, но может быть истолковано, как свидетельство определенной общности происхождения²⁴. В связи с этим следует иметь в виду и замечания археологов о возможных источках генезиса населения вахшской скотоводческой культуры. Существует точка зрения, что керамические комплексы вахшской культуры генетически связаны с южнобактрийскими, а сама культура в Правобережной Бактрии связана с проникновением группы племен из Южной Бактрии на правобережье²⁵.

В этом плане небезынтересно указать на изученный антропологический материал из поселения Дашлы 3 (раскопки В.И.Сарианиди в Северном Афганистане): на черепаках отмечается комплекс признаков, имеющих наибольшее сходство с признаками черепов из Тигровой Балки. Это подтверждает мнение, к которому пришли исследователи, работавшие с археологическими материалами, и дает высказанной гипотезе о продвижении группы скотоводческих племен с юга лишнее подтверждение, хотя, конечно, материалов очень мало, чтобы эта позиция могла считаться твердо обоснованной.

В Ферганской долине существовала особая древнеземледельческая культура, названная чустской. Крупнейшие поселения – Чустское и Дальверзинское. Антропологический материал, полученный при раскопках, очень плохой сохранности, но все-таки он дал право говорить, что население относилось к европеоидному долихокранному узколицему типу – восточносредиземноморской расе²⁶.

Там же, в Ферганской долине, в ее южной части, был раскопан могильник у к.Вуадиль, который относится к позднему этапу степной бронзы – к кайракумской культуре, обнаруживающий тесные связи с андроновской культурой Казахстана. В этой связи особо следует отметить, что антропологический тип найденных в Вуадильском могильнике погребенных был определен как европеоидный, долихокраний, но не восточносредиземноморский, а иной, имеющий специфический тип строения лица, что определило его сходство с черепами андроновской культуры Южной Сибири и Казахстана; он близок к

типу, известному по материалам могильника Кокча 3, о котором пойдет речь ниже. Здесь же отметим, что, как показали антропологические данные, население Ферганской долины в конце II – начале I тыс. до н.э. по своему облику отличалось от населения земледельческих центров южных областей Средней Азии. Имея различную материальную культуру, историческую традицию, среду обитания, племена, как выясняется, имели и различную расовую основу, т.е. различные генетические корни, разное происхождение.

В горной части, в 45 км к востоку от Пенджикента был раскопан могильник Даштикозы, датированный временем поздней бронзы XIV-XI вв. до н.э. Погребения одиночные, ориентированные в направлении С-Ю. Орнамент на сосудах аналогичен орнаменту, известному по керамике из памятников степной (кайракумской) бронзы. Антропологический тип может рассматриваться как европеоидный средиземноморский, но в группе имеются некоторые особенности, которые позволяют видеть здесь включение иного варианта – брахикраниого, достаточно широколицего, с тенденцией к уплощенности лица и слабым выступанием носа, что, однако, не свидетельствует о монголоидной примеси.

Население Южного Приаралья На территории Южного Приаралья, в зоне действовавшей в то время Акчадарьинской дельты, жили племена тазабагыябской культуры, занимавшиеся ирригационным земледелием; генетически они не связаны с неолитическими кельтеминариями, однако местный культурный компонент, безусловно, принимал участие в формировании тазабагыябских племен. Все это предопределило большой интерес к антропологическим материалам, которые дают дополнительную информацию, а иногда и меняют представления, сложившиеся на основании исследования археологических данных. Памятник тазабагыябских племен – могильник Кокча 3 – датируется XIII-XI вв. до н.э., и по сути является единственным памятником, представляющим эпоху бронзы огромного степного региона к югу от Аральского моря. Антропологический материал представлен значительной серией, что дало исследователям возможность сделать существенные выводы о расовом типе населения тазабагыябской культуры. Выяснилось, что группа из Кокча 3 морфологически неоднородна; ее основу составляет срубно-андроновский морфологический тип, хотя не исключены контакты с племенами южных областей средиземноморского расового типа²⁷.

Эпоха раннего железа Охватывает хронологически начало I тыс. до н.э. и связана с созданием на юге государства Ахеменидов и появлением в степных регионах Средней Азии кочевнических масс.

В северных областях большую роль играли близкие скифам племена, которые назывались Геродотом массагетами. Другие группы из сакского союза племен населяли юг Средней Азии, Памир и Тянь-Шань. Полагают, что население в это время говорило в основном на иранских языках. В этот период оживились и усилились межэтнические контакты. Возникали отдельные, не долго существовавшие государственные образования (Парфия, Бактрия). В исторических источниках встречаются упоминания о некоторых народах: сак, согдийцы, парфия, бактрийцы, хорезмийцы. В обществах формируются два типа хозяйства: кочевое и оседлое, земледельческое. Кочевой мир распространился в обширных степных и полупустынных северных областях Средней Азии; земледельцы занимали южные оазисы и предгорные и горные части. Эти два мира соприкасались, взаимодействовали, что не могло не отразиться в антропологических материалах. Их можно рассматривать исходя из представленного выше разделения на две крупные общности.

Север Средней Азии

Вся северная часть Средней Азии была занята кочевыми сакскими племенами, многочисленные памятники которых ныне хорошо известны и антропологический материал из которых изучен и может дать достаточно реальную картину расового состава населения отдельных областей.

Области Южного Приаралья – западная окраина древнего Хорезмского оазиса, где была открыта культура полупоселенных скотоводов – кузаянская, памятники которой датируются VII-IV вв. до н.э., – дали антропологический материал, свидетельствующий, что население было европеоидным и имело в морфологическом плане некоторое сходство с населением древнеямной культуры Поволжья, с одной стороны, и с группами эпохи неолита – бронзы из Южной Туркмении (Карадепе и Геоксюр) – с другой. Особо следует отметить, что имеются несколько черепов, на которых заметна слабая монголоидная примесь (могильник VI-V вв. до н.э. Тарьомкая).

В Юго-Восточном Приаралье были открыты памятники сакских племен, живших здесь с VII по II вв. до н.э. Антропологический тип саков был профилированным в горизонтальной плоскости; очевидно, тип саков был смешанный, он обнаруживал сочетание монголоидных и европеоидных особенностей. Исследователи полагают, что в это время имело место смешение "европеоидного андроновского типа с монголоидами, вероятно, центральноазиатского происхождения"²⁸. Любопытно, что в более поздних сакских погребениях IV-II вв. до н.э. монголоидная примесь слабее (в Чирикрате она очень мала). Здесь выявлен брахикраниый высоколикий европеоидный тип, который сходен с типом, известным по зороастрийским погребениям Фринкента, в могильнике Мешретитухта, в наусах Пенджикента и каменных могилах Тих-Турмеса (VIII-IX вв.).

На Устьурте известны курганные погребения IV-I вв. до н.э., относимые к раннесарматской прохоровской культуре. Очень скудный антропологический материал (1 череп) не позволяет делать выводов о типе населения, но следует отметить, что на черепках из могильников Мыс Безымянный, Каракудук и Султануздаг очевидны признаки смешанного европеоидно-монголоидного типов, сходного с типом тагискено-уйгаракской группы VII-V вв. в Юго-Восточном Приаралье²⁹.

Ранние кочевники Ферганы

В северо-западной части Ферганской долины, в Аптском районе известны могильники VIII-III вв. до н.э., связанные с появлением здесь ранних кочевников из сакского круга племен³⁰. Антропологический материал очень фрагментарный, он говорит, что антропологический тип был европеоидный матуризованный, отличный от типа земледельческого и скотоводческого населения южных областей Средней Азии в эпоху бронзы. Вероятно, этот тип связан с андроновским миром. Возможно его сходство и с сакским населением Приаралья. Однако, здесь не фиксируется монголоидная примесь³¹.

В Ферганском районе было раскопано погребение V-IV вв. до н.э., расовый тип захороненной там женщины восточносредиземноморский, который свойственен оседлоземледельческому населению предшествующего времени.

Оседлоземледельческим населением оставлен Актамский могильник (Южная Фергана), датированный V-III вв. до н.э. Судя по материалам, расовый тип этой группы был европеоидный, генетически связанный с населением эпохи бронзы этой территории³².

Очень интересным регионом является территория Памира (современная

ГБАО), где в период VII-II вв. до н.э. кочевали многочисленные сакские племена, о хозяйственной, культурной жизни, обычаях и верованиях которых известно из раскопок³³.

Антропологические материалы, полученные при раскопках, достаточно представительны и представляют возможность дать антропологическую характеристику населения.

На крайнем юго-востоке бывшей советской территории Памира, у Кызылрабата, раскопаны два погребения в каменных цистах, датированные X-VIII вв. до н.э.; керамика связывает их с традицией степной бронзы. Погребенные европеоидного средиземноморского типа. На женском черепе отмечались признаки, свидетельствующие о возможном присутствии "степного" типа³⁴.

Антропологический тип сакских племен на Памире определен как прото-средиземноморский. Особо было обращено внимание на долихокранию, резко выраженность европеоидных признаков высокого и узкого лица. Этот морфологический комплекс известен с древнейших времен на территории расселения древних земледельцев. Антропологический тип населения Памира обнаружил западные связи; археологически же эти памятники связываются с племенами Тянь-Шаня, Семиречья, Восточного Туркестана и Тибета. Антропологические материалы в данном случае не прошлоэтированы данными археологии.

Материальная культура сакских племен хорошо известна благодаря изучению большого числа могильников Тянь-Шаня, Алая, Семиречья. Хорошо изучен и антропологический тип саков этих областей – это европеоидный брахикраний тип с крайне незначительной примесью монголоидности. Основу этого типа составлял, очевидно, андроновский тип, переходный к типу Среднеазиатского междуречья. Среди саков Алая ощущается присутствие антропологического типа, занимающего промежуточное положение между типами саков Тянь-Шаня и Восточного Памира, в нем не ощущается монголоидной примеси.

Генетически сакское население Восточного и Западного Памира восходит к древнему населению, истоки которого следует видеть в энеолите и бронзе Передней Азии. Памирские саки, судя по их морфологии, должны рассматриваться, как группы, входящие в широкий и мощный пласт европеоидных долихоморфных типов, занимающий громадную территорию от Переднего Востока до Северной Индии. Эта широкая полоса определяет и ныне расселение этого морфокомплекса³⁵.

Правобережная Бактрия

Материалов начала и середины I тыс. до н.э. в южных земледельческих областях Средней Азии очень мало, памятники оседлого населения этого времени нам практически неизвестны. Упомянем о находках на поселении Кучуктепа (Музрабадская степь, к северо-западу от Термеза), где при раскопках культового помещения были открыты погребения IX-VII вв. до н.э.; погребения относятся к европеоидному восточносредиземноморскому типу, т.е. к типу, свойственному более раннему (II тыс. до н.э.) населению³⁶.

Население Согды и Уструшаны

Следует отметить, что материалы из Афрасиаба, датированные серединой I тыс. до н.э., свидетельствуют, что городское население было европеоидным, восточносредиземноморским, без каких-либо следов монголоидности.

Древнебухарский оазис в VI-III вв. до н.э., судя по известным материалам, был тем пограничным районом, где контактировали и смешивались расовые типы, имеющие различное происхождение: это потомки местного земледель-

ческого населения, для которого характерен средиземноморский тип и пришлый, связанный с появлением кочевников, смешанный тип, где фиксируются сакская основа и наличие монголоидности.

На территории Таджикистана, в районе Ура-Тюбе, в Хаватаге есть городище Нуртепа. Там были обнаружены погребения VI-IV вв. до н.э. Сохранившиеся фрагменты черепов позволяют говорить, что антропологический тип погребенных европеоидный, мезобрахикранный. Есть основания считать его южным, средиземноморским.

Рассмотрение всех выше названных антропологических материалов позволяет говорить о бытовании на юге Средней Азии древнего средиземноморского типа, который, очевидно, вошел в состав населения городов Согда и Бактрии. Северная часть Средней Азии была представлена мезобрахикранным достаточно широколицым расовым типом с несколько уплощенным лицевым отделом и средневыступающим носом, что свидетельствует о притоке монголоидного по типу населения с востока.

Население Маргианы

Материалы из Древнего Мерва указывают на то, что в середине I тыс. до н.э. население этой области было европеоидным средиземноморского типа, без

примеси монголоидности.

Античное время. Население Правобережной Бактрии

Это время крупных событий, имеющих первостепенное значение для всей последующей истории народов Средней Азии, время крушения старых и возникновения новых империй, что связано с вторжением в

Среднюю Азию масс кочевников с востока, определивших течение ряда этногенетических процессов.

О земледельческом населении Бактрии можно судить по материалам погребений II-I вв. до н.э., у городища Айртам (Сурхандарьинская область). На мужском черепе нет никаких монголоидных черт, на женском черепе они фиксируются – это ослабленная горизонтальная профилировка, высокие орбиты и небольшое выступание носа.

В Гиссарской долине известен многослойный могильник Тупхона, расположенный у к-ка Гиссар в 20 км к западу от г. Душанбе; в 1946-1948 гг. Кафирниганским отрядом ТАЗ под руководством М.М. Дьяконова раскапывались захоронения в грунтовых ямах, расположенные в несколько ярусов. Более обширные раскопки были осуществлены в 1960-1961, 1969-1970 гг. под руководством Б.А. Литвинского. Были выявлены разновременные типы погребений, охватывающих время от V в. до н.э. до I в. н.э.

Стойким отличительным признаком погребений III в. до н.э. – I в. н.э. в Тупхоне является труположение в грунтовую могилу, обложенную сырцовым кирпичом. Ориентировка костяка северо-южная с незначительными отклонениями²⁷.

Все захороненные относятся к брахикранным европеоидному типу Среднеазиатского междуречья. На одном женском черепе отмечен легкий налет монголоидных черт, несколько смягчающих европеоидность.

Примерно тем же временем, что и могильник Тупхона, датируется найденный в 90 км к западу от Душанбе (с. Пахтабад) глиняный гроб, в котором было мужское захоронение. Антропологический тип погребенного – европеоидный. Немногие измерительные признаки этого черепа близки к измерительным признакам черепов из Тупхона.

Недалеко от античного городища Дальверзинтепа (Сурхандарьинская

PDF Compressor Free Version

область Узбекистана) было раскопано большое погребальное сооружение с отдельными камерами, в которых сохранились предварительно очищенные от мягких тканей кости умерших; этот обряд связан с зороастрийской погребальной обрядностью, которая на территории Средней Азии бытует с IV-III вв. до н.э. Такого рода наусы известны и в Южном Таджикистане (Тепашах), и Приаралье (Чирикрат), и в Афганистане.

В дальневосточном наусе (I в. до н.э. – III в. н.э.) фиксируются два антропологических типа – восточносредиземноморский и более матуризованный мезобрахикранный, связанный с типом пришлого кочевнического населения. Особо следует отметить присутствие обычая кольцевой и лобно-затылочной деформации.

В наусе Тепашах (Шаартузский район) хранились предварительно очищенные от мягких тканей кости. В расовом отношении группа из Тепашах смешанная: основной расовый тип европеоидный брахикранный; кроме того, здесь фиксируется монголоидная примесь и, так же, как в Дальневосточном наусе, два типа деформации – кольцевая и лобно-затылочная²⁸.

На юге Таджикистана, в низовьях Вахша изучено несколько могильников, датируемых последними веками до н.э. – первыми веками н.э., которые оставлены пришлым кочевым населением. Это могильники Тулхар, Аруктау и Коккум.

Группа из Аруктау характеризуется как долихокранная (или на нижних границах мезокрании), со среднешироким и средневисоким, по указателю, мезокрозийным лицом с резко выраженным европеоидным комплексом признаков. Имеются черепа с уплощением затылка. Есть один череп, на котором отмечаются монголоидные черты, проявляющиеся в горизонтальной профилировке лица, высоких орбитах и мало углубленных клыковых ямках. Фиксация этих черт позволила говорить о появлении в среде европеоидов отдельных индивидуумов (в данном случае – женщины) с признаками монголоидного расового типа.

В могильнике Тулхар был обнаружен наиболее значительный материал, что позволило дать характеристику населения, оставившего этот могильник. Комплекс признаков – мезокrania, широкое, средневисокое, среднепрофилированное лицо с сильно выступающим носом и низкими орбитами – как видим, необычный и новый для этого региона. Аналогичен ему находятся в Алайской долине, где обнаружен тип, переходный от андроновского к типу Среднеазиатского междуречья, и в памятниках саков Тянь-Шаня; однако в Тулхаре фиксируется более яркая выраженность европеоидных черт и большая массивность строения черепа. Присутствует там и грацильный восточносредиземноморский тип, что связывает эту группу с древним местным земледельческим населением. В связи с этим вспомним, что, по сведениям китайских источников, в конце II в. до н.э. на правобережье Амударьи появляются племена юэчжей, основавших здесь царство Великих Кушан. Археологические материалы показывают, что в облике создателей кушанского государства "отчетливо прослеживаются черты, близкие к культуре сарматского круга", с одной стороны, и что "формирование государства шло в условиях постоянного контакта пришельцев с коренным населением среднеазиатских областей"²⁹, с другой.

Как видно из всего вышесказанного, антропологические материалы подтверждают результаты археологических исследований. На материалах из Тулхара были отмечены лобно-затылочная искусственная деформация и уп-

лощение затылка. Последний вид деформации считается преднамеренной прижизненной деформацией и связывается с пребыванием младенца длительное время в колыбели типа "бешик". Лобно-затылочная же деформация привлекает внимание исследователей; существует мнение, что ее наличие – этнический признак; такого рода деформация отмечается в Юго-Западном Приаралье в среде кочевников еще в середине I тыс. до н.э.

Там же, в Бешкентской долине, был открыт могильник Бешкентский VII, погребения которого по набору инвентаря оказались близки к Тулхарскому и Арухтаускому могильникам⁴⁰. Антропологический материал тоже обнаружил это сходство – здесь также был низколицый европеоидный тип с большой примесью монголоидных черт.

Изучение археологического и антропологического материала из Тулхара привело исследователей к мысли о поавалении на территории Бактрии в конце I тыс. до н.э. совершенно нового по комплексу признаков пласта населения, связанного своим происхождением с северными по отношению к южным областям Средней Азии областями, куда следует включать территорию Приаралья и Нижнего Поволжья. Характерной чертой этого населения были андроидность облика и примесь, достаточно явная, монголоидных признаков.

Так, антропологический материал продемонстрировал соответствие сведениям китайских и греческих источников о появлении в Средней Азии племен кочевников, движение которых связано с мощным перемещением племен в Центральной Азии, что было обусловлено экспансией гуинов.

Наиболее близки по своей морфологии к погребенным в Тулхаре и Коккуме оказались саки Приаралья: это, в свою очередь, дало право говорить, что в своем продвижении на юг кочевые племена включали в свой состав и местные племена.

В южной части Бешкентской долины, на небольшом поселении земледельцев Актете II, были найдены погребения очищенных костей по зороастрийскому обряду. Эти погребения датированы концом IV – серединой V в. н.э.⁴¹ На антропологическом материале очевидно устанавливается резко выраженный европеоидный тип. Выраженность рельефа, массивность строения черепа и лица, резкая горизонтальная профилировка, низкие орбиты и сильно выступающий нос указывают на сходство этого комплекса с протоевропейскими формами.

В целом группа из Актете II, по своей морфологии связана с кругом саксарматских племен, это не неожиданно. Выше указывалось, что их появление зафиксировано материалами из Тулхарского могильника. Глубокие генетические корни актепинцев прослеживаются в антропологических материалах из памятников срубной культуры.

Фиксация на одной территории самых различных типов захоронений (хурганные, грунтовые, в наусах, в специально вырытых ямах), где фиксируются труположения и погребения костей, говорит о большом разнообразии погребальных обрядов, что, очевидно, должно быть связано с существованием многих этнических групп, имеющих различное происхождение и принесших в Правобережную Бактрию свои самобытные представления.

Удивительной представляется и чрезвычайная разнородность и антропологических вариантов, представленных в этих захоронениях: это и недоформированный долькоморфный тип, свойственный древнему земледельческому населению, и мезокраниый натурализованный, более всего сближающийся с типом срубников, и грациальный брахикраниый недоформированный тип Среднеазиатского между-

речья, и так называемый "Кенкольский" с его характерной деформацией головы, и европеоидный тип с резкой лобно-затылочной деформацией.

Все это заставляет рассматривать период, определяемый для Средней Азии как **PDF Compressor from Version**ное была осуществлена резкая дестабилизация населения.

Известно несколько могильников, приписываемых оседлому населению интересующего нас времени, расположенных в равнинной части Средней Азии. Это захоронения могильника Ширинсай, расположенного в широкой северной подгорной полосе Туркестанского хребта. Там при строительстве Большого Ферганского Канала были вскрыты различного рода могильные сооружения, датируемые в целом II-IV вв. н.э. Краниологический материал из Ширинсай был изучен М.М.Герасимовым, им выявлено несколько антропологических типов, что свидетельствует о пестроте населения того времени⁴².

При раскопках в Исфаринском районе, проведенных в 50-е годы Б.А.Литвинским, были изучены могильники скотоводов (могильник Веруе близ Ворухского ущелья. Чарку I, II, Сурх и др.). Погребения осуществлялись в ямах, подбоях (с нишей вдоль длинной стороны ямы), катакомбах (с камерой в узкой части ямы), иногда в деревянных гробах. Погребения были одиночными или множественными. В могилах помещался богатый сопровождающий материал. Аналогичные курганы имеются и в других частях Ферганы, особенно богатые в Карабулаке, поэтому все они Б.А.Литвинским объединены в ворухско-карабулакскую культуру. Основная часть курганов Исфаринского района относится к II-IV вв. н.э., часть - к V-VI вв.

В целом, черепа из Исфаринского района характеризуются средними размерами черепной коробки, мезокрайностью, средней шириной и средней наклономостью лба. Лицевая часть средней ширины и средней высоты, резко профилирована в горизонтальной плоскости. Все эти признаки характеризуют мужские черепа как европеоидные. Монголоидных признаков на мужских черепах не прослеживается. Женские черепа более брахикранные, в них отмечается монголоидная примесь. Два долбехокранных мужских черепа демонстрируют черты протосредиземноморского типа. Они близки к черепам из Тузонки (Бактрия)⁴³.

Материалы из оазисов Средней Азии доказывают существование интенсивных и глубоких связей, идущих в восточном направлении, хотя население оседлых центров, как видно из изложенного, в морфологическом плане было достаточно однородным - это европеоидный брахикранный тип со средними величинами размеров лица и средневыступающим носом.

Население Южного Приаралья В Южном Приаралье, в погребениях Чирикрабата 2 (IV-II вв. до н.э.), совершенных по зороастрийскому обряду, судя по имеющимся материалам, монголоидная примесь была очень незначительна.

В асарской группе выявлен европеоидный тип с крупными размерами лица, который сближается с типом погребенных в Мешретитахта (Западная Туркмения), в наусах Пенджикента (VII-VIII вв. н.э.) и на горе Тиктермес у Джамбула⁴⁴.

Какие памятники этого времени нам известны?

Горный Согд В первую очередь назовем могильник Зосун, расположенный у сел. Зосун в 8 км восточнее сел. Захматабад на правом берегу Матчи. Он был обнаружен еще в 1949 году О.И.Смирновой. В 1952-1953 гг. здесь работал отряд под руководством А.И.Мандельштама.

В могильнике Зосун имеется погребение в грунтовой яме без выкладок стенок кирпичом и без перекрытия. Погребенный лежит на спине головой на запад, лицом вверх. Правая рука резко согнута в локте, кисть лежит на верхней части левой руки, левая рука согнута в локте, кисть лежит на нижней части правой половины грудной клетки. У головы были два лошених сосуда с красно-коричневым ангобом, что позволило искать аналоги им в керамике античной эпохи Согда и Северной Бактрии. Датировано погребение кушанским временем.

К последним векам до н.э. относится курганный могильник Саурсай, расположенный на западной окраине Пенджикента. Из погребений этого могильника известен очень фрагментированный материал:

1. Погребение женщины зрелого возраста европеоидного типа.
2. Погребение мужчины зрелого возраста европеоидного типа.

Судя по описанию сохранившихся фрагментов, здесь возможно видеть североευропеоидный тип (сильно развитое надпереносье, надбровные дуги, средненаклонный лоб, не очень высокое переносье ("очень углубленный корень носа")⁴⁵).

Этим же временем датируется курган в урочище Мидаана в 30 км к востоку от Пенджикента. В.В.Гинзбург считает, что черепа из этого могильника по своей морфологии близки к усуням⁴⁶.

В 1961 г. отрядом под руководством Б.Я.Ставиского у сел. Суджина (16 км к востоку от Пенджикента) раскапывался грунтовой могильник, названный по наименованию селения. Могильник датируется ориентировочно кушанским временем – II в. до н.э., II в. н.э. Каких-либо могильных сооружений, ям, камер не прослеживается. Погребенные обычно лежат на спине с вытянутыми руками и ногами. Ориентировка костяков различная. По мнению Б.Я.Ставиского, население, оставившее этот могильник, было оседлым. Открытие могильника Суджина позволяет нам говорить о типе населения Согда в античное время. Оно, судя по изученным материалам, было европеоидным. Какой бы то ни было примеси монголоидных признаков на черепах не отмечается. Таким образом, население Северной Бактрии, оставившее могильник Тухона, отличалось, видимо, от населения Горного Согда небольшой примесью в основном к европеоидному типу монголоидных черт, это, быть может, следует объяснять разницей в географическом положении этих областей. В Горную Согдиану массы кочевников не проникали, и потому население ее оставалось "чистым", европеоидным по типу.

Сравнение изученных материалов с материалами более позднего времени с той же территории, характеризующими городское население Согда в VII-VIII вв. н.э. (черепки из наусов Пенджикентского некрополя), в силу их малочисленности проводить очень трудно, но все-таки, сопоставляя эти материалы, можно говорить о едином антропологическом типе населения античного Согда и Согда VII-VIII вв. н.э.

Таким образом, население, оставившее могильник Суджина, было европеоидным по типу и явилось, очевидно, субстратом более позднего населения, включая современное.

Западный Памир

На Западном Памире в последние века до н.э. жило население, о котором можно судить по материалам из могильника Чильхона (III-I вв. до н.э.), расположенного в Ишкашимском районе; он оставлен восточнопамирскими сакскими группами, которые продвинулись в долину Вахана. Антропологический тип погребенных – европео-

идный долихокраний, тот же, что и в сакских погребениях Восточного Памира, что подтверждают и данные археологии⁴⁷.

К середине I тыс. н.э. относятся погребения в Новабаде и Ичкилик, которые показали, что, наряду с известным по сакским памятникам, средиземноморским расовым типом, здесь появляется брахикраний антропологический тип, отличный от более древнего, но также европеоидный.

Краткий обзор имеющихся на сегодняшний день антропологических материалов продемонстрировал общую картину расселения, движения, смещения морфотипов в этот большой отрезок времени на громадной территории, включающей в себя обширные степные пространства, оазисы, долины рек, горные области.

Рассматривая, в целом, все материалы, можно констатировать следующее:

Большой временной период от неолита до эпохи раннего железа – это практически однородное в морфологическом отношении население: южный европеоидный долихолептоморфный тип, именуемый, в зависимости от степени матуризованности, либо протосредиземноморским, либо восточносредиземноморским. Его происхождение уходит в глубь тысячелетий на Ближний Восток и в Присредиземноморье.

Скотоводческое население Правобережной Бактрии – иной антропологический тип, обнаруживший иные генетические связи, тянущиеся в южном и юго-восточном направлении.

Население северных областей – Приаралье, степные зоны – иной пласт, морфологически тяготеющий к протоевропейским формам, но обнаруживающий тесные контакты и взаимопроникновение с южным населением.

Античное время знаменует собой колоссальные сдвиги целых пластов населения, перемещение их, создание новых общностей, что дало толчок для развития многих этнических процессов. Как показал анализ антропологических материалов, это время становления новой для Средней Азии расы – европеоидной брахикранийной расы Среднеазиатского междуречья или памироферганской, истоки которой – все предшествующие ей во времени антропологические комплексы.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И СТРУКТУРЫ

Разработка проблем социально-экономического строения древней Средней Азии

Разработка проблемы социально-экономического строения древнего и средневекового Востока практически началась в отечественной исторической науке в 20-е – и начале 30-х годов. Исследования в этой области были в значительной степени идеологизированы и имели острую политическую направленность: они

были ориентированы на опровержение теорий западноевропейских и американских ученых (как тогда писали “ученых-идеологов империализма”).

В 1929 г. была опубликована статья В.И.Ленина “О государстве”. В ней говорилось: “Развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что в начале мы имеем общество без классов – первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем – общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое. Через это прошла вся современная цивилизованная Европа – рабство было вполне господствующим 2 тысячи лет тому назад. Через это прошло громадное большинство народов остальных частей”¹. Это высказывание, суммировавшее в себе высказывания по этому поводу К.Маркса и Ф.Энгельса, а также и последующие, легло в основу все более жестких и категорических изложений схемы о якобы существовавшей универсальной пятичленной истории смены социально-экономических формаций (первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, коммунистической). Историки были вынуждены вести исследования в этом русле. Это относилось и к хорошо вооруженным фактами историкам старшего поколения. Идеологическое давление вынуждало всех специалистов подгонять факты под эту схему. Показательно в этом плане, что даже патриарх отечественной науки, востоковед мирового класса, академик С.Ф.Ольденбург, один из ведущих представителей “старшего поколения”, на Чрезвычайной сессии АН СССР в июне 1931 г., вынужден был выступить со следующим утверждением: “Для нас нет деления народов и стран на Восток и Запад, противоположные друг другу – и иначе сужаемые: Восток вошел в наш Союз на равных правах с Западом, и мы изучаем его с той же марксистской методологией, с какой изучаем Запад. Классовая борьба шла и идет на Востоке так же, как и на Западе. История Востока дала те же формации, как и история Запада. Это основные положения нашего востоковедения”².

Исходя из этих положений, с позиций историка-марксиста, выступил другой представитель "старшего поколения" – В.В.Струве, который в начале 30-х годов пришел к выводу, что древневосточные государства были рабовладельческими обществами. В 1933 г. он сформулировал свою позицию в специальном четырехчасовом докладе в Государственной Академии истории материальной культуры, который был опубликован³. В докладе доказывалось, что в Шумере и в Древнем Египте классовое общество было связано с развитием ирригационного земледелия. Именно здесь использовались рабы-военнопленные. Рабы выступили как коллективная собственность храмовых хозяйств и использовались, главным образом, на оросительных работах. Богатство общин возрастает, выделяется зажиточная верхушка, создаются частные хозяйства с использованием рабского труда. Это было, по словам В.В.Струве, "развитое рабовладельческое общество", и в развитой Месопотамии и в Египте оно было близко аттическому⁴. Многие ученые сразу приняли утверждения В.В.Струве, вводя в них лишь модификации и уточнения (не "развитое рабовладельческое общество", а "раннее рабовладельческое общество" и т.д.). Вместе с тем такие крупные исследователи, как Н.М.Никольский, И.М.Лурье, А.И.Тюменев категорически не соглашались с подобными утверждениями, но под напором сыпавшихся на них обвинений и очень резкой критики в обстановке репрессий 1937-1939 гг. они вынуждены были замолчать или признать существование рабовладельческого общества⁵.

В том же 1933 г. С.П.Толстов выступил на пленуме Академии материальной культуры, посвященном вопросам генезиса и развития феодализма, с докладом "Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах"⁶. Он обосновал ряд важных положений, надолго вошедших в арсенал советской исторической науки, например о теснейшей связи кочевников и оседлых земледельцев и др. Вместе с тем он выдвинул гипотезу о том, что кочевники Центральной Азии (начиная с хуннов) со II в. до н.э. и вплоть до VIII-IX вв. н.э. проходили рабовладельческую стадию развития, причем "рабовладельческая стадия в развитии общества с преобладанием кочевого скотоводства, соответствующая античной формации Средиземноморья, развивается в своеобразной форме военно-рабовладельческой демократии"⁷. Детального обоснования и конкретного анализа при этом не было. Аргументация С.П.Толстова ослаблялась еще и тем, что некоторые ее исходные точки были ошибочны (например, утверждение, что у туркмен в XIX в. сохранялся рабовладельческий строй, и др.). Логически из этой концепции вытекало, что "не только кочевые народы Средней Азии, но и тесно связанные с ними оседлые общества прошли рабовладельческую стадию развития"⁸.

Новая постановка проблемы вызвала тогда резкие возражения ряда ученых. Так, А.Н.Бернштам на пленуме 1933 г. защищал мнение о переходе "большой части Азии (куда он включил и Среднюю Азию. – Б.Г.) от первобытного коммунизма к феодальному обществу, минуя рабовладельческую формацию"⁹. Двумя годами позже, в 1935 г., М.Е.Массон утверждал, что в эпоху после VIII в. н.э. в Средней Азии уже начинается процесс "разложения старых феодальных отношений"¹⁰.

Однако постепенно представление о том, что народы Средней Азии прошли через эпоху рабовладельческого строя, проникает на страницы научно-популярных¹⁰ и специальных изданий¹¹.

В 1938 г. С.П.Толстов дал уже развернутую формулировку положения о рабовладельческом строе древней Средней Азии. Основные тезисы были следующие:

Согдийская аристократия времени, предшествующего арабскому завоеванию, сочетала в себе черты "рабовладельческих и родоплеменных вождей".

Ее власть опиралась на "отряды вооруженных рабов-чакиров... и привилегированную аристократическую молодежь", о которых сообщают арабско-персидские и китайские источники. Этот тип организации дружин характерен и для парфянского времени.

Древняя цивилизация среднеазиатских оазисов имела специфический "городской" облик.

Кочевники и земледельцы были исключительно тесно связаны друг с другом.

Рабовладение было широко развито в среде оседлого и кочевого населения. Это прямо вытекает из данных китайских источников и "старых согдийских писем". Об этом также свидетельствуют факт вхождения Средней Азии в Ахеменидское государство и косвенно сведения о рабстве, содержащиеся в сасанидском судебнике, массовые рядовые погребения тех усуньских курганных могильников, где нет цепочек курганов, – вероятно, погребения рабов, принадлежавших усуням (другой вариант – "посаженных на землю рабов и усуньской аристократии").

"Археологические источники заставляют предполагать значительное использование рабского труда в создании ирригационной сети Средней Азии... Осуществление строительства этой сети силами крестьян при имевшихся в распоряжении древних согдийцев и хорезмийцев технических средствах должно было оторвать от сельского хозяйства такое количество рабочей силы, которое сделало бы невозможным сколько-нибудь нормальное функционирование этого хозяйства. Перефразируя известные слова Энгельса, мы можем сказать, что если бы не было рабства, богатая ирригационная культура Востока не могла бы возникнуть".

Хотя "пережитки первобытного общественного уклада продолжают сохраняться на протяжении многих веков после того, когда Средняя Азия входит в поле зрения письменных памятников, начиная с первых веков первого тысячелетия до нашей эры, мы можем нащупать первые признаки крупного сдвига в общественном укладе народов Средней Азии, постепенно втягивающихся в рабовладельческую систему классового Востока".

"Общий кризис рабовладельческого мира, опрокинувший Римскую империю и разрушивший государства древнего Китая, не миновал и Средней Азии. В V в. Кушанское царство падает под ударами варварских племен, вступающих здесь под тем же именем, что и в IV в. в Китае и в IV-V вв. в Европе, – под именем гуннов"¹².

Впоследствии С.П.Толстов многократно возвращался к проблеме социально-экономического строя древней Средней Азии¹³, пытаясь обосновать положение о господствовавшем здесь рабовладельческом строе преимущественно путем привлечения новых наблюдений над историей ирригационной сети Хорезма. Какое-то использование рабского труда в сельском хозяйстве, в частности в ирригационном деле, не исключено. Однако утверждение С.П.Толстова, что свободное население не принимало участия в ирригационном строительстве и что древние каналы проведены силами "огромной массы рабов, не занятых в других видах земледельческого труда"¹⁴, как представляется, не может считаться бесспорным¹⁵. По подсчетам С.П.Толстова, на постройку двадцатипятикилометрового Джанбаскалинского канала мужское население зоны канала должно было, работая по 20 дней в году, затратить 15-25 лет. Это, по мнению С.П.Толстова, невероятно, и, следовательно, эти ка-

налы были построены большим количеством рабов. Эти рассуждения исходят из двух предпосылок: крупные каналы строились очень быстро; земледельческое население оазиса могло принимать участие в ирригационных работах в среднем в течение 20 дней в году.

Однако крупные каналы могли строиться и на протяжении ряда лет (в некоторых случаях – десятилетий), а ирригационная сеть в целом должна была создаваться на протяжении столетий. С другой стороны, особенности среднеазиатского (в том числе и хорезмийского) сельскохозяйственного года допускают отрыв земледельческого населения на строительство и очистку оросительных сооружений по крайней мере на два и даже три месяца в году¹⁶. И, следовательно, тот же Джанбаскалинский канал (если исходить из цифр С.П.Толстова и Б.В.Андрианова, которые оценивают число взрослых мужчин-работников примерно в 1000 человек) мог быть построен населением зоны канала за четыре года или пять лет¹⁷. К тому же в каналы могли быть обращены в Хорезме протоки естественного происхождения, что резко уменьшало объем работ¹⁸.

“Наконец, примитивность сельскохозяйственной техники делает малоэффективным и попросту невыгодным исключение из занятий полеводством “огромной массы” работников, со специализацией их труда лишь в области ирригационного строительства. Обеспечение их средствами существования дожило бы тяжелой обузой на земледельческое население. При том уровне сельскохозяйственной техники, каковой она достигла в Хорезме к концу XIX в., один работник мог обработать в год (при наличии соответствующего рабочего скота) очень небольшую земельную площадь”¹⁹. А в древности сельскохозяйственная техника была еще ниже. Следовательно, возможность и необходимость расширения посевных площадей строго лимитировались количеством людей, участвующих непосредственно в полевых работах²⁰.

Известно, что в XIX – начале XX в. урожайность пшеницы на поливных землях была порядка 15-20 ц с га²¹. При этом 1,5-2 ц необходимо было оставлять на семена. Часть (во всяком случае не менее 1/3, судя по тому, что было в средневековье) крестьянин сдал в виде подати или налога²². В его распоряжении оставалось всего 8-11 ц. Для древности цифры, несомненно, надо значительно снизить. Введя (разумеется, чисто умозрительно) 50-процентный поправочный коэффициент, мы получаем цифру 4-5,5 ц; этого достаточно для годового пропитания всего двух, максимум трех человек. Учитывая, что в полевых работах принимали участие, помогая основному работнику, и другие члены семьи, древнехорезмийская сельская семья едва прокармливала себя и уплачивала налоги.

Исходя из этого, более вероятным будет предполагать, что в ирригационном строительстве, а также в сезонной очистке каналов, как правило (хотя известны и исключения), участвовало все сельское население оазисов, в том числе, разумеется, и рабы. Поэтому уже в первом издании этого тома Б.Г.Гафуров писал: “В проведении новых каналов была заинтересована государственная власть, взимавшая соответствующие подати за пользование водой и орошенной землей. Поэтому сельское население, очевидно, принуждалось проводить каналы. Эта работа, вероятно, осуществлялась под руководством и контролем представителей государственной власти”²³.

Так же в качестве аналогии было указано на Ассирию, где существовало представление о строительстве как общенародном деле, в котором участвовал (конечно, символически) и сам царь – представитель общины²⁴. Пережитки

этого древнего обычая сохранились в Хивинском ханстве до XIX в. Перед ежегодной очисткой каналов после большой церемонии в канал опускался сам хан, ему подавали лопату и он делал вид, что собирается начать работу²⁵.

Социальная значимость, так сказать "ранг", строителей каналов на Древнем Востоке была столь высока, что, скажем, в шумерской мифологии боги сами участвуют в ирригационных работах – роют землю мотыгами, выносят вырытый грунт в корзинах²⁶.

В фтолемеевском Египте работы по проведению каналов и устройству плотин производились с помощью местного покоренного населения, которое принудительно привлекалось государством. Вообще считалось, что в них должно участвовать все население, но представители привилегированных сословий отделялись внесением соответствующего налога. Привлеченные к повинности лица снабжались правительством кирками и корзинами для переноски земли; орудия после окончания работы надлежало возвратить²⁷.

На Востоке элементарная экономическая целесообразность требовала участия всего сельского населения в проведении каналов. Такие обширные работы не могли проводиться без направляющей и регулирующей деятельности государственной власти.

В 40-е годы происходит дальнейшая детализация этой гипотезы, причем все более и более – на чисто схоластической основе. Действует тезис: если существовала рабовладельческая формация, то она должна была развиваться и иметь внутреннюю периодизацию.

В 1949 г. А.Н.Бернштам²⁸ и С.П.Толстов²⁹ называли древнюю эпоху истории Средней Азии античной или антично-рабовладельческой. С.П.Толстов предложил схему четырехчленного деления рабовладельческого общества.

Первый период (VIII-IV вв. до н.э.) – архаический. "Процесс сложения рабовладельческого общества идет на местной основе":

Второй период (IV-I вв. до н.э.) – эллинистический. Для северной части Средней Азии предлагается название "конюийский", для юго-западной части – "греко-парфянский", для юго-восточной – "греко-бактрийский". Они рассматриваются как локальные варианты "эллинистического периода". Это "эпоха высшего расцвета античного среднеазиатского общества".

Третий период – кушанский (I-III вв. н.э.). "Признаки начинающегося кризиса рабовладельческого общества".

Четвертый период (IV-VI вв.) – кушано-эфталитский. "Видны признаки глубокого кризиса античной системы"³⁰. Эта концепция послужила "теоретической основой" известных монографий С.П.Толстова "Древний Хорезм" и "По следам древнехорезмийской цивилизации", опубликованных в 1948 г.³¹, а также во всех обобщенных трудах того времени ("История народов Узбекистана", т.1, Б.Г.Гафуров "История таджикского народа в кратком изложении" и др.).

Но теория "рабовладельческого общества" в древней Средней Азии в силу ее слабой аргументированности и абсолютной умозрительности всех попыток ее детализировать вызвала уже в годы ее полного господства возражения отдельных не конформистски настроенных ученых.

Например, с ней не соглашался ученик и биограф В.В.Бартольда, известный востоковед И.И.Умняков³². В 1954 г. на Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в доктябрьский период (Ташкент), несколько ученых выступили с критическими замечаниями по поводу идеи "рабовладельческой" или "античной" формации. Н.А.Кисляков

подчеркнул "недостаток материала, что не дает возможность сказать о размерах рабовладения в Средней Азии"; В.А.Шишкин усомнился в правомерности самого термина "античная Средняя Азия". Он также отметил, что мы практически ничего не знаем о внутренней истории рабовладельческого периода, о характерном все рабском труде, о соотношении рабовладельческого производства с обширным земледелием и других характерных чертах древнего общества, без которых нельзя представить его характер. Еще более решительной и обоснованной критике подверг эту теорию А.М.Беленицкий, который показал, что труд сотен тысяч рабов в ирригационном строительстве применялся на Востоке в средневековье, когда заведомо не было никакого рабовладельческого строя³³.

Впрочем, вскоре (1958 г.) и сам С.П.Толстов, "отец" этой теории, вынужден был признать: "Прямых свидетельств о наличии в Хорезме в ту эпоху, которую мы называем античной, значительно развитых рабовладельческих отношений мы пока еще не имеем. Нет их у нас для Средней Азии в целом". И в качестве "решающего довода" приводилось следующее рассуждение: "Если общественный строй, восторжествовавший в Средней Азии во второй половине I тысячелетия н.э., является бесспорно феодальным, то предшествующий ему может быть только рабовладельческим"³⁴. Из этого следует, что С.П.Толстов просто слепо следовал известной пятичленной схеме, а не делал выводов из объективного анализа фактов.

Попытка иной трактовки древнего общественного строя, но опять-таки основывающейся или исходящей из отдельных высказываний К.Маркса и Ф.Энгельса, которые несколько раз упомянули "азиатский способ производства", связана именно с последним. Большая дискуссия об "азиатском способе производства" проходила в конце 20-х – начале 30-х годов. Она вновь возникла в начале 60-х годов. Многочисленные статьи на эту тему были опубликованы в научных журналах, вышли в свет сборники и отдельные исследования³⁵. Дискуссии начинались и порой велись в догматическом ключе, но вместе с тем их участники собрали и проанализировали многочисленные материалы по социально-экономическому развитию. Однако эти дискуссии не нашли отражения в трудах по среднеазиатской истории. Не нашли в них отражения и идеи "вторичной формации". В одном из вариантов она занимает хронологический промежуток между первобытнообщинным и капиталистическим строем. Но при этом в рамках этой формации возможно развитие по одному из трех путей: рабовладельческому, феодальному или азиатскому. Последний – сочетание двух первых. Эти варианты определяются формой и характером общины³⁶.

Специалисты, разрабатывающие древнюю историю Средней Азии, и в 60-е – 70-е годы по-прежнему, за отдельными исключениями, принимали постулат о рабовладельческом характере древнего среднеазиатского общества. Во всяком случае, в трудах сводного характера, типа историй отдельных республик или народов, где жестко отражалась официальная доктрина, это было обязательным. Именно так обстояло дело и при издании первого тома "Истории таджикского народа" (1963 г.), где автор этих строк написал в начале 60-х годов главу о социально-экономическом строе древней Средней Азии именно с этих позиций. Подобная трактовка позже перешла и в труд Б.Г.Гафурова "Таджики" (1972 г.), где были широко использованы новые материалы и трактовки Б.А.Литвинского. Появились и специальные исследования, например В.М.Массона. Повторив фактические материалы, уже изложенные в первом томе "Истории таджикского народа", В.М.Массон заявил: "... если в VI-

VIII вв. н.э. в Средней Азии развиваются феодальные отношения, то более древняя эпоха не может быть не чем иным, как временем рабовладельческой формации". Как видим, здесь простое воспроизведение приведенного выше тезиса С.П.Толстова³⁷.

Лишь PDF-Compressor Free Version годов ограничения, связанные с идеологическими догмами, были сняты, и появилась возможность непредвзятого обсуждения этой проблемы на основании конкретных источников. Именно в это время (1987 г.) была опубликована важная работа Е.В.Зеймалю, посвященная периодизации древней истории Средней Азии³⁸. Первая часть работы содержала критику теории "среднеазиатской античности" и "среднеазиатской рабовладельческой формации". Далее Е.В.Зеймалю указывает на выдвинутую им ранее модель "варварской периферии"³⁹, как альтернативную по отношению к ранее принятой модели "среднеазиатской античности". Не останавливаясь на предложенной Е.В.Зеймалю периодизации, отметим лишь, что он считает, что завершение первобытнообщинной эпохи и сложение классового общества и государственности произошли в Средней Азии не ранее последних двух веков до н.э. – начала н.э. Именно тогда среднеазиатские народы вступают в пору ранней древности⁴⁰.

Представлявшаяся ранее безусловной пятичленная схема истории человеческого общества в настоящее время многими, если не большинством советских историков, не рассматривается как универсальная или отвергается. Ведутся серьезные дискуссии о правомерности исследования истории, в частности истории Востока, в рамках формационной теории. Все больше сторонников приобретает цивилизационная теория.

Согласно этой теории, "именно духовные факторы, а также отношения, складывающиеся на их основе, оказываются определяющими, формируя крупномасштабные социокультурные организмы, функционирование которых явно расходится с формационными критериями. Второе обстоятельство – это то, что время здесь движется совершенно иначе. Вместо того, чтобы прошлое постоянно отменялось в пользу настоящего в соответствии с так называемым историческим подходом, оно обнаруживает способность к сохранению и накоплению, обеспечивая преемственность эволюции, а в случае необходимости приостанавливается или возвращается назад. В генезисе цивилизации формируются некие духовные образцы, остающиеся непревзойденными и становящиеся тщательно сохраняемыми стержнями духовной жизни. Тем самым та сфера сакрального, которая для формационной теории неизбежно предстает как иллюзорная или манипулятивная, обретает реальную значимость, раскрываемую в аналитическом религиозноведении" (Б.С.Ерасов). Но и сама формационная теория предстает ныне как гораздо более гибкая, включающая многие элементы цивилизационного подхода. Ведутся поиски новой теории истории, которая объединила бы эти и другие объяснения фактов истории⁴¹.

На заре цивилизации

В конце III – начале II тыс. до н.э. в Южной Туркмении появляются "протогорода", ярким примером чего может служить Алтындапе. Возникновение таких образований стало возможным благодаря значительной концентрации населения в узлокальных районах, что отражало глубокие процессы развития производственной сферы, социальной и имущественной дифференциации, повлекшей за собой социально-имущественную стратификацию с соответствующей иерархией. Одновременно происходит резкий скачок в культурной и интеллектуальной сферах.

В северо-иранском памятнике Тепе Гиссар для этого времени известны очень богатые погребения вождей.

В Южной Туркмении сохранившихся погребений нет, но наряду с обычными захоронениями имеются четко выделяющиеся. Таково, например, захоронение 60 на Алтыздепе. Здесь погребенная имела два золотых кольца, была украшена сотней бус из лазурита, сердолика, бирюзы, пасты и агата. Гипсовые бусы имели золотую обтяжку. Кроме того, в могиле находились две статуэтки и серебряная печать. Это погребение так называемой жрицы⁴².

О процессе социально-имущественной дифференциации и стратификации свидетельствует также распространение печатей. Обнаружение кладов говорит о том, что сокровища в основном находились в руках представителей отдельных семей⁴³. Социальная и имущественная стратификация нашла отражение и в структуре самих протогородов, где выделяются "кварталы знати", культовые центры. Конечно, возведение таких городов с их фортификационными системами свидетельствует об организационно-направленной деятельности вовлеченных в это крупных коллективов.

Исследователи Древнего Востока приходят к заключению, что "социальные и экономические факторы, способствовавшие подъему городов, зависят прежде всего от интеграции централизованной экономической и политической власти, социальной стратификации, и экономической специализации. Эти три фактора способствовали развитию "городской революции", а в тех районах, где они вступили во взаимодействие, происходило формирование сложного общества. Экономическая специализация, социальная стратификация и централизация власти базируются на развитии производства прибавочного продукта, необходимого для содержания людей, занятых в торговле, ремесленном производстве и управлении. В свою очередь, социальная дифференциация базируется не только на производстве прибавочного продукта, но и на неравном его распределении, т.е. на развитии общества, разделенного на классы. Присваивавшие себе большую часть прибавочного продукта приобретали и большую власть не только экономическую, но и политическую"⁴⁴. К этому следовало бы добавить роль сакрально-культурного храма — именно в городах располагались храмы, которые играли огромную роль как объединяющие центры. Но подобные процессы имели место и на Ближнем Востоке. В Южной Туркмении этот процесс лишь начинался и не получил своего завершения.

Эти процессы начались в Южной Туркмении до того, как первые их признаки появились на других территориях Средней Азии. Причины такого "опережающего" развития Южной Туркмении многообразны. Отметим, в частности, что в Южной Туркмении имелся наиболее оптимальный (в Средней Азии) комплекс условий для развития первобытного орошаемого земледелия. С другой стороны, именно Южная Туркмения находилась в наиболее благоприятных условиях в отношении связей и контактов с городскими цивилизациями Востока.

Эти процессы в Южной Туркмении вначале протекали по восходящей, а затем, в середине и во второй половине II тыс. до н.э., начали затухать. Здесь невольно возникает ассоциация с харашпской культурой Северной Индии.

Но, в отличие от Индии, козютуркменские племена, создавшие протогородскую цивилизацию на равнине у Колет-Дага, не исчезают, а передвигаются на восток, вначале в Маргиану, а затем в Бактрию. Здесь вновь возникает протогорода. Прекрасным образом служит Джаркутан со своим дворцом и храмом.

Параллельно шел процесс продвижения в Среднюю Азию древнейших иранцев, процесс иранизации местного населения⁴⁵. Пришельцы принесли не только свою речь, мифологию и культуру, но и модели социальной жизни, свойственные индоевропейцам и, в частности, иранцам. Механизм взаимодействия этих культурных структур пока абсолютно неизвестен. Можно лишь предполагать, что на рубеже II-I тыс. до н.э. и в нач. I тыс. до н.э. ряд процессов не был выражен столь ярко, как ранее. Однако они продолжают, имущественная и социальная дифференциация и стратификация отражены в Авесте, даже в ее древнейших частях. В понимании авторов Авесты, богатство – это прежде всего скот. Могучий герой Йима обладает “хорошими стадами”; говорится о “домах, богатых скотом”. Самому Заратустре обещан одним лицом подарок – десять кобыл с жеребятками и один верблюд, подарок, который, как отмечает В.А.Лившиц, “вряд ли мог исходить от рядового общинника”⁴⁶.

Выделился слой знатных – *азт*, имелись не только *зангунати* – главы племен, но и *даюпати* – главы областей, и даже главы объединенных областей, часто обладавших этнической общностью⁴⁷.

**Середина
и вторая половина
I тыс. до н.э.**

В науке давно обсуждается вопрос о доахеменидских государственных образованиях на территории Средней Азии. Ученые сломали немало копий в дискуссиях на тему: существовали ли такие государственные доахеменидские образования, как Древнейшая Бактрия или Большой Хорезм, и если существовали, то каков был их характер? Многие склоняют к тому, что Древнейшая Бактрия – не мираж, а реальность. Можно думать, что это было своего рода “предгосударство”, в которое развился прежний союз бактрийских племен. Затем последовало Ахеменидское завоевание, последствия которого в истории народов Средней Азии были двойными. С одной стороны, ахеменидская администрация видела свою цель в максимальном извлечении из Средней Азии податей, что обесправливало страну. С другой стороны, в Среднюю Азию были введены более развитые формы ахеменидской государственности, получили распространение различные социальные структуры более высокого по своему уровню общества. Все это, несомненно, способствовало переходу экономико-социальных структур Средней Азии на новую, более зрелую ступень классового общества.

Во всей Средней Азии в ахеменидское время имелись города, была развита городская жизнь. Так, в Бактрии, как сообщает Ктесий, было “много больших городов” (Ктесий, фрагмент I в., с.6, 2, 4). Бактрийские крепости были широко известны в ахеменидское время. “Самым выдающимся” или “самым большим городом”, по сообщениям античных авторов, был “царский город”, столица страны – Бактры. В Бактрии существовала сложная иерархическая система населенных пунктов. Столица являлась резиденцией ахеменидского сатрапа-наместника Бактрии, где располагались административные учреждения сатрапа, сокровищница, гарнизон, где собирались на сходы мелкие правители бактрийских областей (Арриан IV, 1, 5) и где помещались зороастрийские храмы, куда при Ахеменидах была помещена статуя Анахиты. Наряду со столицей и крупными городами имелись мелкие и средние крепости, в том числе горные (“скалы”), очень много сельских поселений. Городом средних размеров является сурхандарьинский Кизылтапе. Крупные поселения городского типа были центрами небольших оазисов, в систему их расселения были включены сельские поселения и усадьбы, причем некоторые возникли

еще в конце эпохи бронзы и дошли до VII – IV вв. до н.э. К V–IV вв. площадь освоенных земель и количество поселений увеличиваются. В это время только в долине реки Сурхандарья было 8 оседло-земледельческих районов и 30 поселений⁴⁸. Не меньше 5 оазисов было и в Южном Таджикистане (Кабаданский, Нил, PDF Compressor Free Version, Бухарский, Яванский, Гиссарский). Прекрасные монументальные сооружения, в том числе дворцы, открыты в Южной Бактрии (Кутлауттепе, Алтын-10 и др.)⁴⁹. Судя по более позднему Храму Окса, повторяющему схему храма Огня, он имел более ранних предшественников в виде древнебактрийских храмов Огня. Из других крупнейших городов следует упомянуть Мараканды – Самарканд, Кирополь. В области Хорасмиев выделился город Хорасмев (Гекатей, фрагмент 253), местоположение которого, правда, не установлено. Археологи обнаружили в Хорезме такие крупнейшие города, как Козедигыр и Калалыгыр⁵⁰. В городах было развито ремесленное производство, в том числе товарное.

Несмотря на широкую сеть городов и процесс дальнейшей урбанизации, преобладали все же сельские поселения и усадьбы. Основная часть населения занималась сельским хозяйством. Земледелие во многом базировалось на искусственном орошении. Сельское население и сельское хозяйство представляли значительную сферу жизни общества, которая имела заметные отличия от городской жизни как в части материального производства, в том числе ремесла (оно было домашним), так и в социально-культурной жизни. Вместе с тем, существовали теснейшие связи между городскими организмами и их сельским окружением – связи, без которых само существование городов было бы невозможным и которые, в свою очередь, обеспечивали деревенское население многим жизненно необходимым. Товарообмен, разумеется, лишь одна из линий связи между городами и сельским населением.

Равнины, пустыни, горы были заняты кочевниками, преимущественно сакскими племенами. Многие кочевые племена обитали внутри оазисов, в непосредственной близости от городов и сел. Их общество значительно отличалось от общества горожан и селян в силу особенностей кочевой жизни. Но и в нем шли процессы социально-имущественной стратификации, накопления богатства. Это вызвало к жизни систему, которую сейчас часто называют “вождизм” (буквальный перевод английского “чифдом”). Возникает военная иерархическая организация власти. У части племен процесс пошел еще дальше, появляются, как это известно из античных источников, “цари” и “царицы”. Представление об их богатстве и власти дают курган Иссык и большие курганы Бешшатыра⁵¹. Возможно, часть сакских племен достигла того уровня, когда возникают архаические кочевые государственные образования. Кочевники обладали многим, что необходимо для оседлого населения, в то же время они остро нуждались в продуктах земледелия и ремесел. Отсюда многообразные связи между кочевым и оседлым населением. Нередко случались военные столкновения, и кочевники вторгались в пределы территории, занятой оседлым населением. Разнообразны были и социальные, и культурные связи, что не могло не наложить свой отпечаток на все стороны жизни, социальные институты, верования, культуру и характер этноса.

Итак, в Средней Азии во второй четверти – середине I тыс. до н.э. складывается трехкомпонентная система: город – сельское население – кочевники. Эта система, динамически видоизменившись, просуществовала в Средней Азии до нового времени включительно.

О социальном строе Средней Азии середины и второй половины I тыс. до н.э. данные чрезвычайно скудны. Мы располагаем некоторыми намеками на социальное расслоение. Так, среди бактрийцев и согдийцев имеются "знатнейшие" (nobilissimi), выделяющиеся "знатностью" *azatost* (Квинт Курций, VIII, 6, 4; Арриан, VII, 6, 3). Знакомо было Средней Азии и рабство. В источниках имеются сведения об "обращении в рабство" (*αυρατοβιδισμοσ*) жителей западных областей Ахеменидского царства и поселении их в Средней Азии. Так, в Бактрии были поселены жители греческого города Барка (Северная Африка) (Геродот, IV, 204). Восставшим грекам-ионийцам персы грозили порабощением и высылкой их дочерей в Бактрию (Геродот, VI, 9). Видимо, Бактрия была обычным местом поселения рабов из западных областей Ахеменидского царства. Но это – рабы царские. О частных рабах этой эпохи мы имеем меньше данных. Так, известно одно сообщение, и то не вполне достоверное, о рабе (*servus*) согдийца Спитамена (Квинт Курций, VIII, 3, 9). Вместе с тем в источниках имеются указания на следы родоплеменного строя в социальной организации среднеазиатского населения этого времени. Так, видимо, население одного города на севере Согдианы названо племенем или родом (*gens*) мемакенов (Квинт Курций, VII, 6, 17).

Как указывалось выше, социальная стратификация пронизала и кочевые общества Средней Азии. Так, в последней четверти I тыс. до н.э. у усуней были цари, носившие титул кунью. Твердого порядка престолонаследия не было. Сыновья иногда захватывали (или получали) целые области – уделы, имели свои военные отряды, и единство государства в таких случаях становилось номинальным. Существовал развитый аппарат управления во главе с "канцлером", два верховных предводителя – левой и правой сторон, причем каждый из них имел своего помощника, два главных "инспектора", лагу конницы, два высших чиновника двора и др.²² Ежегодно проводились собрания, где присутствовали все аристократы, но функции этих собраний неизвестны (царский совет?).

Согдийская и бактрийская знать в эпоху Александра Македонского располагала огромными богатствами. Косвенно об этом свидетельствует, в частности, эпизод с Хориеном, который смог обеспечить македонское войско съестными припасами сроком на 2 месяца (Арриан, IV, 21, 10). Разгромивший Красса знатный парфянин из рода Сурена, по словам Плутарха ("Жизнь Красса", 21), "был человек далеко не дюжинный: по богатству, знатности рода и славе занимал второе после царя место... В поход выступал он не иначе, как везя за собой припасы на тысяче верблюдов и двести повозок с наложницами; тысяча конных латников и еще большее число легковооруженных сопровождали его особу; всех же всадников, конников и рабов было у него не менее десяти тысяч". В Давани иностранный наблюдатель отмечал наличие "богатых домовладений" и "старейшин"; богатые имели большие запасы вина. У кочевников-усуней богатые владели 4-5 тыс. лошадей²³.

Не останавливаясь на слабо освещенных в источниках внутренней структуре и устройстве Греко-Бактрийского царства, приведем имеющиеся данные о Парфянском государстве, начало которого приходится на середину III в. до н.э., а конец – на первую четверть III в. н.э.

Парфянское государство резко отличалось от Греко-Бактрийского государства. Создание Парфянского государства было воспринято в античном мире как крушение здесь государственности, переход власти от македонян к

парфиям. Было создано государство, в котором не было места для привилегий греко-македонян. Это объясняет, почему греческие поселения и полисы были настроены (и действовали) антипарфянски, а Селевкиды так ожесточенно добивались уничтожения Парфии. С целью усилить свою внутреннюю безопасность государство вынуждено было пойти на создание внутренней автономии греческих полисов. Экспансия Рима вновь оживила антипарфянские настроения населения греческих городов (см., например, Plut, Crass., 17). В этом отношении существенно, что основатели государства – парны и парфянская знать, концентрировались на востоке, тогда как греческое и семитоязычное население – на западе⁵⁴. Во главе Парфянского государства стоял царь, носивший титул "Аршак, царь", позже (с Митридата II) "Аршак, царь царей". Царь – и в этом проявились иранские верования, обожествлялся при жизни (см. Ammianus, Marc., XXII, 6, 6). Уже на монетах Аршака I появилась легенда ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΘΕΟΝ ΑΡΣΑΚΟΝ. Официальное обожествление происходило в момент коронации, одновременно с возжиганием вечного огня: "Город есть Асаак (Астауэна), в котором Аршак впервые был коронован, и хранится там вечный огонь" (Isid, Char. Mans. Parth., II). Культ обожествленных царей подтверждается и данными нисийского архива. Парфянский царь считался носителем божественного царского фарна, который символизировал судьбу царя (и династии), его победоносную сущность и счастье⁵⁵. В Парфянском государстве власть царя (и династии) была в какой-то мере ограничена (особенно при слабых царях последних двух столетий) двумя советами – советом знати (куда входили преимущественно члены дома Аршакидов и представители шести знатных родов) и советом жрецов.

Плиний писал о парфянском государстве как конфедерации 18 царств (Plin., Nat. Hist., VI, 29, 1). Некоторые из царств имели полусамостоятельных правителей, иногда даже чеканивших свою монету. Кроме того, были сатрапии (они были сравнительно невелики). В собственно Парфии называются области Астауэна, Парифиена и Апаварктикена (Isid. Char. Mans. Parth., 11/13) – возможно, эти небольшие области соответствовали сатрапиям. Кроме того, неоднократно упоминается Нисайа (Strabon XI, 7, 2; VI, 8, 3), но ее соотношение с вышеупомянутыми областями остается неясным. Крупные и важные области, например Мидия, часто управлялись родственниками царя, даже его братьями, такие правители назывались *hštrdry shahrder*. Во главе сатрапий стояли наместники – сатрапы (*хшатрапы* или *нахадары*). Наличие сатрапов засвидетельствовано и в нисийском архиве. Группы сатрапий объединялись в *марзпанства*, во главе которых находились *марзпаны*. Сатрапии, судя по западнопарфянским документам, делились на *гиппархии*, те же, в свою очередь, на административно-территориальные единицы – *стапы*. В нисийском архиве упомянута одна из низших административных должностей – *дишат* ("правитель укрепленного селения"). Важную роль на всех ступенях иерархии играли военные командиры и сборщики податей⁵⁶.

Для Северной Парфии очень конкретный материал содержится в документах нисийского архива. Низшей административной единицей был *диш* во главе с *дишатам*. Они напрямую подчинялись сатрапу. Известно имя сатрапа Кофезат, который управлял в 20-е годы II в. до н.э. В документах называются имена "главного начальника конницы" (Тиридат), нескольких казначеев. Фискальный аппарат был разветвленным и многочисленным. Помимо казначеев, только в доставке различных продуктов в царские хранилища (*мадустан*) и в их хранении участвовали специализированные чиновники: "доставляющий вино", "накладывающий печать", "писец", "счетовод", "кравчий". Упоминаются также жрецы, в частности жрец Спосак-атуришат ("господин огня").

Нисийские документы свидетельствуют, что округа Нисы, составлявшей, очевидно, царские земли, делилась на имения (*dastkirt*), "имения" делились на "виноградники" (*gaz*). Названия тех и других частично совпадали с названиями селений. Ряд "имений" и "виноградников" именовались по прежнему и здравствуй PDF Compressor Free Version. Земли делились на несколько категорий: земли "узбари", с которых шел сбор "узбар"; земли "патбажик", с которых взимался сбор "патбаж". Кроме того, особый сбор шел на поддержание храма Огня. Сборы поступали либо с "имений", либо с отдельных "виноградарей", под которыми подразумевались общинники или же зависимые люди (рабы?).

Существовала развитая канцелярия, велся настоящий бухгалтерский учет. Так, на поступлении вина в царские винохранилища в Нисе составлялся приходный документ на черепке сосуда – остракон, на который заносились сведения об источнике и размере поступления и даже о том, кто его доставлял. В дальнейшем на остраконе делались пометы: "перелито в другой сосуд", "новоизготовленное", "скисло", а также отметки о контроле. Имеются сводные реестры, списки, требования на выдачу вина. Разброс дат – 70 лет. Сосуд запечатывался печатью специального чиновника, и если печать снималась, составлялся акт. Некоторые остраконы использовались многократно⁵⁷.

Государственное устройство империи Кушан известно плохо. Верховная власть была в руках "царя царей". Правители ряда подчиненных владений продолжали носить царские титулы, один из них, например, называл себя "раджа Оди" (Уджайна), "Навахпати", т.е. правитель народа. Существовал развитый административный аппарат, данные о котором мы приводим, следуя, частично почти дословно, тексту книги Б.Г.Гафурова "Таджики", где многие из них уже приводились. Внутри государства особое место занимали "анакава", титул греческого происхождения, прилагавшийся к царскому родственнику. Один из руководителей центральной администрации, как следует из одной печати, происходившей из Индии, носил титул "вазорк-фрамадар"⁵⁸. В сасанидском Иране имелся "вазург фрамадар" – глава всей администрации, так сказать премьер-министр. Эту должность занимали особы царского рода или представители самых знатных фамилий⁵⁹. Но следует иметь в виду, что в Средней Азии значение этого титула могло быть и иным: в раннесредневековых согдийских текстах из Средней Азии "фрамандар" (буквально: "державший приказ") – это "управляющий дворцовым хозяйством"⁶⁰. Однако в кушанское время это был, вероятно, высокий (или один из высших) государственный чиновник. Областями (очевидно, за исключением тех, где сохранялась власть местных династий) управляли "кшатрапа" ("сатрап") или "махакшатрапа" ("великий сатрап"). Некоторые из них, благодаря надписям, известны по имени.

Существовали особые наместники пограничных областей. В суржкотальской надписи главным действующим лицом является "каралраг" по имени Ноконгока. Согласно В.Б.Хеннингу, это бактрийский вариант сасанидского титула "канаранг" ("охраняющий границу" или "укрепляющий границу"), который носил правитель смежной со Средней Азией части сасанидского государства; он занимался скорее военными, чем гражданскими делами. Этот титул имел широкое распространение в Средней Азии, и даже в раннем средневековье его носили, в частности, представители самаркандского правящего дома⁶¹. Известен термин для обозначения военачальника – предводителя конницы – "асбаробид". Первая часть слова соответствует среднеперсидскому "асбар" – "всадник", "рыцарь" (в таджикском это слово известно в форме "савор"), а вторая часть восходит к древнеиранскому "пати" – "хозяин".

Итак, это слово, скорее титул, чем имя, обозначает "начальник конницы"⁶². Известен термин для обозначения начальника арсенала – "эснобидо", а также областного офицера – "мериакена".

В Государственном Эрмитаже⁶³ и Британском музее имеются печати с титулом "хазарухи", что соответствует сасанидскому "хазарпату"⁶⁴. Хронологическая принадлежность этих печатей не совсем ясна; по-видимому, они относятся уже к позднечушанскому времени. Нельзя с определенностью сказать о месте их изготовления, но мы можем привлекать их как дополнительное доказательство наличия в Бактрии III-V вв. н.э. развитого государственного аппарата. Среди знатных были *gusuraka sturaka* – "обладающие властью и военными отрядами". Индийские титулы "даданаяка" и "махададанаяка" – часто встречаются в надписях, но значение их не вполне ясно. Скорее всего это гражданские (может быть, судебные) или военные чиновники высокого ранга, причем они управляли значительным числом людей⁶⁵.

Классовое, имущественное и социальное расслоение было очень значительным. Как сообщает Хоу Хань-Шу (118, 9а), юэчжи, завоевав Тяньшуй – Индию, стали "в высшей степени богаты и сильны". Разумеется, богатой прежде всего стала юэчжийская (кушанская) знать. Бардесан (около 154-22 г. н.э.) прямо писал о богатстве кушанской знати, живущей в роскоши. Он же специально указывал, что среди бактрийцев, которых называют кушанами, "женщины одеваются в красивые мужские одежды" (т.е. их одежда близка мужской) с многочисленными украшениями из золота и жемчуга; золотом и драгоценными камнями украшены и их кони. При этом он подчеркивает сексуальную свободу замужних женщин, которые не боятся своих мужей, ибо кушаны "рассматривают своих жен как повелительниц". Судя по богатству украшений, речь идет, очевидно, о женщинах привилегированного класса. Существовал и низший класс. Стратификация общества в социальном и материальном отношении нашла для Индии отражение в различных источниках⁶⁶.

Мы располагаем бесспорными археологическими свидетельствами, что сообщения письменных источников, авторы которых находились за много тысяч километров от Бактрии, содержат достоверную информацию относительно богатств кушанской знати. В Южной Бактрии, на Гилгате, В.И.Сарианиди раскопал 6 погребений знатных персон, мужчин и женщин. В них найдено около 20 тыс. золотых украшений, многие из которых инкрустированы драгоценными камнями⁶⁷. Эти княжеские захоронения ясно показывают, что в руках знати были сосредоточены несметные богатства.

Большую роль в администрации Кушанского царства играло налоговое ведомство. Ведь, помимо военной добычи, государство имело и другие источники обогащения: с населения собирались многочисленные налоги, существовали всякого рода повинности. Представление о них можно получить из надписи в Джунагадхе (ок. 150 г. до н.э.), принадлежавшей Рудраману I, правителю династии Западных Кшатрапов, которая находилась в зависимости от Кушан. Рудраман I в своей надписи сообщает, что его сокровищница переполнена грудами золота, серебра, бриллиантов, бериллов и других драгоценных камней, полученных с помощью "бали" (вид получаемого с подданных обязательного налога, в том числе сельскохозяйственного), "шулка" (сбор за перевоз, пошлина, налог за торговлю), "бхага" (царская доля, обычно шестая часть всей продукции). Существовали еще "кара" (периодический налог) и "кранайя" (благотворительность или чрезвычайный налог). На строительстве, в частности ирригационных сооружений, применялся "вишти" (принудительный труд, трудовая повинность). По эпиграфическим данным, в государстве Сатавахана примерно в то же время были обычные и экстраординар-

ные налоги, которые поступали в денежной и натуральной форме⁶⁸.

Конечно, в самом Кушанском государстве и в кушанской Бактрии наименования и перечень налогов и повинностей были различными, но их разнообразие и объем едва ли были меньшими.

Существовали, очевидно, в столице (столицах) и крупных центрах, центральные и областные хранилища. Так, в столице области Каписа, которая носит сейчас название Беграм (в окрестностях Кабула), при раскопках французской археологической делегации во "дворце" были открыты два помещения, оказавшиеся сокровищницей, в которой хранилось огромное количество высокохудожественных изделий из различных стран Средиземноморья и Индии⁶⁹. Как справедливо пишет М.Уилер, это, очевидно, сокровищница таможи, в которой собирался царями или вице-царями Каписа налог с караванов и отдельных путешественников, налог с перемещаемых предметов роскоши Востока и Запада⁷⁰.

Крупные богатства скапливались в руках местных правителей и частных лиц. Так, в доме богатого горожанина на Дальверзинтепе (Сурхандарьинская область Узбекистана) находилось 115 золотых предметов (шейные украшения, браслеты, бляхи, бусы, золотые бруски и др.). Брусков было 21 экземпляр, весом от 358 до 878 г. На 11 брусках имеются надписи письменностью кхароштки, в которых указан вес, предназначение, от кого получены. Часть – это золото буддийского монастыря, другие могли быть изготовлены кушанским казначейством. Палеография надписей позволяет датировать эти бруски I в. н.э.

По-видимому, владелец этого дома принадлежал к кушано-бактрийской знати, участвовал в походе в Индию, откуда в качестве военной добычи вывез золотые украшения (добавив их к местным, так же входящим в состав сокровища) и золотые бруски⁷¹.

В кушанское время Бактрия продолжала оставаться "страной тысячи городов", причем археологические данные позволяют утверждать, что городская жизнь стала несравненно более интенсивной, чем в предыдущую, греко-бактрийскую эпоху. Следует отметить четыре момента.

1. Количественный рост городских поселений, появление новых, ранее не существовавших городов. Число городов становится максимальным за все время истории древней Средней Азии.

2. Рост городских площадей в старых, давно существовавших городах, увеличение плотности городской застройки (разумеется, бывали и исключения).

3. Продолжение формирования трехчастной структуры города: цитадель – собственно город – пригород, включавший, кроме жилых и производственных комплексов, культовые, особенно буддийские сооружения, а также некрополи. С городами трехчастной схемы соседствовали иные города, в частности, бесцитадельные.

4. Принципиальные внутренние социально-экономические изменения городского организма. Усиление роли города в системе экономической жизни страны на базе прежде всего стремительного роста городского ремесла, как количественного, так и качественного, включая специализацию, а также внутренней и международной торговли. Города – центры товарного производства, отсюда их ведущее значение в системе "город – деревня – кочевая степь". Город, разумеется, оставался средоточием власти и занимал лидирующее место в развитии культурных ценностей.

Наряду с этим возрастает роль городов как центров идеологической жизни, чему способствует концентрация в городах культовых сооружений. Таким образом, города превратились в важнейшие узлы инфраструктуры Кушанского государства.

Итак, в древней Средней Азии мы видим, с одной стороны, знать, в руках которой сосредоточились колоссальная власть и огромные богатства, с другой – те, кто своим трудом их создавал.

Более детально о составе трудового населения, а именно Средней Азии, говорить весьма трудно, так как об этом известно ничтожно мало. Кто занимался возведением дворцов и устройством укреплений, кто трудился в городских ремесленных мастерских, из кого состояло сельское население, – в сохранившихся источниках почти ничего не сообщается. Безусловно, в Средней Азии имелись рабы и зависимое подневольное население.

Следует подчеркнуть, что, как доказали лингвисты, термин для обозначения патриархального раба существовал у индоевропейцев уже в эпоху бронзы, и, следовательно, они уже тогда знали патриархальное рабство. В эпоху Авесты существовали рабы и зависимые люди. Для более позднего времени сообщается о рабах в Парфии. Тогда, говорится о рабах, происходящих из Бактрии, и, по-видимому, Ферганы.

В китайской хронике сохранилось известие, что один китайский чиновник был около 90 г. до н.э. назначен на должность, связанную с контролем над приезжающими гостями. Несколько раз среднеазиатские принцы – заложники, а также послы и купцы преподносили ему, среди других подарков, рабов и рабынь, ферганских коней, золото, серебро, ковры и др. Это сообщение свидетельствует о вывозе рабов из Средней Азии. О продаже среднеазиатских рабов в Китай и другие страны известно и позже, вплоть до X века⁷².

В "старых согдийских письмах" и других согдийских письменных памятниках встречаются термины "вандак" ("раб") и "дайа" ("рабыня"). В согдийском брачном контракте (начало VIII в. н.э.) фигурирует четыре вида зависимых людей. Среди них уже упоминавшиеся выше рабы вандаки, долговые рабы нипаки и рабы – военнопленные ванаки. В сасанидском судебнике, оформленном в VI в. н.э., имелись рабы бандаки (это общее обозначение раба) и рабы анашахрики (первоначально комплектовались из военнопленных). Из примерно синхронных надписей на оссуариях из Токкалы (Хорезм) отмечен термин "хунаик" ("раб"). Судя по некоторым данным, до арабского завоевания в Хорезме термин "хун" обозначал раба-чужестранца⁷³.

Исключительное значение для решения проблемы социально-экономических отношений имеют новые документы, в частности найденные на Топраккале (II-III в. н.э.). Это списки домов-семей, вернее, мужских членов агнатических групп. Полностью сохранилось пять таких списков. В них перечислены мужчины, входившие в состав больших семей (три поколения агнатов), а также домашние рабы. Так, в документе 1 содержатся имена 21 мужчины: домовладыка, два сына, зять и 17 рабов, причем 12 из них – рабы домовладыки, его сыновей и зятя, 2 – жены домовладыки, 2 – внуков (?), 1 – сына наложницы. Все эти документы связаны с зажиточными, даже богатыми семьями, в которых было много рабов. Соотношение рабов и свободных взрослых мужчин в разных письмах: 17:14; 12:3; 15:2; 12:3. В одном списке речь идет о малой семье, в ней был лишь домовладыка и 3 раба (1 – раб домовладыки, 1 – раб его жены, 1 – раб его матери). Рабы, судя по их именам, принадлежали к тому же этносу, что и их хозяева. Таким образом, в Хорезме были большие и малые семьи. Сами списки, очевидно, были данными переписи взрослых мужчин для нужд рекрутирования в армию или ополчение. Если это так, то это соответствовало бы представлением, возникающим при анализе сообщений античных авторов об огромном количестве рабов в составе парфянского войска. До сих пор эти сообщения вызвали различные толкования, порой сомнения. Теперь картина становится если не более определенной,

то во всяком случае более поддающейся объяснению, тем более, что в Ассирии VIII-VII вв. до н.э. в состав войска включались рабы – военнопленные и посаженные на землю крестьяне, находившиеся в зависимом состоянии⁷⁴. И все же PDF Compressor Free Version достаточно изолированными.

Недавно в районе Турфана при раскопках одного из могильников китайские археологи нашли согдийский контракт о продаже рабыни. Документ был издан японскими учеными И.Иошида и Т.Морияси, а его перевод на русский язык и исследование были осуществлены В.А.Лившицем⁷⁵, который подготовил его издание. Согласно В.А.Лившицу, в контракте, датированном 638 г., говорится о покупке буддийским монахом у некоего согдийца по имени Вахшувирт, самаркандца по происхождению, рабыни за 120 драхм. В контракте говорится, что она теперь навечно является его собственностью и перейдет затем к его наследникам. При этом получатель мог ее дарить, продавать, наказывать, в том числе жестоко, и поступать с ней так, как сочтет нужным. Свидетелями заключенного контракта выступают три выходца из среднеазиатских городов. В контракте также перечисляются несколько категорий рабов. Следует подчеркнуть, что о рабах в Восточном Туркестане есть сведения и более раннего времени – из документов из Крорайны III в. н.э. И там составлялись перечни. В них также говорилось, что получивший рабыню, «является собственником этой женщины (и может) ее бить, привязывать, продавать, дарить другим, обменивать, закладывать, делать с ней (все), что пожелает»⁷⁶.

Однако подчеркнем, что рабский труд не является ни единственным, ни, очевидно, преобладающим. По-видимому, можно привести аналогию с Двуречьем, скрупулезное исследование многочисленных письменных источников из которого позволило М.А.Дандамаеву сделать следующее заключение: «... хотя рабы в античном смысле появились в Двуречье еще в III тысячелетии до н.э., а во II тысячелетии до н.э. они стали играть видную роль в производстве, тем не менее рабство в Вавилонии никогда не достигало такой ступени развития, чтобы можно было говорить о господствующей роли труда рабов в экономике. Рабский труд являлся только одним из типов производительного труда, и притом не самым значительным по своей роли. Другими словами, рабы составляли лишь часть класса подневольных лиц, лишенных собственности на средства производства и эксплуатируемых внеэкономическим путем»⁷⁷. Последнее заключение распространяется также на соседние со Средней Азией страны, такие как Индия и Китай⁷⁸.

Отечественные исследователи пришли к заключению, что закономерность состояла в том, что там, где не было развитого товарного производства, рабы и рабовладение не являлись массовым явлением в не-государственной сфере. Как писал И.М.Дьяконов: «... Только такие общества, как Коринф, Афины или Рим – поздней республики и ранней империи, – т.е. только некоторые общества древнего мира, общества с преимущественно товарным производством, являются примерами интенсивного развития негосударственного рабовладения в крупных масштабах»⁷⁹.

В книге Б.Г.Гафурова «Таджики» применительно к Средней Азии это сформулировано следующим образом: «Нам представляется, что и в Средней Азии рабский труд... играл подчиненную, если не второстепенную роль».

В этой связи нужно подчеркнуть, что некоторые прямые и множество косвенных данных свидетельствуют, что в древней Средней Азии, как и на древнем Востоке в целом⁸⁰, огромное место занимала община. Патриархальные домовые общины и объединяющие их соседские общины – вот та основа, на которой сложилось древнее общество. Она, говоря словами И.М.Дьяконова, являлась прежде всего гражданской организацией полно-

правных свободных и рабовладельцев"⁸¹.

В раннесредневековом Согде (и, по-видимому, раньше) община (наф) состояла из знати (азаткар), торговцев (хвакар) и свободных крестьян-общинников и ремесленников (карикар)⁸². Вообще же со времени "Авесты" в иранских государствах существовало противопоставление высших по социальному положению низшим. Первые называются азата ("свободные"; "благородные")⁸³. Им противостояли зависимые люди, и прежде всего рабы"⁸⁴.

Следует отметить, что в Средней Азии существовали влиятельные религиозные структуры, связанные с зороастрийской, буддийской и другими религиями. Их роль и значение в социальной жизни трудно оценить. Но мы знаем, что, скажем, манихейские проповедники апеллировали, в первую очередь, к царям, князьям, представителям знати, а огромный буддийский культурный комплекс Каратеппе носил название "хадевака вихара" – "царская вихара". В храмах и монастырях сосредоточивались огромные богатства. Представление о них дает сокровищница Храма Окса с невероятно большим количеством высокохудожественных изделий из золота, серебра, слоновой кости, произведений искусства, оружия и драгоценных камней. Вероятно, храмы и монастыри занимались хозяйственной деятельностью, имели земли, имущество, крупные финансовые средства. Это было обычным на эллинистическом Востоке. Информацией для Средней Азии мы не располагаем, но можно предположить, что и здесь было нечто подобное.

Религиозная жизнь среднеазиатского общества – это область борьбы нескольких религий за приверженцев, за расширение своего влияния. С этой целью велась пропаганда религиозных идей.

При этом происходила интерференция религиозных представлений. Особенно наглядно это проявлялось в манихействе, которое боролось с другими религиями очень своеобразно: заимствуя их положения и включая их в свое учение и в свой пантеон.

Монастыри были центрами не только религиозной жизни, религиозной пропаганды, но и крупнейшими центрами образования. В монастырях жили религиозные мыслители, постоянно происходили религиозные диспуты, создавались и развивались религиозные доктрины. Имелись монастырские библиотеки и скриптории, где переписывались различные сочинения как для монастырской общины, так и для мирян.

Здесь же были монастырские школы, целые университеты – прообразы будущих мусульманских медресе. Если судить по Восточному Туркестану, то в этих учебных заведениях изучали не только религиозные, но и светские предметы, а буддийские ученые были крупнейшими специалистами во многих областях человеческого знания⁸⁵.

Монастыри, наконец, играли серьезную роль как важные центры экономической жизни. Они владели большим числом земель, в том числе пахотными угодьями, зависимыми людьми – крестьянами и ремесленниками, а также рабами.

Часть земель сдавалась в аренду. Монастыри являлись своеобразными банками, ведущими обширные ростовщические операции. Так обстояло дело в буддийских монастырях Восточного Туркестана⁸⁶, очевидно, аналогичная (или близкая) ситуация, как указывалось выше, была и в Средней Азии.

И, разумеется, значительная часть религиозного искусства создавалась в монастырях и монастырскими живописцами, скульпторами, ремесленниками.

Наряду с религиозным искусством существовало и развивалось светское искусство, которое также отражало определенные мировоззренческие и религиозные установки среды, в которой оно создавалось. Высокого развития достигли и другие области духовной и материальной культуры.

Ход истории и развитие культуры характеризовались сочетанием двух принципов: эволюционным консерватизмом и динамизмом. С одной стороны, устойчивость основополагающих принципов, в частности, древнеиранских верований, социальных институтов и др., обусловила неповторимый облик древней культуры. С другой стороны, протекал интенсивный этнокультурный процесс, включавший в себя внутрорегиональное взаимодействие и смешение различных, преимущественно иранских, этносов и культур; интеграцию значительных масс пришельцев (греки, юэчжи и др.) с их собственными культурами и социальными институтами и, конечно, интенсивное культурное взаимодействие с близкими и отдаленными народами. Все эти факторы способствовали этнокультурному синтезу и мобильности самого процесса.

Таким образом, географическая ситуация и исторические судьбы региона способствовали созданию здесь обществ и государственных образований с высокоразвитой цивилизацией. Исторические, культурные и этнические связи и взаимодействия соединили их со странами и народами Древнего Востока, Восточной и Южной Азии, евразийского пояса степей, Средиземноморья.

С конца эпохи бронзы оазисы и степи Средней Азии и Казахстана населяли по преимуществу индоевропейцы (протохарцы, протоиндийцы, протоиранцы и др.), среди которых преобладали с первой половины I тыс. до н.э. восточные иранцы. Иранский субстрат – основа всего этногенетического процесса в древней Средней Азии, прилегающих к ней северных степных районах, а также в Афганистане, Иране, частично – в Восточном Туркестане.

Этногенетический процесс развивался не внутри замкнутого региона, а внутри обширного суперрегиона и в обстановке постоянных миграций. Индоевропейский, собственно иранский, этнокультурный субстрат постоянно взаимодействовал с волнами мигрировавших этносов и непрерывными этническими инфильтрациями. Среди них были индоевропейские этносы (в частности, греки, восточные и западные иранцы, индусы и др.), семитические (евреи, сирийцы и др.) и те этносы, этнокультурная принадлежность которых не вполне ясна.

Эти этнические процессы имели многолинейное субстратно-суперстратное течение и характер. Во всем этом играла значительную роль целая совокупность факторов, в том числе социальных (типы взаимодействующих обществ, свойственных им структур и институтов), политических (культура и язык этноса, стоящего у власти, распространились шире, чем, собственно этнос), религиозных, эколого-географических (природные изоляторы – высокогорные долины с их населением, историко-хозяйственные типы и т.д.).

Эти процессы были очень сложными⁹⁷. В результате в древней Средней Азии сложилось несколько крупных иранских народов, каждый из которых имел свой язык и специфическую культуру.

Эти народы в своей совокупности создали особый тип цивилизации, в котором при господстве древнеиранского ядра значительную роль играли индийские (в том числе – буддийские), эллинистические, кочевническо-степные и другие влияния и традиции. Сплав всех этих элементов создал неповторимый облик среднеазиатской цивилизации и определил ее место и ее вклад в мировую цивилизацию и цивилизацию Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА I

Обзор источников и литературы

- ¹ См.: История таджикского народа. – М., 1963. – Т.1. – С. 12-34, 481-490, а также обзоры и библиографии в "Историях" других республик, в общих трудах по истории СССР и всемирной истории. См. также раздел, посвященный Средней Азии в книге: Источниковедение истории древнего Востока. – М., 1984. – С. 250-270.
- ² Хрестоматии по Средней Азии в целом и по отдельным среднеазиатским республикам: *Баженев Л.В.* (Ред.). Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н.э. – III в. н.э.). Хрестоматия. – Ташкент, 1940; Хрестоматия по истории Таджикской ССР / Сост. А.Мухтаров. – Душанбе, 1987; История Узбекистана в источниках (древний период) / Сост. Б.В.Лукин. – Ташкент, 1984; Хрестоматия по истории Древнего Востока. – Ч.2 / Под ред. М.А.Коростовцева и др. – М., 1980. – С. 60-74.
- ³ Серия сборников "Собрание источников по истории доисламской Центральной Азии", издаваемых Я.Харматтой: *Prolegomena to the Sources on the History of pre-Islamic Central Asia.* – Budapest, 1979; *Studies in the Sources on the History of pre-Islamic Central Asia.* – Budapest, 1979; *From Hecataeus to Al-Huwarizmi.* – Budapest, 1984; Серия сборников "Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1975". – М., 1976. – издаваемых под ред. сначала В.Т.Пашуто, затем, А.П.Новосельцева, в которых, правда, Средней Азии уделяется мало внимания. Источники издаются в серии: Древнейшие источники по истории народов СССР. См. по этому поводу *Пашуто В.Т., Рыбаков Б.А.* О корпусе древнейших источников по истории народов СССР. (Материалы для обсуждения). – М., 1974.
- ⁴ Не путать с "тохарским" Восточного Туркестана.
- ⁵ Подробнее об этих источниках см. главу XI.
- ⁶ Подробнее об Авесте см. главу IV.
- ⁷ См. одну из последних работ о древнеиранском эпосе: *CHI.* – Vol.3, 1. – С.359-473 и указанную там литературу.
- ⁸ Античная литература. – 4-е изд. – М., 1986; *Тронский И.М.* История античной литературы. – 5-е изд. – М., 1988; *The Cambridge History of Classical Literature.* – Cambridge, 1986. – Vol.1. – *M.Grant.* Greek and Latin Authors, 800 – B.C. – A.D. 1000: A Biographical Dictionary. – N.Y. 1980.
- ⁹ История греческой литературы. – М.; Л., 1946-1960. – Т.1-3; *Радциг С.И.* История древнегреческой литературы. – 5-е изд. – М., 1982; *Борухович В.Г.* История древнегреческой литературы. – 2-е изд. – Саратов, 1982; *Schmid*

- W. und Stählin O. Geschichte der griechischen Literatur. – T.I, Bd. I-V. – T.II, Bd. I-II. – München, 1920-1959.
- ¹⁰ История римской литературы. – М., 1959-1962. – Т.1-2; История римской литературы. – М., 1954.
- ¹¹ Византийская литература (Сборник статей). – М., 1974; *Фрейберг Л.А., Попова Т.В.* Византийская литература эпохи расцвета. IX-XV вв. – М., 1978; *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischer Litteratur. 2. Aufl. – München, 1897.
- ¹² *Голенищев-Кутузов И.Н.* Средневековая латинская литература Италии. – М., 1972; *Brunhölz F.* Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. Bd.1. – München, 1975.
- Таковы серии: Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. – Leipzig – Stuttgart (сугубо научное издание текстов с полным критическим аппаратом); The Loeb Classical Library. – Cambridge Mass. – London; Les auteurs grecs et latins. Collection des Universités de France, publiée sous le patronage de l'Association G.Budé. – Paris (удобные для пользования издания с параллельным переводом соответственно на английский и французский языки); Библиотека античной литературы (переводы на русский язык). Можно также отметить серию, в которой издается много античных текстов: Schriften und Quellen der alten Welt. Hrsg. von der Sektion für Altertumswissenschafft der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. – Berlin, 1956.
- ¹⁴ Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. – Stuttgart; Der Kleine Pauly. Lexicon der Antike. – Stuttgart; Reallexicon der Byzantinistik. – Amsterdam.
- ¹⁵ Древняя Греция и древний Рим. Библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895-1959 гг.) / Сост. А.И.Ворожков. – М., 1961; библиографические обзоры литературы на русском языке за последующее время публиковались в журнале "Вестник древней истории", а также в: L'année philologique. Bibliographie critique et analytique de l'antiquité grecolatine, Dr. J.Marouzeau. – Paris; *Berkowitz L., Squiter K.A.* Thesaurus Linguae Graecae. Canon of Greek Authors and Works. 2d ed. – N.Y. – Oxford, 1986.
- ¹⁶ Например, Бактриане и Согдиане: *Савицкий Г.И.* Древняя Бактриана // Труды Самарканд. гос.пед.ин-та. – Самарканд, 1941. – Т.2. – Вып.1; *Савицкий Г.И.* Древняя Согдиана по данным античных писателей // Труды Самарканд. гос.пед.ин-та. – Самарканд, 1940. – Т.1. – Вып.1; *Пьянков И.В.* Бактрия в античной традиции. – Душанбе, 1982; *Ahmed J.S.* Geography of Bactria in Greek Sources. – Afghanistan. 1968 – Vol.20. – №4; Хорезм: *Пьянков И.В.* Хорезм в античной письменной традиции. – Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре. – Душанбе, 1983; Фергана: *Горбунова Н.Г.* Фергана по сведениям античных авторов // История и культура народов Средней Азии. Древность и средние века. – М., 1976; сакам: *Григорьев В.В.* О скифском народе саках. – СПб., 1871; Туркменистану: *Вязигин С.А.* Материалы по исторической географии Туркменистана (сообщения I-II) // Известия Туркм. филиала АН СССР. – 1946. – №3-4; 1949. – №1.
- ¹⁷ Например, византийским источникам о Средней Азии: *Haussing H.W.* Byzantinische Quellen über Mittelasien in ihrer historischen Aussage. – Prolegomena to the Sources on the History of pre-Islamic Central Asia. – Budapest, 1979.

- ¹⁸ Античные писатели о древней Индии // ВДИ. – 1940. – №2; *Pury B. India in Classical Greek Writings.* – Ahmedabad, 1963; *McCribble J.W. Ancient India as described in Classical Literature.* – Westminster, 1901.
- ¹⁹ *Aalto P. and Pekkanen. Latin Sources on north-eastern Eurasia.* – Wiesbaden, 1975-1979. – Part 1-2, Experiences with Latin Sources. – Prologomena to the Sources... – С.9-15.
- ²⁰ *Латашев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе.* – СПб, 1893-1906. – Т.1. – Вып.1-3; Т.2. – Вып.1-2, переиздание с комментариями: ВДИ. – 1947. – №1-4; 1948. – №1-4; 1949. – №1-4; 1959. – №2.
- ²¹ *Moravesik G. Byzantinoturcica. 3, Aufl., Bd.1.* – Berlin, 1983.
- ²² В ссылках на свидетельства об авторах мы даем самые краткие сведения, указывая преимущественно лишь последние монографии. Необходимо учитывать здесь и разделы и статьи об отдельных авторах в упомянутых выше общих трудах по истории греческой и латинской литературы, в том числе историографии и географии, и в специальных энциклопедиях (и указанную там литературу): [Для дополнений см. также: История таджикского народа. – М., 1963. – Т.1. – С.481-490] Библиографические справки к сочинениям каждого автора мы даем ниже, руководствуясь следующими правилами: издания текста и перевода или только перевода мы указываем, в целях экономии места, только в тех случаях, если они содержат перевод на русский язык (в других случаях заинтересованный читатель легко найдет необходимые указания в упомянутых выше общих трудах по истории литературы и библиографических пособиях; см. также: История таджикского народа. – М., 1963. – Т.1. – С.481-490), при этом указываем только издания полных переводов и, как правило, последние по времени, и отрывки – если нет полного перевода (и если они не входят в упомянутые выше тематические обзоры и своды); издания текста и иностранного перевода указываем лишь в тех случаях, если они являются специальными подборками, касающимися Средней Азии; издания фрагментарных текстов указываем лишь те, которые не вошли в упомянутые ниже собрания фрагментов (и, как правило, которые вышли после этих собраний); отдельно изданные комментарии ко всему тексту или по теме, касающейся Средней Азии. – указываем; исследования указываем те, которые специально посвящены теме, касающейся Средней Азии.
- ²³ *Немировский И.А. У истоков исторической мысли.* – Воронеж, 1979. Греческая историография: *Fritz K. von. Die griechische Geschichtsschreibung. Bd.1.* – Berlin, 1967; *Schwartz E. Griechische Geschichtsschreiber. 2. Aufl.* – Leipzig, 1959; *Jacoby F. Griechische Historiker.* – Stuttgart, 1956; *Jacoby F. Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung.* – Leiden, 1956; *Bury J.B. The Ancient Greek Historians.* – London, 1958 (repr. 1909); *Roussel D. Les historiens grecs.* – Paris, 1973. Латинская историография: *Latin historians.* Ed. T.A.Dorey. – London, 1966; *Laistner M.L.W. The Greater Roman Historians.* – Berkeley; Los Angeles, 1947.
- ²⁴ *Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker.* – Berlin, 1923. – Т.1.; C. et Th.Müller. *Fragmenta Historicorum Graecorum.* – Vol.1-5. – Parisii, 1846-1870; *Peter H. Historicorum Romanorum Reliquiae.* – Lipsiae, 1870-1906. – Vol.1-2. В указанные собрания фрагментов включаются обычно как сочинения собственно историков, так и географов. Здесь можно указать на издания упоминаемых юже фрагментарных сочинений; отдельных ссылок на эти издания мы там не даем.

- 25 Пьянков И.В. Древнейшая история иранских народов в античной схеме "История Азии" // Проблемы античной истории и культуры. – Ереван, 1979. – Вып.1; *Drews R. The Greek Accounts of Eastern History.* – Cambridge, MA, 1973.
- 26 Лурье С.Я. Геродот. – М., Л., 1947; *Кузнецова Т.И., Миллер Т.А.* Античная этическая историография. Геродот, Тит Ливий. – М., 1984.
- 27 Переводы на русский язык и тексты: *Геродот.* История в девяти книгах / Пер. Г.А.Стратановского. – М., 1972; *Геродот.* История в девяти книгах / Пер. Ф.Г.Мищенко. – М., 1888. 2-е изд. – Т.1-2; *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в "Истории" Геродота. – М., 1982. Отдельные комментарии: *How W.W. and Wells J. A Commentary on Herodotus.* 2 ed. – Vol.1-2. – Oxford, 1966 (repr., 1928). Исследования в связи со Средней Азией: Пьянков И.В. Массажеты Геродота // ВДИ. – 1975. – №2.
- 28 Фролов Э.Д. Жизнь и деятельность Ксенофонта // Ученые записки ЛГУ. – №251. Серия ист.наук. – Вып.28. – Л., 1958; *Delebecque E. Essai sur la vie de Xenophon.* – Paris, 1957.
- 29 Переводы на русский язык: *Ксенофонт.* Анабасис // Пер. М.И.Максимовой. – М.; Л., 1951; *Ксенофонт.* Киропедия / Изд. подготовили В.Г.Борухович и Э.Д.Фролов. – М., 1977; *Ксенофонт.* Полное собрание сочинений в пяти частях / Пер. Г.А.Янчевецкого. – СПб, 1887. – 4-е изд. – Ч.1; – СПб., 1897; – 3-е изд. – Ч.3. Исследования: *Фролов Э.Д.* Идеальное государство персов в "Киропедии" Ксенофонта // Проблемы античной истории и культуры. – Вып.1. – Ереван, 1979; *Rzchiladze R. L'Orient dans les oeuvres de Xenophon.* – Klio. Bd.62, H.2. – Berlin, 1980.
- 30 *Гарматта Я.* Мифические северные племена у Галланика. – AAASH. – T.1, Fasc., 1-2, 1951.
- 31 Пьянков И.В. Ктесий как историк // Античная древность и средние века. – Сб.11. – Свердловск, 1975.
- 32 Издания фрагментов и переводы: *König F.W. Die Persika des Ktesias von Knidos, Griech und Deutsch.* – Graz, 1972; Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия (текст, пер., примеч.). – Душанбе, 1975. Исследования: Пьянков И.В. "История Персии" Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н.э. // ВДИ. – 1965. – №2; *Schmitt R. Die Wiedergabe iranischer Namen bei Ktesias von Knidos im Vergleich zur sonstigen griechischen Überlieferung. Prolegomena to the Sources...* – Budapest, 1979; *Gardiner-Garden J.R. Ktesias on Early Central Asian History and Ethnography.* – Bloomington, 1987.
- 33 О Бероссе см.: *Дьяконов И.М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. – М.; Л., 1956. – С.35-39; *Schnabel P. Berossos und die babylonisch-hellenistische Literatur.* – Leipzig; Berlin, 1923.
- 34 Перевод на русский язык: *Флавий Арриан.* Поход Александра / Пер. М.Е.Сергеевко. – М.; Л., 1962. Комментарий: *Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander I* – Oxford, 1980. Исследования: *Савицкий Г.И.* Флавий Арриан как источник по истории Средней Азии // Труды Самарканд. гос.пед.ин-та. – Самарканд, 1941 – Т.3. – Вып.1. См. также: *Маринович Л.П.* Время Александра Македонского // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). – М., 1982.
- 35 Перевод на русский язык: *Квинт Курций Руф.* История Александра Македонского. Сохранившиеся книги / Под ред. В.С.Соколова. – 1963. Иссле-

- дования: *Borszák I.* Zum Zeitanatz des Q.Curtius Rufus. – Prolegomena to the Sources... – Budapest, 1979.
- ³⁶ *Pearson L.* The Lost Histories of Alexander. – Baltimore, 1959.
- ³⁷ *Шофман А.С.* Каллисфен // ВДИ. – 1974. – №6; *Brown T.S.* Callisthenes and Alexander. – Alexander the Great. The Main Problems. Ed. Griffith. – Cambridge; New York, 1966.
- ³⁸ *Кузнецова Т.И.* Историческая тема в греческом романе. "Роман об Александре". Античный роман. – М., 1969; *Merkelbach R.* Die Quellen des griechischen Alexanderromans. 2. Aufl. – München, 1977; *Borszák I.* Zentralasiatische Elemente in dem Alexanderroman. From Hecataeus... – Budapest, 1984. Переводы на русский язык (отрывки): Царь Александр / Пер. М.Е.Грабарь-Пассек. Античность и Византия. – М., 1975; Повесть о подвигах Александра / Пер. Т.В.Поповой. – М., 1969 (Памятники византийской литературы); История Александра Великого / Пер. А.Егунова. Поздняя греческая проза. – М., 1961.
- ³⁹ *Костюхин Е.А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. – М., 1972; *Бертельс Е.Э.* Роман об Александре и его главные версии на Востоке. – М.; Л., 1948; *Cary G.* The Medieval Alexander. – Cambridge, 1967 (repr., 1956).
- ⁴⁰ *Brown T.S.* Onesicritus. A Study in Hellenistic Historiography. – Berkeley; Los Angeles, 1949.
- ⁴¹ *Brown T.S.* Clitarchus. – American Journal of Philology. – Es.71, 1950.
- ⁴² *Kornemann E.* Die Alexandergeschichte des Königs Ptolemaeos I von Aegypten. – Leipzig; Berlin, 1935; *Wirth G.* Studien zur Alexandergeschichte. – Darmstadt, 1985.
- ⁴³ *Wenger F.* Die Alexandergeschichte des Aristobul von Kassandra. – Würzburg, 1914.
- ⁴⁴ Об этой традиции см.: *Hammond N.G.L.* Three Historians of Alexander the Great. – Cambridge, 1983.
- ⁴⁵ Общую оценку античных источников по истории Средней Азии эллинистического и парфянского времени см.: *Wolski J.* Les sources de l'époque hellénistique et parthe d'Iran. Difficultés de leur interprétation et problèmes de leur évaluation. From Hecataeus... – Budapest, 1984; *Wolski J.* Points de vue sur les sources gréco-latines de l'époque parthe. Prolegomena to the sources... – Budapest, 1979; *Косиленко Г.А.* Государство Селевкидов и Пергамское царство // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма) – М., 1982; *Новиков С.В.* Парфянское царство и Греко-Бактрийское царство // Там же.
- ⁴⁶ *Мирзеев С.Б.* Полибий. – М., 1986; *Walbank F.W.* Polybius. – London, 1972.
- ⁴⁷ *Laffranque V.* Posidonius d'Aradémie. – Paris, 1964.
- ⁴⁸ *Хан И.* Аппиан и Александрия // ВДИ. – 1968. – №1.
- ⁴⁹ Перевод на русский язык: *Полибий.* Всеобщая история в сорока книгах / Пер. Ф.Г.Мищенко. – М., 1890-1899. – Т.1-3. Комментарий: *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. – Oxford, 1957. – Vol.1.
- ⁵⁰ Издания фрагментов: *Theiler W.* Posidonios. Die Fragmente. Bd.1. – Berlin, 1982; *Edelstein L., Kidd I.G.* Posidonius. – Cambridge, 1972. – Vol.1.
- ⁵¹ Перевод на русский язык: *Аппиан.* Митридатова война. Сирийские дела / Пер. С.П.Кондратьева // ВДИ. – 1946. – №4.
- ⁵² Издание фрагментов: *Roos A.G., Wirth G.* Flavii Arriani. Quae extant omnia. – Vol.2, 2. Aufl. – Lipsiae, 1968. – P.253-267.

- 53 Издание фрагментов и исследование: *Behr A. De Apollodori. Artamiteni reliquis atique aetate.* – Argentorati, 1988.
- 54 Издание фрагментов: *Roos A.G., Writh G. Flavii Arriani. Quae extant omnia.* – Vol.2, 2. Aufl. – Lipsiae, 1968. – P.224-252. Исследование: *Wolski J. L'origine de la relation d'Arrien sur la paire des frères Arsacides, Arsace et Tiridate. Studies in the source...* – Budapest, 1979; *Gardiner-Garden J.R. Apollodoros of Artemita and the Central Asian Skythians.* – Bloomington, 1987.
- 55 О Мегастене: *Sachse J. Megasthenes o Indiach.* – Wroclaw, 1981; *Bernard P. Fouillies d'Aï Khanoum. 4.* – Paris, 1985. – P.89; *Bernard P. Le Marsyas d'Aramée, l'Oxus et la colonisation Séleucide en Bactriane.* – *Studia Iranica.* – T.16. Fasc.1. 1987. – P.106; Издание фрагментов: *Schwanbeck E.A. Megasthenes Indica.* – Bonnae, 1966, (repr., 1846).
- 56 О Демодаме см.: *Bernard P. Fouillies d'Aï Khanoum. 4.* – P.38-39, 160-161; *Bernard P. Le Marsyas d'Aramée.* – P.108.
- 57 О Патрокле см.: *Neumann K.J. Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meer und der alte Lauf des Oxos.* – *Hermes.* 1984, 19; *Мурашев С.Н. Пять античных свидетельств в пользу "птолемеевой" трансгрессии Каспия. Древнейшие государства на территории СССР // Материалы и исследования. 1986 год. – М., 1988. – С. 237-239.*
- 58 *Knabe G.C. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги.* – М., 1981; *Гревс И.М. Тацит.* – М.; Л., 1946.
- 59 Переводы на русский язык: *Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах.* – Л., 1969. – Т.1-2; *Корнелий Тацит. Сочинения / Пер. В.И.Модестова.* – СПб. 1886-1897. – Т.1-2.
- 60 Перевод на русский язык: *Флавий Иосиф. Иудейская война / Пер. Я.Л.Чертка.* – СПб., 1900; *Флавий Иосиф. Иудейские древности / Пер. Г.Г.Генкеля.* – СПб., 1990. – Т.1-II.
- 61 *Montigliano A. Essays in ancient and modern historiography.* – Oxford, 1977. – P.127-140.
- 62 Перевод на русский язык: *Аммиан Марцеллин. История / Пер. Ю.А.Кулаковского и А.Сонни.* – Киев, 1906-1908. – Вып.1-3.
- 63 Об авторах см.: *K.-P. Kaiserbiographie und Senatsaristokratie.* – Berlin, 1976.
- 64 Перевод на русский язык: *Авторы жизнеописаний Августов / Пер. С.П.Кондратьева.* – ВДИ. – 1957. – №1, 1960. – №2.
- 65 Переводы на русский язык некоторых из упомянутых ниже авторов: Византийские историки Дексипп, Евнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Переведено с греч. Г.С.Дестунисом. – СПб., 1960.
- 66 Издание фрагментов: *Historici graeci minores. Ed. L.Dindorfius.* – Vol.1. – Lipsiae, 1870. – P.275-352. Перевод на русский язык: *Дестунис Г.С. Сказания Приска Панийского // Ученые записки второго отделения Имп. АН.* – СПб., 1861. – Кн. 7. – Вып. 1.
- 67 Перевод на русский язык: *Прокопий Кесарийский. История войны римлян с персами, вандалами и готфами / Пер. Г.С.Дестуниса.* – СПб., 1876. – Кн.1.
- 68 Перевод на русский язык: *Агафий Мимерийский. О царствовании Юстиниана / Пер. М.В.Левченко.* – М.; Л., 1953.
- 69 Издание фрагментов: *Historici graeci minores. Ed. L.Dindorfius.* – Vol.2. – Lipsiae, 1871. – P.1-131; Исследование: *Szádeczky-Kardoss S. Über das Werk des Menandros Protector als eine Quelle der Geschichte Mittelasiens.* – *Prolegomena to the sources...* – Budapest, 1979.

- ⁷⁰ Издание фрагментов: *Historici graeci minores*. Ed. L. Dindorfius. – Vol. I. – Lipsiae, 1870. – P. 446-449.
- ⁷¹ Перевод на русский язык: *Феофилакт Симокатта*. История / Пер. С. И. Кондратьева. – М., 1957.
- ⁷² *Büdinger M.* Die Universalhistorie im Altertum. – Wien, 1895.
- ⁷³ *Barber G.L.* The historian Ephorus. – Cambridge, 1935.
- ⁷⁴ *Goukowsky P.* Diodore de Sicile. – Paris, 1976.
- ⁷⁵ Перевод на русский язык: *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека / Пер. И. Алексеева. – СПб., 1774-1775. – Ч. 1-6.
- ⁷⁶ *Wacholder B.* Nicolaus of Damascus. – Berkeley; Los Angeles, 1962.
- ⁷⁷ Перевод на русский язык: *Николай Дамасский*. История. – Кн. 1 и 2 / Пер. Е. Б. Веселаго // ВДИ. – 1960. – № 3.
- ⁷⁸ *Зелин К.К.* Помпей Трог и его произведение "Historiae Philippicae" // ВДИ. – 1954. – № 2.
- ⁷⁹ Издание фрагментов: *Seel O.* Pompei Trogi fragmenta. – Lipsiae, 1956.
- ⁸⁰ Перевод на русский язык: *Юстин*. Эпитома сочинения Помпея Трога "Historiae Philippicae" / Пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского // ВДИ. – 1954. – № 2; 1955. – № 1.
- ⁸¹ *Müller C.* Fragmenta chronologica. – Herodoti Historiarum libri. IX. – Parisiis, 1977; *Лебедева И. Н.* Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы. – Л., 1968 (Палестинский сборник. – Вып. 18).
- ⁸² *Розанов Н.* Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской. – М., 1881.
- ⁸³ *Helm R.* Eusebius Chronik und ihre Tabellenform. – Berlin, 1924.
- ⁸⁴ *Аверинцев С. С.* Плутарх и античная биография. – М., 1973.
- ⁸⁵ Перевод на русский язык: *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания в трех томах. – М., 1961-1964. – Т. 1-3.
- ⁸⁶ Перевод на русский язык: *Плутарх*. Моралии // ВДИ. – 1976. – № 3; 1981. – № 1.
- ⁸⁷ Перевод на русский язык: *Полиен*. Стратегемы / Пер. Д. Пападопуло. – СПб., 1842.
- ⁸⁸ Древняя греческая и латинская география: *Тамсон Дж. О.* История древней географии. – М., 1953; *Дитмар А. Б.* География в античное время. – М., 1980; *Bunbury E. H.* A History of Ancient Geography. 2-ed. – New York, 1959. (repr., 1878-1883); *Berger H.* Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen. 2. Aufl. – Leipzig, 1903; *Aujac G.* La Géographie dans le monde antique. – Paris, 1975; Отдельные вопросы античной географии, имеющие отношение к Средней Азии: *Хлопин И. Н.* Историческая география южных областей Средней Азии (античность и раннее средневековье). – Ашхабад, 1983 (к выводам автора нужно подходить с большой осторожностью); *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. – М.; Л., 1961; *Ельницкий Л. А.* Древнейшие океанские плавания. – М., 1962; *Хеллинг Р.* Неведомые земли. – М., 1961. – Т. 1-2. Здесь же см. об отдельных путешествиях и походах, упоминаемых в нашем обзоре. См. также: *Gardiner-Garden J. R.* Greek Conception on Inner Asian Geography and Ethnography from Ephoros to Eratosthenes. – Bloomington, 1987.
- ⁸⁹ О Скиаке см.: *Herzfeld E.* The Persian Empire. – Wiesbaden, 1968. – P. 339 и сл.; *Tucci G.* On Swat. The Dards and Connected Problems. East and West. N.S. 1977. – Vol. 27. – P. 16 и сл.
- ⁹⁰ Издание фрагментов: *Nenci G.* Hecataei Milesii fragmenta. – Firenze, 1954. Исследование: *Пыльцов И. В.* Хорасмий Гекатея Милетского // ВДИ. – 1972. – № 2.

- ⁹¹ Дитмар А.Б. Родосская параллель. Жизнь и деятельность Эратосфена. – М., 1965.
- ⁹² Издание фрагментов: Berger H. Die geographischen Fragmente des Eratosthenes. – Leipzig, 1964 (repr., 1880). Перевод на русский язык: Дитмар Б.П. **PDF Compressor Free Version** Землеведение. – 1929. – Т.31. – Вып.4.
- ⁹³ Арский Ф.И. Страбон. – М., 1974; Грацианская Л.И. "География" Страбона: Проблемы источниковедения. – Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1986 г. – М., 1988; Aly W. Strabon von Amascia. – Bonn, 1957; Lasserre F. Strabon. – "Geographie". – Paris, 1975.
- ⁹⁴ Перевод на русский язык: Страбон. География. В 17-ти книгах / Пер. Г.А.Стратановского. – Л., 1964; Страбон. География. В семнадцати книгах / Пер. Ф.Г.Мищенко. – М., 1879.
- ⁹⁵ Weber E. Tabula Peutingeriana. – Graz, 1976; Miller K. Itineraria Romana. – Stuttgart, 1916.
- ⁹⁶ Издания фрагментов: Dicks D.R. The geographical Fragments of Hipparchus. – London, 1960; Berger H. Die geographischen Fragmente des Hipparchus. – Leipzig, 1869.
- ⁹⁷ Бронштэн В.А. Клавдий Птолемей. II век н.э. – М., 1988.
- ⁹⁸ Подборки текста и переводы на русский язык (отрывки): Ptolemaios. Geographie 6, 9-21. Ostiran und Zentralasien. Teil 1. Hrsg. 1, Ronca. Roma, 1971; Клавдий Птолемей. Руководство по географии. Античная география. – М., 1953; Вязигин С.А. Сведения Клавдия Птолемея по географии Туркменистана // Известия Туркм. филиала АН СССР – 1946. – №1. Исследования: Гумбах Г. Птолемей и Центральная Азия в кушанскую эпоху. – Центральная Азия в кушанскую эпоху. – Т.2. – М., 1975; Berthelot A. L'Asie ancienne centrale et sud-orientale d'après Ptolémée. – Paris, 1930; Humbach H. Historisch-geographische Noten zum sechsten Buch der Geographie des Ptolemaios. – Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 19. – Mainz, 1972; Bernard P. Les sources de Ptolémée sur l'Asie Centrale. – Bernard P., Francfort H.-P. Études de géographie historique sur la plaine d'Aï Khanoum (Afghanistan). – Paris, 1978; Markwart J. Die Sogdiana des Ptolemaios. – Orientalia, Roma, 1946, 15, fasc. 1/2, 3.
- ⁹⁹ Signon H. Agrippa: Freund und Mitregent des Kaisers Augustus. – Frankfurt am Main, 1978.
- ¹⁰⁰ Издания фрагментов: Klotz A. Die geographischen Commentarii des Agrippa und ihre Überreste. – Klio. – Leipzig, 1931. – Bd.24; Geographi latini minores. Cool. A.Riese. – Heilbronn, 1978. – P.1-8.
- ¹⁰¹ Перевод на русский язык: Помпоний Мела. О положении земли / Пер. С.К.Апта. Античная география. – М., 1953.
- ¹⁰² Перевод на русский язык: Псевдоэарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря // ВДИ. – 1940. – №2.
- ¹⁰³ Чанышев А.И. Аристотель. 2-е изд. – М., 1987; Зубов В.П. Аристотель. – М., 1962.
- ¹⁰⁴ Перевод на русский язык: Аристотель. Сочинения в 4-х томах. – М., 1976-1983; Аристотель. Метеорология. – Л., 1983. Издание фрагментов: Rose V. Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta. – Stuttgart, 1967 (repr., 1886). Работа "О метадлах", возможно, написана Феофрастом. Исследование: Bolchert P. Aristoteles Erdkunde von Asien und Lybien. – Berlin, 1908.
- ¹⁰⁵ Перевод на русский язык: Феофраст. Исследование о растениях / Пер. М.Е.Сергеевко. – М., 1951.

- ¹⁰⁶ *Detlefsen D.* Die Anordnung der geographischen Bücher des Plinius und ihre Quellen. – Berlin, 1909.
- ¹⁰⁷ Обзор проблемы см.: *Sallmann K.G.* Die Geographie des älteren Plinius in ihren Verhältnissen zu Varro. Versuch einer Quellenanalyse. – Berlin; New York, 1971.
- ¹⁰⁸ *Ярхо В.* Эсхил. – М., 1958; *Ярхо В.Н.* Драматургия Эскила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. – М., 1978.
- ¹⁰⁹ Перевод на русский язык: *Эсхил.* Трагедии / В пер. Вяч. Иванова. – М., 1989; *Эсхил.* Трагедии / Пер. С.Апта. – М., 1978; *Эсхил.* Трагедии / Пер. А.И.Пиотровского. – М.; Л., 1937. Исследования: *Мончадская Е.А.* Эсхил о Средней Азии. – Страны и народы Востока. – Вып. 10. – М., 1971; *Schmitt R.* Die Iranier-Namen bei Aischylos. – Wien, 1978.
- ¹¹⁰ *Гончарова Т.В.* Еврипид. – М., 1984.
- ¹¹¹ Перевод на русский язык: *Еврипид.* Трагедии. – Т. 2 / Пер. И.Анненского, С.Шеринского. – М., 1980.
- ¹¹² Перевод на русский язык: *Аполлоний Родосский.* Аргонавтика / Пер. Г.Ф.Царетели. – Тбилиси, 1964.
- ¹¹³ Издания фрагментов: *Livrea E.* Dionysii Bassaricon et Gigantiadis fragmenta. – Rome, 1973; *Geographi graeci minores.* Rec. C.Müllerus. – Vol.1. – Parisiis, 1855. – P.XXVII-XXVIII.
- ¹¹⁴ *Аверинцев С.С.* Поэзия Нонна Панополитанского как заключительная фаза эволюции античного эпоса // Памятники книжного эпоса. – М., 1978. Перевод на русский язык (отрывки): *Нонна.* Поэма о Дионисе / Пер. М.Е.Грабарь-Пассек // Памятники поздней античной поэзии и прозы II-V вв. – М., 1964. Исследование: *Шювен П.* Некоторые среднеазиатские аспекты в греческой поэзии императорской эпохи. – Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согды. – Ташкент, 1987.
- ¹¹⁵ *Кузнецова Т.И.* Любовно-фантастический роман. Антоний Диоген. Ямвлих. – Античный роман. – М., 1969. Издание фрагментов и перевод на русский язык: *Habrich E.* Iamblichi Babyloniacoqum reliquiae. – Leipzig, 1960; *Ямвлих.* Вавилонская повесть / Пер. А.Егунова. – Поздняя греческая проза. – М., 1961.
- ¹¹⁶ *Грабарь-Пассек М.Е.* Философский роман. Филострат. "Жизнь Аполлония Тианского". – Античный роман. – М., 1969. Перевод на русский язык: *Флавий Филострат.* Жизнь Аполлония Тианского / Изд. подгот. Е.Г.Рабинович. – М., 1985. Об Аполлонии Тианском см.: *Charpentier J.* The Indian Travels of Apollonius of Tyana. – Uppsala; Leipzig, 1934.
- ¹¹⁷ По этому поводу см.: *Шеркова Т.А.* О контактах Египта с кушанской Бактрией. – Древний и средневековый Восток: История, филология. – М., 1983.
- ¹¹⁸ Переводы на русский язык: *Лукиан.* Избранное. – М., 1987; *Лукиан.* Собрание сочинений в двух томах / Пер. под ред. Б.Л.Богаевского. – М.; Л., 1935.
- ¹¹⁹ Переводы на русский язык (отрывки): *Афиной.* Пирующие софисты / Пер. Т.А.Милер и М.Л.Гаспарова // Памятники поздней античной научно-художественной литературы II-V вв. – М., 1964; *Афиной.* Пир софистов / Пер. С.Ошерова. – Поздняя греческая проза. – М., 1961.
- ¹²⁰ Перевод на русский язык: *Клавдий Элиан.* Пестрые рассказы / Пер. С.В.Поляковой. – М.; Л., 1964.
- ¹²¹ Перевод на русский язык: *Климент Александрийский.* Строматы / Пер. Н.Корсунского. – Ярославль, 1892.

- 122 О Порфирин см.: *Altheim F., Stiehl R. Mazdak und Porphyrios. La nouvelle Clio.* 5. 1953.
- 123 *Hägg T. Photios als Vermittler antiker Literatur.* – Uppsala, 1975.
- 124 Надписи, имеющие значение для Средней Азии, см. в изданиях: *Dittenberger W. Orientis Graecae Inscriptiones Selectae.* – Vol.1-2. – Leipzig, 1960 (repr., 1903-1905).
- 125 *Inscriptions de Délos.* 1-6. – Paris, 1926-1950, 442 B, 443 Bv, 1432 Aa.
- 126 Надписи, обнаруженные на территории Средней Азии, см. в изданиях: *Robert L. Des Delphes à l'Oxus: Inscriptions grecques nouvelles de la Bactriane.* – *Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres.* – Paris, 1968; *Pugliese-Carratelli G. Greek Inscriptions of the Middle East.* – East and West. – Vol. 16. – Rome, 1966. – №1/2; *Supplementum Epigraphicum Graecum.* – Vol. 27. – Lugduni Batavorum, 1977.
- 127 Греческий текст билингвы: *Schlumberger D., Robert L. Une bilingue gréco-araméenne d'Asoka.* 1-2. – JA. 1958. – T.246. – P.1-18; *Pugliese-Carratelli G., Garbini G. A bilingual Graeco-Aramaic Edict by Asoka.* Roma, 1964. Одноязычная греческая надпись: *Schlumberger D. Eine neue griechische Asoka-Inschrift.* – *Der Hellenismus in Mittelasien.* – Darmstadt, 1969. – S.406-417; *Benveniste E. Édits d'Asoka en traduction grecque.* – JA. 1964. – T.252. – P.138-157.
- 128 *Robert L. Inscriptions hellénistiques d'Iran.* – *Hellenica.* – Paris, 1960. – T.11-12. – P.85-91.
- 129 *Robert L. Des Delphes à l'Oxus.* – P. 421-457.
- 130 *Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пыцкий И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ.* – 1985. – №4.
- 131 *Устинова Ю.Б. Накладные латинские и греческая надписи из Кара-Камера // ВДИ.* – 1990. – №4.
- 132 *Пугаченкова Г.А. Жигатепе. – Древняя Бактрия.* – Вып.2. – М., 1979. – С.75.
- 133 *Rapin C., Grenet F. Les inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d'Al Khanoum.* – *Bulletin de correspondance Hellénique,* CVII. – Paris, 1983; *Rapin C., Hadot P. Les textes littéraires grecs de La trésorerie d'Al Khanoum.* – *Bulletin de correspondance Hellénique.* – Paris, 1987, 111.
- 134 См. обзоры источников в общих работах по истории Древнего Востока, указанные выше источниковедческие работы, а также: *Литература Древнего Востока.* – М., 1971; *Литература Древнего Востока. Тексты.* – М., 1984; *Оранский И.М. Введение в иранскую филологию.* 2-е изд. – М., 1988. Переводы некоторых памятников, упомянутых ниже, можно найти в хрестоматиях по истории Древнего Востока (далее отдельных ссылок на эти переводы не дается): *Хрестоматия по истории Древнего Востока.* – М., 1963. 2-е изд. – 1980.
- 135 *Weber O. Die Literatur der Babylonier und Assyrer.* – Leipzig, 1907; *Reallexicon der Assyrologie,* hrsg. von E.Ebeling und B.Meissner. – Bd.1. – Berlin, 1932.
- 136 *Крамер С.Н. История начинается в Шумере.* – М., 1965. – С.236, 240; *Шумерский героический эпос / Пер. И.Т.Каневой // ВДИ.* – 1964. – №3. – С.247-248; 1964. – №4. – С.207-209; *Kotomoczy G. Zum sumerischen Epos "Enmerkar und der Herr von Aratta",* – AAASH. – 1968. – T.1-4.
- 137 Ср. различные варианты таких определений: *Streck M. Das Gebiet der heutigen Landschaften Armenien, Kurdistan und Westpersien nach den babylonisch-assyrischen Keilinschriften.* – *Zeitschrift für Assyrologie.* Bd.13-15. – Berlin, 1898-1901; *Дьяконов И.М. История Мидии.* – М.; Л., 1956; *Грантов-*

- ский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. – М., 1970; Levine L. Geographical Studies in the Neo-Assyrian Zagros. Toronto; London, 1974.
- ¹³⁸ Дьяконов И.М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. – 1955. – С.260-263.
- ¹³⁹ Wiseman J.D. The Vassal-treaties of Esarhaddon. – Iraq. – London, 1958. – Vol.20-21.
- ¹⁴⁰ Дьяконов И.М. Ассиро-вавилонские источники // ВДИ. – 1951. – №2. – С.355; Дьяконов И.М. История Мидии. – С.358, примеч.4; ср.: Грантовский Э.А. Бактрия и Ассирия. – Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. – М., 1983. – С.28.
- ¹⁴¹ Cogan M., Tadmor H. Gyges and Ashurbanipal. A Study in Literary Transmission. – Orientalia, Roma, 1977. – Vol.XIV, fasc.1. – P.80, p.26; Пьянков И.В. К вопросу о саках на Памире. – Памироведение. – Душанбе, 1985. – Вып.2. – С.122-125.
- ¹⁴² Дандамаев М.А. Рабство в Вавилонии VII-IV вв. до н.э. – М., 1974. – С.70.
- ¹⁴³ Дандамаев М.А. Клинописные данные об ариях. – История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1968.
- ¹⁴⁴ Dandamaev M.A. Data of the Babylonian Documents from the 6th to the 5th Centures B.C. on the Sakas. Prolegomena to the Sources. – Budapest, 1979.
- ¹⁴⁵ Smith S. Babylonian Historical Texts. – London, 1924. – P.150-159.
- ¹⁴⁶ Текст и перевод всех известных к тому времени ахеменидских надписей в трех версиях: Wissbach F.H. Die Keilschriften der Achämeniden. – Leipzig, 1911. Текст и перевод только древнеперсидской версии надписей: Kent R.G. Old Persian Grammar. Texts. Lexicon. 2 ed. – New Haven, 1953; Mayrhofer M. Supplement zur Sammlung der altpersischen Inschriften. – Wien, 1978.
- ¹⁴⁷ Надпись издавалась неоднократно. Перевод на русский язык древнеперсидской версии: Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах. – М., 1963. – С.262-270. Новейшее издание вавилонской версии: Voigtlander E.N. von. The Bisutun Inscription of Darius the Great: Babylonian Version. – London, 1978 (СП. – Part.1. – Vol. II, I); ср.: Schmitt R. Zur babylonischen Version der Bisutun. – Ar.Or. 1980, Bd.27. Издание арамейской версии: Greenfield, J.C., Porten B. The Bisutun Inscription of Darius the Great Arameic Version. – London, 1982 (СП. – Part.I. – Vol., V, 1). Перевод с учетом трех версий: Frye R. The history of ancient Iran. – München, 1984. – P.363-368. Неоднократно исследовался и реконструировался также и текст V столбца надписи; последние из реконструкций и переводов: Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. – Л., 1968. – С.51-66; Дандамаев М.А. Поход Дария против скифского племени тиграхауда. – КСИНА. 1963. – Вып. 61; Hinz W. Die Zusätze zur Darius-Inschrift von Behistan. – AMI. – 1972. – Bd.5. – S.245-251; Harmatta J. Darius' Expedition against the Sakā Tigraxaudā. – Studies in the Sources. – Budapest, 1979.
- ¹⁴⁸ Перевод на русский язык: Абаев В.И. Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузе. – Иранские языки. – Т.1. – М.; Л., 1945.
- ¹⁴⁹ Vallat F. Deux nouvelles "Chartes de Fondation" d'un palais de Darius Ier à Suse. – Syria, 1971. – Vol. 48.
- ¹⁵⁰ Некоторые из этих надписей также переведены на русский язык (см. в хрестоматиях по истории Древнего Востока). Перевод упомянутой надписи Ксеркса из Персеполя см. также: Абаев В.И. Антидзювская надпись Ксеркса. – Иранские языки. – Т.1. – М.; Л., 1945.

- 151 *Galénischeff W.S.* Stèle de Darius aux environs de Tell el-Maskhutih. – Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. – T.13. – Paris, 1890.
- 152 *Yoyotte J.* Les inscriptions hiéroglyphiques. Darius et l'Égypte. – JA. – 1972. – T.260, fasc.3/4. Эдвардс В. Новые надписи Ахеменидов // ВДИ. – 1976. – №1.
- 153 *Hallock R.T.* Persepolis Fortification Tablets. – Chicago, 1969; *Cameron G.G.* Persepolis Treasury Tablets. – Chicago, 1948. Публикация этих документов продолжалась и позднее.
- 154 *Волков И.М.* Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V в. до Р.Х. – М., 1915; *Cowley A.* Aramaic Papyri of the Fifth Century B.C. – Oxford, 1923; *Kraeling E.G.* The Brooklyn Museum Aramaic Papyri. New Documents of the Fifth Century B.C. from the Jewish Colony at Elephantine. – New Haven, 1953; *Porten B.* Archives from Elephantine. – Berkeley; Los Angeles, 1968.
- 155 *Aimé-Giron M.N.* Textes araméens d'Égypte. – Le Caire, 1931.
- 156 *Войман Р.А.* Aramaic Ritual Texts from Persepolis. – Chicago, 1970. Истолкование этих находок вызвало оживленную дискуссию, см., например: *Боголюбов М.Н.* Арамейские надписи на ритуальных предметах из Персеполя // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1973. – Т.32. – Вып.2; *Дандамаев М.А.* Новые данные о религии в Персии на рубеже VI-V вв. до н.э. // ВДИ. – 1974. – №2. – С.22-25.
- 157 Арамейский текст бидингвы: *Dupont-Sommer A., Benveniste É.* Une bilingue gréco-araméenne d'Asoka. 3-4. – JA. – 1958. – Т.246, Fasc.1; *Боголюбов М.Н.* К чтению арамейской версии кандагарской надписи Ашоки // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1967. – Т.26. – Вып.3.
- 158 *Benveniste É., Dupont-Sommer A.* Une inscription indo-araméenne d'Asoka provenant de Kandahar. – JA. – 1966. – Т.254.
- 159 *Henning W.B.* The Aramaic Inscription of Asoka Found in Lampaka. – BSOAS. – 1949. – Vol.13.
- 160 *Dupont-Sommer A.* Une nouvelle inscription d'Asoka, trouvée dans la vallée du Lagman. – Comptes-rendus de l'Académie des inscriptions et des belles-lettres, janv.-mars 1970; *Боголюбов М.Н.* Арамейская законодательная надпись Ашоки из Афганистана // ВЯ – 1973. – №3; *Davary G.D., Humbach H.* Eine weitere aramäoiranische Inschrift der Periode des Asoka aus Afghanistan. – Abhandlungen der Akad. der Wiss. und der Lit., Geistes- und Sozialwiss. Kl. – №1. – Mainz, 1974; *Литвиц В.А., Шифман И.Ш.* К толкованию новых арамейских надписей Ашоки // ВДИ. – 1977. – №2.
- 161 О сасанидских надписях вообще см.: *Gignoux P.* Glossaire des inscriptions Pehlevies et Parthes. – London, 1972, CHI. – Vol.III. 2. – P.1205-1215. Перевод упомянутых надписей Шатура и Нарсе: *Frye R.N.* The History of Ancient Iran. – München, 1984. – P.371-377. Новейшее издание и перевод надписи Нарсе: *Humbach H., Skjaervo P.O.* The Sasanian Inscription of Paikuli. Pt.1-3. – Wiesbaden, 1978-1983. Перевод надписи Нарсе на русский язык: *Лукошин В.Г.* Древний и раннесредневековый Иран. – М., 1987. – С.156-176.
- 162 *Лукошин В.Г.* Древний и раннесредневековый Иран. – М., 1987. – С.231-234.
- 163 *Войсе М.* Middle Persian Literature. – Handbuch der Orientalistik. Abt.1. Bd.4. 2. Lief.1. – Leiden; Köln, 1968; GIPh. Bd.2. – S.90-116, CHI. – Vol. III, 2. – S.1166-1195. Переводы пехлевийских литературных текстов: Pahlavi Texts.

- Transl. by E.W. West. – T.1-5. – Oxford, 1880-1897 (The Sacred Books of the East. – Vol. 5, 18, 24, 37, 47).
- 164 Bailey H.W. Zoroastrian Problems in the Ninth-Century Books. – Oxford, 1943; *Tavadin* f. Die mittelpersische Sprache und Literatur der Zarathustrier. – Leipzig, 1956 (Iranische Texte und Hilfsbücher. – №2).
- 165 Zand-Akših, Iranian or Greater Bundahišn, Transl. by B.T. Anklesaria. – Bombay, 1956.
- 166 Denkart. Ed. by M.J. Dresden. – Wiesbaden, 1966.
- 167 Vichitakihi i Zatsparam. Ed. by B.T. Anklesaria. – Bombay, 1964.
- 168 Bo Utas. Non-religious Book Pahlavi Literature as a Source on the History of Central Asia. – Studies in the Sources... – Budapest, 1979.
- 169 Текст и перевод на русский язык: Книга деяний Ардашира сына Папака / Пер. О.М. Чунаковой. – М., 1987.
- 170 Markwart J. A Catalogue of the Provincial Capitals of Eranshahr. Ed. by G. Messina. – Roma, 1931.
- 171 Bo Utas. Pahlavi Treatise Avdēh u sahikēh i Sakistān or "Wonders and Magnificence of Sistan" – From Hecataeus to Al-Huwarizmi. – Budapest, 1984.
- 172 Boyce M. The Manichaean Literature in Middle Iranian. – Handbuch der Orientalistik. Abt. I. Bd. 4. 2. Lies. 1. – Leiden; Köln, 1968; CHI. – Vol. 3. 2. – S. 1196-1204.
- 173 Sundermann W. Die mittelpersischen und parthischen Turfantexte als Quellen zur Geschichte des vorislamischen Zentralasien. – Prologomena to the Sources... – Budapest, 1979.
- 174 Райн В. Краткий очерк истории сирийской литературы. – СПб., 1902; *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. – М.; Л., 1941; *Гусейнов Р.А.* Место и роль сирийских источников в изучении истории народов СССР. – Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1975. – М., 1976.
- 175 Перевод на русский язык (частичный) и исследование: *Пигулевская Н.* Города Ирана в раннем средневековье. – М.; Л., 1956. – С. 37-49, 138-141.
- 176 Об этой хронике см.: *Пигулевская Н.* Города Ирана. – С. 141-145.
- 177 Перевод на русский язык и исследование: *Пигулевская Н.* Месопотамия на рубеже V-VI вв. н.э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. Ливан. Тр. ИВАН СССР. – Т. 31. – 1941.
- 178 Перевод на русский язык (частичный): *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники. – С. 148-167.
- 179 Перевод на русский язык (частичный): *Пигулевская Н.* Сирийские источники. – С. 109-147. Об Иоанне Эфесском см.: *Дьяконов А.П.* Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. – СПб., 1908.
- 180 Перевод на русский язык и исследование: *Пигулевская Н.В.* Анонимная сирийская хроника о времени Сасанидов. – Записки Ин-та востоковедения АН СССР. – Т. 7. – М.; Л., 1939.
- 181 Guidi J. Ostsyrische Bischöfe und Bischofssitze im V, VI und VII Jahrhundert. – ZDMG. Bd. 43, 1889.
- 182 О Бардосане см.: *Пигулевская Н.В.* Культура сирийцев в средние века. – М., 1979. – С. 117-125; *Drijvers H.J.W.* Bardaisan of Edessa. – Assen, 1966.
- 183 *Абегян М.* История древнеармянской литературы. – Ереван, 1975; *Тер-Мкртчян Л.Х.* Армянские источники о Средней Азии V-VII вв. – М., 1979; *Тревер К.В.* Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV-VII вв. // СА. 21. – М.; Л., 1954.

- 184 Переводы на русский язык: *Фавст Бузанд. История Армении* / Пер. М.А.Геворгиана. – Ереван, 1953.
- 185 Перевод на русский язык: *Моисей Хоренский. История Армении* / Новый пер. Н.О.Эмина. – М., 1893; *Мовсес Хоренаци. История Армении* / Пер. с древнеармянск. языка и примеч. Г.Саркисяна. – Ереван, 1990. О Моисее Хоренском см.: *Мкрян М.М. Мовсес Хоренаци.* – Ереван, 1969 и указанную там литературу.
- 186 Перевод на русский язык: *Егшиш. О Вардане и войне армянской* / Пер. акад. И.А.Орбели. – Ереван, 1971.
- 187 Перевод на русский язык: *История епископа Себеоса* / Пер. Ст.Малхасянц. – Ереван, 1939.
- 188 Издания текста, переводы и исследования: *Армянская география VII в. по Р.Х. (приписываемая Моисею Хоренскому). Текст и пер. с присовокуплением карт и объяснительных примечаний издал К.П.Патканов* – СПб., 1877; *Marquart J. Eränsahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i mit historisch – kritischen Kommentar und historischen und topographischen Excursen.* В., 1901.
- 189 *Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы.* – М., 1960 (Избранные труды. – Т.1); *Бертельс Е.Э. Избранные труды: История литературы и культуры Ирана.* – М., 1988; *Брагинский И.С. Иранское литературное наследие.* – М., 1984; *История персидской и таджикской литературы* / Под ред. Я.Рипки. – М., 1970; *Browne E.G. A Literary History of Persia.* – Vol.1-4. – Cambridge, 1956-1959 (repr.); *Стори А. Персидская литература. Бю-библиографический обзор* / Пер., переработал и дополнил Ю.Э.Брегель. – Ч.2. История. – М., 1972; *Фильштинский И.М. История арабской литературы: V – начало X в.* – М., 1985; *Ханюна аль-Фахури. История арабской литературы.* – Т.1-2. – М., 1959-1961; *Brockelmann C. Geschichte der arabischen Literatur. – Handbuch der Orientalistik. Bd.3. Abschn. 2-3.* – Leiden, 1954. Полезное справочное издание при работе над мусульманскими источниками: *The Encyclopaedia of Islam. A Dictionary of the Geography, Ethnography and Biography of the Muhammadan Peoples.* New Ed. – Vol.1. Общий обзор и подборка текстов мусульманских источников по истории Средней Азии: *Frye R.N. Islamic Sources for the pre-Islamic History of Central Asia. – Prolegomena to the Sources...* – Budapest, 1979; *Материалы по истории туркмен и Туркмени: Арабские и персидские источники.* – М.; Л., 1939; *Материалы по истории Средней и Центральной Азии X-XIX вв.* – Ташкент, 1988.
- 190 *Gridnaschi M. Quelques remarque à propos des sources historiques arabes. – Prolegomena to the Sources...* – Budapest, 1979.
- 191 *Османов М.Н. Сводь иранского героического эпоса ("Худайнаме" и "Шахнаме"), как источники "Шахнаме" Фирдоуси // Ученые записки Ин-та востоковедения.* 19. – М., 1958; *Pagliario A. Les sources en langue pahlavi du Livre des Rois' de Firdausi. – Firdausi Millennium. – Tehran, 1944.*
- 192 Перевод на русский язык: *Фирдоуси. Шахнаме.* – Т.1-4 / Пер. Ц.Б.Бану-Лахути. – Т.5-6. Пер. Ц.Б.Бану-Лахути и В.Г.Берзнева. – М., 1957-1989.
- 193 *Гибб Х.А.Р. Арабская литература: Классический период.* – М., 1960.
- 194 Перевод на русский язык (отрывки): *Мухаммед ат-Табари. История.* – Ташкент, 1987.
- 195 *Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. – Избранные сочинения.* – Т.4. – М., 1958; *Maróth M. Die arabische geographische Literatur*

- als Quelle zur Kenntnis Zentral-Asien. – Prolegomena to the sources... – Budapest, 1979.
- ¹⁹⁶ Hudud al-alam, "The Regions of the World", a Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D., transl. and expl. by Minorsky. – London, 1937. Перевод на современный таджикский язык. Худуд-ул-олам / Мухар. маъъ. А. Мухторов – Душанбе, 1983.
- ¹⁹⁷ Текст и перевод на русский язык: *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата о народах территории СССР. – М., 1988.
- ¹⁹⁸ *Булгаков П.Г., Розенфельд Б.А., Ахмедов А.А.* Мухаммад ал-Хорезми. – М., 1983; *Гойбов Г.* Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми: Жизнь и творчество. – Душанбе, 1983; Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре. – Душанбе, 1983.
- ¹⁹⁹ Abu Ga'far Muhammed Ibn Musa al-Huwarizmi. Das Kitab Surat al-Ard, hrsg. von H. Mülk. – Leipzig, 1926; Географическая карта мира ал-Хорезми по книге "Сурат ал-Арз": Введение и интерпретация карты С.Разиий Джафри, вводное исследование Ю.С.Мальцева, предисловие и редакция К.С.Айни. – Душанбе; Сринагар, 1985; *Буриев А.* Сведения по Средней Азии в "Географии" ал-Хорезми. / ОНУ. – 1983. – №7; *Bosworth C. and Clauson G.* Al-Xwārazmī on the People of Central Asia. – JRAS. 1965; *Maróth M.* Ptolemaic Elements and Geographical Actuality in al-Huwarizmi's Description of Central Asia. – From Hecataeus... – Budapest, 1984.
- ²⁰⁰ Перевод на русский язык: *Мухаммад Наршахи.* История Бухары / Пер. Н.Лыкошина. – Ташкент, 1897. См. также: The History of Bukhara. Transl. from a Persian Abridgement of the Arabic Original by Narshakhi by R.N.Frye. – Cambridge (Mass.), 1954.
- ²⁰¹ Перевод на русский язык: Кандия Малая / Пер. В.Л.Вяткина. – Справочная книжка Самаркандской области. – Вып. 8. – Самарканд, 1906.
- ²⁰² Обзор мусульманских источников о Балхе: *Мухтаров А.* Позднесредневековый Балх. – Душанбе, 1980; *Schwarz P.* Bemerkungen zu den arabischen Nachrichten über Balkh. – Oriental Studies in Honour of C.E.Pavry. – London, 1933.
- ²⁰³ Перевод на русский язык: Тарих-и Систан. "История Систана" / Пер. Л.П.Смирновой. – М., 1974.
- ²⁰⁴ *Ibn Isfandiyyar.* History of Tabaristan. Transl. by E.Y.Browne. – London, 1905.
- ²⁰⁵ *Абу Райхан Бируни.* Избранные произведения. – Т.1-7. – Ташкент, 1957-1987.
- ²⁰⁶ Tansar Name. The Letter of Tansar. Transl. by M.Boyce. – Rome, 1968.
- ²⁰⁷ Zartushti Bahram ben Pajdū. Le livre de Zoroastre (Zarātusht nama). Publ. et trad. par F.Rosenberg. St.Pbg, 1904.
- ²⁰⁸ *Серебряков И.Д.* Очерки древнеиндийской литературы. – М., 1971; *Winternitz M.* A History of Indian Literature. – Vol.1. 2-ed. – Calcutta, 1959-1963.
- ²⁰⁹ *Эрман В.Г.* Очерк истории ведийской литературы. – М., 1980; Der Rig-Veda. Aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt und mit einem laufenden Kommentar versehen von K.F.Geldner. 1-2. – Cambridge, Mass. – London, 1951 (vols. 33-35). Перевод (частичный) на русский язык древнейшей из Вед: Ригведа. Мандалы I-IV / Изд. подгот. Т.Я.Елизаренкова. – М., 1989; Ригведа. Избранные гимны / Пер. Т.Я.Елизаренковой. – М., 1972.
- ²¹⁰ *Григнер П.А.* Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. – М., 1974.

- 211 Перевод на русский язык: Махабхарата / Книги 1, 2, 4, 5. Пер. В.И.Кальянова; Книга 3. Пер. Я.В.Василькова, С.Л.Невелевой. – М.; Л., 1950-1987; Махабхарата / Пер. Б.Л.Смирнова. 3-е изд. – Ашхабад, 1986.
- 212 Перевод на русский язык: Рамаяна / Пер. В.Поталовой. – М., 1986.
- 213 *Pargur's Purana: A Historical Tradition.* – London, 1922; *All S.M. The Geography of the Puranas.* – New Delhi, 1966.
- 214 Перевод на русский язык: Калидаса. Избранное. Драммы и поэмы / Пер. С.Липкина. – М., 1974; Калидаса. Избранное / Пер. К.Бальмонта и П.Риттера. – М., 1956. О Калидасе см.: *Эрман В.Г. Калидаса.* – М., 1976.
- 215 Перевод на русский язык: Артхашастра, или Наука политики / Изд. подготовил В.И.Кальянов. – М.; Л., 1959. Исследования: *Выгасю А.А. Самозванцев А.М. Артхашастра. Проблемы социальной структуры и права.* – М., 1984; *Ritschl E., Schetelich M. Studien zum Kautiliya Arthashastra.* – Berlin, 1973.
- 216 Panini. Acht Bücher grammatischer Regeln. hrsg. von O.Böhtlingk. Bd.1-2. – Bonn, 1839-1840; *Agrawala V.S. India as known to Panini.* Lucknow, 1953; *Графтовский Э.А. Племенное объединение Paṅṅu-Paṅṅava у Панини.* – История и культура древней Индии. – М., 1963.
- 217 Patañjali. The Vyākaraṅa-Mahābhāṣya. Ed. by P.K.Shāstri. – Vol.1-3. – Bombay, 1932-1937; *Puri B.N. India in the Time of Patañjali.* – Bombay, 1957.
- 218 The Brihat Sanhita. Ed. by H.Kern. – Calcutta, 1865 (Bibliotheca Indica, 48) / Перевод: JRAS. N.S., 4-7, 1869-1874.
- 219 Джатаки: Из первой книги “Джатак” / Пер. Б.Захарьина. – М., 1979.
- 220 Milinda Questions. Transl. by I.V.Horner. – Vol.1-2. – London, 1964; Вопросы Милинды (Милиндапанья) / Пер. с пали, исследование и комментарий А.В.Парибка. – М., 1989.
- 221 The Mahāvamsa or the Great Chronicle of Ceylon. Transl. by W.Geiger. – London, 1960.
- 222 Corpus Inscriptionum Indicarum. – Vol.1. – London, 1925; – Vol.2. – London, 1929; – Vol.3. – Calcutta, 1888.
- 223 *Вертоградова В.В. Индийские надписи на керамике из раскопок 70-х годов на Каратепе.* – Буддийские памятники Каратепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1974-1977 гг. – М., 1982; *Vertogradova V.V. Indian Inscriptions and Inscriptions in Unknown Lettering from Kara-Tepe in Old Termez.* – Moscow, 1983; *Вертоградова В.В. Индийская эпиграфика из Каратепе в Старом Термезе (Проблемы дешифровки и интерпретации).* – М., 1995.
- 224 *Бонгард-Левин Г.М., Воробьева-Десятковская М.И., Телюкин Э.Н. Фрагменты санскритских рукописей а Загтепе // ВДИ.* – 1965. – №1.
- 225 *Васильев В.П. Очерк истории китайской литературы.* – СПб., 1880; *Литература древнего Китая. Сборник статей.* – М., 1969; *Giles H.A. A History of Chinese Literature.* – New York; London, 1924. Общий обзор и подборка текстов китайских источников по истории Средней Азии в целом и отдельных среднеазиатских областей и народов см.: *Бичуриш Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.* – Т.1-3. – М.; Л., 1950-1953; *Кюнер П.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.* – М., 1961; *Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей.* – Сталинабад, 1957 (Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. – Т.3); *Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. (Историко-географический обзор по древнекитайским источникам).* – М., 1989 (автор этой работы

- вступает в противоречие со многими прочно установленными наукой фактами); *Franke O.* Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvölker und Skythen Zentralasiens. – Berlin, 1904 (Abhandlungen der Königl. Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philos.-Hist. Kl. 1904); *Chavannes E.* Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) Occidentaux. St-Pbg. 1900. (Сборник трудов Орхонской экспедиции. 6); *Hermann A.* Die Westländer in der Chinesischen Kartographie – Hedin S. Southern Tibet. – Vol.8. – Stockholm, 1922; *Zürcher E.* The Yüeh-chih and Kaniska in the Chinese Sources. – Papers on the Date of Kaniska, Ed. A.L. Basham. – Leiden, 1968.
- 226 *Gardner Ch.* Chinese Traditional Historiography. – Cambridge, 1961; *Wada H.* Zur Geschichte Zentralasiens in der chinesischen Historiographie. – Prolegomena to the sources... – Budapest, 1979.
- 227 *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи) / Пер. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. – Т.1. – М., 1972. О Сыма Цяне см.: *Крель Ю.Л.* Сыма Цянь – историк. – М., 1970.
- 228 *Grott J.J.* Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens, die Westlande Chinas in der vorchristlicher Zeit. – Berlin, 1926; *Hulsewé A.E.P., Loewe M.A.N.* China in Central Asia. The Early Stage: 125 B.C. – A.D.23. An Annotated Translation of Chapters 61 and 96 of the History of the Former Han Dynasty. – Leiden, 1979 (Sinica Leidensia. – Vol.14). О Бань Гу см.: *Синьцзэн Е.П.* Бань Гу – историк древнего Китая. – М., 1975.
- 229 *Chavannes E.* Les pays d'Occident d'après le Heou Han Chou. – Toung Pao. – Vol.8. – №2. – Leiden, 1907.
- 230 *Chavannes E.* Les pays d'Occident d'après le Wei-Lio. – Toung Pao. – Vol.6. – №2. – Leiden, 1905.
- 231 *Miller R.A.* Accounts of Western Nations in the History of the Northern Chou Dynasty. – Berkeley, 1959.
- 232 *Малыкин Ф.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. – Новосибирск, 1989; *Малыкин А.Г.* Историческая география Центральной Азии (Материалы и исследования). – Новосибирск, 1981.
- 233 *Hirth F.* The Story of Chang K'ien, China's Pioneer in Western Asia. – JAOS. 1917. – Vol.37.
- 234 *Васильев Л.С.* Бань Чао в Западном крае (I в. н.э.) // ВДИ. – 1955. – №1.
- 235 *Chavannes E.* Voyage de Son Yun dans l'Udyana et le Gandhara (518-522 P.C.). – BEFEO. – Т.3. – 1903. – №3.
- 236 *Beal S.* Si-Yü-Ki. Buddhist Records of the Western World. Translated from the Chinese of Hiuen Tsiang. – Vol.1-2. – London, 1884; *Watters T.* On Yang Shwang's Travels in India (A.D. 629-645). – Vol.1-2. – London, 1904; *Beal S.* The Life of Hiuen Tsiang. – London, 1911; The Life of Hsuan Tsang Complied by Monk Hui-li. – Peking, 1959; Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-Цзана. Транскрипция, пер. Л.Ю. Тугушевой. – М., 1980; *Ставицкий Б.Я.* Хуталь в сообщениях китайских путешественников Сюань Цзана и Хой Чао // Известия АН Таджикской ССР. Отделение обществ. наук. – Сталинабад, 1957. – Вып. 14.
- 237 *Fuchs W.* Hwei-chao's Pilgerreise durch Nirdwestindien und Zentralasien um 726. – SPAW. 1938, Bd.52.
- 238 *Клишторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1964; *Васильев Д.Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского региона (опыт систематизации). – М., 1983.

- ²³⁹ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. – М.; Л., 1951; *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.; Л., 1959.
- ²⁴⁰ *Варченко В.П.* Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошонайдаме и Карабалгасуне. – Сборник трудов Орхонской экспедиции. – Вып.3. – СПб. 1897.
- ²⁴¹ Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М.; Л., 1966; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985; *Belentzky A.* Central Asia. – London, 1969; *Litvinsky B.A.* Significance of the Archaeological Sources for the Study of the History and Culture of Central Asia. – Prolegomena to the Sources... – Budapest, 1979; *Masson V.M.* Archaeology V. Pre-Islamic Central Asia. – EIr. – Vol. 2. 3. 1986; The Archaeology of Afghanistan, from Earliest Times to the Timurid Period. Ed. by F.R.Allchin and N.Hammond. – London; New York; San-Francisco, 1978; *Dupree N.H.* Afganistan, VIII, Archaeology. – EIr. – Vol. 1.5. 1983. См. также указанную в этих работах литературу.
- ²⁴² *Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* Очерки искусства Средней Азии: Древность и средневековье. – М., 1982; *Ставиский Б.Я.* Искусство Средней Азии: Древний период. VI в. до н.э. – VIII в. н.э. – М., 1974; *Rowland B.* Zentralasien. – Baden-Baden, 1970; *Azarpay G.* Art in Iran VI. Pre-Islamic Eastern Iran and Central Asia. – EIr. – Vol.2. 6. 1986; *Пугаченкова Г.А.* Искусство Афганистана: Три этюда. – М., 1963; *Auboyer J.* L'Afghanistan et son art. – Prague, 1968; *Tissot F.* Afghanistan. IX. Pre-Islamic Art. – EIr. – Vol. 1. 5. 1983; Древности Таджикистана. – Душанбе, 1985; *Пугаченкова Г.А.* Искусство Туркменистана. – М., 1967. Об искусстве Бактрии см.: *Ставиский Б.Я.* К югу от Железных ворот. – М., 1977; *Пугаченкова Г.А.* Искусство Бактрии эпохи Кушан. – М., 1979. Об искусстве Согда см.: *Belentzki A.M.* Mittelasiens Kunst der Sogdien. Leipzig, 1980; Об искусстве Парфии см.: *Кошленко Г.А.* Родина парфян. – М., 1977. Об искусстве саков см.: *Артамонов М.И.* Сокровища саков. – М., 1973; *Ахшиев А.* Искусство и мифология саков. – Алма-Ата, 1984. Об эллинистическом искусстве см.: *Шлюмберже Д.* Эллинизированный Восток. – М., 1985; *Тревер К.В.* Памятники греко-бактрийского искусства. – М.; Л., 1940. О буддийском искусстве см.: *Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И.* Аджинатепе: Живопись. Скульптура. Архитектура. – М., 1971. См. также указанную в этих работах литературу об отдельных упомянутых в обзоре памятниках.
- ²⁴³ *Уилбер Д.* Персеполи. – М., 1977. – С.62-80; *Walser G.* Die Volkerschaften auf den Reliefs von Persepolis. – Berlin, 1966.
- ²⁴⁴ *Ртвеладзе Э.В.* Древние монеты Средней Азии. – Ташкент, 1987; *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. – Душанбе, 1983; *Давидович Е.А.* Клады древних и средневековых монет Таджикистана. – М., 1979; *Mac Dowall D.W.* The Monetary Systems and Currency of Central Asia. – Prolegomena to the Sources... – Budapest, 1979; *Mitchiner M.* The Early Coinage of Central Asia. – London, 1973; *Mitchiner M.* Indo-Greek and Indo-Seythian Coinage. – Vol.1-9. – London, 1975-1976; *Lahiri A.N.* Corpus of Indo-Greek Coins. – Calcutta, 1965; *Göbl R.* Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. 1-4. – Wiesbaden, 1967; *Bernard P.* Fouilles d'Aï Khanum. IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne. – Paris, 1985 (MDAFA. – Т.28). См. также указанную в этих работах литературу.
- ²⁴⁵ *Литвинский Б.А.* Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии //

- ВДИ. – 1967. – №4; *Литвинский Б.А.* Проблемы истории и истории культуры древней Средней Азии в свете новейших работ советских ученых (1967-1977 гг.) // ВДИ. – 1977. – №4; *Лукин Б.В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения: Историкографический очерк. – Ташкент, 1979; *Лукин Б.В.* Исследования по древней истории в республиках Средней Азии (1972-1982 гг.) // ВДИ. – 1983. – №1; *Бонгард-Левин Г.М., Дандамаев М.А.* Советская наука о древнем Востоке в 1981-1985 гг. // ВДИ. – 1986. – №1.
- ²⁴⁶ *Лейки Д.С., Бубнова М.А.* История Таджикистана: Указатель советской литературы, 1917-1983. – Т.1. – Душанбе, 1986; *Авицарова М.П., Алаишанкова А.И., Кейзер С.И.* История Узбекистана: Указатель советской литературы, 1917-1952. – Ч.1. – Ташкент, 1968; *Агеева Е.И. и др.* Библиография по истории Казахстана: Аннотированный указатель. – Вып.1. – Алма-Ата, 1964; *Кухтина Г.И.* Библиография Афганистана: Литература на русском языке. – М., 1965; *Ваазова Л.Х.* Библиография Афганистана: История. – Тбилиси, 1979; *Kraus W.* Bibliographie der Afghanistan – Literatur, 1945-1967. Teil, 1-2. Hamburg, 1968-1971; *Wilber D.* Annotated Bibliography of Afghanistan. – New Haven, 1968; *Сверчевская А.К.* Библиография Ирана: Литература на русском языке: 1917-1965. – М., 1967; *Дзенеладзе Г.Р.* Библиография Ирана: История. – Тбилиси, 1981; *Nawabi Y.M.* A Bibliography of Iran. – Vol.1-2. – Tehran, 1969-1971; *Pohanka R.* Bibliographie des Iran. – Wien, 1985.
- ²⁴⁷ *Гафуров Б.Г.* Таджики: Древняя, древняя и средневековая история. 2-е изд. – М., 1972; – Душанбе, 1989.
- ²⁴⁸ История Узбекской ССР. В 4-х томах. – Т.1. – Ташкент, 1967; История Каракалпакской АССР. В 2-х томах. – Т.1. – Ташкент, 1974; История Киргизской ССР. – Т.1. – Фрунзе, 1984; История Казахской ССР: С древнейших времен до наших дней. В 5-ти томах. – Т.1. – Алма-Ата, 1977.
- ²⁴⁹ Zentralasien. Ed. by G.Hambly. Frankfurt am Main, 1966, (Fischer Weltgeschichte. Bd.16); Geschichte Mittelasiens. – Leiden; Köln, 1966, (Handbuch der Orientalistik, Abt.1, Bd.V, Abschn.5); *Хлопин И.Н.* Историческая география южных областей Средней Азии. (Античность и ранне средневековье). – Ашхабад, 1983 (выводы автора требуют очень осторожного к себе отношения).
- ²⁵⁰ *Altheim F., Stiehl R.* Geschichte Mittelasiens im Altertum. – Berlin, 1970.
- ²⁵¹ *Массон В.М., Помодов В.А.* История Афганистана. – Т.1. – М., 1964; История Афганистана. – М., 1982; *Dupree L.* Afghanistan. 3 ed. – Princeton, 1980.
- ²⁵² *Дьяконов М.М.* Очерк истории древнего Ирана. – М., 1961; История Ирана. – М., 1977; *Ghirshmann R.* Persia. From Origins to Alexander the Great. – London, 1964; *Ghirshmann R.* Iran. Parthians and Sassanians. – London, 1962.
- ²⁵³ См., например: История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1968; Этнография и археология Средней Азии. – М., 1979; Прошлое Средней Азии. – Душанбе, 1987. Существуют и серии сборников, в которых содержатся материалы, касающиеся древней истории Средней Азии, например: "Страны и народы Востока", "Палестинский сборник".
- ²⁵⁴ История и культура народов Средней Азии: Древность и средние века. – М., 1976; Средняя Азия в древности и средневековье: История и культура. – М., 1977; Древность и средневековье народов Средней Азии: История и культура. – М., 1978; Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. – М., 1979; Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье: История и культура. – М., 1981; Средняя Азия и ее соседи в

- древности и средневековье: История и культура. – М., 1981; Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. – М., 1983; Восточный Туркестан и Средняя Азия: История. Культура. Связи. – М., 1984; Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего средневекового Востока. – М., 1986.
- 255 Фрай Р. История Ирана. – М., 1972; *Frye R.N. The History of Ancient Iran.* – München, 1984.
- 256 *The Cambridge History of Iran.* – Vol.2. – Cambridge, 1985; – Vol.3 (1, 2). – Cambridge, 1983.
- 257 Например, сборники "Acta Iranica", выходящие в двух сериях; французская серия "Studia Iranica"; бельгийская серия "Iranica Antiqua".
- 258 *Encyclopaedia Iranica.* Ed. by E.Yarshater, Center for Iranian Studies, Columbia University, New York. – Vol.1. Fasc.1. – London, 1982.
- 259 *Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток.* – М.; Л., 1964; также см.: *Массон В.М. Первые цивилизации.* – Л., 1989. Можно назвать еще некоторые труды, посвященные примерно той же проблематике: *Kohl Ph.L. Central Asia. Palaeolithic Beginnings to Early Iron Age.* – Paris, 1984; *Francfort H.-R. Fouilles de Shortughai. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique.* – Vol.1-2. – Paris, 1989.
- 260 *Алексин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ.* – Л., 1986.
- 261 *Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии.* – М., 1984.
- 262 *Древние культуры Средней Азии и Индии.* – Л., 1984.
- 263 *Древние цивилизации Востока.* – Ташкент, 1986.
- 264 *Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах.* – М., 1963. Переиздание этой работы с учетом новых данных: *Dandamaev M.A. Persian under den ersten Achämeniden.* – Wiesbaden, 1976; *Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана.* – М., 1980; *Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы.* – М., 1985.
- 265 *Olmstead A.T. History of the Persian Empire.* 2 ed. – Chicago, 1960.
- 266 Например: *Cook J.M. The Persian Empire.* – London etc., 1983.
- 267 *Briant P. L'Asie Centrale et les royaumes proche-orientaux du premier millenaire.* – Paris, 1984.
- 268 *Herzfeld E. The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East.* Ed. by G.Walser. – Wiesbaden, 1968.
- 269 Например: *Шахермайр Ф. Александр Македонский.* – М., 1984; *Briant P. Alexandre le Grand.* – Paris, 1974; *Fox R.L. Alexander the Great.* – London, 1975.
- 270 Например: *Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток.* – М., 1980; *Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского.* – Казань, 1976; *Шофман А.С. Распад империи Александра Македонского.* – Казань, 1984; *Wheeler B.I. Alexander the Great. The Merging of East and West in Universal History.* – New York, 1971.
- 271 *Бенетсон Г. Правители эпохи эллинизма.* – М., 1982; *Will E. Histoire politique du monde hellénistique.* – T.1-2. Nancy, 1966-1967; *Will E., Mossé C., Goukowsky P. Le monde grec et l'Orient.* – T.2. – Paris, 1985.
- 272 *Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток.* – М., 1985; *Уилер М. Пламя над Персеполем.* – М., 1972; *Копиленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке.* – М., 1979. См. также многочисленные работы

- И. Вольского* (J. Wolski) об эллинистическом Иране и Средней Азии. Сборники: *Der Hellenismus in Mittelasien*. Hrsg. von F. Altheim und J. Rehork. – Darmstadt, 1969.
- ²⁷³ *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. – М., 1985 (французский оригинал был издан в 1938 г.); *Kretsching H.* Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich. – Berlin, 1978.
- ²⁷⁴ *Schmitt H.H.* Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und seiner Zeit. – Wiesbaden, 1964.
- ²⁷⁵ *Бонгард-Левин Г.М.* Индия эпохи Маурьев. – М., 1973; *Thapar R.* Aśoka and the Decline of the Mauryas. 2 ed. – Delhi, 1985.
- ²⁷⁶ *Bernard P.* Fouilles d'Aï Khanoum IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire greco-bactrienne. – Paris, 1985 (MDAFA. XXVIII).
- ²⁷⁷ *Боксанин А.Г.* Парфия и Рим. – Ч.1-2. – М., 1960-1966; *M.A.R. Colledge.* The Parthians. – London, 1967.
- ²⁷⁸ *Косиленко Г.А.* Культура Парфии. – М., 1966.
- ²⁷⁹ Например: *Wolski J.* Untersuchungen zur frühen parthischen Geschichte. – Klio. Bd.58. Hoft 2. – Leipzig, 1976; *Wolski J.* L'origine de la relation d'Arrien sur la paire des frères Arsacides, Arsace et Tiridate. – Studies in the Sources... – Budapest, 1979.
- ²⁸⁰ Центральная Азия в кушанскую эпоху. – Т.1-2. – М., 1974-1975.
- ²⁸¹ *Papers on the Date of Kaniska.* Ed. by A.L. Basham. – Leiden, 1968.
- ²⁸² *Зеймаль Е.В.* Кушанская хронология. (Материалы по проблеме). – М., 1968.
- ²⁸³ *Ставицкий Б.Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. – М., 1977.
- ²⁸⁴ *Луконов В.Г.* Иран в эпоху первых Сасанидов: Очерки по истории культуры. – Л., 1961; *Луконов В.Г.* Культура сасанидского Ирана: Иран в III-V вв. – М., 1969; *Луконов В.Г.* Иран в III в.: Новые материалы и опыт исторической реконструкции. – М., 1979; *Луконов В.Г.* Древний и раннесредневековый Иран: Очерки истории культуры. – М., 1987.
- ²⁸⁵ *Колесников А.И.* Иран в начале VII в. – Л., 1970 – ПС. – Вып. 22.
- ²⁸⁶ *Гумилев Л.Н.* Хунны: Средняя Азия в древние времена. – М., 1960; *Гумилев Л.Н.* Хунны в Китае: Три века войны Китая со степными народами III-VI вв. – М., 1974.
- ²⁸⁷ *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. Bd.1-5. – Berlin, 1959-1962; Об эфталтах см. также: *Hombah H.* Kušan und Hephtaliten. – München, 1961.
- ²⁸⁸ *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. – М., 1967.
- ²⁸⁹ Древнейшие культуры Бактрии: Среда, развитие, связи. Тезисы симпозиума. – Душанбе, 1982; Культура первобытной эпохи Таджикистана. – Душанбе, 1982; L'archéologie de la Bactriane ancienne: Actes du Colloque franco-soviétique. – Paris, 1985.
- ²⁹⁰ Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: Тезисы докладов. – М., 1983.
- ²⁹¹ Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. – VIII в. н.э.): Тезисы докладов. – Ташкент, 1986; Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда: Античность, раннее средневековье. – Ташкент, 1987.
- ²⁹² Древняя Бактрия. – Л., 1974; Бактрийские древности. – Л., 1976.
- ²⁹³ Древняя Бактрия: Материалы Советско-Афганской экспедиции. – Вып. 1. – М., 1976.
- ²⁹⁴ *Смирнова О.И.* Очерки из истории Согда. – М., 1970.

- 295 *Джалилов А.* Согд накануне арабского нашествия. – Сталинабад, 1961.
- 296 *Зеймаль Е.В.* Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным. – Культура Востока: Древность и раннее средневековье. – Л., 1978.
- 297 *Муродов О.* Древние образы мифологии у таджиков долины Зеравшана. – Душанбе, 1979.
- 298 История Хорезма с древнейших времен до наших дней. – Ташкент, 1976.
- 299 Например: Культура и искусство древнего Хорезма. – М., 1981; Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре. – Душанбе, 1983.
- 300 Например: *Вайнберг Б.И.* Монеты древнего Хорезма. – М., 1977, где наряду с нумизматической имеется и историческая часть.
- 301 *Рапопорт Ю.А.* Из истории религии древнего Хорезма. – М., 1971.
- 302 *Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М., 1969; *Снесарев Г.П.* Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. – М., 1983.
- 303 *Толстова Л.С.* Исторические предания Южного Приаралья. – М., 1984.
- 304 Кочевники на границах Хорезма. – М., 1979; Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. – Ташкент, 1978; Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. – Ташкент, 1973.
- 305 Последние из них: Материалы по археологии Мерва. – Ашхабад, 1978 (Труды ЮТАКЭ. – Т.16); Древний Мерв. – Ашхабад, 1989 (Труды ЮТАКЭ. – Т.19).
- 306 *Литвинский Б.А.* Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы. – История и культура народов Средней Азии. – М., 1976.
- 307 *Литвинский Б.А.* Древние кочевники "Крыши мира". – М., 1972.
- 308 *Мухиддинов И.* Реликты доисламских обычаев и обрядов у земледельцев Западного Памира. Ки.1. – Душанбе, 1989.
- 309 Памироведение. – Вып.1. – Душанбе, 1984.
- 310 В том числе: Древняя и средневековая культура Чача. – Ташкент, 1979; У истоков древней культуры Ташкента. – Ташкент, 1982.
- 311 *Gnoli G.* Ricerche storiche sul Sistan antico. – Rome, 1967; *Daffinà P.* L'Immigrazione dei Saka nella Drangiana. Roma, 1967.
- 312 Например: *Кузьмина Е.Е.* Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // ВДИ, 1988. – №2.
- 313 *Литвинский Б.А.* Кангуйско-сарматский фарн. – Душанбе, 1968.
- 314 Например: Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана: Краткие тезисы докладов на конференции. – Л., 1975.
- 315 История Самарканда. – Т.1-2. – Ташкент, 1969-1970.
- 316 История Бухары с древнейших времен до наших дней. – Ташкент, 1976.
- 317 Исследования по истории и культуре Ленинабада. – Душанбе, 1986.
- 318 *Утченко С.Л., Дьяконов И.М.* Социальная стратификация древних обществ. – М., 1970; *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древнейших обществ. – Л., 1976; *Новосельцев А.П. и др.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). – М., 1972.
- 319 *Widengren G.* Der Feudalismus im alten Iran. – Köln, 1969.
- 320 Материалы к этнической истории населения Средней Азии. – Ташкент, 1986.
- 321 Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана: Тезисы докладов Всесоюзной конференции. – М., 1988.

- 322 Этноческие проблемы древней истории Центральной Азии: Международный симпозиум. – М., 1978; Этноческие проблемы истории Центральной Азии в древности. – М., 1981.
- 323 Отметим работы, по содержанию наиболее близкие Средней Азии: *Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М., 1977; *Кузьмина Е.Е.* О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев. – Переднеазиатский сборник. 4. – М., 1986.
- 324 Общий обзор проблемы: *Schmitt R.* Aryans. – *EtIr.* – Vol. II, 7. 1987.
- 325 Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М., 1975; Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. – М., 1986; *Негмати А.Э.* Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков. – Душанбе, 1989.
- 326 *Widengren G.* Die Religionen Irans. – Stuttgart, 1965; *Duchesne-Guillemin J.* La religion de l'Iran ancien. – Paris, 1962.
- 327 *Дорошенко Е.А.* Зороастрийцы в Иране. – М., 1982.
- 328 *Bois M.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. – 2-е изд. – М., 1988; *Boyce M.* A History of Zoroastrianism. – Vol. I. – Leiden, 1975 (Handbuch der Orientalistik. Abt. 1. Bd. 8. Abschn. 1).
- 329 *Gnoli G.* Zoroaster's time and Homeland. – Naples, 1980.
- 330 Mithraic Studies. Proceedings of the First International Congress of Mithraic Studies. – Vol. 1-2. – London, 1975.
- 331 *Asmussen J.P.* Xuaastvanift. Studies in manichaeism. – Copenhagen, 1965.
- 332 *Atiya A.S.* A History of Eastern Christianity. – London, 1968.
- 333 *Litvinsky V.A.* Outline History of Buddhism in Central Asia. – Moscow, 1968.
- 334 Древний город Средней Азии: Краткие тезисы докладов. – Л., 1973; Зоны и этапы урбанизации: Тезисы докладов региональной конференции. – Ташкент, 1989.
- 335 Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: Тезисы докладов советско-французского симпозиума. – Алма-Ата, 1987; Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, 1989; *Briant P.* Etat et pasteurs au Moyen Orient ancien. – Cambridge, Paris, 1982.
- 336 Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока: Тезисы докладов. – М., 1974; Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. – М., 1978.

ГЛАВА II

Каменный век

- ¹ *Борисковский П.И.* Древнейшее прошлое человечества. – Л., 1979. – С.14-18.
- ² *Энгельс Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. – *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. – Т.20. – С.486.
- ³ *Ранов В.А.* Изучение каменного века Средней Азии за двадцать лет (1945-1965). – Материальная культура Таджикистана. – Вып.1. – Душанбе, 1968. – С.5-45.
- ⁴ Из работ на русском языке укажем следующие: – Тешик-Таш. Палеолитический человек. – М., 1949; *Дебец Г.Ф.* Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш, Узбекистан // Тр. УзФАН

СССР. Сер. 1, ист., арх. – Вып. 1. Исследования палеолитической пещеры Тешик-Таш. – Ташкент, 1940. – С. 46-71; *Алексеев В. П.* Положение Тешик-Ташской находки в системе гоминид. – Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. – М., 1973. – С. 100-114. Все ссылки на упомянутые публикации приведены в тексте описания отдельных памятников на соответствующих страницах.

- ⁵ *Ранов В. А.* Каменный век Южного Таджикистана и Памира: Дис. докт. ист. наук. в форме научн. доклада. – Новосибирск, 1988.
- ⁶ *Шарапов Ш.* Куруксайский комплекс позднелейстоценовых млекопитающих Афгано-Таджикской депрессии. – Душанбе, 1986; *Никифорова К. В., Вангенгейм Э. А.* (Ред.). Биостратиграфия позднего плиоцена – раннего плейстоцена Таджикистана. – М., 1988.
- ⁷ *Несметнов С. А.* Корреляция континентальных толщ. – М., 1977. – С. 100-121; *Додонов А. Е.* Антропоген Южного Таджикистана. – М., 1986. – С. 62-70; *Ранов В. А.* Генезис и периодизация памятников каменного века в Таджикистане. Проблемы истории культуры таджикского народа. – Душанбе, 1992. – С. 28-48; *Dodonov A. E., Ranov V. A., Schäfer J.* Das Lösspalaolithikum am Obimazar (Tadjikistan). – Jahrbuch des Römisch – Germanischen Zentralmuseum Mainz, 1995. – S. 209-243; *Forster Th., Heller F.* Loess deposits from Tajik depression (Central Asia): Magnetic properties and paleoclimate. – Earth and Planetary Science Letter. – №128 (1994). – P. 501-512.
- ⁸ *Ранов В. А.* Древнейшие стоянки палеолита на территории СССР. – ПА. 1992. – №2. – С. 81-95; *Ranov V. A.* Les sites très anciens de l'âge de la pierre en USSR. – Les premiers Européens. – Paris, 1991. – P. 209-216.
- ⁹ *Алексеев В. П.* Наука жива сомнениями, однако утверждается открытиями // Знание – сила. – 1986. – №3. – С. 35.
- ¹⁰ *Ранов В. А.* Древнейшие страницы истории человечества. – М., 1988. Недавно в Дманиси (Грузия) были обнаружены каменные орудия, расколотые кости и череп ископаемого человека. Предположительный возраст этих находок – 1,7 млн. лет. Если эта дата в дальнейшем будет подтверждена, представление о времени первоначального заселения Евразии должно быть пересмотрено. См.: *Dzavaridze V. u.a.* Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi in Gorgien (Kaukasus). – Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz, 36 Jahrgang, 1989. – S. 67-116.
- ¹¹ *Никифорова К. В., Вангенгейм Э. А.* (Ред.). Биостратиграфия. – С. 10-12.
- ¹² *Ранов В. А.* и др. Кульдара – новый нижнелейстоценовый памятник Южного Таджикистана // БКИЧП. – 1987. – №56. – С. 65-75.
- ¹³ *Ломов С. П., Ранов В. А.* Погребенные почвы Таджикистана и распределение в них палеолитических орудий // Почвоведение. – 1984. – №4. – С. 21-30; *Ранов В. А., Амосова А. Г.* О методике раскопок палеолитических стоянок в палеопочвах Южного Таджикистана // КСИА. – М., 1990. – Вып. 202. – С. 53-62.
- ¹⁴ *Лазаренко А. А., Ранов В. А.* Каратау I – древнейший палеолитический памятник в лессах Средней Азии // БКИЧП. – 1977. – №47. – С. 50-56.
- ¹⁵ *Ранов В. А., Жуков В. А.* Работы отряда по изучению каменного века в 1976 г. // АРТ. – Вып. 161 (1976). – Душанбе, 1982. – С. 9-30; *Ранов В. А.* Раскопки нижнелейстоценовой стоянки Лахути I в 1979 г. // АРТ. – Вып. 19 (1979 г.). – Душанбе, 1986. – С. 11-36; *Ранов В. А., Амосова А. Г.* Работы отряда по изучению каменного века // АРТ. – Вып. 24 (1984). – Душанбе, 1993. – С. 172-215; *Ranov V.* The "Loessic Palaeolithic" in Southern Tadjikistan,

- Central Asia; its industries, chronology and correlation. – Quaternary Science Reviews. – Vol.14, 1995. – P.731-745.
- 16 Додонов А.Е., Ранов В.А., Шарайдов Ш.Ш. Карамайдан – новая точка с палеолитскими орудиями и среднеплейстоценовой фауной в палеопочвах Южного Таджикистана // БКИЧП. – 1989. – №58. – С.26-36.
- 17 Aigner J.S. Archaeological Remains in Pleistocene China. – München, 1981, Fig.32-38, 42-23; Fossil Man in China. – Hong Kong, 1983. – P. 40 и сл.; Кучера С. Древнейшая и древняя история Китая. – М., 1996.
- 18 Исламов У. Первая нижнепалеолитическая пещерная стоянка в Ферганской долине. – ОНУ. 1984. – №8. – С.58; Исламов У.И., Крахмаль К.А. Палеоэкология и следы древнейшего человека в Центральной Азии. – Ташкент, 1995.
- 19 Величко А.А. и др. Стратиграфия и палеоэкология раннепалеолитической пещерной стоянки Сель-Унгур (Советская Средняя Азия). – Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки (Доклады Международного симпозиума). – Новосибирск, 1990. – С.79.
- 20 Исламов У., Зубов А.А., Харионов В.М. Палеолитическая стоянка Сельунгур в Ферганской долине // ВА. – 1988. – №80. – С.42-49.
- 21 Wu Rukang and Dong Xingren. Homo erectus in China. Palaeoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the People's Republic of China. – Academic Press, Orlando, 1985. – P.80-85.
- 22 Гуссейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана. – Баку, 1986. – С.40-44.
- 23 Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана. Автор. дисс. на соиск. ученой степени докт. ист. наук. – Новосибирск, 1990. – С.22-23; Касымов М.Р., Годин М.Х., Худайбердыев Г.Н. Домустьерские культуры на территории Узбекистана. Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. (Доклады Международного симпозиума). – Новосибирск, 1992. – С.39-42; Ранов В.А., Додонов А.Е. О периодизации и хронологии нижнепалеолитических стоянок Средней Азии. – К истокам истории древнекаменного века Средней Азии. – Ташкент, 1996. – С.49-50; Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб., 1996. – С.120.
- 24 Ранов В.А. Кухи-Пиёз – новый пункт находок нижнепалеолитических галечных орудий в Средней Азии. – Материалы конференции: Этногенез народов Северной Азии. – Новосибирск, 1969. – С.38-40.
- 25 Юнусалиев М.Б. Домустьерский комплекс Саламат-Булак (некоторые итоги исследований) // Известия АН Киргизской ССР. – 1961. – №3. – С.92-95.
- 26 Любин В.П. Палеолит Туркмении // СА. – 1984. – №1. – С.29-31.
- 27 Бижанов Е.Б. Находки памятников палеолита на Юго-Восточном Устьюрте // Вестник ККФАН Узб.ССР. – 1979. – №3. – С.68-72.
- 28 Вишняцкий Л.Б. Палеолитические рубила в Туркмении // Памятники Туркменистана. – 1988. – №2/46. – С.11-13; Vishnytsky L.B. The Movius's Theory and the Palaeolithic of Soviet Central Asia (with special reference to some recent finds in Turkmenia) // ICA. – 1989. – №2. – Vol.12. – P.26-28.
- 29 Алтысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. – Алма-Ата, 1979. – С.48, 187; Derevianko A.P., Petrin V.T., Taimagambetov Z.K. Early palaeolithic assemblages in travertine, Southern Kazakhstan. – Novosibirsk, 1997.
- 30 Ранов В.А. Каменный век Таджикистана. – Т.1. Палеолит. – Душанбе, 1965. – С.97-104.

- ³¹ Lumley M.-A. de. Anténéandertaliens et Néandertaliens du bassin méditerranéen occidental européen. – Marseille, 1973. – P.243-244.
- ³² Aitken M.J., Huxtable J. and Debenham N.C. Thermoluminescence Dating in the Palaeolithic: burnt flint, stalagmitic calcite and sediments. – Chronostratigraphie et facies culturels du Paléolithique Inférieure et moyen dans l'Europe du Nord-Ouest. – Paris, 1986. – P.8-9; Vandermeersch B. et Bar-Yosef O. Evolution biologique et culturelle des populations du Levant au Paléolithique Moyen. Les données récentes de Kébara et Qafzeh. – Paléorient, 1988, V.14/2. – P.116.
- ³³ Bordes F. Le débitage Levallois et ses variantes. – BSPF. – 1980. – T.77. – №2. – P.45-49; Кухарчук Ю.В. К историографии проблемы леваллуа. – Каменный век: Памятники, методика, проблемы. – Киев, 1989. – С.17-30; Гладкий В.Н. Что же такое "техника леваллуа"? – Там же. – С.30-45; Ранов В.А. Парадокс леваллуа. – Там же. – С.46-50. См. так же: Van Peer P. The Levallois Reduction Strategy. Monographs of World Archaeology, №13. – Madison, 1992; Dibble H., Bar Josef O. (Ed.). The Definition and Interpretation of Levallois Technology. – Monographs in World Archaeology, №23. – Madison, 1995; Boëda E. Le concept Levallois: Variabilité des méthodes. – Paris, 1994.
- ³⁴ Bordes F. et Bourgon M. Le complexe Moustérien: Moustériens, levalloisien et Tayacien. – L'Antropologie. – 1951. – №1-2. – T.55. – P.6; Любин В.П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // МИА. – №131. – Л., 1965. – С.56-57.
- ³⁵ Trinkaus E. and Howells W.W. The Neanderthals. – Scientist American, 1979, V.241. – №6. – P.118.
- ³⁶ Vandermeersch B. The first Homo sapiens in the Near East. – The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man. – BAR Intern. series, 151. – Oxford, 1982. – P.297-299.
- ³⁷ Ранов В.А. О восточной границе мустьертской культуры. – Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки (доклады Международного симпозиума). – Новосибирск, 1990. – С.265-267; Ранов В.А. and Davis R.S. Toward a New Outline of the Soviet Central Asian Palaeolithic. – Current Anthropology. – 1979. – Vol.20. – №2. – Fig.3.
- ³⁸ Bordes F. The Old stone Age. – New York – Toronto, 1968. – P.98-106; Ранов В.А. О некоторых вопросах, связанных с выделением локальных вариантов (фаций) в эпоху палеолита // УСА. – Вып.2; – Л., 1972. – С.7-12.
- ³⁹ Ранов В.А. О возможности выделения локальных культур в палеолите Средней Азии // Изв. Отдел. обществ. наук. ТаджССР. – 1968. – №3 (53). – С.3-11.
- ⁴⁰ Касымов М.Р. Исследование многослойной палеолитической стоянки Кульбулак // АО – 1968. – М., 1969. – С.408-409; Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение культуры гота Оби-Рахмат. – Ташкент, 1972. – С.138; Gabori M. Nouvelles découvertes dans le Paléolithique d'Asie centrale soviétique. – Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia. – Pennsylvania, 1988. – P.287-195. Л.Б.Вишняцкий выступает против деления мустьертской культуры на технические варианты, предлагая считать мустьертскую культуру единой для Средней Азии, что никак нельзя считать справедливым и представляет собой шаг назад в наших представлениях о среднеазиатской культуре среднего палеолита: Вишняцкий Л.Б. Палеолит, с.166-171.
- ⁴¹ Ранов В.А. Каменный век Таджикистана, с.30-49.

- 42 Жуков В.А. Новые данные по каменному веку Ленинабадской области (работы 1983 г.) // АРТ. – Вып.23 (1983 г.). – Душанбе, 1991. – С.15-20; Москаленко Н.А. Шахристанский палеолит (к постановке проблемы) // АРТ. – Вып.19 (1979 г.). – Душанбе, 1986. – С.259-277; Он же. Находки палеолитического времени с Панджонисая // АРТ. – Вып.22 (1982 г.). – Душанбе, 1990. – С.18-22.
- 43 Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайракумов. – Душанбе, 1962. – С.7-8.
- 44 Ранов В.А. Работы отряда по изучению каменного века в 1980 г. // АРТ. – Вып.20 (1980). – Душанбе, 1987. – С.89-90; Schäfer J., Ranov V.A. The Cultural Evolution of Man and the Chronostratigraphical Background of Changing Environments in Loes-Paleosol – Sequences of Central Asia. – Lifestyles and survival strategies in Pliocene and Pleistocene hominids, (Abstracts), Weimar, 1997. – P.157-158.
- 45 Ранов В.А. Каменный век Таджикистана. – С.56.
- 46 Terra H. de and Paterson T.T. Studies on the Ice Age in India and Associated Human Culture. – Washington, 1939. – P.301-310; Paterson T.T. and Drummond H.Y.H. Soan. The Palaeolithic of Pakistan. – Karachi, 1962. – P.59-88; Хотя о прямой миграции носителей соанской культуры на северо-запад, в Среднюю Азию, прямо не говорилось, постулируемое сходство индустрии соанских памятников Индостана и галечных культур группы Б в Таджикистане предусматривало такую возможность: Ранов В.А. Каменный век Таджикистана. – С.79-80.
- 47 Пахомов М.М., Никонов А.А., Ранов В.А. Динамика природной среды нескоторий Южного Таджикистана в позднем плейстоцене. – Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. – М., 1982. – С.103.
- 48 Ранов В.А., Амосова А.Г. Раскопки мустьерской стоянки Худжи в 1978 г. // АРТ. – Вып.18 (1978 г.). – Душанбе, 1984. – С.11-47.
- 49 Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. – Душанбе, 1973. – С.79-81.
- 50 Пахомов М.М., Никонов А.А., Ранов В.А. Динамика природной среды. – С.101-103.
- 51 Ранов В.А., Шаратов Ш., Никонов А.А. Фауна млекопитающих, археология и геология стоянки Огзи-Кичик (Южный Таджикистан) // ДАН ТаджССР. – 1973. – Т.16. – №7. – С.60-63.
- 52 Амосова А.Г. Фиксация артефактов в культурном слое мустьерской стоянки Огзи-Кичик и их статистический анализ. – Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. – Новосибирск, 1990. – С.16-21.
- 53 Ранов В.А. The Palaeolithic industries of the Central Asia: A Revision. – IX Congrès UISPP, col.VII Le Paléolithique inférieur et Moyen en Inde, en Asie Centrale, en Chine et dans le Sud-Est asiatique. – Nice, 1976. – P.120.
- 54 Ранов В.А. Семганч – новое мустьерское местонахождение в Южном Таджикистане // МИА. – №185. – Л., 1972. – С.100-110.
- 55 Костенко Н.П., Несмеянов С.А., Ранов В.А. О находке палеолитических орудий на возвышенности Ак-Джар (Южный Таджикистан) // ДАН ТаджССР. – 1961. – Т.4. – №6. – С.29-34.
- 56 Ранов В.А., Юсупов А.Х. Палеолитическая стоянка Кумтепинская скала // Изв. АН ТаджССР, Отдел. обществ. наук, 1983. – №2(112). – С.11-18. О возможности смены различных технических вариантов (фазий) в зависи-

- мости от экологических условий или рода занятий неоднократно говорилось в различных публикациях. См., например: *Leroi-Gourhan A. et al. La Préhistoire*. – Paris, 1966. – P.97-98; *Gamble C. The Palaeolithic settlement of Europe*. – London, 1986. – С.13-16.
- ⁵⁷ *Радилюловский В.В., Новиков В.П.* Стоянки и сырьевые источники каменного века в долине р.Ширкент. – Природа и древности Ширкента. – Душанбе, 1991. – С.29-30.
- ⁵⁸ *Окладников А.П.* Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия). – Тешик-Таш. Палеолитический человек. – М., 1949. – С.81.
- ⁵⁹ Там же. – С.81.
- ⁶⁰ *Ранов В.А.* О восточной границе. – С.264-265.
- ⁶¹ *Герасимов М.М.* Люди каменного века. – М., 1964. – С.80-84.
- ⁶² *Алексеев В.П.* Человек. Эволюция и таксономия. – М., 1985. – С.69.
- ⁶³ *Бунак В.В.* Муляж мозговой полости палеолитического детского черепа из грота Тешик-Таш, Узбекистан // МАЭ АН СССР. – Т.13, 1951. – С.474.
- ⁶⁴ *Окладников А.П.* Палеолит и мезолит Средней Азии. – Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – Л., 1966. – С.45-46.
- ⁶⁵ *Чердынцева В.В.* Уран-234. – М., 1969. – С.234.
- ⁶⁶ *Лев Д.Н.* Древний палеолит в Аман-Кутане // Тр. УЗГУ, н.с., – №61, 1956. – С.3-33.
- ⁶⁷ *Сулейманов Р.Х.* Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. – Ташкент, 1972. – С.113-114.
- ⁶⁸ *Ранов В.А., Несмеянов С.А.* Палеолит и стратиграфия. – С.23-24.
- ⁶⁹ *Окладников А.П.* Ходжентская пещера – новый мустьерский памятник Узбекистана // КСИА, 1964. – Вып.82. – С.76.
- ⁷⁰ *Исламов У.И., Оманжулов Т.* Некоторые итоги изучения эпохи мустье Ташкентского оазиса // ИМКУ. – Вып.20. – Ташкент, 1986. – С.16.
- ⁷¹ *Ранов В.А., Несмеянов С.А.* Совещание по каменному веку Средней Азии // БКИЧП. – 1974. – №41. – С.192-193.
- ⁷² *Касымов М.Р.* Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана. Автореф. докт. дисс. – Новосибирск, 1990. – С.15-16.
- ⁷³ *Касымов М.Р., Годин М.Х.* Важнейшие результаты исследований многослойной стоянки Кульбулак // ИМКУ. – Вып.19. – Ташкент, 1984. Рис.1.
- ⁷⁴ *Ранов В.А., Несмеянов С.А.* Палеолит и стратиграфия. – С.88-98; *Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х.* Культура древнекаменного века долины Зеравшана. – Ташкент, 1980. – С.16-17.
- ⁷⁵ *Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х.* Культура древнекаменного века. – С.70.
- ⁷⁶ *Виноградов А.В., Мамедов Э.* Кызылкура I – первый мустьерский памятник в Кызылкумах // СА. – 1969. – №1. – С.84-97.
- ⁷⁷ *Ранов В.А., Несмеянов С.А., Конопля П.Т.* Палеолитические местонахождения в Южной Фергане. – Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. – Фрунзе, 1967. – С.3-29.
- ⁷⁸ *Ранов В.А., Юнусалиев М.Б.* Предварительные результаты исследования мустьерской стоянки Тосор. – Археологические памятники Прииссыкуля. – Фрунзе, 1975. – С.42-51.
- ⁷⁹ *Юнусалиев М.Б.* Палеолитическая стоянка в Чуйской долине – Георгиевский Бугор. – По следам памятников истории и культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1982. – С.6-11.
- ⁸⁰ *Любин В.П.* Палеолит Туркмении // СА. – 1984. – №1. – С.34.

- ⁶¹ *Вишняцкий Л.Б.* Палеолитическое местонахождение Га-Куш в Туркмении // КСИА. – Вып.189. – М., 1987. – С.93.
- ⁶² *Вишняцкий Л.Б.* Происхождение Homo sapiens. Новые факты и некоторые традиционные представления // СА. – 1990. – №.2. – С.100-102.
- ⁶³ *Додонов А.* Палеолит Таджикистана. – С.85.
- ⁶⁴ *Дэйвис Р.* Археология плейстоцена на юге Афгано-Таджикской депрессии. – Граница неогена и четвертичной системы. – М., 1980. – С.42-51.
- ⁶⁵ *Соп С.С.* The seven caves. – New York, 1957. – P.322-323.
- ⁶⁶ *Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х.* Культура древнекаменного века долины Зеравшана. – Ташкент, 1980. – С.92; *Джуракулов М.Д.* Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. – Ташкент, 1987. – С.104-105.
- ⁶⁷ *Никонов А.А., Ранов В.А.* К характеристике средне- верхнеплейстоценовых отложений р.Яхсу в свете новых данных // ДАН ТаджССР. – Т.14. – 1971. – №12. – С.44-47.
- ⁶⁸ *Ранов В.А., Никонов А.А., Пахомов М.М.* Люди каменного века на подступах к Памиру. – Acta Archaeologica Carpatica. – Т.16, 1976. – С.13. Более древний возраст 25-28 тыс. лет был предложен ранее: *Ранов В.А.* Шугноу – многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р.Яхсу (раскопки 1969-1970 гг.) // АРТ. – Вып.10. – 1970 г. – М., 1973. – С.56. С другой стороны, Р.С.Дэйвис считает, что возраст 2-го горизонта Шугноу может ограничиваться всего 15 тыс. лет. См.: *Дэйвис Р.С.* Археология плейстоцена. – С.51, что вряд ли соответствует типологическому набору орудий.
- ⁶⁹ *Dupree L., Davis R.S.* The lithic and bone specimens from Ak-Kupruk and Darra-i-Kur. – TAPS, n.s., v.62, pt.4, 1972. – P.15-20; *Muzzi M.* Darra Kalon Rock-Shelter (Northern Afghanistan): Level I-V. – EW, n.s. – №1-4, 1979, Fig.3-7. Индустрия Дарраи Калон определена в данной работе, как более поздняя, мезолитическая, но ряд изделий имеет большое сходство с орудиями и заготовками из горизонта 2 Шугноу.
- ⁷⁰ *Абрамова З.А.* Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск, 1979. – С.172.
- ⁷¹ *Никонов А.А., Пахомов М.М., Ранов В.А., Ренгартен Н.В.* Природная обстановка времени обитания верхнепалеолитической стоянки Шугноу и вопросы первоначального заселения Памира. – Первобытный человек и природная среда. – М., 1984. – С.192-195.
- ⁷² *Филимонова Т.Г.* Стоянка каменного века Харкуш. – Природа и древности Ширкента. – Вып.1. – Душанбе, 1991. – С.40-60.
- ⁷³ *Окладников А.П.* Исследования памятников каменного века Таджикистана // МИА. – 1958. – №66. – С.44-46.
- ⁷⁴ *Ранов В.А.* Десять лет исследований каменного века Южного Таджикистана и Памира в 1871-1980 гг. // АРТ. – Вып.20 (1980 г.). – Душанбе, 1987. – С.65-66.
- ⁷⁵ *Окладников А.П.* Исследования памятников. – С.64-66.
- ⁷⁶ *Несмеянов С.А.* Геологическое строение Самаркандской верхнепалеолитической стоянки. – Палеолит Средней и Восточной Азии. – Новосибирск, 1980. – С.42.
- ⁷⁷ *Джуракулов М., Холмошкин Ю.П., Холмошкина В.А., Батыров Б.Х.* Самаркандская стоянка и ее место в позднем палеолите Средней Азии. – Палеолит Средней и Восточной Азии. – Новосибирск, 1980. – С.53-63; *Иванова Н.Г., Несмеянов С.А.* Результаты палинологического изучения Самарканд-

- ской верхнепалеолитической стоянки. – Палеолит Средней и Восточной Азии. – Новосибирск, 1980. – С.47-50.
- ⁹⁸ Джуракулов М.Д. Самаркандская стоянка. – С.76.
- ⁹⁹ Лев Д.Н. Поселение древнекаменного века в Самарканде // Тр. САМГУ, н.с. В.6. Самарканд, 1964. – С.107; Ранов В.А. Каменный век Таджикистана. – С.88-89.
- ¹⁰⁰ Ташкенбаев Н.Х. О результатах исследования Ходжамазгильской верхнепалеолитической стоянки // ИМКУ. – Вып.20. – Ташкент, 1986. – С.3-9.
- ¹⁰¹ Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. – Ташкент, 1972.
- ¹⁰² Окладников А.П. Древнейшее прошлое Туркменистана // Тр. ИАиЭ АН ТуркмССР. – Т.1. – 1956. – С.196-200.
- ¹⁰³ Valla P. La fin de l'Épipaléolithique au Levant: les industries à microlithes géométriques. – L'Antropologie. – Т.92. – 1988. – №3. – P.902.
- ¹⁰⁴ Матюшин Г.Н. Экологические кризисы и их роль в смене культур каменного века // Природа и человек. – М., 1988. – С.21.
- ¹⁰⁵ Калибровочные данные здесь и далее даны по работе: Марков Ю.Н., Образцов В.А. Датирование древних памятников Туркмении и соседних областей методом радиоуглеродного анализа // Изв. АН ТуркмССР. Сер. обществ. наук. – 1981. – №6. – С.76-77.
- ¹⁰⁶ Коробкова Г.Ф. Мезолит Средней Азии и Казахстана. – Мезолит СССР. – М., 1989. – С.164.
- ¹⁰⁷ Garrod D. Notes sur le Paléolithique supérieur du Moyen Orient // BSPF. – Т.54. – 1957. – №7-8. – P.440. В данном случае не меняет дела то, что в настоящее время атлантийская фаза в периодизации верхнего палеолита Леванта не выделяется. – Gilead I. The Upper Palaeolithic in Southern Levant: Periodisation and Terminology. – Investigation in Southern Levantine Prehistory. – BAR. – 1989. – №497. – Табл.1-2.
- ¹⁰⁸ Bar Yosef O. The Epi-Palaeolithic complexes in the Southern Levant. – Préhistoire du Levant, Maison de l'Orient. – Paris, 1981; Vinogradov A.V., Ranov V.A. Les cultures de la fin de l'Age de la Pierre entre l'Hindukush et le Pamir-Alai. – L'Archéologie de la Bactriane ancienne. – Paris, 1985. – P.63-75.
- ¹⁰⁹ Ранов В.А. Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии. – Каменный век Северной и Восточной Азии. – Новосибирск, 1985. – С.17.
- ¹¹⁰ Ранов В.А., Юсупов А.Х., Флимонова Т.Г. Каменный инвентарь стоянки Дарай-Шур и его культурные связи. – Культура первобытной эпохи Таджикистана. – Душанбе, 1982. – С.10.
- ¹¹¹ Ранов В.А. Стоянка Оби-Кинк и некоторые вопросы изучения мезолита юга Средней Азии. – Первобытная археология – поиски и находки. – Киев, 1989. – С.82-90.
- ¹¹² Окладников А.П. Исследования памятников каменного века Таджикистана // МИА. – 1958. – №66. – С.58.
- ¹¹³ Bar Yosef O. and Mintz E. Epipalaeolithic and Neolithic industries. – In: A. Horowitz. The Quaternary of Israel. – New York, 1979, fig.8, 12.
- ¹¹⁴ Covin J. La Néolithisation au Levant et sa première diffusion. – Néolithisations, – BAR. – 1989. – №516. – P.6-7.
- ¹¹⁵ Dupree L., Davis R.S. The lithic and bone specimens from Ak-Kupruk and Darra-i-Kur. Prehistoric Research in Afghanistan (1959-1966). – TAPS, n.s., v.62, pt.4, 1972. – P.14-28.

- 116 *Амосова А.Г.* Каменный век Бешкентской долины. Автореф. канд. ист. наук. – Л., 1985. – С.17; *Амосова А.Г., Ломов С.П., Несмеянов С.А.* История формирования и древнейшего заселения Бешкентской долины. – Душанбе, 1991. – С.57-86.
- 117 *Юсупов А.А.* Кустовая группа (1972 г.) // АРТ. – Вып.12 (1972 г.). – Душанбе, 1976. – С.27-28.
- 118 *Ранов В.А.* Памир и проблема заселения высокогорий Азии человеком каменного века. – Страны и народы Востока. – Вып.16. – М., 1975. – С.137-139.
- 119 *Ранов В.А., Сидоров Л.Ф.* Развитие природы Памира как среды существования человека. – Страны и народы Востока. – Вып.4. – М., 1965. – С.121-123.
- 120 *Пахомов М.М., Никонов А.А., Ранов В.А.* О палеогеографических условиях Северного Памира в раннем голоцене по результатам изучения мезолитической стоянки Ошхона // ДАН ТаджССР. – Т.20. – 1977. – №5. – С.62-63; О другой точке зрения см.: *Сидоров Л.Ф.* Природа Памира в четвертичное время. – Л., 1979. – С.80-89.
- 121 *Ранов В.А.* Изучение памятников каменного века на Восточном Памире в 1958 г. // АРТ. – Вып.6, (1958 г.). – Душанбе, 1961. – С.19-29; *Ранов В.А.* Раскопки памятников первобытнообщинного строя на Восточном Памире // АРТ. – Вып.8 (1960 г.). – Душанбе, 1962. – С.16-24.
- 122 *Zhimin A. and others.* Palaeoliths and Microliths from Shenja and Shuanghu, Northern Tibet. – Current Anthropology. – Vol.23. – 1982. – №5. – P.393-499.
- 123 *Ранов В.А.* Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире (1956-1958 гг.) // МИА. – №124. – М.; Л., 1964. – С.23-25.
- 124 *Жуков В.А.* Раскопки пещеры "Истыкская" (1978-1979 гг.) // АРТ. – Вып.10 (1979 г.). – Душанбе, 1986. – С.63-64.
- 125 *Ранов В.А.* Рисунки каменного века в гроте Шахты // СЭ. – 1961. – №6. – С.70-77.
- 126 *Фромозов А.А.* Очерки по первобытному искусству. – М., 1969. – С.60-81.
- 127 *Окладников А.П., Рацек В.И.* Следы древней культуры в пещерах Тянь-Шаня (находки в пещере Ак-Чункур) // ИВГО. – Т.86. – 1954. – Вып.5. – С.447-452.
- 128 *Коробкова Г.Ф.* Мезолит Средней Азии и Казахстана. – С.152-154.
- 129 *Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – М., 1981. – С.57.
- 130 *Исламов У.И.* Стоянка Кушлиш. – У истоков древней культуры Ташкента. – Ташкент, 1982. – С.87; *Коробкова Г.Ф.* Мезолит Средней Азии. – С.159.
- 131 *Исламов У.И.* Обиширская культура. – Ташкент, 1980. – С.69-71.
- 132 *Исламов У.И., Тимофеев В.И.* Культура каменного века Центральной Ферганы. – Ташкент, 1986. – С.207.
- 133 *Несмеянов С.А., Ранов В.А.* Археологические данные о возрасте наиболее молодых террас Средней Азии // БКИЧП. – 1957. – №43. – С.174.
- 134 *Исламов У.И.* Пещера Мачай. – Ташкент, 1975. – С.67-72.
- 135 *Коробкова Г.Ф.* Мезолит Средней Азии. Мезолит СССР. – М., 1989. – С.155; *Виноградов А.В.* Древние охотники, с.124-125.
- 136 По справедливому мнению В.А.Шнилермана, скотоводство вряд ли могло стать важной отраслью экономики вплоть до начала земледелия. См.: *Шнилерман В.А.* Происхождение скотоводства. – М., 1980. – С.75.
- 137 *Ранов В.А.* Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии. – Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. – Новосибирск, 1985. – С.13-15; *Окладников А.П.* Исследования памятников каменного века Таджикистана. – С.14-41.

- 138 *Никонов А.А., Ранов В.А.* Новые данные об археологии Афгано-Таджикской депрессии (Северный Афганистан, Южный Таджикистан) // БКИЧП. – 1973. – №40. – С.41-45.
- 139 *Пахомов М.М., Ранов В.А., Никонов А.А.* Некоторые данные по палеогеографии неолитической стоянки Туткаул // СА. – 1974. – №4. – С.247-249.
- 140 *Ранов В.А., Коробкова Г.Ф.* Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА. – 1971. – №2. – С.137-138. Очень похожие выкладки – “каменные полы” известны в ранне-неолитических поселениях на Ближнем Востоке. Например: *Baraidwood R. and Bruce Howe.* Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. – SAOS. – №31. – Chicago, 1960. – P.52.
- 141 *Гудямов Я.Г., Исламов У.И., Аскарлов А.А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. – Ташкент, 1965. – С.26-29.
- 142 *Кияткина Т.П., Ранов В.А.* Первые антропологические находки каменного века в Таджикистане (неолитические черепа из Туткаула) // ВА. – Вып.37, – 1971. – С.152.
- 143 *Ранов В.А.* Гиссарская культура. – С.20-25.
- 144 *Юсупов А.Х.* Неолитическое поселение Сай-Сайёд на юго-западе Таджикистана // СА. – 1971. – №2. – С.142. Радиоуглеродные даты, полученные в 1-м горизонте памятника: 3020 ± 130 , (калибровочные даты 3620-3790 лет) говорят в пользу нашего предложения, а дата второго горизонта получилась моложе: 2620 ± 100 , что говорит, может быть, об ошибке во время отбора или фиксации места отбора образца и не может быть использована для определения возраста этого археологического слоя.
- 145 *Ранов В.А.* Гиссарская культура. – С.29-31.
- 146 *Ранов В.А., Коробкова Г.Ф.* Туткаул – многослойное поселение, с.146.
- 147 *Шарапов Ш.* Остатки млекопитающих из неолитической стоянки Сай-Сайёд (Южный Таджикистан). – Вопросы зоологии Таджикистана. – Душанбе, 1972. – С.233.
- 148 *Вавилов Н.И.* Происхождение и география культурных растений. – Л., 1987. – С.168.
- 149 *Овчинников П.Н.* Основные черты растительности и районы флоры Таджикистана. – Флора Таджикистана. – Т.7. – М.; Л., 1957. – С.327.
- 150 *Hole F. and Flannery K.V.* The Protohistory of South-Western Iran: A Prel. Report. – PPS. – Т.33, 1968. – P.165-181; *Лисицкая Г.Н., Прищепенко Л.В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. – М., 1977. – С.37.
- 151 *Гафуров Б.Г.* Таджики. – М., 1972. – С.38-43; *Литвинский Б.А.* Бронзовый век // ИТН. – Т.1. – М., 1963. – С.127-128.
- 152 *Массон В.М.* Алтын-Депе. – Л., 1981. – С.116-118; *Harmatta J.* The emergence of indo-iranien: the indo-iranien language. – History of civilization of Central Asia. – V.1. – Paris, 1992. – P.387-376.
- 153 *Виноградов А.В.* Древние охотники. – С.132-133.
- 154 *Толстов С.П.* Древний Хорезм. – М., 1948. – С.60-62; *Виноградов А.В.* Древние охотники. – С.155.
- 155 *Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Древнейшее население низовой Амударьи. – М., 1986. – С.11 и сл.
- 156 *Мамедов Э.Д., Ранов В.А., Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // Тр. Хорезмийской арх.-этногр. экспедиции. – М., 1981. – Т.13 (Рец.) // СЭ. – 1982. – №2. – С.152.

- ¹⁵⁷ Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зеравшана (Сазаганская культура). – Ташкент, 1991. – С.69-70, 76-77.
- ¹⁵⁸ Массон В.М. Поселение Джейтун // МИА. – №180. – Л., 1971. – С.102-103.
- ¹⁵⁹ Коробов Г.Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии // МИА. – №158. – Л., 1969. – С.18-20.
- ¹⁶⁰ См. In Search of Neanderthals. Solving the Puzzle of Human Origins // Cambridge Archaeological Journal. V.4. – 1994. – N 5. – P.95-119.
- В 1997 г., при новых раскопках мустьерской стоянки Худжи был найден зуб ребенка. Согласно определению антрополога А.А.Зубова, он принадлежал архаичному человеку современного вида. Таким образом нельзя исключить, что в этот период на территории Средней Азии одновременно существовали и неандертальцы и архаические кроманьонцы.
- ¹⁶¹ Несмеянов С.А. Геологическое строение Самаркандской верхнепалеолитической стоянки. – Палеолит Средней и Восточной Азии. – Новосибирск, 1980. – С.42-43.
- ¹⁶² Алексеев В.П. Становление человечества. – Л., 1984. – С.272 и сл.
- ¹⁶³ Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. – Л., 1979. – С.166.
- ¹⁶⁴ Григорьев Г.П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo Sapiens. – Л., 1988. – С.146.
- ¹⁶⁵ Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. – М., 1976. – С.284.
- ¹⁶⁶ Алексеев В.П., Перица А.И. История первобытного общества. – М., 1990. – С.252.

ГЛАВА III Бронзовый век

- ¹ Селимханов И.Р. Разгаданные секреты древней бронзы. – М., 1970; Aitchison L. A History of Metals. – Vol. 1. – London, 1960.
- ² Сатпаев К.И. Доисторические памятники в Джеккаганском районе // Народное хозяйство Казахстана. 1941. – №1; Birgi S.E. Notes on the Influence of the Metal Ergani Cooper Mines on the Development of the Metal Industry in the Ancient Near East // Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung. – Vol.1, 1951; Braidwood R.J., Chambel H., Redman Ch., Watson P.J. Beginnings of Village-Farming Communities in South Eastern Turkey. – Proc. Nat. Acad. Sci. – Vol.68, 1971; Mellart J. Çatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. – London, 1967.
- ³ Терехова Н.Н. Металлообрабатывающее производство у древнейших земледельцев Туркмении. – Очерки технологии древнейших производств. – М., 1975.
- ⁴ Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. – Археология СССР, САИ. – Вып. В 4-9. – М., 1966; Терехова Н.Н. Металлообрабатывающее производство.; Ghirshman R. Fouilles de Sialk. – Paris, 1938. – P.206; Ghirshman R. Investigations at Tal-i-Ibliis. – Illinois State Museum, Preliminary Reports. 1967. – P.20.
- ⁵ Равич И.Г., Рывдина Н.В. Изучение свойств и микроструктуры сплавов медь – мышьяк в связи с их использованием в древности. – Художественное наследие. – Вып. 9. – М., 1989; Селимханов И.Р. Древнейший металл Азербайджана. – Баку, 1986.
- ⁶ Капкал М.А., Селимханов И.Р. Из истории древней металлургии Кавказа. – Баку, 1973 – С.20-21.

- ⁷ Терехова Н.Н. История металлообрабатывающего производства у древних земледельцев Южной Туркмении: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – М., 1975. – С.13, 19.
- ⁸ Аскарлов А.А. Абдуразаков А.А., Богданова-Березовская И.В., Рузанов В.Д. Химический состав металлических предметов из поселения Сапалиттепа // ИМКУ. – Вып.12. – Ташкент, 1975; Богданова-Березовская И.В. Химический состав металлических предметов эпохи бронзы в Бешкентской долине // МИА. – 1968. – №145; Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайраккумов (Древнейшая история Северного Таджикистана) // ТИИ АН ТаджССР. – 1962. – Т.33. – С.170-175; Рузанов В.Д. Древние славы Средней Азии // ИМКУ. – Ташкент, 1987. – Вып.21; Сариниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. – М., 1977. – С.70-71.
- ⁹ Дегтирева А.Д. Металлообработка в эпоху поздней бронзы на территории Семиречья // Вестник Моск. ун-та. Сер.8. История. 1985. – №3; Дегтирева А.Д. Металлообрабатывающее производство Казахстана и Киргизии в эпоху поздней бронзы (XII-IX вв. до н.э.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. – М., 1985.
- ¹⁰ Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. V – начало XIII в. – М., 1974. – С.62, 64, 66, 98; Литвинский Б.А. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. – Сталинабад, 1954; Литвинский Б.А. К истории добычи олова в Узбекистане // ТСАГУ. Нов. сер. Гуманитарные науки. 1950. – Вып. II. – Кн.3. – Ташкент; Рузанов В. О некоторых древних оловорудных источниках на территории Узбекистана // ИМКУ. – Ташкент, 1979. – Вып.15.
- ¹¹ Rampelly R. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. – Prehistoric Civilization of Anau. – Vol.1-2. – Washington, 1908.
- ¹² Большинство монографий посвящено отдельным регионам Средней Азии. В 1966 г. опубликован сборник "Средняя Азия в эпоху камня и бронзы" под редакцией В.М.Массона (М.; Л.), где были объединены сведения об известных к тому времени археологических комплексах первобытной эпохи. Новым исследованиям советских археологов посвящен сборник "The Bronze Age Civilization of Central Asia", вышедший в 1981 г. в Нью-Йорке. Работой, наиболее подробно обобщающей к настоящему времени результаты исследований в области первобытной археологии Средней Азии, является монография американского ученого Ф.Кола: Kohl Ph.L. Central Asia. Palaeolithic Beginning to the Iron Age. – Synthèse. – 1984. – №14. – Paris.
- ¹³ Массон В.М. Памятники развитого неолита Юго-Западной Туркмении. – Археология СССР // САИ. – М., 1962. – Вып.Б 3-8. – Ч.2; Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. – 1959. – №73. – М.; Л.; Массон В.М. Алтындапе // ТЮТАКЭ. – Л., 1981. – Т.18; Сариниди В.И. Памятники позднего неолита Юго-Восточной Туркмении. – Археология СССР // САИ. – М., 1965. – Вып.Б 3-8. – Ч.4; Улошн И.Н. Памятники раннего неолита Южной Туркмении. – Археология СССР // САИ. – М., 1963. – Вып.Б 3-8. – Ч.1; Он же. Памятники развитого неолита Юго-Восточной Туркмении. – Археология СССР // САИ. – М., 1969. – Вып.Б 3-8. – Ч.3; Он же. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. – Л., 1983; Иттипа М.А. Раскопки могильника тазабагыбской культуры Кокча-3 // МХЭ. – М., 1961. – Вып.5; Она же. История степных племен Южного Приаралья // ТХАЭЭ. – М., 1977. – Т.10; Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. – Ташкент, 1966; Аскарлов А.А. Сапалиттепа. – Ташкент, 1973; Он же. Древнеземледель-

- ческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. – Ташкент, 1977; *Аскарлов А.А., Абдуллоев Б.Н.* Джаркутан. – Ташкент, 1983 и др.
- ¹⁴ *Сарианиди В.И.* Исследование памятников Дашлинского оазиса. – Древняя Бактрия. – М., 1976; *Он же.* Древние земледельцы Афганистана. – М., 1977; *Lyonnnet B.* Decouverte de sites de l'age du Bronze dans le N.-E. de l'Afghanistan: leurs rapports avec la civilization de l'Indus. – *Annali dell Istituto Orientale di Napoli.* – Vol.37 (N.S. XXVII), 1977; *Gardin J.-C., Lyonnnet B.* La prospection archéologique de la Bactriane orientale (1974-1978): premiers résultats. – *Mesopotamia*, XIII-XIV, Torino, 1978-1979; *Francfort H.-P.* Fouilles de Shortughai. Recherches sur l'Asie centrale protohistorique. – Paris, 1989.
- ¹⁵ *Треножский А.И.* Археологические находки в Таджикистане // КСИИМК. – М., 1948. – Вып.20; *Смолицhev П.И.* Погребения со скорченными костяками в районе г. Сталинабада // ИТФ АН СССР. – 1949. – №15; *Зеймаль Е.В.* Медный топор из кишлака Аракчин // Сообщения Республиканского историко-краеведческого Музея. – Вып.3. – Сталинабад, 1958; *Литвинский Б.А.* О топорах эпохи бронзы из Таджикистана // Изв. АН ТаджССР. Отдел. обществ. наук. – 1961. – №1 (24).
- ¹⁶ *Литвинский Б.А., Окладников А.П., Рапов В.А.* Древности Кайракумов (Древнейшая история Северного Таджикистана) // ТИИ им. А.Дониша АН ТаджССР. – Душанбе, 1962. – Т.33.
- ¹⁷ *Мандельштам А.М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. – 1968. – №145.
- ¹⁸ *Литвинский Б.А., Рапов В.А.* Раскопки навеса Ак-Танги в 1959 г. // ТИИ АН ТаджССР. – Т.31. – Душанбе, 1961.
- ¹⁹ *Литвинский Б.А.* Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов). – Индия в древности. – М., 1964. – С.158; *Он же.* Археологические работы в Таджикистане в 1962-1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы) // АРТ. – Вып.10. – М., 1973. – С.10-11; *Pjankova L.T.* Jungbronzezeitliche Gräbfelder im Vachš – Tal, Süd-Tadžikistan. – *MAVA*, Bd.36. – München, 1986; *Пьяикова Л.Т.* Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника эпохи бронзы "Тигровая Балка"). – Душанбе, 1989.
- ²⁰ *Литвинский Б.А., Соловьев В.С.* Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // УСА. – Вып.1. – 1972.
- ²¹ *Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., Медведская И.Н.* Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. // АРТ. – Вып.13. – Душанбе, 1977. – С.76-92; *Пьяикова Л.Т.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху бронзы // ИБ МАИКЦА. – Вып.1. – М., 1981; *Она же.* Бронзовый век Южного Таджикистана // Изв. АН ТаджССР. Сер.: востоковедение, история, филология. 1986. – №4; *Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е.* Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы. – Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. – М., 1986; *Бабаев А.* Могильники Западного Памира эпохи поздней бронзы и их связь с религиозными верованиями местных племен // ИБ МАИКЦА. – 1988. – Вып.15.
- ²² *Исаков А.И.* Верховья Зеравшана в эпоху энеолита и бронзы: Автореф. дисс... докт. ист. наук. – Л., 1991; *Он же.* Саразм. – Душанбе, 1991; *Исаков А.И., Потемкина Т.М.* Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА. – 1989. – №1.
- ²³ История таджикского народа. – Т.1. – М., 1963. – Гл. II (автор *Литвинский Б.А.*).
- ²⁴ Археология СССР: Энеолит СССР. – М., 1982. Введение, гл. IV.

- ²⁵ Эта периодизация была создана Г.Шмидтом – участником экспедиции Р.Пампелли.
- ²⁶ Литвинский Б.А. Намазга-тепе по данным раскопок 1949-1950 гг. // СЭ. – 1952. – №4.
- ²⁷ Куфтина Б.А. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культур Анау // Изв. АН ТуркмССР. Отдел обществ. наук. – 1954. – №1; *Он же*. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // ТЮТАКЭ. – Т.VII. – Ашхабад, 1956.
- ²⁸ Массон В.М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А.Куфтина // ТЮТАКЭ. – Т.VII. – Ашхабад, 1956.
- ²⁹ Археология СССР: Энеолит СССР. – С.14; *Курбансахатов К.* Энеолит Анау. – Ашхабад, 1987. – С.129; *Массон В.М.* Фортификация Средней Азии в бронзовом веке. – Этнография и археология Средней Азии. – М., 1979. – С.129; *Он же*. Алтын-депе, с.95; *Кирчо Л.Б.* Культурная эволюция в эпоху формирования раннегородской цивилизации (по материалам раскопок Алтын-депе). – Древние цивилизации Востока. – Ташкент, 1986. – С.138; *Хлопина И.Н.* Сумбарские могильники – ключ для синхронизации памятников эпохи бронзы юга Средней Азии и Ирана. – Le Plateau iranien et l'Asie centrale des origines à la conquête islamique. – Paris, 1977. – P.152; *Он же*. Юго-Западная Туркмения. – С.55; *Он же*. Раскопки в долине Сумбара и их значение для Переднего Востока и Средней Азии // ИБ МАИКЦА. – Вып.12. – М., 1987. – С.24; *Хлопина Л.И.* Намазга-тепе и эпоха поздней бронзы Южной Туркмении: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Л., 1978. – С.16; *Завий Г.Ф.* О магнитном методе датировки археологических памятников // Изв. АН ТуркмССР. Отдел обществ. наук. – 1984. – №6; *Долуханов П.М., Штетюко А.Я., Толи М.* Серия радиоуглеродных датировок наслоений эпохи бронзы на Намазга-тепе // СА. – 1985. – №4; *Kohl Ph.L.* Central Asia, tabl. 1,2; *Götzelt T.* Ansichten der Archäologie Süd-Turkmenistans bei der Erforschung der 'mittleren Bronzezeit' ('Periode' 'Namazga V'). – München, 1996.
- ³⁰ *Сарианиди В.И.* Древние связи Туркменистана и Северного Ирана // СА. – 1970. – №4. – С.32-34; *Бердыев О.* Материальная культура Туркменистана в период неолита и раннего энеолита. – Первобытный Туркменистан. – Ашхабад, 1976.
- ³¹ *Лисицина Г.Н.* История орошаемого земледелия в Южной Туркмении (раннеземледельческая эпоха) // УСА. – Вып.1. – 1972.
- ³² *Ермолова Н.М.* Костные остатки млекопитающих из поселения эпохи энеолита и бронзы Южного Туркменистана. – КД. – Вып.1. – Ашхабад, 1968; *Она же*. Остатки млекопитающих эпохи бронзы из городища Алтын-депе. – Новые археологические открытия в Туркменистане. – Ашхабад, 1982.
- ³³ *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. – Л., 1976. – С.142-147.
- ³⁴ *Массон В.М.* Алтын-депе, с.21.
- ³⁵ Археология СССР: Энеолит СССР. – Ч.1. – Табл. XIII,29, XVII, X; *Сарианиди В.И.* Энеолитическое поселение Геоксюр (Результаты работ 1956/1957 гг.) // ТЮТАКЭ. – Вып.X. – Ашхабад, 1960. – Рис.2 и др.
- ³⁶ *Хлопина И.Н.* Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. – Л., 1964. – С.80-85; *Массон В.М.* К истории оборонительных стен оседлых поселений // КСИА. – 1966. – Вып.108.

- 37 *Сарианиди В.И.* Культурные здания поселений анауской культуры // СА. – 1962. – №1; *Хлопин И.Н.* Геоксюрская группа, с.87-91; *Археология СССР: Энеолит СССР*, с.58-60.
- 38 *Сарианиди В.И.* Энеолитическое поселение Геоксюр, с.284-299; *Он же.* Памятники позднего энеолита, с.14-19.
- 39 *Массон В.М., Сарианиди В.И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. – М., 1973. – Гл.1.
- 40 *Сарианиди В.И.* Материальная культура Южного Туркменистана в период ранней бронзы. – Первобытный Туркменистан. – Ашхабад, 1976. – С.82-83; *Кирчо Л.Б.* Культурная эволюция, с.139.
- 41 *Масимов И.С.* Керамическое производство эпохи бронзы в Южной Туркмении. – Ашхабад, 1976; *Он же.* Материальная культура Южной Туркмении в период развитой и поздней бронзы. – Первобытный Туркменистан. – Ашхабад, 1976; *Кирчо Л.Б.* Культура ранней бронзы Южной Туркмении (Вопросы происхождения по материалам керамических комплексов): Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Л., 1980.
- 42 *Кирчо Л.Б.* Культурная эволюция, с.144-146; *Массон В.М.* Алтын-депе, с.88-89. – Табл. XVI, XVII, XIX. 8-10.
- 43 *Массон В.М.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии // СА. – 1967. – №3; *Он же.* Алтын-депе; *Idem.* Urban centers of Early Class Society. – The Bronze Age Civilization of Central Asia. – New York, 1981; *Он же.* Становление цивилизации как социально-экономический и культурный процесс // ИБ МАИКЦА. – Вып.2. – М., 1982; *Он же.* Формирование древних цивилизаций в Средней Азии и Индостане. – Древние культуры Средней Азии и Индии. – Л., 1984; *Он же.* Первые цивилизации. – Л., 1989.
- 44 *Amiet P.* L'âge des échanges inter-iraniens: 3500-1700 avant J.-C. – Paris, 1986. – P.188-189; *Huot J.-L.* Les siggurats mésopotammiennes et l'Asie centrale. – L'Asie centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines à l'âge du fer. – Paris, 1988.
- 45 *Deshayes J.* A propos des terrasses hautes de la fin du 3-e millénaire en Iran et en Asie centrale. – Le Plateau iranien et l'Asie centrale des origines à la conquête islamique. – Paris, 1977.
- 46 *Casal J.M.* Fouilles de Mundigak // MDAFA. – T.XVII. – Vol. 2. – Paris, 1961. – P.85-88; fig.43, 45; pl.XXV A-B.
- 47 *Гавялин А.Ф.* Теккем-тепе // ТИИАЭ АН ТуркмССР. – Т.II. – Ашхабад, 1956; *Он же.* Погребения эпохи бронзы у селения Янги-Кала // ТЮТАКЭ. – Т.VII. – Ашхабад, 1956; *Марущенко А.А.* Елькен-депе // ТИИАЭ АН ТуркмССР. – Т.V. – Ашхабад, 1959; *Khlopina L.I.* Southern Turkmenia in the Late Bronze Age. – EW. – Vol.22. – Rome, 1972; *Idem.* Namazga-depe and the Late Bronze Age of Southern Turkmenia. – The Bronze Age Civilization of Central Asia. – New York, 1981.
- 48 *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура, с.109-110; *Он же.* Алтын-депе, с.129-130; *Сарианиди В.И.* Юго-Западная Азия: миграции, арии и зороастрийцы // ИБ МАИКЦА. – Вып.13. – М., 1987. – С.54.
- 49 История Ирана. – М., 1977. – С.21; *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. – М., 1985. – С.109-110.
- 50 *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура; *Сарианиди В.И.* Исследование памятников Дашлимирского оазиса. – Древняя Бактрия. – М., 1976; *Он же.* Древние земледельцы; *Он же.* Бронзовый век Маргяны // КСИА. – Вып.188. – М., 1986; *Он же.* Протозороастрийский храм в Маргяне и проблема воз-

никновения зороастризма // ВДИ. – 1989. – №1; *Он же*. Древности страны Маргаш. – Ашхабад, 1990; *Аскаров А.* Сапалитена; *Он же*. Древнеземледельческая культура; *Аскаров А.А., Абдуллаев Б.Н.* Джаркутан; *Аскаров А.А., Бурков Ю.Ф., Каскелая О.Я., Радиловский В.В.* Теоретические и методологические проблемы исследования в археологии. – Ташкент, 1988. – С.14-46, 114-117, 143-145; *Беглева Т.В., Хасимов З.А.* Древнебактрийские памятники Миршаде. – Из истории античной культуры Узбекистана. – Ташкент, 1973. – С.35-43; *Масимов И.С.* Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА. – 1979. – №1; *Он же*. Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе. – Древние цивилизации Востока. – Ташкент, 1986; *Удемурадов Б.Н.* К вопросу о появлении оседлых земледельцев в среднем течении Мургаба // Изв. АН ТуркмССР. Отдел. обществ. наук. – 1989. – №2.

⁵¹ *Аришавская З.А.* Заметки об архитектуре Бактрии эпохи бронзы – раннего железа (к характеристике типологических схем) // *Сагдуллаев А.С.* Усадьбы древней Бактрии. – Ташкент, 1987.

⁵² *Брентъес Б.* Квадратура круга как проблема истории культуры // ИБ МАИКЦА. – Вып.1. – М., 1981.

⁵³ *Аскаров А.А.* Древнеземледельческая культура, с.143; *Jettmar K.* Fortified “Ceremonial Centres” of Indo-Iranians. – Этнические проблемы Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). – М., 1981; *Гуревич Л.Л.* Авестийская “Вара” (о взаимоотношениях мифопоэтического образа и формы сооружения). – Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. – М., 1983.

⁵⁴ *Рахманов У.* Керамическое производство эпохи бронзы Южного Узбекистана: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Самарканд, 1987. – С.4-6.

⁵⁵ *Сарияниди В.И.* Древние земледельцы, с.67-102; *Idem.* Bactrian Centre of Ancient Art. – Mesopotamia. – 1977. – Т.ХII; *Idem.* Die Kunst des Alten Afghanistan. – Leipzig, 1986; *Amiet P.* Bactriane proto-historique. – Syria, 1977. – Vol.LIV; *Idem.* Antiquités de Bactriane. – La revue du Louvre et des Musées de France, 1978. – №3; *Idem.* Iconographie de la Bactriane proto-historique. – Anatolian Studies. – Vol.LXXXIII, 1983; *Idem.* L’âge des échanges, p.190-204; *Pottier M.-H.* Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l’âge du Bronze. – Paris, 1984.

⁵⁶ *Dupree L., Gouin P., Omer N.* The Khosh Tapa Hoard from North Afghanistan. – Archaeology, 1971. – Vol.24. – №1; *Tosi M., Wardak R.* The Fullol Hoard: A New Find from Bronze-Age Afghanistan. – EW. – Vol.22. – 1972. – №1-2.

⁵⁷ *Рузанов В.Р.* История древней металлургии и горного дела в Узбекистане в эпоху бронзы и раннего железа: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – М., 1982. – С.12-15.

⁵⁸ *Сарияниди В.И.* Печати-амулеты мургабского стиля // СА. – 1976. – №1; *Он же*. Древние земледельцы, с.86-100; *Он же*. Новый центр древневосточного искусства. – Археология Старого и Нового Света. – М., 1982. – С.77-87; *Он же*. Древнебактрийский пантеон // ИБ МАИКЦА. – Вып.10. – М., 1986; *Он же*. Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н.э. // СА. – 1986. – №2; *Idem.* Die Kunst des alten Afghanistan, p.219-298; *Amiet P.* Bactriane protohistorique, p.117-120; *Idem.* Antiquités de Bactriane, p.156-163; *Idem.* L’âge des échanges, p.197-200; *Масимов И.С.* Новые находки печатей эпохи бронзы с низовий Мургаба // СА. – 1981. – №2; *Pottier M.-H.* Matériel funéraire, p.74-86.

⁵⁹ *Сарияниди В.И.* Культовый сосуд из Маргианы // СА. – 1980. – №1; *Idem.* Die Kunst des alten Afghanistan, Abb. 33-35.

- ⁶⁰ Рахманов У., Шайдуллаев Ш. О влиянии культур степной бронзы на керамические комплексы сапаллинской культуры // ОНУ. – 1985. – №11. – С.62; Аскараров А.А., Ширинов Т. О некоторых группах культовой керамики Джаркутана // ИМКУ. – Вып. 25. – Ташкент, 1991.
- ⁶¹ Масимов В.К. У истоков оазиса низовий Мургаба древнеземледельческими племенами // Изв. АН ТуркмССР. Отдел. обществ. наук. – 1979. – №2; Он же. Келлели – новый оазис эпохи бронзы низовий Мургаба. – Новые исследования по археологии Туркменистана. – Ашхабад, 1980.
- ⁶² Сарияниди В.И. Древние земледельцы, с.24-25.
- ⁶³ P'jankova L. Pottery of Margiana and Bactria in the Bronze Age. – Inform. Bulletin of International Association for the Study of the Cultures of Central Asia, issue 19, M., 1993, fig.5.
- ⁶⁴ Аскараров А.А. Древнеземледельческая культура, с.101.
- ⁶⁵ Аскараров А.А. Древнеземледельческая культура, с.105; Аскараров А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан, с.40-44; Рахманов У. Керамическое производство, с.16.
- ⁶⁶ Сарияниди В.И. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА. – 1975. – №2; Кузьмина Е.Е., Ляпин А.А. Новые находки степной керамики на Мургабе. – Проблемы археологии Туркменистана. – Ашхабад, 1984; Рахманов У., Шайдуллаев Ш. О влиянии культур; Аскараров А.А. Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации. – Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: тез. докл. сов.-франц. симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. – Алма-Ата, 1987. Зонай наиболее активных контактов оседлоземледельческих и степных племен была территория современного Южного Таджикистана, о чем будет сказано ниже.
- ⁶⁷ Массон В.М. Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии: тез. докл. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. – Ташкент, 1973. – С.36-37; Он же. Алтын-депе, с.91, 130-131; Он же. Формирование древних цивилизаций, с.61-62; Он же. Первые цивилизации, с.172-173.
- ⁶⁸ Сарияниди В.И. Южная Туркмения и Маргиана в эпоху бронзы // ИБ МА-ИКСА. – Вып.7. – М., 1984; Он же. Юго-Западная Азия...
- ⁶⁹ Amiet P. L'âge des échanges, p.190-214; Idem. Elam et Bactriane. – L'Asie centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines à l'âge du fer. – Paris, 1988.
- ⁷⁰ Алёксин В.А. К проблеме генетической связи южно-туркменистанских комплексов эпохи бронзы // КСИА. – 1980. – Вып.161.
- ⁷¹ Увермуратов Б.Н. К вопросу о происхождении комплексов эпохи бронзы в Маргиане // Изв. АН ТуркмССР. Отдел. обществ. наук. – 1988. – №4.
- ⁷² Piperno M., Tosi M. The Graveyard of Shahr-i-Sokhta, Iran. – Archaeology. – 1974. – Vol.28. – №3. – P.186-197; Tosi M., Piperno M. The Graveyard of Shahr-e-Suxteh. – Proceedings of the III-rd Annual Symposium of Archaeological Research in Iran. – Tehran, 1975. – P.121-140; Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М. Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия). – Археология Старого и Нового Света. – М., 1982.
- ⁷³ Сарияниди В.И. Древние земледельцы, с.34-50.
- ⁷⁴ Массон В.М. Фортификация Средней Азии, с.32-33.
- ⁷⁵ Francfort H.-P. Fortifications et sociétés en Asie centrale protohistorique. – De l'Indus aux Balkans. – Paris, 1985.
- ⁷⁶ Аскараров А.А. Древнеземледельческая культура, с.94.

- 77 Schmidt E.F. Tepe Hissar Excavations 1931. – The Museum Journal. – Vol.23. – №4, Philadelphia, 1933; *Idem*. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937.
- 78 Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). М., 1981.
- 79 Хлопкин И.Н. Сумбарские могильники; *Idem*. The Early Bronze Age Cemetery of Parkhai II: The First Two Seasons of Excavations: 1977-78. – The Bronze Age Civilization of Central Asia. – New York, 1981; *Он же*. Юго-Западная Туркмения; *Он же*. Могильники эпохи неолита и бронзы в Юго-Западной Туркмении. – Древние цивилизации Востока. – Ташкент, 1986; *Idem*. Jungbronzezeitliche Gräbelfelder im Sumbar-Tal, Südwest-Turkmenistan. – MAVA, Bd.35. – München, 1986; *Он же*. Раскопки в долине Сумбара; Хлопкин И.Н., Хлопкина Л.И. Могильник эпохи ранней бронзы Пархай II в Туркмении // СА. – 1980. – №1; *Он же*. Развитой неолит Юго-Западной Туркмении // Изв. АН ТуркмССР. Отдел. обществ. наук. – 1983. – №4; *Он же*. Поздний неолит Юго-Западной Туркмении // Изв. АН ТуркмССР. Отдел. обществ. наук. – 1984. – №1.
- 80 Lyonnet B. Découverte de sites; Francfort H.-P., Pottier M.-H. Sondage préliminaire sur l'établissement protohistorique harappéen et post-harappéen de Shortughai (Afghanistan du Nord-Est). – AA. – Vol.34. – Paris, 1978; Francfort H.-P. The Late Periods of Shortughai and the Problem of the Bishkent Culture (Middle and Late Bronze Age in Bactria). – SAA, 1979. – Berlin, 1981; *Idem*. Shortughai – Induskultur an den Ufern des Amudarja. – Altertum, Bd.28, Heft 2, 1982; *Idem*. The Early Periods of Shortughai (Harappan) and the Western Bactrian Culture of Dashedly. – SAA 1981. – Cambridge, 1984; *Idem*. The relationship between urban lowlands and mountaneous areas in protohistory as seen from Shortughai // Journal of Central Asia. – 1985. – Vol.VIII. – №2; *Idem*. Tradition harappéenne et innovation bactrienne à Shortughai. – L'archéologie de la Bactriane ancienne. – Paris, 1985; *Idem*. Fouilles de Shortughai...
- 81 Gentelle P. Milieu naturel et techniques d'irrigation en Asie centrale aux Ages du Bronze et du Fer: problèmes nouveaux? – L'Asie centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines à l'Age du Fer. – Paris, 1988; *Idem*. Données paléogéographiques et fondements de l'irrigation. – Prospections archéologiques en Bactriane orientale. – Vol.1. – Paris, 1989.
- 82 Lyonnet B. Découverte de sites, p.30-34. Позже Б.Лионе изменила свою первоначальную точку зрения и теперь считает, что Восточная Бактрия была традиционно единой в культурном отношении с индо-белуджистанским регионом и что харашский комплекс Шоргутая появился в результате эволюции местных неолитических племен; Lyonnet B. Les relations de la Bactriane orientale avec monde indo-baluche à partir des données céramologiques, du 3-e au 2-e millénaires avant notre ère. – L'Asie centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines à l'âge du fer. – Paris, 1988. Поводом к такому заключению послужила находка в районе Талукана (также на территории Северо-Восточного Афганистана) небольшого количества черепков, которые, по мнению Б.Лионе, имеют некоторые технологические сходства с белуджистанской керамикой середины IV – середины III тыс. до н.э.; Lyonnet B. Etablissement chalcolithiques dans le Nord-Est de l'Afghanistan: leurs rapports avec les civilisations du bassin de l'Indus. – Paléorient. – Vol.7/2. – Paris, 1981. Однако раскопки здесь не проводились, а сами черепки невыразительны и не имеют главного признака для выдвигаемого сравнения – орнамента, к тому

- же некоторые технологические приемы, отмеченные Б.Лионе, более характерны для посуды земледельческих племен Средней Азии во второй половине II тыс. до н.э. Поэтому первая гипотеза Б.Лионе пока выглядит более убедительной.
- ⁸³ Толстов С.П., Итнина М.А. Проблема суярганской культуры // СА. – 1960. – №1; Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма // МХЭ. – Вып.8. – М., 1968. – С.172-177; Итнина М.А. История степных племен, с.40-41.
- ⁸⁴ Итнина М.А. История степных племен, с.147-148. Существует также мнение, что выделение особой суярганской культуры в Южном Приаралье не соответствует реальным данным и является терминологическим усложнением: Заднепровский Ю.А. Памятники андроновской культуры. – Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М.; Л., 1966. – С.214-215.
- ⁸⁵ Итнина М.А. История степных племен, с.145.
- ⁸⁶ Толстов С.П. Древний Хорезм. – М., 1948. – С.67-68; Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. – М., 1969; Итнина М.А. Из истории населения степной полосы Среднеазиатского междуречья в эпоху бронзы // КСИА. – Вып.122. – М., 1970; Она же. История степных племен, гл.V.
- ⁸⁷ Итнина М.А. Раскопки могильника...
- ⁸⁸ Виноградов А.В., Кузьмина Е.Е. Литейные формы из Лявлякана // СА. – 1970. – №2.
- ⁸⁹ Итнина М.А. История степных племен с.41-44, 104-109; Она же. Охранные археологические работы в Хорезме: итоги и перспективы // СЭ. – 1984. – №1. – С.48. – Рис.3.
- ⁹⁰ Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайракумов, часть вторая; История таджикского народа. – Т.1. – М., 1963. – С.115-124 (автор Б.А.Литвинский).
- ⁹¹ Литвинский Б.А., Ранов В.А. Раскопки навеса Ак-Танги в 1959 г. // ТИИ АН ТаджССР. – 1961. – Т.31.
- ⁹² Литвинский Б.А. Даханский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане // КСИИМК. – 1960. – Вып.80; *Idem.* Jungbronze- und ältereisenzeitliche Nekropolen im Fergana-Becken. – BAVA, Bd.5, Bonn, 1983.
- ⁹³ Литвинский Б.А. К истории добычи олова; Он же. Древнейшие страницы, с.20-22; Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайракумов, с.170-177; Рузанов В.Д. История древней металлургии, с.18-19.
- ⁹⁴ Литвинский Б.А., Ранов В.А. Раскопки навеса Ак-Танги... Для наиболее раннего горизонта эпохи бронзы Ак-Танги имеется радиоуглеродная дата – 2200 (±110) г. до н.э.: Романова Е.Н., Семенов А.А., Тимофеев В.И. Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Казахстана лаборатории ЛОИА АН СССР // УСА. – Вып.2. – 1972. – С.58.
- ⁹⁵ Кожемко П.Н. Памятники эпохи бронзы в Киргизии // Изв. АН КиргССР. Отдел. обществ. наук. – 1960. – Т.П. – Вып.3; Абетков А. Погребения эпохи бронзы могильника Тегирмен-сай // КСИА. – Вып.93. – М., 1963; Заднепровский Ю.А. Памятники андроновской культуры. – Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М.; Л., 1966. – С.217-219; Кожомбердыев И., Галочкина Н.Г. Памятники эпохи бронзы в долине Кетмень-Тюбе // УСА. – 1972. – Вып.1; Галочкина Н.Г. Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы. – Кетмень-Тюбе. – Фрунзе, 1977; История Киргизской ССР. – Т.1. – Фрунзе, 1984. – С.106-119.
- ⁹⁶ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. – 1952. – №26. – С.19-20.

- ⁹⁷ Кузьмина Е.Е. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА. – 1970. – Вып.122; *Она же*. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник. 4. – М., 1986. – С.204-205.
- ⁹⁸ Литвинский Б.А. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. – М., 1960. – С.1; *Он же*. Древние кочевники “Крыши мира”. – М., 1972. – С.29, 30, 90; Рамон В.А. Раскопки памятников первобытнообщинного строя на Восточном Памире в 1960 г. // АРТ. – 1962. – Вып.8. – С.7-8; *Он же*. Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире (1956-1958 гг.) // ТТАЭ. – Т.4. М.; Л., 1964. – С.28; Бабаев А.Д. Южбок II – памятник эпохи бронзы на Западном Памире // АРТ. – 1980. – Вып.15; *Он же*. Бронзовый наконечник копья из могильника Южбок (Западный Памир) // Памирведение. – Вып.1. – Душанбе, 1984; *Он же*. Могильники Западного Памира; *Он же*. Историко-археологический очерк Западного Памира: Автореф. дисс... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1989.
- ⁹⁹ Треножский А.И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале // Изв. УзФАН СССР. – 1940. – №9. – С.91; Оболюева Т.Г. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области // КСИИМК. – 1955. – Вып.59; Литвинский Б.А. О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы // СА. – 1958. – №3; Кузьмина Е.Е. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. – М., 1964; Мандельштам А.М. Погребения срубного типа в Южной Туркмении // КСИА. – М., 1966. – Вып.108; *Он же*. Новые погребения срубного типа в Южной Туркмении // КСИА. – М., 1967. – Вып.12. Относительно происхождения керамики степного типа на юге Туркменистана существует иная точка зрения, высказанная Л.И.Хлопиной. Она считает, что это – кухонная керамика местного производства: Хлопина Л.И. Кухонная керамика времени Намазга VI // КСИА. – М., 1972. – Вып.132.
- ¹⁰⁰ Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен; Пьякова Л.Т. Бронзовый век Южного Таджикистана // Изв. АН ТаджССР. Сер.: востоковедение, история, филология. – 1986. – №4; Кузьмина Е.Е. О некоторых археологических аспектах; *Она же*. Процессы миграции и интеграции в истории Казахстана и Средней Азии в эпоху бронзы. – Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, 1987; Аванесова Н.А. Степи севера и оазисы юга: проблема культурных взаимодействий в эпоху бронзы. – Там же; Иттипа М.А. Бронзовый век Средней Азии в свете контактов земледельческого юга и скотоводческого севера. – Там же.
- ¹⁰¹ Иттипа М.А. История степных племен, с.173-185.
- ¹⁰² Кузьмина Е.Е. Металлические изделия; Рузанов В.А. История древней металлургии, с.12-19.
- ¹⁰³ Исakov A.I. Саразм – новый раннеземледельческий памятник Средней Азии // СА. – 1986. – №1; *Он же*. Саразм; *Он же*. Верховья Зеравшана; Besenval R., Isakov A. Sarazm et les debuts du peuplement agricole dans la région de Samarkand. – Arts Asiatiques. – 1989. – Т.44; Lyonnet B. Sarazm (Tadjikistan) ceramiques. – Paris, 1996.
- ¹⁰⁴ Исakov A.I., Потемкина Т.М. Могильник племен эпохи бронзы...
- ¹⁰⁵ Гулматов Я.Г. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса // ТИ-ИА АН УзССР. – Т.VIII. – Ташкент, 1956; Кузьмина Е.Е. Могильник Заманбаба // СЭ. – 1958. – №2; Аскаров А. Культура Заманбаба в низовьях Зерав-

- шана // ОНУ. – 1962. – №11; *Он же*. Поселение Заманбаба. – // КСИА. – М., 1963, Вып.93; *Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскаров А.* Первобытная культура, с.118-186.
- ¹⁰⁶ *Сариянов В.И.* К вопросу о культуре Заманбаба. – Этнография и археология Средней Азии. – М., 1979; *Аскаров А.А.* К передатировке культуры Заманбаба. – Культура и искусство древнего Хорезма. – М., 1981.
- ¹⁰⁷ *Аскаров А.* Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана // ИМКУ. – Ташкент, 1962. – Вып.3; *Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскаров А.* Первобытная культура, с.187-223.
- ¹⁰⁸ *Аванесова Н.А.* К вопросу об одежде скотоводческих племен эпохи бронзы Средней Азии. – Вопросы археологии, древней истории и этнографии. – Самарканд, 1981. – С.36.
- ¹⁰⁹ *Лев Д.Н.* Погребение бронзовой эпохи близ г.Самарканда // КСИА. – М., 1966. – Вып.108; *Аскаров А.* Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // ИМКУ. – Ташкент, 1969. – Вып.3; *Он же*. Могильник эпохи бронзы в Муминабаде // КСИА. – М., 1970. – Вып.122; *Джуракулов М.Д.* Новые открытия археологов Самаркандского университета. – Древние цивилизации Востока. – Ташкент, 1986. – С.104.
- ¹¹⁰ *Джуракулов М.Д., Аванесова Н.А.* Новые исследования по Сазаганскому поселению // ИМКУ. – Ташкент, 1984. – Вып.19.
- ¹¹¹ *Зеймаль Т.И.* Вахшская долина в древности и раннем средневековье: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Л., 1969. – С.8-16.
- ¹¹² *Рапов В.А., Коробкова Г.Ф.* Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА. – 1971. – №2. – С.146; *Коробкова Г.Ф.* К проблеме неолитических скотоводов Средней Азии / Тез. докл. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. – Ташкент, 1973. – С.209-210; *Она же*. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. – Л., 1987. – С.117-118.
- ¹¹³ *Виноградова Н.М.* Отчет о работе отряда по изучению памятников бронзового века ЮТАЭ (1978 г.) // АРТ. – Вып.18. – Душанбе, 1984; *Она же*. Раскопки поселения эпохи бронзы Кангуртут на юге Таджикистана в 1980 г. // АРТ. – Вып.20. – Душанбе, 1987; *Она же*. Отчет о работе Южно-Таджикистанского археологического отряда ЮТАЭ на поселении Кангуртут в 1984 г. // АРТ. – Вып.24. – Душанбе, 1993; *Она же*. Отчет о работе Южно-Таджикистанского археологического отряда ЮТАЭ в 1985 г. на земледельческом поселении Кангуртут // АРТ. – Вып.25. – Душанбе, 1994; *Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е.* Контакты степных и земледельческих племен, с.138-145; *Пьяикова Л.Т.* Раскопки на поселении бронзового века Тегузак в 1979 г. // АРТ. – Вып.19. – Душанбе, 1986; *Она же*. О раскопках на поселении бронзового века Тегузак в 1980 г. // АРТ. – Вып.20. – Душанбе, 1987; *Она же*. Раскопки на поселении Тегузак в 1981 г. // АРТ. – Вып.21. – Душанбе, 1988; *Она же*. Отчет о работах Вахшского археологического отряда в 1984 г. // АРТ. – Вып.24. – Душанбе, 1993; *Она же*. Работа Байпазинского отряда на поселении бронзового века Дахана (1985 г.) // АРТ. – Вып.25. – Душанбе, 1994.
- ¹¹⁴ *Рапов В.А.* Шлифованные топоры из Таджикистана // СА. – 1966. – №4; *Он же*. Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности). – История и культура востока Азии. Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. – Новосибирск, 1985. – С.23.

- 115 Лишь возле Кангуртгута, у подножия горы, прослеживается русло канала. Специальных исследований его не проводилось, однако, по всей видимости, он не имеет отношения к эпохе бронзы, так как еще местные жители помнят, что в этом месте случались обводнения площадей: *Виноградова Н.М.* Отчет о работе, с. 74-75.
- 116 *Аскаров А.А., Абдуллаев Б.Н.* Джаркутан, с. 54.
- 117 *Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е.* Контакты степных и земледельческих племен, с. 139-140; *Виноградова Н.М.* Раскопки поселения, с. 133-134.
- 118 *Литвицкий Б.А., Соловьев В.С.* Стоянка степной бронзы...
- 119 *Антонова Е.А., Виноградова Н.М.* О летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г. // АРТ. – Вып. 14. – Душанбе, 1979; *Виноградова Н.М.* О раскопках могильника Тамдырйул в 1975 г. // АРТ. – Вып. 15. – Душанбе, 1980; *Виноградова Н.М., Пьяикова Л.Т.* Работы в Гиссарской долине в 1977 г. // АРТ. – Вып. 17. – Душанбе, 1983; *Они же.* Могильник эпохи бронзы Кумсай в Южном Таджикистане // ИБ МАИКЦА. – Вып. 17. – М., 1990; *Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е.* Контакты степных и земледельческих племен, с. 134-138.
- 120 *Аскаров А.А., Абдуллаев Б.Н.* Джаркутан, с. 41. Об украшенных андроновского типа см.: *Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент, 1991. – С. 50.
- 121 *Пьяикова Л.Т.* Отчет о работе Нурекского археологического отряда // АРТ. – Душанбе, 1979. – Вып. 14.
- 122 *Ранов В.А., Коробкова Г.Ф.* Туткаул, с. 135; *Юсупов А.* Неолитическое поселение Сай-Сайёд на юго-западе Таджикистана // СА. – 1975. – №2. – С. 139.
- 123 *Литвицкий Б.А.* Таджикистан и Индия... (примеры древних связей и контактов). – Индия в древности. – М., 1964. – С. 157-158. Основная литература о могильниках вахшской культуры перечислена в списке 19 настоящих примечаний.
- 124 Могильник открыт в 1988 г. при строительных работах. Он частично разрушен. У местного населения приобретена коллекция керамики, характерной для погребений вахшской культуры.
- 125 Эти сведения получены в 1981 г. во время работ Халкалджарского археологического отряда, руководимого А.В.Седовым. Найдены два сосуда, из которых один характерен для вахшской культуры, а другой – для степной бронзы.
- 126 *Тереножкин А.И.* Археологические находки, с. 75-77. – Рис. 38, 1-3. Ввиду почти полной неукученности в то время культур эпохи бронзы в прилегающих районах интерпретация находки оказалась затруднительной; А.И.Тереножкин датировал сосуды предположительно греко-бактрийской эпохой.
- 127 Погребение открыто в 1974 г. Оно содержало три сосуда.
- 128 *Денисов Е.П.* Отчет о работе Дангаринского отряда в 1974 г. // АРТ. – Душанбе, 1979. – Вып. 14. – С. 214-216. – Рис. 1.
- 129 *Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е.* Контакты степных и земледельческих племен, рис. 9. 6, 7.
- 130 Впервые такие погребения были открыты еще в 40-х годах, и П.И.Смоличев отнес их тогда к середине I тысячелетия до н.э.: *Смоличев П.И.* Погребения со скорченными костяками. См. также: *Кузьмина Е.Е.* К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии. (Бактрийский миряк и археологическая действительность) // ВДИ. – 1972. – №1. – С. 139; *Бубнова М.А., Ранов В.А.* Археологическое изучение территории г. Душанбе // ИБ МАИКЦА. – Вып. 9. – М., 1985. – С. 103, 108.

- 131 Одно погребение обнаружено в 1972 г. при строительстве новой шоссеиной дороги Душанбе – Гиссар, в 1 км к югу от кишлака Карамечок, другое вскрыто А.Абдуллаевым при исследовании могильника более позднего времени.
- 132 Более подробно о различных типах парных захоронений и погребений под одной насыпью в могильниках вахшской культуры см.: *Пьяикова Л.Т.* К вопросу о семейных и общественных отношениях в эпоху поздней бронзы (по материалам могильников вахшской культуры) // МКТ. – Вып.4. – Душанбе, 1987.
- 133 *Кармелишева Б.Х.* Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX – начало XX века) // СЭ. – 1969. – №3. – С.45-46.
- 134 *Мандельштам А.М.* Памятники эпохи бронзы; *Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., Медведская Н.И.* Отчет о работах, с.76-92.
- 135 *Мандельштам А.М.* Памятники эпохи бронзы, с.96-98.
- 136 Например: *Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н.* Джаркутан. – Табл. XVII.2; *Антонова Е.В., Виноградова Н.М.* О летних и осенних разведках, рис.4.
- 137 *Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966. – С.154-159.
- 138 *Пьяикова Л.Т.* Археологическая разведка по среднему течению реки Кафирниган // АРТ. – Вып.22. – Душанбе, 1990.
- 139 *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Тепан-Шах: Культура и связи Кушанской Бактрии. – М., 1983. – С.80-81.
- 140 *Зеймаль Е.В.* Медный топор из кишлака Аракчи // Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея ТаджССР. – Вып. III. – Сталинабад, 1958; *Литвинский Б.А.* О топорах эпохи бронзы из Таджикистана // Изв. АН ТаджССР. Отдел. обществ. наук. – 1961. – №1(24).
- 141 *Литвинский Б.А.* Таджикистан и Индия, рис.10, с.145; *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия. – Табл. VIII.9. – С.52-53; *Погребова М.Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. – М., 1977. – Табл. X.1. – С.68.
- 142 *Пьяикова Л.Т.* Находки бронзового века из Нурека // Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. – Душанбе, 1981.
- 143 *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия, с.48-49.
- 144 *Ранов В.А.* Истоки, внешние влияния и внутреннее развитие гиссарской культуры. – ДКБ. – Душанбе, 1982. – С.21. Еще в 1978 г. слой гиссарского неолита был открыт Н.М.Виноградовой под полом одного из помещений поселения эпохи поздней бронзы Кангурттут. *Виноградова Н.М.* Отчет о работе, с.78. В результате специальных исследований, проведенных в Кангурттуте В.А.Рановым и Т.Г.Филимоновой, установлено, что стратиграфического перерыва между гиссарским слоем и перекрывающим его слоем поздней бронзы не имеется. *Ранов В.А.* Каменный век Южного Таджикистана и Памира: Автореф. дисс... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1988. – С.42.
- 145 *Маргулан А.Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1979. – С.299-306.
- 146 *Ранов В.А.* Гиссарская культура, с.19-20.
- 147 Ригведа: Избранные гимны / Пер., коммент. и вступит. статья Т.Я.Елизаренковой. – М., 1972; Ригведа: мандалы I-IV (изд. подгот. Т.Я.Елизаренкова). – М., 1989.
- 148 *Граатовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. – М., 1970. – С.358; *Он же.* “Серая керамика”, “расписная керамика” и индоиранцы. – Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). – М., 1981. – С.256, 259; *Оранский И.М.* Иранские языки в историческом освещении. – М., 1979. – С.51 и сл.

- 140 Литература по этому вопросу очень обширна. Основные точки зрения по проблеме локализации индоевропейской прародины обобщены, например, в труде В.А.Сафронова "Индоевропейские прародины", Горький, 1989. Обобщение основных работ, посвященных проблемам происхождения и расселения индоиранских и иранских народов, см.: История таджикского народа. – Т.1. – М., 1963. – С.127-133 (автор Б.А.Литвинский); Грантовский Э.А. Ранняя история; Гафуров Б.Г. Таджики. – М., 1972. – С.27-43; Кузьмина Е.Е. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник, IV. – М., 1986. – С.169-174. Этническим процессам в Центральной Азии во II тыс. до н.э. был посвящен специальный международный симпозиум, состоявшийся в 1977 г. в г.Душанбе. Публикацию его докладов см.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). – М., 1981.
- 150 Толстов С.П. Древний Хорезм, с.68; *Он же*. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М.; Л., 1948. – С.86 и сл.; *Он же*. Новые археологические открытия в Хорезме и некоторые проблемы древней истории Индии. – Индия в древности. – М., 1964. – С.135-137; Массон В.М. Древнеземледельческая культура, с.117-121; Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса). – История Иранского государства и культуры. – М., 1971.
- 151 Массон В.М. Родины В.А. История Афганистана. – Т.1. – М., 1964. – С.45; Массон В.М. Древняя Азия и Древний Восток. – М.; Л., 1964. – С.447.
- 152 Deshayes J. New Evidence for the Indo-Europeans from Tureng Tepe, Iran. – Archaeology, 1969. – Vol.22. – №1; Ghirshman R. L'Iran et la migration des Indo-aryens et des Iraniens. – Leiden, 1977.
- 153 Cuyler Young T. Iranian migration into the Zagros. – Iran, 1967. – Vol.5.
- 154 Медведская И.Н. Об "иранской" принадлежности серой керамики раннего железного века Ирана // ВДИ. – 1977. – №2.
- 155 Толстов С.П. Древний Хорезм, с.350; История таджикского народа. – Т.1. – С.128 (автор Б.А.Литвинский); Массон В.М. Печати протониндийского типа из Алтын-депе (К проблеме этнической атрибуции культур расписной керамики Ближнего Востока) // ВДИ. – 1977. – №4; *Он же*. Алтын-депе, с.115-118; Литвинский Б.А. Бободжан Гафурович Гафуров и его труд // Гафуров Б.Г. Таджики. – Кн. II. – Душанбе, 1989. – С.342-343.
- 156 Бонгард-Левин Г.М., Гуров Н.В. Древнейшая этнокультурная история народов Индостана: итоги, проблемы, задачи исследования. – Древний Восток, Этнокультурные связи. – М., 1988. – С.62-73.
- 157 Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Древняя Передняя Азия и индоевропейские миграции // Народы Азии и Африки. – 1980. – №1; *Они же*. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общепреднеазиатского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // ВДИ. – 1980. – №3; *Они же*. Миграция племен-носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ. – 1981. – №2; *Они же*. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Т.1-2. – Тбилиси, 1984; *Они же*. Индоевропейцы: языки и прародина // Наука и человечество, 1989. – М., 1989.
- 158 Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации, с.72-73; Массон В.М. Алтын-депе, с.116.

- ¹⁵⁹ Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. – 1982. – №3, 4; Лелеков Л.А. К новейшему решению индоевропейской проблемы // ВДИ. – 1982. – №3; Кузьмина Е.Е. О некоторых археологических аспектах...
- ¹⁶⁰ Сарияниди В.И. Древние земледельцы, с.113, 143-150; *Он же*. Юго-Западная Азия: *Он же*. Арийская проблема и новый археологический материал // Наука и человечество 1989. – М., 1989; *Он же*. Протозороастрийский храм...
- ¹⁶¹ См., например, материалы дискуссии, посвященной храму Тоголок 21 // ВДИ. – 1989. – №1. – С.170-181.
- ¹⁶² Литвинский Б.А. Протоиранский храм в Маргиане? // ВДИ. – 1989. – №1. – С.179.
- ¹⁶³ Савинов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М., 1977; Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных. – Этнические проблемы истории Центральной Азии (II тыс. до н.э.). – М., 1981; *Она же*. О некоторых археологических аспектах; *Она же*. Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // ВДИ. – 1988. – №2; *Она же*. Откуда пришли индо-арии? – М., 1994.
- ¹⁶⁴ Джуракулов М.Д., Ходжайлов Т.К. Древнейшее, древнее и средневековое население Зарафшанской долины. – Самарканд, 1987. – С.10-19; Кияткина Т.П. Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. – Душанбе, 1987.
- ¹⁶⁵ Алексеев В.П. Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры // Научн. труды ТашГУ. – 1964. – Вып.235, Ист. науки. – Кн.49. – С.22.
- ¹⁶⁶ Besenval R. Découvertes récentes à Sarazm (R.S.S. du Tadjikistan): attestation des relations au III-e millénaire entre l'Asie centrale, l'Iran du Nord-Est et le Baluchistan. – Comptes rendus d'Academie des inscriptions et belles-lettres, 1987, avr.-juin. – P.455-456, fig.II.
- ¹⁶⁷ Массон В.М. Южнотуркменстанский центр раннеземледельческих культур // ТЮТАКЭ. – Т.10. – Ашхабад, 1960. – С.30-32; *Он же*. Алтын-дере, с.112; *Он же*. Первые цивилизации, с.153; Sarianidi V.I. The Pottery of Shahr-i-Sokhta I and its Southern Turkmenian Connections. – Prehistoric Sistan, I. – Rome, 1983.
- ¹⁶⁸ Jarrige J.-F., Lechevallier M. Excavations at Mehrgarh, Baluchistan: Their significance in the prehistoric context of the Indo-Pakistan Borderlands. – SAA 1977. – Naples, 1979; Jarrige J.-F. Les styles de Geoksyur et de Quetta et la question des rapports entre les régions du Nord et au Sud de l'Hindu Kush à la fin du 4-e et au début du 3-e millénaires. – L'Asie centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines à l'Age du Fer. – Paris, 1988.
- ¹⁶⁹ Сарияниди В.И. Памятники позднего неолита, с.50.
- ¹⁷⁰ Сарияниди В.И. Юго-Западная Азия, с.55.
- ¹⁷¹ Грантовский Э.А. "Серая керамика", с.253.
- ¹⁷² Сарияниди В.И. Бронзовый век, с.83-84.
- ¹⁷³ Сарияниди В.И. Древние земледельцы, рис.66; Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен, рис.3, 11-14.
- ¹⁷⁴ Сарияниди В.И. Степные племена, рис. 4.8.
- ¹⁷⁵ Аскаров А.А. Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации. – Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, 1987.
- ¹⁷⁶ Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности // ИБ МАИКЦА. – Вып.9. – М., 1985. – С.31.

- 177 *Мандельштам А.М.* Памятники эпохи бронзы, гл.V и VI; *Пьяикова Л.Т.* Древние скотоводы, с.113-132.
- 178 *Антонова Е.В., Виноградова Н.М.* О летних и осенних разведках. – Рис.3. – С.99, 101; *Hakemi A.* Découverte d'une civilisation préhistorique à Shahdad au nord-ouest de la province de Yazd. – The memorial volume of the VI-th International Congress of Iranian Art and Archaeology. – Tehran, Oxford, Sept. 11-16, 1972. – P.141, fig.13-15; *Idem.* Découverte d'une civilisation préhistorique à Xabis, "Shahdad", Kerman. Époque chalcolithique. – Catalogue de l'exposition: Lut, Shahdad – "Xabis", Iran. – Tehran, 1972. – P.15-16.
- 179 *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. – М., 1985. – С.135-138; *Бонгард-Левин Г.М., Гуров Н.В.* Древнейшая этнокультурная история, с.77-88.
- 180 *Кабо В.Р.* Первобытная доземледельческая община. – М., 1986. – С.245.
- 181 *Массон В.М.* Поселение Джейтуун // МИА. – №180. – 1971. – С.142.
- 182 *Hole F.A.* Investigating the Origins of the Mesopotamian Civilization. – Science. – 1966. – Vol.153. – №37.
- 183 *Johnson A.W., Earle T.* The Evolution of Human Society. From Foraging Group to Agrarian state. – Stanford, 1987. – P.117.
- 184 *Давыдова Л.В.* Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ. – Проблемы истории докапиталистических обществ. – Кн.1. – М., 1968. – С.33; *Аверкиева Ю.П.* Индейцы Северной Америки. – М., 1974. – С.196.
- 185 *Массон В.М.* Поселение Джейтуун, с.107.
- 186 *Массон В.М.* Эволюция первобытных поселений Средней Азии. – Успехи среднеазиатской археологии. – Вып.1. – Л., 1972. – С.8.
- 187 *Кабо В.Р.* У истоков производящей экономики. – Ранние земледельцы. – Л., 1980. – С.70-71.
- 188 *Евдокимов В.В., Усманова Э.Р.* Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурно-исторической общности Центрального Казахстана) // Археология Волго-Уральских степей. Межвузовский сборник. – Челябинск, 1990.
- 189 Энеолит СССР. – М., 1982. – С.56.
- 190 *Сариганди В.И.* О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке // КСИА АН СССР. – 1968. – Вып.114.
- 191 Энеолит СССР, с.15.
- 192 *Tosi M.* The North-eastern Frontier of the Ancient Near East. – Mesopotamia. 1973-1974. – Vol.8-9; *Tosi M.* An Archaeological Evidence for Protostate Structure in Eastern Iran and Central Asia at the End of the 3 Mil. B.C. – Le Plateau Iranien et l'Asie Centrale des Origines à la Conquête Islamique. – Paris, 1977.
- 193 *Johnson A.W., Earle T.* The Evolution of Human Society, p.157-158.
- 194 Энеолит СССР, с.55.
- 195 *Алексин В.А.* Могила знатного горожанина на Алтын-депе. – Успехи среднеазиатской археологии. – Л., 1979. – Вып.4.
- 196 *Biscione R.* The Crisis of Central Asian Urbanization in II Mil. B.C. and Villages as an Alternative System. – Le Plateau Iranien et l'Asie Centrale des Origines à la Conquête Islamique. – Paris, 1977. – P.117.
- 197 *Service E.R.* Primitive Social Organization. – New York, 1962. – P.144.
- 198 *Wright H.T.* Prestate Political Formation. – *Earle T.*, ed. – On the Evolution of Complex Societies. – California, 1984. – P.42.
- 199 *Renfrew C.* Monuments, Mobilization and Social Organization in Neolithic Wessex. – *Renfrew C.* ed. The Explanation of Cultural Change. Models in Prehistory. – Pittsburgh, 1973. – P.543.

- ²⁰⁰ *Масимов И.* Типология древних поселений и социально-экономическая реконструкция древнего общества (на примере поселений в Мургабском оазисе). – Информационный бюллетень МАИКСА. – Вып.2. – М., 1982.
- ²⁰¹ *Антонова Е.В.* Реликты доимусульманских земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. – М., 1984.
- ²⁰² *Антонова Е.В.* Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. – М., 1990. – С.121 и сл.
- ²⁰³ *Сухарева О.А.* Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков. – Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М., 1975. – С.30-31; *Снесарев Г.П.* Реликты доимусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М., 1969. – С.24.
- ²⁰⁴ *Сухарева О.А.* Пережитки демонологии; *Литвицкий Б.А.* Семантика древних верований и обрядов памирцев. – Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье: История и культура. – М., 1981.
- ²⁰⁵ *Сухарева О.А.* Пережитки демонологии...
- ²⁰⁶ *Снесарев Г.П.* Реликты доимусульманских верований, с.107.
- ²⁰⁷ *Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев, с.111-113.

ГЛАВА IV

Ранний железный век. Авеста.

Древнейшие государственные образования.

- ¹ *Авдиев В.И.* История Древнего Востока. – М., 1970. – С.271, 366-367.
- ² *Кочешенко Г.А., Лордкипанидзе О.Д., Тирацян Г.А., Халилов Д.А.* Введение. – Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – Ч.1. – М., 1985. – С.8.
- ³ *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Культура и экономика древнего Ирана. – М., 1980. – С.46; *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. – М., 1985. – С.266.
- ⁴ *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргшаны. МИА. – 1959. – №73, с.104-108.
- ⁵ *Сагдуллаев А.С.* Заметки о раннем железном веке Средней Азии // СА. – 1982. – №2; *Он же.* О некоторых проблемах археологии Средней Азии раннежелезного века. – История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье. – Ташкент, 1989.
- ⁶ *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура.
- ⁷ Там же, с.67, 87-88; *Лисицына Г.Н.* История орошаемого земледелия в Южной Туркмении // УСА. – 1972. – Вып.1. – Т.1; *Она же.* Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. – М., 1978; *Ртвеладзе Э.В.* Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана. – Бактрийские древности. – Л., 1976. – С.100; *Сагдуллаев А.С.* Усадьбы древней Бактрии. – Ташкент, 1987. – С.8; *Мухамеджанов А.Р.* К истории орошения Северной Бактрии и древнего Согда. – ДКБ. – Душанбе, 1982.
- ⁸ *Массон В.М.* Средняя Азия в эпоху раннего железа: культурная и социально-экономическая динамика. – Раннежелезный век Средней Азии и Индии. Тезисы докладов первого советско-индийского симпозиума. – Ашхабад, 1984. – С.8.
- ⁹ *Заднепровский Ю.А.* К истории оазисного расселения в первобытной Средней Азии // КСИА. – М., 1981, вып.167. – С.25.

- ¹⁰ Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. – М., 1969; Иттиова М.А. История степных племен Южного Приаралья // ТХАЭЭ. – 1977. – Т.10. – С.176-182.
- ¹¹ Иттиова М.А. Поселение Якке-Парсан 2 (раскопки 1958-1959 гг.) // МХЭ. – М., 1966. PDFCompressor Free Version
- ¹² Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. – 1962. – №118. – С.77-80; Иттиова М.А. История. – Табл. IV; Аскарлов А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. – Ташкент, 1979. – С.82-83; Духе Х.И. Туябугузские поселения бургулукской культуры. – Ташкент, 1982. – С.82-83; Ермолова Н.М. Костные остатки из памятников раннего железного века (Южный Узбекистан) // Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. – Ташкент, 1987. – С.99-100.
- ¹³ Иттиова М.А. История, с.167, 193, 237.
- ¹⁴ Толстов С.П., Жданко Т.А., Иттиова М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958-1960 гг. // МХЭ. – М., 1963. – Вып.6. – С.36-47. Грязнов М.П. Восточное Приаралье. – Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – Ч.3. – Гл.4. – М.; Л., 1966; Массон В.М. Средняя Азия, с.9-10; Маргулан А.Х. Бегазы-данлыбаевская культура Центрального Казахстана. – Гл. II. – Алма-Ата, 1979.
- ¹⁵ Марущенко А.А. Елькен-депе // ТИИАЭ АН ТуркмССР. – 1959. – Т.5; Массон В.М. Древнеземледельческая культура; Он же. Юго-восток Средней Азии. – Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – Ч.3. – Гл.2. – М.; Л., 1966; Сарияниди В.И. Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. – Вып.1. – М., 1972; Он же. Раскопки 1970 г. на Улуг-депе // УСА. – Вып.1. – 1972; Он же. Древние земледельцы Афганистана. – М., 1977. – С.107-116; Он же. Храм и некрополь Тиллятепе. – Гл.1. – М., 1989; Сагдуллаев Т., Хакимов З. Археологическое изучение городища Кызыл-тепе. (По итогам работ 1973-1974 гг.). – Бактрийские древности. – Л., 1976; Аскарлов А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа; Сагдуллаев А.С. Усадьбы; Сарияниди В.И., Кошелев Г.А. Средняя Азия в раннем железном веке. – Гл.7. – Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985.
- ¹⁶ Сагдуллаев А.С. Новые исследования памятников эпохи раннего железа в Бактрии и Согде. – ДКБ, 1982; Он же. Поселения раннежелезного века в бассейне Кашкадарьи // СА. – 1984. – №3; Он же. О некоторых проблемах археологии Средней Азии раннежелезного века. – История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье. – Ташкент, 1989. – С.10-11; Духе Х. Чиракчинское поселение // ИМКУ. – 1982. – Вып.17; Исмаилов И.Х. Стратиграфия древнейших слоев Еркургана // ИМКУ. – 1982. – Вып.17; Лушанко О.И. Изучение поселений раннежелезного века в Шуробайском оазисе. – История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье. – Ташкент, 1989; Она же. К истории изучения поселений раннежелезного века долины Кашкадарьи. – Древняя и средневековая археология Средней Азии. – Ташкент, 1990.
- ¹⁷ Аскарлов А.А., Бурайков Ю.Ф., Кширкевич О.Р., Рахматовский В.В. Теоретические и методологические проблемы исследования в археологии. – Ташкент, 1988. – С.32.
- ¹⁸ Массон В.М. Древнеземледельческая культура, с.121, 124.
- ¹⁹ Пылишко В. Ранний железный век Этека (Южный Туркменистан) // ИБ МА-ИКЦА. – 1986. – Вып.11. – С.9.
- ²⁰ Аскарлов А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа, с.31.

- 21 Сагдуллаев А.С. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Л., 1978. – С.10.
- 22 Массон В.М. Юго-восток, с.185.
- 23 Виноградова Н.М. Работы отряда по изучению памятников эпохи бронзы ЮТА. – 1979. – № 4. АРТ. 1986. – Вып.19. – Рис.4; Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы. – Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. – М., 1986. – С.146.
- 24 Заднепровский Ю.А. Чустская культура в Ферганской долине. – Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М.; Л., 1966; Он же. К истории оазисного расселения; Сарияниди В.И., Кошелев Г.А. Фергана. Чустская культура. – Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985.
- 25 Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура; Он же. Историческая топография Дальверзина // УСА. – 1972. – Вып.1; Он же. Укрепления чустских поселений и их место в истории первобытной фортификации Средней Азии // КСИА. – 1976. – Вып.147.
- 26 Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура, с.37-42; Спиричевский В.И. Оборонительные сооружения эпохи бронзы на территории Узбекистана // СА. – 1972. – №3; Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б. Новые данные о древнеземледельческой чустской культуре Ферганы // ИБ МАИКЦА. – Вып.7. – М., 1984. – С.40-45.
- 27 Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура, с.87; Он же. Типология и динамика развития городских поселений древней Ферганы. – Древний город Средней Азии. Тез. докл. к заседанию на конференции, посвященной полевым исследованиям в области археологии и этнографии в 1972. – Л., 1973. – С.18; Он же. Раннежелезный век Ферганы и проблема возникновения Даваньского государства. – Раннежелезный век Средней Азии и Индии / Тез. докл. – Ашхабад, 1984. – С.31.
- 28 Сарияниди В.И., Кошелев Г.А. Заключение к разделу "Средняя Азия в раннем железном веке". – Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985. – С.203.
- 29 Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б. Новые данные, с.38-40.
- 30 Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – М., 1982. – С.19-20.
- 31 Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура, с.31.
- 32 Заднепровский Ю.А. Древняя Бактрия и Фергана в прехалемнитидский период в свете новейших открытий. – ДКБ. – Душанбе, 1982. – С.86.
- 33 Духе Х.И. Бургулюкская культура. – Древности Туябугуза. – Ташкент, 1978; Он же. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. – Ташкент, 1982; Буряков Ю.Ф., Кошелев Г.А. Ташкентский оазис. Бургулюкская культура. – Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985.
- 34 Массон В.М. Диалектика традиций и инноваций и культурный процесс в древней Бактрии. – ДКБ. 1982. – С.13; Пизинко В. Ранний железный век; Сагдуллаев А.С. О некоторых проблемах, с.10; Сарияниди В.И. Храм и некрополь, с.39.
- 35 Заднепровский Ю.А. Древняя Бактрия, с.85-87.
- 36 Кузьмина Е.Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии ("Бактрийский мираж" и археологическая действительность) // ВДИ. – 1972. – №1. – С.136.

- 37 *Заднепровский Ю.А.* Чустская культура Ферганы и памятники раннего железного века Средней Азии. – АДД – М., 1978. – С.44-45.
- 38 *Сарианиди В.* Культура расписной керамики раннежелезного века Юго-Западной Азии // ИБ МАИКЦА. – М., 1985. – Вып.9. – С.9.
- 39 *Сагдуллаев А.С.* О соотношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии // СА. – 1985. – №4. – С.30-31; *Он же.* О некоторых проблемах, с.10-11.
- 40 *Заднепровский Ю.А.* Проблема происхождения культуры раннежелезного века юга Туркменистана (критический разбор основных гипотез) // Изв. АН ТуркмССР. Сер. общ. наук. 1986. – №5.
- 41 *Гаюлин А.Ф.* Теккем-Тепе (раскопки 1952-1953 гг.) // ТИИАЭ АН ТуркмССР. – 1956. – Т.2. – С.86; *Маруцего А.А.* Елькендтепе, с.72; *Кузьмина Е.Е.* О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник. 4. – М., 1986. – С.204.
- 42 *Толстов С.П., Итина М.А.* Проблема суярганской культуры // СА. – 1960. – №1. – С.31-32.
- 43 *Массон В.М.* Юго-восток, с.189.
- 44 *Кузьмина Е.Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. – М., 1964. – С.153-155; *Она же.* О некоторых, с.206-207; *Черных Е.Н.* Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии. – Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983.
- 45 *Массон В.М.* Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии (Перспективы исследования). – Древняя Бактрия. – Л., 1974. – С.7; *Он же.* Диалектика традиций, с.13; *Он же.* Средняя Азия, с.6.
- 46 *Массон В.М.* Изучение неолита и бронзового века Средней Азии // СА. – 1957. – №4.
- 47 *Заднепровский Ю.А.* Чустская культура Ферганы; *Он же.* Проблема происхождения, с.28.
- 48 *Киселев С.В.* Неолит и бронзовый век Китая // СА. – 1960. – №4. – С.251-253; *Заднепровский Ю.А.* Древнеземледельческая культура, с.106-107; *Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А.* Древности Кайрак-Кумов // ТИИ АН ТаджССР. – 1962. – Т.33. – С.107-108; *Литвинский Б.А.* [Рец. на:] *Заднепровский Ю.А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. – М.; Л., 1962; СА. – 1965. – №4. – С.262-263.
- 49 *Сарианиди В.И.* Раскопки Тилля-тепе, с.26-35; *Он же.* Древние земледельцы, с.115; *Он же.* Культура; *Он же.* Храм и некрополь, с.37-43.
- 50 *Аскаров А.А.* К вопросу о происхождении культуры племен с расписной керамикой эпохи поздней бронзы и раннего железа. – Этнография и археология Средней Азии. – М., 1979; *Аскаров А., Альбаум Л.И.* Поселение Кучуктепа, с.72.
- 51 *Сагдуллаев А.С.* О соотношении; *Он же.* О некоторых проблемах; *Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х.* К вопросу о хронологии и периодизации культуры раннежелезного века на территории Узбекистана // ОНУ. – 1987. – №1.
- 52 *Массон В.М.* Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении // ТЮТАКЭ. – Ашхабад, 1956. – Т.7; *Он же.* Юго-Западная Туркмения. – Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М.; Л., 1966. – Ч.III. – Гл.2; *Лисицына Г.Н.* О работах в Юго-Западной Туркмении // УСА. – 1972. – Вып.1; *Лисицына Г.Н., Прищепов Л.В.* Тильки-депе и некоторые вопросы палеографии Юго-Западной Туркмении // КСИА. – 1972. – Вып.132; *Мурадова Э.А.* Поселения архаического Дахистана. – Ашхабад, 1991.

- ⁵³ Мурадова Э.А. Поселения, с.9-13, 19-20.
- ⁵⁴ Там же, гл. 1.
- ⁵⁵ Там же, с.49-51.
- ⁵⁶ Массон В.М. Памятники культуры, с.425.
- ⁵⁷ Толстов П. Древний Узбекистан – М., 1948. – С.69-70; Итмина М.А. История, гл.IV.
- ⁵⁸ Итмина М.А. Поселение; Ягодин В.Н. Поселение амирабадской культуры Кават 2 // МХЭ. – М., 1963. – Вып.6.
- ⁵⁹ Сагдуллаев А.С. Заметки о раннем железном веке, с.233.
- ⁶⁰ Вайнберг Б.И. Памятник раннего железного века в Северной Туркмении. – КД. – Вып.V. – Ашхабад, 1977. – Рис.4. – С.43, 45.
- ⁶¹ Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов. – Душанбе. 1962. – С.131, 137, 255-258.
- ⁶² Салтовская Е.Д. О погребениях ранних скотоводов в Северо-Западной Фергане // КСИА. – 1978. – Вып.154. – С.96-97.
- ⁶³ Литвинский Б.А. Древние кочевники "Крыши мира". – М., 1972. – Гл.1.
- ⁶⁴ Сагдуллаев А.С. К изучению культовых и погребальных обрядов юга Средней Азии эпохи раннего железа. – Древняя и средневековая археология Средней Азии. – Ташкент, 1990.
- ⁶⁵ Марущенко А.А. Елькездепе, с.63; Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура, с.20-24, 97-101; Он же. Чустская культура в Ферганской долине, с.198; Он же. Историческая топография, с.57-58; Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б. Новые данные, с.39, 43; Бабаков О., Пилипко В.Н., Ходжайев Т.К. Погребения эпохи раннего железа из Дашлинского оазиса (Каахкинский район ТССР) // Изв. АН ТуркмССР. Сер. общ. наук. – 1986. – №4.
- ⁶⁶ Сарияниди В.И. Храм и некрополь, с.44.
- ⁶⁷ Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса). – История иранского государства и культуры. – М., 1971. – С.132.
- ⁶⁸ Ермолова Н.М. Костные останки, с.100; Сагдуллаев А.С. К изучению, с.34.
- ⁶⁹ О могильниках кайраккумской культуры см. в гл.III.
- ⁷⁰ Литвинский Б.А. Древние кочевники, с.16-17.
- ⁷¹ Пугаченкова Г.А. Новый памятник древнебактрийской культуры // УСА. – Л., 1970. – Вып.1. – С.48; Она же. Новые данные о художественной культуре Бактрии. – Из истории античной культуры Узбекистана. – Ташкент, 1973. – С.78-80.
- ⁷² Сарияниди В.И. Храм и некрополь. – Табл.VIII.
- ⁷³ Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов, с.295; Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н.э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы). – Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. – М., 1981. – С.161.
- ⁷⁴ Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура, с.91; Сарияниди В.И. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане // КСИА. – 1972. – Вып.132. – С.22; Он же. Раскопки Тилля-тепе, с.36.
- ⁷⁵ Массон В.М. [Ред. на:] Franklin G.S. Archaeology in Soviet Central Asia // СА. – 1973. – №1; Он же. Изучение эпохи раннего железа на территории Южного Туркменистана. – Туркменистан в эпоху раннежелезного века. – Ашхабад, 1984. – С.9.
- ⁷⁶ Факсимильное издание лучших рукописей Авесты: Codices Avestici et Pahlavici Bibliothecae Universitatis Hafniensis. Publ. in fasc. by University library of Copenhagen. – Vol.7-12. – Copenhagen, 1937-1944; Avesta, die heiligen Bücher

der Parsen im Auftrag der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften in Wien. Hrsg. von K.F.Geldner. Bd.1-3. – Stuttgart, 1886, 1889, 1895. Переводы: Бертельс Е.Э. Отрывки из Авесты / Пер. с языка Авесты. – Восток. – 1924. – №4. – Ст.4. С.3-11; Коссович К. Четыре статьи из Зенд-Авесты. – СПб., 1861; Darmstete J. The Zend-Avesta. Pt.1-3. – Oxford, 1880-1887 (The sacred books of the East). – Vol.4, 23, 31; Его же французский перевод – Paris, 1892-1893; Avesta, die heiligen Schriften der Parsen Übersetz auf den Grundlage von Chr.Bartholomae's Altiranischen Wörterbuch von F.W.Wolff. – Strassburg, 1910; Humbach H. The Gathas of Zaratushtira and the Other Old Avestan Texts. – Pt.1-2. – Heidelberg, 1991. [Об Авесте и состоянии ее изучения к настоящему времени см.: Kellens J. Avesta. – EIr. – Vol.3, 1987. – P.35-44; Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. 2-е изд. – М., 1988. Глава 2: Авеста, с.74-100. Новый русский перевод отрывков из Авесты см.: Авеста Избранные гимны / Пер. с авест. и коммент. проф. И.М.Стеблин-Каменского. – Душанбе, 1990. Там же см. указания на предшествующие переводы. – И.П.] (Инициалами И.П. помечены добавления, сделанные И.В.Пьянковым.)

⁷⁷ Детальный разбор состава Авесты см. ниже.

⁷⁸ Дьяконов М.М. Сложение классового общества в Северной Бактрии // СА. – 1954. – Т.14. – С.121-140. [Эта проблема остается актуальной и в настоящее время. См. последние по времени попытки сопоставления данных Авесты с археологическими материалами: Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. – Ташкент, 1987. – С.54-86; Franfort H.-P. Fouilles de Shortughai, Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. – Vol.1. – Paris, 1989. – P.448-356. – И.П.]

⁷⁹ См.: Толстов С.П. Военная демократия и проблема "генетической революции" // ПИДО. – 1935. – №7-8. – С.175-216; Толстов С.П. К вопросу о периодизации истории первобытного общества // СЭ. – 1946. – №1. – С.25-30; Косвен М.О. К вопросу о военной демократии // Труды Института этнографии. Н. сер., 1960. – Т.4. – С.241-261. [Востороннюю характеристику общества Авесты см.: Boyce M. Avestian people. – EIr. – Vol.3. – 1987. – P.62-66; Schwartz M. The old Eastern Iranian World View according to the Avesta. – CHI, II, 1985. – P.640-663. См. также соответствующие разделы в книгах: Фрей Р. Наследие Ирана. – М., 1972; Frye R.N. The History of ancient Iran. – München, 1983. – И.П.]

⁸⁰ Ср. Geiger W. Ostiranische Kultur im Altertum. – Erlangen, 1882. – S.287, 421-422, 426 и сл. Толстов С.П. Черты общественного строя Восточного Ирана и Средней Азии по Авесте. – История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет). – Ч.1-2. – М.; Л., 1939. – С.185-186; Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М.; Л., 1948. – С.96 и сл.; Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э. – М.; Л., 1956. – С.180-189; ср. также Herzfeld E. Zoroaster and his world. – Vol.1. – Princeton, 1947. – P.140; Тюрин В.О. К установлению значения социально-экономических терминов Бехистунской надписи // Труды Института языкознания АН СССР. – 1956. – Т.6. – С.499-525.

⁸¹ Ясна XXXI, 16, 18; Яшт. V, 38, 62, 63; X, 28, 30; XVII, 6, 8 и др.

⁸² Для истории термина ср. русское "дом", этимологически родственное авест. *nmāna*, *dmāna*, а также современное таджикское *мон* в сочетании *хон-у мон* "дом и домашняя утварь". В Вид. (II, 23; XVI, 14) *nmāna* употребляется также в значении "помещение для скота, хлев". Понятие "ближайшие родственники, семья" обозначают также словом *nmāna* (ср. тадж. *ноф, нофа*).

⁸³ Яшт X, 18, 84; XVII, 10; Ясна IX, 27; XVII, 11; ЛП, 2 и др.

⁸⁴ О полигамии в Авесте см.: Geiger W. Ostiranische Kultur, p.247 и сл. Для Западного Ирана ср.: Геродот, I, 135. В Авесте есть специальный термин для обозначения жен одного и того же мужа в их отношении друг к другу – *хаватий* (др.-инд. *саватий*), продолжающийся в согдийском, хорезмийском, современном таджикском и узбекском (*тиномч, палонч*). Полигамия сохранялась у ираноязычных народов и много позже, ср., например, деление жен в семье сасанидского времени на “полноправных, старших” (*зан-и пайтихшайийх*) и неполноправных. В согдийском брачном контракте начала VIII в. н.э. также говорится о старшей жене (*пайтихшаван инч*).

⁸⁵ Ясна XIX, 18, ср. Яшт X, 115.

⁸⁶ Ясна I, 7; II, 7.

⁸⁷ Яшт XIII, 66-67. См.: Geiger W. Ostiranische Kultur, p.289 и сл.; Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии. – М., 1956. – С.68-73.

⁸⁸ *льбиштва* – Вид. VIII, 10. См.: Herzfeld E. Zoroaster. – Vol.1. – P.333; 2. – P.807.

⁸⁹ *иштья* (ср.тадж. *ишт*) – Вид. VIII, 8; Ср.: Вид. II, 31: “меси глину ногами, размешивай ее руками”. В Вид. VI, 51 и VIII, 10 упомянут и алебастр – *айчица*, в среднеперсидском переводе – *гач, гагён* – “алебастр, алебастровый”.

⁹⁰ *заришва* – Вид. VIII, 8, 10; в среднеперсидском переводе *санг, сангён* – “камень, каменный”. Ср.: Herzfeld E. Zoroaster. – Vol.1. – P.333; 2. – P.807. В Яшт X, 39 о *заришва* говорится как о камнях для метания их пращи.

⁹¹ *ишт, стўна*, ср.тадж. *сутун*.

⁹² Вид. VII, 17; ср.тадж. *рузан*.

⁹³ Вид. II, 26; ср.тадж. *када, катак*.

⁹⁴ Вид. V, 10, 11.

⁹⁵ Geiger W. Ostiranischen Kultur, p.220 и сл.

⁹⁶ Яшт V, 101.

⁹⁷ Ср.тадж. *бистар, болаш, гах* (и *гахвара* “колыбель”; в средневековой литературе *гах* употреблялось и в значении “постель”).

⁹⁸ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – М., 1948. – С.67.

⁹⁹ Яшт VIII, 13 и сл.; XIV, 2, 27 и др. См.: Bartholomae Chr. Altiranischen Wörterbuch. – Strassburg, 1904. – S.1453.

¹⁰⁰ См.: Lüders H. Eine arische Ausschaung Über den Vertragsbruch // SPAW. – 1917, 26. – S.368; Gershevitch I. The Avestan Hymn to Mithra. – Cambridge, 1959. – P.87, 182.

¹⁰¹ Ясна XXXI, 15.

¹⁰² Ясна XLV, 9; ср. также: Ясна LVIII, 6; Вид. XVIII, 27.

¹⁰³ Яшт X, 28; ср. Яшт XIII, 52: “и да поместит он в этом доме стада коров (толпы) рабов”.

¹⁰⁴ Вид. IV, 3-4, ср. также Вид. IV, 48. Людерс, специально исследовавший этот текст (Lüders H. Eine arische Ausschaung, s.366 и сл.), указал на значительное его сходство с условиями заключения договора, сформулированными в древнеиндийских законах Ману. Авестийскому *виро-мазё*, букв. “в размере раба”, в древнеиндийском тексте соответствует *пурушидиртам*, имеющее сходное значение.

¹⁰⁵ *вайса* – Вид. IX, 37; XIII, 46; *париайтар* – Вид. IX, 38.

¹⁰⁶ Об этом свидетельствует прежде всего морфологический тип образования этих слов. Следует также учесть, что в аршакидском и сасанидском государствах термины, обозначающие рабов, были иными. См.: Периханов А.Г. К

вопросу о рабовладении и земледелии в Иране парфянского времени // ВДИ. – 1952. – №4. – С.13-27.

¹⁰⁷ Авестийское *vaiša* (ср.др.-инд. *vaiśya*) нашло свое продолжение в хотаносакском языке (памятники VII-X вв. н.э.) – биса “слуга”, “раб” (см.: *Bailey H.W. VDBU/Samprasa: FroeVarSibajot. n.s. – Vol. 7. – Pt.1-2. – P.17; Bailey H.W. Iranian Arya and Daba. – Transactions of the Philological Society. – London, 1959. – P.95.*) Хотаносакское *bāsa* позволяет более уверенно говорить о *vaiša*-рабах и для Авесты. Ср.: *Herzfeld E. Zoroaster, p.126.*

См.: *Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch, p.870.*

¹⁰⁸ В среднеперсидском тексте Видеадата авестийское *pariāitār* переводится словом *parastār* (тадж. *parastop*) “слуга”.

¹⁰⁹ Ср.: *Geiger W. Ostiranische Kultur, s.482; Дьяконов И.М. История Мидии, с.183.*

¹¹⁰ Геродот, I, 99, 107 и др.

¹¹¹ *Колобкова К.М. Войскы на Крите // ВДИ. – 1957. – №2. – С.25-46.* Интересно отметить, что в Ахеменидской державе рабы-чужеземцы, работавшие в хозяйствах персидских царей и их вельмож или посаженные на землю и платившие большие подати царю, именовались термином *гарда* (эламская передача – *куртани*), первоначально обозначавшим только домашнего раба (ср. др.-ир. *grda-*, др.-инд. *grha* – “дом”).

¹¹² Авестийское *дахью*, этимологически соответствующее др.-инд. *дасью*, обозначает только “область, страна”. В иранских языках прослеживается основа *даха-* со значением “человек, мужчина”. Ср., возможно, этническое название *даха* “дахы”, упоминаемое в надписи Ксеркса из Персеполя (надпись h, стк.26) непосредственно перед *sakā* “саки”, а также “область дахов” в Авесте (Яшт XIII, 143) в перечне: “область арья... турья, сарима, сайни, даха”. Однако *даха* в значении “раб-чужеземец” в Авесте не прослеживается (ср. раннесредневековое тадж. *дах* “слуга, раб”, согд. *dāya* “рабыня”, парфяское *dāxšftm* “рабское состояние”). См.: *Bailey H.W. Iranian Arya and Daba. – Transactions of the Philological Society. – London, 1959. – P.107-115.* В парфяском и сасанидском государствах существовали термины *бандак* “раб, слуга” и *анаххрйк*, первоначально “раб-иноплеменик”, букв. “чужоэтанец”.

В Согде, как можно судить по сравнительно поздним данным (документы с горы Муг, начало VIII в. н.э.), наряду с рабами-*бандак* и рабынями-*дида*, существовала еще особая категория “должников”, временно, видимо, переходивших в собственность отдельных лиц (или семей) и именовавшихся *натйк*, букв. “находящийся в залоге, заложник”.

¹¹³ Ср. мидийский род Киакара; персидский род Хакхаманиша (Ахемена), к которому принадлежали Кир, Камбис, Дарий и другие цари ахеменидской династии.

¹¹⁴ Ясна XXVI, 6-7; Вид. IV, 5; XII, 1 и сл. Этот термин, весьма древний по происхождению и имеющий соответствие в Ведах, сохранялся и много позже, вплоть до сасанидского судебника “Матакдāн-и хазār датиктāн” (Сборник тысячи судебных решений), дошедшего до нас в редакции VI-VII вв. н.э.

¹¹⁵ Единственным исключением (возможно, пережитком матриархального рода) в авестийской системе *набд-наздина* является включение в состав отцовского рода внучки брата отца.

¹¹⁶ В отличие от Вед Авеста узаконивает браки между ближайшими родственниками – *хвайтвадата*, букв. “брак внутри родни”, “кровнородственный брак”. Говорится о женолюбье Виштаспы на своей сестре Хутаусе, о браке Ахура Мазды со своей дочерью Спзнта Арматн, и т.д. Такие браки были

обычны и в Западном Иране (Камбиз был женат на собственной сестре и др.). Позднейшая зороастрийская традиция лучшей формой брака считает брак между кузенами. Таким образом, у ираноязычных племен и народов очень долго сохранялась эндогамия. С точки зрения правовых отношений внутри рода, **PDF Compressor Free Version** кузенный брак является компромиссом между нормами матриархального и патриархального родов. См. *Herzfeld E. Zoroaster. – Vol.I. – P.119; ср.: Толстов С.П. Древний Хорезм. – М., 1948. – С.317; Он же. По следам древнехорезмийской цивилизации, с.100.*

- ¹¹⁸ По-видимому, остатками поселений именно таких родов являются многочисленные, небольшие по площади (1-1,5 га) городища, изучавшиеся на территории древней Маргианы. Эти поселения, объединяющие несколько многокомнатных домов, не имели ни цитадели, ни сколько-нибудь значительных укреплений.
- ¹¹⁹ Ср. *бэй али* “владыка поселения”, часто упоминаемый в ассирийских источниках применительно к территории доахеменидской Мидии и соответствующий, видимо, авестийскому *вистати* (Дьяконов И.М. История Мидии, с.184; ср.: *Herzfeld E. Zoroaster. – Vol.I. – P.116 и сл.*).
- ¹²⁰ Ср. др.-инд. *врдана* “деревня, деревенская община”, др.-перс. *врдана* “поселение”, тадж. *барзан* “часть селения, квартал”. Ср.: Дьяконов И.М. История Мидии, с.185.
- ¹²¹ В среднеперсидском переводе это слово разъединяется как *хвбййх*, ср. тадж. *хем, хемованд* “родственники”.
- ¹²² *Berenviste E. Les classes sociales dans la tradition avestique // JA. – T.221. – №1. – С.117-134; Humbach H. Die Gathas des Zarathustra, Bd.1. – S.53 и сл.*
- ¹²³ Яена XXXI, 16; XXXII, 10 и др.
- ¹²⁴ Висперед, XVI, 3, ср. Яшт X, 75. В среднеперсидском переводе – ротастан “рустан, сельская волость”.
- ¹²⁵ Яшт X, 15. Ср. осетинское *эзу* “деревня”, *Bailey H.W. Asica. Transactions of the Philological Society, 1946. – P.14.*
- ¹²⁶ *Gershevitch I. The Avestan Hymn, p.176.*
- ¹²⁷ Ср. др.-перс. *дидд*, мидийское *дидд* “стена, крепость, укрепленное поселение”.
- ¹²⁸ Вид II, 33 и сл. С.П.Толстов характеризовал авестийское вара как “городище с жилыми стенами” – огромные площади, обнесенные мощной стеной, внутри которой расположены жилой коридор и пристроенные к нему изнутри ряды помещений; центральная часть городища, незастроенная, предназначалась для общинного скота (Толстов С.П. Древний Хорезм, с.77-82; Он же. По следам древнехорезмийской цивилизации, с.93 и сл.). [В последнее время К.Йеттмар выдвинул иное толкование авестийского *вара*, кажущееся вполне убедительным: это обрядовое сооружение, связанное с культом Йимы; см.: *Jettmar K. Fortified “Ceremonial Centres” of the Indo-Iranians. – Этнические проблемы Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). – М., 1981; Jettmar K. Cultures and Ethnic Groups west of China in the Second and First Millennia B.C. – Asian Perspectives, 24 (2), 1981 (1985). – P.149-150; Йеттмар К. Религия Гиндукуша. – М., 1986. – С.192-193; см. также: Пьянков И.В. Тоголок-21 и пути его исторической интерпретации // ВДИ. – 1985. – №1. – С.180-181. – И.П.]*
- ¹²⁹ Яшт V, 64 IX, 16 и др. Этимологически авест. *āzāta* соответствует латинскому *agnatus*. Позднее *азат* превратилось в наиболее обычное обозначение “знатного, благородного”, противопоставляемого часто “несвободному, рабу”, отсюда *āzāt* – “свободный”, ср. тадж. *озод*.

- ¹³⁰ Яшт X, 1 и др. См.: *Gershevitch I. The Avestan Hymn*, p.158.
- ¹³¹ *гаусура*, Яшт XVII, 8.
- ¹³² *хвантва*, Ясна IX, 4, 5; Яшт V, 25; XVII, 31; XIX, 31, 34; Вид. II, 2 и др.; XIX, 39.
- ¹³³ Ясна XI IV, 18. Допишь в Авесте, как и в Ригведе, ценится в несколько раз дороже быка.
- ¹³⁴ Отсюда согдийское *метан*, сохранившееся в топонимике долины Зеравшана (например, Ур-метан, букв. "широкая обитель, обширное жилие").
- ¹³⁵ Согласно зороастрийской традиции, племя должно насчитывать не менее 30 семей, т.е. состоять минимум из двух родов. Цифра эта, конечно, чисто теоретическая.
- ¹³⁶ Сходным было положение племен и в Западном Иране. Геродот (I, 101) говорит о том, что мидяне делились на шесть, а персы – на десять племен, однако реального значения племена уже не имели. Древнеперсидские надписи не упоминают вовсе племен; в ассирийских источниках деления мидяно-иранцев на племена также нет (*Дьяконов И.М. История Мидии*, с.187).
- ¹³⁷ Вид. II, 21 и сл. См.: *Geiger W. Ostiranische Kultur*, s.437-438.
- ¹³⁸ Яшт X, 65; XIII, 52; Ясна XII, 5.
- ¹³⁹ К титулу *кави* восходит имя легендарной династии Каянидов, основанной, по преданию Каватом (Кай-кубад в "Шахнаме"). Сводку данных см.: *Christensen A. Les Kayanides*. – København, 1931. В позднейшей зороастрийской литературе *кави* часто выступает в значении "герой", ср. также *дирафи-и кавиан* "кавийское знамя" в персидско-таджикской литературе и в эпосе; ср. в Авесте (Ясна X, 14) – штандарт, сделанный из бычьей кожи. В согдийском языке *кави* сохранилось в значении "правитель, царь" (на бухарских монетах), в религиозных текстах также "богатырь, герой, гигант" (*Gershevitch I. The Avestan Hymn*, p.185-186; *Hewning W.B. The book of the Giants // BSOAS*. – Vol.11 (1943). – Pt.1. – P.52-74; ср. *Nyberg H.S. Die Religionen des alten Iran*. – Leipzig, 1938; *Herzfeld E. Zoroaster*. – Vol.I. – P.100).
- ¹⁴⁰ Этот термин (ср. тадж. *шахр* "город") имеет в Авесте очень широкий круг значений: "власть", "имущество", "владение" в самом широком смысле слова, но еще не "царство, держава" как политическое целое (ср. Эрэншахр в сасанидское время).
- ¹⁴¹ *Дьяконов И.М. История Мидии*, с.188.
- ¹⁴² В среднеперсидском языке *дех* (ср. тадж. *дех, деха*) – "небольшая сельская округа, деревня".
- ¹⁴³ В Авесте приведены имена двух владык областей – Вадаган (Вид. XIX, 6) и Ауравасара, враг *кави* Хусрава (Яшт XV, 31).
- ¹⁴⁴ *Nyberg H.S. Die Religionen des alten Iran*, p.57. 304; "састар более значительный владыка, чем дахьюпати", "это, возможно, восточноиранское соответствие для ахеменидского титула *хшайетия хшайетиянам* "цари царей"; *Herzfeld E. Zoroaster*. – Vol.I. – С.132; "састар – военачальник провинции".
- ¹⁴⁵ Яшт XIII, 18 и др.
- ¹⁴⁶ *арьо-шайаньм*.
- ¹⁴⁷ Ишкат – предположительно область по Нижнему Хильменду. *Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran*. Bd.2. – Göttingen, 1905. – S.74; *Gershevitch I. The Avestan Hymn*, p.175). Авестийскую Паруту сравнивают с Паророта, Парарота: у Птолемея (VI, 17, 3) – жителями района Арейн-Харайвы, соответствующего средневековому Гуру (*Marquart J. Untersuchungen*, Bd.2. – S.74, 178), либо с Аларота (Геродот III, 91), жившими в непосредственном соседстве с саттагудами, гандариями и дали-

- ками (дарды?) в областях по нижнему течению Хильменда (*Geiger W. Ostiranische Kultur*, с.9, примеч.1; *Justi F. Geschichte Irans von den ältesten Zeiten bis zum Ausgang der Sasaniden. – Grundriss der iranischen Philologie. Bd.2. – München, 1897. – S.438; Benveniste E. L'Erân-vêz et l'origine légendaire des Iraniens // BSOAS. – Vol.7. – P.269.*) [Об Ишкате см. также: *Пьянков И.В.* Аскатаки, скифы и восточные каспи. Памироведение. – Вып.1. – Душанбе, 1984. – С.110-111. – И.П.]
- ¹⁴⁸ Яшт X, 12-26 [О всем списке стран этого Яшта см.: *Gershevitch I. The Avestan Hymn*, p.170-176; *Дьяконов И.М.* Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса). – История Иранского государства и культуры. – М., 1971. – С.136; *Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland: A Study on the Origins of Mazdeism and Related Problems. – Naples, 1980. – P.84-87. – И.П.]*
- ¹⁴⁹ Яшт X, 87; Ясна XII, 5.
- ¹⁵⁰ *Herzfeld E. Zoroaster. – Vol.1. – P.434, 444.*
- ¹⁵¹ *Gershevitch I. The Avestan Hymn*, p.297 и сл.
- ¹⁵² *Masson В.М.* Проблема древней Бактрии и новый археологический материал // *СА. – 1958. – №2. – С.59 и сл.; Он же.* Древнеземледельческая культура Маргианы // *МИА. – 1959. – №73.*
- ¹⁵³ *Masson В.М.* Древнеземледельческая культура, с.52, 126 и сл. Ср.: *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации, с.101 и сл.
- ¹⁵⁴ *Дьяконов М.М.* Сложение классового общества в Северной Бактрии // *СА. – Т.19. – 1954. – С.121-140.*
- ¹⁵⁵ *Benveniste E. Les classes sociales*, p.117.
- ¹⁵⁶ *Herzfeld E. Zoroaster. – Vol.2. – P.780 и сл.* [Общий обзор археологического материала, соответствующего авестийской эпохе, см.: *Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М.; Л., 1966. – С.179-192; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1977. – С.107-128; Allchin R. and Hammond N. (Ed.) The Archaeology of Afghanistan. From Earliest Times to the Timurid Period. – London, 1978. – P.214-218; Francoist H.-P. Fouilles de Shortughai, p.430-422. – И.П.]*
- ¹⁵⁷ Вероятно, это относится к периоду, когда территориальное разграничение индийцев еще не завершилось и какая-то область была ареной их соприкосновений, чаще всего враждебных. [Время и обстоятельства этого любопытного явления определяются в науке по-разному: согласно одной точке зрения, *дэвы* почитались древнейшими иранцами и были отвергнуты лишь зороастризмом; согласно другой, *дэвы* не признавали уже протоиранцы (в отличие от более ранних индоиранцев и индоариев). Убедительные соображения в пользу второй точки зрения см.: *Burrow T. The Proto-Indoaryans // JIRAS. – 1973. – №2. – P.128 и сл. – И.П.]*
- ¹⁵⁸ [За последние годы вышло в свет немало работ, посвященных Зороастру и зороастризму. В их числе фундаментальный многотомный труд: *Boyce M. A History of Zoroastrianism. – Vol.1-3. – Leiden; Köln, 1975, 1982, 1991* (очередные тома продолжают выходить в свет). Облегченный, популяризированный вариант этого труда (издан в 1979 г.) теперь имеется в русском переводе: *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. – М., 1988. См. также общий очерк истории зороастризма и зороастрийцев: *Дорошенко Е.А.* Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографический очерк). – М., 1982. Историю зороастризма уделяется большое внимание и в общих обзорах древнеиранских религий: *Duchesne-Guillemin J. La religion de l'Iran ancien. – Paris, 1962; Widengren G. Die religionen Irans. – Stuttgart, 1965; Malandra W. An Introduction to Ancient Iranian Religion. – Minneapolis, 1983.* Издан сборник статей, написанных разными авторами в

- разное время, посвященный Зороастру: Zarathustra. *Schlerath hrsg. von B.* – Darmstadt, 1976. Калигальное исследование посвящено проблеме места и времени Зороастра: *Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland: A Study on the Origins of Manichaeism and Related Problems.* – Naples, 1980; См.: *Gnoli G. Avestan Geography.* – *Erg.* – Vol.3. – 1987. – P.44-47. Свою концепцию Зороастра развивает В.А.Абаев в ряде работ: Миф и история в Гатах Зороастра. – Историко-филологические исследования. – М., 1974. – С.310-321; Зороастр и скифы. – *Acta Iranica.* 6. *Hommages et opera minora.* – Teheran-Liege, 1975. – P.1-12; Два зороастризма в Иране // ВДИ. – 1990. – №4. – С.198-207. [Дискуссионно по поводу одного из древнейших в Средней Азии типа храмовых сооружений и его отношения к зороастризм. см. // ВДИ. – 1989. – №1. – С.152-181. – И.П.]
- ¹⁵⁹ Совершенно фантастична этимология древних греков (не забывая до сих пор), связывавшая это имя с греческим “звезда” (в древнеиранском “звезда” звучала *star*, а соответствующая часть имени Заратуштры – *уштра*). По мифу же Анкегиля Дюперрона, Заратуштра значит “золотой Тигр (Сириус)”.
- ¹⁶⁰ Ср. обилие иранских имен с -асна “лошадь”: Виштаспа, Порушаспа (имя отца Заратуштры) и т.д.
- ¹⁶¹ *Bailey H. W. Indo-Iranian Studies.* – *Transactions of the Philological Society.* 1953. – P.40-42.
- ¹⁶² Ср.: *Абаев В.И.* Скифский быт и реформа Зороастра. – *Archiv orientální.* – Vol.24. – 1956. – С.24; *Дьяконов И.М.* История Мидии, с.385.
- ¹⁶³ *Струве В.В.* Родина зороастризма. – СВ. 5. 1948. – С.16 и сл.; *Струве В.В.* Восстание в Маргiane при Дарин I // ВДИ. – 1949. – №2. – С.21 и сл.; *Абаев В.И.* Скифский быт, с.24 (толкование вслед за Беруни); ср. *Дьяконов И.М.* История Мидии, с.48, примеч.4.
- ¹⁶⁴ Ср.: *Henning W. B. Zoroaster,* p.38-39, 41.
- ¹⁶⁵ *Jackson A. W. On the date of Zoroaster // JAOS.* – №17. – P.1-22.
- ¹⁶⁶ Сводку данных см.: *Benveniste E. The Persian Religion According to the Chief Greek Texts.* – Paris, 1929; *Les images dans l'ancien Iran.* – Paris, 1938. – P.22.
- ¹⁶⁷ *Charpentier J. The Date of Zoroaster // BSOAS.* – Vol.3. – Pt.4. – 1925. – P.747-755.
- ¹⁶⁸ *Hertel J. Die Zeit Zoroastres.* – *Indo-Iranische Quellen und Forschungen.* Bd.1. – Leipzig, 1921; *Die Achaemeniden und Kayaniden / Indo-Iranische Quellen und Forschungen.* Bd.5. 1924; *Herzfeld E. Zoroaster.* – Vol.I. – P.1-30.
- ¹⁶⁹ Попытка Ф.Альтхайма прочесть надпись, происходящую из Пули Дарунта (долина р.Кабул), как написанную на авестийском языке, оказалась неудачной. Е.Э.Бертельс же, сделавший ряд серьезных исторических выводов из этой надписи, не учел в полной мере работы В.Б.Хеннига. Последний доказал, что надпись из Пули Дарунта вовсе не иранская, а арамейско-пракритская (арамейский текст дикта Ашоки, III в. до н.э., с пракритскими глоссами). (*Altheim F. Weltgeschichte Asiens im Griechischen Zeitalter.* Bd.1. – Halle, 1947. – S.25-43; *Бертельс Е.Э.* Новые работы по изучению Авесты // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. – Т.3. – 1951. – С.257-271; *Бертельс Е.Э.* История персидско-таджикской литературы. – М., 1960. – С.48-49; *Henning W. B. The Aramaic Inscription of Asoka Found in Lamraka // BSOAS.* – Vol.13. 1949. – P.80-88). Восточноиранский язык, известный ныне по памятникам письмом греческого происхождения, относящимся к I в. н.э. – V-VI вв. н.э., и большинством исследователей называемый “бактрийским”, не обнаруживает ближайших черт родства с авестийским. Немногие сведения, которыми располагает современная наука относительно фиксации авестийских текстов письмом греческого происхождения, не позволяют считать

- эту фиксацию достоверной; все, что известно сейчас о "бактрийском" и авестийском языках, свидетельствует о различных путях в их историко-диалектологическом развитии. Название "бактрийский" – условное; "этеотохарский" (предложенное одним из первых исследователей этого языка) – было бы лучше. "Бактрийский" язык мог быть, конечно, принесен юзджами. Более вероятно, что это язык (или один из языков) оседлых бактрийцев около I в. до н.э. Существенно, что этот язык известен нам в среднеиранском (по времени) обличье, и у него нет изоглоссы, которые были бы показательными для авестийского. По некоторым историко-фонетическим и грамматическим признакам он сближается с парфянским, согдийским и хорезмийским; вероятнее всего, это язык (или, точнее, один из языков) Афганистана – Припамирья – так обстояло дело около I в. до н.э.; что тут было раньше, неясно (имена собственные надписей из Дрангяны, найденные на постниках, ступках и столбах в Персеполе, могли бы быть именами арахосийских мастеров V в. до н.э. – см. об этом // ВДИ. – 1974. – №2. – С.23-25; 1977. – №2. – С.22, примеч.77; но эти имена по историко-фонетическим данным мало чем отличаются от постулируемого древнеиранского, в данном случае постулируемого древнеарахосийского).
- ¹⁷⁰ Christensen A. Le premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniennes. – København, 1943.
- ¹⁷¹ Ср. среднеперс. Бахл, арм. Бахл, инд. Бахлика, новоперс., тадж. Балх.
- ¹⁷² Christensen A. Le premier chapitre du Vendidad, p.8. Ср. сообщение о флагах на храме Навбахар в Балхе, приводимое у арабоязычных авторов – Мас'уди и др. (Justi F. Geschichte Irans, p.403).
- ¹⁷³ Justi F. Geschichte Irans, s.403-404. Детальный анализ средневековой традиции по этому поводу см.: Jackson A.W. Zoroaster the Prophet of Ancient Iran. – New York, 1928, Appendix IV.
- ¹⁷⁴ Эта часть "Шахнаме" написана не Фирдоуси, а Дакики, зороастрийцем, хорошо знавшим циклы преданий, связанных с именем пророка.
- ¹⁷⁵ Критический текст поэмы издан Ф.А.Розенбергом: Le livre de Zoroastre Zorâtushtnâma de Zartusht-i Bahrâm ben Pajdû. Publié et traduit par Frédéric Rosenberg. – St.Petersbourg, 1904; см. также: Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы, с.32 и сл.
- ¹⁷⁶ В Яштах о *кави* Виштаспе говорится, что он приносит молитвы на реках Фраздана и Датья. Последнюю можно идентифицировать с Амударьей (территория Арьязм Вайджам – Хорезм). Фраздану отождествляли с р.Храздан в Армении; пехлевийские тексты (Буздахиши и Бахман-Яшт) помещают Фраздану в Сеистане. В Яште V Виштаспа появляется на берегах озера (морь?) Воурукаша, под которым можно понимать Каспийское или Аральское море. В Яштах XXIII и XXIV Виштаспе желают "достигнуть Ранги" – реки, идентифицируемой с Сырдарьей, Тигром или Волгой (Herzfeld E. Awestische Topographie. – AMI. 2; Justi F. Geschichte Irans, s.402-404; Jackson A.W. Zoroastrian Studies. – New York, 1928. – P.273; Дьяконов И.М. История Мидии, с.380, примеч.1).
- ¹⁷⁷ По словам самого Хареса Митиленского, любовь Зариадра и Одатицы "пользуется известностью у живущих в Азии варваров и ставится очень высоко; сказание о ней изображают на картинах в храмах и дворцах, а также и в частных домах, и многие из владетельных лиц дают своим дочерям имя Одатицы". Полный русский перевод рассказа Хареса см. // ВДИ. – 1947. – №3. – С.252; Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии, с.142-143.

- ¹⁷⁶ Впервые "слияние" обоих Виштаспов в одно лицо отмечается только у Амманана Марцеллина, IV в. н.э.
- ¹⁷⁷ Ср.: *Boyce M. Zariadres and Zarer // BSOAS. – 1955. – Vol.17. – P.463-477.*
- ¹⁷⁸ Ясна XVIII, 11.
- ¹⁷⁹ Ясна XVIII, 11.
- ¹⁸⁰ **RPDF.compressor Free Version**
- ¹⁸¹ *Амэша, алрнта* – "бессмертный"; слово *спэнта* этимологически соответствует русскому "святой". [О содержании и истории формирования зороастрийских представлений об Амэша Спэнта см.: *Narten J. Die Amesha Spentas im Avesta. – Wiesbaden, 1982; Boyce M. Amesha Spenta. – EIr. – Vol.1, 1985. – P.933-936; Домезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. – М., 1986. – С.32-38, 90-111 и др. Об Амэша Спэнта в Средней Азии см.: Греню Ф. Интерпретация декора оссуариев из Бизнаймана и Мнанкала. – Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. – Ташкент, 1987. – С.42-53. – И.П.]*
- ¹⁸² *Аша*, др.-перс. *рта* – сложное понятие, переводимое иногда ("божественный") порядок, но слово "правда", понимаемое в широком смысле, дает более точное соответствие.
- ¹⁸³ Это удачное толкование дал В.И.Абаев (*Абаев В.И. Скифский быт, с.31-33*). Обычные переводы – "благочестие", "скромность", "умеренность".
- ¹⁸⁴ Ясна XVIII, 10.
- ¹⁸⁵ Ср.: *Bailey H.W. Zoroastrian Problems in Ninth-Century Books. – Oxford, 1943. – P.169 и сл.*
- ¹⁸⁶ Например: *Bailey H.W. Zoroastrian Problems, p.172*. Впрочем, он считает, что и сасанидская Авеста была более известна в устной, чем в письменной форме, вследствие чего арабы не причисляли зороастрийцев, подобно евреям и христианам, к *ахл ал-китаб* – "людям писания".
- ¹⁸⁷ Или, по другой этимологии, "предписание, наставление" (*Henning W.B. The Sogdian Texts of – Paris // BSOAS. – 1946. – Vol.11. – P.725*).
- ¹⁸⁸ *Ratu* – один из зороастрийских терминов, означающий "главный, начальник" или "судья". Каждый класс существ (или даже предметов) имеет своего *рату*. Так, для богов – это Ахура Мазда, для людей – Заратуштра и т.д. Кроме того, *рату* означает "измеряющее начало" и применяется, например, к обозначению частей суток, а соответственно и к особым богам, олицетворяющим их.
- ¹⁸⁹ Об истории культа Митры см.: *Campbell L.A. Mithraic Iconography and Ideology. – Leiden, 1968; Mithraic Studies. – Proceedings of the First International Congress of Mithraic Studies. – Vol.1-2. – London, 1975; Etudes mithraïques. – Leiden, 1978*. [Недавние находки в Средней Азии, относящиеся к культу Митры, позволяют по-новому взглянуть и на историю западного митраизма: *Ртвеладзе Э.В. Из недавних открытий Узбекнистанской искусствоведческой экспедиции в Северной Бактрии-Тохаристане // ВДИ. – 1990. – №4. – С.143-145; Устинова Ю.Б. Наскальные латинские и греческая надписи из Кара-Камара // ВДИ. – №4. – С.145-148. – И.П.]*
- ¹⁹⁰ *Анахит* – впоследствии одно из самых популярных божеств, культ которого, как и Митры, далеко перешагнул за пределы Средней Азии и Ирана. [М.Бойс предложена оригинальная трактовка истории сложения образа Анахиты и ее культа: *Boyce M. Anahid. 1. – EIr. – Vol.1, 1985. – P.1003-1005*; там же смотри ссылки на предшествующие работы этого автора и других ученых, касающиеся темы. – И.П.]
- ¹⁹¹ Яшт, VIII, 24.
- ¹⁹² Вид. II, 10.

- ¹⁹⁴ Он тоже перекочевал в мифы других народов (латинизированная форма *Azmodaeus* = авест. *айимод дайюд*).
- ¹⁹⁵ Об отношении зороастризма к платонизму см.: *Duchesne-Guillemin J. The Western Response to Zoroaster.* – Oxford, 1958. – P.70-85.
- ¹⁹⁶ Содержится в “Пахлани ривайат” (см.: *Bailey H.W. Zoroastrian Problems,* p.121).
- ¹⁹⁷ Река, в долине которой помещается легендами Арьянзм Вайтах. Наиболее вероятно отождествление с Амударьей.
- ¹⁹⁸ *Bud.* I, 2-6.
- ¹⁹⁹ Обычно Вайкэрэта ищут в областях Кандагара или Кабула. Сходное топонимическое название отмечено, однако, в документах I в. до н.э. из Нисы, где *Wukrt* – название селения или района поблизости от Нисы.
- ²⁰⁰ Ср.: *Толстов С.П. Древний Хорезм,* с.21 и сл.
- ²⁰¹ Толкование всех названий см.: *Christensen A. Le premier chapitre du Vendidad.* Ср. также: *Дьяконов И.М. История Мидии,* с.54, примеч.2; *Herzfeld E. Zoroaster.* – Vol.2. – P.738-770; [Анализу списка стран, приведенного в Вендидате, посвящена значительная часть работы *Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland;* см. также: *Gnoli G. Avestan Geography; Herzfeld E. The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East. Edited from posthumous papers by Walser G.* – Wiesbaden, 1968. – И.П.]
- ²⁰² Ясна, IX, 6.
- ²⁰³ Ясна, IX, 8.
- ²⁰⁴ О понятии фарра в различных памятниках см., например: *Bailey H.W. Zoroastrian Problems,* p.2-73. [О фарре теперь см. также: *Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарр (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии).* – Душанбе, 1968. – И.П.]
- ²⁰⁵ [О зороастрийской мифологии и космологии, помимо указанной выше литературы по истории зороастризма, см.: *Molé M. Culte, mythe et cosmologie dans l'Iran ancien, Le problème zoroastrien et la tradition mazdéenne.* – Paris, 1963 – И.П.]
- ²⁰⁶ Вид. III, 30-32.
- ²⁰⁷ Ср.-перс. *дахмах* известно именно в значении оссуарий. [О зороастрийских погребальных обрядах в Средней Азии см.: *Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма.* – М., 1971; *Литвинский Б.А., Седов А.В. Тешан-Шах: Культура и связи кушанской Бактрии.* – М., 1983; *Литвинский Б.А., Седов А.В. Культура и ритуалы кушанской Бактрии: Погребальный обряд.* – М., 1984. – И.П.]
- ²⁰⁸ Определение понятия “авестийский народ” и территории этого народа см.: *Voysse M. Avestian People.* – *EIr.* 1987. – Vol.3. Fasc.1. – P.62; *Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса),* с.131-132; *Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland: A Study on the Origins of Mazdaism and Related Problems.* – Naples, 1980. – P.130-131; *Gnoli G. Avestan Geography.* – *EIr.* 1987. – Vol.3. Fasc.1. – P.46-47; *СНЛ.* – Vol.III, 1. – P.438-440.
- ²⁰⁹ Поскольку теперь об этом этносе можно судить не только по данным Авесты; см.: *Пьянков И.В. Некоторые вопросы этнической предистории таджикского народа. – Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана.* – М., 1988. – С.102-103.
- ²¹⁰ Историю вопроса см.: *ИТН.* – Т.1. – С.151. Более поздние обзоры см.: *Гафуров Б.Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история.* – М., 1972. – С.50-52, 58-59; *Фрай Р. Наследие Ирана.* – М., 1972. – С.54-65; *Пьянков И.В.*

- Хорасмии Гекатера Милетского // ВДИ. – 1972. – №2. – С.16-18; Хлопин И.Н. Историческая география южных областей Средней Азии (Античность и раннее средневековье). – Ашхабад, 1983. – С.52-55; Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland, p.91, 97-99; Frye R.N. The History of Ancient Iran. – München, 1983. – P.61, 79-80. К сторонникам этой концепции нередко причисляют и автора данного раздела, см.: Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland, p.95; Хлопин И.Н. Историческая география, с.55. Однако должен заметить, что я никогда не принимал теорию “Большого Хорезма” в ее законченном виде, сформулированном В.Хеннингом и И.Гершевичем, см.: Пьянков И.В. Ктесий о Зороастре // МКТ. 1968. – Вып.1. – С.64; Пьянков И.В. Хорасмии, с.17, примеч.124.
- 211 Изложение концепции см.: ИТН. – Т.1. – С.151-154, 509-510. Более поздние варианты ее: Гафуров Б.Г. Таджики, с.58-59; Boyce M. A History of Zoroastrianism. – Vol.1. – Leiden; Köln, 1975. – P.275. Критическое рассмотрение см.: Altheim F. und Stiehl R. Geschichte Mittelasiens im Altertum. – Berlin, 1970. – S.173; Altheim F. und Stiehl R. Supplementum aramaischen aus Iran. Baden-Baden, 1957. – S.21-22; и особенно подробно: Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland, p.91, 95-100. Критикует эту концепцию и И.Н.Хлопин (Историческая география, с.55-57), но аргументация его вызывает лишь недоумение. См. также мнения о древнем Хорезмийском царстве: Воробьева М.Г. Проблема “Большого Хорезма” и археологии. – Этнография и археология Средней Азии. – М., 1979. – С.40-41; Толстова Л.С. Исторические предания Южного Приаралья: К истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона. – М., 1984. – С.172-182; CHI – Vol.2. – P.131.
- 212 Геродот, III, 117.
- 213 Обычно считается, что первым использовал эту легенду для создания гипотезы о древнем Хорезмийском царстве И.Маркварт (*Marquart J. Wehrot und Arang: Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran.* – Leiden, 1938. – S.9-10), но то же делал еще и М.Кисслинг (*Kiesling M. Hyrkania.* – RE. Hlbd. 17. 1914. – col.470).
- 214 Упоминается в текстах авестийских и среднеперсидских зороастрийских, а также в парфянских и согдийских манихейских (см.: Gnoli G. Avestan Geography, p.47).
- 215 И в данном случае обычно ссылаются на И.Маркварта как на первого: *Marquart J. Eränšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaç'i.* – Berlin, 1901. – S.155; историко-этнографическая идентификация см.: Гафуров Б.Г. Таджики, с.50, 59; Frye R.N. The History of Ancient Iran, p.61; Gnoli G. Avestan Geography, p.47.
- 216 Hinz W. Zarathustra. – Stuttgart, 1961. – S.27. Идентичность “Большого Хорезма” (с центром в области Герата и Мерва), полностью или частично совпадающего со страной Арьянзм Вайчах, с царством Виштаспы, предполагает и концепция “Большого Хорезма” в том ее виде, какой она приобрела у В.Хеннинга и И.Гершевича: *Henning W.B. Zoroaster, Political or With-doctor?* – London; Oxford, 1951. – P.42-43; *Gershevitch I. The Avestan Hymn to Mithra.* – Cambridge, 1959. – P.14.
- 217 Дьяконов И.М. Восточный Иран, с.137-144; История древнего мира: расцвет древних обществ. 3-е изд. – М., 1989. – С.397-398; CHI. 2. – P.131. Сам автор недоумевает, почему объединение, выступающее в авестийской традиции, считалось якобы хорезмийским (Дьяконов И.М. Восточный Иран, с.138). Но в действительности (а не в конструкциях современных ученых) оно таковым никогда и не считалось. Что касается взгляда на древнейших хорасмиев как

- на представителей кочевого мира, то он широко распространен и независимо от теории "Большого Хорезма", связывающей хорасмиев с царством *кави* Вишпасты. Эти хорасмины считались то гегемоном массагетского союза племен (Толстов С.П. Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. – С.344; Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М.; Л., 1948; – С.103-104; Очерки истории СССР: Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР. – М., 1956. – С.245; История Узбекской ССР. – Ташкент, 1967. – Т.1. – С.69), то, во всяком случае, завоевателями действовавшими в контакте с массагетами и саками (Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. – М.; Л., 1959. – С.127-134). Автор этого раздела тоже предполагал когда-то видеть хорасмиев в тех племенах туров (массагетов), которые под предводительством Арчатасты воссали с *кави* Вишпастой (ВДИ. – 1963. – №1. – С.175). Но вся совокупность данных, которыми мы располагаем, никак не позволяет считать хорасмиев кочевниками. Причисление их к массагетам (Страбон, XI, 8, 8) связано с поздними событиями их истории, имевшими место после переселения на север, в Хорезмский оазис (см.: Пьянков И.В. Массагеты Геродота // ВДИ. – 1975. – №2. – С.56, 69-70; Пьянков И.В. Хорезм в античной письменной традиции. – Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре. – Душанбе, 1983. – С.50-51.
- ²¹⁸ См.: Пьянков И.В. Хорезм, с.45-47, 39-40 и указанную там литературу. См. также: Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland, p.110.
- ²¹⁹ Пьянков И.В. Хорезм, с.47, 49.
- ²²⁰ Попыток объяснить список "народов Акеса" именно как таковой с помощью современной географической карты было предпринято множество, но ни одна из них не может быть признана убедительной. Один из последних обзоров вопроса см.: Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland, p.97. Попытки объяснить список см.: Vainberg Б.И. Памятники кузюсайской культуры. – Кочевники на границах Хорезма. – М., 1979. – С.50-51; Хлопкин И.Н. Историческая география, с.32-44. В последней из этих работ стремление во что бы то ни стало прямо перенести данные легенды об Акесе на современную карту привело к грубому искажению исторической географии древних Средней Азии и Восточного Ирана. Вывод неизбежен: Акес вообще не имеет прямого соответствия в реальности, см.: Пьянков И.В. Хорезм, с.46 и указанную там литературу; см. также: Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland, p.99, 239.
- ²²¹ Пьянков И.В. Хорезм, с.47.
- ²²² Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland, p.84, 88-89; Gnoli G. Avestan Geography, p.47; Humbach H. About Gopatsah His Country and the Khwarezmian Hypothesis, Papers in Honour of Prof. Boyce M. 1. – Leiden, 1985. – P.327-334.
- ²²³ Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации, с.103.
- ²²⁴ Массон В.М. Древнеземледельческая культура, с.126-127.
- ²²⁵ Все эти сообщения собраны и проанализированы в работе: Пьянков И.В. Хорасмины, с.3-9.
- ²²⁶ Пьянков И.В. Хорасмины, с.10; Он же. Хорезм, с.43, 45. Историю интерпретации данных сообщений см.: Пьянков И.В. Хорасмины, с.16-17. Давно предпринимавшиеся попытки доказать, что данные Гекатея вполне приложимы и к Хорезмийскому оазису, с прилегающими к нему местностями, повторяются вновь и вновь, см.: Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland, p.102, 107; Хлопкин И.Н. Историческая география, с.41, 55, но они выглядят очень натянуто.

- 227 Геродот, VII, 66. См. об этом: *Пьяков И.В.* Хорезм, с.39, 49.
- 228 Речь идет именно о переселении земледельческого населения и освоении им новых земель, а не о перемещении центра Хорасмийского объединения с юга (из областей Герата и Мерва) на север (в Хорезмийский оазис), как предполагалось в работе "Хорезм", см. по этому поводу: *Пьяков И.В.* Хорезм, с.42-45. Историю вопроса см.: *Пьяков И.В.* Хорасми, с.17; *Gnoli G.* Zoroaster's Time and Homeland, p.102-105. Авторы некоторых работ во многих случаях склоняются именно к такому решению вопроса, хотя сам акт переселения представляют себе не всегда одинаково: *Вайнберг Б.И.* Памятники, с.49-52; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985. – С.317-318; *Толстова Л.С.* Исторические предания, с.49-54, 172; СНИ. – Vol.2. – P.252, примеч.1; Хотя Г.Ньюли и считает, что хорасми в ахеменидское время уже обитали в Хорезмийском оазисе, он не исключает возможности, что в начале этой эпохи еще имело место их передвижение с юга в низовья Амуударьи: *Gnoli G.* Zoroaster's Time and Homeland, p.105-108. Отрицают возможность переселения: *Дьяконов И.М.* Восточный Иран, с.142-143; *Воробьева М.Г.* Проблема, с.38; *Хлопик И.Н.* Историческая география, с.54-55. И.М.Дьяконов теперь считает, что хотя хорасми и не переселялись, но военные колонисты у них селились и передали им свою культуру: СНИ. – Vol.2. – P.129, п.2. Определение времени переселения зависит от того, как локализовать Хорезм ахеменидских надписей и Михр-Яшта, ср.: *Gnoli G.* Zoroaster's Time and Homeland, p.103, 105-107, 110, 240 и *Altheim F. und Stiehl R.* Geschichte Mittelasiens, p.187.
- 229 Давно уже признано, что "архаическая" культура Хорезма родственна южным земледельческим культурам круга Яз (*Массон В.М.* Древнеземледельческая культура, с.52-54, 62; *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. – С.108) и что появление ее в Хорезме (по-видимому, в период Яз III, т.е. в собственно ахеменидский период) отмечает приход нового населения с древними земледельческими традициями, новыми для Хорезма (Древнейшие государства, с.318). Теперь есть возможность проследить на археологическом материале переселение хорасмиев в Хорезмский оазис из долины Теджена и прилегающего участка подгорной полосы Копетдага (*Пилипко В.Н.* Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана: Автореф. дисс... докт. ист. наук. – М., 1989. – С.24), т.е. из тех мест, где локализируются хорасми раннеахеменидского времени.
- 230 Эти предания собраны и прокомментированы в работе: *Толстова Л.С.* Исторические предания, с.82-84. И в них речь идет о принесении земледельческой культуры предками хорезмийцев, см.: *Пьяков И.В.* Хорезм, с.45.
- 231 Такого мнения придерживались, например, В.Томашек, В.Гейгер, И.Прашек: *Tomaschek W.* Centralasiatische Studien. I. Sogdiana. – Wien, 1977. – P.5; *Geiger W.* Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882. – S.66-67; *Prašek J.* Geschichte der Meder und Perser bis zur makedonische Eroberung. Bd.1. Gotha, 1906. – S.50-54.
- 232 Такое сочетание, по словам Г.Ньюли (*Gnoli G.* Zoroaster's Time and Homeland, p.95), признания реальности Бактрийского царства в связи с "Хорезмийской гипотезой" можно наблюдать в трудах многих ученых, например, у И.М.Дьяконова, В.М.Массона, Б.Г.Гафурова, Р.Фрая: *Дьяконов М.М.* Сложение классового общества в Северной Бактрии // СА. – 1954. – Т.19. – С.138; *Дьяконов М.М.* Очерк истории древнего Ирана. – М., 1961. – С.64, 75, 77, 366; *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура, с.130-135; *Массон*

- В.М. и Ромодин В.А. История Афганистана. – М., 1964. – Т.1. – С.48-50; Гафуров Б.Г. Таджики, с.59-60; Фрай Р. Наследие Ирана, с.64-65; см. также: CHI. – Vol.2. – P.130.
- 233 Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland, p.92-93.
- 234 Общих очерк истории персидских династий см.: Christensen A. Les Kayanides. København, 1931. – P.31-34. Списки этих правителей по данным авестийской и пехлевидской традиции и позднего иранского эпоса см. например: Christensen A. Les Kayanides, p.18, 69-70, 107, 117-118; Фрай Р. Наследие Ирана, с.62-63; CHI. – Vol.III, 1. – P.437, 444.
- 235 В.Хинц считает, что держава древних *кави* возникла около 800 г. до н.э.: Hinz W. Zarathustra, p.27. И.М.Дьяконов датирует всю эту эпоху IX-VII вв. до н.э.: Дьяконов И.М. Восточный Иран, с.144; История древнего мира, с.37.
- 236 Boyce M. A History. – Vol.1. – P.105.
- 237 Чихрад-наск? См.: Kellens J. Avesta. – EIr. – Vol.3. Fasc.1, 1989. – P.37.
- 238 CHI. – Vol.3, 1. – P.412-416.
- 239 Christensen A. Les Kayanides, p.27 и сл.; CHI. – Vol.3, 1. – P.461. К области индоиранской мифологии целиком относит ранних *кави* И.Келленс: Kellens J. L'Avesta comme source historique: la liste des Kayanides'. Studies in the Sources on the History of pre-Islamic Central Asia. – Budapest, 1979. – P.51; см. по этому поводу: Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland, p.233-234.
- 240 CHI. – Vol.3, 1. – P.436-438.
- 241 CHI. – Vol.3, 1. – P.443-445, 451-452. О том, что образы Усама и Ушанаса явно связаны друг с другом см., например: Kellens J. L'Avesta, p.42-44; Mayrhofer M. Die altiranischen Namen. Fasc.1. – Wien, 1977. – S.85. Но связь эта обусловлена именно контактами "авестийцев" с индийцами. См.: Christensen A. Les Kayanides, p.28 и пр.2. На индийские соответствия образам иранских *кави* повлияли, видимо, некоторые циклы мифов, сопровождающие этих последних.
- 242 Яшт XIX, 66.
- 243 Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland, p.131-134.
- 244 О Каяидах, правящих в Систане вплоть до прошлого века и считавшихся прямыми потомками древних *кави* см.: Ханыков Н. Экспедиция в Хорасан. – М., 1973. – С.143. О селении в Систане, считавшемся по преданию столицей древних *кави*, см.: Бартольд В.В. Сочинения. – Т.7. – М., 1971. – С.90. См. также: Altheim F. und Stiehl R. Geschichte Mittelasiens, s.611.
- 245 Ghirshman R. Fouilles de Nad-i Ali dans le Seistan Afghan. – Revue des arts asiatiques. – 1939. – Vol.13. – №1. – P.20.
- 246 Дьяконов И.М. Восточный Иран, с.138.
- 247 Бундахшиш, XXXV, 28. В Шахнаме появление Кей-Кобада (*кави* Каваты) описано несколько иначе: Фирдоуси. Шахнаме. – М., 1957. – Т.1. – С.327-334.
- 248 Флиттнер Н.Д. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. – М.: Л., 1958. – С.133. См. по поводу этого сюжета с учетом иранского материала: Schubert R. Herodots Darstellung der Kyrossage. – Breslau, 1890. – S.38, 44.
- 249 Фирдоуси. Шахнаме. – М., 1965. – Т.3. – С.499-539.
- 250 Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. – М., 1983. – С.56-61.
- 251 Яшт V, 45-46, 49-50.
- 252 Относительно перевода этой формулы см.: Le Zend-Avesta. Trad. nouv. avec comment. hist. et phil. par J.Darmesteter. – Vol.2. – Paris, 1960. – P.379, n.58; Herzfeld E. Zoroaster and His World. – Princeton, 1974. – P.445.

- ²⁵³ *Фирдоуси*. Шахнаме. – Т.1. – С.434. Названия стран здесь приведены, конечно, в поздней форме.
- ²⁵⁴ Таково, в общем, мнение большинства современных ученых. Точка зрения Г.Ньюли на этот вопрос мне кажется непримемлемой, см.: *Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland*, p.110-111, 117-120.
- ²⁵⁵ Историю вопроса см.: *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источники по истории Средней Азии. – М., 1964. – С.165-179; *Андрианов Б.В.* Древние оросительные системы Приаралья. – М., 1969. – С.185-187; *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Ташкент, 1982. – С.107-108. Преобладающее в последнее время мнение относительно местонахождения Канга: низовья Сырдарьи.
- ²⁵⁶ *Толстов С.П.* По древним дельтам, с.78-79.
- ²⁵⁷ *CHI*. – Vol.III, 1. – P.442; *Yarshater E.* Afrasiab. – *EIr*. – Vol.I. Fasc.6. 1984. – P.571-572.
- ²⁵⁸ *Marquart J.* Wehrot und Arang, p.16-17.
- ²⁵⁹ *Яшт XIX*, 93. Но известно сказание и о тщетных попытках Франграсьяна овладеть фарном: *Яшт V*, 41-43, *XIX*, 56-64.
- ²⁶⁰ *Шахристанихайи-Эраншахр*, 35-37.
- ²⁶¹ *Бундахшис*, *XX*, 34; *Дадастанидениг*, *XX*, 3.
- ²⁶² Слово *dyag* не всегда переводится как “замок”, но иногда и как “проход, теснина”. На возвышенности Тагискен, круто поднимающейся над руслом Инкардарьи. – где, как уже говорилось, можно локализовать область Кангу, и где, возможно, находилась столица Франграсьяна (см. ниже). – обнаружены современные ему строения из сырцового кирпича, характерного для южных земледельческих областей: *Толстов С.П.* По древним дельтам, с.81, 86. Применение здесь сырцового кирпича – “беспрецедентный факт для северных регионов Средней Азии этого времени” (*Иттича М.А.* Взаимодействие земледельческих цивилизаций Средней Азии с их “варварской” периферией в эпоху бронзы. – *Древние цивилизации Востока*. – Ташкент, 1986. – С.134).
- ²⁶³ *Яшт V*, 54, 57.
- ²⁶⁴ В Шахнаме это разные пункты; о соотношении их между собой и с Кангом по данным эпоса см.: *Фирдоуси*. Шахнаме. – Т.3. – С.571. В основе этих данных лежат вполне реальные указания: город находился на горе, за рекой, среди пустыни и недалеко от моря (*Фирдоуси*. Шахнаме. – Т.2. – М., 1960. – С.199, 201, 202, 588); но истолкованы они в эпосе произвольно, и в результате получена совершенно сказочная локализация. Интересно проследить, как была получена локализация, например, *Сивашгерда*; в Шахнаме имеются точные указания на его местонахождение: *Сивашгерд* расположен недалеко от Хотана, к востоку от него (*Фирдоуси*. Шахнаме. – Т.2. – С.221, 288-290; – Т.3. – С.471-473). Откуда эти данные? А дело в том, что, судя по ряду моментов (которые мы здесь приводить не будем), родовые предания владельцев домов Средней Азии и, в частности, Согда, ведущих свое происхождение от владельцев Канга, к исходу древности контаминировались с родословными народа юэжи (тохаров), пришедшего из областей Центральной Азии, расположенных к востоку от Хотана. Эту контаминацию засвидетельствовали уже югтайские хронисты *Су-шу* и *Тан-шу*: они говорят о городе Шао-ву (*Сивашу*), находившемся там, откуда пришли юэжи (*Томашек В.* *Centralasiatische Studien*, I. – S.72-73; см. также *Смирнова О.И.* *Очерки из истории Согда*, с.24-38; *Вайнберг Б.И.* *Монеты древнего Хорезма*. – М., 1977. – С.73-77, 95; ср. сообщение Сюань-Цзана о прародиве народа тухоло (тохаров) к востоку от Хотана (*Marquart J.* *Erkenntnis*, p.207).

- ²⁶⁵ История Сьяваршана не изложена в Авесте полностью, но судя по намекам на нее, разбросанным в тексте Авесты, составители последней знали о ней, см.: *Bouse M. A History.* – Vol.1. – P.106. Ср. *Фирдоуси. Шахнаме.* – Т.2. – С.97-340.
- ²⁶⁶ СНП. Vol.3. 1. – P.449-451; см. там же историю вопроса. О траурных культах в Средней Азии помимо культа Сиавуша см. также: *Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма.* – М., 1969. – С.206-207, 258, 287-289.
- ²⁶⁷ Яшт V, 52-59. Ср.: *Фирдоуси. Шахнаме.* – Т.2. – С.381-558.
- ²⁶⁸ *Фирдоуси. Шахнаме.* – Т.3. – С.402, 425-426; ср. – Т.2. – С.296 (дублирующий вариант).
- ²⁶⁹ Яшт IX, 17-19; XVII, 37-39; Ясна XI, 7. Ср.: *Фирдоуси. Шахнаме.* – Т.3. – С.479-489. В Шахнаме бог Хаума превращен в святого отшельника Хума. Не является ли весь этот пассаж жреческой обработкой сюжета, очень распространенного применительно к кочевникам Средней Азии и в древности, и в средние века: воины-кочевники, обманным путем одурманенные опьяняющими напитками, попадают в плен к врагу? Так, массагетский царевич Спарганис попал в плен к персам во времена Кира и был закован в цепи (Геродот, I, 211-213).
- ²⁷⁰ Яшт IX, 21-23; XVII, 41-43; XIX, 77. Ср.: *Фирдоуси. Шахнаме.* – Т.3. – С.487-489.
- ²⁷¹ *Дьяконов И.М. Восточный Иран, с.144; Gershevitch I. An Iranist's View of the Soma Controversy.* – Memorial Jean de Menasce. – Louvain, 1974. – P.55, 72.
- ²⁷² Найденные археологами следы пожара в Тагискене толкуют по-разному: или как следы ритуального сожжения, или как свидетельство пожара, последовавшего за разграблением; см. соображения в пользу последнего толкования: *Грязнов М.П. Восточное Приаралье.* – Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М.; Л., 1966. – С.234-236.
- ²⁷³ Слово "gazuga" обычно переводится как "лес". Но еще В.Гейгер указывал на другое значение этого слова: "пустыня, глушь, безлюдные места"; *Geiger W. Ostiranische Kultur, s.134, пр.7.*
- ²⁷⁴ Яшт XV, 31-33. Пространное толкование этого эпизода см. в работе: *Gershevitch I. An Iranist's View, p.60-66; ср.: Le Zend-Avesta.* – Vol.2. – P.586-587. Толкование этого довольно гипотетично. Мне кажется, борьбу с Арвасарой не обязательно связывать ни с колесничными ристалищами, ни с борьбой с турами.
- ²⁷⁵ Ср.: *Geiger W. Ostiranische Kultur, s.135-136.* Ф.Юсти локализует "Белый лес" в Кухистане к востоку от Большой Соляной пустыни: *Justi F. Iranisches Namensbuch.* – Marburg, 1895. – S.42. И.Гершевич считает, что здесь имеются в виду березовые леса (!): *Gershevitch I. An Iranist's View, p.52, 61, 73.* Но есть ли где-нибудь на территории Средней Азии или Ирана большие массивы березовых лесов? В незначительных количествах береза в Средней Азии произрастает лишь в горах. И почему колесничные ристалища устраивались именно в лесах (да еще березовых?).
- ²⁷⁶ Херцфельд, исходя из своей общей концепции, считает Арвасару одним из мидийских великих царей (*Herzfeld E. The Persian Empire.* – Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East. – Wiesbaden, 1968. – P.17). А.Кристенсен отождествляет его с Франграсьяном (*Christensen A. Les Kayanides, p.21*). И.Гершевич видит в нем Агрерату, одного из братьев Франграсьяна (*Gershevitch I. An Iranist's View, p.61, 65*).
- ²⁷⁷ *Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland, p.45-47.*

- 278 *Burrow T.* The Proto-Indoaryans // *JRAS.* – 1973. – №2. – P.134-136.
- 279 *Monchi-zadeh D.* Topographisch-historische Studien zum iranischen Nationalepos. – Wiesbaden, 1975. – S.48-79.
- 280 *Фирдоуси.* Шахнаме. – Т.1. – С.351-407.
- 281 Махабхарата // *Восточный вестник*. М.; Л., 1962. – С.54-59.
- 282 Например: Махабхарата. Кн.2. – С.111-112.
- 283 *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. – М., 1985. – С.159; *Григорьев П.А.* Древнеиндийский эпос: Генезис и типология. – М., 1974. – С.161.
- 284 *Лал Б.Б.* Культура серой расписной керамики. – Древние культуры Средней Азии и Индии. – Л., 1984. – С.124.
- 285 *Monchi-zadeh D.* Topographisch-historische Studien, s.62 и сл., 142 и сл.
- 286 *Фирдоуси.* Шахнаме. – Т.1. – С.362-364.
- 287 Вишгасп-саст-наск.
- 288 Например, в Денкарте, Ядгари-Зарериан, Зардуштнаме.
- 289 *СНЛ*. – Vol.3, 1. – P.438. В прошлом обосновывались и такие теории, согласно которым образ Вишгаспы – создание поздних легенд; см. например: *Бартольд В.В.* К истории персидского эпоса. – Сочинения. – Т.7. – С.385-391. И.Колленс считает, что реальный Вишгаспа – только жрец, а не царь: *Kellenz J.* Avesta, p.46-47.
- 290 *Hertel J.* Achämeniden und Kayaniden. – Leipzig, 1924. – S.74 и сл.; *Hertzfeld E.E.* Zoroaster, p.67 и сл.; *Бертельс Е.Э.* Новые работы по изучению Авесты // Ученые записки ИВ АН СССР. – Т.3, 1951. – С.260-262; *Струве В.В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. – Л., 1968. – С.33 и сл., с.135; ср.: *Дьяконов И.М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. – М.; Л., 1956. – С.48, примеч.4. – С.231, примеч.4.
- 291 *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия, с.194.
- 292 Обзор их в связи с данным вопросом см., например: *ИТН*. – Т.1. – С.154-157, 510-511; *Массон В.М.* и Ромодин В.А. История Афганистана. – Т.1. – С.48-50; *Ставиский Б.Я.* Кушанская Бактрия: Проблемы истории и культуры. – М., 1977. – С.5-7.
- 293 См.: *Пьянков И.В.* Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. – Душанбе, 1975. – С.42-81, 116-122, 142-185; *Пьянков И.В.* Ктесий о Зороастре, с.55-68. См. также работы на эту тему: *Eilers W.* Semiramis. – Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. – Wien, 1971, 274. – S.12-13; *Borzsák I.* Semiramis in Zentralasien. – Studies in the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. – Budapest, 1979. – P.55-56.
- 294 Геродот, I7 153.
- 295 *СНЛ*. – Vol.3, 1. – P.435, 460-461, 465-466; *Mayrhofer M.* Die altiranischen Namen, Fasc.1. – P.63.
- 296 *СНЛ*. – Vol.3, 1. – P.466; *Justi F.* Iranisches Namensbuch, p.226-227, 372.
- 297 *СНЛ*. – Vol.3, 1. – P.438; *GIRH*, 2. – S.410.
- 298 Обзор источников см.: *Jackson A.V.W.* Zoroaster, the Prophet of Ancient Iran. – New York, 1899. – P.57-60, 208-209, 218; *ИТН*. – Т.1. – С.170-172.
- 299 *Jackson A.V.W.* Zoroaster, p.64, 209.
- 300 Обзор литературы см.: *Гафуров Б.Г.* Таджикики, с.50, 52, 59; *Frye R.N.* The History, p.61; *СНЛ*. – Vol.3, 1. – P.352; *Gnoli G.* Avestan Geography, p.47.
- 301 Критический обзор этой гипотезы см., например: *Gnoli G.* Zoroaster's Time and Homeland, p.84, 88-89, 94-95; *СНЛ*. – Vol.3, 1. – P.438-440.
- 302 См., например: *Фрай Р.* Наследие Ирана, с.65-66; *Hinz W.* Zarathustra, p.25-28; *Zölzer F.* Leben und Lehre Zarathustras nach den Gathas. – Würzburg, 1979. – S.8.

- 303 Пьянков И.В. К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию // Переднеазиатский сборник. 3. – М., 1979. – С.203; *Он же*. Река Ох и Арьяна Вайджа. – Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. – М., 1988. – С.198-207.
- 304 Страна эта располагалась по верхнему течению реки Вахви-Датъя (Амударья): южнее ее простиралась до моря страна тура Гопатшаха (см.: Пьянков И.В. К вопросу о путях, с.203). Видеть в этой последней Согдиану нет никаких оснований (см.: Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland, p.121-127; Humbach H. About Gōpatšāh, p.327-334).
- 305 Родина Заратуштры тоже находилась в стране Арьянам-Вайчах, но для того чтобы попасть в царство *кави* Виштаспы, Заратуштре потребовалось переправиться через реку Вахви-датъя (см.: Jackson A.V.W. Zoroaster, p.56-59; Дьяконов И.М. История Мидии, с.380).
- 306 CHI – Vol.3, 1. – P.466.
- 307 GIPH. – Vol.2. – S.403.
- 308 В “Шахнаме” действуют два персонажа под таким именем: брат Новзера и сын Туса. Упоминаются и потомки Зераспа (Фирдоуси. Шахнаме. Т.3. – С.354).
- 309 Об имени Зариасп – Зарасп см.: Justi F. Iranisches Namensbuch, p.381-382. Интересно, что Зарасп на страницах поэмы Фирдоуси встречается с Тохаром подобно тому, как на карте Бактрии в “Географии” Птолемея (IV, II, 6) зариаспы встречаются с тохарами. Символически выглядит сцена в “Шахнаме” (Т.2. – С.399-400), где Зарасп гибнет от руки туранца, направленной Тохаром.
- 310 Зариаспы – видимо, этническое имя бактрийцев.
- 311 Gardin J.-C. Ceramiques de Bactres // MDAFA. – Vol.15. – Paris, 1957.
- 312 Судя по керамике типа Яз II-III: Массон В.М. Древнеземледельческая культура, с.58.
- 313 Историко вопросу см.: ИТН. – Т.1. – С.169-170; Гафуров Б.Г. Таджики, с.49-52; Дандамаев И.А., Луконин В.Г. Культура и экономика Древнего Ирана. – М., 1980. – С.307-308; Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland, p.10-11, 159-163; Frye R.N. The History, p.57-58; Грантовский Э.А. Последействие. – Боисс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. – М., 1988. – С.288-289.
- 314 Обзор источников см.: Jackson A.V.W. Zoroaster, p.157-165. Формула “за 258 лет до Александра”, несомненно, является лишь производным вариантом ее, см.: Дьяконов И.М. История Мидии, с.390-391; Дьяконов И.М. Восточный Иран, с.139-141; Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland, p.167.
- 315 Указанная цифра была получена в результате счета времени по поколениям: 300 лет – 10 поколений. Счет времени по поколениям до сих пор распространен в Средней Азии и как раз в пределах двухсот-трехсот лет оказывается точным, см.: Толстова Л.С. Исторические предания, с.23.
- 316 Jackson A.V.W. Zoroaster, p.180-181; GIPH. Bd.2. – S.622-625; ср.: CHI. – Vol.2. – P.416.
- 317 Jackson A.V.W. Zoroaster, p.179. Согласно традиции, это даты правления самого Виштаспы. Но здесь явно имеет место совмещение Виштаспы с его династией, см.: GIPH. Bd.2. – P.692.
- 318 Яшт XIII, 99-100.
- 319 Изложение событий см.: Jackson A.V.W. Zoroaster, p.102-123.
- 320 Высказывались предположения и о том, что описание относится к предшествующим *кави*-завоевателям: *кави* Усану (Christensen A. Les Kayanides, p.30) или *кави* Хаусраве (Пьянков И.В. Сведения Ктесия о владениях Барди на востоке

Ирана // ВДИ. – 1961. – №4. – С.99; Дьяконов И.М. Восточный Иран, с.144). Но с такими предположениями трудно согласиться, если учесть, как представляется себе автор указанного описания состав и центр "страны арьев" (см. ниже). Для датировки этого текста важно также то, что в одном с ним Яште (X, 127) Авесты сохранились древнейшие упоминания Отия Атур-Хварра (Атур-Фарига), истории которого связаны с деятельностью Виштаспа.

- 321 Яшт X, 13-14.
- 322 Правда, если следовать переводу И.Гершевича, то стран получается всего четыре (*Gershevitch I. The Avestan Hymn to Mithra. – Cambridge, 1959. – P.81*). Но такой перевод не согласуется с контекстом перечня и с другим списком стран в Авесте (Видевлад, I).
- 323 Пьянков И.В. Сведения Ктесия, с.99; Пьянков И.В. Хорасмии, с.14-15); ст. также: Пьянков И.В. Аскатаки-скифы и восточные каппи // Памироведение. – Вып.1. – Душанбе, 1984. – С.110-111.
- 324 Дьяконов И.М. Восточный Иран, с.136; Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland, p.89, 110.
- 325 Masson В.М. Древнеземледельческая культура, с.62-65, 132; Дьяконов И.М. Восточный Иран, с.135, 145, 151; СНЛ. – Vol.2. – P.130; Ртвеладзе Э.В. Древняя Бактрия – средневековый Тохаристан. Динамика историко-культурного развития. Автореф. дисс... докт. ист. наук. – М., 1988. – С.26; ср.: Gardin J.-C. et Gentelle P. L'Exploitation du sol en Bactriane antique // BEFEO. – T.66. – Paris, 1979. – P.17.
- 326 Арчатаспа уже в Авесте был определен как "хьяуна", т.е. "хионит". О возникающей в связи с этим проблеме см.: Дьяконов И.М. Восточный Иран, с.144; Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland, p.119-120.
- 327 Яшт V, 116.
- 328 Яшт V, 112; IX, 29; XVII, 49. Ср.: Фирдоуси. Шахнаме. – Т.4. – М., 1969. – С.69-113.
- 329 Так согласно Ядгари-Зареран.
- 330 Яшт V, 108. Ср.: Фирдоуси. Шахнаме. Т.4. – С.122-132. Упоминание о Виштаспе в "Чудесах Систана" относится к этому же эпизоду.
- 331 Фирдоуси. Шахнаме. – Т.4. – С.127-208.
- 332 Jackson A.V.W. Zoroaster, p.106, 119, 181.
- 333 Шахристианихайи-Эраншахр, 7-9.
- 334 Jackson A.V.W. Zoroastrian Studies. The Iranian Religion and Various Monographs. – New York, 1928. – P.272-273.
- 335 Бартольд В.В. Сочинения. – М., 1963. – Т.1. – С.132.
- 336 Воробьева М.Г. Проблема, с.40-41; Древнейшие государства, с.245; Пыляк В.Н. Поселения Северо-Западной Бактрии. – Ашхабад, 1985. – С.102.
- 337 Пьянков И.В. Средняя Азия, с.72-73.
- 338 Пьянков И.В. Средняя Азия, с.70-71, 74-77, 121, 183-184. Парфия в доаршакидские времена – это полоса между Эльбурзом и Большой Соляной пустыней с центром в области Кумиш. Известно древнее предание, зафиксированное уже в пехлевийской литературе, о битве иранцев с Арджаспом в Белой пустыне у горы Кумиш (Бундахиши, XII, 17-18, 32-34; Денкарт, IX, 35-36; Бахман-Яшт, III, 9; ср.: Фирдоуси. Шахнаме. – Т.4. – С.132-134). Возможно, что оно связано с сюжетом, знакомым нам по Ктесию. То, что оно было включено в цикл сказаний о *кави* Виштаспе. – понятно, ведь поздний иранский эпос о мидийских царях вообще забыт.

- ³³⁹ Страбон, XI, 8, 4. О времени, к которому относится это известие, см.: *Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India*. 2 ed. – Cambridge, 1951. – P.283.
- ³⁴⁰ Стефан Византийский, “эвергеты”.
- ³⁴¹ Диодор, II, 43, 5. О вариантах “арнаспы” – “аримасты” см.: *Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland*, p.144.
- ³⁴² Уже указывалось на возможность чтения “Agriaspi” (Argiaspi?) вместо “Ariaspi”: *Thomas F.W. Sakastana // JIRAS*. – 1906, pt.I. – P.196.
- ³⁴³ О связи Арчатаспы с Систаном см. также: *Altheim F. und Stiehl R. Geschichte Mittelasiens*, s.612.
- ³⁴⁴ Совсем иначе трактует арнаспов Г.Ньоли: *Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland*, p.137 и сл. Но он не учитывает приведенных здесь данных.
- ³⁴⁵ *Henning W.B. Zoroaster, Politician or Witch-Doctor?* – London, Oxford, 1951. – P.43.
- ³⁴⁶ Дьяконов И.М. Восточный Иран, с.144; *CHI – Vol.II*. – P.132. Дьяконов считает, что Бактрийским царством и было созданное Арджатаспой объединение.
- ³⁴⁷ *Justi F. Iranisches Namensbuch*, s.372.
- ³⁴⁸ Об имени Писсуфи-Пишьяутна см.: *Justi F. Iranisches Namensbuch*, s.253-254; *Mayrhofer M. Die altiranischen Namen*, Fasc.1. – S.71.
- ³⁴⁹ Эти известия Ктесий, как обычно, использовал для сочиненного им сюжета; см. подробнее: *Пьяжков И.В. Таниоксарк и Бактрия // МКТ*. – Вып.3. – Душанбе, 1978. – С.92-93.

ГЛАВА V

Средняя Азия в Ахеменидскую эпоху

- ¹ Этимология имен персидских царей вызвала много споров. Согласно В.И.Абасву (см. его: К этимологии древнеперсидских имен // *Этимология*. – 1965. – М., 1967. – С.228-295), имя Куруш – иранское, имевшее значение “дуга”, “герой”, имя его отца Камбуджа связано с восточноиранским племенем камбуджа; имя деда Чишпиш переводится как “могучий”.
- ² В выполненном на аккадском языке тексте на так называемом Цилиндре Кира из Вавилона говорится о его предках царях Алчана – Камбисе I, Кире I, Чишпише (Teaspē). См.: *Eilers W. Der Keilschrifttext der Kyros-Zelinders. – Festgabe deutscher Iranischer zur 2500 Jahrfeier Irans*. – Stuttgart, 1971. – S.165. Согласно другим источникам, в частности – знаменитой Бехистунской надписи Дария I, отцом Чишпиша и основателем рода царей Персии был Ахемени, скорее всего не носивший царского титула, в противном случае Дарий не преминул бы об этом упомянуть.
- ³ Другое название этой области – Алчан (Аншан) – значителен во многих документах, что вызвало предположение о Персии и Аншане как различных местностях. Об этом, а также об их отождествлении см.: *Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы*. – М., 1985. – С.7-9.
- ⁴ *Olmstead A.T. The History of Persian Empire*. – Chicago, 1948. – P.49-51; *Дандамаев М.А. Политическая история*, с.38 [Даты в тексте приведены по изданию: *Dandamayev M.A. A Political History of the Achaemenid Empire*. – Leiden, 1989. – P.47, 351 (Примеч. Б.А.Литвинского)]. В последние годы истории и культуре Средней Азии при Ахеменидах посвящены сводки: *Vainsberg B.H., Statitskiy B.Y. История и культура Средней Азии в древности. VII в. до н.э.*

- VIII в. н.э. Учебное пособие для высшей школы. - М., 1994. - С.50-75 и Frye R.N. The Heritage of Central Asia. From antiquity to the Turkish Expansion. - Princeton, 1996. - P.77-96.
- ⁵ Ктесий. История Персии. Фр. 9 § 8 (по Фотию); Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях Ктесия. - Душанбе, 1975. - С.92 (текст), 93 (перевод). Ктесий в этом сообщении, возможно, ошибочно назвал Бардию; последний, по сведениям Ксенофонта (Ксенофонт, Киропедия, VIII, 7, 11), был назначен "сатрапом мидян, армян и кадусиев" (оба эти автора неоднократно приписывали политическим деятелям те или иные имена, если их подлинные имена оставались неизвестными их информаторам. - см.: Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э. - М.; Л., 1956. - С.21-28, 415-416). Однако, даже если Бардия назван здесь Ктесием ошибочно, сам факт назначения Киром сатрапа завоеванных областей парфия, карманийцев, бактрийцев и хорезмийцев вряд ли мог быть вымышлен античным автором, тем более, что объединение всех этих областей в единое наместничество оправдано их географическим положением: взятые вместе, они составляли восточную часть Ахеменидской державы.
- ⁶ Арриан. Индика, I, 3; Ксенофонт. Киропедия, I, 1, 4; VI, 2, 1-11; ср.: The Cambridge History of India. - Vol.1. Ancient India. - Cambridge, 1922. - P.330-333.
- ⁷ В "Киропедии" Ксенофонт называет саков, обитавших по соседству с Гирканией, союзниками Кира. Их присоединение к Киру, по-видимому, имело место до разгрома Лидии и падения Вавилона. Ксенофонт упоминает саков также при торжественном выходе Кира в Вавилоне и при описании конных соревнований.
- ⁸ Prašek J. Geschichte der Meder und Perser. Bd.1. - Gotha, 1906. - S.224-225; Olmstead A.T. The History, p.37; Ghirshman R. Iran from the Earliest Times to the Islamic Conquest. - London, 1954. - P.131.
- ⁹ Тураев Б.А. История Древнего Востока. - Л., 1935. - Т.2. - С.118; Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. - 1959. - №73. - С.137-138.
- ¹⁰ Геродот, I, 178.
- ¹¹ Геродот, I, 153, 201, 204; Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. - М., 1982. - С.84, 86 (текст), 85, 87 (перевод), примеч. 92 и 752.
- ¹² [И.М.Дьяконов. Рец. на:] Массон В.М. Древнеземледельческая культура // ВДИ. - 1960. - №3. - С.201.
- ¹³ "Отец истории" правильно поставило задачу завоевания Египта, постоянного и грозного соперника переднеазиатских держав, господство над Ираном было невозможно без покорения Бактрии.
- ¹⁴ Ксенофонт. Киропедия, I, 1, 4. Это место у Ксенофонта вызывает сомнения, так как несколько ниже он, вопреки исторической истине, приписывает Киру завоевание Египта.
- ¹⁵ Ктесий. История Персии. Фр. 9 § 2 (по Фотию); Пьянков И.В. Средняя Азия, с.78 (текст). 79 (перевод). Если бы можно было подтвердить это сообщение Ктесия, сведения которого (как уже отмечалось выше) часто оказываются ошибочными, то покорение Бактрии следовало бы отнести к тому времени, когда разбитый Киrom Астиаг был назначен сатрапом Гиркании, т.е. к периоду вскоре после 550 г. до н.э. По словам того же Ктесия, вскоре после

- этого Астиаг был убит, возможно, не без ведома Кира (*Дьяконов И.М. История Мидии*, с.423-424).
- ¹⁶ *Арриан*. Анабасис, IV, 3; *Страбон*, XI, 11, 4; *Юстин*, XII, 5; *Квинт Курций Руф*, VII, 6, 10-27. Если только верна предлагаемая античными авторами интерпретация названия этого поселения как "город Кира" – Курушата (вернее Курушката).
- ¹⁷ *Ктесий*. История Персии. Фр. 9 § 3, 4, 7 (по Фотию); *Пьяков И.В. Средняя Азия*, с.80, 90 (текст), 81, 91 (перевод).
- ¹⁸ *Ктесий*. История Персии. Фр. 9 § 7 (по Фотию); *Пьяков И.В. Средняя Азия*, с.90 (текст), 91 (перевод).
- ¹⁹ *Страбон*, XI, 9 (сведения Эратосфена); *Tomaschek W. Derbikes*. – RE. 1903, 9. – S.237-238. [Существует мнение, что в текст Ктесия вкралась описка и следует читать "дердеки", а не "бербики". Реконструируемые же "дердеки" сопоставляются с дардскими народами на окраинах Индии – см.: *Francfort H.-P. Note sur la mort de Cyrus et les Dardes*. – *Orientalia Josephae Tucci memoriae dicata*. Roma, 1985 (Serie Orientale Roma. – Vol.56/1) (Примечание Б.А.Литвинского)].
- ²⁰ Это сообщение Бероса, однако, может быть согласовано с данными Геродота, если принять, как это предлагает В.В.Струве, отождествление дахов с массагетами (*Струве В.В. Поход Дария I на саков-массагетов // Изв. АН СССР. СИФ*. – Т.3. – 1946. – №3. – С.242-244).
- ²¹ *Геродот*, I, 214.
- ²² *Геродот*, I, 204-215; *Доватур А.И. и др. Народы*, с.86-93. Интересные данные об имени Томирис см.: *Толстова Л.С. Несколько слов об имени Томирис*. – *Эпическая ономастика*. – М., 1984. – С.164-169.
- ²³ Ф.Юсти (*Grundriss der Iranischen Philologie*. Bd.2. Strassburg, 1895-1901. – S.423), базируясь на вавилонских документах, полагал, что Кир погиб между 9 и 29 августа 530 г. до н.э. Однако И.Штрассмайер опубликовал вавилонский текст, датированный десятым годом царствования Кира, т.е. десятым годом со времени захвата Вавилона (538 г. до н.э.) – 529 г. до н.э. (см.: *Verhandlungen des Leidener Orientalischen Congress*. Bd.2. – S.574-576), М.А.Дандамаев же (*Политическая история*, с.53, 281) смерть Кира относит к июлю-августу 530 г. до н.э. [впрочем, в новейшей работе М.А.Дандамаев отодвигает войну с массагетами и смерть Кира к ноябрю (?) 530 г. – *Dandamaev M.A. A Political History*, p.351. – Б.Л.]
- ²⁴ *Ксенофонт*. Киропедия, VIII, 8.
- ²⁵ *Olmstead A.T. The History*, с.66-67; *Дандамаев М.А. Политическая история*, с.54 (там же сведения о гробнице Кира).
- ²⁶ Сходное название местности встречается в согдийских документах VIII в. н.э. с горы Муг в Таджикистане. По-видимому, этот топоним был распространен в ряде районов Ирана и Средней Азии.
- ²⁷ В аккадском тексте – "умер собственным умиранием". Древнеперсидское выражение может указывать либо на естественную смерть, либо на самоубийство, либо, наконец, на случайную смерть по неосторожности. Разбор сведений о смерти Камбиса см.: *Walter G. Der Tod des Kambyses*. – *Historia*. 1983. – H.40. – S.8-18.
- ²⁸ См.: *Дандамаев М.А. Политическая история*, с.64-69. Рассмотрев все известные сейчас данные, автор приходит к выводу: "Хотя вряд ли мы когда-нибудь узнаем точно, кто в действительности был предшественником Дария на персидском троне, можно высказать предположение, что Бардия, Мард,

Смердис, Таникоксарк и личность, которую Дарий называет "магом Гауматой" (имена персонажей рассматриваемых событий в разных источниках. – Б.С.). – одно и то же лицо, а именно младший сын Кира" (с.69).

- ²⁹ Дьяконов И.М. История Мидии, с.428-434; Дандамаев М.А. Социальная сущность переворота Гауматы // ВДИ. – 1958. – №4. – С.36-50; Он же. Политическая история, с.109-112.
- ³⁰ Геродот, III, 67.
- ³¹ Об этом перевороте и его социальной сущности теперь см.: Дандамаев М.А. Политическая история, с.77-85.
- ³² Струве В.В. Восстание в Маргиане при Дарии I // ВДИ. – 1949. – №2. – С.9, 26.
- ³³ Бехистунская надпись, III, 11-21 (§ 38). Как видно из заключительных фраз абзаца, Маргиана рассматривалась как часть Бактрии. Предположение В.В.Струве, что Маргиана вошла в состав Бактрии лишь после подавления восстания Фракия, а ранее составляла отдельную сатрапию, не получило признания у других исследователей.
- ³⁴ Сообщение о потерях повстанцев в Маргиане содержится также в арамейской копии Бехистунской надписи (такие копии были разосланы по приказу Дария в различные страны), найденной в архиве персидского военного гарнизона в Элифантинс (Египет). В этой версии число убитых "мятежников" определено как 55243, а пленных – 6972 (Струве В.В. Восстание в Маргиане, с.23 и примеч.109-112, с.33).
- ³⁵ Заключение о народном характере движения в Маргиане подробно обосновано В.В.Струве.
- ³⁶ Массон В.М. Древнеземледельческая культура, с.91-92 и 142. Возможно, что часть взятых в плен маргианцев после это была продана в рабство. Во всяком случае, в числе рабов в вавилонском городе Сиппар в 512 г. до н.э. упоминается "бактрийка". См.: Дандамаев М.А. Политическая история, с.87.
- ³⁷ Струве В.В. Поход Дария I на саков-массагетов. с.248; Он же. Восстание в Маргиане, с.26. В.В.Струве считает, что Фрада бежал к сакам, помогавшим повстанцам Маргианы.
- ³⁸ Массон В.М. Древнеземледельческая культура, с.141, ср. с.51-52. К названию этого парфянского города (Патиграбана, букв. "таможня"), как указал Е.Херцфельд, может восходить современный Багир.
- ³⁹ Бехистунская надпись, II, 8 (§ 21).
- ⁴⁰ Cameron G.G. The Old Persian Text of Bisitun Inscription // JCS. – 1951. – Vol.5. – №2. – P.53-55; Kent R.G. Cameron's Old Persian Readings at Bisitun, p.56-57.
- ⁴¹ Мнения ученых о том, море или река упоминается в этом месте, существенно расходятся. Например, В.В.Струве (см. его "Поход Дария I на саков-массагетов") переводил "море"; Я.Харматта – "прибыл к морю. Реку, по названию Арахша я пересек..." (Harmatta J. Darius' Expedition Against the Sakā Tigrāhauđā. – Studies in the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. – Budapest, 1979. – P.27); М.А.Дандамаев – "река" (см. его "Политическая история", с.100).
- ⁴² Об имени этого сакского вождя см.: Фрейман А.А. Пленный враг Дария – скиф Скунха // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1948. – Т.7. – Вып.3. – С.235-240.
- ⁴³ Последний абзац (Говорит Дарий-царь: "Эти саки..."), точно повторяющий заключительный раздел сообщений о походе в Элам, может рассматриваться как стандартная формула, характерная для всего пятого столбца надписи. Во всяком случае, из приводимого здесь утверждения Дария, что саки не почитали Ахурамазду, нельзя делать вывода о верованиях саков. Иное чтение

надписи, основанное на прежних попытках восстановления пятого столбца, см.: *Струве В.В. Поход Дария I на саков-массагетов*, с.242-244.

⁴⁴ Как и в описаниях военных действий в других областях в надписи говорится о "наибольшем, старшем".

⁴⁵ Полиен. PDF/Compressor Free Version. Б.ХП – Сирак.

⁴⁶ *Herzfeld E. Altpersische Inschriften.* – Berlin, 1938. – S.19. О "саках, которые за Согдом", см.: *Струве В.В. Поход Дария I на саков-массагетов*, с.241. Ср.: *Литвинский Б.А. Саки, которые за Согдом // Труды АН ТаджССР.* – 1960. – Т.120. – С.91-96. См. также: *Литвинский Б.А. Древние кочевники "Крыши мира".* – М., 1972. – С.156-174. Недавно выдвинуто предположение, что "саки, которые за Согдом", – это племена не Средней, а Нижней Сырдарьи, где и располагалась ахеменидская сатрапия, включавшая "саков" или "дахов". Эта гипотеза достаточно убедительна. Ибо, во-первых, противопоставление как пределов державы Эфиопии на юго-западе и низовьев Сырдарьи на северо-востоке, а Индии – на востоке и Лидии – на западе звучит закономерно. Во-вторых, о вхождении низовьев Сырдарьи в состав Ахеменидского государства свидетельствуют открытые там археологические памятники, в том числе дворец в Бабиш-мулла I (см. ниже), подчинение же Ахеменидам саков, обитавших за Сырдарьей в среднем ее течении, противоречит и письменным источникам и археологическим данным. См.: *Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чиркирабатская культура.* – Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. – С.60-61. Менее удачной представляется попытка локализации саков-аморгиев, саков-тиграхауда (и "саков, которые за Согдом"). (*Шуховцев В.К. Локализация саков-тиграхауда и саков-хаумаварга древнеперсидских надписей.* – Маргулановские чтения. – Алма-Ата, 1989. – С.64-69).

⁴⁷ Точных данных о том, какую страну (или страны) имел в виду автор "антидзювской" надписи, нет. Исследователи надписи, единодушно датирующие ее первыми годами царствования Ксеркса, резко расходятся во мнениях относительно места излагаемых событий (Вавилон? Афины? какая-то область Ирана или Средней Азии?) (см.: *Дьяконов И.М. Очерк истории*, с.98-99, 374-379).

⁴⁸ Греческая передача Азанес отражает, видимо, согдийское имя Ажанак или Азанак.

⁴⁹ Геродот, VII, 64, 66, 96, 184; *Доватур А.И., Каллыстов Д.П., Шишинов И.А. Народы*, с.162, 164, 166 (текст), 163, 165, 167 (перевод). Ср. Геродот, VIII, 112.

⁵⁰ Геродот, IX, 71. Возможно, однако, что здесь речь идет о тех же саках-аморгиях, входивших в один отряд с бактрийцами. Ср. Геродот, IX, 31, где военные отряды саков упомянуты рядом с индийцами, а последние, в свою очередь, – рядом с бактрийцами. Следует отметить, что, согласно сообщениям Геродота, оружие у парфян, хорезмийцев, согдийцев (а также гандхарцев, ладиков и ариев; у последних, правда, луки были мидийскими) определено как "бактрийское", в чем, видимо, можно видеть отражение традиции, свидетельствующей о едином вооружении среднеазиатских народов, отличном от персидского или мидийского.

⁵¹ Геродот, III, 118-119.

⁵² Мидия, ранее рассматриваемая наравне с Персидой как ядро державы, утратила свое привилегированное положение в составе ахеменидского Ирана после подавления Дарием I восстания Фравартиша (*Дьяконов И.М. История Мидии*, с.424-440).

- ⁵³ Геродот, III, 89.
- ⁵⁴ Соотношение золота и серебра в период Дария составляло 1:13.
- ⁵⁵ Curiel R., Schlumberger D. Trésors monétaires d'Afghanistan // MDAFA. – 1953. – Vol.14.
- ⁵⁶ Сводку сведений о сатрапах и сатрапиях при Ахеменидах см.: Lehman-Haupt. Satrap. – RE. Bd.3. 1921. – S.85-138. См. также: Дандомаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. – М., 1980. – С.108-118.
- ⁵⁷ В Бехистунской и Персепольской надписях это скорее всего саки-амборгии; в Накши-Рустемской же отдельно названы как саки-хаумаварга, так и саки-тиграхауда и саки-гьяй-парадарайя.
- ⁵⁸ Парикании, упоминаемые Геродотом то в составе X сатрапии (Геродот, III, 92), вместе с мидьянами и ортокорибантиями (сака-тиграхауда ахеменидских надписей), то в составе XVII сатрапии вместе с эфиопами (Геродот, III, 94), а в описании войск выступающие то рядом с утиями и миками (Геродот, VII, 68), то с каспиями (Геродот, VII, 86), не могут быть отождествлены с ферганцами. Как показывает название Ферганы в согдийских документах с горы Муг, древняя форма этого наименования должна иметь вид Фрагана, что не могло быть передано греками как Парикана. Отмеченное у Геродота имя начальника военных отрядов париканиев – Сиromитр, сын Ойобаза (Геродот, VII, 68), имеет явно восточноиранский облик (Сиromитр передает звучание Ширамитр – “дружественный к Митре”); однако отсюда нельзя делать вывод об этнической принадлежности париканиев, ибо их начальником мог быть и согдиец, и хорезмиец, и сак. См.: Горбунова Н.Г. Фергана по сведениям античных авторов. – История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М., 1976. – С.26-39 (особенно – примеч. 5 на – С.29); Литвинский Б.А. Проблема этнической истории древней и ранне-средневековой Ферганы. – Там же, с.49-55; Gorbunova N.G. The Culture of Ancient Ferghana. VI – c. B.C. – VI – c. A.D. – B.A.R. International Series, 281. – Oxford, 1986. – P.22-25.
- ⁵⁹ Следует отметить, что в “антидзвовской” надписи наряду с саками-хаумаварга и саками-тиграхауда отдельно названы дахи (вероятно, племена низовьев Сырдарьи).
- ⁶⁰ Упоминание о Маргиане имеется в Бехистунской надписи в рассказе о восстании Фрады, но там оговорено, что эти события происходили в Бактрии, т.е. Маргиана, очевидно, входила в состав последней.
- ⁶¹ Массон В.М. Древнеземледельческая культура // МИА. – 1959. – №73. – С.148-149.
- ⁶² Принято считать, что состав отряда отражает состав выставившей его сатрапии, а во главе отряда стоит сатрап. Первое – вполне правдоподобно (см.табл.), второе – сомнительно.
- ⁶³ Пьянков И.В. Средняя Азия, с.32.
- ⁶⁴ См.: Пьянков И.В. Список восточных сатрапий державы Ахеменидов // Материальная культура Таджикистана. – Вып. 2. – Душанбе, 1971. – С.68-79.
- ⁶⁵ Уже в описании битвы при Гавгамелах (331 г. до н.э.) в составе персидской армии, сражавшейся с Александром, мы не находим хорезмийцев. Двумя годами позже хорезмийский “царь” Фарасман являлся к Александру в качестве самостоятельного владетеля, предлагая грекам союз и помощь в борьбе с колхами и амазонками (Толстой С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации, с.108). Имя “Фарасман” упомянуто здесь, скорее всего, ошибочно; Книнг Курций Руф, описывая этот эпизод (VII, 1, 8), называет главу Хорезма Фратоферном. Арриан, описывая отряд Бесса, прямо указывает, что саки

- "не были подданными Бесса, а только союзниками Дария" (Дария III, последнего ахеменидского царя). См.: Арриан, III, 8, 3. Ср.: Дандамаев М.А. Политическая история, с.248: "К концу царствования Артаксеркса II многие племена в различных местах, начиная от Аравии и кончая Средней Азией, уже не повиновались ему и не платили податей. К этому же времени Хорезм, Согдиана и сакские племена из подданных царя стали его союзниками" (Согд в данном контексте назван, видимо, ошибочно).
- ⁶⁶ Геродот, III, 92-93. Кроме того, саки-тиграхауда (греч. ортокорибантин) у Геродота объединены вместе с мидянами и париканиями в составе X сатрапии, платившей 450 талантов. См. также: Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика, с.186-196.
- ⁶⁷ На рельефах персепольских дворцов и на гробницах ахеменидских царей и Накпш-Рустеме изображены данники "царя царей", ведущие животных и несущие всевозможные изделия ремесленного производства, см.: Walser G. Die Völkerschaften auf der Reliefs von Persepolis. – Berlin, 1966.
- ⁶⁸ Ср.: Пьянков И.В. Бактрия в античной традиции (общие данные о стране: название и территория). – Душанбе, 1982. – С.50-52, где обосновывается предположение, что "капаутака" из Согда могло означать не настоящий лазурит, а азуриит.
- ⁶⁹ Геродот, III, 117; Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы, с.96, 98 (текст), 97, 99 (перевод). Разбор этого сообщения производился неоднократно [см., например: Массон В.М. Земледелие и аграрный строй Туркменистана в эпоху развития рабовладельческих отношений. – Очерки земледелия и аграрных отношений в Туркменистане (с древнейших времен до присоединения к России). – Ашхабад, 1971. – С.54-55].
- ⁷⁰ Meyer E. Der Papyrusfund von Elephantine. – Leipzig, 1972. – S.28. С.П.Толстов, обративший на это внимание, писал и о "хорезмийце Артаинкте – правителе г.Соста на европейском берегу Дарданелл (Толстов С.П. По следам древне-хорезмийской цивилизации, с.108 – со ссылкой на: Геродот, VII, 80). Но, как установила Е.А.Мончадская, такое определение этнической принадлежности Артаинкта ошибочно (см.: Мончадская Е.А. "Хорезмиец" Артаинкт // ВДИ. – 1968. – №2. – С.95-106).
- ⁷¹ Струве В.В. Поход Дария I на саков-массагетов, с.234. Ср.: Petrie F. Memphis. – Vol.1-3. – London, 1909-1910 (vol.1, PLXI – №42 and 46; – Vol.2, PLXXX. – №80-84; – Vol.3, PLXLII. – №136-138). Одна из таких статуэток хранится в Государственном Эрмитаже, инв. №818350.
- ⁷² Геродот, VI, 113. Ср.: Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы, с.160 (текст), 161 (перевод).
- ⁷³ Эсхил. Персы, 306, 318, 332; Мончадская Е.А. О правителях Бактрии и Согдианы VI-IV вв. до н.э. (Из древней истории народов Средней Азии) // Труды Государственного Эрмитажа. – Т.5. – Л., 1961. – С.110-116.
- ⁷⁴ Диодор, XI, 7, 2; Геродот, VIII, 113; IX, 31, 71.
- ⁷⁵ Ктесий. История Персии. Фр. 14 § 35 (по Фотию); Пьянков И.В. Средняя Азия, с.98 (текст), 99 (перевод).
- ⁷⁶ Диодор, XVII, 74, 1-2.
- ⁷⁷ Пьянков И.В. Средняя Азия, с.35.
- ⁷⁸ Латышев Б.А. Некоторые вопросы методики изучения ирригации Средней Азии // СА. – 1959. – №3. – С.24-26.
- ⁷⁹ Дьяконов И.М. Сложение классового общества в Северной Бактрии // СА. – 1954. – Т.19. – С.121-140.

- ⁸⁰ Зеймаль Т.И. Древние и средневековые каналы Вахшской долины. – СНВ. – Вып.10. – М., 1971. – С.50, 52. – Рис.1 (на с.42); *Она же*. Древнеземледельческое поселение Болдайтене // МКТ. – Вып.2. – Душанбе, 1971. – С.80-101 (особенно – С.84-99).
- ⁸¹ Андреев В.В. **РДБ Собрание книг Востоковедения** Земледельческие системы Приаралья. – М., 1969. – С.151-157.
- ⁸² Ксенофонт. Домострой, IV, 8. Ср. также рассказ Ксенофонта о том, что царевич Кир Младший наряду с военными упражнениями публично занимался и сельскохозяйственными работами, подчеркивая тем самым их значение для державы (там же, IV, 20-25).
- ⁸³ Полибий, X, 28; Массон В.М. Земледелие и аграрный строй, с.57.
- ⁸⁴ Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. – Ташкент, 1987. – С.31, 101, 102.
- ⁸⁵ Толстов С.П. Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. // Труды ХАЭЭ. – Т.2. – М., 1958. – С.149. – Рис. 56, 17; Воробьева М.Г. Дингильдже. Усадьба середины I тысячелетия до н.э. в древнем Хорезме. – М., 1973. – С.154-155. – Рис.57, 20-21. О Кюзелигыре см. также: Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Городище Кюзелигыр: к вопросу о раннем этапе истории Хорезма // ВДИ. – 1997. – №2. – С.150-173.
- ⁸⁶ Теренозжкин А.И. Согд и Чач // КСИИМК. – 1950, 23. – С.155. – Рис.69, II, 2.
- ⁸⁷ Геродот, IV, 204; Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы, с.158 (текст), 159 (перевод). Ср.: Массон В.М. Земледелие и аграрный строй, с.39-40. О поселении бранхидов в Бактрии, их радости при встрече с Александром Македонским и трагической судьбе см. ниже, в гл. 5. См. также специальные эскурсы, посвященные поселку бранхидов в Бактрии: Bernard P. d'Ai Khanoum. IV (MDAFA, 27), 1985. – P.123-125; Пивован И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. – М., 1991. – С.288-305.
- ⁸⁸ Ктесий. История Персии. Фр. 9 § 2 (по Фотию); Пляков И.В. Средняя Азия, с.99 (текст), 99 (перевод), а также – С.35.
- ⁸⁹ См., например, находки в составе Амударьинского клада 14 монет ахеменидского царского чекана V-VI вв., 16 монет ахеменидских сатрапов в Малой Азии 440-332 гг. до н.э., 9 монет малоазиатских городов V-IV вв. до н.э., 1 монеты Афин V в. до н.э. Зеймаль Е.В. Амударьинский клад, монеты – №04-004 – С.72-73) и Кабульский клад с монетами Ахеменидов и Александра Македонского (Schlumberger D. L'argent grec dans l'empire Achéménide // MDAFA. – 1953. – Т.14. – P.3-45). На то, что не все такие монеты попали в Среднюю Азию с войском Александра, как это иногда утверждают, указывает хотя бы клад из 172 дариков из Индии; о нем см.: Cunningham A.A. Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Cooper // JASB. – 1881, с.184; Пивован И.Р. Культура Бактрии, с.53, 55-57. См. также находку медной пластинки (монеты?) VI-IV вв. до н.э. на Талашкенте I (Ртвеладзе Э.В., Лидав Ш.Р. Каталог древних монет Южного Узбекистана. – Ташкент, 1981. – С.14-15).
- ⁹⁰ Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии, с.9-10, 12-25.
- ⁹¹ Воробьева М.Г. Дингильдже.
- ⁹² Пиличко В.Н. Поселение раннежелезного века Гярыкыриз I // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. – Ашхабад, 1984. – С.28-58.
- ⁹³ Арриан. Анабасис, IV, 3, 6-7; 5, 1; 6, 4-5; Книга Курций VII, 6, 10.
- ⁹⁴ Теренозжкин А.И. Согд и Чач // КСИИМК. – 1950. – Вып.23. – С.156. См. также: Шишова Г.В., Сулейманов Р.Х., Кошелева Г.А. Согд. – Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985. – С.227; Шишова Г.В. Древний Самарканд и его округа. – Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. – Ташкент, 1987. – С.164-170.

Вряд ли прав М.Е.Массон, который, опираясь на сообщение Квинта Курция, предполагает, что Самарканд в середине I тысячелетия до н.э. выходил за пределы городища Афрасиаб и что остатками его стен, упоминаемых Курцием, были ныне не сохранившиеся участки земляного вала Диварикундалия. *PDF Compressor Free Version* Массон М.Е. К периодизации древней истории Самарканда // ВДИ. – 1950. – №4. – С.158). Как показали работы самого же М.Е.Массона в Мерве, сведения Квинта Курция не являются достаточно надежными (Массон М.Е. Новые данные по древней истории Мерва // ВДИ. – 1951. – №4. – С.94).

- ⁹⁵ Массон В.М. Древнеземледельческая культура // МИА. – 1959. – №73. – С.155; ср.: Массон М.Е. Новые данные по древней истории Мерва // ВДИ. – 1951. – №4. – С.94 и сл.
- ⁹⁶ Ср. предположение Э.Херцфельда о том, что Самарканд (судя по данным Квинта Курция) имел 150 тыс. жителей (*Herzfeld E. Zoroaster and His World. – Vol.2. – Princeton, 1947. – P.753*). Также: *Bernard P. Marakanda-Afrasiab colonie grecque. – Accademia Nazionale dei Lincei. Atti dei convegni lincei, 127. – Roma, 1996. – P.334-338*.
- ⁹⁷ Сообщение о размерах штателли Кирополя, вмещавшей якобы 10 тыс. человек (см.: Арриан, IV, 3, 4), следует, видимо, признать преувеличенным.
- ⁹⁸ Арриан, IV, 2, 1.
- ⁹⁹ Арриан, IV, 16, 3.
- ¹⁰⁰ Рапопорт Ю.А., Латифов-Скобло М.С. Раскопки дворцового здания на городище Калалыгыр I в 1958 г. // Материалы Хорезмской экспедиции. – Вып.6. – М., 1963. – С.141-156; Рапопорт Ю.А. Святилище во дворце на городище Калалыгыр I. – Прошлое Средней Азии. – Душанбе, 1987. – С.140-148.
- ¹⁰¹ Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикрабатская культура, с.50-51. См. прим. 46, а также: Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикрабатская культура // Низовья Сырдарьи в древности. – М., 1993. – Вып.1, особенно с.6-7, 23-24, 50-94, 98-102 и Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья I тыс. н.э. – М., 1996, особенно с.369.
- ¹⁰² Массон М.Е. Новые данные по древней истории Мерва // ВДИ. – 1951. – №4. – С.92; Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. – М., 1958. – С.20, 39-41; Массон В.М. Древнеземледельческая культура, с.49-50 и 155.
- ¹⁰³ Массон В.М. Древнеземледельческая культура, с.69 и сл.
- ¹⁰⁴ Марущенко А.А. Елькен-депе // Труды ИИАиЭ АН ТуркмССР. – Т.5. – Ашхабад, 1959. – С.54-72.
- ¹⁰⁵ Дурдыев Д. Английские памятники Тапшаузской области Туркменской ССР // Труды ИИАиЭ АН ТуркмССР. – Т.2. – Ашхабад, 1956. – С.88-94; Толстой С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954-1956 гг. // Материалы Хорезмской экспедиции. – Вып.1. – 1959. – С.26-27.
- ¹⁰⁶ Воробьева М.Г. Раскопки архаического поселения близ Дюнгильдже // Материалы Хорезмской экспедиции. – Вып.1. – 1959. – С.70-80; Толстой С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954-1956 гг. // ТХАЭЭ. – Т.4. – М., 1959. – С.15-17.
- ¹⁰⁷ Вайнберг Б.И. Изучение памятников, с.17, 54-55 (примеч.56).
- ¹⁰⁸ Шнакмана Г.В., Сулейманов Р.Х., Кошелев Г.А. Согд, с.277.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ См.: Негматов Н.Н. Ходжеит. Основные этапы истории. – Исследование по истории и культуре Ленинабада. – Душанбе, 1986. – С.3-5; Белыева Т.В. Ар-

ханский, античный и раннесредневековый Ходжент по данным письменных и археологических источников. – Там же, с.82-85.

- ¹¹¹ *Негматов Н.Н.* Таджикистан на пути к урбанизации. – Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). – Душанбе, 1982. – С.81; *Негматов Н.Н., Бельева Т.В., Мирбаев А.К.* К открытию города эпохи бронзы и раннего железа – Нуртеппа. – Там же, с.89-111. О последующих работах см.: *Бельева Т.В.* Исследования Нуртеппа в 1982 г. // АРТ. – Вып.22 (1982 г.). – Душанбе, 1991. – С.21-28, а также: *Бельева Т.В.* Нуртеппа – городище древней Уструшаны // АРТ. – Душанбе, 1991. – Вып.23 (1983 г.). – С.21-28; *Негматов Н.Н.* Исследования СТАКЭ в 1984 г. // АРТ. – Душанбе, 1993. – Вып.24 (1984 г.). – С.36-37; *Бельева Т.В.* О работах Нуртеппинского отряда в 1984 г. // Там же; *Бельева Т.В.* О раскопках на Нуртеппа и в Худжанде // АРТ. – Душанбе, 1994. – Вып.25 (1985 г.). – С.19-21; *Негматов Н.Н., Бельева Т.В.* Общий отчет об исследованиях Нуртеппа в 1980-1985 гг. // Там же, с.23-25.
- ¹¹² *Сагдуллаев А.С.* Усадьбы древней Бактрии, с.39, 40. Ср.: *Ртвеладзе Э.В.* Новые бактрийские памятники на юге Узбекистана // ИМКУ. – Ташкент, 1987. – Вып.21. – С.56-66.
- ¹¹³ *Дьяконов М.М.* Сложение классового общества в Северной Бактрии // СА. – 1954. – Т.19. – С.121-140; *Дьяконов М.М.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадан) // МИА. – 1953. – №37. – С.273-275; *Забелина Н.Н.* Раскопки на городище Кала-и Мир // МИА. – 1953. – №37. – С.294-301. Ср.: *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура // МИА. – 1959. – №73. – С.55-58.
- ¹¹⁴ Из ареала цилиндро-конической керамики выпадают памятники чиркрабатской культуры в низовьях Сырдарьи (вероятно, потому, что власть Ахеменидов распространялась там лишь в IV в. до н.э., когда цилиндро-конические формы посуды уже не были ведущими) и в северо-восточной части Согда (Худжанд, Нуртеппа и др.), где было сильно влияние традиций Ферганы и средней Сырдарьи.
- ¹¹⁵ В.М.Массон приводит предположение (*Массон В.М.* Древнеземледельческая культура, с.62), высказанное А.М.Беленицким, объясняющее сходство керамики разных областей в Средней Азии вхождением всех этих областей в доахеменидское древнебактрийское объединение VII-VI вв. до н.э. М.Г.Воробьева объясняет это сходство культурно-хозяйственными связями или родственностью племей, населявших указанные области (*Воробьева М.Г.* Керамика Хорезма // ТХАЭЭ. – 1959. – Т.4. – С.83-84). См. также: *Кузьмина Е.Е.* О некоторых аспектах проблемы культуры и этнических связей Средней Азии и Ирана в эпоху поздней бронзы и раннего железа. – Искусство и археология Ирана. – М., 1971. – С.172-178. Ср. вывод Г.А.Кошелевко и В.И.Сарианиди: "Вопрос относительно причин очень большого единства культуры южных областей Средней Азии, а также Согда и Хорезма в середине I тысячелетия до н.э. все еще остается нерешенным" (*Сарианиди В.И., Кошелевко Г.А.* Средняя Азия в раннем железном веке. – Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985. – С.203).
- ¹¹⁶ *Тереножский А.И.* Согд и Чач // КСИИМК. – 1950. – Вып.23. – С.153-156. Бургулюкская культура была выявлена А.И.Тереножским еще в 1940 г., но тогда он относил ее к III-I вв. до н.э. (*Тереножский А.И.* Памятники материальной культуры на Ташкентском канале // Изв. Уз.ФАН СССР. – 1940. – №8. – С.85-86. В результате последующих работ бургулюкская культура датировалась А.И.Тереножским IV-III, а затем VI-IV вв. до н.э.). Теперь ее принято отно-

- силь в IX-VII вв. до н.э. (см.: Духе Х. Тузбугузские поселения бургулукской культуры. – Ташкент, 1982. – С.57-73). Ю.Ф.Буряков считает, что заключительный этап бургулукской культуры приходится на VI-III вв. до н.э. (Буряков Ю.Ф. Бассейн Среднего Яксарта в древности и раннем средневековье. – Городская культура Средней Азии и Согда. – Ташкент, 1987. – С.32).
- ¹¹⁷ Флапанович М.И. Ташкент (зарождение и развитие города и городской культуры). – Ташкент, 1983. – С.38-40, 48-50, 195; Она же. Система расселения и градостроительные формы Ташкентского микрооазиса в древности и раннем средневековье. – Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура. – Ташкент, 1989. – С.36.
- ¹¹⁸ Заднепровский Ю.А. Городине Эйлатан // СА. – 1960. – №3. – С.29-45; Она же. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА СССР. – М.; Л., 1962. – №118. – С.108-112, 165-168; Она же. Фергана. Эйлатанская культура. – Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985. – С.195-196; Gorbutova N.G. The Culture of Ancient Ferghana, VI c. В.С. – VI c. А.А. – В.А.Р. International Series, 281. – Oxford, 1986. – P.27-28.
- ¹¹⁹ Гамбург Б.З. Горбунова Н.Г. Ак-Тамский могильник // КСИИМК. – М., 1957. – Вып.69. – С.78-91; Она же. Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея в 1953-1954 г. // ИМКУ. – Вып.1. – Ташкент, 1959. – С.9-15; Горбунова Н.Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. – Археологический сборник [Государственного Эрмитажа]. – Л., 1962. – Вып.5. – С.94; Она же. The Culture, p.27-28.
- ¹²⁰ Козенкова В.И. Археологические работы в Андижанской области в 1956 г. // КСИИМК. – М., 1959. – Вып.76. – С.56-63; Горбунова Н.Г. Культура Ферганы, с.95.
- ¹²¹ Горбунова Н.Г. Кунгайский могильник. – Археологический сборник [Государственного Эрмитажа]. – Л., 1961. – Вып.3. – С.171-195; Она же. The Culture, p.32-33.
- ¹²² Горбунова Н.Г. Суфанский могильник. – Археологический сборник [Государственного Эрмитажа]. – Л., 1969. – Вып.11. – С.72-91; Она же. The Culture, p.34-35.
- ¹²³ Салтовская Е.Д. О погребениях ранних скотоводов в Северо-Западной Ферганае // КСИИМК. – М., 1978. – Вып.154. – С.95-98; Gorbutova N.G. The Culture, p.36.
- ¹²⁴ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. – 1952. – №26. – С.189-191.
- ¹²⁵ Там же, с.27-35.
- ¹²⁶ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки, с.286-326; Бернштам А.Н. Саки Памира // ВДИ. – 1956. – №1. – С.121-134; Бабанская Г.Г., Заднепровский Ю.А. Археологические исследования А.Н.Бернштама на Памире в 1956 г. // Труды АН ТаджССР. – 1959. – Т.91. – С.53-61.
- ¹²⁷ См.: Литвинский Б.А. Древние кочевники "Крыши мира". – М., 1972. В монографии обобщены материалы как по сакам Памира, так и по кочевым племенам всей Средней Азии. Автор рассмотрел также ряд историко-культурных вопросов, связанных с кочевниками и их взаимоотношениями с оседлоземледельческим населением Средней Азии ахеменидского времени и последующих столетий.
- ¹²⁸ Dalton O.M. The Treasure of the Oxus with Other Examples of Early Oriental Metal. [3-е изд.]. – London, 1964; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад (каталог выставки). – Л., 1979 (нумерация вещей та же, что и у О.М.Дальтона).

- 129 *Пешкин И.Р.* Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. – М., 1991.
- 130 *Зеймаль Е.В.* Амударьинский клад. – №23. – С.44.
- 131 *Зеймаль Е.В.* Амударьинский клад. – №39. – С.49.
- 132 *Ставиский Б.Я.* Древнейшие бронзовые изделия Чача в Государственном Эрмитаже // КСИИМК. – 1955. – Вып.60. – С.125-126.
- 133 *Трудиновская С.А.* Крутое погребальное сооружение на городище Чирикрат-бат // Материалы Хорезмской экспедиции. – Вып.6. – М., 1963. – С.210 и рис.9, 16 на с.211.
- 134 См., например: *Литвинский Б.А.* Древние кочевники, с.60-68, 113.
- 135 *Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака) // ТХАЭЭ. – М., 1973, особенно – табл. XXVII-XXVIII. См. также: *Иттоа М.А., Яблонский Л.Т.* Сахи Нижней Сырдарьи по материалам могильника Южный Тагискен. – М., 1991.
- 136 Особняком стоит пока случайная находка двух литых бронзовых голов баранов в древнем ложе р.Исфарасай. Издавшие эти замечательные скульптурные головы Н.Н.Негматов и А.К.Мирбабаев относят их к V-III вв. до н.э. и считают произведениями “местной фергано-сакской культуры” (см.: *Негматов Н.Н., Мирбабаев А.К.* Находки скульптурных голов и других изделий из Исфаринской долины // АРТ. – Душанбе, 1986. – Вып.19. – С.413-425; *Оши же.* Бронзовые скульптуры из Исфаринской долины Таджикистана // ПК НО. – 1983. – Л., 1985. – С.501-507). Однако уникальность этих находок и натурализм в передаче животных, отличающий их от искусства сакских племен той эпохи, не позволяют пока безоговорочно принять предлагаемые этими исследователями датировку и интерпретацию.
- 137 См., например: *Ставиский Б.Я.* Среднеазиатские традиции ахеменидского периода в культуре эллинистической и кушанской Бактрии. – Древнейшие культуры Бактрии: Среда, развитие, связи // Тезисы первого советско-французского симпозиума “Археология древнейшей Бактрии”. – Душанбе, 1982. – С.88-90.

ГЛАВА VI

Борьба народов Средней Азии против греко-македонского завоевания

- ¹ *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. – Vol.1. – Oxford, 1941. – P.84-90, 104-105.
- ² *Schlumberger D.* Le argent grec dans l'empire Achéménide // MDAFA. – 1953. – Vol.14.
- ³ Детальную характеристику Ахеменидской империи в поздний период см.: *Olmstead A.T.* History of Persian Empire. – Chicago, 1959; *Dandamaev M.A.* A Political History of the Achaemenid Empire. – Leiden; New York; Copenhagen; Köln, 1989.
- ⁴ О предшествующей деятельности Александра см.: *Hammond N.G.L., Walbank F.W.* A History of Macedonia. – Vol.3. – Oxford, 1988. – P.3-65; *Hammond N.G.L.* Alexander the Great. King, Commander and Statesman. Ridge, New Jersey, 1980. – P.7-23; *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. – М., 1984. – С.62-92; *Philipp und Alexander der Grosse, Begründer der hellenistischen Welt.* –

- Callwey, 1985. – S.125-128; *Hamilton J.R.* Alexander the Great. – London, 1973. – P.29-51; Philip of Macedon. Ed. by M.B.Hatzopoulos, L.D.Loukopoulos. – London, 1981.
- 5 *Madsen E.W.* The Campaign of Gaugamela. – Liverpool, 1964. Библиография новейшей литературы об этой битве: *Seibert J.* Die Eroberung des Perserreiches durch Alexander d. Gr. auf kartographischer Grundlage. Text. – Wiesbaden, 1985 (Beiheft zum Tübingen Atlas des Vorderen Orients. Reihe B. – №68). – S.95, Anm.21-22.
- 6 Арриан, III, 16, 2.
- 7 Квинт Курций, V, 8, 3-4.
- 8 Арриан, III, 19, 5.
- 9 Рага-Рей, примерно 10 км юго-восточнее современного Тегерана. См.: *Marquart J.* Eränfahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. – Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-hist. Kl. Bd.4. 1901. – S.122-124; *Бартольд В.В.* Сочинения. – Т.7. – С.84; *Seibert J.* Die Eroberung, s.111-112.
- 10 Арриан, III, 20. Дарий, очевидно, собирался уйти в Бактрию (Квинт Курций, V, 8, 1).
- 11 Арриан, III, 21, 1.
- 12 *Kaerst J.* Geschichte des Hellenismus. Bd.1. – Leipzig; Berlin, 1927. – S.413-415.
- 13 Арриан, III, 21, 5. Из текста Квинта Курция следует, что под командованием Бесса были бактрийцы, дахи, арахоты, сусианы, массагеты. Согдийцы же, вместе с персами и мардами, по его данным, входили в число подразделений, командование над которыми было поручено Орсиону (Квинт Курций, IV, 12, 6-8).
- 14 Арриан, III, 8, 3.
- 15 Арриан, III, 16, 1; *Tarn W.W.* Alexander the Great. – Vol.2. Sources and Studies. – Cambridge, 1950. – P.187; *Griffith G.T.* Alexander's generalship at Gaugamela // JHS. – 1947. – Vol.XLVII. – P.84.
- 16 Арриан, III, 25, 3; Квинт Курций VI, 6, 13.
- 17 Диодор, XVII, 74, 1-2 (перевод Е.А.Мончалдской).
- 18 *Marquart J.* Alexanders Marsch von Persepolis bis Herat. – Philologus. Suppl.10, 1907; *Seibert J.* Die Eroberung, s.114-120.
- 19 Арриан, III, 23, 3; III, 28, 2.
- 20 *Tarn W.W.* Hellenistic Military and Naval Developments. – Cambridge, 1930. – P.11. По этому вопросу см. также: *Tarn W.W.* Alexander, p.11; *Kromayer J. und Veith J.* Heerweser und Kriegführung der Griechen und Römer. – München, 1928; *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. – Т.1. – М., 1936; *Болдырев А.В., Боровский Я.М.* Техника военного дела. – Эллинистическая техника. – М.; Л., 1948; *Шофман А.С.* Армия и военные преобразования Александра Македонского // ВДИ. – 1972. – №1; *Minor M. Markle III.* Macedonian Arms and Tactics under Alexander the Great. – Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times. Ed. by Barr – Sharrar. – Washington, 1982 (National Gallery of Art. Washington Studies in the History of Art. – Vol.10. Symposium Series 1); *Head D.* Armies of the Macedonian and the Punic wars 359 B.C. to 156 B.C. A Wargames Research Group Publication. 1982. – P.104-106; *Hammond N.G.* Alexander the Great, 24-34; *Шахермайр Ф.* Александр Македонский, с.84-87; *Bengtson H.* Op.cit. p.197-208; *Milns R.D.* The Army of Alexander the Great. – Fond. Hardt. 1976, 22. – P.87-136.

- ²¹ Арриан, III, 2.
- ²² Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. 2. – Philologus. Suppl. Bd.10. – Leipzig, 1907. – s.19-71.
- ²³ Так справедливо думают некоторые историки (Zölling Th. Alexander des Grossen Feldzüge in Asien. Ein Quellenstudie. 2. Aufl. – Leipzig, 1875. – s.110; Tarn W.W. Alexander the Great. – Vol.1. Narrative. – Cambridge, 1951. – P.61).
- ²⁴ Арриан, III, 25, 5-7, 37; Квинт Курций, VI, 6, 20-23 и VI, 7, 34; Дюдор, XVII, 78.
- ²⁵ По Г.З.Байеру, В.В.Григорьеву, И.Дройзену, И.Кэрсту. – это Андераб, селение у спуска с Хавакского перевала (Bayer Th. Historia regni graecorum bactriani, p.20; Григорьев В.В. Поход Александра Великого в Западный Туркестан // ЖМНП. – Ч.СХХVII. – Отдел II. – Сентябрь-октябрь 1881. – С.39; Дройзен И.Г. История эллинизма. – Т.1, примеч.с.69; Kaerst J. Geschichte, s.431). По Ф.Шварцу и Ф.Альтхайму, Дралсака – это Кундуз (Schwarz F. Alexandres des Grossen Feldzüge in Turkestan. Zweite Auflage. – Stuttgart, 1906. – S.28; Altheim F. Weltgeschichte Asiens in Griechischen Zeitalter. Bd.1. Naale, 1947. – S.167).
- ²⁶ Tarn W.W. Alexander, I, p.66. Собственно говоря, эта идея (более развернуто) была высказана уже Шварцем (Schwarz F. Alexandres des Grossen Feldzüge, s.28).
- ²⁷ По Арриану III, 28, 5; по Квинту Курцию VII, 4, 20 – восемь тысяч.
- ²⁸ Спитамен – грекизированной форма слова, фактически звучащего как Спитамана (Абаев В.И. Среднеазиатский политический термин афгани // ВДИ. – 1959. – №1. – Примеч.2. – С.114).
- ²⁹ Арриан, III, 28, 9-10 (т.е. очевидно, речь идет о южнобактрийских контингентах). Ср.: Квинт Курций, VII, 4, 20-21.
- ³⁰ Аори обычно отождествляют с Хульмом – Ташкурганом (Schwarz F. Alexandres des Grossen Feldzüge, s.27-28; Kaerst J. Geschichte, s.432; Tarn W.W. Alexander the conquest of the Far East // САН. – 1933. – Vol.6. – P.391). Однако К.Риттер локализовал на месте Хульма не Аори, а Дралсаку (Ritter K. Über Alexander des Grossen Feldzug am indischen Kaukasus. – AAWB. 1829. – s.164).
- ³¹ Арриан, III, 29, 1.
- ³² Дройзен И.Г. История эллинизма. – Т.1. – С.243; Григорьев В.В. Поход, с.38, 43; Гафуров Б.Г. История таджикского народа. – М., 1955. – Т.1. – С.59-60; Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР. – М., 1956. – С.259. Более объективную оценку этих событий см.: Баженов Л.В. Средняя Азия в древнейший период (между VI и II веками до нашей эры). – Ташкент, 1937. – С.39-43; История Туркменской ССР. – Ашхабад, 1957. – Т.1. – С.75-56.
- ³³ Арриан, III, 29, 2-4. Как указывает военный инженер Б.Н.Кастальский, “конечно, думать о мосте на опорах, или даже на судах, особенно при спешности, не приходилось, и избранный Александром способ переправы на бурдюках и, очевидно, на больших бурдючных плотках, для коих были использованы кожаные войсковые палатки, набитые сухой соломой, надобно признать вполне целесообразным, соответствующим обстановке и вполне достигшим цели, так как переправу удалось выполнить в течение всего 5 дней” (Кастальский Б.Н. Историко-географический обзор Сурханской и Шерабадской долин // Вестник ирригации. – 1930. – №2. – С.69-70).
- ³⁴ Квинт Курций, VII, 5, 1-16.
- ³⁵ Дройзен И.Г. История эллинизма. – Т.1, примеч.с.70; Григорьев В.В. Поход, с.40-41.

- ²⁶ Описание путешествия по этому району русской миссии в 1878 г. удивительно напоминает описание Квинта Курция (*Яворский И.Л.* Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878-1879 гг. – СПб., 1882. – Т.1. – С.115-126).
- ²⁷ *Thirlwall G.* History of Greece. – Vol.VI. – P.279; *Дройзен И.Г.* История эллинизма. – Т.1, примеч. к – С.70; *Kaerst J.* Geschichte, s.432-433; *Schwarz F.* Alexandres des Grossen Feldzüge, s.32. По мнению В.В.Бартольда (*Бартольд В.В.* Исследование по истории Согдианы с древнейших времен до арабского завоевания (кончая 719 г.) (Рукопись Архива АН СССР, ф.68, оп.1. – №44, л.5), переправа могла иметь место в районе Келифа, несколько ниже или несколько выше его.
- ²⁸ *Григорьев В.В.* Поход, с.41; Масальский В.И. Туркестанский край. – СПб., 1913. – С.730-731.
- ²⁹ *Droysen J.* Alexander des Grossen Zuge durch Turan. – RMP. – 1834. – S.84.
- ³⁰ *Быков В.* Очерк переправ через реку Амударью. – Ташкент, 1879. – С.17-20. См. также: *Мушкетов И.В.* Туркестан: Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 гг. – СПб., 1886. – Т.1. – С.582.
- ³¹ *Костенко Л.Ф.* Туркестанский край. – СПб., 1880. – Т.2. – С.128.
- ³² *Бартольд В.В.* Термез. – Сочинения. – М., 1965. – Т.3. – С.504; *Minorzky V.* A Greek Crossing on the Oxus // BSOAS. – 1967. – Vol.30/1. – P.45-53 (русский перевод: *Минорский В.Ф.* Греческая переправа на Оксе. – Восточная филология. – Вып.2. – Тбилиси, 1972. – С.120-126); *Ртвеладзе Э.В.* К локализации "греческой" переправы на Оксе // ВДИ. – 1977. – №4. – С.182-188; *Seibert J.* Die Eroberung, s.128, anm.13.
- ³³ Квинт Курций, VII, 5, 28-35.
- ³⁴ Страбон, XI, 11, 4; XV, 4, 5. Об "огрблении" см. также XVII, 1, 43.
- ³⁵ См., например: *Simmons L.* Alexander the Great. Boston, 1940. – P.282. Впрочем этот вопрос специально рассматривался в работе: *Beal S.* The Branchidae. – IAJOR. 1880. – Vol.9. – P.68-71.
- ³⁶ *Schwarz F.* Alexandres des Grossen Feldzüge, p.37.
- ³⁷ *Berclay Head V.* The Earliest Greco-Bactrian and Greco-Indian Coins; – NC, fourth serie. – 1906. – Vol.6. – P.4.
- ³⁸ *Beal S.* The Branchidae // IAJOR. – 1880. – Vol.9. – P.70.
- ³⁹ История народов Узбекистана. – Ташкент, 1950. – Т.1. – С.71; *Тревер К.В.* Памятники греко-бактрийского искусства. – М.; Л., 1940. – С.4.
- ⁴⁰ *Tarn W.W.* Alexander, 2. – P.222-275; *Он же.* The Massacre of the Branchidae. – Classical Review. 1922, 36; *Он же.* Alexander conquest of the Far East // CAH. – 1933. – Vol.6. – P.392.
- ⁴¹ *Narain A.K.* The Indo-Greeks. – Oxford, 1957. – P.3.
- ⁴² *Parke H.W.* The Massacre of the Branchidae // JHS. – 1985. – Vol.CV. – P.59-68.
- ⁴³ В.В.Григорьев говорит даже о "возмутительно-малодушном поведении Бесса" (*Григорьев В.В.* Поход, с.43).
- ⁴⁴ Арриан, III, 29, 6-7; III, 30, 2-3, 5.
- ⁴⁵ Квинт Курций, VII, 5, 19-26. См. также: Диодор, XVII, 83, 7 и сл. Курций рассказывает о захвате Бесса до истории с бранхидами.
- ⁴⁶ Арриан, III, 28, 9.
- ⁴⁷ *Дройзен И.Г.* История эллинизма. – Ч.1, примеч., с.70-71; *Tomaschek W.* Centralasiatische Studien. 1. Sogdiana. – Wien, 1877. – S.27 (далее *Tomaschek W.* Sogdiana); *Schwarz F.* Alexandres des Grossen Feldzüge, s.74-75; *Григорьев В.В.*

Поход, с.43; *Тревер К.В.* Александр Македонский в Согде // ВДИ. 1947. – №5. – С.113; *Rivelande E.V.* On the historical Geography of Bactria-Tocharistan. – Silk Road Art Archaeology. 1. – Tokyo, 1990. – P.7.

⁵⁸ *Тревер К.В.* Александр Македонский, с.114.

⁵⁹ Арриан, III, 30, 46. По Шварцу (*Schwarz F.* Alexandres des Grossen Feldzüge, с.39-41), эта рекогносцировка была проведена в районе Карши.

⁶⁰ Специальная литература по этому вопросу немногочисленна. Общая характеристика: *Литвинский Б.А., Пьянков И.В.* Военное дело у народов Средней Азии в VI-IV вв. до н.э. // ВДИ. – 1966. – №3; *Литвинский Б.А.* Древние кочевники "Крыши мира". – М., 1972. – С.83-131. Кроме того, следует указать на работу С.П.Толстова (*Толстов С.П.* Конница Кангюя. – Древний Хорезм. – М., 1948. – С.211-227). Имеется характеристика парфянской армии (преимущественно для более позднего времени): *Массон М.Е.* Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства // Труды ЮТАКЭ. – Т.5. – Ашхабад, 1955. – С.43-50. Наиболее полная коллекция оружия происходит из Тахтисангина (не опубликована).

⁶¹ Квинт Курций, VII, 4, 19; VIII, 3, 4; Геродот, I, 214; Страбон, XI, 8, 6.

⁶² Греческая терминология разработана Е.Придигом (*Придик Е.* Мельгуновский клад 1763 г. // Материалы по археологии России. – №31. – СПб., 1911. – С.7. См. также: *Droysen J.* Akinakes. – RE. Bd.1. 1894, tp St-Pbg., 1168-1169; *Widengren G.* Some remarks on riding Costume and Articles of Dress Among Iranian Peoples in Antiquity. – Arctica. Uppsala, 1956 (Studia Ethnographica Uppsalaensia. 11).

Следует иметь в виду, что термин "акинак" дважды засвидетельствован в буддийско-согдийской форме *Kup'k*. Идентификация этого термина с "акинаком" стала возможной благодаря тому, что в китайской версии стоит слово, обозначающее "меч". Согдийский термин должен был звучать "кинака". У восточноиранских народов, видимо, употреблялось и другое слово "карта" (известно в авестийском, скифском, согдийском, ягнобском, памирских и др.), отсюда современное таджикское "корд" – нож (детали и ссылки на литературу: *Литвинский Б.А.* Древние кочевники, с.120). Недавно В.А.Лившиц расшифровал древнехорезмийскую надпись, которая содержит имя, в состав которого входит слово "акинак".

⁶³ *Dalton O.M.* The Treasure of the Oxus. Ed.3. – London, 1984; *Литвинский Б.А.* Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. Бронзовые топоры. Книжалы. Наконечники стрел // Материальная культура Таджикистана. – Вып.1. – Душанбе, 1969; *Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М., 1978. – С.28-30; *Литвинский Б.А., Пьянков И.Р.* Ножи акинака из Бактрии // ВДИ. – 1981. – №3.

⁶⁴ Упоминание у античных авторов: Геродот, VII, 64; Страбон, XI, 8, 6; Квинт Курций, III, 2, 5. О термине сагарис: *Литвинский Б.А., Пьянков И.В.* Военное дело у народов Средней Азии, с.39. Изображения: *Ghirshman R.* Perse. Proto-iranians. Medes. Achemenides. – Paris, 1963, fig.251, 447; *Junge J.* Saka-Studien. Der Ferne Nordosten im Weltbild der Antike. – Leipzig, 1939 (Klio, Beiheft. 41. N.F.H. 28), Taf.II.

⁶⁵ *Muns E.H.* Scythians and Greeks. – Cambridge, 1913. – P.72, 73.

⁶⁶ *Herzfeld E.* Zoroaster and His World. – Vol.2. – Princeton. – P.787. Известны находки парфянских боевых топоров (*Массон М.Е., Пугаченкова Г.А.* Парфянские ритоны Нисы // Труды ЮТАКЭ. – 1959. – Т.IV. – С.20-21).

- ⁶⁷ Упоминания у античных авторов: Геродот, I, 215; VII, 64-65; Квинт Курций, III, 3, 7. Подробнее о терминологии античных источников см.: Литвинский Б.А., Пьянков И.В. Военное дело у народов Средней Азии, с.39-40.
- ⁶⁸ Упоминания у античных авторов: Геродот, I, 215; VII, 64-65; Страбон, XI, 8, 6; Квинт Курций, VII, 5, 41-42. Подробнее о терминологии античных источников см.: Литвинский Б.А., Пьянков И.В. Военное дело у народов Средней Азии, с.46-52.
- ⁶⁹ *Климент Александрийский*. Ковры, IV, 8, 62.
- ⁷⁰ Dalton O.M. The Treasure of the Oxus, p.1, 36, 37; Литвинский Б.А. Сложноставной лук в древней Средней Азии (к проблеме эволюции лука на Востоке) // СА. – 1966. – №4; Литвинский Б.А. Древние кочевники, с.83-89.
- ⁷¹ Публикации этих стрел многочисленны. Находки с территории Таджикистана: Литвинский Б.А. Древние кочевники, с.93-105; Он же. Бронзовые наконечники стрел из Тахтисангина. – Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984 – С.153-157 (там же указания на публикации по другим областям Средней Азии).
- ⁷² Сведения античных источников: Геродот, VII, 61; Квинт Курций, IV, 9, 3; VII, 4, 35; Арриан, III, 13, 9; Диодор, XVII, 83. Подробнее см.: Литвинский Б.А., Пьянков И.В. Военное дело у народов Средней Азии, с.43. Детальное исследование: Горелик М.В. Сакский доспех. – Центральная Азия. – Вып.3. Новые памятники письменности и культуры. – М., 1982.
- ⁷³ Мамбетовуллаев М. Рельефные изображения всадника на керамической фляге из Хамбузете // СА. – 1977. – Рис.1 на вклейке на – С.128.
- ⁷⁴ Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. – С.148. – Рис.82.
- ⁷⁵ Кузьмина Е.Е. Бронзовый шлем из Самарканда // СА. – 1958. – №4 (там же литература по вопросу).
- ⁷⁶ Страбон, XI, 8, 6; Арриан, IV, 4, 4. О кожаных с металлическим каркасом щитах из Нисы см.: Массон М.Е. Народы и области, с.46. Описание найденного на Старой Нисе парадного парфянского щита см.: Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны // Труды ЮТАКЭ. – 1959. – Т.4. – С.21. Кожаные щиты из памирских курганов см.: Литвинский Б.А. Древние кочевники, с.128.
- ⁷⁷ Jackson A.W. Herodotus VII, 61, or the Arms of the Ancient Persians (Illustrated) from Iranian Sources. – Classical Studies in Honour of Henry Dryler. – New York; London, 1894. – P.94-125; Herzfeld E. Zoroaster. – Vol.2. – P.782-791; Gershevitch I. The Avestan Hymn to Mithra. – Cambridge, 1959 и др. В этой связи очень интересны авестийские термины *zaya* – “оружие”, “орудие”, *zayna* – “оружие” и прилагательное *zayan* – “вооруженный”. Последующая история этого слова как в иранских, так и в индийских языках, в которые оно проникло из иранских (Bailey H.W. Ariana. Dress and Equipment. – Orientalia Suecana. – Vol.4. – Uppsala, 1955. – P.7-8), позволяет, как нам кажется, сделать предположение, что в более позднее время, с развитием применения конского доспеха, этот термин все больше стал прилагаться именно к нему. Наряду со значением “вооружение” (в целом) он приобрел специфическое значение “конское снаряжение”, “конский доспех”. В Индии этот термин, следовательно, должен был проникнуть скорее всего в VII-IV вв. до н.э., что демонстрирует еще одну линию среднеазиатско-индийских связей. Одновременно в санскрит вошли и иранские термины, обозначающие понятия “всадник”, “седло” (о вхождении этих терминов в санскрит см.: Bailey H.W. Ariana, p.7-9; об индийской терминологии военного дела (по Панини) см.: Agrawala V.S. India as known to Pānini. – Lucknow, 1953. – P.419-423.
- ⁷⁸ Геродот, I, 215.

- ⁷⁹ *Lauffer B. Chinese Clay Figures. – Pt. I. Prolegomena on the history of Defensive Armor. – Field Museum of Natural History. Publication 177. Anthropological Series. 1914. – Vol. 13. – №2. – P. 215 и сл. Brown F.E. Army and Armor, p. 444; Tarn W.W. Hellenistic Military, p. 74; Толстов С.П. Древний Хорезм. – М., 1948. – С. 225; Altheim PDF Compressor Free Version. Bd. 1. – Frankfurt am Main. – S. 21.*

Б.А. Литвинский в своих ранних работах придерживался той же точки зрения. Однако ознакомление с публикациями новых месопотамских текстов и рядом иконографических материалов заставляет относиться к предложению, что именно Средняя Азия являлась центром возникновения конской брони, по крайней мере с большой осторожностью (см. об этом: *Литвинский Б.А. Древние кочевники, с. 129-131*).

- ⁸⁰ Данные письменных источников, а также археологические материалы свидетельствуют о том, что в Средней Азии рассматриваемого периода было высоко развитое оружейное производство. Его металлургическая (и рудная) база находилась в самой Средней Азии. Лишь полным незнакомством с геологической литературой и литературой по истории средневекового горного дела в Средней Азии объясняются совершенно беспочвенные утверждения, до сих пор высказываемые некоторыми авторами, о том, что парфияне получали железо якобы из "области между Уралом и Алтаем" (см. особенно: *Lozinski V.Ph. The Original Homeland of the Parthians. s-Gravenhage, 1959. – P. 22 и сл.*)

- ⁸¹ Намек на это как будто можно видеть в диспозиции войск перед битвой при Гавгамелах (Арриан, III, 11, 3-7; Квинт Курций, IV, 12, 6-7). Изображения среднеазиатских боевых(?) колесниц имеются среди наскальных рисунков Саймалыташа (*Бернштам А.Н. Наскальные изображения Саймалыташа // СЭ. – 1952. – №2. – С. 61-62*); золотые модели бактрийских колесниц представлены в Амударьинском кладе (*Dalton O.M. The Treasure of the Oxus. fig. 20-21. – P. I-IV; описания – в Авесте*) особенно реальное – Яшт, 10, 128-132. См. также: *Толстов С.П. Древний Хорезм, с. 225*.

- ⁸² Страбон, XI, 8, 6.

- ⁸³ *Климент Александрийский. Ковры IV, 8, 62.* Греко-македонские воины были поражены искусством бить "влет" птицу, которое им, по Квинту Курцию, якобы продемонстрировал соратник Спитамена Катан (Квинт Курций, VII, 5, 41-42). Хотя этот эпизод, вероятно, вымышленный, но существенно, что в представлении античных авторов и их информаторов искусство стрельбы из лука было высоко развито и в среде оседлого населения Средней Азии.

- ⁸⁴ Квинт Курций, VIII, 7, 32-33.

- ⁸⁵ На основании косвенных данных – см.: *Литвинский Б.А. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией, в древности // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. – М., 1960. – С. 12.*

- ⁸⁶ Признание этого в последнее время высказывалось и некоторыми западноевропейскими учеными (*Andreotti R. Die Weltmonarchie Alexanders des Grossen in Überlieferung und geschichtlicher Wirklichkeit. – Saeculum. – München, 1957, Bd. 8. – S. 129-130, Anm. 27*).

- ⁸⁷ Какое количество войск реально могли выставить среднеазиатские племена и народности, источники, к сожалению, не сообщают. Утверждение Квинта Курция (Квинт Курций, VII, 4, 30-31), что только бактрийская кавалерия насчитывала 30 тыс. человек, по-видимому, близко к истине. Следовательно, объединенное ополчение среднеазиатских племен и народностей могло бы намного превосходить численность греко-македонской армии.

⁸⁸ Можно полагать, что Мараканда – греческая передача местного наименования Самарканды (см.: *Markwart J. Kultur und sprachgeschichtliche Analecten. – Ungarische Jahrbücher. Bd.9. H.1. – Berlin; Leipzig, 1929. – S.94, примеч.1; Henning W. V. Mitteliranisch. – Handbuch der Orientalistik. Bd.4. Abt.1. Iranistik, Linguistik. – Leiden, Köln, 1958.*

⁸⁹ Арриан, III, 30, 6-7; Квинт Курций, VII, 6, 10.

⁹⁰ Шахермаир Ф. Александр Македонский, с.205.

⁹¹ Арриан, III, 30, 10-11. Квинт Курций (Квинт Курций, VII, 6, 1-7) передает этот эпизод иначе. Во-первых, он относит его ко времени, предшествующему занятию Мараканды, во-вторых, ушедших в горы было 20 тыс. человек и, в-третьих, Александр якобы их простил. Обычно исследователи считают достоверным рассказ Арриана, а не Квинта Курция. Но не отразился ли в этом расхождении тот факт, что сопротивление греко-македонским войскам было оказано и до занятия Мараканды и после ухода из нее? Это могло быть зафиксировано в использованных Квинтом Курцием и Аррианом источниках, но один из них, сообщая о втором, более сильном восстании, поместил этот эпизод до рассказа о захвате Мараканды Александром Македонским, другой – после.

⁹² Бартольд В.В. Исследование по истории Согдианы. Архив АН СССР. – Ф.68. – Оп.1. – №14.

⁹³ Арриан, IV, 1, 4.

⁹⁴ Страбон, XI, 11, 4.

⁹⁵ Дройзен И.Г. История эллинизма. – Т.1, примеч.с.72. Здесь и далее принято написание “Уструшана”. В.А.Лившиц на основании мугских согдийских документов, а также арабо-персидских источников установил, что эта форма наиболее близка к местному произношению VIII в. н.э. (*Лившиц В.А. Согдийский посол в Чаче (документ 14 с горы Мур) // СЭ. – 1960. – №2. – С.104-105.*)

⁹⁶ Сводку письменных источников по этому вопросу см.: *Литвинский Б.А. Саки, которые за Согдом // Труды АН ТаджССР. – 1960. – Т.СХХ.*

⁹⁷ Арриан, IV, 1, 1-2; Квинт Курций, VII, 6, 12.

⁹⁸ Квинт Курций, VII, 6, 13-14; Арриан, IV, 1, 5. “Эпарх” у Арриана в данном случае – начальственное лицо второго разряда.

⁹⁹ Шахермаир Ф. Александр Македонский, с.206.

¹⁰⁰ Арриан, IV, 1, 3-4; Квинт Курций, VII, 6, 13-15.

¹⁰¹ Арриан, IV, 1, 4-5.

¹⁰² Арриан, IV, 2, 1-6; IV, 3, 1-5.

¹⁰³ Квинт Курций, VII, 6, 16-23.

¹⁰⁴ Григорьев В.В. Поход, с.56.

¹⁰⁵ Страбон, XI, 11, 4.

¹⁰⁶ Там же; Страбон, XI, 11, 4; Птолемей, VI, 12. Сведения письменных источников о Кирэсхате см.: *RE. Bd.4, 1924. – P.1127; Benveniste E. La ville de Cyreschata // JA. – 1947. – Т.ССХХХIV, 1943-1945. – P.163-164.*

¹⁰⁷ *Droysen J. Alexander des Grossen Züge // RM. – 1938. – S.91; Дройзен И.Г. История эллинизма. – Т.1, примеч.с.72; Justi F. Geschichte des Alten Persiens. – Berlin, 1879. – S.146; Geiger W. Geographie von Iran. – Grundriss der iranischen Philologie. Bd.2. – Strassburg, 1896-1904. – S.392; Григорьев В.В. Поход, с.57; Tomaschek W. Sogdiana, p.57, 60. В частности, согласился с этим и Ф.Юсти (*Grundriss. 2, 404*). Однако еще сравнительно недавно А.Бертело предлагал искать Кирэсхату где-то в районе современного Коканда (*Bertelot A. L'Asie ancienne centrale et Sud-orientale d'après Ptolémée. – Paris, 1930. – P.195;**

- Hertzfeld E.* Eine neue Darius-Inschrift aus Hamadan. – Deutsche Literaturzeitung. 1926, h.42. – S.2108; *Андреев М.С.* Исторические заметки о Ходженге. – Справочная книжка Самаркандской области на 1896 г. – Вып.4. – Самарканд, 1906. – С.22; *Salomon F.* Alexanders des Grossen Feldzüge, s.51-53.
- ¹⁰⁸ *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана. – СПб., 1914. – С.8; История культурной жизни Туркестана. – Л., 1927. – С.3.
- ¹⁰⁹ *Негматов Н.Н.* Уструшана, с.18-20. Эта точка зрения распространена и среди зарубежных исследователей. Кэрст пишет, что Кирополь, “по господствующему мнению”, соответствует Ура-Тюбе (*Kaerst J.* Geschichte des Hellenismus, p.437, примеч. 2). Особняком стоит мнение одного американского ученого, который помещает Кирополь на месте Ходжента, а действительный Кирополь, который осаждал Александр Македонский, он называет просто “самым крупным городом” местности и помещает (под вопросом) в Джизаке (*Stonings L.* Alexander the Great, p.286-287, 289).
- ¹¹⁰ *Рапов В.А., Салтовская Е.Д.* О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1959 г. – Вып.7. – Душанбе, 1961; *Рахмонов Н.Т.* История Ура-Тюбе по археологическим данным (Археологическая стратиграфия Ура-Тюбе): Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Самарканд, 1989.
- ¹¹¹ *Белыева Т.В.* К исторической топографии городов Уструшаны. – Древняя и средневековая археология Средней Азии (К проблеме истории культуры). – Ташкент, 1990. – С.80-81 (там же литература по вопросу).
- ¹¹² За исключением Газы, название которой может быть сопоставлено со средневековым селением Газак; местоположение же последнего определено в средневековых дорожниках (*Barthold W.* Turkestan Down to the Mongol Invasion // GMS. – New serie. – 1928. – Vol.5. – P.187) со ссылкой на П.И.Лерха. Возможность этого сопоставления с точки зрения лингвистики подтверждена авторитетом Е.Бенвениста (*Benveniste E.* La ville. – P.165-166).
- ¹¹³ См., например: *Tomaschek W.* Sogdiana, p.56-61; *Григорьев В.В.* Поход, с.56-57; *Негматов Н.Н.* Уструшана, с.17-22 и др.
- ¹¹⁴ Попытка их локализации на основании археологических данных – см. *Белыева Т.В.* К исторической топографии, с.83.
- ¹¹⁵ Арриан, IV, 3, 6-7.
- ¹¹⁶ Обычный перевод этого места Юстина – “6 тыс. шагов” – неправилен, так как в тексте применен термин, обозначающий не “шаг”, а “пару шагов”. Можно, основываясь на вычислениях Н.Ниссена, принять длину стадию в 177, 4 м, а “пары шагов” – 1,48 м (*Nissen H.* Griechische und Römische Metrologie. – Handbuch der klassischen Altertums – Wissenschaft. Bd.1. – Nördlingen, 1886. – S.666, 668-669; *Петрушевский Ф.П.* Общая метрология. – Ч.1. – СПб., 1849. – С.624).
- ¹¹⁷ Арриан, IV, 4,1; Квинт Курций, VIII, 6, 25, 27; Юстин, XII, 5, 12. По мнению Бевана (*Bevan E.E.R.* The House of Seleucus. – Vol.1. – London, 1902. – P.279), часть греческих наемников была здесь поселена принудительно. Источниковедческий анализ сообщений античных авторов об Александрии Эхлате см.: *Пьянков И.В.* Александрия Крайняя в известиях античных авторов. – Исследования по истории и культуре Ленинабада. – Душанбе, 1986. – С.73-81.
- ¹¹⁸ Арриан, III, 28, 4; IV, 22, 4-5; Квинт Курций, VII, 3, 22-23; Диодор, XVII, 83, 1; Страбон, XV, 2, 10; Плиний, VI, 62. См.: *Кошелева Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. – М., 1979. – С.142-145.
- ¹¹⁹ *Левшин А.* Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких орд и степей. – СПб., 1832. – Ч.1. – С.244.

- ¹²⁰ *Droysen J. Alexander des Grossen Züge.* – S.91-92; *Wilson H.H. Ariana antiqua,* 1841. – P.166.
- ¹²¹ *Justi F. Geschichte des Alten Persiens,* p.146; *Herzfeld E. Eine neue Darius Inschrift 1908. Sammlung Ant. u. Coins of Alexander's Successors in the East; The Greeks and Indo-Scyth // NC. New serie.* – Vol.8, 1868. – P.109; *Бартольд В.В. История,* с.3; *Cummings L. Alexander the Great,* p.286-288.
- ¹²² *Негматов Н.Н. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье:* Автореф. дисс... докт. ист. наук. – М., 1968. – С.9; *Бельева Т.В. К открытию древнего поселения на территории Ленинабада.* – История и археология Средней Азии. – Ашхабад, 1978; *Негматов Н.Н. Об исследованиях СТАКЭ в 1975 г. // АРТ.* – Душанбе, 1980. – Вып.15; *Бельева Т.В. Арханический античный и раннесредневековый Ходжент по данным письменных и археологических источников.* – Исследования по истории и культуре Ленинабада. – Душанбе, 1986; *Негматов Н.Н. Ходжент: Основные этапы истории.* – Исследования по истории и культуре Ленинабада. – Душанбе, 1986. Ср. *Литвицкий Б.А. Саки, которые за Согдом,* с.94.
- ¹²³ Квинт Курций, VII, 7, 1-2. Это явствует и из Арриана (Арриан, IV, 3, 6-7).
- ¹²⁴ *Дройзен И.Г. История эллинизма.* – Т.1. – С.249.
- ¹²⁵ Обоснование этого предположения, а также литературу вопроса см.: *Литвицкий Б.А. Саки, которые за Согдом,* с.94.
- ¹²⁶ Арриан, IV, 4, 9; Квинт Курций, VII, 9, 16.
- ¹²⁷ Что он вообще прибегал к такому приему, следует из его собственных слов (Арриан, IV, 14, 4).
- ¹²⁸ Общенародный характер этой борьбы признают наиболее объективные историки (*Kaerst J. Geschichte,* s.432; *Wilken U. Alexander der Grosse,* s.143-145, 148; *Tarn W.W. Alexander,* I, p.69; *Шахермавр Ф. Александр Македонский,* с.204 и сл. Вместе с тем была высказана безосновательная теория о якобы "преимущественно религиозных" причинах антимакедонской борьбы народов Средней Азии (*Rawlinson G. Bactria. The History of Forgotten Empire.* – London, 1912. – P.42).
- ¹²⁹ Квинт Курций, VII, 6, 15, 24; Арриан, IV 5, 2.
- ¹³⁰ Арриан, IV, 5, 3. Детальный анализ этого эпизода см.: *Мончадская Е.А. О "царском городе" или "второй столице" Согдианы // ВДИ.* – 1959. – №2.
- ¹³¹ Попытка уточненной локализации места битвы – на правом берегу Зеравшана, в районе современного Зналдина – принадлежит Ф.Шварцу (*Schwarz F. Alexandres des Grossen Feldzüge,* p.6-63). Не исключено, однако, что битва произошла западнее.
- ¹³² Описание событий дано по Арриану (Арриан, IV, 5, 3-9 и IV, 6, 1-2). Изложение Квинтом Курцием этих событий напоминает вторую версию, при этом вместо саков у него фигурируют дахи. По его словам, в этом сражении погибло 2 тыс. македонских пехотинцев и 300 человек конницы (Квинт Курций, VII, 7, 30-39).
- ¹³³ *Altheim F. Alexander und Asien. Geschichte eines geistigen Erbes.* – Tubingen, 1953. – S.68.
- ¹³⁴ Арриан, IV, 6, 5; Квинт Курций, VII, 9, 23; 10, 3; Диодор, XVII. Возможно, в эту цифру включено и количество убитых местных жителей на территории Уструшаны.
- ¹³⁵ *Григорьев В.В. Поход,* с.66-67.
- ¹³⁶ Квинт Курций, VII, 10, 10; Арриан, IV, 5, 7.
- ¹³⁷ Арриан, IV, 7, 1; Квинт Курций, VII, 10, 10.

¹³⁸ *Wilson H.H.* Ariana antiqua, p.161; *Тревер К.В.* Памятники, с.14-15. Убедительную попытку объяснить причину путаницы с Бактрами – Зарияспой у древних см.: *Tarn W.W.* The Greeks, p.114, 115, 231; *Reax F.* Bactra and Zariaspa. – R.Mph. 1907. Bd.62. – S.591, 595 (источниковедческий анализ приводит к выводу о тождестве Бактр и Зарияспы); *Kaerst J.* Geschichte, s.438-439.

¹³⁹ Возможно, это был Картасис, “брат царя”, возглавивший, по Книжке Курцио, силы саков, сражавшихся за Сырдарьей с греко-македонянами.

¹⁴⁰ Арриан, IV, 15, 1-4.

¹⁴¹ *Толстов С.П.* Древний Хорезм, с.341-342.

¹⁴² Арриан, IV, 15, 4-5; Книжка Курций, VIII, 1, 8-9.

¹⁴³ Арриан, IV, 15, 7.

¹⁴⁴ Вероятно, с этим восстанием связано глухое упоминание Книжки Курция (Книжка Курций, VII, 10, 13) о какой-то военной экспедиции против восставших во время пребывания Александра в Бактрах.

¹⁴⁵ Арриан, IV, 16, 1-2; Книжка Курций (VII, 10, 15-16, ср. Плиний, VI, 47) сообщает сведения (отсутствующие у Арриана) о том, что до похода в Согдиану Александр совершил поход в Маргиану: “перейдя затем реки Ок и Окс, он прибыл к городу Маргиана. Поблизости были выбраны места для основания шести крепостей”... Плиний (VI, 47) прямо говорит, что в Маргиане Александр основал Александрию. Высказывалось мнение, что “Маргиана” появилась в рассказе Книжки Курция в результате описки, вместо первоначальной “Мараканы” (*Дройзен И.Г.* История эллинизма. – Т.3. – С.354), причем эта точка зрения не исключается до сих пор (*Kaerst J.* Geschichte, s.439, примеч.3), однако достоверность этого похода отрицается многими учеными (см., например: *Meyer E.* Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien. – Berlin, 1925. – S.17-18; *Kaerst J.* Geschichte, s.439, примеч.3). Вторая группа ученых столь же категорически настаивает на том, что этот поход имел место, и Александрия Маргианская была основана Александром (*Григорьев В.В.* Поход, с.177-180; *Marquart J.* A Catalogue of Provincial Capitals of Erānshahr. – Roma, 1931. – P.46). Существует также мнение, что Александрия Маргианская была основана Александром, но он сам не бывал там (*Дройзен И.Г.* История эллинизма. – Т.1, примеч., с.76-77; *Tarn W.W.* Alexander. 1, p.76; Alexander. 2, p.235; История Туркменской ССР. – Т.1. – Кн.1. – Ашхабад, 1957. – С.77).

Следует добавить, что, согласно восточной традиции, Мерв был основан Александром Македонским, причем это утверждение повторялось в зороастрийских, арабских и новоперсидских источниках.

При рассмотрении свидетельства Книжки Курция возникает серьезная текстологическая сложность. В подлинном тексте нет топонима “Маргиана”: в одних рукописях написано Marganiam, в других – Marginiam. В начале XVI в. в одном из ранних изданий это было исправлено на “Margianam”, что затем переходит из одного издания в другое. Но уже в издании М. де Телье (1678 г.) было помещено примечание, где это исправление оспаривалось на том основании, что при движении из Бактр в Маргиану не нужно пересекать Окс – Амударью. Было предположено, что Книжка Курций под Marganiam – Margianam имел в виду какой-то незасвидетельствованный другими источниками пункт в Согдиане. Недавно к этой точке зрения присоединился и развил ее А.Б.Босворт (*Bosworth A.B.* A Missing Year in the History of Alexander the Great // JHS. – 1981. – Vol.CI. – P.24-29). Однако

маршрут с пересечением Окса вполне объясним, в топонимике Согдианы никаких аналогичных топонимов не обнаруживается.

Мерский оазис имел столь большое политическое и экономическое значение, что, как правильно подчеркнул Г.А. Кошелев, невозможно себе представить, что он не был завоеван – при личном участии Александра или без него. *Кошелев Г.А. Греческий полис, с.151-152).*

- 146 Страбон, XI, 11, 4; Юстин, XII, 5, 13; *Kaerst J. Geschichte, s.439; Тревер К.В. Александр Македонский, с.118.* В.Тарн в этой связи говорит об организации укрепленных постов (*Tarn W.W. Alexander, 1, p.72).*
- 147 Арриан, IV, 16, 3-7. Книнг Курций (Книнг Курций, VIII, 1, 3-7), описывая, очевидно, тот же самый эпизод, указывает на участие в военных действиях против греко-македонян также бактрийцев и дахов.
- 148 Каерст правильно подчеркнул "центральное положение" Наутаки по отношению к Согду и Бактрии (*Kaerst J. Geschichte, s.440).*
- 149 Книнг Курций, VIII, 2, 14-18; *Григорьев В.В. Поход, с.191-192; Tomaschek W. Sogdiana, p.26.* Э.В.Ртвеладзе помещает Коэзиппу в район современного Карши – см.: *Rtveladze E.V. On the historical Geography, map-fig.1.* Совершенно бесспорно следует признать попытку локализовать Коэзиппу в Ура-Тюбе (*Forbiger A. Handbuch der alten Geographie, aus den Quellen bearbeitet. Bd.2. – Leipzig, 1844. – S.564).*
- 150 Арриан, IV, 17, 4-7; Книнг Курций, VIII, 3, 2-11. В.Тарну принадлежит предположение, основанное на косвенных соображениях, что жена Статамена была дочерью Ахеменидского царя Артаксеркса II (*Tarn W.W. Queen Ptolemais and Arama // CQ. – Vol.23. – №3-4. – P.139-141).* Предположение В.Тарна было принято советскими и зарубежными учеными, касавшимися этого вопроса (*Тирации Г.А. Ахеменидские традиции в Древней Армении. – XXV Международный конгресс востоковедов. Доклад делегации СССР. – 1960. – С.5; Rostovtzeff M. // JHS. – Vol.LV, 1935. – P.65).*
- 151 Диодор. Отглавление в кн.XVII, 2, 24.
- 152 Арриан, IV, 17, 3. Как отмечает В.Тарн, это были первые азиатские отряды в его армии (*Tarn W.W. Alexander, 1, p.72).*
- 153 Плутарх. Александр, X, VII, 3-4.
- 154 Ковалев С.И. Переговоры Дария с Александром и Македонская оппозиция // ВДИ. – 1946. – №3; Он же. Заговор "пажей" // ВДИ. – 1948. – №1; Он же. Александр и Книг // ВДИ. – 1949. – №3; Он же. Александр, Филота и Парменион // Ученые записки ЛГУ. Сер. истор. наук. – Вып.14. – Л., 1949.
- 155 Арриан, IV, 18, 4, 7; 19, 1-6; 20, 4.
- 156 Арриан прямо говорит, что крепость была сдана по доброй воле Хоризена (Арриан, IV, 1, 1-10).
- 157 Книнг Курций, VII, 11, 1-29; VIII, 2, 20-33.
- 158 Книнг Курций (Книнг Курций, VIII, 4, 22-30) и Плутарх (Плутарх. Александр, X, VII) сообщая об обстоятельствах женитьбы Александра на Роксане, отметили, что Роксана на пиру участвовала в хороводной пляске с пением, что чрезвычайно интересно с культурно-исторической точки зрения.
- 159 Страбон, XI, 11, 4. См. также: Плутарх. Александр, VIII, 2-3.
- 160 Тревер К.В. Александр Македонский, с.120.
- 161 *Tomaschek W. Sogdiana, p.31-33; Григорьев В.В. Поход, с.180-181.* Столь же мало обоснована локализация этой крепости в Курган-Тюбе (*Wilson H.H. Ariana antiqua, p.167).*

- Детальный анализ данных письменных источников об этих горных крепостях, проблемы их локализации, а также локализации Габазы (Газабы) и Паратакены см.: *Пьянков И. В.* Бактрия в античной традиции (Общие данные о стране: название и территория). – Душанбе, 1982. – С.43-48.
- ¹⁶² *Tomaschek W.* Sogdiana, s.34-35, 52; *Григорьев В. В.* Поход, с.200-201; *Marquart J.* Erläuterung nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. – Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-hist. kl. 1901, Bd.4. – S.28, 36; *Дьяконов И. М.* История Мидии, с.146, примеч.2; *Wilson H. H.* Ariana antiqua, p.167; *Kaerst J.* Geschichte, s.440; *Marquart J.* Wehrot und Arang. – Leiden, 1938. – S.75.
- Э. В. Ртвеладзе* на основе детального изучения местности предложил более конкретную локализацию Парайтакена – к югу от Железных ворот, в предгорных и равнинных районах Сурхандарья, до Окса (*Ртвеладзе Э. В.* Древняя Бактрия – средневековый Тохаристан: Динамика историко-культурного развития. Автореф. дисс... докт. ист. наук. – М., 1988. – С.4).
- ¹⁶³ Книга Курций, VII, 4, 1; *Григорьев В. В.* Поход, с.198; *Marquart J.* Wehrot und Arang, p.75.
- ¹⁶⁴ *Ртвеладзе Э. В.* Древняя Бактрия, с.4.
- ¹⁶⁵ *Gutschmid A.* Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. – Tübingen, 1888; *Schwarz F.* Alexandres des Grossen Feldzüge, s.83 и сл.; *Crinde J. M.* The invasion of India by Alexander the Great. – Westminster, 1896. – P.XV; *Marquart J.* Wehrot und Arang, s.74-79. Предлагались и совершенно фантастические локализации, например в Келате (см. дискуссию в кн.: *Thirlwall G.* History of Greece. – Vol.6. – P.344).
- ¹⁶⁶ Книга Курций, VIII, 5, 2. Предложение Маркварта о мотивах этого похода не лишено вероятия (*Marquart J.* Wehrot und Arang, s.75).
- ¹⁶⁷ Ариан, IV, 22, 1-2.
- ¹⁶⁸ *Пигулевская Н.* Города Ирана в раннем средневековье. – М.; Л., 1956. – С.22.
- ¹⁶⁹ Эта проблема обсуждается со времен И. Дройзена. В дискуссии участвовали такие выдающиеся ученые, как И. Каерст, У. Вилькен, Г. Штир, Г. Раде, В. Тарн, Д. Хамельтон и др. Библиографический обзор и критический анализ см.: *Seibert J.* Alexander der Grosse. – Darmstadt, 1972. – S.186-192; *Ковшелева Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. – М., 1979. – С.23-43. См. также: *Шофман А. С.* Идея мирового господства в завоевательных планах Александра Македонского // ВДИ. – 1969. – №4; *Ковшелева Г. А.* Аристотель и Александр // ВДИ. – 1974. – №1; *Цибукидис Д. И.* Древняя Греция и Восток. – М., 1981. – С.77-139; *Tarn W. W.* Alexander the Great and the Unity of Mankind. – Proceedings of the British Academy. 1933, 19. – P.123-166; *Berve H.* Die Verschmelzungspolitik Alexander's des Grossen // Klio. – 1938, 31. – S.135-158; *Badian E.* Alexander the Great and the Unity of Mankind // Historia. – 1958, 7. – P.425-444; *Badian E.* Studies in Greek and Roman History. – Oxford, 1964. – P.201; *Hampel F.* Alexander der Grosse und die Beurteilung geschichtlicher Persönlichkeiten // La Nouvelle Clío. 1954, 6. – S.115-124; *Schehrmeyer F.* Die letzten Pläne Alexanders des Grossen. – Jahreshfte des Osterreichischen Archaeologischen Institutes. 1954, 41. – S.118-140; *Bosworth A. B.* Alexander and the Iranians // JHS. – 1980. – P.1-21; *Colledge M.* Greek and Non-Greek Interaction in the Art and Architecture of the Hellenistic East. – Hellenism in the East. The Interaction of Greek and Non-Greek Civilizations from Syria to Central Asia after Alexander. Ed. by A. Kuhrt and S. Sherwin-White. – Berkeley; Los Angeles, 1987.

- 170 *Dandamaev M.A. A Political History*, p.331; *Briant P. Des Achéménides aux rois hellénistiques: continuités et ruptures. Annali della Scuola Normale (Classe di lettere e filosofia)*. III ad series. – Pisa, 1979. – Vol.9. – №4; *Briant P. Conquête territoriale et stratégie idéologique: Alexandre le Grand et l'idéologie monarchique Achéménide. – Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace historyczne*. 1980, 63.
- 171 *Кошелев Г.А. К оценке достоверности античной традиции об эллинистическом градостроительстве на Востоке – на примере Мидии, Гиркании, Парфии // КСИА. – М., 1973. – Вып.136; Он же. Греческий полис, с.172-179.*
- 172 Страбон, VI, 11, 4; Юстин, XII, 5, 13.
- 173 Археологические данные показывают, что в ахеменидское время существовал "город Марганиа": на мервской Эрк-кале существовало городское поселение общей площадью 1800x500 м, часть которого была заключена в крепостную стену. Была обжита и территория Гаур-кала. Есть предположение, что "основанное" Александром поселение находилось на Гаур-кале, гарнизон располагался на Эрк-кале (*Массон М.Е. Новые данные по древней истории Мерва // ВДИ. – 1951. – №4; Усманова З.И. Эрк-кала // Тр.ЮТАКЭ. – Ашхабад, 1963. – Т.12; Ташходжаев Ш.С. Разрез городской стены Гаур-калы // Тр.ЮТАКЭ. – Ашхабад, 1963. – Т.12; Филанович М.И. Гаур-кала // Тр.ЮТАКЭ. – Ашхабад, 1974. – Т.15; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Отв. ред. Г.А.Кошелев. – М., 1985. – С.228-229).*
- 174 *Vosworth A.V. Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. – Cambridge, 1988. – P.248.*
- 175 *Кошелев Г.А. Греческий полис, с.212-215.*
- 176 *Литвинский Б.А. Древний среднеазиатский город. (Местные традиции и итноземные модели). – Древний Восток. Города и торговля (III-I тыс. до н.э.). – Ереван, 1973. – С.112-125; Пьянков И.В. Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов. – Древний Восток. – С.126-135; Пьянков И.В. Древний Самарканд (Мараканда) в известиях античных авторов. – Душанбе, 1972; Древнейшие государства, с.204 и сл.; *Altheim F. Weltgeschichte Asiens in griechischen Zeitalter. – Naale, 1947, Bd.1. – S.167-169; Altheim F. und Stiehl R. Geschichte Mittelasiens im Altertum. – Berlin, 1970. – S.162-165.* Однако Альтхайм, вопреки данным, им же извлеченным из письменных источников, утверждает, что Средняя Азия была сельской страной; он умалчивает показание источников фразой, что это "не были города в обычном смысле слова".*
- 177 Автор этой главы в первом издании ИТН придерживался точки зрения В.Тарна, но затем изменил свою позицию, что нашло отражение в книге: *Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история / Отв. ред. Б.А.Литвинский. – М., 1972. – С.99.*
 Детальный анализ: *Кошелев Г.А. Восстание греков в Согдиане и Бактрии в 322 г. до н.э. и некоторые вопросы общественно-политической мысли в Греции IV в. до н.э. // ВДИ. – 1972. – №1; Кошелев Г.А. Греческий полис, с.181-221.*
- 178 Арриан, IV, 22, 3; Квинт Курций, VII, 10, 10.
- 179 *Зельин К.К., Трофимова М.К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. – М., 1969. – С.66.*
- 180 Арриан, IV, 3, 5; Квинт Курций, VII, 6, 116; VII, 11, 29.
- 181 *Зельин К.К. Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма) // ВДИ. – 1953. – №4. – С.149.*

- ¹⁸² *Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. – Vol. I. – С.129-130.*
- ¹⁸³ *Briant P. Alexandre le Grand. – Paris, 1974. – P.59-61.* Другой современный западный ученый А.Б.Босворт, пытаясь понять, как воспринимали поход Александра различные народы, полагает, что для большинства населения, с которым он имел дело (особенно персы, бактрийцы и индийцы), он являлся "разрушителем, который прошел сквозь страну, предав ее огню и массовым убийствам, для того, чтобы установить свое владычество" (*Bosworth A.B. Alexander the Great and Decline of Macedon // JHS. – 1986, 106. – P.12.*)
- ¹⁸⁴ На это, между прочим, обратил внимание уже А.Гутшмид (*Gutschmid A.A. Geschichte Irans, p.11.*)

ГЛАВА VII

Средняя Азия в селевкидское время

- ¹ *Cloché P. La dislocation d'un Empire. Les premiers successeurs d'Alexandre le Grand. – Paris, 1959. – P.18-20,* а также работы Г.А.Копшелевко. См.: *Копшелевко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. – М., 1979. – С.185-186.*
- ² *Дройзен И.Г. История эллинизма. – М., 1895. – Т.2. – С.18-19.*
- ³ Диодор, XVIII, 39, 6. Анализ и сопоставление источников о сатрапах Бактрии после смерти Александра Македонского см.: *Schubert R. Die Quellen zur Geschichte der Diadochenzeit. – Leipzig, 1914. – S.136; Dobbin K.W. Alexander's Eastern Satrapies // Persica. – 1984. – Vol.11. – P.83-86.*
- ⁴ Применен термин, буквально означающий "жители страны", "местное население". В данном контексте он мог означать осевших в этих областях греков, а также, возможно, и местное население.
- ⁵ Диодор, XIX, 48, 1. О попытках каких-то реформ Стасанора сохранились глухие отзвуки и в других источниках (*Honigmann E. Stasanor. – Re. Zweite Reihe. Hlbd 6, 1929. – S.2153.*)
- ⁶ Высказывалось мнение, что Стасандр и Стасанор – одно и то же лицо или что Стасандр – сын или племянник Стасанора (*Flehn. Stasandros. – Re. Zweite Reihe. Hlbd 6, 1929. – P.2153.*)
- ⁷ Юстин, XLI, 4, 1; *Debevoise N.C. A political History of Parthia. – Chicago; Illinois, 1938. – P.8; Bevan E.R. The house of Seleucus. – Vol.1. – London, 1902. – P.267 и сл.*
- ⁸ Об этих событиях см.: *Дройзен И.Г. История эллинизма. – Т.2. – С.173, примеч.с.48.*
- ⁹ Поэтому "селевкидская эра" начинается с 312 г. до н.э. Точнее, она начинается с 1-го дня (начало македонского года, приходится на октябрь) 312 г. до н.э.; вавилоняне ее начинали с 1 нисана (апреля) 311 г. до н.э.
- ¹⁰ *Bevan E.R. The house of Seleucus. – Vol.1. – С.57.* Сатрапы ряда восточноиранских сатрапий, в том числе бактрийской, – считает Л.Шобер, – к 315 г. до н.э. достигли реальной самостоятельности. Остается вместе с тем неясным, происходили ли в этих сатрапиях на отрезке времени между 315-307 гг. до н.э. какие-либо изменения в политической ситуации и в части руководства. Судя по выражениям античных авторов (особенно Юстин, XV, 4, 12), завоевание Селевка носило характер военной операции. Включенно в Селевкидское государство противились прежде всего сатрапы, которые не хотели

иметь над собой верховную власть. Остается неясным, был ли в момент завоевания сатрапом Стасанор или его преемник (см.: *Schober L. Untersuchungen zu Geschichte Babyloniens und der Oberen Satrapien von 323-303 v. Chr.* – Frankfurt am Main; Bern, 1981 (Europäische Hochschulschriften. Reihe III, Bd. 147/6 – S. 147-148).

¹¹ Юстин, XV, 4, 11. Именно тогда, очевидно, кончилась – так считают многие исследователи – и карьера (и только ли карьера?) Стасанора (*Beloch K.K. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd. 4/1.* – Berlin; Leipzig, 1925. – S. 140).

О самом Селевке I и его деятельности см.: *Grainiger J.D. Seleucus Nikator. Constructing a Hellenistic Kingdom.* – London; New York, 1990. О завоевании Бактрии в 307-306 гг. там же, с. 104-107.

¹² *Appian. Сирия, 55.*

¹³ *Krom N.J. Seleucos and Chandragupta.* – *Hermes.* – Berlin, 1909, 44; *Stähelin F. Seleucos.* – RE. Zweite Reihe. Dritter Halbband. – Stuttgart, 1921. – S. 1216-1217;

Chabra B.Ch. War Between Seleucus and Chandragupta in the Rāmāyana. – Woolner Commemoration Volume. – Lahore, 1940; *Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India. Sec. ed.* – Cambridge, 1951. – P. 100; *The Age of Imperial Unity.* – Bombay, 1953 (The History and Culture of the Indian People); *Schwarz*

F. Mauryas und Seleukiden: Probleme ihrer gegenseitigen Beziehungen. – Innsbruck, 1968; *Бонгард-Левин Г.М. Индия эпохи Маурьев.* – М., 1973. – С. 59-60; *Eggermont P.H.L. Alexander's Campaigns in Sind and Baluchistan and the Siege of the Brahmin Town of Harmatelia.* Leuven, 1975 (*Orientalia Lovaniensia*

Analecta, 3). – P. 83, 171-173, 176; *Бенитсон Г. Правители эпохи эллинизма.* – М., 1982. – С. 73-74.

¹⁴ *Bevan E.R. The house of Seleucus.* – Vol. 1. – С. 59.

¹⁵ *Appian. Сирия, 62.*

¹⁶ *Gutschmid A. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden.* – Tübingen, 1888.

¹⁷ *Tarn В. Эллинистическая цивилизация.* – М., 1949. – С. 133-134.

¹⁸ *Lehmann-Haupt C.F. Satrap.* – RE. Zweite Reihe. Hlbd 3, 1921. – S. 162 и сл. (там же литература по вопросу); *Бокщанов А.Г. Парфия и Рим: Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии.* [Ч. 1] – М., 1960. – С. 147.

¹⁹ *Tarn W.W. Seleucid-Parthian Studies.* – Proceedings of the British Academy. 1930. – London, 1930. – P. 126-135; *The Greeks in Bactria and India.* – Cambridge, 1951. – P. 1-4.

²⁰ *Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 2.* – München, 1944. – S. 26-39; *Bikerman E. Institutions des Seleucides.* – Paris, 1938. – P. 197-200.

²¹ *Бикерман Э. Государство Селевкидов.* – М., 1985. – С. 186.

²² Из анализа источников можно заключить, что это произошло в 294 или 293 г. В вавилонских источниках Селевк, под именем Силуку, фигурирует в качестве соправителя Антиоха (Аттайкусу) с 20 г. селевкидской эры, что при учете месяцев дает декабрь 292 г. до н.э. (*Stähelin F. Seleucus (I).* – RE. Zweite Reihe. Hlbd. 3. 1921. – S. 1221).

²³ Сведения источников об Апаме см.: *Wilcken. Apamā.* – RE. Bd. 1. 1894. – S. 2662.

²⁴ *Hirschfeld, Tomaschek. Apameia.* – RE. Bd. 1, 1894. – S. 2663-2665; *Tscherikower V. Die hellenistischen Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit.* – *Philologus. Suppl.* Bd. 19, H. 1. – S. 174-175; *Tarn W.W. Queen Ptolemais and Apama // CQ.* – Vol. 23. – № 3-4. – P. 139-141; *Rostovtzeff M. ΠΡΟΓΟΝΟΙ // JHS.* – 1935. – Vol. 5. – P. 64-65; *Тирации Г.А. Ахеменидские тра-*

диции в Древней Армении. – XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. – М., 1960. – С.4-5.

- ²⁵ *Аллиан*. Сирия, 59, 62; *Altheim F.* Weltgeschichte Asiens in griechischen Zeitalter. Bd. 1. Halle (Saale), 1945. – С.279, 284-285.
- ²⁶ Страбон, XI, 10, 2.
- ²⁷ Плиний, VI, 18, 47. Страбон (Страбон, XI, 10, 2) ничего не говорит о разрушении, а лишь о постройке Антиохии и об обведении Мервского оазиса стеной.
- ²⁸ Средневековая карта, основанная на римской карте Агриппы (I в. до н.э.).
- ²⁹ *Аллиан*. Сирия, 57.
- ³⁰ Плиний, VI, 18, 49.
- ³¹ *Tarn W.W.* Tarmita // *JHS.* – 1941. – Vol.60. – P.89-94.
- ³² *Дройзен И.Г.* История эллинизма. – Т.2. – С.354, 420; *Tscherikower V.* Die hellenistischen Stadtgrundungen, s.106. – Однако и он, и Дройзен с сомнением относились к отождествлению Александрии и Антиохии в Скифии, а А.Гутшмид и М.Ростовцев считали, что это – разные города (*Gutschmid A.* Geschichte, s.26; *Rostovtzeff M.* Syria and the East // *САН.* – 1928. – Vol.7. – P.174).
- ³³ *Tarn W.W.* Tarmita, p.91-93; *Массон М.Е.* Новые данные по древней истории Мерва. (Из работ ЮТАКЭ) // *ВДИ.* – 1951. – №4. – С.93.
- ³⁴ *Wolski J.* L'effondrement de la domination des Séleucides en Iran au III-é siècle av. J.-C. Cracovie, 1947. – P.24.
- ³⁵ Об остатках стены см.: *Вязьмитин С.А.* Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргшаны // *Труды ЮТАКЭ.* – Ч.1. – Ашхабад, 1949.
- ³⁶ Судя по тому, что Антиоху пришлось вести восстановительные работы в Арее (Плиний, VI, 25, 93), кочевники разрушили оплоты селевкидской власти в этой области.
- ³⁷ Хотя и в его концепции (в целом правильной) есть некоторые слабые места. Между прочим, Е.Херцфельд относит (без всяких на то оснований) "вторжение дахов в Хорасан" к 250 г. до н.э. (*Herzfeld E.* Zoroaster and His World. – Vol.2. – Princeton, 1947. – P.72, 696).
- ³⁸ *Tarn W.W.* Tarmita, p.93-94. По В.В.Тарн, Патрокл был стратегом Бактрии и Согдианы, но Бенгтсон отмечает, что термин "стратег" в связи с ним не встречается, и высказывает предположение, что Патрокл, возможно, является сатрапом Парфии и Гиркании (*Bengtson H.* Die Strategie, Bd.2. – S.82). О путешествии Патрокла и его результатах см.: *Schnabel P.* Berosses und die babylonisch-hellenistische Literatur. – Berlin, 1923. – S.57-62; *Neumann K.* Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meere und der alte Lauf des Oxes. – Hermes. – Berlin, 1884, Bd.19; *Бартольд В.В.* Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века // *Научные результаты экспедиции*. Сочинения. – Т.4. 1902. – С.13-14; *Томсон Дж.О.* История древней географии. – М., 1953. – С.191-192.
- ³⁹ *Толстов С.П.* Древний Хорезм, с.232.
- ⁴⁰ Эти передвижения должны были, в частности, привести к усилению роли сакского этнического элемента в Фергане. Исчезновение обычая захоронения, известного по могильникам типа актамского, быть может, явилось одним из следствий этого процесса.
- ⁴¹ *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. – Vol.1. – P.126, 422, 456; *Simonetta A.M.* A New Essay on the Indo-Greeks. The Sakas and the Pahlavas // *East and West.* – New Serie. – 1958. – Vol.9. – №3. – P.155.

- ⁴² NS, p.228-229. Мнение Х.Ховорса, категорически отрицавшего наличие бактрийского селевкидского чекана, оказалось ошибочным (*Howarth H.H. The Eastern Capital of the Seleucidae // NS. – Third serie. – 1888. – Vol.8. – P.284.*)
- ⁴³ *Newell E.T. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints: From Seleucus to Antiochus III. – New York, 1938 (n.s. – №1). – P.229-230.*
- ⁴⁴ Г.Макдональд определил средний вес пяти тетрадрахм равным 13,82 г. (*Ancient India, ed. E.I.Rapson. – Cambridge, 1922. – P.435.*)
- ⁴⁵ *Chakrabartty S.K. The Seleucid Emperors: Their Coins and Coin Imitations in India // IHQ. – 1935. – Vol.11. – №2. – P.246-248, 249.*
- ⁴⁶ П.Гарднер предложил в свое время несколько вариантов объяснений, в том числе и приведенное выше, но ни одному из них первоначально не отдал предпочтения (*Gardner P. New Coins from Bactria // NS. – New Serie. – 1879. – Vol.19. – P.10-11. Ср.: Он же: On Some Coins from Syria and Bactria // NS. – New Serie. – 1880. – Vol.20. – P.189-190.*)
- ⁴⁷ *Newell E.T. The Coinage, p.239-241. Такая монета имела и в составе Амударьинского клада (Gardner P. New Coins, p.10. Ср.: Six J.P. Monnaies grecques, inédites et incertaines // NS. – Third serie. – Vol.18. – 1898. – P.230-232; Babelon M.E. Les rois de Syrie, d'Arménie et de Commagène. – Paris, 1890. – P.LVIII).*
- ⁴⁸ *Newell E.T. The Coinage, p.243.*
- ⁴⁹ См. также: *Gardner P. Coins from Central Asia // NS. – Third serie. – 1881. – Vol.1. – P.11. Для первых публикаций монет Амударьинского клада также: Gardner P. New Coins from Central Asia // NS. – Second serie. – 1881. – Vol.1; Cunningham A. Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Cooper // JASB. – 1881; Он же: Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Cooper. Second Notice // JASB. – 1883; Он же: Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Cooper. Third Notice // JASB. – 1883.*
- ⁵⁰ *Bellinger A.R. The Coins from the Treasure of the Oxus. – The American Numismatic Society, Museum Notes. – Vol.10. – New York, 1962; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. – Л., 1979. – С.16-23; Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. – Душанбе, 1963. – С.27-42.*
- ⁵¹ *Зеймаль Е.В. Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы. – Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности / Под ред. Б.А.Литвинского. – М., 1983. – С.66-68; Пугаченкова Г.А., Писеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. – Ташкент, 1990. – С.44; Zeimal E.V. Problemes de circulation dans la Bactriane hellénistique. – L'archéologie de la Bactriane ancienne. – Paris, 1985. – P.277.*
- ⁵² *Зеймаль Е.В. Древние монеты, с.29.*
- ⁵³ *Зеймаль Е.В. Начальный этап, с.68.*
- ⁵⁴ *Соколов Ф.Ф. Третье столетие до Р.Хр. // Труды Ф.Ф.Соколова. – СПб., 1910. – С.251.*
- ⁵⁵ *Tarn W.W. The First Syrian War // JHS. – 1926. – Vol.46. – Pt.2. – P.157; Otto W. Beiträge zur Seleukidengeschichte des 3. Jahrhunderts v. Chr. // ABAW. – 1928. – Bd.34. – №1. – S.14; Tarn W.W. Seleucus 500 Elephants // JHS. – 1940. – Vol.60. – P.87.*
- ⁵⁶ О посылке бактрийского золота пишет Ф.Альтхайм (*Altheim F. Weltgeschichte Asiens, Bd.1. – S.285*). Он ссылается при этом на Х.Бенгтсона, который, упомянув о посылке золота вместе со слонами, пишет несколько осторожнее: "Золото происходило, на мой взгляд, конечно, из Бактрии" (*Bengtson H. Die Strategie, Bd.2. – S.51; см. также: Bengtson H., [реп. на] Tarn W.W. The Greeks*

- in Bactria and India. – Historische Zeitschrift. – München und Berlin, 1942. Bd.166, H.2. – S.338). Бенгтсон в свою очередь ссылается на В.Отто, который лишь сообщает о факте посылки золота и серебра и ничего не говорит в этой связи о Бактрии (*Otto W.* Beiträge, s.14). Следует иметь в виду, что Бенгтсон **PDF Compressor Free Version** перевод этого текста, сделанный Штрассмайером (*Epping J., Strassmaier J.N.* Babylonische Mondbeobachtungen aus den Jahren 38 und 79 der Seleuciden-Ära. – RA. – Berlin, 1892. Bd.7. – S.232). Однако в последующих переводах этого вавилонского документа золото вообще не фигурирует, говорится о серебре и разном сплавлении (*Lehman C.F.* Der erste syrische Krieg und Weltlage um 275-272 v. Chr. – Klio. – Leipzig, 1903, Bd.3. – S.499, примеч.1; *Smith S.* Babylonian Historical Texts Relating to the Capture and Downfall of Babylon. – London, 1924. – P.156 (II). По сообщению М.А.Дандамаева, перевод этого отрывка, выполненный С.Смигом, абсолютно точен.
- ⁵⁷ *Соколов Ф.Ф.* Антиох илионских надписей // Труды Ф.Ф.Соколова. – СПб., 1910. – С.326.
- ⁵⁸ *Помпей Трог.* Пролог, 26. Подробности см.: *Stähelin F.* Seleucos. – Re Zweite Reihe. Hlbd.2, 1921. – S.1234. Высказывалось предположение (Inhof-Blumer и др.), что на описанных выше бактрийских монетах надпись, содержащую имена Селевка и Антиоха, следует истолковать как "царь Селевк, сын Антиоха" и относить именно к Селевку, восставшему против отца Антиоха I. Это предположение не утвердилось в науке (*A guide to the principal coins of the Greeks from circ. 700 B.C. to A.D. 270 based on the work of Barclay V. Head.* – London, 1959. – P.50/14, 96).
- ⁵⁹ *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. – Vol.1. – Oxford, 1953. – P.430.
- ⁶⁰ *Tscherikover V.* Die hellenistischen Städtegründungen von Alexander dem Grosse bis auf Römerzeit. – Leipzig, 1927 (Philologus. Suppl. Bd.19, H.1); *Cohen G.M.* The Seleucid Colonies. Studies in Founding, Administration and Organisation. – Wiesbaden, 1978; *Косиленко Г.А.* Греческий полис.
- ⁶¹ *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация, с.143.
- ⁶² *Маринович Л.П.* Александр Македонский и становление эллинизма. – Эллинизм: экономика, политика, культура.
- ⁶³ *Косиленко Г.А.* Греческий полис, с.218-221.
- ⁶⁴ Плиний, VI, 47; *Tarn W.W.* The Greeks, p.15.
- ⁶⁵ *Свенгарская И.С.* Книга Э.Бикермана "Государство Селевкидов" и проблемы социально-политической истории эллинизма. – Бикерман Э. Государство Селевкидов. – М., 1985. – С.249.
- ⁶⁶ *Бикерман Э.* Государство Селевкидов, с.124-135.
- ⁶⁷ *Altheim F.* Weltgeschichte Asiens. Bd.1. – S.265; *Altheim F. und Stiehl R.* Geschichte Mittelasiens im Altertum. – Berlin, 1970. – S.321.
- ⁶⁸ *Bengtson H.*, [рец. на] *Tarn W.W.* The Greeks in Bactria and India. – Historische Zeitschrift. – München; Berlin, 1942. – Bd.166. – H.2. – P.337.

¹ Юстин, XLI, 4, 5.

² О труде самого Помпея Трога и об эпитоме его сочинения, выполненной Юстином, см.: Зельман К.К. Помпей Трог и его произведение "Historiae Philippicae" // ВДИ. – 1956. – №2. – С.183-202. Некоторые несообразности в тексте Юстина отмечены в примечаниях Э.Л.Казакевича и М.И.Рижского к переводу Юстина, опубликованному в // ВДИ (1954. – №2. – С.203-251; – №3. – С.193-251; – №4. – С.187-239; 1955. – №1. – С.199-243).

³ Theodotus, mille urbium bactrianorum praefectus (Юстин, XLI, 4, 5). Это место обычно переводят "Диодот, наместник тысячи бактрийских городов". Но слово "mille" имеет не только значение "тысяча", но и "множество" (ср. русское "тыма"). О существовании в Бактрии "тысячи" городов не позволяют говорить даже самые радужно-увлеченные оценки тех археологических материалов, которые сейчас известны. Значение "mille" – "множество", точнее соответствует истинному положению.

⁴ Юстин, XLI, 4, 5.

⁵ При этом Марк Атилий, сын Марка, Регул II вступил в должность консула не с начала года, а как дополнительный консул (suffecto) вместо "основного" консула по имени Квинт Целдий, сын Квинта. Таким образом, дата события названа с большой точностью и, видимо, взята Юстином (или Помпеем Трогом) из источника, располагавшего подробной информацией об этом событии.

⁶ В 250 г. до н.э. консулами были не те лица, что названы Юстином, но со сходными именами: Гай Атилий, сын Марка, Регул II и Луций Манлий, сын Авла, Вулсон II. Исследователи, которые допускали, что Юстин перепутал имена консулов (Rawlinson H.G. The Sixth Great Oriental Monarchy. Parthi. – London, 1873. – P.44, note; Saint-Martin M.Y. Fragments d'une histoire des Arsacides. – Paris, 1850. – T.1. – P.39, 173, 271; T.2. – P.219, 220; Rawlinson H.G. Bactria. The History of a Forgotten Empire. – London, 1912. – P.56), опираются на слова Эвсебия ("Хроника") о том, что выступление Диодота приходится на "одинадцатый год [царствования] Антиоха II", но это позднее свидетельство нельзя признать надежным (Эвсебий, видимо, сам неверно "раскрыл" дату Юстина по римским консулам). Нумизматические данные о работе монетного двора в Бактрах при Антиохе II показывают, что имена консулов у Юстина названы правильно: чеканка Антиоха II в Бактрии прекратилась в 156 г. до н.э. (Newell E.T. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints. From Seleucus I to Antiochus III. – New York, 1938 (The American Numismatic Society. Numismatic Studies. – №1). – P.243-249).

⁷ Здесь и далее сведения о работе монетного двора в Бактрах опираются на фундаментальное исследование Э.Т.Ньюэлла (см. примеч. 6).

⁸ Newell E.T. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints, p.243-244.

⁹ Там же, с.245.

¹⁰ Зельман Е.В. Древние монеты Таджикистана. – Душанбе, 1983. – С.43, 52. – Табл. 4, 8; Древности Таджикистана. Каталог выставки. – Душанбе, 1985. – С.44-45, 43-44.

¹¹ Ср.: Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. – М.; Л., 1940. – С.114-115.

¹² Более подробно о праве монетной чеканки в Селевкидском царстве см.: Билкерман Э. Государство Селевкидов. – М., 1985. – С.197-201.

- ¹³ *Newell E.T.* The Coinage of the Eastern Seleucid Mints, p.249.
- ¹⁴ *Гафуров Б.Г.* Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. – М., 1972. – С.104.
- ¹⁵ ИТН. Т.1. – М., 1965. – С.294.
- ¹⁶ Страбон, XI, IX, 2.
- ¹⁷ *Robert L.* Inscription hellénistique d'Iran. – Hellenica. 1960. – Vol.11-12. – P.85-91.
- ¹⁸ Царица Стратоника была женой Селенки I (но не матерью Антиоха I) и после его смерти стала женой Антиоха I.
- ¹⁹ О датировке монет Андрагора: *Дьяконов И.М., Зеймаль Е.В.* Правитель Парфии Андрагор и его монеты // ВДИ. – 1988. – №4. – С.9-14.
- ²⁰ В арамейско-парфянской передаче. – NRGWR, см.: *Дьяконов И.М., Зеймаль Е.В.* Правитель Парфии, с.16.
- ²¹ См. примеч. 12.
- ²² Юстин, XLI, 4, 9.
- ²³ Такая диадема-басиля как знак царской власти была известна во всем эллинистическом мире, а не только в Парфии и Греко-Бактрийском царстве.
- ²⁴ *Дьяконов И.М., Зеймаль Е.В.* Правитель Парфии, с.9, примеч.47; – С.17, примеч.87.
- ²⁵ *Зеймаль Е.В.* Амударьинский клад. Каталог выставки. – Л., 1979. – С.81. – №0448-0455. Все экземпляры, о месте находки которых имеются какие-то сведения, связаны с Амударьинским кладом. Только один беспаспортный экземпляр явно не принадлежал к Амударьинскому кладу: *Hill G.F.* Catalogue of the Greek Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia (in the British Museum). – London, 1922. – P.149. – Pl.XXVIII, 4.
- ²⁶ До недавнего времени монеты Андрагора с арамейско-парфянскими легендами обозначались в литературе как монеты "Вахшувара". См.: *Дьяконов И.М., Зеймаль Е.В.* Правитель Парфии, с.5-6 (эмисии III, IV).
- ²⁷ *Minns E.H.* Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan // The Journal of Hellenic Studies, 1915. – Vol.35. – London, 1915. – P.33-38; *Strassmeier N.* Arsaciden Inschriften. – Zeitschrift für Assyriologie, Bd.3, 1988; *Дьяконов И.М. и др.* Налоговые парфянские документы II века до н.э. из Нисы. – М.; Л., 1951 (Материалы ЮТАКЭ. – Вып.2). – С.55-59; *Дьяконов И.М., Лившиц В.А.* Документы из Нисы I в. до н.э.: Предварительные итоги работы. – М., 1960; *Дьяконов И.М., Лившиц В.А.* Новые находки документов в Старой Нисе // Переднеазиатский сборник. II: Дешифровка и интерпретация письменностей древнего Востока. – М., 1966. – С.133-157. Даты на аршакидских монетах (тетрадрахмах), как правило, обозначались только по селевкидской эре, продолжавшей употребляться наряду с "аршакидской".
- ²⁸ *Kugler F.X.* Sternkunde und Sterndienst in Babel. – Münster. – Bd.2. – 1924. – S.443-463. В греческих городах Парфянского царства начальная дата "аршакидской" эры сдвинулась (видимо, в результате ошибки в расчетах) на осень 248 г до н.э.
- ²⁹ Есть надписи, в которых даты указаны не только по "аршакидской" эре, но и по другим системам летоисчисления (селевкидская эра).
- ³⁰ The Cambridge History of Iran. – Vol.3 (1): The Seleucid Parthian and Sasanian periods. – Cambridge, 1983. – P.28.
- ³¹ 247 г. до н.э. предлагали считать датой отложения Парфии от Селевков (П.Гарднер), датой воцарения Аршака I, датой коронации Тиридата I (В.Тарн) и т.п. См.: *Дьяконов И.М., Зеймаль Е.В.* Правитель Парфии, с.14, примеч.78.

- ³² Страбон, XI, 9, 2.
- ³³ Юстин, XLI, 4, 7.
- ³⁴ Syncell, p.539 (Bonn); Phot., cod. 58.
- ³⁵ Так, Арсак и Тиридат названы "сатрапами Бактрии при Агафокле, македонском царе Персидской сатрапии", а их "обидчик" — не Андрагор, а "Феркел, поставленный Антиохом сатрапом их страны".
- ³⁶ Юстин, XLI, 4, 7.
- ³⁷ В 246-241 гг. Селевк II вел войну с Египтом и был разбит около 239-236 гг. "Война братьев", затем поражения в Малой Азии от царя Пергама Аттала I и от царя Вифинии Эвмена и т.д.
- ³⁸ Юстин, XXVII, 2, 11.
- ³⁹ Юстин, XXVII, 11 и 12.
- ⁴⁰ Ср.: *Debevoise N.C. A Political History of Parthia.* — Chicago, Illinois, 1938. — P.12, примеч.50.
- ⁴¹ *Wolski J. The Decay of the Iranian Empire of the Seleucides and the Chronology of the Parthian Beginnings.* — Berytus, 1957. — Vol.12. — P.35-52; *Фрай Р.Н. Наследие Ирана.* — М., 1972. — С.245.
- ⁴² Юстин, XLI, 4, 6-7.
- ⁴³ Страбон, XI, 9, 2.
- ⁴⁴ Страбон, XI, 9, 3. Высказывалось мнение, что парны "принятии и распространении за пределы первоначального ареала язык оседлого населения Парфии" (*Фрай Р.Н. Наследие Ирана, с.245*).
- ⁴⁵ Страбон, XI, 9, 3.
- ⁴⁶ Syncell, p.539.
- ⁴⁷ Юстин, XI, 1, 5, 6; ср. Страбон, XV, 1, 36 и XVI, 1, 28.
- ⁴⁸ Об этих документах и о разных точках зрения на парфянскую генеалогию см.: *Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры.* — М., 1987. — С.238, примеч.13.
- ⁴⁹ *The Cambridge History of Iran.* — Vol.3 (1). — P.30.
- ⁵⁰ *Wolski J. Arsace II et la genealogie des premiers Arsacides.* — *Historia*, Bd.2. Weisbaden, 1962.
- ⁵¹ В документах их Нисы (см. примеч.48) генеалогия Готарза, Синатрука и Фраата III возводится к "Фриапатаку, сыну племянника Аршака", т.е. Фриапатак был сыном Тиридата I.
- ⁵² У Юстина (XLI, гл. 4 и 5) события царствования Аршака I и Тиридата I приписаны одному царю "Арсаку".
- ⁵³ Дата устанавливается по восетанию в г.Антиохии, из-за которого Селевк II должен был покинуть Парфию и возвратиться в Малую Азию.
- ⁵⁴ *The Cambridge History of Iran.* — Vol.3 (1). — P.29-31.
- ⁵⁵ Юстин, XLI, 5, 5.
- ⁵⁶ Если относить захват власти Аршаком I к 238-236 гг., то даже продолжительность правления Арсака I и Тиридата I вместе не могли бы составить 37 лет.
- ⁵⁷ Юстин, XLI, 5, 2-4.
- ⁵⁸ Пока были известны лишь единичные экземпляры раннеаршакидских монет (*Wroth W. Catalogue of the Coins of Parthia.* — London, 1903. — P.5 — 'VI) "Митридат I?"), их датировка и систематизация вызвали большие затруднения. Их ввела в науку публикация большого клада из Северо-Восточного Ирана — *Abgarians M., Sellwood D. A Hoard of Parthian Drachms.* — *Numismatic Chronicle*, 7-th ser. 1071. — Vol.5. — P.103-119.

- ⁵⁹ *Abgaryans M., Sellwood D. A Hoard; Sellwood D. An Introduction to the Coinage of Parthia.* – London, 1971. – P.16-23.
- ⁶⁰ *Sellwood D. An Introduction, p.17 – тип 1, p.18 – тип 2.* Эпигет “Самовластный” (ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ) на монетах встречается редко и, как правило, у тех правителей, которые получили власть не по наследству, а сами ее захватили: в Селевкидском царстве так именовал себя узурпатор Трифон; у Аршакидов – Синатрук и Тиридат II(7).
- ⁶¹ Д.Селлвуд читает эту легенду *kny* (*Sellwood D. An Introduction, p.19 – тип 3, p.20 – тип 4*).
- ⁶² *Gardner P. The Parthian Coinage.* – London, 1877. – P.18; *Newell E.T. The Parthian Coinage.* – Survey of Persian Art. – Vol.1. – London; New York. – P.476; *Зограф А.Н. Античные монеты.* – М.; Л., 1951 (МИА СССР. – №16). – С.80-81; *Косиленко Г.А. Некоторые вопросы истории ранней Парфии // ВДИ.* – 1968. – №1. – С.58 и др.
- ⁶³ Об этом прототипе подробнее см.: *Зеймаль Е.В. Парфянский лучник и его происхождение // Сообщения Государственного Эрмитажа.* – Л., 1982. – Вып. XLVII. – С.46-49.
- ⁶⁴ Претензии на происхождение от Ахеменидов исследователи считают довольно поздним (вторая половина I в. до н.э. – первая половина I в. н.э.) “наслоением” в парфянской политической идеологии (*Neusner J. Parthian Political Ideology.* – *Iranica Antiqua.* – Vol. III, fasc. 1. – P.50-59).
- ⁶⁵ Д.Селлвуд (вопреки той аршакидской генеалогии, которая восстанавливается по документам из Нисы) называет этого царя “Арсак II, сын Арсака” (*Sellwood D. An Introduction, p.21*), но в любом случае чеканка этого царя могла продолжаться недолго – 211-209 гг. до н.э. (т.е. до прихода Антиоха III).
- ⁶⁶ Страбон, XI, 2.
- ⁶⁷ *Зеймаль Е.В. Амударьинский клад, с.28-29.*
- ⁶⁸ *Бюкерман Э. Государство Селевкидов, с.23-24.*
- ⁶⁹ Юстин, XLI, 4, 8.
- ⁷⁰ Юстин, XLI, 4, 9.
- ⁷¹ Ср.: *Lahiri A.N. Corpus of Indo-Greek Coins.* – Calcutta, 1965. – P.110-111; *Curiel R., Fussman G. Le trésor monétaire de Qunduz (MDAFA. – T.20).* – Paris, 1965. – P.73-75.
- ⁷² *Полибий. “История”, XI, 34.*
- ⁷³ К.В.Тревер полагала, что Диодот II “правил не более пяти лет” – в 230-225 гг. (*Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства.* – М.; Л., 1940. – С.115-116; ср.: *Tarn W. The Greeks, p.74*). Но предлагались и более ранние даты: около 235 г. до н.э. (*Narain A.K. Indo-Greeks.* – Oxford, 1962. – P.17-18); около 230 г. до н.э. (*Rawlinson H.G. Bactria, p.61-62*) и др.
- ⁷⁴ Страбон, XI, 9, 2.
- ⁷⁵ *Cunningham A. Coins of Alexander's Successors in the East.* – London, 1884. – P.134; *De La Vallée-Poussin L. L'Inde aux Temps des Mauryas et des Barbares, Grecs, Scythes, Parthes et Yue-Tchi, 1930.* – P.133; ИТН. – Т.1. – С.302; *Narain A.K. Indo-Greeks, p.20.*
- ⁷⁶ *Полибий, XI, 39.* Неизвестно, была ли эта Магнесия в Ионии или в Лидии.
- ⁷⁷ *Tarn W. The Greeks, p.75.*
- ⁷⁸ В.В.Тарн чаще использовал монеты не как исторический источник, а как, в лучшем случае, “иллюстрации” для своих свободных рассуждений.
- ⁷⁹ *Массон М.Е. Происхождение безымянного “царя царей – великого спасителя” // Труды САГУ. Н.с.* – 1950. – Вып.11. – С.11-49.

⁸⁰ *Tarn W. The Greeks*, p.74.

⁸¹ *Tarn W. The Greeks*, p.84-87, 109-112; ср.: *Тревер К.В. Памятники*, с.126; ИТН. – Т.1. – С.302.

⁸² ИТН. – Т.1. – С.302.

⁸³ Юстин, ХLI, 5, 7.

⁸⁴ По сведениям Полибия (К. 49), Эвменом находился с войском в области Тапурия.

⁸⁵ Полибий, X, 49.

⁸⁶ Зарияспа, видимо, другое название столицы царства – города Бактры. Ср.: *Пьянков И.В. Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов. – Древний Восток. Города и торговля (III-I тыс. до н.э.). – Ереван, 1973. – С.127.*

⁸⁷ Полибий, XI, 34.

⁸⁸ Полибий, XI, 34.

⁸⁹ По греческим представлениям “юноша” (νεανίης) – промежуточная возрастная категория между “дитя, ребенок” (παῖς) и “взрослый мужчина, муж” (άνηρ), но существовала еще одна градация – “юноша, достигший возмужалости” (εφηβος), уже считавшийся (обычно – с 16 лет, в Афинах – с 18) совершеннолетним и полноправным гражданином. Конечно, царский сын не должен был записываться в эфебы, привлекаться к отбыванию военной или иной службы и т.п., но достичь 16 лет – и для него означало бы выйти из юношеского возраста. Этого не учитывал А.К.Нарайн, считая, что Деметрию в 206 г. до н.э. было 20-25 лет (*Narain A.K. Indo-Greeks*, p.22). Деметрий, видимо, еще не был женат (Антиох III обещает ему руку одной из своих дочерей), хотя браки тогда (особенно в царских семьях) заключали очень рано.

⁹⁰ Практика совместного правления двух царей – “старшего” и “младшего” – была широко распространена в Селевкидском государстве и в других эллинистических царствах на Востоке, о которых мы располагаем более подробными, чем для Греко-Бактрии, данными. Назначение царя-соправителя при жизни здравствующего и властвующего царя – прежде всего, способ передачи власти тому преемнику, которого избрал сам царь, и возможность избежать борьбы претендентов, когда трон становится вакантным. Сведения о царях-соправителях у Селевкидов см.: *Бюккерман Э. Государство Селевкидов. – М., 1985. – С.23-25.* Есть сведения о царях-соправителях в Парфянском царстве, но и в Греко-Бактрийском царстве этот институт, несомненно, существовал.

⁹¹ Страбон, XI, 11, 1.

⁹² Юстин, ХLI, 6, 4.

⁹³ Исидор Харакский. “Парфянские стоянки”, 19.

⁹⁴ Необходимо отметить, что легендарные сведения о “великом Эметрии, царе Инда” сохранились у Д.Чосера (1340-1400) – одного из величайших поэтов средневековой Англии (*Bivar A.D.H. The Death of Eucratides in Medieval Tradition // JRAS. – 1950. – P.7-13; Narain A.K. Indo-Greeks*, p.37-38), но они явно вторичны по отношению к эпигаме Юстина.

⁹⁵ Такое толкование принимали многие исследователи, но наиболее полное (и даже гипертрофированное) “развитие” оно получило у В.В.Тарна – *Tarn W. The Greeks*, p.93-102, 129-182, где можно найти и ссылки на раблы “единомышленников” В.В.Тарна.

⁹⁶ Наиболее решительно выступил “на защиту” Инда от Деметрия А.К.Нарайн (*Narain A.K. Indo-Greeks*, p.28-45).

⁹⁷ *Lahiri A.N. When did Demetrius invade India? – IHQ. – Vol.33. – 1985.*

- ⁹⁸ Гафуров Б.Г. Таджики, с.109.
- ⁹⁹ *Bivar A.D.H.* The Bactra Coinage of Euthydemus and Demetrius. – Numismatic Chronicle. 1951. – P.22; *Массон В.М.* Деметрий Бактрийский и завоевание Индии // ВПИ – 1961 – №2 – С.39-45.
- ¹⁰⁰ *Curjel R., Fussman G.* Le trésor, p.16-19; *Lahiri A.N.* Corpus; *Зеймаль Е.В., Вафаян Г.* Тетрадрахма Деметрия из долины Зеравшана // Общественные науки в Узбекистане. 1982. – №5. – С.38-42; *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана, с.43-56.
- ¹⁰¹ На греко-бактрийских монетах такой шлем появляется впервые при Деметрии, но нет никаких оснований связывать его появление с походом этого царя в Индию: боевые слоны еще с ахеменидского времени была на вооружении государств, очень далеких от Индии.
- ¹⁰² *Curjel R., Fussman G.* Le trésor.
- ¹⁰³ Там же. – №37-38, 49-54, 57-58.
- ¹⁰⁴ Там же. – №59-83.
- ¹⁰⁵ Конечно, возрастные признаки портретов греко-бактрийских царей на монетах – далеко не всегда надежная опора для исторических выводов. Но в данном случае мы можем сопоставить “индийский” портрет Деметрия только с монетами второго периода (царь в “слоновьем шлеме”): с молодым Деметрием на монетах первого периода он просто не сопоставим.
- ¹⁰⁶ Гипотеза о том, что существовало два греко-бактрийских царя по имени Деметрий, теперь не подтверждается. См.: *Массон В.М.* Деметрий Бактрийский, с.45; ср.: *Curjel R., Fussman G.* Le trésor, p.75-76.
- ¹⁰⁷ Такая монета была выпущена царем Агафоклом (*Allan J.* Indian Coins Acquired by the British Museum // NC. – 1934. – P.229. – Табл. III, 1).
- ¹⁰⁸ *Cunningham A.* Coins of Alexander's Successors, p.127. – №8, pl. (C) IV, 11; *Gardner P.* The Greek and Scythic Kings of Bactria and India. – London, 1886. – P.163. – №3, pl.XXX, 3; *Whitehead R.B.* Catalogue of Coins in the Punjab Museum, Lahore. – Vol.1: Indo-Greek Coins. – Oxford, 1914. – P.14, pl.I, 26; *Whitehead R.B.* Notes on Indo-Greek Numismatics // NC. – 1923. – P.317-318, pl.XIV, 2; *Haughton H.L.* Miscellanea. Notes on Greek and Kushan Coins from N.W.India // NC. – 1947. – №2 – P.142. Необходимо отметить, что ни для одной из двуязычных монет Деметрия место находки неизвестно.
- ¹⁰⁹ *Whitehead R.B.* Notes on Indo-Greek Numismatics, p.342; *Marshall J.* Taxila. – Vol.2. – Cambridge, 1951. – P.798; *Narain A.K.* Indo-Greeks, p.52, примеч.5.
- ¹¹⁰ “Слоновый шлем” и титул “Непобедимый” – на “бактрийских” тетрадрахмах индо-греческого царя Лисия (*Curjel R., Fussman G.* Le trésor, LI, 612); титул “Непобедимый” также на монетах индо-греческих царей Артемидора и Филоксена (*Lahiri A.N.* Corpus, p.104-106, 167-170); тип об. ст. “стоящий Геракл, возлагающий на себя венок” – на монетах Лисия и Феофила (*Lahiri A.N.* Corpus, p.204).
- ¹¹¹ *Lahiri A.N.* When did Demetrius invade India? – IHQ. – 1957. – Vol.33. – P.40-49.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Помимо различий в портрете (Эвтидем I всегда изображался взрослым или даже пожилым, Эвтидем II – юноша или очень молодой человек) на об. ст. серебряных монет Эвтидема I – сидящий Геракл, у Эвтидема II – стоящий Геракл с венком в руке (второй венок – на голове). У медных монет Эвтидема I – скошенный турк, Эвтидема II – обычный.
- ¹¹⁴ На лиц. ст. монет Диодота и Эвтидема I помещалось изображение головы царя, но у Деметрия и всех последующих царей Греко-Бактрии (включая и

- Эвтидема II) на лиц. ст. – бюст царя; при Диодоте и Эвтидеме I не выпускалось оболов – их начинает чеканить Деметрий и выпускают более поздние цари (в том числе Эвтидем II) и т.п.
- ¹¹⁵ Его тетрадрахмы, драхмы, гемидрахмы и оболы немногочисленны, воспроизводят только одно сочетание иконографических типов и, видимо, чеканились только на одном или на двух монетных дворах. Более многочисленны купроникелевые монеты Эвтидема II.
- ¹¹⁶ Например, А.К.Нарайн склонен считать Эвтидема II еще одним сыном Эвтидема I, младшим братом Деметрия и, видимо, его соправителем (*Narain A.K. Indo-Greeks*, p.23, 115), но В.Тарн полагал, что не может быть сомнений в том, что Эвтидем II – один из сыновей Деметрия. На это указывает и отсутствие среди серии коммеморативных монет выпуска в честь Эвтидема II.
- ¹¹⁷ Тип оборотной стороны серебряных монет Эвтидема II (стоящий Геракл с двумя венками – один в руке, другой на голове) представляет собой как бы развитие типа об. ст. Деметрия на монетах второго периода (стоящий Геракл, возлагающий на свою голову венок) и может рассматриваться как косвенное указание на соправительство Эвтидема II.
- ¹¹⁸ Название *кавси* происходит от греческого *καση* – “жечь”. Это – традиционный головной убор македонских царей (на римской монете 44/43 гг. до н.э. в *кавси* изображен Гений Македонии), видимо, символизировавший в бактрийской среде непобедимость. Поэтому предположение К.В.Тревер по поводу этого головного убора (“Шалка в виде берета может быть сближена с формой китайских головных уборов”, а Антимах “мог править областью, границы которой соприкасались, посредственно или непосредственно, с областями китайскими” – *Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства*, с.125) не может быть принято. Иногда *кавси* путают с *петасом* – пастушеским головным убором, в котором иногда (в том числе и на греко-бактрийских монетах) изображался бог Гермес (например, *Lahiri A.N. Corpus*, p.114), но это разные головные уборы.
- ¹¹⁹ *Lahiri A.N. Corpus*, p.87-88, pl.VI, 1, 2; *Gardner P. Catalogue*, p.164. – №1, pl.XXX, 6.
- ¹²⁰ Такую точку зрения высказал, в частности, В.В.Тарн (*Tarn W. The Greeks*, p.75-76), но ср.: *Narain A.K. Indo-Greeks*, p.46-50.
- ¹²¹ Памятники греко-бактрийского искусства, с.7, 126-128.
- ¹²² Дж.Аллан отмечал (*Allan J. Notes on the Punch – Marked, Local – Taxilian and Greek Coins*; – *Marshall J. Taxila*. – Vol.2. – Cambridge, 1951. – P.856), что известна надчеканка Антимаха на местной таксильской монете (*Allan J. A Catalogue of Indian Coins in the British Museum. Coins of Ancient India*. – London, 1936, pl.21).
- ¹²³ *Lahiri A.N. Corpus*, p.78, 165-166.
- ¹²⁴ Так, известна только одна тетрадрахма Панталсона, одна драхма, один обол и один купферникелевый диалек, но двужычных монет этого царя дошло до нас лишь несколько десятков.
- ¹²⁵ Юстин, XLI, 6, 3.
- ¹²⁶ Здесь “скифы”, как это часто бывает, обозначают не конкретный этнос, а вообще “кочевников”. Противниками парфия, о которых сообщает Ст. а-фон, были да-юэжи – тохары.
- ¹²⁷ Страбон, XI, 9, 2.
- ¹²⁸ Юстин, XLI, 6, 4.
- ¹²⁹ Юстин, XLI, 6, 5.

- ¹³⁰ Это следует из генеалогии Аршакидов, отраженной документами из Нисы (см. выше примеч. 48 и 51).
- ¹³¹ О продолжительности царствования "Фриапата" сообщает Юстин (XLI, 5, 8). Упоминается "Фрипатак, сын племянника Аршака" и в документах из Нисы — к нему (не упоминая "промежуточных" предков) возводили себя его внуки и правнуки. Но больше о нем ничего не известно.
- ¹³² Юстин, XLI, 5, 9.
- ¹³³ Юстин, XLI, 5, 10.
- ¹³⁴ Юстин, XXXII, 2, 1-2 (ср.: Страбон, XVI, 1, 18).
- ¹³⁵ Юстин, XLI, 6, 1-3.
- ¹³⁶ Юстин, XXXIV, 3, 6-9.
- ¹³⁷ Юстин, XXXVI, 1, 5-6.
- ¹³⁸ Хотя эпитет "великий" имели в своей титулатуре многие селевкидские цари (и в том числе Антиох III), на их монетах он не фигурировал. Первым включил титул "великий" в свою легенду на монетах Эвкратид (возможно, его появление связано с титулом в прахритской легенде на его двуязычных монетах), а Митридат I последовал его примеру (ср.: *Wroth W. Catalogue of the Coins of Parthia.* — London, 1903. — P. XXIX).
- ¹³⁹ Иногда их обозначают как монеты Эвкратиды II (*Lahiri A.N. Corpus*, p. 129-131), но ср.: *Curjel R., Fussman G. Le trésor*, p. 77-78, 328-377.
- ¹⁴⁰ *Lahiri A.N. Corpus*, p. 120; *Curjel R., Fussman G. Le trésor*, p. 101-118; *Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана*, с. 54. — № 77. — Табл. 6, 77; *Древности Таджикистана*, с. 48. — № 67.
- ¹⁴¹ Юстин, XLI, 6, 1.
- ¹⁴² Юстин, XLI, 6, 6.
- ¹⁴³ Сперва высказывались осторожные предположения об этом (*Whitehead R. B. Pre-Mohammadan Coinage of North-West India.* — American Numismatic Society. Numismatic Notes and Monographs. — № 13. — New York, 1922. — P. 17; *Macdonald G. The Hellenistic Kingdoms of Syria, Bactria and Parthia.* — (ch. XVII) Cambridge History of India. — Vol. 1. — Cambridge, 1922. — P. 454). Затем В. Тарн смело "определил" Эвкратиды в двоюродные братья Антиоха IV (175-163 гг.) — *Tarn W. Greeks*, p. 197.
- ¹⁴⁴ Для этого понадобилось "провозгласить" мать Эвкратиды Лаодику дочерью Селевка II... потому, что она не могла быть дочерью Селевка III ("он правил только три года и не известно был ли он женат и остались ли после него дети") — *Tarn W. Greeks*, p. 197.
- ¹⁴⁵ *Gardner P. The Greek and Scythic Kings*, p. XXIV-XXV, pl. VI, 9, 10; *Curjel R., Fussman G. Le trésor*, pl. XXI, 245-247;
- ¹⁴⁶ *Cunningham A. Coins of Alexander's Successors*, p. 163; *Gardner P. The Greek and Scythic Kings*, p. XXIV; *Macdonald G. The Hellenistic Kingdoms*, p. 453; *Tarn W. Greeks*, p. 196; *Narain A. K. Indo-Greeks*, p. 55 и др.
- ¹⁴⁷ Предположение В. Тарна о том, что Селевк II около 246 г. до н.э. дал в жены Диодоту I одну из своих сестер, чтобы укрепить союз с ним, "основывается" только на том, что примерно в это же время Селевк II одну свою сестру выдал за царя Понта, а другую — за царя Каппадокии. Такой подход — по принципу "почему бы нет?" — подкрепляется только рассуждением: "Во всех династиях было вполне обычным делом, что цари использовали своих дочерей или сестер в качестве "пешек" в игре, но эти македонские девушки часто оказывались далеко не ничтожествами, и порой "пешки" становились "королевами" с поразительными результатами" (*Tarn W. The Greeks*, p. 74).

- 148 Маловероятным выглядит предположение о том, что Лаодика, мать Эвкратиды, была родившейся после 206 г. до н.э. дочерью Деметрия и селевкидской принцессы – дочери Антиоха III (*Rawlinson H.G. Bactria*, p.154-156), при этом Эвкратид оказался бы внуком Деметрия по матери.
- 149 Вопрос о подлинности на греческо-бактрийских монетах, по которым различают монетные дворы, не имеет пока надежного решения (см.: *Curjel R., Fussman G. Le trésor*, p.68-70).
- 150 На монетах Эвкратиды “Великого царя” (третий период его чеканки) встречаются монограммы всех монетных дворов Бактрии (независимо от того, как тот или иной двор идентифицируется), ранее встречавшиеся на монетах его предполагаемых соперников.
- 151 Юстин, ХLI, 6, 5.
- 152 О произвольности таких построений писал еще В.В.Григорьев (Греко-Бактрийское царство. – ЖМНП. 1867. – Ч.СХХХVІ – С.326-328, 343), но миф о Гелиокле-отцеубийце продолжает жить и после того, как доказано, что Гелиокл был не сыном, а отцом Эвкратиды. “Обличение” Гелиокла подкреплялось даже эмоциональным физиономическим анализом: “Властолюбивый садист, восшедший на трон через труп своего отца Эвкратиды, Гелиокл” велел выбить на своих монетах титул “Дикайон” – “Справедливый”. Но как же противоречит этой надписи портрет, передающий дегенеративный профиль с насулленным взором под изрытым складками лбом, с мясистым носом, безвольным подбородком и набрякшей, тяжелой шеей” (*Пугаченкова Г.А. Искусство Афганистана. Три эпоха. – М., 1963. – С.15*). Ясно, что научной доказательности такие “аргументы” иметь не могут.
- 153 *Narain A.K. Indo-Greeks*, p.71-72.
- 154 *Lahiri A.N. Corpus*, p.170-171; *Curjel R., Fussman G. Le trésor*, p.378-389.
- 155 *Curjel R., Fussman G. Le trésor*, p.378-380.
- 156 *Narain A.K. Indo-Greeks*, p.72.
- 157 На монетах греческих царей Бактрии и Индии бог Гелиос никогда более не изображался, а Гелиос в колеснице на монетах индо-сакского царя Мава (Маууса) – результат обращения за прототипом к монетам Платона (наряду с монетами других греко-бактрийских царей – Деметрия и др.), но уже совершенно в иной среде (*Whitehead R.V. Catalogue*, pl.XV, 1).
- 158 На монетах индо-греческих царей Стратона I и Поликлена встречается, однако, титул ΕΝΙΦΑΝΗΣ ΕΛΤΗΟ (*Lahiri A.N. Corpus*, p.258).
- 159 Несколько индо-греческих царей второй половины II-I вв. до н.э. (Лисий, Феофил, Антиалкид, Аминта, Филоксен и Гермей) выпускали (наряду с основными для них двуязычными эмиссиями) очень немногочисленные монеты “греко-бактрийского образца” (только с греческой легендой, помещавшейся на оборотной стороне), но нет никаких доказательств, что эти цари (кроме, может быть, Гермея) правили когда-либо в Бактрии. Ср.: *Curjel R., Fussman G. Le trésor*, p.62-64.
- 160 Шницл, гл.123, 3; Ханьшу, 96 А, 14.
- 161 Шницл, гл.123, 5.
- 162 Возможно, какое-то время продолжалось “незаконное” изготовление греко-бактрийских монет для нужд обращения. Н.М.Смирнова осторожно именует их “непривязанными” выпусками (*Смирнова Н.М. Монетный чекан Греко-Бактрийского царства (период правления Эвкратиды): Автореф. дисс... Канд. ист. наук. – М., 1987. – С.22*).
- 163 Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана, с.48-51.

- ¹⁶⁴ Зеймаль Е.В. Амударьинский клад, с.82-84.
- ¹⁶⁵ Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана, с.50. – №31; Древности Таджикистана. Каталог выставки. – Душанбе, 1985. – С.44-45. – №45-48.
- ¹⁶⁶ Древности Таджикистана, с.44. – №43-44.
- ¹⁶⁷ Об **PDF Compressor Free Version** Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана, с.44.
- ¹⁶⁸ Зеймаль Е.В. Амударьинский клад, с.84. – №0489-0497; Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана, с.50-53.
- ¹⁶⁹ Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана, с.52. – №52; Древности Таджикистана, с.46-47. – №54-58.
- ¹⁷⁰ Зеймаль Е.В. Монетные находки 1972 г. из Шаартузского района. – Литвицкий Б.А., Седов А.В. Тепан-шах (Культура и связи кушанской Бактрии). – М., 1983. – С.161, 167. – №1; Древности Таджикистана, с.46. – №52.
- ¹⁷¹ Эта монета – медная “драхма”, плакированная серебром: Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана, с.44 и 52. – №46; Древности Таджикистана, с.45. – №49.
- ¹⁷² Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана, с.52. – №48; Древности Таджикистана, с.46. – №51.
- ¹⁷³ Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана, с.52. – №47, 50, 51; Древности Таджикистана, с.46. – №50, 53.
- ¹⁷⁴ Серебряная тетрадрахма Эвтидема I – в “Квадратном доме” на городище Старая Ниса (под закладкой прохода в одном из помещений); драхма Эвтидема из окрестностей Хивы (Массон М.Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг. // Материалы Узкомстариса. – Вып.5. – Ташкент, 1933. – С.6). Особо следует отметить клад тетрадрахм из окрестностей Бухары, найденный в 1983 г. (5 тетрадрахм Диодота, 43 тетрадрахмы Эвтидема I и II, 2 коммеморативные тетрадрахмы Агафокла – Ртвеладзе Э.В., Ниязова М. Первый клад греко-бактрийских монет из Бухары // Общественные науки в Узбекистане. – 1984. – №6).
- ¹⁷⁵ Видимо, из Термеза происходят 4 дихалка из коллекции Б.Н.Кастальского (хранятся в Самаркандском музее). Из документированных находок см.: Пугаченкова Г.А. К стратиграфии монетных находок из Северной Бактрии // ВДИ. – 1967. – №3. – С.17. – №17 и – С.79. – №61, 62; Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др. Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. – Ташкент, 1978. – С.228.
- ¹⁷⁶ Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана, с.52-53. – №59, 60.
- ¹⁷⁷ Драхма Деметрия (или подражание ей) из урочища Халчаян (Пугаченкова Г.А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. – Ташкент, 1966. – С.109. – Рис.74а); дихалк с изображением на об. ст. Артемиды – из долины Сурхандарьи (находился в коллекции таджикского собирателя В.П.Турчинского); тетрадрахма Деметрия (на об. ст. – стоящая Афина) из Пастдаргомского района в долине Зеравшана (Зеймаль Е.В., Вафаев Г. Тетрадрахма Деметрия из долины Зеравшана // Общественные науки в Узбекистане. – 1982. – №5. – С.38-42).
- ¹⁷⁸ Сведения о них см.: Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана, с.45, примеч. 25 и 26. Некоторые из беспаспортных экземпляров, видимо, были найдены в Термезе.
- ¹⁷⁹ Ср.: Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана, с.45.
- ¹⁸⁰ Древности Таджикистана, с.47-48. – №60-64.
- ¹⁸¹ Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана, с.45, примеч. 30.
- ¹⁸² Кастальский Б.Н. Неизданная греко-бактрийская тетрадрахма-медаль Антимаха I, битая в честь Эвтидема I // ВДИ. – 1940. – №3-4. – С.339-347; Зей-

- мать Е.В. Древние монеты Таджикистана, с.54-55. – №76. Там же см. сведения о тетрадрахмах Антимаха, принадлежность которых к Амударьинскому кладу вызывает сомнения.
- ¹⁸³ Драхма была найдена в 1968 г. в 2 км выше впадения р.Сурхандарьи в Амударью; три обода из окрестностей Шахрисабза (*Кастальский Б.Н.* Нензванная греко-бактрийская тетрадрахма-медаль, с.347). См. также: *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана, с.45-46, где упоминаются небеспорные находки и беспаспортные экземпляры.
- ¹⁸⁴ *Массон М.Е.* Неопубликованные находки греко-бактрийских монет, зарегистрированные на территории Таджикской ССР до 1947 г. // *Сообщения Тадж. ФАН СССР.* – 1948. – Вып.6. – С.52-54.
- ¹⁸⁵ Древности Таджикистана, с.48. – №65, 66.
- ¹⁸⁶ *Зеймаль Е.В.* Амударьинский клад, с.84. – №0505; *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана, с.52-53. – №62, 63.
- ¹⁸⁷ – №15/17 – медная двузвучная четырехугольная монета индийского образца.
- ¹⁸⁸ *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана, с.54-57. – №77-87.
- ¹⁸⁹ Там же, с.54-57.
- ¹⁹⁰ Там же, с.110-125. В.М.Массон полагал, что выпуск таких подражаний “был вызван, в первую очередь, экономическими потребностями древних культурных оазисов, подчинившихся правителям юечжей” (*Массон В.М.* К вопросу о чеканке юечжской Бактрии // *Известия Отд. общ. наук АН ТаджССР.* – 1957. – №14. – С.113). Но, видимо, к этому времени знакомство с денежным обращением (хотя бы поверхностное) затронуло уже и юечжскую правящую верхушку. О принципиальных отличиях таких подражательных эмиссий см.: *Зеймаль Е.В.* “Варварские подражания” как исторический источник // *Сообщения Государственного Эрмитажа.* 1975. – Вып.11. – С.56-61; *Он же.* Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным. – *Культура Востока: Древность и раннее средневековье.* – Л., 1978. – С.193-194.
- ¹⁹¹ Так, единичные находки греко-бактрийских монет в Среднеазиатском Междуречье породили далекие от истины представления о том, что владения греко-бактрийских царей распространялись на долину Зеравшана, на Ферганскую долину и даже на Среднюю Сырдарью (*Григорьев В.В.* Греко-бактрийское царство; *Frye R.N.* Notes on the Early Coinage of Transoxania. – *The American Numismatic Society, Numismatic Notes and Monographs.* – №113. – New York, 1949. – P.5-7).
- ¹⁹² Тетрадрахмы Эвкратида были найдены в Азербайджане (в составе большого клада), тетрадрахма Гелиокла обнаружена на территории Киева, греко-бактрийские монеты – не редкость в кладах из Ирана (Сузы, Миция и др.) и т.д.
- ¹⁹³ Нет необходимости доказывать, что монеты из золота и серебра сохранили свою ценность благодаря заключенному в них драгоценному металлу.
- ¹⁹⁴ Можно с уверенностью указать только на комплекс из коридора – №6 в храме Окса, но остальные греко-бактрийские монеты из раскопок этого храма происходят из более поздних слоев, датированных кушанскими монетами. Следует признать ошибочным отнесение к греко-бактрийскому времени комплекса “белые комнаты” на городище Калаи Мир (*Зеймаль Е.В.* Греко-бактрийские монеты в нумизматическом собрании АН Таджикской ССР. – *Прошлое Средней Азии (археология, нумизматика и эпиграфика, этнография).* – Душанбе, 1987. – С.197-198).

- 195 Развернутую характеристику результатов и основную литературу о раскопках на Тахтисангине см. ниже. Греко-бактрийский храм Окса после некоторого запустения и ремонта продолжал функционировать в кушанскую эпоху, к которой относятся основные раскопанные здесь слои.
- 196 На городище Саксанохур к греко-бактрийскому времени относятся только явно переотложенные предметы (каменные блоки, напоминающие айханумские, и другие находки), но найдены они в слое кушанского времени. На городище Тепан Шах "возможно, существовали какие-то слои II-I вв. до н.э., но дефляция разрушила эту часть города" (*Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепан Шах*, с.81).
- 197 Все слои в Кобадриане (Калан Мир, Кей-Кобад-шах и другие памятники), отнесенные в 50-х годах М.М.Дьяконовым к греко-бактрийскому времени, теперь датируются более поздним временем (см.: *Зеймаль Т.И. Позднекушанские слои в Южном Таджикистане. – Центральная Азия в кушанскую эпоху. – Т.2. – М., 1975. – С.267-269*).
- 198 *Абдуллаев А.* Раскопки городища Тамошотеп в 1974 г. // АРТ. – Душанбе, 1979. – Вып.14 (1974). – С.123-133, и другие публикации.
- 199 *Зеймаль Т.И., Зеймаль Е.В.* Археологические работы в Гиссаре в 1981 г. // АРТ. – Душанбе, 1988. – Вып.21 (1981). – С.277.
- 200 *Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др.* Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. – Ташкент, 1978. – С.75 (объект Дт-7, первый строительный период); ср.: *Зеймаль Е.В., Вафасв Г.* Тетрадрахма Деметрия, с.41.
- 201 *Линде Е.М.* Греко-бактрийский сфинкс // Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея ТаджССР. – 1952. – Вып.1. – С.521; *Древности Таджикистана*, с.99. – №252.
- 202 *Тревер К.В.* Бактрийский бронзовый фалар с изображением Диониса // Труды Государственного Эрмитажа. – Т.5: Культура и искусство народов Востока. – Л., 1961. – С.98-109; *Древности Таджикистана*, с.100. – №253.
- 203 *Гудямова Э.* Раскопки на Душанбинском некрополе // Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР. – Сталинабад, 1958. – Вып.3; *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии: Потребальный обряд. – М., 1984. – С.94-95.
- 204 *Григорьев В.В.* Греко-бактрийское царство, с.347.
- 205 *Bayer G.S.T.* Historia regni graecorum Bactriani. St.-Pbg., 1738.
- 206 *Tarn W.* Greeks.
- 207 При этом на бактрийскую почву нередко переносили институты и явления, которые для Греко-Бактрийского царства не были ничем засвидетельствованы.
- 208 Об этих работах французских археологов под руководством П.Бернара см. ниже.
- 209 Обширный перечень публикаций Б.А.Литвинского и И.Р.Пичкиня, посвященных раскопкам на Тахтисангине, приведен ниже.
- 210 Концепция "среднеазиатской античности" С.П.Толстова уже к середине 50-х годов пришла в явное противоречие с накопленными наукой – в первую очередь, археологией – фактами (Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. – Ташкент, 1955. – С.494, 507-508, 512, 529 и др.), но созданные с ее помощью "мифы" не до конца преодолены и сегодня. Ср.: *Зеймаль Е.В.* К периодизации древней истории Средней Азии (середина I тысячелетия до н.э. – середина I тысячелетия н.э.). – Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. – М., 1987. – С.149-157.

- 211 Гафуров Б.Г. Таджики, с.187-189.
- 212 Дандамаев М.А. Рабство в Вавилонии VII-IV вв. до н.э. (626-331 гг.). – М., 1974.
- 213 Документы, по которым можно судить о положении рабов в древнем Хорезме, исследованы В.А.Лившицем: Топрак-кала. Дворец // Труды Хорезмской археологической экспедиции. – Т.14. – М., 1984. – С.251-286.
- 214 Критический разбор см.: Кошелев Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. – М., 1979. – С.38-40.
- 215 Неприятие вызывают не столько сами эти термины, сколько “формационная” концепция, которая может быть “выстроена” с их помощью. Отношения, описываемые подобным “феодальными” понятиями, могли существовать и в древности, но вопрос в другом: складывается ли из них социально-экономический строй как целое?
- 216 Кратко об этом см.: Кошелев Г.А. Греческий полис, с.41-42.
- 217 Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран, с.116-122.
- 218 Зеймаль Е.В. К периодизации древней истории Средней Азии, с.152-155.
- 219 История древнего мира. – Т.1-3. 2-е изд. – М., 1983. О дискуссиях по формационным проблемам – Т.1. – С.9-16.
- 220 Юстин, XLI, 4, 5.
- 221 Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства, с.10; ср.: ИТН, т.1, с.317.
- 222 Основные проблемы изучения древних городов Средней Азии (и связанные с этим трудности) см.: Литвицкий Б.А. Древний среднеазиатский город (местные традиции и иноземные модели). – Древний Восток: Города и торговля (II-I тыс. до н.э.) – Ереван, 1973. – С.99-125.
- 223 Le Berre M., Schlumberger D. Observations sur les remparts de Bactres // MDAFA. – Paris, 1964. – Т.19.
- 224 На это указывают и монетные находки в разных частях города, см.: Bernard P. Fouilles d’Ai Khanoum, IV. Les monnaies hors tresors. Questions d’histoire Greco-Bactrienne (MDAFA. – Т.28). – Paris, 1985.
- 225 О результатах раскопок и об архитектурных особенностях города см. ниже, где указана и основная литература.
- 226 По мнению Г.А.Кошелева, “эллинистический полис стал явно своего рода коллективным клерухом. Земля, предоставленная царем полису, не была полной собственностью коллектива граждан, а находилась в его условном владении. Полис же взамен полученной земли был обязан военной службой своих граждан царю” (Кошелев Г.А. Греческий полис, с.289).
- 227 Бикерман Э. Государство Селевкидов, с.131.
- 228 Шницл, гл.123, 5.
- 229 Здесь имеется в виду более широкое значение греческого термина хутра – не только непосредственная округа города с принадлежащими ему землями, но и все пространство страны, кроме городов.
- 230 Бикерман Э. Государство Селевкидов, с.180.
- 231 Страбон, XI, 11, 2.
- 232 Там же.
- 233 У Страбона (XI, 8, 8-9; 10, 1-2 и др.) эти области описываются географически или упоминаются наряду с Бактрией, что, конечно, не исключает их подчинения в определенные периоды греко-бактрийским царям.
- 234 Lariche P. Structures politiques et sociales dans la Bactriane et la Sogdiane hellénistiques. – Antike Abhängigkeitsformen in den Griechischen Gebieten ohne Polisstruktur und den Römischen Gebieten. – Actes du Colloque sur l’esclavage,

Jena, 29 septembre - 2 octobre 1981. – Schriften zur Geschichte und Kultur der Antike, p.68-70.

235 Бикерман Э. Государство Селевкидов, с.23-25.

236 Там же, с.147-148.

237 Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства, с.13-14, 19-20.

238 Rawlinson H.G. Bactria, p.XIX, 117-112; Tarn W. The Greeks, p.414-436; Гафуров Б.Г. Таджики, с.113-114 и др.

239 Юстин, XLI, 6, 4.

240 См. ниже, в частности, о предметах вооружения из раскопок в храме Окса на городище Тактисангин.

241 Юстин, XXXVI, 1, 4.

242 Григорьев В.В. Греко-бактрийское царство, с.350-352.

243 Ср.: Гафуров Б.Г. Таджики, с.123.

244 Страбон, XI, 11, 1.

245 Квинт Курций, VII, 4.

246 Плиний, XVIII, 70.

247 Страбон, XI, 10, 2.

248 Квинт Курций, VII, 4: "большую часть этой земли занимают пустынные пески: невозделанная из-за сухости область не питает ни людей, ни плодов".

249 Зеймаль Т.И. Древние и средневековые каналы Вахшской долины // Страны и народы Востока. – Вып.10. – М., 1971. – С.37-57; Gardin J.-C., Gentelle P. Irrigation et peuplement dans la plaine d'Ai Khanoum de l'époque achéménide à l'époque musulmane. – Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient. – Paris, 1976. – Vol.LXIII. – P.59-99; Gentelle P. Déterminants écologiques de l'irrigation ancienne en Bactriane orientale. – L'Archéologie de la Bactriane ancienne. Actes du colloque Franco-soviétiques, Dushanbé (URSS) 27 octobre – 3 novembre 1982. – Paris. – P.159-168.

250 В Южном Таджикистане в древности такая система орошения существовала, в частности, в Гиссарской долине.

251 Всего их известно менее десятка: к трем статаерам Эвтидема I (два – в Британском музее, один – в Национальной библиотеке в Париже), учтенным у А.Н.Лахири (*Lahiri A.N. Corpus*, p.131), следует прибавить экземпляр Государственного Эрмитажа (№1470 – Зеймаль Е.В. Амударьинский клад, с.84. – №0491), а также сведения о статаерах Эвтидема I, приводившиеся в связи с находкой Амударьинского клада (*Cunningham A. Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Cooper*. – The Journal of the Asiatic Society of Bengal, 1981. – P.182, 98, 99).

252 Хранится в Национальной библиотеке (Париж), но по сведениям А.А.Семенова у эмира Бухарского имелся еще один экземпляр такой монеты Эвкратиды, но где он сейчас – неизвестно.

253 Диодор, II, 7; Марфутин А.С. История золота. – М., 1987. – С.18, 22.

254 Tarn W. Greeks, p.104-108; Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства, с.9-10.

255 При Селевке I на монетном дворе в Бактрах золотые статаеры от его имени не чеканились, хотя их выпускали другие монетные дворы (Карры, Антиохия на Оронте, Таре, Селевкия на Тигре, Сузы, Экбатана). Но при Антиохе I (280-261 гг.) и при Антиохе II (за 251-256 гг.), если судить по дошедшим до нас экземплярам (учтены: *Newell E.T. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints. From Seleucus I to Antiochus III*. – New York, 1938; *Newell E.T. The Coinage of the Western Seleucid Mints*. – New York, 1941).

- 256 Богатые золотыми художественными изделиями погребения I в. н.э. открыты теперь в Северном Афганистане (*Saripatidi В.И.* Афганистан: сокровища безымянных царей. – М., 1983; *On the Bactria through the mists of centuries.* – М., 1984; *RDF Compressor Free Version* *Gold from excavations of the Tillya-tepe Necropolis in Northern Afghanistan.* – Leningrad, 1985), да и позднее, когда Бактрия входила в состав Кушанского царства, здесь осуществлялась регулярная и обильная золотая чеканка.
- 257 Данные об удельном весе золотых и серебряных греко-бактрийских монет приводит А.Бивар (*Bivar A.D.H.* The Bactria Coinage of Euthydemus and Demetrius), выполнились более сложные анализы для отдельных групп монет, но полного исследования всей продукции монетного двора в Бактрах и других монетных дворов Греко-Бактрийского царства не приводилось.
- 258 Медные монеты Дiodота достоинством 1/2 и в 1/4 халка стали известны только после раскопок на городище Айханум (*Bernard P. Fouilles d'Al Khanoum.* 4, p.56-57. – №95-103) и на городище Тахтисангин (Древности Таджикистана, с.45. – №47, 48).
- 259 Похоже, что Деметрий был единственным греко-бактрийским царем, который выпускал крупные медные монеты достоинством в 4 халка. – видимо, до серьезных перемен в сфере обращения, когда он (тоже первым из греко-бактрийских царей) приступил к чеканке серебряных монет.
- 260 Не выяснено, откуда добывали эту "купферникелевую" руду. Для месторождений Механз и Чалмеси в Восточном Иране (ср.: *Максимов М.М., Горюнов М.Б.* Очерк о первой меди. – М., 1976. – С.41) характерно более низкое содержание никеля (0,06-0,07%), чем в греко-бактрийских купферникелевых монетах (около 62-72% меди и 8-14% никеля). Пытались сравнить их состав (с учетом сопутствующих элементов) с месторождениями более дальними – в Китае, Бирме и Индии (*Cheng C.G., Schwister C.M.* Nickel in Ancient Bronzes // *American Journal of Archaeology.* – 1957. – Vol.61. – P.356-360), но искать видимо, следует ближе – в горах Панджшира или Нуристана (Кафиристана).
- 261 Предположение А.Каннингэма, что купферникелевые монеты ходили по особому курсу (он приравнивал "никелевый" дихалк к 8 халкам или к одному оболу), ничем не обосновано, но продолжает фигурировать в литературе (ср.: *Lahiri A.N. Corpus*, p.17).
- 262 Ср.: *Lahiri A.N. Corpus*, p.77, 134, 165.
- 263 Выше, когда речь шла о политической истории, уже отмечалось, что Гелиокл, пришедший к власти раньше Эвкратиды и, возможно, продолжавший править и чеканить монету после того, как Эвкратид был убит, мог царствовать лишь в одной из областей (провинций) Греко-Бактрийского царства. Такое предположение объяснило бы большое количество его монет (только в Кундузском кладе – 204 тетрадрахмы и 17 драхм). Но нельзя не учитывать, что тетрадрахмы и драхмы именно Гелиокла стали образцом для собственной юзьянской чеканки – так называемых "варварских подражаний" (*Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана, с.110-128).
- 264 Ср., например, имена Оксебоака и Оксубаза, упоминаемые в документе из раскопок Айханум (*Bernard P. Pratiques financières grecques dans la Sactriane hellénisée.* – *Bulletin de la Société fr. de numism.* 34 an-s. – 1979. – №5. – P.517-520), или Атросока на алтаре из Тахтисангина (Древности Таджикистана, с.93. – №213), а для более позднего времени – Сохракеса из раскопок на Яванском городище (Древности Таджикистана, с.136-137. – №364).

- 265 Сходные процессы происходили, видимо, и в индийских владениях греческих царей – на это указывают материалы из раскопок Таксилы, Беграма и других памятников на территории Афганистана, Пакистана и Северо-Западной Индии.
- 266 Curt., VII, 10, 2.
- 267 Strab., XI, 11, 1a.
- 268 Strab., XI, 11, 1.
- 269 Strab., XI, 11, 1.
- 270 Strab., XI, 11, 2.
- 271 Strab., XI, 11, 5.
- 272 Plut. Alex., VII.
- 273 Strab., XI, 11, 5.
- 274 Polib., X, 48.
- 275 Arr., VII, 16, 3.
- 276 Strab., XI, 7, 3; II, 1, 15.
- 277 Plut., X, 48.
- 278 Curt., VII, 10, 13-14.
- 279 Plin. NH., VII.
- 280 Plin. NH., XXXI, 7, 74-75.
- 281 Plut., Alex., VII.
- 282 Plin. NH., XVIII.
- 283 Theophr., XI, 11, 1.
- 284 Strab., XV, 2, 10.
- 285 Curt., VII, 4, 26-31.
- 286 Гафуров Б.Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. – М., 1972. – С.159.
- 287 Bernard P., Rapin C. Le Palais. La trésorerie // BEFEO. 1980. – P.12.
- 288 Пивовский И.Р. Бозефти хазинаи Ому. – Садои Шарк. – 1985. – №3.
- 289 Dalton O. The Treasure of the Oxus. Condor, 1905.
- 290 Логофет Д.Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки в 3-х книгах. Кн.3. – СПб., 1909. – С.57.
- 291 Доклад доктора Р.Штукки был сделан 24 июня 1989 г. в Ритберг Музее г.Цюриха (Швейцария).
- 292 DSF – трехязычная надпись Дария I в Сузах: "Вот дворец, который я построил в Сузах. Украшения его издалека доставлены... Золото, которое здесь использовано, доставлено из Лидии и Бактрии" (Пер. М.А.Дандамаева), см.: Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Древняя культура и экономика Ирана. – М., 1980. – С.256.
- 293 "Индия ежегодно поставляла в виде дани Дарию I и его наследникам 360 талантов золотого песка" (Her., III, 98).
- 294 Бактрия во главе XII округа также платила 300 талантов – очень крупную по тому времени сумму (Her., III, 92).
- 295 Полемика по этому вопросу была уже рассмотрена. См.: ИТН. – Т.1. – М., 1963. – С.315-316.
- 296 Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. – Л., 1979. – №23. Сходство номера 23 с сибирскими материалами находили еще О.Дальтон, М.И.Артамонов, Е.В.Зеймаль и Р.Барнет, однако только последний датировал зрел – №23 верно – концом III – началом II в. до н.э. и атрибутировал его как "Бактрийско-скифский". Dalton O. The Treasure. – №23; Артамонов М.И. Сокровища саков. – М., 1973. – С.189-190; Barnett R.D. The Art of Bactria and the Treasure of the Oxus. – Iranica Antiqua. – Vol.8, 1968. – P.37.

- ²⁹⁷ Основная их часть была изготовлена, вероятно, из 229 переплавленных греко-бактрийских золотых изделий и снабжена местными самоцветами (см.: *Sarianidi V.I.* Храм и некрополь Тилятепе. – М., 1989. – С.135-162, а также: *Sarianidi V.I.* Ausgrabungen der Nekropole von Tilljatepe in Norden von Afganistan. – Leningrad, 1985).
- ²⁹⁸ *Марфутин А.С.* История золота. – М., 1987. – С.18, 22, 23. Очень показательным, что для фронтисписа своей книги автор избрал бактрийский браслет Клада Окса – №116, хотя содержание монографии значительно шире: история мирового золота до современных проблем.
- ²⁹⁹ Там же, с.18.
- ³⁰⁰ *Mitchiner M.* Early Indo-Greeks and their Antecedents. – Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage. – Vol.1. – London, 1975. – P.91.
- ³⁰¹ В упомянутой трехязычной надписи Дария I сказано: “Самоцветы, лазурит и сердолик, которые использованы здесь, доставлены из Согдианы” (Пер. М.А.Дандамаева, см.: *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Культура и экономика, с.256). Эти же сведения подтверждены в строительной надписи Дария I в ападане Суз (там же, ст.257).
- ³⁰² Согдиана, упомянутая в надписях, была, очевидно, лишь первоначальным местом, куда эти камни поступали из Бактрии. См.: *Bernard P., Rapin C.* Le Palais. La trésorerie // BEFEO. 1980. – Т.68. – С.13.
- ³⁰³ *Бурнова М.А.* Добыча полезных ископаемых в Средней Азии в XVI-XIX вв. – М., 1975. – С.86-88.
- ³⁰⁴ *Sarianidi V.* Baktrisches Gold, Taf. 68, 71-74.
- ³⁰⁵ Спектральный анализ произведен в лаборатории металла Гос.ВНИИР М.С.Шемаханской.
- ³⁰⁶ *Strab.*, XV, 2, 10. См. также: *Литвинский Б.А.* Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. – Сталинабад, 1951; *Рузанов В.* О некоторых древних оловянных источниках на территории Узбекистана // ИМКУ. – 1979. – Вып.15. – С.98-104.
- ³⁰⁷ *Plin. NH.*, XXXIV, 145.
- ³⁰⁸ *Гафуров Б.Г.* Таджики, с.162.
- ³⁰⁹ *Гафуров Б.Г.* Таджики, с.174.
- ³¹⁰ *Пичакин И.Р.* Парадные ножны греко-бактрийских мечей. – Проблемы античной культуры. – М., 1986. – С.264-272.
- ³¹¹ Там же, с.272; *Круликова И.Т.* Дильберджин. – М., 1986. – С.24; *Francfort H.-P.* Le sanctuaire du temple à niches indentées, 2, Fouilles d'Aï Khanoum. – T.3: Les trouvailles // MDAFA. – Paris, 1984. – P.12, pl.III.
- ³¹² *Grenet F., Liger J.-C., de Valence R.* Arsenal // BEFEO. – 1980. – Т.68. – P.51.
- ³¹³ Они издааны лишь частично: *Литвинский Б.А., Пичакин И.Р.* Тахтисамгин – Каменное городище (раскопки 1976-1978 гг.) – Культура и искусство древнего Хорезма. – М., 1981.
- ³¹⁴ *Седов А.В.* Керамические комплексы Айханумского типа на правом берегу Амударьи // СА. – 1984. – №3. – С.171-172. – Рис.1; *Gardin J.-C.* Les céramiques. – Fouilles d'Aï Khanoum. – T.1: MDAFA. – 1973. – Т.21. – P.121-188.
- ³¹⁵ *Винделко С.В.* Исследование и реставрация кушанской пластики Северной Бактрии. Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Ташкент, 1990. – С.5.
- ³¹⁶ *Пыльков И.В.* Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов. – Древний Восток: Города и торговля. – Ереван, 1973. – С.126-135; *Кошелева Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. – М., 1979. – С.136-160; *Кошелева Г.А., Сердитых Э.В.* Типология и динамика развития

системы расселения в Бактрии эллинистической эпохи. – Городская культура Бактрии-Тохаристара и Согда. – Ташкент, 1987. – С.54-58; *Массон В.М.* Северная Бактрия. – Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР в 20-ти томах. – М., 1985. – С.251-260; *Он же.* Проблема древнего города-археологического памятника Северной Бактрии. (Перспективы исследования). – Древняя Бактрия. – Л., 1974. – С.3-13; *Литвинский Б.А.* Древний среднеазиатский город. (местные традиции и иноземные модели). – Древний Восток. Города и торговля. – Ереван, 1973. – С.99-125; *Он же.* Проблемы истории и культуры Средней Азии в свете новейших работ советских ученых // ВДИ. – 1977. – №4. – С.74-92; *Он же.* Проблемы истории и истории культуры Средней Азии в советской науке (1960-1981 гг.) // Информационный бюллетень МАИКЦА. – 1981. – Вып.1. – С.14-33; 1982. – Вып.2. – С.8-21.

³¹⁷ *Коваленко Г.А., Сердитых Э.В.* Типология, с.55.

³¹⁸ *Ball W.* Archaeological Gazetteer of Afghanistan – Catalogue des sites archéologiques d'Afghanistan (avec la collaboration de J.-C. Gardin). – Vol.1-2. – Paris, 1982; *Массон В.М.* Кушанские поселения и кушанская археология. (Некоторые результаты работ Бактрийской экспедиции в 1973-1975 гг.). – Бактрийские древности. – Л., 1976. – С.8; *Gardin J.-C., Lyonnet B.* La prospection archéologique de la Bactriane orientale (1974-1978): premiers résultats. – Mesopotamia. 1979. – Vol.13-14; *Bernard P., Francfort H.-P.* Etudes de géographie historique sur la plaine d'Ai Khanoum (Afghanistan) // CRA URA. – Paris, 1978. – №10, 1. – P.3-6.

³¹⁹ На ошибочность этого взгляда В.Тариа сразу указал С.П.Толстов в 1940 г. (см.: *Толстов С.П.* Подъем и крушение империи эллинистического "Дальнего Востока" // ВДИ. – 1940. – №3-4. – С.199; *Он же.* Древний Хорезм. – М., 1948. – С.91; *Литвинский Б.А.* Древний среднеазиатский город, с.115-116). Теперь после публикации обобщающих трудов Б.Г.Гафурова, Б.А.Литвинского, В.М.Массона, В.И.Сарнианиди полемика о генезисе среднеазиатского города ушла в прошлое.

³²⁰ *Strab.*, XI, XI, 2; *Arr.*, IV, 1, 15; IV, 16, 6-7; *Plin. NH.*, VI, 45, 48.

³²¹ *FGH*, 680, fr.11. – P.394.

³²² Именное отождествление Афродиты с Анахитой, кроме Беросса, подтверждено и античными авторами: Афиноклом и Симаком, писавшим историю Ассирии и Мидии, о чем сообщает Агафий; *FGH*, 680, fr.12. – P.395.

³²³ *Arr.* IV, 1, 5.

³²⁴ *Le Berre M., Schlumberger D.* Observation sur les remparts à Bactres // *MDAFA*. – 1964. – Vol.19. – P.87.

³²⁵ *Ball W.* Archaeological. – Vol.2, pl.6.

³²⁶ *Herod.*, V, 52-54; *FGH*, 688. – P.484, fr.33.

³²⁷ *Eur. Bacch.*, *Strab.*, I, 2, 20; *FGH*. – P.423, fr.1 (4), fr.16 (6), 2.

³²⁸ *Polib.*, X, 49, 15; XI, 34, 1; *Arr.*, IV, 16, 5.

³²⁹ Б.А.Литвинский вслед за И.Марквартом и В.Хеннингом считает, что греч. *Μαρακανδα* – передача местного, согдийского топонима Самарканда. См.: *Marquart J.* Kultur-und sprachgeschichtliche Dialekten. – *Ungarische Jahrbücher*, Bd.9, Hf.1. – Berlin; Leipzig, 1929. Цит. по: *Литвинский Б.А.* Древний Среднеазиатский, с.104, примеч.19.

³³⁰ Стены ахеменидского времени в последние годы открыты на городище Афрасиаб. Французская экспедиция во главе с П.Бернаром с 1989 г. работает над открытием эллинистической оборонительной стены столицы Согдианы (результаты пока не опубликованы).

- 331 Curt., VII, 6, 10, 24.
- 332 Curt., VII, 9, 10.
- 333 Шишкина Г.В., Сулейманов Р.Х., Кошелев Г.А. Согд, 285. – Табл. 130.
- 334 Шишкина Г.В. О местонахождении Мараканды // СА. – 1969. – №1; Шишкина Г.В. Древняя история и стратиграфия западных районов Афрасиаба: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Ташкент, 1969.
- 335 Curt., VII, 6, 10, 24; Массон М.Е. К периодизации древней истории Самарканда // ВДИ. – 1950. – №4. – С. 158, схема 2.
- 336 Филанович Л.И. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе // Афрасиаб. – Вып.1. – Ташкент, 1964. – С.206; Шишкина Г.В. Древний Самарканд и его округа. – Городская культура Бактрии, Тохаристана и Согда: Античность, раннее средневековье // Материалы советско-французского colloquium, (Самарканд, 1986). – Ташкент, 1987. – С.166. – Рис.3, 4;
- 337 О проблеме топонима см.: Литвинский Б.А. // ИГН. – 1964. – Т.1. – С.258-259.
- 338 Негматов Н.Н., Беляева Т.В. Проблемы начального этапа урбанизации Уструшаны (по материалам Нуртепа) // Древние цивилизации Востока (Материалы II Советско-американского симпозиума). – Ташкент, 1986. – С.182.
- 339 Негматов Н.Н. Историко-географический очерк Уструшаны с древнейших времен по X в. н.э. // МИА. – 1953. – №37. – С.231-235; Он же. Исследования в Северном Таджикистане в 1971 г. // АРТ. – 1975. – Вып.11. – С.143-168; Он же. Об исследованиях СТАКЭ в 1975 г. // АРТ. – 1981. – Вып.15. – С.260-280; Негматов Н.Н., Беляева Т.В. Раскопки цитадели Ленинабада и локализация Александрии Эсхаты // АО-1976. – М., 1977. – С.589.
- 340 Негматов Н.Н., Беляева Т.В. Раскопки цитадели, с.569.
- 341 Древности Таджикистана. Каталог выставки. – М., 1985. – С.64-65; – №173, 174; Oxus, 1989. – P.24, 26. – №1.
- 342 Там же.
- 343 Curt., VII, 10, 15.
- 344 Кошелев Г.А. Греческий полис, с.150.
- 345 Plin. NH., VI, 47. На правдоподобности античной традиции об основании Мерва сначала Александром, а затем Антионом (Антиохию Маргианской) резонно настаивает Г.А.Кошелев (Греческий полис, с.151-152).
- 346 Массон М.Е. Новые данные по древней истории Мерва // ВДИ. – 1951. – №4. – С.93.
- 347 Вязигин С.А. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы // Тр.ЮТАКЭ. – 1949. – Т.1. – С.261. Наблюдения М.Е.Массона и А.А.Марушенко.
- 348 Curt., VII, 7, 3-10; Arr., III, 2, 5; III, 30, 6; IV, 5, 31; Diod., XVII, 28, 4.
- 349 Curt., VIII, 1, 10-19; Arr., IV, 6, 1.
- 350 Curt., VIII, 1, 10-19.
- 351 Strab., XI, X, 1.
- 352 Strab., XI, 8, 9; XI, 10, 1; XV, 2, 9.
- 353 Arr., III, 29, 1.
- 354 Diod., XVII, 78, 1-3; XVII, 81, 3.
- 355 Curt., VII, 6, 34.
- 356 Amm. Marc. XXIII, 6, 69.
- 357 Кошелев Г.А. Греческий полис, с.136, 137.
- 358 Arr., III, 29, 1.
- 359 Strab., XI, XI, 4.

- ³⁶⁰ Strab., X, XI, 4; Curt., VII, 5, 28-35; Plut. Mor., 557 B; XVII; Diod., prol. Suda. s. v. Branchidae.
- ³⁶¹ Strab., XI, XI, 2; XV, 2, 10; Arr., III, 29, 1.
- ³⁶² Strab. IV, 16, 3; Arr. III, 30, 1-2; Diod., XVI, prol.; Curt., VII, 10, 1; VIII, 2, 14. И. В. Пьянков считает, что это были не ахеменидские села, а основанные греками военные поселения (т.е. катойки. – И.П.) (См. Пьянков И.В. Город, с.128, примеч.22). Во всяком случае в эллинистический период эти укрепленные городки существовали. О подобных укреплениях есть рассказ Птолема Лага, который был очевидцем, собиравшимся его атаковать приступом. Это было селение – крепость с оборонительной стеной и воротами. См. Arr., III, 30, 1-2.
- ³⁶³ Пьянков И.В. Город, с.130, 131.
- ³⁶⁴ Arr., III, 21, 10.
- ³⁶⁵ Polib., X, 49, 1-15.
- ³⁶⁶ Bernard P., *Francfort H.-P. Etudes*, p.53-61; Ball W. *Archaeological*. – №18 Айханум, №54 Кизлатепе, №65 Айтатепе, №94 Байаур, №99 Балх, №134 Бишкайх, №162 Чайла, №218 Чулабдан, №314 Эрмиштеп, №487 Кафыркала, Арчи, №525 Ханум, №331 Кухнакала. №745 Мунчактеп. По Ж.К.Гардену и В.Боллу, поселений селевкидского периода не на самом берегу, но в оазисе Окса и его притоков значительно больше, См. P 61; – №288, 374, 386, 475, 495, 511, 515, 579, 594, 674, 799, 931, 933, 937, 959, 1220.
- ³⁶⁷ Кошелев Г.А., Сердитых Э.В. Типология, с.54.
- ³⁶⁸ Там же; Ball W. *Archaeological*. – Т. II, pl. 60, 61, 62.
- ³⁶⁹ Безмянное городище на Вахше открыл М.М.Дьяконов, который по независимым от него обстоятельствам не мог собрать подъемный материал с поверхности городища. См.: Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950-1951 гг.) // МИА. – М.; Л., 1953. – №37. – С.254-356. Библиографию о Тахти Сангине см.: Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Тахтисангин – Каменное городище, с.159-196. О названии на современных картах Тахтикубадом городища, расположенного на афганском противоположном берегу напротив Тахтисангина, см.: Bernard P., *Francfort H.-P. Études*, p.55. – №10.
- ³⁷⁰ Op. cit, p.3-9.
- ³⁷¹ Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока.
- ³⁷² Подробную библиографию по Айханум см.: Titres et travaux de Paul Bernard. – Paris, 1990. – P.1-12, а также: Пичикян И.Р. Культура Бактрии: Ахеменидский и эллинистический периоды. – М., 1991. – С.321-340.
- ³⁷³ Бернар П. Проблема греческой колониальной истории и урбанизма эллинистического города Центральной Азии. – Проблемы античной культуры. – М., 1986. – С.249.
- ³⁷⁴ Там же, с.250.
- ³⁷⁵ Bernard P. Ai Khanoum on the Oxus. A Hellenistic City in Central Asia. – Albert Reckitt *Archaeological lecture*, British Academy. – London, 1967. – P.92.
- ³⁷⁶ Крыжовская С.Д. Олвия. Историко-географическое исследование архитектурно-строительных остатков. – Киев, 1985. – Рис.6.
- ³⁷⁷ Бернар П. Гимнасий и Айханум. – Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согды: Античность, раннее средневековье // Материалы советско-французского коллоквиума (Самарканд, 1966). – Ташкент, 1987. – С.22-31. – Рис. на – С.24 и 28.
- ³⁷⁸ Там же, с.22 и сл.

- 379 Bernard P. Les monnaies hors trésors, questions d'histoire Greco-Bactrienne. – Fouilles d'Ai Khanoum. – Т.4.(MDAFA. – Т.28), 1985. – P.83-84, Pl. 11, 255-234.
- 380 Там же, с.12.
- 381 Bernard P., Francfort H.-P. Études de géographie historique sur la plaine d'Ai Khanoum (Afghanistan) // CRA URA. – Paris, 1978. – №10. – P.55.
- 382 Пичоян И.Р. Клад Окса и храм Окса, с.42.
- 383 Bernard P. Quatrieme campagne de fouilles à Ai Khanoum (Bactriane) // CRAI. – Paris, 1969. – P.341.
- 384 Литвинский Б.А., Пичоян И.Р. Открытие шедевров бактрийского искусства // Памятники культуры. Новые открытия, 1983. – М.; Л., 1985; Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичоян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. – 1985. – №4. – С.84-110.
- 385 Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичоян И.Р. Вотив Атросока, с.109.
- 386 Пичоян И.Р. Культура Бактрии, с.172-179.
- 387 Зеймаль Е.В. Бактрийский портрет // Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы докладов. – Ереван, 1980. – С.25.
- 388 Подробное рассмотрение этого памятника см.: Пичоян И.Р. Александр – Геракл (греко-бактрийский портрет великого полководца) // СА. – 1983. – №1. – С.80-89.
- 389 Bernard P. Quatrieme campagne, p.334. – Рис.20.
- 390 Там же, с.341-344, рис.17, 18.
- 391 Там же, с.344.
- 392 Чусова А.П., Конькова Г.И., Давыдова Л.И. Античные мастера: Скульпторы и живописцы, 1936. – С.72, 88.
- 393 Veive S. La gymnase. Architecture, ceramique, trouvailles. – Fouilles d'Ai Khanoum. – Т.6 // MDAFA. – 1987. – Т.30. – P.92-93. – Pl.52, 53.
- 394 Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Тр. ЮТАКЭ. – Т.1. – Ашхабад, 1949. – С.79-98; Она же. Архитектурные памятники Нисы // Тр. ЮТАКЭ. – Т.1. – С.208-230; Она же. Реконструкция квадратного зала парфянского ансамбля Старой Нисы // Тр. ЮТАКЭ. – Т.2. – Ашхабад, 1953. – С.143-146; Давыдович Е.А. Отчет о раскопках 1947 г. на площади квадратного зала Старой Нисы // Тр. ЮТАКЭ. – Т.2. – С.118-142.
- 395 Кошелева Г.А. Культура Парфии. – М., 1966. – С.18-24.
- 396 Пугаченкова Г.А. Пути развития, с.93.
- 397 Кошелева Г.А. Культура Парфии, с.20-21.
- 398 Там же, с.21-22.
- 399 Там же.
- 400 Там же, с.23-24.
- 401 Там же, с.24, рис. на с.18; Крайневикова Н.И., Пугаченкова Г.А. Круглый храм парфянской Нисы // СА. – 1964. – №4. – С.119.
- 402 Там же, с.132.
- 403 Там же, с.121-123, 127-129.
- 404 Там же, с.132-139; Кошелева Г.А. Культура Парфии, с.25-28.
- 405 Пугаченкова Г.А. Архитектурные памятники Нисы, с.207; Крайневикова Н.И., Пугаченкова Г.А. Круглый храм, с.119-129, рис.1.
- 406 Там же.
- 407 Там же.
- 408 Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры, с.69-78; Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы // Труды ЮТАКЭ. – Т.4. – Ашхабад, 1959. – С.15-23, 231-236; Кошелева Г.А. Культура Парфии, с.33-36.

- 409 Там же.
- 410 Там же.
- 411 Кошелевко Г.А. Культура Парфии, с.36.
- 412 Там же; Он же. Родина парфян. – М., 1977. – С.95-97; Массон М.Е., Пугаченков В.А. Парфянского времени из Старой Нисы // Ежегодник Института истории искусства. 1956. – М., 1957. – С.460-489.
- 413 Кошелевко Г.А. Культура Парфии, рис. на с.32.
- 414 Там же.
- 415 Кошелевко Г.А. Родина парфян, с.99
- 416 Пишико В.Н. Голова в шлеме из старой Нисы // ВДИ. – 1989. – №3. – С.167-177. – Рис. 1-8.
- 417 Кошелевко Г.А. Родина парфян, рис. 35.
- 418 Там же, с.134-135, рис.58-61.
- 419 Там же, с.137.
- 420 Там же, с.168.

ГЛАВА IX

Средняя Азия в кушанский период

- ¹ Толстов С.П. Древний Хорезм. – М., 1948. – С.240-241; Массон В.М. Древнесогдийская монета из собрания Музея истории АН УзССР // Труды Музея истории УзССР. – Вып.2. – Ташкент, 1954. – С.85-88; Массон В.М. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным // ВДИ. – 1955. – №2. – С.41-42. Этот вывод С.П.Толстова и В.М.Массона принят сейчас почти всеми учеными.
- ² Юстин, XXXVI, 1, 4.
- ³ Бичурич Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т.2. – М.; Л., 1950. – С.151 (далее – Бичурич Н.Я., 2); Hirth F. The Story of Chang Kien // JAOS. – 1917. – Vol.37. – Pt.2. – P.97-98. См.: Hulsewe A.F.P., Loewe M.A.N. China in Central Asia. The Early Stage: 125 B.C. – A.D. 23 (An Annotated Translation of Chapters 61 and 96 of the History of the Former Han Dynasty) / в серии: – Leiden, 1979, (Sinica Leidensia editit Institutum Sinologicum Lugduno Batavum. – Vol.XIV). – P.104. Дата посещения Чжан-Цзянем Средней Азии (128 г. до н.э.) наиболее принята. Однако существует мнение, что это событие следует отнести к 126 г. до н.э. (The Cambridge History of India. – Vol.1. // Ancient India, 1922. – P.566); Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М.; Л., 1948. – С.143.
- ⁴ Ши-цзи, гл.123. Бичурич Н.Я., 2, с.151-152; Hirth F. The Story // JAOS. – Vol.37, pt.2. – P.96-97; Hulsewe A.F.P., Loewe M.A.N. China in Central Asia, p.119-123, 144; “Цянь Хан шу”, гл.95. Бичурич Н.Я., 2, с.183-184; Wylie. Notes on the Western Regions, Translated from “Tseen Han Shoo”. Book 96, pt.1. // Journal of the Anthropological Institute of Great Britain. – Vol.10, 1881. – P.40 и сл.; De Groot. Chinesischen Urkunden zur Geschichte Asiens. Bd.2, 1926.
- ⁵ О хуннах см.: Бернштам А.П. Очерк истории гуннов. – Л., 1951; Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в давние времена. – М., 1960, См. также: McGovern W. The Early Empires of Central Asia. – London, 1939.
- ⁶ О различных точках зрения на дату ухода юэчжей на запад см.: Haloun G. Zur Ue-tsi Frage. – ZDMG. 1937, Bd.91. – S.240.

7. Обоснование "памирского варианта" пути движения саков см.: *Литвинский Б.А.* Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. – XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. – М., 1960. – С.8-11; *Литвинский Б.А.* Древние кочевники "Крыши мира". – М., 1972. – С.187-193. Разбор сведений и гипотез о "тысячелетнем проходе" см.: *Мандельштам А.М.* Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей (с древнейших времен до X в. н.э.) // Труды АН ТаджССР. – Т.3. 1957. – С.50-53.
8. Гибниль – скорее всего Кашмир. О разных точках зрения по вопросу об идентификации Гибниль см.: *Narain A.K.* The Indo-Greeks. – Oxford, 1957. – P.135-137.
9. *Бичурич Н.Я.*, 2, с.151-152; *Hirth F.* The Story, p.97.
10. Отождествление Ланьши с Балхом оспаривается Р.Гиршманом (*Ghirshman R.* Begram. Recherches archéologiques et historiques sur les couchans. – MDAFA. Le Caire, 1946. – T.12. – P.113).
11. *Бичурич Н.Я.*, 2, с.152; *Hirth F.* The Story, p.97-98.
12. *Бичурич Н.Я.*, 2, с.227 – Это сообщение "Хоу Хань шу" отличается от сведений "Цянь Хань шу", согласно которым эти пять владений были землями Даха (Бактрии), подчиненными да-юэчжам (*Бичурич Н.Я.*, 2, с.184). Причина этих расхождений неясна. Не решается еще окончательно и вопрос локализации указанных владений. О различных точках зрения по этому вопросу см.: *Мандельштам А.М.* Материалы. – С.60-64.
13. Страбон, XI, 8, 2; Помпей Трог, XI. Это вторжение произошло в 129-128 гг. до н.э. и, следовательно, может рассматриваться как одно из звеньев того же передвижения кочевников, которое привело к завоеванию ими Бактрии (*Lohuizen de Leeuw J.E. van.* The Scythian Period. – Leiden, 1949. – P.48-50).
14. Помпей Трог, XLII, 1-2; XLII, 2, 2.
15. Это отождествление, наиболее обоснованное, принято большинством исследователей. Однако среди последних в свою очередь существуют разногласия по вопросу о том, считать ли да-юэчжей-тохар восточным крылом массагетов [этой точки зрения придерживается, в частности, С.П.Толстов (*Древний Хорезм*, с.245)] или одним из сакских племен (*Lohuizen de Leeuw J.E. van.* The Scythian Period, p.43-50).
16. *Tarn W.W.* The Greeks in Bactria and India. – Cambridge, 1951. – P.284-285. Особняком стоит точка зрения И.И.Умнякова, который считает да-юэчжей отдельным племенем, отличным и от массагетов, и от тохар, и от ассиев (*Умняков И.И.* Тохары и тохарский вопрос // Труды УзГУ. Н.сер. – №31. – Самарканд, 1946. – Вып.1. – С.15-22).
17. *Tarn W.W.* The Greeks, p.295-297; *Narain A.K.* The Indo-Greeks, p.131.
18. По вопросу о пасианах существует, однако, остроумная гипотеза, согласно которой в текст Страбона вкралась ошибка и вместо "пасианы" (πασιανοί) следует читать "или асианы" (ασιανοί). Если принять это предположение, то сообщения Страбона о трех кочевых племенах (асиных или асианах, тохарах и савараваках) оказываются идентичны сведениям Юстина, упоминающего те же самые племена.
19. *Толстов С.П.* Древний Хорезм, с.242-247; *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации, с.139-141; *Бернштам А.Н.* К вопросу об усунь / кушан и тохарах // СЭ. – 1947. – №3. – С.41-47.
20. *Бичурич Н.Я.*, 2, с.151, 183; Ср.: *Hulsewé A.F.P., Loewe M.A.N.* China in Central Asia, p.120, 132.

- ²¹ *Массон В.М.* Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла // ЭВ. – М.; Л., 1956. – Вып.11. – С.63-75. *Он же.* К вопросу о чекане юэчжуйской Бактрии // Изв. отд. общ. наук АН ТаджССР. – 1957. – №14. – С.109-114; *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. – Душанбе, 1983. – PDFCampFesbok-Free-Version более подробную классификацию этих монет, но в исторической интерпретации фактически следует В.М.Массону.
- ²² *Дьяконов М.М.* Работы Кафирниганского отряда // МИА. – 1950. – №15. – С.171-174; *Массон В.М.* Редкая среднеазиатская монета из собрания Государственного Эрмитажа // ВДИ. – 1953. – №3. – С.167-169; ср.: *Массон В.М.* Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным // ВДИ. – 1955. – №2. – С.39-40. См. также: *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана, с.93-109.
- ²³ *Ghirshman R.* Begram // MDAFA. – 1946. – Т.12. – P.110-111, 114.
- ²⁴ *Зограф А.Н.* Монеты "Герая". – Ташкент, 1937 (ср. рец. С.П.Толстова // ВДИ. – 1939. – №2. – С.114-119); *Давидович Е.А.* Первый клад тетрадрахм кушана "Герая" // ВДИ. – 1976. – №4. – С.56-78. Споры о чтении легенд его монет продолжают. См., например: *Тарасенкова Р.Ф.* К прочтению и интерпретации легенд на монетах "Герая" // ОНУз, 1989. – С.50-56.
- ²⁵ *Ghirshman R.* Begram // MDAFA. – 1946. – Т.12. – P.110-116.
- ²⁶ *Бегурий Н.Я.*, 2, с.152; *Hirth F.* The Story, p.98. Ср.: *Hulsewe A.F.P., Loewe M.A.N.* China in Central Asia, p.119, примеч. 278.
- ²⁷ "Это – кочевое владение; их обычай совершенно сходны с юэчжуйскими" (*Бегурий Н.Я.*, 2, с.150; *Hirth F.* The Story, p.96).
- ²⁸ Следует, однако, отметить, что приведенные здесь отождествления, принятые большинством исследователей, нельзя признать окончательно доказанными. А.Н.Бернштам, например, признавая отождествление Юэжуй – Хорезм, помещает все остальные четыре владения в районе среднего и нижнего течения Сырдарьи (*Бернштам А.Н.* Проблемы древней истории и этногенеза Южно-Казахстана // Изв. АН КазССР. – 1949. – №67. Ср.: *Он же.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. – 1952. – №26. – С.208-216).
- ²⁹ *Бегурий Н.Я.*, 2, с.150, 151, 183-184.
- ³⁰ Там же, с.165.
- ³¹ О Чжэчжон-шаньюе см.: *Зуев Ю.А.* К вопросу о взаимоотношениях усуней и канцзюй с гуинами и Китаем во второй половине I в. до н.э. // Изв. АН КазССР. Сер. истории, философии и права. – 1954. – Вып.2. – С.62-72; ср.: *Бернштам А.Н.* Из истории гуинов I в. до н.э. // СЭ. – 1940. – №1. – С.51-77; *Гумилев Л.Н.* Хушун, с.160-173.
- ³² *Бегурий Н.Я.*, 2, с.185.
- ³³ *Массон В.М.* Денежное хозяйство древней Средней Азии // ВДИ. – 1953. – №3. – С.41-43. Ср.: *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана, с.269-276. Заключение этого автора о дате выпуска этих монет вызывает сомнения. См., например: *Grenet F., Sims-Williams N.* The historical Context of the Sogdian Ancient Letters. – Transition Periods in Iranian History. – Actes du Symposium de Fribourg-en-Brusgau, 1987. – P.101-122.
- ³⁴ *Толстой С.П.* К истории хорезмийских сивушидов // Изв. АН СССР. СИФ. – 1954. – Т.2. – №4. – С.274-286; *Вайсберг Е.И.* Ранняя хорезмийская монета из собрания Самаркандского музея и некоторые вопросы истории докушанской хорезмийской чеканки // ВДИ. – 1962. – №1. – С.125-132; *Она же.* Монета древнего Хорезма. – М., 1977. – С.12 и сл., 48 и сл.

- ³⁵ Сведения Чжан Цзя о Фергане и данные о китайско-ферганских войнах приводятся в "Ши-цзи" Сима Цяня. См.: *Бичурин Н.Я.*, 2, с.147-168; *Hirth F.* The Story, p.94-116; *Hulsewe A.F.P., Loewe M.A.N.* China in Central Asia, p.131-138. См. также: *Gorbunova N.G.* The Culture of Ancient Fergana. – BAR. – Oxford, 1986, 15, 281. – P.58-68
- ³⁶ *Tarn W.W.* The Greeks, p.206-221.
- ³⁷ Широко вошедшее в литературу представление о "потеющих кровью лошадях Ферганы" как об особой породе лошадей ошибочно. Как явствует из сообщений китайских источников, выделение крови у ферганских лошадей было результатом присасывания к кровеносным сосудам ног особых паразитов (*Waley A.* The Heavenly Horses of Fergana. A New View. – History Today. – London, 1955. – Vol.5. – №2. – P.102; *Fernald H.E.* Chinese Art and the Wu-Sun Horse. – 1959 annual, art and archaeological division. The Royal Ontario Museum. – Toronto, 1959. – №2. – P.31.
- ³⁸ *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.; Л., 1952, (МИА. №26). – С.222-226.
- ³⁹ *Бичурин Н.Я.*, 2, с.161, 188; *Hirth F.* The Story, p.108.
- ⁴⁰ Краткий разбор основных гипотез см.: *Ghirshman R.* Le problème de la chronologie des Kouchans. – Cahiers d'histoire mondiale. – Vol.III. – Neuchatel, 1957. – №3. – P.689-717. Иные датировки воцарения Канишки: начало I в. н.э. (Фергюссон), 90 г. н.э. (Буае и Ольденберг), 130, 138 и 200 гг. н.э. (Стен Конов) и др. – широкого распространения в литературе не имели. Теперь ср.: *Зеймаль Е.В.* Кушанская хронология (Материалы по проблеме). – М., 1968. Автор, тщательно рассмотрев известные к 1968 г. гипотезы, высказывает много дельных замечаний. Однако предлагаемая им в этой и более поздних работах (вслед за индийским ученым Д.Р.Бхандаркармом) дата Канишки как 278 г. представляется более чем сомнительной. См., например: *Ставицкий Б.Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. – М., 1977. – С.27, примеч.81.
- ⁴¹ *Ghirshman R.* Begram // MDAFA. – 1946. – Т.12. – P.130-131.
- ⁴² *Толстов С.П.* По следам древнекорезмийской цивилизации. – М., 1948. – С.151.
- ⁴³ *Ghirshman R.* Begram // MDAFA. – 1946. – Т.12. – P.100-101.
- ⁴⁴ *Lohuizen de Leeuw J.E. van.* The Scythian Period, p.318-319.
- ⁴⁵ Отождествление Кудзулы Кадфиза монетных легенд с Кюндзюю "Хоу Хань шу" предложено А.Каннигэмом (*Cunningham A.* Coins // NC. – 1890. – Vol.20. – P.41) и подтверждено П.Пельо (*Pelliot P.* Les pays d'Occident d'après le Heou Han chou // TP. – 1907. – Т.8. – P.191).
- ⁴⁶ Ван Лохвизен де Леев считает эту эру "старой сакской эрой", начавшейся с завоевания кочевниками Бактрии (ок. 129 г. до н.э.), и относит надписи Кудзулы Кадфиза ко времени между 25 г. до н.э. и 7 г. н.э.
- ⁴⁷ *Ghirshman R.* Begram, p.122.
- ⁴⁸ Об отождествлении Яньгаочжэна с Вимой Кадфизом см.: *Cunningham A.* Coins // NC, 1890. – Vol.10. – P.41; *Marquart J.* Eränshahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. – Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-hist. Kl. Bd.4, 1901. – S.209, Anm.4; *Pelliot P.* Neuf notes sur des questions d'Asie centrale // TP. – 1929. – Vol.26. – P.201-203.
- ⁴⁹ *Бичурин Н.Я.*, 2, с.227-228; *Pelliot P.* Tocharien on Koutcheen // JA. – 1934. – Vol.224. – P.38.
- ⁵⁰ *Lohuizen de Leeuw J.E. van.* The "Scythian" Period, p.379-380; *Vogel J.* Explorations at Mathura. – ASI Annual report. 1911-1912. – P.124-125; *Jayaswal*

K.P. The Statue of Wima Kadphises and Kushan Chronology // JBORS. – 1920. – Vol.6. – P.12-22.

- ⁵¹ Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадлан) (1950-1951) // МИА. – 1953. – №37. – С.290; Давидович Е.А. Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г. // Труды АН ТаджССР. – 1956. – Т.57. – С.96; Забелина Н.Н. Обзор древнейших монет из коллекции Республиканского историко-краеведческого музея ТаджССР // Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея ТаджССР. – 1952. – Вып.1. – С.77; Зеймаль Е.В. Кушанские монеты из собрания Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР // Изв. АН ТаджССР. Отдел. обществ. наук. – 1960. – Вып.1 (22). – С.115-116; Он же. Древние монеты Таджикистана, с.178-189.
- ⁵² Об этих монетах см.: Массон М.Е. Происхождение безымянного "царя царей – великого спасителя" // Труды САГУ. Нов. серия. – 1950. – Вып.11. – С.11-49; Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана, с.160-177.
- ⁵³ Об этом кушанском царе, помимо прославляющей его буддийской традиции, упоминают и китайские путешественники и даже ал-Бируни (*Sachau E. Alberuni's India. – Vol.2. – London, 1910. – P.11-13*).
- ⁵⁴ Забелина Н.Н. Обзор древнейших, с.77-78; Давидович Е.А. Монетные находки на территории Таджикистана в 1953 г. // Доклады АН ТаджССР. – 1954. – Вып.11. – С.69; Зеймаль Е.В. Кушанские монеты из собрания Института истории, археологии и этнографии, с.123-124; Он же. Древние монеты Таджикистана, с.190-204; Пилипко В.Н. Поселения Северо-Западной Бактрии. – Ашхабад, 1985. – С.181.
- ⁵⁵ Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М.; Л., 1948. – С.151.
- ⁵⁶ Banerji A. Eastern Expansion of the Kushana Empire // IHQ. – 1951. – Vol.27. – №4. – P.294-303.
- ⁵⁷ Васильев Л.С. Бамь Чао в Западном крае // ВДИ. – 1955. – №1. – С.108-125.
- ⁵⁸ Chavannes E. Trois generaux chinoise de la dinastie Han Orientaux // TP. – 1907. – Vol.7. – P.230-232.
- ⁵⁹ Chavannes E. Trois generaux, p.246 и сл.; Pelliot P. Les pays d'Occident, p.205.
- ⁶⁰ Foucher A. L'art greco-bouddique du Gandhara. – Paris, 1917. – Т.2. – P.643-644; Stein A. Ancient Khotan. – Oxford, 1907. – Vol.1. – P.56.
- ⁶¹ Pelliot P. Les pays d'Occident, p.167.
- ⁶² Levi S. Notes sur les Indo-Scythes // JA. – 1896. – P.10. – N.1.
- ⁶³ См., например: de la Vallee Poussin L. L'Inde du temps des Mauryas et des Barbares, Grecs, Skythes, Parthes et Yue-tche. – Paris, 1930. – P.32.
- ⁶⁴ Пташин Г.В. К вопросу о географии Шахнаме // ТОВЭ. – Т.4. 1947. – С.304-306.
- ⁶⁵ Müller T.W.K. Toxri und Kusan (Kûsân). – SPAW. Phil. – Hist. klasse. 1918, Bd.28. – P.575; Статский Б.Я. Кушанская Бактрия: Проблемы истории и культуры. – М., 1977. – С.35.
- ⁶⁶ Статский Б.Я. Кушанская Бактрия, с.110-140.
- ⁶⁷ Sprengling M. Third century Iran, p.7, 14; Луконин В.Г. Завоевания Сасанидов на востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии // ВДИ. – 1969. – №2. – С.20-44.
- ⁶⁸ Markwart J. A Catalogue of the Provincial Capitals of Erânšâhr. – Roma, 1931, 15. – P.12, 52; Дьяконов М.М., Мандельштам А.М. Средняя Азия в III-V вв. // Очерки истории СССР (III-IX вв.). – М., 1958. – С.335; Луконин В.Г. Завоевания Сасанидов на востоке, с.36.

- ⁶⁹ Подробнее см.: *Статский Б.Я.* Кушанская Бактрия, с.131-134.
- ⁷⁰ *Вайнберг Б.И.* Монеты древнего Хорезма, с.87-89, 101, 177-180.
- ⁷¹ *Gorbulonova N.G.* The Culture of Ancient Fergana, p.212 (английский текст), с.272-273 (русский текст).
- ⁷² Бичурин Н.Я., 2, с.229; *Chavannes E.* Trois généraux, p.230; *Chavannes E.* Les royaumes occidentaux de l'Asie centrale // TP. – 1905. – Vol.6. – P.538 и сл.
- ⁷³ *Debevoise N.C.* A Political History of Parthia. – Chicago; Illinois, 1938; *Массон М.Е.* Народы и области южной части Туркменистана в составе парфянского государства // Труды ЮТАКЭ. – 1955. – Т.5. – С.7-19.
- ⁷⁴ *Hertzfeld E.* Archaeological History of Iran. – London, 1935. – P.54.
- ⁷⁵ *Массон М.Е.* Народы и области, с.12.
- ⁷⁶ *Debevoise N.C.* A Political History, p.45 и сл.; *Массон М.Е.* Народы и области, с.13.
- ⁷⁷ Лучший обзор римско-парфянских отношений в I в. до н.э. дан в книге Деб-воиза. Там же подробно рассмотрены события, связанные с походом Красса.
- ⁷⁸ *Толстов С.П.* Древний Хорезм, с.213-214; *Hertzfeld E.* Archaeological History of Iran, 63 и сл.
- ⁷⁹ С.П.Толстов на основании тщательного анализа военных действий полагает, что тактика, примененная войсками полководца из рода Сурана, равно как и вооружение его отрядов, своим происхождением обязана Средней Азии (*Толстов С.П.* Древний Хорезм, с.211-227).
- ⁸⁰ Возможно, что именно они упоминаются в парфянских документах из Нисы. См.: *Дьяконов И.М., Липица В.А.* Новые находки документов в Старой Нисе // Переднеазиатский сборник. 2. Дешифровка и интерпретация письменностей Древнего Востока. – М., 1966. – С.148-153 (особенно – С.152).
- ⁸¹ *Debevoise N.C.* A Political History, p.143-147.
- ⁸² *Массон М.Е.* Народы и области, с.15.
- ⁸³ *Debevoise N.C.* A Political History, p.179-196.
- ⁸⁴ *Массон В.М.* Восточно-парфянский правитель Санабар // Труды ГИМ. – Вып.26. Нумизматический сборник. – Ч.2. – М., 1957. – С.34-42.
- ⁸⁵ *Массон М.Е.* Народы и области, с.18.
- ⁸⁶ *Lohjzen de Leeuw J.E. van.* The Scythian Period, p.388; *Ghirshman R.* Begram // MDAFA. – 1946. – Т.12.
- ⁸⁷ См.: *Луконов В.Г.* Завоевания Сасанидов на востоке, с.22-23.
- ⁸⁸ *Nöldeke T.* Geschichte der Perser und Araber zur Zeit des Sassanides aus dem arabische Chronik des Tabari. – Leiden, 1879. – S.17-18.
- ⁸⁹ См., например: *Дьяконов М.М., Магдальштам А.М.* Средняя Азия в III-V вв., с.333-334.
- ⁹⁰ См.: *Луконов В.Г.* Завоевания Сасанидов на востоке, с.20-44; *Он же.* Культура сасанидского Ирана. – М., 1969. – С.124-151 (ср. с.7-10 и 51); *Он же.* Кушано-сасанидские монеты // ЭВ. 1967. – Вып.18. – С.16-33.
- ⁹¹ Отождествление Вехсдржана с Васудевой не вызывает сомнений. Но при этом неясно, был ли это Васудева II (как полагает ван Лохизен де Леев) или Васудева I (как полагает Р.Гиршман).
- ⁹² *Ghirshman R.* Begram, p.155-156. Ср.: Моисей Хоренский. История Армении / Пер. Н.О.Эммина. – М., 1893. – Кн.2. – 72-73. – С.118.
- ⁹³ *Marquart J.* Erānsahr, p.48; *Ghirshman R.* Begram, p.156.
- ⁹⁴ *Pelliot P.* Tokharien on Kutchéen // JA. – 1934. – Vol.224. – P.40; *Ghirshman R.* Begram, p.156.
- ⁹⁵ *Pelliot P.* Le Théorie des Quatres Fils du Ciel // TP. – 1923. – P.97-139; *Levi S.* Devapatra // JA. – 1934. – Vol.224. – P.1-21.

- ⁹⁶ Ghirshman R. Begram, p.163-165.
- ⁹⁷ Herzfeld E. Paikuli. Monument and Inscription of the Early History of the Sasanian Empire. – Berlin, 1924. – Vol.1. – P.42.
- ⁹⁸ Луконов В.Г. Кушано-сасанидские монеты, с.18.
- ⁹⁹ ~~См. PDF Compressor Free Version~~ // NC. – Ser.3. – Vol.13. – 1893. – P.166-202; Herzfeld E. Kushano-Sasanian Coins // MASI. – Calcutta, 1931. – №38; Bivar A.D.H. The Kushano-Sasanian Coin Series // JHSI. – 1956. – Vol.18,1. – P.13-42; *Он же*. The Absolute Chronology of the Kushano-Sasanian Governors in Central Asia. – Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. – Budapest, 1979. – P.317-332; Луконов В.Г. Кушано-сасанидские монеты, с.16-33; *Он же*. Завоевания Сасанидов на востоке, с.39-41; Göbl R. System und Chronologie der Münzprägung der Kusanreiches. – Wien, 1984. – S.79-86; Gribb J. Gandharan Hoards of Kushano-Sasanian and Late Kushan Coopers // Coin Hoards. – 1981, 6. – P.93-109; *Он же*. Some Further Hoards of Kushano-Sasanian and Late Kushan Coopers // Coins Hoards. – 1985, 7. – P.308-321.
- ¹⁰⁰ См., например: Вайнберг Б.И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV-V вв. – Кара-тепе. 3. – М., 1972. – С.135.
- ¹⁰¹ История Армении Фаустоса Бузанда. – Т.1. – Ереван, 1953. – С.158.
- ¹⁰² Луконов В.Г. Завоевания Сасанидов на востоке, с.43.
- ¹⁰³ История Армении, с.183.
- ¹⁰⁴ См.: Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана, с.259-268; Ртвеладзе Э.В. Об ареале и хронологии сасанидских завоеваний в Северной Бактрии-Тохаристане // ОНУз. 1982. – №1. – С.47-54.
- ¹⁰⁵ До 1990 г. на Кара-тепе найдено 30 таких монет. Их список и определение публикуются в сборнике Кара-тепе. 6 Е.В.Зеймалем. Ср. в том же сборнике статью Б.Я.Ставиского “Новые данные о Кара-тепе (некоторые итоги работ 1978-1989 гг.)”.
- ¹⁰⁶ Harmatta J. The Bactrian Wall-Inscriptions from Kara-tepe. 2. – М., 1969. – С.82-125.
- ¹⁰⁷ Лившиц В.А. К интерпретации бактрийских надписей из Кара-тепе. – Кара-тепе. 4. – М., 1975. – С.47-60.
- ¹⁰⁸ Луконов В.Г. Среднеперсидские надписи из Кара-тепе. – Кара-тепе. 2. – М., 1969. – С.40-46.
- ¹⁰⁹ Другие ученые предлагали иные определения даты надписей: В.Б.Хеннинг считал, что это 264-265 или 268-269 гг. н.э., Я.Харматта – 286 г. н.э.
- ¹¹⁰ Вайнберг Б.И. Некоторые вопросы истории Тохаристана, с.135.
- ¹¹¹ Маршак Б.И. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. // Страны и народы Востока. 10. – М., 1971. – №10. – С.59, 62-63.
- ¹¹² Вайнберг Б.И. Некоторые вопросы истории Тохаристана, с.137; Маршак Б.И. К вопросу о восточных противниках Ирана, с.65.
- ¹¹³ Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. – Ташкент, 1990. – С.65.
- ¹¹⁴ Ставиский Б.Я. Основные этапы освоения земледельческим населением горных районов Верхнего Зерафшана (Кухистана) // Материалы этнографического отделения ВГО. – Вып.1. – Л., 1961. Этот вывод подтвердили и недавние работы У.Э.Эшонкулова. См.: Эшонкулов У.Э. Оросительные системы восточной части правобережья Зерафшана // АРТ. – Вып.22 (1982 г.). – Душанбе, 1990. – С.72-90; *Он же*. История ирригации Верхнего Зерафшана (с древнейших времен до начала XX в.); Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Самарканд, 1969. – С.10, 12.

- ¹¹⁵ Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. – Ташкент, 1957. – С.98-107; Толстов С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – Т.2. – М., 1958. – С.111-116.
- ¹¹⁶ Наконец-то такого соотника найден при раскопках городища Тали-Барзу (под Самаркандом) и хранится в Самаркандском музее. Происходит эта находка из слоя Тали-Барзу II.
- ¹¹⁷ Ртвеладзе Э.В. Древняя Бактрия – средневековый Тохаристан: Динамика историко-культурного развития (по материалам амударьинского правобережья): Автореф. дисс... докт. ист. наук. – М., МГУ, 1988. – С.13.
- ¹¹⁸ Там же, с.14.
- ¹¹⁹ Sarianidi V.A. Bactrian Gold. – Leningrad, 1985.
- ¹²⁰ Об этом пути см.: Плиний. Естественная история, VI, 52; Страбон, XI, 7, 3. См. также: Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия, с.169.
- ¹²¹ См.: Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия, с.171-172.
- ¹²² По этим дорогам, широко используемым в раннее средневековье, в кушанское время попали, вероятно, кушанские монеты в Прикамье и хорезмийские изделия в Зауралье // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – 1952. – Т.1. – С.193-196.
- ¹²³ Дион Хрисостом. К александрийцам, 40; Хвостов М.М. История восточной торговли греко-римского Египта. – Казань, 1907. – С.395.
- ¹²⁴ Hackin J. Nouvelles recherches archéologiques à Begram (ancienne Kapici). – Paris, 1954.
- ¹²⁵ Kennedy J. The Secret of Kanishka // JIRAS. – 1912. – P.983; Monneret de Villard U. Le monete dei Kushana e l'Imperio romano. – Orientalia, 1948. – Vol.17, Nowa series, fasc.2. – P.205-245.
- ¹²⁶ Массон М.Е. Происхождение безымянного “царя-царей – великого спасителя” // Труды САГУ. – 1951. – Вып.23. – С.40.
- ¹²⁷ Массон М.Е. К вопросу о взаимоотношениях Средней Азии и Византии по нумизматическим данным // Труды САГУ. – 1951. – Вып.23. – С.93; Жухов В.Д. Находка сестерция Нерона в кушанском слое в Южном Узбекистане // ЭВ. – 1960. – 13. – С.125-127.
- ¹²⁸ Массон М.Е. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Киргизской ССР до 1947 г. // Труды Института языка, литературы и истории КиргФАН СССР. – Вып.2. – Фрунзе, 1948. – С.141-142.
- ¹²⁹ Шеркова Т.А. Египет и Кушанское царство (торговые и культурные контакты). – М., 1991.
- ¹³⁰ Гайдукетич В.Ф. Могильник Ширын-сай // СА. – М.; Л., 1952, 16. – С.334-335, 253-254; Воронец М.Э. Отчет археологической экспедиции Музея истории Академии наук УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н.э. возле станции Вревская // Труды Музея истории АН УзССР. – Ташкент, 1951. – Вып.1. – С.52-55; Спришевский В.И. Некоторые находки из Мутхона в собрании Музея истории // Труды музея истории АН УзССР. – Ташкент, 1956. – Вып.3. – С.70; Берништам А.Н. Древняя Фергана. – Ташкент, 1951. – С.21; Берништам А.Н. Историческое прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. – Фрунзе, 1943. – С.12; Литвинский Б.А. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. // Труды АН ТаджССР. – 1959. – Т.103. – С.121.
- ¹³¹ Массон М.Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. – Л., 1934. – С.16-17, 33, 67; Васильев Л.С. Культурные и торговые связи ханьского Ки-

тая с народами Центральной и Средней Азии // Вестник истории мировой культуры. – 1958. – №5. – С.49; ср.: *Бартольд В.В.* История Туркестана. – Ташкент, 1922. – С.6.

- 132 *Маслов В.М.* Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным // ВДИ. – 1955. – №2. – С.44-45.
- 133 Канишке посвящена огромная литература. Последней по времени обобщающей работой, где рассматривается вопрос религиозной и культурной политики Канишки, является: *The History and Culture of Indian People. – Vol.2. The Age of Imperial Unity. – Bombay, 1953. – P.141-149, 384 и сл.*
- 134 См.: *Rosenfield L.M.* The Dynastic Arts of the Kushans. – Berkeley; Los-Angeles, 1967. – P.140-142, 149-151; *Schlumberger D., Le Berre M., Fussman G.* Surkh Kotal en Bactriane. – Vol.1. – Paris, 1983, (MDAFA. – T.25).
- 135 О буддийских памятниках кушанского Термеза см.: *Ставицкий Б.Я.* Кушанская Бактрия, с.186-192. Работам на Кара-тепе специально посвящены выпуски Кара-тепе 1-6.
- 136 См. публикации Т.И.Зеймаль: Буддийский комплекс Шутур-Мулло // АРТ. – Душанбе, 1986. – Вып.19 (1979). – С.186-202; *Она же.* Раскопки буддийского комплекса Уштур-Мулло в 1981 г. // АРТ. – Душанбе, 1988. – Вып.21 (1981). – С.325-336; *Она же.* Буддийский монастырь Уштур-Мулло (работы 1982 г.) // АРТ. – Душанбе, 1990. – Вып.22 (1982). – С.255-261; *Она же.* Буддийская ступа у Верблюжьей Горки. – Прошлое Средней Азии. – Душанбе, 1987. – С.70-78. Ср.: *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Тепан-шах. Культура и связи Кушанской Бактрии. – М., 1983. – С.75-79.
- 137 Основные публикации о Дальверзин-тепе: *Пугаченкова Г.А. и др.* Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. – Ташкент, 1978; *Пугаченкова Г.А.* Художественные сокровища Дальверзин-тепе. – Л., 1978; *Пугаченкова Г.А., Тургунов Б.А.* Новый буддийский памятник в Южном Узбекистане // Памятники культуры. Новые открытия. 1988. – М., 1989. – С.519-530.
- 138 См.: *Пыляко В.Н.* Поселения Северо-Западной Бактрии.
- 139 *Gardin J.-C.* Céramiques de Bactres. – Paris, 1957, (MDAFA. – T.16). – P.58, pl.X, 7.
- 140 Основные публикации о Халчяне: *Пугаченкова Г.А.* Халчяне: К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. – Ташкент, 1966; *Она же.* Скульптура Халчяна. – М., 1971.
- 141 См., например, терракоты из Кей-кобад-шаха: *Мандельштам А.М., Певзнер С.П.* Работы Кафирниганского отряда в 1952-1953 гг. // МИА. – 1958. – №66. – С.301, 304-305.
- 142 *Пугаченкова Г.А. и др.* Дальверзинтепе, с.75-90. "Великой Бактрийской богине" был посвящен, видимо, и небольшой храм в квартале керамистов (см. там же, с.130-143).
- 143 См.: *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии. – М., 1984. – С.150-161.
- 144 Там же, с.7-78.
- 145 *Литвин В.А.* Тохарская надпись на хуме // ДАН ТаджССР. – 1953. – Вып.7. – С.23-28.
- 146 Среди захоронений Бактрии-Тохаристана кушанской эпохи Б.А.Литвинский, Г.А.Пугаченкова и Э.В.Ртвеладзе выделяют и такие, которые они считают зороастрийскими. Однако вопрос об их связи с зороастризмом нуждается еще в дополнительном изучении.
- 147 Такие модели, свидетельствуя об эрудиции их автора, лишены конкретности и одинаково приложимы как к городу Средней Азии разных эпох, так и к городам других регионов.

- 148 См.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985, (серия: Археология СССР). – С.258-259 (там же указана библиография).
- 149 Ртвеладзе Э.В. Кушанская крепость Кампыртепе // ВДИ. – 1984. – №2. – С.87-100. М. – Уфской переправы. – Вехи времен. Рассказы о памятниках истории и культуры Узбекистана. Альманах 89. – Ташкент, 1989. – С.69-75.
- 150 Пидваев Ш.Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. – Ташкент, 1978. – С.50-81.
- 151 Массон М.Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за времена с 1917 по 1927 гг. // Известия Среднеазиатского музея. – Ташкент, 1928. – Вып.2. – С.286.
- 152 См.: Статиский Б.Я. Капители древней Бактрии // СА. – 1972. – №2. – С.41-50.
- 153 Массон М.Е. Находки фрагмента скульптурного карниза первых веков н.э. // Материалы Узкомстариса. – Вып.1. – Ташкент, 1933; Массон М.Е. Скульптура Айртама // Искусство. – 1935. – №2; Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. – М.; Л., 1940. – Табл.45-49; Статиский Б.Я. О назначении айртамских рельефов // СГЭ. – Л., 1972. – Вып.34. – С.8-10.
- 154 Мухтаров А. Новые находки каменных капителей кушанского времени из Шахринау (Южный Таджикистан) // Изв. АН ТаджССР. Отдел. обществ. наук. – 1968. – №3. – С.37-40 (то же в сб.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М., 1975. – С.374-377); ср.: Статиский Б.Я. Капители древней Бактрии, с.46-47.
- 155 Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, с.255-257.
- 156 Характеристику культуры этих областей см.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, с.204-337. В нашей сводке мы будем опираться на данные этого издания лишь иногда, когда это представляется возможным, дополняя их другими материалами, в первую очередь теми, которые стали известны после выхода этого труда в свет.
- 157 Толстов С.П. Древний Хорезм. – М., 1948. – С.196-205; Он же. К истории хорезмийских сиявушидов // Изв. АН СССР. СИФ. – 1945. – №4. – С.276-286, особенно с.284.
- 158 Типологию, классификацию, датировку и историческую интерпретацию хорезмийских монет см. в кн.: Войцберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. – М., 1977.
- 159 См.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, с.331.
- 160 Городище Топрак-кала. (М., 1981, ТХЭ. – Т.12); Топрак-кала. Дворец. (М., 1984, ТХЭ. Т.14).
- 161 Помимо книги М.Г.Воробьевой "Керамика Хорезма античного периода" (М., 1959, ТХЭ. – Т.14) и ее статьи в кн.: "Кой-Крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма" (М., 1967, ТХЭ. Т.5.) см. теперь также: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, с.330, 447.
- 162 Альбаум Л.И. Буддийский храм в долине Саназара (нужно Санзара) // ДАН УзССР. – 1955. – №8. – С.57-60.
- 163 Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля (из работ Узбекстанской искусствоведческой экспедиции). – Ташкент, 1989. – С.89-94, 182.
- 164 Основные публикации терракот Согда: Trever С. Terracotas from Af zsiab. – М.; Л., 1984; Мешжерис В.А. Терракоты Самаркандского музея. – Л., 1962; Она же. Коропластика Согда. – Душанбе, 1977; Она же. Согдийская терракота. – Душанбе, 1989. – теперь существенно дополнены множеством статей и заметок ученых Таджикистана, Узбекистана, Туркмении.
- 165 Тревер К.В. Гопат-шах – пастух-царь // ТОВЭ. – 1940. – Т.2. – С.71-86.

- 106 Reichelt H. Die sogdhischen Handschriftenteste des Britischen Museum. – Vol.2. Nicht-buddhistischen Texte. – Heidelberg, 1931; Henning W.B. The Date of the Sogdian Ancient Letters // BSO(A)S. – 1948. – Vol.12. – Pl.3-4. – P.601 и сл.; Grunwaldt W. The historical Context of the Sogdian Ancient Letters. – Transition Periods in Iranian History. – Actes du Symposium de Fribourg-en-Brusgau (22-24 Mai 1985). 1987. – P.101-122 (там же см. библиографию). См. также: Розенберг Ф.А. Согдийские "старые письма" // Изв. АН СССР. Сер.7. – 1982. – №5. – С.445-469.
- 107 Григорьев Г.В. Городище Тали-Барзу // ТОВЭ. – 1940. – Т.2. – С.87-102.
- 108 О джетысарской культуре см.: Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. (М., 1971, ТХЭ. Т.7). – С.12-39 и раздел "Памятники джетысарской культуры" в кн.: Степи азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992, (серия Археология СССР). – С.61-72.
- 109 Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. – М.; Л., 1962, (МИА. – №118). – С.116-153; *Он же.* Фергана. – Древнейшие государства, с.304-317; *Gorbunova N.G.* The Culture of Ancient Fergana. VI Century B.C. – VI Century A.D. – BAR, 281, 1986. – P.97-100, 113-154; см. также последующие публикации: *Горбунова Н.Г.* Памятники Керкидонской группы в Южной Ферганае. – АСГЭ. – Л., 1985, 26. – С.45-70; *Она же.* Памятники Керкидонской группы в Южной Ферганае (Макты-Курган, Чун-тепе). – АСГЭ. – Л., 1987, 28. – С.71-102; *Она же.* Ферганский могильник Хангиз I – СА. – 1990. – №1. – С.179-198; *Горбунова Н.Г., Оболдуева Т.Г.* Поселение Аралтепе в Ферганае. – АСГЭ. – Л., 1988, 29.
- 110 *Гайдукевич В.Ф.* Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943-1944 гг. // КСИМК. – 1947. – Вып.15. – С.92-109; *Гайдукевич В.Ф.* Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе // КСИМК. – 1949. – Вып.28. – С.77-83; *Гайдукевич В.Ф.* Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане // СА. – 1952. – Т.16. – С.331-359; *Салтовская Е.Д.* Раскопки Дунгачтепе в 1978 г. // АРТ. – Душанбе, 1984. – Вып.18 (1978). – С.314-323; *Негматов Н.Н., Мирбабаев А.К., Абдурашулов М.А.* О работе Куркатского отряда // АО. 1977. – М., 1978. – С.559-560; *Мирбабаев А.К.* Новые скальные скелеты Курката // АО. 1978. – М., 1979. – С.579; Древности Таджикистана. Каталог выставки. – Душанбе, 1985. – С.120-125.
- 111 Обзор теорий см.: *Сорокин С.С.* Культура древних скотоводов в предгорьях Ферганы: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Л., 1968; *Заднепровский Ю.А.* Археологические памятники Южных районов Опшской области. – Фрунзе, 1960. – С.128-138; *Литвинский Б.А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. – М., 1972. – С.60-64; *Gorbunova N.G.* The Culture, p.8-9.
- 112 Помимо работ, указанных в примечании 171, см.: *Литвинский Б.А.* Керамика из могильников Западной Ферганы. – М., 1973; *Он же.* Орудия труда и утварь из могильников Ферганы. – М., 1978; *Gorbunova N.G.* The Culture of Ancient Fergana, p.101-110, 113-154 (там же названа более ранняя литература), а также: *Горбунова Н.Г.* К вопросу о древних скотоводах Южной Ферганы. – Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Л., 1989. – С.80-89; *Она же.* О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии // СА. – 1991. – №3. – С.20-30. См. еще: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – Археология СССР. – М., 1992. – С.13-30, 73-115.
- 113 *Обельченко О.В.* Культура античного Согда. – М., 1992 (указана более ранняя литература); *Иванчик И.Д., Иноваткина О.Н.* Раскопки кургана Сирлен-

бай-тепе // ИМКУ. – Ташкент, 1988. – Вып.22; Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. – Ташкент, 1989. – С.122-154; Мамылов Ю.Н. Раскопки Керакуджской курганной группы в Центральных Кызыл-Кумах // ИМКУ. – Ташкент, 1990. – Вып.23. – С.46-60.

PDF Compressor Free Version

- ¹⁷⁴ *Мандельштам А.М.* Кочевники на пути в Индию. – М., 1966, (МИА. – №136); *Мандельштам А.М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии // Труды Тадж. Археол. экспедиции и Инст. ист. АН ТаджССР. – №7. – Л., 1975; *Медведская И.Н.* Раскопки в Шаартузе в 1974 г. // АРТ. – 16 (1974). – Душанбе, 1979. – С.110-120; *Медведская И.Н.* Раскопки в Шаартузе в 1977 г. // АРТ. – 17 (1977). – Душанбе, 1983. – С.120-130; *Седов А.В.* Разведки и раскопки в Бешкентской долине. – Там же, с.110-120; *Седов А.В., Керзум А.П.* Раскопки в Бешкентской долине в 1978 г. // АРТ. – 18 (1978). – Душанбе, 1984. – С.116-130; *Седов А.В., Керзум А.П.* Раскопки в Бешкентской долине в 1979 г. // АРТ. – 19 (1979). – Душанбе, 1986. – С.164-170; *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии. – М., 1984. – С.104-135; *Денисов Е.П.* Раскопки могильника Ксиров в Дангаринском районе в 1978 г. // АРТ. – 18 (1978). – Душанбе, 1984. – С.131-137; *Денисов Е.П.* Раскопки в Дангаринском и Кабалинском районах // АРТ. – 19 (1979). – Душанбе, 1986. – С.147-163; *Денисов Е.П.* Исследование могильников по реке Ксиров (Саргарон) в Дангаринском районе в 1980 г. // АРТ. – 20 (1980). – Душанбе, 1987. – С.147-163; *Денисов Е.П.* Загадочные тохары // Памир. – 1989. – №12. – С.133-141.

- ¹⁷⁵ Распространенная одно время в нашей литературе датировка буддийских памятников Старого Мерва первыми веками н.э. в свете последующих исследований оказалась ошибочной – возникновение этих памятников, судя по находкам монет сасанидского царя Шалуря II в кладках платформы буддийской постройки на городище Гяур-кала, нельзя относить ко времени ранее IV в. н.э.

- ¹⁷⁶ Обобщение материалов по культуре (и истории) Парфии, в том числе и интересующего нас периода, дается В.Н.Пилишко в его докторской диссертации, защищенной в конце 1989 г. в Институте археологии АН СССР. См.: *Пилишко В.Н.* Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана: Автореф. дисс... докт. ист. наук. – М., 1989, особенно – С.1, 3, 10-11, 16-20, 26-27.

Примечание редакторов. Уже после сдачи в печать тома была опубликована Рабатакская надпись, которая совершила революцию в понимании кушанской политической истории, хронологии и религии.

В местности Рабатак, на Рабатак Кафиркала, в 40 км восточнее Хайбака на дороге в Пули Хумри (провинция Баглан, Республика Афганистан) местные жители в 1993 г. нашли, наряду с фрагментами керамики, кирзичами и каменными скульптурами, также каменную плиту с надписью, которая была доставлена в резиденцию губернатора и там сфотографирована Тимом Портером, который переслал фотографии в Британский музей.

Надпись имеет 23 строки, каждая из которых состоит более чем из пятидесяти букв. Чтение надписи осуществил известный английский иранист Н.Симс-Вильямс, исторический комментарий – английский нумизмат Д.Крибб. Приведем краткое содержание их труда (*Sims-Williams N., Cribb J.* A New Bactrian Inscription // *Silk Road Art and Archaeology.* – Vol.4. – Kamakura, 1995/96. – P.75-142.).

Надпись выполнена на бактрийском языке греческой письменностью. Она сделана от имени Канишки Кушана, который называет себя богом, получившим свою власть от "Наны и всех других богов". Сообщается, что был издан греческий эдикт, который затем был переведен на арийский (т.е. бактрийский) язык. Сообщается, что Канишка приказал своему чиновнику Шарафу устроить святилище (баголатто), которое было бы посвящено самому Канишке, его прадеду царю Куджулу Кадфису, его деду царю Виме Такто, его отцу Виме Кадфису. Кроме того, перечисляются божества, которым должны поклоняться в святилище: Нана, Умма, Аурмузд, Срошард, Нараса и Мюхр.

Первая попытка исторического анализа, сделанная Д.Криббом, привела его на основании сопоставления письменных и нумизматических источников к следующим заключениям. Именно Вима Такто явился завоевателем Индии и начал устраивать там свои святилища. Именно с ним Крибб связывает выпуск серии анонимных монет Сотер Мегаса. Согласно исследованиям Д.Крибба, последовательность и хронология кушанских царей выглядела следующим образом (он оговаривается, что все даты – примерные).

Куджула Кадфис – 30-80 гг. н.э.

Вима I Такто – 80-90 или 80-110 гг. н.э.

Вима II Кадфис – 90-100 или 110-120 гг. н.э.

Канишка I – 100-126 или 120-146 гг. н.э.

Хувишка – 126-164 или 146-184 гг. н.э.

Васудева I – 164-200 или 184-220 гг. н.э.

Канишка II – 200-222 или 220-242 гг. н.э.

Васишка – 222-240 или 242-260 гг. н.э.

Канишка III – 241-ок.270 или 261-290 гг. н.э.

Васудева II – ок.270-310 или 290-330 гг. н.э.

Следует иметь в виду, что эта хронология не вытекает прямо из содержания надписи, а основана на сопоставлении и интерпретации разных источников. Последующие исследования, возможно, внесут определенные коррективы.

ГЛАВА X

Средняя Азия в IV – V вв. н.э.

- ¹ Существует и другая дата востшествия Ардашира на престол – 224 г.
- ² Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. – М., 1961. – С.258.
- ³ Луконов В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. – М., 1987. – С.120; Дьяконов М.М. Очерк истории, с.283; Frye R.N. The History of Alter Iran. – Handbuch der Altertums Wissenschaft, III, 7. – München, 1984. – S.316.
- ⁴ Фрай Р. Наследие Ирана. – М., 1972. – С.297.
- ⁵ Перихаови А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. – М., 1983. – С.25-46.
- ⁶ Frye R.N. The History, p.315.
- ⁷ Луконов В.Г. Искусство древнего Ирана. – М., 1977.
- ⁸ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. (Отв. ред. Б.А.Литвинский). – М., 1971. – С.196.
- ⁹ Vivar A.D.H. The Absolute Chronology of the Kushano-Sasanian Governors in Central Asia – Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. – Budapest, 1979. – P.324.

- ¹⁰ *Gribb J.* Numismatic evidence for Kushano-Sasanian chronology // *Studia Iranica*. – 1990. – Т.19. – Fasc.2. – P.154, 162, 171.
- ¹¹ *Лукоянов В.Г.* Кушано-сасанидские монеты // *ЭВ*. – 1967. – Вып.18. – С.16-17, 24-25.
- ¹² *Göbl R.* **PDF Compressor Free Version** *Die Münzen der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien*. Bd.1-4. – Wiesbaden, 1967.
- ¹³ *Тер-Мкртчян Л.Х.* Армянские источники о Средней Азии. V-VII вв. – М., 1979. – С.51.
- ¹⁴ *Маришак Б.И.* К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. // *СНВ*. – М., 1971. – Вып.10. – С.63.
- ¹⁵ *Тер-Мкртчян Л.Х.* Армянские источники, с.52.
- ¹⁶ *Тер-Мкртчян Л.Х.* Армянские источники, с.55.
- ¹⁷ *Гафуров Б.Г.* Таджики, с.200.
- ¹⁸ Там же, с.56.
- ¹⁹ *Прокотий Кесарийский.* История войн римлян с персами / Пер. с греч. С.Дестуниса. – СПб, 1876. – С.38.
- ²⁰ *Шмидт А.Э.* Материалы из истории Средней Азии и Ирана // Ученые записки института востоковедения АН СССР. – М.; Л., 1958. – Т.16. – С.451.
- ²¹ *Пигулевская Н.В.* Маздакитское движение // Известия АН СССР. Серия истории и философии. – 1944. – Т.1. – №4. – С.176.
- ²² *Кабанов С.К.* Культура сельских поселений Южного Согда III-IV вв. – Ташкент, 1981. – С.115.
- ²³ *Гумилев Л.Н.* Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ. – 1959. – №1. – С.134; *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. – С.200; *Гафуров Б.Г.* Таджики, с.205.
- ²⁴ *Аммиан Марцелин.* История / Пер. с лат. Ю.Кулаковского и А.Сони. – Киев, 1906. – С.248. В разных местах "Истории" Аммиана Марцелина подвластными племенами хионитов называются то евсени, то гелани. Некоторые из исследователей отождествляют евсени с кушанами. Другие считают геланей и евсений – кадисеней иранскими племенами, жившими в Гарчистане задолго до прихода сюда хионитов. См.: *Harmatta J.* Chionitas, euseni, gelani. – Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1985-1988. – Т.XXXI. – Fasc.1-2. – P.43-50.
- ²⁵ *Ghirshman R.* Les Chionites-Heptalites // MDAFA. Le Caire, 1948. – Т.14. – P.10-54.
- ²⁶ *Якубовский А.Ю.* История Узбекской ССР. – Т.1. – Кн.1. – Гл.VII. – Ташкент, 1955; *Гумилев Л.Н.* Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ. – 1969. – №1. – С.134. Что касается идеи С.П.Толстова о том, что в IV-V вв. дельты Амударьи и Сырдарьи были центром "варварского государства" хионитов-эфталитов, то автор считает продуктивной ту ее часть, которая касается хионитов. См.: *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. – С.224.
- ²⁷ *Пигулевская Н.* Сирийские источники по истории народов СССР. – М.; Л., 1941. – С.36.
- ²⁸ *Бичурин (Иакинф) Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950. – Т.3. – С.264.
- ²⁹ *Кабанов С.К.* Нахлеб на рубеже древности и средневековья (III-VII вв.). – Ташкент, 1977. – С.114.
- ³⁰ *Гумилев Л.Н.* Эфталиты, с.133.
- ³¹ *Eloki K.* On the Data of the Kidarites. – Memoires of the Research Department of Toyo Bunko (The Oriental Library). – №27. – Tokyo, 1969. – P.2.
- ³² Там же, с.24.

- ¹³ *Biswas A.* The Political History of Huns in India. – Delhi, 1977. – P.50.
- ¹⁴ *Пизулевская Н.* Сирийские источники, с.50.
- ¹⁵ *Якубовский А.Ю.* История, с.103.
- ¹⁶ *Толстов С.П.* По древним, с.200.
- ¹⁷ *Бернштам А.Н.* Очерки истории гушнов. – Л., 1951. – С.114.
- ¹⁸ *Тревер К.В.* Кушаны, хонингты и эфталиты по армянским источникам IV-VII вв. // СА. – 1954. – Т.21. – С.144.
- ¹⁹ *Мандельштам А.М.* О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье // СА. – 1954. – Т.20. – С.62.
- ²⁰ *Гафуров Б.Г.* Таджики, с.209.
- ²¹ ИТН. – Т.1. – С.419-420.
- ²² *Якубовский А.Ю.* История, с.104.
- ²³ *Гафуров Б.Г.* Таджики, с.210.
- ²⁴ *Гумилев Л.Н.* Эфталиты, с.136.
- ²⁵ Там же, с.140; См. также: *Гумилев Л.Н.* Эфталиты – горцы или степняки // ВДИ. 1967. – №3. – С.98.
- ²⁶ *Enoki K.* The Origin of the White Huns of Hephthalites. – 1955, VI. – P.232-234; *Enoki K.* On the Nationality of the Eprthalites. – The Toyo Bunko (The Oriental Library). – №18. – Tokyo, 1959. – P.23, 27.
- ²⁷ *Пизулевская Н.* Сирийские источники, с.165.
- ²⁸ Там же, с.79.
- ²⁹ *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. Bd 2. Die Hephthaliten in Iran. – Berlin, 1960. – S.273; *Altheim F., Stiehl R.* Ein Asiatische Stadt. – Wiesbaden, 1954. – S.273-279.
- ³⁰ *Göbl R.* Documente. Bd.2. – P.7.
- ³¹ *Прокотий Кесарийский.* История войн, с.22-23.
- ³² Там же.
- ³³ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений, с.268.
- ³⁴ Там же, с.269.
- ³⁵ *Гафуров Б.Г.* Таджики, с.212.
- ³⁶ *Толстов С.П.* Древний Хорезм. – М., 1948. – С.124; *Массон М.Е.* Новые данные по древней истории Мерва // ВДИ. – 1951. – №4.
- ³⁷ ИТН. – Т.1. – С.420-422; *Аннаев Т.Д.* Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. – Ташкент, 1988. – С.58-60.
- ³⁸ *Семенов Г.Л.* Городские стены раннесредневекового Согда как исторический источник.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Л., 1985. – С.7-11.
- ³⁹ *Мухамеджанов А.Р. и др.* Городище Пайкент. – Ташкент, 1988.
- ⁴⁰ *Белецкий А.М., Бенетович И.Б., Большаков О.Г.* Среднеазиатский город Средней Азии. – Л., 1973. – С.232-255.
- ⁴¹ *Аршавская З.А., Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А.* Средневековые памятники Сурхандарьи. – Ташкент, 1982. – С.34.
- ⁴² *Завьялов В.А.* Раскопки квартала позднечушанского времени на городище Зартепа в 1975-1976 гг. // СА. – 1979. – №3. – С.141-143.
- ⁴³ *Зеймаль Т.И.* Вахшская долина в древности и раннем средневековье: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Л., 1969. – С.6-7.
- ⁴⁴ *Седов А.В.* Кобадиян на пороге раннего средневековья. – М., 1987. – С.11-20.
- ⁴⁵ *Нильсен В.А.* Архитектура Средней Азии V-VIII вв. – Ташкент, 1987. – С.163-172.
- ⁴⁶ *Mizuno (Ed.).* Chagalag Tepe. Fortified Village in North Afghanistan. Excavated in 1964-1967. – Kyoto, 1970.
- ⁴⁷ *Аннаев Т.Д.* Раннесредневековые поселения, с.23-35, рис.8-11.

- ⁶⁸ Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия н.э. – М., 1982.
- ⁶⁹ Гайдукевич В.Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943-1944 гг. // КСИИМК. – М.; Л., 1947. – Вып.14.
- ⁷⁰ Пулатов У.П. Чидхалтра. Душанбе, 1975. – Рис.7.
- ⁷¹ Пулатов У.П., Салтовская Е.Д. Раскопки нижнего горизонта Тиркаштена // АРТ. – Душанбе, 1987. – Вып.20 (1980 г.). – С.333. – Рис.1.
- ⁷² Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда III-VI вв. – Ташкент, 1981. – С.38-79.
- ⁷³ Исаков А.И. Фильмандарский замок // УСА. – Л., 1979. – Вып.4. – С.50-51. – Рис.12.
- ⁷⁴ Филанович М.И. Ташкент (Зарождение и развитие города и городской культуры). – Ташкент, 1989. – С.104-105.
- ⁷⁵ Толстов С.П. Древний Хорезм, с.124-127.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). – М., 1976. – С.48-57.
- ⁷⁸ См., например: ИТН. – Т.1. – С.412.
- ⁷⁹ Новаков В.П., Радилковский В.В., Соловьев В.С. Геолого-археологические исследования в бассейне р.Ширкент // Изв. АН ТаджССР. Сер.: востоковедение, история, филология. – 1987. – №1 (5).
- ⁸⁰ Пругер Е. Горный промысел Южного Согда-Кеша. – Ташкент, 1985. – С.5-6.
- ⁸¹ Седов А.В. Кобаднан на пороге, с.167, табл. II, III; с.168, табл. IV.
- ⁸² Литвинский Б.А. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал // МКТ. – Вып.2. – Душанбе, 1971. – С.34-59.
- ⁸³ Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. – М., 1978. – С.73-105.
- ⁸⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений, с.332; Шефер Э. Золотые персики Самарканда. – М., 1981. – С.311-313.
- ⁸⁵ Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. – 1965. – №2.
- ⁸⁶ Аржанцева И.А. Вооружение раннесредневековой Средней Азии (по изобразительным данным): Автореф. дисс... канд. ист. наук. – М., 1986. – С.9-13.
- ⁸⁷ Седов А.В. Кобаднан на пороге, с.48.
- ⁸⁸ Зеймаль Т.И. Древние и средневековые каналы Вахшской долины. – СНВ. – М., 1971. – Вып.10. – С.48.
- ⁸⁹ Билалов А.И. Из истории ирригации Уструшаны. – Душанбе, 1980.
- ⁹⁰ Эшонкулов У. История ирригации Верхнего Зерафшана: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Самарканд, 1989. – С.8.
- ⁹¹ Гуджмов Я.Г. История орошения Хорезма. – Ташкент, 1987. – С.117; Андрианов В.В. Древние оросительные системы Приаралья. – М., 1979. – С.34.
- ⁹² Андрианов В.В. Древние оросительные, с.138.
- ⁹³ Там же, с.206.
- ⁹⁴ Латышев Б.А. Вопросы истории ирригации Древней Ферганы // КСИИМК. – 1956. – Вып.64. – С.24.
- ⁹⁵ Давидович Е.А., Зеймаль Е.В. Денежное хозяйство Средней Азии в переходный период от древности к средневековью. – Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. – М., 1980. – С.70-73.
- ⁹⁶ Ртвеладзе Э.В. Денежное обращение в Северо-Западном Тохаристане в раннем средневековье. – Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. – Ташкент, 1987. – С.121.

- ⁹⁷ Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. – Душанбе, 1983. – С.269-273.
- ⁹⁸ Кабанов С.К. Культура сельских поселений, с.76-78.
- ⁹⁹ Вайнберг Б.И. Монеты Древнего Хорезма. – М., 1977.
- ¹⁰⁰ Пуляченко Г.А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана. – Древняя Бактрия: Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1973 гг. – М., 1976. – С.157-162.
- ¹⁰¹ Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадан) (1950-1951 гг.) // МИА. – М.; Л., 1953. – №37. – С.266-267.
- ¹⁰² Толстов С.П. Древний Хорезм, с.126-127.
- ¹⁰³ Нильсен В.А. Архитектура, с.134, рис.80.
- ¹⁰⁴ Семенов Г.Л. Городские стены, с.9.
- ¹⁰⁵ Исаков А.И. Фильмандарский замок, рис.12.
- ¹⁰⁶ Ачинов Т.Д. Раннесредневековые поселения, рис.8-11.
- ¹⁰⁷ Городище Топрак-Кала. Раскопки 1966-1975 гг. – М., 1981. – С.56-71.
- ¹⁰⁸ Сулейманов Р.Х. Храмовый комплекс Еркургана: Предварительные результаты изучения. – Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. – Ташкент, 1987. – С.131-143.
- ¹⁰⁹ Шкода В.Г. Особенности согдийского зороастризма в свете археологии. – Итоги археологических экспедиций. – Л., 1989. – С.163.
- ¹¹⁰ Обельченко О.В. Захоронение костей в хумах восточной части Бухарского оазиса // ИМКУ. – Ташкент, 1959. – Вып.1.
- ¹¹¹ Ставицкий Б.Я. Кушанская Бактрия. – М., 1977. – С.176; Ртвеладзе Э.В. Погребальные сооружения и обряд в Северном Тохаристане. – Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. – Ташкент, 1989. – С.54.
- ¹¹² Зеймаль Т.И. Буддийская ступа у Верблюжьей Горки. Прошлое Средней Азии. – Душанбе, 1987. – С.71.
- ¹¹³ Зеймаль Т.И. Буддийский комплекс Уштур Мулло // АРТ. – Душанбе, 1986. – Вып.19 (1979 г.). – С.186-202; Она же. Буддийский монастырь Уштур-Мулло (работы 1982 г.) // АРТ. – Душанбе, 1990. – Вып. 22 (1982 г.). – С.255-261.
- ¹¹⁴ Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-Тепа. – М., 1971. – С.119.
- ¹¹⁵ Там же, с.119.
- ¹¹⁶ Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. – М., 1985. – С.22-23.
- ¹¹⁷ Усманова З.И. Раскопки буддийского памятника III-VI вв. в Мерве // УСА. – 1979. – Вып.4. – С.66-67.
- ¹¹⁸ Дресвянская Г.Я. Раннехристианские археологические памятники Мерва до арабского завоевания: Автореф. дис... канд. ист. наук. – Ташкент, 1968.
- ¹¹⁹ Никитин А.Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье). – Восточный Туркестан и Средняя Азия. – М., 1984. – С.121-134.
- ¹²⁰ Пайкова А.В., Мариашк Б.И. Сирийская надпись из Пенджикента // КСИА. – 1976. – Вып.147; Беленацкий А.М. и др. Новые раскопки в Пенджикенте // АО. 1976. – М., 1977. – С.559-560.
- ¹²¹ Литвинский Б.А., Смагина Е.Б. Манichaейство. – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос. Язык. Религии. – М., 1992. – С.522-523.
- ¹²² Шейко К. Раскопки "Кургана" на городище Старого Термеза. – Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии / Тезисы конференции 26-29 мая 1985 г., Дальверзин-тепе. – Ташкент, 1985. – С.140-141.
- ¹²³ Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. – М., 1984. – С.101-102.

- 124 *Мирбабаев А.К.* Раскопки куркатских склепов // АРТ. – Душанбе, 1980. – Вып. 15 (1975 г.). – С.295-302; *Он же.* О работе Уструшанского отряда в 1976 г. // АРТ. – Душанбе, 1982. – Вып. 16 (1976 г.). – С.283-288; *Он же.* О работах Куркатского отряда в 1977 г. // АРТ. – Душанбе, 1983. – Вып. 17 (1977 г.). – С.256-267; *Он же.* О работах Куркатского отряда в 1978 г. // АРТ. – Душанбе, 1984. – Вып. 18 (1978 г.). – С.326-334.
- 125 *Ставиский Б.Я., Сергеева Л.К.* Раскопки комплекса Б в 1972-1973 гг. (предварительное сообщение). Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. – М., 1975. – С.20-29; *Ставиский Б.Я.* Основные итоги изучения Кара-тепе в 1974-1977 гг. – Буддийский памятник Кара-тепе в Старом Термезе: Основные итоги работ 1974-1977 гг. – М., 1982. – С.21-35; *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Культы и ритуалы, с.91.
- 126 *Пугаченкова Г.А. и др.* Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. – Ташкент, 1978. – С.92-93.
- 127 *Соловьев В.С.* Могильник Харкуш. – Природа и древности Ширкента. – Душанбе, 1991.
- 128 *Абдуллаев А.* Отчет о раскопках погребений в Гиссаре (август-сентябрь 1971г.) // АРТ. – Душанбе, 1975. – Вып.11 (1971 г.). – С.49-58.
- 129 *Мандельштам А.М.* Послекушанские погребения в Северной Бактрии // КСИИМК. – 1963. – Вып.94. – С.90.
- 130 *Бабаев А.Д.* Уникальные находки из погребальных сооружений Западного Памира // Изв. АН ТаджССР. Отдел. обществ. наук. – 1965. – №1. – С.71-80.
- 131 *Литвинский Б.А.* Курганы и Курумы Западной Ферганы. – М., 1972; *Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А.* Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Западная Фергана). – Фрунзе, 1962.
- 132 *Аззамходжаев Т.* Подземные каменные наусы около г.Ангрена // ИМКУ. – Ташкент, 1966. – Вып.7. – С.104-111.
- 133 *Соловьев В.С.* Погребальный обряд раннесредневекового Тохаристана. – Прошлое Средней Азии. – Душанбе, 1987. – С.157-164; *Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В.* Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры. Древность и средневековье. – Ташкент, 1990. – С.142-145.
- 134 *Анишев Т.Д.* Раннесредневековые поселения, с.61-62.
- 135 *Mizuno (Ed.).* Chagalag Tere, Pl.58.
- 136 *Седов А.В.* Бактрийско-сасанидские параллели в коропластике. Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. – М., 1979. – С.68-70. – Рис.24-26.
- 137 *Клатович Т.И.* Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода // КСИИМК. – М.; Л., 1949. – Вып.28. – С.75. – Рис.16; *Бенатович И.Б.* Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII-VIII вв.) // МИА. – М.; Л., 1964. – №124. – С.265-298.
- 138 *Кругликова И.Т.* Настенные росписи Дильберджина. – Древняя Бактрия: Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1973 гг. – М., 1976. – С.87-110.
- 139 *Бурый В.П.* Техника живописи. – Там же, с.111-124.
- 140 *Маршак Б.И., Крикис Н.* Чилекские чаши // ТГЭ. – Л., 1969. – Т.10; *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. – М., 1971.
- 141 *Dalton M.A.* The Treasure of the Oxus with Other Examples of Early Oriental Metalwork. – London, 1964. – Pl.29-31.
- 142 *Маршак Б.И.* Согдийское серебро.
- 143 *Бабаев А.Д.* Костяной талисман // УСА. – Л., 1979. – Вып.4. – С.63-64; – Рис.18.

¹⁴⁴ Mizuno (Ed.). Chagalag Tepe, Pl. 56, 2.

¹⁴⁵ Губаев А. Раскопки 1972 г. на Аклетте. – Кайракумские древности. – Вып. 5. – Ашхабад, 1977. – С. 60-69.

PDF Compressor Free Version

ГЛАВА XI

Письменные памятники на иранских языках народов Средней Азии (до VIII в. н.э.)

¹ Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. – М., 1979. – С. 11.

² Имеется также другая точка зрения, согласно которой отрицается существование индоиранской группы в семье индоевропейских языков, хотя очевидная близость иранских и индоиранских языков в их древнейшем состоянии не подвергается сомнению. В этом случае “общие структурные признаки, характерные для индийских и иранских языков, объясняются не их происхождением из постулируемого общезарийского праязыка, а прежде всего тем, что протоиранский и протоиндийский были искони двумя близкородственными индоевропейскими диалектами, каждый из которых унаследовал от общей индоевропейской эпохи большое количество общих обоим диалектам структурных признаков”. После распада индоевропейской языковой общности эти диалекты долгое время находились в тесном географическом и культурном контакте, входя в один и тот же языковой ареал, в результате чего появились общие для обоих диалектов инновации (Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. – М., 1977. – С. 45-46).

³ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Т. 1-2. – Тбилиси, 1984.

⁴ Там же, с. 861, 890-921.

⁵ Асимов М.С. Исследование этнической истории древней Центральной Азии (II тыс. до н.э.) в советской науке // Этнические проблемы древней истории Центральной Азии. Международный симпозиум. – Душанбе, 17-22 октября 1977 г. – М., 1978. – С. 18; Гафуров Б.Г. Таджики. – Кн. I. – 2-е изд. – Душанбе, 1989. – С. 33-53.

[Индоиранская проблема и, в частности, вопрос о месте и времени сложения индоевропейской общности – одна из сложнейших в исторической науке (о состоянии индоевропейской проблемы в современной науке см., например: Die Urheimat der Indogermanen. Wege der Forschung, Ed. B. Schlerath. – Darmstadt, 1968; Indo-European and Indo-Europeans, Ed. Cordona, H. Hoenigswald. – Philadelphia, 1970; Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. – Горький, 1989. – С. 12-27).

Долгая история этой проблемы насчитывает много очень разных, порой взаимоисключающих, гипотез. Но за последние десятилетия стала постепенно вырисовываться теория, приобретающая все больше сторонников, согласно которой прародиной индоевропейцев являлись черноморско-каспийские (а может быть, и еще более восточные) степи V-III тыс. до н.э. Археологически наиболее полно и убедительно эта теория обоснована, пожалуй, Г. Чайлдом и М. Гимбутас. И действительно, несмотря на вполне естественные спорные моменты в трактовке отдельных частных, в целом данная теория обладает наибольшей исторической вероятностью: она и сама прекрасно ложится в общий контекст этнической истории индоевропейцев и соответствующего географического региона, и с ее помощью без всякой натуги решаются частные

вопросы индоевропейской истории – верный признак достоверности гипотезы. Недавно была выдвинута новая, весьма экстравагантная теория Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова, где “все наоборот” (см. выше). С удивительной последовательностью она противоречит и общей природе этнических процессов и направленно переизменений в рассматриваемых регионах, и конкретным фактам. Несмотря на несомненную ценность книги указанных авторов, где собран огромный материал по индоевропейской проблеме, концепция ее убедить историка никак не может.

В зависимости от позиции, занимаемой в общей индоевропейской проблематике, решают и более частные вопросы индоиранской этнической истории (обзор их см.: *Frye R.N. The History of Ancient Iran. – München, 1984. – P.45-63; Schmitt R. Aryans. – EIr. – Vol.2. – Fasc.7. 1987. – P.684-687; см. также и указанную там литературу).*

В соответствии с представлением о том, что прародина индоевропейцев находится в зоне евразийских северных степей, предков индоиранских народов, выделившихся из протоиндоевропейской общности, ведут из этих степей на юг, к земледельческим оазисам Средней Азии, Иранского нагорья и Северной Индии. Такая трактовка древнейшей истории индоиранцев является почти общепринятой среди историков, лингвистов и археологов. И она действительно наиболее полно отвечает имеющимся историческим фактам и историческим аналогиям. Но есть и сторонники иной точки зрения, непосредственно следующие за гипотезой Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова или близкие к ней. Они ведут древнейших индоиранцев в обратном направлении: из Западного Ирана на восток и северо-восток, в Индию и Среднюю Азию и далее в евразийские степи. Но такая реконструкция, помимо того, что она обычно опирается на недоказанные допущения, приводит к неразрешимым противоречиям с имеющимися фактами и исторически засвидетельствованными направлениями этнических передвижений в данных регионах.

Сам процесс “освоения” индоиранцами Средней Азии и более южных территорий был длительным и сложным. И этот процесс реконструировался историками тоже по-разному. Давно уже предполагалось, особенно после обнаружения следов древнейших индоиранцев в Передней Азии во II тысячелетии до н.э., что той волне степного населения, которая принесла с собой в Среднюю Азию и на Иранское нагорье древние иранские наречия, предшествовала, по крайней мере, еще одна, древнейшая волна индоиранцев. Наиболее полно и убедительно эта точка зрения выражена в работах Т.Барроу. Конкретные исторические обстоятельства расселения в Средней Азии первых ираноязычных племен тоже, конечно, были непростыми, и мы еще далеки от полного и всестороннего их выявления. Для разработки этой проблемы на археологических материалах много было сделано в работах Е.Е.Кузьминой.

Все же к настоящему времени степень накопления материала и уровень разработки проблемы таковы, что можно уже наметить, разумеется в порядке гипотезы, основные вехи начальной эпохи индоиранского этногенеза на территории Средней Азии.

Есть основания полагать, что представителями первой волны индоиранцев были носители катакомбной культуры в евразийских степях конца III – начала II тысячелетия до н.э. Племена с катакомбным обрядом погребения появляются в это же время и в Средней Азии (культура Заманбаба) вплоть до Афганистана. В земледельческих областях Средней Азии с этими племенами контактирует, по-видимому, еще неиндоевропейское (протодравидийское?) население.

ние, создавшее культуру, которая сохранилась в археологических комплексах круга Намазга V. Но где-то со второй четверти II тысячелетия до н.э. повсюду в земледельческих областях Средней Азии на смену прежней культуре приходят новые, знаменующие наступление периода Намазга VI, в том числе культура Дашти-Сапалли на территории будущей Бактрии. При бесспорной преемственности в земледельческих традициях культуры этого времени приобретают и новые черты, в частности в погребальном обряде, ранее свойственные степным племенам. Данное обстоятельство позволяет предполагать частичную или полную смену этнического облика земледельческого населения Средней Азии – другими словами, появление в его среде первых индоиранцев. В это же самое время фиксируются и первые следы пребывания индоиранцев в Передней Азии. Возможно, что остатком этой первой индоиранской волны являются бывшие “кафиры” современного Нуристана (в Афганистане). Еще в средние века языки, родственные “кафирским”, были распространены, как кажется, гораздо шире (в том числе в Гуре?).

Вторая волна индоиранцев связывается с памятниками андроновской культуры (вернее, культур). Когда в земледельческих областях Средней Азии распространялся катакомбный обряд, в степях, на его родине, появились новые культуры. Это срубные памятники и две основные разновидности андроновских – петровско-алакульские и федоровские. Относительно взаимоотношения всех этих групп памятников среди археологов давно уже идут споры, но в этнической истории индоиранцев Средней Азии ведущую роль, как кажется, играли носители алакульской и федоровской культур. Возможно, что первые, с обычным обрядом захоронения покойников и преимущественно западной их ориентировкой, были древнейшими ираноязычными ариями, а вторые, с обрядом сожжения умерших, имели какое-то отношение к этногенезу индийских ариев. Как и на предшествующей стадии, степняки опять вошли в контакт с современным им земледельческим населением. Такие контакты далеко не всегда были мирными, и в последних веках II тысячелетия до н.э. они привели к новой смене культур в земледельческих областях Средней Азии. И вновь в земледельческую культуру активно включались степные компоненты. Относящиеся к концу II – началу I тысячелетия до н.э. археологические комплексы круга Яз I уже определенно принадлежали ираноязычным племенам. – И.П.]

⁶ *Kulper F.B.I. Old East Iranian Dialects // Indo-Iranien Journal. – 1976. – 18 (1). – P.251.*

⁷ [Указанное определение границы между западно- и восточноиранскими языками, действительно нередко приводимое в специальных работах, можно принять лишь с большими оговорками. Пустыню Дашти-Кавир можно считать границей между двумя названными группами иранских языков (да и то с натяжкой), только в период между большим вторжением сакских племен с севера и востока в Среднюю Азию во II в. до н.э., видимо, положившим начало широкому распространению восточноиранских языков в земледельческих областях Средней Азии и проникновением туда же, с запада далеко на восток, персидской речи. Для древнеиранской эпохи пустыня Дашти-Кавир такой границей служить не может. Ведь территория “авестийских” иранцев, как бы ее ни определять более точно, находится, безусловно, – с этим согласны теперь все – к востоку от пустыни, а авестийский язык не может быть отнесен ни к западным, ни к восточным иранским языкам (конечно, ссылка на авестийский язык в данном случае имеет смысл, если не считать его неким религиозным койне, сформировавшимся со всеми его особенностями в позднюю эпоху). – И.П.]

- ⁸ Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. – М., 1978. – С.63; *Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию. – М., 1988. – С.57.
- ⁹ *Эдельман Д.И.* Вопросы периодизации индоиранских языков, не имеющих древней письменности // *НАА*. – 1972. – №3. – С.116. Традиционная периодизация иранских языков основана в значительной мере периодизацией памятников письменности, т.е. периодизацией, опирающейся на культурно-исторические признаки. В ряде случаев, однако, периодизация по лингвистическим признакам может совпадать с периодизацией по культурно-историческим признакам. См.: *Оранский И.М.* О соотношении периодизации истории языка с периодизацией памятников письменности (на материале иранских языков) // *ВЯ*. – 1975. – №2. – С.34.
- ¹⁰ *Абаев В.И.* Скифо-сарматские наречия. – Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки, с.272-364; *Mayrhofer M.* Die Rekonstruktion des Medischen. – *Anzeigen der Phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*. Jg. 1968.
- ¹¹ *Brandenstein W., Mayrhofer M.* Handbuch des Altpersischen. – Wiesbaden, 1964. – S.17-26; *Hinz W.* Neue Wege im Altpersischen. – Wiesbaden, 1973. – S.15-19.
- ¹² *Henning W.B.* The Disintegration of the Avestic Studies // *Henning W.B. Selected papers II* – *Acta Iranica*. – 1977. – №15. – P.151-167.
- [К такому же выводу – причем на фонетическом материале, имеющем, как отмечено выше, особое значение для диалектологического разделения иранских языков, – пришла Д.И.Эдельман в своем специальном исследовании по фонологии иранских языков: язык Авесты в своей наиболее архаической части характеризуется "отсутствием системы инновационных черт – как западноиранских, так и восточноиранских... При этом язык Авесты не застыл на языковом уровне, пройдя свой собственный (хотя и не очень далекий от практического) путь развития..." (Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Фонология. – М., 1986. – С.217). – И.П.]
- ¹³ Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки, с.136-138; *Compendium Linguarum Iranicarum*. Herausgegeben von Rudiger Schmitt. – Wiesbaden, 1989. – S.32-33; *Alphabete und Schrift-Zeichen des Morgen- und des Abendlandes*. – Berlin, 1969. – S.50-51.
- ¹⁴ *Henning W.B.* Mitteliranisch. – *Handbuch der Orientalistik*. Abt.1, Bd.4, Iranistik. Abschn.1, Linguistik. – Leiden; Köln, 1958. – S.21.
- ¹⁵ Там же, с.21-22, 30-33.
- ¹⁶ *Стеблин-Каменский И.М.* Бактрийский язык. – Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки, с.317-319.
- ¹⁷ *Герценберг Л.Г.* Хотаносакский язык. – Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки, с.236-237.
- ¹⁸ *Sundermann W.* Schriftsysteme und Alphabete im Alten Iran. – *Altorientalische Forschungen*. Bd.12. H.1. 1985. – S.101-113.
- ¹⁹ *Фрай Р.Н.* Наследие Ирана. – М., 1972. – С.72. [Сообщение Страбона (XV, 2, 8. – С.723-724) содержит следующее: сначала дано со ссылкой на Эратосфена определение границ Арианы (из которого вытекает, что ни Персия и Индия, ни Бактриана и Согдиана в нее не входят), затем добавлено замечание: "Однако название Ариана распространяется и на часть (стран) персов и мидийцев, и на расположенные к северу (страны) бактрийцев и согдийцев, потому, что все они примерно одноязычны, не считая малых различий (βιούλογτοι γὰρ ἰσχύον)". Очень важно установить источник этого сообщения. Определение границ Арианы дано точно по Эратосфену, так как в такой трактовке она совпадает с одной из сфрагид – условных частей, на ко-

торые Эратосфен делит обитаемую землю. Понятно, что границы этих частей были тоже условны и в данном случае не соответствовали территории исторической Арианы. Поэтому Страбон и добавляет необходимое пояснение. Но заимствовано ли оно тоже у Эратосфена или из другого источника? Г. Бергер, издатель фрагментов сочинения Эратосфена, считает, что нельзя обрывать цитату на определении границ Арианы (Berger H. Die geographischen Fragmente des Eratosthenes. – Leipzig, 1889. – S.242), другие ученые предпочитают приписывать пояснение Мегасфену или Аполлодору (Tomaszek W. Ariana. – RE, II (I), 1896. – P.814). Действительно, и Мегасфен и Аполлодор говорили об Ариане, а Аполлодор даже считал украшением всей Арианы именно Бактрию (Страбон, XI, 11, 1. – С.516). Однако все же принадлежность этого пояснения Эратосфену кажется нам более вероятной. Дело в том, что Эратосфен при описании Средней Азии пользовался преимущественно авторами эпохи Александра Македонского. А именно у историков Александра можно найти факты, на которых и построено, по всей вероятности, данное пояснение. В одном трагическом для македонян эпизоде войны в Согде выступает ликиец Фарнух, переводчик, хорошо знавший язык местных жителей (*Арриан*, Анабасис, IV, 3, 7; 5, 3). Более о нем прямо нигде не говорится, но, по-видимому, то же лицо, не названное по имени, фигурирует в другом, более раннем эпизоде; иский ликиец, когда-то плененный персами, пастух в Персиде, хорошо знавший и греческий и персидский языки, послужил проводником Александру на его пути в Персеполь (Курций, V, 4, 4, 10-13; 7, 12; Диодор, XVII, 58, 5, 6; *Плутарх*, Александр, 37; Полиен, IV, 3, 27; *Арриан*, Анабасис, III, 18, 4). Итак, ликиец, хорошо знавший персидский язык, достигнув вместе с Александром Согды, где ранее явно не был, оказывается и там знатоком местного языка. Ясно, что такое могло быть только при действительно большой близости персидского и согдийского языков того времени. То же, видимо, относится и к бактрийскому. Но это, мне кажется, вряд ли возможно, если под согдийским и бактрийским, времен Александра, понимать те же самые восточноиранские языки, которые известны по памятникам I тыс. до н.э. Во всяком случае, скифские языки, определенно восточноиранские, современники Александра не считали столь же близкими персидскому, как согдийский и бактрийский. Отсюда возможный вывод: иранские языки оседлого земледельческого населения Средней Азии эпохи до большого вторжения скифских племен во II в. до н.э. были ближе к западным иранским языкам, чем к восточным, или по крайней мере, занимали промежуточное между ними положение. – И.П.]

²⁰ Хромов А.Л. Еще раз о согдийском топоформанте "иф" // Изв. АН ТаджССР. Отд. обществ. наук. – 1968. – №3 (53). – С.85-89.

²¹ Лившиц В.А., Хромов А.Л. Согдийский язык. – Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки, с.347-350.

²² Хромов А.Л. Ягнобский язык. – Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. – М., 1987. – С.644-701.

²³ Стеблов-Камениский И.М. Бактрийский язык, с.314-315.

²⁴ Maricq A. La grande inscription de Kaniska et l'étréé-tocharien, l'ancien langue de la Bactriane // JA. – 1958, 246. – P.384.

²⁵ Henning W.B. The Bactrian Inscription // BSOAS. – 1960. – Vol.23. – Pt.1. – P.47-55.

²⁶ Действительно, под влиянием авторитета В.Хенинга большинство исследователей (хотя и не все) считает ныне основной язык кушанских надписей бактрийским. Но исторически такое мнение никак не обосновано. Сам В.Хенинг в подтверждение своего взгляда ссылается на то, что язык сур-

схотальской надписи занимает промежуточное положение между пашто и йида-музджи, с одной стороны, согдийским, хорезмийским и парфянским — с другой (*Henning W.B. The Bactrian Inscription*, p.47). Но это языковая ситуация, утвердившаяся в данном регионе не ранее средневосточной эпохи после большого перемещения иранских племен во II в. до н.э. Для древнеиранской эпохи есть основания, как уже отмечалось выше, предполагать иное положение. Кроме того, это был бы, пожалуй, уникальный случай, когда царская династия из завоевателей-кочевников использовала бы в качестве первого официального языка своих монументальных надписей язык местного коренного населения. Аршакиды использовали местный парфянский язык, но не для царских надписей, а для хозяйственных нужд. Ахемениды изобрели специальную письменность для их родного персидского языка, чтобы использовать ее для записи первой версии царских надписей, несмотря на то, что к их услугам были арамейские, аккадские и эламские писцы. И действительно, хотя дата введения кушанской письменности не определена (I или II в. н.э.), нет ни малейшего намека на то, что она существовала до утверждения Кушанов у власти или даже до прихода в Бактрию кочевников-тохаров (юэчжи). Более того, некоторые данные, в том числе палеографические наблюдения, указывают на то, что эта письменность могла появиться только после скифского нашествия II в. до н.э. (*Gershevitch I. Bactrian literature*. — СНИ. 1983. — Vol.3 (2). — P.1255). Поэтому кажется более вероятным, что язык сурхотальской надписи — это язык пришедших в Бактрию тохаров, как и считали ранее многие ученые, а не язык коренных бактрийцев. Кстати, единственным зафиксированным в источниках — правда поздних — названием для этого языка является “тохари” (Основы иранского языкознания: Древнеперсидские языки. — М., 1979. — С.16). Но нужно учитывать, что применение названия “тохарский” для данного языка порождает терминологические трудности, так как оно давно уже закрепилось в лингвистике за другим языком. — И.П.]

- ²⁷ *Pelliot P. Tokharien et Koutcheen // JA*. — 1934. — 224. — P.50; *Оранский И.М.* Иранские языки в историческом освещении. — М., 1979. — С.22-23.
- ²⁸ *Бартольд В.В.* К вопросу об языках согдийском и тохарском. — Сочинения. — Т.2 (2). — М., 1964. — С.469; *Оранский И.М.* Иранские языки в историческом освещении, с.23.
- ²⁹ *Стеблов-Каменский И.М.* Бактрийский язык, с.346.
- ³⁰ [Никаких материальных свидетельств в пользу столь широкого распространения хорезмийского языка в VII-VI вв до н.э., конечно, нет (и вообще памятников хорезмийского языка такой древности не существует). Это утверждение основано на гипотезе “Большого Хорезма”, впервые выдвинутой И.Марквартом, а затем поддержанной и обогащенной новым смыслом В.Хеннингом, И.Гершевичем и многими другими учеными, связавшими ее с зороастрийской традицией. Согласно этой гипотезе, древнее Хорезмийское царство, с которым отождествляется царство *каев* Вишгасты, в VII-VI вв. до н.э. (во времена Зороастра) выходило далеко за пределы Хорезмского оазиса, распространяясь на области Мерва и Герата. Но это все же только гипотеза и гипотеза довольно шаткая, слабо подкреплённая источниками (подробнее о ней см. выше). — И.П.]
- ³¹ *Литвак В.А.* Хорезмийский язык. — Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С.573-574.
- ³² *Расторгуева В.С., Молчанова Е.К.* Среднеперсидский язык. Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки. — М., 1981. — С.6-146; *Расторгуева В.С.*,

Молчанова Е.К. Парфянский язык. – Лингвистический энциклопедический словарь, с.491; Молчанова Е.К. Среднеперсидский язык. – Там же, с.147-232; Она же. Парфянский язык. – Там же, с.368-369; Sundermann W. Parthisch. – Compendium, s.114-137; Он же. Mittelpersisch. – Compendium, s.138-164.

- ³³ [Далее пропущены в рукописи везашно ушедшего из жизни автора настоящей главы отсутствуют, восстановить их в полном объеме невозможно, поэтому мы решили ограничиться тем, чтобы дать по одному общему примечанию к каждому разделу главы. В этих примечаниях содержатся ссылки на новейшие обзоры соответствующих групп памятников; в указанных обзорах читатель легко найдет нужные ему сведения по тем вопросам, которые затрагиваются в главе, и библиографию исследований и публикаций памятников.]

Об Авесте и авестийском языке см.: *Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию. 2-е изд. – С.74-100; *Соколов С.Н.* Язык Авесты. – Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. – М., 1979. – С.129-233; *Kellens J.* Avesta. – *EIr.* – Vol.3. Fasc.1. – 1987. – P.35-44; *Kellens J.* Avestique. – *Compendium*, p.32-35; *Hoffmann K.* Avestan language. – *EIr.* – Vol.3. Fasc.1. – 1987. – P.47-62. Новейший частичный перевод на русский язык: Авеста. Избранные гимны / Пер. с авест. и коммент. И.М.Стеблин-Каменского. – Душанбе, 1990. Последние работы о Зороастре и зороастризме (а также те работы на названную тему, которые далее имеет в виду автор): *Boiss M.* Зороастрийцы: Верования и обычаи. – М., 1987; *Boyce M.* A History of Zoroastrianism. 1. – Leiden; Köln. 1975; *Henning W.B.* Zoroaster, Politician or With-Doctor? – London, 1951; *Humbach H.* A Western Approach to Zarathushtra. – Bombay, 1984; *Gnoli G.* Zoroaster's Time and Homeland. A Study on the Origins of Mazdaism and Related Problems. – Naples, 1980. – И.П.]

- ³⁴ [Эта гипотеза подробно изложена в работе: *Hoffmann K.* Das Avesta in der Persis. – Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. – Budapest, 1979. – P.89-93. То, что отдельный от магов очаг зороастризма и своя авестийская традиция (школа) существовали в Арахозии уже в ахеменидское время и позднее – бесспорно. Но антагонизм двух зороастрийских школ в Персии времени Дария I и путь авестийского свода из Мерва и Герата в Персию через Арахозию, конечно, чистое предположение. МERV и Герат в этой гипотезе появляются опять-таки благодаря теории “Большого Хорезма”, которая в версии В.Хеннинга ищет родину зороастризма в области Мерва и Герата. А авестийский канон создавался из слияния различных традиций, включая традиции магов и арахозско-систанские, уже при Аршакиде Вологезе I. – И.П.]

- ³⁵ О памятниках согдийского языка: *Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию, с.197-204; *Литвиц В.А., Хромов А.Л.* Согдийский язык. Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки. – М., 1981. – С.347-368; Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос. Языки. Религии. – М., 1992. – С.271-297; *Dresden M.* Sogdian Language and Literature. – *CHI* – Vol.3 (2). 1983. – P.1216-1229.

- ³⁶ О среднеперсидских надписях на территории Средней Азии см.: *Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию, с.171; *Лукоянов В.Г.* Древний и ранне-средневековый Иран. Очерки истории культуры. – М., 1987. – С.231-234.

- 37 О среднеперсидских манихейских памятниках письменности: *Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию, с.191-193; *Расторгуева В.С., Молчанова Е.К.* Среднеперсидский язык. – Основы иранского языкознания: Среднеперсидские языки, с.15; Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос. Язык. Религия, с.297-302; *Boyse M.* Manichaean Middle Persian Writings. – CHI. – Vol.3 (2), 1983. – P.1196-1204.
- 38 Общий обзор памятников парфянского языка см.: *Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию. – М., 1960. – С.192-196 (2-е изд. – М., 1988. – С.194-197); *Расторгуева В.С., Молчанова Е.К.* Парфянский язык. – Основы иранского языкознания: Среднеперсидские языки, с.147-153; *Boyse M.* Parthian Writing and Literature. – CHI. – Vol.3 (2), 1983. – P.1151-1165.
- 39 *Gropp G.* Die parthische Inschrift von Sar-Pol-e. ZDMG. – 1968, Bd.118, H.2. – S.315-319; *Henning W.B.* Mitteliranisch. – Handbuch der Orientalistik. I, IV, Iranistik, I, Linguistik. – Leiden, 1958. – S.41.
- 40 *Ghirshman R.* Un bas-relief d'Artaban V avec inscription en pehlevi arsacide. – Monuments et Mémoires de la Fondation E.Piot. – Vol.44. – Paris, 1950. – P.97-107; *Henning W.B.* The Monuments and Inscriptions of Tang-i Sarvak. – Asia Mayor. NS. – 1952. – Vol.2, pt.2. – P.176.
- 41 *Geiger B.* The Middle Iranian Texts; *Kraeling C.H.* The Excavations at Dura-Europos. Final Report. 8. – Pt.1. – New Haven, 1956. – P.314-317; *Henning W.B.* Mitteliranisch, s.41-42.
- 42 *Henning W.B.* A new Parthian Inscription // JRAS. – 1953. – P.132-136.
- 43 О сасанидских надписях см.: CHI. – Vol.3 (2), 1983. – P.1205-1215 и указанную там литературу, с.1390-1391. См. также выше раздел о сасанидских надписях в “Обзоре источников и литературы”.
- 44 *Дьяконов И.М., Литвиц В.А.* Документы из Нисы I в. до н.э. (Предварительные итоги работы). – М., 1960; *Diakonoff I.M., Livshits V.A.* Parthian Economic Documents from Nisa. – СП, pt.2. – Vol.2, 1976.
- 45 *Bivar A.D.H.* The First Parthian Ostracoon from Iran // JRAS. – 1970. – P.63-66.
- 46 *Юсупов Х.* Древности Узоя. – Ашхабад, 1986. – С.169, 173.
- 47 *Литвиц В.А.* Новые парфянские надписи из Туркмении. – История и археология Средней Азии. – Ашхабад, 1978; *Он же.* Новые парфянские надписи из Туркмении и Ирака // ЭВ. – Л., 1984. – №22; *Литвиц В.А., Нисуптан А.Б.* Парфянские надписи с Гёбеклы-тепе // ВДИ. – 1989. – №3.
- 48 *Harmatta J.* Die parthischen Ostraka aus Dura-Europos. – AAASH. – T.1, VI, 1958, Fasc.1-2.
- 49 *Денисов Е.П.* Отчет о работе Дангаринского отряда // АРТ. – Душанбе, 1980. – Вып.15. – С.97.
- 50 О легендах парфянских монет см.: *Расторгуева В.С., Молчанова Е.К.* Парфянский язык, с.149; *Boyse M.* Parthian Writings, p.1153 и указанную там литературу.
- 51 *Дьяконов М.М.* Надписи на парфянских печатях из древней Нисы // ВДИ. – 1954. – №4.
- 52 *Nyberg H.S.* The Pahlavi Documents from Avroman. – Le Monde Oriental. – 1923. – Vol.17. – Fasc.2-3; *Боголюбов М.Н.* Арамейский документ из Авромана // Вестник ЛГУ. – 1967. – Вып.1. – №2.

- ⁵³ *Harmatta J.* The Parthian Parchment from Dura-Europos. – AAASH. – T.5, 1957, Fasc.1-4; *Henning W.B.* Three Iranian Fragments. – *Wells C.B. et al.* The Excavations at Dura-Europos. Final Report V. – Pt.1. – New Haven, 1959. – P.414-417.
- ⁵⁴ О парфянских и бактрийских письменностях: *Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию. 2-е изд., с.195; *Расторгуева В.С., Молчанова Е.К.* Парфянский язык. – Основы иранского языкознания: Среднеперсидские языки, с.150-152; Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии, с.302-303; *Boyce M.* Parthian Writing and Literature. – CHI. – Vol.3 (2), 1983. – P.1162-1164.
- ⁵⁵ О письменных памятниках на бактрийском языке: *Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию, 2-е изд., с.207-210; *Стеблин-Каменицкий И.М.* Бактрийский язык. – Основы иранского языкознания: Среднеперсидские языки, с.314-346; Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии, с.304; *Gershevitch I.* Bactrian Literature. – CHI. – Vol.3 (2), 1983. – P.1250-1258; *Sims-Williams N.* Bactrian Language. – EIr. – Vol.3. – 1988. – Fasc.4. – P.345-347; *Schnitt R.* Iranische Sprachen im Vorislamischen Afghanistan. – AAASH. – T.31, 1985-1988, Fasc.1-2. – S.85-86; *Ртвеладзе Э.В.* К географии бактрийских надписей. – Археология Средней Азии / Тезисы докладов. – Ташкент, 1990. – С.85-87 (Указанием на последнюю работу я обязан любезности Б.А. Литвинского).
- ⁵⁶ *Тургунов Б.А., Литвиц В.А., Ртвеладзе Э.В.* Открытие бактрийской монументальной надписи в Айртаме // ОНУ. – 1981. – №3.
- ⁵⁷ *Ртвеладзе Э.В.* Из недавних открытий Узбекской искусствоведческой экспедиции в Северной Бактрии-Тохаристане // ВДИ. – 1990. – №4. – С.142.
- ⁵⁸ *Литвиц В.А.* Susano-Indica. – Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран: История и филология. – М., 1967. – С.165-171.
- ⁵⁹ *Ртвеладзе Э.В.* Кушанская крепость Кампыр-тепе // ВДИ. – 1984. – №2. – С.88, 104-106.
- ⁶⁰ О памятниках хорезмийского языка: *Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию. 2-е изд., с.210-212; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии (Археология СССР). – М., 1985. – С.336-337; *Mackenzie D.N.* Khwarazmian Language and Literature. – CHI. – Vol.3 (2), 1983. – P.1244-1249.
- ⁶¹ *Fustman G.* Documents épigraphiques Kouchans. – Paris, 1974 (BEFEO. – T.61).
- ⁶² *Maricq A.* Inscriptions de Surkh-Kotal (Baghlan) // JA. – 1958. – T.246. – P.217.
- ⁶³ *Пугаченкова Г.А.* Халчян: К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. – Ташкент, 1966. – С.59-91.
- ⁶⁴ *Ахшеров К.А.* Курган Иссык. – М., 1978. – С.60.
- ⁶⁵ *Bernard P.* Compagne de fouilles 1978 à Ai Khanoum (Afghanistan) // BEFEO. – T.68. – 1980. – P.27-29; Op. cit. – CRAIBL. 1980. – P.437-440.
- ⁶⁶ *Вертоградова В.В.* Находка надписи неизвестным письмом на Кара-тепе. – Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе: Основные итоги работы 1974-1977 гг. – М., 1982. – С.161-166.
- ⁶⁷ Общие обзоры надписей "неизвестным" письмом помимо указанных выше работ см. также: *Литвиц В.А.* Надписи из Дильберджина. – Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции. 1969-1973 гг. – М., 1976. – С.165, примеч.14; *Литвинский Б.А.* Проблемы истории и истории культуры

- дренней Средней Азии в свете новейших работ советских ученых (1967-1977 гг.) // ВДИ. – 1977. – №4. – С.78; *Schmitt R.* Iranische Sprachen, s.88.
- ⁶⁸ *Липшиц В.А.* Надписи из Дильберджона, с.166, примеч.14.
- ⁶⁹ *Массон В.М.* Копьевские компоненты кушанского археологического комплекса. – Проблемы античной культуры. – М., 1986. – С.262.
- ⁷⁰ *Рази К.* Эллинистическая сокровищница Айханум. – Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. – Ташкент, 1987. – С.114.
- ⁷¹ *Fussman G.* Documents épigraphiques, p.32-34.
- ⁷² *Kieffer M.* Afghanistan. V. Languages. – EIr. – Vol.1. 1983, Fasc.5. – P.512.
- ⁷³ *Bernard P.* Compagne de fouilles, p.29; CRAIBL, 1980. – P.439.
- ⁷⁴ *Вертоградова В.В.* Находка надписи, с.167.
- ⁷⁵ *Ghirshman R.* Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan. – Revue des Arts Asiatiques. 1939. – T.13. – №1, PLIV; *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. – М.; Л., 1959, (МИА СССР. – №73). – С.40; *Заттаров Ш.Х., Ртвеладзе Э.В.* Раскопки древнебактрийского поселения Талашкантепе I. – Бактрийские древности. – Л., 1976. – С.21; *Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. – М., 1977. – С.107.
- ⁷⁶ *Талстов С.П.* К вопросу о протохорезмийской письменности // КСИИМК. – 1947. – Вып.15; *Он же.* Древний Хорезм. – М., 1948. – С.71 и сл.
- ⁷⁷ Кой-Крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. – М., 1967, (ТХАЭЭ. 5). – С.223-225.
- ⁷⁸ [О вероятности существования какой-либо примитивной системы письменности в доахеменидской Средней Азии говорит, например, И.М.Дьяконов: *Дьяконов И.М.* Восточный Иран до Кира. – История Иранского государства и культуры. – М., 1971. – С.134. – И.П.]

ГЛАВА XII

Палеоантропология древнейшей и древней Средней Азии

- ¹ *Ранов В.А.* Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии. – Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. – Новосибирск, 1985.
- ² *Алексеев В.П.* Географические очаги формирования человеческих рас. – М., 1985.
- ³ *Ранов В.А.* Гиссарская культура, с.13.
- ⁴ *Гисзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. – М., 1972. – С.31-32.
- ⁵ *Квяткина Т.П., Ранов В.А.* Первые антропологические находки каменного века в Таджикистане // Вопросы антропологии. – 1971 – Вып.37. – С.149-157.
- ⁶ *Квяткина Т.П.* Антропологические работы в Таджикистане в 1971-1980 гг. // АРТ. – Вып.20 (1980 г.). – Душанбе, 1987. – С.404.
- ⁷ *Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Древнейшее население низовий Аму-Дарьи. – М., 1986 (Тр. ХАЭЭ. – Т.15). – С.118, 145-146.
- ⁸ *Гисзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология, с.47.
- ⁹ *Хлотин И.И.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. – Л., 1983.

- ¹⁰ *Кияткина Т.П.* Краниология неолитического Алтындапе // Новые исследования по археологии Туркменистана. – Ашхабад, 1980. – С.145-153.
- ¹¹ *Гисзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология, с.41.
- ¹² *Алексеев В.П.* Палеодемография СССР // СА. – 1972. – №1. – С.17.
- ¹³ *Халилова С.* Древний Туркменистан, с.21.
- ¹⁴ *Кияткина Т.П.* Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. – Душанбе, 1987. – С.15.
- ¹⁵ *Кияткина Т.П.* Палеоантропология, с.17.
- ¹⁶ *Кияткина Т.П.* Краниологический материал из Алтындапе (1971). – Каракумские древности. – Вып.5. – Ашхабад, 1977.
- ¹⁷ *Аскарлов А.* Сапалдитапа. – Ташкент, 1973.
- ¹⁸ *Ходжайов Т.К.* Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапалдитапа. – Ташкент, 1977. – С.109.
- ¹⁹ *Алексеев В.П., Ходжайов Т.К., Хашимов Х.* Население верховьев Амударьи по данным палеоантропологии. – Ташкент, 1984. – С.146-148.
- ²⁰ *Кияткина Т.П.* Палеоантропология, с.22-23.
- ²¹ *Зезенкова В.Я.* Краниологический материал из могильников Бухарской области // ИМКУ. – Вып.4. – Ташкент, 1963.
- ²² *Аскарлов А.* Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // ИМКУ. – Вып.8. – Ташкент, 1969.
- ²³ *Литвинский Б.А., Соловьев В.С.* Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане. УСА. – Вып.1. – Л., 1972. – С.41-47.
- ²⁴ *Кияткина Т.П.* Палеоантропология, с.50, 52.
- ²⁵ *Пьяскова Л.Т.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху бронзы // МАИКСА. Информационный бюллетень. – Вып.1. – М., 1981. – С.38-39.
- ²⁶ *Гисзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология, с.77-78.
- ²⁷ *Виноградов А.В., Итима М.А., Яблонский Л.Т.* Древнейшее население.
- ²⁸ *Трофимова Т.А.* Ранние связи Приаралья по данным палеоантропологии // Anthropos. – №19, (п.с. II), Brno, 1967.
- ²⁹ *Ходжайов Т.К.* К палеоантропологии древнего Узбекистана. – Ташкент, 1980.
- ³⁰ *Салтовская Е.Д.* О погребениях ранних скотоводов в Северо-Западной Фергане // КСИИМК. – Вып.154. – М., 1978.
- ³¹ *Кияткина Т.П.* Антропологические работы в Таджикистане, с.403 и сл.
- ³² *Ходжайов Т.К.* К палеоантропологии, с.61-63.
- ³³ *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА СССР. – 1952. – Вып.126; *Литвинский Б.А.* Древнейшие чечевички "Крыши Мира". – М., 1972.
- ³⁴ *Кияткина Т.П.* Материалы к палеоантропологии Таджикистана. – Душанбе, 1976. – С.27-28.
- ³⁵ *Кияткина Т.П.* Материалы; *Алексеев В.П., Гохман И.И.* Антропология Азиатской части СССР. – М., 1984.
- ³⁶ *Ходжайов Т.К.* К палеоантропологии, с.104.
- ³⁷ *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. – М., 1984. – С.7-84.
- ³⁸ *Кияткина Т.П.* Материалы.
- ³⁹ *Мандельштам А.М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. – Л., 1975. – С.195.

- ⁴⁰ Седов А.В. Кобадим на пороге раннего средневековья. – М., 1987. – С.44.
- ⁴¹ Седов А.В., Керзум А.П. Раскопки в Бешкентской долине в 1978 г. // АРТ. – Вып.18 (1978). – С.128.
- ⁴² Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. – М., 1949.
- ⁴³ Литвинский Б.А. Курганы и кургумы Западной Ферганы. – М., 1972; *Он же.* Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы. – История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М., 1976; *Кияткина Т.П.* Материалы. – С.131-163.
- ⁴⁴ Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология, с.113-115.
- ⁴⁵ Гинзбург В.В. Антропологические материалы из окрестностей древнего Пенджикента // МИА. – 1958. – №66. – С.282.
- ⁴⁶ Кияткина Т.П. Краниологические материалы с Западного Памира // Памироведение. – 1984. – Вып.1. – С.140-143.

ГЛАВА XIII

Социально-экономические отношения и структуры

- ¹ Левин В.И. Полное собр. соч. – Т.39. – С.70.
- ² Ольденбург С.Ф. Восток и Запад в советских условиях. – М.; Л., 1931. – С.9.
- ³ Струве В.В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока // ИГАИМК. – Вып.77. – Л., 1934, (в этом выпуске помещены и прения по докладу).
- ⁴ Более детальная аргументация в части Древней Месопотамии, а также анализ хетских материалов был дан в другой работе: *Струве В.В.* Очерки социально-экономической истории Древнего Востока. – Л., 1934, (ИГАИМК. Вып.97).
- ⁵ См. об этих дискуссиях: *Постовская Н.М.* Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917-1959 гг.). – М., 1961. – С.79-84, 98-113.
- ⁶ Толстой С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. – ИГАИМК. – 1934. – Вып.103.
- Отсюда и до стр.10 следует текст из книги *Гафурова Б.Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история / Отв.ред. Б.А.Литвинский. – М., 1972. – С.179-182 с некоторыми дополнениями и изменениями. Буквально процитированные части взяты в кавычки.
- ⁷ Толстой С.П. Генезис, с.179-185.
- ⁸ Бернштам А.Н. (Выступление) // ИГАИМК. – Вып.103. – М.; Л., 1934. – С.343.
- ⁹ Массон М.Е. К истории горной промышленности Карамазара // Тр. Таджикской базы АН СССР. – Т.IV. – М.; Л., 1935. – С.217. Далее (с.227) он писал о "разложении феодального строя" в Средней Азии в X в.
- ¹⁰ См., например: *Баженов Л.В.* Средняя Азия в древнейший период (между IV и II веками до нашей эры). – Ташкент, 1937.
- ¹¹ Массон М.Е. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936-1937 гг. // Социалистическая наука и техника. – 1938. – №7. – С.83.
- ¹² Толстой С.П. Тирания Абура (из истории классовой борьбы в Согдиане и тюркском каганате во второй половине VI в. н.э.). // ИЗ. – 1938. – Вып.3. –

С.24-32, 47-49; *Он же*. Основные вопросы древней истории Средней Азии // ВДИ. - 1938. - №1. - С.182-187.

13 См. особенно: *Толстов С.П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. - М., 1948; *Он же*. По следам древнехорезмийской цивилизации. - М., 1948 и др.

14 *Толстов С.П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. // Тр. ХАЭЭ. - Т.2. - М., 1958. - С.115. О сомневных в правильности этого положения см.: *Беленский А.М.* О периодизации истории Средней Азии // Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. - Ташкент, 1955. - С.507.

15 *Литвинский Б.А.* Социально-экономический строй // ИТН. - Т.1. - С.475-476.

16 В конце XIX в. были случаи, когда население работало на очистке каналов около двух месяцев в году (*Шкапский О.* Аму-Дарьинские очерки. К аграрному вопросу из Нижней Аму-Дарьи. - Ташкент, 1900. - С.49-50; *Дюгельшtedт Н.* Опыт изучения ирригации Туркестанского края, Сыр-Дарьинская область. - Ч.2 и 3. - СПб., 1895. - С.65).

17 В самом деле, оценивая объем земляных работ, необходимых для проведения канала, в 750 тыс. куб.м (*Андронов Б.В.* Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). - М., 1969. - С.128) и дневной объем грунта, вывезенного одним землекопом, в 2,5 куб.м, легко подсчитать, что этот объем земляных работ мог быть выполнен за пять лет. Однако если производительность труда была выше и приближалась к известной по папирусным документам для эллинистического Египта, а именно 3,5 куб.м (*Крюгер Е.В.* Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте // ИГАИМК. - 1935. - Вып.108. - С.28), то эти же работники могли соорудить такой канал за три года.

18 *Зеймаль Е.В.* К периодизации древней истории Средней Азии (середина I тысячелетия до н.э. - середина I тысячелетия н.э.). - Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. - М., 1987. - С.155-156.

19 *Шкапский О.* Аму-Дарьинские очерки, с.191.

20 По расчетам С.П.Толстова, в зоне Джанбаскалинского канала жило не более 4-5 тыс. человек, из них 1-1,5 тыс. взрослых мужчин (цифры, быть может, несколько преувеличены - *Андронов Б.В.* Древние оросительные каналы, с.127). Даже если предположить, что все они непосредственно участвовали в сельскохозяйственном производстве, то они могли обработать сравнительно небольшую площадь.

21 *Масальский В.И.* Туркестанский край. - СПб., 1913, (Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. - Т.ХІХ). - С.442.

22 *Давидович Е.А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. - М., 1970. - С.124-125.

23 *Литвинский Б.А.* Социально-экономический строй // ИТН. - Т.1. - С.476.

24 *Дьяконов И.М.* Развитие земельных отношений в Ассирии. - Л., 1949. - С.27.

25 *Гудяков Я.Г.* История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. - М., 1957. - С.262.

26 Возникновение и развитие земледелия. - М., 1967. - С.37-38.

- ²⁷ *Крюгер Е.В.* Сельскохозяйственное производство. – 1935. – С.27-30; *Зельдин К.К., Трофимова М.К.* Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. – М., 1969. – С.74-75.
- ²⁸ *Бернштам И.Н.* Советская археология Средней Азии // КСИИМК. – М.; Л., 1949. – Вып.28. – С.16 (“патриархально-рабовладельческие” и “рабовладельческие” отношения).
- ²⁹ *Толстов С.П.* Периодизация древней истории Средней Азии // КСИИМК. – М.; Л., 1949. – Вып.28. – С.24-25 (“антично-рабовладельческие”, “рабовладельческие отношения”).
- ³⁰ *Толстов С.П.* Периодизация, с.25-28.
- ³¹ Детальный критический разбор этой периодизации см.: *Зеймаль Е.В.* К периодизации древней истории Средней Азии (середина I тысячелетия н.э.). – Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. – М., 1987. – С.149-150.
- ³² *Улюмов И.И.* Рец. на: История народов Узбекистана. – Т.1, 1950 // Тр. Уз. ГУ. – Новая серия. – 1952. – №51. – С.154-168, 170.
- ³³ Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. – Ташкент, 1959. – С.494, 507-509, 529.
- ³⁴ *Толстов С.П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. // ТХАЭЭ. – Т.2. – М., 1958. – С.104.
- ³⁵ Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (Азиатский способ производства). – М., 1966; *Качановский Ю.В.* Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? Спор об общественном строе древнего и средневекового Востока, доколониальной Африки и доколумбовой Америки. – М., 1971; *Он же.* Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока (общее и особенное в историческом развитии). – М., 1971 и др.
- ³⁶ *Васильев Л.С., Стучевский И.А.* Три модели возникновения и развития докапиталистических обществ // Вопросы истории. – 1966. – №65; Там же: *Маликашвили Г.А.* Характер социально-экономического строя на древнем Востоке (Опыт социально-типологической классификации классовых обществ) // НАА. – 1972. – №4; *Он же.* Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе древних ближневосточных обществ // ВДИ. – 1975. – №4. Ср. замечания И.М.Дьяконова в его работе “История древнего мира. Ранняя древность”. – М., 1982. – С.14-15.
- ³⁷ *Массон В.М.* К вопросу об общественном строе древней Средней Азии. – История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1968. – С.10.
- ³⁸ *Зеймаль Е.В.* К периодизации древней истории Средней Азии (середина I тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.). – Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. – М., 1987.
- ³⁹ *Зеймаль Е.В.* “Варварские подражания” как исторический источник // СГЭ. – 1975. – Вып.40; *Он же.* Политическая история древней Трансоксаны по нумизматическим данным. – Культура Востока. Древность и раннее средневековье. – Л., 1978. – С.192-214; *Давидович Е.А., Зеймаль Е.В.* Денежное хозяйство Средней Азии в переходный период от древности к средневековью (к типо-

- логии феодализма). – Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. – М., 1980. – С.78-89.
- ⁴⁰ Зеймаль Е.В. К периодизации, с.154.
- ⁴¹ Алаев Л.Б., Ерасов Б.С. Форматив или цивилизация? // НАА. – 1990. – №3.
- ⁴² Массон В.М. Ашган-дере. – Л., 1981 (Тр. ЮТАКЭ. Т.18). – С.42.
- ⁴³ Массон В.М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии // СА. – 1967. – №3. – С.167.
- ⁴⁴ Ламбер-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. – М., 1992. – С.197.
- ⁴⁵ Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н.э. (среднеазиатский аспект арийской проблемы). – Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. – М., 1984.
- ⁴⁶ Литвиц В.А. Распад первобытнообщинного строя. – ИТН. – Т.1. – С.145-146.
- ⁴⁷ Gershevitch I. The Avestian Hymn to Mithra. – Cambridge, 1967. – P.165-166.
- ⁴⁸ О них см.: Сагдуллаев А.С. Усадьбы Древней Бактрии. – Ташкент, 1987.
- ⁴⁹ Сарисяиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. – М., 1977.
- ⁵⁰ Детальнее о городах см.: Литвинский Б.А. Древний среднеазиатский город. – Древний Восток. Города и торговля. (III-I тыс. до н.э.). – Ереван, 1973; Пьянков И.В. Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов. – Там же.
- ⁵¹ Аклишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М., 1978; Аклишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата, 1963.
- ⁵² Hulsewe A.F.P. China in Central Asia. The Early Stage: 125 B.C. – A.D. 23. – Leiden, 1979 (Sinica Leidensia. – Vol.XVI). – P.143-144.
- ⁵³ Гафуров Б.Г. Таджики / Под ред. Б.А.Литвинского. – М., 1972. – С.185. Китайские источники: Hulsewe A.F.P., Loewe M.A.N. Op. Cit., p.144.
- ⁵⁴ Кошелев Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. – М., 1979. – С.265-287.
- ⁵⁵ О фарне см.: Bailey H.W. Zoroastrian Problems in the Ninth Century Books, II ed. – Oxford, 1971; Litvinskij B.A. Das K'ang-chu – Sarmatische Farnah // CAJ. – 1972. – Vol.16. – №4; 1976 – Vol.20. – №1-2.
- ⁵⁶ Wolski J. Remarques Critiques sur les Institutions des Arsacidae // EOS. – №46. – Wrocław, 1954; Перисханян А.Г. Древнеармянские восстания // ВДИ. – 1956. – №2; Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. – М. – С.194 и сл.; Gignoux P. Glossaire des Inscriptions Pehlevies et Parthes. – London, 1972 (passum).
- ⁵⁷ Дьяконов И.М., Литвиц В.И. Документы из Нисы I в. до н.э. Предварительные итоги работы. – М., 1960. – С.22-23; Diakonoff I.M., Livshits V.A. Parthian Economic Documents from Nisa. Texts, I. – London, 1978 (Corpus Inscriptionum Iranicarum, pt II) (passum). См. также: Дьяконов И.М., Литвиц В.А. Парфянское царское хозяйство в Нисе // ВДИ. – 1960. – №2; Они же. Новые находки документов в Старой Нисе // Переднеазиатский сборник, II. – М., 1966.
- ⁵⁸ Bivar A.D.H. An unknown Punjab seal-collector // JNSI. – Vol.23. – 1961. – P.320-322.
- ⁵⁹ Дьяконов М.М. Очерки истории древнего Ирана. – М., 1961. – С.299.

- ⁶⁰ *Лившиц В.А.* Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В.А.Лившица. – М., 1962 (Согдийские документы с горы Муг. – Вып. II). – С.134-135.
- ⁶¹ *Henning W.B.* Surkh-Kotal und Kaniska // ZDMG. – Bd.115, H. I. – 1965. – P.77-78.
- ⁶² *Henning W.B.* A Bactrian Seal-Inscription // BSOAS. – Vol.23, pt.I. – 1960.
- ⁶³ *Stavisky B.J.* Notes of Gem-Seals with Kushana Cursive Inscription in the Collection of the State Hermitage // JNSL. – Vol.22, 1960.
- ⁶⁴ *Henning W.B.* Surkh-Kotal und Kaniska // ZDMG. – Bd.115, H.1, 1965. – P.81.
- ⁶⁵ Общие характеристики, см.: *Puri B.N.* India under the Kushans. – Bombay, 1965. – P.79-87; *Лившиц В.А.* К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе. Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. – М., 1969; *Bailey H.W.A.* Kharosthi Inscription of Senavarma. King of Odi // JRAS. – 1980. – №1. – P.23-24, 27-29.
- ⁶⁶ *Mukherjee B.N.* Revenue, Trade and Society in the Kusana Empire // Indian Historical Review. – 1980-1981. – Vol.7. – №1-2. – P.41-45.
- ⁶⁷ *Sarianidi V.* Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-tepe Necropolis in Northern Afghanistan. – Moscow, 1985; *Сарианиди В.И.* Храм и некрополь Тилля-тепе. – М., 1989.
- ⁶⁸ См. об этом: *Mukherjee B.N.* Revenue, p. 25-26.
- ⁶⁹ *Hackin J.* Nouvelle recherches Archéologiques à Begram (1939-1940). – Paris, 1954 (MDAFA. – T.11).
- ⁷⁰ *Wheeler M.* Rome beyond the Imperial Frontiers. – Harmoudsworth, 1955. – P.194.
- ⁷¹ *Пузаченкова Г.А.* К открытию надписи кхароштри на золотых предметах Дальверзинского клада // ВДИ. – 1976. – №1; *Воробьева-Десятовская М.И.* Надписи письмом кхароштри на золотых предметах из Дальверзинтепе // Там же.
- ⁷² *Wilbur C.M.* Slavery in China during the Former Han Dynasty 206 B.C. – A.D. 25. – Publications of Field Museum of Natural History, Anthropological Series. – Vol.34, 1943. – P.96; *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. – М., 1981. – С.69.
- ⁷³ *Гафуров Б.Г.* Таджики, с.187.
- ⁷⁴ *Лившиц В.А.* Документы. – Топрак кала. Дворец. – М., 1984. – С.265-279. Менее вероятно, что это список для взимания подушной подати – на древнем Востоке она взималась со свободного мужчины (там же, с.264, примеч.61). О рабах в Парфии см. *Литвинский Б.А.*, ИТН. – Т.1. – С.469-470.
- ⁷⁵ *Yoshida J., Moriyasu T.* A Sogdian Sale Contract of a Female Slave from the Period of Gaochang Kingdom under the Rule of Qu Clan. – Studies on the Inner Asian Languages, IV (Annals of Foreign Studies. – Vol.19), Kobe University of Foreign Studies, 1988. – P.1-50. В.А.Лившиц любезно предоставил в наше распоряжение свой перевод (письмо от 6.06.1992 г.) и разрешил на него сослаться.
- ⁷⁶ *Литвинский Б.А.* // ИТН. – Т.1. – С.474-475; *Воробьева-Десятовская М.И.* Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религия. – М., 1992. – С.102.
- ⁷⁷ *Дандамаев М.А.* Рабство в Вавилоне VII-IV вв. до н.э. (625-331 гг.). – М., 1974. – С.369-390.

- ⁷⁰ Ильин Г.Ф. Основные проблемы рабства в древней Индии. – История и культура древней Индии. – М., 1963. – С.150-151; *Стенукина Т.В.* Рабство в древнем Китае. – Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблема социальной мобильности. – М., 1986 (оба автора – сторонники рабовладельческих формаций, но собранные ими факты не подтверждают эту концепцию).
- ⁷¹ Дьяконов И.М. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей // ВДИ. – 1963. – №1. – С.18.
- ⁷² Тюменев А.И. Государственное устройство древнего Шумера. – М.; Л., 1956; Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. – М., 1959; Дьяконов И.М. Община, 1963 и др.
- ⁷³ Дьяконов И.М. Община, 1963. – С.33.
- ⁷⁴ ИТН. – Т.1. – С.472.
- ⁷⁵ Об истории этого термина: *Bailey H.W.* Iranian Studies. – BSOS. – Vol.6, pt.4, 1932. – P.952-954; в хотано-сакских текстах, см.: *Bailey H.W.* Iranian Arya and Dahi. – Transactions of the Philological Society (1959). – London, 1956. Об употреблении этого термина в иной огласовке в текстах из Нийи см.: *Burrow T.* Iranian Words in the Kharosti Documents from Chinese Turkestan, I. – BSOS. – Vol.7, 1934. – P.509; *Воробьева-Десятовская М.И.* Индийцы. Восточный Туркестан в древности и ранее средневековье. Язык. Этнос. Религия. – М., 1992. – С.99-100, 1934: – С.209.
- ⁷⁶ Гафуров Б.Г. Таджики, с.188.
- ⁷⁷ Литвинский Б.А., Смагина Е.Б. Манихейство. – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Язык. Этнос. Религия. – М., 1992. – С.527-528.
- ⁷⁸ Литвинский Б.А. Буддизм. – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Язык. Этнос. Религия. – М., 1992. – С.486-489. Подобные данные имеются и для манихейских монастырей. – Там же, с.529.
- ⁷⁹ Литвинский Б.А. Этногенез и этническая история народов Средней Азии и Казахстана в древности и средневековье (теоретический аспект) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – Вып.1. – М., 1990.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия.
АРТ – Археологические работы в Таджикистане.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БКИЧП – Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода.
ВА – Вопросы антропологии.
ВГО – Всесоюзное географическое общество.
ВДИ – Вестник древней истории.
Вестник ККФАН УзбССР – Вестник Каракалпакского Филиала Академии наук Узбекской ССР.
ВИ – Вопросы истории.
ВЯ – Вопросы языкознания.
ГИМ – Государственный исторический музей.
Гос.ВНИИР – Государственный Всесоюзный научно-исследовательский Институт реставрации.
ДАН ТаджССР – Доклады АН Таджикской ССР.
ДАН ТуркмССР – Доклады АН Туркменской ССР.
ДАН УзбССР – Доклады АН Узбекской ССР.
ДКБ – Древнейшие культуры Бактрии: среда, развитие, связи. Тезисы первого Советско-Французского симпозиума.
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения.
ИАН КиргССР, СОН – Известия АН Киргизской ССР, секция общественных наук.
ИАН ТаджССР – Известия АН Таджикской ССР.
ИАН ТуркмССР, СОН (ООН) – Известия АН Туркменской ССР, секция общественных наук (отделение общественных наук).
ИБ МАИКЦА – Информационный Бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии.
ИВ АН СССР – Институт востоковедения Академии наук СССР.
ИВ АН УзбССР – Известия Института востоковедения Узбекской ССР.
ИВГО – Известия Всесоюзного Географического Общества.
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИЗ – Исторические Записки. Издание Института истории АН СССР.
Изв. АН СССР – Известия Академии наук СССР.
Изв. АН КазССР – Известия Академии наук Казахской ССР.
Изв. АН ТаджССР – Известия Академии наук Таджикской ССР.
Изв. ООН АН ТаджССР – Известия отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР.

Изв.Средазкомстариса – Известия Среднеазиатского Комитета по охране памятников природы, старины и искусства.
Изв. Уз.ФАН – Известия Узбекского филиала Академии наук СССР.
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана.
ИТН – История Таджикиского народа.
ИТФАН – Известия Таджикского Филиала АН СССР.
КД – Каракумские древности.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСИНА – Краткие сообщения института народов Азии АН СССР.
ЛГУ – Ленинградский государственный университет.
МАИКЦА – Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии.
МАЗ – Музей антропологии и этнографии.
МГУ – Московский государственный университет.
МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР.
МКТ – Материальная культура Таджикистана.
МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции.
НАА – Народы Азии и Африки. М.
ОЛЯ – Отдел литературы и языка.
ОНУз – Общественные науки в Узбекистане.
ПИДО – Проблемы истории доисторических обществ.
ПКНО – Памятники культуры. Новые открытия.
РА – Российская археология.
СА – Советская археология.
САГУ – Среднеазиатский государственный университет.
САИ – Свод археологических источников.
СВ – Советское востоковедение.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа.
СИФ – Сообщения Института философии.
СНВ – Страны и народы Востока.
СОН – Серия Общественных наук.
СТАКЭ – Северо-Таджикская Археологическая Комплексная экспедиция.
СТЭ – Северо-Таджикская экспедиция.
Сообщения Тадж.ФАН СССР – Сообщения Таджикского филиала АН СССР.
СЭ – Советская этнография.
ТашГУ – Ташкентский государственный университет.
ТЭ – Труды Государственного Эрмитажа.
ТИА АН УзССР – Труды Института Археологии АН Узбекской ССР.
ТИИ АН КиргССР – Труды Института истории АН Киргизской ССР.
ТИИ АН ТаджССР – Труды Института истории АН Таджикской ССР.
ТИИ АН ТуркССР – Труды Института истории АН Туркменской ССР.
ТИИ АН УзССР – Труды Института истории АН Узбекской ССР.
ТИИАЭ ТуркССР – Труды Института истории, археологии, и этнографии АН Туркменской ССР.
ТОВЭ – Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
Тр.ГИМ – Труды Государственного исторического музея.
Тр.САГУ – Труды Среднеазиатского гос.университета. Ташкент.
Тр.САМГУ – Труды Самаркандского государственного университета.
Тр.Уз.ГУ – Труды Узбекского государственного университета.

- ТТАЭ – Труды Таджикской археологической экспедиции.
 ТХАЭЭ – Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции.
 ТХЭ – Труды Хорезмской экспедиции.
 ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.
 УСА – Успехи среднеазиатской археологии.
 ФАН СССР – Филиал Академии наук СССР.
 ХАЭЭ – Хорезмская археологическая и этнографическая экспедиция.
 ЭВ – Эпиграфика Востока.
 ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
 ЮТАЭ – Южно-Таджикская археологическая экспедиция.

- AAASH – Acta antiqua Academical scientiarum Hungaricæ. Budapest.
 AAAWB – Abhandlungen der Academie der Wissenschaften zu Berlin. Historisch-philologische Klasse. Berlin.
 ABAW – Abhandlungen der Bayerischen Academie der Wissenschaften Philosophisch-philologische und historische Klasse. München.
 ArOr – Archiv Orientalní, Praha.
 AMI – Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Berlin.
 BAR – British Archaeological Reports, Oxford.
 BAVA – Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie, München.
 BEFEO – Bulletin de l'École Française d'Études-Orient, Hanoi, Paris.
 BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London Institution (University of London). London.
 BSPF – Bulletin de la Société Préhistorique Française. Paris.
 CA – Current Anthropology, Chicago.
 CAH – The Cambridge ancient history. Cambridge.
 CAJ – Central Asiatic Journal. International Periodical for the Languages, Literature, History and Archaeology of Central Asia, Wiesbaden.
 CHI – The Cambridge History of Iran. Cambridge.
 CII – Corpus Inscriptionum Iranicarum.
 CQ – Classical quarterly.
 CRAIBL – Comptes rendus des séances l'Académie et Belles-Lettres. Paris.
 CRA URA – Centre de Recherches Archéologiques. Unité de Recherches Archéologiques. Paris.
 EIr – Enciclopedia Iranica. London – Boston and Heuley.
 EW – East and West. Roma.
 FGH – F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker.
 GIPh – Grundriss der iranischen Philologie.
 IAJOR – Indian Antiquary. A Journal of Oriental Research. Bombay.
 IHQ – Indian Historical Quarterly. New Delhi. Calcutta.
 IS – Istambuler Schriften. Istanbul.
 JA – Journal Asiatique. Paris.
 JAC – Journal of Central Asia, Islamabad.
 JASB – Journal of the Royal Asiatic Society of Bengal. Calcutta.
 JBBRAS – Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society.

- JAOS – Journal of the American Oriental Society, New Haven.
 JBORS – Journal of the Bihar and Orissa Research Society.
 JCS – Journal of cuneiform studies, New Haven.
 JHS – Journal of Hellenic Studies, London.
 JNSI – ~~PDF Copy from Time Version~~ Society of India, Bombay.
 JRAS – Journal of the Royal Asiatic Society Great Britain and Ireland, London.
 IS – Istambuler Schriften.
 MASI – Memoirs of the Archaeological Survey of India, Delhi.
 MAVA – Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie, München.
 MDAFA – Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan, Le Cairo, Paris.
 NC – The numismatic chronicle and Journal of the Numismatic society, London.
 NS – The Numismatic Studies of the American Numismatic Society, New York.
 RE – Pauly-Wissowa, Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, Stuttgart.
 RMP (RMPH) – Rheinisches Museum für Philologie, Bonn – Frankfurt am Main.
 SAA – South Asian Archaeology, Hong Kong.
 SAOC – Studies in Ancient Oriental Civilization, Chicago.
 SPAW – Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften Philologisch-Historische Klasse, Berlin.
 TAPS – Transactions of the American Philosophical Society, Philadelphia.
 TP – T'oung Pao ou Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie et l'ethnographie de l'Asie Orientale, Leiden.
 ZA – Zeitschrift für Assyriologie, Berlin.
 ZDMG – Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft, Leipzig.
 UISPP – Union Internationale des Sciences Préhistorique et Protohistorique.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаев В.И., 44
 Абдуллаев В.Н., 42
 Абу Мансур, 30
 Август, 19, 426
 Авнен, 18
 Австан, 318
 Агафангел, 29
 Агафий, 15
 Агафокл, 353, 355, 356, 361, 375
 Ази, 234
 Александр Балас, 358
 Александр Македонский, 11, 40, 230, 252, 283, 284, 285, 287, 288, 290, 292, 300, 301, 302, 307, 308, 309, 310, 311, 314, 315, 316, 317, 318, 321, 322, 324, 327, 328, 330, 356, 381, 494, 506
 Алексеев В.П., 52, 525, 529
 ал-Куфи, 30
 Алтысбаев Х.А., 64
 Амида, 431
 Аммиан Марцелин, 384
 Аморг, 252, 257
 Амосова А.Г., 98
 Амье П., 145
 Амэрэгат (Муррад), 229
 Анахита, 235
 Андрагор, 341, 342, 343, 344, 347
 Аннаев Т.Д., 479
 Антигона, 323, 338
 Антимах, 353, 355, 357, 361
 Антиох, 13, 14, 24, 41, 267, 326, 327, 328, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 353, 354, 356, 358, 359, 360, 363, 368, 373, 383, 387, 397, 409
 Антиох I, 24, 41, 326, 331, 333, 334, 339, 340, 341, 342, 343, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 353, 354, 358, 360, 373, 383, 387
 Антиох I Сотер, 334, 346
 Антиох III, 41, 348, 349, 350, 351, 353, 354, 358, 360, 373, 387
 Антиох V Эвпатор, 358
 Антиох VII, 359, 409
 Антиох Гиеракс, 339, 343
 Ань, 421
 Апауши, 232, 234
 Аполлодор, 13, 16, 18, 377
 Аполлоний, 21
 Аппиан, 13, 327
 Араска, 233
 Арвасара, 244
 Ардашир, 468
 Ардвин, 222, 232
 Ариамен, 265
 Ариомард, 258
 Аристовул, 292, 304
 Аристотель, 20
 Арриан, 11, 12, 13, 20, 269, 288, 291, 292, 293, 300, 301, 302, 304, 306, 308, 310, 311, 312, 315, 343, 344, 351, 384, 552, 554
 Артабаз, 258
 Артабан, 265, 346, 350, 357, 358, 362, 409, 424, 426, 427, 428, 468, 515
 Артабан I, 350, 358, 362, 409, 424, 426
 Артабан II, 358, 362, 409, 424, 426
 Артабан III, 426
 Артабан V, 427, 468
 Артаксеркс, 25, 259, 265, 286, 382
 Артаксеркс I, 382
 Артаксеркс II - (или III), 382
 Артасир, 265
 Арташир, 31, 427, 428, 430
 Арташир I, 428
 Арташир Папакан, 427
 Арчатасп (Арчесп), 248
 Аршак, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 350, 359, 555
 Аршак I, 344, 345, 346, 347, 350
 Аршакиды, 28, 29, 35, 41, 343, 344, 345, 359, 402, 404, 426, 428, 464, 468, 494, 515, 516, 517, 555

- Аршам, 496
 Асархаддон, 24
 Аскарлов А.А., 145, 161, 212
 Астиаг, 250, 252
 Астиаг, PDF Compressor Free Version
 Атар (Азар), 232
 Аташ, 437
 Атвья, 219
 Атосса, 264
 Аттила, 15
 Афиней, 22
 Афинодор, 322
 Афрасиаб, 39, 243, 268, 271, 333, 382, 455, 511, 519, 537
 Афродита, 405
 Ахемениды, 9, 25, 239, 246, 254, 255, 257, 258, 259, 264, 265, 270, 277, 279, 282, 283, 286, 299, 345, 379, 402, 427, 430, 464, 494, 497, 515, 535
 Ахра Манью, 232, 233, 235
 Ахури Mazda, 184, 218, 221, 223, 228, 229, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238
 Ахшти, 233
 Ашока, 23, 25, 33, 435

 Бабаев А.Д., 489
 Баженов А.В., 307
 Байди, 475
 Бань Чао, 35, 421
 Бардесан (Бар-Дайсан), 28
 Бардия (Смердис), 250, 254
 Барзент, 286, 290
 Барроу Т., 44
 Бартольд В.В., 300, 305, 307
 Баршаббе, 508
 Бахрам (Маро Вэртрагн), 235
 Бахрам I, 429, 515
 Бахрам V (Хазарбаздак), 469
 Бахрам ибн Пажду, 32
 Беван Е.Р., 320, 324
 Белазури, 30
 Беленицкий А.М., 4, 549
 Беллинджер А.Р., 332
 Беллева Т.В., 383
 Бему, 514
 Бенвенист, 494
 Бенгтоон Х., 326, 336
 Бернар П., 369, 387, 389, 390, 397, 399
 Бернштам А.Н., 307, 474, 545
 Беросс, 11, 253, 382
 Бесс, 262, 264, 265, 284, 285, 286, 288, 290, 292, 293, 301, 311, 318

 Бивар А.Д.Х., 430, 470
 Бируни, 487, 503, 510, 521
 Бисвас А., 474
 Боголюбов М.Н., 511
 Бойс М., 507, 515, 517, 520
 Болл В., 387
 Большаков О.Г., 477
 Борд Ф., 66
 Босворс А.Б., 320
 Брихандратха, 352
 Брыкина Г.А., 43
 Будда, 505
 Булатова В.А., 43
 Бунак В.В., 76
 Бурзмюхрпур, 518

 Вавилов Н.И., 113
 Вадо, 437
 Вайнберг Б.И., 43, 432
 Валах (Вологез), 230, 412, 426, 427, 464, 501, 515, 516
 Вангенгейм Э.А., 87
 Вардан, 29, 426
 Васишка, 427
 Васудева I, 417, 427
 Васудева II, 417, 427
 Вехсаджан (Васудева), 428
 Вилькен У., 293, 307
 Вима (Гима) Кадфиз - Яньгаогтинь - Кадфиз II, 419, 434
 Вима Кадфиз, 419, 434
 Виноградов А.В., 94, 151
 Виноградова Н.М., 43, 103, 166
 Вишняцкий Л.Б., 49
 Виштасп (Гистасп), 226, 228, 245, 248, 249, 258, 265
 Вологез I (Валарм), 464
 Вологез V, 427
 Вольский И., 328, 330
 Воробьева М.Г., 43
 Воху Манах (Бахман), 238

 Габори М., 66
 Гай Валерий Флакк, 21
 Гай Плиний Секунд, 20
 Гайя Мартан (Гайомарт), 235
 Гамкрелдзе Т.В., 182, 183, 492, 493
 Гань Ин, 35
 Гао Мин, 35
 Гарднер П., 332
 Гафуров Б.Г., 307, 352, 366, 378, 380, 470, 547, 548
 Гебль Р., 431, 470
 Гейгер В., 305

- Гекатей, 17, 553
Гелиокл, 354, 355, 360, 361, 364, 371, 375, 376, 410, 439
Геракл, 363, 364, 384, 386, 440
Герасимов М.М., 76, 525, 541
Геродот, 9, 10, 11, 17, 219, 240, 250, 251, 252, 253, 258, 259, 262, 263, 267, 294, 296, 410, 535, 554
Гершевич И., 518, 520
Гефестион, 269
Гieronим Кардийский, 13
Гинзбург, 542
Гиршман Р., 44, 242, 412, 427, 429, 473, 474
Гистасп (Виштаспа), 32, 227, 228, 236, 241, 245, 246, 248, 249, 255, 258, 265
Горбунова Н.Г., 6, 43
Готарз I, 424, 426
Готарз II, 426
Готью Р., 510
Грантовский Э.А., 44
Гремяцкий М.А., 525
Грене Ф., 42
Грессе Р., 44
Григорьев В.В., 122, 293, 304, 311, 314, 317, 318, 365
Грумбат, 473
Гудкова А.В., 43
Гуллин Г., 44
Гулямов Я.Г., 482
Гушлев Л.Н., 475
Гутшмид А., 320, 326
Гуштасп, 227, 242
Гуш урван, 233
Даларинш, 255
Даккии, 30
Дальтон О.М., 277
Дандамаев М.А., 560
Даниил, 508
Дарий I, 24, 25, 226, 228, 242, 245, 249, 254, 255, 256, 257, 259, 262, 264, 265, 267, 283, 284, 285, 293, 466, 496
Дарий II, 226, 242, 264, 265, 283, 284, 285, 293
Дарий III Кодоман, 226, 264, 265, 293
Датама, 345
Датаферн, 292
Даффина П., 44
Добец Г.Ф., 525
Девагитич, 511
Дексилл Афинский, 13
Деметрий, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 360, 364, 368, 371, 375, 408
Деметрий I Сотер, 358
Деметрий II Никатор, 358
Демодам, 14, 328
Денкарт, 26, 230
Джуракулов М.Д., 89
Динавари, 30
Диодор, 15, 16, 250, 265, 286, 290, 292, 311, 315, 320, 322, 323, 325
Диодот, 339, 340, 342, 343, 344, 346, 347, 348, 349, 353, 355, 356, 357, 363, 368
Диодот I, 346, 347, 348, 349, 356
Диодот II, 347, 348, 349
Дион Хрисостом, 22
Дионис, 406
Дионисий, 18, 21
Дрезден М., 505
Дройзен И.Г., 293, 301, 305, 307, 318, 323, 328
Дуке Х., 43
Дьяконов И.М., 44, 182, 214, 239, 365, 560
Евсевий Памфил, 28
Егише, 29, 470, 471
Ельницкий Л.А., 44
Еноки К., 473, 475
Ерасов Б.С., 550
Жуков В.А., 48, 68
Заднепровский Ю.А., 208
Замашп, 472
Заратуштра, 27, 181, 216, 218, 219, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 236, 238, 241, 245, 246, 249, 319, 464, 552
Зарнадр, 228
Заривари, 248
Зарина, 248
Зартушт, 227
Захария Ригор, 28
Зеймаль Е.В., 333, 550
Зеймаль Т.И., 42, 438
Зенон, 471
Зимарх, 15
Зороастр, 26, 32, 226, 245, 246, 422, 464, 470, 516
Ибн ал-Асира, 30
Ибн Исфандияр, 31

- Иби Кутейба, 30
 Иби Хаукаль, 31
 Иванов В.В., 183
 Иданд (Забалиты), 35
 Иезидгерд II, 28, 452, 470, 471, 507, 513
 Индра, 183, 233
 Иностранцев К.А., 474
 Иоани, 28
 Иошца И., 560
 Исламов У.А., 49, 61
 Итима М.А., 43, 126, 151
- Иезидгерд II, 432, 470
 Йеттмар К., 44
 Йима (яма), 221, 222, 225, 231, 233, 236, 552
 Йима Хшайга (Джамшед), 221, 236
 Йозкерт, 470
 Йолыг-тегин, 36
- Кабанов С.К., 473
 Кават, 213
 Кави Хусрав, 223
 Каллиопей, 11, 292
 Камбис I, 250
 Камбуджия (Камбис), 250, 254
 Камминге Л., 307
 Канишка, 417, 419, 421, 422, 427, 429, 434, 435, 436, 437, 446, 466, 518
 Канишка II, 427
 Канишка III, 427
 Каракалла, 427
 Карены, 367
 Картасис, 308
 Картир, 230
 Касторий, 18
 Касьямов М.Р., 62
 Катар, 318
 Катаюн (Нахид), 228, 235
 Кант Курций Руф, 11, 12, 269, 286, 291, 292, 301, 302, 304, 305, 306, 308, 309, 315, 317, 318, 383
- Кей Кавус, 243
 Кеициды, 30
 Киаксар, 248
 Кидары, 470
 Кидариты, 473
 Кикхули, 183
 Киоцлюю (Жадфиз I), 418
 Кир, 10, 16, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 256, 258, 262, 264, 265, 305, 306, 378, 383
 Кир II (Куручи), 250
 Кисляков Н.А., 548
- Кияткина Т.П., 6, 108
 Клавдий Птолемей, 12, 19, 29, 31, 292, 293, 304, 305, 391
 Клавдий Элиан, 22
 Клеарх, 23
 Клезу С., 43
 Климент, 22
 Клитарх, 12, 16
 Комаров А.В., 126
 Коробкова Г.Ф., 93
 Кошеленко Г.А., 319, 321, 322, 323, 387, 401, 402, 403, 404, 406
 Красе, 424, 425
 Кратер, 304, 312, 318
 Крачковский И.Ю., 510
 Крибб Дж., 430, 466
 Кристенсен А., 241
 Кругликова И.Т., 42
 Ксеофонт, 10, 252
 Ксеркс, 257, 258, 292, 384
 Ктесий, 10, 16, 248, 252, 253, 262, 382, 552
 Кубани, 31
 Кудзул Кадфиз (Кадфиз I), 418
 Кузьмина Е.Е., 44, 154, 161, 179, 184
 Куклина И.В., 44
 Курций, 11, 291, 292, 294, 299, 300, 301, 304, 305, 306, 307, 310, 311, 314, 316, 317, 318, 319, 322, 351, 377, 378, 382, 384, 554
 Курций Руф, 351, 378, 382, 384
 Куфтин Б.А., 130
 Күрәсәспә (Гершисп), 236
- Лазар Парпещи, 471
 Лал Б.Б., 245
 Лаодика, 360, 361, 371
 Левина Л.М., 43, 457
 Лившиц В.А., 5, 487, 511, 522, 552, 560
 Лисицина Г.Н., 43
 Литвинский Б.А., 4, 5, 40, 44, 127, 151, 153, 163, 184, 189, 278, 337, 456, 474, 533, 541
 Логофет Д.Н., 378
 Лукиан, 22
 Луконин В.Г., 430, 431, 432
 Лунина С.Б., 43
 Лурье И.М., 545
 Лухрасп (Арватаспа), 242, 246
- Майрхофер М., 44
 Мандельштам А.М., 127, 176, 474, 489, 533
 Мани, 27, 487, 505, 507, 514, 518

- Манушчир, 26
 Мар-Абу, 487
 Марик А., 499
 Марк Лициний Крас, 424, 425
 Марквард, PDF Compressor Free Version
 Маршак Б.И., 4, 432
 Масимов И.С., 145
 Маскета, 265
 Массон В.М., 41, 43, 126, 130, 135, 145, 146, 161, 182, 191, 192, 201, 206, 211, 215, 549
 Массон М.Е., 43, 126, 328, 477, 516, 545
 Мах, 437
 Махабхашья, 33
 Махавамса, 33
 Мейер, 320
 Митро (Митра), 437
 Митра (Михр Яшт), 183, 218, 223, 224, 229, 232, 237, 247
 Митридат I, 357, 358, 359, 362, 424, 555
 Митридат II, 362, 424
 Михр Нарсе, 469
 Михраман, 518
 Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский), 29
 Моисей Хоренский, 29, 428
 Мориси Т., 560
 Москаленко Н.А., 68
 Мохаммед Захир Шах, 388
 Мугуа, 415, 416, 417
 Мукаддаси, 31
 Муса, 426
 Мустаминди К., 43
 Мюллер Ф.В., 503
- Набарзан, 284, 286
 Нана, 440, 466
 Нанди, 437
 Нарайн А.К., 362
 Наршахи, 31, 217
 Нахид (Венера) Азахита, 228, 235
 Негматов Н.Н., 4, 307
 Неразик Е.Е., 43, 474, 477
 Николай, 16
 Никольский Н.М., 545
 Никонов А.А., 106
 Нони, 21
 Ньюли Г., 44, 501
 Ньюэлл Э., 331
 Ньюберг, 494
- Обельченко О.В., 43
 Овчинников П.Н., 113
 Одатиди, 227
- Окладников А.П., 48, 77, 78, 96, 97
 Оксидарт, 290, 291, 315, 316, 317, 387
 Ольденбург С.Ф., 544
 Онесикрит, 12
 Ордохшо, 437, 440
 Ород I, 424, 425
 Ород II, 425
 Охшо (божество), 437, 440
- Пакор, 426
 Пампелли Р., 126, 128, 202, 270
 Панни, 33
 Панталесон, 353, 355, 356, 364, 375
 Папак, 468
 Патанджали (II в. до н.э.), 33
 Патрокл, 14, 330, 378
 Пахлезат, 429
 Пахомов М.М., 72, 87, 106
 Пероз, 430, 471, 472, 483
 Перс, 254
 Пигулевская Н.В., 474
 Пифон, 322
 Пичикия И.Р., 6, 278, 279, 337, 391
 Платон, 361, 364
 Плацидас (Евстахий), 508
 Плоний, 20, 21, 324, 327, 328, 335, 373, 378, 379, 380, 555
 Плутарх, 16, 292, 319, 377, 378, 554
 Полибий, 13, 267, 288, 348, 351, 377
 Полнен (из Македонии), 257, 343
 Поликлит, 12
 Помпей, 16, 284, 285, 292
 Помпей Трог, 16, 292
 Порфирий (Тирский), 22
 Посидоний, 13, 18, 22
 Потье М.Э., 184
 Приск, 14, 15
 Присциан, 18
 Прокопий, 15, 476
 Птолемей, 12, 19, 292, 304, 335, 391
 Публий Красс, 425
 Пугаченкова Г.А., 42, 43, 215, 402, 403, 404, 440
 Пьянков И.В., 5
 Пьяикова Л.Т., 5, 42, 386
- Райт Г.Т., 194
 Райхельт, 494, 510
 Ранов В.А., 5, 6, 68, 526
 Рапопорт Ю.А., 270, 452
 Распопова В.И., 43
 Рашиу, 232
 Регул II, 339
 Робинсон, 319

- Розбех (Ибн-ал-Мукаффа), 30
 Роксана, 316, 317
 Ростовцев М.И., 321
 Ртвеладзе Э.В., 42, 291, 317, 433, 445,
 489
- PDF Compressor Free Version**
- Саалиби, 228
 Сагдуллаев А.С., 201, 210
 Саксафар, 257
 Сарниани В.И., 42, 43, 126, 138, 139,
 145, 146, 147, 161, 183, 184, 186,
 205, 211, 212, 434, 534, 557
 Сасаны (Сасаниды), 15, 27, 28, 29, 30,
 42, 426, 428, 431, 432, 468, 469,
 470, 475, 500, 501, 502, 503, 515
 Сатибарзан, 288, 290
 Саушьянт, 236
 Себеос, 29
 Селевк, 14, 324, 325, 326, 327, 328, 330,
 331, 332, 333, 334, 335, 338, 339,
 340, 343, 344, 345, 346, 347, 349,
 350, 383, 397
 Селевк I, 324, 325, 326, 330, 339, 347,
 349, 350
 Селевк II Каллиник, 339, 349, 350
 Селевк III Сотер, 350
 Селевк Никатор, 338
 Селевкиды, 41, 327, 330, 333, 334, 335,
 336, 338, 340, 341, 342, 344, 345,
 346, 347, 348, 349, 350, 351, 358,
 359, 360, 366, 371, 555
 Селезнев Л.Ф., 102
 Серипид, 358
 Симон Маг, 508
 Симон Петрус, 508
 Синарук, 424
 Сирак (Ширак), 257
 Сиринкс, 350
 Сисмигтр, 317
 Скитак, 17
 Скунх, 256
 Смирнов К.Ф., 44
 Смирнова О.И., 511, 541
 Соколов Ф.Ф., 5, 334
 Соловьев В.С., 6
 Сон Юн, 35, 474, 476
 Спандиад, 469
 Спаргапис, 253
 Спаретра, 252
 Спентодат (Исофандиар), 249
 Спетамен, 291, 292, 293, 299, 301, 302,
 309, 310, 312, 314, 315, 318, 321,
 327, 340, 554
- Стэгта Армати (божество), 228, 229,
 233
 Ставский Б.Я., 5, 466
 Стальмакова В.А., 72
 Стасанор, 323, 324
 Стейн, 510
 Страбон, 18, 292, 294, 301, 305, 317,
 320, 324, 330, 335, 340, 341, 343,
 344, 346, 348, 352, 353, 357, 371,
 374, 377, 378, 380, 384, 391, 409,
 498
 Струве В.В., 545
 Судашин (Воссангара), 505
 Сулейманов Р.Х., 66, 78, 90
 Сурены, 367, 469
 Сухарева О.А., 198
 Сэ, 421
 Сюань Цзян, 487
- Табари, 30
 Тамбракс, 350
 Таниоксарес (Танооксарес), 250
 Тансар, 230
 Тарзи З., 43
 Тарн В., 286, 290, 292, 307, 309, 319,
 320, 326, 327, 328, 349, 354
 Тахма Урупи (Тахмурас), 236
 Тацит, 14
 Теофраст, 378
 Тир (Меркурий) Тиштрия, 232, 235
 Тиридат, 343, 344, 345, 346, 358, 555
 Тиридат I, 346, 358
 Толстов С.П., 182, 452, 477, 545, 546,
 548, 549
 Толстова Л.С., 43, 48, 49, 116, 126, 314,
 453, 474, 521, 545, 546, 547, 548
 Томашек В., 293, 314, 317
 Томирис, 253, 257
 Тоси М., 44
 Трайтаун (Фаридун), 219, 236
 Тревер К.В., 292, 293, 473, 474
 Тун-Шеху, 487
 Туса, 30, 246
 Тюменев А.И., 545
- Удеумурадов Б.Н., 146
 Уди, 408
 Уилер М., 307, 558
 Усан (Усадан), 241, 242
 Ухшьят-орота, 236
- Фа Сянь (ок. 400 г. н.э.), 35
 Фавст Бузанд, 29, 431
 Фарасман, 311

Фарнук, 309
Феофраст, 20
Феридун, 43, 219, 236, 274
Филлимонова Т.Г., 6, 87, 95
Филипп, 28, 522, 523
Филлипп Э.Д., 44
Фирдоуси, 8, 30, 228, 236
Флавий Арриан, 11
Флавий Филострат, 21
Фраат I, 350, 357, 358, 359, 362, 409, 424, 426
Фраат II, 359, 362, 409, 424
Фраат III, 424
Фраат IV, 426
Фрада, 255, 368
Франграсьян (Афрасиаб), 239, 243
Франкофор А.П., 146, 387
Фратоферн, 286, 290, 322
Фрейман А.А., 511, 521
Фриапатий (или Фриапатак), 350, 357, 358
Фусман Ж., 521, 522

Хамса Исфалан, 30
Хансен О., 505, 508
Хань (династия), 34, 409
Ханьшу, 409, 410, 412, 414
Харватат (Хурдад), 229
Харес Митиленский, 227
Хармитта Я., 431, 510
Хаушьянох (Хушанг), 236
Хвалнида, 440
Хеннинг В.Б., 487, 494, 497, 499, 506, 510, 514, 517, 518, 521, 556
Херцфельд Э., 224, 430
Хлопин И.Н., 148
Хориек, 316, 386, 554
Хормизд, 430, 470
Хосров, 428, 472
Хоуаньшу, 34, 35, 409, 412, 418, 419, 421
Хуа, 475
Хувинька, 427
Хшатра Варья (Шахревар), 228, 229
Хшатригу II, 255
Хшадриша (Ксеркс), 257, 258, 292, 384
Хад Б. (?), 292

Цванцигером Р., 517
Цезарь, 16, 17, 28
Чандрагупта, 34, 324
Че Лян, 415
Чейлытко В.Р., 48

Чень Пань, 421
Чериковер В., 307, 328
Чжун, 421

Шалур, 26, 28, 230, 422, 428, 429, 430, 431, 432, 469, 470, 473, 505, 514, 516
Шалур I, 230, 422, 428, 431, 469, 470, 473
Шалур II, 431, 469, 470, 473
Шаралов Ш.Ш., 70, 72, 113
Шахермайр Ф., 300, 302
Шварц М., 508
Шварц Ф., 293, 318
Шир, 508
Ширак (Сирак), 257
Шишкин В.А., 549
Шкода В.Г., 486
Шломберже Д., 42, 402
Шофман А.С., 319
Штиль Р., 40
Штукки Р., 379

Эвандра, 341
Эвкратид, 352, 353, 354, 355, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 371, 373, 374, 375, 379
Эврипид, 21
Эвтидем, 331, 348, 349, 350, 351, 353, 354, 355, 356, 359, 360, 361, 363, 364, 371, 373, 375, 387, 408
Эвтидем I, 348, 354, 355, 356, 373, 375
Эвтидем II, 354, 356
Элий Феон, 22
Энгельс Ф., 47
Эратосфен, 17, 18, 19, 377
Эхил, 21, 264
Эфор, 15
Эфталиты, 471, 474

Юлиан, 431
Юлий Валерий, 12
Юстин, 16, 306, 320, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 346, 347, 350, 352, 353, 354, 357, 358, 359, 361, 362, 368, 408, 409, 412, 476
Юсуфов Х., 111

Ядропаев Н.М., 504, 512
Якуби, 30
Якубов Ю., 5
Якубовский А.Ю., 474, 475
Яблех, 21
Янг Т.К., 44

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абиссиния (Эфиопия), 257
 Авроман, 496, 517
 Австралия, 91, 121
 Агирия, 15
 Аджинатепе, 39, 513
 Аднабена, 28
 Азербайджан, 469
 Азыл, 62
 Айртам, 438, 448, 538
 Айханум, 23, 39, 320, 335, 337, 366, 369, 376, 379, 380, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 397, 398, 399, 400, 401, 404, 405, 520, 521, 522
 Акдзар, 74
 Акес, 10, 239, 240
 Аккупрук, 98
 Аккурган, 447
 Аксу, 88, 101, 481
 Аксу (р.), 88, 101, 459, 481
 Актам, 275
 Актамский могильник, 297, 536
 Актанги, 48, 91, 93, 107, 153
 Актета, 478, 479, 480, 481, 484, 485, 488, 490, 491
 Акчи, 213, 382
 Акчадарьинская дельта, 535
 Акчадарья, 482
 Акчунжур, 102
 Алабука (р.), 276
 Алайская долина, 539
 Адамкуль, 81
 Албаюк, 378
 Александрия, 12, 13, 17, 18, 21, 22, 33, 273, 306, 307, 308, 320, 327, 328, 330, 335, 368, 384, 387, 390
 Александрия в Арее, 18, 320, 384
 Александрия в Бактрии, 320, 368
 Александрия в Дрангиане, 320
 Александрия в Египте, 13
 Александрия в Маргиане, 320, 330
 Александрия в Паропамисадах, 33
 Александрия Египетская, 17, 390
 Александрия Кавказская, 307, 320
 Александрия Маргианская, 328
 Александрия на Оксе, 320, 327
 Александрия на Оксе (Александрия Оксиана), 320, 327, 387
 Александрия на Танансе, 320
 Александрия Оксиданская, 328
 Александрия Эската, 273, 306, 307, 308, 320, 327, 328, 330, 335
 Александрополь (или Александрия), 12, 13, 17, 18, 21, 22, 33, 273, 306, 307, 308, 320, 327, 328, 330, 335, 368, 384, 387, 390
 Алиджон, 171
 Аличурская долина, 88, 101
 Аличурский мост, 101
 Алтай, 15, 69
 Алтын-10, 553
 Алтынделе, 130, 131, 134, 135, 136, 145, 192, 194, 528, 529, 531, 532, 550, 551
 Аманкутан, 75, 77, 78, 79
 Амасия, 18
 Амуд (Амид), 39, 76, 171, 270, 277, 278, 279, 280, 332, 378, 431
 Амударьинский, 39, 171, 268, 270, 277, 278, 279, 280, 294, 296, 332, 333, 342, 378
 Амударья, 23, 32, 43, 94, 97, 98, 136, 147, 148, 149, 150, 163, 171, 174, 176, 186, 187, 203, 211, 214, 223, 239, 241, 246, 248, 253, 257, 266, 271, 290, 291, 293, 333, 363, 364, 365, 371, 373, 374, 377, 378, 384, 387, 408, 423, 434, 437, 438, 440, 445, 452, 453, 467, 486, 496, 499, 500, 519, 520, 539
 Амударья (Окс), 23, 32, 43, 94, 97, 98, 136, 147, 148, 149, 150, 163, 171, 174, 176, 186, 187, 203, 211, 214,

- 223, 239, 241, 246, 248, 253, 257, 266, 271, 277, 278, 279, 290, 291, 293, 317, 333, 337, 363, 364, 365, 366, 371, 373, 374, 377, 378, 379, 381, 384, 387, 391, 392, 394, 395, 397, 398, 401, 402, 405, 408, 423, 434, 437, 438, 440, 445, 452, 453, 467, 486, 496, 499, 500, 519, 520, 539, 553
- Амуль (Чарджоу), 248
- Анатолия, 121, 124
- Анау, 126, 128, 130, 136, 195, 201, 202, 206, 207, 270
- Анау IV, 270
- Ангрен (г.), 62, 79, 489
- Анджиданская область, 275
- Анкара, 343
- Антиохия, 14, 18, 22, 327, 328, 330, 335, 347
- Антиохия в Маргиане, 335
- Антиохия в Скифии, 327, 335
- Антиохия Маргианская, 330, 335
- Антиохия Тармата (Термез?), 18, 327, 335
- Аньси (гос-тво Аршакидов), 35, 409, 410, 417, 418
- Аньси (Парфия), 35, 409, 410, 417, 418
- Аорна, 384
- Апамея, 13
- Арабский халифат, 3
- Аракс (Амударья), 253, 256, 327
- Арацион, 179
- Арал, 378, 434
- Арали, 23
- Аралтепе, 458
- Аральское море, 223, 243, 256, 378, 535
- Аратта, 23
- Арахозия, 239, 349, 352, 353, 361, 368, 371, 418, 501, 502
- Арахосия, 7, 11, 14, 20, 24, 25, 33, 35, 44, 235, 284, 290, 320, 324
- Арея, 7, 11, 19, 202, 239, 240, 258, 262, 286, 288, 290, 323, 361, 368, 371, 384, 501
- Арея (Герат), 7, 11, 19, 202, 239, 240, 258, 262, 286, 288, 290, 323, 361, 368, 371, 384, 501
- Аржан, 189
- Ариана, 17, 18, 377, 523
- Ария (обл. Герата), 239
- Арктеле, 458
- Армения, 29, 255, 262, 425, 427, 428, 429, 431, 469
- Арта, 154
- Артакоин, 288, 290
- Аруктау (хр.), 96, 174, 462, 539
- Аруктауский могильник, 462
- Аршакидское государство, 515
- Асаак (Астаузна), 555
- Аспион, 371
- Ассирия, 201, 262, 379, 547, 560
- Астаузна (обл.), 555
- Атрак, 202, 224
- Атток, 353
- Аучин (Аучиндере), 139, 141, 144
- Афганистан, 4, 5, 31, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 66, 69, 83, 94, 126, 127, 141, 142, 143, 148, 174, 179, 182, 185, 235, 335, 375, 385, 388, 391, 417, 419, 424, 429, 430, 431, 434, 436, 448, 452, 470, 474, 490, 492, 519, 539, 562
- Афганский Туркестан, 412
- Афрасиаб, 39, 243, 267, 268, 269, 271, 333, 382, 433, 455, 511, 513, 519, 537
- Африка, 45, 47, 49, 51, 52, 53, 57, 61, 82, 83, 88, 91, 120, 121, 193, 262, 554
- Ахарун, 317
- Ахая, 384
- Ахвиз, 469
- Ахеменидская держава, 39, 250, 251, 252, 254, 255, 257, 258, 259, 265, 268, 270, 283, 284, 379, 407
- Ахеменидская империя, 226, 283, 299, 377, 384, 496
- Аштский район, 536
- Ашхабад, 117, 126, 419, 516
- Бабашов, 176
- Бадлахин, 35, 192, 317, 318, 379, 389, 474, 475, 476, 489, 491
- Бадгис, 28
- Бадхыз, 81
- Байсульская долина, 314
- Бактрийская сатрапия, 262, 286
- Бактрийское царство, 239, 241, 245, 246, 247
- Бактрия, 4, 6, 7, 9, 11, 13, 14, 22-26, 32, 33, 35, 39, 41, 42, 127, 136, 137, 411, 143-147, 149, 156, 161, 165-167, 170, 174, 179, 180, 184, 187, 189, 199, 200, 202, 206, 212, 214, 227, 235, 239, 241, 245-247, 249, 251, 252, 255, 258, 259, 262, 264, 265, 267-270, 273-275, 278, 279, 284-286, 288, 290, 293, 301, 309-312, 315, 317, 318, 320-324, 326,

- 328, 331-334, 336-344, 346-354, 356-361, 363, 366-371, 373-382, 384, 387, 389, 391, 392, 394, 397, 398, 400, 401, 404, 405, 408-410, 429, 430, 433, 436, 440, 447, 468, 487, 493, 498-501, 518, 520, 522, 523, 532-535, 537, 538, 540, 541, 543, 551, 552, 554, 557-559
- Бактрия (Бактриана)**, 19, 20, 286, 333, 340, 348, 357, 377
- Бактрия-Тохаристан**, 7, 42, 431, 432, 433, 435, 436, 437, 438, 440, 443, 445, 447, 449, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 464, 465, 483, 519
- Бактры (Зарнаста - Александрия в Бактрии?)**, 11, 21, 40, 227, 246, 269, 291, 293, 311, 312, 314, 318, 333, 340, 346, 368, 371, 374, 376, 382, 383, 387, 552
- Бактры (р.) (Амударья)**, 11, 21, 40, 227, 246, 257, 269, 291, 293, 311, 314, 318, 333, 340, 346, 368, 371, 374, 376, 382, 383, 387, 552
- Балалыктепе**, 39
- Балх**, 27, 29, 30, 31, 32, 40, 227, 243, 246, 248, 268, 269, 273, 368, 428, 431, 433, 438, 440, 443, 473, 476, 519
- Бальджуан**, 49, 317
- Бамнан**, 39, 499, 520
- Бампур**, 136
- Бангуванский оазис**, 212
- Бань Гу**, 34
- Баракикурук**, 163, 166
- Барактам I**, 480, 482
- Барзаент**, 290
- Барка**, 262, 267, 554
- Басмандасай**, 481
- Бахди (Бахири)**, 235
- Беграм**, 39, 434, 558
- Бекабад**, 103
- Белая пустыня**, 244
- Белуджистан**, 147, 182, 184, 186, 211
- Белхистунская надпись (скала)**, 24, 254, 255, 256, 257, 494
- Бешкент I**, 174, 178
- Бешкент II**, 174, 178
- Бешкент III**, 174, 178
- Бешкентская долина**, 49, 96, 98, 127, 174, 177, 178, 462, 463, 478, 481, 489, 540
- Бешкентский могильник (БМ)**, 462
- Бикни (Демавенд)**, 24, 236
- Билувуртепе**, 458
- Ближний Восток**, 61, 62, 64, 69, 83, 84, 88, 89, 90, 91, 93, 97, 113, 120, 121, 201, 264, 282, 424, 425, 426, 441, 464, 543, 551
- Бозсу**, 80
- Болдай**, 266
- Боливия**, 124
- Большая Соляная пустыня**, 244
- Бордер**, 82
- Борыказган**, 64
- Бричмулла**, 78
- Бубакена**, 318
- Бугута**, 511
- Булайнк**, 507
- Бульёнпюён**, 48, 107, 111, 112, 114
- Бустан**, 141, 532
- Бухара**, 31, 161, 217, 408, 414, 432, 472, 477, 511, 513
- Бухарский оазис**, 161, 454, 455, 461, 486, 513, 533
- Бухарский Согд**, 454, 483, 511
- Вавилон**, 9, 25, 250, 251, 258, 267, 283, 322, 324, 333, 358
- Вазкенд**, 487
- Вахшу (Амударья)**, 32
- Варахша**, 39, 511, 513
- Варзоб**, 179
- Варна**, 235
- Вахан**, 35, 476, 542
- Вахш (р.)**, 23, 56, 57, 69, 74, 87, 88, 95, 98, 106, 127, 166, 167, 170, 171, 177, 277, 317, 337, 377, 378, 387, 391, 433, 437, 440, 462, 487, 513, 526, 529, 533, 539
- Вахш I**, 171
- Вахшская долина**, 48, 170, 266, 481, 490
- Вахшский хребет**, 532
- Вашгирд (Файзабад)**, 499
- Великая Армения**, 424
- Верхний Инд (Чилас)**, 39, 520
- Византийская империя**, 9
- Вишпаузатиш**, 256
- Ворукаша (Каспийское море)**, 217, 233, 235, 248
- Ворукаша (Каспийское моря)**, 217, 233, 235, 248
- Ворухское ущелье**, 541
- Восточная Бухара**, 317
- Восточная Туркмения**, 42, 528, 531
- Восточное Приаралье**, 203, 457
- Восточное Средиземноморье**, 407, 424, 425, 434

- Восточный Иран, 8, 27, 30, 32, 33, 39, 40, 41, 147, 184, 187, 216, 219, 224, 225, 249, 319, 320, 377, 502
 Восточный Памир, 48, 88, 94, 99, 100, 154, 155, 210, 216, 277, 281, 294, 295, 297, 537, 543
 Восточный Туркестан, 4, 27, 35, 350, 373, 473, 474, 475, 483, 487, 499, 500, 504, 510, 511, 517, 520, 537, 560, 561, 562
 Вуадиль, 534
 Вуадильский могильник, 534
 Габиза (Газаб), 317
 Гавгамелы, 283, 285, 286, 288, 308
 Газа, 302
 Гайраттепа, 458
 Гакуш, 81
 Галикарнасс, 9
 Гандхара, 352, 474, 475
 Ганьсу, 415
 Гаофу (Жабул), 418
 Гарикамарбанд (Бельт), 103
 Гебекчи, 516
 Гедросия, 290, 324
 Гекатомтил (Шахри-Кумис), 516
 Гекатомтилы, 350
 Гелот, 171
 Геоксюр, 131, 528, 529, 531, 532, 536
 Георгиевский бугор, 48, 80
 Герат, 28, 223, 235, 239, 243, 258, 288, 320, 384, 431, 501, 502
 Герируд (Теджен), 116, 131, 160, 239, 286, 344, 350, 377, 527, 528
 Гн (верх. Бухара), 414
 Гибинь (Кашмир), 418
 Гиндукуш, 11, 20, 22, 106, 133, 160, 185, 239, 245, 247, 352, 353, 354, 357, 359, 363, 368, 373, 375, 377, 419, 469, 475, 501, 522, 523
 Гирдайтепе, 144
 Гиркания, 7, 11, 12, 19, 24, 43, 212, 244, 250, 251, 252, 255, 286, 341, 344, 345, 350, 359, 362, 377, 426, 427
 Гирканское море, 378
 Гиссар, 113, 136, 147, 161, 511, 538
 Гиссарская долина, 74, 88, 113, 168, 169, 170, 171, 176, 317, 363, 364, 365, 386, 419, 440, 441, 443, 486, 513, 532, 538
 Гиссарская крепость, 365
 Гиссарский край, 317
 Гиссарский могильник, 489
 Гиссарский хребет, 70, 74, 87, 317, 481, 488
 Гоби, 512
 Гонур 1, 138, 141, 144
 Греко-Бактрийское царство, 13, 41, 338, 345, 346, 347, 349, 350, 351, 354, 357, 359, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 380, 381, 407, 408, 409, 410, 424, 436, 554
 Греция, 9, 11, 23, 219, 263, 366, 369, 441
 Грузия, 53, 469
 Гуджайли, 162
 Гуджарат, 230
 Гунванлинг, 53
 Гурган, 23, 28, 235, 341
 Гургдара, 68
 Гяуркала, 268, 269, 270, 383, 433, 487, 513, 521
 Давань (Фергана), 35, 415, 416
 Дагана, 97, 113
 Даганакник, 419
 Дальверзинтепа, 433, 438, 444, 445, 447, 488, 519, 538, 558
 Дальний Восток, 66
 Дальнясай, 481
 Дамаск, 16
 Дангаринская долина, 462
 Дара, 345
 Даранкалон, 94
 Даранмазор, 74
 Даранишур, 91, 94, 95, 97, 106
 Дарбазакыр, 116
 Дахана (Сев. Тадж.), 151, 152, 163, 164, 165, 166, 180
 Дахана (Юж. Тадж.), 151, 152, 163, 164, 165, 166, 180
 Дахистан, 201, 202, 212, 213, 215
 Дахя (Бактрия), 35, 363, 369, 408, 409
 Дашлы, 138, 139, 141, 143, 144, 179, 214, 534
 Дашлы 1, 138, 139, 144, 214
 Дашлы 3, 138, 139, 141, 143, 179, 214, 534
 Дашти, 160, 161, 185, 214
 Дашти Ашт, 214
 Дашти Козы, 160, 161, 185
 Даштиджум, 444, 519
 Дашти-Кавир, 493
 Даштиурдакон, 487
 Двуречье, 560
 Делос, 23
 Дельфы, 23

- Деметрия, 351, 352, 353, 354, 355, 356,
 357, 358, 360, 364, 368, 375, 408
 Денау, 333, 438
 Джагата, 519
 Джамбульская область, 64, 298
 Джамбульский музей, 291
 Джанбас-4, 116
 Джанбаскалинский канал, 546, 547
 Джаркуль, 171, 172, 173
 Джаркутан, 67, 68, 136, 137, 139, 140,
 141, 144, 176, 184, 189, 206, 532,
 551
 Джебел, 48, 103
 Джебказган, 125
 Джейтун, 48, 117, 130
 Джейхун (Амударья), 248
 Джигатепе, 520
 Джизак, 301
 Джилантау, 111
 Джилау, 159
 Джиликуль, 69
 Джиликульская переправа, 170
 Джулсай, 488
 Джунагадха, 557
 Дильберджин, 39, 490, 519, 520
 Дингильджа, 267, 268, 269, 271, 482
 Дрангиана (Сакхстана), 7, 11, 27, 43,
 239, 241, 242, 248, 284, 290, 323,
 349, 352, 361, 368, 371, 380, 424,
 501
 Драпскан (или Драпсы, Адрпсы),
 368, 384
 Древний Восток, 127, 136, 188, 407,
 548, 551, 562
 Дунгчатепе, 459
 Дуньхуан, 415, 504, 509, 510
 Душанбе, 42, 44, 88, 91, 419, 434, 438,
 440, 441, 443, 446, 510, 519, 532,
 538
 Душанбинка (р.), 48, 384, 441
 Душанбинское городище, 6, 365, 384,
 385, 386, 442
 Дюссельдорф, 65
 Евксинский Понт (Черное море), 378
 Евразийский континент, 127
 Евразия, 44, 53, 82, 83, 94, 120, 121,
 127, 150, 161, 180, 184, 185
 Европа, 15, 17, 53, 57, 61, 62, 66, 84, 85,
 88, 89, 91, 126, 182, 229, 262, 461,
 493, 515, 518, 525, 544, 546
 Евфрат, 20, 327, 359, 424, 426, 515
 Египет, 12, 18, 21, 22, 25, 38, 254, 258,
 262, 263, 267, 358, 379, 434, 496,
 545, 548
 Елькенцете, 136, 204, 214
 Ери, 159
 Ефталы (Яфталы), 475
 Железные ворота (в р-не Дербента), 36
 Жемчужная река (Сырдарья), 36
 Жигатепе, 23
 Заалайский (хр.), 99
 Загрос, 97, 121
 Загросские горы, 83
 Закавказье, 362, 424, 434, 472, 492
 Заманбаба, 161, 162, 186, 533
 Зангтепа, 34, 519
 Западная Фергана, 301, 458
 Западное Припамирье, 318
 Западный Иран, 182, 224, 277, 468, 492
 Западный Памир, 34, 154, 537, 542
 Зараутсай, 39, 102
 Зардча Халиф, 160, 186
 Зардча Халифа, 160, 186
 Зарзи, 103
 Зарнаста, 311, 312, 314, 368, 382
 Заркамар, 168
 Зартепе, 438, 445, 447, 477, 519
 Зауралье, 379
 Захматабал, 541
 Земм, 471
 Зерабулак-Каратиобе, 153
 Зеравшанская долина, 80, 186
 Зирабулак, 79, 80, 90
 Зирабулак (хр.), 79, 80, 90
 Змутк, 489, 491
 Зортепинский могильник, 458
 Зосун, 541, 542
 Зурмала, 438
 Изаткули, 212
 Известковый камень, 101
 Израиль, 53, 65
 Инд, 17, 143, 147, 148, 184, 251, 513, 518
 Индийский океан, 20, 251, 352, 380,
 441
 Индийский субконтинент, 189, 531
 Индия, 11, 14, 21, 31, 33, 34, 61, 91, 124,
 127, 181, 185, 186, 189, 230, 257,
 322, 324, 330, 331, 334, 338, 352,
 353, 354, 356, 357, 361, 378, 380,
 419, 429, 434, 436, 438, 440, 466,
 474, 475, 490, 503, 515, 518, 522,
 527, 551, 556, 557, 560

- Индостан, 148
Иран, 4, 27, 30, 40-43, 69, 83, 103, 130, 133, 136, 143, 145, 146, 181, 182, 184, 185, 188, 192, 201, 211, 213, 215, 226, 229, 230, 250-252, 254, 255, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000
- Иранская держава, 470
Иранский Курдистан, 517
Иранский Хорасан, 211, 516
Иранское нагорье, 239, 244, 434, 492, 493, 522
Иранское плато, 24, 121, 136, 182, 212
Исса, 288
Иссыкуль, 106, 410
Истахр, 230, 502
Истыкская пещера, 101
Исфарасай, 383
Исфаринский район, 541
Иттыккалан, 103
Иудея, 14
Ичкилик, 543
Ишкат, 247
Ишкашимский район, 542
Иштихан, 472
- Йемен, 468
- Кабаднианский район, 446
Кабудан, 472
Кабул, 33, 141, 239, 320, 418, 434, 518, 522, 558
Кават, 213, 241, 242
Кавказ, 22, 64, 83, 88, 90, 125, 126, 183, 377, 428, 434
Казахстан, 125, 153, 170, 180, 189, 203, 279, 457, 461, 534, 548, 562
Кайрагач, 479
Кайраккумы, 48, 67, 68, 153
Каланмир, 268, 272, 273, 388
Камбоджа, 33, 245
Каменное городище, 391
Кампыртепе, 291, 333, 387, 445, 446, 447, 519, 520
Кангурт, 112, 163, 171
Кангурттут, 49, 107, 112, 114, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 170, 188, 532
Кангха (Канг), 243
Кангюй (Канг), 35, 409, 412, 414, 415, 416, 421, 423
Кандгар, 23, 44, 320, 519
Канибадам, 68
Кансавья (оз.), 236, 242
Канчоч, 159
Каписа (Беграм), 36, 434, 499, 558
Капиш, 33
Капталокля, 339, 349, 358
Карабалгасун, 504
Карабалгасунская надпись, 512
Карабулак, 541
Карабура, 48, 67, 69, 70, 74, 80, 81
Карадарья, 274
Карадепе, 131, 133, 528, 529, 532, 536
Караджарский могильник, 462
Карадимур, 154, 155
Каракамар, 23, 82, 84
Каракудук, 536
Каракуль, 99, 101
Каракуль (оз.), 99, 101
Карамазарские горы, 153
Карамайдан, 50, 60
Карамаңды, 88
Каратау, 49, 50, 56, 57, 58, 59, 61, 64
Каратау Казахстанский, 64
Каратегин, 317, 318
Каратепе, 26, 431, 438, 439, 486, 488, 513, 519, 522, 561
Каратумшук, 101
Карашар, 475, 499
Карианды, 17
Кариаты, 368, 384
Каримберды, 171, 206, 207
Каркадбетселох, 28
Карры, 333, 425
Карши, 293, 513
Каршинский оазис, 433, 455, 458, 472, 473, 483
Касан (вер. Кушан), 422
Каскырбулак, 103
Каспийские ворота, 228
Каспийское море, 12, 18, 19, 23, 28, 90, 156, 248, 253, 330, 341, 358, 377, 434, 500
Каспийское моря, 18, 19, 23, 28, 90, 156, 248, 253, 330, 341, 358, 500
Катта-Курган, 422
Каттасай, 481
Каунды, 213
Кафирноган (р.), 63, 106, 170, 174, 178, 179, 273, 317, 364, 365, 434, 462, 533
Кафих, 65, 66, 82
Кафыркала, 487, 513, 519
Каш (Кашгар?), 422, 470
Кашгар, 421, 422

- Кашкадарьинская область, 481
 Кашкадарьинский Согд, 206
 Кашкадарья, 162, 239, 271, 293, 314, 317, 419, 422, 433, 454, 455, 468,
 PDF Compressor Free Version
 Келиф, 291, 292, 382
 Келлели 3, 138, 139
 Келлелинский оазис, 144, 146
 Кельтеминар, 48, 106-109, 114-118, 150, 160, 161
 Кердера, 521
 Керкух (Керки), 248
 Керманский оазис, 188
 Кесария, 15, 16
 Кетменьтюбинская долина, 296
 Кеш (г.), 293, 414, 422, 472
 Кеш (Кушания?), 293, 414, 422, 472
 Кызылрабат, 214, 537
 Кизылтепе, 204, 206, 552
 Киликия, 345
 Кимы, 15
 Киндаклитепе, 454
 Кипр, 323
 Кира – Кироксата – Кирополь, 10, 16, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 256, 258, 262, 264, 265, 269, 297, 299, 301, 302, 304, 305, 307, 382, 383, 553
 Кира (р. Кура), 10, 16, 245, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 256, 258, 262, 264, 265, 305, 378, 383, 434
 Киргизия, 48, 49, 61, 63, 80, 88, 121, 153, 154, 296, 511, 525
 Кирена, 17, 262
 Кирополь (Курошата), 252, 269, 297, 299, 302, 304, 305, 307, 383, 553
 Китаб, 293, 455
 Китай, 19, 34, 35, 38, 53, 61, 66, 91, 122, 299, 415, 417, 421, 429, 434, 435, 436, 438, 461, 475, 481, 483, 487, 515, 546, 559
 Класнес, 82
 Книд, 10
 Койногтау (хр.), 63
 Кой-Крылган-кала, 521
 Коканд, 305
 Коккум, 539, 540
 Кокуйбель, 154
 Кокча (р.), 106, 148, 151, 369, 388, 389, 535
 Кокча 3, 151, 535
 Копетдаг (хр.), 106, 116, 118, 127, 128, 130, 131, 133, 136, 138, 145, 146, 147, 211, 271, 463, 528
 Красноводский полуостров, 81, 90
 Кроманьон, 82
 Крорайна, 520, 560
 Крым, 83, 88, 493
 Косениппа, 314
 Ксиров (могильник), 462
 Ктесифон, 426, 427, 468
 Кувадлан (Шаартуз), 499
 Куевкурган, 490
 Кулисуйфин, 74
 Кульбулак, 48, 49, 62, 66, 79, 90
 Кульдара, 49, 50, 53, 54
 Куляб, 88, 317
 Кулябская обл., 206, 318
 Кумсай, 168, 169, 170, 532
 Кумтепинская скала, 74, 75
 Куникала (Ашхабад), 117, 126, 419, 516
 Куянуаз, 266
 Курак, 305
 Кургантепе, 454
 Курган-Тюбе (г.), 63, 69, 88, 167, 170
 Куркат, 459, 488
 Куртеке, 154
 Курукада, 305
 Куруксай, 49
 Курукшегра, 32, 245
 Кутатырсай, 101
 Кутурбулак, 79, 80, 90
 Кухишнэз, 63
 Кухистан, 433
 Кухходжа, 39
 Кухнабай, 113
 Кучар, 421
 Кучи, 499
 Кучуктепа, 204, 205, 206, 479, 485, 537
 Кушания, 414, 422
 Кушанское царство, 417, 419, 429, 437, 468, 470, 483, 546, 557
 Кушаншахр (страна Кушан), 26, 422, 470
 Кушлиш, 103
 Куяктепе, 458
 Куясай, 214
 Кызылкумская пустыня, 80
 Кызылкыр, 455
 Кызылрабат, 154
 Кызылча, 267, 269, 273
 Кюзелигыр, 266, 267, 268, 271, 553
 Ланьши (вер. Александрия – Балх), 409
 Лариссы, 12
 Лахути, 49, 50, 53, 59-61, 64, 69
 Левант, 93, 97

- Лемнос, 21
 Ленинский (пос.), 171
 Лидия, 251, 257, 262
 Лондон, 279, 277, 467, 507
 Луни (р.), 43, 66
 Луристан, 143
 Лявлякан (оз.), 151

 Магадха, 32
 Магарис (?), 18
 Магнан, 87
 Магнесия, 348
 Мадаудепе, 212
 Мазандаран, 244
 Мазари Шариф, 382
 Майдапатта, 171
 Македония, 20, 425
 Маконимор, 171
 Малая Азия, 9, 10, 11, 15, 17, 18, 19, 21,
 22, 147, 251, 252, 257, 262, 278,
 334, 343, 348, 349, 366, 379, 394,
 405, 424
 Малый Тибет (Ладак), 419
 Мараканда, 269, 293, 299, 300, 309, 310,
 312, 314, 315, 382, 383, 384, 553
 Маранджан, 474
 Мартиана, 4, 19, 24, 43, 127, 136, 137,
 138, 139, 141, 143, 144, 145, 146,
 147, 156, 183, 184, 187, 195, 199,
 200, 202, 204, 206, 211, 212, 224,
 239, 252, 254, 255, 259, 264, 268,
 269, 274, 275, 317, 328, 330, 335,
 348, 371, 374, 382, 383, 427, 500,
 523, 538, 551
 Маркансу (р.), 101
 Маркуран, 428
 Мат, 436
 Матча (р.), 541
 Мачайская пещера, 526
 Машале, 154
 Меана, 117
 Мегалополь, 13
 Мели, 387, 391
 Мемакены, 304, 305
 Мемфис, 25, 263
 Мерв (Мару), 26, 27, 28, 43, 223, 235,
 239, 243, 270, 382, 383, 431, 433,
 464, 465, 468, 471, 484, 487, 501,
 502, 511, 513, 516, 522, 538
 Мервский оазис, 255, 271, 383, 463, 500
 Мергар, 186
 Месопотамия, 23, 125, 135, 143, 145,
 146, 183, 192, 195, 201, 325, 327,
 343, 350, 359, 362, 379, 424, 425,
 427, 431, 492, 545
 Мешхед, 501
 Мидийское царство, 250
 Мидия, 227, 251, 254, 255, 262, 264, 283,
 426, 427, 468, 502, 555
 Милет, 17, 292, 328, 369
 Мирина, 15
 Митанни, 183
 Можеташ (могильник) 2, 294
 Молали, 141, 149, 177
 Монголия, 36, 69, 91, 408, 436, 504, 511,
 512
 Монжукльдепе, 117, 527
 Мор (Мерв), 26, 27, 28, 43, 223, 235,
 239, 243, 270, 382, 383, 431, 433,
 464, 465, 468, 471, 484, 487, 501,
 502, 511, 513, 516, 522, 538
 Мохенджодаро, 136
 Муг, 509, 510, 511
 Муттепе, 273
 Музрабадская степь, 537
 Муминабад, 162, 533
 Муздагак, 135, 136
 Мунчактепе, 434, 459
 Мургаб, 127, 136, 139, 141, 144, 145,
 156, 195, 202, 224
 Мургабский район, 101
 Мыс Безымянный, 304, 536

 Навазак, 248
 Навкратис, 22
 Надлиа, 242, 320
 Намалгадепе, 130, 131, 136, 192, 194
 Нарс, 26, 469, 516
 Нарын, 105, 274, 276
 Науката, 48
 Нахшеб, 472, 513
 Неизаташ, 102
 Немроз, 29
 Несеф (Нехшеб, Карши), 293, 513
 Никомедия, 11
 Ницевия, 22
 Ниппур, 516
 Ниса (Нисайа, Старая Ниса), 39, 235,
 267, 282, 298, 344, 371, 372, 401,
 402, 403, 404, 405, 406, 464, 465,
 495, 496, 516, 517, 555, 556
 Нифмансай, 305
 Нишапур, 243, 422
 Ниязбатырский могильник, 275
 Новабад, 543
 Нуратинские горы, 314

- Нурек (Нурекские могильники), 166, 168, 169, 179
- Нурекская ГЭС, 74, 526
- Нурекское водохранилище, 74, 88, 95, 163, 170
- Нуртепа, 273, 305, 538
- Обиборик, 87
- Обикинк, 91, 95, 97
- Обилингар, 99
- Обимазар, 50, 53, 56, 59, 60, 69
- Обирахмат, 48, 78, 79, 90
- Обишир, 94, 103
- Огзикичк, 48, 71, 72, 73, 74, 75, 83
- Оджук, 87
- Ойкуль, 171
- Океания, 91, 193
- Окс (Вахш, Амударья), 23, 32, 43, 56, 57, 69, 74, 87, 88, 94, 95, 97, 98, 106, 127, 136, 147-150, 163, 166, 167, 170, 171, 174, 176, 177, 186, 187, 203, 211, 214, 223, 239, 241, 246, 248, 253, 257, 266, 271, 277, 278, 279, 290, 291, 293, 317, 333, 337, 363, 364, 365, 366, 371, 373, 374, 377, 378, 379, 380, 381, 384, 387, 391, 392, 394, 395, 397, 398, 401, 402, 405, 408, 423, 433, 434, 437, 438, 440, 445, 452, 453, 462, 467, 486, 487, 496, 499, 500, 513, 519, 520, 526, 529, 533, 539, 553
- Олиф, 11
- Ормиздакан, 468
- Орхон, 512
- Ох (Герируд), 239, 286, 344, 350, 377
- Ох (Теджен), 116, 131, 160, 239, 344, 377, 527, 528
- Ош, 186, 275, 307
- Ошхона, 48, 99, 100, 101, 103
- Ошхонаджилга (р.), 99
- Пайкули, 26, 516
- Пакистан, 66, 69, 70, 513, 519, 534
- Палестина, 15, 16, 61, 82, 262
- Пальмира, 429
- Пальтау, 79
- Пальтаусай, 78
- Памир, 5, 35, 39, 49, 88, 101, 102, 154, 174, 215, 276, 277, 377, 421, 475, 535, 536, 537
- Памиро-Алай, 275, 528
- Панджшир-Нуристан, 375
- Паний, 15
- Панополь, 21
- Паретахена (Парейтахена), 317, 318
- Парнасс, 20
- Паропамис (Гиндукуш), 11, 20, 22, 106, 133, 160, 185, 239, 245, 247, 352, 353, 354, 357, 359, 363, 368, 373, 375, 377, 419, 469, 475, 501, 522, 523
- Паропамисады, 368, 371
- Парс (Персида), 254, 262, 427, 428, 468
- Партукка (Парфия), 24
- Парфия, 6, 7, 11, 14, 16, 17, 19, 24, 26, 43, 202, 212, 214, 224, 251, 252, 254, 255, 258, 259, 262, 267, 274, 275, 286, 322, 323, 324, 334, 338, 339, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 350, 351, 357, 358, 359, 367, 369, 401, 402, 404, 405, 406, 407, 408, 410, 412, 416, 417, 419, 424, 425, 426, 427, 464, 465, 500, 515, 535, 555, 559
- Парфянская держава (царство), 343, 362, 366, 367, 369, 427
- Пасаргад, 270, 403
- Паталипутра, 32, 466
- Патиграбан, 256
- Патушарра, 24
- Пахтаабд, 170, 538
- Пенджаб, 491
- Пенджикент, 39, 156, 160, 364, 419, 433, 472, 477, 480, 485, 487, 511, 513, 519, 529, 535, 536, 541, 542
- Пенджикентский оазис, 5, 127, 156
- Пергам, 344, 358, 390
- Передняя Азия, 182, 186, 187, 250, 537
- Персеполь, 25, 257, 258, 262, 263, 270, 283, 379, 496, 502
- Персида (Персия), 10, 249, 250, 254, 262, 270, 274, 427, 502
- Персидское царство (держава), 9, 14, 16, 17
- Пешавар (Пашкабур), 419, 422, 436, 470, 474
- Поволжье, 187, 536, 540
- Политимет (Зеравшан), 310, 377, 378, 382
- Помпея, 17, 324, 338, 339, 409
- Понт, 349
- Преса, 22
- Приаралье, 48, 49, 150, 151, 160, 161, 162, 170, 183, 189, 202, 203, 270, 277, 298, 473, 527, 535, 536, 539, 540, 541, 543
- Прикаспий, 97, 103, 148, 286, 441, 470
- Присарыкамьшская дельта, 214, 266

- Пролетарск, 301
 Профатсия – (или Фрада, Фра), 255, 264, 320, 368
 Пуду (Арахосия – Газли), 7, 11, 14, 20, 24, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

- 490, 498, 511, 532, 537, 538, 541, 542, 554, 559, 561
- Согдийская скала, 315, 316, 317
- Сотейра, 368
- Спарта, 10
- Средиземное море, 4, 76, 83, 382, 399, 426, 434, 545, 558, 562
- Среднеазиатское междуречье, 4, 6, 114, 291, 328, 407, 408, 414, 419, 435, 459, 460, 465, 500, 524, 537, 538, 539, 541, 543
- Средний Восток, 83, 429
- Средняя Азия, 3-9, 11-45, 47-51, 53, 54, 59, 61, 62, 64-66, 70-72, 74, 76, 80-83, 85, 88-91, 93, 94, 102, 103, 105-107, 111, 114, 116, 118, 120, 121, 125-128, 143, 146, 147, 149, 155, 156, 162, 163, 165, 179-190, 192, 193, 195, 196, 198, 199, 201-204, 206, 207, 210-212, 214-216, 218, 219, 224, 225, 229, 239, 241, 247, 249, 250, 251, 252, 255, 257, 259, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 273, 274, 277, 279, 280, 281, 288, 290, 292, 294, 296, 297, 298, 299, 305, 309, 310, 314, 315, 318, 319, 320, 321, 322, 324, 325, 327, 330, 333, 334, 335, 336, 337, 351, 359, 364, 366, 373, 378, 380, 394, 407, 408, 410, 412, 414, 416, 417, 418, 419, 422, 423, 424, 427, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 438, 443, 449, 452, 454, 456, 458, 459, 465, 466, 468, 469, 471-478, 480, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 498, 500, 511, 513, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 527, 528, 533, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 543, 544, 545, 546, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 556, 558, 559, 560, 561, 562
- Стагир, 20
- Суджина, 542
- Сузы, 10, 25, 262, 268, 283, 327, 333, 379, 496, 515
- Сулиетык, 101
- Султануцдаг, 536
- Сумбар (долина), 63, 147, 148, 224, 528, 529, 531
- Сумбар (могильник), 63, 147, 148, 224, 528, 529, 531
- Сумбар (р.), 63, 147, 148, 224, 528, 529, 531
- Сурх, 466, 467, 541
- Сурхан, 317, 433
- Сурхандарьинская долина, 438, 478
- Сурхандарья, 145, 317, 440, 443, 444, 478, 485, 488, 490, 526, 553
- Сурхдаг, 242
- Сурхкотал, 436
- Сурхоб (р.), 106, 317
- Сусе (Кеш – Шахризаб), 293, 414, 422, 472
- Сусия, 288
- Сузи, 25
- Схул, 66, 82, 525
- США, 5, 124
- Сырдарья, 12, 14, 21, 32, 36, 43, 63, 68, 127, 151, 223, 252, 266, 270, 271, 280, 301, 306, 307, 327, 330, 352, 373, 383, 409, 414, 457, 474, 482
- Табаристан, 31
- Таджикен, 203, 243
- Тадису (р.), 72
- Такназарн, 364
- Таксила, 353, 355
- Талакан, 470
- Талибарзу, 454
- Тамошотепи, 364, 365
- Тананс (Сырдарья), 12, 21, 228, 286, 301, 306
- Тангсикьяльджа, 212
- Тангузар (урочище), 74
- Тандырул, 168, 169, 177, 188, 532
- Тантракзан, 64
- Талурия, 358
- Тарса, 345
- Тарьмкая, 536
- Тахирбай, 141, 145, 187
- Тахирбай 3, 141, 145, 187
- Тахтакарача, 77, 293
- Тахти Сулейман, 208
- Тахтикубад (Тадж.), 379, 387, 391
- Тахтикубад (уроч.), 379, 387, 391
- Тахтикубад-2, 391
- Тахтисангин, 23, 277, 278, 279, 287, 294, 296, 298, 333, 337, 365, 366, 379, 380, 381, 387, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 405, 491
- Ташкент, 43, 78, 274, 414, 419, 480, 498, 548
- Ташкентский оазис, 156, 210, 259, 274, 474

- Ташкумыр, 48, 94, 105
Ташкурган, 290
Тегузак, 163, 164, 165, 166, 167, 170, 180, 188
Теджен, 116, 131, 160, 239, 344, 527, 528
Теджен, 116, 131, 160, 239, 344, 527, 528
Теккемдепе, 136
Тепаншах, 364, 365, 446, 447, 450, 539
Тепе Гиссар, 147, 551
Тепе Заргаран, 382
Тепенгазиён, 113
Термез, 18, 26, 291, 327, 328, 333, 364, 365, 384, 387, 432, 433, 437, 438, 443, 445, 447, 448, 471, 477, 482, 486, 488, 519, 520, 522, 537
Термезский оазис, 477, 479, 488
Тешикташ, 47, 75, 76, 77, 78, 79, 121, 525
Тешикташский хребет, 391
Тибет, 99, 436, 537
Тигровая Балка, 171, 173, 188, 189, 534
Тиктермес, 541
Тилькидепе, 212
Тиялтепе, 380
Тимаргарха, 534
Тир, 22, 235
Тиркаштепа, 479
Тоги (Вазаристан), 519
Тоголов, 21, 138, 141, 143, 183
Тоголокеде, 117
Токкала, 559
Толстова стоянка, 43, 48, 49, 116, 126, 182, 314, 452, 453, 474, 521, 545, 546, 547, 548, 549
Топраккала, 39, 433, 453, 454, 480, 485, 521, 559
Тосор, 48, 80
Тохаристан, 8, 27, 35, 39, 422, 430, 432, 449, 452, 468, 470, 471, 472, 476, 478, 479, 481, 482, 484, 486, 487, 499, 513, 520
Травсиана, 358
Трансоксиана, 333, 377
Тува, 189
Туданкалон, 458
Тулейкенская группа, 275
Тулхар, 176, 177, 533, 539, 540
Тулхарский могильник, 462, 540
Тумеккичиджик, 116
Тупхона, 440, 441, 442, 538, 541, 542
Туран, 248, 428
Турова, 371
Туркмения, 4, 48, 49, 63, 64, 69, 81, 83, 105, 106, 116, 126, 127, 128, 130, 131, 132, 133, 135, 136, 141, 143, 147, 149, 161, 185, 186, 192, 194, 195, 201, 212, 215, 256, 270, 328, 410, 433, 464, 468, 491, 516, 536, 541, 550, 551
Туркмено-Хорасанские горы, 239, 240, 241
Турсундаде, 87, 168
Турткуль, 116
Турфан, 497, 503, 504, 507, 517, 560
Турфанский оазис, 27, 507, 509
Туса, 30, 243, 246
Туттибулах, 88
Туткаул, 48, 91, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 170, 526, 527, 533
Ту-хо-ло (Тохаристан), 499
Туянтау (хр.), 174
Тхор, 513
Тянь-чжу (Центральная Индия), 419
Тяньша (Индия), 557
Тяньшань, 43
Узбекистан, 4, 47, 48, 49, 62, 66, 75, 79, 80, 88, 90, 103, 105, 121, 126, 127, 145, 174, 176, 214, 273, 275, 332, 363, 364, 365, 385, 419, 433, 447, 468, 474, 478, 525, 539, 548, 558
Узбой, 43, 516
Узген, 307
Уйгурский каганат, 512
Уйсу (р.), 99
Улугдепе, 131, 136, 194, 204
Ураказабария (Гиркания), 24, 244
Урал, 182, 183
Ура-Тюбе, 273, 305, 383, 538
Урва, 235
Ургенч (г.), 116, 414
Урузган, 519
Урук, 23
Успенский рудник, 125
Уструшана, 6, 43, 271, 302, 308, 309, 312, 458, 459, 468, 479, 481, 484, 498, 513, 537
Устьорт (плато), 536
Утерхала, 391
Учкуль, 99
Ушгурмулло, 438, 486
Файзабадский район, 60, 364
Фаяктепе, 438, 519, 520, 522

- Фергана, 4, 6, 7, 35, 43, 61, 62, 80, 94, 103, 105, 118, 186, 210, 214, 270, 274, 275, 276, 277, 297, 408, 409, 410, 414, 415, 416, 417, 423, 433, 458, 459, 460, 461, 468, 474, 479, 482, 483, 488, 534, 536, 541, 559
- Ферганская долина, 106, 127, 151, 201, 202, 203, 207, 210, 214, 274, 275, 300, 350, 373, 422, 511, 513, 534, 536
- Фермопиты, 264
- Филлипы (битва), 425, 426
- Фильмаандар, 479
- Франция, 5, 45, 65, 82, 122
- Фригия, 325, 350
- Фринкент, 536
- Фулиши, 473
- Фуллол, 39, 142, 179
- Фуму (Кушания в долине Зеравшана), 414
- Хаджиабат, 516
- Хазратишоҳ, 206
- Хайдаркан, 61
- Хайрабад, 510
- Хайтуман (Хильменд), 235, 239, 242
- Халчаян, 39, 440, 521
- Хамадан, 25
- Хамбузтепе, 298
- Хамун, 241, 242, 248
- Халта Хэнду (Семиречье), 235
- Халуздепе, 528
- Хара, 148, 224, 235, 247
- Харайва (Герат, Харой?), 235
- Харакс, 20
- Харалпа, 136, 149
- Харахвати (Арахосия), 235
- Харкуш, 49, 87, 481, 488, 489
- Харойу (Герат), 247
- Хивинское ханство, 548
- Хильменд, 235, 239, 242
- Хиндустан, 470
- Ховалинг, 60
- Ходжа Бакырган, 459
- Ходжамазгиль, 90
- Ходжау, 103
- Ходжент, 305, 307, 383
- Ходжи Пийад, 382
- Ходжингор, 67, 88
- Ходжикент, 78
- Хонако (урочище), 50, 60, 68, 69
- Хорасан, 27, 29, 470, 503, 516
- Хорасмья, 553
- Хорасмия, 17
- Хорезм, 4, 7, 26, 32, 39, 43, 150, 151, 156, 213, 225, 239, 240, 241, 246, 247, 251, 252, 256, 258, 259, 262, 265, 267, 268, 270, 271, 274, 275, 282, 298, 311, 334, 367, 414, 415, 419, 422, 423, 428, 433, 452, 453, 454, 456, 457, 465, 468, 477, 480, 481, 482, 483, 485, 500, 501, 513, 521, 523, 546, 547, 548, 549, 552, 553, 559
- Хорезмийское царство (держава), 239
- Хорезмский оазис, 239, 536
- Хоренова скала, 316
- Хоту, 103
- Хошар (р.), 59
- Храм Окса, 287, 337, 391, 561
- Худжанд, 68, 271, 273, 302, 307, 308, 383, 459
- Худжи, 48, 70, 71, 83
- Хулистан, 468, 469
- Хутталиан (Хутталь), 36, 317, 499
- Цейлон, 33
- Центральная Азия, 4, 44, 135, 147, 149, 159, 190, 282, 362, 391, 472, 473, 493, 498, 504, 506, 507, 514, 518, 520, 540, 545
- Центральная Индия, 244, 419
- Центральная Монголия, 36, 511
- Центральный Иран, 130, 244, 493
- Центральный Казахстан, 154, 180
- Центральный Тянь-Шань, 276
- Чагаллыдепе, 117
- Чаганиан, 317, 471, 477, 483, 487, 520
- Чайнохотепези, 124
- Чакалактепа, 479, 490, 491
- Чакка, 162
- Чаталгююк, 124
- Чаткал, 78, 80
- Чаткал (р.), 78, 80
- Чач (Ташкент), 202, 210, 259, 270, 274, 275, 276, 280, 414, 422, 423, 456, 457, 458, 459, 461, 468, 498, 513
- Чач (Чагастан), 202, 210, 259, 270, 274, 275, 276, 280, 414, 422, 423, 456, 457, 458, 459, 461, 468, 498, 513
- Чештебе, 101
- Чжоукоутянь, 122
- Чиналыкдепе, 212
- Чилек, 491
- Чильхона, 542
- Чильхуджра, 479, 482, 511
- Чирикрабат, 298, 536, 539, 541

- Чирчикангрская долина, 259, 274
 Чол, 28, 470
 Чоландеде, 117
 Чорку (Кирг.), 88
 Чормаглак **PDF Compressor Free Version**
 Чу (р.), 80
 Чуйская долина, 106
 Чустское поселение, 208
 Чушкагузар, 291

 Шаартузский район, 97, 519, 539
 Шанч-ми (Чаткал), 78, 80
 Шарт, 276
 Шаршар (Данг. р-он), 71, 171, 179
 Шаршар (Куйб. р-он), 71, 171, 179
 Шатил-Бридж (Мост Шатил), 513
 Шахдада, 188
 Шахри Сохта, 136, 192
 Шахринау, 70, 363, 419, 448
 Шахринауское городище, 364, 443, 448, 449
 Шахристан, 39, 67, 91, 305, 511
 Шахристансай, 481
 Шахрисябз, 293, 314, 414
 Шахтепе (Иран), 136, 182
 Шахты (грот), 48, 102
 Шаштепе, 274
 Ше-ки-ни (Шугнан), 499
 Ширин, 128, 202, 273, 459
 Ширинсай, 459, 541
 Ширкент, 49, 75, 87, 481, 488
 Ширкент (р.), 49, 75, 87, 481, 488
 Шортугай, 148, 149, 174, 186
 Шриланка, 91
 Шугнан, 36, 499
 Шугноу, 48, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 93, 94, 98
 Шуман, 317
 Шумер, 126, 545
 Шуроб, 291, 292
 Шуробурган, 291
 Шурчинский оазис, 141, 145
 Шуштер (Тустар), 469

 Эвкратидея, 368
 Эдесса, 28
 Эйлатан, 274, 275
 Экбатаны, 10, 257, 262, 283, 311, 333, 358, 379

 Эстаг (Алтай), 15
 Элам, 143, 145, 195
 Элевсин, 21
 Элефантина (Египет), 25, 263
 Эликкалинский район, 453
 Эранг, 27
 Эрес, 20
 Эритрейское моря (Индийский океан), 20
 Эркалата, 270, 383
 Эфес, 268, 382, 508
 Эфиопия (Абиссиния), 23, 257

 Ю, 415, 416, 452, 453, 474, 475, 510
 Юго-Восточная Азия, 52, 53, 91, 513
 Юго-Западная Туркмения, 43, 224, 529
 Южбок II (Джаушангоз), 154
 Южная Азия, 76, 562
 Южная Бактрия, 143, 145, 179, 204, 211, 212, 290, 381, 387, 470, 534, 553, 557
 Южная Сибирь, 279, 534
 Южное Приаралье, 126, 127, 150, 203, 528, 541
 Южный Афганистан, 135, 136, 184, 211, 286
 Южный Казахстан, 4, 64, 297, 521
 Южный Согд, 202, 454
 Южная Узбекистан, 4, 126, 127, 139, 141, 144, 215, 365, 443, 519
 Юни (Шаш – Ташкент), 414

 Яван, 23, 324
 Яванская долина, 106
 Яванский Каратау (хр.), 56
 Яванское городище, 478, 490, 491
 Яз I, 202, 206, 207, 210, 211, 212, 215, 523
 Яз II, 523
 Язтепе, 268, 271
 Яксарт (Сырдарья), 14, 305, 307, 320, 328, 330, 409
 Ялангачтепе, 192
 Янгаджа, 90
 Янь, 423
 Япония, 436
 Яхсу (р.), 48, 84, 106, 113, 171
 Яхья, 136

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.	3
Глава I. Источники и литература.	7
Памятники, написанные на древних местных языках. Авеста. Греческие и латинские источники. Вавилонско-ассирийские источники. Ахеменидские царские надписи и эламские документы. Арамейские тексты. Пахлевиийские письменные памятники. Сирийские литературные источники. Армянские литературные памятники. Авторы мусульманского времени. Индийские источники. Китайские источники. Древнетюркские рунические надписи. Вещественные источники. Изобразительные источники. Нумизматические материалы. Обзор литературы.	
Глава II. Каменный век.	45
Периодизация каменного века. Значение труда в формировании человека. История изучения каменного века Средней Азии.	
Нижний палеолит (800-200 тыс. лет тому назад).	49
Антропологи – четвертичный период Таджикистана. Происхождение человека и его расселение по Земле. Кульдара – древнейший палеолитический памятник Средней Азии. Каратау – самый значительный памятник нижнего палеолита в Южном Таджикистане, Лахути, Обимазар, завершение нижнего палеолита в Южном Таджикистане. Другие стоянки нижнего палеолита в Южном Таджикистане. Другие стоянки нижнего палеолита в Средней Азии. Находки древних орудий в нестратифицированных условиях.	
Средний палеолит (200-35 тыс. лет).	64
Особенности мустьерской техники раскалывания камня. Физический облик неандертальцев. Распространение неандертальца и мустьерской культуры. Памятники мустьерской культуры в Таджикистане и Средней Азии. Леваллуа-мустьерские памятники Северного Таджикистана: Джаркутан и Кайраккумы. Мустье Южного Таджикистана: миграция или эволюция? Карабура. Мустьеро-соанская индустрия в Южном Таджикистане. Худжи. Леваллуа-мустьерский технический вариант эпохи мустье. Огзикичик. Технический вариант мустье типичное. Отдельные находки мустьерских изделий в Южном Таджикистане. Стоянки Семганч, Акджар, Кумтепинская скала. Мустьерские памятники Узбекистана. Тешкиташ и погребение неандертальца. Аманкутан. Многослойная пещерная стоянка Обирахмат. Грот Ходжикент. Зубчатое мустье Кульбулака, типичное мустье Кутурбулака. Зирабулак и другие мустьерские находки в Узбекистане. Мустьерские памятники Киргизии. Леваллуа-мустье Тосора и мустьеро-соанский вариант Георгиевского Бугра. Мустьерские находки на юго-западе Туркмении.	

Верхний палеолит (35-12 тыс. лет).....	82
Эпоха верхнего палеолита и его особенности. Кроманьонец – человек эпохи верхнего палеолита. Культурные области эпохи верхнего палеолита. Природные условия второй половины верхнего плейстоцена в Средней Азии. PDF Compressor Free Version Литическая стоянка Шугноу в Южном Таджикистане. Стоянка Харкуш в отрогах Гиссарского хребта. Отдельные находки верхнепалеолитических орудий в Таджикистане. Ходжигор – верхнепалеолитическая стоянка в Киргизии. Верхний палеолит в Узбекистане. Самаркандская стоянка. Другие памятники верхнего палеолита в Узбекистане. Верхний палеолит в пустынях Средней Азии.	
Мезолит и эпипалеолит (12-6 тыс. лет).....	90
Определение мезолита и эпипалеолита. “Экологический кризис” в эпоху мезолита. Актанги – многослойная пещерная стоянка в предгорьях Туркестанского хребта. Многослойное поселение Туткаул в Дангаринском районе. Пещерная стоянка Дарашур. Открытая стоянка Обикик. Открытая стоянка Чильчорнашма. Другие пункты с мезолитическими находками в Таджикистане. Эпипалеолитические памятники Таджикистана. Бешкентская культура. Эпипалеолитические находки на поселении Сайёд. Маркансуйская культура – эпипалеолит памирского высокогорья. Ошхона – высокогорная эпипалеолитическая стоянка на Востоком Памире. Другие стоянки маркансуйской культуры. Истькская пещера – многослойный памятник на реке Судистык. Рисунки каменного века в гроте Шахты. Мезолитические памятники в других районах Средней Азии.	
Неолит (гиссарская культура) – 6-2(?) тыс. до н.э.	105
Границы распространения и природные условия времени существования гиссарской культуры. Происхождение, абсолютная и относительная хронология памятников гиссарской культуры. Керамика в памятниках гиссарской культуры. Основные памятники гиссарской культуры в Южном Таджикистане. Туткаул. Сайёд. Гиссарское поселение Бульёнпоян. Поселение Кунгуртут. Экономическая основа гиссарской культуры. Этнические общины в эпоху неолита. Кельтеминарская этнокультурная общность – неолит равнинной части Среднеазиатского междуречья. Сазаганская группа памятников в зоне контакта между гиссарской и кельтеминарской культурами. Джейтунская культура Туркмении – первые земледельцы в Средней Азии.	
Заключение.....	118
Культурогенез в каменном веке Таджикистана. Ископаемый человек в Средней Азии. Развитие общественных отношений в эпоху каменного века.	
Глава III. Энеолит и бронзовый век.....	124
Открытие плавки меди. Открытие бронзовых сплавов. Изучение памятников бронзового века. Историко-культурные зоны и регионы. Энеолит и бронзовый век в оседло-земледельческой и степной зонах.	
Южная Туркмения.....	128
Периодизация и хронология комплексов энеолита и бронзового века. Энеолит юга Туркмении. Ранняя и развитая бронза. Возникновение ранних городов. Поздняя бронза.	

Бактрийско-маргианский археологический комплекс.....	136
Распространение памятников. Поселения и архитектура. Погребальный обряд. Материальная культура. Хронология и внутренняя периодизация. Проблема происхождения бактрийско-маргианского комплекса. Юго-Западная Туркмения. Харалпское поселение на берегах Амударьи.	
Культура бронзы.....	149
Южное Приаралье. Кайракумская культура Северного Таджикистана. Киргизия в эпоху бронзы. Памятники эпохи бронзы на Памире. Другие районы. Контакты степных и земледельческих племен.	
Долина Зеравшана.....	156
Пенджикентский оазис. Бухарский оазис. Самаркандский оазис.	
Южный Таджикистан.....	163
Экология и особенности культурно-хозяйственного развития на юге Таджикистана. Горные поселения. Погребальные обряды. Стоянка степной бронзы в среднем течении Вахша. Могильники Гиссарской долины и окрестностей г.Нурека. Могильники низовьев Вахша и Кизылту. Могильники долины Кафирнигана. Случайные находки эпохи бронзы. Этнокультурные процессы на юге Таджикистана в конце бронзового века. Средняя Азия и индоевропейская проблема.	
Общественная организация и мировосприятие.....	190
Размеры первобытных коллективов. Эгалитарное (уравнительное) общество. Переход к классовому обществу. Мировосприятие, обряды, мифологические образы.	
Глава IV. Ранний железный век. Авеста. Древнейшие государственные образования.....	201
Памятники материальной культуры.....	201
Ранний железный век в Средней Азии. Историко-культурные зоны и регионы. Хозяйство и общественная организация племен Средней Азии и первой трети I тыс. до н.э. Культуры расписной керамики на юге Средней Азии. Культуры расписной керамики на севере Средней Азии. Проблемы общности культур расписной керамики и их происхождения. Культура архаического Дахистана. Степные культуры. Погребальные обряды и культы. Проблемы этнической истории.	
Авеста.....	216
Общество Авесты. Семья и ее состав. Рабы. Жилище. Род. Селение. Соседская община. Племя. Союз племен. Область. Объединение областей по Михр Яшту. Развитие производительных сил. Ремесло. Город.	
Духовная культура. Религия.....	225
Древнейшая религия иранских племен. Заратуштра. Бактрия и родина зороастризма. Первоначальный зороастризм. Авеста и ее история. Сохраняющаяся часть Авесты.	
Религиозная система зороастризма.....	231
Дуализм. Пантеон. Naturфилософия, космогония и легендарная история. Зороастрийская этика. Обрядность.	
Древнейшие государственные образования.....	238
Большой Хорезм. Царства древних кави.	
Глава V. Средняя Азия в Ахеменидскую эпоху.....	250
Политическая история Средней Азии в середине VI – начале V в. до н.э.....	
Завоевание Киром II Средней Азии. Борьба среднеазиатских народов против завоевателей. Восстания против Ахеменидов в Маргиане, Парфии, стране саков.	

Положение среднеазиатских областей в составе эллинистического государства.....	128
Структура Александрийского государства. Области Средней Азии в составе Александрийского государства.....	128
Хозяйство Средней Азии в V-VI вв. до н.э.....	128
Экономика Средней Азии в древности. Ремесло. Пищевое.....	128
Культура и искусство.....	170
Памятники Южной Туркмении, Хорезма, Согды и Бухарии. Городские Бабурдизит IV. Памятники Чарчин-Ангорской долины и Ферганы. Памятники садов Панжиро-Азия. Изобразительные искусства.....	170
Глава VI. Борьба народов Средней Азии против греко-македонского завоевания.....	205
Начало греко-македонского вторжения в Среднюю Азию.....	205
Ростом эллинистической державы. Структура греко-македонского войска и его вооружение. Зоват Бухарии. Перестроены через Андариан. Зоват Бесса. Ослабление войска среднеазиатских народов.....	205
Первый этап борьбы народов Средней Азии против греко-македонского войска.....	240
Зоват Александром Македонским Мирразианда. Первые вооруженные выступления против завоевателей. Начало общего восстания. Восстание саки устроившиеся городов. Вопрос о локализации восставших племеней. Основание Александрии Эсфата. Борьба эллинистический саки. Восстание в центральной части Согдианы. Победы Спитамена. Уверное истребление жителей Согдианы.....	240
Второй этап борьбы народов Средней Азии против греко-македонских завоевателей.....	301
Военно-политические мероприятия Александра зимой 329/328 г. Борьба согдийцев против завоевателей в 328 г. до н.э. Покор Спитамена в Бухарии. Последствия походы Спитамена освободить Согдиану и его победы.....	301
Третий этап борьбы народов Средней Азии против греко-македонских завоевателей.....	305
Оборона "Согдийской скалы". Оборона "Коринфской скалы". Оборона других горных крепостей. Локализация горных крепостей. Борьба бухарцев за свободу.....	305
Последствия греко-македонского завоевания.....	308
Глава VII. Средняя Азия в эллинистическое время.....	322
Согд, Бухария и Парфия при Селевкидах.....	322
Смерть Александра Македонского и переход сатрапий.....	324
Внеэллинистическое Селевкидского государства и его влияние на Восток.....	324
Сакки I и эллинистическое государство. Административное устройство государств. Организация наместничества на Востоке.....	327
Борьба народов Средней Азии с Селевкидами в конце IV - начале III в до н.э.....	327
Судьба городов, основанных Александром Македонским.....	330
Монетный чекан.....	330
Области Средней Азии в составе эллинистического государства во второй четверти III в. до н.э.....	333
Селевкиды и восточные сатрапии.....	335
Колонизационная политика Селевкидов в Средней Азии.....	335
Города Средней Азии в эллинистическое время. Самаркандская культура эллинистического времени в Средней Азии.....	335

Глава VIII. Греко-Бактрия. Парфия (III-II вв. до н.э.)	338
Политическая история	338
Отложение Бактрии и Парфии от Селевкидов. Первое отделение Парфии. Приход к власти Аршака. Становление Парфянского царства. Бактрия во второй половине I в. до н.э. Диодот II. Эвтидем I. Поход Антиоха III на Восток. Деметрий. Цари Бактрии 70-50 гг. II в. до н.э. Эвкратит и Митридат I. Парфия при Митридате I. Эвкратит и его монеты. Эвкратит и Гелиокл. Платон. Падение Греко-Бактрийского царства. Монеты греко-бактрийских царей в Таджикистане.	
Социальные отношения	365
Рабовладение и общественный строй. Города и сельская округа. Государственное устройство. Сельское хозяйство. Иригация. Денежное обращение. Проблема эллинизации Бактрии.	
Экономика и культура Бактрии эллинистического периода	377
Экономика. Сельское хозяйство. Добыча золота. Полезные ископаемые. Торговля и ремесла. Города Греко-Бактрии. Душанбинское городище. Греко-Бактрийский город Айханум. Храм Окса на Тахтисангине. Искусство Греко-Бактрии.	
Глава IX. Средняя Азия греко-бактрийских царей и вторжение кочевых племен	407
Причины гибели Греко-Бактрийского царства. Китайские источники о разгроме Греко-Бактрии. Данные античных источников. Сопоставление китайских и античных источников. Государственные образования в Средней Азии конца II-I вв. до н.э. Бактрия. Кангюй. Фергана.	
Сложение и расцвет кушанского царства	417
Периодизация истории кушанского царства. Сложение кушанского царства при Кадфизе I и Кадфизе II. Расцвет кушанской державы. Капишка. Взаимоотношения Кушанского государства с Китаем в конце I – начале II вв. н.э. Войны из-за оазисов Синьцзяна. Сфера влияния кушан в Средней Азии.	
Парфия в конце II в. до н.э. – начале III в. н.э.	424
Борьба Парфии со среднеазиатскими кочевыми племенами. Парфия и Рим. Парфяно-римские взаимоотношения во второй половине I в. до н.э. – первой половине I в. н.э. Ослабление Парфии и захват власти династией Сасанидов.	
Распад кушанского государства	427
Экономика Средней Азии в кушанский период	432
Земледелие и иригация. Города и ремесла. Внешняя и внутренняя торговля.	
Культура кушанской знати и культурные традиции среднеазиатских областей	435
Идеологическая политика кушанского государства. Культура Северной Бактрии. Культура Хорезма. Культура Согда. Культура Чача. Джетысарская культура. Культура оседлого населения Ферганы и Уструшаны. Культура скотоводов в Среднеазиатском междуречье. Культура Южного Туркменистана в I-III вв. н.э.	
Глава X. Средняя Азия в IV-V вв.	468
Политическая история	
Внешнеполитическая обстановка в Средней Азии в IV-V вв. н.э. Внутриполитическая обстановка. Этническая история Средней Азии. Хиониты. Кидариты. Эфталиты. Города и поселения. Ремесло. Земледелие. Денежное обращение. Торговля.	

Культура Средней Азии в IV-V вв. н.э.	483
Архитектура и фортификация. Религиозные верования. Искусство.	
Глава XI. Письменные памятники на иранских языках народов Средней Азии. ...	492
Иранские языки.	
Авеста.	500
Памятники согдийского языка. Согдийские надписи. Среднеперсидские надписи на территории Средней Азии. Среднеперсидские манихейские памятники письменности. Памятники парфянского языка. Парфянские манихейские памятники письменности. Письменные памятники на бактрийском языке. Памятники хорезмского языка. Памятники неизвестной письменности.	
Глава XII. Палеоантропология древнейшей и древней Средней Азии.	524
Древнейшие люди на территории Средней Азии. Палеолит. Мезолит и неолит. Энеолит на юго-западе Средней Азии. Эпоха металла – бронза. Земледельцы древней Бактрии и Согды. Скотоводы древней Бактрии. Земледельцы и степняки Ферганы. Население Южного Приаралья. Эпоха раннего железа. Север Средней Азии. Ранние кочевники Ферганы. Правобережная Бактрия. Население Согды и Уструшаны. Население Маргианы. Античное время. Население Правобережной Бактрии. Население Южного Приаралья. Горный Согд. Западный Памир.	
Глава XIII. Социально-экономические отношения и структуры.	544
Разработка проблемы социально-экономического строя древней Средней Азии. На заре цивилизации. Середина и вторая половина I тыс. до н.э. Конец I тыс. до н.э. – первые века н.э.	
Примечания.	563
Список сокращений.	721
Указатель имен.	725
Указатель географических названий.	732

PDF Compressor Free Version

ИСТОРИЯ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

Том I

Древнейшая и древняя история

Утверждено к печати Институтом истории, археологии и этнографии им. А.Дониша АН Республики Таджикистан

Редактор: *В.Д.Привознова*

Компьютерный набор. Макет подготовлен в Институте истории, археологии и этнографии им. А.Дониша.

Формат 60x84. Печ. л. 47. Усл. печ. л. 44. Уч.-изд. л. 60.
Тираж 5000. 752 стр. 1998 г.

На суперобложке использована карта "Великий шелковый путь" из книги "Детская Советская Энциклопедия", - М., 1962 г.

“С У Р У Ш”

Издательство радио и телевидения Исламской Республики Иран